

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

Class	Book	Volume
506	S.F.I.H	Set 8, V. 5

F 11-20M

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 14 1977
JUN 30 1977

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПО
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕННЮ.

ТОМЪ V.
(СЪ 10 ТАБЛИЦАМИ).

MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE
ST.-PÉTERSBOURG.

CLASSE DES SCIENCES HISTORICO-PHILOLOGIQUES.

VIIIe SÉRIE.

TOME V.
(AVEC 10 PLANCHES).

C.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1902. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Еггерса и Комп. и К. Л.
Риннера въ С.-Петербургѣ.
Н. И. Карбаснинова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Илюнина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.
Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Pétersbourg.
M. N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna.
M. N. Ogloblina à St.-Pétersbourg et Kiéf.
M. M. Kluckine à Moscou.
M. E. Raspopof à Odessa.
M. N. Kymmel à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 8 р. 50 к. Prix: 21 Mk. 25 Pf.

СОДЕРЖАНИЕ V ТОМА. — TABLE DES MATIÈRES DU TOME V.

№ 1. Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1901. (II + 276 страницъ). № 2. Фр. Вестбергъ. Отрывки изъ Готскаго Топарха (Anonymus Tauricus) X-го вѣка. Съ 10 таблицами. 1901. (II + 126 страницъ). № 3. Г. Н. Шмидъ. Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. 1901. (I + 9 страницъ). № 4. И. Н. Минлашевскій. Доимочная книга 7202 — 7203 гг. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Бѣлаго и Земляного городовъ. А. С. Лаппо-Данилевскій. Мостовыя и рѣшеточныя деньги въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ. 1902. (III + X + 73 страницъ). № 5. С. Н. Браиловскій. Одинъ изъ пѣстрыхъ XVII-го столѣтія. 1902. (II + XXI + 112 страницъ).	№ 1. Compte-rendu du XLIe concours pour les prix du comte Ouvarov. 1901. (II + 276 pages). № 2. F. Westberg. Die Fragmente des Toparcha Gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10-ten Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. 1901. (II + 126 Seiten). № 3. G. Schmid. Ioannes Bochius à Moscou en 1578. 1901. (I + 9 pages). № 4. I. Michlachevski. Un livre de recette des contributions, destinées à entretenir les ponts et les barrières de Moscou à la fin du XVII-me siècle. A. Lappo-Danilevski. Mémoire sur l'histoire des corvées et des contributions, destinées à entretenir les ponts et les barrières dans les villes moscovites au XVII-me siècle. 1902. (III + X + 73 pages). № 5. S. Brailovski. Carion Istomine, l'un des représentants du «parti conciliateur» dans le mouvement littéraire en Russie au XVII-me siècle. 1902. (II + XXI + 112 pages).

Digitized by the Internet Archive
in 2016

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ V. № 1.

Volume V. № 1.

ОТЧЕТЪ

0

СОРОКЪ ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1899 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1901. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Ключина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гассель) въ Лейпцигѣ.
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glazounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Var-
sovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
E. Raspopof à Odessa,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 2 р. — Prix: 5 Mrk.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 Сентября 1900 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ Н. О. Дубровинымъ .	1— 22
I. Разборъ сочиненія профессора Голубева: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Т. II. 1898 г. Рецензія профессора П. В. Знаменскаго	23— 50
II. Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Отзывъ А. Лаппо-Данилевскаго о книгѣ М. Дьяконова: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.). С.-Петербургъ, 1898 г.	51—175
III. Разборъ сочиненія профессора Д. И. Багалѣя: «Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ)». Т. I (1802—1815). Рецензія В. И. Срезневскаго	177—216
IV. Разборъ сочиненія В. И. Шенрока: «Матеріалы для біографіи Гоголя». Томы I—IV. Москва. 1892—1897 гг. Рецензія А. И. Кирпичникова. . .	217—227
V. Разборъ сочиненія П. О. Бобровскаго: «Исторія лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка». Семь томовъ. С.-Петербургъ, 1892—1898 гг. Рецензія А. З. Мышлаевскаго	229—243
VI. Разборъ сочиненія П. Е. Тимошенко: «Литературные первоисточники и прототипы трехъ-сотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ». Рецензія Э. Курца.	245—276

ОТЧЕТЪ

0

СОРОКЪ ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

25 СЕНТЯБРЯ 1899 Г.

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій и сверхъ того одно, отложенное отъ прошлаго конкурса за непредставленіемъ отзыва рецензента. Для разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ вице-президента Академіи академика Л. Н. Майкова и академиковъ: А. Н. Веселовскаго, В. В. Латышева, А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова. Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свою оцѣнку и заключеніе къ назначенному для того сроку.

По полученіи рецензій, за исключеніемъ одной, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, коммиссія единогласно признала вполне отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою премією въ 1500 руб. сочиненіе С. Голубева: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, Т. II, Кіевъ. 1898.

Оцѣнку этого сочиненія, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя профессоръ Петръ Васильевичъ Знаменскій.

Представленный въ Императорскую Академію Наукъ профессоромъ Голубевымъ на соисканіе Уваровской преміи трудъ является вторымъ томомъ сочиненія, котораго первый томъ еще въ 1883 г. былъ увѣнчанъ Святѣйшимъ Синодомъ преміей митрополита Макарія.

Подобно первому тому, новая работа проф. Голубева обладаетъ богатѣйшимъ содержаніемъ, рѣдкимъ по самостоятельности изслѣдованіемъ и значительнымъ количествомъ научныхъ новостей и составляетъ поэтому для русской исторіи важное и цѣнное пріобрѣтеніе.

„Читателя — говоритъ почтенный рецензентъ — прежде всего поражаютъ въ немъ громадная эрудиція автора: нѣтъ, кажется, книги и статьи по исторіи юго-западной церкви Могилинскаго времени, которыхъ бы онъ не прочиталъ съ полнымъ вниманіемъ и критической оцѣнкой“. Не довольствуясь для своего изслѣдованія уже извѣстными въ печати матеріалами, онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, отыскивалъ въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ музеяхъ, архивахъ и библіотекахъ новые памятники и источники. Въ его примѣчаніяхъ и приложеніяхъ указываются сборники Московской Синодальной библіотеки, рукописные памятники разныхъ архивовъ, бумаги библіотекъ каноника Петрушевича, графа Дзѣдучинскаго и Оссолинскихъ, памятники Краковскаго музея Чарторижскихъ, наконецъ, произведенія старопечатной литературы, русской и польской, которыя по своей рѣдкости и малоизвѣстности представляютъ громадную научную цѣнность.

Содержаніе книги г. Голубева состоитъ изъ обзорѣнія разныхъ сторонъ дѣятельности Петра Могилы за время его служенія въ санѣ митрополита. Сюда вошли свѣдѣнія объ его дѣятельности, направленной къ упроченію и фактическому осуществленію свободы вѣроисповѣданія и разныхъ церковныхъ правъ, возвращенныхъ православію при Владиславѣ IV, объ его борьбѣ на литературномъ поприщѣ за православіе противъ иновѣрческихъ посягательствъ; о возстановленіи имъ православныхъ храмовъ, много потерпѣвшихъ

во время торжества уни; о борьбѣ противъ разныхъ безпорядковъ въ самомъ строѣ юго-западной церкви, усилившихся подъ вліяніемъ пережитыхъ ею бѣдствій. Притомъ, въ самомъ началѣ сочиненія, въ краткомъ и мастерскомъ очеркѣ состоянія церковныхъ дѣлъ Кіевской митрополіи при вступленіи Могилы на ея кафедру, выяснены главныя потребности времени, которымъ должны были удовлетворять перечисленныя стороны его дѣятельности.

Съ точки зрѣнія изложенія и характера изслѣдованія слѣдуетъ замѣтить, что авторъ, задавшись цѣлью изобразить многостороннюю дѣятельность Могилы въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени и съ дѣятельностью его сотрудниковъ, часто вынужденъ былъ отклоняться отъ главнаго своего предмета и, касаясь самыхъ разнообразныхъ сторонъ Могиллинской эпохи, вдаваться въ многочисленные и нерѣдко очень обширные эпизоды. Отъ этого значительно теряетъ вѣшность изложенія въ единствѣ и стройности, такъ что сочиненіе проф. Голубева является не столько спеціальною монографіею о Петрѣ Могилѣ, сколько сборникомъ разныхъ свѣдѣній, относящихся къ состоянію юго-западной русской церкви при Могилѣ вообще.

Отрѣшившись, однако, отъ нѣкоторой, хотя и законной, требовательности относительно вѣшности изложенія, необходимо, въ виду самаго содержанія труда проф. Голубева, признать его книгу богатѣйшимъ вкладомъ въ нашу историческую науку и, въ частности, въ исторію юго-западной Руси, оказывающуюся еще далеко не разработанной во многихъ подробностяхъ.

Изъ числа особенно ярко или оригинально освѣщенныхъ имъ эпизодовъ нельзя не упомянуть разсказа о занятіи Могилою кіевской кафедры еще при жизни его предшественника Исаіи и о борьбѣ, въ лицѣ этихъ двухъ митрополитовъ, двухъ различныхъ партій духовнаго міра: партіи либеральной (Могила), недовольной старымъ русскимъ образованіемъ, требовавшей заимствованія латинской науки и мечтавшей даже о возможности взаимообщенія между православною и латинскою церквами при условіи сохраненія чистоты православія и полной самостоятельности за тою и другою церковью, — и партіи консервативной (Исаія), осуждавшей всякое об-

щеніе съ иновѣрцами, отрицательно относившейся къ мірекой наукѣ и настаивавшей на старомъ церковномъ образованіи исключительно по духовнымъ книгамъ.

Равнымъ образомъ, авторъ впервые обстоятельно разсмотрѣлъ исторію попытокъ короля Владислава IV примирить возбужденныя религіозныя партіи въ государствѣ путемъ созданія новой уніи между православными и уніатами и отдѣленія затѣмъ юго-западной церкви отъ греческой съ подчиненіемъ ея папѣ.

Далѣе, при разборѣ литературной борьбы православія съ иновѣрцами, авторъ является не только большимъ знатокомъ южно-русской литературы, но и тонкимъ цѣнителемъ ея и усерднымъ библіографомъ: онъ даетъ множество указаній на мало-извѣстные и вовсе неизвѣстные памятники и цѣлый рядъ библіографическихъ поправокъ.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго достаточно видны достоинства труда проф. Голубева. Главная и самая большая его заслуга состоитъ, несомнѣнно, въ первичномъ, можно сказать, починѣ научной провѣрки прежнихъ изслѣдованій по исторіи юго-западной церкви и въ разработкѣ ея почти заново по множеству рѣдкихъ и критически имъ изученныхъ матеріаловъ. Если въ рецензіи на 1-й томъ его работы ему сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что онъ не постарался осмыслить и оживить своего разсказа о дѣятельности Петра Могилы сколько-нибудь художественнымъ изображеніемъ личности послѣдняго, то, по прочтеніи настоящаго тома, надлежитъ отказаться отъ такого упрека.

Для автора было болѣе чѣмъ достаточно той громадной работы, которую онъ выполнилъ, и со стороны критики было бы слишкомъ притязательно предъявлять къ нему еще новыя—можно сказать, несвоевременныя, слишкомъ раннія для него требованія.

Онъ не могъ еще создать сколько-нибудь законченной художественно-исторической монографіи о Могилинскомъ времени. Изъ двухъ томовъ его сочиненія ясно видно, что, послѣ предшествовавшихъ ему изслѣдователей, на его долю пришлось цѣликомъ опять проходить всю первичную кропотливую работу надъ собираніемъ и очисткой самыхъ матеріаловъ, затѣмъ, при полученіи

всякихъ новыхъ результатовъ, объясняться съ своими предшественниками и доказывать справедливость своихъ ученыхъ новшествъ, а эти обстоятельства, несомнѣнно, должны были придать его изложенію извѣстный специфическій тонъ первичной работы надъ предметомъ и эпизодическій характеръ, мѣшающій чисто-историческимъ приемамъ изложенія, а тѣмъ болѣе его художественности.

Что же касается фактическаго содержанія работы проф. Голубева, какъ болѣе существенной его стороны, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякій будущій труженикъ на томъ же поприщѣ, гдѣ работалъ нашъ авторъ, найдетъ въ немъ вполне надежное руководство и богатѣйшее пособіе для изученія даже не одной только личной исторіи Петра Могилы, но и множества другихъ предметовъ всей вообще церковно-исторической жизни на юго-западѣ Россіи въ XVI вѣкѣ и тогдашней церковной литературы.

„Все сказанное — говоритъ рецензентъ — даетъ мнѣ смѣлость рекомендовать сочиненіе г. Голубева Императорской Академіи Наукъ, какъ сочиненіе, вполне достойное одной изъ наградъ графа Уварова“.

Неполныя преміи въ 500 руб. присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ:

І. М. Дьяконовъ: 1) „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI и XVII вв.)“. С.-Петербургъ. 1898, и 2) „Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ“. Выпуски I и II. Юрьевъ. 1895 и 1897.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій Академія обращалась къ содѣйствію профессора Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго.

„Историкъ — писалъ недавно одинъ изъ лучшихъ представителей современнаго намъ историческаго знанія — лишь тогда въ совершенствѣ можетъ изучить свой предметъ, когда онъ обладаетъ разнородными источниками, относящимися къ его области. Одни документы нужны ему для знакомства съ законнымъ порядкомъ вещей,

а другіе — для раскрытія дѣйствительнаго ихъ положенія со всѣми отгѣнками въ его практикѣ“.

Въ виду такой именно цѣли, г. Дьяконовъ, приступая къ изученію исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, обратился къ пересмотру не только печатнаго, но и рукописнаго матеріала, прикосновеннаго къ избранной имъ темѣ. „Лишь тотъ, говоритъ рецензентъ, кто самъ нѣсколько работалъ въ нашихъ архивахъ надъ рукописями XVI—XVII вв., можетъ оцѣнить долготерпѣвіе и трудъ, какіе попалились г. Дьяконову для систематическаго просмотра множества документовъ, имѣющихъ существенное значеніе для исторіи прикрѣпленія къ тяглу сельскихъ жителей Московскаго государства. При такихъ условіяхъ, работа автора можетъ служить основаніемъ для новыхъ розысканій въ той области явленій, выясненію которыхъ посвящены его очерки, и, слѣдовательно, несомнѣнно будетъ способствовать дальнѣйшему научному движенію впередъ. Несмотря на богатство собранныхъ матеріаловъ, г. Дьяконовъ ограничился преимущественно ихъ анализомъ и воздержался отъ общихъ заключеній. Анализъ г. Дьяконова обращенъ не столько на явленія и процессы, сколько на памятники и на общественныя группы, т. е. на объекты болѣе конкретнаго свойства, а въ сочиненіи автора хотя и есть единство темы, но не всегда замѣтна цѣльность конструкторіи. Научное воздержаніе, которое едва ли всегда оправдывается современнымъ состояніемъ нашихъ знаній, не помѣшало, однако, автору обогатить исторію нашего права цѣлымъ рядомъ прочно обоснованныхъ частныхъ выводовъ“.

Историческая точка зрѣнія, правда, не всегда вполне выдержана г. Дьяконовымъ, а изображеніе фактической обстановки вызываетъ иногда сомнѣніе въ читателѣ. Такое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, розысканія автора о подмогѣ и ссудѣ, о старожильствѣ, о кабальномъ и задворномъ холопствѣ и о правительственныхъ мѣрахъ привлеченія не тяглаго населенія къ обложенію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ основные признаки важнѣйшихъ „институтовъ“, едва ли правильно истолкованы авторомъ, а въ другихъ — обнаруживаются пробѣлы, не совсѣмъ понятныя съ точки зрѣнія „главной темы“ его труда (напр., о

вліяніи холопской зависимости и власти землевладѣльцевъ надъ крестьянами на прикрѣпленіе). „Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ рецензентъ, значительное большинство выводовъ, дѣйствительно сдѣланныхъ г. Дьяконовымъ, по крайнему нашему разумѣнію, слѣдуетъ признать правильными; крестьянскія порядныя, на примѣръ, прекрасно изучены имъ, значеніе старины въ процессѣ прикрѣпленія къ государственному тяглу впервые обстоятельно выяснено въ его „очеркахъ“; любопытны также многія частныя наблюденія автора надъ положеніемъ большинства изъ разрядовъ сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Весьма поучительны замѣчанія г. Дьяконова о вліяніи бытовыхъ условій на правопорядокъ XVI—XVII вѣка, хотя бы въ спорахъ, возникавшихъ между землевладѣльцами изъ-за старожильцевъ, а также его указанія на отношенія между обычаемъ и закономъ, на примѣръ, при выясненіи того, насколько обычныя обязанности крестьянъ были мало опредѣлены въ законѣ. Въ заключеніе отмѣтимъ, что и тотъ медленный ростъ, какимъ отличалась исторія Московскаго законодательства, исполненнаго консерватизма въ соблюденіи старыхъ нормъ и постоянныхъ колебаній и ограниченій при введеніи новыхъ, также не разъ обращаетъ на себя вниманіе г. Дьяконова: въ этомъ можно убѣдиться изъ выводовъ автора касательно законовъ о бѣглыхъ; переживаніе обычныхъ нормъ, не смотря на введеніе отмѣнявшаго ихъ новаго закона, въ свою очередь иллюстрируется въ книгѣ г. Дьяконова, на примѣръ, исторіею порядныхъ записей до и послѣ изданія Уложения“.

Ислѣдованіе г. Дьяконова о сельскомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв., безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особаго вниманія: богатство матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, строгость въ приѣмахъ ученаго ислѣдованія и обиліе частныхъ выводовъ даютъ полное основаніе отвести почетное мѣсто „Очеркамъ“ въ нашей ученой литературѣ по исторіи отечественнаго права, все еще довольно бѣдной такими трудами, въ которыхъ обширныя и разнообразныя фактическія знанія соединялись бы съ крупными научными достоинствами. Сочиненіе г. Дьяконова по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ госу-

дарствѣ XVI — XVII вв. можно признать, поэтому, вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова.

П. Д. Багалъй: „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, т. I (1802—1815 г.). Харьковъ. 1893—1898.

Оцѣнку этого сочиненія Академія поручила помощнику библіотекаря Императорской Академіи Наукъ Всеволоду Измаиловичу Срезневскому.

Представленный на соисканіе Уваровскихъ наградъ первый томъ труда г. Багалъя „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“ обращаетъ на себя особое вниманіе широтою замысла автора. Большинство историковъ другихъ русскихъ университетовъ въ своихъ трудахъ преимущественно изображаетъ исторію его каедръ и біографіи профессоровъ, безъ отношенія къ мѣстной жизни. Въ противоположность имъ, г. Багалъй задался цѣлью представить не лѣтопись только внутренней жизни Харьковскаго университета, научной и учебной, а его исторію въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія и развитіемъ народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, на ростъ и благоустройство города. Помимо обзрѣнія ученыхъ заслугъ и учебной дѣятельности университетской корпораціи, авторъ разсматриваетъ и внутреннюю сторону ея жизни, изображаетъ нравы профессорской и студенческой среды, отношенія профессоровъ и студентовъ къ обществу и обратно. Въ частности, первый томъ „Опыта“ распадается на предисловіе, заключающее въ себѣ обзоръ источниковъ, и восемь главъ. Первая и вторая главы являются какъ бы введеніемъ въ исторію университета, онѣ изображаютъ культурное состояніе Харьковскаго края до открытія университета и исторію учрежденія университета. Слѣдующія шесть главъ представляютъ собою собственно исторію университета за 1805—1815 годы съ распредѣленіемъ собраннаго авторомъ матеріала по особымъ шести рубрикамъ. Каждый изъ этихъ раздѣловъ, по предположенію автора, долженъ былъ затронуть опредѣленную сторону университетской жизни: въ первомъ говорится по преимуществу объ „университетскомъ самоуправленіи“, во-второмъ — о „матеріальныхъ средствахъ университета и его учебно-вспомогательныхъ

учрежденіяхъ“, въ третьемъ — о „преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ“, въ четвертомъ — о „студентахъ“, въ пятомъ — о „бытѣ и нравахъ университетской среды“, въ шестомъ — о „роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія“. Главный недостатокъ изложеннаго плана заключается въ упущеніи: во-первыхъ, общаго краткаго очерка исторіи университета съ указаніемъ періодовъ его жизни и основаній дробленія на томы, изъ которыхъ каждый, по предположенію автора, долженъ явиться какъ бы ложемъ для отдѣльнаго періода; во-вторыхъ, главы съ изложеніемъ внѣшней послѣдовательности всѣхъ событій жизни университета за разсматриваемый періодъ, т. е. за 1805—1815 годы.

При разборѣ „Опыта“ по существу — говоритъ рецензентъ — наиболѣе рѣзкимъ недостаткомъ является отношеніе автора къ источникамъ: онъ не далъ себѣ труда ознакомиться съ матеріаломъ, не только рукописнымъ, но и печатнымъ, и не изучилъ главнѣйшаго своего источника, который называетъ „неисчерпаемымъ рудникомъ“, т. е. архива Харьковскаго университета. Г. Багалъй оправдываетъ себя тѣмъ, что архивъ еще не приведенъ въ полный порядокъ, но едва ли это объясненіе можетъ служить оправданіемъ. Такое отношеніе автора къ источникамъ естественно позволяетъ сомнѣваться въ полнотѣ „Опыта“ исторіи. Не пользуясь совокупностью всѣхъ источниковъ, г. Багалъй вмѣсто того предпочитаетъ брать большинство ихъ въ полномъ и неприкосновенномъ видѣ съ лишними и ненужными мелочами; кромѣ того, онъ мало обращаетъ вниманія на то, цѣненъ ли данный источникъ для исторіи университета, или имѣетъ малое значеніе, прибавляетъ ли онъ что-нибудь къ его повѣсти, или является излишнимъ балластомъ, и, благодаря этому, зачастую вводитъ въ свою книгу много такого, что даже не имѣетъ отношенія къ исторіи Харьковскаго университета. Нельзя не пожалѣть, что г. Багалъй рѣшилъ не помѣщать въ „Опытъ“ біографіи отдѣльныхъ профессоровъ, предоставляя біографическую сторону будущимъ составителямъ словаря профессоровъ Харьковскаго университета; авторъ „Опыта“ предполагалъ изобразить профессорскую корпорацію, какъ нѣчто

недѣлимое, и поступки отдѣльныхъ членовъ разбирать, какъ характерные признаки среды, а не отдѣльныхъ ея представителей. Своей мысли г. Багалѣю не удалось провести вполнѣ, ибо, если у него подъ рукою былъ біографическій матеріалъ, то это одно уже заставляло его вводить этотъ матеріалъ въ „Опытъ“. Біографическій матеріалъ является въ книгѣ въ раздробленномъ видѣ; но если обратить вниманіе на біографіи безъ отношенія къ ихъ дробленью, а исключительно съ точки зрѣнія ихъ содержанія и обилія или недостаточности фактовъ, невольно является вопросъ, чѣмъ руководился авторъ „Опыта“ въ несоразмѣрности своихъ сообщеній, минуя однихъ профессоровъ, допуская мельчайшія подробности о другихъ, говоря не только о нихъ самихъ, но и объ ихъ родственникахъ: можно лишь отвѣтить, что значеніе лицъ при этомъ не принято во вниманіе, принято только во вниманіе наличное количество матеріала. Наконецъ, къ числу недостатковъ „Опыта“ слѣдуетъ отнести оригинальную классификацію профессоровъ перваго десятилѣтія для выясненія вопроса о взаимномъ положеніи четырехъ народностей (нѣмецкой, французской, южно-славянской и русской), составлявшихъ главный контингентъ университетской профессорской корпораціи. Списокъ г. Багалѣя, съ одной стороны, страдаетъ неполнотой, съ другой — даетъ невѣрные выводы, ибо беретъ цѣликомъ все десятилѣтіе и не обращаетъ вниманія на то, что не было ни одного года, когда бы былъ на лицо весь составъ университета, въ немъ указанный. Такимъ образомъ, всѣ выводы автора „Опыта“ въ вопросѣ о преимуществахъ ипостранныхъ профессоровъ передъ русскими оказываются сомнительными.

Наиболѣе удачными главами труда г. Багалѣя слѣдуетъ признать двѣ начальныя главы, дающія много интересныхъ, а часто и новыхъ, свѣдѣній, важныхъ не только для исторіи просвѣщенія въ харьковскомъ краѣ, но и для исторіи русской образованности вообще. Еще большее значеніе слѣдуетъ признать за послѣдней главой „Опыта“, посвященной дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Вопросы, затронутые этой главой, такъ пасущны, такъ значительны, что, не смотря на то, что во многомъ они выходятъ за пре-

дѣлы исторіи университета, нельзя сѣтовать на автора за эти отклоненія. Сообщая чрезвычайно много новыхъ данныхъ, настоящая глава важна и тѣмъ, что даетъ университету обликъ учрежденія первостепеннаго значенія, какъ разсадника культуры вообще, ибо нельзя не сознаться, что служеніе университета начала столѣтія нуждамъ и успѣхамъ средняго и низшаго образованія едва ли не важнѣе, чѣмъ его попытки дать высшее образованіе.

Достоинства трехъ указанныхъ главъ, вмѣстѣ съ значеніемъ остальныхъ частей „Опыта“, какъ сборника матеріаловъ по преимуществу, придаютъ большую цѣну труду г. Багалѣя: громадность работы, взятой на себя авторомъ, очевидна для всякаго, польза ея несомнѣнна, наконецъ, сочиненіе, разрабатывающее исторію Харьковскаго университета, давно желательно; все это, взятое вмѣстѣ, побуждаетъ рецензента ходатайствовать передъ Императорской Академіей наукъ о назначеніи автору „Опыта“ Уваровской преміи; такая награда, несомнѣнно, должна способствовать продолженію труда г. Багалѣя, а продолженія его нельзя не желать.

Одновременно съ присужденіемъ исчисленныхъ наградъ, коммиссія, находя немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить почетныя отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ:

І. В. И. Шенрокъ: „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя“. Тт. I—IV. Москва. 1892—1898.

Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя членъ-корреспондентъ Академіи Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Приступая къ разбору труда В. И. Шенрока, рецензентъ находитъ, что въ *первомъ* томѣ несомнѣнно цѣнны сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ „Ганца Кюхельгартена“ съ письмами къ Высоцкому и Косяровскому, а также сопоставленія между отдѣльными мѣстами раннихъ и позднихъ произведеній Гоголя; далѣе, удачна мысль о томъ, что разочарованіе Гоголя въ прелестяхъ Петер-

бурга повліяло на усиленіе его малороссійскаго патріотизма, и интересны соображенія для характеристики отношеній Пушкина къ Гоголю. Во *второмъ* томѣ цѣнно указаніе на выдѣленіе „Страшной мести“ изъ другихъ рассказовъ, составляющихъ „Вечера“, удачно опредѣлены источники „Вія“ и степень вліянія на него Нарѣжнаго, а равно отношеніе повѣсти Нарѣжнаго „Два Ивана“ къ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“; затѣмъ, мѣтко охарактеризованы недостатки Гоголя какъ профессора, причемъ соображенія г. Шенрока относительно педагогическихъ взглядовъ и заслугъ Гоголя обличаютъ въ авторѣ опытнаго и вдумчиваго педагога. Въ *третьемъ* томѣ очень удачно выяснено отношеніе Гоголя къ его великой комедіи послѣ ея постановки 19-го апрѣля 1836 года, вѣрно подмѣчена въ Гоголѣ любовь къ „яркимъ, сверкающимъ краскамъ“, чѣмъ удачно объяснена особая симпатія его къ Италіи; точнѣе и полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, опредѣлено отношеніе его къ Кукольнику, Сенковскому, Прокоповичу и другимъ; въ описаніе пребыванія Гоголя за границею въ 1836 году удачно вставлены собственныя наблюденія автора, и, наконецъ, душевное состояніе Гоголя въ Римѣ въ 1839 году, а также во время пребыванія его въ Москвѣ въ томъ же году, вѣроподобно объяснено тогдашнимъ состояніемъ его здоровья, матеріальнымъ его положеніемъ и отношеніемъ къ матери и сестрамъ. Въ *четвертомъ* томѣ хорошо освѣщены отношенія Гоголя къ нѣсколькимъ „топорному“ Погодину, къ слишкомъ „ревнивымъ“ москвичамъ, къ Языкову, къ Н. Н. Шереметевой, къ А. О. Смирновой, С. П. Шевыреву и другимъ; убѣдительно доказано, насколько Гоголь былъ практичнѣе и искуснѣе художника Иванова въ сношеніяхъ съ высокопоставленными лицами: наконецъ, мѣтко очерчены самодовольство и хлопоты Гоголя при изданіи „Выбранныхъ мѣстъ“ и душевное состояніе его при появленіи неблагоприятныхъ отзывовъ о его книгѣ; правильно разобрано отношеніе Шевырева къ этому произведенію, и тутъ же сведено много интереснаго и новаго матеріала для характеристики русскаго общества 1847 года. При этомъ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ работы г. Шенрока, явно

видно благоприятное вліяніе трезвости мысли и строго научнаго аналитическаго метода покойнаго Н. С. Тихонравова.

Сверхъ того, въ книгѣ г. Шенрока разсѣяна масса поучительныхъ и полезныхъ фактовъ и замѣчаній, и имѣются два весьма тщательно составленные указателя, такъ что этотъ трудъ явится безусловно необходимымъ для всякаго, кто будетъ заниматься *какимъ бы то ни было* историко-литературнымъ вопросомъ изъ эпохи 30-хъ—50-хъ годовъ.

„Важнѣйшая же заслуга г. Шенрока—говорить уважаемый рецензентъ—состоитъ въ томъ, что онъ съ *горячей, сердечной любовью* къ предмету своего изслѣдованія свелъ добросовѣстно все, или почти все, какъ крупное, такъ и мелкое, что было сдѣлано до сихъ поръ по Гоголю, и подвергъ собранное обстоятельному пересмотру. Такимъ образомъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“ являются какъ бы *энциклопедіею по Гоголю*, которая должна быть настольною книгою у всякаго, кто интересуется Гоголевскимъ періодомъ русской литературы. Къ крайнему сожалѣнію, однако, эта Гоголевская энциклопедія ни со стороны содержанія, ни со стороны формы далеко не можетъ считаться безупречною“.

По мнѣнію А. И. Кирпичникова, слогъ г. Шенрока—иногда, подъ вліяніемъ увлеченія Гоголемъ, художественно-патетическій—часто въ другихъ мѣстахъ страдаетъ небрежностью, неясностью, даже неправильностью, причемъ эти небрежности представляются не спорадическимъ явленіемъ, мѣстами лишь непріятно останавливающимъ вниманіе читателя, а сплошь и рядомъ совершенно затмеваютъ мысль автора.

Съ другой стороны, читателя книги г. Шенрока непріятно поражаютъ: полное отсутствіе плана въ каждой отдѣльной главѣ, безпрестанныя, поэтому, повторенія, частыя противорѣчія, постоянныя, ничѣмъ не мотивированныя, переходы отъ одной мысли къ другой и возвращенія къ первой, отъ фактовъ раннихъ къ позднимъ и обратно. Такой способъ изложенія даетъ почтенному труду г. Шенрока видъ какихъ-то отдѣльныхъ замѣтокъ, соединенныхъ чисто механически, безъ участія редакторской руки, и бесполезно

увеличиваетъ его объемъ, обращая внимательное чтеніе хорошаго и интереснаго изслѣдованія въ очень серьезную и утомительную работу.

Такими же промахами, происходящими отъ недостатка внимательности при работѣ, отъ нежеланія пересмотрѣть ее, отнестись критически къ своимъ словамъ, являются и многія мѣста книги г. Шенрока, возбуждающія недоумѣніе опытнаго читателя, напримѣръ, указаніе на Грибоѣдова, какъ на обличителя взяточничества, признаніе за Сологубомъ „огромнаго“ таланта. Все это, несомнѣнно, мелочи и частности, но въ томъ количествѣ, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ „Матеріалахъ“ г. Шенрока, онѣ значительно понижаютъ достоинство книги.

Общимъ же недостаткомъ книги г. Шенрока, имѣвшаго въ виду, согласно предисловію, не только изложить біографическія данныя о Гоголѣ, но и дать матеріалы для исторіи его творчества, слѣдуетъ признать нѣкоторую ограниченность его историко-литературнаго міросозерцанія. Онъ не только игнорируетъ совершенно всю современную Гоголю западную литературу, которая не могла, однако, не имѣть вліянія на его творчество, но и той литературной обстановки, въ которой сложились взгляды Гоголя, касается лишь изрѣдка и, большею частью, какъ бы мимоходомъ.

Наконецъ, при выясненіи нравственнаго облика Гоголя, объективности г. Шенрока препятствуетъ много разъ высказанное убѣжденіе, что къ Гоголю нельзя прилагать обыкновеннаго масштаба, и такой взглядъ естественно ведетъ автора къ анти-научнымъ увлеченіямъ.

„Въ виду того — говоритъ въ заключеніе рецензентъ, — что книга г. Шенрока является результатомъ многолѣтняго упорнаго и внимательнаго труда, что она представляетъ весьма обстоятельный и почти полный сводъ и, большею частью, весьма дѣльный разборъ всего, что написано у насъ о Гоголѣ, наконецъ, въ виду новыхъ матеріаловъ и интересныхъ соображеній, ею вносимыхъ въ пониманіе Гоголя, я не считалъ бы возможнымъ лишить автора награды, но, въ виду вышеуказанныхъ недостатковъ ея, не могу признать ее достойной полной преміи“.

П. П. О. Бобровскій: „Исторія лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка“. Семь томовъ. С.-Петербургъ. 1892—1898.

Рецензію на это сочиненіе, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя профессоръ Николаевской Академіи генеральнаго штаба полковникъ Александръ Захаріевичъ Мышлаевскій.

Въ предисловіи къ своему труду П. О. Бобровскій говоритъ, что цѣлью своего изслѣдованія онъ ставитъ изложеніе полной и вѣрной исторіи полка, которая послужила бы однимъ изъ залоговъ нравственной силы этой войсковой части, сохраняя основныя ея традиціи и былыя преданія. „Задача весьма обширная, говоритъ рецензентъ, особенно если имѣть въ виду хронологическія рамки въ 250 лѣтъ и мѣсто каждой полковой исторіи въ общей исторіи военнаго дѣла въ Россіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всякая полковая исторія представляетъ собою самую подробную разработку и изученіе отдѣльной вѣточки обширнаго генеалогическаго древа русской арміи. Естественно, что чѣмъ полнѣе, всестороннѣе и точнѣе возстановленъ и изученъ стволъ этого дерева и главныя его развѣтвленія, тѣмъ достовѣрнѣе выйдетъ и описаніе его вѣтвей“.

Къ сожалѣнію, при отсутствіи военно-историческихъ монографій и часто по неустройству полковыхъ архивовъ, каждый полковой историкъ находится въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ по собиранію матеріаловъ. При такихъ условіяхъ составленіе полковой исторіи представляется дѣломъ не только исключительно труднымъ, но, со стороны научной точки зрѣнія, почти невозможнымъ.

„Лишенные возможности усвоить первоначальный матеріалъ — говоритъ А. З. Мышлаевскій, — встрѣчая непреоборимыя трудности въ пользованіи архивнымъ матеріаломъ, не располагая содѣйствіемъ соотвѣтственно подготовленныхъ сотрудниковъ по сбору отдѣльныхъ актовъ, полковые историки силою вещей вынуждены оставлять въ своихъ трудахъ значительныя пробѣлы и по неволѣ вводятъ значительную долю личныхъ сужденій, не опирающихся на достовѣрный матеріалъ“.

Эти затрудненія и отчасти недостатки отразились и на сочиненіи П. О. Бобровскаго.

Слѣдя подробно за текстомъ автора и указывая на недостатки и пробѣлы, А. З. Мышлаевскій приходитъ къ слѣдующему окончательному выводу.

„На мой взглядъ — говоритъ онъ, — въ трудѣ П. О. Бобровскаго слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе главные недостатки: 1) неполноту фактическаго матеріала за первые 150 лѣтъ существованія полка, являющуюся слѣдствіемъ недостаточнаго изученія доступнаго для пользованія архивнаго матеріала; 2) не пригодный для полковой исторіи критическій методъ изложенія и 3) рискованныя характеристики“.

Не смотря на эти недостатки, по мнѣнію рецензента, „трудъ П. О. Бобровскаго займетъ свое мѣсто, какъ одинъ изъ источниковъ, обильный указаніями на взгляды, господствовавшіе у насъ въ послѣдніе 250 лѣтъ на военное дѣло. Въ этомъ случаѣ критическія замѣчанія автора, его опыты достовѣрнаго освѣщенія и возстановленія фактовъ и даже нѣкоторая оригинальность сужденій будутъ имѣть наибольшую цѣну. Какъ пособіе, какъ опытъ разслѣдованія спорныхъ вопросовъ, трудъ П. О. Бобровскаго послужитъ настольною книгою всякому, соприкасающемуся съ исторіею русской регулярной арміи“.

Ш. А. Н. Неустроевъ: „Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 г.г. и къ историческому розысканію о нихъ“. С.-Петербургъ. 1898.

Рецензія на это сочиненіе принадлежитъ академику Л. Н. Майкову.

„Двадцать три года тому назадъ — говоритъ онъ, — А. Н. Неустроевъ издалъ очень полезный библиографическій трудъ, подъ заглавіемъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, гдѣ онъ въ хронологическомъ порядкѣ помѣстилъ свѣдѣнія о времени и мѣстѣ появленія русскихъ журналовъ, о продолжительности ихъ существованія, о срокахъ ихъ выхода, о внѣшнемъ ихъ видѣ, объѣмѣ,

содержаніи и характерѣ, наконецъ, объ издателяхъ, редакторахъ и сотрудникахъ“. Не смотря, однако, на всю цѣнность этого труда съ научно-исторической точки зрѣнія, способъ описанія журналовъ, принятый въ „Розысканіи“, мало удовлетворялъ практическимъ требованіямъ: справки о томъ, въ какомъ номерѣ журнала напечатана такая-то статья, или въ какомъ изданіи, вообще, есть статьи по такому-то предмету, были очень затруднительны. Для устранения этого неудобства, составитель „Розысканія“ и предпринялъ новый трудъ — предметъ настоящей рецензій. Такъ какъ описаніе журналовъ въ „Розысканіи“ даетъ заголовки всѣхъ статей во всѣхъ русскихъ журналахъ XVIII вѣка, то естественно, что указатель къ „Розысканію“ обратился въ указатель къ самымъ этимъ изданіямъ, какъ оно и видно изъ названія самой книги г. Неустроева, которая по объему немного менѣе его прежняго труда.

Въ указателѣ, гдѣ исчислены названія всѣхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ заглавіяхъ журнальныхъ статей, — предметовъ какъ реальныхъ, осязательныхъ, такъ и отвлеченныхъ, живущихъ лишь въ нашемъ сознаніи, — избранъ для ихъ размѣщенія порядокъ не систематическій, а алфавитный, при чемъ авторъ, „не оспаривая удобствъ систематическаго порядка“, объясняетъ свое предпочтеніе ему порядка алфавитнаго тѣмъ соображеніемъ, что „систематизація такого необозримаго матеріала, какимъ является журналистика за сто лѣтъ, представляется слишкомъ сложною и слишкомъ разнообразною, чтобы составители указателей и лица, пользующіяся ими, могли прійти къ какой-нибудь одной, не терпящей измѣненій системѣ“.

Съ этимъ доводомъ, по мнѣнію почтеннаго рецензента, нельзя вполне согласиться, такъ какъ и систематическій порядокъ, подобно алфавитному, имѣетъ свои достоинства и могъ бы съ успѣхомъ найти примѣненіе въ указателѣ. Именно, по скольку для именъ географическихъ и историческихъ пригоденъ порядокъ алфавитный — на подобіе тѣхъ указателей, которые прилагаются обыкновенно къ историческимъ сочиненіямъ, сборникамъ документовъ и проч., по стольку же для названій предме-

товъ, иначе говоря, для именъ нарицательныхъ, гораздо удобнѣе, нагляднѣе и цѣлесообразнѣе указатель систематическій, предполагающій, даже и безъ слишкомъ дробныхъ дѣленій, известную группировку однородныхъ понятій. При употребленномъ г. Неустроевымъ исключительно алфавитномъ порядкѣ, съ одной стороны, рѣдкія въ „Указателѣ“ нарицательныя имена совершенно тонутъ въ массѣ именъ собственныхъ, съ другой же стороны, такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ нашъ языкъ не отличался опредѣленностью въ употребленіи терминовъ и даже просто въ словоупотребленіи, когда дѣло касалось отвлеченныхъ предметовъ, — одно и то же понятіе нравственнаго свойства, но обозначенное разными словами, является въ „Указателѣ“ въ разныхъ мѣстахъ. -

Это замѣчаніе, впрочемъ, единственное, которое можно высказать относительно плана работы г. Неустроева, имѣющей тѣмъ не менѣе безспорно высокую научно-историческую цѣнность и способную сослужить добрую службу всѣмъ тѣмъ, кому нужно обращаться къ русскимъ періодическимъ изданіямъ прошлаго вѣка.

IV. И. Е. Тимошенко: „Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ“. Кіевъ. 1897.

Оцѣнку этого труда по просьбѣ Академіи принялъ на себя Эдуардъ Генриховичъ Курцъ.

Авторъ поставилъ себѣ задачею дать полный сводъ тѣхъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, которыя произошли отъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, представляя или буквальный переводъ, или передѣлку древнихъ образцовъ. Нельзя не признать за этою задачею глубокаго интереса, такъ какъ известно, что между пословицами каждаго народа можно найти значительную долю такихъ изреченій, которыя заимствованы имъ въ то или другое время у тѣхъ сосѣдей, съ которыми этотъ народъ входилъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія. Пословицы и мѣткія изреченія переходили, подобно отдѣльнымъ словамъ и новымъ понятіямъ, отъ одного народа къ другому, съ сохраненіемъ первоначальнаго способа выраженія или же съ облеченіемъ въ новую форму.

Различные народы нынѣшней Европы, какъ вообще основами своей культуры, такъ и большинствомъ своихъ пословицъ, обязаны древней Греціи. Изъ Греціи пословицы перешли къ римлянамъ и византійцамъ, а затѣмъ, въ эпоху возрожденія наукъ, распространились по всему западу Европы. Само собою разумѣется, что выдѣленіе этихъ заимствованныхъ элементовъ въ области пословицъ того или другого народа представляетъ большой культурно-историческій интересъ.

Хотя г. Тимошенко и говоритъ въ началѣ своей книги, что разработанный имъ предметъ до сихъ поръ былъ „совершенно неизвѣстенъ въ литературѣ“, и что его книга является первой попыткой въ этомъ родѣ, однако съ этимъ мнѣніемъ вполне согласиться нельзя. Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія вопросомъ о греческихъ и римскихъ прототипахъ русскихъ пословицъ занимался нашъ извѣстный пареміологъ Снегиревъ; такъ, въ изслѣдованіи своемъ „Русскія народныя пословицы и притчи“ (М. 1848) онъ привелъ около 140 греческихъ и латинскихъ параллелей, оставшихся, какъ кажется, неизвѣстными г. Тимошенку. Затѣмъ, уже въ послѣднее время появлялись въ заграничной печати замѣтки автора настоящей рецензіи, даваго до 40 новыхъ параллелей. Въ виду этого, работу г. Тимошенка можно назвать лишь первымъ опытомъ въ смыслѣ болѣе подробнаго изслѣдованія этого интереснаго вопроса при помощи накопившагося до сего времени печатнаго матеріала.

Въ концѣ введенія, предпосланнаго сочиненію, г. Тимошенко даетъ читателямъ-неспециалистамъ краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографахъ. Однако, изложеніе его не вполне соответствуетъ современному положенію науки: вслѣдствіе работъ, вызванныхъ открытіемъ одного аонскаго списка французскимъ ученымъ Е. Миллеромъ въ 1868 г., возрѣнія, воспроизводимыя г. Тимошенко, оказываются теперь совершенно несвоевременными. Новѣйшія изслѣдованія древнихъ греческихъ пареміографовъ также остались неизвѣстны г. Тимошенку.

Что касается метода, которому слѣдовалъ г. Тимошенко при сравненіи русскихъ пословицъ съ древними ихъ источниками,

то онъ слѣдующій: для каждой русской пословицы авторъ приводитъ соотвѣтствующія параллели изъ античной литературы, при чемъ не ограничивается тѣми, которыя въ собственномъ смыслѣ заслуживаютъ имени параллели, имѣя тожественную или, по крайней мѣрѣ, похожую форму, но собираетъ вообще всѣ мѣста классиковъ, выражающія ту же мысль, какъ предлагаемая русская поговорка, хотя способъ выраженія и былъ бы совершенно иной, а затѣмъ, то изъ подобныхъ мѣстъ, которое нашлось у древнѣйшаго автора, считаетъ прототипомъ и первоисточникомъ русской пословицы.

Съ такимъ методомъ нельзя вполне согласиться, такъ какъ авторъ оставляетъ при этомъ въ сторонѣ главную цѣль своего изслѣдованія, „посвященнаго исторіи русскихъ пословицъ“ (стр. XX). Чтобы найти источникъ какой-либо русской пословицы, слѣдуетъ опредѣлить, на какомъ языкѣ имѣется пословица, и по формѣ, и по содержанію вполне тожественная или же въ главныхъ пунктахъ сходная съ русскою. Если такая гдѣ-нибудь найдена, то можемъ справедливо смотрѣть на нее, какъ на источникъ и образецъ сравниваемого русскаго изреченія, и, что касается до русской пословицы, этого вполне достаточно.

Точно также нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Тимошенка, будто образцомъ для русской пословицы, въ случаѣ наличности двухъ разновременныхъ параллелей, слѣдуетъ принимать всегда болѣе раннюю, даже въ томъ случаѣ, если она менѣе подходит по формѣ къ русскому изреченію, чѣмъ болѣе поздняя. Вслѣдствіе этого взгляда г. Тимошенко часто предпочитаетъ, для параллельнаго сличенія русской поговорки, древнѣйшее изреченіе, сходное съ нею лишь по мысли, тогда какъ въ болѣе позднихъ образцахъ онъ могъ бы найти аналогію и въ спеціальномъ способѣ выраженія этой мысли. Это стремленіе къ отыскиванію зародыша и возможно древнѣйшаго прототипа какой-нибудь пословичной мысли, вмѣсто того, чтобы придерживаться главнаго признака заимствованія, то-есть, внѣшней формы этой мысли, нерѣдко побуждало г. Тимошенко находить начало поговорки даже тамъ, гдѣ, при внимательномъ толкованіи сравниваемыхъ имъ мѣстъ, оказывается,

что тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо соотношеніи между разбираемой русской пословицею и приведеннымъ греческимъ или латинскимъ образцомъ. А это неизбѣжно заставляло его выходить изъ рамокъ настоящей своей задачи, заключающейся въ отыскиваніи самаго сходнаго по внѣшней формѣ образца. Онъ обращалъ болѣе вниманія на развитіе и литературную традицію античныхъ пословицъ и поговорокъ, чѣмъ на происхожденіе русскихъ и, вслѣдствіе такихъ пріемовъ, не разъ приходилъ къ сомнительнымъ выводамъ.

Что касается до выбора русскихъ пословицъ, подвергаемыхъ сравненію съ античными, то г. Тимошенко въ нѣкоторыхъ случаяхъ включилъ въ разрядъ ихъ и такія изреченія, которыя, строго говоря, не могутъ быть признаны за русскія пословицы: такъ, между ними у г. Тимошенка попадаются иногда разныя повѣрья, метафоры, простыя фразы и обороты рѣчи безъ провербiальнаго оттѣнка. Наконецъ, съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что г. Тимошенко не вполне исчерпалъ весь существующій матеріалъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, сходныхъ съ греческими и латинскими.

Указавши, такимъ образомъ, недостатки и пробѣлы разбираемаго сочиненія, необходимо указать и на безспорно хорошую его сторону. Г. Тимошенко выказываетъ большое знакомство съ обширнымъ провербiальнымъ матеріаломъ грековъ и римлянъ. Онъ тщательно изучилъ главные сборники древнихъ пословицъ, и кромѣ того, обратилъ вниманіе и на спеціальныя изслѣдованія, касающіяся пословицъ отдѣльныхъ авторовъ. Вслѣдствіе этого, собраннй матеріалъ, въ предѣлахъ, которые авторъ поставилъ своему труду, окажется, безъ сомнѣнія, полезнымъ для будущихъ изслѣдователей въ области русской пословицы и особенно для любителей пословичной мудрости, которымъ не достаетъ времени или случая для собственнаго ознакомленія съ оригинальными сборниками античныхъ пословицъ. При этомъ должно еще принять въ соображеніе и то обстоятельство, что авторъ могъ составлять свой трудъ лишь урывками, среди обязательныхъ служебныхъ занятій. Такой интересъ къ научнымъ вопросамъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ поощренія.

На основаніи вышеизложеннаго, по мнѣнію рецензента позволительно высказать мнѣніе, что сочиненіе г. Тимошенка, по всей справедливости, можетъ быть удостоено, если не преміи, то, по крайней мѣрѣ, почетнаго отзыва.

По присужденіи премій, Академія наукъ, во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные труды, положила благодарить г. г. рецензентовъ: профессора Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго, профессора Александра Ивановича Кирпичникова, профессора Александра Захаріевича Мышлаевскаго, профессора Петра Васильевича Знаменскаго, Всеволода Измаиловича Срезневскаго и Эдуарда Генриховича Курца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи § 13 положенія о наградахъ графа Уварова, комиссія положила назначить отъ имени Академіи всѣмъ вышеназваннымъ лицамъ золотыя Уваровскія медали, установленныя для рецензентовъ.

І.

Рецензія на сочиненіе профессора Голубева:

„Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. II. 1898 г.“,

представленное въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи.

Рецензія профессора П. В. Знаменскаго.

Въ 1883 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ озаглавленнаго сейчасъ сочиненія г. Голубева, и пишущему эти строки пришлось привѣтствовать появленіе этого ученаго труда въ рецензіи, писанной, по порученію Духовно-Учебнаго Комитета, по случаю представленія авторомъ своей книги на соисканіе преміи митрополита Макарія. (Рецензія эта напечатана въ Христ. Чтеніи 1886 г. ч. II, стр. 239—252). Рецензія высоко оцѣнила тогда работу г. Голубева, какъ весьма богатую по содержанію, рѣдкую по самостоятельности изслѣдованія, полную ученыхъ повостей, и выразила искреннее желаніе, чтобы авторъ для пользы исторической науки поскорѣ издалъ продолженіе своего труда. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, на которыя г. Голубевъ указываетъ въ предисловіи, продолженіе это явилось только въ 1898 году. Новый томъ сочиненія обладаетъ тѣми же достоинствами и составляетъ такое же важное приобрѣтеніе для русской исторіи, какъ и первый.

Читателя прежде всего поражаетъ въ немъ громадная эрудиція автора. Нѣтъ, кажется, книги и статьи по исторіи юго-западной церкви Могилнскаго времени, которыхъ бы онъ не прочиталъ со всѣмъ вниманіемъ и критической оцѣнкой. Этого мало, — не довольствуясь паличностью уже извѣстныхъ въ печати матеріаловъ для своего изслѣдованія, онъ обогатилъ это изслѣдованіе множествомъ новыхъ матеріаловъ, которые онъ отыскивалъ въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ

въ теченіи многихъ лѣтъ неустанныхъ трудовъ и разъѣздовъ. Въ его примѣчаніяхъ и приложеніяхъ указываются сборники Московской Синодальной библіотеки, рукописные памятники архивовъ кіевского Центрального и Кіевопечерской лавры, греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ, уніатскаго собора въ Перемышлѣ, виленаго Свято-Духова монастыря, бумаги холмскаго церковно-историческаго музея, архивовъ Львовскаго бернардинскаго и Львовскаго ставропигіального института, львовскихъ же библіотекъ каноника Петрушевича, графа Дзѣдучинскаго и Оссолинскихъ, краковскаго музея Чарторыжскихъ, библіотеки Краковскаго университета и др. Нельзя не обратить вниманіе на рѣдкое знакомство автора съ старопечатной литературой, русской и польской, которымъ онъ широко пользуется въ своемъ трудѣ. Нѣкоторыя произведенія этой литературы, по своей рѣдкости и малонзвѣстности, представляютъ научную цѣнность не меньшую цѣнности архивныхъ матеріаловъ. Авторъ даетъ о такихъ произведеніяхъ подробные библіографическіе отчеты.

Содержаніе книги г. Голубева состоитъ изъ обзоренія разныхъ сторонъ дѣятельности Петра Могилы за время его служенія въ санѣ митрополита. Сюда вошли свѣдѣнія о дѣйствіяхъ митрополита съ его сотрудниками, направленныхъ къ упроченію и фактическому осуществленію возвращенной православію при Владиславѣ IV свободы вѣроисповѣданія и разныхъ церковныхъ правъ; о борьбѣ за православіе противъ посягательствъ на него со стороны иновѣрія на литературномъ поприщѣ; о возстановленіи и благоустройствѣ Петромъ Могилою православныхъ храмовъ, много потерпѣвшихъ во время торжества уніи; о борьбѣ противъ разныхъ безпорядковъ въ самомъ строѣ юго-западной церкви, усилившихся подъ вліяніемъ пережитыхъ ею бѣдствій. Главныя потребности времени, которымъ должны были удовлетворить указанные стороны дѣятельности Петра Могилы, выяснены предварительно въ началѣ тома въ краткомъ и мастерскомъ очеркѣ состоянія церковныхъ дѣлъ Кіевской митрополіи при вступленіи Могилы на ея кафедру. Наиболѣе важная для исторіи просвѣтительная дѣятельность знаменитаго митрополита въ изложеніе настоящаго тома войти не успѣла; авторъ обѣщается посвятить ей третій и послѣдній томъ своего обширнаго труда.

Характеръ изслѣдованія и изложенія въ разбираемомъ томѣ тотъ же, какой усвоенъ авторомъ въ I томѣ, гдѣ въ предисловіи онъ обѣщалъ изображать многостороннюю дѣятельность Могилы «въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени» и съ дѣятельностію сотрудниковъ митрополита, которые «сами принесли на общую потребу церковную не малыя лепты» и не должны быть обойдены при справедливой оцѣнкѣ дѣятельности своего главы. Поэтому, какъ въ I томѣ, такъ и здѣсь изло-

женіе, часто уклоняясь отъ своего главнаго предмета, касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ Могилннской эпохи и вдается въ многочисленныя и нерѣдко очень обширныя эпизоды, или сообщая читателю нужныя, по мнѣнію автора, объясненія встрѣченыхъ на пути и еще невыясненныхъ фактовъ, или проводя и доказывая какія нибудь новыя положенія и взгляды на факты, или на основаніи новыхъ данныхъ дѣлая поправки въ трудахъ другихъ изслѣдователей и т. п. Выѣшность изложенія отъ этого значительно теряетъ въ своемъ единствѣ и стройности; сочиненіе является не столько спеціальной монографіей о Петрѣ Могилѣ, сколько сборникомъ разныхъ свѣдѣній, относящихся къ состоянію юго-западной русской церкви при Могилѣ вообще. Но, отрѣшаясь отъ нѣкоторой, хотя и законной, требовательности относительно такой выѣшности изложенія и принимая во вниманіе преимущественно самое содержаніе сочиненія, мы не можемъ не признать трудъ г. Голубева весьма богатымъ вкладомъ въ нашу историческую науку и въ частности въ исторію юго-западной Руси, послѣ критической проверки автора оказывающуюся еще далеко не разработанной во многихъ подробностяхъ. — Обратимся къ обзорѣнію частныхъ отдѣловъ или главъ сочиненія (числомъ пяти).

Въ I главѣ (стр. 1—59) разъясняются а) обстоятельства первоначальнаго утвержденія Могилы на кievской каедрѣ, его отношенія къ предшественнику Исаи Копинскому и б) дѣло о занятіи имъ Никольскаго монастыря.

Исторія занятія Могилою кievской каедры еще при жизни его предшественника Исаи и отношеній къ послѣднему, а также одновременной общей смѣны всѣхъ другихъ юго-западныхъ архіереевъ (кромѣ львовскаго) новыми «упривилегированными» отъ правительства, была съ достаточною полнотою разсказана авторомъ въ I томѣ изслѣдованія; указы тамъ и побужденія къ такому необычайному поставленію архіереевъ на живыя мѣста, состоявшія въ томъ, что польское правительство не признавало старыхъ архіереевъ, поставленныхъ безъ его согласія и даже вѣдома въ 1620 году іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ, что поставленіе новыхъ іерарховъ было для православныхъ выгодно, такъ какъ чрезъ это число іерарховъ у нихъ удвоилось, что наконецъ старые Теофановскіе іерархи, по своей престарѣлости, бѣдности и неродовитости, мало имѣли авторитета и силы, очень нужныхъ во время тогдашней церковной борьбы. Но автору пришлось снова воротиться къ этому предмету, такъ какъ противъ указанныхъ его объясненій явились возраженія со стороны авторитетнаго рецензента его труда, профессора Голубинскаго (рецензія въ Отчетѣ Академіи Наукъ о XXVII присужденія награды гр. Уварова). По мнѣнію послѣдняго, все дѣло указанной смѣны іерарховъ слѣдуетъ приписать глав-

нымъ образомъ честолюбію и интригамъ одного Петра Могилы, который поспѣшилъ занять митрополичью кафедру, воспользовавшись своимъ свѣтскимъ вліяніемъ и расположеніемъ къ себѣ поваго короля Владислава, и чтобы придать такому незаконному занятію живого мѣста видъ нѣкоторой законности, устроилъ дѣло такъ, что въ то же время должны были лишиться своихъ кафедръ и всѣ другіе непризнанные правительствомъ архіереи.

Въ новыхъ своихъ объясненіяхъ по этому поводу г. Голубевъ въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ оправданій П. Могилы выставляетъ старый польскій обычай, неоднократно узаконявшійся королями и сеймами, по которому всѣ высшія іерархическія мѣста въ польскихъ владѣніяхъ могли предоставляться лишь родовитымъ и заслуженнымъ шляхтичамъ той земли, гдѣ открывалась вакансія, а не людямъ простымъ, особенно же не чужеземцамъ. При возстановленіи же православной іерархіи патр. Теофаномъ на святительскія мѣста, не имѣвшія тогда ни бенефицій, ни даже правъ существованія, а потому вовсе не лестныя для знати, понали именно все люди неродовитые, а одинъ даже чужеземецъ, грекъ Аврамій. Сами православные, отставая свою тогдашнюю іерархію въ полемикѣ противъ уніатовъ и латинянь, доказывали ея законность только съ канонической стороны, не отрицая несоотвѣтственности ея существованія съ государственными воззрѣніями; да и сами Теофановскіе іерархи заявляли, что они всегда готовы уступить свои кафедры другимъ, болѣе закононо избраннымъ лицамъ, если только король признаетъ послѣднихъ и утвердитъ за ними надлежащія права и бенефиціи. Выводъ очевиденъ: такими болѣе подходящими избранными, родовитыми и «унривилегированными» и явились іерархи 1632 года, а старые, кромѣ митроп. Исаи, дѣйствительно сами отказались отъ своихъ кафедръ и даже сами поѣхали во Львовъ на поставленіе Петра Могилы. Едва ли кто изъ православныхъ и рѣшился поднять за нихъ голосъ на сеймахъ 1632 года, — всѣ православные депутаты были отъ души рады уже и тому, что послѣ долгой борьбы имъ удалось наконецъ добиться на сеймахъ по крайней мѣрѣ самаго признанія ихъ іерархіи; заступничество за старыхъ, непризнанныхъ правительствомъ, іерарховъ повело бы только еще къ новымъ затрудненіямъ и борьбѣ.

Все это такъ, и со всѣмъ этимъ можно согласиться, конечно, съ практической точки зрѣнія, со стороны практическихъ удобствъ указанной смѣны іерарховъ, хотя нѣкоторыя положенія автора представляются не совсѣмъ твердо обоснованными и съ этой стороны. Такъ, одна изъ важнѣйшихъ мыслей въ его аргументаціи, что старые іерархи сами сознавали свое неудобное положеніе и сами готовы были сдать свои кафедры другимъ, доказывается единственной ссылкой на полемическое сочиненіе 1622 года: *justificacia niewinności*. На стр. 3—4 добровольная сдача ими своихъ ка-

оѣдръ объясняется нѣсколько иначе — ихъ добрыми отношеніями къ П. Могилю и ихъ печальнымъ положеніемъ на каюдрахъ, безъ средствъ и внѣ покровительства законовъ, заставлявшимъ ихъ и до и послѣ отреченія проживать въ Печерской лаврѣ подъ покровительствомъ Могилы. Далѣе, говоря о болѣе близкомъ соотвѣтствіи новыхъ іерарховъ указаннымъ законоположеніямъ о замѣщеніи іерархическихъ вакансій, авторъ какъ будто забываетъ, что самъ Могила былъ чужеземецъ и что это чужеземство его, какъ рассказываетъ самъ авторъ въ I томѣ своего сочиненія (стр. 74—75), послужило нѣкогда (въ 1627 г.) сильнымъ препятствіемъ къ достиженію имъ печерской архимандріи. Какъ угодно, а дѣло тутъ не безъ противорѣчія. Для возведенія Могилы въ митрополиты почему-то допущено было исключеніе изъ общаго правила.

Всѣ объясненія автора клонятся къ подтвержденію того, что П. Могила нельзя считать виновникомъ сверженія старыхъ западнорусскихъ іерарховъ, что профессоръ Голубинскій придаетъ его интригамъ какую-то слишкомъ уже сказочную силу, пизводя въ то же время до нуля значеніе всѣхъ другихъ православныхъ депутатовъ на сеймѣ и даже всего православнаго общества, что все это дѣло было дѣломъ не личностей, а неизбѣжнымъ результатомъ историческихъ требованій и обстоятельствъ. Охотно вѣримъ этому положенію, но въ то же время не можемъ безусловно отрицать участія въ разсматриваемомъ дѣлѣ и личныхъ интересовъ тѣхъ людей, которые были въ немъ главными дѣятелями, и болѣе всѣхъ, конечно, Петра Могилы. Самъ г. Голубевъ говоритъ, что послѣ признанія православной іерархіи правительствомъ и возвращенія ей принадлежащихъ ей привилегій и матеріальныхъ средствъ для разныхъ искателей духовныхъ хлѣбовъ и честей открылись сильныя побужденія искать іерархическихъ мѣстъ, и что самъ Могила дѣйствительно имѣлъ желаніе сдѣлаться митрополитомъ и прилагалъ къ тому «не мало стараній и хлопотъ» (стр. 44). Но, высказавъ такую мысль, онъ не остановился на ней, а поспѣшилъ поскорѣе предохранить своего героя отъ всякой тѣни, какую эта мысль могла на него набросить, прибѣгнувъ на этотъ разъ даже къ фразѣ и притомъ сомнительной справедливости, что де выпить Могила въ данномъ случаѣ такъ же несправедливо, какъ укорять всѣхъ достойныхъ лицъ, стремящихся сподобиться «сугубыя чести»; — это слова апостола Павла, но у него сказано, что достойныя лица не сами ищутъ себѣ сугубыя чести, а «сподобляются» ея по суду другихъ.

Авторъ сдѣлалъ попытку оправдать вступленіе Могилы на каюдру даже съ канонической точки зрѣнія, сославшись на то, что митрополитъ Исаія, по своей бѣдности, да пожалуй и за кратковременностію своего митрополичьяго служенія, не успѣлъ «оформить своего посвященія» въ митро-

политы полученіемъ отъ патріарха сакры или благословенія, а Могила эту сакру получилъ (стр. 45—46). Но это, очевидно, одна формальная зацѣпка за власть патріарха, которая однако можетъ дать не безосновательный поводъ привлечь въ этомъ дѣлѣ къ отвѣтственности и самого патріарха, на какомъ каноническомъ основаніи онъ утверждалъ изложеніе съ каедръ святителя, пользовавшагося общимъ народнымъ уваженіемъ и за свою строгую жизнь, и за свою ревность о православіи, «въ животѣ побожнѣмъ всѣмъ прикладнаго, и надъ то въ вѣрѣ святой благочестивой добрѣ свѣдомого, статечного и ни въ чемъ неподозрѣннаго» (см. стр. 13). По нашему мнѣнію, печего и браться за рѣшеніе трактуемаго вопроса съ юридической, а особенно съ канонической точки зрѣнія. Все это спорное дѣло смѣны архіереевъ шло чисто практическимъ, а не юридическимъ путемъ, направляемое государственнымъ и общественнымъ надобностями, личными интересами и др. историческими мотивами; самъ г. Голубевъ называетъ его исторически неизбѣжнымъ и неодобрительно отзываясь о старомъ митрополитѣ именно за то, что этотъ вздумалъ упорно настаивать на своихъ каноническихъ правахъ, не хотѣлъ понять современнаго положенія вещей и добровольно подчиниться неизбѣжной необходимости (стр. 44).

Разсказъ автора о самой борьбѣ двухъ митрополитовъ имѣетъ болѣе историческихъ достоинствъ. Начало крайне обостренныхъ отношеній между ними г. Голубевъ указываетъ еще задолго до посвященія Могилы въ санъ митрополита. Онъ первый обратилъ надлежащее вниманіе на разницу ихъ направленій по образованію и церковнымъ взглядамъ, вслѣдствіе которой столкновенія между ними начались еще во время печерскаго архимандритства Могилы (стр. 5—10). Могила принадлежалъ къ партіи либеральной, господствовавшей съ конца XVI вѣка среди образованной части южно-русскаго православнаго общества, пановъ и высшаго духовенства. Партія эта была сильно недовольна старымъ традиціоннымъ русскимъ образованіемъ, настаивала для поддержанія православія на заимствованія у иновѣрцевъ современной латинской науки, не чуждалась общенія съ самими иновѣрцами, мечтала по временамъ даже о возможности взаимнообщенія между православной и латинской церквами, о своего рода уніи, только подъ необходимымъ условіемъ сохраненія чистоты православія и полной самостоятельности и той, и другой церкви. Исаія принадлежалъ напротивъ къ партіи консервативной, которая требовала для поддержанія православія полнаго отчужденія православныхъ отъ иновѣрцевъ, настаивала на старомъ церковномъ образованіи исключительно по церковнымъ книгамъ и отрицательно относилась ко всякой мірской наукѣ; партія эта имѣла во главѣ преимущественно подвижниковъ монаховъ, между которыми особенно извѣстенъ такимъ направленіемъ Іоаннъ Вышенскій, и пользовалась боль-

шимъ уваженіемъ въ народѣ. Исаія былъ тоже весьма уважаемый подвижникъ, авторъ «Алфавита Духовнаго», и въ своихъ взглядахъ на свѣтскую ученость близко сходилъ съ І. Вышенскимъ. Попятно, что между нимъ и Могилою, какъ людьми, занимавшими въ южнорусской церкви видное положеніе, вызывавшее ихъ къ общецерковной дѣятельности, поводовъ къ столкновеніямъ представлялось не мало.

Авторъ кратко, но шагъ за шагомъ слѣдитъ за этими столкновеніями и съ своей точки зрѣнія проливаетъ новый свѣтъ на многія явленія того времени (стр. 10—14). Такъ, онъ напоминаетъ изъ I тома своего сочиненія о попыткахъ митр. Іова Борецкаго съ нѣкоторыми высшими духовными лицами, въ томъ числѣ и архимандритомъ Петромъ Могилою, къ сближенію православныхъ съ уніатами и латинами, кончившихся неудачно и крайне невыгодно для православной репутаціи участвовавшихъ въ этихъ попыткахъ. Главнымъ противникомъ ихъ былъ именно Исаія, поддерживаемый православнымъ народомъ и казачествомъ. По избраніи своемъ въ митрополиты на мѣсто Іова (1631 г.) онъ явился сильнымъ противникомъ латинскаго образованія, за которое стоялъ Могила, стремясь водворить его въ своей коллегіи. Этимъ объясняется то, почему Могила желалъ основать эту коллегію не при Богоявленскомъ братствѣ подъ покровительствомъ и вліяніемъ митрополита, а въ печерской лаврѣ, гдѣ полнымъ хозяиномъ былъ онъ самъ. Къ этому присоединилось еще дѣло о передачѣ митрополиту Кіево-Михайловскаго монастыря, надъ которымъ настоятельствоваля прежній митрополитъ и который доставлялъ митрополиту всѣ главныя средства къ жизни. По кончинѣ Іова монастырь этотъ попалъ подъ опеку Могилы и подъ вліяніе лавры и долго (мѣсяца 3—4) не предоставлялся Исаіи, такъ что послѣднему негдѣ было и поселиться въ Кіевѣ. Казаки уже силою водворили въ немъ непріятнаго печерскому архимандриту митрополита. Та же матеріальная сила казаковъ и кіевскихъ горожанъ порѣшила дѣло и о Могилинской коллегіи. Могила вынужденъ былъ соединить ее съ братской школой, выговоривъ себѣ только главное опекунство надъ соединенными заведеніями, чтò, конечно, не устраняло вліянія на нихъ ни митрополита, ни братскихъ старость.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, такъ удачно сгруппированныхъ авторомъ, онъ уже легко объясняетъ далѣе всѣ обстоятельства обостренной борьбы между двумя митрополитами. На первыхъ порахъ послѣ избранія въ митрополиты, вслѣдствіе приверженности къ Исаіи большинства кіевскихъ горожанъ и козаковъ, положеніе Могилы было очень рискованно, чѣмъ и объясняются поспѣшность, съ какою онъ старался заручиться благословеніемъ патріарха, его торжественное посвященіе не въ Кіевѣ, а во Львовѣ, при участіи всѣхъ старыхъ архіереевъ, и суровость его перваго

обращенія съ Исаіей по прїѣздѣ въ Кіевъ. Мы не послѣдуемъ за дальнѣйшимъ разсказомъ автора, хотя могли бы отмѣтить въ немъ не мало новыхъ подробностей, сообщаемыхъ авторомъ на основаніи новыхъ матеріаловъ, изданныхъ имъ отчасти еще въ I томѣ сочиненія (въ приложеніяхъ). Вниманіе читателя обращаютъ на себя особенно тѣ страницы, гдѣ говорится о пастойчивыхъ разглашеніяхъ Исаи касательно измѣны Могилы православію, подавшихъ въ 1638 году поводъ къ массовымъ переселеніямъ лубенскихъ и прилукскихъ монаховъ въ Московское государство, — послѣ предыдущихъ соображеній автора пастойчивость и сила этихъ разглашеній становятся особенно ясны (стр. 24—29); затѣмъ довольно новыя въ нашей литературѣ соображенія о попыткѣ къ бѣгству въ Москву самого Исаи и его кончій, и извѣстія о томъ впечатлѣніи, какое слухи обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ произвели въ Москвѣ, къ сильному подрыву здѣсь православной репутаціи Могилы (стр. 29—35). Разсказъ автора, какъ и выше, направленъ къ полному оправданію П. Могилы и осужденію Исаи за то, что этотъ жалкій старецъ «упрямо, вопреки очевидности, не желалъ понять потребностей времени и согласовать съ ними свое измѣнившееся положеніе», не внявъ упомянутому патріаршему распоряженію, вѣрилъ въ наклонность П. Могилы къ уніатству и своимъ противленіемъ его власти «производилъ въ церкви смущеніе». Такое оправданіе Могилы, какъ и предыдущія, не представляется намъ особенно рѣшительнымъ; для желающихъ свалить вину указаннаго смущенія церкви съ головы Исаи на голову П. Могилы остается къ этому еще полная возможность.

На стр. 49—59 разсказывается исторія вооруженнаго занятія митрополитомъ непокорнаго Пустынно-Никольскаго монастыря. На основаніи архивныхъ документовъ (изданныхъ авторомъ въ I томѣ сочиненія и въ Матеріалахъ для исторіи западно-русской церкви) г. Голубевъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ подробностей этой исторіи, которыя живо рисуютъ съ одной стороны крайніе безпорядки, царившіе въ богатыхъ и деморализованныхъ обителяхъ, и великое панствование въ нихъ игуменовъ, доходившее при никольскомъ игуменѣ Сераціонѣ до страшныхъ жестокостей надъ монахами, даже до убійствъ, съ другой стороны подобныя же пріемы административной расправы съ противниками бывшаго воеводича митрополита, разгромъ всего монастыря и жестокое сѣченіе монаховъ веревками. Выразительны пріемы пользованія со стороны митрополита и своею духовною властію, — говоримъ объ его святительской клятвѣ непокорнымъ инокамъ, цѣликомъ заимствованной у католиковъ (стр. 52—53). Вся эта исторія представляетъ собою вообще обильнѣйшій матеріалъ для самой живой картины современныхъ Могилѣ нравовъ и порядковъ въ средѣ высшаго духовенства. Но г. Голубевъ пользуется ею для своей исключительной цѣли, —

оправданія П. Могилы отъ нареканій именно въ суровости и т. п., представляя безпорядки никольскихъ монаховъ и грѣхи игумена Серапіона въ доказательство того, что съ ними такъ и надобно было поступать, какъ поступилъ П. Могила, таковскіе де и были. «Общезвѣстно, заключаетъ опъ оба разсказа (о столкновеніяхъ Могилы съ Исаіей и съ непокорными монахами), что великіе люди имѣютъ иногда и великіе недостатки, а потому и не недопустимо, что недостатки присущи были и нашему митрополиту. Но тѣ основанія, на которыхъ преимущественно покоились сужденія о нравственныхъ недостаткахъ П. Могилы, оказываются далеко непрочными, и мы не можемъ не чувствовать удовольствія, что непрочность эта въ настоящее время можетъ быть доказываема путемъ научнымъ». Намъ кажется, что смягчать и отчасти оправдывать указанные нравственные недостатки влстительнаго и крутого митрополита справедливѣе и научнѣе будетъ не обвиненіемъ «потерпѣвшихъ» отъ его суровости и крутости, а господствовавшимъ въ то время общимъ характеромъ всякаго рода панствования, большаго и малаго, духовнаго и свѣтскаго, и современнымъ государственнымъ порядкомъ или лучше непорядкомъ, которымъ стояла вся Польша, который допускалъ и разбойничьи наѣзды, и всякія насилія и самоуправства, какъ вещь самую обычную, и при которомъ даже законныя права могли поддерживаться и восстанавливаться послѣ нарушеній не иначе, какъ силою.

Въ слѣдующей весьма обширной главѣ (стр. 62—239) г. Голубевъ положилъ разсмотрѣть заботы Петра Могилы и вообще православныхъ южноруссовъ, направленные къ упроченію возвращенной православію при Владиславѣ IV свободы вѣроисповѣданія и государственныхъ правъ, по при изложеніи этой матеріи ввелъ въ нее множество другихъ матерій, такъ что эта глава вышла у него чрезвычайно разнообразной по содержанію и отличается особенной эпизодичностію. Раньше она напечатана была въ «Кіевской Старинѣ» 1898 года подъ болѣе широкимъ и болѣе подходящимъ къ ней заглавіемъ: «Западнорусская церковь при Петрѣ Могила». Исходнымъ пунктомъ повѣствованія автора служатъ успѣхи, достигнутые православными на сеймахъ 1632—1633 годовъ, которые составили настоящую эпоху возрожденія православной церкви на югозападѣ, — доставили ей легальное положеніе въ государствѣ вмѣстѣ съ ея іерархіей, школами, братствами, монастырями, положили даже возвратить православнымъ значительное количество церквей и церковныхъ имуществъ, захваченныхъ раньше униатами; а красной нитью, которая проходитъ по всему изложенію этой главы, служитъ унорная борьба противъ всѣхъ этихъ успѣховъ православія и противъ сеймовыхъ опредѣленій, особенно противъ такъ называемыхъ «статей успокоенія религій греческой», со стороны латинянъ и униатовъ. Со стороны государства почти единственнымъ виновникомъ этого успокоенія религій гре-

ческой является король Владиславъ, взявшій на себя благородную и вполне согласную съ истиною-государственной политикой роль примирителя крайше возбужденныхъ религіозныхъ партій въ государствѣ. Благодаря его усилиямъ, коронаціонный сеймъ 1633 года, если и не утвердилъ статей успокоенія, все-таки, по крайней мѣрѣ, согласился признать своимъ постановленіемъ королевскій дипломъ православнымъ, обезпечивавшій государственное положеніе ихъ церкви и обѣщавшій имъ торжественно, что на ближайшемъ сеймѣ статьи успокоенія непременно будутъ рассмотрѣны. Послѣ этого король уже отъ себя выдалъ нѣсколько утвердительныхъ грамотъ разнымъ братствамъ и архіереямъ и распорядился о возвращеніи православнымъ нѣсколькихъ церквей по городамъ и мѣстечкамъ чрезъ своихъ королевскихъ комиссаровъ. Все это отдѣленіе II главы (по 84 стр.) изложено большею частію по новымъ архивнымъ матеріаламъ.

Затѣмъ сейчасъ же начинается длинная и печальная исторія борьбы противъ православной церкви со стороны латино-уніатской партіи, подкрѣпленной внушеніями изъ Рима, гдѣ не желали признавать за схизматиками никакихъ правъ. Предъ читателемъ проходитъ длинный рядъ сеймовъ, изъ которыхъ каждый неизбѣжно заканчивался протестаціями латино-уніатовъ противъ всякихъ опредѣленій въ видахъ успокоенія греческой религіи, рядъ практическихъ попытокъ, какъ можно болѣе, ослабить силу этого рода опредѣленій при ихъ исполненіи, обвиненій и жалобъ противъ королевскихъ комиссаровъ, расписывавшихъ церкви, всяческихъ имъ противодѣйствій, даже прямыхъ гоненій на православныхъ и злодѣйствъ надъ ними тамъ, гдѣ сильна была партія уніатская (въ Холмской епархіи уніатскаго архіерея Меодія Терлецкаго—этого второго Кунцевича, въ самомъ Кіевѣ—убіеніе студента Гоголевскаго), а иногда излишне крутыхъ мѣръ защиты и нападеній на враговъ и со стороны православныхъ, гдѣ они чувствовали свою силу (въ епархіи Перемышльской при архіереѣ Сильвестрѣ Гулевичѣ, въ Витебскѣ и Полоцкѣ у Сильвестра Коссова, въ Луцкой епархіи Аонасія Пузины, въ Сокалѣ и др.). Заслуга автора въ разработкѣ перечисленныхъ матерій, во многихъ мѣстахъ почти заново и по новымъ матеріаламъ, весьма значительна. Но мы не можемъ не замѣтить при этомъ, что для его главнаго предмета, для обрисовки дѣятельности и заслугъ самого П. Могилы, отведено здѣсь очень мало мѣста, изъ сотни и болѣе страницъ всего какихъ нибудь 3—4 страницы. А подъ конецъ всей исторіи сеймовъ и борьбы религіозныхъ партій находимъ весьма длинный (стр. 183—195) и совсѣмъ уже лишній эпизодъ, — цѣлую біографію извѣстнаго ревнителя православія брестскаго игумена Аонасія Филипповича; она вставлена здѣсь, по выраженію автора, только для пополненія картины новыми красками, — для цѣли автора, замѣтимъ отъ себя, совсѣмъ не нужными.

Ближе къ дѣлу и интересѣ тѣ отдѣленія II главы, гдѣ обследованы авторомъ попытки Владислава къ примиренію религіозныхъ партій въ королевствѣ на религіозной почвѣ (стр. 138—149, 196—216). Попытки этого рода были и раньше, при королѣ Сигизмундѣ III, и въ 1620-хъ годахъ служили предметомъ неоднократныхъ даже соборныхъ совѣщаній и разсужденій. Тогда же составленъ былъ и планъ примиренія православныхъ съ уніатами, состоявшій въ соединеніи тѣхъ и другихъ подъ властью одного общаго для нихъ патріарха юго-западной церкви, котораго они должны были избрать сообща на соединенномъ соборѣ. Попытки эти разсмотрѣны г. Голубевымъ въ I томѣ его сочиненія (глав. III). Въ 1636 г. Владиславъ рѣшился ихъ возобновить, разсчитывая, вѣроятно, на сочувствіе и помощь со стороны митр. Петра Могилы, Аонасія Пузины и нѣкоторыхъ свѣтскихъ пановъ изъ православныхъ, въ родѣ А. Киселя. Увѣренность латинянъ и уніатовъ въ согласіи на эту унію Могилы и Пузины была очень большая, какъ это видно изъ одного пайдениаго авторомъ и издавнаго въ приложеніяхъ письма нѣкоего Фруга къ уніатскому (владимірскому) епископу Іосифу Баковецкому (стр. 140, прилож. XXX). Король разослалъ грамоты о новомъ соглашеніи и къ православнымъ, и къ уніатамъ. Выработанъ былъ проектъ новой уніи, весь направленный къ отдѣленію православной югозападной церкви отъ греческой и къ подчиненію ея папѣ. Въ патріархи намѣчался, конечно, Могила. Сеймъ 1637 года, на которомъ предполагалось провести мысль объ этой уніи, былъ сорванъ и ничего не успѣлъ сдѣлать по этому вопросу; но Владиславъ не оставлялъ своей затѣи до самаго конца своего царствованія, видя въ ней единственное средство водворить религіозный миръ въ государствѣ, и вель объ ней переговоры съ Римомъ. Римъ самъ уничтожилъ это дѣло своимъ фанатизмомъ и властолюбіемъ, требуя полнаго подчиненія православной церкви папѣ безъ особаго патріарха, прямо на началахъ старой флорентійской уніи, тогда какъ представители православія мыслили объ уніи съ Римомъ, какъ о взаимообщеніи обѣихъ церквей въ мирѣ и любви, какъ равною съ равною, въ смыслѣ возвращенія къ состоянію церкви въ древнія времена св. отецъ, и подъ условіемъ участія въ ней константинопольскаго патріарха. Пользуясь своими богатыми матеріалами, авторъ первыи обстоятельно разсмотрѣлъ исторію этихъ важныхъ уніонныхъ попытокъ; отъ того настоящій отдѣлъ его сочиненія составляетъ съ его стороны не маловажную ученую заслугу.

Остальная часть разсматриваемой главы (съ 219 стр.) заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о поддержкѣ и усиленіи уніи владѣльческимъ патронатомъ надъ приходами разныхъ католическихъ и уніатскихъ пановъ и разборъ толковъ, ходившихъ въ средѣ католиковъ и уніатовъ, касательно склонности нѣкоторыхъ православныхъ іерарховъ и пановъ

къ принятію униі. Авторъ оставляетъ въ нѣкоторомъ подозрѣніи на этотъ счетъ одного изъ іерарховъ — А. Пузину, но рѣшительно отрицаетъ униатскія наклонности у Петра Могилы и Сильвестра Коссова. Изъ свѣтскихъ лицъ онъ замѣчаетъ нѣкоторые оптимистическіе взгляды на унию съ Римомъ у извѣстнаго борца за православіе А. Киселя, но и его выставляетъ, какъ ревностнаго поборника самостоятельности православной церкви и врага флорентійской униі.

Третья глава сочиненія (241—402) посвящена обзорѣ литературной борьбы православныхъ съ иновѣрцами. Наибольшее обиліе и оживленность полемиическихъ сочиненій справедливо относится авторомъ ко времени отъ изданія сочиненія Скарги *O jedności kościoła Bożego* (1577 г.) и провозглашенія брестской униі до Владислава IV. Послѣ этого, подъ вліяніемъ примирительныхъ стремленій короля, наступастъ замѣтное затишье полемики. Пункты успокоенія религіи греческой прямо опредѣляли жить обѣимъ сторонамъ въ мирѣ и согласіи, письменныя и словесныя состязанія между собою прекратить и на будущее время никакихъ сочиненій, которыми привыкли оскорблять другъ друга, не издавать. Новыя сочиненія этого рода выходили въ свѣтъ только по неизбѣжной нуждѣ въ разныхъ объясненіяхъ церковно-религіознаго характера. Авторъ подвергъ разбору только пять такихъ сочиненій.

Первое *Exegesis* Сильвестра Коссова, напечатанный въ Кіево-Печерской типографіи въ 1635 г., сочиненіе, по словамъ автора, рѣдчайшее (стр. 246—268). Цѣлью его написанія была защита Могилинскихъ школъ отъ обвиненія въ ересьяхъ и въ томъ, что въ нихъ самовольно расширены были курсы обученія до степени латинскихъ курсовъ высшихъ школъ. Говоря о поводѣ къ написанію *Exegesis'a*, г. Голубевъ повторяетъ уже изложенныя имъ въ I томѣ доказательства (стр. 436—444), что защита Могилинскихъ школъ предпринята Коссовымъ не по поводу извѣстнаго возмущенія противъ Могилинской коллегии народа и козаковъ въ 1631 г., неправильно относимаго историками кіевской академіи къ 1634 и даже 1635 году, а по поводу позднѣйшей агитаціи противъ Могилинскихъ школъ въ 1633—1634 годахъ со стороны латино-униатской партіи, которая употребляла тогда всѣ усилія къ тому, чтобы, если не вовсе уничтожить эти школы, то, по крайней мѣрѣ, низвести ихъ на степень низшихъ школъ, и издала по этому поводу даже особое сочиненіе (неизвѣстное библиографамъ), наполненное клеветническими обвиненіями ихъ учителей въ кальвинской и социніанской ересьяхъ, а въ 1634 г. успѣла даже выпросить у Владислава королевскія грамоты о закрытіи кіевской и вишицкой школъ (не приведенныя въ исполненіе). Далѣе г. Голубевъ постарался рѣшить вопросъ объ авторѣ упомянутаго сейчасъ неизвѣстнаго сочиненія противъ школъ. Въ рѣшеніи

этого вопроса существуютъ большія разногласія, — одни считаютъ авторомъ этого сочиненія Кассіана Саковича (преосвящ. Макаріи), другіе (Пекарскій) Мелетія Смотрицкаго, третьи (Аскоченскій) — іезуитовъ. Послѣ остроумнаго разбора тѣхъ мѣстъ Exegesis'a, гдѣ попадаются указанія на опровергаемаго здѣсь автора-клеветника, г. Голубевъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, кажется, окончательно, доказавъ, что этимъ авторомъ могъ быть только митроп. Вельяминъ Рутскій, извѣстный своими клеветами на греко-русское православіе еще со времени униатской полемики противъ законности Теофановской іерархіи въ сочиненіи своемъ *Sowita wina* 1622 года. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ Exegesis'a. Въ заключеніе представлены соображенія о времени его изданія, — 1635 годъ предъ открытіемъ сейма этого года, — быть можетъ, для раздачи этого сочиненія сеймовымъ депутатамъ, — и краткія замѣчанія объ его достоинствахъ и недостаткахъ, которыхъ не мѣшало бы расширить и изложить пообстоятельнѣе.

Другое сочиненіе *Patericon abo żywoty śś. Oycow Pieczarskich* того же Коссова, напечатанное въ печерской типографіи въ 1635 г., по благословенію П. Могилы (стр. 268—293). Содержаніе его составляютъ житія печерскихъ угодниковъ съ предисловіемъ и двумя небольшими трактатами о пяти крещеніяхъ Руси и о русскихъ митрополитахъ. При разборѣ книги г. Голубевъ останавливается спеціально на ея полемическихъ отдѣлахъ противъ невѣрующихъ мощамъ печерскихъ угодниковъ и противъ католиковъ, которые доказывали, что эти угодники получили спасеніе и прославлены Богомъ въ нѣдрахъ римской церкви, съ которой пребывали еще въ единеніи, и слѣдовательно не принадлежатъ церкви православной. Разборъ этихъ полемическихъ отдѣловъ очень подробный, съ обширными выдержками изъ текста. Poleмику Коссова авторъ сопоставляетъ съ полемикой его предшественника Захаріи Коныстенакаго (въ Палинодіи) и характеризуетъ ихъ пріемы главнымъ образомъ со стороны ихъ историческаго содержанія, т. е. тѣхъ историческихъ фактовъ, около которыхъ онѣ вращались. При чтеніи этого разбора Патерикона, читатель, вполне удовлетворяясь анализомъ полемическаго содержанія этого произведенія, испытываетъ нѣкоторое недовольство тѣмъ, что г. Голубевъ ничего не даетъ для ученой характеристики главнаго содержанія книги, — самыхъ житій печерскихъ угодниковъ, которыя «явить свѣту» Коссовъ поставилъ спеціальною задачей своего труда.

Третья разбираемая г. Голубевымъ книга, изданная тоже по благословенію П. Могилы въ печерской же типографіи въ 1638 году, составляетъ какъ бы продолженіе Патерикона. Это *Terztvorynia, lubo cuda, które były tak w samym świętocytnym monastyrze Pieczarskim, iako u obudwu świętych pieczarach...* Аѳанасія Кальнофойскаго (стр. 293—309). «Задачею

Кальнофойскаго, говоритъ авторъ, было показать, что чудеса продолжаютъ совершаться въ лаврѣ и въ настоящее время какъ отъ мощей означенныхъ святыхъ, такъ и отъ чудотворнаго образа, находящагося въ сей обители, сообщить свѣдѣнія о самыхъ пещерахъ кievскихъ (о которыхъ въ народѣ говорилось много баснословнаго) и увѣковѣчить память фундаторовъ и благотворителей обители». Полемиическій элементъ сочиненія заключается въ прибавочныхъ разсужденіяхъ Кальнофойскаго о чудесахъ отъ мощей и иконъ и о почитаніи тѣхъ и другихъ противъ протестантовъ; онъ разсмотрѣнъ г. Голубевымъ особенно обстоятельно и съ характерными выдержками. При разсмотрѣніи второго отдѣла о самыхъ чудесахъ авторъ указываетъ источники, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія Кальнофойскаго. Въ заключеніе указаны достоинства и недостатки Тератургимы со стороны какъ содержанія, такъ и изложенія; послѣднее, по словамъ автора, подверглось въ Могилинскомъ Атенеѣ особенно усердной риторической «полировка» и отличается большимъ классическимъ балластомъ и риторской напыщенностію. Въ примѣчаніи на стр. 309 упоминается еще однородное съ Тератургимой сочиненіе Кальнофойскаго: *Paragon cudow świętych obraza przeczistey Bogorodzice w monastygu Kupiatyckim* (1638). Авторъ не помѣстилъ этого сочиненія въ текстѣ, вѣроятно, за отсутствіемъ въ немъ полемиическаго содержанія.

Далѣе разобрано сочиненіе: *Iudicium, tojest pokazanie Cerkwie prawdziwey, iak dawno y od kogo początek swoy wsieła y po czym ią roznać*, противъ латино-униатовъ, составленное въ Винницкомъ монастырѣ неизвѣстнымъ инокомъ въ 1638 году, но въ свое время неизданное (сравни прим. 140 на 153 стр.). Авторъ не высоко отзывается о полемиическихъ достоинствахъ этого сочиненія и послѣ краткаго его анализа, сдѣлавъ изъ него нѣсколько выразительныхъ выдержекъ историко-полемиическаго характера, спѣшитъ перейти къ разбору наиболѣе капитальнаго полемиическаго и апологетическаго сочиненія Могилинскаго времени (1644 г.), извѣстнаго подъ названіемъ *Лиооса*.

Лиоосъ або *kamien z procy prawdy cerkwie świętey prawoslawney Ruskiej na scruszenie fałecznościemniey Perspectiwy* або *raczyey poszkwiliu od Kassiana Sakowicza*. Замѣтимъ кстати, что нашему автору мы обязаны новымъ изданіемъ *Лиооса* въ IX т. Архива югозападной Россіи. Сочиненіе Саковича, противъ котораго направленъ *Лиоосъ*, называется: *Ἐπιχρόδωσις* або *Perspectiwa y objaśnienie błędow, herezyey y zabobonow w grekoruskiej cerkwi disunitskiej*... 1642 roku. Разбору *Лиооса* (съ 320 стр.) авторъ предпослалъ жизнеописаніе и характеристику личности Кассіана Саковича, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на неоднократной перемѣнѣ его религіозныхъ убѣжденій, — изъ православія онъ перешелъ въ унию,

изъ униі въ католичество. Этимъ и объясняется то, что въ книгѣ своей онъ одинаково возставалъ и противъ православія, и противъ униі съ одними и тѣми же обличеніями. «Цѣль, какую онъ намѣтилъ себѣ при составленіи своей Перспективы, говоритъ г. Голубевъ, заключалась въ желаніи показать, что идеальная униа, провозглашенная на Брестскомъ соборѣ и успѣшно осуществлявшаяся въ жизни прежними митрополитами и епископами, въ настоящее время утратила свой характеръ, и представители униатской церкви только внѣшнимъ образомъ связаны съ церковію римской, а въ душѣ тѣ же схизматики», не заботятся объ исправленіи обрядовъ, обычаевъ, заблужденій и ересей, какія остались въ униі отъ схизмы. Въ одномъ примѣчаніи (прилож. стр. 319) г. Голубевъ замѣчаетъ, что большая часть нашихъ изслѣдователей, касаясь Перспективы Саковича, знакомился съ ней по выдержкамъ изъ нея въ Липсоѣ; это дало ему поводъ посвятить ей въ своемъ изслѣдованіи очень большой эпизодъ (стр. 335—357), а въ приложеніяхъ сдѣлать изъ нея обширныя, даже, пожалуй, излишнія, извлеченія (стр. 319—333). Характеризуя общее направленіе книги Саковича, онъ говоритъ, что въ южнорусской церкви было дѣйствительно довольно матеріала для обличеній, но Саковичъ крайне его преувеличивалъ, обобщая частные случаи церковныхъ нестроеній и приписывая недостатки частныхъ лицъ изъ духовенства самой церкви, кромѣ того, не дѣлалъ никакого различія между православными и униатами, приписывалъ первымъ то, что относилось только къ послѣднимъ, наконецъ, на все въ православной церкви смотрѣлъ исключительно съ католической точки зрѣнія, отъ того часто отрицалъ то, что составляло истинную церковную традицію. Выставляя на видъ такіе недостатки Перспективы и всю поверхностность ея взглядовъ на православную церковь, авторъ однако не отрицаетъ ея значенія и большихъ успѣховъ среди современныхъ ей читателей; успѣхи эти онъ приписываетъ ей публицистическимъ достоинствамъ, — бойкости изложенія и желчному остроумію, которое бередило самыя больныя мѣста современныхъ недуговъ.

Приступивъ къ разбору самого Липсоа, г. Голубевъ прежде всего задается рѣшеніемъ вопроса объ авторѣ этой книги, который скрылъ себя подъ именемъ Евсевія Пимпиа (благочестиваго, т. е. православнаго пастыря). Общее мнѣніе всѣхъ, касавшихся рѣшенія этого вопроса, впадло въ этомъ Евсевиѣ Петра Могилу. Г. Голубевъ приводитъ извѣстіе, что на другой же годъ послѣ изданія Липсоа униатскій архимандритъ Янъ Дубовичъ за изданіе этой книги занесъ въ луцкія градскія книги формальную протестацію противъ Могилы (издана въ прилож. № LXXX). Въ составленіи ея Могилою не сомнѣвался и Саковичъ. Нашъ авторъ желаетъ такое общее мнѣніе нѣсколько ограничить. По его словамъ, митрополитъ, при своей многосложной дѣятельности, одинъ никакъ не могъ сла-

дять съ такой ученой работой, требовавшей большой эрудиціи, многихъ справокъ и не малаго литературнаго такта, и необходимо предположить, что въ составленіи Ллюоса у него были дѣятельные сотрудники изъ кружка тѣхъ кievскихъ ученыхъ, которымъ митрополитъ поручилъ отъ себя разные литературныя работы на заданныя темы, какъ, наприм., Косову составленіе Патерикона, Кально Фойскому — Тератургимы, Исаи Трофимовичу — Катехизиса. Съ такимъ предположеніемъ можно согласиться, хотя авторъ и не могъ указать, кто именно былъ сотрудникомъ Могилы при написаніи Ллюоса.

Послѣ соображеній объ авторѣ книги и нѣсколькихъ библиографическихъ замѣтокъ объ ея первомъ изданіи читателямъ предложены подробный и серьезный анализъ ея содержанія и оцѣнка ея высокихъ достоинствъ со стороны эрудиціи и силы ея аргументаціи сравнительно съ сомнительными достоинствами произведенія Саковича. На стр. 366 и далѣе представленъ длинный перечень источниковъ Ллюоса. Въ примѣчаніи къ тексту между прочимъ указаны два чрезвычайно рѣдкихъ сочиненія: синодальная клятва константинопольской церкви противъ еретиковъ, изданная на польскомъ языкѣ по благословенію П. Могилы въ 1642 г., — единственный экземпляръ этой брошюры г. Голубевъ нашелъ въ львовской библиотекѣ Оссолинскихъ и издалъ у себя въ приложеніяхъ (№ LXIII), — и упоминаемая въ Ллюосѣ «Наука о семи сакраментяхъ», неизвѣстная библиографамъ доселѣ и составлявшая, по мнѣнію г. Голубева, приложение къ уніатскому требнику. Относительно пользованія перечисленными источниками, авторъ считаетъ Ллюосъ наименѣ заслуживающимъ упрека въ компилятивномъ характерѣ, которымъ нерѣдко отличались южно-русскія произведенія. Полемикѣ Ллюоса отдается должная честь за ея широкій сравнительно и просвѣщенный взглядъ на обрядовое различіе между церквами, за строгое различіе вѣшности обряда отъ его внутренняго смысла, хотя, впрочемъ, не отрицаются за Ллюосомъ и обычные приемы тогдашней полемики, — грубыя колкости относительно обрядовой практики католиковъ и уніатовъ, особенно же противъ личности самого Саковича. Кромѣ полемическаго значенія, авторъ приписываетъ Ллюосу еще весьма важное значеніе литургическое и историческое. Въ дальнѣйшихъ главахъ сочиненія онъ и самъ широко пользуется историческими указаніями Ллюоса, особенно относительно внутренняго состоянія южно-русской церкви при Могилѣ.

Послѣ разбора Ллюоса авторъ сообщаетъ нѣсколько важныхъ для науки данныхъ относительно того впечатлѣнія, какое Ллюосъ произвелъ на современниковъ латино-уніатскаго лагеря и которое ясно отражается въ тогдашней и послѣдующей литературѣ юго-запада. Г. Голубевъ знаетъ экземпляръ Ллюоса, принадлежавшій нѣкогда самому Саковичу, — теперь

онъ находится въ библіотекѣ варшавскаго университета. Всѣ поля этого экземпляра исписаны собственноручными замѣтками Саковича въ защиту Перспективы. Въ исторіи польской литературы Вишневецкаго сказано, что въ 1646 г. Саковичъ издалъ противъ Леооса особое сочиненіе: Oskard abo młot na skruszenie Kamienia schizmatyckiego. Можно думать, что замѣтки Саковича на поляхъ Леооса послужили ему для этого Oskard'a матеріаломъ или чернякомъ. Но авторъ сомнѣвается въ изданіи этого сочиненія, такъ какъ и сама Перспектива, одинаково задѣвавшая и православныхъ, и уніатовъ, встрѣчена была уніатскими властями, да и самой римской куріей неодобрительно; изданію Oskard'a могла воспротивиться сама католическая цензура (стр. 385—387). Съ содержаніемъ замѣчаній Саковича на Леоосъ авторъ подробно знакомитъ читателя посредствомъ обширныхъ, даже излишне, извлеченій и въ текстѣ (387—394), и въ приложеніяхъ (LXXX). Въ заключеніе указываются болѣе крупныя литературныя памятники, вызванныя Леоосомъ и съ латино-уніатской, и съ православной стороны, а также и сочиненія, написанныя противъ Перспективы въ защиту уніатской церкви. Къ послѣднимъ относятся сочиненія архим. Яна Дубовича и пинскаго уніатскаго архіерея Пахомія Войны Оранскаго (Zwierciadło... 1645 roku)

Вся разсмотрѣнная глава показываетъ въ авторѣ большого знатока южно-русской литературы, тонкаго ея цѣнителя и усерднаго библіографа. Въ ней мы находимъ множество указаній на неизвѣстные и малоизвѣстные памятники, письменные и печатные, и разныхъ библіографическихъ поправокъ. Позволимъ себѣ выразить одно только недоумѣніе относительно мѣста, какое эта глава занимаетъ въ общемъ строѣ всего сочиненія. По плану автора, она относится къ тому отдѣлу сочиненія, который посвященъ дѣятельности П. Могилы, направленной къ упроченію вишняго состоянія православной церкви на юго-западѣ, и составляетъ непосредственное продолженіе II главы: въ послѣдней же разсматривается борьба православныхъ съ иновѣрцами на поприщѣ юридическомъ, государственномъ, а здѣсь на поприщѣ литературномъ; но представляется болѣе естественнымъ разсматривать эту литературную борьбу въ предстоящемъ далѣе отдѣлѣ о церковномъ просвѣщеніи и литературѣ Могиллинскаго времени вообще. У всякаго автора, впрочемъ, можетъ быть свой планъ и порядокъ въ изложеніи фактовъ и спорить о сравнительномъ достоинствѣ такихъ плановъ для сущности дѣла не представляется намъ особенно нужнымъ.

Съ IV главы (стр. 404—463) идетъ рѣчь о дѣятельности П. Могилы, направленной къ внутреннему благоустройству южно-русской церкви, подорванному недавно пережитыми ею бѣдствіями. Вся эта глава посвящена заботамъ митрополита *о возстановленіи и благоустройствѣ православныхъ*

церквей по митрополіи, находившихся при возвращеніи ихъ отъ униатовъ большею частію въ самомъ жалкомъ состояніи. Почти исключительное вниманіе авторъ обратилъ здѣсь на возстановленіе церквей кіевскихъ, доходившихъ до полнаго почти разрушенія не отъ одного уже вліянія уни, но и отъ перадѣнія объ нихъ самихъ митрополитовъ, давно покинувшихъ Кіевъ и жившихъ или въ Вильнѣ, или въ Новогрудкѣ, и православныхъ кіевлянъ. Сознвая высокое церковно-историческое значеніе древнихъ кіевскихъ храмовъ, Могила дѣятельно принялся востановлять ихъ частію на сборныя средства, частію же на средства самой митрополіи. Въ настоящей главѣ разсказывается о возстановленіи Могилою Софійскаго собора, церквей Десятинной, Васильевской или Трехсвятительской, Спасской на Берестовѣ, Михайловской въ Выдубецкомъ монастырѣ. Страницы, посвященныя этой матеріи, полны историческихъ и археологическихъ подробностей мѣстнаго характера; авторъ даетъ читателямъ цѣльные историческіе очерки означенныхъ храмовъ, критически разбираетъ литературу ихъ исторіи и дѣлаетъ относительно нея цѣльныя замѣчанія и поправки. Затѣмъ кратко говорится о заботахъ митрополита по возстановленію церквей и монастырей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ митрополіи, наприм., въ луцкой епархіи монастыря Жлдичинскаго, храма въ монастырѣ Купятицкомъ и проч. Опредѣляя историческое значеніе такой дѣятельности П. Могилы, авторъ говоритъ, что эти возстановленные храмы свидѣтельствовали объ исконной древности православія въ югозападной Россіи яснѣе и понятнѣе для народа, чѣмъ всякія полемическія сочиненія, направленные противъ ложныхъ увѣреній іезуитовъ касательно древности здѣсь панства или уни.

Пятая и послѣдняя глава II тома (съ 464 стр.) посвящена борьбѣ митрополита съ внутренними нестроеніями въ православной юго-западной церкви и устроенію въ ней лучшихъ административныхъ и нравственныхъ порядковъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ всѣхъ мѣстныхъ нестроеній до Петра Могилы авторъ считаетъ упадокъ нравственности среди самой іерархіи и неизбѣжное при этомъ ослабленіе ея вліянія на паству, усиленіе въ церковныхъ дѣлахъ вліянія мірянъ, частныхъ лицъ и особенно церковныхъ братствъ. Поэтому обзоръ указанной дѣятельности митрополита авторъ начинаеть съ описанія принятыхъ Могилою мѣръ къ надлежащему возвышенію іерархической власти и упорядоченію ея отношеній къ паствѣ. Энергичный и властный характеръ митрополита пригодился здѣсь, какъ нельзя болѣе, потому что борьбу противъ нестроеній приходилось начинать съ самыхъ высшихъ слоевъ іерархіи, гдѣ встрѣчались явныя нарушенія каановъ, гдѣ попадались даже двосженцы архіерен. Сюда относится интересное дѣло о кандидатурѣ на перемышльскую епископію (1633 года) Ивана Поппеля, жившаго еще въ настоящемъ бракѣ со второю своею

женою. Могла горячо взялся за устраненіе такого кандидата и успѣлъ провести своего собственаго — Сильвестра Гулевича, не смотря ни на противодѣйствіе сильной партіи Поппеля среди перемышлянъ, ни на королевскую привиллегію, ни даже на благословеніе патріарха, которыми Поппель успѣлъ заручиться. Это важное дѣло, отбившее охоту добиваться іерархическихъ мѣстъ у всѣхъ пановъ двоеженцевъ, изложено авторомъ по новымъ документамъ, изданнымъ въ приложенияхъ къ I, и къ II тому сочиненія. Такія же и еще болѣе энергичныя мѣры принималъ митрополитъ и противъ двоеженства священниковъ, примѣры котораго, иногда весьма разительные, встрѣчались, конечно, еще чаще (стр. 478—481), и вообще для поднятія нравственнаго и образовательнаго уровня въ средѣ приходскаго духовенства (482—484).

Далѣе авторъ останавливается на организаціи П. Могилою общаго строя епархіальнаго управленія. Здѣсь, впрочемъ, онъ не указалъ ничего особеннаго, кромѣ учрежденія Могилою духовной консисторіи въ своей епархіи, по примѣру, какъ онъ дагадывается, католическихъ епархій. Не мѣшало бы при этомъ кое что сказать объ отношеніи этого важнаго нововведенія въ епархіальномъ управленіи къ прежнимъ однороднымъ епархіальнымъ учрежденіямъ. Остальныя страницы этого отдѣленія наполнены свѣдѣніями объ обычныхъ органахъ епархіальнаго управленія, которые были и прежде и послѣ, — протопопахъ, визитаторахъ, намѣстникахъ и соборахъ епархіальнаго духовенства, созывавшихся архіереями для поученія духовенству и исправленія разныхъ безпорядковъ по епархіямъ нравственныхъ, богослужебныхъ и пр. Въ образчикъ обширности и важности наставленій, преподававшихся духовенству на соборахъ, приводится «Дидакалія або наука о семи сакраментяхъ» С. Коссова, преподанная сначала на Мстиславскомъ соборѣ 1636 года, потомъ разосланная и по другимъ епархіямъ съ присовокупленіемъ поученій духовенству отъ имени издателей епископовъ (стр. 491). Интереснѣе слѣдующія за симъ свѣдѣнія объ объѣздахъ Могилою митрополитъ, которые только при немъ получили надлежащую свободу и удобства, и упомянутомъ учрежденіи имъ духовной консисторіи (492—499). Въ перечнѣ органовъ епархіальнаго управленія мы замѣтили у автора пропускъ, — ничего не сказано объ оригинальномъ учрежденіи юго-западной церкви, о коадьюторствѣ, которое является при П. Могилѣ при нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереяхъ (у Сильвестра Коссова и у Афанасія Пузины). Кoadьюторы эти были чѣмъ то въ родѣ викаріевъ и носили названіе епископовъ, не имѣя епископскаго сана.

Изображая далѣе, какъ энергично долженъ былъ Могила отстаивать іерархическій авторитетъ противъ силы церковныхъ братствъ, г. Голубевъ особенно останавливается на продолжительной и выразительной борьбѣ ми-

митрополита съ сильнымъ львовскимъ братствомъ, начавшейся въ 1634 г. изъ-за произвольной смѣны братствомъ игумена подвѣдомственнаго ему Онуфріева монастыря безъ вѣдома митрополита, затѣмъ продолжавшейся изъ-за столкновенія между братской и кіево-печерской типографіями по изданію и продажѣ книгъ; къ этому дѣлу присоединилось еще другое о такомъ же столкновеніи братской львовской типографіи съ частной типографіей Михаила Слезки; потомъ, когда этотъ Слезка успѣлъ помириться съ братствомъ и, войдя съ нимъ въ соглашеніе, сталъ перепечатывать кіевскія изданія, борьба митрополита съ братствомъ усложнилась еще этимъ новымъ эпизодомъ. Всѣ эти отношенія Могилы къ львовскому братству разработаны авторомъ заново по архивнымъ документамъ, изданнымъ въ приложенияхъ (№№ XXIII, LXII, LXXXII). Борьба митрополита противъ превышавшихъ свою власть патроновъ церквей и монастырей, за неимѣніемъ фактовъ, разсмотрѣна авторомъ гипотетически и довольно блѣдно (506—510). Въ разборѣ отношеній Могилы къ епископамъ своей митрополіи замѣчательны повья свѣдѣнія о столкновеніяхъ его съ мстиславскимъ епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ изъ-за назначенія Могилою игумена въ братскій моголевскій монастырь помимо мѣстнаго архіерея и еще съ львовскимъ епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ изъ-за изданія во Львовѣ богослужебныхъ книгъ безъ вѣдома и благословенія митрополита (510—515). По поводу перваго дѣла авторомъ изданы весьма важныя письма С. Коссова и Могилы о правахъ митрополита, какъ патріаршаго экзарха, и епископовъ надъ ставропигіальными монастырями по епархіямъ, насколько эти монастыри должны подчиняться мѣстнымъ архіереямъ (прилож. № XLII—XLIV).

Разсматривая результаты административной дѣятельности П. Могилы (516—523), авторъ говоритъ, что важнѣйшимъ изъ нихъ было полное искорененіе антиканоническихъ безпорядковъ при возведеніи въ іерархическія степени и особенно двоеженства священниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ даже самъ К. Саковичъ. Сказано еще въ общихъ фразахъ, что духовенство и вообще должно было улучшиться, почувствовавъ надъ собою твердую руку своего первоіерарха. На іерархіи лежало еще одно тяжелое обвиненіе — въ симоніи и поборахъ съ духовенства; но, говоря объ этомъ обвиненіи, авторъ ограничился только нѣсколькими мыслями изъ Люоса, составителя котораго, отвѣчая на такія обвиненія, спѣшатъ обыкновенно поскорѣе встать въ наступательную позицію, — а у васъ де уніатовъ у самихъ дѣлается вотъ что, и затѣмъ перечисляютъ разныя гадости среди уніатскаго духовенства.

Заканчивая обзоръ представленныхъ въ сочиненія свѣдѣній объ административномъ устройствѣ митрополіи, мы не можемъ не пожалѣть о томъ,

что нашъ почтенный авторъ не потрудился дать намъ, сколько нибудь опредѣленнаго, территоріальнаго обозрѣнія кievской митрополіи Могилінскаго времени и принадлежащихъ ей епархій. Предметъ этотъ еще очень мало разработанъ въ нашей исторической литературѣ и, занявшись имъ, г. Голубевъ, при своей богатой эрудиціи, могъ бы оказать большую услугу специально изучаемой имъ исторіи югозападной церкви. Слѣдовало бы опредѣлить, на какія мѣстности простирался югозападные епархія, какіе принадлежали имъ города, мѣстечки, церкви и монастыри, сравнительно съ епархіями уніатскими, и насколько православіе, пользуясь своими новыми правами, успѣвало постепенно расширять свои, такъ сказать, территоріальныя владѣнія. Свѣдѣнія этого рода всего приличнѣе можно было бы помѣстить во II главѣ настоящаго тома; ими значительно уяснился бы и главный предметъ этой главы, — борьба православныхъ съ латинами и уніатами какъ на сеймахъ, такъ особенно на почвѣ практическаго осуществленія сеймовыхъ и королевскихъ опредѣленій, касавшихся главнымъ образомъ именно территоріальнаго расширенія православія. Правда, мы встрѣчаемъ здѣсь значительное количество этого рода фактовъ, но количество все-таки недостаточное для яснаго представленія дѣла, притомъ же, вслѣдствіе хронологической группировки всей этой главы по порядку сеймовъ, факты эти изложены въ ней разбросанно, не въ одномъ цѣльномъ очеркѣ. Въ соотвѣствующихъ мѣстахъ XI тома церковной исторіи преосвящ. Макарія принята иная группировка тѣхъ же фактовъ, именно по мѣстностямъ, по епархіямъ, и изложеніе его въ своей ясности и опредѣленности значительно выигрываетъ предъ изложеніемъ нашего автора, хотя фактической эрудиціи у послѣдняго гораздо больше, чѣмъ у перваго.

Въ представленномъ нами критическомъ анализѣ сочиненія г. Голубева мы, кажется, достаточно ясно опредѣлили какъ его содержаніе, такъ и характеръ его широкаго и эпизодическаго изложенія, показали вмѣстѣ съ тѣмъ и то, съ какою громадною эрудиціей приступилъ онъ къ своему обширному изслѣдованію и какъ много сообщилъ въ немъ разнаго рода научныхъ новостей. Послѣднее достоинство его работы еще яснѣе выступаетъ въ приложеніяхъ, составляющихъ цѣлую половину его огромной по своимъ размѣрамъ (1022 стр. одного только текста съ приложеніями) книги.

Внушительно самое число этихъ приложеній — 85 №№ большею частью совсѣмъ доселѣ неизвѣстныхъ памятниковъ изъ указанныхъ выше библиотекъ и архивовъ, не считая указаній на множество другихъ такихъ же памятниковъ въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ ко многимъ №№ главныхъ приложеній. Замѣчательно самое изданіе этихъ памятниковъ, — серьезно научное, стоившее не малой работы. Каждый почти памятникъ

обсѣдовать критически и снабженъ примѣчаніями бібліографическаго, литературнаго, историческаго или археологическаго содержанія; нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній и сами представляютъ собою цѣлыя научныя изслѣдованія. Авторъ не желалъ пропустить безъ объясненій и примѣчаній ни одной личности, ни одного сочиненія, которыя случайно упоминаются въ его книгѣ или въ приложеніяхъ къ ней. Отъ того нѣкоторыя его примѣчанія въ приложеніяхъ отличаются очень сложнымъ содержаніемъ.

Первые №№ приложеній относятся къ посвященію П. Могилы въ митрополиты и къ первому времени его управленія митрополіей и составляютъ продолженіе и дополненіе такихъ же приложеній въ I томѣ сочиненія. Въ нѣсколькихъ изъ послѣдующихъ №№ находимъ новыя памятники и замѣчанія, относящіеся къ исторіи сеймовъ Могилынскаго времени, разсуждавшихъ о правахъ православія. Извлеченія изъ діаріушевъ или дневниковъ сеймовъ 1632—1633 годовъ, конвокаціоннаго, избирательнаго и коронаціоннаго, и разные относящіеся къ нимъ документы, указы депутатамъ, представленія православныхъ о своихъ правахъ, протестаціи противъ нихъ латино-уніатской партіи и проч. изданы авторомъ по рукописнымъ подлинникамъ еще въ I томѣ (№№ LXXIV — LXXXIV). Въ настоящемъ томѣ находимъ нѣкоторыя къ нимъ дополненія и свѣдѣнія о послѣдующихъ сеймахъ. Къ № I приложены разновременные варианты извѣстныхъ пунктовъ успокоенія религіи греческой, показывающіе самый процессъ составленія этихъ пунктовъ. Въ № XIX переиздана малоизвѣстная протестація латино-уніатскаго духовенства противъ сеймовой конституціи 1635 г. по вопросу о правахъ православныхъ и приведено содержаніе самой конституціи. Въ №№ XXXV — XXXVI помѣщены извлеченія о правахъ православныхъ изъ діаріуша сейма 1638 г. и протестація противъ его конституціи латино-уніатскаго духовенства и сенаторовъ. При извлеченіяхъ изъ діаріуша приложено обширное примѣчаніе о личности и заслугахъ главнаго дѣятеля сейма изъ православныхъ депутатовъ, — Адама Киселя, въ дополненіе къ тому, что объ немъ сказано на стр. 232—239 самаго текста книги, съ подробнымъ и цифирнымъ указаніемъ источниковъ для разработки біографіи этого ревнителя православія по рукописямъ кievскаго центральнаго архива и бібліотеки кievской академіи, за что будущіе изслѣдователи этой біографіи навѣрное скажутъ г. Голубеву большое спасибо. За № XL помѣщена инструкція уніатскимъ депутатамъ на сеймъ 1639 г., а въ примѣчаніи 3 къ XLII—XLIV (къ перепискѣ С. Коссова съ Могилой, гдѣ Коссовъ, между прочимъ, упоминаетъ о выгодной для православныхъ конституціи этого сейма, къ сожалѣнію «сорваннаго») приведена самая конституція сейма (изъ одного сборника Кіевопечерской лавры), доселѣ въ печати неизвѣстная.

Еще болѣ новыхъ матеріаловъ находимъ здѣсь относительно случаевъ нарушенія сеймовыхъ конституцій, притѣсненій православныхъ со стороны латинъ и униатовъ и усилій отстоять свои права. Таковы приложенія подъ №№ VIII, X, XI, XII, XIV, XXIV, XXVI, XXVII—XXVIII, XXIX, XXXI, XXXIII, XLVI (объ убіеніи кіевского студента Гоголевскаго), L, LI, LIII, LV — LVI, LIX, LXXIX. Нѣкоторыя изъ этихъ приложеній сопровождаются обширными примѣчаніями. Напримѣръ, при № XXXI, гдѣ изданъ декретъ Петроковскаго трибунала объ инфаміи Сильвестра Гулевича и многихъ православныхъ перемышлянъ за насильственное отнятіе у униатовъ Спасскаго монастыря, находится большое примѣчаніе (стр. 124—134), въ которомъ собраны свѣдѣнія о борьбѣ Гулевича съ униатскимъ архіереемъ Крупецкимъ и объ дѣлѣ его инфаміи до 1641 г., когда она была съ него сложена. См. объ немъ еще № XX и примѣчаніе къ этому №.

Подъ № XXX издано упомянутое письмо Фруга къ Юсифу Баковецкому 1636 г. съ извѣстіями о принятіи уни А. Пузиною и склонности къ ней П. Могилы, найденное авторомъ въ бумагахъ Тригурскаго монастыря. Документъ этотъ имѣетъ особенную важность для исторіи попытокъ короля Владислава соединить униатовъ съ православными подъ властью одного патріарха. Въ примѣчанія указаны всѣ извѣстные по этому дѣлу документы и изданъ новый изъ архива виленскаго Святодухова монастыря, содержащій копию съ отчета одного изъ депутатовъ, отправленныхъ королемъ къ православнымъ съ цѣлію убѣдить ихъ войти въ соглашеніе съ униатами. Къ тому же вопросу относится № LXIX, — посланіе конгрегаціи кардиналовъ къ П. Могилѣ съ призывомъ къ униі на основаніяхъ униі флорентійской. Изъ переписки Могилы съ виленскимъ братствомъ въ 1646 г. (о выборѣ въ настоятели Святодухова монастыря Юсифа Тризны) видно, что мысль о патріаршествѣ Могилы не пропадала до самой его смерти; — оправдываясь предъ митрополитомъ въ томъ, что въ письмѣ къ нему пропущенъ былъ его митрополитій титулъ, братчики писали, что они сдѣлали это умышленно, *futura providendo*, и что въ такой ихъ мысли участвовали и бывшіи тогда въ Вильнѣ кіевскій ректоръ Иннокентій Гизель.

Въ примѣчаніяхъ къ разнымъ №№ приложеній постоянно встрѣчаемъ у автора цѣнныя біографическія свѣдѣнія и поправки къ прежнимъ такимъ же свѣдѣніямъ о разныхъ лицахъ, о которыхъ ему приходилось упоминать въ своей работѣ. Вотъ нѣкоторые образчики. Подъ № III издана утвердительная грамота короля Ивану Поппелю на перемышльскую епископію; — въ примѣчанія изложены свѣдѣнія о личности Поппеля и его домогательствахъ удержать за собой эту каедру, исправляется ошибка въ исторіи митрополита Макарія (т. IX, 546), который считалъ предшественникомъ Поппеля нѣкоего Яна Хлопецкаго, домогавшагося каедры не при Могилѣ

въ 1633 г., а раньше въ 1610 г., вѣроятно уніата, такъ какъ при Сигизмундѣ III православные не получали епископій, за исключеніемъ одного Іереміа Тиссаровскаго львовскаго; авторъ при этомъ кетати даетъ и объясненіе такого необычнаго дарованія королевской привиллегіи православному епископу: изъ донесенія въ Римъ папскаго пунція (около 1621 г.) видно, что Іеремія для полученія привиллегіи просто обманулъ короля при творнымъ уніатствомъ. См. тоже еще на основаніи житія Іова Княгиницкаго въ примѣч. 2 текста на стр. 2 и въ I т. прилож. XXXV, стр. 229—230. Подъ XVII № издано любопытное письмо митроп. Вельямина Рутскаго къ коадьютору Рафаилу Корсаку отъ 1634 г. о разныхъ происшествіяхъ этого года; — въ примѣчаніи помѣщена цѣлая бібліографія жизни Рутскаго. Слѣдующій № приложеній XVIII, — судебная повѣстка отъ консисторіи минскому игумену Теофилактору Заяцу по жалобѣ чернеца Илковскаго, оклеветаннаго Теофилакторомъ въ отравленіи мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича, — сопровождается особенно сложными примѣчаніями. Въ нихъ говорится: а) о времени кончины Бобриковича, — не 9 апрѣля 1635 г., какъ доселѣ было принято думать, а 1634 года, что и доказывається на основаніи положительныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ или мало обследованныхъ данныхъ; б) о неестественной смерти Бобриковича, — приведены указанія на такую смерть его изъ современнаго малоизвѣстнаго плача объ немъ *Echo żalu na głos lamentującego po neopłakaney śmierci patrona* и проч., изъ одного полемическаго сочиненія 1648 года *Consideracie rodane panom disunitom, otstupnika igumena Petronia, w katolicyctwie kseńdza Jana Krecmera*, который, по обычному приему католиковъ присвоивать себѣ разныхъ болѣе видныхъ церковныхъ дѣятелей, ложно утверждалъ, что и Бобриковичъ былъ тайный католикъ и за это-то и былъ задушенъ монахами, наполненными козацкимъ духомъ; в) о проповѣди С. Косова при погребеніи Бобриковича, напечатанной въ свое время на польскомъ языкѣ, но совѣмъ неизвѣстной, съ выдержками изъ нея мѣсть, важныхъ для біографіи покойнаго; наконецъ, г) о личности монаха Елисея Илковскаго, оклеветаннаго въ убійствѣ архіерея Бобриковича. — Нѣкоторыя примѣчанія касаются разныхъ вельможескихъ родовъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи югозападной церкви, напримѣръ, фамиліи Стеткевичей (№ LIII), князей Четвертинскихъ (LVIII), Копыстенскихъ (LXXI—LXXII) и др., — Копыстенскихъ съ особенно подробнымъ указаніемъ матеріаловъ въ архивахъ кіевскомъ центральномъ и львовскомъ бернардинскомъ и съ изложеніемъ неизвѣстнаго доселѣ процесса между кіевской лаврой и наслѣдниками печерскаго архимандрита Захаріи Копыстенскаго.

Особенно цѣнны въ научномъ отношеніи изданные въ приложеніяхъ памятники и примѣчанія къ нимъ бібліографическаго и литературнаго ха-

рактера. Такъ, при № IX (письмо іеромонаха Леонтія скитской обители во Львовъ о безпорядкахъ львовскаго братства) находимъ нѣсколько примѣчаній: сначала о Маняво-скитской обители съ библиографіей житія Іова Клягиницкаго, потомъ о сочиненіяхъ упомянутаго въ письмѣ о. Леонтія южнорусскаго полемиста Іоанна Вышенскаго. Еще выше, въ примѣчаніи къ тексту на стр. 8, авторъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ этихъ сочиненіяхъ по поводу спеціальнаго труда о Вышенскомъ львовскаго ученаго Фрапка: «Іванъ Вышенскій и его твори (1895)»; здѣсь онъ сдѣлалъ подробный разборъ нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ при изданіи сочиненій Вышенскаго и стоящихъ въ связи съ этими неточностями недоразумѣній въ нашей литературѣ о Вышенскомъ. Такъ, прежде всего онъ впервые разъяснилъ, что «Посланіе къ князю Константину Острожскому» въ изданіи сочиненій Вышенскаго (въ Акт., относящ. къ ист. Ю. и З. Россіи, т. II) не есть одно сочиненіе, а ошибочно составлено изъ двухъ сочиненій Вышенскаго разнаго времени, одного — конца XVI в. къ К. Острожскому, другого — не раниѣ 1620 г., года кончины сына Острожскаго, князя Януша; къ этому-то кн. Янушу и относятся слова посланія, не идущія къ кн. Константину, именно отзывъ о князѣ, какъ измѣнникѣ православію и какъ умершемъ безъ потомства. Въ доказательство своихъ разъясненій авторъ привлекаетъ одинъ галицкій рукописный сборникъ сочиненій Вышенскаго, въ которомъ раздѣленіе означеннаго посланія на два особыхъ сочиненія видно довольно ясно. Въ подстрочномъ примѣчаніи, на основаніи одного острожскаго часослова 1612 года, окончательна рѣшается спорный вопросъ о днѣ кончины кн. К. Острожскаго (13 февраля 1608 года) и кстаги приводятся примѣры долговременнаго непогребенія знатныхъ лицъ въ юго-западной Россіи, чѣмъ объясняется фактъ погребенія кн. Острожскаго почти два съ половиною мѣсяца послѣ кончины. Далѣе указывается другая ошибка въ изданіи сочиненій Вышенскаго, состоящая въ томъ, что послѣднее въ этомъ изданіи, четвертое сочиненіе «О заблужденіяхъ римской церкви» издано не до конца. Въ сборникѣ, изъ котораго извлечены эти сочиненія, при этомъ слѣдуетъ статья объ еретикахъ, несомнѣнно составляющая продолженіе статьи о заблужденіяхъ. Въ томъ же сборникѣ (Публичной Библіотекѣ) г. Голубевъ указываетъ еще двѣ краткихъ статьи Вышенскаго; кромѣ того, имъ самимъ издано еще четыре необнародованныхъ сочиненія того же писателя въ VII т. Архива Ю.-Зап. Россіи.—Въ качествѣ замѣчательныхъ приложений можно отмѣтить здѣсь еще №№ XXXVIII, XLV, XLVIII, LXXXI, LXXXII, LXXXV, относящіяся къ дѣятельности извѣстнаго львовскаго книгопродавца и издателя Слѣзки, конкурировавашаго по изданію книгъ съ львовскимъ братствомъ и даже съ кіевопечерской типографіей.

На ряду съ рукописными памятниками авторъ отводитъ у себя почетное мѣсто и малоизвѣстнымъ памятникамъ старопечатной письменности. Съ одними изъ нихъ онъ знакомитъ читателей въ своихъ примѣчаніяхъ попутно и по случаю, по нѣкоторые помѣстилъ въ приложеніяхъ нарочито. Подъ № LVII переиздана имъ брошюра львовскаго изданія 1642 г., чрезвычайна рѣдка: Поученіе новопосвященному іерею, Арсенія Желиборскаго, съ приложеніемъ сочиненія о сакраментѣхъ, которое оказывается перепечаткой упомянутой выше Дидаскаліи о сакраментѣхъ С. Коссова, изданной въ Кутепинскомъ монастырѣ въ 1637 г. Въ примѣчаніяхъ говорится о личности Желиборскаго, о панегирикѣ ему студ. Бутовскаго (Еводія albo сладковонный духовныхъ цють запахъ, презъ Гр. Бутовскаго усмакованный), и издано даже его духовное завѣщаніе. — Подъ № LXIII переиздана другая еще болѣе рѣдка брошюра (единственный экземпляръ въ львовской библіотекѣ Оссолинскихъ), изданная въ первый разъ на польскомъ языкѣ въ 1643 г. нечерской типографіей и содержащая, послѣ предмовы до чительника, двѣ грамоты патріарха Пароенія къ П. Могилѣ и православному южноруссамъ съ изложеніемъ соборнаго опредѣленія объ еретическомъ исповѣданіи вѣры, явившемся подъ именемъ патр. Кирилла Лукариса; соборная грамота была, впрочемъ, извѣстна еще митр. Макарію по одному сборнику московской Синодальной библіотеки и напечатана на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Monumenta fidei orientalis Климеля. — Можно еще указать здѣсь на помѣщенный подъ № LXVII разборъ полемическаго сочиненія противъ православной церкви отступника отъ православія гоискаго ректора Теофана Скуминовича: Przyczyny porzucenia dzużniewy przezasnetu narodowi Ruskiemu podane и проч. 1643 г. (библіографическая рѣдкость), съ большими выдержками историческаго содержания, и подъ № LXXX выдержки изъ Перспективы и замѣтокъ на Леоосъ Саковича, и тутъ же подробный библіографическій разборъ Яна Дубовича, тоже отступника отъ православія, съ извлеченіями характерныхъ отрывковъ изъ его сочиненій. Слѣдующій LXXXI № состоитъ изъ ученаго переизданія кіевскаго катихизиса: Сбраніе короткой науки о артикулахъ вѣры, 1645 г. на русскомъ языкѣ (южномъ). Приложеніе это (стр. 358—469) относится вѣроятно уже къ слѣдующему III тому сочиненія, гдѣ авторъ намѣренъ говорить о катихизическихъ трудахъ П. Могилы. Въ примѣчаніяхъ (съ 470 стр.) помѣщены библіографическія изслѣдованія объ изданіяхъ краткаго Катихизиса,—первомъ на польскомъ языкѣ 1645 г., второмъ того же года на русскомъ языкѣ, потомъ львовскомъ изданіи А. Желиборскаго 1646 г., съ подробнымъ сличеніемъ польскаго и русскаго текстовъ. Признаваемое библіографами другое львовское изданіе этого Катихизиса М. Слѣзкою въ 1646 г. авторомъ основательно отрицается. Онъ рѣши-

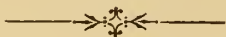
тельно заявляетъ, что поиски любителей старины за этимъ мионическимъ изданіемъ увѣнчаться успѣхомъ не могутъ (475 — 480). Подъ конецъ сообщаются свѣдѣнія о московскомъ изданіи того же Катихизиса 1649 г. и перечисляются его отличія отъ западно-русскихъ изданій.

Не указываемъ другихъ, хотя и очень цѣнныхъ приложеній, касающихся, напримѣръ, югозападныхъ братствъ и состоянія духовенства, и ограничиваемся лишь приведенными образчиками.

Изъ нашего обзора книги г. Голубева, полагаемъ, достаточно видно, какъ она составлена и какъ много сообщаетъ читателю новаго научнаго богатства. Почти въ каждомъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она состоитъ, она представляетъ новыя свѣдѣнія или болѣе или менѣе значительныя исправленія уже извѣстныхъ и принятыхъ въ наукѣ свѣдѣній. Въ первичномъ, можно сказать, починѣ такой провѣрки прежнихъ изслѣдованій по исторіи югозападной церкви, разработкѣ ея чуть не заново, въ собраніи для этого возможно болѣе полной массы матеріаловъ и критической ихъ оцѣнкѣ, по нашему мнѣнію, состоитъ самая главная и очень большая научная заслуга г. Голубева. Въ рецензіи на I томъ его работы мы допустили по его адресу легкій упрекъ за то, что онъ не постарался осмыслить и оживить своего разказа о дѣятельности П. Могилы сколько-нибудь художественнымъ изображеніемъ личности послѣдняго. Прочитавъ настоящій томъ сочиненія, мы склонны отказаться и отъ этого легкаго упрека. Для автора за глаза было довольно и той громадной работы, какую онъ уже выполнилъ, и предъявлять ему еще новыя, можно сказать — не своевременныя для него, слишкомъ раннія требованія было бы слишкомъ притязательно со стороны критики: сколько-нибудь законченной художественно-исторической монографіи о Могилинскомъ времени онъ, очевидно, не успѣлъ и не могъ еще создать. Изъ двухъ томовъ его сочиненія можно ясно видѣть, что послѣ предшествовавшихъ ему изслѣдователей на его долю все-таки досталось чуть не цѣликомъ опять проходить всю первичную кропотливую работу надъ собираніемъ и очисткой еще самыхъ матеріаловъ, затѣмъ при полученіи всякихъ новыхъ результатовъ объясняться съ предшественниками своими и доказывать справедливость своихъ ученыхъ новшествъ, а это неизбѣжно должно было сообщить его изложенію извѣстный специфическій тонъ первичной работы надъ предметомъ и эпизодическій характеръ, мѣшавшіе чисто-историческимъ приѣмамъ изложенія, а тѣмъ болѣе художественности послѣдняго. Что же касается болѣе существенной стороны разсматриваемаго труда, его фактическаго содержанія, помимо его изложенія, то мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что будущіе ученые труженики на томъ же поприщѣ, на которомъ работалъ нашъ авторъ, никакъ не минуютъ его работы. Они найдутъ въ ней вполне надежное руко-

водство и богатѣйшее фактическое пособіе для изученія даже не одной только личной исторіи П. Могилы, но и множества другихъ предметовъ всей вообще церковно-исторической жизни на югозападѣ Россіи XVI вѣка и тогдашней церковной литературы.

Все доселѣ сказанное даетъ мнѣ смѣлость рекомендовать сочиненіе г. Голубева Императорской Академіи Наукъ, какъ сочиненіе вполне достойное одной изъ наградъ графа Уварова. Надѣюсь, что мнѣніе мое и съ формальной стороны не будетъ противорѣчить § 8 Положенія о наградахъ графа Уварова, касающемуся сочиненій многотомныхъ, потому что настоящій томъ сочиненія г. Голубева трактуеть о «такомъ отдѣльномъ предметѣ, который могъ бы быть разсматриваемъ, какъ самостоятельное цѣлое», именно о дѣятельности Петра Могилы во время его митрополичьяго служенія.

II.

Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.

Отзывъ А. Лаппо-Данилевскаго

о книгѣ М. Дьяконова: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.). С.-Петербургъ, 1893 г.

I.

Русская исторія, благодаря извѣстному археографическому путешествію П. Строева, обогатилась въ 1828—34 годахъ множествомъ документовъ, въ числѣ которыхъ было не мало матеріаловъ и для изученія положенія сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Появленіе ихъ вмѣстѣ съ другими однородными съ ними источниками въ первыхъ же изданіяхъ Археографической Комиссіи въ то время, когда уже начали дѣйствовать комитеты по ограниченію крѣпостного права (1829—1848 г.), вскорѣ обратило на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей. Возраставшій интересъ къ народности и извѣстные споры изъ за русской общины между славянофилами и западниками усилили вниманіе русскихъ археографовъ и историковъ къ подобнаго рода памятникамъ: вслѣдъ за актами юридическими (1838 г.) и другими изданіями первыхъ годовъ дѣятельности комиссіи начали выходить въ свѣтъ акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи (1857—1884), не говоря объ остальныхъ менѣе важныхъ сборникахъ. Почти одновременно стали печатать и писцовыя книги разныхъ уѣздовъ, источникъ, содержащій драгоцѣнный матеріалъ для уясненія отношеній крестьянъ не только къ землевладѣльцамъ, но и къ государству. Наконецъ, въ послѣдніе годы, когда въ нашей литературѣ утвердились новыя взгляды на крестьянскую волость и на самый ходъ прикрѣпленія крестьянъ, открыты

были и новые матеріалы по ихъ исторіи, появившіеся частью въ обработкѣ, частью въ сыромъ видѣ въ изданіяхъ Археографической Коммисіи и частныхъ лицъ (записныя книги служилыхъ кабалъ и другихъ крѣпостныхъ актовъ на людей, а также писцовыя книги). До недавняго времени, однако, мы не имѣли ни одного систематическаго сборника актовъ, касающихся исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ; а между тѣмъ въ центральныхъ архивахъ хранится не мало бумагъ, въ которыхъ можно подыскать такой матеріалъ. Лишь четыре года тому назадъ появились «Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (вып. I, Юрьевъ, 1895; вып. II, Юрьевъ, 1897 г.), собранные и изданные подъ редакціей М. А. Дьяконова, представившаго это изданіе вмѣстѣ съ своимъ изслѣдованіемъ о «сельскомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ» (СПб. 1898 г.) въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи.

Г. Дьяконовъ не устранился долговременнаго и тяжелаго труда, сопряженнаго съ архивными разысканіями, и обогатилъ нашу археографію весьма цѣннымъ сборникомъ документовъ, затерянныхъ въ мало извѣстныхъ рукописяхъ самаго разнообразнаго содержанія. Хотя г. Дьяконовъ въ своемъ изданіи почти вовсе не далъ новыхъ матеріаловъ по исторіи холопства, и помѣстилъ очень мало актовъ, укрѣплявшихъ тѣ ограниченныя виды зависимости, которые близко подходили къ разряду крѣпостныхъ, но за то онъ много мѣста удѣлилъ, главнымъ образомъ, крестьянскимъ поряднымъ, грамотамъ и записямъ; такимъ образомъ его собраніе не случайнаго происхожденія, а результатъ систематическаго просмотра множества рукописей и удачнаго выбора изъ нихъ тѣхъ типовъ, которые въ научномъ отношеніи оказываются почему либо особенно характерными. Съ свѣжимъ и важнѣйшимъ матеріаломъ по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. можно, слѣдовательно, ознакомиться не только въ извлеченіяхъ или въ научной переработкѣ г. Дьяконова, но и въ цѣломъ видѣ благодаря изданнымъ имъ «актамъ», гдѣ впервые напечатано до 195 документовъ разнороднаго содержанія; въ томъ числѣ до 34 №№ относятся къ XVI в., а всѣ остальные къ XVII-му столѣтію. Кромѣ нѣсколькихъ актовъ, касающихся исторіи холопства, на примѣръ, двухъ жилецкихъ записей въ холопство (II, №№ 70 и 76), челолюбной о запрещеніи продавать въ холопство (II, № 78) и записи по поводу выкупа изъ холопства сына боярскаго (II, № 83), въ сборникахъ г. Дьяконова можно найти множество порядныхъ и жилецкихъ записей во крестьянство, а также весьма любопытную «подможную запись» (I, № 3); благодаря тому же изданію мы впервые знакомимся съ цѣлою серіей ссудныхъ записей, до сихъ поръ очень рѣдко появлявшихся

въ печати¹⁾ и къ числу уже изданныхъ поручныхъ можемъ добавить нѣсколько новыхъ документовъ подобнаго же рода. Не довольствуясь вышеозначеннымъ матеріаломъ, г. Дьяконовъ напечаталъ еще не мало актовъ, укрѣплявшихъ разнаго рода сдѣлки надъ крестьянами, въ томъ числѣ, напримѣръ, весьма цѣнную запись 1598 г., свидѣтельствующую о томъ, какъ землевладѣльцы уже въ то время распоряжались крестьянами безъ земли, а также довольно много поступныхъ и сдѣлочныхъ на крестьянъ, заключенныхъ въ первой половинѣ XVII в. (не говоря о купчихъ позднѣйшаго времени); къ нимъ онъ присоединилъ еще любопытную запись помѣщика своему крестьянину (вып. I, № 40) и нѣсколько отпускныхъ. Сборникъ актовъ, изданныхъ г. Дьяконовымъ представляетъ, какъ видно, цѣнный вкладъ въ нашу археографическую литературу.

Такъ какъ отпечатанные акты найдены были г. Дьяконовымъ болѣею частью въ записныхъ приказныхъ книгахъ крестьянскихъ порядныхъ записей и кабалъ, то онъ и даетъ въ предисловіи къ своему изданію краткое перечисленіе содержащихся въ нихъ документовъ, не останавливаясь, однако, на точномъ описаніи самихъ книгъ въ цѣломъ ихъ видѣ; остальные сборники и связки, изъ которыхъ г. Дьяконовъ почерпнулъ свои акты, онъ оставилъ безъ всякаго описанія. Въ виду того, что содержаніе ихъ извѣстно, намъ лишь отчасти, трудно, конечно, судить, вполнѣ ли удачно сдѣланъ изъ нихъ выборъ матеріаловъ, появившихся въ печати²⁾; можно только пожалѣть о томъ, что редакторъ сборника опустилъ нѣкоторые акты, укрѣплявшіе разнаго рода частныя сдѣлки, весьма важныя для исторіи прикрѣпленія крестьянъ; такъ напримѣръ, въ одной изъ записныхъ книгъ мы встрѣчаемъ ссудную запись, выданную господиномъ своему холопу съ обязательствомъ «платить ему тягло безъ ослушанія» или запись гулящаго человѣка, которая, одновременно оказывается и заемной кабалой и жилой на срокъ, хотя бы порядчикъ женился на «дворовой дѣвкѣ» своего господина³⁾. Акты подобнаго рода имѣютъ едва ли не большее значеніе для исторіи «сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», чѣмъ нѣкоторыя изъ поручныхъ или «грамотъ» появившихся въ обоихъ выпускахъ разбираемаго нами изданія. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что акты, упоминаемые въ отпечатанныхъ г. Дьяконовымъ нумерахъ и на-

1) А. Ю., № 203, II.

2) Такъ какъ до сихъ поръ бумаги, которыми пользовался г. Дьяконовъ, или вовсе не описаны или описаны безъ всякихъ научныхъ примѣтовъ, то и естественно, что редактору актовъ не всегда удавалось воспользоваться оригиналами ихъ, хотя бы они и существовали въ тѣхъ или другихъ серіяхъ бумагъ, на что уже указалъ г. Шумаковъ въ изданныхъ имъ «Тверскихъ актахъ»; см. вып. II, Тверь, 1896 г., стр. 252.

3) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, Книга по Нижнему Новгороду № 41; оба акта, на анализъ которыхъ мы остановимся нѣсколько ниже, относятся къ концу XVII-го вѣка.

ходившіеся въ однихъ съ ними книгахъ, иногда все же не попали въ сборникъ г. Дьяконова (вып. I, № 37 и № 49). Самъ издатель при этомъ считалъ себя въ правѣ «извлеченныя изъ записныхъ книгъ порядныя издавать не всѣ цѣликомъ, опуская въ большинствѣ случаевъ приказныя сказки, такъ какъ здѣсь кратко повторяется то, что стоитъ въ порядныхъ, и обыкновенно помѣщается описаніе примѣтъ порядчика» (вып. I, стр. VIII). Дѣйствительно, въ печатаемыхъ актахъ иногда отсутствуютъ тексты, выпущенные при изданіи (вып. I, №№ 34 и 75; вып. II, № 1).

Впрочемъ, пропуски подобнаго рода едва ли особенно существенны. Болѣе крупнымъ, хотя и чисто внѣшнимъ недостаткомъ изданія слѣдуетъ считать то, что датировка и заглавія актовъ не предшествуютъ каждому изъ нихъ порознь, а отнесены къ оглавленію; такой пріемъ затрудняетъ пользованіе актами; при передачѣ ихъ, повидимому, не всегда отличающейся желательной точностью, г. Дьяконову слѣдовало бы также упомянуть, какого правописанія онъ придерживался (судя по частнымъ случаямъ, оно сильно подновлено въ разсматриваемомъ изданіи) и не употреблять курсива въ текстѣ тамъ, гдѣ онъ указываетъ на научныя впечатлѣнія самого издателя¹⁾. Нельзя не пожалѣть также объ отсутствіи указателей и алфавитныхъ росписей разновидностей отпечатанныхъ актовъ.

Во всякомъ случаѣ, изданіе г. Дьяконова — одна изъ первыхъ попытокъ довольно полного собранія матеріаловъ по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ; большую цѣнность изданію придаетъ и хронологическій перечень ранѣе напечатанныхъ порядныхъ и ссудныхъ 7052—7207 гг. въ количествѣ 133 №№ (вып. I, стр. 79—85). Трудно предполагать, конечно, чтобы въ ней не было никакихъ пробѣловъ: въ числѣ описанныхъ актовъ не упомянута, напримѣръ, весьма любопытная ссудная записъ, выданная въ 1642 г. С. И. Волковымъ своему дворовому человѣку Н. Иванову при поступленіи его въ крестьяне²⁾; такіе пробѣлы, однако, становятся замѣтными лишь благодаря «перечню», все же отличающемуся рѣдкою полнотой.

Широко пользуясь актовымъ матеріаломъ г. Дьяконовъ въ гораздо меньшей мѣрѣ использовалъ тѣ данныя, которыя можно собрать въ псцо-

1) С. Шумаковъ, Рецензія на «акты» изд. М. Дьяконовымъ въ Журн. Юридич. Обзор., за 1896, № 4, стр. 7. Авторъ рецензіи свѣрилъ документы, отпечатанные проф. М. Дьяконовымъ въ вып. I, №№ 58 и 62 съ оригиналами, причемъ въ печатномъ текстѣ нашелъ нѣсколько существенныхъ уклоненій отъ чтенія подлинниковъ. Случай подобнаго рода, вѣроятно, объясняются тѣмъ, что г. Дьяконовъ не имѣлъ подъ руками оригинальныхъ текстовъ во время печатанія, такъ что не свѣрлялъ ихъ съ корректурами, правило, соблюденіе котораго вообще, конечно, слѣдуетъ признать желательнымъ при печатаніи старинныхъ бумагъ. Примѣръ курсива см. въ вып. I, № 3.

2) Влад. Губ. Вѣд. за 1853 г., № 7.

выхъ книгахъ Московскаго государства XVI—XVII в., большею частью остающихся еще не напечатанными. Такъ напимѣрь, при изученіи вопроса объ увеличеніи численности бобылей и задворныхъ людей въ XVII в. г. Дьяконовъ прибѣгъ къ довольно случайнымъ выпискамъ (стр. 225, 268), едва ли достаточнымъ для его рѣшенія; просмотръ хотя бы нѣсколькихъ описаній, относящихся къ разному времени въ темныхъ уѣздахъ, вѣроятно, избавилъ бы сочиненіе г. Дьяконова отъ нѣкоторыхъ пробѣловъ и одностороннихъ заключеній, недавно указанныхъ въ одной изъ рецензій на его книгу (см. ниже).

Нельзя не пожалѣть, наконецъ, что г. Дьяконову остались неизвѣстными тѣ акты XIII—XVII вв., которые представлены были въ Разрядный приказъ служилыми людьми по отмѣнѣ мѣстничества и отчасти появились въ печати одновременно съ его книгой¹⁾. Между ними есть не мало весьма цѣнныхъ свѣдѣній по вопросамъ, ближайшимъ образомъ соприкасающимся съ исторіей сельскаго населенія, какъ она поставлена въ разбираемомъ сочиненіи.

II.

Въ научной обработкѣ матеріала, частью ранѣе извѣстнаго, частью впервые извлеченнаго г. Дьяконовымъ изъ архивовъ, нашъ авторъ имѣлъ, конечно, не мало предшественниковъ. Начиная съ работъ И. Бѣляева и Б. Чичерина въ нашей литературѣ можно указать нѣсколько основательныхъ трудовъ по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Въ большинствѣ изъ нихъ, однако, нельзя найти ни полноты матеріала, ни детальнаго анализа многихъ существенныхъ явленій въ исторіи нашего крестьянства, напимѣрь хода прикрѣпленія крестьянъ, въ частности, прикрѣпленія ихъ къ тяглу. Бытовые факторы въ процессахъ подобнаго рода давно обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ представителей нашей исторіографіи. Такъ, напимѣрь, уже И. Болтинъ указывалъ на значеніе фактическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и на обычай, какъ на явленія, оказавшія существенное вліяніе если не на возникновеніе прикрѣпленія къ землѣ, которое онъ считалъ лишь исходнымъ моментомъ въ образованіи крѣпостнаго права, то по крайней мѣрѣ на послѣдующее его развитіе²⁾. Точка зрѣнія, съ которой И. Болтинъ смотрѣлъ на ходъ прикрѣпленія крестьянъ, долгое время, однако, оставалась

1) Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ и проч., собранные и изданные А. Юшковымъ въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., за 1898 г., кн. 2—4.

2) «Въ старину, писалъ И. Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ на исторію Леккерка, крестьяне пользовались вольнымъ переходомъ (въ Юрьевъ день). Запрещеніемъ крестьянамъ перехода отъ одного помѣщика къ другому положено начало ихъ рабства: крестьяне

въ пренебреженіи въ нашей исторіографіи. Гораздо позднѣе М. Погодинъ, не упоминая о мнѣніи своего предшественника коснулся того же предмета: «рабство, по его мнѣнію, закралось къ намъ изподтишка: виноваты не Борисъ Годуновъ, ...а больше всего народный характеръ, кроткій, смиренный и терпѣливый до крайностей...»; что же касается извѣстнаго указа 1597 года, то въ немъ лишь «была опредѣлена давность, съ которой помѣщики могли отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ»¹⁾. Тѣмъ не менѣе и послѣ М. Погодина долго никто не подвергалъ его замѣчанія надлежащему разбору; лишь спустя нѣсколько десятилѣтій появились извѣстныя статьи проф. В. О. Ключевскаго²⁾: въ его блестящей попыткѣ выяснить процессъ прикрѣпленія крестьянъ смѣло намѣчена та исходная точка зрѣнія, которую г. Дьяконовъ приложилъ въ своихъ историческихъ разысканіяхъ по цѣлому ряду болѣе частныхъ вопросовъ. «Крѣпостное право въ Россіи, по мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы»³⁾. Г. Дьяконовъ, хотя

поселенные на земляхъ помѣщичьихъ стали быть крѣпки помѣщикамъ не сами по себѣ какъ холопы, но по землѣ, не имѣя воли ея оставить. Запрещеніе перехода обратили владѣльцы въ свою пользу и распространили власть свою надъ крестьянами; стали принуждать ихъ къ платежу большаго оброка и требовать отъ нихъ работъ излишнихъ. Крестьяне будучи связаны не смѣли имъ отказать ни въ томъ ни въ другомъ, чтобы не почитено было то за ослушаніе, противность, бунтъ; понеже законъ отнявшій отъ нихъ волю перехода, не предписалъ мѣры работъ ихъ и повинностей...» Крестьяне стали разсматриваться мало по малу помѣщиками какъ ихъ вещь... «Первый поводъ къ продажѣ по одиночкѣ подалъ владѣльцамъ наборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, показавъ тѣмъ дорогу, что можно ихъ отдѣлять отъ земли и отъ семействъ по одиночкѣ. Указъ сравнившій помѣстья съ вотчинами и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, которою и холопы безъ различія кабалныхъ отъ полныхъ поверстаны въ одинаковій окладъ съ крестьянами утвердили владѣльческое притяженіе присвоить надъ тѣми и другими одинаковое владѣтельства право... Нѣтъ закона дѣлающаго лично крестьянъ помѣщикамъ крѣпостными: обычай мало по малу введенной обращать ихъ въ дворовыхъ людей прямо въ противность уложенныя статьи о семъ и подъ пазваніемъ дворовыхъ продавать, продавать ихъ по одиночкѣ съ начала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился, наконецъ, чрезъ долговременное употребленіе въ законъ...» (И. Болтинъ, Примѣчанія на исторію г. Леклерка, Спб. 1788 г., т. I, стр. 332; т. II, стр. 209—210).

1) М. Погодинъ, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 г., № 4, стр. 120, 122.

2) Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что такой же взглядъ былъ высказанъ не задолго до появленія статей В. Ключевскаго г-жею Ефименко. «Центръ закрѣпостительнаго процесса, читаемъ мы въ ея изслѣдованіяхъ, двигался не въ направленіи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ направленіи отобранія (sic) правъ свободнаго человѣка и экономическаго закабаленія» (А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, вып. 1, М., 1884 г., стр. 277). Вышеприведенное мнѣніе г-жи Ефименки въ его общей формулировкѣ оставалось, однако, не обоснованнымъ и не развитымъ до появленія сочиненія проф. Ключевскаго; ср. I. Engelmann, Die Leibeigenschaft in Russland, Leipzig, 1884.

3) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостнаго права въ «Рус. Мысли» за 1885, кн. X, стр. 46.

нигдѣ въ своихъ очеркахъ и не высказался опредѣленно, однако, повидимому, придерживается аналогичнаго мнѣнія, формулируя его, впрочемъ, съ болшею осторожностью и въ болѣе частныхъ выводахъ. «Какъ ни важны свѣдѣнія писцовыхъ книгъ о сельскомъ населеніи государства, пишетъ, на примѣръ, нашъ авторъ, они, однако, оставляютъ многое темнымъ и не разъясненнымъ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ...; отвѣтъ на нихъ можно получить только изучая практику, бытъ, чтобы извлечь отсюда какія-нибудь указанія на господствующія обычныя правила» (стр. 243). Съ подобной же точки зрѣнія г. Дьяконовъ смотритъ и на отдѣльные случаи правительственной практики, убѣждающіе насъ «въ правильности предположенія, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка считаются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются». Такое правило, однако, по мнѣнію нашего автора, не было формулировано въ теченіе всего XVI вѣка; «но это и не должно удивлять насъ. Въ эпохи, не знакомыя съ идеей законодательнаго творчества, всегда наблюдается бѣдность формулированныхъ общихъ правилъ. Указы, уставы и законодательные сборники Московской эпохи не объемлютъ всего дѣйствовавшаго права; значительная часть его попадаетъ въ уставы или указы гораздо позднѣе своего возникновенія: каждой юридической нормѣ, до ея письменной формулировки, предшествуетъ длинная практика. А не малая часть дѣйствовавшихъ въ Москвѣ правилъ такъ и осталась не оформленной» (стр. 9—10). Въ связи съ подобнаго рода выводами находится и болѣе общее положеніе г. Дьяконова о томъ, что «неполнота въ законахъ, пробѣлы въ указахъ на каждомъ шагу пополняются въ Московскомъ правѣ практикой, которая можетъ и вовсе не найти отраженія въ законѣ» (стр. 284). Практика, сказывавшаяся въ обычаѣ или въ правительственной дѣятельности, вызванной частными случаями, какъ видно, по мнѣнію г. Дьяконова, частью пополняла Московское законодательство, частью подготавливала выработку новыхъ законодательныхъ нормъ. Благодаря такому взгляду г. Дьяконову удалось гораздо шире поставить свою тему и глубже разработать её. Не соглашаясь съ абсолютнымъ характеромъ, нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ утверженій (напр. на стр. 9—10), все же можно сказать, что г. Дьяконовъ изучаетъ старинныя правоотношенія, а не одиѣ нормы ихъ, сказывавшіяся или опредѣленные въ законѣ. При подобной постановкѣ темы г. Дьяконовъ получаетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ темныхъ явленій въ соціальной исторіи того времени. Значеніе старины, какъ важнаго фактора въ процессѣ прикрѣпленія, просмотрѣнное многими изъ нашихъ историковъ-юристовъ и юристовъ-историковъ (на нее, впрочемъ, мимоходомъ указывали Б. Н. Чпчеринъ и В. О. Ключевскій), на примѣръ, не ускользнуло отъ вниманія г. Дьяконова. Благодаря тому же приему ему удалось доказать, что «большинство порядныхъ

вовсе не объемлетъ всѣхъ условій порядка» (стр. 103), а также, что «порядокъ составленія записей въ крестьянство остался вопреки Уложенію въ полной силѣ до конца XVII вѣка и вовсе не былъ измѣненъ Уложеніемъ» (стр. 83, 85, 123 и 133). Такимъ же путемъ получены г. Дьяконовымъ и многіе другіе выводы, какъ напримѣръ: что «при столкновеніи правъ на одного и того же крестьянина праву по старинѣ отдавалось преимущество передъ порядною записью» (стр. 95); что владѣльцы добровольно отказывались отъ исковъ о бѣглыхъ (стр. 88—89); что «законодатель, стремившійся достигъ большей опредѣленности въ искахъ о бѣглыхъ крестьянахъ, разными мѣрами создавалъ новыя поводы къ дальнѣйшему осложненію дѣла»... (стр. 55) и т. п. Самое изученіе такихъ чрезвычайно любопытныхъ переходныхъ состояній какъ задворное холопство или зависимость, превращавшая вольнаго человѣка въ «дѣтеныша», стало доступнымъ для г. Дьяконова благодаря тому взгляду, какого онъ придерживается на московское законодательство; примѣняя общее свое положеніе къ частному случаю, онъ приходитъ къ заключенію, что «пробѣлы въ указахъ о задворныхъ людяхъ на каждомъ шагѣ пополнялись въ Московскомъ правѣ практикой, которая могла и вовсе не найти отраженія въ законѣ». Съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконовъ обращается къ изслѣдованію ея особенностей и достигаетъ цѣлаго ряда новыхъ выводовъ о состояніи задворныхъ людей и подобныхъ имъ въ монастырскихъ хозяйствахъ дѣтенышахъ.

Самая тема, изученію которой посвящены очерки г. Дьяконова, едвали, однако, намѣчена имъ вполне ясно, что и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе въ читателѣ. Въ заглавіи книги нечего искать отвѣта на этотъ вопросъ, ибо подъ «очерками по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», можно, очевидно, разумѣть множество разсужденій о самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ его жизнедѣятельности. Болѣе ясныя указанія на избранную авторомъ тему мы встрѣчаемъ въ коротенькомъ предисловіи, которое онъ присовокупилъ къ своей книгѣ. «Исторія тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, читаемъ мы здѣсь, далека еще отъ своего завершенія. Самый выпуклый фактъ этой исторіи—закрѣпощеніе тяглыхъ людей—до сихъ поръ раздѣляетъ изслѣдователей болѣе чѣмъ на два лагеря. Вопросы о причинахъ, о времени, степени и свойствахъ прикрѣпленія не находятъ согласнаго рѣшенія. Съ другой стороны до сихъ поръ не выясненъ и самый составъ тяглаго населенія... Настоящіе очерки посвящены нѣкоторымъ изъ указанныхъ вопросовъ...» (стр. 1). Нѣсколько ниже, однако, авторъ иначе формулируетъ основную задачу своего труда: «главная цѣль его, пишетъ онъ въ томъ же предисловіи, заключалась въ изученіи отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія и отношенія каждаго изъ нихъ къ государственному тяглу за время XVI—XVII вѣковъ» (стр. II). Насколько

мы понимаемъ приведенные отрывки, г. Дьяконовъ имѣлъ такимъ образомъ въ виду частью остаповиться на «изученіи отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія», частью выяснитъ «причины» прикрѣпленія и его ходъ. Нельзя сказать, однако, чтобы такія темы были вполне однородными. Самъ авторъ признаетъ, что ему «не пришлось коснуться всѣхъ разрядовъ тяглаго населенія» (стр. II); и дѣйствительно, въ его книгѣ, посвященной исторіи сельскихъ жителей Московскаго государства, свѣдѣнія о государственныхъ крестьянахъ и однодворцахъ отсутствуютъ, нѣтъ извѣстій и о нѣкоторыхъ менѣе крупныхъ общественныхъ группахъ того же слоя. Слѣдовательно, очерки г. Дьяконова посвящены разработкѣ исторіи не сельскаго населенія Московскаго государства вообще, а тѣхъ крестьянъ, которые жили на частновладѣльческихъ земляхъ¹⁾. Изучая вопросъ о прикрѣпленіи ихъ, авторъ «очерковъ», однако, едва касается причинъ такого явленія: анализа духовнаго состоянія, а главное экономическаго положенія сельскихъ классовъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, мы не найдемъ въ книгѣ г. Дьяконова: онъ въ сущности не подвергаетъ изслѣдованію самого возникновенія зависимыхъ отношеній земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ, обнаружившихся въ задолженности крестьянъ, старинѣ и тому подобныхъ явленіяхъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, напримѣръ, что онъ «не касается той роли, какую подмога и ссуда сыграли въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія», и «обращаетъ вниманіе лишь на то вліяніе, которое онѣ оказали на самый характеръ крестьянской крѣпости», хотя вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ признать ихъ «чрезвычайно важное значеніе въ исторіи крестьянскаго порядка». (стр. 118). Далѣе причины и условія, вызвавшія къ жизни «институтъ старожительства» г. Дьяконовъ также отказывается подвергнуть изслѣдованію «за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ для Московской Руси» (стр. 72 и 74; ср. ниже), а развитіе власти господъ надъ своими крестьянами, не мало способствовавшее водворенію крѣпостническихъ отношеній между ними, еле затрагиваетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 78). Лишь тѣ причины, которыя лежали не столько въ условіяхъ крестьянскаго быта, сколько въ правительственной политикѣ по вопросамъ о записи тяглецовъ въ книги, о бѣглыхъ и т. п. рассмотрѣны г. Дьяконовымъ довольно подробно, что, однако, не восполняетъ указаннаго пробѣла и нѣсколько противорѣчитъ исходной точкѣ зрѣнія автора. Итакъ, въ его книгѣ мы въ сущности находимъ рядъ изслѣдованій не столько о причинахъ прикрѣпленія, сколько объ его процессѣ. Ниже мы еще увидимъ, удобно-ли такъ разъединять одно явленіе отъ другого. Впрочемъ, даже и въ такой постановкѣ тема, избран-

1) Одна лишь глава о половникахъ (стр. 147—199) съ перваго взгляда какъ будто противорѣчитъ сдѣланному нами заключенію; но половниковъ г. Дьяконовъ рассматриваетъ какъ классъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ частнаго владѣльца.

ная г. Дьяконовымъ, требуетъ разъясненій. Авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ мало различаетъ два процесса въ ходѣ прикрѣпленія; одинъ изъ нихъ мы можемъ назвать развитіемъ частной зависимости земледѣльца отъ землевладѣльца, другое — государственнымъ прикрѣпленіемъ сельскаго населенія къ тяглу¹⁾. Намъ кажется необходимымъ различать одинъ процессъ отъ другого потому, что они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были обратно-противоположны другъ другу. Г. Дьяконовъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на указанное нами различіе: смѣшеніе обонхъ процессовъ въ очеркахъ г. Дьяконова отозвалось и на ясности ихъ построенія, а можетъ быть, какъ увидимъ ниже, и на нѣкоторыхъ изъ его выводовъ.

Большинство замѣчаній, сдѣланныхъ нами выше, предвосхитилъ самъ г. Дьяконовъ, признавшій въ своемъ предисловіи, «что предлагаемые имъ очерки не могутъ претендовать на полноту, а вся книга рискуетъ вызвать впечатлѣніе отрывочности» (стр. 2). Свойство, указанное авторомъ, дѣйствительно, обнаруживается даже во вѣншемъ видѣ книги, лишенной всякаго руководящаго введенія и заключенія, а также въ расположеніи отдѣльныхъ главъ, которое, съ перваго взгляда легко можетъ показаться довольно случайнымъ. Такое впечатлѣніе должно, однако, нѣсколько разсѣяться, если обратить вниманіе на отношеніе ихъ къ «главной» темѣ разбираемаго труда. Г. Дьяконовъ, какъ мы видѣли, задался цѣлью изучить прикрѣпленіе къ тяглу того сельскаго населенія, которое сидѣло на частновладѣльческихъ земляхъ Московскаго государства въ XVI—XVII вв. Эта тема естественно распалась на двѣ второстепенныхъ: съ одной стороны надо было выяснить, какимъ образомъ группы тяглаго населенія были прикрѣплены каждая къ своему тяглу; съ другой — надлежало обратиться къ изученію тѣхъ слоевъ сельскаго населенія, которые, не будучи тяглыми, стали таковыми благодаря самому процессу прикрѣпленія къ тяглу. Главы труда г. Дьяконова о крестьянахъ старожильцахъ, новопорядчикахъ и половникахъ можно отнести къ первой изъ указанныхъ нами частей; очерки же, посвященные изученію общественнаго положенія бобылей, первоначально, по мнѣнію автора, не тянувшихъ тягла, задворныхъ людей и монастырскихъ дѣтеньшей — ко второй. Сочиненіе г. Дьяконова, какъ видно, не представляетъ совершенно разрозненныхъ частей: въ каждой изъ нихъ авторъ развиваетъ тѣ второстепенные мотивы, на которые естественно распадается главная тема его труда. Книгѣ г. Дьяконова нельзя, поэтому, отказать въ нѣкоторомъ единствѣ содержанія; можно пожалѣть лишь о томъ, что самъ авторъ мало позаботился о выясненіи читателю «главной» темы сво-

1) Во избѣжаніе терминологическихъ ошибокъ мы предпочитаемъ первый изъ нихъ называть «частнымъ», а не «личнымъ» прикрѣпленіемъ: послѣднее можно понимать въ гораздо болѣе узкомъ смыслѣ.

ихъ очерковъ и того общаго плана, который онъ положилъ въ ихъ основу, а также что онъ слишкомъ мало держался его при разработкѣ частныхъ. Такъ напримѣръ, опредѣляя отношенія крестьянъ-тягловъ къ тяглу главнымъ образомъ путемъ стѣсненія перехода на основаніи старины или порядка и изучая распространеніе подобнаго рода стѣсненій въ концѣ XVI и въ XVII в. на лицъ, дотолѣ свободныхъ отъ него, г. Дьяконовъ смѣшиваетъ процессъ частнаго закрѣпленія съ государственнымъ: къ первому относятся такія явленія какъ порядокъ, а отчасти и старина, ко второму отдѣльныя правительственныя мѣры ограниченія свободнаго передвиженія, а также указы о бѣглыхъ. Описаніе вышеназванныхъ процессовъ довольно произвольно размѣщено въ первыхъ главахъ сочиненія г. Дьяконова; такъ напр., подмога, ссуда и т. п. сдѣлки могли сами по себѣ обуславливать старину, что готовъ признать и авторъ (стр. 22); между тѣмъ разысканія его о «хозяйственной зависимости и задолженности срочнаго арендатора собственнику землѣ» не предшествуютъ изученію института старожильства, а слѣдуютъ за нимъ; то же самое происходитъ и относительно новоприходцевъ: состояніе ихъ предполагается извѣстнымъ до ихъ характеристики (стр. 48), а причины старожильства изучены частью въ концѣ первой главы, частью во второй (стр. 79—80), посвященной крестьянамъ повопорядчикамъ. И наоборотъ, мѣры противъ бѣглыхъ, изложенныя въ главѣ первой, также касались новопорядчиковъ, а не однихъ старшихъ крестьянъ, хотя къ послѣднимъ и примѣнялись строже. Постановка главной темы также лишена ясности и въ послѣднихъ очеркахъ книги г. Дьяконова: увлекаясь новыми данными, какія не рѣдко ему пришлось обнаруживать впервые, онъ иногда останавливается на фактическомъ положеніи интересующихъ его разрядовъ населенія, не всегда указывая, въ какой зависимости изучаемыя имъ явленія находятся къ процессу прикрѣпленія (ср. стр. 234—238): въ такихъ случаяхъ авторъ не рѣдко упускаетъ изъ виду имъ же поставленную себѣ задачу. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того, что смѣшеніемъ процесса частнаго прикрѣпленія съ государственнымъ, какое допускаетъ г. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи, вѣроятно, объясняется крупный пробѣлъ въ его построеніи: вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ съ точки зрѣнія гражданскаго права оставленъ безъ отвѣта; отъ фактическаго положенія крестьянъ (помѣщичьи хозяйства также оставлены безъ вниманія) авторъ какъ бы прямо перескакиваетъ къ изображенію политическихъ его послѣдствій, не подвергая анализу, напримѣръ, различныхъ видовъ юридическихъ отношеній (гражданскихъ сдѣлокъ), которыя возникали между крестьянами и землевладѣльцами, или останавливаясь на нихъ слегка лишь для того, чтобы передать «содержаніе» самихъ актовъ, а не подвергнуть ихъ научной оцѣнкѣ съ указанной нами точки зрѣнія; та-

кое впечатлѣніе, напримѣръ, производитъ на читателя «обзоръ содержанія крестьянскихъ записей», сдѣланный г. Дьяконовымъ (стр. 95 и сл.; ср., впрочемъ, стр. 132, гдѣ лучше другихъ изучена ссудная запись).

При изображеніи процесса прикрѣпленія различныхъ разрядовъ сельскаго населенія къ государственному тяглу, г. Дьяконовъ, какъ видно, изучаетъ порознь исторію каждаго изъ его слоевъ; поэтому онъ припужденъ разсматривать факторы прикрѣпленія въ довольно случайномъ размѣщеніи, что лишаетъ его возможности представить ихъ въ полномъ рельефѣ; при такихъ условіяхъ и самый процессъ прикрѣпленія въ изложеніи автора распадается на множество частныхъ явленій, не связанныхъ между собой и порождающихъ въ читателѣ то впечатлѣніе «отрывочности», которое предугадываетъ г. Дьяконовъ въ предисловіи къ своимъ «очеркамъ». Дѣйствительно, планъ г. Дьяконова, кажется, мало подходитъ къ главной темѣ его очерковъ и можетъ быть способствуетъ скорѣе ея затемнѣнію, чѣмъ выясненію, не смотря на точное и всегда обстоятельное изложеніе тѣхъ частныхъ выводовъ, которые нужны для формулировки общаго заключенія. Не претендуя писать въ данномъ случаѣ новаго изслѣдованія по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя въ правѣ подвергнуть сочиненіе г. Дьяконова сильной оцѣнкѣ согласно плану, который можетъ быть нѣсколько ближе будетъ удовлетворять указанному требованію, и тѣмъ не менѣе дозволить намъ остановиться на всѣхъ существенныхъ вопросахъ, изученныхъ г. Дьяконовымъ въ его книгѣ. Авторъ не мало сдѣлалъ указаній на фактическое положеніе сельскаго населенія, приводившее его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ; онъ обратилъ также вниманіе на то значеніе, которое игралъ обычай, напримѣръ, старина, въ процессѣ прикрѣпленія; далѣе въ разбираемомъ трудѣ можно найти свѣдѣнія и по вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи находилось холопское право къ тому же процессу и въ какой мѣрѣ его воздѣйствіемъ на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ слѣдуетъ объяснять «охолопленіе» многихъ изъ нихъ; наконецъ не мало мѣста въ своей книгѣ г. Дьяконовъ удѣлилъ изображенію прикрѣпленія къ государственному тяглу. Не мѣшаетъ замѣтить, что первыя три изъ перечисленныхъ явленій относятся скорѣе къ частному прикрѣпленію, тогда какъ послѣднее характеризуетъ его государственный характеръ. Въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ мы и будемъ придерживаться указаннаго нами плана, считая его болѣе цѣлесообразнымъ съ тою главною темою, которую г. Дьяконовъ положилъ въ основу своего труда.

III.

Въ какой мѣрѣ развита была крестьянская поземельная собственность въ Московскомъ государствѣ сказать, конечно, едва ли возможно, такъ какъ въ то время, отъ котораго сохранились достовѣрныя историческія свидѣтельства, значительное большинство государственной территоріи, за исключеніемъ поморскихъ уѣздовъ, находилось въ владѣніи частныхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ крестьянскому состоянію. Хотя изрѣдка на сѣверѣ Россіи и попадались крестьяне сидѣвшіе на собственной своей землѣ, своеземцы, но такое состояніе уже въ XVI-мъ вѣкѣ постепенно исчезало: своеземцы сливались съ крестьянами черныхъ волостей или переходили въ ряды служилыхъ людей. Государственные крестьяне, сидѣвшіе на «окняженныхъ земляхъ», какъ извѣстно, все же пользовались болѣе широкими вещными правами, чѣмъ владѣльческіе, но и число черныхъ волостей въ XVI вѣкѣ не было особенно значительнымъ. Правда, не говоря о поморскихъ уѣздахъ, а также о мѣстностяхъ лежащихъ на сѣверозападѣ и сѣверовостокѣ отъ центра (въ областяхъ Ильмено-Невской и Прикамской), въ XVI вѣкѣ черныя волости еще оставались и въ центральной области, напримѣръ, въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ, Пошехонскомъ и Галицкомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ, Тверскомъ и Владимірскомъ, а также Ржевскомъ и Коломенскомъ; даже въ украинныхъ уѣздахъ изрѣдка (напр. въ Елифанскомъ) упоминаются «государевы земли, не розданныя въ помѣстья». Слѣдуетъ замѣтить, однако, что нѣкоторыя изъ черныхъ земель вышеназванныхъ уѣздовъ были уже «порожними» и что въ теченіе XVI-го вѣка процентъ ихъ убывалъ, иногда чрезвычайно быстро, такъ что въ самомъ центрѣ въ то время «черныя земли почти совершенно исчезли», не говоря о такихъ уѣздахъ, гдѣ мы не въ состояніи примѣтить даже и слѣдовъ ихъ¹⁾.

Такимъ образомъ крестьяне-собственники могли существовать нѣкогда на такихъ мѣстахъ, гдѣ впоследствии водворились владѣльцы изъ другихъ слоевъ общества. Хотя о процессѣ крестьянскаго обезземеленія въ центральной области Московскаго государства мы пока почти ничего не знаемъ, но о характерѣ его можемъ судить по аналогичнымъ явленіямъ, происходившимъ на сѣверѣ; они уже ранѣе были отмѣчены въ нашей литературѣ²⁾ и довольно обстоятельно изслѣдованы г. Дьяконовымъ. Изучая

1) Н. Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., М. 1899 г., стр. 131, 339—401, 408, 409, 423—431, 433—434, 435.

2) А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 278.

составъ половничества, авторъ натолкнулся на чрезвычайно любопытный фактъ: въ числѣ половниковъ были и крестьяне, пѣкогда владѣвшіе собственными земельными участками, но переуступившіе ихъ въ чужія руки. Уступки подобнаго рода частью вынуждены были тяжелыми условіями, въ которыя поставлено было хозяйство крестьянъ, частью происходили путемъ вкладовъ земли въ церкви и монастыри. Не имѣя чѣмъ «прокормиться», если не «иродажею землею или закладомъ», бѣднѣйшіе крестьяне повидимому иногда обращались въ половниковъ болѣе счастливыхъ своихъ сосѣдей, на что не обратилъ вниманіе г. Дьяконовъ. Такъ наиримѣръ, «тогда какъ въ 1623 году у рядовыхъ крестьянъ, жившихъ въ Кевролѣ и въ Чаколѣ, совсѣмъ не было половниковъ, въ 1686 году у 6 крестьянъ оказывается 11 половниковъ. Аналогичныя явленія можно наблюдать и въ пѣкоторыхъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда. Между тѣмъ, по мнѣнію одного изъ изслѣдователей писцовыхъ книгъ по названнымъ уѣздамъ, явленія подобнаго рода идутъ рядомъ съ увеличеніемъ мобилизаціи крестьянской собственности: въ одномъ и томъ же уѣздѣ они встрѣчаются рѣже или чаще, смотря потому, насколько устойчива крестьянская вотчина, что можно доказать и фактическими данными, почерпаемыми изъ писцовыхъ книгъ того времени¹⁾. Такую же роль играли, вѣроятно, посадскіе люди, владѣвшіе участками въ деревняхъ²⁾ и особенно монастыри; «разъ успѣвъ захватить лоскутъ, хотя бы $\frac{1}{16}$ долю деревни, землевладѣлецъ, чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей» и превращая «скудныхъ», но все же «волостныхъ, бывшихъ тяглыхъ крестьянъ», въ лицъ, «живущихъ за нимъ и работающихъ на него вмѣсто рабовъ»³⁾. Указанный путь обезземеленія былъ не единственнымъ. «Къ тому же результату приводила добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ», вызванныхъ не только хозяйственными расчетами, но и религіозными соображеніями⁴⁾. Бывали, конечно, и такіе случаи, когда оба способа перехода земли отъ крестьянъ къ другимъ лицамъ могли взаимно встрѣчаться, что видно, наиримѣръ, изъ одного дѣла 1657—1658 гг. На ряду съ частной инициативой въ крестьянскомъ обезземеленіи не маловажную роль играла и правительственная поли-

1) П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ XVII в. въ Трудахъ Арх. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 436.

2) А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 307—313.

3) А. от. до Ю. Б., т. III, № 340 (сказка крестьянъ Кивокурскаго стана Устюжскаго уѣзда 1676 г.).

4) Если «главнымъ источникомъ монастырскаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ являлся вкладъ, а не продажа земли» (П. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 378 и др.), то во всякомъ случаѣ пока мы не въ состояніи сказать имѣлъ ли вкладъ преобладающее значеніе въ отчужденіи собственно крестьянскихъ земель.

тика, на что г. Дьяконовъ не обратилъ должнаго вниманія. Уже до XVI вѣка правительство часто жаловало цѣлыя чернососныя государевы волости въ вотчины¹⁾, главнымъ образомъ вліятельнѣйшимъ изъ монастырей, а нѣсколько позднѣе стало раздавать такія же земли въ помѣстья служилымъ людямъ²⁾; въ виду того, что жалуемая «черныя» земли иногда заселены были крестьянами и, слѣдовательно, въ подобнаго рода случаяхъ государь жаловалъ ихъ «со крестьяны», права послѣднихъ на землю подвергались еще болѣе значительному стѣсненію, чѣмъ прежде, во время «окняженія черныхъ волостей»; при такихъ условіяхъ крестьяне легко превращались въ земледѣльцевъ, лишенныхъ поземельной собственности; правда, что бывшіе собственники изъ крестьянъ, переуступившихъ свои земельные участки новымъ владѣльцамъ, продолжали иногда «сохранять связь съ землею, хотя уже не въ качествѣ собственниковъ, а только въ качествѣ половниковъ или крестьянъ порядчиковъ», но разумѣется не мало было и такихъ, которые становились работниками въ постороннихъ хозяйствахъ или арендаторами чужой земли³⁾. Возможно предполагать, что подобнымъ же путемъ увеличился контингентъ сельскаго населенія, сидѣвшаго на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не только на сѣверѣ, но и въ другихъ частяхъ государства, тѣмъ болѣе что сильный и быстрый ростъ монастырскаго и служилаго помѣстнаго землевладѣнія, особенно замѣтный въ центральной области со второй половины XVI-го вѣка, долженъ былъ способствовать развитію крестьянскаго обезземеленія⁴⁾.

Между тѣмъ крестьяне, лишенные своего собственнаго земельного имущества, легко становились и въ еще болѣе тяжелыя для нихъ отношенія къ своимъ господамъ.

Хотя «льгота», получаемая крестьяниномъ, садившимся на «пустую выть» отъ ея собственника сама по себѣ и не порождала долговыхъ отношеній между тѣмъ и другимъ, однако, такая сдѣлка, очевидно, обязывала крестьянина сидѣть на снятомъ имъ участкѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ не только за время пользованія льготой, но, разумѣется, и

1) А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 272. П. Милюковъ, Спорные вопросы и проч. Спб., 1892 г., стр. 34. Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 131, 376, 380, 389, 394. Известно пожалованье Важкой волости Борису Годунову (А. Э., т. I, № 361).

2) Писц. кн. XVI в. изд. подъ редакціей Н. Калачева, т. II, стр. 159, 177 и 202. Акты, представленные въ Разрядъ и проч., изд. подъ ред. А. Юшкова въ Чт. М. О. И. и Д., за 1898 г., кн. 2—4, № 159; другіе примѣры см. въ соч. П. Рожкова, стр. 428—431.

3) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 180—187; ср. Г. Шмелевъ, Новая работа по социальной исторіи Россіи въ Трудахъ Археограф. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 561, 562, прим. 4.

4) Слѣдуетъ имѣть въ виду, впрочемъ, что монастырская собственность развивалась главнымъ образомъ на счетъ вотчинъ, а не черныхъ земель; см. Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 406, 420—421, 427 и 428.

по истеченіи ея дѣйствія. Самъ крестьянинъ иногда не довольствовался краткосрочною, годовою льготой и требовалъ продленія ея, чѣмъ еще болѣе ограничивалъ на послѣдующіе годы свой вольный переходъ¹⁾. При томъ нарушеніе повопорядчикомъ тѣхъ обязательствъ, выполненіе которыхъ онъ принималъ на себя подѣ условіемъ льготы, судя по одной порядной 1599 года, сопряжено было съ уплатою пени «за льготныя лѣта» и такимъ образомъ порождало долговую зависимость его отъ землевладѣльца, переносимую и на наслѣдниковъ порядчика²⁾. Такое же связующее значеніе имѣла для крестьянина и обязанность его въ случаѣ выхода выплачивать пожилое или похоромное землевладѣльцу, на что г. Дьяконовъ не обратилъ достаточнаго вниманія въ своихъ «очеркахъ», хотя самъ же сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о ней въ одномъ изъ своихъ предшествующихъ изслѣдованій³⁾.

Въ еще большей мѣрѣ къ аналогичнымъ результатамъ приводила задолженность крестьянина отъ землевладѣльца; она была едва ли не самой существенной причиной частной зависимости одного отъ другого. Отношенія подобнаго рода сказывались главнымъ образомъ въ сдѣлкахъ, состоявшихъ въ выдачѣ крестьянину подмоги или ссуды его господиномъ, а также «серебра».

Не обращая вниманія на остальные виды задолженности, г. Дьяконовъ нѣсколько останавливается лишь на разсмотрѣніи того значенія, какое подмога и ссуда имѣли въ процессѣ частнаго прикрѣпленія; ознакомимся прежде всего съ тѣми взглядами, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи внимательнаго изученія какъ печатнаго, такъ и рукописнаго матеріала (стр. 111—143). При рѣшеніи вопроса объ отношеніи между подмогой и ссудой, до сихъ поръ спорнаго, г. Дьяконовъ занимаетъ среднее положеніе. Въ самомъ дѣлѣ и теперь еще одни изъ нашихъ изслѣдователей утверждаютъ, что «отъ подмоги надо отличать крестьянскіе займы или ссуды», а другіе не считаютъ возможнымъ устанавливать подобнаго рода различіе⁴⁾. Авторъ «очерковъ» примыкаетъ относительно XVII-го вѣка къ послѣднему изъ приведенныхъ нами мнѣній. «Слѣдуетъ отмѣтить, пишетъ онъ, что ни крестьянскія записи, ни другіе акты не знаютъ строгой терминологіи и нерѣдко употребляютъ безразлично термины «подмога» и «ссуда». Дѣйствительно, авторъ приводитъ нѣсколько актовъ, XVII в. (1647—1664 гг.), въ которыхъ

1) Доп. къ А. И., т. I, № 167; Рус. Ист. Биб., т. II, № 263.

2) А. Ю., № 189.

3) М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1893 г. № 6, стр. 8 (отд. от.).

4) Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 201 и В. Сергѣевичъ, Юридич. Древ., т. I, стр. 202; М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 3-е изд., Кіевъ, 1900 г., стр. 152.

названные термины смѣшиваются. Далѣе г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «подмога въ XVII в. имѣла совсѣмъ не то значеніе, какъ раньше; она въ это время не была вознагражденіемъ уплачиваемымъ впередъ за особые труды и затраты по приведенію крестьянскаго участка въ положеніе необходимое для сельско-хозяйственной культуры: за расчистку пашни, за возведеніе новыхъ построекъ и т. п.; подмога въ XVII в. не болѣе какъ пособіе землевладѣльцу за поставленіе его самого въ возможность принятыя за крестьянское хозяйство». При такомъ условіи подмога пріобрѣтала значеніе ссуды и подлежала возвращенію господину, подобно ссудѣ, которая, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ оставалась у порядчиковъ, если только они выполняли обязательство съ нею жить у господина и ея не снести. Замѣчательно, что «въ обезпеченіе интересовъ землевладѣльцевъ въ крестьянскихъ записяхъ выговаривалось также возвращеніе подмоги лишь на случай ухода или бѣгства крестьянъ». На основаніи вышеприведенныхъ наблюденій г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «ни по своему назначенію, ни по способу выдачи, ни по условію о возвратѣ между подмогой и ссудой нельзя провести въ XVII вѣкѣ никакого различія: подмога и ссуда лишь два разные термина для обозначенія одного и того же понятія». (стр. 117).

Г. Дьяконовъ, какъ видно, совершенно уклоняется отъ изученія той «роли, какую подмога и ссуда сыграли въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія», и обращаетъ вниманіе лишь на «вліяніе, которое онѣ оказали на самый характеръ крестьянской крѣпости» (стр. 118). Нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Дьяконовъ слишкомъ узко ограничилъ свою задачу. Вѣдь при такомъ условіи онъ лишилъ себя возможности не только выяснить ходъ частнаго закрѣпощенія, косвенно вызвавшаго и прикрѣпленіе къ тяглу, но принужденъ былъ оставить вопросъ объ отношеніи подобнаго рода сдѣлокъ къ старинѣ безъ всякаго рѣшенія, хотя самъ придаетъ имъ существенное значеніе въ ея развитіи (стр. 22). Даже съ той спеціальной точки зрѣнія, съ которой г. Дьяконовъ интересуется подмогой и ссудой, ему можетъ быть не слѣдовало принимать во вниманіе данныя одного XVII вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если приравнивать «изорника» къ половнику и уподоблять его «покруту» позднѣйшей крестьянской подмогѣ, то слѣдуетъ отмѣтить и нѣкоторое различіе, проводимое не позднѣе какъ со второй половины XV вѣка въ мѣстностяхъ, гдѣ правоотношенія уже получили сравнительно большое развитіе, между «покрутой» и «заемнымъ серебромъ», которое, притомъ, иногда называли «ссуднымъ»¹⁾.

1) Псков. Суд. грам., ст. 63: здѣсь изорникомъ названъ земледѣлецъ, снимающій участокъ исползу; подобно половникамъ и изорники, вѣроятно, не всегда платили $\frac{1}{2}$ урожая

За отсутствіемъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ данныхъ трудно сказать, однако, установилось ли болѣе или менѣе точное употребленіе термина «подмога» въ отличіе отъ «суды» и когда именно. Отъ самого начала XVI в. сохранились любопытныя мѣстные извѣстія о какихъ то «подможныхъ деньгахъ», отдаваемыхъ въ заемъ землевладѣльцами крестьянамъ подъ проценты. Такъ напримѣръ, въ Ильинскомъ Замозскомъ погостѣ Вотской пятины судя по переписной книгѣ 1500 года въ числѣ прежнихъ землевладѣльцевъ былъ иѣкто О. Гагинъ; въ его имѣніи оказалось «подможныхъ денегъ за хрестіаны рубль и девять гривенъ съ деньгою, а росту идетъ полторы гривны»; въ другой волости тотъ же О. Гагинъ роздалъ крестьянамъ три рубля, шесть гривенъ и десять денегъ подможныхъ; имѣніе О. Гагина, «взятое на великаго князя», вслѣдъ за тѣмъ перешло къ В. Сарычевскому, владѣвшимъ имъ на помѣстномъ правѣ; ему же «въ доходъ» были даны и подможныя деньги, съ которыхъ онъ бралъ росту четыре гривны безъ трехъ денегъ»¹⁾. Если подъ «подможными деньгами» въ вышеприведенныхъ случаяхъ, впрочемъ, кажется, довольно рѣдкихъ, разумѣть подмогу, то, очевидно, еѣ должно будетъ признать долгомъ, проценты съ котораго крестьяне были принуждены выплачивать займодавцу—землевладѣльцу. Слѣдуетъ ли объяснять факты подобнаго рода тѣмъ, что значеніе термина было еще очень широкимъ и не вполне опредѣленнымъ или тѣмъ, что О. Гагинъ выдавалъ деньги крестьянамъ, не требуя отъ нихъ приведенія снимаемаго ими участка въ положеніе, пригодное для хозяйничанья (постройка двора и проч.) или еще какими нибудь другими обстоятельствами, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ нѣсколько позднѣе подмога получаетъ, повидимому, болѣе узкое значеніе. Крестьянинъ поступалъ или въ готовый дворъ своего господина или самъ строилъ его; возможно, что

ср. ст. 42 и 43, гдѣ рѣчь идетъ объ «испововникѣ». Слово «крута» значитъ: одежда, отсюда «окружиться» = одѣться; но глаголъ «крутиться» получилъ и болѣе широкое значеніе, на что указываетъ выраженіе «крутиться на войну» — снаряжаться на войну (И. Срезневскій, Матеріалы, I, 1336; II, 651). Въ духовной преп. Евфросина Псковскаго, завѣщавшемъ свое имущество (между прочимъ и недвижимое) братіи монастыря Св. святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста, а также препод. Ануфрія, мы читаемъ: «а игумену въ томъ [имущество] не корыстоватися, ни братыи моеи ви келаремъ, ни посельникомъ, ни въ монастырѣ служащимъ; а изъ того житія окручати братыю изообчя» (А. Э., т. I, № 108). Большинство изслѣдователей считаетъ «покруту» — пособіемъ, подмогой или ссудой на обзаведеніе хозяйствомъ; см. напр., И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 24; Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 193; М. Владимірскаго-Буданова, Христоматія, изд. 1-е, стр. 145. Если изорникъ не наймать, подобно ролейному закупу (ср. ст. 41 и 42), а съемщикъ исполу, то и покруту придется считать не наемною платой, получаемою имъ впередъ отъ господина, а пособіемъ, которое послѣдній выдавалъ крестьянину-арендатору для обзаведенія хозяйствомъ. Въ статьѣ 44 рѣчь идетъ о вещахъ тройкаго рода: 1) покрутѣ; 2) «вершахъ», т. е. хлѣбѣ, «пшеницы ярой или озимой» и 3) серебрѣ; о серебрѣ заемномъ и ссудномъ см. ст. 30 и 31).

1) Новгород. писц. кн., т. III, стр. 601 и 803.

и нѣкоторые другіе труды крестьянина по приведенію снятаго имъ участка въ положеніе, пригодное для веденія хозяйства, также подлежали оцѣнкѣ. Между тѣмъ такой именно земледѣлецъ и получалъ, обыкновенно, подмогу; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ, правда весьма малочисленныхъ, онъ долженъ былъ употребить её не иначе, какъ «на дворовое строеніе и для пашни»¹⁾; вѣроятно, въ виду такихъ же цѣлей правительство предписало въ 1590 г. мѣстнымъ жителямъ Соливычегодской и ея уѣзда выдать «пашеннымъ людямъ», выбраннымъ для житія въ Сибири, «со всѣми ихъ животы» подмоги по 25 р. человѣку, причеиъ населеніе называло означенный сборъ «податями» и, слѣдовательно, смотрѣло на него, какъ на пособіе, не подлежащее возвращенію²⁾. Еще яснѣе смыслъ подмоги опредѣляется въ порядныхъ XVI ст.: здѣсь обыкновенно вслѣдъ за указаніемъ на полученіе подмоги написано: «а за ту подмогу (и за льготу) мнѣ деревню роспахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити...»³⁾. Въ томъ же значеніи терминъ «подмога» продолжаетъ употребляться и въ памятникахъ первой половины XVII вѣка. Такъ напримѣръ, въ одной порядной 1626 г., заключенной К. Дементьевымъ съ Тихвинскимъ монастыремъ встрѣчается то же условіе, которое не разъ попадаетъ въ однородныхъ сдѣлкахъ болѣе ранняго времени: К. Дементьевъ, взявъ подмогу у монастыря, обязуется «за ту подмогу поставити на своемъ участкѣ дворъ, избу, да клѣтъ да сѣни да хлѣвъ да сарай какъ иные прочіе крестьянскіе дворы поставлены»; въ случаѣ выхода К. Дементьевъ долженъ былъ уплатить 50 руб. денегъ монастырю⁴⁾. Подмога, какъ видно въ то время, кажется, дѣйствительно могла имѣть значеніе вознагражденія, которое новопорядчикъ получалъ впередъ «безъ отнимки» за свою работу по устройству хозяйства на взятомъ имъ участкѣ; отсюда естественно слѣдовало, что крестьянинъ, не выполнившій обѣщанныхъ имъ работъ, обязывался вернуть и самую подмогу⁵⁾. Постоянно нуждаясь въ рабочихъ рукахъ особенно съ того времени, когда населеніе стало отливать на южную украину и начинала развиваться система барщины, землевладѣльцы, конечно, имѣли возможность привлечь новыхъ поселенцевъ на свои пустоши не только временными льготами отъ повинностей и платежей, но и выдачею каждому изъ нихъ подмоги въ видѣ премія и вознагражденія за его поселеніе и обзаведеніе хозяйствомъ на

1) А. И., т. II, № 251.

2) А. Э., т. I, № 349; ср. Р. И. Б., т. II, № 164.

3) А. Ю., №№ 178, 188 и 191.

4) А. Ю., № 194; иногда порядчикъ безвозмездно пользовался въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ доходами съ господской пожни «для избнаго и сарайнаго ставленія» (Р. И. Б., т. XIV, стб. 356).

5) А. Ю., №№ 178 и 189. М. Дьяконовъ, Очерки, приложение № 14.

снятомъ имъ участкѣ. Трудно, однако, отрицать и то, что подмога могла быть безсрочною ссудой, которую крестьянинъ постепенно погашалъ, возмѣщая еѣ землевладѣльцу въ составѣ доли прибыли, получаемой имъ черезъ извѣстное время по заключеніи сдѣлки между тѣмъ и другимъ. Правда, что мы не встрѣчаемъ прямыхъ указаній на такія отношенія въ порядныхъ; но, какъ доказалъ г. Дьяконовъ, «большинство порядныхъ вовсе и не объемлетъ всѣхъ условій порядка». Нѣкоторую вѣроятность послѣднему изъ высказанныхъ нами предположеній придаютъ также заключительныя формулы нѣсколькихъ порядныхъ первой половины XVII вѣка: въ силу ихъ порядчикъ долженъ былъ вернуть подмоду землевладѣльцу не только въ томъ случаѣ, когда не ставилъ двора и проч., но и вообще по прекращеніи контракта; санкція подобнаго рода, очевидно, соответствовала не столько первому, сколько второму изъ вышеуказанныхъ значеній подмоги¹⁾. Если, тѣмъ не менѣе признавать, что еѣ первоначально выдавали въ видѣ «вознагражденія» и не считать формулировки позднѣйшихъ порядныхъ простою случайностью, то придется, конечно, предполагать, что подмога уже въ первой половинѣ XVII-го вѣка стала изъ «вознагражденія» мало по малу превращаться въ ссуду; но, даже принимая эту гипотезу, нельзя еще «отождествлять», подобно г. Дьяконову, подмоду съ старинною ссудою. Для надлежащаго пониманія ея смысла не мѣшаетъ предварительно собрать нѣсколько свѣдѣній о такъ называемомъ «заемномъ хлѣбѣ и серебрѣ».

Въ старинныхъ описаніяхъ деревень XV вѣка, извѣстныхъ намъ главнымъ образомъ по духовнымъ завѣщаніямъ, есть много указаній на «заемное жито (или хлѣбъ)» и «серебро» на крестьянехъ²⁾; причемъ цѣнность того и другого они должны были возвратить заимодавцамъ. Заключеніе такихъ займовъ безъ кабалъ было признано закономъ, напримѣръ, указомъ 1557 года³⁾, что свидѣлствуетъ о нѣкоторомъ распространеніи ихъ; они, конечно, возникали между крестьянами и землевладѣльцами. Въ духовной Ю. А. Редрикова, 1629—1630 гг. мы, напримѣръ, читаемъ: «да въ вотчинной деревнѣ Лопковѣ на крестьянехъ на Устинкѣ Аѳанасьевѣ 4 рубли, на Гришкѣ Шарыгинѣ 3 рубли денегъ; да взять мнѣ на крестьянехъ своихъ безкабално на Куземкѣ Аѳанасьевѣ 2 рубля денегъ, на Савкѣ Ивановѣ 1½ рубля денегъ»...⁴⁾ Въ приведенномъ отрывкѣ, какъ видно, на ряду съ долгами безкабалными указаны, однако и обязательства иного рода. Дѣйствительно, сами крестьяне въ своихъ духовныхъ иногда упоми-

1) А. Ю., №№ 193 и 194; Акты, собр. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 9, 12, 22 и 32. Р. И. Б., т. XIV, стб. 878, 946, 947, 954 и 970.

2) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 96 (1472 г.); А. Федотовъ-Чеховскій, т. I, № 94 (1491 г.).

3) А. И., т. I, № 154; ср., напримѣръ, Сборникъ актовъ, изд. Н. Дихачевымъ, вып. I, стр. 13—14 и 36; Тверскіе акты изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. I, стр. 137.

4) Арх. Мин. Юст. Грамоты Кол. экон., Арх. 402; Хрон. 9126 (Переяславскаго уѣзда).

наютъ о кабалахъ, по которымъ они должны были платить хлѣбъ и деньги, занятыя ими у разныхъ лицъ, что согласно съ предсмертными распоряженіями землевладѣльцевъ-кредиторовъ болѣе ранняго времени¹⁾; отъ XVI-го вѣка сохранилось и нѣсколько подлинныхъ заемныхъ кабалъ на хлѣбъ и на деньги, укрѣплявшихъ сдѣлки подобнаго рода между крестьянами и землевладѣльцами²⁾. Наслѣдодатели, не собравшіе съ крестьянъ своего заемнаго хлѣба и серебра, распоряжались ими по собственному усмотрѣнію то «прощая» ихъ должникамъ, то предоставляя своимъ наслѣдникамъ право требовать его обратно, хотя бы крестьяне и оставались по прежнему въ вотчинахъ наслѣдниковъ; послѣдніе, въ свою очередь, подвергая раздѣлу унаслѣдованное ими имущество, «дѣлили» между собою и «кабалы хлѣбныя и денежныя»³⁾. Въ актахъ XVII вѣка часто встрѣчаются упоминанія о такихъ же сдѣлкахъ. Въ одной порядной 1601 г., напримѣръ, послѣ условія о подмогѣ написано: «а сѣмена мнѣ (порядчику), взяти изъ монастырскіе житницы овесъ и жито въ займы»⁴⁾. Въ «книгахъ раздаточныхъ поземнымъ сѣмянамъ», которыя житники Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря выдавали для посѣва крестьянамъ въ 7097—7148 гг. встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «112-го году мѣсяца августа 6-го дня Кириллова монастыря старецъ Θεодосей Борковъ далъ поземныя сѣмяна въ деревню на Лабунино на выть деревни Щелковы, Ивану Данилову, да Исаку Павлову, да Ермолѣ Гаврилову, да Θεодору Данилову пять четей ржи; и въ тѣхъ сѣменехъ на нихъ кабала взята»; въ той же книгѣ можно подыскать нѣсколько другихъ указаній подобнаго рода⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ не рѣдко землевладѣльцы выдавали своимъ крестьянамъ и серебро или «деньги» въ займы по кабаламъ. Въ «приходныхъ книгахъ Болдина Дорогобужскаго монастыря, 1603—1604 гг., напримѣръ, сохранился рядъ указаній на возвращеніе крестьянами данныхъ имъ денегъ. Записи обыкновенно сдѣланы въ слѣдующей формѣ: «Деревни такой то, на такомъ то лицѣ взяты дачи такого то казначея по заемнымъ книгамъ столько то денегъ платы, уплаты или доплаты». Быть можетъ нѣсколько увлекаясь указаннымъ имъ смѣшеніемъ терминологіи, г. Дьяконовъ называетъ «дачи» болдинскихъ казначеевъ «подмогою» (стр. 117); въ самихъ книгахъ мы такого названія, кажется, не встрѣчаемъ и не видимъ основаній не причислять казначейскія «дачи» къ разряду денежныхъ займовъ, ибо такія дачи, какъ видно, подлежали возврату, а въ

1) А. Ю., №№ 421 и 424.

2) А. Ю., №№ 239, 246, 250, 251, 253 и 255; А. от. до Ю. Б., т. II, № 125, 1.

3) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 112 и 122; А. Ю., №№ 410 и 413; Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, вып. I, стр. 20, 34, 46; Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ, № 139; Доп. къ А. И., т. II, № 56, ср. пред. примѣчанія.

4) А. Ю., № 191.

5) Спб. Духов. Акад. Кир. биб. № 69 / 1308, л. 16 об.; ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 483.

тѣхъ случаяхъ когда крестьяне не возвращали занятыхъ ими суммъ сполна, они, вѣроятно, выдавали на себя кабалы «въ недоплатныхъ деньгахъ», извѣстныя намъ по другимъ памяткамъ¹⁾. Хлѣбные и денежныя займы крестьянъ, большею частью, конечно, у своихъ же господъ-землевладѣльцевъ, были, повидимому, довольно распространены и въ позднѣйшее время, на что указываютъ, на примѣръ, старинныя описи монастырскихъ архивовъ, въ которыхъ хранилось не мало заемныхъ кабалъ; о томъ же свидѣлствуютъ нѣсколько напечатанныхъ актовъ подобнаго рода, принадлежащихъ къ XVII-ому вѣку²⁾. Въ одномъ изъ документовъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, на примѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «187 года Юля въ 24 день, по указу государя архимандрита Варлаама и келаря Деонисія съ братіей и противъ наказной памяти села Коропова поселской старецъ Гаврило Серебряковъ принялъ на свои руки у прежняго поселскаго старца Ирнарха монастырской дворъ;.. и что по указу государей властей роздано изъ монастырскихъ житницъ скуднымъ крестьяномъ ржаного и яроваго хлѣба въ кабалы: ржи 23 четверти съ осминою, овса роздано 40 четвертей съ осминою, ячмени роздано шесть четвертей три полуосмины, и тѣ кабалы принялъ я, старецъ Гаврило, у нево старца Ирнарха на лицо»³⁾. Не менѣе любопытную иллюстрацію выдачи денегъ по кабаламъ крестьянамъ мы встрѣчаемъ въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу братіи того же Нижегородскаго Печерскаго монастыря на келаря Діонисія Омачкина. «Тѣхъ государь дѣтей своихъ и племянниковъ и зятей и друзей и хлѣбояжцовъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, писали монахи въ 1674 году про своевольнаго келаря, ссужаетъ [онъ] монастырскими казенными деньгами» и хлѣбомъ и скотомъ, лошадьми и всякою животиною, по вся годы и для прилики емлетъ на нихъ заемныя кабалы въ деньгахъ и въ хлѣбѣ, и по тѣмъ, государь, кабаламъ денегъ и хлѣба на нихъ въ монастырь въ казну не емлетъ многіе лѣта и накопиль, государь, тѣхъ кабалъ въ деньгахъ и въ хлѣбѣ много, и тѣ, государь, кабалы его, келаревымъ, нерадѣніемъ и угодниковъ его, бывшихъ казначеевъ, изъ лѣтъ вышли, и платежу, государь, по нимъ нѣтъ; а иные, государь, кабалы дѣтямъ своимъ и племянникомъ и друзьямъ выдавалъ безъ платежу»⁴⁾. Итакъ, заемъ хлѣба или денегъ крестьянами у землевладѣльцевъ подъ кабалы былъ явленіемъ довольно распространеннымъ какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ. Слѣдуетъ имѣть

1) Переписныя книги Іосифа Волоколамскаго монастыря 1655 г. въ Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1909, лл. 127—132.

2) Переписныя книги разныхъ монастырей XVII-го вѣка въ Имп. Публ. библ., Древлехранилище М. Погодина, № 1914. А. Ю., №№ 253, 255 и 424; А. от. до Ю. Б., т. II, № 125, 1; ср. предшествующее примѣчаніе.

3) Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря изд. подъ ред. г. Титова, стр. 351.

4) Акты Ниж. Печ. мон. изд. подъ ред. г. Титова, стр. 303 и 305; ср. стр. 149 и 241.

въ виду, что крестьяне, занимавшіе хлѣбъ и деньги, не всегда платили проценты своимъ кредиторамъ: случаи безпроцентныхъ займовъ на короткіе сроки (не болѣе года), повидимому, были не особенно рѣдки. Въ 1561 году власти Соловецкаго монастыря отмѣнили «пасопь», которую прикащикъ взымалъ съ крестьянъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ верхѣ; въ вышеприведенныхъ записяхъ житниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря также встрѣчаются случаи, когда о «наспѣ» не упомянуто. Въ извѣстныхъ намъ заемныхъ кабалахъ крестьянъ довольно часто помѣщается условіе въ силу котораго проценты уплачиваются лишь со времени просрочки займа¹⁾.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, подмогу едва ли можно смѣшивать съ «заемнымъ житомъ или серебромъ»; крестьянинъ возвращалъ подмогу землевладѣльцу лишь въ случаѣ нарушенія спеціальныхъ условій порядной о постройкѣ двора и т. д. или выхода изъ имѣнія, тогда какъ, занявши «жито или серебро», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ случаѣ обязывался цѣнность ихъ уплатить ихъ бывшему собственнику; такія сдѣлки обыкновенно не включаются, подобно выдачѣ подмоги, въ порядныя, а остаются «безкабальными» или закрѣпляются особыми актами, главнымъ образомъ заемными кабалами, что и было подтверждено Уложеніемъ²⁾; наконецъ, объ уплатѣ процентовъ съ подмоги, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI вѣка мы ничего не знаемъ, тогда какъ крестьяне заемщики, не рѣдко по истеченіи годового срока платили ростъ своимъ займодавцамъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ нельзя было смѣшивать подмогу съ заемнымъ житомъ или серебромъ. Выше мы уже приводили актъ 1601 года, въ которомъ рядомъ съ подмогой, упоминается отличаемый отъ нея заемный хлѣбъ³⁾. Еще яснѣе обнаруживается то же различіе между подмогой и заемнымъ серебромъ въ сдѣлкахъ землевладѣльцевъ съ полов-

1) Книги раздаточныя поземнымъ сѣмянамъ 7097—7148 гг. въ Спб. Духов. Акад., Кир. биб., № 69/1308. А. Ю., №№ 250, 251, 253, 255. На Стоглавомъ соборѣ было постановлено, чтобы «отнынѣ по священнымъ правиламъ святителейъ и всѣмъ монастыремъ деньги давать по своимъ селамъ своимъ крестьянамъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу...» (Стоглавъ, изд. Казан. Дух. Акад., стр. 345). Постановленіемъ собора пожалуй и объясняются вышеприведенныя записи житниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ монастырей; безпроцентные хотя и краткосрочные займы практиковались однако и въ имѣніяхъ свѣтскихъ лицъ. Отъ безпроцентныхъ займовъ безъ залога слѣдуетъ отличать такіе же займы съ залогомъ; такъ напр., нѣкоторые изъ владѣльцевъ Варзужскихъ тоней занимали деньги у Троице-Сергіева монастыря въ 7083—7094 гг. подъ залогъ своего недвижимаго имущества безъ росту; самое пользованіе заложеннымъ имуществомъ, предоставляемое обыкновенно кредитору, было своего рода ростомъ; притомъ въ случаѣ просрочки долга означенныя кабалы превращались въ купчія: «и не стануть деньги, читаемъ мы въ нихъ, на срокъ и ся кабала нашей луки и купчая въ дернь безъ выкупа» (Имп. Публ. Библ., Древл. М. Погодина, № 1913, Сборникъ актовъ Троице-Сергіева монастыря, №№ 1, 3, 6, 7, 26).

2) Уложение, X, 189 и XIX, 18.

3) А. Ю., № 191.

никамп, положеніе которыхъ, какъ признаетъ и самъ г. Дьяконовъ, имѣло много сходнаго съ крестьянскимъ (стр. 189). Въ 1636 году, напримѣръ, изъ за П. С. Строганова бѣжало нѣсколько половниковъ; судя по поданной имъ явкѣ каждый изъ нихъ получилъ подмогу по порядной записи и деньги по заемной кабалѣ; такъ «С. Борисовъ, Полутовскихъ съ дѣтьми своими, читаемъ мы въ явкѣ, снесли съ собою живота П. С. Строганова по порядной записи подможныхъ денегъ 2 рубля да хлѣба... да по той же записи за прирядъ за дворовую зделку денегъ 8 руб.; да по той же записи за хмельничные тычины 4 гривны да за избные дрова за 8 сажень—8 гривенъ, да за 24 курицы живыхъ 24 алт. да за 240 яицъ—8 алт.; да на нихъ же взяты по заемной кабалѣ денегъ 3 руб. 8 ал. 2 д.» Даже въ позднѣйшихъ актахъ иногда замѣтно различіе между подмогой и «деньгами», занимаемыми половниками. Такъ напримѣръ, церковные старосты Сольвычегодскаго уѣзда при выборѣ своемъ въ 1686 г. получили инструкцію, въ силу которой они должны были «въ своемъ году розданные половникамъ хлѣбъ и сѣно въ долги, имать на нихъ самимъ, а новымъ старостамъ, кромѣ подмоги не переводить». И въ данномъ случаѣ, какъ видно, подмога не смѣшана съ заемнымъ серебромъ; послѣднее, какъ возникшее изъ займа, подлежало возвращенію, вѣроятно, въ теченіе годового срока ¹⁾.

Одно изъ различій между подмогой и заемнымъ житомъ или серебромъ, кажется, сглаживалось въ тѣхъ случаяхъ, когда заемъ становился ссудой, ибо послѣдняя была, повидимому, безвозмезднымъ займомъ; такое впечатлѣніе дѣлаетъ указъ 1557 года, дополнившій соответствующія статьи Судебника, что какъ будто бы указываетъ и на сравнительно позднее развитіе или по крайней мѣрѣ запоздалую законодательную формулировку подобнаго рода сдѣлокъ. «А кто у кого возметъ денги въ займы безкабально и безъ памяти, читаемъ мы въ указѣ 1557 года, или кто у кого возметъ на ссуду, что ни буди, и на судѣ того не попрется: и на тѣхъ денги съ суда велѣти правити сполна и правезъ на нихъ давати всегда». Изъ контекста того же документа видно, что «ссуда» противоплагается здѣсь (вмѣстѣ съ безкабальными займами вообще) займамъ денегъ «въ ростъ»; притомъ, въ одномъ изъ списковъ изучаемаго указа слова «на ссуду», повидимому замѣнены выраженіемъ: «на срокъ», а мы видѣли, что краткосрочные займы нерѣдко были и безпроцентными ²⁾. Такимъ образомъ старинную ссуду едва ли не правильнѣе сравнивать съ римскимъ *mutuum*, чѣмъ съ *commodatum*: послѣднее имѣло болѣе спеціальное значе-

1) Акты Устюж. и Холмогор. епарх. въ Рус. Ист. Библ., кн. 3-я (въ печати), № 138; тамъ-же, т. XII, стб. 821. Эти факты извѣстны и г. Дьяконову (см. стр. 199 и 201); но онъ не обратилъ на нихъ вниманія съ интересующей насъ точки зрѣнія.

2) А. И., т. 1, № 154, ст. 7.

ніе; сдѣлка подобнаго рода на дѣловомъ языкѣ стараго времени носила названіе не ссуды вообще, а «ссуды на поддержаніе»¹⁾. Если подъ «ссудой» XVI—XVII вв. разумѣть безпроцентныя займы, причемъ занятое движимое имущество, обыкновенно хлѣбъ или деньги, подлежало возмѣщенію, то и «заемное жито или серебро» стараго времени въ нѣкоторыхъ изъ случаевъ, упомянутыхъ выше, придется назвать тѣмъ же терминомъ, что разумѣется не мѣшаетъ намъ признавать полную возможность превращенія ссуды по просрочкѣ займа въ обыкновенный процентный долгъ.

Насколько можно заключить по отрывочнымъ извѣстіямъ XVII-го вѣка, хотя крестьянинъ въ случаѣ нарушенія извѣстныхъ условій и обязывался возратить подмогу землевладѣльцу, но самый срокъ возвращенія оставался не опредѣленнымъ; «ссуда» же въ отличіе отъ подмоги, кажется, была обыкновенно срочнымъ займомъ. Такъ напр., Андрей, Петръ и Иванъ Строгановы при раздѣлѣ своего имущества въ 1629 году, между прочимъ, постановили слѣдующее: «а которые крестьяне, съ дѣлу кому достались и что на нихъ долгу общаго и особнаго по кабаламъ и безкабально есть, и тотъ долгъ тому же, кому крестьяня достались, кромѣ того долгу, что въ прошломъ 136 году съ марта съ 1-го числа давано, въ какіе промыслы или на ссуду: и тѣ долги вольно намъ выбирать, хотя кому изъ насъ тѣ крестьяне ни достались, и намъ межъ собою въ томъ долгу 136 года управа давати и долги выбирать нынѣшняго же 137 года до Троицына дни, а далѣ Троицына дни сроку не давати, денги доправить, что въ какое издѣлье или на ссуду давано...¹⁾. Такое же значеніе операціи ссуды выясняется и изъ вышеприведенной челобитной братіи Печерскаго монастыря на келаря Д. Омачкина, который «ссужалъ крестьянъ по вся годы» и, взявъ съ нихъ «заемныя кабалы въ хлѣбѣ и деньгахъ», своевременно не выискивалъ по нимъ ссуженныхъ ими капиталовъ, такъ что «кабалы изъ

1) Въ XVI—XVII вв. предметомъ ссуды могло служить не только «движимое имущество», но и «серебро»; ср. выраженія: «денегъ есмья взяли на ссуду...» (А. Ю., № 182, 1582 г.); «Тереху Сергѣеву Валковскому крестьянину дано на ссуду 4 алтына съ новгородскою; да Калинъ Семязинскому крестьянину дано полтора рубля на ссуду» (Приходорасходная книга игумены Владимірскаго Успенскаго монастыря Княгинина дѣвичьяго 1629 года во Влад. Губ. Вѣд. за 1857 г. № 32). Такимъ образомъ старинное словоупотребленіе далеко не соотвѣтствуетъ современной терминологіи. Съ точки зрѣнія послѣдней (Зак. гражд. ст. 2064—2065) можно назвать ссудой скорѣе тотъ договоръ, который въ нашей старинной практикѣ уже получилъ болѣе точное опредѣленіе. «Умилися, государь, надо мною Богу дя, писалъ, напимѣрь, Е. Евсевьевъ изъ Курмыша архимандриту Печерскаго монастыря Юву, повидимому въ 1618 году, одари меня своимъ жалованьемъ, пожалуй, ссуди толковымъ Евангеліемъ на поддержаніе» (Рус. Ист. Библ., т. II, № 191; тоже перепечатано въ Актахъ Нижегородскаго Печерскаго мон., изд. подъ ред. А. Титова, стр. 9). Римское *com modatum* какъ видно, названо здѣсь не ссудой вообще, а «ссудой на поддержаніе».

2) Доп. къ А. И., т. I, № 56.

лѣтъ выходили»¹⁾. Аналогичныя извѣстія встрѣчаются и въ правительственныхъ актахъ первой половины XVII-го вѣка, гдѣ также можно указать на слѣды различія между подмогой и «ссудой». Такъ напримѣръ, въ одномъ документѣ 1632 года, извѣстномъ и г. Дьяконову, между прочимъ находится запись о томъ, что гулянцимъ вольнымъ людямъ, «посаженымъ въ крестьяне» въ Верхотурскомъ уѣздѣ вручено было съ 1624 по 1631 г. «подмоги на четь десятины по полтора рубли да на ссуду по три рубли человѣку», причемъ 217 поселенцамъ всего дано изъ казны на ссуду для ихъ бѣдности на лошадиную покупку 704 рубли, а въ тѣхъ деньгахъ иманы на нихъ заемныя кабалы, а по 140 годъ тѣхъ они денегъ въ казну не платили»²⁾. Съ приведеннымъ текстомъ не мѣшаетъ сравнить и другіе, находящіеся въ отпискѣ Ленскихъ воеводъ П. Головина и М. Глѣбова относительно поселенія пашенныхъ крестьянъ на рѣкахъ Ленѣ, Кутѣ и Илимѣ въ 1641 году. Въ названномъ актѣ встрѣчается, напримѣръ, условіе о поселеніи устюжанина П. Яковлева на Ленѣ на Тунгузскомъ волокѣ; новопорядчику, приэтомъ, выдано было въ сущности двѣ «ссуды»: одна въ 30 рубл. на приобрѣтеніе лошади и «на всякой пашеной заводъ не въ отдачу»; другая, размѣромъ тоже въ 30 рублей, — «взаймы» на два года; однородныя условія селитьбы предложены были и другимъ колонистамъ, желавшимъ занять берега р. Лены:» а на Ленѣ рѣкѣ, государь, писали воеводы, [тѣ], которые похотятъ въ пашнѣ сѣсть, и тѣмъ государь изъ твоей государевой казны [вручить] на лошадь деньги не въ отдачу, а на другую лошадь дать денегъ займы изъ твоей же государевой казны на два года»³⁾. Въ подобнаго рода случаяхъ, повидимому, подмога уже смѣшивается съ «ссудой», но смѣшеніе едва ли не ограничивается одной терминологіей: въ приведенныхъ отрывкахъ все еще ясно различаются два рода ссуды: одну изъ нихъ, вѣроятно, правильнѣе было бы назвать подмогой, если придерживаться старинной терминологіи, а за другою оставить дапное ей обозначеніе, соединивъ съ нимъ болѣе точное значеніе.

Такимъ образомъ, едва ли слѣдуетъ, подобно г. Дьяконову, отождествлять подмогу съ ссудой (стр. 117) по крайней мѣрѣ, до второй половины XVII-го вѣка: подмогой крестьянинъ пользовался за свой трудъ по приведенію даннаго ему земельного участка въ состояніе пригодное для веденія хозяйства и не долженъ былъ возвращать ея до своего выхода или

1) Акты Нижегородскаго Печерскаго мон., изд. подъ ред. А. Титова, стр. 303 и 305; ср. Рус. Ист. Биб., т. II, № 177.

2) А. И., т. III, № 172.

3) Доп. къ А. И., т. II, № 92. Ниже въ той же отпискѣ воеводы пишутъ, что «въ той пашнѣ и въ ссудныхъ и въ заемныхъ деньгахъ» они взяли по П. Яковлевѣ поручную запись у торговыхъ и промышленныхъ людей; ср. Рус. Ист. Библ., т. III, №№ 56 и 149.

бѣгства изъ имѣнія кредитора, а «ссуда» по краткосрочномъ и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безвозмездномъ пользованіи ею, или подлежала возвращенію или, становилась долгомъ, проценты съ котораго крестьянину обыкновенно приходилось отработывать не на своемъ участкѣ, а, вѣроятно, на барской пашнѣ, если только онъ не выплачивалъ ихъ продуктами или чистыми деньгами.

Различіе между подмогой и ссудой XVII вѣка, отрицаемое г. Дьяконовымъ, какъ видно, все еще не совсѣмъ исчезло въ первой его половинѣ; оно, вѣроятно, постепенно стало утрачиваться послѣ изданія Уложения¹⁾. Едва ли вѣрно рѣшая этотъ вопросъ, г. Дьяконовъ не дѣлаетъ никакихъ указаній на причины, вызвавшія подобное смѣшеніе, а также на его направление. Въ виду свойствъ, договоровъ, состоявшихъ въ выдачѣ подмоги и ссуды, первый, вѣроятно, былъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ второй, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени; усиленію того же результата, можетъ быть, содѣйствовало постепенное сокращеніе числа пустошей во владѣльческихъ имѣніяхъ, что, разумѣется не могло способствовать развитію обычая надѣлять крестьянина подмогой, и, во всякомъ случаѣ, не мѣшало ссуднымъ операціямъ землевладѣльца. При смѣшеніи подмоги съ ссудой, обнаружившемся какъ мы видѣли уже въ томъ, что крестьянинъ обязывался вернуть подмогу землевладѣльцу при выходѣ изъ его имѣнія, ссуда, какъ наиболѣе распространенный типъ могъ получить преобладающее значеніе въ самомъ процессѣ смѣшенія. И дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ того времени нельзя не замѣтить склонности населенія приравнивать подмогу къ ссудѣ, а не обратно. Кромѣ выше приведеннаго характернаго случая обобщенія термина «ссуда» для обозначенія все еще по существу различаемыхъ другъ отъ друга понятій: «подмога и «ссуда», можно привести и нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, относящихся, повидимому, уже къ періоду смѣшенія ихъ. Такъ напримѣръ, съ одной стороны въ актахъ XVII вѣка начинаютъ встрѣчаться упоминанія о «подмогѣ по кабаламъ», съ другой на подмогу уже прямо переносятъ свойства ссуды, что видно изъ одной рядной записи 1649 г.; здѣсь написано, что Михалко Корнильевъ» взялъ на подмогу у государя своего

1) Само собою разумѣется, что отдѣльные случаи подобнаго рода могли возникать и гораздо ранѣе; впрочемъ, извѣстная порядная 1582 года (А. Ю., № 182), въ которой уже, можетъ быть, обнаруживается такое смѣшеніе, содержитъ не совсѣмъ обычную формулу: «ржи насѣяно въ земли пять четвертей да денегъ еся взяли на ссуду полтина: пашня намъ пахати, земли не запереложити и вново чистити, а во дворѣ намъ поставити изба новая и старые хоромы починивати . . . а котораго году учнемъ мы избу ставити и имъ насъ пожаловати не велити намъ издѣля монастырскаго дѣлати». . . Едва ли можно безъ оговорокъ сказать, что въ этомъ актѣ «ссуда названа подмогой». «Рожь въ землѣ» могла имѣть значеніе подмоги, а ссудою въ такомъ случаѣ названы одни деньги, взятыя порядчиками; ср. впрочемъ Р. И. Б., т. XIV, стб. 877.

денегъ и хлѣба и всякой ссуды на 5 рублевъ»; порядчикъ, при этомъ, обязывался: «наживъ, та ссуда ему государю своему заплатить»¹⁾. Сдѣлки подобнаго рода указываютъ на превращеніе крестьянскихъ порядныхъ въ ссудныя; въ ссудныхъ же обыкновенно уже нѣтъ рѣчи о подмогѣ, «за» которую порядчики обязуются дворъ строить и проч., а есть только упоминаніе о выдачѣ ссуды «на» дворовое строеніе и проч.²⁾. Такимъ образомъ можно сказать, что подмога стала сливаться съ ссудою; слѣдовательно, и процессъ «смѣшенія» едва ли не состоялъ въ постепенномъ поглощеніи подмоги ссудой.

Кромѣ ссуды, какъ безпроцентнаго займа, землевладѣльцы нерѣдко давали въ займы своимъ крестьянамъ деньги и подъ проценты. «Издѣльное серебро» и «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» или «ростовое серебро», не говоря объ извѣстныхъ грамотахъ князей Михаила Андреевича и Андрея Васильевича, а также великой княгини Софіи Витовтовны, упоминаются и въ другихъ случаяхъ: такъ напримѣръ, въ одной духовной 1460 года завѣщатель «даетъ» монастырю свои сельца и деревни; «и што въ тѣхъ сельцехъ и въ деревняхъ, пишетъ онъ, на людехъ мое серебро дѣльное и ростовое и язъ то далъ все Пречистой на Симаново»; въ другомъ актѣ подобнаго же рода 1491 г. наслѣдодатель передаетъ сыну между прочимъ село Богородицкое; «а что въ томъ селѣ, пишетъ онъ, серебра моего на крестьянехъ делнаго и ростоваго сорокъ рублевъ безъ полутретья рубли и язъ тѣхъ денегъ на крестьянехъ не велѣлъ имати сыну своему»; отъ позднѣйшаго времени сохранились, конечно, и болѣе общія постановленія правительства относительно такихъ случаевъ³⁾. Г. Дьяконовъ, какъ указано было выше, совершенно отстраняется отъ изученія подобнаго рода сдѣлокъ и роли ихъ въ процессѣ прикрѣпленія, хотя и обращаетъ вниманіе на то сходство, какое существовало между крестьянскою ссудною записью и служилой кабалой: въ своемъ изслѣдованіи на вопросъ о томъ, что разумѣть подъ «издѣльнымъ серебромъ», онъ не даетъ надлежащаго отвѣта. Между тѣмъ въ извѣстной грамотѣ 1450 года прямо сказано, что серебряники должны «дѣло додѣлывать на то серебро», которое получили отъ землевладѣльца до выхода изъ его имѣнія⁴⁾; и дѣйствительно, съ начала XVI вѣка сохранился цѣлый рядъ заемныхъ кабаль, по которымъ ростъ съ занятыхъ капиталовъ должники выплачивали работою; «а не похочю у

1) Акты, отъ къ исторіи тяглаго населенія, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 9, 32, 47 и 49.

2) Акты, отъ къ исторіи тяглаго населенія, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 49, 54, 58, 64 и др. В. Борисовъ, Описаніе г. Шуи, № 78.

3) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 83, 112 и 122; А. Э., т. I, № 48. А. отъ до Ю. Б., Акты гражд. распр., собр. и изд. А. Федотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 94. А. И., т. I, № 154.

4) А. Э., т. I, № 48; въ чемъ состояло издѣлье см. *ibid.*, № 11.

него (займодавца) работать до срока, читаемъ мы обыкновенно въ такихъ актахъ, и мнѣ ему деньги его дать всѣ и съ ростомъ по расчету»¹⁾. Если припомнимъ, что плательщиковъ «дѣловаго серебра» иногда называли издѣльниками, а самое серебро — «серебромъ въ пашни», то и придется признать вѣроятность предположенія, что въ займахъ, связанныхъ съ отработкою процентовъ должникомъ, нельзя не видѣть весьма существеннаго источника той зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, которая сближала прежнихъ издѣльщиковъ съ позднѣйшими кабальными холопами и противъ которой было направлено государственное прикрѣпленіе крестьянъ. Не останавливаясь долѣе на этомъ явленіи, уже затронутымъ предшествующей литературой²⁾, замѣтимъ только, что обычай отдавать серебро въ займы «изъ дѣла» былъ, вѣроятно, сильно распространенъ и обладалъ большою жизненной энергіей: сравненіе извѣстныхъ статей Судебника 1550 года о «кабалахъ за ростъ служить» показываетъ, что правительство едва ли успѣшно боролось противъ стремленія населенія переносить свойства «издѣльнаго серебра» на «ростовое»³⁾. Впрочемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ не выплачивалъ ростъ съ серебра своею работой, заемъ подобнаго рода тѣмъ не менѣе, легко вовлекалъ его въ личную зависимость отъ кредитора въ случаѣ просрочки долга. Приведемъ отрывокъ изъ одного дѣла 1530 года, хорошо иллюстрирующій печальные результаты, какими подобнаго рода сдѣлки, вѣроятно, довольно часто кончались для «зайщика». Въ 1515—1516 гг. нѣкій П. Омельяновъ занялъ по кабалѣ нѣсколько денегъ у прикащика М. Казнакова съ обязательствомъ выплатить ихъ черезъ годъ и «ростъ дать по розчету». П. Омельяновъ оказался, однако, не исправнымъ плательщикомъ и М. Казнаковъ принужденъ былъ подать искъ въ судъ, который и «судилъ» дворецкій И. И. Колычевъ. На судѣ Иванка Михайловъ, человекъ М. Казнакова заявилъ слѣдующее: «Жалоба ми, господине, на того Петрушку на Омельянова сына: занялъ, господине онъ у меня [съ ?] своими товарищи полтретья рубли денегъ, государя моего серебра, въ кабалу, до тѣхъ мѣсть денегъ не заплатятъ. А се, господине, кабала передъ тобою». По разслѣдованіи дѣла П. Омельяновъ оказался виноватымъ, въ чемъ и самъ признался на судѣ. «И по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой Иванъ Ивановичъ ищею Ивашка Михайлова человекъ оправиль, а отвѣтчика, Петрушку Омельянова сына,

1) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ (Чт. М. О. И. и Д. 1898 г.) №№ 78, 94, 106 и 108 (1510—1519 гг.). Такимъ образомъ мнѣніе высказанное Б. Н. Чичеринимъ (Опыты, стр. 201) подтверждается новымъ матеріаломъ. Ср. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 80, прим. 3.

2) Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 201. В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мысли за 1885 г., № 10, стр. 9—10.

3) Судебникъ 1550 г., ст. 78 и 82; ср. А. Э., т. I, № 257.

и въ товарищевъ ево мѣста обинилъ и велѣлъ на немъ доправить ищениа иску, Иванка Михайлова, челоуѣка Казнакова, полтретья рубли по кабалѣ съ росты да отдати ищѣѣ... «И Иванъ Ивановичъ (Колычевъ) вспросилъ Петрушки (Омельянова сына): деньги тебѣ заплатить мочно ль? А порука и переводъ по тебѣ въ деньгахъ есть ли? И язъ тебѣ дамъ срокъ». На вопросъ судьи Петрушка отвѣтилъ: «депегъ, господине, мнѣ заплатить не мочно, а поруки, господине, и перевода по мнѣ въ деньгахъ нѣтъ». Случай подобнаго рода можно было легко подвести подъ 55 статью Судебника 1497-го года. И дѣйствительно согласно ей «Иванъ Ивановичъ велѣлъ педѣльщику Летягѣ Измайлову выдать отвѣтчика Петрушку Емельянова сына ищѣѣ Иванку Михайлову челоуѣку Казнакова въ его иску въ полутретьехъ рублехъ по кабалѣ съ росты до искупу головою»¹⁾. Правило, формулированное въ Судебникѣ 1497 года, какъ видно, примѣнялось на практикѣ; о распространенности его свидѣтельствуетъ то, что оно въ развитомъ видѣ попало въ Судебникъ 1550 года, а также повторяется и въ другихъ документахъ второй половины XVI вѣка²⁾.

Итакъ, взятіе подмоги и ссуды стѣсняло свободу вольнаго перехода крестьянъ, а заемъ издѣльнаго и ростоваго серебра, кромѣ того, ставилъ должника въ зависимость отъ господина, легко выводившую «заимщика» изъ числа тяглецовъ³⁾; противъ такого именно исхода и направлено было государственное прикрѣпленіе къ тяглу. Къ явленіямъ подобнаго рода, можно, пожалуй, причислить и ту долговую зависимость крестьянина отъ землевладѣльца, которая, вѣроятно, не разъ возникала въ тѣхъ случаяхъ, когда пеня, падавшая на порядчика за нарушеніе какихъ либо условій его порядка, оставалась не уплаченной. Между тѣмъ, во всѣхъ типахъ частной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, рассмотрѣнныхъ нами выше, нельзя не признать процесса, вредившаго интересамъ казны; слѣдовательно развитіе его естественно оказалось одною изъ главнѣйшихъ причинъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу, хотя бы юридическія основанія послѣдняго и были иными; г. Дьяконовъ, лишь мимоходомъ коснувшись вопроса о задолженности крестьянъ, не подвергаетъ его, однако, изслѣдованію, тѣмъ болѣе важному, что самый вопросъ все еще нуждается въ правильной постановкѣ и еще не получилъ окончательнаго рѣшенія. Указанный пробѣлъ въ сочиненіи г. Дьяконова мы считаемъ

1) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, вып. I, № 14. Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ и соб. А. Юшковымъ, № 128: Правая грамота даннаго Ивану Хлудеву, челоуѣку Мих. Казнакова въ спорѣ со Емельяномъ Кулешевымъ о заемныхъ деньгахъ, занятыхъ послѣднимъ у господина его (1530 г. Янв. 17). Судебникъ 1497 г., ст. 55; ср. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 77—78.

2) Судебникъ 1550 г., ст. 90; А. Э., т. I, № 257; А. И., т. I, № 154 (указы 1558 и 1565 гг.).

3) Р. И. Б., т. XIV, стб. 968 и 1137. А. Э., т. I, № 48; Доп. къ А. И., т. I, № 198.

весьма существеннымъ, такъ какъ по замѣчанію автора «возможность [должнику] самостоятельно расплатиться съ кредиторомъ составляла рѣдкое исключеніе» (стр. 77). Въ грамотахъ половины XV вѣка уже встрѣчаются распоряженія о вывозѣ крестьянъ изъ того или другого имѣнія по уплатѣ того «серебра, въ которомъ они скажутся виноватыми» прежнимъ владѣльцемъ¹⁾, а отъ 1515—1517 гг. сохранилось и нѣсколько докладныхъ грамотъ, укрѣпившихъ сдѣлки подобнаго рода; формулировка ихъ обыкновенно слѣдующая: «заялъ есми, господине, пишеть зайщикъ, у такого то лица столько то денегъ и тѣ есми денги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т. е. у новаго кредитора) работать»²⁾. Въ видѣ привилегіи крестьяне Моревской волости получили въ 1530 г. право, состоявшее въ томъ, что «должной человекъ, нетяглой и неписьменной, опричь слободчиковъ, приходившій къ нимъ, могъ выплатить долгъ своимъ должникамъ въ пять лѣтъ въ истую уплату безъ росту»...³⁾. Самъ г. Дьяконовъ готовъ признать широкое распространеніе крестьянской задолженности (стр. 26) и едва ли на достаточныхъ основаніяхъ пренебрегаетъ изученіемъ явленія, такъ тѣсно связаннаго съ исторіей прикрѣпленія.

Не маловажнымъ должно также считать вопросъ о томъ, почему процессы прикрѣпленія (какъ частнаго, такъ и государственнаго) усилились къ концу XVI-го вѣка? Г. Дьяконовъ даже не ставитъ такого вопроса; естественно, что и прямого отвѣта на него мы не находимъ въ его сочиненіи, посвященномъ, однако, главнымъ образомъ, выясненію «историческихъ судьбъ тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ».

Одною изъ причинъ интенсивнаго развитія здѣсь крѣпостнаго права во второй половинѣ XVI в., можетъ быть, слѣдуетъ усматривать въ постепенномъ переходѣ отъ натурального хозяйства къ денежному, который въ то время сталъ едва ли не болѣе замѣтнымъ, чѣмъ прежде. Не имѣя возможности въ нашемъ отзывѣ останавливаться на изученіи этого явленія въ полномъ объемѣ, мы затронемъ лишь тѣ его стороны, которыя имѣютъ ближайшее значеніе для рѣшенія поставленнаго вопроса. Весьма вѣроятно, что вышеуказанный переходъ въ исторіи крестьянскаго быта былъ связанъ съ болѣе или менѣе насильственной замѣною землевладѣльцами натурального оброка денежнымъ. Такое превращеніе, конечно, происходило довольно медленно; хозяева достигали его, вѣроятно, различными путями. Укажемъ на одинъ изъ нихъ, можетъ быть, довольно распространенный. Весьма древнимъ способомъ эксплуатаціи земли, вѣроятно, было половничество, когда сборъ, выплачиваемый крестьяниномъ землевладѣльцу, оказывался, конечно,

1) А. Э., т. I, № 73 (1462 г.).

2) Акты, представленные въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, №№ 93, 98 и 102.

3) Доп. къ А. И., т. I, № 26.

натуральнымъ. Между тѣмъ есть основаніе предполагать, что половничество до XVI вѣка (или до второй его половины) было гораздо болѣе распространено, чѣмъ въ послѣдующее время, когда смѣнилось новыми отношеніями, свидѣтельствующими о постепенномъ переходѣ къ денежному оброку. Г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе лишь на половниковъ поморскихъ уѣздовъ и вовсе не попытался прослѣдить степень распространенности половничества въ другихъ частяхъ Московскаго государства, что не трудно было бы сдѣлать на основаніи того богатаго архивнаго матеріала, которымъ располагалъ авторъ «очерковъ». Давно уже было замѣчено, напримѣръ, что «преобладающей формой» уплаты сборовъ въ пользу землевладѣльцевъ земледѣльческимъ населеніемъ Новгородской и Псковской области, судя по писцовымъ книгамъ XV — XVI вв., было половничество и «притомъ не только въ земледѣліи, но и въ рыболовствѣ»¹⁾. «Въ писцовой книгѣ Торопецкаго уѣзда, относящейся къ началу сороковыхъ годовъ XVI в., также встрѣчаются случаи подобнаго рода: въ Стрежинской переварѣ въ д. Голловковѣ, напримѣръ, жилъ «Сидорко Кузьминъ половникъ»²⁾. Такую же форму эксплуатаціи можно было встрѣтить одновременно въ уѣздахъ Каргопольскомъ, Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ³⁾, гдѣ она вѣроятно держалась и въ XVII вѣкѣ. Такъ напримѣръ, судя по писцовой книгѣ 1618 года въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ встрѣчались половники: въ селѣ Покровскомъ монастырскіе коровники пахали пашню («исъ полу»⁴⁾). Аналогичныя извѣстія можно подбратъ и относительно Сольвычегодскаго уѣзда, гдѣ еще въ XVII вѣкѣ половничество было, повидимому, явленіемъ довольно распространеннымъ; такъ напримѣръ, за Вологодскимъ архіепископомъ въ Вилегоцкой волости Усольскаго уѣзда числилось 25 половничьихъ дворовъ съ населеніемъ въ 42 чел.; за Архангельскимъ монастыремъ, что на Устюгѣ Великомъ, оказалось «79 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 163 человекъ»; а въ деревняхъ Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора въ то же время жило 65 половниковъ въ 34 дворахъ; слѣдуетъ замѣтить, приэтомъ, что въ имѣніяхъ вышешюименованныхъ владѣльцевъ другихъ пашенныхъ крестьянъ не было переписано; за свѣтскими владѣльцами также числилось не мало половниковъ, но въ общемъ итогѣ по уѣзду они въ особый разрядъ

1) П. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, Спб. 1877 г., стр. 33. Еще въ XVII в. встрѣчаются порядныя такого типа; см. Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 15, 17, 19, 21, 29, 32, 38 и 72

2) Н. Рожковъ, Рецензія на «Очерки» г. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1899 г., № 1, стр. 238; ср. его же: Сельское Хозяйство и пр., стр. 191.

3) Н. Рожковъ, Ор. cit., стр. 164—165.

4) Писц. кн. вотчинъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ библ. Спб. Духов. Акад. Кирилл. № 76/1315, л. 12.

не выдѣлены¹⁾. Въ уѣздахъ, ближайшихъ къ Сольвычегодскому, напримѣръ, Устюжскомъ, Слободскомъ и Хлыновскомъ, было, кажется, значительно распространено то же явленіе не только въ XVI, но и въ XVII вѣкахъ²⁾. Далѣе однородные примѣры встрѣчаются и нѣсколько южнѣе. Въ правой грамотѣ 1522—1523 гг., данной Троице-Сергіеву монастырю по поводу поземельнаго спора его съ крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца Костромскаго уѣзда встрѣчается между прочимъ извѣстіе, сообщаемое однимъ изъ старожильцевъ о своемъ поселеніи; «отецъ мой, говорилъ онъ на судѣ, пришелъ въ ту землю Оглоблинскую, а язь съ своимъ отцомъ на Степанова отца мѣсто на Панафидино половничество; а ужъ тому полпятадесять лѣтъ, а половничаяу, господине, на монастырь»³⁾. Въ имѣніи Тверскаго отрока монастыря, какъ видно изъ жалованной грамоты князя Бориса Александровича (1437—1461 гг.), также были половники⁴⁾. Д. Г. Плещеевъ въ своей духовной 1558—1559 гг. упоминаетъ о хлѣбѣ, «который сѣенъ у крестьянъ исполу»⁵⁾. Наконецъ, тотъ же порядокъ отношеній, повидимому, могъ проникнуть изъ центральной области и на южную окраину: власти Савво-Сторжевскаго монастыря, напримѣръ, въ своемъ наказѣ строителю приписнаго Пурдышевскаго монастыря объ управленіи монастырскою отчиною на р. Мокшѣ еще въ 1689 году предписывали ему посадить крестьянъ на новоотводную пашню и «сѣять крестьянамъ на себя изъ оброку или исполу»⁶⁾. Такимъ образомъ, не смотря на отрывочность свѣдѣній, приведенныхъ выше, можно все же прийти къ заключенію, что половничество было далеко не мѣстною только (поморскою) формою хозяйственной эксплуатаціи земли и продолжало, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ практиковаться и въ позднѣйшее время.

Есть основанія, однако, предполагать, что въ XVII вѣкѣ предѣлы распространенія половничества значительно сузились, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, его стали вытѣснять новыя формы отношеній. Самыя условія половничества, какъ извѣстно, не отличались устойчивостью: они прежде всего мѣнялись въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія земледѣльца. Тамъ напримѣръ, въ имѣніи Пѣнежскаго Черногорскаго мо-

1) Писц. кн. Сольвычегодскаго уѣзда XVII в. въ Имп. Публ. Библ., Ф. IV, 497, лл. 513, 521, 541 и 555.

2) Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 164—165 и 175. П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ въ Древностяхъ, тр. археогр. ком. моск. арх. общ., т. I, вып. 3, М. 1899 г., стр. 429.

3) Акты гражд. расправы, изд. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 34.

4) А. Э., т. I, № 34.

5) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 34.

6) А. И., т. V, № 191.

настыря въ началѣ XVII вѣка жилъ половникъ В. Шелутковъ, порядившійся на не запаханную пустую землю; послѣ восьмилѣтней льготы онъ долженъ былъ въ теченіе 10 лѣтъ отдѣлять въ пользу монастыря $\frac{1}{4}$, а черезъ 18 лѣтъ $\frac{1}{8}$ сбора. Вслѣдъ за В. Шелутковымъ на тотъ же участокъ пональ другой порядчикъ, И. Афонасьевъ, давшій монастырскимъ властямъ записъ на себя въ томъ, «что ему по той записи та ихъ монастырская земля пахать псъ трехъ долей, а четвертая доля имъ въ монастырь»: «си сколько, читаемъ мы въ томъ же договорѣ, повои земли учиститъ, и съ той земли три хлѣба ему сряду, а послѣ того та земля по томуъ пахати, какъ въ записи палисано»¹⁾. Не представляя, такимъ образомъ, вопли устойчивой по своимъ размѣрамъ нормы, «выдѣльный хлѣбъ», уплачиваемый половниками своимъ господамъ, вѣроятно, легко могъ перейти и въ хлѣбный оброкъ, уже точно опредѣленный и не зависѣвшій отъ степени урожая. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, повидимому, первоначально преобладала система половничества, позднѣе дѣйствуетъ новый порядокъ: земледѣлецъ даетъ землевладѣльцу въ видѣ «подати» опредѣленное число мѣръ хлѣба, что называлось «празгою»²⁾. Въ подобныхъ хозяйствахъ крестьяне отбывали кое-какія натуральныя повинности и давали землевладѣльцу хлѣбный оброкъ, не принося ему никакого денежнаго «дохода»³⁾. Трудно сказать, конечно, существовало ли время, когда вообще (а не въ отдѣльныхъ случаяхъ только) хлѣбный оброкъ замѣнялъ всякаго рода другіе сборы. Уже въ XV вѣкѣ наряду съ половничествомъ мы встрѣчаемъ и денежную плату. Какъ на сѣверѣ, такъ и въ центральной области одни и тѣ же крестьяне вносятъ землевладѣльцу частью хлѣбный, частью и денежный оброкъ⁴⁾. Бывали, впрочемъ, имѣнія, гдѣ обязанности подобнаго рода распределялись иначе, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время; «оброчнаго у насъ хлѣба, писалъ, на примѣръ, одинъ изъ землевладѣльцевъ Вологодскаго края въ 1620 г., съ выти по чети ржи; да по чети ядрець, а въ иныхъ селѣхъ

1) Имп. Публ. Библ. Древлехран. М. Погодина, Сборникъ № 1911, лл. 88—94 об. Въ Актахъ и пр., собр. М. Дьяконовымъ (см. прим. выше и ниже) можно найти любопытныя подробности о хозяйственныхъ обязанностяхъ половниковъ.

2) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 26, 59 и 69.

3) Вологод. губ. вѣд. за 1864 г.; № 4: Отпись изъ Спасокаменнаго монастыря въ Спасоприлуцкій о крестьянскихъ издѣліяхъ и оброкѣ 1620 г.

4) Писц. кн. села Пурокъ въ Румянц. и Публич. Музеѣ №№ 1599 и 1600; Сборникъ актовъ и пр. Н. Лихачева, стр. 34; Акты и пр. М. Дьяконова, вып. I, №№ 5, 14 и 20. П. Соколовскій, *Op. cit.*, стр. 34. Взамѣнъ денежнаго оброка мало по малу стала появляться и барщина; такъ на примѣръ, въ 7157 году архимандритъ Спасо-Евѣимьева монастыря Юсифъ заявлялъ въ своей челобитной государю, что съ монастырскихъ крестьянъ и бобылей «окромѣ монастырскаго издѣлья и всякой работы оброку денежнаго въ монастырь неидеть» (Акты, собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 80).

денежной оброкъ — съ выти по 10 алтынъ»¹⁾. Замѣчательно, при этомъ, что землевладѣльцы, повидимому, стремились замѣнить натуральныя повинности денежными. Факты, подтверждающіе нашу гипотезу, можно подыскать въ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ объ имѣніяхъ, расположенныхъ въ довольно разнообразныхъ областяхъ Московскаго государства. Уже во второй половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ, гдѣ половничество было распространено издавна, встрѣчаются разныя комбинаціи его съ уплатой денежнаго оброка. Такъ напримѣръ, всѣ земледѣльцы сольвычегодской вотчины вологодскаго владыки въ описаніи ея 1587 года названы «половниками» и тѣмъ не менѣе они же платили владыкѣ какой-то «оброкъ съ того сельца и съ деревень и съ вытей»²⁾. Порядныя XVII вѣка содержатъ болѣе опредѣленныя указанія на такія переходныя формы. Здѣсь довольно часто встрѣчаются условія о внесеніи порядчиками вмѣсто разнаго «здѣлья», въ случаѣ оно не будетъ выполнено ими, соответствующихъ денежныхъ платежей, которыя имѣютъ значеніе «заставки» или просто замѣняютъ натуральныя повинности и сборы въ пользу землевладѣльцевъ³⁾. Въ силу нѣкоторыхъ порядныхъ той же мѣстности половники, помимо здѣлья, при съемкѣ земельныхъ участковъ становились въ отношенія оброчниковъ къ ихъ владѣльцамъ. Двое половниковъ, напримѣръ, порядившіеся въ 1665 году въ одну изъ деревень Устюжскаго Успенскаго собора, обязались «приполонный хлѣбъ дѣлать пополамъ» съ вотчинникомъ; кромѣ того, они получили право пользоваться «капусникомъ, гумениникомъ и конопленникомъ на себя», а также «сѣнные покосы тоя деревни косить все на себя». «А оброку съ того села, чптаемъ мы далѣе въ той же порядной, намъ половникомъ давать въ казну, протопону зъ братьею, на всякой годъ по рублю по двадцати алтынъ»⁴⁾. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, за пользованіе «капусникомъ, гумениникомъ и конопленникомъ», а также сѣнными покосами «на себя» половники и выплачивали оброкъ; дѣйствительно въ тѣхъ случаяхъ, когда порядныя содержатъ условія о томъ, чтобы вотчинникъ «ималъ на себя, напримѣръ, по любой грядѣ капусника на годъ» или бралъ половину «приполона» съ конопленника или скошеннаго сѣна, упоминаній объ оброкѣ съ нихъ не встрѣчается⁵⁾. Слѣдовательно, въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, половникъ одновременно, хотя и въ разныхъ отношеніяхъ оказы-

1) Отпись изъ Павлообнорскаго монастыря въ Спасоприлуцкій 6 Апр. 1620 г. о томъ, какъ крестьяне издѣлье дѣлаютъ и оброкъ платятъ? въ Волгод. Губ. Вѣд. за 1864 г., № 4.

2) Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 163. Авторъ, однако, въ данномъ случаѣ довольно произвольно отнесся къ изучаемому имъ матеріалу, въ чемъ легко убѣдиться, если сравнить названную страницу съ нижеслѣдующими нашими замѣчаніями.

3) Р. И. Б., т. XIV, стб. 943—946, 951—954, 967, 969, 1135—1139.

4) Р. И. Б., т. XII, стб. 401—403.

5) Р. И. Б., т. XIV, стб. 877, 949, 960 и 1136.

вался не только съемщикомъ исполу, но и оброчникомъ. Бывали также случаи, когда половникъ выплачивалъ землевладѣльцу и другіе денежные сборы; С. Маслениковъ, напримѣръ, порякаясь въ вотчину Устюжскаго Троицкаго монастыря «на своихъ половничьихъ на двухъ лошадахъ» обязался вносить въ казну монастырскую «пожилого по полтипѣ съ лошади на годъ, а обоего по рублю на годъ»²). Въ сдѣлкахъ подобнаго рода нельзя не усмотрѣть переходныхъ формъ отъ натурального хозяйства къ денежному. Съ той же точки зрѣнія особенно характерны извѣстія о Новгородской землѣ, уже обратившія на себя вниманіе одного изъ рецензентовъ «очерковъ» г. Дьяконова. «По переписной окладной книгѣ Вотской пятинны 1500 г. въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали доходъ съ крестьянъ долею продукта: чаще всего господствуетъ норма «изъ хлѣба треть». Въ 1568 году прежній порядокъ уплаты натурального оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто: онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба «посполѣ», т. е. въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, не зависящихъ отъ урожая; напримѣръ, съ каждой обжи платять по 1 коробѣ ржи, 1 четверткѣ жита (= ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $\frac{1}{2}$ коробѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора или прямо денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго по книгѣ 1 р. съ обжи. Еще ближе къ концу XVI вѣка — въ 90-хъ годахъ — нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества»²). Такое же впечатлѣніе вынесъ и другой изслѣдователь того же матеріала; «въ писцовыхъ книгахъ Новгородской области, пишетъ онъ, приводятся постоянно платежи по старому письму и по новому; сравнивая ихъ, легко видѣть, что землевладѣльцы, во первыхъ, старались замѣнить натуральныя повинности денежными и, во вторыхъ, увеличить ихъ»³). Нѣчто подобное, вѣроятно, легко было бы установить и относительно уѣздовъ: Сольвычегодскаго, Устюжскаго, Вологодскаго и Бѣлозерскаго, гдѣ, какъ мы видѣли, встрѣчались половники, но не позднѣе XVII вѣка землевладѣльцы уже взимали и денежный оброкъ⁴). Такъ, напримѣръ, въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, расположенныхъ въ Вологодскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ, до 1600—1601 г. крестьяне платили монастырю оброка: $626\frac{1}{4}$ четвертей разнаго хлѣба и 299 р. $35\frac{1}{4}$ к. деньгами, а въ 1601 г., когда сдѣлано было новое описаніе монастырскимъ имѣніямъ,

1) Р. И. Б., т. XIV, стб. 1137—1138.

2) Н. Рожковъ, Рецензія на соч. М. Дьяконова въ Журн. Мин. Нар. Просв., за 1899 г., № 1, стр. 237—238.

3) П. Соколовскій, *Op. cit.*, стр. 35.

4) Сказки 1632 г. въ Арх. Мин. Юстиціи Столбцы Московскаго стола № 81. Тамъ же имѣются отрывочныя свѣдѣнія о денежномъ оброку, взимаемомъ землевладѣльцами со своихъ крестьянъ въ уѣздахъ: Галицкомъ и Муромскомъ; Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 161 и 163.

оказалось, что крестьяне вносили въ монастырскую казну лишь 2676 четвертей хлѣба, продолжая, однако, выплачивать туда же прежній денежный оброкъ. Хотя отсутствіе хронологической даты въ нашемъ документѣ и затруднительность опредѣленія колеблющихся цѣнъ на хлѣбъ одновременно для разныхъ видовъ его лишаетъ насъ возможности точно высчитать процентное отношеніе стоимости одного оброка къ другому, однако, на основаніи приведенной записи, можно предполагать, что оно измѣнилось въ вышеуказанномъ смыслѣ: денежный оброкъ въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря замѣтно повысился къ началу XVII в. ¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ мѣстностяхъ, не далеко отстоявшихъ отъ центра изучаемая нами переменна произошла раньше: въ Бѣжецкой пятинѣ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка, повидимому, половничества уже не замѣтно ²⁾. Въ костромскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVII в. денежные сборы были также въ ходу ³⁾. Наконецъ, и на югъ отъ центра, хотя въ тоже время и встрѣчается полове, но съ очевиднымъ преобладаніемъ системы денежнаго оброка. Отдѣльные примѣры взиманія его можно встрѣтить въ уѣздахъ: Рязанскомъ, Веневскомъ, Новосильскомъ и Оболенскомъ въ XVI вѣкѣ ⁴⁾. Распространеніе денежнаго оброка, конечно, было стѣснено развитіемъ системы барщины; не мѣшаетъ замѣтить, однако, что въ XVI вѣкѣ бывали случаи, когда издѣлье и оброкъ, повидимому, существовали рядомъ въ одномъ и томъ же имѣніи, или когда «за издѣлье» крестьяне платили оброкъ землевладѣльцу ⁵⁾.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, можно, какъ видно, прійти къ заключенію, что съ XVI вѣка хозяйство низшаго класса населенія начинало терять натуральный характеръ, поскольку послѣдній сказывался въ обработкѣ земли исполу, а такая переменна не могла не отразиться и на положеніи самихъ половниковъ. Г. Дьяконовъ считаетъ его менѣе выгоднымъ для населенія, чѣмъ новыя формы собственно крестьянскаго хозяйства (стр. 176—177). Не отрицая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ справедливости сдѣланнаго имъ заключенія, трудно, однако, принять его безусловно:

1) Книги переписныя всѣхъ сель и деревень въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря М. В. Молчанова и дьяка В. Нелюбова въ СПб. Дух. акад. Кир. биб. № 70/1309, лл. 149—156.

2) Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 191.

3) Списокъ костромскихъ помѣщиковъ съ означеніемъ ихъ окладовъ и доходовъ 1786 г. въ Арх. Мин. Юстиц. Московск. стола (Разрядъ), столбецъ № 216.

4) Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 180—181. Въ селѣ Пурокахъ въ 1622 г., напримѣръ, описано было 64 деревни крестьянскихъ да «6 пустошей пашутъ изъ выдѣльнаго снопа»... (Румянц. и Публич. Музей, Собраніе И. Бѣляева, №№ 1599).

5) А. Э., т. I, № 251; Акты, пред. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ № 196. Писц. кн. изд. подъ ред. Н. Калачева, т. I, стр. 284 (Москов. уѣздъ), стр. 744 и 777 (Дмитровскій уѣздъ).

земледѣльцу XVI—XVII вв. пожалуй далеко не всегда легче было платить деньги, чѣмъ продуктъ, хотя бы абсолютная цѣнность его и превосходила денежный оброкъ. Соотношеніе ихъ можетъ казаться намъ теперь далеко не такимъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ для арендаторовъ, несомнѣнно сильно пужавшихся въ денежныхъ средствахъ. Вѣдь не дѣлежь урожая исполу, а именно плата денежнаго оброка и способствовала частному прикрѣпленію: арендаторъ, отдававшій господину свои скудныя денежные средства, очевидно, лишался возможности уплатить ему подмогу, ссуду и т. п. Слѣдовательно, превращеніе половья въ денежный оброкъ должно было вредно отразиться на положеніи крестьянъ, въ однихъ случаяхъ порождая, а въ другихъ поддерживая ту зависимость, въ которой они находились отъ землевладѣльческаго класса.

Возрастаніе потребности сельскаго населенія въ денежныхъ средствахъ со второй половины XVI вѣка, можетъ быть, отчасти объясняется кромѣ того и переменами, которыя въ то время произошли въ исторіи податной системы Московскаго государства. Въ уставныхъ грамотахъ и доходныхъ спискахъ, гдѣ опредѣлены размѣры кормовъ, взимаемыхъ органами мѣстнаго управленія съ населенія, имъ предоставлено право брать ихъ отъ него или натурою, или деньгами; «а не любъ будетъ такому то (чиновнику) кормъ, и онъ емлетъ за него деньгами столько-то» — такова обычная формула, встрѣчающаяся въ названныхъ документахъ съ самаго начала XVI вѣка¹⁾. Намѣстники, должно быть, предпочитали вторую изъ предлагаемыхъ перспективъ, такъ какъ въ грамотахъ имъ не рѣдко (въ противоположность подчиненнымъ властямъ) было предоставлено право взимать денежные сборы, безъ упоминанія о натуральныхъ повинностяхъ. Переводъ ихъ на денежные платежи наблюдается и въ исторіи другихъ сборовъ XV—XVI вв. Такъ напримѣръ, уже въ первой половинѣ XV в. встрѣчаются случаи взиманія яма въ смыслѣ денежной подати, а древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ упоминаній о ямскихъ деньгахъ относится къ 1500 году; со второй же половины XVI в. и случаи перевода пососной службы на деньги учащаются. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что съ того же времени мы впервые узнаемъ о цѣломъ рядѣ «новыхъ» денежныхъ податей, напримѣръ, о деньгахъ стрѣлецкихъ, пищальныхъ и емчужныхъ, а также о денежныхъ сборахъ за городовое и засѣчное дѣла²⁾. Населеніе не было подготовлено къ такому крутому перелому естественнымъ ходомъ развитія своего хозяйства: привыкши къ экстенсивной культурѣ, росту которой, при обилии земли, способствовало нѣкоторое ея истощеніе, крестьяне едва ли могли удовлетворить требо-

1) А. Э., т. I, № 144; Акты, изд. А. Юшковымъ, № 69 и др.

2) П. Милюковъ, Спорные вопросы и пр., стр. 15—17.

ванія землевладѣльцевъ и правительства палпчными и скудными своими средствами. Факты подобнаго рода, конечно, знакомы и г. Дьяконову; но онъ не воспользовался имп для того, что бы выяснить вопросъ объ усиленіи процесса частнаго прикрѣпленія во второй половинѣ XVI в., повидимому вызваннаго потребностью населенія въ денежныя средства не только для веденія хозяйства или уплаты денежнаго оброка землевладѣльцамъ, но и для внесенія «государевыхъ податей», чаще прежняго переводимыхъ на денежные платежи и постоянно возраставшихъ въ объемѣ.

Итакъ, количество крестьянъ задолжавшихъ своимъ господамъ — кредиторамъ, а слѣдовательно прямо или косвенно попадавшихъ въ личную зависимость отъ нихъ, повидимому, должно было увеличиться именно во второй половинѣ XVI вѣка. Такой результатъ, впрочемъ, вызванъ былъ и другими обстоятельствами, характерными для исторіи класса землевладѣльцевъ: они стали пользоваться тяжелымъ положеніемъ крестьянъ для улучшенія своего собственнаго. Д. Флетчеръ и А. Палицынъ, напримѣръ, свидѣтельствуютъ о томъ, что современные имъ землевладѣльцы довольно часто превращались въ скупщиковъ хлѣба, благодаря чему «гумна ихъ переполнены одоной и копенъ и взородовъ и до четырехъ на десять лѣтъ»; запасы, собранные хозяевами-капиталистамъ, вѣроятно, не разъ снова попадали въ руки крестьянъ, но уже въ видѣ подмогъ и ссудъ, превращавшихъ ихъ въ должниковъ своихъ господъ: не даромъ крестьяне иногда приносили правительству жалобы на то, что они ихъ «изъ за себя не вышущали, а, поймавъ, мучили и грабили и въ желѣза ковалы и пожилое съ нихъ ималы не по судебнику, рублей по пяти и по десяти»¹⁾. Если хищническое хозяйство помѣщиковъ не было явленіемъ нормальнымъ, то во всякомъ случаѣ оно едва ли оказывалось и особенно рѣдкимъ²⁾, по крайней мѣрѣ въ XVI в. когда помѣстное владѣніе во многихъ отношеніяхъ довольно рѣзко отличалось отъ вотчиннаго, а такія обстоятельства, конечно, не могли не отразиться губительно и на положеніи крестьянъ. Рядомъ съ вышеуказаннымъ переломомъ въ области русскаго народнаго хозяйства того времени можно отмѣтить и другое, грозившее не менѣе печальнымъ исходомъ сельскому населенію: многія натуральныя повинности, какъ мы видѣли, были переложены правительствомъ со второй половины XVI в. на денежные сборы, нужные ему главнымъ образомъ для того, чтобы содержать вновь образующееся регулярное войско. Далѣе постоянныя войны, вѣроятно много стоившія и насе-

1) Доп. къ А. И., т. I, № 56 (1555 г.); здѣсь рѣчь идетъ о Псковскихъ дѣтяхъ боярскихъ, прибѣгавшихъ къ мѣрамъ подобнаго рода для предупрежденія выхода крестьянъ изъ своихъ имѣній въ черныя волости.

2) С. Середонинъ, Сочиненіе Д. Флетчера и пр., Спб. 1891 г., стр. 202; авторъ, указывая на запустошеніе помѣщиками своихъ имѣній, умалываетъ значеніе его, что видно изъ новѣйшихъ разысканій Н. Рожкова, *Op. cit.*, стр. 455—460.

ленію и правительству¹⁾), также вредно вліяли на бытъ сельскихъ жителей: они искали денегъ у землевладѣльцевъ, которые тѣмъ охотнѣ выдавали имъ ссуды, что съ покореніемъ Казани и Астрахани населеніе легко могло отливаться на югъ въ плодородную и отнынѣ гораздо менѣ опасную Московскую украину, чему на первыхъ порахъ способствовало и само правительство. Въ дѣйствительномъ существованіи этого переселенческаго движенія съ 1570—1580-хъ годовъ не трудно убѣдиться, сопоставляя извѣстія о запустѣніи мѣстности, служившей, главнымъ образомъ, театромъ польско-шведскихъ войнъ, и центра съ одновременными свѣдѣніями о приростѣ населенія на южной украинѣ; тѣмъ же движеніемъ, вѣроятно, отчасти объясняется сильное пониженіе размѣровъ дворовой запашки крестьянъ вышеуказанныхъ областей и, обратно, замѣтное возрастаніе запашекъ на югѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Тульскій²⁾), что, разумѣется, въ свою очередь еще болѣе разоряло крестьянъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ, и, слѣдовательно, должно было усилить процессъ частнаго прикрѣпленія въ вышеуказанной области.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что ростъ служилаго землевладѣнія, какъ извѣстно, ставшій особенно замѣтнымъ со второй половины XVI вѣка, вѣроятно, не мало способствовалъ экстенсивному развитію изучаемаго нами процесса какъ прямо путемъ крестьянскаго обезземеленія, такъ и косвенно, вызывая переселенія крестьянъ на украину, гдѣ всякому можно было легко и свободно устроиться на никѣмъ еще не поднятой «нови» и гдѣ съ теченіемъ времени между крестьянами и землевладѣльцами должны были возникнуть тѣже зависимыя отношенія однихъ отъ другихъ, которыя уже сложились въ изстари заселенныхъ мѣстностяхъ.

Большинство обстоятельствъ, способствовавшихъ развитію частнаго и государственнаго прикрѣпленія, какъ видно, относится ко второй поло-

1) J. Ulfeldi Legatio Moscovitica etc., Francofurti, 1627, pp. 24 et 25. A. Possevini Moscovia, Antw. 1587, p. 11. G. Fletcher, On the Russe Common wealth, ed. Bond, ch. III; ср. также: Н. Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XVI в. Спб., 1889 г., стр. 173; С. Середовинъ, Ор. cit., стр. 209—213. И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, 2-е изд., стр. 89—94.

2) Свидѣтельства, недавно пересмотрѣнные гг. Платоновымъ и Рожковымъ, взаимно пополняютъ данныя, на основаніи которыхъ мы приходимъ къ заключеніямъ, сформулированнымъ въ текстѣ; см. С. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, Спб., 1899, стр. 45—48, 49, 97, 102, 105, 110, 115, 123 и 167—169; Н. Рожковъ, Ор. cit., 146, 152, 168, 182, 187, 188, 190, 200, 455—461. Кромѣ фактовъ, сведенныхъ г. Платоновымъ и собранныхъ г. Рожковымъ, почерпнутыхъ ими изъ туземныхъ источниковъ, можно припомнить и впечатлѣнія иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Московію: А. Поссевинъ и Д. Флетчеръ свидѣлствуютъ о запустѣніи многихъ областей въ разныхъ частяхъ государства, а Маржеретъ мимоходомъ указываетъ, что въ его время южная украина «населяется» (A. Possevini Moscovia, Antw. 1587, pp. 12 et 16; G. Fletcher, On the Russe commonwealth, ed. Bond, p. 61; Сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ, изд. 3-е, т. I, стр. 251).

винѣ, главнымъ же образомъ, къ послѣдней трети XVI столѣтія, чѣмъ, и объясняется въ достаточной мѣрѣ, развитіе процесса прикрѣпленія въ то время.

Голодь, моръ и разореніе, наступившіе въ «лихолѣтіе» не мало усилили, конечно, бѣдственное положеніе сельскаго населенія Московскаго государства и способствовали дальнѣйшему утвержденію зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Г. Дьяконовъ послѣднее изъ указанныхъ нами явленій разсматриваетъ не съ точки зрѣнія общаго его значенія для исторіи прикрѣпленія, а въ связи съ болѣе частнымъ вопросомъ: о размноженіи класса бобылей, какъ результатѣ обѣдненія крестьянъ. Такъ какъ процессъ подобнаго рода дѣйствительно косвенно свидѣтельствуетъ о степени разоренія, то и мы можемъ остановиться на немъ въ связи съ выше приведеннымъ соображеніями, объясняющими возникновеніе или усиленіе процесса прикрѣпленія.

Сужденія г. Дьяконова о хозяйственномъ положеніи бобылей, кажется, вполне основательны. «Мы не можемъ, пишетъ нашъ авторъ, присоединиться къ мнѣнію о бобыляхъ, какъ земледѣльцахъ, сидящихъ на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ (участкѣ, надѣлѣ). Эта черта въ ихъ характеристикѣ, съ приведенною оговоркой, создается указами 1630—1631 годовъ. Что же такое представляютъ изъ себя бобыли до этихъ указовъ? Въ предшествующей литературѣ отмѣчено, что бобыли раздѣлялись на пашенныхъ и беспашенныхъ. Выказано даже мнѣніе, что обыкновенно бобыли были безземельными. Къ сожалѣнію это мнѣніе не получило ни достаточнаго обоснованія, ни дальнѣйшаго развитія. Мы вполне присоединяемся къ этому мнѣнію и полагаемъ, что оно правильно отмѣчаетъ самую главную особенность въ положеніи бобылей. Бобыль — не пашенный, безземельный человѣкъ. Такимъ онъ выступаетъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ, содержащихъ упоминаніе о бобыляхъ. . . Дворовый бобыль — типическая и господствующая форма бобыльства. . . Этотъ признакъ остается отличительною чертой бобыля въ теченіе всего XVI вѣка. Бобыль не пашенный человѣкъ не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой-либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ не пашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, отбылъ пашни, какъ говорилось тогда, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, норадяться въ крестьяне» (стр. 209 и 234). Въ вышеизложенномъ опредѣленіи г. Дьяконова не указанъ довольно существенный и одинъ изъ первоначальныхъ признаковъ бобыльства: бобылемъ обыкновенно считали человѣка одинокаго, безсѣмяннаго или, по крайней мѣрѣ, «малосемьянистаго». Подобнаго рода значеніе сохранилось за изучаемымъ нами терминомъ и въ современномъ

словоупотребленіи¹⁾; въ писцовыхъ книгахъ довольно часто встрѣчаются указанія на нѣкоторое соотвѣтствіе между числомъ описываемыхъ дворовъ и бобылей, причѣмъ въ рядомъ стоящихъ извѣстіяхъ о крестьянахъ такого-же совпаденія не обнаруживается: наконецъ, извѣстія, встрѣчаемыя иногда въ бобыльскихъ порядныхъ²⁾ и отдѣльно взятые тексты свидѣтельствуютъ въ пользу нашего предположенія. Въ царской грамотѣ Сольгалицкому воеводѣ о запрещеніи вдовѣ Г. Второвскаго вывозить изъ за Симонова монастыря бобыля И. Тимоосева 1619 г. говорится между прочимъ о томъ, что помѣщица Д. Второвская «спяла жеребей и хлѣбъ съ И. Тимоосева... для его одиночества»³⁾. Въ другой грамотѣ Верхотурскаго воеводы объ устройствѣ бобылей на пашню также указано, что всѣ они были «безсемейными»⁴⁾. Послѣдніе два текста извѣстны и г. Дьяконову; но при описаніи характерныхъ признаковъ бобыльства XVI—XVII вв. онъ почему то не обратилъ вниманія на семейное положеніе бобыля и нигдѣ не указалъ на значеніе, какое оно могло имѣть при различеніи бобыля отъ «непашеннаго крестьянина», состоянія, въ многихъ отношеніяхъ весьма сходнаго съ бобыльствомъ⁵⁾, а также на тотъ смыслъ, который оно получило послѣ причисленія бобылей къ разряду тягловцовъ. Между тѣмъ г. Дьяконову, конечно, хорошо извѣстно, что сельскіе тяглецы верстались между собою «по семейству», а не только по «хлѣбному и сѣнному доходу»⁶⁾; одиночество или, напротивъ, «многосемьянистость» вліяли на положеніе лица въ тяглой общинѣ. Слѣдовательно, при опредѣленіи бобыльства, какъ общественнаго состоянія нельзя пренебрегать указаннымъ нами признакомъ. Само собою разумѣется, что бобыли далеко не всегда были людьми одиночными: въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка уже часто встрѣчаются семьянистые бобыли, напримѣръ, въ книгахъ Тверскаго и Серпійскаго уѣздовъ 1629—1637 гг.⁷⁾, не говоря о позднѣйшемъ времени, когда судя по переписнымъ книгамъ 1678 г. семьянистость бобылей была явленіемъ довольно обыкновеннымъ⁸⁾. Такія колебанія еще не говорятъ противъ существеннаго значенія одиночества или по крайней мѣрѣ малосемьянистости какъ существеннаго свойства бобыльства: вѣдь и пашенные бо-

1) В. Даль, Словарь, т. I, стр. 103. П. Шестерневъ, Опытъ областного словаря Ярославской губ. въ Ярослав. губ. вѣд. за 1853 г., №№ 2, 3, 9, 33 и 34.

2) Москвитянинъ за 1846 г., кн. 1, стр. 155.

3) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 40.

4) А. И., т. III, № 172.

5) Писц. кн. Моск. госуд., изд. Н. Калачева, т. I, отд. II, стр. 335 и др. Судебникъ 1550 г., ст. 26.

6) Грамоты о земскомъ управленіи въ Устюгѣ 7185—7186 гг. въ Имп. Публ. Библ., Q II, 44, л. 41. Ср. Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 66.

7) Арх. Мин. Юст., Кн. №№ 871—875 и Имп. СПб. Публ. Библ., F. IV, 462.

8) Переписныя книги, изд. Е. Замысловскимъ. Псков. губ. вѣд. за 1870 г., № 24.

были хорошо извѣстны въ XVII вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ г. Дьякоповъ справедливо указываетъ на то, что и отсутствіе пашни было характерною особенностью бобыльскаго хозяйства; такъ напримѣръ, въ 1582 году архимандритъ Спасскаго Ярославскаго монастыря билъ челомъ царю, о томъ, чтобы не привлекать одного изъ монастырскихъ дворниковъ къ посадскому тяглу, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ на тяглой (посадской) землѣ не живаль, а «жилъ де онъ въ селѣ... въ бобылѣхъ, а не на пашнѣ»¹⁾. Въ изложеніи автора, однако, остается не выясненнымъ, какого рода занятія замѣняли бобылю пашню, хотя въ писцовыхъ книгахъ и можно найти не мало матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Уже одинъ изъ предшествовавшихъ изслѣдователей попытался свести воедино свѣдѣнія, разсѣянные въ писцовыхъ книгахъ о сельскихъ ремеслахъ, которыми обыкновенно занимались бобыли²⁾. Въ самомъ дѣлѣ на промышленныя и ремесленныя занятія ихъ въ описаніяхъ XVI—XVII вв. встрѣчается довольно много указаній. Бобыли въ виду подобнаго рода занятій жили иногда въ «слободахъ», обыкновенно отличавшихся отъ деревень своимъ промышленнымъ характеромъ и не входившихъ въ одну кость съ деревенскимъ населеніемъ при платежѣ податей³⁾. Въ Заупскомъ станѣ Тульскаго уѣзда, напримѣръ, въ 1629 г. была описана пустая слободка, заселенная прежде шестью бобылями; одинъ изъ нихъ названъ портнымъ мастеромъ, другой бочарникомъ, третій хлѣбникомъ, четвертый — казакомъ, а пятый — масленникомъ⁴⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство иногда приказывало писцамъ вообще всякихъ «торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлонащцевъ... класть въ живущую пашню зъ бобыльскими дворы ровно»⁵⁾. Возможно, что благодаря своей промышленной дѣятельности въ числѣ бобылей бывали люди довольно состоятельные; таково впечатлѣніе, производимое, напримѣръ, извѣстіемъ о нѣкоемъ Саввѣ Шемякинѣ, который въ Талицкой волости сдалъ свой участокъ «во владѣнье» племянникамъ исполу, а самъ переселился въ Кянскую волость, гдѣ онъ, будучи кожевнымъ мастеромъ, «жилъ въ бобыляхъ» и дѣлалъ ровдугу, и сыромятину, и овчины, и лисицы, и куницы и всякую кожу; въ документахъ XVI вѣка встрѣчаются также указанія на бобылей, живущихъ въ сель-

1) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 28.

2) П. Соколовскій, *Op. cit.*, стр. 126; ср. Г. Шмелевъ, Новая работа по соціальной исторіи Россіи въ Труд. Археог. ком. Моск. Археол. об., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 569—571.

3) Москвитининъ за 1846 г., кн. I, стр. 155. И. Бѣляевъ, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ во Врем. М. О. И. и Д., т. XI, стр. 41.

4) Писц. кн. Тульскаго уѣзда 7135—7136 гг. въ Имп. Публ. Библ., F IV, 506, л. 105 об.

5) Указы 1630—1631 гг. въ Указной книгѣ пом. приказа, изд. В. Сторожевнымъ (Опис. Арх. Мин. Юст., кн. VI, стр. 102). Ср. Писц. кн. Костромскаго уѣзда 7136 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 209 и 210, лл. 25 об. — 26 об.

цахъ и владѣвшихъ лавками¹⁾. Несмотря на промышленныя занятія бобылей, положеніе ихъ, вообще, было, по всей вѣроятности, хуже крестьянскаго: обѣднѣвшіе крестьяне подавали челобитныя правительству съ просьбами дозволить имъ въ виду своего разоренія «жить въ бобыляхъ»²⁾. Итакъ, можно согласиться съ г. Дьяконовымъ въ томъ, что бобылемъ (преимущественно въ XVI в.) называли не только преимущественно одинокаго, но и бѣднаго человѣка, владѣвшаго дворомъ и обыкновенно занятого какою нибудь работою или мелкимъ промысломъ, по которымъ онъ, разумѣется, и обложенъ былъ соотвѣтствующими податями.

Отъ средняго типа бобыля существовало два отклоненія, указанныя г. Дьяконовымъ: съ одной стороны встрѣчались бобыли, лишенные даже усадебной осѣдлости; съ другой особенно въ XVII в. появляется не мало бобылей, владѣвшихъ пашенными участками. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, если только онѣ составлены обстоятельно, уже встрѣчаются извѣстія о бобыляхъ, живущихъ въ чужихъ дворахъ³⁾. Естественно, что «положеніе ихъ, могло понижаться до низшихъ ступеней общественной лѣстницы, гдѣ они сливались съ разношерстою массой казаковъ, монастырскихъ дѣтенышей, захребетниковъ, прикромниковъ, подсуѣдниковъ, задворныхъ людей и т. п.» (стр. 219). Едва ли желательно, однако, подобно г. Дьяконову, вполне смѣшивать перечисленные ими состоянія въ ихъ отношеніи къ бобыльству. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что между бобылями, имѣвшими усадебную осѣдлость и бобылями захребетниками, жившими на чужихъ дворахъ, нельзя провести особенно рѣзкой разницы: бобыли послѣдняго типа, во всякомъ случаѣ иногда, владѣя собственнымъ дворомъ, нанимались на сторонѣ, гдѣ и могли ихъ заставить писцы и дозорщики. Такъ напр., въ сотной по Керети 1574—1575 г. говорится о бобыляхъ, «которые промышляли въ варницахъ, дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море, на судѣхъ наимуючись» и тѣмъ не менѣе имѣли собственные дворы. Такіе же примѣры можно найти и въ дозорной книгѣ Бѣжецкой пятины 1593—1594 гг., судя по которой чуть ли не въ каждомъ имѣніи встрѣчаются бобыли, живущіе на своихъ дворахъ, причемъ къ описанію ихъ хозяйствъ обыкновенно присовокуплено замѣчаніе: «кормятца межъ крестьянъ работою»⁴⁾. Не мало бывало случаевъ, однако, когда бобыли оказывались лишенными усадебной осѣдлости; они, вѣроятно, довольно часто жили на чужихъ дворахъ въ

1) Г. Шмелевъ, *Op. cit.*, стр. 569—570; авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ на время, къ которому относится извѣстіе почерпнутое имъ изъ рукописей Онежскаго крестнаго монастыря, о Саввѣ Шемякинѣ.

2) Влад. губ. вѣд. за 1867 г., № 34 (1640 г.).

3) Писц. кн. XVI в. изд. подъ ред. Н. Калачева, т. I, стр. 893, 900, 904, 905, 908 и 911.

4) Н. Рожковъ, *Рец. на соч. М. Дьяконова въ Ж. М. Н. Пр.* за 1899 г., № 1, стр. 242.

качествѣ «сосѣдей, и подсосѣдниковъ». Такъ, напримѣръ, въ первой половинѣ XVII вѣка въ одномъ подмосковномъ селѣ числились между прочимъ бобыли О. Дуда съ сыновьями, «да сосѣди ево бобыли М. Елизаровъ да Г. Обросямовъ»¹⁾, а въ другомъ, Старорусскаго уѣзда, былъ описанъ: «дворъ Ееремка Омелянова, у него живетъ подсосѣдникъ бобыль Кондрашко Радивоновъ, портной мастеръ»²⁾; при описаніи Сумерской волости въ 1626 г., бобыли подсосѣдники были даже выдѣлены писцами въ особую группу, числомъ въ 16 человекъ, тогда какъ бобыльскихъ дворовъ въ той же волости было 27 съ населеніемъ въ 46 человекъ³⁾. Въ числѣ бобылей сосѣдей, подсосѣдниковъ и вообще захребетниковъ, лишенныхъ усадебной осѣдлости, одни продолжали «кормиться работой», т. е. занимались какими нибудь промыслами или ремеслами, другіе сами поступали въ работники; въ послѣднемъ случаѣ они, вѣроятно, попадали въ положеніе «казаковъ», т. е. наемныхъ рабочихъ⁴⁾. Съ явленіями подобнаго рода нельзя, однако, смѣшивать переходъ бобылей въ задворные люди или дѣтеныши; бобылю едва ли можно было сдѣлаться дѣтенышемъ или задворнымъ человекомъ, не утративъ прежняго своего состоянія.

При выясненіи положенія тѣхъ бобылей, которые не только владѣли усадебною осѣдлостью, но и надѣломъ, г. Дьяконовъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на переходные моменты, когда бобыль, не имѣя еще пашни, могъ тѣмъ не менѣе пользоваться земельнымъ участкомъ. Въ деревнѣ Коломенской Вятскаго уѣзда, напримѣръ, жили въ 1629 году бобыли, которымъ «дано было на поскотину 3 десятины»⁵⁾. Вѣроятно, такіе же случаи бывали и въ другихъ мѣстах: иногда встрѣчаются указанія на бобылей, владѣвшихъ «наѣзжей» пашней. Кромѣ того, въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка уже не трудно разыскать извѣстія о пашенныхъ бобыляхъ⁶⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ однихъ и тѣхъ же имѣніяхъ нерѣдко наряду съ безпахотными бобылями живутъ

1) Г. Шмелевъ, *Op. cit.*, стр. 570.

2) Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости 7136 г. въ Моск. Арх. Юст., кн. 969, л. 11; ср. Переписныя квиги, изд. Е. Замысловскимъ, стр. 273.

3) Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости 7136 г. въ Арх. Мии. Юст., № 969.

4) Извѣстія о казакахъ, какъ о лицахъ, лишенныхъ усадебной осѣдлости, см. въ А. Э., т. I, № 221. Въ дѣловой грамотѣ Кирилловскаго монастыря 1395 г. монастырскій слуга назвавъ казакомъ (И. Срезневскій, *Матеріалы*, т. I, стб. 1173); «а кто казака приходца найметъ...» (А. Э., т. I, № 307). Въ писцовыхъ книгахъ Тверскаго уѣзда XVI в. встрѣчаются упоминанія о казакахъ, жившихъ въ непашенныхъ дворахъ или въ частяхъ ихъ (Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 68, 72, 310 и 342), что еще болѣе сближало ихъ съ бобылями, по крайней мѣрѣ въ бытовомъ отношеніи.

5) Писцовыя оборочныя книги Вятскаго уѣзда 7137 г. въ Имп. Публ. Библ., Q IV, 257.

6) Г. Шмелевъ, *Op. cit.*, стр. 565—567; число примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, можно было бы, конечно, увеличить: см. Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 331.

пашенные. Въ описи монастыря Св. Николая Чудотворца на Ляткѣ близъ Рюрикава городища подъ Новгородомъ, составленной въ 1603 г. (7112 г., септб. 14), напримѣръ, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Деревня Паозерье-обжа; а въ ней дворъ, а во дворѣ монастырской слушка Иванко Лукинь да бобыль Куземка Григорьевъ да бобыль Иванко Понтелѣвъ; да два двора бобыльскихъ, а въ нихъ бобыли: Олиско Потаповъ да Ооошка Пимишовъ, пашенные. Деревня Мануилово, Лукино тожъ, обжа; а въ ней дворъ, а въ немъ приставають, изъ монастыря приезжая, слушки. Да тутъ же во дворѣ непашенные бобыли: Пашко Кукановъ, да Оилишко, да Каллишко»¹⁾. Хозяйственное положеніе бобылей, упомянутыхъ въ приведенномъ отрывкѣ, было, повидимому, далеко не одинаковымъ: 1) одни изъ нихъ жили въ господскомъ дворѣ; 2) другіе имѣли усадьбную осѣдность, но все еще оставались непашенными; 3) третьи причислены къ разряду пашенныхъ. Наконецъ въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка извѣстія о пашенныхъ бобыляхъ уже не рѣдкость. Правда, что иногда ихъ падѣлы, повидимому, все еще очень малы, какъ напримѣръ въ Вятскомъ уѣздѣ, но зато въ нѣкоторымъ мѣстностяхъ, можетъ быть всего чаще на югѣ, гдѣ свободной земли, годной для обработки, оказывалось больше, бобыли очень часто были пашенными, да и число бобылей земледѣльцевъ, кажется, увеличилось въ XVII-мъ вѣкѣ²⁾.

Общее заключеніе г. Дьяконова о двухъ указанныхъ имъ отклоненіяхъ отъ средняго типа бобыльства слѣдующее: «но нашему мнѣнію, пишетъ авторъ, ни бобыли-захребетники, ни пашенные бобыли вовсе не типичные представители бобыльства; это лишь застывшіе [?] намеки [?] на происшедшія въ положеніи бобылей перемѣны» (стр. 221). Такой выводъ можно признать довольно правильнымъ, если относить его къ XVI вѣку: но въ виду вышеуказанныхъ фактовъ онъ едва ли достаточно широкъ для XVII-го вѣка, когда другіе виды бобыльства стали явленіемъ далеко не рѣдкимъ.

Во всякомъ случаѣ хозяйственное положеніе бобыля было вообще хуже крестьянскаго; слѣдовательно относительное увеличеніе количества бобылей сравнительно съ числомъ крестьянъ послѣ разоренія можно разсматривать какъ фактъ, свидѣтельствующій объ общемъ упадкѣ сельскаго хозяйства, конечно, вредно отразившемся и на общественномъ положеніи крестьянъ. Г. Дьяконовъ затрагиваетъ этотъ вопросъ, но едва ли правильнымъ путемъ достигаетъ его рѣшенія. Постепенный приростъ бобылей установленъ авторомъ на основаніи одного частнаго примѣра, взятаго изъ исторіи Троице-

1) Извѣстія Имп. Археологич. Общ., т. IV (СПб. 1863), стр. 442.

2) Писц. оброчная книга Вятскаго уѣзда въ Имп. Публ. Библ., Q IV, 257. Писцовая книга Воротынскаго уѣзда 7134—7135 гг. тамъ-же, Древлехран. М. Погодина, № 1530.

Сергіева монастыря и наблюдений надъ двумя писцовыми книгами: Бѣлевской и Угличской 7136—7138 гг. (стр. 224—225). Приведеннаго матеріала слишкомъ мало для того, чтобы на его основаніи сдѣлать общій выводъ; а между тѣмъ изъ значительнаго числа сохранившихся писцовыхъ книгъ легко можно было бы, выбравъ нѣсколько описаній наиболее характерныхъ мѣстностей и воспользовавшись ихъ итогами, построить свое заключеніе на болѣе прочномъ фундаментѣ. Такъ напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что на основаніи итоговъ писцовыхъ книгъ второй четверти XVII вѣка «число крестьянскихъ дворовъ почти равняется числу бобыльскихъ или даже превышаетъ его» (стр. 225). Цѣлый рядъ данныхъ противорѣчитъ такому заключенію; приводимъ нѣсколько примѣровъ:

	Уѣзды.	Крест.		Боб.	
		д.	л.	д.	л.
7136	— Сумерская вол. (старорус. уѣзд.)	397	838	27	62
7134—7135	Бѣлозерск. (заозерскій станъ за помѣщиками)	771	975	379	443
7135—7138	Ярославск. (помѣстья)	597	—	322	—
7135—7137	Тульскій	848	—	567	—
7135—7134	Орловскій (станы: Каменскій, Тайчуковъ и Корчаковъ).	80	—	51	—

Эти итоги, какъ видно, далеко не подтверждаютъ общаго вывода, сдѣланнаго г. Дьяконовымъ.

Самый приемъ наблюденья автора надъ показаніями писцовыхъ книгъ вызываетъ сомнѣнія въ читателѣ: Г. Дьяконовъ почему то пренебрегаетъ численностью «людскихъ» дворовъ или однородныхъ съ ними дворовъ «дѣтеньшей» и получаетъ такіе выводы при опредѣленіи соотношенія въ количествѣ крестьянскихъ дворовъ къ числу бобыльскихъ, которые повергаютъ его же самого въ недоумѣніе, напримѣръ, относительно Тульского уѣзда. Далѣе авторъ, пользуясь Угличскими и Бѣлевскими книгами, беретъ соотношеніе числа крестьянскихъ дворовъ къ числу бобыльскихъ (съ ихъ населеніемъ) по писцовымъ книгамъ одного и того же времени, а не знаменатель такого соотношенія или % по книгамъ разныхъ годовъ, содержащихъ описаніе одной и той же мѣстности. Нельзя на основаніи того, что «число крестьянскихъ дворовъ или почти равняется числу бобыльскихъ или даже превышаетъ его» заключать объ «увеличеніи числа вторыхъ на счетъ первыхъ»: то же соотношеніе могло быть и дѣйствительно бывало какъ въ второй половинѣ XVI, такъ и во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ подобнаго рода соотношеній мы не можемъ сдѣлать, однако, никакого точнаго заключенія о характерѣ прироста бобыльскаго населенія; лишь при

сравненіи процента ихъ до и послѣ «разоренія» мы будемъ имѣть право говорить объ «увеличеніи числа бобыльскихъ дворовъ на счетъ крестьянскихъ». Между тѣмъ г. Дьяконовъ, указывая на значительный относительный приростъ бобыльского населенія въ имѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря XVI — XVII вв., не скрываетъ отъ читателя результатовъ переписей Тульского уѣзда, судя по которымъ % бобыльского населенія остается почти однимъ и тѣмъ же въ 7096 и 7136 годахъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сущности вопросъ объ относительномъ приростѣ бобыльского населенія въ XVII вѣкѣ открытымъ, авторъ тѣмъ не менѣе разсуждаетъ такъ, какъ будто бы онъ былъ рѣшенъ окончательно. Г. Дьяконову стоило бы только принять во вниманіе совокупность населенія, жившаго въ Тульскомъ уѣздѣ, не пренебрегая дворами «людей и дѣтенышей», а также сравнить итоги писцовыхъ книгъ по уѣздамъ, близкимъ къ Тульскому для того, чтобы выйти изъ такого затрудненія. Возьмемъ, на примѣръ, писцовыя книги Веневскаго, Тульского и Орловскаго уѣздовъ, и, пользуясь ихъ показаніями, составимъ нижеслѣдующую таблицу:

Итоги XVI вѣка.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холоп.		Служ. и дѣт.		Крест.		Боб.		Источникъ.	
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.		
Веневскій . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный, Полосенскій и Ясенецкій (пом.).	7080	—	—	—	—	1356	1386	12	1)	—	Писц. кн. XVI в., II, 1542—1581
Тульскій . . .	Станы: Заупскій, Нюховскій, Заострожекскій, Колоденскій, Старое Городище, Глутенскій, Веркошскій, Раствоецъ и Черепицкій (пом. и вотч.).	7096—7097	990	—	57	—	1446	—	1029	—	—	Писц. кн. XVI в., II, 1097—1260
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Тайчуковъ и Нугорскій (пом.).	7103	40	—	—	—	752	816	52	62	—	Имп. Публ. Библ., F. IV, 442

1) Въ книгѣ означенные дворы названы безпашенными, а не бобыльскими.

ИТОГИ XVII вѣка.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холоп.		Служ. и дѣт.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Веневскій . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенецкій (пом., и вотч. мѣр.).	7135—7136	27	27	—	—	76	130	94	182	Имп. Публ. Библ., F IV, 385
Тульскій . . .	Станы: Заупскій, Глутенскій, Колоденскій, Ньюховской, Старое Городище, Веркошскій, Растовской, Заострожскій (пом. и вотч., мѣр. и дух.).	7135—7136	268	—	24	—	848	—	567 ¹⁾	—	Имп. Публ. Библ., F IV, 506—508
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Тайчуковъ и Нугорскій (пом.).	7133—7134	24	—	—	—	51	76	39	63	Имп. Публ. Библ., F IV, 442

Такимъ образомъ на основаніи вышеприведеннаго матеріала можно вывести слѣдующія соотношенія:

Уѣзды:	% бобыльскихъ дворовъ въ XVI в. въ 1620-хъ гг.	
Веневскій	0,9	48
Тульскій	29,0	34
Орловскій	6,0	37

Величины, размѣщенныя въ нашей таблицѣ, конечно, не отличаются безусловною точностью: извѣстно, что землевладѣльцы «писали своихъ крестьянъ для тягла бобылями»; постоянно повторяясь такая ошибка не могла, однако, имѣть постоянныхъ размѣровъ; кромѣ того къ ней присоединились ошибки болѣе случайнаго свойства, еще въ большей мѣрѣ лишаящія приведенныя показанія определенности. Изъ той же таблицы видно, наконецъ, что изучаемыя нами величины далеко не вполнѣ однородны, такъ какъ численность населенія въ дворѣ XVI и XVII вѣковъ едва ли была тождественной. Какъ бы то ни было, сравнивая показанія тульскихъ псцовыхъ книгъ съ итогами описаній сосѣднихъ уѣздовъ: Веневского и Орловскаго, мы замѣчаемъ, что здѣсь % бобыльскаго населенія значительно повысился и что, слѣдовательно, мы имѣемъ право не придавать рѣшающаго значенія свѣдѣніямъ по Тульскому уѣзду. Общее заключеніе объ относительномъ приростѣ бобыльскаго населенія, и притомъ довольно сильномъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, пріобрѣтаетъ большую вѣроятность, тѣмъ болѣе, что мно-

1) Наши итоги нѣсколько выше тѣхъ, которые приводитъ г-жа Щепкина, не принявшая во вниманіе вотчину Николаевского монастыря въ Старомъ Городищѣ (Е. Щепкина, Тульскій уѣздъ, стр. 94—96), что ввело въ заблужденіе и г. Дьяконова.

гія изъ извѣстныхъ намъ наблюденій свидѣлствуютъ въ пользу мнѣнія о весьма значительныхъ размѣрахъ такого прироста въ разныхъ уѣздахъ Московскаго государства ¹⁾; лишнимъ доводомъ, наконецъ, можно считать и то, что несмотря на случайность независимыхъ другъ отъ друга показаній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, выводы изъ нихъ почти всѣ согласны между собою, что еще болѣе убѣждаетъ насъ въ вѣроятности сдѣланнаго нами предположенія объ относительномъ и замѣтномъ приростѣ бобыльскаго населенія въ московской Руси съ конца XVI ст. къ тому времени, когда утихла смута.

Нельзя, однако, говорить безусловно о такомъ приростѣ въ XVII вѣкѣ вообще. Для провѣрки своего вывода г. Дьяконову слѣдовало бы обратиться къ сличенію итоговъ населенія по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ съ итогами переписныхъ книгъ 1670-хъ гг. Между тѣмъ сравненіе однихъ показаній съ другими не даетъ намъ права распространять сдѣланный нами выводъ на вторую половину XVII-го вѣка. Въ виду того, что большинство писцовыхъ книгъ XVII-го вѣка по уѣздамъ Московскаго государства остается еще въ рукописяхъ, намъ приходится довольствоваться лишь нѣсколькими примѣрами, указывающими, можетъ быть, то направленіе, въ которомъ развивалось изучаемое нами явленіе, хотя и не достаточно точными для того, чтобы точно опредѣлить его размѣры. Наблюденія наши надъ относительнымъ количествомъ холопскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ можно свести въ прилагаемой таблицѣ ²⁾; здѣсь принята во вниманіе не населенность дворовъ, а число ихъ, такъ какъ точныя указанія на количество сельскихъ жителей отдѣльно по его разрядамъ, въ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются рѣдко; кромѣ того, число владѣльческихъ, «скотыхъ» и «конюшенныхъ» дворовъ также не приведено въ нашей таблицѣ, ибо средняя населенность каждаго изъ нихъ сильно колебалась и количество его жителей къ концу изучаемаго нами періода значительно возрасло, такъ что число самихъ дворовъ, представляя въ общемъ итогѣ величину довольно ничтожную, оказывается фиктивнымъ, если на его основаніи судить о населенности владѣльческихъ имѣній. Итакъ

1) Ср., напримѣръ, итоги Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 24—35 съ Углицкими писц. кн. изд. М. Липинскимъ, стр. 615—618; Писц. кн. XVI в., т. I, стр. 893—919 и т. II, стр. 1—8 съ приведенными ниже итогами писцовыхъ книгъ Костромскаго и Ярославскаго уѣздовъ. Въ вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря во Владимірскомъ уѣздѣ въ 7101—7102 числилось 473 дв. крест. и 53 дв. боб. (Писц. кн. XVI в., т. I, стр. 787—909); въ вотчинахъ монастырей Рождественскаго и Покровскаго того же уѣзда въ 7108—7133 гг. оказалось 264 дв. крест. и 203 дв. боб. (Дозор. и отказ. кн. по Влад. уѣзду въ Румянц. и Публ. Музеѣ, № 1598).

2) Свѣдѣнія о Веневскомъ и Тверскомъ уѣздахъ по писцовымъ книгамъ 7186 года по моей просьбѣ доставлены мнѣ г. архиваріусомъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи В. И. Холмогоровымъ, за что я и приношу ему искреннюю благодарность.

намъ придется довольствоваться цифровыми показаніями писцовыхъ книгъ о дворахъ холоповъ, крестьянъ и бобылей ¹⁾).

Итоги 1620-хъ гг.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служивы, служебныи, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Бѣлозерскій.	Станъ: Заозерскій (пом.).	7134—7135	4 1	— —	— —	— —	771	975	379	443	Моск. Арх. Мин. Юст., К. 592
Ярославскій.	Волости: Пажецкая, Норская, Игрицкая, Ёдомская, Череможская, Курбская и Закоторожскій станъ (пом. и вотч.: мѣр. и дух.) ²⁾ .	7135—7137	3 506	— —	— —	— —	2045 2961	— —	1023 —	— —	Моск. Арх. Мин. Юст., КК. 545, 549 и 550; Имп. Публ. Библ., F IV, 524 и 525
	Станъ Городской; волости: Пуятинская, Шаховская, Жарская, Каста, Вокшерская и Ухра (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7136—7137	249	—	79	—	2483	4737	1638	2562	
	Итого.....		758	—	183	—	7489	—	4597	—	
Тверской. . .	Станы: Захожскій, Воловицкій, Суземскій, Шостка, Кава и Чегловъ; уѣздъ Микулинскій (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7135—7136	7 42	— —	37	—	563	—	554 ³⁾	—	Моск. Арх. Мин. Юст., КК. 871, 87, 873, 874 и 875
Калужскій. .	Станы: Подгородный, Куплинскій, Роцинскій, Лисинскій, Дольскій и Пасынковскій (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7136—7137	6 89	— —	— —	— —	287	—	400	—	Моск. Арх. Мин. Юст., К. 160
Веневскій. . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенепкій (пом., вотч. и мѣр.).	7135—7136	27	27	—	—	76	130	94	182	Имп. Публ. Библ., F IV, 385

1) Подъ именемъ «холопскаго» населенія мы разумѣемъ: прикащиковъ, «людей» и задворныхъ холоповъ въ мѣрскихъ имѣніяхъ; въ имѣніяхъ духовенства показанія о числѣ прикащиковъ, служекъ, служебниковъ и дѣтенышей обыкновенно слиты вмѣстѣ въ самихъ писцовыхъ книгахъ; иногда упомянуты «работники» или мастеровые, (въ случаѣ жительства особыми дворами) выдѣляемые въ особую группу; въ мѣрскихъ вотчинахъ верхнія показанія каждой строки относятся къ числу прикащиковыхъ, нижнія — къ числу дворовъ «людей» или задворныхъ холоповъ; въ вотчинахъ духовенства въ нижнихъ цѣфахъ по Тульскому и Бѣлевскому уѣздамъ выдѣлено количество мастеровыхъ.

2) Свѣдѣній о населеніи вотчинъ Норской волости въ означенныхъ книгахъ не имѣется; итоги подведены порознь къ помѣстьямъ и вотчинамъ, причѣмъ въ послѣднихъ они сосчитаны нами.

3) Итоги по станамъ даютъ иные цифры: дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ по станамъ оказывается меньше приведенныхъ величинъ, а именно 478 и 488; писцы вѣроятно, включили въ свои итоги показанія, не упомянутыя по станамъ.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служивы, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Тульскій . . .	Станы: Зауискій, Глушенской, Колоденскій, Пюховской, Старое Городище, Веркошевскій, Рагостовской и Заострожскій (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7135—7136	64 204	—	24	—	848	—	567	—	Имп. Публ. Библ., F IV, 506—508
Бѣлевскій . .	Станы: Погорѣльскій, Рузскій, Мокрищевскій, Бакинскій, Лабодинскій, Дураковскій, Благовѣщенскій и Вырскій (вотч. и дух., пров.).	7136—7137	—	—	7	—	62	105	72	95	Бѣлевская Вивлюоика, т. II, стр. 277—285
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Каменскій и Тайчуковъ (пом. и вотч.) ¹⁾	7133—7134	24	—	—	—	131	189	90	135	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 330 и 331

Итоги 1670-хъ гг.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служивы, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Бѣлозерскій . . .	Станъ Надпорожскій и 22 волости (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186—7187	68	214	402	875	5179	19401	1366	3535	Переп. кн. изд. Е. Замысловскимъ, стр. 223—307
Ярославскій . . .	Волости: Пажецкая (часть Игрицкой или Норской?), Бдомская, Череможская и Закоторожскій станъ (пом. и вотч.: мір. и дух.) ²⁾ .	7186	1 427	—	14	—	12692	—	1370 ³⁾	—	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 7780, 7781 и 7791
	Городской станъ и Шаховская волость въ Заволжской половинѣ (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186	—	—	—	—	3159	—	633	—	
	Станы: Городской, Служень и Верховскій, волости: Жарская, Каская, Вокшерская и Ухорская (пом., вотч., мір. и дух.).	7186	—	—	—	—	6718	—	640	—	
Итого			—	—	—	—	21977	—	2634	—	

1) Въ станахъ Неполотцкомъ и Нугорскомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ то время не оказалось.

2) Въ описаніи нѣтъ итоговъ; они подведены нами по «перечнямъ» отдѣльныхъ имѣній, но и перечни съ дефектами, такъ что приводимыя цифры не относятся ко всему пространству поименованныхъ округовъ; ими тѣмъ не менѣе, можно пользоваться для опредѣленія соотношенія между числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дв., пополнивъ данныя подлинныхъ писцовыхъ книгъ соответствующими показаніями изъ современныхъ копій, которыя, впрочемъ, не лишены маленькаго пробѣла. Въ составъ 427 холопныхъ дв. вошли дворы: «людскіе», людей дѣловыхъ и задворныхъ, а также «задворные дворы людскіе».

3) Въ итогъ включены «избы и кельи» бобыльскія; ихъ 102+45=147.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служки, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Тверской .	Станы: Захожскій, Воловицкій, Суземскій, Мпкулнъ, Шоска и Кава (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7186	123	367	—	—	2630	10363	644	1779	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 16060
	Станы: Шеской, Кушальскій и Кава (дух.).	7186	37	68	49	133	539	2219	179	2247	
	Итого.....		160	435	49	133	3169	12587	823	2247	
Калужскій.	Станы: Подгородный, Куплинскій, Рощинскій, Лисинскій, Дольскій и Пасынковъ (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7186	262	—	3	9	797	—	605	—	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 11597
Веневскій.	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенецкій (пом., вотч. и мѣр.).	7186	139	1126	—	—	469	2338	482	1935	Арх. Мин. Юст., к. 14251
Тульскій .	Станы: Заупскій, Глутенскій, Колоденскій, Ньюховской, Старое Городище, Веркошевскій, Раствовскій и Заострожскій (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7186	649	2115	16	74	1866	10137	982	3586	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 14239
Бѣлевскій	Станы: Погорѣльскій, Вырскій и Дураковскій (вотч. и дух.) ¹⁾	7186	—	—	6	19	161	696	155	557	Е. Замысловскій, Переп. кн., стр. 213—222
Орловскій	Станы: Корчаковъ, Тайгуковъ, Неполотцкій, Нугорскій и Каменскій (пом. и вотч.: мѣр. и дух.).	7186	520	1922	—	—	875	5460	903	3860	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 11044.

Какъ видно, процентъ бобылей въ значительномъ большинствѣ приведенныхъ случаевъ сильно мѣняется по мѣрѣ отдаленія отъ времени «разоренія»; сравнивая % бобыльского населенія въ перечисленныхъ выше уѣздахъ, мы находимъ слѣдующія отношенія:

1) Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ мѣряя итоги крестьянъ и бобылей отдѣльно не приведены; итоги по вотчинамъ духовенства не полны по той же причинѣ.

У ѣ з д ы:	% Н А С Е Л Е Н І Я							
	въ 1620-хъ гг.				въ 1670-хъ гг.			
	холо- повъ.	служ. и дѣт.	кре- стьянъ	бобы- лей	холо- повъ	служ. и дѣт.	кре- стьянъ	бобы- лей.
Бѣлозерскій	0,4	—	6,7	32,8	1,0	5,7	73,8	19,5
Ярославскій 1)	5,8	1,4	57,5	35,3	2,9	0,1	87,5	9,4
Тверской	4,1	3,1	46,8	46,0	3,8	1,2	75,4	19,8
Калужскій	12,1	—	36,7	51,1	15,7	0,1	47,8	36,3
Веневскій	3,7	—	38,6	47,7	12,8	—	43,0	44,2
Тульскій	15,7	1,4	49,7	33,2	18,3	1,3	52,7	27,7
Бѣлевскій	—	5,0	44,0	51,0	—	2,5	49,7	47,8
Орловскій	9,8	—	53,5	36,7	22,6	—	38,1	39,3

На основаніи приведенной таблицы, страдающей, разумѣется, такими же недостатками, какъ и предшествующая (стр. 99), легко придти къ заключенію, что въ теченіе XVII-го вѣка число задворныхъ людей, составлявшихъ главный контингентъ холопскаго населенія, и крестьянъ постепенно возрастало (за исключеніемъ развѣ южной окраины, Орловскаго уѣзда), тогда какъ количество бобылей становилось менѣе значительнымъ. Такой выводъ, основанный на сравненіи показаній о численности дворовъ, а fortiori можетъ быть отнесенъ и къ населенности ихъ; въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что средняя населенность крестьянскаго и бобыльскаго двора не была одинакова: вообще, одна превосходила другую, въ чемъ можно убѣдиться и по нѣкоторымъ изъ вышеуказанныхъ примѣровъ; значитъ пониженіе % бобыльскаго населенія (а не только числа бобыльскихъ дворовъ) ко времени составленія переписныхъ книгъ 7186 года, можно также считать явленіемъ довольно вѣроятнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что оно далеко не всюду совершалось въ одинаковомъ размѣрѣ: паденіе % бобыльскаго населенія къ 1670-мъ годамъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, напримѣръ, весьма значительно, тогда какъ въ южныхъ, начиная съ Веневского, оно не велико. Возрастаніе числа холопскихъ и крестьянскихъ дворовъ въ те-

1) Изъ вышеприведенныхъ показаній о населенности Ярославскаго уѣзда въ 7186 году приняты во вниманіе цифры одной верхней строки, т. е. 428, 14, 12692 и 1370.

ченіе изучаемаго періода времени (по крайней мѣрѣ въ томъ разрѣзѣ, который представленъ на нашей таблицѣ) не вполне однородно: въ такихъ уѣздахъ, какъ Ярославскій и Тверской замѣтно преобладающее возростаніе крестьянскаго населенія, тогда какъ въ Орловскомъ уѣздѣ нельзя не замѣтить обратное отношеніе, впрочемъ, только здѣсь и обозначившееся достаточно ярко. Итакъ, предполагая, что число холопскихъ или крестьянскихъ дворовъ увеличивалось на счетъ бобыльскихъ, мы должны имѣть въ виду, что одна изъ нашихъ гипотезъ болѣе вѣроятна въ однѣхъ мѣстностяхъ, другая — въ другихъ, изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, чтобы одна безусловно исключала другую.

Въ самомъ дѣлѣ существовало не мало обстоятельствъ, вызывавшихъ возрастаніе численности какъ холоповъ, такъ и крестьянъ на счетъ бобылей въ предѣлахъ одной и той же области: они попадали въ зависимость отъ землевладѣльцевъ XVI—XVII-го вѣковъ, частью подъ влияніемъ тѣхъ же причинъ, которыя порождали прикрѣпленіе крестьянъ, частью въ силу процесса, получившаго, кажется, наибольшую степень развитія примѣнительно къ бобыльскому населенію. Бобыли, какъ замѣчено было выше, представляли контингентъ, изъ котораго, вѣроятно, чаще всего набирались рабочіе: старинныя извѣстія о бобыляхъ поступившихъ въ «работники», не рѣдки; въ документахъ XVI вѣка иногда упоминаются «пришлые люди, кто у кого учнетъ жити въ наймитѣхъ для пашпи», не говоря, о людяхъ, нанимаемыхъ «на лодьи, варницы» и для предпріятій подобнаго же рода¹). Въ нѣкоторыхъ изъ писцовыхъ книгъ конца XVII столѣтія уже видный процентъ населенія составляютъ «работники», жившіе обыкновенно на господскихъ дворахъ. Конечно, въ составъ «работниковъ» попадали и крестьяне, но едва ли въ такомъ относительномъ количествѣ, въ какомъ могли быть сюда зачислены бобыли, особенно до того времени, когда оба разряда стали смѣшиваться, на что намекаютъ и отрывочныя извѣстія о занятіяхъ бобылей, лишенныхъ усадебной осѣдлости (см. выше стр. 95). Какъ бы то ни было работникъ становился очень часто по отношенію къ предпринимателю въ положеніе должника къ кредитору: та зависимость, которая возникала въ силу договора займа въ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ выше (см. стр. 65 и сл.), временно превращала работника, взявшаго рядную плату впередъ у своего хозяина и, слѣдовательно, своимъ трудомъ отработавшаго долгъ, въ полусвободнаго человѣка; не даромъ Уложеніе называетъ заживныя жилыя записи «заемными жилыми записями или кабалами», достаточно извѣстными въ нашей литературѣ; съ умаленіемъ веществен-

1) А. Э., т. I, № 330.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16060.

наго основанія сдѣлки ея формулировка пріобрѣла еще большее сходство съ нѣкоторыми видами крѣпостей, развившимися преимущественно въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ своихъ очеркахъ г. Дьяконовъ проходитъ молчаніемъ затронутое нами явленіе, хотя выясненіе его и можно было бы поставить въ связь съ такими фактами, какъ возникновеніе на Руси класса «работниковъ», на что до сихъ поръ еще не было обращено достаточнаго вниманія въ нашей литературѣ. Что же касается возрастанія крестьянскихъ дворовъ на счетъ бобыльскихъ, то оно по всей вѣроятности объясняется, главнымъ образомъ извѣстными переменами, происшедшими въ единицѣ прямого обложенія съ 1630-хъ годовъ, когда бобыли, ставши тяглыми на равнѣ съ крестьянами, оказались въ аналогичномъ съ ними положеніи, что и способствовало смягченію различій между тѣмъ и другимъ состояніемъ; но и переходъ бобыля въ крестьянство не избавлялъ его, конечно отъ той зависимости, въ которой обыкновенно находилось большинство крестьянъ XVII-го вѣка, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, отъ ихъ владѣльцевъ. Итакъ, какъ видно, важнѣйшія обстоятельства, вызывавшія пониженіе численности бобыльского населенія въ XVII вѣкѣ, могли существовать рядомъ, не исключая взаимно другъ друга.

Въ предшествующемъ изложеніи мы обратили вниманіе на важнѣйшіе хозяйственные факторы, вызывавшіе частное и главнымъ образомъ личное прикрѣпленіе сельскаго населенія, причѣмъ нѣсколько остановились и на обозрѣннй тѣхъ обстоятельствахъ, которыя со второй половины XVI вѣка усилили изученный нами процессъ. Личная зависимость крестьянина отъ землевладѣльца разумѣется не только порождала, но и служила основаніемъ его имущественной зависимости, на почвѣ которой она первоначально сама и возникла. Тѣмъ не менѣе обстоятельства, способствовавшія развитію «крѣпостнаго права», параллельно съ нимъ вызывали и имущественную зависимость крестьянина отъ землевладѣльца, ямѣвшую такимъ образомъ отчасти самостоятельное происхожденіе: подмога, ссуда и тому подобныя сдѣлки давали землевладѣльцу, нѣкоторое право на крестьянское имущество, поскольку въ его возникновеніи участвовалъ самъ землевладѣлецъ; послѣднее ограниченіе, однако, должно было постепенно слабѣть, какъ потому, что нарушить его было очень не трудно, такъ и благодаря взгляду на такое имущество, какъ на цѣльную имущественную массу. Г. Дьяконовъ едва ли достаточно отмѣтилъ общее значеніе указаннаго нами явленія; онъ изучаетъ его съ довольно узкой точки зрѣнія въ томъ мѣстѣ своей книги, гдѣ ведетъ рѣчь о «сходствѣ и различіи между крестьянской ссудной записью и служилой кабалой» (стр. 125—130). Вообще авторъ, какъ намъ кажется, рѣшаетъ вопросъ довольно правильно въ томъ смыслѣ, который былъ уже указанъ его пред-

шественникомъ ¹⁾). Замѣтимъ только, что конечный выводъ г. Дьяконова едва ли отличается достаточною ясностью. «Кому же принадлежитъ, пишетъ онъ, крестьянское имущество, крестьянину или его владѣльцу? Памятники, упоминая о крестьянскихъ животахъ, даютъ согласный отвѣтъ на нашъ вопросъ: это имущество принадлежитъ крестьянамъ. Но и владѣльцы считаютъ своимъ правомъ распоряжаться этимъ имуществомъ, какъ они распоряжаются и личною крестьянина и не рѣдко ограничиваютъ имущественныя права своихъ крестьянъ. Крестьянамъ принадлежитъ лишь право владѣнія и пользованія безъ нарушенія хозяйскихъ интересовъ землевладѣльца» (стр. 130). Едва ли можно безусловно согласиться съ такою формулировкой. Г. Дьяконовъ какъ будто выводитъ въ ней изученное имъ совладѣніе «животами» исключительно изъ личной зависимости крестьянина отъ землевладѣльца, что, какъ указано было выше, нельзя считать вполне правильнымъ. Далѣе, нашъ авторъ въ приведенномъ отрывкѣ утверждаетъ, что одно и тоже имущество и притомъ движимое, могло оказаться объектомъ владѣльческихъ правъ крестьянина, ограниченныхъ интересами землевладѣльца, и тѣмъ не менѣе въ тоже время становилось крестьянскою собственностью. Возможно, что выраженіе «принадлежитъ крестьянамъ» авторъ понималъ не въ смыслѣ права собственности, а одной принадлежности «животовъ» крестьянамъ; но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало остановиться на выясненіи своего положенія, тѣмъ болѣе, что самая принадлежность «животовъ» получить разное значеніе, будемъ ли мы говорить о принадлежности ихъ крестьянамъ или крестьянскимъ хозяйствомъ. При томъ г. Дьяконовъ не воспользовался имъ же указаннымъ взглядомъ на крестьянское имущество, какъ на цѣльную массу, въ обладаніи которой раздѣльное сосуществованіе права крестьянина и права землевладѣльца становилось едва ли возможнымъ и порождало условія, благопріятныя для всякаго рода злоупотребленій со стороны сильнѣйшаго изъ совладѣльцевъ. Наконецъ, г. Дьяконову слѣдовало обратить вниманіе еще на одну особенность, уже отмѣченную его предшественникомъ. Если согласиться съ тѣмъ, что «законъ того времени считалъ крестьянскіе животы юридически привязанными къ мѣсту, гдѣ съ нихъ шло тягло» ²⁾, т. е. въ сущности признавалъ ихъ принадлежностью тяглыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, то и въ области чисто имущественныхъ отношеній можно будетъ указать на различіе въ принципахъ частнаго и государственнаго прикрѣпленій, до нѣкоторой степени обратно-противуположныхъ другъ другу.

1) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ «Рус. Мысли» за 1885 г., кн. VIII, стр. 34—38.

2) В. Ключевскій, *Op. cit.*, стр. 37.

Таковы, какъ намъ кажется, важнѣйшіе хозяйственные факторы частнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и значеніе ихъ въ развитіи того явленія, которое г. Дьяконовъ частью затронулъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, причѣмъ высказалъ не мало цѣнныхъ замѣчаній для его выясненія, частью же оставилъ безъ вниманія; предоставивъ читателямъ своихъ очерковъ пополнить нѣкоторые изъ пробѣловъ своего сочиненія, онъ не попытался свести во едино наблюденія, придающія указанной намъ сторонѣ прикрѣпленія должную рельефность.

IV.

Новымъ и своеобразнымъ факторомъ въ развитіи прикрѣпленія надо считать «старину» или «институтъ старожильства», значеніе котораго г. Дьяконовъ подвергъ обстоятельному изслѣдованію.

«Обычный институтъ старожильства, пишетъ авторъ, представляетъ одно изъ любопытныхъ, но къ сожалѣнію мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси. Онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей. Корни его восходятъ къ глубокой старинѣ: еще [?] Псковская судная грамота упоминаетъ старыхъ изорниковъ. Не смотря однако на столь продолжительный періодъ существованія, этотъ институтъ въ своихъ основныхъ чертахъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Поэтому конечно и то не многое, что сказано въ литературѣ о старожильцахъ, очень мало выясняетъ ихъ бытовые и юридическія особенности. Кто считался старожильцемъ, и въ чемъ заключались особенности ихъ положенія среди сельскаго населенія древней Руси? Дать опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы представляется дѣломъ чрезвычайно труднымъ» (стр. 16). Въ одномъ изъ своихъ очерковъ г. Дьяконовъ «предлагаетъ попытку представить сводъ нѣкоторыхъ чертъ этого института». Итакъ, признавая частное происхожденіе старины и не пускаясь въ изученіе причинъ, вызвавшихъ её, авторъ тѣмъ не менѣе стремится дать опредѣленіе интересующаго его «института». При такихъ условіяхъ самое опредѣленіе должно было получить въ изложеніи г. Дьяконова описательный, а не генетическій характеръ. Прежде всего, по мнѣнію автора, нельзя не отмѣтить одной общей черты старожильства, а именно извѣстной давности поселенія или жительства (стр. 19). Далѣе г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе (кромѣ уже выше цитированнаго вывода на стр. 22 его книги) на тѣ споры владѣльцевъ «о преимущественныхъ правахъ на крестьянъ старожильцевъ», въ которыхъ стороны въ подтвержденіе своихъ правъ приводятъ ссылки не на порядныя и не на правила о крестьянскомъ выходѣ, а на официальные описи и различные документы,

санкціонованные правительствомъ: занесеніе въ такіе документы крестьянъ и является важнымъ доводомъ въ пользу ихъ старожильства у даннаго владѣльца или на данномъ мѣстѣ» (стр. 28). «При такихъ условіяхъ, рассуждаетъ г. Дьяконовъ, юридическое значеніе писцовыхъ книгъ получаетъ новое освѣщеніе: если въ подтвержденіе старожильства приводятся частыя описи и росписи разнаго рода, то рѣшающее значеніе писцовыхъ книгъ въ вопросахъ подобнаго рода явствуетъ само собою» (стр. 30). На основаніи всего выше сказаннаго г. Дьяконовъ, наконецъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію: «во второй половинѣ XVI в. мало по малу вырабатывается правило, что крестьяне и вообще тяглые люди, занесенные въ писцовыя книги или оффиціальныя описи, считаются старожильцами и правомъ выхода не пользуются» (стр. 31), а самая «записка крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ» [?] — оказывается «главнымъ признакомъ крестьянской старины» (стр. 39). Впрочемъ, кромѣ него г. Дьяконовъ приписываетъ аналогичное, хотя и второстепенное значеніе происхожденію отъ стариннаго крестьянина (стр. 39—45), а также способу пріобрѣтенія путемъ разнообразныхъ сдѣлокъ: данныхъ, поступныхъ, купчихъ, мѣновыхъ, рядныхъ и т. п. (стр. 45—52). Не лишена интереса и та поправка, которую авторъ вноситъ въ предшествующее изложеніе по разсмотрѣніи цѣлаго ряда случаевъ «застарѣнія» бѣглыхъ крестьянъ у новыхъ владѣльцевъ, хотя бы бѣглецы и оказались старожильцами въ тѣхъ имѣніяхъ, откуда они выбѣжали. «Можно, пишетъ г. Дьяконовъ, съ достаточною несомнѣнностью сдѣлать заключеніе, что и въ XVII вѣкѣ пришлые или схожіе крестьяне, въ томъ числѣ и бѣглые, могли по истеченіи нѣкотораго срока застарѣть и сдѣлаться изъ пришлыхъ старинными» (стр. 55). Таковы, насколько мы можемъ судить, главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ г. Дьяконовъ при разясненіи значенія института старожильства въ процессѣ прикрѣпленія.

При оцѣнкѣ теоріи г. Дьяконова слѣдуетъ замѣтить прежде, всего что онъ нигдѣ не разясняетъ, въ какой мѣрѣ должно считать старину первоначальнымъ или производнымъ факторомъ прикрѣпленія? Лишь довольно случайно въ числѣ основныхъ причинъ, вызвавшихъ крестьянскую старину, авторъ справедливо указываетъ на задолженность крестьянъ (стр. 74; ср. стр. 204), сопряженную съ личной зависимостью должника отъ кредитора, и, слѣдовательно, намекаетъ на то, что самая старина, по скольку она зависѣла отъ задолженности крестьянъ, не имѣла самостоятельнаго значенія въ процессѣ прикрѣпленія. Дѣйствительно, много данныхъ, какъ мы видѣли (см. гл. III) говорить въ пользу такого предположенія, не исключающаго впрочемъ, а только ограничивающаго роль, которую по мнѣнію г. Дьяконова старожильство играло въ ходѣ прикрѣпленія: въ самомъ дѣлѣ и въ

томъ, и въ другомъ случаяхъ старина, должно быть, повліяла на прикрѣпленіе къ тяглу, коснувшееся прежде всего старинныхъ крестьянъ; послѣднее заключеніе какъ нельзя лучше доказано г. Дьяконовымъ. Нельзя не замѣтить еще одной неясности въ изложеніи автора: утверждая, что институтъ старожильства обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей (стр. 16), съ чѣмъ, конечно, можно согласиться, онъ, однако, «главнымъ признакомъ крестьянской старины» считаетъ «записку крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ» (стр. 31 и 39), т. е. въ памятникѣ, чисто правительственнаго происхожденія и назначенія. Такое противорѣчіе, кажется, объясняется тѣмъ, что г. Дьяконовъ едвали не смѣшиваетъ значеніе старины въ процессѣ частнаго прикрѣпленія съ правительственнымъ ея примѣненіемъ на судѣ или признаваніемъ ея государствомъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ годился для прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу. Между тѣмъ въ старинныхъ памятникахъ встрѣчаются указанія на значеніе старины независимо отъ записки въ писцовыя книги. Наши древнѣйшія постановленія о давности предполагаютъ её бытовое происхожденіе ¹⁾; въ древнѣйшихъ актахъ старожильцами называются люди, «которые прежь того тутю же живали» ²⁾. И въ позднѣйшее время въ мѣстностяхъ, гдѣ архаичныя формы отношеній, вѣроятно, долгое время оставались въ силѣ, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ уѣздѣ, «писцы XVII вѣка записывали земли, пріобрѣтенныя до послѣдней переписи «по старинѣ» или «по писцовымъ книгамъ» или «по старинѣ и по писцовымъ книгамъ»; замѣчательно, что формула «по старинѣ», которую понимали, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ способъ пріобрѣтенія по наслѣдству, господствовала до 1645 г., тогда какъ въ 1686 году она попадаетъ чаще въ связи съ писцовыми книгами, чѣмъ самостоятельно» ³⁾. Такая же точка зрѣнія, повидимому, обнаруживается въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по поземельнымъ искамъ: въ 1506 году, напримѣръ, между княжескимъ слободчикомъ и Троице-Сергіевымъ монастыремъ возникъ споръ изъ-за деревень у селъ Прилука и Краснаго, Углечскаго уѣзда; на основаніи обыска, выясниваго, что «тѣ земли исъ старины Троицкія Сергіева монастыря», деревни, починки, пожни и лѣсъ «по старинѣ» были присуждены Живоначальной Троицы Сергіеву монастырю; рѣшеніе дѣла на основаніи «обыска» и отсутствіе ссылокъ на писцовыя книги или на выписи изъ нихъ показываютъ, что въ данномъ случаѣ «старина» понимается въ смыслѣ давностнаго обладанія вещью, доказательствомъ котораго могли

1) Псков. Суд. грам., ст. 9. И. Энгельманъ, О давности, Спб. 1868 г., стр. 16.

2) А. Э., т. I, № 44 (1449 г.).

3) П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ въ Тр. Археог. Ком. при Моск. Археол. общ., т. I, стр. 413—414 и 418.

служить не одиѣ писцовыя книги. Случай подобнаго рода едва ли были особенно рѣдкими исключеніями¹⁾: иногда не только земельная, но и крестьянская старина имѣла бытовое происхожденіе, о чемъ свидѣлствуютъ нѣкоторые факты даже позднѣйшаго времени. Охотникъ ловчаго пути И. Архаровъ напримѣръ, подалъ однажды искъ на Троице-Сергіевъ монастырь въ бѣглыхъ кабальныхъ своихъ людяхъ; но затѣмъ, желая мотивировать свой отказъ отъ иска какими либо благовидными причинами онъ заявилъ, что его люди, «живучи въ троецкихъ вотчинахъ, прижили дѣтей и дѣти ихъ поженилися въ троецкихъ вотчинахъ на троецкихъ крестьянскихъ дочерѣхъ», такъ что они «цѣ троецкихъ вотчинахъ застарѣлися»²⁾. Не только частныя лица, но и само правительство высказывало подобнаго рода точку зрѣнія. Такъ, въ 1575 году возникло дѣло о выводѣ соловаровъ и дворниковъ Троице-Сергіева монастыря, жившихъ «на Холую» въ посадъ, т. е. о припискѣ ихъ въ посадское тягло (во Владимірѣ). Это дѣло было рѣшено въ пользу монастыря, ибо онъ предъявилъ царскую жалованную грамоту, «что у нихъ въ тѣ дворы не вступатись ни во что, потому что тѣ дворы на Холую ихъ ставленье изстари»... Нѣсколько позднѣе (въ 1587 г.) архимандритъ Троице-Сергіева монастыря билъ челомъ царю на царскаго ключника А. Коробова, «невѣдомо почему» взявшаго монастырскаго неводчика на Переяславскомъ озерѣ; челобитчику послана была грамота «по государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи слову отъ боярина и дворецкаго Г. В. Годунова съ приказаніемъ «про неводчика, про Левку, сыскать всякими сыски»; «да будетъ въ обыску скажутъ, читаемъ мы далѣе въ той же грамотѣ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой, а Олексѣ будетъ Коробовъ взялъ его насильствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троицѣ»³⁾. Не менѣе характерно дѣло, возбужденное Троице-Сергіевымъ монастыремъ противъ боярина Б. М. Салтыкова, за котораго заложился старинный монастырскій крестьянинъ И. Лукояновъ, «покинувшій въ Троецкой вотчинѣ въ селѣ Олексинѣ свой отцовскій дворъ»: по указу святѣйшаго Филарета, патріарха Московскаго и всея Руси, онъ, И. Лукояновъ, по старинѣ былъ отданъ въ Троице-Сергіевъ монастырь въ 1623 году⁴⁾. Въ приведенныхъ примѣрахъ стороны ограничиваются ссылками на старину, а не на писцовыя книги, причемъ правительство признаетъ такія ссылки правильными. Бывали случаи, когда оно само высказывало

1) Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, М., 1899 г., стр. 40—41; ср. стр. 42; Акты, представл. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, стр. 45; А. Э., т. I, № 118; А. И., т. I, № 108.

2) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 65.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II., №№ 23 и 29.

4) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 4; ср. № 30 и в. II, № 55.

аналогичную точку зрѣнія; когда, напримѣръ, въ 1658 году возникло дѣло между Приказомъ Большого дворца и Троице-Сергіева монастыря изъ за владѣнія крестьянами, приказные люди дворцовыхъ сель въ силу царской грамоты должны были «допрашивать дворцовыхъ крестьянъ о томъ, почему они крестьянъ, на которыхъ монастырскіе старцы и слуги не положатъ выписей съ писцовыхъ книгъ, называютъ нашими: по старинѣ-ль или по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ, и будетъ по старинѣ — и по какой, а будетъ по книгамъ — и сами-ль тѣ крестьяне написаны, или отцы ихъ и въ коихъ селѣхъ и въ деревняхъ?»¹⁾ Впрочемъ, вѣроятно, чаще бывали случаи, когда предпочитали опираться не на бытовую, а такъ сказать, на писцовую старину, т. е. на старину, наличие которой можно было доказать при помощи писцовыхъ книгъ. Къ числу подобнаго рода дѣлъ, повидимому, относятся двѣ мировыя записи Троице-Сергіева монастыря съ П. Башмаковымъ и Б. Колтовскимъ. П. Башмаковъ уступилъ монастырю крестьянина О. Купреянова на томъ основаніи, что «тотъ крестьянинъ Окулко съ дѣтьми въ троецкой вотчинѣ застарѣлъ, изъ государевыхъ указныхъ лѣтъ вышелъ» (1620—1621 гг); Б. Колтовской разсуждалъ такимъ же образомъ: онъ отказался отъ иска по своимъ крестьянамъ, жившимъ въ одной изъ вотчинъ Троице-Сергіева монастыря на томъ основаніи, что они «изъ урочныхъ лѣтъ вышли и миѣ до нихъ дѣла нѣтъ, что они въ троецкой вотчинѣ давно»²⁾. Ссылки на урочныя лѣта, которыя можно было высчитать по писцовымъ книгамъ и на основаніи царскихъ указовъ, очевидно, признавались законными правительствомъ и во избѣжаніе ихъ владѣльцы — отвѣтчики готовы были удовлетворить истцовъ, не прибѣгая къ судебному рѣшенію. Указанное различіе между стариною и писцовыми книгами проглядываетъ и въ другихъ текстахъ, гдѣ рѣчь идетъ обыкновенно о крестьянахъ, крѣпкихъ своимъ владѣльцамъ «по старинѣ и по писцовымъ книгамъ» (а не въ силу старины по писцовымъ книгамъ и т. п.). Бывали даже случаи, когда «крѣпости на старину» противуполагали писцовымъ и переписнымъ книгамъ³⁾. Слѣдуетъ замѣтить также, что стороны ссылались на писцовыя книги въ видѣ доказательства крестьянской старины (стр. 37); между тѣмъ г. Дьяконовъ, кажется, иногда склоненъ признать въ такихъ ссылкахъ указаніе на то, что внесеніе въ писцовыя книги всегда считали признакомъ старины, а не только ея доказательствомъ.

Итакъ, если выше сдѣланныя поправки могутъ быть приняты, бытовыми признаками старины окажутся «давность поселенія или жительства»,

1) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 85; ср. еще ниже стб. 17.

2) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, №№ 44 и 45.

3) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 42; в. II, № 57 (стр. 69). М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 31, 37, 38, 39, 44, 47, 48, 57 и 105.

а также рожденіе за кѣмъ либо въ крестьянствѣ и переходъ во владѣніе отъ одного владѣльца къ другому на основаніи какой нибудь частной сдѣлки. Самъ г. Дьяконовъ, считая записку въ писцовыя книги главнымъ признакомъ старины, очевидно придаётъ второстепенное значеніе остальнымъ; и дѣйствительно, почти всѣ они имѣютъ производное значеніе, ибо «могли возникнуть только тогда, когда выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской». . . (стр. 45). Такимъ образомъ какого нибудь «главнаго признака» института старожильства, поскольку онъ былъ «обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей», г. Дьяконовымъ не указано: значеніе старшины въ процессѣ прикрѣпленія остается и послѣ изслѣдованія автора все еще довольно темнымъ.

Такой результатъ можетъ быть вызванъ тѣмъ, что г. Дьяконовъ, понимая терминъ «старшина» въ смыслѣ «давности поселенія или жителства» (причемъ эти выраженія также подлежало бы выяснитъ), не останавливается на изученіи весьма разнообразныхъ значеній, въ которыхъ означенный терминъ встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ XV—XVII вв. Укажемъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, на тѣ изъ нихъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при выясненіи понятія о крестьянской старшинѣ, какъ факторѣ въ процессѣ частнаго прикрѣпленія.

Въ древнѣйшее время благодаря малозначительности населенія и общинно-земельное право захвата ея, вѣроятно, дѣйствовало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на что указываетъ и выраженіе: «куда ходитъ топоръ, и коса и соха (или плугъ) по старинѣ», иногда встрѣчающееся въ грамотахъ, и прямые указанія на «займища» въ цѣломъ рядѣ актовъ и книгъ¹⁾; такъ же, какъ въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ, признаніе давности и въ старинномъ русскомъ правѣ, кажется, не пуждалось въ установленіи добросовѣстности владѣнія и его основанія (*bona fides* и *justa causa*). При такихъ условіяхъ давность должна была играть существенную роль въ числѣ способовъ пріобрѣтенія поземельнаго имущества, тѣмъ болѣе что въ лѣсной области многолѣтнее пользованіе становилось основнымъ условіемъ для самой расчистки пашни на занятомъ участкѣ²⁾. Какъ сравнительно краткій срокъ давности, вѣроятно, отчасти вызванный стремленіемъ правительства содѣйствовать оккупанціи и разработкѣ пустопорожныхъ земель,

1) Займища имѣло мѣсто, конечно, не только относительно земли, но и воды; «при мнѣ, говорить одинъ изъ свидѣтелей на судѣ, происходившемъ въ 1530 году, игумень Инокентій «посылалъ того истока займати, Волганскаго старца Васяна рыбу ловить» (Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 178).

2) Въ проектѣ Судебника 1589 г. есть между прочимъ новая статья, узаконяющая давность, какъ способъ пріобрѣтенія (Судебникъ царя Федора Иоанновича 1589 г., М., 1900 г., ст. 151).

такъ и преемственность давностнаго владѣнія оказывались, конечно, благопріятными условіями для развитія вышеуказаннаго способа пріобрѣтенія имущества: въ самомъ дѣлѣ, по трехлѣтнемъ обладаніи займой частному лицу уже можно было считать её своею собственностью¹⁾; что же касается преемственности давностнаго владѣнія, то на признаніе ея указываютъ довольно часто встрѣчающіяся въ актахъ выраженія въ родѣ «старое отца его село» или «старое отца его помѣстье»²⁾. Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на то, что существеннымъ элементомъ давности въ нашемъ старинномъ правѣ оказывалось не только непрерывное обладаніе вещью въ теченіе извѣстнаго срока, но и приложеніе труда къ обладаемому имуществу³⁾: возможно, что именно въ виду такого взгляда давность не имѣла примѣненія къ вещамъ движимымъ и дѣйствовала главнымъ образомъ примѣнительно къ землѣ, обнаружившей слѣды обработки; косвенное подтвержденіе подобнаго построенія можно видѣть и въ томъ значеніи, какое трудовое начало имѣетъ въ современномъ крестьянскомъ захватномъ землепользованіи, хотя бы трудъ и обнаруживался здѣсь въ минимальныхъ размѣрахъ⁴⁾. Съ аналогичной точки зрѣнія, можетъ быть, и правительство готово было признавать межи частно-владѣльческихъ имѣній законными: в. кн. Рязанскій Иванъ Ивановичъ писалъ, напримѣръ въ грамотѣ 1500—1520 гг. боярину своему Ѡ. Сунбулу, чтобы онъ при отдачѣ земли Ѡ. Ромоданову велѣлъ бы ему отвезти по старицѣ деревню Горяиновскую, какъ была за Горяиномъ»⁵⁾. Итакъ, выраженія «старинное село» или «старинная деревня» и т. п., часто встрѣчаемыя въ памятникахъ XV—XVII вѣковъ, вѣроятно, имѣли довольно опредѣленный, хотя и не всегда вполне тождественный смыслъ. Давностное владѣніе землею не требовало, конечно,

1) Судебникъ 1497 г., ст. 63; Судебникъ 1550 г., ст. 84 и 85; ср. И. Энгельманъ, *Op. cit.*, стр. 30—35. Составители Судебниковъ, вѣроятно имѣли въ виду не только срокъ обладанія, но и его непрерывность. Намъ извѣстны акты XVII ст., свидѣтельствующіе о томъ, что само населеніе признавало такую непрерывность условіемъ давности. При обыскѣ о владѣльческихъ правахъ Угличскаго Воскресенскаго монастыря на нѣсколько пустошей въ Городскомъ стану, крестьяне сказали, что монастырь изстари тѣми пустошами владѣть, а «опрочь него тѣмъ пустошми никто не влаживалъ...» (Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 22). Замѣчательно, что на сѣверѣ крестьяне еще въ XVII в. не признавали въ нѣкоторыхъ случаяхъ исковой давности на землю (П. Ивановъ, *Op. cit.*, стр. 414 и 428).

2) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ. №№ 52 (1501 г.), 68 (1506 г.), 91 (1514 г.), 115 (1522 г.). Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, №№ 5, 30, 59.

3) Въ только что издаваномъ проектѣ Судебника 1589 г. есть между прочимъ статья, наглядно выражающая значеніе труда для образованія давности: «А въ земляхъ, читаемъ мы въ ст. 151-й, судити старожилцы, хто знаетъ межу или прежь сего пахивалъ и живалъ... (Судебникъ царя Ѡедора Иоанновича, ст. 151, М. 1900 г.)»

4) А. Кауфманъ, *Op. cit.*, стр. 55—58.

5) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ, №№ 47 и 52; ср. А. Ю., № 421.

немедленнаго укрѣпленія правъ владѣльцевъ: дѣйствительно, бывали случаи, когда вотчина принадлежала имъ «по старинѣ», но безъ грамотъ¹⁾. Возможно, что давность, въ качествѣ основанія поземельнаго владѣнія, могла повліять на развитіе крестьянской старины, какъ фактора частнаго прикрѣпленія: привыкши пользоваться давностью въ первомъ смыслѣ, землевладѣльцы естественно обнаружили склонность примѣнить её и во второмъ къ населенію собственныхъ своихъ имѣній, которыми они не рѣдко владѣли по старинѣ. Къ сожалѣнію, разыскать прямыя указанія, подтверждающія подобнаго рода предположеніе, въ актахъ намъ пока еще не удалось. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе поземельной давности съ крестьянской стариной наводитъ насъ на болѣе широкое пониманіе ея, чѣмъ то, какое предлагаетъ г. Дьяконовъ; онъ толкуетъ её въ очень узкомъ смыслѣ, такъ какъ подъ старинною въ сущности разумѣтъ «давность поселенія или жительства» или давностный срокъ (стр. 19—21), который оказывается въ его построеніи единственнымъ первоначальнымъ и бытовымъ признакомъ крестьянской старины²⁾. Едва ли, однако, давности поселенія или жительства было достаточно для образованія старины: однимъ изъ элементовъ ея, повидимому, оказывается и давность пользованія; по крайней мѣрѣ въ большинствѣ извѣстныхъ намъ грамотъ рѣчь идетъ о возвращеніи крестьянина на «старое ево нечище», «въ старую ево деревню», на «старый ево жеребей» и т. п.³⁾; такія выраженія какъ бы указываютъ на то, что при возвращеніи крестьянина на прежнее мѣстожительство ссылались не только на давность его поселенія, но и на обработку имъ покинутаго участка: старою землею называлась та, которою пользовались издавно въ противоположность новинѣ, или новой рощистн. «А въ старой бы землѣ, читаемъ мы въ одномъ актѣ 1639 г., тѣхъ крестьянъ поверстати по книгамъ; а только у крестьянъ старые земли будетъ противъ вытей снолна и тое бы рощистную землю смѣстити и положити на нее оброкъ» . . .⁴⁾. И теперь еще, въ противоположность новинѣ старинною называютъ «запущенную пашню». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ памятники содержатъ довольно ясныя намеки на вышеуказанное пониманіе старины; крестьянамъ одного изъ дворцовыхъ сель Суздальскаго уѣзда напримѣръ, велѣно было перевести крестьянина Аикундина «со всѣмъ назадъ за государя на старинну въ другое село, на старой ево жеребей на тягло и на пашню по

1) Влад. губ. вѣд. за 1858 г., № 10: царская жалованная грамота дворянину Корякину на село Михайловское близъ Владиміра (1624 г.).

2) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 7 и 12.

3) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 18, 30 и 40; в. II, № 49; М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 34, 40, 42, 59, 60, 68, 90 и 91.

4) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 66.

прежнему»¹⁾. Такимъ образомъ при опредѣленіи крестьянской старины г. Дьяконову можетъ быть и не мѣшало бы остановиться на изученіи давности пользованія; правда, что на основаніи извѣстныхъ намъ крайне скудныхъ данныхъ мы не можемъ рѣшить вопроса о томъ, имѣлъ ли подобнаго рода признакъ первостепенное и постоянное значеніе; но во всякомъ случаѣ автору очерковъ слѣдовало обратить вниманіе на него и попытаться выяснитъ его роль въ образованіи старины.

Производнымъ признакомъ старины можно считать ея наслѣдственность. Г. Дьяконовъ не разъясняетъ ни того соотношенія, какое существовало между давностью, какъ первоначальнымъ признакомъ старины и наслѣдственностью, какъ производнымъ, ни тѣхъ существенныхъ разновидностей, которыя представляла старина наслѣдственная. Выше уже было указано на значеніе наслѣдованія для преемственности давностнаго владѣнія. Съ такой именно точки зрѣнія, часто примѣняемой и къ обладанію землей, владѣльцы ея, вѣроятно, называли старинными крестьянами тѣхъ людей, которыхъ они получили по наслѣдству вмѣстѣ съ унаслѣдованными ими имѣніями, причемъ противопоставляли населеніе ихъ вновь призваннымъ ими самими «на то мѣсто новымъ людямъ съ иныхъ сторонъ». Духовныя, данныя (замѣнявшія иногда духовныя), рядныя и т. п. акты укрѣпляли такія сдѣлки и могли поэтому служить основаніемъ для владѣнія старинными крестьянами; хотя г. Дьяконовъ знаетъ, конечно, о существованіи подобнаго рода крѣпостей, но, не указываетъ на юридическое значеніе ихъ и смѣшиваетъ ихъ съ нѣсколькими иными видами, какъ то поступными, мѣновными, купчими и т. п. Во всякомъ случаѣ не только наслѣдникъ давностнаго владѣльца, но и лицо, пріобрѣтшее по отчужденіи вещь, которая подлежала давностному владѣнію, конечно, продолжало владѣніе своего предшественника. Отъ наслѣдственности владѣльческой старины необходимо различать потомственность старины крестьянской въ узкомъ смыслѣ слова; г. Дьяконовъ выдѣлилъ её въ видѣ особаго признака, но не выяснилъ отношенія ея къ остальнымъ, хотя извѣстія о ней въ грамотахъ едва ли всегда однородны (стр. 39—45). Въ извѣстныхъ намъ актахъ рожденіе даннаго лица отъ старожильца обыкновенно считается признакомъ старины; съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконовъ и рассматриваетъ множество извѣстій о потомственности крестьянской старины, сохранившихся въ памятникахъ XVII вѣка²⁾. На ряду съ происхожденіемъ, однако, въ нихъ можно встрѣтитъ ссылки и на мѣсто рожденія, которому придается аналогичное значеніе. Весьма любопытенъ, напримѣръ, одинъ царскій

1) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 59.

2) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 4, 5, 27. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 38, 39, 41, 90.

указъ 1620 г. Костромскому воеводѣ объ исключеніи изъ посадскаго тягла крестьянъ Новинскаго монастыря; «въ нынѣшнемъ де во 128 году, читаемъ мы здѣсь, ималъ де нашу грамоту старой ихъ игумень Іосифъ по своихъ вотчинныхъ бѣглыхъ крестьянъ... а тѣ де ихъ крестьяне породились въ ихъ вотчинѣ (т. е. монастырской), а вышли де изъ ихъ вотчины съ литовскаго разоренья... и по нашей де грамотѣ тѣхъ крестьянъ отдали имъ по прежнему»¹⁾. Въ данпомъ случаѣ самый фактъ рожденія крестьянъ въ вотчинѣ оказывается признакомъ ихъ потомственной старины, на что авторъ «очерковъ», кажется, не обратилъ достаточнаго вниманія.

Въ виду всего выше сказаннаго мы не можемъ вполнѣ согласиться съ тою группировкою производныхъ признаковъ старины, которую предлагаетъ г. Дьяконовъ. «Кромѣ записки въ писцовыя книги, пишетъ авторъ, въ группу старинныхъ крестьянъ включаются: во 1-хъ, дѣти крестьянъ, которыя родились въ предѣлахъ даннаго имѣнія или волости и живутъ на отцовскихъ жеребьяхъ и по отцовскимъ печищамъ или же поселены въ отдѣлѣ отъ своихъ отцовъ», почему основнымъ признакомъ старины этого рода является рожденіе за кѣмъ либо въ крестьянствѣ»; во 2-хъ, — крестьяне и бобыли, перешедшіе во владѣніе отъ прежнихъ владѣльцевъ къ новымъ на основаніи самыхъ разнообразныхъ сдѣлокъ: данныхъ, поступныхъ, купчихъ, мѣповныхъ, рядныхъ и т. д., причемъ такія сдѣлки могли возникнуть только послѣ того, какъ выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской или, говоря иначе, право распоряженія личностью крестьянина могло возникнуть лишь при сознаніи о наследственной принадлежности владѣльцу крестьянской семьи» (стр. 45). Хотя «группы» г. Дьяконова въ общихъ чертахъ и соотвѣтствуютъ тѣмъ изъ нихъ, которыя мы намѣтили выше, по соотношенію ихъ едва ли выяснено, да и отбѣлки ихъ въ изложеніи автора не опредѣлены.

Кромѣ указанныхъ разновидностей старины существовала еще такъ сказать старина тягла, которая вовсе не вошла въ перечисленіе г. Дьяконова; правда, она большею частью сливалась съ однимъ изъ остальныхъ видовъ, но, по всей вѣроятности, имѣла и самостоятельное значеніе въ процессѣ государственнаго прикрѣпленія, въ связи съ которымъ мы и рассмотримъ ея дѣйствіе нѣсколько ниже.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мы приходимъ къ заключенію, что крестьянская старина, имѣла довольно много разнообразныхъ значеній, представляющихъ обыкновенно разнородныя комбинаціи признаковъ, детальный анализъ которыхъ не сдѣланъ г. Дьяконовымъ, что

1) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 43; ср. *ibid.*, № 80.

врочемъ объясняется большими затрудненіями, сопряженными съ подобнаго рода изслѣдованіемъ.

Какъ бы ни возникла крестьянская старина и каковы бы ни были ея разновидности, но возникновеніи своемъ она вопреки мнѣнію г. Дьяконова (стр. 22), кажется, становилась однимъ изъ основаній частнаго прикрѣпленія, пріобрѣвшаго подъ ея вліяніемъ довольно своеобразный характеръ.

Старина, какъ явленіе бытовое, отливавшееся въ формы обычнаго права, по существу своему не требовала укрѣпленія въ письменныхъ актахъ. И дѣйствительно, наряду съ свѣдѣніями о давностномъ владѣніи поземельными имѣніями встрѣчаются извѣстія и о томъ, что лица, заключающія порядную запись, уже жили «до записки по старицѣ» въ имѣніи землевладѣльца¹⁾. Г. Дьяконовъ приводитъ, однако, весьма любопытныя указанія источниковъ и на иного рода явленіе: многія лица «жили во крестьянехъ безъ порядной записи»; сроки «добровольнаго житья» бывали конечно весьма разнообразны; встрѣчаются указанія, напримѣръ, на шестилѣтнее и даже семнадцатилѣтнее пребываніе крестьянина у землевладѣльца «безъ записи» (стр. 105). Такіе жильцы пользовались обыкновенно правомъ свободнаго выхода (стр. 107), даже во второй половинѣ XVII вѣка, что какъ будто противорѣчитъ самому понятію о старицѣ, возникшей при сравнительно небольшомъ давностномъ срокѣ (стр. 18, 30). Если можно было иногда «служить» добровольно у господина подобно холоду²⁾, то конечно и добровольное «житье» въ крестьянахъ естественно могло существовать рядомъ съ старожилствомъ. Остается предполагать, что при заключеніи словеснаго условія на поступленіе въ «добровольные жильцы» крестьяне просто выговаривали себѣ свободу выхода, чѣмъ и парализировали дѣйствіе старины. Понятно, что договоры подобнаго рода не могли быть пріятны землевладѣльцамъ. Г. Дьяконовъ приводитъ примѣры того, какъ частные владѣльцы старались принудить добровольныхъ жильцовъ выдать на себя крѣпости (стр. 107—108), которыя уничтожили бы предшествующія ей условія господъ съ крестьянами о добровольномъ ихъ житіи въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ.

Попытки землевладѣльцевъ замѣнить словесное условіе о добровольномъ житіи какой либо записью, вѣроятно, отчасти объясняются, стремленіемъ ихъ заручиться доказательствами старины. Въ числѣ ихъ, конечно, существовалъ «обыскъ», но его нельзя было признать всегда вѣрнымъ средствомъ для установленія давности жительства крестьянина въ частно-

1) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, № 34.

2) Записная книга Д. Алябева въ Рус. Ист. Библ., т. XVII, №№ 421 и 502.

владѣльческомъ имѣніи и т. п. Вотъ почему «старина по крѣностямъ» довольно часто упоминается въ памятникахъ. Третьимъ родомъ доказательства служили ссылки на записи въ писцовыя книги, чего не отрицаетъ и г. Дьяконовъ (стр. 37). Жаль только, что авторъ «очерковъ» не счелъ нужнымъ остановиться на развитіи своего положенія.

Подробное разсмотрѣніе основныхъ выводовъ г. Дьяконова о крестьянской старинѣ приводитъ насъ къ заключенію, что, хотя авторъ и не изучилъ причинъ возникновенія старины, однако онъ много сдѣлалъ для того, чтобы выяснитъ дѣйствіе столь мало извѣстнаго до сихъ поръ фактора въ процессѣ прикрѣпленія; взаимнъ генетическаго опредѣленія старины мы находимъ въ «очеркахъ» г. Дьяконова лишь простое описаніе ея; группировка основныхъ разновидностей «института старожильства» и анализъ его отбѣнковъ, можетъ быть, также не отличаются опредѣленностью. За то въ «очеркахъ» много весьма существенныхъ разысканій о степени примѣненія принципа старины къ регулированію отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ въ процессѣ государственнаго прикрѣпленія; страницы книги г. Дьяконова, посвященныя изученію этого явленія по полнотѣ свѣдѣній и разработкѣ частныхъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что г. Дьяконовъ, не довольствуясь изученіемъ старины крестьянской, обратилъ вниманіе и на распространеніе ея на отношенія другихъ классовъ сельскаго населенія къ землевладѣльцамъ. Весьма поучительны, напримѣръ, наблюденія г. Дьяконова, приведшія его къ заключенію, что возрастающая зависимость половниковъ отъ землевладѣльцевъ создавала благопріятныя условія для перенесенія на половниковъ понятія о старожильствѣ, съ которымъ связано было и самое прикрѣпленіе ихъ (очеркъ IV). Выяснивъ, какимъ образомъ отсрочка и переводъ долга въ новую порядную лишь временно облегчали затруднительное положеніе несостоятельнаго норядчика, авторъ приходитъ къ заключенію, что отношенія подобнаго рода еще болѣе связывали его съ хозяиномъ. Фактически выходъ для норядчика становился все болѣе и болѣе труднымъ. «При такихъ условіяхъ была готова почва для примѣненія къ половникамъ понятій о старожильцахъ, которые правомъ перехода не пользовались. Повидямому, и эта идея успѣла уже пустить корни въ понятіяхъ современниковъ. Монастырскія власти въ послѣдней четверти XVII вѣка настояли на различеніи «старинныхъ и половничьихъ дворовъ», которые «сучинились за ними изстари во владѣнны», отъ «половичьихъ новоприбылыхъ дворовъ». Съ различіемъ ихъ былъ пока связанъ только различный порядокъ отбыванія государственнаго тягла; но на этомъ процессъ не могъ остановиться въ своемъ естественномъ ростѣ и долженъ былъ бы дойти до тѣхъ же или весьма сходныхъ съ ними явленій, какими характе-

ризуется крѣпостное право на владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ Московскаго государства (стр. 198—204). Г. Дьяконову слѣдовало бы отмѣтить, что землевладѣльцы примѣняли принципъ старины и къ бобылямъ, постепенно смѣшиваемымъ съ крестьянами¹⁾; «старинные бобыли» довольно часто упоминаются по крайней мѣрѣ въ актахъ XVII в.²⁾; и на нихъ, какъ видно, распространялся тотъ порядокъ отношеній, существенныя черты котораго отмѣчены были въ предшествующемъ изложеніи.

Съ теченіемъ времени свобода сельскаго населенія Московскаго государства XVI—XVII вв., кажется, подверглась новымъ стѣсненіямъ подъ вліяніемъ особаго рода фикціи, значеніе которой еще очень мало выяснено въ нашей литературѣ.

При обиліи пустопорожней земли поземельное имѣніе пріобрѣтало цѣну и смыслъ главнымъ образомъ лишь тогда, когда оно было снабжено рабочими, чему на первыхъ порахъ, вѣроятно, въ особенности способствовало развитіе холопства: села съ челядью упоминаются уже въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ духовныхъ завѣщаній и другихъ актахъ; владѣльцы завѣщаемаго или отчуждаемаго имущества иногда распоряжались своими имѣніями вмѣстѣ съ «людьми», въ нихъ поселенными³⁾. Не безъ вліянія такой идеи относительно сельской челяди, землевладѣльцы, можетъ быть, стали смотрѣть и на крестьянъ съ той же точки зрѣнія; надо замѣтить, однако, что холопы уже съ X вѣка служили предметами гражданскаго оборота независимо отъ земли и, значитъ, не могли получить значеніе принадлежностей того или другого имѣнія. Тѣмъ не менѣе со времени появленія холоповъ-страдниковъ, «какъ бы прикрѣпленныхъ къ владѣльческимъ селеніямъ, въ которыхъ они жили», то же понятіе могло получить дальнѣйшее развитіе: намъ извѣстны случаи, когда при переходѣ имѣнія отъ стараго владѣльца къ новымъ и при дѣлѣжѣ его, страдники составляли постоянную хозяйственную принадлежность ихъ хозяйства и не отрывались отъ него, какъ отрывались дворовые люди⁴⁾. Фикція подобнаго рода, впрочемъ, могла въ извѣстной мѣрѣ примѣняться къ крестьянамъ и самостоятельно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они сидѣли въ дворахъ,

1) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 12, 34 и 51.

2) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 7, 12, 13 и 33; в. II, № 68.

3) Лѣт. по Ипат. сп., 1158 г.: рѣчь идетъ о княгинѣ, вдовѣ Глѣба Всеславича, которая «по своему животѣ вда (въ Печерскій монастырь) пять сельъ и съ челядью». Такіе же примѣры см. въ вкладной грамотѣ Варлаама Хутынского монастырю (1192 г.) и въ Уставной грамотѣ Смоленскаго кн. Ростислава и епископа Мануила (1150 г.) въ Доп. къ А. И., т. I, №№ 4 и 5. А. Ю., № 409, 1, а также въ данной князя Володимира Васильковича женѣ въ 1287 г.; см. Ипат. сп., 6795 г. Въ 1513—1514 гг. Е. Крескій завѣщалъ свою бѣжецкую вотчину жевѣ «и с людьми своими со всеми и полными и докладными (Румянцев. и Публ. Муз., Собраніе И. Бѣляева, № 133).

4) В. Ключевскій, *Op. cit.* въ Рус. Мысли за 1886 г., кв. IX, стр. 81.

принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, и состояли должниками лицъ, владѣвшихъ такими постройками на правахъ собственности. Какъ бы то ни было, мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на выясненіи указаннаго явленія, такъ какъ до сихъ поръ оно обращало на себя очень мало вниманія въ нашей исторической литературѣ, чѣмъ можетъ быть и объясняется то, что г. Дьяконовъ вовсе упустилъ его изъ виду.

Замѣтимъ прежде всего, что въ старинныхъ завѣщаніяхъ и другихъ актахъ собственникъ довольно часто распоряжается «селами и деревнями», а не только землями и пустошами¹⁾. Въ одномъ дѣлѣ конца XV вѣка, напримѣръ, упоминается о томъ, какъ А. и И. Корякины, «поставивши» деревню Михайловскую на пустоши, полученной ими отъ отца, продали по видимому часть своего имѣнія Ѳ. Глотову, въ свою очередь устроившаго въ ней деревню Близицу; въ 1495 году прежніе владѣльцы земли снова купили у Ѳ. Глотова «деревню Близицу... со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло изъ старины»²⁾. Нельзя утверждать, чтобы терминами подобнаго рода всегда означали населенныя имѣнія; бывали однако случаи, когда подъ такими наименованіями, можетъ быть, разумѣли не одно только имущество, но и крестьянъ. Вотчинники вкладывали иногда свои деревни «съ серебромъ» въ монастыри. Однимъ изъ древнѣйшихъ случаевъ подобнаго рода можно считать вкладъ, сдѣланный нѣкоей черницей Мариной въ Васильевскій монастырь въ Суздаль; въ 1253 году она «дала ему свое село Мининское со всѣмъ, что къ нему потягло, съ серебромъ и съ животомъ»³⁾. Характерны также распоряженія князя Юрія Васильевича: онъ въ 1472 г. роздалъ тринадцати монастырямъ значительное количество деревень между прочимъ на томъ условіи, что половина числившагося на нихъ серебра становилась собственностью монастыря, «а другая половина — тѣмъ христіаномъ, на конхъ то серебро»⁴⁾. Такія же свѣдѣнія можно встрѣтить и въ духовныхъ «памятяхъ» не титулованныхъ лицъ. Въ одной данной XV вѣка, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «Се язъ Окснѣя Иванова жена Андрѣевича... дала есьми монастырю Святѣи Троици по души мужа своего и по своей село Прилучское съ деревнями и съ серебромъ, а серебра въ немъ 7 рублей»⁵⁾. «А что въ моемъ селѣ серебро, на Водозѣ въ спаскомъ, да и въ деревняхъ, писалъ И. Салтыковъ въ 1483 г., и то серебро при-

1) А. Ю., №№ 411 (1473 г.), 414 и 418; А. о. до Ю. Б., т. I, № 63 и т. II, № 156; А. Э., т. I, №№ 160, 162 и 165 (1515—1518 гг.); Доп. къ А. И., т. I, № 18 (1481 г.); Р. И. Б., т. III, № 35 (1530 г.) и т. д. Множество такихъ примѣровъ можно подыскать и въ актахъ позднѣйшаго времени.

2) Акты, представленные въ Разрядъ и изд. А. Юшковымъ, № 43.

3) А. о. до Ю. Б., т. I, стб. 439.

4) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 96.

5) Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 71; ср. А. Э., т. I, № 74; А. И., т. I, № 163 (стр. 300); А. о. до Ю. Б., т. I, стб. 441.

кащики сберуть да дадутъ женѣ моей; а село Спасское и съ деревнями къ Троицѣ, а прикащики мои возьмутъ съ того села да и съ деревень у Троецкихъ старцовъ у Сергіевскихъ шестьдесятъ рублей, какъ писано въ духовной отца моего, да то серебро дадутъ женѣ моей»¹⁾. Во всѣхъ выше приведенныхъ случаяхъ права на имѣнія передаются однимъ лицомъ другому вмѣстѣ съ правами его, какъ кредитора, на долги сельскихъ жителей отчуждаемаго имѣнія. Сдѣлки подобнаго рода, кажется, должны были благопріятствовать, но крайней мѣрѣ, возникновенію взгляда землевладѣльцевъ на крестьянъ — серебряниковъ, какъ на принадлежность имѣній, въ которыхъ они задолжали. Иногда въ качествѣ такой же принадлежности упоминаются, повидимому, пашенные люди, безъ указаній на ихъ задолженность, но съ ссылками на отправляемые ими обязанности въ пользу землевладѣльца. Кн. И. О. Судцкій передъ смертью завѣщалъ «женѣ своей Ограоенѣ сельцо Романовское з деревнями с Высотцкими да сельцо Чистая Дуброва съ тѣми деревнями, которые въ томъ селце пашню на него пахали»²⁾. Уже отъ XV-го вѣка сохранились извѣстія о томъ, что деревни съ ихъ населеніемъ служили объектами и другихъ сдѣлокъ: «а что мое село на Москвѣ, писалъ И. Салтыкъ въ своей духовной, и то село прикащики мои чѣмъ обложатъ, и братъ мой Михайло Шарапъ серебро дастъ, а прикащики мои тѣмъ серебромъ долгъ мой оплатятъ, а село Шерепово Михайлу и съ деревнями». Облагать село можно было, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если оно было населено, а указанная операція по смыслу духовной должна была предшествовать сдѣлкѣ между «братьями» Иваномъ Салтыкомъ и Михайломъ Шараномъ, равносильной куплѣ продажѣ³⁾.

Итакъ въ понятіе «села» или «деревни» при заключеніи разнаго рода сдѣлокъ надъ ними контрагенты чуть ли не включали (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и понятіе о крестьянскомъ ихъ населеніи. Такая связь, должно быть, окрѣпла подъ влияніемъ крестьянской старины въ широкомъ смыслѣ слова (т. е. старины не только бытовой, но и писцовой съ тяглою); сама по себѣ взятая, она едва ли имѣла большое юридическое значеніе въ интенсивномъ развитіи личной зависимости крестьянина отъ даннаго землевладѣльца, но, помимо явленій указанныхъ въ предшествующей главѣ, могла оказаться однимъ изъ существенныхъ основаній новой фикціи о крестьянахъ, какъ о своего рода живомъ инвентарѣ частновладѣльческихъ имѣній, который можетъ быть пріобрѣтатъ отдѣльно принадлеж-

1) А. Ю., № 413.

2) Сборникъ актовъ, изд. П. Лихачевымъ, № 5 (1545—1546 гг.). А. Ю., № 425 (1626 г.); ср. Акты, представленные въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, № 12; ср. № 130.

3) А. Ю., № 413; ср. Акты, представленные въ Разрядъ, изд. А. Юшковымъ, № 43.

ности ихъ. Последнее предположеніе естественно возникаетъ у насъ при мысли, что крестьяне не будучи еще вещами своихъ господъ, тѣмъ не менѣе служили предметами гражданскаго оборота главнымъ образомъ постольку, поскольку ему были подвергнуты заселенныя ими имѣнія; въ позднѣйшее время указанная нами фикція могла играть своеобразную роль въ дѣлѣ прикрѣпленія.

Возможно, что дальнѣйшему развитію зародышей такого порядка отношеній способствовали и нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ правительственной политикой. Однимъ изъ нихъ должно признать раздачу правительствомъ населенныхъ имѣній. Въ 1434 г. «князь великій Василій Васильевичъ пожаловалъ Гридку Свиныина въ Переяславль (Залѣсскомъ) своимъ сельцомъ Романовскимъ и з деревнями... и съ хлѣбомъ и з серебромъ и з животиною — со всѣмъ съ тѣмъ, что въ немъ есть и что къ нему по тяглу [потягло?] изстарини и судомъ»; въ данномъ случаѣ князь, повидимому, подарилъ имѣніе одному изъ своихъ слугъ вмѣстѣ съ правами кредитора на бывшихъ княжескихъ «серебренниковъ»¹⁾. Отъ времени не позднѣе XV вѣка сохранились также прямыя указанія на раздачу великими князьями сель и деревень «со крестьяны и съ земомъ и съ угодыи» не только служилымъ людямъ, но и монастырямъ. Примѣромъ перваго рода можетъ служить фактъ сообщаемый въ «родовомъ письмѣ» XV-го вѣка фамиліи рязанскихъ помѣщиковъ Шоловскихъ, если только признавать его достовѣрность²⁾; образчики втораго рода операціи также извѣстны не позднѣе какъ съ XV-го вѣка: въ 1441 году, напримѣръ, Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ «отдалъ господину отцу своему Сидору митрополиту кіевскому и всеа руси села церковная и земли и съ всѣми доходы и съ людми...; или въ 1499 году Феодоръ Борисовичъ, князь Волоцкій пожаловалъ Симоновъ монастырь селищомъ Онкуциновымъ въ Ржевской своей отчинѣ и лѣсомъ; «да и тѣ есмь люди, прибавляетъ князь, далъ имъ старожильцовъ, которые живутъ на той землѣ...»³⁾. Къ раздачѣ вотчинъ въ XVI вѣкѣ присоединилась раздача помѣстій, также иногда населенныхъ, о чемъ свидѣлствуютъ многія послужныя, ввозныя и отказныя грамоты того времени, а также отдѣльныя распоряженія правительства. Раздача имъ имѣній «со крестьяны» должна была способствовать укрѣпленію взгляда среди землевладѣльцевъ на тѣсную связь крестьянъ съ земельными имуществами, полученными ими изъ казны.

1) Акты, представленные въ Разрядъ и изд. А. Юшковымъ, № 9; А. И., т. I, №№ 38 и 54.

2) Акты, представл. въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, № 12.

3) А. И., т. I, №№ 108 и 259. Въ грамотѣ в. кн. рязанскаго Олега Ивановича (1356—1387) написано, что онъ далъ Ольгову монастырю столько-то погостовъ, «а въ нихъ» столько-то семей, но нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, какъ понимать такое словоупотребленіе (А. И., т. I, № 2).

Далѣ развитію того же процесса способствовали переписи населенія, служившія доказательствомъ крестьянской старшны и составленныя правительствомъ главнымъ образомъ въ виду тяглыхъ цѣлей, которыя также легче было достигнуть опираясь на ту же фикцію. Наконецъ, возможно, что и мобилизація поземельной собственности, которую во второй половинѣ XVI вѣка отчасти вызвало само правительство, а также помѣстная система имѣли положительное вліяніе на указанное нами явленіе: часть населенія въ имѣніяхъ при быстрой смѣнѣ ихъ владѣльцевъ, вѣроятно, оставшаяся на мѣстѣ, въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде могло быть сочтено ими своего рода принадлежностью землевладѣльческихъ хозяйствъ въ особенности помѣстій, не принадлежавшихъ ихъ владѣльцамъ на полномъ правѣ собственности¹⁾. И дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ актовъ второй половины XVI-го вѣка мы встрѣчаемъ указанія на сдѣлки, совершаемыя надъ имѣніями «со крестьяны». Такъ напримѣръ, въ 1566 г. Д. Нелединскій пишетъ закладную М. Годунову на свое бѣжецкое сельцо Башарово съ деревнями; подъ условіемъ «владѣть ему, М. Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны». Далѣ, въ 1585 г. Л. Рыкуновъ заложилъ прикащику князя П. И. Хворостипина «поль-деревни своей вотчинной: крестьянскихъ два двора, а въ нихъ двѣ избы и прочее строенье»²⁾. Въ 1580-хъ годахъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ между Спасскимъ монастыремъ и прикащикомъ одного изъ дворцовыхъ сель, собиравшимся вывозить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину. Архимандритъ съ братьею билъ челомъ по этому поводу государю, ссылаясь на то, что «крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ — старожилцы и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами». Грамота, къ сожалѣнію, не содержитъ указаній на то, какимъ образомъ рѣшено было дѣло; по судя по тону ея, правительство готово было признать справедливость монастырскихъ притязаній, если ссылка ихъ будетъ подтверждена обыскомъ, который оно и поручило сдѣлать дворцовому прикащику³⁾. Указаній на разнаго рода сдѣлки надъ имѣніями съ крестьянами сохранилось также не мало въ актахъ конца XVI и начала XVII вѣка; переписи 1592—1593 гг., и слѣдующихъ годовъ, а также извѣстные указы, опредѣлявшіе сроки давности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ облегчили совершеніе ихъ. Въ одной духовной, напримѣръ, 1630 года завѣщатель, оставляя свои

1) Усиленіе процесса мобилизаціи земельныхъ имуществъ во второй половинѣ XVI вѣка уже обратило на себя вниманіе въ нашей литературѣ; см. главнымъ образомъ соч. С. Рождественскаго: Служилое землевладѣніе и проч., стр. 147, 189, 211 и 346; соч. Н. Рожкова, стр. 447—451.

2) С. Шумаковъ, Обзоръ бѣжецкихъ грамотъ коллегіи экономіи, М., 1900 г., стр. 32 и 34.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, № 27; ср. № 61.

вотчины женѣ, пишеть: «я тѣ мои вотчины послѣ живота моего женѣ моей Ограоенѣ съ людьми съ мойми съ полными и съ докладными и со крестьяны и съ лошадьми и со всякою мелкою животиною...»; однородныя формулы встрѣчаются и во многихъ другихъ духовныхъ завѣщаніяхъ того времени¹⁾. Сонаслѣдники-родственники иногда дѣлили между собою имѣніе по земельнымъ участкамъ съ жившими на нихъ крестьянами; землевладѣльцы предоставляли свои земельные участки во временное владѣніе постороннимъ лицамъ, которыя были обязаны «въ той деревнѣ крестьянъ не разогнати»; часто вкладывали въ монастырь свои имѣнія «со крестьяны и со всѣми угодыя» и «отдавали другъ другу» деревни, причемъ добавляли иногда условіе, состоявшее въ томъ, чтобы «въ нихъ крестьянъ отдати такихъ-то (слѣдуютъ имена) и со всѣми ихъ животы и съ ихъ крестьянскимъ хлѣбомъ съ пашнею и съ лѣсы и съ луги и со всякимъ угодемъ»²⁾. Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе и на сдѣлки надъ имѣніями, въ силу которыхъ поземельная собственность переходила отъ одного владѣльца къ другому съ любопытными для насъ оговорками. Такъ напр. И. Провоселковъ продалъ Л. Зубареву свою вотчину въ Саранскомъ уѣздѣ «безъ крестьянъ»³⁾; надо полагать, что въ данномъ случаѣ И. Провоселковъ хотѣлъ заявить Л. Зубареву, что въ сдѣлку онъ не включаетъ крестьянъ; самая оговорка показываетъ, однако, что продавецъ, повидимому, опасался въ случаѣ ея отсутствія претензій со стороны покупателя, и что сдѣлки обратнаго свойства были явленіями обыкновенными. Такіе же взгляды иногда встрѣчаются и въ позднѣйшихъ документахъ⁴⁾, не смотря на то, что при постепенномъ усиленіи личной зависимости крестьянъ отъ своихъ господъ, послѣдніе легко пріучались смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность, не зависимо отъ принадлежности ихъ тому или другому имѣнію: поступившія записи на крестьянъ безъ земли уже извѣстны отъ 1598 г., не говоря о позднѣйшихъ⁵⁾.

На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ все еще довольно малочисленныхъ и едва ли достаточно опредѣленныхъ мы тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ прійти къ заключенію, что крестьяне «въ официальныхъ актахъ

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. экон.; Арх. 402, Хрон. 9126.

2) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, №№ 31, 32, 35 и 72; Акты соб. А. Федотовымъ-Чеховскимъ, т. II, № 122 (стр. 217). Вкладная и Кормовая книга Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря въ XV—XVIII ст., изд. А. Титова, стр. 52—53 (1635 г.) А. Ю., № 425. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 45—46. А. И., т. II, № 87; Доп. къ А. И., т. II, № 56; С. Шумаковъ, *Op. cit.*, стр. 18, 26, 77, 79, 80 и 94.

3) А. о. до Ю. Б., т. II, стб. 435.

4) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, № 29. Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 87, 163 и 174; Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 55, 82 и 182.

5) Акты, и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 33.

послѣдней четверти XVI в. начинаютъ упоминаться, какъ *составная часть имѣній* 1); мы не рѣшаемся даже утверждать безъ ограниченій, что въ то время на крестьянъ смотрѣли, какъ на принадлежность ихъ, хотя нѣчто близкое къ ней, кажется, складывалось въ XVI—XVII вв. Во всякомъ случаѣ и въ такомъ условномъ значеніи фикція принадлежности повліяла на изучаемый нами процессъ прикрѣпленія: она, можетъ быть, нѣсколько задержала развитіе личной крѣпости, такъ какъ, очевидно, не была вполнѣ согласована съ нею впрочемъ, сама она едва ли успѣла пріобрѣсти большую силу.

Въ началѣ старины и въ фикціи принадлежности крестьянъ къ частновладѣльческимъ имѣніямъ нельзя не усмотрѣть переходнаго момента въ развитіи крѣпостного состоянія: и въ той и въ другой были уже черты сближавшія крестьянина съ холопомъ, но еще рѣзко не обозначившіяся; производные виды старины (см. выше стр. 116), имѣли примѣненіе къ холопамъ, а не только къ крестьянамъ и едва ли въ первомъ случаѣ не были болѣе древняго происхожденія, чѣмъ во второмъ; тоже самое можно сказать и относительно фикціи принадлежности. Перемѣны происшедшія въ положеніи холоповъ главнымъ образомъ съ конца XVI вѣка и дальнѣйшее паденіе крестьянской свободы ускорили развитіе частнаго прикрѣпленія и вызвали усиленную реакцію со стороны московскаго правительства.

V.

Дальнѣйшее стѣсненіе прежнихъ правъ крестьянскаго населенія и постепенное расширеніе объема правъ холоповъ, наблюдаемая въ теченіе XVI-го и особенно XVII вѣка, естественно приводили къ смѣшенію одного класса съ другимъ. Указанный процессъ, какъ видно, долженъ былъ сыграть важную роль въ ходѣ развитія частнаго прикрѣпленія и недавно еще подвергнутъ былъ изученію въ нашей литературѣ 2). Г. Дьяконовъ, однако, уклонился отъ изслѣдованія, которое въ общихъ чертахъ уже было намѣчено ближайшимъ его предшественникомъ, хотя и затронулъ ту же тему частью въ очеркахъ, посвященныхъ исторіи кабалныхъ людей, частью и на тѣхъ страницахъ своей книги, гдѣ онъ нѣсколько останавливается на судьбѣ задворныхъ холоповъ и монастырскихъ дѣтенышей. Дѣйствительно кабалное холопство, конечно, представляло нзъ знакомыхъ намъ видовъ ограниченной зависимости наиболѣе характерное переходное состояніе отъ крестьянства къ холопству, а задворные люди въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ свѣтскихъ лицъ и однородные съ ними дѣтеныши въ монастыр-

1) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 45; курсивъ — нашъ; ср. выше стр. 125.

2) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостнаго права въ Рус. Мысли за 1885 и Подушная подать и отмѣна холопства, тамъ же за 1886 г.

скихъ имѣнiяхъ по положенiю своему ближе всего подходили къ крестьянству. Первый изъ указанныхъ нами процессовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ уже опредѣлился въ XVI вѣкѣ, второй хотя и замѣтенъ въ тоже время, однако, вполне рельефно обнаружился главнымъ образомъ въ XVII столѣтiи.

Г. Дьяконовъ отводитъ второстепенное мѣсто въ своей книгѣ изученiю кабальнаго холопства (стр. 130—143), а между тѣмъ имъ, можетъ быть, не менѣе чѣмъ какими бы то ни было другими процессами частнаго прикрѣпленiя вызвана была правительственная реакцiя, сказавшаяся въ прикрѣпленiи сельскаго населенiя къ тяглу. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ, отличавшихъ кабальную крѣпость отъ крестьянской, авторъ «очерковъ» усматриваетъ въ томъ, что кабальная неволя является срочной и личной: со смертью господина она прекращается, тогда какъ «крестьянинъ былъ крѣпокъ владѣльцу потомственно [наслѣдственно?] и съ потомствомъ». Въ связи съ указаннымъ различiемъ стояло и другое: права господина надъ крестьяниномъ и государя надъ кавальнымъ холопомъ нельзя считать тождественными. Строго личный характеръ кабальной неволи не допускалъ свободнаго распоряженiя кавальнымъ человѣкомъ. Хотя такого права законъ не предоставилъ и землевладѣльцамъ надъ своими крестьянами, но потомственная крѣпость надъ ними чрезвычайно быстро развила широкую практику разнообразныхъ сдѣлокъ на крестьянъ, которыя отчасти были утверждены Уложенiемъ, полнѣе — въ новоуказныхъ статьяхъ. Права господина надъ крестьяниномъ оказались шире правъ государя надъ кавальнымъ» (стр. 138). Не говоря о томъ, что кавальнiй человѣкъ былъ лично крѣпокъ своему владѣльцу, а крестьянинъ сталъ принадлежностью его имѣнiя прежде чѣмъ обратился въ предметъ собственности самъ по себѣ, и въ правахъ распоряженiя личностью кавальныхъ людей и крестьянъ едва ли можно провести такую рѣзкую границу, какую старается установить авторъ. «Отдѣльные случаи распоряженiя кавальными» извѣстны намъ не съ 1640 г., какъ полагаетъ г. Дьяконовъ (стр. 139), а относятся къ болѣе раннему періоду времени и безъ сомнѣнiя вызваны были стремленiемъ господъ вполне «охолопить» своихъ кавальныхъ людей. Въ актахъ, относящихся къ XVI вѣку, не трудно разыскать примѣры подобнаго рода. Такъ, браки, повидимому, довольно часто заключаемые между полными и даже старшими холопами или рабами съ кавальными возникали, вѣроятно, подъ влiянiемъ ихъ владѣльцевъ, которымъ выгодно было ссылаться на извѣстный законъ о томъ, что «по холопу — раба» и по «рабѣ — холопу»¹⁾. Наслѣдники иногда предъявляли служилыя кабалы дякамъ къ

1) Любопытна, напримѣръ, челобитная И. Гундунова 1631 г. на суздальскаго сына боярскаго Д. Челищева въ томъ, что онъ насильно женилъ бобыля И. Гундунова на своей

записи. Самое предъявленіе такихъ актовъ, которые въ сущности послѣ законовъ 1586 и 1597 гг. не должны были имѣть силы по смерти господина и которые обыкновенно выдавали кабальнымъ людямъ при отпускѣ ихъ на волю, обнаруживаютъ тенденцію рабовладѣльцевъ превратить кабальную неволю, ограниченную смертью господина, въ потомственную. Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ служилыхъ кабалахъ не рѣдко въ качествѣ заимодавца являются: отецъ съ дѣтьми; это, вѣроятно, бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда они хозяйничали вмѣстѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, намѣренно составляли подобнаго рода акты. Во всякомъ случаѣ кабалы указаннаго типа какъ бы укрѣпляли права не одного господина, но и его послѣдниковъ на кабальныхъ людей чѣмъ, вѣроятно, и способствовали водворенію потомственной ихъ зависимости отъ своихъ господъ. Подобное же значеніе могли имѣть кабалы, заключаемыя между нѣсколькими братьями, заимодавцами съ людьми, поступавшими къ нимъ на службу: въ случаѣ дѣлежа имущества ихъ кабальные люди легко становились объектами разнаго рода сдѣлокъ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано «дѣловыми». Наконецъ, выдача кабалъ на родителей съ дѣтьми, возрастъ которыхъ не обозначенъ, во многихъ случаяхъ была равносильна фактическому превращенію пожизненнаго холопства въ наследственное, тѣмъ болѣе, что дѣти кабальныхъ холоповъ по смерти своихъ господъ или родителей иногда продолжали служить въ томъ же дворѣ «безкабально», пока не давали на себя служилыхъ кабалъ его наследникамъ. Дѣйствительно, въ числѣ холоповъ, завѣщанныхъ наследникамъ, встрѣчаются и кабальные, причемъ наследодатель иногда ограничивалъ срокъ ихъ дальнѣйшей службы¹⁾; вообще уже въ духовныхъ XVI-го вѣка можно разыскать указанія на то, что наследодатели

дворовой дѣвкѣ; «его взяли на дорогѣ, поймали, связали и связана женили» пишетъ И. Гундуровъ (Влад. губ. вѣд., за 1868 г., № 2). Правило, приведенное въ текстѣ, допускало, однако, исключенія. Весьма замѣчательна, напримѣръ, ст. 137 проекта судебника 1589 года: «а по государеву указу, читаемъ мы здѣсь, по робе холопъ, а по холопе робы нетъ» (Судебникъ 1589 г., М., 1900 г., стр. 37). Во всякомъ случаѣ, обратное правило: «по робе-холопъ» не имѣло безусловной силы съ половины XVII в., о чемъ, кромѣ Уложения, свидѣтельствуетъ, напр., слѣдующая жилая запись дворцовой Яропольской волости гулящаго человека Г. Игнатѣева, прозвище Лукина, на жительство во дворѣ у Ѳ. П. Суворова за занятыя у него 50 руб. на 10 лѣтъ, заключенная 10 Января 1676 г. Г. Лукинъ обязуется въ случаѣ женитьбы на крѣпостной дѣвкѣ или на вдовѣ Ѳ. Суворова, «сверхъ тѣхъ десяти лѣтъ жить у него во дворѣ съ женою и съ дѣтьми за свадьбу и за дворцовую его дѣвку и за всякіе его харчи пять лѣтъ», послѣ чего Ѳ. Суворовъ въ свою очередь былъ обязанъ дать ему съ женою и дѣтьми волю и одеждою его и жену его съ дѣтьми надѣлать (Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Книга по Нижнему Новгороду № 41).

1) Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, книга по Нижнему Новгороду № 41. Акты, собр. Н. Лихачевымъ, в. I, № 2. А. Ю., № 420 (1548 г.). Впрочемъ оба акта относятся еще ко времени, предшествовавшему изданію извѣстныхъ законовъ 1586 и 1597 гг.; А. Э., т. II, № 40; А. И., т. II, №№ 63 и 85.

вмѣстѣ съ прочими людьми, завѣщали своимъ наслѣдникамъ и кабальныхъ холоповъ. Въ однихъ случаяхъ, объектомъ такихъ сдѣлокъ могли быть служилыя кабалы, а не кабальные слуги, въ другихъ, однако, кабальные слуги, а не служилыя кабалы, причемъ духовныя, не опротестованныя кабальными людьми и безъ оговорокъ внесенныя въ «людскую крѣпостную книгу» становилась, какъ видно, источникомъ полной ихъ зависимости отъ господъ. Въ числѣ «вопчихъ людей», вѣроятно, полученныхъ по наслѣдству, изрѣдка въ тѣхъ же актахъ упоминаются и «кабальные люди, которые у тѣхъ людей дѣти ихъ въ холопствѣ у нихъ живучи порожились». Далѣе изъ числа извѣстныхъ намъ дѣловыхъ замѣчательнъ актъ 7096 года, закрѣпляющей полюбовный раздѣлъ между братьями Ѳеодоромъ, Игнатѣемъ и Антоніемъ Чертовыми не только полныхъ, но и кабальныхъ холоповъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются «дѣловые люди» («кабальные деловые»), записанные въ особую группу. Каждый изъ братьевъ получилъ по нѣскольку «головъ» людей каждой изъ этихъ категорій. Возможно, что при подобнаго рода раздѣлахъ не всегда точно выполняли распоряженія завѣщателя: не даромъ въ большинствѣ завѣщаній того времени помѣщена оговорка о томъ, чтобы родственники наслѣдодателя не нарушали бы его распоряженій объ отпускѣ на волю крѣпостныхъ. Въ силу указовъ 7 января 1608 г. и 21 мая 1609 г. правительству также приходилось требовать отпуска на волю тѣхъ людей, которыхъ «дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди держали у себя по отцовъ своихъ крѣпостямъ, по кабаламъ и докладнымъ, а отцовъ ихъ не стало, «причемъ такія крѣпости запрещено было записывать въ книги». Противъ того же обычая, существовавшего также въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, впоследствии были направлены и нѣкоторыя изъ статей Уложенія ¹⁾. Нѣсколько служилыхъ кабалъ недавно изданнаго сборника крѣпостныхъ актовъ XVI-го вѣка на людей свидѣлствуютъ о сближеніи, какое совершалось между полнымъ и кабальнымъ холопствомъ уже во второй половинѣ XVI вѣка. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что сами должники иногда занимали деньги у постороннихъ лицъ для того, чтобы откупившись отъ одного владѣльца поступить въ работу къ другому. Практика подобнаго рода, вѣроятно, очень древняго происхожденія: она уже утверждается докладными грамотами 1515 и слѣдующихъ годовъ ²⁾. Такіе случаи, вѣроятно, бывали и съ кабальными холопами. Первоначально по своей волѣ имѣя возможность переимѣнить стараго гос-

1) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 8 и 57; А. И., т. II, №№ 63 и 85. Указная кн. приказа холопьяго суда, ст. IV и VIII въ Христ. М. Владимірскаго-Буданова, ч. III, стр. 105 и 112, Уложеніе, XX, 47, 48, 52 и 61.

2) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 93 (1515 г.), 98 (1515—1517 гг.), 102 (1517 г.) и 107 (1519 г.).

подина на новаго, кабальные люди, съ теченіемъ времени, однако, стали подвергаться мѣнѣ или куплѣ-продажѣ и по желанію своихъ господъ. Кабальные холопы, напримѣръ, въ бѣгахъ иногда давали на себя «кабалу» новому владѣльцу, почему у него и возникало дѣло съ прежнимъ ихъ господиномъ. Въ однихъ случаяхъ, вѣроятно, бѣглець возвращался къ законному своему владѣльцу по полюбовной сдѣлкѣ или въ силу судебного приговора, но въ другихъ, во избѣжаніе «судебной волокиты» старый владѣлецъ соглашался даже «выкупить» кабалу, которую далъ на себя «бѣгавшій отъ него» человекъ; кабальный оказывался такимъ образомъ объектомъ сдѣлки, возникшей въ силу бытовыхъ особенностей, въ какія поставлено было дѣйствіе закона. Нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ грамотъ подъ наименованіемъ кабалъ скрываютъ другого рода сдѣлки на кабальныхъ людей: одна изъ нихъ (7099 года) свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о томъ, что Богданъ Линевъ «поступился» брату своему Василию кабальнымъ человекомъ, занявшимъ у нихъ три рубля денегъ; другая содержитъ указаніе на какую то сдѣлку В. М. Воронина съ П. Борковымъ (7105 года): В. М. Воронинъ «отдалъ» И. Третьяка, взявшаго у него пять рублей, Петру Боркову съ тѣмъ, что ему, В. М. Воронину, впредь до того человека дѣла нѣтъ; наконецъ третья кабала 7097 г., какъ называется, продана была Ѳ. Корытковымъ Шавруку Муравьеву, къ которому, разумѣется, перешли и права на нѣкоего Кирюка Андрѣева съ семьей¹⁾. Наблюденія, сдѣланныя нами выше, показываютъ, что тенденція рабовладѣльцевъ превратить кабальную неволю въ потомственную сложилась задолго до Уложенія, воспретившаго господамъ укрѣплять кабальныхъ людей «у дѣтей своихъ въ холопствѣ», а старинные акты XVI вѣка даютъ намъ возможность указать на «отдѣльные случаи распоряженія кабальными людьми» задолго до 1640 года²⁾. Бывали случаи, когда лица, поступавшіе въ кабальные холопы, сами пытались оградить себя отъ такихъ послѣдствій; сохранилась, напримѣръ, любопытная записка, заключенная въ 1681 г. между вольнымъ человекомъ И. Юрьевымъ и землевладѣльцемъ «пековитиннымъ» Л. Бедринскимъ. И. Юрьевъ, принявъ на себя обязательство «добровольно работать всякую работу и жить у Л. Бедринскаго до своей или до его смерти, что, очевидно, было равносильно служилой кабалѣ позднѣйшаго типа, взялъ, однако, съ землевладѣльца еще одну записку, въ силу

1) Ср. также поступную на кабальныхъ людей 1630—1631 гг. въ Матеріалахъ историческаго и юридич. района бывшаго Казанскаго дворца, изд. Н. Загоскинымъ, т. I, Каз., 1882 г., № 151.

2) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мыс. за 1885 г., кн. VIII, стр. 23. А. Лаппо-Данилевскій, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ, явленнымъ въ Новгородъ дьяку Д. Алябьеву въ Рус. Ист. Библ., т. XVII, стр. XVII, XXII—XXIV; здѣсь же можно найти и документировку замѣчаній, сдѣланныхъ нами въ текстѣ.

которой Л. Бедринскій обязался въ томъ, что его наслѣдники «не обещаютъ» И. Юрьева, а предоставятъ ему жить, «гдѣ онъ похочеть». Последнюю запись И. Юрьевъ предъявилъ Псковскому воеводѣ въ 1685 году; онъ «принялъ» её и, слѣдовательно, призналъ её законность¹⁾. Документы подобнаго рода, впрочемъ, встрѣчаются крайне рѣдко и едва ли были достаточны для огражденія кабальныхъ людей отъ возраставшихъ злоупотребленій ихъ владѣльцевъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, однако, что кабальная зависимость стала приближаться къ холопству въ то время, когда оно уже распалось на весьма различныя разряды; между ними были и такіе, которые оказывались въ свою очередь довольно сходными съ положеніемъ крестьянъ, потерявшихъ прежнюю свободу. При такихъ условіяхъ кабальное холопство могло сблизиться и съ крестьянствомъ. Самъ г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «нельзя установить той существенной разницы между крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ, какая указана въ ученой литературѣ. Прежде всего нельзя утверждать, что «кабала — всегда процентный долгъ, какъ ни уплачивается этотъ процентъ — деньгами или службой». Таковою была служилая кабала до указовъ 1586 и 1597 годовъ; а позднѣе въ службѣ кабальнаго человѣка нельзя отличить, какая ея часть идетъ на уплату долга, какая на уплату процентовъ; съ 1680 года служилая кабала не упоминаетъ и о долгѣ, хотя трудно допустить, чтобы вольные люди совершенно безвозмездно поступали въ холопство» (стр. 136). Съ своей стороны мы можемъ лишь подкрѣпить выводъ, сдѣланный авторомъ, ссылкой на болѣе древнія свидѣтельства, чѣмъ тѣ, какими онъ пользуется въ своей аргументаціи. Намъ извѣстны, напримѣръ, кабалы, писанныя въ 7072, 7091 и 7093 годахъ, т. е. до указовъ 1586 и 1597 гг., и тѣмъ не менѣе уже не содержащія никакихъ указаній на долгъ; на ихъ существованіе намекаетъ также указъ 1608 г. Такимъ образомъ первые примѣры подобнаго рода служилыхъ кабаль восходятъ задолго до того времени, когда въ 1680 г. исчезаютъ кабалы стараго образца²⁾. Далѣе г. Дьяконовъ не соглашается принять и второго отличительнаго признака служилой кабалы, будто «она всегда соединяется со службою во дворѣ господина» (стр. 136). «Люди страдные кабальные» упоминаются уже въ актахъ половины XVI-го вѣка³⁾. Справедливо указывая на существованіе «кабальныхъ въ деревняхъ» уже въ концѣ того же вѣка, авторъ могъ бы еще воспользоваться не менѣе любопытными, хотя и нѣсколько позднѣйшими извѣстіями. Землевладѣлецъ П. Жеребятчевъ, вручая въ 1627 году властямъ Троице-Сергіева мона-

1) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, приложение № 13.

2) А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, стр. XVI.

3) Сборникъ актовъ, собр. Н. Лихачевымъ, № 10; г. Дьяконовъ упустилъ его изъ виду.

стыря актъ объ отдачѣ своей помѣстной пустоши, оказавшейся монастырской вотчиной, обратно монастырю, выговорилъ себѣ между прочимъ, слѣдующее условіе: «А которыхъ крестьянъ я, Петръ, въ тое троецкую вотчину ... изъ юрьевского своего помѣстья... перевезъ и своихъ дворовыхъ кабалныхъ — и старинныхъ людей и, съ стороны призвавъ во крестьяне, посадилъ и ссуду давалъ и тѣхъ моихъ помѣстныхъ крестьянъ и людей, которыхъ я во крестьяне сажалъ, властемъ... при тое троецкіе вотчины велѣти мнѣ вывезти со всѣми ихъ животы крестьянскими и [съ] землянымъ хлѣбомъ, гдѣ [куда] я, Петръ, похочу...»¹⁾ Кабалные, какъ видно, не только могли сдѣлаться деревенскими, но и оказаться «посажеными во крестьяне». Наконецъ, третью особенность, будто бы отличавшую служилую кабалу отъ крестьянской и состоявшую въ томъ, что по первой можно было судомъ возвратитъ бѣжавшаго холопа, чего нельзя было сдѣлать по порядной съ крестьяниномъ, г. Дьяконовъ хотя и признаетъ для XVI-го вѣка, однако оспариваетъ ея значеніе въ XVII-мъ. Въ виду сдѣланныхъ имъ наблюдений надъ санкціей порядныхъ XVII-го вѣка, авторъ не безъ основанія считаетъ излишнимъ сомнѣваться въ томъ, что «я по служилымъ кабаламъ, и по поряднымъ записямъ можно было въ XVII вѣкѣ возвращать судомъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ» (стр. 137)²⁾.

Такимъ образомъ, отсутствіе рѣзкой грани между положеніемъ кабалныхъ людей и крестьянъ, едва ли не способствовало сближенію ихъ между собою.

Благодаря образованію цѣлаго ряда переходныхъ состояній между полнымъ холопствомъ и крестьянствомъ, разнообразныя виды холопской зависимости распространялись на все большій контингентъ крестьянскаго населенія. Помимо, однако, прямого вліянія холопство оказало воздѣйствіе и на нѣкоторыя изъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Не возвращаясь болѣе къ мнѣнію о томъ, что принадлежность людей данному имѣнію могла развиться первоначально на почвѣ рабовладѣнія, а вслѣдъ затѣмъ и примѣнительно къ крестьянамъ, остановимся нѣсколько на вопросѣ объ отношеніи старины холопей къ старинѣ крестьянской въ широкомъ смыслѣ слова. Г. Дьяконовъ, повидимому, склоненъ отрицать вліяніе первой на вторую. «Если и возможно усматривать сходство между ними, пишетъ онъ, то не въ смыслѣ возникновенія крестьянской старины по образцу старины кабалной, а развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что обѣ онѣ возникли изъ одной общей идеи о правѣ господина и землевладѣльца на потомство зависимыхъ отъ него крестьянъ и людей» (стр. 44 и 74). Не знаемъ, можно ли безусловно отрицать такое вліяніе. Старинными назывались тѣ холопы,

1) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 53.

2) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 13.

которые были унаслѣдованы владѣльцами отъ предковъ или оказались потомками прежнихъ людей полныхъ и докладныхъ; они уже извѣстны намъ по актамъ не позднѣе половины XV столѣтія и довольно часто встрѣчаются въ «людскихъ холопыхъ» книгахъ¹⁾. Въ какомъ отношеніи находилась холопская старина къ крестьянской, до сихъ поръ остается не выясненнымъ, почему мы и не можемъ утверждать, что первая осталась безъ вліянія на вторую: въ одномъ изъ актовъ 1511—1512 гг., напримѣръ, упоминается «старинная кабальная» раба; нѣсколько указаній на такихъ «старинныхъ кабальныхъ людей» встрѣчаются въ актахъ конца XVI вѣка; кромѣ того, самъ авторъ обратилъ вниманіе на сходство между сыскомъ о старинномъ холопствѣ и сыскомъ о крестьянской старинѣ (стр. 72); во всякомъ случаѣ принципу давности, лежавшему въ основаніи понятія о старинѣ, гораздо легче было развиться въ области вещнаго права, подъ которое подходили отношенія господъ къ своимъ холопамъ, чѣмъ въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ-земледѣльцамъ, что можетъ быть еще болѣе подкрѣпляетъ предположеніе о вліяніи холопской старины на крестьянскую²⁾. Косвенное вліяніе холопской зависимости на крестьянскую крѣпость могло обнаружиться и въ другихъ направленіяхъ. Существеннымъ признакомъ служилой кабалы послѣ обнародованія законовъ 1586 и 1597 годовъ, какъ извѣстно, было условіе служить господину по его смерть, получая свободу вслѣдъ за его кончиной. Между тѣмъ, среди крестьянскихъ порядныхъ XVII-го вѣка есть видъ записей, «заклученныхъ срочно, по смерти землевладѣльца, съ правомъ выхода послѣ его смерти куда угодно»³⁾. Составители такихъ записей имѣли готовые образцы передъ глазами въ видѣ служилыхъ кабалъ, весьма извѣстныхъ и распространенныхъ въ то время: возможно, что они отсюда и почерпнули приведенную формулу, не сочиняя её заново для порядныхъ. Нѣкоторое сходство обнаруживается также между служилой кабалой и крестьянскою ссудною записью, типомъ, который намъ извѣстенъ по документамъ не позднѣе 1620-хъ годовъ. Самъ г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе на то, что «въ ссудной записи объ арендѣ земли (упоминаемой обыкновенно въ порядныхъ) совсѣмъ прѣчи нѣтъ; порядчикъ по ссудной записи вовсе не съемщикъ участка земли, а прежде всего заемщикъ». Дѣйствительно, первымъ и основнымъ

1) А. о. до Ю. Б., т. I, № 84, 1 (1459 г.).

2) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Запис. кн. Д. Алябьева, №№ 97—98, 110, 116, 121, 173, 247, 257, 266, 301, 312, 421, 427, 428, 429, 479, 484, 488 и 550. П. Бѣляевъ, *Op. cit.*, стр. 41, 76—77.

3) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Русск. Мыс. за 1885 г., № 10, стр. 38—39. А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, стр. XIV—XV.

4) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 24 и 48; ср. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 99.

условіемъ записей подобнаго рода надо считать «взятіе у государя своего на ссуду столькихъ то рублей денегъ». Естественнымъ слѣдствіемъ такого займа является второе необходимое условіе крестьянской ссудной записи; «а за тое ссуду (или: «и съ тое ссудою») жити за тѣмъ то во крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ на такой то деревни или гдѣ (господинъ) посадить»¹⁾. Итакъ, крестьянство по ссудной записи, согласно справедливому мнѣнію автора, возникаетъ изъ займа и, слѣдовательно, «самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ кабалѣ» по крайней мѣрѣ до того времени, пока въ ней упоминается о займѣ, имѣющемъ въ древнѣйшихъ изъ актовъ подобнаго рода столь же существенное значеніе, какъ и въ ссудныхъ записяхъ. Смѣшеніе служилой кабалы съ ссудной записью внѣшнимъ образомъ обнаружилось въ «книгахъ кабаламъ и ссуднымъ записямъ», куда приказные люди вносили акты того и другого рода безразлично²⁾. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сыскъ, возможный по служилой кабалѣ, былъ предусмотрѣнъ и въ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ намъ ссудныхъ записей; по такимъ крѣпостямъ можно было порядчика «изъ бѣговъ имать»³⁾. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что и служилымъ кабаламъ, не содержащимъ условія на счетъ займа, соответствующиe жилия записи въ крестьянство, по которымъ порядчикъ обязывался жить въ крестьянахъ «вѣчно» и гдѣ также нѣтъ упоминаній о ссудѣ⁴⁾.

Все вышеуказанныя точки соприкосновенія между нѣкоторыми видами холопской и крестьянской зависимости едва ли можно объяснять простымъ совпаденіемъ между двумя процессами, развитіе которыхъ шло совершенно независимо другъ отъ друга. Во всякомъ случаѣ явленія подобнаго рода нуждались бы въ болѣе обстоятельномъ изученіи, чѣмъ то, какое посвящаетъ имъ г. Дьяконовъ, затронувшій ихъ мимоходомъ въ разныхъ частяхъ своей книги.

Служилая кабала, стѣснявшая крестьянскую свободу, и безъ того уже ограниченную стариной и фикціей принадлежности, въ существенныхъ своихъ чертахъ, какъ мы видѣли, сложилась уже къ концу XVI-го вѣка. Нѣсколько позднѣе «движеніе крестьянства въ сторону холопства», затронутое нами въ предшествующемъ изложеніи встрѣтилось съ новымъ процессомъ, а именно «движеніемъ холопства въ сторону крестьянства», особенно замѣтнымъ въ XVII столѣтіи.

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 53 и 70.

2) Тверскіе акты изд. подъ ред. С. Шумакова, в. II, стр. 23—24.

3) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 70.

4) Москвитянинъ за 1846 г., ч. I, стр. 157. Любопытно, что этотъ актъ относится къ позднѣйшему времени (1696 г.), какъ и слѣдовало ожидать, если усматривать въ нихъ вліяніе холопства.

Дворовая челядь, какъ извѣстно, еще въ XVI в. разбилась на нѣсколько разрядовъ въ зависимости отъ ихъ хозяйственнаго назначенія: важное значеніе между ними имѣли дѣловые и страдные люди; позднѣе появляются и задворные холопы. Не объяснивъ происхожденія перечисленныхъ нами состояній, г. Дьяконовъ не усматриваетъ различія между дѣловыми и задворными людьми. Хотя мы дѣйствительно не можемъ провести рѣзкой грани между тѣми и другими, но едва ли вѣрно и обратное утвержденіе автора: увлекаясь новымъ, большею частью имъ самимъ открытымъ матеріаломъ, онъ настаиваетъ на полномъ смѣшеніи терминологіи въ памятникахъ XVII вѣка. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если и существовало различіе между дѣловыми и задворными людьми, то оно во всякомъ случаѣ не могло имѣть всеобщаго значенія: уже въ актахъ XV в. встрѣчаются указанія на какія-то дѣловыя деревни¹⁾; въ писцовыхъ книгахъ XVI ст. иногда попадаются дворы крестьянскіе, въ которыхъ живутъ дѣловые люди²⁾, а отъ XVII в. есть свѣдѣнія объ ихъ дворахъ; тѣмъ не менѣе едва ли убѣдительно приводимыя авторомъ отдѣльныя и довольно рѣдкія упоминанія въ источникахъ объ особыхъ дворахъ дѣловыхъ людей. Судя по писцовымъ книгамъ первой половины XVII вѣка «дѣловые» люди все еще обыкновенно живутъ на господскихъ дворахъ, напримѣръ въ уѣздахъ Кашинскомъ или Тверскомъ³⁾. Въ южныхъ уѣздахъ, напримѣръ Болховскомъ замѣчается то же самое, а въ Воротынскомъ при исчисленіи населенія указанный нами признакъ считается очевидно характернымъ для той группы холоповъ, которая носила наименованіе «дѣловыхъ». Такъ, въ итогахъ по помянутому уѣзду мы читаемъ: «въ Воротынскомъ уѣздѣ въ станахъ Крашенскомъ и Говѣинскомъ 42 двора помѣщичьихъ, а во дворѣхъ живутъ 2 прикащика, 35 человекъ дѣловыхъ людей; да съ ними жъ 2 бобыля, 1 дворъ прикащиковъ; 15 дворовъ людскихъ, а людей въ нихъ 19 чел. . . . да 27 дворовъ вотчинниковъ, въ нихъ 15 человекъ дѣловыхъ да прикащикъ; да съ ними жъ живетъ крестьянинъ; а у него 2 захребетника; да 5 дворовъ прикащичьихъ да 24 двора людскихъ, а людей въ нихъ 25 человекъ» . . .⁴⁾. Даже въ перенесенныхъ книгахъ позд-

1) С. Г. Г. и Д., т. I, № 121.

2) Писц. кн. изд. подъ ред. П. Калачева, I, 247.

3) Писц. кн. Кашинскаго уѣзда 7136—7137 гг. въ Арх. Мин. Юстиц. кн. 173, № 622: У кн. Приймкова село Турово; въ немъ дворъ вотчинниковъ; въ немъ дѣловой человекъ . . . ; ср. №№ 775, 778 и др. Писц. кн. Тверскаго уѣзда 7135—7136 гг. въ Арх. Мин. Юстиц. кн. 871—875; № 487: дв. вотчинниковъ, въ немъ живутъ 4 дѣловыхъ человека; № 489: село Степурино; въ немъ дв. вотчинниковъ; въ немъ его приказной человекъ и дѣловые люди . . . ; ср. № 444, 492 и др. Рѣже встрѣчаются дѣловые люди въ особыхъ дворахъ; см. напр. Влад. губ. вѣд. за 1852 г. № 11 (1626—1658 гг.).

4) Писц. кн. Болховскаго уѣзда 7128 г. въ Имп. Публ. Библ., F IV, № 375. Писц. кн. Воротынскаго уѣзда 7134—7135 г. въ Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1530, л. 76 об. и слѣд.

пѣйшаго времени число дворовъ дѣловыхъ людей было иногда весьма малымъ; такъ напримѣръ, въ нѣсколькихъ станахъ Ярославскаго уѣзда, оно составляло всего лишь 1,2% всего количества холопскихъ дворовъ, которыми обыкновенно пользовались задворные люди¹⁾. Въ приведенныхъ случаяхъ, какъ видно, характернымъ признакомъ дѣловыхъ людей оказывается жительство ихъ на господскихъ дворахъ, въ противоположность задворнымъ холопамъ, самое наименованіе которыхъ указываетъ, что они обыкновенно были поселены за дворами своихъ господъ: нѣкоторые изъ людскихъ дворовъ при ближайшемъ изслѣдованіи дѣйствительно оказываются заселенными задворными людьми²⁾.

Доказательствомъ въ пользу полнаго смѣшенія дѣловыхъ съ задворными г. Дьяконовъ считаетъ также не разъ встрѣчающіяся въ переписныхъ книгахъ упоминанія о «дѣловыхъ задворныхъ людяхъ». Едва ли можно, однако, придавать существенное значеніе такой терминологіи по крайней мѣрѣ для первой половины XVII-го вѣка. Выраженія, сходныя съ вышеупомянутыми, можетъ быть, свидѣлствуютъ лишь о томъ, что землевладельцы превращали дѣловыхъ людей въ задворныхъ, причемъ въ первомъ наименованіи сохранился намекъ на происхожденіе ихъ; вѣроятно въ такомъ же смыслѣ должно толковать и другія выраженія, встрѣчаемыя въ памятникахъ, какъ напримѣръ, «дѣловой задворный кабальный человекъ»; въ противномъ случаѣ, слѣдуя аргументаціи автора, примѣры подобнаго рода пришлось бы считать доказательствомъ смѣшенія задворнаго холопства съ кабальнымъ, что нельзя признать правильнымъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Переходы изъ состоянія дѣловыхъ людей въ задворные и обратно, конечно, могли имѣть мѣсто, не уничтожая извѣстнаго различія въ ихъ положеніяхъ. Въ имѣніяхъ XVI и первой половины XVII вѣка дѣловые люди замѣняли главнымъ образомъ сельскихъ рабочихъ, тогда какъ задворные люди замѣщали фермеровъ.

Едва ли также основательно отрицать вмѣстѣ съ г. Дьяконовымъ, что дѣловые люди преимущественно отправляли барщину и получали жалованье, иногда называемое мѣсячиной. Въ рѣдкихъ случаяхъ дѣловые люди оказывались домашними ремесленниками³⁾; въ значительномъ большинствѣ извѣстныхъ намъ примѣровъ они обыкновенно становились принадлежностью сельскихъ хозяйствъ. Въ старинныхъ памятникахъ самое слово «дѣлати» въ одномъ изъ своихъ специальныхъ значеній употребляется въ

1) Переп. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин. Юст., кк. 7780 и 7781.

2) Писц. кн. Тульскаго уѣзда 7135—7137 гг. въ Имп. Пуб. Библ. F IV, №№ 507 и 508. Здѣсь встрѣчаются указанія на людскіе дворы, въ каждомъ изъ которыхъ упомянуто по одному холопу; см. л. 56 обл.; л. 170; л. 177; л. 186; л. 206; л. 246. Ср. Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 55 и ниже.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 2.

смыслѣ обработки или воздѣлыванья земли¹⁾. Уже въ житіи Осодосія сохранился рассказъ о томъ, какъ онъ будучи тринадцатилѣтнимъ отрокомъ «пачать на труды паче подвиженъ бывати, якоже изходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ». Въ актахъ XVI вѣка дѣловые люди прямо называются «страдными»²⁾. Въ писцовыхъ книгахъ довольно часто встрѣчаются извѣстія въ родѣ слѣдующаго: «за Остаоємъ Кувшиновымъ часть сельца Шепелева; въ немъ дворъ прикащиковъ Івашка Толстого да крестьянскихъ 9 дворовъ и 1 пустой; пашни паханые помѣщиковы, пашутъ дѣловые люди, 20 чети, да крестьянскіе пашни 24 чети да наѣздные пашни 11 чети и пр.»³⁾. Въ вотчинахъ бывало, разумѣется, то же самое; такъ напримѣръ, въ селѣ Хвильяхъ, принадлежавшемъ И. М. Мстиславской, «дѣловыхъ вотчинническихъ людей пахоты было ужато на 16 десятинахъ 43 сотницы 50 сноповъ»⁴⁾. Нельзя, какъ видно, отрицать того, что дѣловые люди, повидимому, часто отправляли сельскія работы въ пользу своихъ господъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ они могли получать и содержаніе или жалованье. Уже въ данной грамотѣ новгородской 1437—1462 упоминается о мѣсячинѣ, выдаваемой «одерноватымъ»⁵⁾. Въ наказѣ О. Елизарову да дяку Н. Насонову о заводѣ на Скопищѣ и на Романовѣ пашни имъ велѣно было «разсмотрѣть въ обонихъ городахъ бобылей, будетъ въ нихъ дѣла и прибыли нѣтъ и ихъ бы учинить дѣловыми и дать имъ денегъ и хлѣба, какъ дается дѣловымъ»⁶⁾. Бывали, разумѣется, случаи, когда они получали не мѣсячное, а годовое жалованье: въ силу духовной княжны Ир. Мстиславской «людямъ» ея велѣно было дать жалованья «вдвое»; въ числѣ «людей» встрѣчаются: огородникъ, мельникъ, конюхи, сторожки конюшенныя и скотники; жалованье, выданное имъ въ удвоенномъ размѣрѣ, колебалось отъ 1 р. до 4 руб. 25 алтынъ; кромѣ того въ имѣніи Хвильяхъ, принадлежавшемъ той же кн. И. Мстиславской, жили 16 человекъ, въ томъ числѣ: 1 тонкопрядица, 1 попомарь, 10 паробковъ, 1 скотникъ и 2 водовоза; по поводу означенныхъ лицъ согласно тому же завѣщанію правительство сдѣлало слѣдующее распоряженіе: «я всего Хвильскихъ тонкопрядицъ и дѣловыхъ людей, опрочъ водовозовъ, 15 человекъ, а дано имъ

1) И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 785.

2) Акты, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, №№ 15 и 13.

3) Выпись изъ писцовыхъ книгъ Нижегородскаго уѣзда Д. Ладыгина съ товарищами 7129—7131 гг. (изъ бумагъ А. А. Куника).

4) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Пр. дѣла ст. лѣтъ, св. 125, № 62: Отписки, росписки и пр. о селахъ и деревняхъ старицы Ирины Михайловны Мстиславской 7148 г. 1639 г. (Дек.).

5) А. Э., т. I, № 32. Г. Дьяконовъ почему то не приводитъ этого текста.

6) Зап. Отд. Слав. и Рус. Арх., т. II, стр. 780—786. О жалованьи холопамъ см. еще Акты, собр. А. Оедотовымъ-Чеховскимъ, т. II, № 122 (стр. 218—219); Акты, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, №№ 12, 19 и 25. П. Бѣляевъ, *Op. cit.*, стр. 22.

жалованья (также въ удвоенномъ размѣрѣ) по рублю человѣку, итого 15 рублей»¹⁾. Въ духовномъ завѣщаніи О. И. Вольшкой, составленнаго въ 1651—1652 гг., мы между прочимъ читаемъ слѣдующее: «да людямъ можемъ дать надѣлку въ поминѣ душе моей денежное годовое жалованье вдвое..., а которымъ малымъ робятамъ не шло моего годоваго жалованья, а носили казенное, и тѣмъ дать надѣлку — денежныя дачи», особая «роспись того, что людемъ которому денежнаго годового жалованья», содержитъ свѣдѣнія о его размѣрѣ: четыре изъ нихъ получали по 6 р. 60 к., шесть — по 6 р. 10 к., одинъ («приспѣшникъ») по 5 р. 75 к., одинъ — по 4 р. 25 к. и остальные три по 5, 3 и 2 рубля ежегодно²⁾.

Г. Дьяконовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ выдачи мѣсячины дѣловымъ людямъ (стр. 291, 293), хотя и не упоминаетъ о годовомъ, причемъ самъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что такое жалованье, можетъ быть, рѣдко выдавали задворнымъ людямъ (стр. 293).

Гораздо прочнѣе обосновано, какъ намъ кажется, положеніе г. Дьяконова о смѣшеніи дѣловыхъ людей съ задворными въ послѣдней четверти XVII вѣка послѣ переписи и указа 1677—1679 гг. Дѣйствительно, свидѣтельства памятниковъ, относящихся къ 1686 и 1690 годамъ доказываютъ, что въ положеніи «дѣловыхъ людей, проживавшихъ особыми дворами и задворными людьми трудно провести какую бы то ни было разницу»³⁾; возможно, что «дѣловые, жившіе особыми дворами» послѣ указа 1679 г., въ силу котораго задворные люди были привлечены къ прямому обложенію, стали въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ замѣнять (въ качествѣ лицъ не тяглыхъ) прежнихъ задворныхъ людей. Слѣды такого перехода встрѣчаются въ актахъ не позднѣе конца XVII столѣтія; въ отпускной А. Борисовой своему дворовому человѣку 1690 г. она дѣлаетъ между прочимъ слѣдующее распоряженіе: «а которая земля дана ему въ удѣлъ вмѣсто годовой мѣсечины, то ему отдать безпятинно»⁴⁾. Впрочемъ «со второй половины 80-хъ годовъ» и «дѣловые задворные люди», наравнѣ съ задворными, поступаютъ въ ряды тягловыхъ, что, вѣроятно, какъ справедливо полагаетъ г. Дьяконовъ, и способствовало окончательному смѣшенію обоихъ разрядовъ⁵⁾. Подъ вліяніемъ такого смѣшенія дѣловые люди вступали со своими господами въ сдѣлки, на примѣръ, по образцу ссудныхъ записей, съ соответствующими видоизмѣненіями. Въ извѣстномъ намъ документѣ подобнаго рода нѣкій Григорей Ларіоновъ сынъ по прозванію дѣда и отца сво-

1) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 1639 г. Дек. Отписки, росписки и пр. о селахъ и деревняхъ старицы Ирины Михайловны Мстиславской.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. экон., Арх. 34, Хрон. 6344 (Коломенскаго уѣзда).

3) М. Дьяконовъ, Ор. cit., стр. 329—330.

4) М. Дьяконовъ, Ор. cit., приложение № 15; ср. № 16.

5) Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, в. II, стр. 43—44.

его Водопьяновъ, стариной (человѣкъ) Е. И. Мостицина, родившійся у него во дворѣ, далъ на себя «судную запись» въ Нижнемъ-Новгородѣ сыну его (которому онъ, Гр. Ларіоновъ, отданъ былъ самимъ Е. И. Мостицинымъ) стряпчему П. Е. Мостицину: «въ нынѣшнемъ во 195 г. Дек. 24, писалъ Г. Ларіоновъ, взялъ я Г. съ женою своею и съ дѣтми у него государя своего у П. Е. на ссуду себѣ на всякой домовой заводъ пять рублевъ денегъ да лошадь. И мнѣ Г. и женѣ моей и дѣтямъ моимъ съ тою его ссудою жити у него П. Е. и у дѣтей его во дворѣ въ дѣловыхъ людяхъ, гдѣ они укажутъ, и живучи всякую работу на него П. Е. и на дѣтей его работать по вся дни и тягло имъ всякое платить безъ ослушанія. [И] изъ за него государя своего П. Е. [и] изъ за дѣтей его не бѣжать и бѣжавъ ни за кого не задолжаться и отъ него П. Е. и отъ дѣтей его ни въ чемъ не отпираться. А буде я, Г., или жена моя и дѣти мои не учнемъ у него государя своего П. Е. и у дѣтей его жить или изъ за него и изъ за дѣтей его бѣжать и за кого заложимся и ему, П. Е. и дѣтямъ его, П. Е., по сей судной записи взять меня, Г., и жену мою и дѣтей моихъ по прежнему въ дѣловые люди и свою ссуду [т. е. взять-же?]. Далѣе (на оборотѣ подлинника) слѣдовали рукоприкладства самого Г. Ларіонова и послуховъ, а также указаніе на площадного подъячего писавшаго запись. Въ вышеприведенномъ документѣ, какъ видно, очень много сходнаго съ содержаніемъ ссудныхъ записей задворныхъ людей и крестьянъ, за исключеніемъ развѣ того, что въ послѣднихъ вмѣсто «вѣчнаго» жительства во дворѣ господина въ дѣловыхъ людяхъ рѣчь идетъ о такомъ же жительствѣ въ задворныхъ холопахъ и крестьянахъ; въ записи Г. Ларіонова есть даже упоминаніе объ уплатѣ имъ «всякаго тягла» хотя и не прибавлено условія о томъ, чтобы платить подати «со своею братьею съ дѣловыми людьми». Тѣмъ не менѣе запись Г. Ларіонова едва ли составлена безъ вліянія на нее аналогичныхъ актовъ, скрѣпившихъ отношенія задворныхъ людей или еще чаще крестьянъ къ своимъ землевладѣльцамъ; если признавать такой фактъ, то и позволительно будетъ утверждать, что «смѣшеніе» дѣловыхъ людей съ задворными повело къ нѣкоторымъ юридическимъ послѣдствіямъ.

Какъ бы то ни было, задворные люди ближе всѣхъ остальныхъ рядовъ холоповъ, стояли къ крестьянамъ, почему г. Дьякоповъ на нихъ главнымъ образомъ и устремляетъ свое вниманіе.

Терминъ «люди за дворомъ» или «задворные люди», по миѣнію автора, не былъ еще извѣстенъ въ XVI вѣкѣ: ни официальные документы, ни частные акты того времени не знаютъ его. Только памятники первой половины XVII вѣка, и то довольно рѣдко, начинаютъ упоминаеть о задворныхъ людяхъ» (стр. 242). Ни съ тою, ни съ другою половиною только что приведеннаго заключенія нельзя согласиться. Уже въ писцовыхъ книгахъ конца

XV-го вѣка мы встрѣчаемъ примѣры въ родѣ слѣдующаго: «Въ Наволочскомъ погостѣ (Деревской пятины) за кп. Д. А. Пѣнкомъ село Студенецъ: дв. княжъ Даниловъ челоуѣкъ Нестерикъ Павловъ, сѣть ржи 3 короби, а сѣна косить 30 копешъ; обжа, старого дохода изъ хлѣба поллове»; далѣе идетъ описаніе «христьянскихъ дворовъ»¹⁾. Въ памятникахъ первой половины XVI в. уже можно разыскать указанія не только на «дворныхъ и дѣловыхъ людей», но и на отличасмыхъ отъ нихъ «людей деревенскихъ»²⁾. Въ теченіе XVI-го вѣка, повидимому, постепенно устанавливается опредѣленный терминъ для зарождающагося состоянія задворнаго холопства. При описаніи Тверского уѣзда въ 1539—1540 гг. хотя фактъ жительства «людей» въ особыхъ дворахъ уже существуетъ, но въ довольно слабой степени; писцы обыкновенно описываютъ его такъ: «деревня такая то, въ ней... одишъ или нѣскольکو дворовъ, въ нихъ живутъ люди землевладѣльца»; наряду съ такими дворами упоминаются и крестьянскіе³⁾. Болѣе опредѣленные указанія объ этомъ разрядѣ населенія отпосыта ко второй половинѣ того же вѣка. Такъ на примѣръ, въ писцовой книгѣ Шелопской пятины 1571—1572 гг. сохранились свѣдѣнія о томъ, что у множества помѣщиковъ были «за дворомъ люди»; рѣже употребляется формула: «дворъ землевладѣльца такого-то, а людскихъ дворовъ столько то», или «а на задворку живутъ люди его такіе то»; наконецъ при описаніи помѣстья Аванасья Еремѣева между прочимъ сказано: задворныхъ людей Ованасевыхъ: в. Оишко Яковлевъ; в. Оетко Ивановъ; в. Яшко Немчинъ»⁴⁾ Едва ли можно считать подобнаго рода указанія не заслуживающими вниманія: они свидѣтельствуютъ о томъ, что изучаемый нами терминъ сталъ повидимому входить въ употребленіе въ послѣдней трети XVI столѣтія. Во всякомъ случаѣ, судя по извѣстіямъ первой трети XVII вѣка, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ уѣздовъ Московскаго государства, задворные люди можетъ быть и не представляютъ такой рѣдкости, какъ думаетъ г. Дьяконовъ. Въ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгахъ разрядъ задворныхъ людей, правда, не выдѣленъ изъ состава людскихъ дворовъ, но изъ того, что правительству пока еще не было нужды зачислять ихъ въ особую группу при регистраціи, нельзя еще заключать, что и самого разряда не существовало: судя по нѣкоторымъ признакамъ можно даже прійти къ обратному выводу. При описаніи отдѣльныхъ имѣній, на примѣръ, упомянуты

1) Новгород. Писц. кн., т. II, стр. 458.

2) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, № 5 (1545—1546 гг.).

3) Писц. кн. XVI в., т. II, стр. 42—47, 49, 54, 56, 120, 126—127, 129, 132; ср. т. I, стр. 220 и 744.

4) Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, книга по Новгороду, № 8, лл. 74, 118 об.—119, 122, 215; А. Ю., № 106; извѣстіе о помѣстьѣ А. Еремѣева уже было указано г. Рожковымъ.

и «задворные люди»; но въ перечняхъ (итогахъ), подводимыхъ подъ каждымъ изъ такихъ описаній, а слѣдовательно и въ общемъ итогѣ указано лишь общее число «людскихъ дворовъ»; такіе случаи можно встрѣтить въ писцовыхъ книгахъ различныхъ уѣздовъ, напримѣръ: Углицкаго, Кашинскаго, Воротынскаго и Бѣлевскаго¹⁾. Въ нѣкоторыхъ-же переписныхъ книгахъ 7154 г., задворные люди уже выдѣлены въ особую группу и составляютъ извѣстный процентъ всего сельскаго населенія²⁾. Такъ какъ цѣлый разрядъ населенія не могъ сложиться внезапно, то и остается предполагать, что уже въ первой половинѣ XVII в. численность «задворныхъ холоповъ» постепенно увеличивалась.

Не останавливаясь на выясненіи причинъ, которыя породили такое явленіе, вѣроятно вызванное главнымъ образомъ развитіемъ барской запашки съ послѣдней трети XVI-го вѣка особенно на югѣ, а также финансовой реформой 1630—1631 гг., Г. Дьяконовъ довольствуется тѣмъ, что констатируетъ количественный ростъ задворныхъ холоповъ во второй половинѣ XVII-го вѣка. Нельзя не замѣтить, что выводъ автора основанъ на весьма случайномъ матеріалѣ. Во 1-хъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что возрастаніе численности изучаемой нами группы населенія, повидимому, не всюду имѣло мѣсто: такъ напримѣръ, въ Московской половинѣ Ярославскаго уѣзда въ 1646 г. на 8868 населенныхъ дворовъ приходилось 457 дв. задворныхъ холоповъ, тогда какъ въ 1678 г. на 14062 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ нѣсколькихъ станахъ того же уѣзда оказалось всего лишь 431 задворныхъ; такимъ образомъ число дворовъ задворныхъ людей первоначально превосходившее 5%, въ 1678 г. упало до 3%; отношенія-же между соотвѣтствующими величинами въ южныхъ уѣздахъ, кажется, въ большой мѣрѣ подходятъ подъ общее положеніе г. Дьяконова³⁾. Во 2-хъ, хотя онъ и считаетъ «нагляднымъ подтверж-

1) Писц. кн. Кашинскаго уѣзда 7136—7137 гг. въ Арх. Мин. Юстиц., кн. 173, № 622. Писц. кн. Воротынскаго уѣзда въ Имп. Пуб. Библ. Древлехран. М. Погодина, № 1530, №№ 30, 34 и 42. Бѣлевская Виблюоика, изд. Елагинымъ, М. 1858 г., т. 1 и 2. Углицкія писцовыя книги, изд. Липинскимъ въ Временникѣ Демидовскаго лица. Послѣдніе факты уже отмѣчены и самимъ г. Дьяконовымъ на стр. 288; въ переписной книгѣ Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ текстѣ также иногда записаны задворные люди, а въ перечняхъ рѣчь идетъ о «задворныхъ дворахъ людскихъ»; Арх. Мин. Юст., кк. 7780—7781, № 789.

2) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7154 г. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 551. Въ Московской половинѣ этого уѣзда числилось напримѣръ: крестьянъ — 6514 дв., въ нихъ 21925 чел.; бобылей — 1897 дв., въ нихъ — 4728 человекъ; задворныхъ людей — 457 дв., въ нихъ 1236 чел.; что составитъ около 5% дворовъ задворныхъ людей на общее ихъ количество (8868).

3) Писц. кн. по Ярославскому уѣзду 7154 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 551. Надо имѣть въ виду, впрочемъ, что средняя населенность двора въ 1678 вообще была значительно нѣе прежней; едва ли правильно поэтому дѣлаетъ г. Дьяконовъ, приводя численность однихъ дворовъ въ своей таблицѣ; ср. стр. 99—103.

деніемъ своего вывода» прилагаемую имъ таблицу 14 уѣздовъ [? въ таблицѣ ихъ 16] съ показаніемъ числа дворовъ задворныхъ людей по переписнымъ книгамъ 1646—1647 и 1677—1678 гг. сравнительно съ числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ» (стр. 268), однако изъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ лишь одинъ можно считать убѣдительнымъ (итоги по Мещовскому уѣзду); по всѣмъ остальнымъ уѣздамъ имѣются или данныя переписи 7154 или итоги переписи 7186 г., такъ что матеріаловъ для сравненія относительнаго прироста числа задворныхъ людей въ распоряженіи автора почти вовсе не оказывается, а при такихъ условіяхъ едва ли онъ въ правѣ говорить о томъ, что выводъ его «подтверждается» таблицей; во всякомъ случаѣ, судя по свѣдѣніямъ приведеннымъ выше (стр. 104), можно предполагать, что численность задворныхъ людей начала XVII в. значительно возрасла къ концу его, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной окраины Московскаго государства.

Въ самомъ пониманіи термина «задворный холопъ» г. Дьяконовъ дѣлаетъ два ограниченія, не лишеныя значенія. «Первый выводъ, пишетъ авторъ, къ какому мы приходимъ, заключается въ томъ, что терминъ «задворный» примѣнялся не только къ опредѣленному разряду холоповъ; онъ обнимаетъ самые разнородные классы жителей въ Московскомъ государствѣ, прилагаясь одинаково и къ чиновнымъ особымъ, и къ нѣкоторымъ разрядамъ тяглаго населенія, и къ господскимъ крѣпостнымъ, и даже къ монастырскимъ людямъ» (стр. 246). Второй выводъ г. Дьяконова важнѣе перваго; онъ состоитъ въ томъ, что занятіе земледѣліемъ вовсе не исключительная профессія задворныхъ людей. Надо думать, что всякое дѣло въ хозяйствѣ того времени могло быть поручено задворному человеку, какъ и бобылю или дворовому холопу. Конечно, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ XVI—XVII вв. земледѣльческое хозяйство и его интересы занимали первенствующее положеніе, и, вѣроятно, задворные люди по большей части были приурочены къ различнымъ видамъ сельско-хозяйственной эксплуатаціи. «Важно однако отмѣтить, что это вовсе не считалось безусловно необходимымъ. Такое наблюденіе, какъ оно ни кажется маловажно съ перваго взгляда, имѣетъ, однако, важное значеніе: оно предостерегаетъ отъ неправильной постановки вопроса при разъясненіи происхожденія и особенностей задворной крѣпости» (стр. 248).

Дѣйствительно, съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконову удастся опредѣлить составъ задворнаго холопства, который оказывается гораздо болѣе разнообразнымъ, чѣмъ это принято было въ нашей литературѣ. «Полное холопство, на примѣръ, какъ элементъ въ составѣ задворныхъ людей, удостоверяется переписными книгами не только въ формѣ стариннаго холопства: книги отмѣчаютъ самыя разнообразныя сдѣлки на задворныхъ людей,

какія не могли бы относиться къ кабалнымъ холопамъ, по скольку намъ извѣстна юридическая природа кабалной неволи въ той формѣ, какъ она выяснилась по указамъ конца XVI вѣка. (стр. 254); мы видѣли, однако, что уже во второй половинѣ XVI вѣка сдѣлки подобнаго рода могли совершаться и по отношенію къ кабалнымъ людямъ, присутствіе которыхъ въ числѣ задворныхъ людей, впрочемъ, не отрицаетъ и самъ авторъ (стр. 249—250). Кромѣ того «элементомъ въ составѣ задворнаго холопства, по справедливому мнѣнію г. Дьяконова, являются разные иноземцы — выходцы и полоняники, которыми во второй половинѣ XVII вѣка весьма усиленно пополнялся также контингентъ крестьянъ и бобылей» (стр. 256). Наконецъ, въ задворные холопы «попадали люди по записямъ въ приказныхъ избахъ, а чаще и безъ всякихъ крѣпостей»; даже «чужіе холоны, временно уступленные по частному соглашенію ихъ господъ съ помѣщиками, нуждающимися въ рабочихъ рукахъ», могли оказаться въ числѣ задворныхъ людей (стр. 289).

Задворное холопство ближе всего стояло къ крестьянству. Естественно, что между тѣмъ и другимъ должно было установиться своего рода взаимодѣйствіе. «Если группа задворныхъ холоповъ, пишетъ г. Дьяконовъ, не представляла изъ себя юридически обособленной и замкнутой среды, то фактическое сближеніе ея съ массой тяглаго крестьянства могло тѣмъ удобнѣе развиться на почвѣ хозяйственныхъ землевладѣльческихъ интересовъ путемъ перевода задворныхъ людей въ среду крестьянства, вызваннаго «насущными экономическими и тяглыми потребностями» (стр. 261). И дѣйствительно, въ памятникахъ XVII в. мы встрѣчаемъ любопытныя указанія на превращеніе холоповъ въ половниковъ и крестьянъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ сибирскихъ дозорныхъ книгъ 1622—1623 гг. описано хозяйство половника Б. Мошеника, сказавшаго писцамъ, что «отпустилъ ево подъячей Якимъ Денисовъ отъ себя изъ холопства во 126 году и посадилъ ево у себя на пашни въ половники на шесть лѣтъ»¹⁾. Не задолго до 1680 года Е. Чернцовъ владѣлъ пустошью Астраганскаго монастыря; на ней онъ поселилъ «дворовыхъ своихъ старинныхъ крѣпостныхъ людей»; вслѣдъ за тѣмъ, вкладывая ихъ въ монастырь, тотъ же помѣщикъ писалъ: «а тѣ крестьяне никому не проданы и не заложены...»²⁾ Извѣстна также, благодаря разысканіямъ, г. Дьяконова, любопытная вкладная записъ К. Немтинова Сосновскому монастырю на задворнаго человѣка «вѣчно во крестьянство», написанная въ 1669 году³⁾. Наконецъ, съ 1498 года можно указать въ

1) Г. Шмелевъ, Новая работа по соціальной исторіи Россіи въ Труд. Археогр. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, стб. 562.

2) Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 164—165.

3) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 89.

теченіе одного XVI-го вѣка на нѣсколько случаевъ превращенія холоповъ, особенно благодаря духовнымъ завѣщаніямъ ихъ владѣльцевъ, не только въ свободныхъ людей, но и землевладѣльцевъ, напоминавшихъ, вѣроятно, прежнихъ крестьянъ-своеземцевъ, хотя и стоявшихъ въ то время ближе къ низшимъ разрядамъ служилыхъ людей¹⁾. Г. Дьяконовъ, имѣя въ виду однихъ задворныхъ холоповъ, какъ извѣстное общественное состояніе, слишкомъ мало останавливается на изученіи развитія имущественныхъ правъ холоповъ вообще, какъ важнаго момента въ исторіи крѣпостного права, что, однако, тѣсно связано съ «главною» темой его труда.

Всѣ вышеприведенные выводы г. Дьяконова, основанные на внимательномъ изученіи имъ матеріала, даютъ намъ, конечно, болѣе точное понятіе о составѣ одного изъ разрядовъ холопства, ближе всего стоявшаго къ крестьянству, чѣмъ тѣ, какіе до сихъ поръ были высказаны въ ученой литературѣ; но къ сожалѣнію они ничего новаго не сообщаютъ намъ о сущности задворнаго холопства, о юридическихъ его признакахъ и о степени его вліянія на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ; авторъ останавливается лишь на изученіи процесса прикрѣпленія задворныхъ людей къ государственному тяглу. Впрочемъ, мы дѣйствительно располагаемъ слишкомъ бѣднымъ матеріаломъ для того, чтобы выяснить юридическое (а не только фактическое) положеніе задворныхъ холоповъ; предположеніе о существованіи специальной задворной крѣпости до сихъ поръ нельзя считать достаточно обоснованнымъ²⁾. Правда намъ теперь извѣстна запись, данная не позднѣе 1661 года П. Ивановымъ княгинѣ А. Т. Нерымовой (?), и кажется, не обратившая на себя должное вниманіе со стороны г. Дьяконова, хотя она нѣсколько подходит къ такому типу крѣпостныхъ документовъ. Въ силу названнаго договора П. Ивановъ обязуется «жить у государыни своей за дворомъ себѣ избою, потому что онъ взялъ у государыни своей ссуду», за которую «ему у государыни своей служити и всякую работу работать»³⁾. Едва-ли, однако, сдѣлки подобнаго рода были распространены; напротивъ, въ переписныхъ книгахъ 1678 года встрѣчаются указанія въ однихъ случаяхъ на задворныхъ людей, «живущихъ по служилымъ кабаламъ», въ другихъ — на то, что землевладѣльцы, не смотря на требованія переписчиковъ, никакпхъ крѣпостей имъ не предъявили, причемъ иногда называли

1) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 130. Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 46, 55 и 66. В. Ключевскій, Ор. сіт. въ Рус. Мысли за 1886 г., кн. IX, стр. 80—86. Извѣстная духовная И. Г. Нагого 1598 г., кромѣ Сб. Троице-Сергіевой лавры, см. въ копіи, вѣроятно конца XVII-го вѣка, въ Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. Экон., Арх. 3, Хрон. 14553.

2) В. Ключевскій, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи въ Рус. Мысли за 1886 г., октябрь, стр. 5.

3) Акты, собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 55.

своихъ задворныхъ холоповъ — «старинными»¹⁾. Долговременныя разысканія г. Дьяконова остались безуспѣшными: ему удалось отмѣтить только одну «ссудную запись въ задворные люди», совершенно сходную съ крестьянскими (стр. 285) и можетъ быть даже сложившуюся подъ ихъ вліяніемъ. За отсутствіемъ какихъ либо точныхъ указаній въ источникахъ и незнаніемъ спеціальныхъ крѣпостей въ задворное холопство, намъ приходится воздерживаться отъ дальнѣйшихъ обобщеній; можно только замѣтить, что извѣстныя намъ задворныя крѣпости выданы на себя «отпущенникамъ», т. е. такими людьми, отношенія которыхъ къ своимъ новымъ господамъ еще не были укрѣплены какими либо другими актами.

Вліяніе дѣлового и задворнаго холопства на положеніе крестьянъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка также мало изучено г. Дьяконовымъ, а между тѣмъ оно имѣло, вѣроятно, довольно существенное значеніе въ исторіи частнаго прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства. Уже Судебникъ 1550 года предусматриваетъ случай, когда «крестьянинъ съ пашни продается кому въ полную въ холопи», о чемъ упоминаютъ и позднѣйшіе акты, какъ о практикѣ, очевидно получившей въ то время нѣкоторое распространеніе²⁾. Такой участи чаще всего подвергались, конечно, бѣднѣйшіе сельскіе жители, каковыми обыкновенно оказывались бобыли³⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Ярославскаго уѣзда 7135—7138 г. описано было, на примѣръ, между прочимъ сельцо Микусское (?), въ которомъ при дворѣ землевладѣльца числилось нѣсколько «людскихъ» дворовъ; въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ холопомъ жилъ «бобыль»⁴⁾. Въ томъ же уѣздѣ, судя по переписной книгѣ 7186 года, писцы насчитали довольно много такихъ лицъ: «да въ монастырскихъ же вотчинахъ, читаемъ мы въ итогѣ, и у помѣщиковъ и у вотчинниковъ взяты изъ крестьянъ въ ихъ помѣщиковы и вотчинниковы дворы для работы 128 крестьянъ съ дѣтьми, да недорослей и срослыхъ крестьянскихъ дѣтей 75 чел.»⁵⁾. Подобные же примѣры можно встрѣтить и въ южныхъ уѣздахъ, на примѣръ, въ Бѣлевскомъ⁶⁾. Иногда точнѣе указаны тѣ мотивы, которыми землевладѣльцы руководствовались при «взя-

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 230, 231 и 239; въ Жарской волости, на примѣръ, за М. Жожовымъ было село Бабурино, въ немъ: дворъ вотчинника да задворныхъ людей, «служать по кабальному холопству», всего 6 дворовъ людей 14 чело-вѣкъ. (Переписн. кн. Ярославскаго уѣзда за 7186 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 7791, л. 5 об.).

2) Судебникъ 1550 г., ст. 88. Доп. къ А. И., т. II, № 35; Р. И. Б., т. II, стб. 426.

3) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 209: «бобыльскія дѣти взяты въ помѣщиковъ дворъ за скудостью».

4) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7138 гг. въ Имп. Публ. Библиот. F IV, № 527, ст. 79.

5) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 7781, л. 788 об.

6) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 209, 211, 212.

тій» своихъ крестьянъ во дворъ или тотъ срокъ ихъ работы, по минованіи котораго они, вѣроятно, снова возвращались въ свои дворы. Въ Андожской волости, на примѣръ, (Бѣлозерскаго уѣзда) была описана между прочимъ деревня Никоновская: «въ ней дворъ столыника кн. Андрея Хованскаго, а на дворѣ живутъ ево люди приказные по перемѣнамъ и для пашни бобыль ево»¹⁾. Въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Колкачѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря стоялъ «дворъ скотный, а въ немъ живутъ крестьяни той же вотчины понедѣльно». Въ другомъ мѣстѣ того же уѣзда, въ деревнѣ Ирково, принадлежавшей Оедору Оедотову, также построены были «дворъ помѣщиковъ скотной, а въ немъ живутъ ево Оедоровы дворовые люди и крестьяне и бобыли изъ разныхъ деревень помесечно»²⁾. Въ большинствѣ случаевъ, однако, сроки жительства такихъ лицъ не означены и весьма вѣроятно, что положеніе ихъ мало разнилось отъ положенія дѣловыхъ людей, съ которыми они жили въ однихъ и тѣхъ же дворахъ и отправляли однѣ и тѣ же обязанности. Иногда встрѣчаются прямыя указанія на то, что «дѣловые люди» такого то землевладѣльца взяты изъ крестьянъ³⁾. Еще ближе конечно должны были соприкасаться задворные люди и крестьяне однихъ и тѣхъ же имѣній, что доказывается многими случаями «перевода задворныхъ людей въ среду крестьянства и пополненія задворнаго населенія оторванными и отбившимися отъ крестьянства элементами тяглою среды», причѣмъ участь подобнаго рода постигала въ особенности крестьянскихъ и бобыльскихъ дѣтей (стр. 265—267). Существовали даже записи, «по которымъ челобитчики поступали въ дворовые люди и въ крестьяне послѣдовательно или альтернативно». Первая изъ извѣстныхъ намъ записей вышеуказаннаго типа относится къ 1642 г.: ее далъ Н. Ивановъ С. И. Волкову въ крестьяне. Будучи «человѣкомъ» его, Н. Ивановъ вслѣдъ за тѣмъ записался къ нему же въ крестьяне съ женою и дѣтьми въ Ярославскомъ уѣздѣ въ Сельцѣ Головковѣ; взявъ ссуду въ 5 рублей онъ обязался жити въ крестьянехъ, отправлять издѣлье и платить «барскій доходъ, а также государевы подати». Въ случаѣ выхода С. И. Волковъ по записи получилъ право «взять на немъ ссуду и крестьянство»⁴⁾. При такихъ условіяхъ становилось возможнымъ и смѣшеніе одного состоянія съ другимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ готово было признать даже само правительство; въ Брянскомъ уѣздѣ, на примѣръ, писцы описывали въ 1676—1682 г. имѣніе Е. Г. Толбузина, причѣмъ перечисливъ его задворныхъ людей, внесли

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 228.

2) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 271.

3) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 152.

4) Влад. губ. вѣд. за 1858 г., № 7. М. Дьяконовъ (Op. cit., стр. 142), утверждаетъ, что такія записи «еще неизвѣстны въ исторической литературѣ».

слѣдующую запись: «а тѣ задворные люди крѣпки ему по прежнимъ переписнымъ книгамъ, потому что отцы ихъ написаны въ прежнихъ переписныхъ книгахъ бобылями»¹⁾. Въ XVII в. перечисленные нами виды холопской зависимости безъ сомнѣнія довольно быстро стали распространяться на крестьянское населеніе и, слѣдовательно, имѣли существенное значеніе въ процессѣ частнаго прикрѣпленія; съ такой именно точки зрѣнія г. Дьяконову, какъ намъ кажется, и слѣдовало подольше остановиться на изученіи означенныхъ явленій; между тѣмъ въ изложеніи автора отношеніе ихъ къ главной темѣ его труда выяснено односторонне, что лишаетъ и самыя явленія должнаго освѣщенія.

Въ имѣніяхъ духовенства, по мнѣнію г. Дьяконова, положеніе аналогичное съ задворнымъ холопствомъ занимали такъ называемые «монастырскіе дѣтеныши, замѣнявшіе здѣсь холопскій трудъ» (стр. 307). Нельзя не замѣтить, однако, что монастырскія власти продолжали пользоваться имъ въ теченіе XVI вѣка, причемъ иногда вовсе не прибѣгали къ услугамъ дѣтенышей. Такъ напримѣръ, за «Левкѣинымъ» монастыремъ въ Московскомъ уѣздѣ (Сурожскомъ стану) былъ дворъ монастырскій, да 4 двора людскихъ, пашни паханыя середніе земли 25 четъи»; за Чудовымъ и Бого-явленскимъ монастырями въ томъ же уѣздѣ (въ станахъ Монастынѣ, Быковомъ и Коровынѣ) писцы также описали въ 1585—1586 гг. «сверхъ монастырскихъ дворовъ по одному двору челядинному» за каждымъ, не считая крестьянъ и бобылей²⁾. Такимъ образомъ, въ вышепомянутыхъ монастырскихъ хозяйствахъ батрачeskій трудъ выполнялся «людьми» иногда при отсутствіи крестьянъ и бобылей. Бывали случаи, однако, когда на ряду съ «челядью» уже работали слуги и дѣтеныши. Такъ, за Троице Сергіевымъ монастыремъ, судя по писцовымъ книгамъ 1592—1594 гг., въ селлахъ, сельцахъ и деревняхъ числилось: въ Костромскомъ уѣздѣ — 6 холопскихъ дворовъ, въ Московскомъ 7 дворовъ дѣтенышей и 6 холопскихъ, далѣе въ Ростовскомъ 1 дворъ служень и 2 двора холопскихъ, наконецъ въ Переяславскомъ уѣздѣ: 23 двора монастырскихъ, да 8 дворовъ коровейныхъ да дворъ дѣтенышевъ да 14 дворовъ служнихъ да 10 дворовъ людскихъ... и т. д. За Ипатьевскимъ монастыремъ въ Костромскомъ уѣздѣ также числилось въ 1597—1600 гг. 36 дворовъ служнихъ, 16 дворовъ дѣтенышей и 5 холопскихъ³⁾. Нельзя какъ видно, пренебрегать количествомъ холоп-

1) Переписн. кн. Е. Замысловскимъ, стр. 140.

2) Писц. кн. Московск. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 113, 193, 197 и 220.

3) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 850. Н. Рожковъ, Ор. сіт., стр. 142—143. Существованіе подобнаго рода хозяйствъ, можетъ быть, объясняется ихъ происхожденіемъ: въ имѣніяхъ, вложенныхъ въ монастыри по душѣ вмѣстѣ съ людьми и крестьянами, прежній порядокъ отношеній могъ сохраниться.

скихъ дворовъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ конца XVI в., гдѣ они занимаютъ довольно видное мѣсто на ряду съ дѣтенышевыми и служными дворами; слѣдовательно, «замѣна» одного труда другимъ произошла далеко не такъ быстро и всецѣло, какъ склопенъ предполагать г. Дьяконовъ. Приведенные нами тексты любопытны и въ другомъ отношеніи: наряду съ дѣтенышами въ нихъ упомянуты слуги; самъ авторъ признаетъ, что въ монастырскихъ хозяйствахъ замѣною холопскаго труда явился крѣпостной батраческій трудъ: главнымъ образомъ дѣтенышей, а отчасти служебниковъ и служекъ.

Названіе «монастырскіе дѣтеныши», по мнѣнію г. Дьяконова, обнимало не однородную группу населенія монастырскихъ вотчинъ. Въ нее входили: 1) осиротѣвшія крестьянскія и бобыльскія дѣти; 2) обѣдѣвшіе крестьяне и бобыли и 3) наемные люди. Эти разряды существенно различались между собой. Первые два составляли крѣпостное населеніе, послѣдній слагался изъ вольныхъ людей и изъ крѣпостныхъ крестьянъ и бобылей (своихъ и чужихъ). Такое различіе въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ расчлененію дѣтенышей на старинныхъ и наймитовъ по оффиціальнымъ памятникамъ» (стр. 303)¹.

«Дѣтеныши, пишетъ далѣе авторъ, жили или въ монастырскихъ или въ своихъ дворахъ» (стр. 306). При просмотрѣ писцовыхъ книгъ мы выносимъ впечатлѣніе, что численность ихъ, насколько можно судить по отрывочнымъ примѣрамъ, вѣроятно подъ вліяніемъ причинъ, уже указанныхъ нами выше при упоминаніи о подобномъ же явленіи въ исторіи задворныхъ холоповъ, нѣсколько возрастаетъ къ XVII-му вѣку. Такимъ образомъ вышеприведенное утвержденіе автора, вѣроятно, нуждается въ поправкѣ, которую теперь, впрочемъ, при почти полномъ отсутствіи изданныхъ писцовыхъ книгъ XVII в. по уѣздамъ, сдѣлать едва ли возможно²). Другая особенность въ положеніи дѣтенышей, по мнѣнію г. Дьяконова, состояла въ томъ, что

1) Къ вышеуказаннымъ тремъ группамъ г. Дьяконовъ присоединяетъ на стр. 305 еще четвертую, а именно «дѣтенышей по записямъ или дѣтенышей-порядчиковъ» едва ли впрочемъ, на достаточно прочныхъ основаніяхъ; о дѣтенышахъ-наймитахъ см. въ Р. И. Б., т. II, № 259.

2) Въ писцовыхъ книгахъ XVI в., изданныхъ Н. Калачевымъ, число дѣтенышевыхъ дворовъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, даже самыхъ богатыхъ монастырей, какъ напри- мѣръ, Троице-Сергіевой лавры, если не ошибаемся, крайне рѣдко доходитъ до 20; въ извѣстныхъ намъ уѣздныхъ писцовыхъ книгахъ второй четверти XVII в. дѣтеныши въ особыхъ дворахъ упоминаются гораздо чаще. Въ 1592 - 1593 гг. въ Переяславль-Залѣскомъ уѣздѣ на 872 двора крестьянскихъ, бобыльскихъ и дѣтенышевыхъ, принадлежавшихъ Троице-Сергіеву монастырю, приходился 1 дв. дѣтенышей, т. е. 0,10%; а въ ближайшемъ съ Переяславскимъ Кашинскомъ уѣздѣ, судя по писцовой книгѣ 7136—7137 гг., въ числѣ 1702 монастырскихъ дворовъ было 67 дѣтенышевыхъ, т. е. около 4% (Писц. кн., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 850 и Писц. кн. Кашинскаго уѣзда въ Арх. Мин. Юст., кн. 173); ср. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 307.

они отправляли сельскія работы на монастырь за жалованье, мѣсячное или годовое (стр. 305). Указанными чертами дѣтеныши напоминаютъ намъ дѣловыхъ людей въ мірскихъ имѣніяхъ, на что г. Дьяконовъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя онъ же и приводитъ текстъ, въ которомъ, повидимому, дѣтеныши названы «дѣтми дѣловыми» (стр. 306).

Дѣтеныши или «дѣти монастырскіе» обыкновенно «пахали пашню на монастырь». Изрѣдка встрѣчаются однако упоминанія иного рода; г. Дьяконову слѣдовало-бы припомнить, напримѣръ, что въ вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря въ станахъ Радонежскомъ и Корзеневѣ въ 1593—1594 гг. было между прочимъ село Клементьевское; въ немъ кромѣ тяглыхъ крестьянъ, оказалось 26 дворовъ непашенныхъ, населеніе которыхъ, вѣроятно, занималось отчасти промыслами и мелкой торговлей, происходившей въ селѣ по воскресеньямъ; въ числѣ не пашенныхъ писцы описали и три двора дѣтенышей¹⁾.

Кромѣ дѣтенышей въ монастырскихъ хозяйствахъ того времени работали еще служебники, уже извѣстные по актамъ XVI вѣка²⁾. Г. Дьяконовъ не попытался выяснитъ ихъ общественное положеніе, что, впрочемъ, объясняется отчасти скудостью свѣдѣній о немъ. Во всякомъ случаѣ между дѣтенышами и служебниками существовало нѣкоторое сходство. Послѣдніе также набирались, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ крестьянъ; въ Ярославскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 1670-хъ годахъ, за монастырями числилось «старинныхъ служебниковъ 24 двора, людей 57 человекъ, да служебниковъ, которые взяты изъ крестьянъ 24 двора, людей въ нихъ 61 человекъ»³⁾. Служебники иногда жили на господскомъ дворѣ, иногда и отдѣльно; они повидимому причислялись къ «работнымъ людямъ»; въ числѣ ихъ упоминаются и монастырскіе дворники, и «трудники, сидящіе на пашиѣ»; подобно дѣтенышамъ они получали жалованье, и едва ли не представляли переходнаго состоянія къ служкамъ, такъ какъ въ отличіе отъ дѣтенышей пользовались собственною запашкой⁴⁾.

Между дѣтенышами, служебниками и служками какъ справедливо замѣчаетъ самъ г. Дьяконовъ, «можно указать рядъ сходныхъ чертъ какъ по происхожденію, такъ и по роду занятій» (стр. 305). Дѣйстви-

1) Писц. кн. Моск. госуд., т. I, стр. 286.

2) Рус. Ист. Библ., т. V, № 1; ср. Отпись Корнильева монастыря въ Спасоприлуцкій 7 Апрѣля 1620 г. о крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ въ Вологодск. губ. вѣд. за 1864 г., № 4.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., Писц. кн. Ярославск. уѣзда 7186 г., кн. 7791, лл. 246—247.

4) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 261, 280, 299. В. Сторожевъ, Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Костромскихъ монастырей Ипатьевского и Богоявленскаго, М. 1894. Отрывокъ изъ книгъ Ипатьевского мон., изд. П. Лихачевымъ; Акты Нижегород. Печ. В. мон., изд. г. Титовымъ, стр. 360 и 361. Вологод. губ. вѣд., за 1864 г., № 4; Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 169.

тельно составъ служекъ также пополнялся изъ крестьянъ. Судя по Ярославской писцовой книгѣ 7186 г., напримѣръ, «въ городѣ, въ слободахъ съ посадскими людьми» числилось «монастырскихъ старинныхъ слугъ 29 дворовъ, людей 73 человекъ, да служниихъ же, которые взяты изъ крестьянъ, 14 дворовъ, людей въ нихъ 38 человекъ и 4 двора вдовыхъ, людей 5 человекъ»¹⁾; на основаніи приведенной записи можно сказать, что въ служки понадали не одни только дѣти крестьянъ и бобылей, что слѣдуетъ изъ текстовъ, извѣстныхъ г. Дьяконову²⁾. Любопытно также указаніе на наемныхъ служекъ, разысканное авторомъ. Несмотря на нѣкоторую общность происхожденія дѣтенышей и служекъ, положеніе ихъ, какъ справедливо выясняетъ г. Дьяконовъ, имѣло свои характерныя особенности. Правда, что и служки иногда живали въ монастырскихъ дворахъ³⁾; но такіе случаи, не отмѣченные авторомъ, были повидимому весьма рѣдки; служки обыкновенно занимали особые дворы, которые и упоминаются въ итогахъ писцовыхъ книгъ⁴⁾; отправляя сельскія работы, о которыхъ свидѣлствуютъ уже писцовыя книги XVI в., а не только приводимыя авторомъ переписныя 7186 г.⁵⁾, служки иногда имѣли собственную запашку взамѣнъ жалованья, когда таковое имъ полагалось. Не мѣшаетъ еще замѣтить, что въ одномъ текстѣ, при упоминаніи о «служней пашнѣ», прибавлено: «а съ тое нашии служить они государеву службу и монастырскую»⁶⁾. Во всякомъ случаѣ возможно, что работники, сидѣвшіе въ особыхъ дворахъ на пашнѣ, особенно при размноженіи ихъ въ XVII в., стали замѣнять въ монастыр-

1) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 7791 (Опис. № 2956), лл. 246—247. Старинные рабочіе въ данномъ случаѣ, какъ видно, отличаются отъ новоприборныхъ.

2) Переписн. кн. изд. Е. Замысловскимъ, стр. 185, 213, 279 и 280.

3) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. II, стр. 418.

4) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 193, 221, 265, 808, 872 и 892; т. II, стр. 33, 1431, 1479 и 1488; примѣры перечисленія дворовъ дѣтенышей и слугъ (каждаго разряда отдѣльно) см. *ibid.*, т. I, стр. 850 и 854; т. II, стр. 1210 и 1524.

5) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 146 и 198; т. II, стр. 34 и 418. Здѣсь упоминается о «служвей пашнѣ». Въ переписной книгѣ всѣхъ сель и деревень въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1600—1601 гг. было исчислено 2176½ чети пустыхъ земель, оставшихся за монастыремъ; «и съ того числа, читаемъ мы далѣе въ той же книгѣ, слугъ монастырскихъ устроено на той пустой землѣ 34 человекъ, а дано по 20 чети человекъ, и того 680 чети; а имъ съ тое пашни служить монастырская служба на своихъ лошадахъ» (Биба. Спб. Дух. Акад. Кир., № 70/1809, лл. 154—156).

6) Укажемъ примѣръ болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ тѣ, которые приводитъ авторъ. Въ Талицкой волости Владимірскаго уѣзда въ 1617—1618 гг. за Покровскимъ дѣвичьимъ Суздальскимъ монастыремъ въ вотчинѣ числилось: пашни паханной монастырской земли 8⅓ четв., перелугу 50⅔ четв., служни земли паханной 3⅓ четв., перелугу и пр. 11⅞ четв., крестьянской паханной 16 четв. перелугу 170⅞ четв. (Румянцев. и Публичн. Музей, № 1598: Дозорныя и отказныя книги по Владимірскому уѣзду 1600—1625 гг.). Судя по грамотѣ патріарха Іоакима игумеву Николаевскаго Пѣсношскаго монастыря 1688 г. служки получаютъ на ряду съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ сѣвныя покосы, но не пашню (Акты, собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 94). Углиц. писц. кн., стр. 182.

скихъ имѣніяхъ холоповъ, жившихъ за дворомъ у мірянъ-землевладѣльцевъ; не даромъ въ итогахъ переписныхъ книгъ задворные люди иногда попадали въ одну и ту же статью съ дѣтенышами и служками ¹⁾).

Хотя положеніе дѣтенышей, служебниковъ и служекъ нельзя отождествлять съ холопскимъ, однако, едва ли можно считать его и вполне свободнымъ; если припомнить, что въ составъ указанныхъ разрядовъ входило не мало крестьянъ, то и не трудно будетъ высказать предположеніе, что нѣкоторыя изъ явленій, разсмотрѣнныхъ нами выше и происходившихъ въ имѣніяхъ духовенства, были аналогичны съ частнымъ прикрѣпленіемъ.

Слѣдовательно, въ частныхъ имѣніяхъ XVII вѣка вообще происходилъ въ извѣстной мѣрѣ одинъ и тотъ же процессъ взаимнаго сліянія: съ одной стороны холопы постепенно сближались съ крестьянами, съ другой послѣднихъ легче было переводить въ холопы: привлекая крестьянъ и бобылей, въ особенности лишенныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, въ составъ задворныхъ холоповъ, дѣтенышей и тому подобныхъ состояній, землевладѣльцы, очевидно, распространяли дѣйствіе хотя бы и смягченнаго холопскаго права на населеніе, первоначально далеко отстоявшее отъ него.

Несомнѣнно, при этомъ, что такому сліянью благопріятствовало и то давленіе землевладѣльцевъ, подъ которое попадали какъ холопы, такъ мало по малу и крестьяне владѣльческихъ имѣній. Г. Дьяконовъ почти все не касается ихъ дѣятельности, хотя она и имѣла важное значеніе не только въ процессѣ частнаго прикрѣпленія, но и въ исторіи прикрѣпленія къ государственному тяглу. Извѣстіе Вассіана Патрикѣева объ «истязаніи бичемъ христіанъ братій нашихъ», въ сущности довольно туманное, авторъ относитъ лишь «къ безнадежнымъ должникамъ» (стр. 78). Г. Дьяконовъ, въ данномъ случаѣ, упустилъ изъ виду нѣсколько позднѣйшее свидѣтельство, гораздо болѣе опредѣленное, чѣмъ слова В. Патрикѣева или даже Максима Грека. П. Соловцовъ, землевладѣлецъ, кажется, Нижегородскаго уѣзда, въ 1627 году составилъ свою духовную, въ которой, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ, во своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣнемъ, а иныхъ еси грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и предъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ...»; и далѣе: «такожъ крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, лаею и ударомъ и продажею по винѣ и не по винѣ, во всемъ передъ ними виноватъ: простите меня и благословите и разрѣшите мою

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 161.

грѣшную душу въ семь вѣщъ и въ будущемъ...»¹⁾). Подъ давленіемъ землевладѣльцевъ, находившемъ отчасти опору въ ихъ правахъ и полномочіяхъ²⁾, указанные процессы, вѣроятно, происходили быстрѣе обыкновеннаго: землевладѣльцы насильно припуждали вольныхъ людей поступать въ холопы³⁾ и произвольно сажали холоповъ во крестьяне. Развитіе служилаго землевладѣнія со второй половины XVI-го вѣка также должно было содѣйствовать ухудшенію фактическаго положенія крестьянъ, отражавшагося, конечно, и на юридическомъ ихъ состояніи. Изрѣдка крестьяне, повидному, пытались оградить себя отъ злоупотребленій помѣщиковъ: порядчики въ поморскихъ уѣздахъ иногда включали въ свои порядныя условіе о томъ, чтобы владѣлецъ снимаемаго ими участка не «выслалъ ихъ вонъ» изъ своей деревни до истеченія срока порядной, въ противномъ случаѣ обязывая его уплатой пени⁴⁾). Кроме того, сохранилась запись новгородскаго помѣщика И. Панова данная имъ своему крестьянину въ 1647 году; «п миѣ, Ивану Панову, читаемъ мы въ ней, ево Ивашка не изгонитъ и никому ево не продать и не промѣнить и въ заставу не заложитъ и никакова дурна надъ нимъ не учинитъ и держати ево миѣ, Ивану, во крестьянехъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у себя держатъ»; въ противномъ случаѣ «Ивашко» получалъ право «прочъ отойти на всѣ четыре стороны»⁵⁾). Сдѣлки подобнаго рода, кажется, были чрезвычайно рѣдки и не могли оградить громадное большинство крестьянскаго населенія отъ угрожавшаго ему рабства. Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ не выяснилъ значеніе отмѣченнаго нами фактора въ исторіи прикрѣпленія, ограничившись указаніями на тѣ сдѣлки на крестьянъ первоначально съ землею, а потомъ и безъ земли, которыя были уже въ полномъ ходу въ первой половинѣ XVII вѣка⁶⁾). Вѣроятно, на основаніи собранныхъ имъ извѣстій и сложилось у автора мнѣніе, что вторая половина XVII вѣка — время «полнаго господства крѣпостныхъ норядковъ» (стр. 14, 15); мы думаемъ, однако, что о «полномъ господствѣ» можно говорить только съ того времени, когда произошло окончательное сліянiе холоповъ съ крестьянами, признанное и утвержденное указами первой четверти XVIII-го вѣка.

1) А. о. до Ю. Б., т. I, № 86, 1.

2) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, прил. № 2.

3) Доп. къ А. И., т. II, № 35; Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 7. Челобитная кабалнаго челоуѣка А. Изотова, принадлежавшаго покойному И. С. Давыдову, на его жену и дѣтей, не желающихъ выдать отпускной А. Изотову: челобитчикъ жаловался на то, что они его удерживаютъ насильно и, оковавъ, на морозъ въ онбары мечутъ и, всякими непретерпимыми побой побивъ, замертво покидаютъ, «а велятъ ему неволею на себя служилую кабалу дати».

4) Р. И. Б., т. XIV, стб. 101, 103 и 356.

5) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 40.

6) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 49; в. II, №№ 33, 50, 52, 60, 73 и 91.

Такимъ образомъ, «отрывочность» изложенія, которую г. Дьяконовъ самъ признаетъ въ своей книгѣ, кажется, особенно сильно обнаруживается при изображеніи имъ того фактора прикрѣпленія, который можно назвать «охолопленіемъ» крестьянства. Тѣмъ не менѣе и въ этой области авторъ сообщаетъ много новаго и свѣжаго матеріала (напр., ссудную запись въ за-дворные люди, записи въ дворовые и крестьяне «послѣдовательно или альтернативно», поступную на крестьянъ безъ земли 1598 г. и т. п.) и, не формулируя новыхъ общихъ выводовъ, во многомъ однако исправляетъ мнѣнія уже высказанныя въ литературѣ, дополняя ихъ частными заключеніями, большинство которыхъ, вѣроятно, не замедлитъ войти въ научный оборотъ.

VI.

Ни причины, вызывавшія частное прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ (гл. III), ни обстоятельства способствовавшія его усиленію и распространенію (гл. V), не могли, конечно, послужить основаніемъ государственнаго прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу, хотя и вызвали его, какъ реакцію противъ процесса, наносившаго существенный ущербъ казнѣ: московское правительство не замедлило обратить вниманіе на то, какъ благодаря развитію частнаго прикрѣпленія множество крестьянъ выбывало изъ числа плательщиковъ и противъ него направило прикрѣпленіе къ государственному тяглу, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ времени, который изучилъ г. Дьяконовъ (XVI—XVII вв.). Съ иной точки зрѣнія правительство смотрѣло на старину и фикцію принадлежности: оно содѣйствовало ихъ развитію, поскольку пользовалось ими, какъ основаніями государственнаго прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу. Авторъ разбираемаго нами труда не опредѣлилъ, въ какомъ отношеніи частное прикрѣпленіе стояло къ государственному, но онъ не мало потрудился надъ выясненіемъ послѣдняго процесса; въ силу принятаго имъ плана онъ разсматриваетъ его, однако, порознь примѣнительно къ исторіи отдѣльныхъ слоевъ тяглаго населенія. При такихъ условіяхъ г. Дьяконовъ не даетъ цѣльнаго изображенія въ своихъ очеркахъ изучаемаго имъ явленія; онъ не указываетъ также и тѣхъ основныхъ моментовъ, на которые естественно распадается его эволюція.

Первоначально московское правительство стремилось удержать наличныя платежныя силы въ тяглѣ; такую именно цѣль и имѣли мѣры государственнаго прикрѣпленія крестьянъ, половниковъ и бобылей; замѣтивъ, однако, что несмотря на указанныя мѣропріятія многіе тяглецы продолжаютъ ускользать изъ тягла, попадая въ составъ того сельскаго населенія, ко-

торое до XVII в. не было палогоспособнымъ, т. е. въ ряды задворныхъ людей и монастырскихъ дѣтеньшей, оно постаралось и ихъ привлечь къ обложенію. Разсмотримъ съ указанныхъ нами точекъ зрѣнія тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ при изученіи прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства, сидѣвшаго на частновладѣльческихъ земляхъ, къ тяглу и привлеченія его къ обложенію ¹⁾.

Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ нигдѣ опредѣленно не указываетъ, въ какихъ процессахъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, обнаружилось государственное прикрѣпленіе къ тяглу. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что таковыми являются: 1) постепенное ограниченіе вольнаго перехода и 2) превращеніе оброчниковъ въ тяглецовъ.

Постепенное ограниченіе вольнаго перехода коснулось прежде всего крестьянъ старожильцевъ, а затѣмъ новопорядчиковъ; мало по малу захватывая все большее число населенія, оно вскорѣ распространилось и на остальные классы сельскихъ тяглецовъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ.

Старинные крестьяне были въ XV—XVI вв. тяглецами по преимуществу, во первыхъ, вѣроятно, въ виду особаго положенія ихъ въ тяглоѣ общинѣ; во вторыхъ, потому, что сама старина отчасти складывалась подъ вліяніемъ тягла. Г. Дьяконову слѣдовало обратить вниманіе на эти обстоятельства, ибо ими, какъ намъ кажется, объясняется и подкрѣпляется одинъ изъ главнѣйшихъ его выводовъ о податномъ положеніи старожильцевъ. Въ самомъ дѣлѣ можно предполагать, что старожильцы были обыкновенно и самыми состоятельными членами общины; не даромъ бѣднѣйшіе изъ нихъ назывались «молодшими», а терминъ «омолодалъ», часто замѣняли въ старинныхъ актахъ однозначущимъ выраженіемъ: «оскудалъ» ²⁾. Ясно, что первые поселенцы, превращавшіеся въ старожильцевъ, занимали лучшія земли и угодыя въ округѣ, предоставляя худшіе участки новоприходцамъ. Наблюдатели современной крестьянской общины въ наиболѣе первичныхъ ея формахъ обратили вниманіе на то, что «старожительскія души имѣютъ право оставлять за собой любую часть своей старины, лучшія полосы въ каждомъ сортѣ земли; причемъ имѣютъ обыкновенно землю cadaго сорта въ одной полосѣ, а иногда — и всѣ сорта въ одномъ участкѣ (а не разбросанно)» ³⁾.

1) Въ виду краткости мы будемъ называть первый изъ указанныхъ нами процессовъ — прикрѣпленіемъ къ тяглу, а второй — привлеченіемъ къ обложенію. Г. Дьяконовъ касается мимоходомъ прикрѣпленія въ черныхъ волостяхъ (въ 3-мъ очеркѣ); но такъ какъ главная его тема иного рода (см. выше), то мы и не будемъ выходить изъ ея предѣловъ въ предлагаемой рецензіи.

2) Отдѣльные примѣры можно найти въ актахъ, приводимыхъ самимъ г. Дьяконовымъ, *Op. cit.*, стр. 216 и 300.

3) А. Кауфманъ, *Op. cit.*, стр. 143.

Нѣчто подобное могло происходить въ древнее время и въ центральной области Московскаго государства даже при отсутствіи земельныхъ передѣловъ, а тѣмъ паче предполагая постепенное развитіе ихъ уже въ позднѣйшій періодъ нашей исторіи. Во всякомъ случаѣ старожильцы, будучи «семьянистыми крестьянами», вѣроятно, находили и другіе способы сохранить за собою преимущества сравнительно съ «безсемейными», на что послѣдніе иногда били челомъ государю ¹⁾. Г. Дьяконовъ не попытался объяснить особенности въ положеніи старожильцевъ, какъ членовъ тяглои общины, хотя оно, очевидно, оказывало вліяніе и на прикрѣпленіе ихъ къ тяглу. Авторомъ также почти не затронута значеніе его въ образованіи самой старины. Было время, когда Московское правительство не придавало большого значенія началу старины. Такъ на примѣръ, въ 1423 году великій князь Василій Дмитріевичъ предоставилъ «тѣмъ людямъ, кого Спасско-Благовѣщенскій монастырь къ себѣ на тѣ пустоши перезоветъ и тутошнихъ старожильцевъ», свободу отъ разнаго рода податей; подобныя же указанія встрѣчаются и въ другихъ актахъ первой половины XV в. ²⁾; иногда свѣдѣнія менѣе опредѣленны: «а хто будетъ старожильцовъ моихъ людей, читаемъ мы въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича 1451 года на два села Гороховской волости, данныя Спасо-Евхимьеву монастырю, — и съ тѣхъ деревень розошлись, а придуть опять на свои мѣста ино имъ не надобѣ [прежній] оброкъ на два года, а уйдуть два года и они даютъ по старому...» ³⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, переходъ старожильцевъ не вызываетъ противъ себя какихъ либо специальныхъ мѣропріятій можетъ быть потому, что дѣло идетъ не о дворцовыхъ, а о монастырскихъ вотчинахъ. Какъ бы то ни было, позднѣе само Московское правительство, разумѣется, стало признавать дѣйствіе писцовой старины. «Лѣта 177-го, читаемъ мы, на примѣръ, въ одномъ актѣ, отданъ по старинѣ во крестьянство Родка... пусторжевцу К. Беклемишеву, потому что отецъ его, Родкинъ, написанъ въ писцовой книгѣ за дѣдомъ его за Андреемъ Беклемишевымъ, а номѣстье его Андреево отдано ему К. Беклемишеву» ⁴⁾. Въ приведенной записи понятіе о старинѣ, кажется, переплетается съ фикціей принадлежности, причемъ и тѣмъ и другимъ мотивируется «отдача Родьки». Кромѣ того, въ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженія въ родѣ слѣдующаго: «село такое то и съ деревнями, кои деревни изстари къ нему потягли» ⁵⁾. Стариннымъ крестьяниномъ съ финан-

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 66.

2) А. Э., т. I, №№ 21, 23, 39 и 51.

3) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 163.

4) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, приложение № 3.

5) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 3, 9 и др. Акты и пр., собр. А. Федотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 94 (стр. 270).

совой точки зрѣнія можно было назвать такого сельскаго жителя, который издавна сидѣлъ на тягломъ участкѣ или возвращался на прежній тяглый жеребей, хотя бы онъ и не сразу оказывался способнымъ продолжать выплачивать лежавшія на немъ подати. Сами крестьяне писали иногда въ порядныхъ, что «они крѣпки своимъ государямъ по своимъ тяглымъ участкамъ» ¹⁾. Записка въ писцовыя книги, которая имѣла такое значеніе для доказательства старины, въ сущности одновременно свидѣтельствовала о припискѣ даннаго лица къ тяглу (или къ данному тяглу обществу), въ виду чего и составлялись самыя книги. Сыскъ крестьянъ въ старинныхъ дѣлахъ иногда мотивированъ въ такомъ же смыслѣ: напримѣръ, въ 1631 году велѣно было крестьянина А. Сергѣева съ семьей «перевести назадъ за государя на старину... на старій ево жеребей на тягло (и на пашню) по прежнему» ²⁾. Наблюденія подобнаго рода, кажется, свидѣлствуютъ, что частью съ владѣльческой, а главнымъ образомъ съ правительственной точки зрѣнія старожильцемъ оказывался тотъ, кто не только издавна сидѣлъ на данномъ участкѣ, но и изстари тянулъ тягло со своего жеребья. Указанная точка зрѣнія можетъ быть повліяла и на то различіе, которое проводится между старожильцами и «инокняжцами» въ великокняжескихъ грамотахъ. «А тутошнихъ людей станovýchъ, читаемъ мы въ одной изъ нихъ, данной нижегородскимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Благовѣщенскому монастырю (1410—1417 гг.), игуменъ въ монастырь не примаеть; а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ инога княженія, а не изъ моее отчины и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ моа дань... ни инаа никотораа пошлина на десять лѣтъ; а уживуть десять лѣтъ и они потянутъ съ старожильцы по силѣ...» ³⁾. Старожильцы, какъ видно, въ данномъ случаѣ отличаются отъ инокняжцевъ тѣмъ, что, будучи «тутошними» людьми, оказываются старинными тяглецами въ противоположность пришлымъ людямъ, перезваннымъ на льготу изъ «иныхъ княженій» ⁴⁾.

Если вышеприведенныя соображенія правильны, то и выводы г. Дьяконова относительно тяглаго значенія старожильцевъ станутъ понятными. Между тѣмъ авторъ, не останавливаясь на объясненіи причинъ такого явленія, лишь констатируетъ его существованіе. Внимательное изученіе древнѣйшихъ извѣстій о старожильцахъ приводитъ его къ двумъ заключеніямъ, кажется, вполне прочно имъ установленнымъ: во 1-хъ, автору удалось доказать, что податное положеніе старожильцевъ было менѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе новоприходцевъ, ибо въ силу болѣе или менѣе общаго пра-

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 43.

2) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 59; ср. стр. 72.

3) А. Э., т. I, № 17.

4) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 8, 12, 15 и 27.

вила, послѣдніе бывали обложены легче первыхъ; во 2-хъ, согласно раниѣ уже сдѣланнымъ наблюденіямъ¹⁾ онъ указалъ и на то, что старожильцы стали терять право перехода (уже въ силу первыхъ извѣстныхъ намъ грамотъ 1455—1462 гг., содержащихъ свѣдѣнія о немъ) раньше другихъ разрядовъ крестьянъ, причемъ такая норма была признана и цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ правительственныхъ указовъ (стр. 22—31). Нельзя не замѣтить, однако, что порядокъ, указанный г. Дьяконовымъ едва ли дѣйствовалъ вполне однообразно во всѣхъ русскихъ княжествахъ XV-го и начала XVI-го вѣка. Въ жалованныхъ грамотахъ князей Бѣлозерскихъ, Вологодскихъ, Угличскихъ и Волоцкихъ встрѣчается формула, кажется, нѣсколько отличная отъ той, которой обыкновенно держались московскіе князья: запрещающая грамотчикамъ принимать людей изъ своихъ отчинъ, князья вышеназванныхъ княжествъ прибавляли: «и кого онъ (грамотчикъ) изъ иныхъ княженій или кого окупивъ посадить, и тѣмъ людямъ, старожильцомъ, и пришлымъ и окупленнымъ не надобѣ моя дань и проч.»; о какихъ старожильцахъ здѣсь идетъ рѣчь, не ясно, а между тѣмъ г. Дьяконовъ не останавливается на выясненіи значенія подобныхъ формулъ, какъ будто уравнивающихъ «старожильцовъ» съ людьми «пришлыми и окупленными»²⁾. Въ одной изъ жалованныхъ грамотъ того времени (1451 года), отличающейся тою же формулировкой, въ концѣ прибавлено: «а отъсѣдять старожильцы три годы, а пришлые десять лѣтъ, ино дають въ казну оброку князю — столько то»³⁾; но въ началѣ грамоты не было точно указано срока льготы отъ дани и прочихъ «пошлинъ», такъ что князь не различалъ старожильцевъ отъ пришлыхъ настолько, насколько и тѣ и другіе были освобождены отъ тягла, и, вообще такого добавленія въ вышеприведенныхъ актахъ не имѣется. Г. Дьяконову слѣдовало также обратить вниманіе и на то, что князья разныхъ княжествъ различно относились къ праву перехода: Московскіе князья уже въ XV в. запрещали перезывать «издѣшнихъ людей» не только «письменныхъ», но и «не письменныхъ»; тогда какъ въ жалованныхъ грамотахъ князей Рязанскихъ (1497—1519 гг.) землевладѣльцамъ все еще разрѣшается «призывать къ себѣ» «издѣшнихъ людей не письменныхъ»⁴⁾. Вѣроятно, старожильцы были по преимуществу «письменными людьми», тогда какъ новоприходцы чаще всего входили въ составъ «неписьменныхъ», если только не разумѣть подъ этими категоріями спеціальные разряды населенія, что кажется намъ

1) В. Ключевскій, *Op. cit.*, стр. 38—39.

2) А. Э., т. I, № 374; А. И., т. I, №№ 74 и 108; Доп. къ А. И., т. I, № 17.

3) Доп. къ А. И., т. I, № 193.

4) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, № 15 (грамота в. к. Василия II, 1461 г.) и №№ 40, 53, 54, 57 и 111 (грамоты в. к. Рязанскихъ 1497—1519 гг.).

менше вѣроятнымъ ⁹⁾. Въ такомъ случаѣ, принимая первое изъ высказанныхъ нами предположеній, мы придемъ къ заключенію, что собственно въ великомъ княжествѣ Московскомъ право вольнаго перехода было ограничено строже, чѣмъ въ другихъ княжескихъ территорияхъ (Рязанской) XV в. и, можетъ быть, касалось не однихъ старожильцевъ. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что свобода ихъ передвиженія далеко еще не была стѣснена окончательно: сохранилось множество грамотъ XV и первой половины XVI-го вѣка, въ силу которыхъ землевладѣльцы имѣли право «призывать къ себѣ жить всякихъ людей», причемъ о старожильцахъ ничего не сказано ¹⁾. Обратное правило было выражено лишь въ позднѣйшее время; оно ясно изложено въ одномъ наказѣ 1612 года дворцовому прикащику Обо-нежскихъ волостей. «Старыхъ крестьянъ, читаемъ мы здѣсь изъ тѣхъ погостовъ никуда не выпущати и возити ихъ изъ за государя никому не давати, а за государя въ тѣ погосты крестьянъ до государева указу ни изъ за кого не возити жъ, опроче вольныхъ людей; а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братья братья и отъ дядь племянники и бо-были и иные какіе вольные люди похотятъ взяти пустые выти въ жило и на лготу: и ему (прикащику) тѣхъ людей на пустые выти на пашню въ жило и на лготу сажати...» ¹⁾. Однородныхъ принциповъ правительство держалось и относительно старожильцевъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Замѣчанія, сдѣланныя нами выше, какъ видно, однако, не мѣняютъ по существу заключеній, высказанныхъ г. Дьяконовымъ, если отослать ихъ преимущественно къ позднѣйшему времени (XVI—XVII вв.), тѣмъ болѣе, что самъ онъ не увлекаясь своими обобщеніями въ одномъ изъ своихъ очерковъ вносить нѣсколько ограниченій касательно ихъ примѣненія. Благодаря внимательному наблюденію надъ жизненною практикою того времени, авторъ приходитъ къ заключенію, что старинные крестьяне, бѣжавшіе отъ одного господина, могли «застарѣть» у дру-

1) Въ жалованной грамотѣ в. к. Василія III Троицкому Сергіеву монастырю 1533 г. мы читаемъ: «И азъ, князь великій, игумена съ братією пожаловалъ: призывать имъ въ то сельцо и въ деревни тѣхъ же людей, которые изъ того сельца и изъ деревень разошлись, да и не письменныхъ и ве тяглыхъ; а письменныхъ людей и тяглыхъ изъ вывыхъ волостей не звати и не приимати»... «а какъ [вновь призванные] отсидятъ свои лѣта урочные [т. е. срокъ льготы] и они потянутъ въ мою великаго князя дань и во всякіе потуги съ тяглыми людьми, съ черными, по письму по сохамъ» (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 7). Оброчники, напротивъ, кажется, отличались отъ людей «письмянныхъ»; освобождая въ 1448—1449 гг. крестьявъ села Шухобалова отъ тягла, великій князь Василій Васильевичъ предоставилъ игумену Троице-Сергіева монастыря взамѣнъ его платить «з году на годъ оброкомъ...» «а писцы мои и даньщики, читаемъ мы далѣе въ той же грамотѣ, тѣхъ людей въ мою дань не пишуть» (Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. Экон., Арх. 3, Хрон. 14553).

2) А. Э., т. I, №№ 75, 88, 135, 136, 149, 152, 154, 158, 164, 166, 171, 215, 218, 300 и 371; А. И., т. I, №№ 13, 83, 87 и 115; Р. И. Б., т. II, №№ 6, 7, 8 и 9.

3) Доп. къ А. И., т. I, № 167.

гого (стр. 52—57); обычай такого рода нисколько не исключалъ, однако, появленія строгихъ мѣръ, направленныхъ вообще противъ бѣглыхъ крестьянъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка, не говоря о второй (стр. 57—63); тѣмъ не менѣе, отодвигая репрессивныя мѣры противъ крестьянскихъ переходовъ до времени изданія Уложенія, авторъ не забываетъ отмѣтить, что и послѣ него въ правительственной практикѣ «урочные годы» все еще находили себѣ признаніе (стр. 63—66).

Мѣры, стѣснявшія право вольнаго перехода, не замедлили, конечно, распространиться и на крестьянъ-новопорядчиковъ (а также бобылей). Въ изученіи этого процесса нельзя не замѣтить существеннаго пробѣла въ изложеніи г. Дьяконова: онъ почти вовсе не подвергаетъ изслѣдованію мотивовъ и цѣлей государственнаго прикрѣпленія, охватившаго мало по малу всѣхъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ, не останавливается и на обсужденіи указа 1597 года, его ближайшихъ поводовъ и послѣдствій. Г. Дьяконовъ прямо переходитъ къ изученію крестьянскаго прикрѣпленія въ началѣ XVII в., когда самое его существованіе «не оставляетъ, кажется, никакихъ сомнѣній у изслѣдователей». «Отразился ли этотъ фактъ на условіяхъ крестьянскаго порядка? — таковъ основной вопросъ, продолжаетъ авторъ, съ котораго мы должны начать нашъ обзоръ». (стр. 82). Формально «господствующій до Уложенія порядокъ составленія записей въ крестьянство остался, по мнѣнію автора, вопреки Уложенію (и протпвуположнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ намъ изслѣдователей) въ полной силѣ до конца XVII вѣка и вовсе не былъ измѣненъ Уложеніемъ» (стр. 84—85). Содержаніе записей, однако, потерпѣло довольно существенныя измѣненія: въ порядныхъ XVII в., напримѣръ, уже есть новое условіе о «невыходѣ изъ-за землевладѣльца вообще» (стр. 96), причемъ встрѣчаются указанія и на обезпеченіе его; въ нѣкоторыхъ записяхъ изложено даже порядкомъ судебного преслѣдованія ушедшаго порядчика. Кромѣ того, благодаря смѣшенію подмогн съ ссудой, приводившей къ постепенной замѣнѣ одной другою (см. выше), крестьянскія порядныя мало по малу уступали мѣсто ссуднымъ. «Только распространенностью ссуды, замѣчаетъ г. Дьяконовъ, обыденностью такого явленія и можно объяснить, почему крестьянскія порядныя записи въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще стали называться ссудными записями, пока, наконецъ, это послѣднее названіе не сдѣлалось господствующимъ» (стр. 124). Подобнаго рода практикка не исключала, впрочемъ, переживанія порядныхъ стараго типа, иногда довольно сильно сказывавшагося въ нѣкоторыхъ областяхъ (стр. 133); тѣмъ не менѣе новый родъ договоровъ, очевидно, развивался, и подобно поряднымъ, содержалъ санкцію о невыходѣ: крестьяне становились «крѣпкими за своими землевладѣльцами по ссуднымъ записямъ» и правительство на основа-

ній такихъ документовъ «отдавало» ихъ прежнимъ господамъ, изъ за которыхъ они или дѣти ихъ вышли на волю¹⁾. Весьма любопытны также выводы, къ которымъ приходитъ г. Дьяконовъ благодаря своимъ наблюденіямъ надъ примѣненіемъ законодательныхъ нормъ XVII-го вѣка объ урочныхъ лѣтахъ или объ отпущеніи ихъ. На основаніи извѣстнаго намъ матеріала мы можемъ иной разъ прослѣдить, какимъ образомъ складывались нѣкоторыя изъ подобнаго рода нормъ. Такъ на примѣръ, изъ одной грамоты, данной Троицкому Сергіеву монастырю видно, что въ 1613—1614 гг. вельно было сыскивать и вывозить Троицкихъ крестьянъ за девять лѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе украинскихъ и замосковныхъ городовъ били челомъ государю «о бѣглыхъ крестьянѣхъ въ урочныхъ лѣтѣхъ, что бѣглымъ крестьянамъ указано было урочныхъ — пять лѣтъ». Государь пожаловалъ челобитчиковъ и въ 1638 г. «указалъ урочныя лѣта противъ Троице-Сергіева монастыря». Вскорѣ по примѣру дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцы (нѣмцы и поляки) подали государю челобитье о томъ же. Въ 1639 году состоялся указъ, въ силу котораго было разрѣшено «судъ давать иноземцамъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ противъ того, какъ указано дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ за 9 лѣтъ». Наконецъ, въ 1640—1641 году послѣдовалъ указъ и болѣе общаго содержанія объ установленіи, по примѣру частнаго указа 1629 г., одной общей исковой давности въ 10 лѣтъ для всякихъ бѣглыхъ крестьянъ²⁾. Въ исторіи возникновенія приведенной нормы мы усматриваемъ, такимъ образомъ, любопытное примѣненіе правительственнаго распоряженія казуистическаго характера къ новымъ случаямъ и окончательное обобщеніе его въ указѣ 1640—1641 гг. Факты подобнаго рода хорошо извѣстны и г. Дьяконову; но онъ не воспользовался ими для того, чтобы выяснить указанный нами ростъ Московскаго законодательства по вопросу объ ограниченіи права вольнаго перехода до обнародованія Уложения. Гораздо обстоятельнѣе изучаетъ авторъ то отношеніе, въ которомъ стояли правительственныя распоряженія о бѣглыхъ до и послѣ 1649 г. къ извѣстнымъ статьямъ Уложения. «Практикѣ первой половины XVII вѣка, — пишетъ онъ, хорошо были извѣстны не только взысканіе владѣнія за бѣглыхъ крестьянъ, но и пени за держаніе бѣглыхъ». Такая практика была признаваема самимъ правительствомъ и едва ли не возникла по его собственному почину.

1) А. Ю., № 203, II; Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 18—19; Акты и пр., собр., М. Дьяконовымъ, вып. I, № 70.

2) А. Э., т. III, № 66 и А. И., т. III, №№ 58 и 160. Г. Дьяконовъ утверждаетъ, что указъ 1638 г. извѣстенъ намъ лишь по ссылкѣ на него въ челобитьи иноземцевъ (Акты Моск. госуд., т. II, № 160; А. Э., т. IV, № 14); во онъ давно уже въ извлеченіи напечатанъ въ сборникѣ Л. Максимовича (Л. Максимовичъ, Указатель Россійскихъ Законовъ, т. I, стр. 150), гдѣ помѣченъ 1640 г., янв. 15-мѣ. — Указъ 1640—1641 см. въ А. И., т. III, № 92 XXXIII.

Такъ какъ въ исторической литературѣ на ея существованіе до обнародованія Уложенія не было обращено надлежащаго вниманія изслѣдователями, то факты, отмѣченные г. Дьяконовымъ, слѣдуетъ признать цѣнною новинкой въ исторіи прикрѣпленія (стр. 57). Не менѣе самостоятельно отнесся авторъ и къ «отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ» въ Уложеніи. По общему признанію самую крупною новостью Уложенія въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, на ряду съ закрѣпленіемъ всѣхъ членовъ крестьянской семьи, является полная и безусловная отмѣна урочныхъ лѣтъ. Благодаря разысканіямъ г. Дьяконова, оказывается, что такое нововведеніе было отнюдь не столь рѣшительно, какъ обыкновенно думаютъ. «Вслѣдъ за статью, оповѣстившей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, замѣчаетъ г. Дьяконовъ, въ Уложеніи стоитъ статья, въ силу которой было запрещено давать судъ на бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, если въ писцовыхъ книгахъ они записаны бѣглыми, а челобитья о нихъ по то время ни на кого не бывало. Этотъ отказъ въ судѣ мотивированъ тѣмъ, что владѣльцы «во многіе годы о тѣхъ своихъ крестьянѣхъ ни на кого государю не бивали челомъ» (XI, 5). Помимо своей практической важности, таже статья представляетъ большой интересъ съ другой стороны: изъ нея явствуетъ, что Московское правительство и съ отмѣной урочныхъ лѣтъ вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Законодательная политика московскаго правительства послѣ Уложенія даетъ тому нѣсколько подтвержденій, которыя и приводятся авторомъ *in extenso* (стр. 63 и сл.). Въ правительственныхъ распоряженіяхъ послѣ Уложенія касательно бѣглыхъ крестьянъ, г. Дьяконовъ усматриваетъ, однако, существенныя отличія отъ предшествующихъ мѣропріятій. Правда «урочные годы» не исчезли изъ практики и послѣ отмѣны ихъ Уложеніемъ 1649 года; но они были вновь созданы отдѣльными указами въ формѣ гораздо менѣе выгодной для интересовъ землевладѣльцевъ, чѣмъ то было раньше. Въмѣсто точно опредѣленнаго и всѣмъ заранѣе извѣстнаго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, отдѣльные указы создавали совершенно произвольные сроки давности, устраняя совсѣмъ неожиданно для владѣльцевъ пріобрѣтенныхъ правъ массу исковыхъ притязаній о возвращеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ. Возможно, что къ принятію такихъ радикальныхъ мѣръ Московское правительство второй половины XVII вѣка вынуждено было тѣми же соображеніями, какія столѣтіемъ раньше побудили то же правительство къ изданію перваго ограничительнаго указа объ искахъ на бѣглыхъ крестьянъ, т. е. возрастающая трудность разобраться въ такихъ искахъ по мѣрѣ того, чѣмъ дольше они не возбуждаются». (Стр. 66). Всѣ вышеприведенные выводы г. Дьяконова о томъ отношеніи, въ какомъ находились общія нормы закона къ правительственной практикѣ, имѣютъ существенное значеніе

не только для болѣе правильнаго пониманія крѣпостной политики Московскаго правительства въ XVII вѣкѣ, но и для общей исторіи Московскаго законодательства, почему мы и сочли возможнымъ нѣсколько остановиться на изложеніи ихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не позаботился свести свои взгляды въ одно цѣлое.

Итакъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу съ XVII в., за вышеприведенными ограниченіями, не вызываетъ сомнѣній. Болѣе спорнымъ оказывается вопросъ о тягломъ характерѣ половниковъ. Г. Дьяконовъ, можетъ быть, правъ, признавая участіе ихъ въ уплатѣ тягла (стр. 156—173), но едва ли основательно считаетъ ихъ совершенно такими же тяглецами, какъ и крестьяне. Нѣсколько увлекшись своею точкой зрѣнія, г. Дьяконовъ забываетъ отгнать двѣ особенности въ положеніи половниковъ: во 1-хъ, судя по значительному большинству порядныхъ въ половничество, они садились на чужой землѣ на опредѣленные сроки, которые въ XVI вѣкѣ обыкновенно не превышали десяти лѣтъ и возрасли въ XVII столѣтіи ¹⁾; во 2-хъ, подати за половниковъ, а иногда, какъ сказано въ порядныхъ, и «мимо нихъ» платили землевладѣльцы (стр. 175). Такихъ условій обыкновенно не встрѣчается въ крестьянскихъ порядныхъ. Между тѣмъ благодаря имъ половники въ сущности могли и не быть постоянными тяглецами, ибо каждый изъ нихъ по истеченіи срока въ силу своей порядной имѣлъ право перейти на новый участокъ, не посадивъ на свое мѣсто другого тяглеца; въ памятникахъ встрѣчаются прямыя указанія на такое именно отличіе половниковъ отъ крестьянъ; «я въ тѣхъ дворехъ, читаемъ мы въ одномъ актѣ 1687 года, живутъ половничиска наши вольные погодно, а не вѣчные крестьяне» ²⁾. Далѣе въ числѣ половниковъ нерѣдко встрѣчаются безземельные наймиты или оброчники, что разумѣется, не свидѣтельствуетъ о тягломъ ихъ значеніи ³⁾; но и въ обратномъ случаѣ, если самъ землевладѣлецъ обыкновенно платилъ за половника, то, не говоря о томъ, что, при уплатѣ податей изъ доли землевладѣльца трудно понять въ чемъ именно состояла «тяглая» роль половника, онъ, вѣроятно, не былъ обязанъ участвовать въ общемъ разрубѣ, почему между землевладѣльцами и тяглыми крестьянами возникали споры о томъ, платить ли вотчинникамъ сборы «особь статью» или же «быть платежемъ вмѣстѣ съ крестьянскими деревнями» (стр. 162, 170). Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тяглецы, поступая въ общину, обязывались не только тянуть тягло, но

1) Р. И. Б., т. XIV, стб. 61, 91—115, 354, 385, 876, 942, 948, 966 и 1135. Порядныя на короткій, годовой, срокъ встрѣчаются еще въ концѣ XVII вѣка, напр., въ 1687 году (Р. И. Б., т. XII, стб. 836).

2) Р. И. Б., т. XII, стб. 836.

3) Г. Шмелевъ, *Op. cit.*, стб. 561; П. Ивановъ, *Op. cit.*, стб. 437; Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 162—163.

и сообща выплачивать общинные долги; трудно сказать, въ какой мѣрѣ половники принимали на себя такую отвѣтственность; намеки на платежи ими текущихъ сборовъ «особь статьею» указываютъ какъ бы на то, что они не были подвержены ей. Припоминая все вышесказанное, мы едва ли согласимся признать тожество между состояніемъ половниковъ и крестьянъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что частью подъ вліяніемъ притязаній тяглыхъ общинъ, частью подъ возрастающимъ давленіемъ землевладѣльцевъ положеніе половниковъ въ податномъ отношеніи естественно стало приближаться къ условіямъ, въ которыхъ жили крестьяне, сидѣвшіе на частновладѣльческихъ земляхъ.

Приведенные факты и соображенія не исчерпываютъ, конечно, богатаго содержанія тѣхъ частей книги г. Дьяконова, которыя посвящены изученію постепеннаго ограниченія права вольнаго перехода; замѣтимъ только, что авторъ очерковъ справедливо сосредоточилъ свое вниманіе на подобнаго рода стѣсненіяхъ, поскольку они были обусловлены прикрѣпленіемъ сельскаго населенія къ своему тяглу; впрочемъ, иногда тяглець, подыскавшій вольнаго челоуѣка, готоваго взамѣнъ его отбивать тягло, пользовался правомъ перехода¹⁾; но въ виду возраставшей затруднительности такой комбинаціи прикрѣпленіе къ тяглу въ большинствѣ случаевъ было, конечно, равносильно прикрѣпленію къ землѣ. Въ разбираемомъ нами сочиненіи не мало наблюдений, всегда основанныхъ на внимательномъ пересмотрѣ стараго матеріала и на самостоятельныхъ архивныхъ разысканіяхъ, придающихъ свѣжесть даже тѣмъ выводамъ автора касательно вышеуказаннаго процесса, которые давно уже были сформулированы въ нашей литературѣ.

Перейдемъ къ бѣглому обзору второго изъ намѣченныхъ нами процессовъ прикрѣпленія къ тяглу, который характеризуется превращеніемъ бобылей-оброчниковъ въ тяглецовъ. По мнѣнію г. Дьяконова, бобыли первоначально не тянули тягла. Данныя писцовыхъ книгъ 1580 и 1592—1594 гг., а также другіе памятники свидѣтельствуютъ въ пользу того, что «бобыльскіе дворы были обособлены отъ крестьянскихъ и въ повинностномъ отношеніи: они [? т. е. владѣльцы ихъ] платили только оброкъ и не несли тягла, а потому и не были положены ни въ выги ни въ сохи» (стр. 213). Лишь указы о живущей четверти 1630—1631 г. измѣнили положеніе бобылей. Ни въ вышеприведенномъ отрывкѣ, ни въ другихъ мѣстахъ своего четвертаго очерка г. Дьяконовъ, однако, не выясняетъ, что онъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ подъ оброкомъ, владѣльческой ли сборъ или государственную подать и тѣмъ самымъ можетъ легко ввести въ заблужденіе

1) М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 11—16; 98 и слѣд.; ср. приложение, № 12.

читателя относительно истиннаго положенія бобылей съ финансовой точки зрѣнія. Г. Дьяконову, конечно, хорошо извѣстно, что интересующій насъ терминъ имѣлъ и то, и другое значеніе, почему автору и слѣдовало точнѣе выяснитъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ онъ его въ выше цитованномъ текстѣ? Въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. владѣльческой оброкъ былъ, разумѣется, противоположенъ тяглу, по оброкъ, замѣнявшій нѣкоторые виды прямыхъ налоговъ (которыми облагалось недвижимое имущество) и падавшій на лицъ, иногда лишенныхъ усадебной осѣдлости, но тѣмъ не менѣе подлежащихъ обложенію по своимъ промысламъ, былъ лишь своеобразнымъ способомъ взимать пониженные государственные сборы. Уже въ грамотахъ XIV вѣка встрѣчаются примѣры взиманія дани «по оброку» или, какъ сказано въ одной жалованной грамотѣ 1418 г. «оброка въ дань»; случаи замѣны разнаго рода податей оброкомъ, иногда выплачиваемаго и самими крестьянами, хорошо извѣстны намъ по памятникамъ XV и XVI вв., не говоря о XVII-мъ¹⁾. Впрочемъ бобыли, жившіе въ чужихъ дворахъ, напримѣръ, подсуздниками или наймитами, едва ли постоянно платили такой оброкъ; въ писцовыхъ книгахъ его взимаютъ обыкновенно съ бобылей, владѣвшихъ дворами, т. е. усадебной осѣдлостью, и, вѣроятно, занимавшихся какими нибудь промыслами²⁾: правительство примѣняло его вообще къ лицамъ, не имѣвшимъ пашни, но тѣмъ не менѣе подлежащимъ обложенію. Въ писцовыхъ книгахъ 1580—1581 г. по Микулинскому уѣзду помѣщено, напримѣръ, описаніе села Лотошина, въ которомъ оказалось 24 двора непашенныхъ крестьянъ. Писцы «тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятца... и нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну въ дворцовый приказъ за ямскія и за приметныя деньги и за мелкой доходъ и за иные всякіе подати на годъ... столько то»³⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, оброкъ платили крестьяне, сходные съ бобылями по своимъ занятіямъ. Такой порядокъ, повидимому, примѣнялся и не къ однимъ крестьянамъ, лишеннымъ пашенныхъ участковъ. Въ Бѣлозерѣ, напримѣръ, въ 1618 г. числилось 11 разсылщичовыхъ дворовъ; «а въ сошное письмо, читаемъ мы въ писцовой книгѣ города, разсылщичовы дворы, живущіе и пустые, съ посадскими людьми въ окладъ же не положены, потому что они у государева дѣла въ разсылкѣ неотступно; а по-

1) А. Э., т. I, №№ 9, 217, 243, 256 и 323; т. II, № 69; А. И., т. I, №№ 25, 106 и 142; Р. И. Б., т. II, № 37 и мн. др.

2) Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 240. К. Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, прил. V.

3) Писц. кн. Московскаго госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, ч. 2, стр. 335. Хотя въ началѣ описанія жители села Лотошина и не названы «крестьянами», однако нѣсколько ниже имъ присвоено такое наименованіе; въ итогахъ писцовыхъ книгъ «непашенные» отличаются отъ бобылей. Срав. Н. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 240.

ложенъ на нихъ денежный оброкъ противъ прежняго за всякіе подати съ челоуѣка по гривнѣ», т. е. въ томъ именно размѣрѣ, въ которомъ его обыкновенно платили и бобыли¹⁾. Въ приведенномъ отрывкѣ довольно ясно обнаруживается финансовое значеніе оброка, какъ подати болѣе легкой, чѣмъ остальные виды прямыхъ налоговъ.

Не различая владѣльческаго оброка отъ государственнаго сбора, именуемаго тѣмъ же терминомъ, г. Дьяконовъ, наоборотъ, слишкомъ рѣзко настаиваетъ на полной обособленности бобылей отъ разрядовъ тяглицевъ (стр. 211). Въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, лица, обложенныя оброкомъ, верстались между собою особо отъ нихъ. Въ писцовыхъ книгахъ, напримѣръ, встрѣчаются распоряженія о томъ, что «крестьяномъ верстатись въ оброкѣхъ промежъ себя самимъ, смотря по пашнѣ и по угодыю, а бобылямъ верстатся промежъ себя смотря по промысломъ и по животомъ»²⁾. Тѣмъ не менѣе сохранились указанія и на иного рода практику. Въ писцовыхъ книгахъ Новгородскаго уѣзда 1628—1629 гг. встрѣчается, напримѣръ, любопытное извѣстіе о томъ положеніи, въ какомъ находились бобыли Шальскаго погоста. По сказкѣ мѣстныхъ жителей «тѣ бобыли ловили рыбу и продавали и иными мелкими товарами торговали; а оброкъ они платили въ міръ, помогая мірскими оклады, а не въ государеву казну..., а нынѣ, прибавили писцы, по государеву указу на тѣхъ бобылей положенъ денежный оброкъ», т. е. такой, который они, вѣроятно, должны были платить въ казну³⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, бобыли первоначально, кажется, не были обособлены отъ тяглицевъ, ибо платили оброкъ по мірскому окладу, хотя позднѣе ихъ положеніе измѣнилось въ силу приведеннаго распоряженія.

Выше было указано, что въ началѣ XVII в. пашенные бобыли уже встрѣчаются въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Г. Дьяконовъ не выясняетъ ихъ финансоваго положенія; оставались ли они по прежнему оброчниками или мѣняли оброкъ на тягло? «Податныя [?] отношенія бобылей къ землевладѣльцамъ, по мнѣнію автора, осложнились въ случаѣ, если бобыли принимали обязательство по уплатѣ государственнаго тягла», причемъ такое условіе заключалось тогда, «когда бобыль поряжался на пашню» (стр. 238—239). Приводимыя авторомъ ссылки относятся, однако, ко второй половинѣ XVII вѣка и не содержатъ указаній на матеріалы для рѣшенія предложеннаго вопроса во всей его полнотѣ.

1) Книги Бѣлозерскаго города и посада и бѣлозерскаго уѣзду монастырскимъ вотчинамъ Троецкаго монастыря на усть Шексиѣ рѣкѣ да Кирилловы пустыни бѣлаго Новозерскаго монастыря письма и дозору Г. И. Квашнина да подъячего П. Дементьева 7126 г. въ Спб. Духовн. Акад., Кир., № 79/1318, л. 87 об.

2) К. Неволинъ, *Op. cit.*, стр. 130—131; ср. Писц. кн. Моск. Госуд., т. II, стр. 335.

3) Олонец. губ. вѣд. за 1849 г., № 1.

Возрастание численности бобылей, по мнѣнію г. Дьяконова, вызвала и ту податную реформу, которая состояла въ введеніи новой окладной единицы — живущей четверти, въ которую стали «класть» не только крестьянскіе, но и бобыльскіе дворы. «Привлеченіе бобылей, пишетъ авторъ, къ тяглому обложенію неизбѣжно вынудило Московское правительство отказать отъ сошнаго обложенія и перейти къ дворовому, такъ какъ у бобылей никакой запашки не было, а единственнымъ ихъ имуществомъ, могущимъ подлежать обложенію, былъ дворъ. Естественно также, что новыя правила окладнаго счета не могли примѣняться къ однимъ лишь бобылямъ, а должны были распространиться и на крестьянъ, такъ какъ именно съ ними, какъ съ тяглыми людьми, нужно было сопоставить [?] до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей» (стр. 227). Теорія, предлагаемая г. Дьяконовымъ, едва ли вполне годится для разъясненія реформы 1630—1631 гг. Нельзя сказать, чтобы бобыли не имѣли «никакой пашни» во время введенія новой окладной единицы; уже съ начала XVII в. мы знаемъ пашенныхъ бобылей; они также встрѣчаются и въ писцовыхъ книгахъ 1620-хъ годовъ, хотя численность ихъ уступаетъ количеству безпашенныхъ¹⁾. Далѣе, формулируя свою теорію, г. Дьяконовъ какъ бы забываетъ, что дворы бобылей не были совершенно свободны отъ государственныхъ податей (см. выше); мы видѣли, что бобыли иногда не стояли обособленно отъ тяглецовъ; и, наоборотъ, послѣ реформы 1630—1631 гг. они все же иногда продолжали верстаться особо, въ чемъ, можетъ быть, главнымъ образомъ и состояло отличіе бобыльскаго тягла отъ крестьянскаго (ср. стр. 239). Наконецъ, если даже и предположить, что живущая четъ введена была въ виду привлеченія бобылей къ тяглому обложенію, во всякомъ случаѣ авторъ очерковъ не выяснилъ, какимъ образомъ и для чего въ «живущія чети» попали крестьянскіе дворы. Увеличеніе числа бобылей могло, конечно, оказаться *одною* изъ причинъ реформы, а практика обложенія дворовымъ оброкомъ должна была пригодиться и при окладѣ живущей четверти²⁾; признавать, однако, привлеченіе бобылей къ тяглу единственной причиной реформы, получившей общую формулировку въ указахъ 1630—1631 гг. намъ кажется едва ли возможнымъ. Впрочемъ, такъ какъ авторъ лишь мимоходомъ касается причинъ новаго порядка, изучая главнымъ образомъ одни послѣдствія его введенія для самихъ бобылей, то и мы считаемъ излишнимъ долѣе останавливаться здѣсь на обсужденіи предлагаемаго имъ объясненія.

Какъ бы то ни было въ реформѣ, благодаря которой на ряду съ сошнымъ письмомъ для взиманія многихъ государственныхъ налоговъ появи-

1) См. прим. 1-е на 160 стр.

2) А. Лаппо-Данилевскій, Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1890 г., стр. 243—244.

лась новая окладная единица — живущая четверть, бобыли дѣйствительно были «привлечены къ тяглу обложенію», т. е., говоря точнѣе, были превращены изъ плательщиковъ двороваго оброка въ тяглецовъ, продолжавшихъ, однако, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, верстаться особо отъ крестьянъ.

Итакъ, прикрѣпленіе къ тяглу, какъ видно, сказалось въ двойномъ направленіи московской политики: съ одной стороны правительство старалось ограничить право вольнаго перехода, съ другой — попыталось распространить тягло — на оброчниковъ и такимъ образомъ подчинить тяглу возможно большее количество платежныхъ силъ сельскаго населенія Московскаго государства въ XVI—XVII вв.

Въ XVII в., однако, какъ мы видѣли, значительно возросъ контингентъ и такихъ лицъ, которыя вовсе еще не входили въ составъ платежныхъ силъ населенія; ближайшей задачей правительственной политики стало — привлеченіе ихъ къ обложенію. Г. Дьяконовъ не разсматриваетъ съ указанной нами точки зрѣнія тѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя должны были задержать превращеніе временной зависимости лицъ, вышедшихъ изъ тягла, отъ своихъ господъ въ потомственную, и, слѣдовательно, способствовать возвращенію ихъ въ тяглое состояніе; таковъ, на примѣръ, финансовый смыслъ указовъ 1586, 1597 и 1607 гг. о кабалныхъ холопахъ; авторъ также не попытался разрѣшить той противуположности, которая, повидному, существовала между статьею судебника, допускавшей самопродажу крестьянина, «съ пашни въ полную въ холопы» и вышеназванными законами; онъ не остановился, наконецъ, и на выясненіи смысла послѣднихъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вполне яснаго ¹⁾. Такія же колебанія замѣтны и въ черновомъ проектѣ судебника царя Федора Ивановича, составленнаго не позднѣе 1589 года; въ немъ опущены статьи о переходѣ пашенныхъ крестьянъ въ холопы и о томъ, чтобы владѣльцы не держали слугъ безъ крѣпостей; далѣе въ немъ же ростъ по кабаламъ ограниченъ пятилѣтнимъ срокомъ и договоръ вольнаго найма измѣненъ въ пользу наймита, что какъ будто свидѣтельствуетъ о склонности правительства нѣсколько оградить временно-зависимыя состоянія сельскаго населенія отъ рабства; въ тотъ же судебникъ, однако, были внесены и новыя правила о томъ, чтобы «кабалы писати на крестьянъ вдвое», и не давать суда на основаніи актовъ, укрѣплявшихъ сдѣлки на срокъ болѣе пятнадцати лѣтъ, но не въ случаѣ должникъ откажется признать ихъ, какъ узаконено было раньше, а только «безъ господарева вѣдома»; статьи подобнаго рода едва ли

1) Судебникъ 1550 г., ст. 88, А. И., т. II, № 85.

согласны съ вышеуказанной тенденціей¹⁾. Наконецъ, послѣдующее законодательство, позволяя переходъ пашенныхъ крестьянъ въ холопы и запротивъ «держатъ холона безъ кабалы, хотя бы одинъ день» (указъ 1607 года), тѣмъ не менѣе въ указѣ 1626 года дѣйствительно удержало пятилѣтній срокъ роста по кабаламъ и оставило безъ вниманія послѣднія два правила, проектированныя въ 1589 году²⁾. Слѣдовательно, колебанія правительства относительно того, какъ опредѣлить въ законѣ положеніе зависимыхъ состояній населенія, въ особенности кабальнаго холопства, отразившіяся въ проектѣ 1589 года, нельзя объяснять одними только кодификаціонными промахами его составителей, тѣмъ болѣе, что такія же колебанія замѣтны и въ Уложеніи 1649 года, гдѣ, впрочемъ, уже явно обнаружилось стремленіе законодателя оградить крестьянъ отъ кабальной неволи³⁾. Г. Дьяконовъ къ сожалѣнію не воспользовался своими обширными знаніями въ области рукописнаго матеріала для выясненія вышеуказанной политики московскаго правительства: въ своихъ изслѣдованіяхъ авторъ довольствуется изученіемъ процесса привлеченія «разночинцевъ» къ обложенію лишь по столько, поскольку онъ обнаружился въ исторіи задворныхъ холоповъ и монастырскихъ дѣтеньшей.

Постепенное зачисленіе задворныхъ холоповъ первоначально самими владѣльцами ихъ, а потомъ и правительствомъ въ тягло уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей. Въ своемъ изложеніи г. Дьяконовъ подтверждаетъ болѣе или менѣе установившіяся мнѣнія, формулируя ихъ яснѣе. Напрасно, однако, авторъ не обратилъ бѣльшаго вниманія на ту постепенность, съ которою происходилъ вышеуказанный процессъ. Еще при взятіи Новгорода въ 1478 г., напримѣръ, князь великій «пожаловалъ» владыку новгородскаго «со всѣми своими отъ всего города», «что имати ему (великому князю) одинава на годъ дань съ сохи по полугривнѣ со всѣхъ волостей Новгородскихъ и на Двинѣ и въ Заволочѣ, на всякомъ, кто ни пашетъ землю, и на ключникахъ и на старостахъ и на одерноватыхъ»⁴⁾. Въ приведенномъ случаѣ, какъ видно, къ уплатѣ «дани» были привлечены и холопы, пахавшіе землю. Распоряженіе 1478 года, вѣроятно, принадлежало къ разряду чрезвычайныхъ; но самая возможность такихъ мѣропріятій по-

1) Судебникъ ц. Федора Ивановича 1589 г., М. 1900 г., ст. 23 и 148. Г. Дьяконовъ, конечно, не могъ еще воспользоваться вышеназваннымъ памятникомъ по крайней мѣрѣ въ печатномъ видѣ; А. И., т. I, № 221, I. Весьма замѣчательна также статья проекта на основаніи государева указа уничтожавшая правило «по холопѣ раба» (ст. 137), согласная съ тенденціей, указанной въ текстѣ, и подтверждающая еѣ дѣйствительное существованіе.

2) А. И., т. II, № 85; т. III, № 92, XIV.

3) В. Ключевскій, Предварительныя историко-критическія соображенія о проектѣ судейника 1589 г. при изд. его 1900 г., стр. XXXV—XXXVI; ср. Уложеніе, XX, 113.

4) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217.

казываетъ, что привлеченіе холоповъ къ тяглу имѣетъ свою длинную исторію, которую г. Дьяконовъ не подвергъ должному изученію. Впрочемъ, опредѣленные свѣдѣнія о платежѣ податей холопами, какъ явленіи болѣе или менѣе постоянномъ, мы имѣемъ лишь за XVII вѣкъ. Уже были указаны въ литературѣ случаи подобнаго рода, относящіеся къ началу столѣтія ¹⁾. Замѣтимъ только, что къ середнѣ XVII в. задворные холопы начинаютъ, повидному, обращать на себя вниманіе правительства. Недавно было высказано мнѣніе, что «переписныя книги 7186 г. впервые ввели подъ особой рубрикой задворныхъ людей» ²⁾; намъ извѣстны, однако, переписныя книги 7154 г., въ которыхъ уже существуетъ указанная рубрика ³⁾. Въ періодъ времени между переписными книгами 1646 и 1678 г. нѣсколько разнообразныхъ податей вѣдно было взимать между прочимъ и съ задворныхъ людей ⁴⁾. Между тѣмъ, г. Дьяконовъ ограничивается указаніемъ на перепись 1677—1678 гг. и на послѣдующіе указы, въ силу которыхъ задворные люди были вообще привлечены къ прямому обложенію. Дѣйствительно, въ то время тяглое положеніе задворныхъ холоповъ опредѣлилось, что и выясняетъ авторъ въ пятомъ очеркѣ. «Перепись 1677—1678 годовъ, пшшетъ онъ, установила весьма замѣтное увеличеніе числа нетяглыхъ дворовъ. Быть можетъ, она и предпринята была не безъ этой цѣли. За неимѣніемъ подлиннаго указа о производствѣ переписи въ настоящее время можно только угадывать цѣли и намѣренія законодателя. Въ наказахъ писцамъ стояло точное предписаніе о переписи не только крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но также дворовъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, о чемъ прямо упоминаютъ писцы, и что подтверждается всѣми переписными книгами, перечисляющими особо дворы задворныхъ людей» (стр. 269). Далѣе авторъ вполне соглашается съ мнѣніемъ о томъ, «что появленіе задворныхъ и дѣловыхъ людей въ качествѣ плательщиковъ связано съ составленіемъ переписныхъ книгъ 1678 года» и лишь подтверждаетъ приведенную имъ догадку новыми документальными данными (стр. 271 и сл.). «Въ силу приговора 1679 г., 2 сентября, задворные люди были зачислены въ разрядъ тяглыхъ людей» (стр. 279). Послѣ реформы 1679 г. съ нихъ взимаютъ не только чрезвычайные сборы на удовлетвореніе военныхъ нуждъ, которыя иногда падали на лицъ не принадлежавшихъ къ тяглецамъ и, наоборотъ, обременяли не всѣхъ тяглецовъ, а и постоянные прямые налоги (стрѣлецкій хлѣбъ, ямскія и полощанничныя деньги), уплата которыхъ дѣйствительно превращала задворныхъ людей въ тяглецовъ (стр. 273, 275). Приведен-

1) В. Ключевскій, Подушная подать и пр. въ Рус. Мыс. за 1886 г. кн. X, стр. 14.

2) П. Милюковъ, Государственное хозяйство и пр., Спб., 1891 г., стр. 643, прим.

3) Писц. кн. Ярославск. уѣзда 7154 г. въ Арх. Мин. Юст., кв. 551 (Описаніе № 2948).

4) А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, стр. 153—154.

ные выводы г. Дьяконова, какъ видно, придаютъ новое освѣщеніе реформѣ 1679 года; ихъ должно признать драгоценнымъ вкладомъ въ позднѣйшую исторію привлеченія задворныхъ людей къ тяглу обложенію ¹⁾).

Большею новизною отличаются наблюденія г. Дьяконова надъ тѣмъ же процессомъ, поскольку онъ захватилъ монастырскихъ дѣтенышей, вообще до любонитныхъ розысканій автора очень мало извѣстныхъ въ нашей литературѣ. На основаніи немногихъ позднѣйшихъ данныхъ онъ признаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что при введеніи новаго податного оклада (въ 1620-хъ годахъ) дворы монастырскихъ служекъ и дѣтенышей (такъ же какъ и задворныхъ людей) еще не включались въ счетъ дворовъ, положенныхъ въ живущую четверть (стр. 314). Въ виду скудости извѣстій о реформѣ 1679—1681 гг., автору не удалось разыскать указа, въ силу котораго владѣльцы такихъ дворовъ были бы привлечены къ обложенію; тѣмъ не менѣе на основаніи болѣе частныхъ указовъ 1686 года онъ приходитъ къ заключенію, что служки и дѣтеныши, проживавшіе особыми дворами, опять-таки по примѣру задворныхъ холоповъ, положены были въ дворовое число 1677—1678 гг. и въ окладъ по сбору ямскихъ и полонянничныхъ денегъ, а также стрѣleckаго хлѣба (стр. 316). Такимъ образомъ, въ примѣненіи податной реформы конца XVII вѣка къ населенію монастырскихъ вотчинъ г. Дьяконову не удалось обнаружить какихъ либо существенныхъ отличій отъ примѣненія ея къ задворнымъ людямъ. Лишь въ отношеніи самого духовенства къ мѣропріятіямъ правительства можно указать добавочную черту въ исторіи реформы: на основаніи указовъ 1686 г. не трудно возстановить ту «глухую и упорную борьбу, какую вели духовныя и монастырскія власти противъ невыгодныхъ для нихъ новшествъ» (стр. 319—320). Сопротивленіе ихъ однако не могло оказать большой задержки естественному ходу реформы. «Монастырскіе разночинцы, какъ справедливо заключаетъ свой очеркъ г. Дьяконовъ, испытали, такимъ образомъ, одинаковую судьбу съ задворными и дѣловыми людьми (проживавшими особыми дворами), т. е. зачислены были въ тягло послѣ того, какъ сыграли совершенно одинаковую роль, первые — въ монастыр-

---

1) Характерна между прочимъ отписка, данная мѣстными властями въ пріемѣ податей съ задворнаго холопа отъ его господина. Приводимъ еѣ здѣсь въ виду того, что г. Дьяконовъ ею не воспользовался: «194 Декабря въ 3 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и по грамотѣ изъ ямскаго приказу взято въ казну великихъ государей на Коширѣ въ приказной избѣ Коширскаго уѣзду съ помѣстья Исаея Григорьева сына Картина деревни Шепелевой съ одного двора задворнаго человека ямскихъ и полонянничныхъ денегъ на нынѣшней на 194 годъ десять денегъ. Платилъ Исай Картинъ. Къ сей отписи воевода Матвѣй Григорьевичъ Губинъ печать свою приложилъ». При отписи дѣйствительно сохранилась и воеводская печать (Отписи собранія И. Бѣляева въ Румянц. и Публичн. музеѣ, ящикъ 23).

скихъ хозяйствахъ, а вторые въ имѣніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ» (стр. 321).

Привлеченіе къ обложенію частновладѣльческихъ слугъ, жившихъ особыми дворами въ имѣніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, какъ видно, оказывается существеннымъ моментомъ въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства къ тяглу. Правительство, первоначально обратившее вниманіе лишь на ограниченіе права перехода тяглаго населенія, мало по малу убѣдилось въ томъ, что послѣдній не исчезъ внутри каждаго имѣнія, гдѣ его отчасти замѣнилъ выходъ изъ состава тяглецовъ въ какой-нибудь разрядъ владѣльческихъ слугъ, не платившихъ податей. Мѣры правительства, направленныя къ ограниченію такого выхода, не возымѣли надлежащаго дѣйствія; оставалось, поэтому, одно только средство: возможно болѣе уравнять въ податномъ отношеніи положеніе холоповъ и сельскихъ тяглецовъ. Московское правительство такъ и сдѣлало; въ послѣдней четверти XVII в. оно зачислило частновладѣльческихъ слугъ, жившихъ особыми дворами, въ тяглецы наряду съ крестьянами, чѣмъ и способствовало сліянію ихъ между собою, предуготовившему образованіе крѣпостнаго состоянія въ XVIII вѣкѣ.

Постоянныя колебанія финансовой политики Московскаго правительства, по скольку она имѣла значеніе для сельскаго населенія, сидѣвшаго на частновладѣльческихъ земляхъ, не разъ обращали на себя вниманіе г. Дьяконова. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ намъ кажется, напрасно опустилъ изъ виду тѣ именно отклоненія, которыя особенно характерны въ только что указанномъ отношеніи. Принципіально ограждая личность и имущество плательщика отъ чрезмѣрнаго давленія на нихъ частныхъ землевладѣльцевъ, вреднаго для тягла, Московское правительство, однако, само распоряжалось крестьянами по своему усмотрѣнію особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно жертвовало интересами тяглецовъ въ пользу служилыхъ людей; приведемъ одинъ примѣръ изъ исторіи помѣстной системы на южной украинѣ. Въ 1636—1637 гг. «многіе челобитчики» били челомъ «великому государю о томъ, что псыцы, повидимому въ разныхъ уѣздахъ, отдѣлили въ помѣстьяхъ дѣтемъ боярскимъ, рейтаромъ и салдатомъ и пноземцомъ, всякихъ чиновъ людемъ разныхъ родовъ, которые были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ, новыхъ помѣщиковъ не противъ государева указу и крестьянъ и бобылей по дачамъ по ровну не изверставъ; а отдѣлили на дачи на сто четвертей крестьянъ и бобылей челоуѣкъ по 3 и по 4 и по 7 и по 8 и по 9 и по 10, а иныхъ немногихъ и по 12 и больше». Согласно челобитью вскорѣ вышелъ указъ о томъ, чтобы «въ Сергіѣйскомъ уѣздѣ въ помѣстныхъ земляхъ новымъ помѣщикомъ на ихъ дачи крестьянъ и бобылей изверстать поровну;

а кому (изъ) помѣщиковъ давано крестьянъ и бобылей не противъ ихъ дачъ много, изъ-за тѣхъ помѣщиковъ указалъ государь крестьянъ вывезти и дать па тѣ дачи, кому давано крестьянъ мало, чтобъ впредь ни кто ни на кого государю въ крестьянехъ не билъ челомъ». Писцы должны были сообразовывать свою дѣятельность съ приведеннымъ нами указомъ; они верстали «крестьянскіе и бобыльскіе дворы на новыя помѣстныя дачи по ровну на 100 четвертей по два двора крестьянскихъ да по двору бобыльскому, а на новыя (?) дачи противъ того-жъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Серпѣйскомъ уѣздѣ, въ 7144—7145 гг., а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ государства ¹⁾. Другое отклоненіе московской финансовой политики отъ общаго ея направленія, вызванное слабымъ развитіемъ мѣстнаго управленія въ государствѣ, состояло въ надѣленіи правительствомъ частныхъ владѣльцевъ служебными полномочіями, благодаря которымъ они превращались, впрочемъ, не безъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, въ «государей», а подчиненное имъ населеніе въ «подданныхъ». Въ частности роль землевладѣльцевъ, какъ мелкихъ органовъ финансоваго управленія и постепенно возрастающая податная отвѣтственность ихъ передъ правительствомъ въ исправности сборовъ сильно способствовали подобнаго рода превращенію, а слѣдовательно и усиленію власти и злоупотребленій землевладѣльцевъ надъ своими крестьянами ²⁾. Такимъ образомъ, придавая тягломъ значеніе частнымъ факторамъ прикрѣпленія московское правительство само лишало себя возможности безусловно оградить личность и имущество плательщика отъ произвола землевладѣльцевъ, что, разумѣется, должно было породить съ теченіемъ времени крайне вредныя послѣдствія и для самой казны. Изученіе столь существенныхъ уклоненій московской финансовой политики отъ общаго ея направленія, казалось, должно было бы найти себѣ мѣсто въ сочиненіи, главная тема котораго — «прикрѣпленіе сельскаго населенія Московскаго государства къ тяглу».

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что «очерки» г. Дьяконова и по исторіи «отношенія каждаго изъ разрядовъ сельскаго населенія къ государственному тяглу за время XVI—XVII вѣковъ» содержатъ чрезвычайно обильный и

---

1) Писц. кн. Серпѣйскаго уѣзда 7144—7145 г. въ Имп. Публ. Библ., F. IV, № 462, л. 10. Впрочемъ, изъ этого правила, какъ и всегда, встрѣчаемъ исключенія. Такъ напр., «за Петромъ Ѳеодоровымъ Абабуровымъ, Дмитровцомъ, въ помѣстьѣ даномъ за Смоленскую службу крестьянскіе его и бобыльскіе дворы написаны за нимъ безъ передѣлу по государеву указу, потому что по государеву новому указу и съ тѣхъ ево крестьянъ и бобылей лишнихъ людей передѣлять и въ роздачѣ никому опрочъ ево, Петра, давать не велѣно». (л. 330); ср. выше стр. 123 и слѣд.

2) Примѣръ злоупотребленій см. въ А. Э., т. I, № 313. Г. Дьяконовъ коснулся затрагиваемой нами темы въ специальной статьѣ: «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». Спб. 1893 г., стр. 37—39. Часть ея вошла въ составъ «очерковъ», но не та, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь.

хорошо подобранный матеріалъ, постоянно освѣщаемый частными выводами автора. По нѣкоторымъ изъ вопросовъ можно было бы желать, конечно, болѣе внимательныхъ разысканій за время предшествовавшее XVII-му вѣку, что, вѣроятно, придало бы и большую ясность отвѣтамъ на нихъ, предлагаемымъ авторомъ. Пробѣлы, допущенные имъ въ своемъ изложеніи, не всегда оправдываются состояніемъ нашихъ знаній и «главною» темою его сочиненія: не только исторія указа 1597 года (и переписей населенія съ нимъ связаннаго), но и значеніе какъ тягла въ процессѣ частнаго прикрѣпленія, такъ и, наоборотъ, частныхъ факторовъ прикрѣпленія въ тяглѣ оставлены имъ безъ вниманія. Едва ли, однако, не главнымъ недостаткомъ въ изученіи процесса государственнаго прикрѣпленія г. Дьяконовымъ слѣдуетъ считать разбросанность его выводовъ и отсутствіе цѣльности въ изложеніи его, что и помѣшало ему опредѣлить соотношеніе, въ которомъ различныя направленія московской правительственной политики стояли другъ къ другу. Указанные нами промахи, впрочемъ, нисколько не умаляютъ существеннаго значенія каждаго изъ частныхъ разысканій автора: стремленіе его изучать не только общія нормы закона, но и практику Московскаго правительства въ ея жизненной обстановкѣ, придаютъ очеркамъ г. Дьяконова и въ области разсмотрѣнныхъ нами явленій государственнаго прикрѣпленія большую научную цѣнность.

VII.

«Историкъ, писалъ недавно одинъ изъ лучшихъ представителей современнаго намъ историческаго знанія, лишь тогда въ совершенствѣ можетъ изучить свой предметъ, когда онъ обладаетъ разнородными источниками, относящимися къ его области. Одни документы нужны ему для знакомства съ законнымъ порядкомъ вещей, а другіе — для раскрытія дѣйствительнаго ихъ положенія, со всѣми оттѣнками въ его практикѣ». Въ виду такой именно цѣли г. Дьяконовъ, приступая къ изученію исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, обратился къ пересмотру не только печатнаго, но и рукописнаго матеріала, прикосновеннаго къ избранной имъ темѣ. Кто самъ нѣсколько работалъ въ нашихъ архивахъ надъ рукописями XVI—XVII вв., тому не трудно оцѣнить долготерпѣніе и трудъ, какіе понадобились г. Дьяконову для систематическаго просмотра множе-ства документовъ, имѣющихъ существенное значеніе для исторіи прикрѣпленія сельскихъ жителей Московскаго государства къ тяглу: благодаря усидчивой работѣ сочиненіе автора послужитъ прочнымъ основаніемъ для новыхъ разысканій въ той же области явленій.

Несмотря на богатство собранныхъ имъ матеріаловъ, г. Дьяконовъ ограничился преимущественно ихъ анализомъ и воздержался отъ общихъ заключеній. Не повторяя здѣсь того, что было уже сказано выше въ нашемъ отзывѣ о такомъ именно характерѣ разбираемаго труда, замѣтимъ только, что анализъ г. Дьяконова обращенъ не столько на явленія и процессы, сколько на памятники и на общественныя группы, т. е. на объекты болѣе конкретнаго свойства, а въ сочиненіи его хотя и есть единство темы, но не всегда замѣтна цѣльность конструктора. Осторожность автора, едва ли безусловно оправдываемая современнымъ состояніемъ нашихъ знаній, не помѣшало ему, однако, обогатить исторію нашего права цѣлымъ рядомъ прочно обоснованныхъ частныхъ выводовъ.

Историческая точка зрѣнія, правда, не всегда выдержана г. Дьяконовымъ, а изображеніе фактической обстановки, въ которой складывались интересующія его правоотношенія, вызываетъ иногда сомнѣнія въ читателѣ; такое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, разысканія автора о подмогѣ и ссудѣ, о старожильствѣ, о кабальномъ и задворномъ холопствѣ, и о правительственныхъ мѣрахъ привлеченія ие тягла населенія къ обложенію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ основные признаки важнѣйшихъ «институтовъ», какъ напримѣръ, старины едва ли правильно истолкованы авторомъ, а въ другихъ — обнаруживаются пробѣлы не совсѣмъ понятныя съ точки зрѣнія «главной темы» его труда (напр., о вліяніи холопской зависимости и власти землевладѣльцевъ надъ крестьянами на прикрѣпленіе). Тѣмъ не менѣе значительное большинство выводовъ, дѣйствительно сдѣланныхъ г. Дьяконовымъ, по крайнему нашему разумѣнію, слѣдуетъ признать правильными; крестьянскія порядки, напримѣръ, прекрасно изучены имъ, значеніе старины въ процессѣ прикрѣпленія къ государственному тяглу впервые обстоятельно выяснено въ его «очеркахъ»; любопытны также многія частныя наблюденія автора надъ положеніемъ большинства изъ разрядовъ сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Весьма поучительны, далѣе, замѣчанія г. Дьяконова о вліяніи бытовыхъ условій на правопорядокъ XVI—XVII вѣка, хотя бы въ спорахъ, возникавшихъ между землевладѣльцами изъ за старожильцевъ, а также его указанія на отношенія между обычаемъ и закономъ, напримѣръ, при выясненіи того, насколько обычныя обязанности крестьянъ были мало опредѣлены въ законѣ. Въ заключеніе отмѣтимъ, что и тотъ медленный ростъ, какимъ отличалась исторія Московскаго законодательства, исполненнаго консерватизма въ соблюденіи старыхъ нормъ и постоянныхъ колебаній и ограниченій при введеніи новыхъ, также не разъ обращаетъ на себя вниманіе г. Дьяконова; въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ примѣровъ, которые уже были приведены нами выше при изложеніи выводовъ автора касательно законовъ о

бѣглыхъ; переживаніе обычныхъ нормъ, не смотря на введеніе отмѣнявшаго ихъ новаго закона, въ свою очередь иллюстрируется въ книгѣ г. Дьяконова, напримѣръ, исторіей порядныхъ записей до и послѣ изданія Уложенія.

Всѣ вышеизложенныя качества сочиненія г. Дьяконова о сельскомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв., безъ сомнѣнія, заслуживаютъ признанія со стороны научной критики: богатство матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, строгость въ приемахъ ученаго изслѣдованія и обиліе частныхъ выводовъ даютъ намъ полное основаніе отвѣсти почетное мѣсто «Очеркамъ» г. Дьяконова въ нашей ученой литературѣ по исторіи отечественнаго права, все еще довольно бѣдной такими трудами, въ которыхъ обширныя и разнообразныя фактическія знанія соединялись бы съ крупными научными достоинствами. Сочиненіе г. Дьяконова по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. можно признать, поэтому, вполне заслуживающимъ преміи графа С. С. Уварова.

ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ:

		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стр. 65,	стр. 20 снизу	крестьяне, лишённые	крестьяне, вовсе не имѣвшіе или лишённые
» 75,	» 16 »	ими	имъ
» 77,	» 12 сверху	свойствъ,	свойствъ
» 126,	» 7 снизу	изъ	изъ
» 127,	» 16 »	сталь	могъ сдѣлаться
» 129,	» 8 сверху	кабальные люди, которые	кабальные люди и которые
» 129,	» 3 снизу	Уложеніе, XX, 47,... и 61	Уложеніе XX, 9, 14, 15, 47,... 61, 63 и 81
» 132,	» 12 сверху	кабалу отъ крестьянской	кабалу отъ крестьянской порядной
» 79,	» 19 »	просрочки долга	несостоятельности должника

III.

Проф. Д. И. Багал'й: Опытъ исторіи Харьковскаго университета

(по неизданнымъ матеріаламъ).

Т. I (1802—1815).

Рецензія В. И. Срезневскаго.

Почти всѣ прежніе труды по исторіи русскихъ университетовъ изображаютъ передъ читателемъ или исторію кафедръ съ біографіями профессоровъ и характеристиками ихъ дѣятельности, или очерки постепеннаго развитія университета, какъ учрежденія; они знакомятъ съ исторіей жизни университета, большею частью не вдаваясь въ подробности внѣ официальныхъ рамокъ задачи. Нѣчто совсѣмъ иное мы видимъ въ представленномъ на соисканіе Уваровской награды трудѣ г. Багал'я «Опытъ исторіи харьковскаго университета 1802—1815 г.». Задумавъ свой трудъ чрезвычайно широко, авторъ рѣшилъ въ немъ дать не только то, что обыкновенно разумѣютъ подъ исторіей университета, т. е. исторію внутренней его жизни, научной и учебной, а исторію университета въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія, въ связи съ развитіемъ народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, вліянія на ростъ и благоустройство города; помимо обзрѣнія ученыхъ заслугъ и учебной дѣятельности университетской корпораціи, авторъ разсматриваетъ и внутреннюю сторону ея жизни, изображаетъ нравы профессорской и студентской среды, отношенія профессоровъ и студентовъ къ обществу и обратно. Такой обширный замыселъ г. Багал'я не можетъ не привлечь особаго вниманія къ его труду, и читатель, взявшійся за объемистый томъ «Опыта» (1204 стр.), едва ли раскается, если только онъ не боится сырыхъ матеріаловъ и хоть въ общихъ чертахъ знакомъ съ предметомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію труда г. Багал'я, пужно сказать нѣсколько словъ о тѣхъ указаніяхъ автора, которыя относятся

до плана его труда, словъ, касающихся не столько существа дѣла, сколько его формальной стороны. «Исторіи харьковскаго университета въ царствованіе императора Александра I-го», говоритъ авторъ, «я предполагаю посвятить два тома: 1-й будетъ обнимать одно десятилѣтіе въ жизни университета (1805—1815 г.), 2-й — другое (1815—1824 г.)». «Такое дѣленіе», продолжаетъ г. Багалъй, «оказывается необходимымъ между прочимъ и потому, что самое отношеніе правительства къ университетамъ въ 1-ую половину царствованія Александра I-го отличалось однимъ характеромъ, а во 2-ю — другимъ, совершенно противоположнымъ; сообразно съ этимъ рѣзко измѣнился и общій характеръ университетскаго быта». Эти слова являются единственнымъ обоснованіемъ раздробленія исторіи университета времени Александра I-го на два періода. Если бы авторъ держался въ своей исторіи послѣдовательнаго описанія событій жизни университета, какъ лѣтописецъ, можетъ быть, подобное основаніе было бы и достаточнымъ; но г. Багалъй рассматриваетъ каждое изъ этихъ двухъ десятилѣтій, какъ нѣчто вполне самостоятельное, нѣчто цѣлое, во времени недѣлимое, и намѣревается въ каждомъ обозначенномъ періодѣ представлять событія не въ хронологическомъ порядкѣ происшествій, а разлагая на извѣстныя составныя части съ опредѣленнымъ содержаніемъ; являющееся такимъ образомъ рѣзкое обособленіе каждаго періода исторіи университета нуждается, по моему мнѣнію, не смотря на свою правильность, въ большей обоснованности, въ болѣе значительныхъ доводахъ, чѣмъ тотъ, который приведенъ выше. Думаю, поэтому, что г. Багалъю было бы необходимо въ введеніи представить краткій очеркъ всей исторіи университета съ распредѣленіемъ на періоды, какіе онъ полагаетъ нужнымъ сдѣлать. Такой планъ съ одной стороны опредѣлялъ бы первую часть исторіи, нынѣ напечатанную, какъ самостоятельное изслѣдованіе о первомъ десятилѣтій университетской жизни (для преміи желательное), съ другой стороны далъ бы читателю возможность сразу и быстро обозрѣть всю жизнь университета въ ея различныхъ измѣненіяхъ и по волѣ правительства, и по условіямъ общественнымъ, съ тѣмъ чтобы этимъ краткимъ обзоромъ онъ могъ руководствоваться при изученіи громаднаго труда г. Багалъя.

Первый томъ «Опыта исторіи харьковскаго университета» распадается на восемь главъ и предисловіе, заключающее въ себѣ обзоръ источниковъ. Первая и вторая главы являются какъ бы введеніемъ въ исторію университета; онѣ изображаютъ культурное состояніе харьковскаго края до открытія университета и исторію учрежденія университета. Слѣдующія шесть главъ представляютъ собою собственно исторію университета за 1805—1815 годы, съ распредѣленіемъ собраннаго матеріала по особымъ шести

рубрикамъ. Каждый изъ этихъ шести раздѣловъ по предположенію автора долженъ былъ затронуть опредѣленную сторону университетской жизни; въ первомъ говорится, по преимуществу, объ «университетскомъ самоуправленіи», во второмъ — о «матеріальныхъ средствахъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ», въ третьемъ — о «преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ», въ четвертомъ — о «студентахъ», въ пятомъ — о «бытѣ и нравахъ университетской среды», въ шестомъ — о «роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія». Насколько выполнилъ свою классификацію авторъ и чего съ ея помощью достигъ, будетъ рассмотрѣно въ своемъ мѣстѣ.

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ объ источникахъ «Опыта», вопросъ, на мой взглядъ, главнѣйшій, ибо изъ особаго отношенія къ источникамъ происходитъ большинство недочетовъ книги. Предстоитъ опредѣлить съ одной стороны, какъ авторъ отнесся къ предварительной своей работѣ по собиранію матеріала, съ другой стороны, какъ воспользовался тѣмъ, что ему удалось собрать ¹⁾.

Сложная задача составленія исторіи университета предполагаетъ необходимость предварительныхъ архивныхъ разысканій на всемъ пространствѣ поставленнаго авторомъ вопроса, полнаго и даже систематическаго разслѣдованія архивнаго матеріала, который долженъ явиться основой труда. Между тѣмъ ознакомленіе съ «Опытомъ» во всемъ его объемѣ, разсмотрѣніе отдѣльныхъ главъ исторіи, сравненіе достоинствъ разныхъ главъ — все это указываетъ на то, что предварительныя работы были произведены г. Багалѣемъ далеко не такъ, какъ было бы желательнo, что собираніе матеріала, его обработка и печатаніе труда шло одновременно и параллельно. Эта недостаточность подготовительныхъ работъ, бросающаяся въ глаза читателю «Опыта», какъ ни странно, была отчасти преднамѣренною со стороны автора. Къ такому заключенію приводятъ его сообщенія о работахъ въ архивѣ харьковскаго университета, послужившемъ главнымъ источникомъ «Опыта». Въ этомъ архивѣ, кромѣ архива университета въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. дѣлъ совѣта университета, правленія и наиболѣе цѣнныхъ по содержанію дѣлъ факультетовъ, заключается архивъ канцеляріи попечителя, училищнаго комитета, наконецъ дѣла по цензурѣ, подлежавшей въ первые годы столѣтія вѣдѣнію университета. Университетскій архивъ, по словамъ автора «Опыта», — «почти нетропутый неисчерпаемый рудникъ драгоценныхъ матеріаловъ». «Одни лишь документы университетскаго архива», читаемъ

1) Нельзя не отмѣтить, что по вступительной замѣткѣ автора объ источникахъ книги нельзя дѣлать окончательныхъ выводовъ о полнотѣ или недостаточности матеріала, ибо перечь источниковъ, въ ней заключающійся, является вѣскольکو случайнымъ, не исчерпывающимъ предмета.

въ другомъ мѣстѣ, «даютъ полную картину официальной дѣятельности университета, съ хронологическими датами, съ точными свѣдѣніями о служебной, преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ, со статистическими данными о состояніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, о количествѣ студентовъ, ихъ происхожденіи, мѣстѣ рожденія и первоначальнаго воспитанія, занятіяхъ, экзаменахъ и т. п. Мало того, въ университетскомъ архивѣ мы найдемъ много данныхъ, рисующихъ намъ частную жизнь профессоровъ и студентовъ, ихъ нравы и обычая... Наконецъ, въ томъ же университетскомъ архивѣ мы найдемъ драгоценный матеріалъ для характеристики отношенія университета ко внѣ-университетской педагогической средѣ; это — документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія объ устройствѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа; училища эти находились въ первое время въ завѣдываніи училищнаго комитета, а этотъ послѣдній состоялъ изъ профессоровъ университета» (с. 7—8). Университетская сокровищница, такъ привлекательно изображенная г. Багалѣемъ, можно предполагать, должна была заставить автора отдать ей и трудъ, и время на нѣсколько лѣтъ; только послѣ тщательнаго разбора и изученія, выдѣливъ наицѣннѣйшее, онъ, можно думать, началъ составленіе исторіи. Къ сожалѣнію, г. Багалѣй поступилъ не такъ; онъ самъ разочаровываетъ читателя въ надеждахъ на полноту архивныхъ работъ и заранѣе предупреждаетъ, что воспользуется университетскимъ хранилищемъ «въ слишкомъ незначительной степени»¹⁾. Это сознаніе не мало ослабляетъ возможность видѣть въ «Опытѣ» «систематическій очеркъ харьковскаго университета», съ содержаніемъ, «гарантіей достовѣрности» котораго является «документальный характеръ» его. Тѣнь, бросаемая на предпріятіе г. Багалѣя такою памѣренною недоконченностью въ разработкѣ матеріаловъ харьковскаго университетскаго архива, главнѣйшаго источника для «Опыта», не можетъ не быть поставлена въ упрекъ автору; правда, для подробнаго ознакомленія съ архивомъ, еще не вполне разобраннѣмъ, нужна масса личнаго труда автора, труда тяжелаго и долгаго; но эта черная и, должно сказать, непремѣнно авторская работа необходима для полноты и правдивости.

Такъ, по собственному признанію, отнесся авторъ «Опыта» къ университетскому архиву; подобное же отношеніе, можно предполагать, было у него

---

1) «Недостатка въ источникахъ», читаемъ въ предисловіи, «я ощущать не буду: скорѣе является опасность другого рода, — что я воспользуюсь этимъ хранилищемъ въ слишкомъ незначительной степени. *И я заранѣе предупреждаю, что не буду разрабатывать бумагъ его систематически*; для этого мнѣ пришлось бы перерыть весь архивъ, что, конечно, абсолютно невозможно, въ особенности, если принять во вниманіе огромное количество документовъ и отсутствіе ихъ научнаго описанія».

и къ состоящему подъ его наблюденіемъ архиву харьковскаго историко-филологическаго общества: ничѣмъ инымъ не могу объяснить то, что онъ не воспользовался въ своей книгѣ находящимися въ архивѣ общества бумагами Г. С. Чирикова, бывшаго помощника библіотекаря харьковскаго университета (р. 1835—1881); чрезвычайно полезный дѣятель по разработкѣ мѣстной литературной старины, извѣстный статьями объ Осиповскомъ и Нахимовѣ (въ «Русской старинѣ»), Чириковъ оставилъ по своей смерти много любопытныхъ замѣтокъ и матеріаловъ, касающихся харьковскихъ дѣятелей первой половины столѣтія¹⁾; воспоминаія и рассказы очевидцевъ, замѣтки, составленныя на основаніи сообщеній старожиловъ, а частью по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ, естественно должны были обратить на себя вниманіе историка университета; какъ ни странно, но г. Багалѣй ни словомъ не упомянулъ въ своемъ трудѣ о бумагахъ Чирикова, хотя и пользуется ими (правда, въ очень незначительной мѣрѣ) въ статьѣ «Два культурныхъ дѣятеля изъ среды харьковскаго духовенства», помѣщенной въ фельетонахъ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей». Между тѣмъ, кромѣ свѣдѣній объ отцѣ В. Г. Фотіевѣ (о которомъ будетъ сказано ниже), принятыхъ во вниманіе г. Багалѣемъ въ упомянутой статьѣ, въ бумагахъ Чирикова есть свѣдѣнія и о попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа гр. С. О. Потоцкомъ, и о губернаторѣ И. И. Бахтинѣ, и о профессорѣ Архангельскомъ, и воспоминаія Венедиктова о студенческихъ годахъ (1814—1819), и пр.

Если можно признать преднамѣреннымъ то, что г. Багалѣй не воспользовался архивомъ харьковскаго историческаго общества, едва ли позволительно привести подобное же объясненіе тому обстоятельству, что нѣкоторые печатные источники — полезныя пособія для историка университета — ускользнули отъ вниманія автора «Опыта». Такъ г. Багалѣй при сообщеніяхъ о большинствѣ иностранцевъ-профессоровъ пользуется одними формулярными списками, найденными въ архивѣ университета М. М. Плохинскимъ; между тѣмъ о профессорѣ Ванотти онъ могъ бы найти въ «Украинскомъ вѣстникѣ» 1819 года (Харьковъ) статью проф. Архангельскаго «Жизнеописаніе покойнаго ординарнаго профессора Императорскаго харьковскаго университета надворнаго совѣтника Якова Осиповича Ванотти», и тутъ же рѣчь, сказанную при его погребеніи г. Филомаицкимъ (подписана Ф—ій), и стихотвореніе Райдоровскаго на его кончину; при сообщеніи о проф. Якобѣ слѣдовало бы воспользоваться нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями въ «Изслѣдованіяхъ» М. И. Сухомлипова. Тоже можно сказать и о русскихъ профессорахъ Книгишѣ и Каменскомъ, свѣ-

1) О Чириковѣ см. въ «Харьковскомъ сборникѣ», т. 4, 2, с. 108—113.

дѣнія о которыхъ въ «Опытѣ» довольно кратки, хотя біографія Книгина есть въ «Сѣверной Пчелѣ» 1831 г., а обильныя, чрезвычайно любопытныя данныя о жизни Каменскаго, бывшаго до поступленія въ харьковскій университетъ профессоромъ казанскаго университета, даетъ книга Булича «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета» (т. 1, с. 146—162, 345, 349—357), краткія же указанія вмѣстѣ съ рѣчью надъ его гробомъ Завиновскаго — «Украинскій вѣстникъ» 1819 г. Эти случайныя отмѣтки могутъ, я думаю, дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи автора къ собранію источниковъ для «Опыта исторіи».

Что касается до того, какъ произведенъ выборъ матеріаловъ, то нельзя не поставить г. Багалю на видъ недостатка критическаго отношенія къ нимъ, доводящаго его до противорѣчія самому себѣ въ разныхъ главахъ, какъ это, напримѣръ, видно, изъ сопоставленія главы 1-й съ главой 6-й, гдѣ оказывается рѣзкая разница въ выводахъ о подготовленности общества къ принятію университета (см. ниже). Нельзя также не упрекнуть его за отсутствіе чувства мѣры при выборѣ данныхъ не только изъ рукописнаго, но и изъ печатнаго матеріала. Съ одной стороны разнообразіе матеріала заставляло автора говорить въ своемъ трудѣ о томъ, что къ исторіи университета не относится, или что, въ крайнемъ случаѣ, могло бы быть сгруппировано въ какой-нибудь особой главѣ изслѣдованія; — съ другой стороны богатство матеріала различной цѣнности, увлекало автора, какъ собирателя или антиквара, своею сырой свѣжестью и часто заставляло его вводить въ книгу то, что, хотя и относится къ университету, но нуждается въ нѣкоторомъ выборѣ. Чтобы не быть голословнымъ въ своихъ упрекахъ, могу указать на случайныя вставки перваго рода въ главѣ 5-й, посвященной разсмотрѣнію преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ. Такъ, здѣсь къ слову говорится о процвѣтаніи въ Харьковѣ изящной литературы и сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности постороннихъ профессорской средѣ стихотворцевъ — А. Н. Нахимова, В. Г. Масловича, А. А. Палицына съ біографическими данными (впрочемъ, случайнаго характера) и съ обширными выдержками изъ ихъ произведеній (с. 757—774). Въ той же 5-й главѣ даются свѣдѣнія о филотехническомъ обществѣ, основанномъ въ Харьковѣ В. Н. Каразинымъ, обществѣ не университетскомъ, въ которомъ изъ 35 первоначальныхъ членовъ было всего 2 профессора — Стойковичъ и Гизе (с. 750—753). Къ подобнымъ, не касающимся университета вставкамъ, отношу и сообщенія г. Багалю по исторіи харьковскаго театра въ главѣ «Бытъ и нравы университетской среды»; здѣсь приведена выписка о театрѣ изъ воспоминаній Роммеля, обширныя выдержки изъ статьи Г. О. Квитки «Исторія театра въ Харьковѣ» (напечат. въ «Литературной газетѣ» 1841 г. № 114—115); единственнымъ оправданіемъ этой

вставки является только то, что вслѣдъ за очеркомъ харьковскаго общественнаго театра сообщается о любительскихъ спектакляхъ, устраивавшихся самими студентами въ ихъ столовомъ залѣ, относительно которыхъ въ 1814 г. между ректоромъ университета Осиповскимъ и министромъ гр. А. К. Разумовскимъ возникла переписка, сохранившаяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Такихъ примѣровъ введенія въ исторію университета къ нему непосредственно не относящагося можно было бы привести не мало. Что касается до слишкомъ малой разборчивости при выборѣ матеріаловъ университетскихъ, малой ихъ переработки, малаго извлеченія существеннаго, стремленія представить сырой матеріаль въ возможно первобытной формѣ, то, думаю, и въ этомъ должна быть нѣкоторая мѣра; хотя сырой матеріаль и любопытенъ самъ по себѣ, какъ не подкрашенное слово современника, тѣмъ не менѣе едва ли слѣдуетъ вводить его въ учебный трудъ въ неприкосновенномъ видѣ. Съ другой стороны смѣшеніе важнаго съ незначительнымъ, общинтереснаго съ имѣющимъ чисто частный характеръ не можетъ не нарушать цѣльности и связности повѣствованія. Напримѣръ, въ главѣ 5-й, при сообщеніи о дарованіи университетомъ ученыхъ степеней (с. 586—622), вмѣсто какихъ-нибудь обобщеній, выводовъ изъ архивныхъ данныхъ, находимъ только повѣствованія о частныхъ случаяхъ съ громадными подробностями, заключающія въ себѣ почти исключительно сообщенія о разныхъ пререканіяхъ и несогласіяхъ среди профессоровъ, выдержки изъ воспоминаній, письма, донесенія, жалобы диспутантовъ, доносы профессоровъ другъ на друга; такъ, разбирается въ подробности дѣло Хлапонина, желавшаго получить докторскую степень, Дегая, добивавшагося той же степени, Кеппена, Громова, Гессъ-де-Кальве, Мизка, Дудровича и пр.; въ концѣ разсказа г. Багалѣй оправдываетъ свой экскурсъ тѣмъ, что магистерскія и докторскія испытанія «представляютъ значительный интересъ для характеристики своего времени». Дѣло Хлапонина, дающее богатый матеріаль въ этомъ отношеніи, отвлекало автора отъ правильнаго теченія не одинъ разъ и появляется и въ главѣ объ «Университетскомъ самоуправленіи» (с. 348—349), и въ главѣ «Быть и нравы университетской среды»; въ первомъ случаѣ оно является для болѣе яркой обрисовки партійныхъ распрей; во второмъ случаѣ то же дѣло служитъ характеристикой нравственности профессорской среды, причемъ авторъ, не желая замалчивать темныхъ явленій стараго университетскаго быта, представляетъ столкновеніе Хлапонина съ его противниками подлинными словами и выраженіями (с. 972—980 мелкаго шрифта)... «Нельзя не сознаться», заканчиваетъ авторъ, «что правленіе весьма разумно, совершенно по соломоновски, разрѣшило этотъ споръ: рѣшило оставить его безъ послѣдствій. Да и можно ли было разсматривать по существу это пустое дѣло, которое было раздуто

только взаимнымъ раздраженіемъ противниковъ, раздраженіемъ, дошедшимъ до того, что Болгаревскій (профессоръ) требовалъ прекращенія экзамена Хлапонина, а этотъ послѣдній ставилъ ему въ укоръ его крестьянское происхожденіе и бѣдность его родственниковъ». Слишкомъ обильными подробностями, иногда довольно интимнаго характера, отличается глава о бытѣ и правахъ университетской среды; здѣсь мы узнаемъ, что профессоръ Шадъ отличался несдержаннымъ характеромъ и въ 1808 г. въ запальчивости нанесъ тяжкіе побои слугѣ проф. Дрейсига Цыгапенкову (приводятся выписки изъ подлиннаго дѣла — жалобы слуги, объясненія Шада, показанія проф. Коритаря, проф. Дрейсига и пр. с. 1049—1053), узнаемъ, что поколотилъ и проф. Пильгеръ повара Г. О. Квитки Степана Тиханова, что проф. Дегуровъ обрѣзалъ косу своей служанкѣ Варварѣ Птичкиной, чѣмъ заставилъ ее повѣситься отъ стыда и огорченія, узнаемъ, что подобныя дѣла водились и за «лицами низшаго ранга, прикосновенными къ университету» (с. 1056—1059), что, съ другой стороны, и профессора университета являлись пострадавшими, какъ было съ проф. Шадомъ, котораго побили служителя питейной конторы, когда онъ возвращался на веселѣ въ городъ (приводятся выписки изъ дѣла, между прочимъ обширное латинское письмо Шада). Эти подробности являются доказательствомъ того, что столкновенія мѣстной среды съ иностранцами — университетскими преподавателями — были не только послѣ 1812 года, какъ слѣдствіе развитія патріотизма, но и ранѣе отечественной войны и кромѣ того случались не только съ лицами иностраннаго происхожденія. Казалось бы, надо думать, что университетъ тутъ совершенно ни при чемъ и, вѣроятно, казусы, приведенные въ «Опытѣ исторіи университета» потому, что свѣдѣнія о нихъ оказались въ университетскомъ архивѣ, являются ничтожной долей подобныхъ казусовъ, имѣвшихъ мѣсто въ то время среди обывателей Харькова и русскихъ, и иностранцевъ. Во всякомъ случаѣ, если они и даютъ нѣкоторыя данныя для характеристики профессоровъ, то едва ли достойны подробнаго разслѣдованія и, если служатъ чему нибудь доказательствомъ, то только тому, что люди, независимо отъ своего служебнаго положенія и своего образовательнаго ценза, всегда могутъ быть и нравственными, и порочными. Съ слишкомъ мелочнымъ вниманіемъ авторъ отнесся и къ вопросу объ антисанитарномъ состояніи Харькова въ началѣ текущаго столѣтія при разсмотрѣніи вопроса «о вліяніи харьковскаго университета на мѣстную среду и обратно о воздѣйствіи, какое оказывали мѣстныя условія жизни на университетъ», — занявшемъ мѣсто въ главѣ «Бытъ и нравы университетской среды». Въ этихъ свидѣтельствахъ, почерпнутыхъ изъ архива и изъ показаній современниковъ, мы находимъ то же, что извѣстно изъ статей Лавровскаго и Щелкова, гдѣ сосредоточено

самое важное. Знаменитая харьковская грязь и свирѣпствовавшія изъ за полтора столѣтняго унавоженія города болѣзни дѣйствительно находятся въ очень близкомъ отношеніи къ университету, какъ поводъ къ его изгнанію изъ Харькова, возбудившій горячія разсужденія въ средѣ профессоровъ и даже въ правительственныхъ сферахъ. Сырые матеріалы, приводимые авторомъ по этому вопросу, даже выписки изъ статей Лавровскаго и Щелкова, для большинства доступныхъ («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» и «Статистическій листокъ харьковскаго статистическаго комитета»), интересны только для харьковскаго обывателя (1005—1022) и, кажется, нуждаются въ нѣкоторой разработкѣ. Степень вниманія автора къ мелочамъ, находящимся въ его матеріалахъ, можетъ показать слѣдующее его сообщеніе о числѣ и возрастѣ дѣтей проф. Шада: «Изъ послужнаго списка 1812 г. видно, что тогда у него были дѣти — сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери Туллія 8 л. и Елисавета 6. Во время высылки у него остались, повидимому, одна дочь и сынъ. Тутъ неясная для насъ хронологія. Если сыну его въ 1812 г. было 10 лѣтъ, то значить Шадъ долженъ былъ жениться еще за границей, ибо въ Россію онъ пріѣхалъ только въ 1804 г., а въ 1802—1803 г. жилъ еще въ Іенѣ. Между тѣмъ, самъ онъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что женился въ 1805 году, т. е. уже въ Россіи, на дочери Глика. Въ письмѣ къ веймарскому посланнику онъ свидѣтельствуетъ, что въ моментъ высылки изъ Россіи его дочери было около 13 лѣтъ; а такъ какъ высланъ онъ былъ въ декабрѣ 1816 года, то дочь эта родилась въ 1803—1804 гг.; слѣдовательно, можно думать, что рѣчь идетъ здѣсь о младшей его дочери, которой въ 1812 г. было 6 лѣтъ, значить родилась она въ 1806 г. Но почему же, въ такомъ случаѣ, Шадъ въ своемъ бракоразводномъ проектѣ ничего не упоминаетъ о старшемъ сынѣ и о старшей дочери, которые были живы еще въ 1812 г.? Всѣ эти неясности и противорѣчія, быть можетъ, объясняются просто неполнотою хронологическихъ свѣдѣній нашихъ документовъ, а, можетъ быть, свидѣлствуютъ и объ оставшихся намъ неизвѣстными перемѣнахъ въ семейномъ положеніи Шада». Подобныя, ни къ чему не нужныя, подробности найдемъ почти на каждой страницѣ книги. Они даютъ «Опыту исторіи» характеръ апекдогичности, недостатка, котораго въ общемъ за нимъ никакъ нельзя признать. — Итакъ, если бы отнести къ университетскому архиву съ большей критикой, съ большей разборчивостью, помѣстить въ примѣчанія и приложенія менѣе цѣнное, оставить въ текстѣ наиважнѣйшее, выбросить совсѣмъ ненужное, — исторія университета являлась бы стройной, ясной и яркой, безъ лишннихъ нагроможденій и ненужныхъ паростовъ и въ то же время критически обоснованной и серьезной. Правда, эти требованія были трудно исполнимы при

печатаніи «Опыта» въ повременномъ изданіи, урывками,—но думаю, не невозможны.

Перехожу къ разсмотрѣнію содержанія «Опыта исторіи». Двѣ начальныя главы труда г. Багалѣя, какъ сказано выше, являются какъ бы вступленіемъ въ исторію. Первая глава, озаглавленная «Культурное состояніе харьковскаго края до открытія университета», обращаетъ на себя вниманіе повизною освѣщенія вопроса о подготовленности края къ учрежденію университета; въ противоположность другимъ мѣстнымъ историкамъ, авторъ доказываетъ, что общество въ извѣстной степени желало и добивалось его. «Харьковскій университетъ», говоритъ онъ, «былъ основанъ благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ харьковскаго общества» (конечно, населенія не г. Харькова, а всей Слободской Украины). «Но откуда въ этомъ стѣнномъ захолюстьѣ явились люди, собравшіе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытія университета? Скажутъ, можетъ быть, что общество тутъ ни при чемъ, что единственный виновникъ основанія университета — В. Н. Каразинъ. Но насколько не отрицая огромной заслуги въ этомъ дѣлѣ Каразина, мы тѣмъ не менѣе уже на основаніи общепсторическихъ соображеній не можемъ допустить, чтобы въ самой мѣстной средѣ не было никакихъ благопріятныхъ условій для воспріятія этой мысли, чтобы она ничѣмъ не была подготовлена къ ней». Послѣдовательнымъ рядомъ фактовъ авторъ развиваетъ свою мысль; онъ начинаетъ съ припоминанія о борьбѣ православія съ католичествомъ въ XVI и XVII вѣкахъ, двинувшей впередъ богословскую науку, сблизившей мірянъ съ духовенствомъ, образовавшей прицерковныя братства. Далѣе находимъ любопытныя свѣдѣнія о прицерковныхъ школахъ, развившихся на столько, что въ XVIII вѣкѣ число ихъ относительно количества жителей было даже болѣе чѣмъ теперь, а процентное отношеніе учащихся къ общему числу населенія было, вѣроятно, близко къ нынѣшнему. Затѣмъ знакомимся съ дѣятельностью «мандрованныхъ» дьяковъ, съ имѣющимъ къ ней нѣкоторое касательство просвѣтительнымъ служеніемъ обществу философа Григорія Саввича Сковороды — этого Пифагора, Оригена и Лейбница подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ, какъ сказалъ Каразинъ, странствующаго университета и академія среди слободско-украинскаго общества, какъ выразился Г. П. Данилевскій. «Сковорода», говоритъ г. Багалѣй, «подготавливалъ почву для будущаго харьковскаго университета и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ В. Н. Каразина»; особенно явственно его вліяніе на учрежденіе университета видно изъ того, что наиболѣе замѣтными защитниками университета были его друзья и знакомые. Но какъ онъ, такъ и дѣйствовавшій въ его время харьковскій коллегіумъ, учрежденіе, давшее Россіи рядъ дѣятелей на всевозможныхъ попри-

щахъ, развивали главнымъ образомъ философско-богословскую науку; Сковорода не былъ, впрочемъ, въ своей дѣятельности, говорить г. Багалъй, «чистымъ представителемъ школьнаго академическаго образованія: онъ стремился почерпнуть таковое и въ его источникѣ — на западѣ»; съ другой стороны, конечно, нельзя не сказать, что «его наука сильно отличалась отъ той европейской науки», которая получила на югѣ «прочное начало съ открытiемъ харьковскаго университета». На ряду съ такимъ богословско-философскимъ образовательнымъ направлениемъ уже со второй половины XVIII вѣка въ харьковскомъ краѣ начала развиваться «западно-европейская просвѣтительная стихія»; стремленiе къ европейской наукѣ особенно рѣзко выказалось у сумскихъ дворянъ, поручившихъ своему депутату въ Екатерининской комиссiи хлопотать объ устройствѣ университета въ городѣ Сумахъ; среди тѣхъ же дворянъ въ началѣ XIX вѣка возникъ первый въ краѣ литературный кружокъ А. А. Палицына, извѣстный подъ названiемъ Поповской академiи. Свѣтскiя школы получили развитiе въ Слободской Украинѣ въ Екатерининское время — малыя народныя училища; главное народное училище было устроено въ Харьковѣ уже при Павлѣ (1797 г.). Новый шагъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ произойти подъ влiянiемъ рескрипта Александра I, предлагавшаго дворянству съ пособiемъ отъ казны устроить дворянское военное училище; «не упустите изъ виду» — заканчивается рескриптъ харьковскому губернатору, — «самое существенное правило, чтобы добровольное и свободное движенiе чести было единымъ побужденiемъ сего дѣйствiя, чтобы удаленъ былъ отъ него самый видъ понудительныхъ внушенiй»... Неосуществленiе этой идеи, къ которой сочувственно отнеслись дворяне, ассигновавшiе на училище 100,000 рублей, и превращенiе ея въ идею о созданiи университета произошло уже подъ влiянiемъ Каразина. «Изъ цѣлага ряда собранныхъ нами фактическихъ данныхъ», — говоритъ г. Багалъй, — «можно было видѣть, что почва въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ для открытiя университета была въ значительной степени подготовлена предшествующими просвѣтительными влiянiями и образовательными учрежденiями; нельзя, слѣдовательно, сказать, чтобы университетъ осѣлъ на непочатомъ, нетронутомъ грунтѣ». «Вотъ гдѣ», говорится далѣе, «источникъ отзывчивости не только мѣстнаго духовенства и дворянства, но и горожанъ, и войсковыхъ обывателей на призывъ В. Н. Каразина къ жертвованiямъ! Даже неосуществившiйся проектъ заведенiя въ Харьковѣ военнаго училища имѣлъ важное влiянiе на открытiе въ Харьковѣ университета; обращенiе императора Александра къ харьковскому дворянству подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, вдохнуло въ него патриотическую мысль о пользѣ жертвованiй на дѣло народнаго образованiя; оно захотѣло раздѣлить со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ честь устройства въ Харьковѣ

поваго училища и пособіями своими принять участіе въ расходахъ на него... Трудно было сдѣлать первый шагъ, нарушить инертность, подвигнуть на первыя жертвы... Но разъ общество проснулось, разъ оно перешло отъ покоя въ состояніе подъема душевной энергіи, нуженъ былъ только энергичный, горячій энтузіазъ, чтобы оно проявило выдающуюся дѣятельность на пользу общую». Въ такихъ увлекательныхъ образахъ рисуетъ г. Багалъй харьковское общество начала столѣтія. Но вѣрны ли эти слова? Участіе общества выразилось въ рѣшеніи пожертвовать громадную сумму для устроенія университета. Съ трудомъ, но оно исполнило почти все свое обѣщаніе. Эта сторона дѣла какъ бы указываетъ на извѣстную подготовленность общества къ университету. Совсѣмъ иной выводъ сдѣлаетъ читатель при ознакомленіи съ изложеніемъ дальнѣйшей жизни университета; слободское общество приняло свой народившійся университетъ далеко не такъ, какъ можно было бы ожидать по тому восторгу, съ какимъ оно пошло вслѣдъ за призывомъ Каразина, и въ первые годы существованія университета выставило очень немного лицъ, жаждавшихъ высшаго образованія; ихъ число говорить мало въ пользу общества: въ 1805 г. студентовъ было 57 человекъ (причемъ только 24 своекоштныхъ), въ 1807 г. — 65 (своекоштныхъ 26) и только къ концу 1812 г. — 118, изъ которыхъ своекоштныхъ было уже 68. «Столь малый приливъ юношества въ университетскія аудиторіи», говоритъ Фойгтъ ¹⁾, «происходилъ отъ двухъ причинъ: во 1-хъ, отъ несовершенства и частью недостатка въ здѣшнихъ мѣстахъ средне-учебныхъ заведеній..., во 2-хъ, отъ не совсѣмъ еще истребившагося въ публикѣ предубѣжденія противъ пользы наукъ и въ особенности общественнаго воспитанія». И такъ не вполне дружелюбно приняло южнорусское общество свой новый университетъ; это отношеніе его къ университету, являясь неожиданностью для покровителей университетской науки, казалось почтеннымъ дѣтелямъ начала столѣтія или ненормальностью или случайностью и они старались его устранить. «Желая, чтобы число студентовъ университета», писалъ Потоцкій правленію университета ²⁾, «время отъ времени болѣе умножалось, поставляю непремѣннымъ правиломъ не упускать ни единого случая, который хотя нѣсколько можетъ тому споспѣшествовать, вслѣдствіе чего предлагаю университету поручить профессору Тимковскому, отправленному для обзрѣнія училищъ въ земли Донскихъ казаковъ, чтобы онъ употребилъ всѣ возможныя мѣры склонить войсковыхъ обывателей посылать дѣтей своихъ по окончаніи ученія въ гимназіи, или, если есть и теперь молодые люди, снискавшіе достаточныя свѣдѣнія, въ

1) К. Фойгтъ. Историко-статистическія записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ, 1859, с. 5—6.

2) См. «Опытъ», с. 782.

университетъ харьковскій для приобрѣтенія знаній въ высшихъ наукахъ, полезныхъ для всѣхъ родовъ государственной службы». Тотъ же Потоцкій писалъ министру народнаго просвѣщенія¹⁾: «Стараясь какъ нынѣ, такъ и въ прежнее мое пребываніе, узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи дѣтей своихъ, нахожу я, что общее ихъ мнѣніе по сему предмету далеко еще отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя объ оныхъ весьма темное понятіе, не радѣли они о воспитаніи дѣтей своихъ, лишены будучи всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашались, не окончивши ученіе, записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершенать ихъ знанія; они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше 14-ти лѣтъ возраста посѣщать гимназіи, которыя впрочемъ не приведены еще въ желаемое состояніе. По сему, ежели университетъ сохранилъ бы въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, коими долженъ онъ руководствоваться въ приѣмѣ слушателей лекцій, то отъ сего могли-бъ произойти неприятыя послѣдствія: 1) онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента; 2) молодые люди, не приобрѣтшіе достаточныхъ свѣдѣній для сего званія, принуждены были бы вступить въ службу, оставаясь навсегда необразованными, т. е. цѣлому поколѣнію оныхъ надлежало бы заградить путь къ просвѣщенію и, наконецъ, 3-е, такое отдаленіе при первомъ шагѣ могло бы произвести во всемъ дворянствѣ совершенное отвращеніе отъ университета. Убѣждаясь сими важными причинами, нахожу я себя принужденнымъ, пока гимназіи не будутъ приведены въ лучшее состояніе, учредить при ономъ приготовительный классъ, въ которомъ молодые люди, приобрѣтая достаточныя познанія, будутъ снискивать способность къ слушанію лекцій высшихъ наукъ. Сямъ способомъ надѣюсь я привлечь въ университетъ дворянство и со временемъ достаточно онымъ умножать число его студентовъ (своекоштныхъ находится нынѣ 21 человекъ). Духовенство здѣшнее весьма расположено къ университету и особенно преосвященный: я изыскиваю всѣ возможныя средства заслужить и усугубить такое благорасположеніе. Пользуясь онымъ предложилъ я ему, не находить ли онъ противнымъ, если-бъ семинаристы посѣщали медицинскія лекціи, до образованія же сего факультета, лекціи для сей науки приготовительныя, какъ то: физики, химіи и ботаники. Онъ призналъ сіе съ своей стороны не только полезнымъ, но, сколько замѣтитъ можно было, предложеніе сіе принялъ съ признательностью. По мнѣнію его, предприемлемыя мѣры къ образованію семинаристовъ не могутъ никакъ быть достаточны къ исполненію высочайшаго указа для обученія ихъ медицинѣ, о чемъ и представлялъ уже высокопреосвященному митрополиту;

---

1) См. «Опытъ», с. 786—787.

единое средство, какъ изъясняется онъ, для достиженія благотворительной сей цѣли августѣйшаго монарха, состоитъ въ томъ, чтобы позволено имъ было пользоваться университетскими лекціями. Основываясь на семъ, намѣренъ онъ возобновить первое свое представленіе, присоединя къ тому и средства, могуція отвратить показанныя неудобства». Всѣ эти данныя едва ли указываютъ на стремленіе слободско-украинскаго общества къ высшему образованію. Такое отношеніе къ университету было повсемѣстно. «Если науки и высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ», говоритъ Буличъ («Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго унив.»), «со времени великаго дѣла Петрова, составляютъ историческую необходимость пробужденной и развивающейся жизни, то даже до самыхъ послѣднихъ годовъ нельзя утверждать, чтобы стремленіе къ нимъ было свободнымъ актомъ самого общества. Въ главѣ всѣхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій Россіи должна быть поставлена необходимо державная воля. Она пробуждаетъ дремлющія общественныя силы, она указываетъ цѣли, она и требуетъ высшаго народнаго образованія отъ подданныхъ для цѣлей своихъ, государственныхъ»... «Вотъ почему на университеты наши надобно смотрѣть скорѣе какъ на зародыши будущаго духовнаго развитія и будущей самостоятельной научной дѣятельности, чѣмъ на историческіе памятники прошлаго. Ихъ молодая жизнь еще впереди, хотя каждому изъ нихъ, въ теченіе непродолжительнаго сравнительно существованія своего, пришлось пережить внутри себя достаточно тревоженій, вызываемыхъ и столкновеніями съ обществомъ, ихъ окружающимъ, и общимъ историческимъ положеніемъ страны». Эти слова историка казанскаго университета нельзя, кажется, не признать болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ мысли г. Багалѣя о «золотомъ вѣкѣ» харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе, высказанныя имъ въ первой главѣ исторіи. Замѣчательно, что и самъ авторъ «Опыта», въ главѣ шестой «Студенты» въ значительной мѣрѣ отказывается отъ нихъ, сознавая, что «великій мечтатель В. Н. Каразинъ обманулся въ своихъ надеждахъ на 3000 человекъ студентовъ», что «важнѣйшею задачею» университета было «привлеченіе учащихся, что «многіе курсы не могли состояться».

Вторая глава, озаглавленная «Основаніе харьковскаго университета (1802—1805)», столь же какъ и предыдущая интересная и богатая данными, говоритъ о тѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ, которыя произошли въ Харьковѣ въ 1802 году на общемъ дворянскомъ собраніи 31 августа и 1 сентября, а затѣмъ о работахъ по устройству университета вплоть до его открытія 17 января 1805 г. Не входя въ мелочи, я позволю себѣ высказать лишь немногое. Во первыхъ, при чтеніи этой главы, въ которой излагается горячая, полная энергіи дѣятельность В. Н. Каразина, поражаетъ отсутствіе свѣдѣній объ этомъ «отцѣ университета» до собранія дво-

рянъ въ 1802 году. Едва ли хронологическія рамки удержали автора отъ составленія очерка жизни великаго харьковскаго патріота, ибо при сообщеніи данныхъ о профессорахъ, онъ затрогиваетъ не только харьковскій періодъ ихъ дѣятельности, но и время ему предшествующее; Каразинъ же — такая величина въ сравненіи со всѣми Роммелями, Пильгерами, Шадами и пр., что несомнѣнно достойна и большаго вниманія; можно думать поэтому, что отсутствіе свѣдѣній о Каразинѣ — пропускъ преднамѣренный, и, конечно, не въ цѣляхъ умаленія его значенія, а въ виду того, что онъ — лицо слишкомъ общезвѣстное для того, чтобы писать о немъ въ специальномъ изслѣдованіи. Но такой предположительный доводъ, кажется, мало оправдываетъ автора: исторія университета должна совокупить въ себѣ все важнѣйшее, касающееся ея предмета, даже и въ достаточной мѣрѣ извѣстное. Поэтому, думаю, для полноты своего труда авторъ долженъ былъ изложить случай Каразина съ императоромъ Павломъ, дать картину его отношеній къ императору Александру, представить читателю знаменитую его записку, теперь извѣстную въ подлинникѣ, а не въ списокѣ по памяти, какъ она прежде цитировалась, изобразить его основныя мысли о просвѣщеніи, о крестьянствѣ, о духовенствѣ и пр. и пр. Не малое участіе въ дѣлѣ основанія университета принималъ священникъ Василій Григорьевичъ Фотіевъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ Каразина, какъ это очевидно изъ письма послѣдняго къ Фотіеву, не разъ уже напечатаннаго, между прочимъ и въ упомянутой выше статьѣ г. Багалѣя¹⁾. Объ немъ въ исторіи университета г. Багалѣя говорятъ лишь мелькомъ, между тѣмъ какъ въ статьѣ, написанной на основаніи рукописныхъ замѣтокъ Чирикова, онъ его особенно выдѣляетъ какъ «культурнаго дѣятеля», игравшаго важную роль въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. «Нужно думать», читаемъ въ указанной статьѣ, «что о. Василій Фотіевъ въ значительной степени оправдалъ надежды В. Н. Каразина, т. е. старался по мѣрѣ силъ своихъ вліять на мѣстное общество, чтобы побудить его принести жертвы на открытіе въ Харьковѣ университета. Это видно между прочимъ изъ того, что Василій Назарьевичъ въ числѣ прочихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла, выхлопоталъ и ему, и при томъ, что очень важно въ данномъ случаѣ, награду чрезвычайную: именно орденъ св. Анны 2-й степени съ драгоценными камнями, какового будто бы не имѣлъ въ то время, по словамъ Павла Фотіева, и самъ архіерей²⁾. Въ той же статьѣ находимъ и еще много любопытныхъ данныхъ о Фотіевѣ, которымъ, конечно, мѣсто во 2-й главѣ «Опыта исторіи

1) «Харьковскія губернскія вѣдомости» 1896 г. Отд. отискъ вошелъ въ сборникъ Д. И. Багалѣя «Украинская старина» (1896).

2) «Украинская старина», с. 241—240; въ «Опытѣ исторіи» сказано (с. 96), что Фотіеву былъ пожалованъ золотой наперстный крестъ.

университета». Читая эту главу, желательно составить себѣ представленіе не только о совокупной дѣятельности лицъ, участвовавшихъ въ учрежденіи университета, но и о каждомъ въ отдѣльности, и не только о главныхъ, но и о второстепенныхъ дѣятеляхъ; между тѣмъ авторъ не считаетъ этого нужнымъ и часто относитъ свѣдѣнія о лицахъ, фигурирующихъ во 2-й главѣ, въ другія главы, благодаря чему, не прочитавъ всей книги до конца, можно даже упрекнуть его въ пропускахъ и умолчаніяхъ. Такъ губернаторъ И. И. Бахтинъ, много способствовавшій открытію университета, человѣкъ не безызвѣстный въ литературѣ, при изложеніи дѣла остался на второмъ планѣ и обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ въ главѣ «Бытъ и нравы университетской среды», при разсмотрѣніи вопроса о взаимодействіи мѣстной и университетской среды. Здѣсь на основаніи выписокъ изъ воспоминаній Роммеля и статьи Филадельфа Каразина, сообщеній Цебрикова и указаній Семева и Геннади читатель можетъ найти свѣдѣнія какъ о самомъ Бахтинѣ (правда, не совсѣмъ полныя), такъ и о его супругѣ, а изъ выписки изъ «Путешествія» кн. И. М. Долгорукова даже о приѣмѣ у губернатора. Но авторъ почему то не воспользовался данными объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, хранящимся въ архивѣ харьковскаго историческаго общества. Могли быть включены во 2-ую главу также свѣдѣнія о Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ — первомъ попечителѣ харьковскаго учебнаго округа, о И. Ѳ. Тимковскомъ, сотрудникѣ Каразина въ заботахъ о скорѣйшемъ открытіи университета, біографическія данныя о которомъ отнесены къ главѣ «преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ», о слободско-украинскомъ епископѣ Христофорѣ Сулимѣ, про котораго говорится и то очень немного лишь въ 7-й главѣ (с. 1026), объ Артаковѣ, предшественникѣ Бахтина, не сочувствовавшемъ начинаніямъ Каразина, и о многихъ другихъ значительныхъ и незначительныхъ сотрудникахъ, о лицахъ и положительно, и отрицательно смотрѣвшихъ на университетское дѣло. Краткая оцѣнка заслугъ, оказанныхъ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ въ дѣлѣ основанія университета, правда, помещена въ концѣ этой главы, но эта оцѣнка къ сожалѣнію и не полна и не сопровождается біографическими свѣдѣніями. Въмѣсто такихъ желательныхъ дополненій находимъ нѣкоторыя излишества, большею частью заключающіяся въ обиліи цѣликомъ представленныхъ документовъ, важныхъ только по отдѣльнымъ фразамъ. Долженъ оговориться: все это не уменьшаетъ значенія 2-й главы; въ ней, какъ и въ первой, читатель пойдетъ чрезвычайно много интересныхъ и новыхъ свѣдѣній, не только по исторіи просвѣщенія въ харьковскомъ краѣ, но по исторіи русской образованности вообще.

Что касается дальнѣйшихъ шести главъ, то изъ самаго ихъ перечня уже видны нѣкоторыя пробѣлы: Университетское самоуправленіе, Мате-

ріальныя средства университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія, Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ, Студенты, Бытъ и нравы университетской среды, Роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго образованія, — грани, каждая сама по себѣ, очень любопытныя, но въ общей совокупности недостаточныя, такъ какъ за разборомъ отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ внутренней стороны университетской жизни не видно того, что представляетъ собою, такъ сказать, собственно исторію университета въ тѣсномъ смыслѣ, — виѣшнюю послѣдовательность всѣхъ событій его жизни. Эта часть должна была бы составить вслѣдъ за вступительными главами начальную главу исторіи университета за 1805—1815 гг.; такія главы были бы чрезвычайно желательны въ каждомъ томѣ исторіи, если только авторъ предполагаетъ представить каждый томъ какъ бы ложемъ для того или другого періода жизни университета.

Итакъ, 3-я глава настоящаго тома — начальная глава исторіи за 1805—1815 годы — касается, судя по заглавію, университетскаго самоуправленія. Содержаніе ея слѣдующее: «просвѣтительное движеніе въ началѣ царствованія императора Александра I-го; — характеръ университетскаго устава 1804 г.; — дѣятельность совѣта: выборы должностныхъ лицъ; выборы преподавателей на вакантныя каѳедры; избраніе почетныхъ членовъ; важнѣйшія дѣла, разсмотрѣнныя въ совѣтскихъ засѣданіяхъ съ 1805—1815 года; борьба партій въ совѣтѣ и ея причины; выговоръ министра народнаго просвѣщенія (1812 г.); ректорство Рижскаго и Стойковича, незаконная торговля ректора Стойковича и борьба съ нею университетскаго совѣта; распри послѣднихъ двухъ лѣтъ; — характеристика дѣятельности факультетовъ; — обзоръ дѣятельности правленія въ первое десятилѣтіе его существованія; судебныя и цензурныя функціи правленія». Таково содержаніе главы о самоуправленіи университета; но самоуправленіе ли составляетъ центръ этой главы? Первая часть ея говоритъ о составѣ университета. Здѣсь находимъ свѣдѣнія объ образованіи попечителемъ Потоцкимъ комитета для ускоренія дѣлъ по устройству университета изъ лицъ, вызванныхъ имъ для занятія будущихъ каѳедръ (это были Рижскій, Тимковскій, Делавинъ, Балленъ-де-Баллю и Осиповскій), о приглашеніи тѣмъ же Потоцкимъ еще 18 лицъ, и двоихъ — Н. Н. Новосильцевымъ, о дальнѣйшемъ пополненіи ученаго состава университета при самостоятельной дѣятельности совѣта посредствомъ избраній. Въ дальнѣйшей части главы авторъ касается внутренней жизни университета, не самоуправления исключительно, а дѣятельности членовъ университета вообще; онъ приводитъ выдержки изъ протоколовъ совѣта въ хронологическомъ порядкѣ, сообщаетъ объ ученыхъ собраніяхъ университета, о заботахъ университета касательно сред-

ниго образованія, говоритъ о борьбѣ университетскихъ партій, русской и иностранной, о дѣлѣ курскихъ учителей, приведшихъ университетъ въ столкновеніе съ министромъ, далѣе въ чрезмѣрныхъ подробностяхъ излагаетъ исторію ректора Стойковича, давшую ему столь печальную извѣстность (с. 296—345), дѣло куца Хланопина, искавшаго докторской степени, и пр.; даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности факультетовъ и распряхъ въ ихъ средѣ, о дѣятельности правленія въ лицѣ достойныхъ ректоровъ университета Рижскаго и Осиповскаго и другихъ болѣе или менѣе ревностныхъ работниковъ, излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ перечень выдающихся дѣлъ, далѣе разбираетъ нѣкоторыя дѣла въ подробностяхъ и, наконецъ, заключаетъ главу сообщеніемъ о судебной власти правленія (дѣло объ обидяхъ, напесенныхъ полиціей учителю Фехтовальнаго искусства Сивокту) и дѣятельности по цензурованію книгъ. «Въ настоящей главѣ», заканчиваетъ авторъ, — «мы старались охарактеризовать дѣятельность тѣхъ учреждений, въ которыхъ нашла себѣ выраженіе университетская автономія» (с. 404). Эти слова, кажется, только подтверждаютъ сказанное выше, что настоящая первая глава говоритъ не столько о самоуправленіи, какъ поставилъ въ заголовкѣ авторъ, подо что старается подвести свою работу, а о внѣшнихъ проявленіяхъ дѣятельности университета. Если бы онъ немного расширилъ рамку этой главы, получилось бы то, что на мой взглядъ необходимо, т. е. глава съ краткимъ очеркомъ исторіи университета, излагающая внѣшнюю послѣдовательность событій университетской жизни; на первомъ мѣстѣ читатель ознакомился бы съ составомъ университета не случайно и не урывками, какъ въ настоящей главѣ (напр. о запискахъ Роммеля, о дѣлѣ Стойковича, о дѣятельности Осиповскаго), а во всемъ объемѣ, и затѣмъ узналъ о дѣятельности этихъ лицъ во благо или во вредъ университета. Свѣдѣнія о профессорахъ сообщаются въ главѣ 5-й и 7-й, хотя тоже съ случайнымъ характеромъ. Къ разсмотрѣнію этихъ главъ перваго тома я и перейду теперь, мицуя главу 4-ю «Матеріальныя средства университета и его вспомогательныя пособія», въ которой главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе свѣдѣнія о дѣятельности Каразина по составленію коллекцій университета и графа Потоцкаго по устройству ботаническаго сада.

Авторъ, составляя исторію университета, рѣшилъ не давать въ своей работѣ общихъ обзоровъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, общихъ ихъ оцѣнокъ, онъ хотѣлъ представить дѣйствія лицъ, каждое порознь, не какъ дѣло лица, а какъ дѣло корпораціи, обрисовывающее типъ профессора того времени. Такое отношеніе къ представителямъ университета рѣзко проявляется въ двухъ названныхъ главахъ, изображающихъ харьковскаго профессора 1805—1815 гг., какъ учителя, какъ ученаго, какъ человѣка.

Въ главѣ 7-й авторъ говоритъ: «конечно нашъ очеркъ покажется неполнымъ, если смотрѣть на него, какъ на сборникъ біографій; но такой цѣли онъ не преслѣдовалъ, и даже не могъ ставить для себя; эту задачу должны взять на себя составители «Біографическаго словаря профессоръ харьковскаго университетѣ», — я же старался сообщить данныя, достаточныя для общаго представленія о характерѣ быта и жизни тогдашней профессорской среды и тутъ уже я не пропускалъ ничего, что можно было найти въ печатныхъ и архивныхъ матеріалахъ. Представленные мною факты рисуютъ индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ, но многія изъ нихъ настолько типичны, что могутъ быть обобщены и въ совокупности своей даютъ намъ наглядное представленіе объ эпохѣ и въ нихъ въ достаточной степени ярко выступаетъ передъ нами образъ тогдашняго профессора; не говоримъ уже, что полная галерея изображенныхъ нами дѣятелей сама по себѣ внѣ обобщеній даетъ новый матеріалъ объ этихъ лицахъ и о тогдашнемъ бытѣ» (с. 980). То, что г. Багалъй отчетливо высказалъ въ главѣ 7-й въ отношеніи характера своего изображенія профессоръ со стороны ихъ быта и ихъ нравственныхъ достоинствъ, если не сказано прямо, то рѣзко проявляется въ изложеніи ихъ научной и учебной дѣятельности въ главѣ 5-ой. Результатомъ желанія автора не давать отдѣльныхъ біографій профессоръ, а изобразить, такъ сказать, коллективную біографію профессорской среды, коллективную ея оцѣнку съ научной, учебной, литературной стороны, коллективную характеристику ея нравовъ, достоинствъ, явилось досадное дробленіе характеристикъ въ первой и біографій во второй изъ указанныхъ главъ.

Стремясь выработать какія-нибудь общія правила для оцѣнки научныхъ и учебныхъ заслугъ профессоръ въ главѣ 5-ой, авторъ идетъ путемъ сравненій; рассмотрѣвъ предварительно «образовательный цензъ, научный уровень и преподавательскую опытность», каждого профессора въ отдѣльности, сначала группы иностранныхъ профессоръ (нѣмцы, французы, славяне), затѣмъ группу русскихъ, авторъ дробитъ каждую изъ 4-хъ группъ порознь на три «ранга» въ отношеніи ихъ научныхъ достоинствъ, насколько эти достоинства выразились до поступленія профессора въ харьковскій университетъ. Получилась такая классификація:

Нѣмцы.

- 1-й рангъ: Шадъ (съ 1804 г.),
 Якобъ (съ 1807 г.),
 Роммель (съ 1811 г.),
 Гуть (съ 1808 г.),
 Пильгеръ (съ 1806 г.).

2-й рангъ: Швейкардтъ (съ 1811 г.),
 Гизе (съ 1804 г.),
 Дрейсигъ (съ 1807 г.),
 Нельдехенъ (съ 1811 г.),
 Умлюфъ (съ 1803 г.),
 Тауберъ (съ 1813 г.).

3-й рангъ: Шнаубертъ (съ 1804 г.),
 Рейнишъ (съ 1805 г.),
 Рейтъ (съ 1804 г.),
 Лангъ (съ 1803 г.),
 Шмерфельдъ (съ 1804 г.),
 Ванотти (съ 1805 г.),
 Гамперле (съ 1803 г.).

Французы.

1-й рангъ: Дегуровъ (съ 1807 г.).
 2-й рангъ: Балленъ де Баллю (съ 1803 г.).
 3-й рангъ: Делявинъ (съ 1803 г.),
 Паки де Савиньи (съ 1803 г.).

Южные славяне.

2-й рангъ: Стойковичъ (съ 1803 г.).
 3-й рангъ: Павловичъ (съ 1811 г.),
 Филипповичъ (съ 1804 г.),
 Милиновичъ (съ 1812 г.),
 Дудровичъ (съ 1814 г.),
 Терлаичъ (съ 1811 г.),
 Коритаря (съ 1805 г.).

Русскіе.

1-й рангъ: Осиповскій (съ 1803 г.),
 Рижскій (съ 1803 г.),
 Тимковскій (съ 1803 г.).
 2-й рангъ: Шумлянскій (съ 1805 г.),
 Книгинъ (съ 1811 г.),
 Каменскій (съ 1810 г.),
 Срезневскій (съ 1812 г.),
 Калькау (съ 1803 г.),
 Болгаревскій (съ 1812 г.).
 3-й рангъ: Успенскій (съ 1807 г.),
 Архангельскій (съ 1813 г.),
 Громовъ (съ 1813 г.),
 Комлишинскій (съ 1813 г.),
 Васильевъ (съ 1803 г.),
 Каретниковъ (съ 1804 г.),
 Колумна-Вигура (съ 1814 г.),
 Адамовичъ (съ 1812 г.).

«Считаемъ нужнымъ еще разъ предупредить», заканчиваетъ авторъ свои сообщенія объ ученыхъ заслугахъ профессоровъ, «что мы при этой классификаціи не имѣемъ въ виду послѣдующей дѣятельности этихъ лицъ, а только ихъ предварительную подготовку къ этой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія группа иностранныхъ профессоровъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи стояла выше своихъ русскихъ коллегъ. Но значительное численное преобладаніе иностранцы имѣли только въ началѣ; къ концу десятилѣтія стала замѣтно возрастать цифра русскихъ профессоровъ и въ 1814 г. сравнялась съ числомъ иностранцевъ. Что же касается до качественного превосходства иностранцевъ, то оно, во 1-хъ, не было особенно значительно, во 2-хъ, не было и постоянно, въ 3-хъ, что самое главное, — русскіе профессора, хотя бы и хуже подготовленные, менѣе талантливые, имѣли преимущество передъ иностранцами въ дѣлѣ преподаванія и научныхъ изслѣдованій, благодаря своему русскому происхожденію; незнаніе иностранцами русскаго языка и условій русской дѣйствительности оказывалось огромнымъ тормазомъ въ ихъ педагогической и научной дѣятельности» (с. 542). Итакъ, классификація имѣетъ въ виду научныя заслуги профессоровъ до ихъ вступленія на кафедры харьковскаго университета (почему, напримѣръ, Успенскій и попалъ въ 3-ю категорію) и такимъ образомъ интересна лишь для разъясненія вопроса, кого выбирали или назначали. Нельзя не пожалѣть, что здѣсь не сопоставлена другая классификація, въ неполномъ видѣ помѣщенная въ концѣ главы, которая съ одной стороны разъяснила бы, что сдѣлало данное лицо на своемъ новомъ поприщѣ, съ другой же стороны показала бы, насколько двинулась впередъ въ Харьковѣ за этотъ періодъ русская наука; сопоставленіе такихъ классификацій было бы любопытно. Должно, впрочемъ, сказать, что авторъ въ своей первой классификаціи не ограничивается разъясненіемъ вопроса о выборѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше его словъ; онъ приводитъ ее, чтобы наглядно показать перевѣсъ иностранцевъ надъ русскими при открытіи университета «и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи», между тѣмъ, если обратить вниманіе на приписанные мною годы занятія профессорами кафедръ, окажется, что классификація г. Багалѣя приводитъ совсѣмъ къ иному выводу: въ годъ открытія университета первый «рангъ» состоялъ по преимуществу изъ русскихъ, которыхъ было трое, противъ одного иностранца; второй рангъ заключалъ въ себѣ двухъ нѣмцевъ, двухъ русскихъ, одного француза и одного славянина; наконецъ, третій рангъ — семерыхъ нѣмцевъ, двухъ французовъ, двухъ не русскихъ славянъ и только двухъ русскихъ¹⁾. Такимъ образомъ въ качественномъ

1) Слѣдуетъ прибавить, что приведенная классификація должна нѣсколько измениться, въ виду того, что Филипповичъ, помѣщенный г. Багалѣемъ въ третьемъ рангѣ,

отношеніи былъ перевѣсъ какъ разъ на сторонѣ русскихъ. Нельзя не прибавить къ сказанному, что заключенія автора, выводимыя изъ его классификаціи, должны быть очень сомнительны, такъ какъ не было ни одного года, когда бы находился въ наличности тотъ составъ университета, который указанъ въ его спискѣ.

Переходя къ дальнѣйшему изложенію главы 5-й, отмѣчаемъ слѣдующіе раздѣлы: 1) Преподавательская дѣятельность всѣхъ профессоровъ за первые десять лѣтъ существованія университета. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о томъ, какія каедры предполагались уставомъ, какія были въ дѣйствительности и кѣмъ были заняты (при этомъ разбирается возникшій въ то время вопросъ объ упраздненіи медицинскаго факультета), затѣмъ представляется болѣе или менѣе детальный обзоръ научныхъ курсовъ, читанныхъ на разныхъ факультетахъ и указанія о преподаваніи искусствъ — музыки, рисованія, танцевъ, фехтованія и верховой ѣзды (причемъ даются краткія біографическія свѣдѣнія о преподавателяхъ искусствъ, въ прежнемъ перечнѣ и классификаціи опущенныхъ); далѣе сообщаются извѣстія объ особыхъ учрежденіяхъ при университетѣ, въ которыхъ также велось преподаваніе, именно пригготовительномъ классѣ при университетѣ, педагогическомъ институтѣ и институтѣ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ; затѣмъ дается оцѣнка внутренняго содержанія и формы изложенія курсовъ на основаніи записокъ Роммеля и главнымъ образомъ отзывомъ бывшихъ студентовъ Т. И. Селиванова и Розальонъ-Сошальскаго (при чемъ попутно представляются характеристика и свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Селиванова по воспоминаніямъ Н. Борисяка и нѣкоторыя немногія указанія относительно Розальонъ-Сошальскаго); вслѣдъ за обзорѣніемъ учебно-преподавательской дѣятельности профессоромъ, насколько она выразилась въ чтеніи лекцій, авторъ переходитъ къ обзору дѣятельности профессоромъ по производству экзаменовъ, но не студенческихъ (какъ уже отмѣчено выше), а только на ученые степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ вопросу о командировкахъ; здѣсь г. Багалѣй главнымъ образомъ говоритъ о торговлѣ дипломами, о профессорскихъ распряхъ по поводу дарованія степеней, при чемъ въ видѣ примѣра излагаетъ огромное дѣло о докторствѣ замѣчательнаго самоучки купца Хлапонина, о которомъ уже говорено выше (с. 589—601), и дѣло о докторствѣ Дегая (с. 602—611), кромѣ того даетъ много сообщеній объ экзаменахъ другихъ лицъ на степень магистра и степень доктора, уже менѣе характерныхъ, и рядѣ ученыхъ командировокъ (Калькау, Архангельскаго, Громова, Робуша).

хотя и былъ избранъ, но еще до открытія университета уѣхалъ за границу, а И. Б. Барендтъ и М. И. Крюгеръ (оба съ 1803 г.), пропущены.

2) Научная дѣятельность профессоровъ за періодъ 1805—1815 г. Этотъ отдѣлъ, разобранный г. Багалѣемъ при содѣйствіи специалистовъ по разнымъ отдѣламъ знаній, въ интересахъ систематизаціи представленъ пріуроченнымъ не къ личностямъ ученыхъ, а къ характеру ихъ сочиненій; онъ распадается на слѣдующія группы: «изслѣдованія и монографіи, учебники, руководства, курсы, диссертациі на ученые степени, рецензіи, актовыя рѣчи; статьи, посвященныя изслѣдованію края; дѣятельность общества наукъ». Въ этомъ отдѣлѣ находимъ полезныя оцѣнки трудовъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, исполненныя М. Е. Халанскимъ, Ѳ. А. Зеленогорскимъ, А. П. Шимковымъ, Г. И. Лагермаркомъ, подробный обзоръ актовыхъ рѣчей за 1805—1815 годы и также опущенный въ предварительномъ перечнѣ небезынтересный обзоръ практическихъ работъ профессоровъ по изученію естественныхъ богатствъ края и изслѣдованію мѣстной вещественной старины (с. 704—730). Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено любопытное вычисленіе о количествѣ печатныхъ экземпляровъ профессорскихъ сочиненій и на основаніи этого о степени нужды въ книгѣ у современнаго общества, а при помощи списковъ подписчиковъ на книгу Стойковича (1231 экз.) о степени принудительности подписки¹⁾. Въ заключеніе обзора трудовъ авторъ приводитъ свѣдѣнія о лицахъ и учрежденіяхъ, которымъ было отправлено «Обозрѣніе публичныхъ чтеній въ университетѣ», и рядъ благодарственныхъ писемъ отъ нихъ, сохранившихся въ университетскомъ архивѣ. Наконецъ, послѣ сообщенія извѣстій объ обществѣ наукъ, о не-университетскомъ филотехническомъ обществѣ, о первой харьковской газетѣ «Еженедѣльникѣ» Лангнера²⁾, тоже неуниверситетской, и о харьковской изящной литературѣ, авторъ даетъ нѣкоторыя общія заключенія о дѣятельности профессоровъ этого «золотого вѣка» харьковскаго университета, какъ онъ по примѣру Роммеля называетъ періодъ 1805—1815 гг. Здѣсь г. Багалѣй разбираетъ вопросъ, какъ отразилась новая среда на иностранныхъ ученыхъ, «кто изъ нихъ продолжалъ работать съ прежней энергіей, кто ушелъ впередъ и кто назадъ»; онъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ — именно Шадъ, Якобъ, Роммель, Балленъ-де-Баллю, Рейтъ, Шнаубертъ, Лангъ, Пильгеръ, Гизе, Стойковичъ и Дудровичъ — «и въ новомъ отечествѣ продолжали свою научную дѣятельность...», что «остальные иностранцы — Умляуфъ, Шмерфельдъ, Ванотти, Дрейсигъ, Гуть, Швейкартъ, Делавинъ, Дегуровъ, Коритаріи ничего почти не напе-

1) Такую принудительность особенно подчеркиваетъ г. Шимковъ, замѣткой котораго пользуется г. Багалѣй.

2) Отношеніе университета къ «Еженедѣльнику», какъ пишетъ самъ авторъ «Опыта», выразилось только въ двухъ случаяхъ, одинъ разъ при его возникновеніи, другой разъ, передъ прекращеніемъ (с. 751).

чатали и единственными трудами нѣкоторыхъ изъ нихъ были актывыя рѣчи», что Нельдехенъ, Гамперле, Рейнишъ, Тауберъ, Павловичъ, Филипповичъ (который, какъ указано выше, уѣхалъ изъ Харькова раньше открытія университета), Терлаичъ, Милюновичъ не говорили и рѣчей; переходя къ общему обзору дѣятельности русскихъ профессоровъ, авторъ «Опыта» сообщаетъ, что «изъ 13 профессоровъ русскаго происхожденія выдавались своими научными трудами четверо, а именно: Успенскій, Осиповскій, Рижскій и Тимковскій...», что «двое имѣли печатные труды — безвременно угасшій Калькау и лѣвивый Шумлянскій; трое — Книгинъ, Каменскій и Срезневскій — издали только актывыя рѣчи; четверо — Васильевъ, Каретниковъ, Крюгеръ, Болгаревскій — не сдѣлали и этого». Переводя эти данныя на цифры и сличая «научную продуктивность» русскихъ и иностранцевъ, авторъ выводитъ: «Процентъ ничего не писавшихъ у иностранцевъ равнялся 28, а у русскихъ — 31, издавшихъ только одни актывыя рѣчи у иностранцевъ — 34%, у русскихъ — 23%, имѣвшихъ разные труды у иностранцевъ — 38%, у русскихъ — 46%. Значитъ иностранные профессора стояли чуть замѣтно выше своихъ русскихъ товарищей въ отношеніи размѣровъ своей научной дѣятельности». Не придавая особенной важности своимъ расчетамъ въ смыслѣ оцѣнки значенія отдѣльныхъ лицъ, авторъ дѣлаетъ только примирительный выводъ, что дѣятели иностраннаго и дѣятели мѣстнаго происхожденія «почти одинаково потрудились» на пользу университетскаго дѣла. Классификація профессоровъ, данная здѣсь, является въ нѣкоторомъ отношеніи продолженіемъ классификаціи, помещенной въ началѣ главы. Но должно сказать, что какъ первая классификація не беретъ одного момента времени для оцѣнки, такъ въ этомъ грѣшитъ и вторая; къ тому же она не касается разбора внутреннихъ достоинствъ сочиненій, а пользуется лишь виѣшними ихъ признаками или ихъ цѣлью; лекціи при этомъ совсѣмъ не принимаются во вниманіе.

При ознакомленіи со второй главою, касающеюся профессорской среды, описывающей ея бытъ и нравы, читатель поражается обиліемъ матеріала, собраннаго г. Багалѣемъ для обрисовки типа профессора 1805—1815 годовъ. Это обиліе одновременно представляетъ собою и главное ея достоинство и главный недостатокъ. Основными пунктами, на которыхъ зиждется изложеніе главы, являются, во первыхъ, сообщенія о «соціальномъ положеніи членовъ профессорской коллегіи», именно о переходѣ профессоровъ въ русское подданство, о чинахъ, о правѣ ихъ на потомственное дворянство, на связанное съ этимъ право владѣть крѣпостными людьми, о матеріальномъ ихъ положеніи — о профессорскомъ жалованіи, пенсіи, вознагражденіяхъ, о правѣ на беспошлинный ввозъ изъ-за границы товаровъ до 3000 р. (при чемъ вспоминаются Стойковичъ и случай съ Коритаріи), о дополнительныхъ

доходахъ — урокахъ, пансіонерствѣ, о матеріальномъ положеніи студентовъ. Второй рядъ сообщеній касается частнаго и семейнаго быта, характера и нравственности сначала профессоровъ, затѣмъ студентовъ. Третій рядъ сообщеній изображаетъ «взаимодѣйствіе между университетскою и мѣстною средою». Таковъ въ основныхъ чертахъ планъ настоящей главы. Противъ него можно сказать только то, что помѣщеніе свѣдѣній о студентахъ было бы какъ будто умѣстише въ главѣ 6-й, касающейся именно студентовъ; относительно остального возражать нечего, если только читатель согласится съ тѣмъ, что дѣйствительно слѣдуетъ говорить о коллективной нравственности профессоровъ, а не приурочивать характеристику каждаго лица къ его біографіи. Къ сожалѣнію, идея главы была совсѣмъ упущена авторомъ при разработкѣ частныхъ вопросовъ. Глава эта, — послѣдняя въ первомъ томѣ, касающаяся внутренней стороны университетской жизни, давала автору послѣдній случай высказаться объ университетѣ 1805—1815 гг., дополнить недостающее, вставить пропущенное, и поэтому по неволѣ должна была вмѣстить въ себя все, что не попало въ другія главы. Вслѣдствіе этого глава, интересная во многомъ по содержанію, явилась какъ бы хрестоматіей не только изъ рукописныхъ, но и изъ печатныхъ матеріаловъ. Въ ней мы найдемъ обширныя выписки изъ записокъ Ромеля о его сватовствѣ, женитьбѣ, о жизни съ молодой женой, путешествіи въ Москву, Петербургъ, объ отъѣздѣ въ Германію и пр. (с. 890—898); разнообразныя выписки изъ анекдотичныхъ воспоминаній Розальона-Сошальскаго¹⁾, тоже извѣстныхъ въ печати, отрывки изъ воспоминаній о Г. П. Успенскомъ его сына (изъ «Воронежскихъ губ. вѣдомостей»), Пѣхотинскаго — о студенчествѣ («Духовный вѣстникъ» 1865 г.); сообщенія о семейной жизни Шада съ разслѣдованіемъ о числѣ его дѣтей и о годахъ ихъ рожденія, подлинное дѣло о разводѣ его съ женой Варварою Шадъ, выдержки изъ свадебнаго контракта о бракѣ дочери Баллець-де-Баллю съ учителемъ рисованія Матесомъ, прошеніе вдовы Калькау въ ревельскій магистратъ о дѣйствительности ея брака; формуляръ Рижскаго (с. 856—857), поавшій сюда вмѣсто того, чтобы въ главу 5-ю; совершенно не относящіяся до университета письма Стойковича къ Штакельбергу по поводу того, что во время своего заграничнаго путешествія онъ былъ заподозрѣнъ австрійскимъ правительствомъ въ шпионствѣ (с. 903—908); все подлинное дѣло между Стойковичемъ и Делавинемъ о томъ, кому пользоваться травою ботаническаго сада (с. 912—918); дѣло Пильгера о докторскомъ дипломѣ, о правѣ на врачебную практику (с. 916—938) съ невѣроятными подробностями, съ массою выдержекъ изъ доку-

1) Напр. с. 889—890.

ментовъ, сохранившихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія; свѣдѣнія о болѣзни, самоубійствѣ и похоронахъ проф. Умляуфа съ приведеніемъ французской надгробной рѣчи проф. Балленъ-де-Баллю и перечнемъ оставшихся отъ него вещей (с. 939—944); свѣдѣнія о И. С. Рижскомъ на основаніи записокъ Селиванова, Роммеля, съ выписками изъ книжки «Извѣстіе о жизни и смерти проф. харьковскаго университета И. С. Рижскаго» (с. 951—962); повтореніе уже изложенной вкратчѣ исторіи Хланопина и Болгаревскаго съ приведеніемъ подлинной жалобы Болгаревскаго (с. 971—980), доносъ адъюнкта Гамперле на проф. Дюгура (с. 949—951); свѣдѣнія о нравственности казеннокоштныхъ студентовъ и о томъ, какія болѣе важныя нарушенія существующихъ правилъ они себѣ позволяли, сообщенія о случаяхъ гибели студентовъ въ рѣкахъ Лопани и Харьковѣ, о санитарныхъ условіяхъ Харькова, разсмотрѣніе состава и количества населенія въ Харьковѣ, что, вѣроятно, должно было бы помѣсть въ первую главу; нѣкоторыя сообщенія о взяткахъ чиновничества, о духовенствѣ, о помѣщичьемъ кругѣ, разсмотрѣніе взаимнаго отношенія университета и дворянства и случаевъ столкновеній (о которыхъ говорено выше), описаніе университетскихъ актовъ, какъ средства сближенія университета съ обществомъ и т. д. Этотъ далеко не полный перечень ясно, думаю, указываетъ на случайность подбора матеріала главы 7-й.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе двухъ главъ «Опыта», изображающихъ профессорскую среду. Раньше было сказано, что г. Багалъй, рѣзко отличая свой трудъ отъ біографическаго словаря, напередъ отказался давать біографіи и характеристики отдѣльныхъ профессоровъ и рѣшилъ представлять то и другое лишь какъ матеріалъ для цѣльнаго изображенія всей профессорской корпораціи; на дѣлѣ, однако, г. Багалъю пришлось отступить отъ своего намѣренія: онъ самъ увидѣлъ, что трудно, почти невозможно обойтись безъ біографическихъ свѣдѣній, которыхъ къ тому же и оказалось не мало подъ руками; благодаря этому обстоятельству то тутъ, то тамъ въ «Опытѣ» являются отрывки біографій профессоровъ, характеристики, выдержки изъ формуляровъ. По преимуществу (хотя далеко не исключительно) эти свѣдѣнія сосредоточены въ двухъ главахъ, относящихся до жизни и дѣятельности профессоровъ. Какъ видно по заглавію, въ одной изъ нихъ авторъ хотѣлъ представить оффиціальную дѣятельность профессора, въ другой его домашнюю жизнь. Трудность такого дробленія ясно сказалась въ обѣихъ главахъ: какъ въ главѣ «преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ», такъ и въ главѣ «бытъ и нравы университетской среды» можно съ одинаковою вѣроятностью найти и характеристики, и біографическія свѣдѣнія, и даже описанія наружности лицъ. Такъ формуляръ Рижскаго оказался въ примѣчаніи главѣ

7-й, а краткая біографія его до 1803 г. — въ главѣ 5-й (с. 856—857 и 522—523); въ 7-ю главу вошло описаніе его похоропъ съ выдержками изъ надгробныхъ рѣчей (с. 951—961). Свѣдѣнія о жизни Роммеля послѣ отъѣзда изъ Россіи отнесены къ главѣ о бытѣ и правахъ, а обширная біографія его до переѣзда въ Харьковъ — къ главѣ 5-й (с. 488—493). Къ той же 7-й главѣ отнесены свѣдѣнія о петербургской дѣятельности Якоба, о ректорствѣ Дюгура въ Петербургѣ, нѣкоторыя сообщенія Роммеля о Швейкартѣ, конецъ автобіографической записки Осиповскаго съ 1804 года, начало которой до 1804 года помѣщено въ главѣ 5-й (с. 522—523 и 963—965), отзывъ о немъ графа Потоцкаго, рассказы о немъ Цебрикова и пр. Если обратить вниманіе на біографіи безъ отношенія къ ихъ дробленію, а исключительно къ ихъ содержанію и обилію или недостаточности фактовъ, невольно является вопросъ, чѣмъ руководился авторъ въ несоразмѣрности своихъ сообщеній, минуя однихъ профессоровъ, допуская мельчайшія подробности о другихъ, говоря не только объ самихъ профессорахъ, но и объ ихъ семьяхъ, ихъ родственникахъ. Можно отвѣтить только: значеніе лица при этомъ не принято во вниманіе, принято во вниманіе только количество матеріала, бывшаго въ рукахъ автора. И вотъ, благодаря этому, читатель найдетъ въ «Опытѣ» обширныя біографіи Шада и Роммеля, основанныя на ихъ запискахъ¹⁾, съ массой излишнихъ подробностей (напр. о бѣгствѣ Шада изъ католическаго монастыря въ 1799 г.), и короткія сообщенія о другихъ иноземныхъ профессорахъ, основанныя по большей части на формулярахъ, хотя нѣкоторые изъ этихъ профессоровъ самимъ авторомъ «Опыта» поставлены въ первый рангъ при классификаціи (Пильгеръ, Гуть, Якобъ). То же слѣдуетъ сказать и о представителяхъ русской науки. Изъ русскихъ профессоровъ самыя подробныя свѣдѣнія сохранились о Тимковскомъ, ибо онъ при жизни напечаталъ свои мемуары: это обиліе матеріала даетъ автору поводъ говорить о Тимковскомъ подробно (с. 510—522), какъ выше о Роммелѣ и Шадѣ, съ массой мелочей, къ университету не имѣющихъ ни малѣйшаго касательства; объясненія, помѣщенные подъ строкой, едва ли оправдываютъ г. Багалѣя въ пользованіи ими въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это онъ дѣлаетъ. Относительно замѣчательнаго профессора и ученаго Г. П. Успенскаго у автора былъ въ рукахъ драгоцѣнный документъ — записка Тимковскаго, вошедшая въ визитаторскій его отчетъ 1807 г., имѣвшая слѣдствиемъ переведеніе Успен-

1) Нѣмецкій подлинникъ записокъ Роммеля изданъ въ 1850-хъ гг. подъ заглавіемъ: «Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit; — Шада подъ заглавіемъ: «Johann Baptist Schad's Russisch-Kaiserlichen Collegienrathes und Professors der philosophie in Iena, ehemals Benedictiners zu Kloster Banz Lebensgeschichte von ihm selbst geschrieben. 1828.

скаго изъ воронежскаго главнаго училища въ харьковскую гимназію, а затѣмъ въ университетъ, но авторъ почему-то отложилъ ее до главы, касающейся средняго и низшаго образованія (с. 1158—1159), и въ главахъ, говорящихъ о профессорахъ, далъ свѣдѣнія объ Успенскомъ на основаніи воспоминаній его сына, помечатанныхъ въ «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1863 г. Эти свѣдѣнія наполняютъ цѣлыя страницы исторіи и не рѣдко говорятъ о самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ частной жизни Успенскаго; нельзя, конечно, сказать, что записки эти не имѣютъ значенія; онѣ, несомнѣнно, интересны, но, являясь источникомъ исторіи университета, естественно нуждаются въ сокращеніяхъ, какъ и эпизодъ съ докторствомъ Пяльгера, и сообщенія Роммеля о его женѣ, объ аркадской жизни съ нею, о «древне-славянскомъ варварствѣ», какъ, наконецъ, описанія наружности профессоровъ, нѣкоторыхъ даже по два раза²⁾. Возвращаясь къ вопросу о біографіяхъ, долженъ прибавить, что при изображеніи отдѣльныхъ лицъ авторъ слишкомъ неукоснительно держится хронологическихъ рамокъ предѣла своей работы, не рѣшаясь ни словомъ коснуться того, что произошло послѣ 1815 г. (кое-что есть только о Роммелѣ). Между тѣмъ нѣкоторыя отклоненія бываютъ необходимы; такъ напримѣръ, при сообщеніи объ учебной дѣятельности проф. Шада, именно о книгѣ его *Institutiones iuris naturae*, слѣдовало бы выяснить дѣло о конфискаціи книги, о высылкѣ самого Шада изъ предѣловъ Россіи и не откладывать разсмотрѣнія развязки событія до слѣдующаго тома исторіи изъ-за того, что оно произошло въ 1816 году.

Прочитавъ главы «Опыта», гдѣ, какъ матеріалъ для біографій разныхъ лицъ, приводятся въ такомъ обиліи выписки изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, невольно приходитъ на мысль, не лучше ли бы сдѣлалъ авторъ, если бы собралъ въ одинъ сборникъ всѣ печатныя и, насколько можно, неизвѣстныя еще въ печати воспоминанія о профессорахъ, автобіографіи, записки, вообще все, что имѣетъ характеръ первоисточника для исторіи университета, исключая, конечно, официальные документы, и въ такомъ видѣ издалъ какъ дополненіе къ «Опыту», снабдивъ отдѣльныя статьи біографическими очерками авторовъ, а текстъ необходимыми примѣчаніями; получилась бы книга чрезвычайнаго значенія, при чтеніи которой

---

2) О Стойковичѣ и въ главѣ 5-й (с. 580) и въ главѣ 7-й (с. 902) читаемъ, что онъ «роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ, выразительно, употреблялъ много иностранныхъ словъ, обладалъ свѣтлою логикой (которая выражалась особенно на лекціяхъ при изложеніи многосложныхъ предметовъ и разныхъ теорій, — это добавлено на стр. 580 противъ с. 902), былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшителенъ, нетерпѣливъ и не всегда ровень», къ чему на с. 902 противъ с. 580 еще прибавлено, что «онъ былъ принятъ во всѣхъ обществахъ, танцоръ и въ танцахъ любилъ первенствовать» и пр.

читатель не былъ бы въ зависимости отъ автора «Опыта», ибо могъ бы прочесть записки безъ сокращеній и не въ разрозненномъ видѣ; «Опытъ», въ который вошло бы лишь существенное, тоже не остался бы въ проигрышѣ.

Въ главу «Быть и нравы», какъ сказано выше, входитъ еще вопросъ о вліяніи харьковскаго университета на мѣстную среду и обратно о воздѣйствіи, какое оказывали мѣстныя условія жизни на университетъ. «Въ исторіи провинціального университета, этому вопросу», говоритъ авторъ, «слѣдуетъ отвести особенно видное мѣсто, потому что быть каждой области въ Россіи представляетъ свои особенности, такъ или иначе отражавшіяся на жизни университетскихъ дѣятелей и, въ свою очередь, претерпѣваетъ измѣненія подъ вліяніемъ новаго фактора такой огромной важности, какъ университетъ». Несомнѣнно, основная мысль г. Багалѣя вполне справедлива; можно не соглашаться съ авторомъ только въ отношеніи его способа разработки этой мысли и объема понятія «взаимодѣйствіе». Эти спорные вопросы легко бросаются въ глаза при краткомъ обзорѣ того, что помѣщено въ «Опытѣ» подъ рубрикой «взаимодѣйствія». На первомъ мѣстѣ стоятъ санитарныя и гигиеническія условія тогдашней харьковской жизни; полное неблагоустройство города, грязь, нездоровый климатъ, болѣзни довели представителей университета до того, что въ ихъ средѣ возникла мысль о переводѣ университета въ другой городъ, въ 1814 г. едва не осуществившаяся. Слѣдующая часть рубрики «взаимодѣйствіе» сообщаетъ свѣдѣнія о Харьковѣ въ началѣ XIX вѣка по количеству и составу его населенія, и объ отношеніяхъ къ университету губернатора Бахтина, архіеп. Христофора Сулимы, Прокоповича и др., а также чиновничества. Третья часть рубрики описываетъ случаи столкновеній между университетскими преподавателями и населеніемъ; наконецъ въ четвертой — случаями взаимоотношенія общества съ университетомъ представляются университетскіе акты, которые, какъ говорится въ «Опытѣ», «способствовали сближенію университета съ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ культивировали въ немъ науку, распространяли общія прогрессивныя идеи, знакомили съ лучшими произведеніями вокальной и инструментальной музыки и тѣмъ способствовали поднятію эстетическаго уровня обывателей» (с. 1072). Изъ этого перечня читатель, я думаю, увидитъ, что авторъ, во первыхъ, слишкомъ широко взялся за разработку вопроса о взаимодѣйствіи, включивъ много такого, что имѣетъ отношеніе къ исторіи города Харькова, а не его университета; во вторыхъ, далъ на ряду съ нужнымъ много не относящихся къ университету свѣдѣній и объ отдѣльныхъ лицахъ, и о сословіяхъ; въ третьихъ, подвелъ подъ понятіе университетской корпораціи частныхъ представителей университета съ ихъ личными недостатками, и столкновенія ихъ съ посторонними лицами назвалъ столкновеніями мѣстной

обывательской среды съ университетскою; наконецъ, въ четвертыхъ, придавъ слишкомъ большое значеніе актамъ, на которыхъ, несмотря на слова Пѣхогинскаго (с. 1070), едва ли бывало много публики, на что указываютъ приведенные авторомъ «Опыта» счета, во сколько обошлось угощеніе присутствовавшихъ.

Между главами «Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ» и «Бытъ и права университетской среды» помѣщена глава, названная «Студенты». Въ ней мы находимъ интересныя подробности о томъ, какъ университетское начальство хлопотало объ увеличеніи числа студентовъ, съ другой стороны какъ духовное начальство противодействовало въ поступленіи въ университетъ воспитанникамъ семинаріи, а министръ народнаго просвѣщенія — лицамъ податнаго сословія, какъ пустовалъ медицинскій факультетъ, какая была предварительная подготовка и образовательный цензъ вступающихъ въ университетъ, чѣмъ ограничивались пріемные экзамены. Далѣе въ главѣ говорится объ университетскихъ занятіяхъ студентовъ, объ экзаменахъ, о числѣ окончившихъ курсъ и вышедшихъ изъ университета до окончанія курса (до 1814 г. кандидатами выпущено всего 67). Затѣмъ авторъ разбираетъ вопросъ, какія цѣли преслѣдовали молодые люди, вступая въ университетъ, при чемъ приходитъ къ выводу, что ихъ привлекала главнымъ образомъ возможность достиженія практическихъ цѣлей, безъ мысли объ умственномъ усовершенствованіи, безъ увлеченія наукой, и, наконецъ, сообщаетъ о научно-литературныхъ опытахъ студентовъ того времени. «Въ заключеніе», говоритъ г. Багалѣй, «отмѣтимъ важнѣйшія особенности въ положеніи стараго харьковскаго студенчества 1805—1814 годовъ. Какъ то время не похоже было на нынѣшнее! Важнѣйшею заботою вновь основаннаго университета было то, что теперь дѣлается само собою и не тревожитъ никого — привлеченіе учащихся. Университетъ былъ открытъ; профессора объявили курсы; учебно-вспомогательныя учрежденія начали дѣйствовать..., а студентовъ почти не было или по крайней мѣрѣ было очень мало; великій мечтатель В. Н. Каразинъ обманулся въ своихъ надеждахъ на 3000 чел. студентовъ. И вотъ попечитель и университетъ употребляютъ самыя разнообразныя мѣры, чтобы профессора не остались безъ слушателей, и, не смотря на все это, многіе курсы все таки не могли состояться, а медицинскій факультетъ правильно началъ функционировать только съ 1811 года... Другою характерною чертою тогдашняго студенчества является крайне разнообразный во всѣхъ отношеніяхъ составъ его — и по образовательному цензу, и по возрасту, и по происхожденію... Сословная исключительность давала себя чувствовать въ жизни и сильно вредила распространенію высшаго образованія въ тѣхъ кругахъ общества, которые могли бы доставить не мало способныхъ и талантливыхъ

питомцевъ... Интересы службы — военной и гражданской — стояли тогда на первомъ планѣ и заслоняли собою чисто научныя и образовательныя цѣли университета. Вотъ почему многіе уходили въ эту службу, не окончивъ курса. Жизнь требовала людей съ образованіемъ, хотя бы и не полнымъ; въ особенности это пужно сказать о вновь открытыхъ и преобразованныхъ тогда училищахъ, крайне нуждавшихся въ учителяхъ. И университетъ, въ вѣдѣніи котораго были эти училища и на обязанности котораго лежала забота о пополненіи ихъ учительскаго персонала, удачно утилизировалъ эти молодыя силы, этихъ недоучекъ, какъ выразились бы мы теперь, которые разносили свѣтъ знанія въ самые темные уголки края и не боялись навсегда похоронить себя въ нихъ. Вообще университетъ тогда не относился равнодушно къ судьбѣ своихъ питомцевъ: однихъ онъ опредѣлялъ на учительскія мѣста, другимъ давалъ пріютъ у себя въ качествѣ студентовъ - кандидатовъ, чтобы они могли подготовиться къ педагогической дѣятельности, третьихъ оставлялъ въ качествѣ магистровъ для ученой карьеры. Слѣдовательно, тутъ было не формальное, а заботливое, дружественно-патріархальное отношеніе къ молодежи» (с. 835—836). Такъ заканчиваетъ г. Багалъй эту интересную главу, мало похожую на другія главы «Опыта» своей относительной краткостью и сравнительно небольшимъ количествомъ сырого матеріала. Я позволю себѣ задать одинъ вопросъ касательно этой главы: отчего авторъ не внесъ въ эту главу свѣдѣній о бытѣ, правахъ и матеріальномъ положеніи студентовъ, отложивъ все это до слѣдующей главы? Между тѣмъ такія сообщенія были бы полезны и, думаю, болѣе уместны въ «Опытѣ», чѣмъ описаніе правовъ профессоровъ. Но къ сожалѣнію авторъ въ своихъ разсказахъ въ гл. 7-й о нравахъ студентовъ вдается въ слишкомъ большія подробности, часть которыхъ смѣло можно было бы сократить или совсѣмъ не печатать (напримѣръ контрактъ съ кухмистеромъ И. Вискигелемъ о продовольствіи студентовъ на с. 875—877, договоръ съ портнымъ на с. 879, съ прачкой на той же страницѣ), часть — перенести въ другое мѣсто (напримѣръ правила о студентахъ, совсѣмъ случайно попавшая въ главу 7-ую вмѣсто 6-й; с. 981—984).

Послѣдняя глава труда г. Багалъя говоритъ о дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Вопросы, затронутые этой главой, такъ насущны, такъ интересны, что, не смотря на то, что во многомъ они выходятъ изъ предѣловъ исторіи университета, нельзя не поблагодарить автора за ихъ разработку; читатель не посѣтуетъ на автора и за повторенія того, о чемъ уже было сказано въ главѣ о культурномъ состояніи края до открытія университета, оправдывая это желаніемъ совокупить въ одной главѣ все, что касается школьнаго образованія. Но можно пожалѣть, что замѣчательная дѣятельность Тим-

ковскаго, кажется, безсмѣннаго члена университетскаго училищнаго комитета, потонула въ этой главѣ, не оставивъ слѣда по себѣ въ тѣхъ главахъ, гдѣ говорилось вообще о его дѣятельности. Любовь къ приведенію въ текстѣ чрезмѣрныхъ подробностей — обычный недостатокъ автора — не оставляетъ его и въ этой главѣ: такъ для разъясненія дѣятельности визитаторовъ училищъ приводятся въ выдержкахъ и изложеніи громадный отчетъ Гимковскаго о визитаціи въ 1806 г. училищъ воронежской губерніи (с. 1153—1175); хотя авторъ и сознается, что пишетъ «не исторію средняго и низшаго образованія въ харьковскомъ округѣ», а желаетъ «только дать общее понятіе читателю о роли университета въ этомъ дѣлѣ» и потому долженъ «ограничиваться по недостатку мѣста» обзоромъ дѣятельности училищнаго комитета за одинъ годъ его существованія, однако и въ этомъ обзорѣ впадаетъ въ такія частности, которыя можно было удобно миновать (с. 1110—1133); я думаю, г. Багалѣй былъ бы болѣе правъ, если бы представилъ очеркъ дѣятельности училищнаго комитета за весь разсматриваемый періодъ, но не въ такой слишкомъ детальной разработкѣ, какъ изображена дѣятельность за 1805 годъ. Подобный желательный обзоръ, правда, нѣсколько замѣняетъ характеристика дѣятельности комитета, но, какъ полагаю, не вполне (с. 1133—1153). Не смотря на эти мелкіе недостатки, нельзя не признать цѣнности настоящей богатой данными главы «Опыта» и пожелать автору исполнить его намѣреніе — дать спеціальное изслѣдованіе о состояніи школъ харьковскаго учебнаго округа въ началѣ XIX вѣка на основаніи отчетовъ визитаторовъ. Эти отчеты, какъ мнѣ удалось убѣдиться лично, представляютъ собою цѣннѣйшій матеріалъ для исторіи народнаго просвѣщенія, для характеристики отдѣльных лицъ, для обрисовки самого визитатора. «Они», по словамъ г. Багалѣя, — «давали безпристрастную картину состоянія школъ съ указаніемъ ихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, съ компетентной оцѣнкой какъ учебной, педагогической, такъ и хозяйственной стороны дѣла (с. 1133)»; «инструкціи, получаемыя визитаторами, были столь широки, что нѣсколько не стѣсняли и не суживали сферы ихъ наблюденій», въ нихъ входили «не только вопросы, непосредственно освѣщавшіе состояніе училищъ, но также и имѣвшіе къ нимъ только косвенное отношеніе» (напримѣръ вопросъ о мѣстныхъ древностяхъ, о промыслахъ и занятіяхъ жителей). Результатъ дѣятельности харьковскаго училищнаго комитета за 9 лѣтъ, подлежащихъ разсмотрѣнію г. Багалѣя, очевиденъ изъ слѣдующихъ данныхъ: до открытія училищнаго комитета въ харьковскомъ учебномъ округѣ было 46 училищъ — 7 главныхъ народныхъ, 36 малыхъ народныхъ и 3 приходскихъ; послѣ девятилѣтней дѣятельности комитета число ихъ возрасло до 163 — 12 гимназій, 65 уѣздныхъ училищъ, 17 малыхъ народныхъ и 69 приходскихъ (с. 1196—1197).

Въ заключеніе своей замѣтки о книгѣ г. Багалѣя считаю умѣстнымъ упомянуть о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое производитъ изданіе помѣщенными въ немъ портретами дѣятелей харьковскаго университета — В. Н. Каразина (2 портрета), графа С. О. Потоцкаго, И. С. Рижскаго, И. Е. Срезневскаго, Х. Роммеля и изображеніемъ могилы В. Н. Каразина; не совсѣмъ на мѣстѣ только портретъ П. И. Кеппена, студента перваго десятилѣтія харьковскаго университета, изображающій покойнаго академика уже въ преклонномъ возрастѣ и къ тому же представляющій копию съ довольно извѣстнаго печатнаго оригинала.

Бросая общій взглядъ на трудъ г. Багалѣя, нельзя не признать его заслуживающимъ большого вниманія, благодаря документальному разъясненію многихъ темныхъ вопросовъ изъ исторіи народнаго просвѣщенія вообще и въ частности университетскаго образованія. Современное общество и отношенія его къ университету, насильственное увлеченіе просвѣтительными идеями, противодѣйствіе духовенства университетскому образованію, сословная борьба, благія стремленія выдающихся, перегнавшихъ свое время лицъ начала царствованія Александра I, обликъ иностранныхъ профессоровъ, считавшихъ себя однихъ солью земли, необезпеченная, трудовая жизнь ученыхъ людей, тяжелая борьба партій въ университетѣ, интриги, подкупы, дѣятельность народныхъ учителей и надзиравшихъ за ними представителей училищнаго комитета, — все это проходитъ передъ читателемъ «Опыта» въ болѣе или менѣе яркихъ картинахъ.

Трудъ г. Багалѣя, надо желать, не оборвется на первомъ томѣ. Съ надеждой на это, не съ мыслью объ упрекахъ коснулся я въ своемъ разборѣ главнымъ образомъ отрицательной стороны «Опыта», ибо къ желанію видѣть его продолженіе нельзя не присоединить желанія нѣкоторыхъ измѣненій, которыя, смѣю предполагать, должны въ будущихъ томахъ увеличить достоинства труда г. Багалѣя. На первомъ мѣстѣ должно поставить пожеланіе автору «Опыта» нѣсколько иного отношенія къ собиранію источниковъ. Въ его рѣшимости разрабатывать архивные матеріалы постепенно, не систематично, на ряду съ движеніемъ труда — кроются причины всѣхъ главнѣйшихъ недостатковъ «Опыта», такъ какъ пиша исторію университета, авторъ еще не былъ знакомъ съ своимъ предметомъ во всѣхъ подробностяхъ. Слѣдствіемъ этого обстоятельства оказались и не вполне стройный планъ, и малая обособленность дѣленія исторіи на періоды, и не совсѣмъ правильная классификація матеріала, и противорѣчія, и повторенія, и не всегда вѣрное освѣщеніе. Эти недостатки являются весьма замѣтными въ главахъ третьей — седьмой, посвященныхъ исторіи университета въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ именно для этихъ главъ и нуженъ былъ архивъ харьковскаго университета;

главы вступительныя (первая и вторая), предметъ которыхъ былъ издавна близь г. Багалѣю, естественно избѣжали такой участи и являются со-всѣмъ иными; тоже надо сказать и о главѣ 8-й, составленной на основаніи однообразнаго матеріала — визитаторскихъ отчетовъ. Слѣдствіемъ постепенной разработки архивовъ, думаю, было и то, что авторъ не могъ дать вступительной къ «Опыту» главы съ общимъ очеркомъ исторіи университета и даже главы съ послѣдовательнымъ изложеніемъ событій университетской жизни за описываемый періодъ, чрезвычайно полезной въ каждомъ томѣ. Что касается до другихъ пожеланій автору «Опыта» при продолженіи его труда, то значеніе ихъ второстепенно; я позволю себѣ отмѣтить только одно — пожеланіе включать въ исторію университета біографическія свѣдѣнія о его дѣятеляхъ въ сопровожденіи характеристикъ ихъ ученыхъ заслугъ. Наконецъ, слѣдуетъ напомнить объ одномъ, вѣроятно, случайномъ упущеніи — объ отсутствіи азбучнаго указателя собственныхъ именъ; за этотъ пропускъ постъуетъ на г. Багалѣя всякій, кто отнесется къ его книгѣ не какъ къ заурядному сочиненію, нужному только одинъ разъ для прочтенія, а какъ къ серьезному труду, являющемуся въ иныхъ случаяхъ драгоцѣннымъ первоисточникомъ.

Указанія измѣненій, желательныхъ въ слѣдующихъ томахъ работы г. Багалѣя, и недочетовъ ея перваго тома не должны, однако, допустить мысли, что «Опытъ исторіи харьковскаго университета» не заслуживаетъ поощренія: громадность труда, взятаго на себя авторомъ, очевидна для всякаго, польза его несомнѣнна, наконецъ, необходимость сочиненія, разрабатывающаго исторію харьковскаго университета, давно назрѣла; все это взятое вмѣстѣ побуждаетъ меня ходатайствовать передъ Императорской Академіей наукъ о назначеніи автору «Опыта» Уваровской награды.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Замѣтка современника о Г. П. Успенскомъ ¹⁾.

Г. П. Успенскій родился іюля 8 1768 года Орловской губерніи въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Отецъ его былъ духовнаго званія, а потому и Успенскій получилъ первое образованіе въ сѣвской семинаріи, находясь тамъ съ 1779 по 1786 годъ. Въ семь же году по отличныя дарованія своимъ поступилъ онъ въ санктпетербургскую учительскую гимназію, гдѣ, пробывъ до 1790 году, опредѣленъ комисіею объ учрежденіи народныхъ училищъ въ главное народное воронежское училище учителемъ высшихъ классовъ. Проходя по порядку чины гражданской службы, онъ въ 1799 году произведенъ въ титулярные совѣтники. Потомъ въ 1807 г. избранъ лекторомъ въ Императорскій харьковскій университетъ для исторіи, статистики и географіи государства русскаго. Въ 1808 году произведенъ въ адъюнкты по сей части; въ 1812 г. сдѣланъ экстраординарнымъ, а въ 1813 г. ординарнымъ профессоромъ. Во время служенія своего учителемъ занимался сочиненіемъ и переводами: изъ сочиненій его извѣстна Латинская грамматика, напечатанная въ Воронежѣ 1804 года ²⁾, Словарь изобрѣтеній и учрежденій въ рукописи; изъ переводовъ: Космографія Шмида ³⁾; Путешествія Николая Унштета по обвороженному міру ⁴⁾, обѣ съ нѣмецкаго, напечатаны въ Воронежѣ 1801 и 1802 годовъ; Сравненіе богословія съ исторіею аббата Трессана, съ французскаго, въ рукописи ⁵⁾. Бывши въ университетѣ, онъ неоднократно исправлялъ должности декана, члена училищнаго, испытательнаго и разсмотрительнаго комитета, университетскаго снудика, инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, визитатора, бібліотекаря, смотрителя надъ мнцъ-кабинетомъ. Кромѣ русскаго исторіи, онъ преподавалъ въ университетѣ русскаго право во всѣхъ онаго частяхъ — и это, кажется, было любимое его занятіе. Находясь еще въ Воронежѣ, онъ по частнымъ препорученіямъ познакомился съ ходомъ русскаго судопроизводства; имѣя же самую превосходную память, онъ обогатился знаніемъ законовъ. Когда въ 1812 году ему ввѣрено было преподаваніе русскаго права, то онъ все свое свободное время посвятилъ сему занятію и

1) Этотъ документъ можетъ быть полезенъ какъ дополненіе къ біографическимъ свѣдѣніямъ объ Успенскомъ; онъ написанъ на бумагѣ съ знакомъ 1818 г., вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Успенскаго. — 2) Начальныя основанія латинскаго языка (Воронежъ, 1804). Книга было нѣсколько разъ переиздана. — 3) Шмидъ: Космографія или описаніе тѣль міра (Вор. 1801). — 4) Заглавіе точно (Вор. 1801—1802). — 5) См. у г. Шмурло (Митрополитъ Евгений, с. 186, 439) и у г. Багалѣя («Опытъ», с. 530).

написалъ право русское гражданское и уголовное. Достоинство сего сочиненія есть полнота и порядокъ, совершенно достаточный къ руководству молодыхъ людей, вступающихъ въ гражданскую службу. Жаль только, что слогу не соотвѣтствовали предмету въ семъ сочиненіи, равно какъ не доставало въ преподаваніяхъ примѣненія сей науки къ нравственности. Впрочемъ, право русское Успенскаго едва ли есть не лучшее сочиненіе въ своемъ родѣ въ Россіи. Опъ издалъ въ свѣтъ также Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ; напечатанъ вторымъ изданіемъ въ 1818 году въ Харьковѣ. Слогу тяжель, выборъ предметовъ болѣе обилень, нежели разборчивъ. Но поелику это есть первая и единственная въ своемъ родѣ книга, то и будетъ имѣть свое уваженіе всегда.

Г. П. Успенскій былъ членомъ харьковскаго общества наукъ и московскаго исторіи и древностей. Скопчалъ жизнь свою мая 3-го дня 1820 года отъ простудной горячки, наслаждавшись до того совершеннымъ здоровьемъ и общавшій себѣ и всѣмъ знавшимъ его долготѣною жизнь.

Характеръ сего человѣка былъ — неутомимая дѣятельность. По множеству должностей, имъ занимаемыхъ въ одно время, нельзя казалось не ожидать опущенія; и однако жъ Успенскій всегда былъ точенъ въ исполненіи должностей своихъ. Въ обращеніи онъ былъ благоразумно строгъ съ подчиненными и прямо по-русски привѣтливъ съ равными себѣ. Онъ не былъ гениемъ ни въ какой части наукъ, но во всѣхъ показывалъ здравый умъ.

Замѣтка объ И. Е. Срезневскомъ ¹⁾.

И. Е. Срезневскій родился 1770 года февраля 20, Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, въ селѣ Срезневѣ. Онъ былъ предназначенъ занять низшее мѣсто въ духовномъ званіи, такъ какъ отецъ его имѣлъ пять сыновей и потому не могъ по бѣдности дать имъ воспитаніе даже и въ духовной семинаріи. Открывшійся однако же талантъ и желаніе учиться столь были сильны въ юношѣ Срезневскомъ, что онъ ушелъ отъ отца своего въ Рязань, явился къ начальникамъ семинаріи, будучи еще только 12 лѣтъ, и тѣмъ принудилъ отца своего оставить его въ семинаріи и содержать тамъ съ помощію благотворителей, удивлявшихся въ немъ столь

1) Сохранилась на одномъ листѣ съ замѣткой объ Успенскомъ; свѣдѣнія, имѣющіяся въ ней, съ нѣкоторыми исправленіями введены мною въ брошюру: И. Е. Срезневскій (Журн. мин. нар. просв., 1898 г. № 7). Печатаю ее, желаю представить лишь первоисточникъ для біографіи профессора, свѣдѣній о которомъ въ «Опытѣ исторіи университета» нѣтъ.

сильному желанію учиться. Итакъ съ 1782 по 1792 г. Срезневскій находился въ рязанской семинаріи сперва ученикомъ, а подь конецъ и учителемъ нижнихъ классовъ. Но чѣмъ болѣе вникалъ онъ въ способы къ образованію себя, чѣмъ внимательнѣе сравнивалъ свой развертывающійся талантъ съ геніями въ ихъ произведеніяхъ, тѣмъ видѣлъ яснѣе, что духовная семинарія не могла образовать его довольно; мысль сія рѣшила его предпринять отважное дѣло: онъ испросилъ себѣ увольненіе изъ духовнаго званія, что ему стоило также много, пустился въ Москву — и поселился тамъ безъ денегъ, безъ покровительства, съ одною только страстію къ наукамъ. Первые шесть мѣсяцевъ, когда вступилъ онъ въ разночинческую при московскомъ университетѣ гимназію, были для Срезневскаго самымъ великимъ искусомъ при вступленіи въ свѣтъ. Едва имѣя уголь въ бѣдной хижинѣ — и то изъ жалости, а не изъ платы, — онъ не рѣдко въ цѣлые сутки не имѣлъ куска хлѣба, а будущее, чѣмъ ближе стаповилось, тѣмъ было для него ужаснѣе. Въ семь то жалостномъ состояніи¹⁾ ночь и день посвятилъ онъ трудамъ и почти въ шесть мѣсяцевъ перевелъ стихотвореніе Овидія *Tristia*, которое весьма сообразно было его положенію. Съ переводомъ своимъ Срезневскій явился къ М. Мат. Хераскову, тогда бывшему кураторомъ московскаго университета, — и нашель въ немъ себѣ мецената: Херасковъ предписалъ принять его въ московскій университетъ студентомъ. Переводъ, проданный одному книгопродавцу, доставилъ Срезневскому извѣстность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и способы сколько нибудь поправить свое состояніе. Плачь Овидія, исправленный Срезневскимъ, напечатанъ въ 1795-мъ году. Окончивъ науки въ университетѣ и получа аттестатъ, Срезневскій лестными обѣщаніями одного сенатора, склоненъ былъ вступить къ нему въ домъ въ качествѣ домашняго секретаря и воспитателя дѣтей. Два года онъ находился при семь вельможѣ, и, наконецъ увидя, что хотять только извлекать изъ него пользу себѣ и не доставляютъ ему взаимно никакой, — Срезневскій рѣшился оставить частное мѣсто и принять опять въ 1797 году въ московскій университетъ бакалавромъ. Годъ спустя онъ опредѣленъ учителемъ всеобщей исторіи и географіи въ гимназію при московскомъ университетѣ; въ 1800 году произведенъ въ титулярные совѣтники; въ 1804 въ магистры философіи и свободныхъ наукъ; а въ томъ же году опредѣленъ профессоромъ древней и новой словесности и россійскаго краснорѣчія въ ярославское демидовское высшихъ наукъ училище. Въ продолженіи службы своей тамъ онъ былъ инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, секретаремъ совѣта, главнымъ смотрителемъ благороднаго пансіона при училищѣ. Въ 1812 году избранъ харьковскимъ университетомъ и

1) Судить о семь состояніи можно по гимну его къ Іоанну Предтечѣ, который остался въ рукописи . . . (Примѣчаніе составителя замѣтки объ И. Е. Срезневскомъ).

утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія публичнымъ ординарнымъ профессоромъ въ семь университетѣ. Должности исправлялъ визитатора, инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, члена училищнаго и испытательнаго комитетовъ. Все остающееся время отъ службы посвящалъ наукамъ и въ особенности руссiйскому слову.

Плоды его полезныхъ занятій суть:

Напечатанныя: 1. Ода пчелиной царицѣ или матери. — 2. Плачь П. Овидія Назона въ стихахъ, изд. 1795 г. — 3. Разныя стихотворенія въ еженедѣльномъ изданіи московскаго университета 1795 и 1796 г. — 4. Жизнь Екатерины II, переводъ съ нѣмецкаго и при ней собственнаго сочиненія надгробная пѣснь. — 5. Гимнъ благотворенію, сочиненный и произнесенный въ торжественномъ собраніи Демидовскаго училища 1810 г. — 6. Протекшій вѣкъ или историческій взглядъ на XVIII столѣтіе, въ 4 частяхъ; первыя три части — переводъ съ нѣмецкаго, 4-я — извлеченіе изъ Сегюра съ французскаго. — 7. Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ: 1805 года апрѣля 29 въ демидовскомъ училищѣ «О любви къ отечеству»; 1807 г. тамъ же и тогда же «De peregrinatione musarum» съ русскимъ переводомъ; 1808 г. тамъ же «О возрѣннiи мыслящаго чело-вѣка на благотворительныя заведенія»; 1812 г. августа 30 въ харьковскомъ университетѣ «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ»; 1814 г. декабря 25 «О благодѣянiяхъ Промысла Божiя, въ царствованіи благословеннаго племени Романовыхъ на Россію испосланныхъ». — 8. Оды Ихъ Императорскимъ Высочествамъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и свѣтлѣйшему супругу ея, поднесенныя въ Ярославлѣ, 1811 года. — 9. Побѣдная пѣснь Россовъ, 1812 года. — 10. Побѣдное торжество, въ трехъ хорахъ состоящее, 1813 года.

Для произношенія рѣчей и стиховъ онъ имѣлъ голосъ и видъ превосходнаго оратора; а рѣчь его «О любви къ отечеству», «Гимнъ благотворенія» и «Побѣдная пѣснь Россовъ» по всей справедливости заслуживаютъ мѣсто между образцовыми произведеніями русскаго слова. Но къ сожалѣнію всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія лучшія произведенія пера его остались или не напечатанными или даже не конченными. Таковы суть: 1) риторика; 2) грамматика критики — единственное руководство для справедливой оцѣнки эстетическихъ произведеній краснорѣчiя и стихотворства; 3) множество лирическихъ стихотвореній; 4) поэма эпическая Иванъ Сусанинъ или спасенная отъ безначалiя Россія; 5) Родъ баллады Милада. По препорученію университета предпринялъ было онъ также второе изданіе перевода своего «Плачь Назона»; и, начавъ исправлять, вновь перевелъ уже лучшими стихами нѣсколько первыхъ элегій; но болѣзнь остановила сей трудъ его и лишила Россію удовольствiя видѣть классическій переводъ Назона.

И. Е. Срезневскій въ обхожденіи былъ съ важностью привѣтливъ, въ разговорахъ убѣждающъ и пріятель, въ чувствахъ и вѣрѣ истинный христіанинъ; образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу; и потому многихъ содѣлалъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодареніямъ. Онъ однако жъ доказалъ собою истину, превосходно изложенную въ его грамматикѣ критики и рѣчи о различіи дарованія въ людяхъ, что здоровое состояніе тѣла нашего есть необходимое условіе для совершенства душевныхъ талантовъ. Неумѣренныя занятія при самомъ началѣ его образованія посѣяли въ немъ сѣмя болѣзни, неудачная потомъ служба и разныя огорченія въ жизни произрастили это сѣмя до того, что онъ при концѣ жизни своей еще почти въ предѣлахъ мужества не только не могъ упражнять ума своего, но и въ самыхъ приверженныхъ къ нему рождалъ горестное желаніе, чтобы разстроенное и изможденное тѣло его освободило отъ тяжкихъ узъ своихъ безсмертный духъ. Онъ скончался въ 1819 году сентября 12, на 50-мъ году жизни своей; оставилъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, коимъ благодарное правительство опредѣлило, въ награду 20-лѣтней службы его, безбѣдное состояніе.

Изъ записокъ А. С. Венедиктова о его студенчествѣ ¹⁾.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я поступилъ въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ по медицинскому факультету. Всѣхъ казеннокоштныхъ было около 50. Общежитіе было дружное. Сами студенты выбирали изъ среды себя эконома, который получалъ изъ правленія деньги, слѣдующія на содержаніе студентовъ. Эти экономы бывали разные: и хорошіе и дурные. Содержаніе, конечно, было весьма скудное; на каждого студента, кромѣ стола, помѣщенія и освѣщенія, выдавалось пособіе — въ мѣсяцъ нѣсколько рублей на платье, сапоги и под. Студенты были бѣдняки, и, если кому хотѣлось отправиться на балъ, то онъ занималъ у одного шляпу, у другого мундиръ (лучше), или хорошія перчатки, и одѣвался такимъ образомъ молодцомъ. Всѣ студенты ходили въ статскомъ платьѣ и только по торжественнымъ днямъ и поздравляя начальство, напр., декана Успенскаго и другихъ уважаемыхъ профессоровъ, надѣвали мундиры. Студенты снимали шапки предъ всѣми профессорами, всѣхъ знали и уважали, не то, что теперь. Занятія студентовъ были большія и были отличныя профессора. Казеннокоштные занимались прилежно, отъ рождественскихъ праздниковъ, крѣпко занимались, да и должны были заниматься, иначе неуспѣвшаго сту-

1) Изъ Чириковскихъ матеріаловъ.

дента могли послать приходскимъ учителемъ. Медики, впрочемъ, этого не боялись, потому что ихъ опредѣленіе зависѣло отъ медицинскаго департамента. Но при миѣ, впрочемъ, не было случая исключенія студентовъ медиковъ; были превосходные студенты; нѣкоторыхъ только выпускали лекарями 3 курса. Медики раздѣлялись на три степени, имѣвшія значеніе при производствѣ въ чины. Изъ товарищей моихъ, медиковъ, получившихъ послѣ извѣстность, упомяну: Вас. Матв. Черняева, Ник. Иван. Еллинскаго, послѣ ректора университета, Ив. Ив. Сухомлинова, послѣ профессора химіи въ университетѣ, и др. Студентъ Гнѣдичъ (братъ бывшаго тогда въ Харьковѣ протодіакона, послѣ протоіерея) былъ посланъ за границу для усовершенствованія въ хирургіи, онъ и умеръ за границей, въ Лондонѣ. Студенты жили тихо, скромно, всегда дома, знакомыхъ въ городѣ посѣщали рѣдко, да и приличнаго платья у нихъ не было. Инспекторъ студентовъ имѣлъ квартиру тутъ же въ зданіи университета, если не имѣлъ своего дома. Инспекторами были: Ив. Петр. Каменскій, проф. акушерства, Ив. Евс. Срезневскій, проф. русской словесности, отецъ извѣстнаго Изм. Ив. Срезневскаго, Гавр. Петр. Успенскій, проф. русской исторіи и русскаго права; они выбирались на годъ или на два года и получали прибавочное жалованье. Субъ-инспекторами назначались обыкновенно кандидаты-студенты, тоже не на долго; они не получали никакого жалованья, а только помогали инспектору; назначались изъ хорошихъ студентовъ, жившихъ тутъ же въ зданіи университета и продолжавшихъ заниматься; они выбирались изъ такихъ обыкновенно студентовъ, которыхъ предполагалось оставить при университетѣ, напр., Филомофицкій и Сухомлиновъ. Для своекоштныхъ студентовъ инспекціи не было. Строже всѣхъ инспекторовъ былъ Успенскій. Но управленіе вообще было отеческое. Дѣлали часто обходы по ночамъ; обходили всѣхъ, слѣдя за занятіями каждаго, что совершенно не похоже на бывшее впоследствии. Развлеченіемъ студентовъ были: музыка и танцъ-классы, для чего были особые учителя, были также фехтовальный и рисовальный классы. Составлялись квартеты. Студенты не кутили и не портерничали, а имъ и не на что было этого дѣлать. Бѣдняки студенты легко должны даже хлѣбнику Филаткѣ и сбитеньщику Борисычу. Филатка являлся къ студентамъ утромъ въ видѣ хлѣбника, а ввечеру въ видѣ кондитера; студенты очень любили конфеты и незамѣтно проѣдались на нихъ.

IV.

В. П. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя.

Томы I—IV. Москва. 1892—1897 гг.

Рецензія А. И. Кирпичникова.

Когда въ 1855 г. появился 1-й томъ Аппенковского изданія «Сочиненій Пушкина», многіе заурядные читатели были неприятно поражены, найдя въ немъ вмѣсто исправленнаго текста лряческихъ стихотвореній Пушкина, котораго они ожидали, испещренные курсивомъ и кавычками «Матеріалы» для біографіи поэта. Пишущій эти строки во времена своей юности не разъ и не два паходплъ и въ помѣщичьихъ, и въ достаточныхъ городскихъ домахъ экземпляры этого знаменитаго изданія, зачитанные до послѣдней возможности и даже дефектные, за исключеніемъ 1-го тома, который блисталъ типографскою чистотой и часто оставался даже неразрѣзаннымъ. Только немногіе истинные знатоки и любители русской литературы оцѣнили въ то время «Матеріалы» по достоинству. Прошло нѣсколько лѣтъ; самое изданіе П. В. Аппенкова смѣнилось позднѣйшимъ, и болѣе исправными, и болѣе доступными по цѣнѣ, а значеніе «Матеріаловъ» все увеличивалось; скоро стала читать ихъ и учащаяся молодежь, которая медленно убѣждалась, что книга подъ такимъ сухимъ и даже отталкивающимъ заглавіемъ одна изъ самыхъ теплыхъ, самыхъ легкихъ для чтенія и самыхъ пріятныхъ книгъ, какія только существуютъ по-русски. «Матеріалы» Аппенкова оказались тѣмъ евангельскимъ сыномъ, который мало обѣщаль и много сдѣлалъ, и съ этихъ поръ это суровое слово перестало отпугивать читателей; напротивъ, стало даже привлекать иныхъ своей многообѣщающей скромностью.

Мнѣ представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что примѣръ П. В. Аппенкова сознательно или безсознательно оказалъ вліяніе и на автора разбираемой книги, которая и въ самомъ дѣлѣ, не только въ намѣреніи, но и въ исполненіи, оказывается не простымъ сопоставленіемъ матеріаловъ и

критикой ихъ, но и ихъ объединеніемъ въ хронологической послѣдовательности, причемъ и здѣсь, какъ въ «Матеріалахъ» Анненкова, собиратель оказывается пропикнутымъ искренней и глубокой любовью къ своему герою. Хронологическая послѣдовательность въ смыслѣ формы, объединяющее чувство вмѣсто основного тезиса и обсужденіе документовъ, не впервые здѣсь появляющихся, превращаютъ и ту, и другую книгу изъ *матеріаловъ для біографіи* въ *опытъ біографіи*, а скромное и не стѣснительное заглавіе даетъ обоимъ авторамъ право дѣлать довольно многочисленные экскурсы, разъясняющіе не только факты жизни, но и періоды художественнаго творчества поэтовъ.

Но условія, въ которыхъ находились оба изслѣдователя, далеко не тождественны: П. В. Анненковъ почти не имѣлъ предшественниковъ, и документы, послужившіе основой его работы, впервые черезъ него приобрѣтали извѣстность. В. И. Шенрокъ взялся за біографію Гоголя въ то время, когда «Опытъ біографіи Гоголя» и «Записки о жизни Н. В. Гоголя» успѣли уже устарѣть и чуть не сдѣлаться библиографической рѣдкостью, а двухъ-томное изданіе писемъ Гоголя настоятельно требовало множества исправленій и дополненій, которыя можно было провезти даже и при помощи одного печатнаго матеріала. Очевидно, передъ г. Шенрокомъ лежали двѣ задачи: онъ долженъ былъ, съ одной стороны, произвести розысканія по рукописямъ, чтобы внести новые факты и исправить старые, а съ другой — заняться подведеніемъ итоговъ тому, что было сдѣлано до него, главнымъ образомъ съ конца 50-хъ годовъ.

Изъ распредѣленія главъ и приложений его книги до нѣкоторой степени видно, какъ раздѣлялъ онъ свой трудъ между этими задачами¹⁾.

1-й томъ «Матеріаловъ» г. Шенрока заключаетъ въ себѣ небольшое предсловіе (стр. 1—7), довольно цѣнный «Краткій обзоръ литературы о Гоголѣ» (стр. 9—27) и 4 большія главы: 1) Предки и родители Гоголя (стр. 27—59), 2) Ученическіе годы Гоголя (стр. 59—151), 3) Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ (стр. 151—239) и 4) Н. В. въ началѣ литературной карьеры (стр. 239—372). Въ приложеніи къ этому тому помѣщено 9 страницъ совершенно новыхъ матеріаловъ, а именно: Свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя, прошеніе В. А. Гоголя Д. П. Троицкому, 2 доклада В. А. Гоголя Троицкому и письмо Гоголя къ матери отъ 22 марта 1842 г. (см. изд. Кулиша, т. VI, стр. 466); кромѣ того, здѣсь же находится (стр. 380 и слѣд.) интересная выписка изъ дневника, точнѣе изъ записокъ неизвѣстнаго нѣжинскаго студента, имя котораго г. Шенрокъ назвать не уполномоченъ. Эта выписка служитъ продолженіемъ того,

1) Изъ этого же распредѣленія виденъ и одинъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ труда г. Шенрока: нестройность его плана.

что сообщено г. Шенрокомъ внутри этого тома на стр. 91 и 92. Также внутри этого тома находится небольшая, но цѣнная статья г. Шенрока «Воспоминанія А. С. Дашилевскаго о школьной жизни Гоголя» (стр. 93 и слѣд.); факты, здѣсь сообщаемые, являются въ печати не впервые, но обязаны мы ими исключительно г. Шенроку. Изъ критическихъ замѣчаній автора о матеріалахъ, извѣстныхъ до него, цѣнны какъ въ этомъ томѣ, такъ и въ слѣдующихъ, nonравки, которыя онъ вноситъ въ хронологическое распредѣленіе писемъ Гоголя у Кулиша и его указанія на пропуски въ письмахъ.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ Предисловіе, весьма обширную главу: «Н. В. Гоголь въ періодъ «Арабесокъ» и «Миргорода» (стр. 1—213), главу: «Н. В. Гоголь какъ историкъ и педагогъ»¹⁾ (стр. 213—315), главу: Драматическія произведенія Гоголя (стр. 315—377), отвѣтъ г. Шенрока г. Витбергу (стр. 385—403); въ Приложеніяхъ же (стр. 381—384) никакихъ новыхъ матеріаловъ не оказывается; а внутри тома они ограничиваются немногими дополненіями къ письмамъ.

Третій томъ, вышедшій въ 1895 г., заключаетъ въ себѣ главы: I. Пять лѣтъ жизни Н. В. Гоголя за границей, которая дѣлится на 1) постановка на сцену «Ревизора» и отъѣздъ Гоголя за границу (стр. 3—114), 2) Заграничная жизнь Гоголя въ 1836—1839 гг. (стр. 114—291), 3) Поѣздка Гоголя въ Россію въ 1839 г. и его отношенія къ семьѣ и друзьямъ (стр. 291—332), 4) Новая поѣздка въ Италію и вторичное возвращеніе на родину (стр. 332—357). II-я глава: Гоголь въ Москвѣ въ 1841—1842 гг. (его хлопоты о нанечатаніи «Мертвыхъ Душъ») распадается на два отдѣла: 1) Гоголь въ Москвѣ въ 1841—1842 гг. (стр. 357—360) и 2) Цензурныя затрудненія Гоголя въ 1841—1842 гг. (стр. 360—391). III-я глава называется: «Литературные труды Гоголя въ 1836—1842 гг.»; она распадается на 1) Первый томъ «Мертвыхъ Душъ» (стр. 391—446), 2) Второстепенные литературные труды Гоголя въ 1837—1842 гг. (стр. 446—461), 3) Критическіе отзывы современниковъ о «Ревизорѣ» и новая переработка комедіи авторомъ (стр. 461—505). Приложенія этого тома занимаютъ около 40 страницъ. Въ нихъ мы находимъ не полный, но весьма интересный, составленный, главнымъ образомъ, но театральнымъ журналамъ и газетнымъ рецензіямъ (собирать которыя — работа очень тяжелая, нисколько не легче архивной) очеркъ «Комедіи Гоголя на сценѣ», рядъ небольшихъ дополненій ко 2-му и 3-му томамъ, нѣсколько незначительныхъ выписокъ изъ неизданныхъ писемъ и небольшая полемиическая статья г. Шенрока противъ неизвѣстнаго критика «Русскаго Вѣстника». Чет-

1) Удобнѣе было бы: «какъ педагогъ и историкъ».

вертый томъ, самый обширный, почти въ тысячу страницъ (978), заключаетъ въ себѣ всего одну главу: «Послѣдніе годы жизни Гоголя 1842—1852», которая распадется на 154 §§ подъ римскими цифрами, и 60 страницъ Приложеній; въ нихъ находятся нѣсколько писемъ Маріи Балабиной къ Гоголю, 2 письма къ нему же Л. К. Вильгорской, 2 письма А. М. Вильгорской, письма Шевырева къ М. И. Гоголю и А. В. Гоголю послѣ смерти Гоголя и нѣсколько дополненій и мелкихъ замѣтокъ. Внутри же этого тома мы находимъ нѣсколько совершенно новыхъ матеріаловъ различной степени цѣнности: устныя сообщенія П. А. Кулина (стр. 115), весьма важное, хотя и небольшое, дополненіе къ письму Плетневу (стр. 440—1), нѣсколько чрезвычайно интересныхъ дополненій изъ разговоровъ г. Шенрока съ А. С. Данилевскимъ (стр. 719—837 и др.), письмо Я. К. Грота къ Гоголю (стр. 821, отъ 26 окт. 1849 г.), письмо И. А. Фонвизна ему же (стр. 822, 30 окт. 1850 г.), нѣсколько писемъ духовныхъ лицъ къ Гоголю изъ предпослѣдняго и послѣдняго годовъ его жизни, а также и другихъ его знакомыхъ весьма разнообразнаго содержанія, нѣсколько записочекъ Гоголя къ Данилевскому, два письма Данилевскаго къ Гоголю (стр. 837—839) и наконецъ извѣстный разсказъ д-ра Тарасенкова о послѣднихъ дняхъ Гоголя (напечатанъ въ 1856 г. въ «Отеч. Зап.» XII, 398) съ дополненіями и «съ полнымъ обозначеніемъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь» по рукописи П. А. Тарасенкова (стр. 850 и слѣд.) Свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ А. С. Данилевскаго (стр. 871—3) имѣютъ только косвенное отношеніе къ Гоголю.

И такъ, въ 2517 стр. труда г. Шенрока (I томъ — 385 стр., II томъ — 403 стр., III томъ — 549 стр. и IV томъ — 978 стр.) совершенно новыхъ *матеріаловъ* для біографіи Гоголя, включая сюда и тѣ дополненія, которые авторъ дѣлаетъ къ письмамъ, уже напечатаннымъ до него, наберется не болѣе какъ на сотню страницъ. Новыхъ же интересныхъ и цѣнныхъ *соображеній*, болѣе или менѣе независимыхъ отъ академика Н. С. Тихонова, Кулина, Н. А. Лавровскаго и др., можно указать нѣсколько десятковъ. Наиболѣе важными изъ нихъ я считаю:

На стр. 159 и слѣд. *перваго* тома цѣпны сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ «Ганца Кюхельгартена» съ письмами къ Высоцкому и Косляровскому.

На стр. 173 удачна мысль о томъ, что разочарованіе Гоголя въ прелесть Петербурга повліяло на усиленіе его малороссійскаго патріотизма.

На стр. 253, 262, 266, 271, 278, 289, 290—1 находимъ рядъ весьма поучительныхъ сопоставленій между отдѣльными мѣстами раннихъ и позднихъ художественныхъ произведеній Гоголя¹⁾.

1) Нахожу менѣе удачными, хотя тоже не безполезными, сопоставленія драматическихъ произведеній Гоголя во *второмъ* томѣ, стр. 58, 65 и пр.

На стр. 348 и слѣд. находимъ нѣсколько интересныхъ соображеній для характеристики отношеній Пушкина къ Гоголю.

На стр. 381—2 г. Шенрокъ удачно исправляетъ хронологическое распределеніе нѣкоторыхъ писемъ, невѣрно датированныхъ Кулишемъ.

Во *сторонѣ* томѣ стр. 61 цѣнно указаніе на выдѣленіе «Странной Мести» изъ другихъ рассказовъ, составляющихъ «Вечера».

На стр. 71 и слѣд. удачно (хотя и не совсѣмъ полно) опредѣлены источники «Вія» и степень вліянія на него Нарѣжнаго.

На стр. 92 вѣрно указано вліяніе знакомства Гоголя съ сомнительными русскими художниками въ Римѣ на 2-ю редакцію «Портрета».

Стр. 136. Я считаю г. Шенрока безусловно правымъ въ томъ, что онъ не соглашается съ тѣмъ толкованіемъ, которое покойный Стоюнинъ прилагаетъ къ «Старовѣтскимъ Помѣщикамъ».

На стр. 155—7 вѣрно въ общемъ опредѣлено отношеніе повѣсти Нарѣжнаго «Два Ивана и пр.» къ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились и пр.»¹⁾

На стр. 227—8 г. Шенрокъ весьма мѣтко и вполне правильно характеризуетъ недостатки Гоголя, какъ профессора (но его удивленіе, какимъ образомъ Пушкинъ и Жуковскій могли содѣйствовать ученой карьерѣ Гоголя, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что почтенный авторъ «Матеріаловъ» недостаточно ясно представляетъ себѣ, какія въ то время прилагались требованія къ университетскому преподавателю).

Въ полемикѣ съ г. Витбергомъ (къ сожалѣнію, слишкомъ многословной)²⁾ относительно способностей и наклонностей Гоголя къ научной работкѣ исторія истина, по моему мнѣнію, всецѣло на сторонѣ г. Шенрока.

Во *общемъ* весьма цѣнны всѣ соображенія г. Шенрока относительно педагогическихъ взглядовъ и заслугъ Гоголя (въ особенности на стр. 293—315) и показываютъ въ авторѣ опытнаго и вдумчиваго педагога. Но нѣкоторыя *частныя* замѣчанія г. Шенрока мнѣ представляются неудачными или по содержанію (напр., обвиненіе Пушкинскои Татяны въ «грубыхъ простонародныхъ суевѣріяхъ» стр. 299) или по формѣ (напр., что Солоній Черевикъ, кузнецъ Вакула и пр. не получили *почти* вовсе никакого воспитанія» стр. 306). Такія же неудачныя частности встрѣчаются и въ гла-

1) Но здѣсь же г. Шенрокъ едва ли умѣстно сопоставляетъ слова Нарѣжнаго «Попробуй, кто хочетъ и надѣется вѣрно изобразить взоръ и движеніе, обнаруженное тогда именемъ Харитономъ», съ словами Гоголя: «О еслибъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ *всю прелесть ночи*».

2) Г. Шенрокъ не только посвящаетъ ей два особыхъ приложенія на стр. 252—292 и 385—403, но и кромѣ того упорно преслѣдуетъ своего противника въ продолженіе почти всего II тома (стр. 20, 21, 22, 25, 26, 216 и мн. др.), причемъ не всегда придерживается скромнаго и серьезнаго тона, свойственнаго ученому работнику: острить (см. Примѣчаніе на стр. 255), обвиняетъ г. Витберга въ «дерзкой развязности» (стр. 26) и много разъ повторяетъ одни и тѣже соображенія.

вахъ о драматическихъ произведеніяхъ Гоголя; но здѣсь же есть и очень цѣнныя соображенія самого автора или его предшественниковъ, которыя г. Шенрокъ подтверждаетъ новыми данными; напр., о близкомъ духовномъ родствѣ Шпопки съ Подколеснымъ и вообще о литературной связи Женитьбы и повѣсти (327—8), о роли Арины Палтелеймоновны (стр. 332) и др. Но мнѣніе г. Шенрока, будто Мароа изображена крѣпостной Авдотьи Гавриловны (стр. 333), не имѣетъ за себя никакой вѣро-
ятности.

Въ *третьемъ* томѣ очень удачно, по моему мнѣнію, опредѣлено (стр. 39 и слѣд.) отношеніе Гоголя къ его великой комедіи послѣ ея постановки 19 апр. 1836 г. (хотя, можетъ быть, слѣдовало бы больше принять во вниманіе скрытность Гоголя и его тщеславіе и выразить нѣкоторое недо-
вѣріе къ *степени* его недовольства судьбою).

На основаніи новыхъ данныхъ точнѣе и полнѣе, чѣмъ гдѣ либо, опредѣлено отношеніе Гоголя къ Кукольникову, Сенковскому и др. (стр. 87 и сл.).

Въ изложеніи пребыванія Гоголя за границей съ половины 1836 г. нѣкоторые эпизоды (напр., путешествіе по Швейцаріи, стр. 133 и слѣд., пребываніе въ Парижѣ, стр. 150 и слѣд., изложены съ привнесеніемъ удачныхъ наблюденій автора. Вполнѣ правильно и полнѣе, чѣмъ у предшественниковъ г. Шенрока, опредѣлено отношеніе Гоголя къ Прокоповичу и др. (стр. 140 и слѣд.).

Авторъ вѣрно подмѣтилъ въ Гоголѣ любовь къ «яркимъ, сверкающимъ краскамъ» (стр. 173) и этимъ, между прочимъ, очень удачно объяснилъ особую симпатію Гоголя къ Италіи.

Изображеніе душевнаго состоянія Гоголя въ Римѣ во время вторичнаго его туда пріѣзда въ 1839 г., а также и во время пребыванія въ Москвѣ въ томъ же году вполнѣ вѣроподобно объясняется состояніемъ его здоровья, его матеріальнымъ положеніемъ и отношеніемъ къ матери и сестрамъ (стр. 292 и слѣд.).

Въ *четвертомъ* томѣ, стр. 25 и слѣд., хорошо (хотя, можетъ быть, съ излишней густотою красокъ) освѣщены отношенія Гоголя къ нѣсколькимъ «топорному» Погодину и слишкомъ «ревнивымъ» Москвичамъ¹⁾. На стр. 41—3 и далѣе въ разныхъ мѣстахъ (особенно стр. 173—9) обстоятельно и въ общемъ вѣрно разобраны отношенія Гоголя къ Языкову.

На стр. 65—6 (ср. 63) удачно подобраны примѣры «человкаго усердія» Шевырева по отношенію къ 1-й части «Мертвыхъ Душъ».

---

1) Но отрицательную характеристику Погодина на стр. 118 и 119 того же тома, гдѣ московскій профессоръ названъ «Разуваемымъ» и гдѣ его патриотизмъ признается *казеннымъ* и *слащавымъ* я признаю не только рѣзкой, но и положительно несправедливой.

Стр. 81. Цѣнно указаніе на любопытное несоотвѣтствіе даты между статьею «Сына Отчества» о «Мертвыхъ Душахъ» и брошюрой К. С. Аксакова.

Стр. 130. Правильно охарактеризовано отношеніе Гоголя къ Н. Н. Шереметевой (по сравненіе религіозныхъ воззрѣній Шереметевой и Жуковского едва ли можно признать умѣстнымъ).

Стр. 227. Весьма убѣдительно доказано, насколько Гоголь былъ практичнѣе художника Иванова и искусиѣе его въ сношеніяхъ съ высокопоставленными лицами.

Стр. 234—6. Удачна характеристика А. О. Смирновой (но многочисленныя дальнѣйшія возвращенія къ сказанному утомительны); на стр. 388 вѣрно и ясно опредѣлена сущность отношеній Смирновой къ Гоголю.

Стр. 426—32. Мѣтко охарактеризовано самодовольство Гоголя во время приготовленія къ изданію «Выбранныхъ мѣстъ» и немного ниже (стр. 435) удачно подчеркнуты энергичныя хлопоты его во время печатанія. Также удачно объяснено душевное состояніе Гоголя подъ вліяніемъ печатныхъ и не печатныхъ неблагопріятныхъ отзывовъ о его книгѣ (стр. 446—8). Правильно выяснены отношенія Шевырева къ «Выбраннымъ мѣстамъ» (стр. 496—508). Не мало интереснаго и новаго матеріала для характеристики русскаго общества 1847 г. сведено ради выясненія значенія «Выбранныхъ мѣстъ» (стр. 519—559). Обстоятельно и удачно разобрапы письма: «Въ чемъ существо русской поэзіи?» (стр. 620 и слѣд.) и «Предметы для лирическаго поэта въ наше время» (стр. 634 и слѣд.). Удачно выражены конечные выводы г. Шенрока относительно «Выбранныхъ мѣстъ» (стр. 646—50; но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ работы г. Шенрока, нельзя не видѣть явнаго и чрезвычайно благопріятнаго вліянія трезвости мысли и строго-научнаго аналитическаго метода покойнаго Н. С. Тихонравова; конецъ этого тома, гдѣ авторъ былъ предоставленъ самому себѣ, несравненно слабѣе).

Кромѣ того, въ книгѣ г. Шенрока разсѣяна масса полезныхъ и поучительныхъ фактовъ и замѣчаній, правда, извлеченныхъ большею частію изъ печатныхъ, но забытыхъ и малодоступныхъ документовъ, о современникахъ Гоголя¹⁾, такъ что, подобно другому, еще болѣе цѣнному труду — разумѣю работу Н. П. Барсукова о Погодинѣ — книга г. Шенрока, *къ тому же снабженная двумя очень тщательно составленными указателями*, полезна и даже необходима для всѣхъ тѣхъ, кто будетъ заниматься *какимъ бы то ни было* историко-литературнымъ вопросомъ изъ эпохи 30-хъ — 50-хъ годовъ.

1) Напр., хотя бы въ одномъ IV т., стр. 483 и слѣд. объ отношеніяхъ бар. Розена къ Пушкину; стр. 269 и слѣд. о Вильгорскихъ, стр. 270 и слѣд. о Соллогубахъ и пр. и пр.

Важнѣйшая же заслуга г. Шенрока состоитъ въ томъ, что онъ съ *горячей, сердечной любовью* къ предмету своего изслѣдованія¹⁾ свелъ добро-совестно все или почти все, какъ крупное, такъ и мелкое, что было сдѣлано до сихъ поръ по Гоголю, и подвергъ собранное обстоятельному пере-смотру. Такимъ образомъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя» г. Шенрока являются какъ бы *Энциклопедіей по Гоголю*, которая должна быть настольной книгой у всякаго, кто интересуется гоголевскимъ періодомъ русской литературы.

Къ крайнему сожалѣнію, эта гоголевская энциклопедія какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія далеко, далеко не можетъ считаться безупречной.

Начинаю съ слога; иногда, подъ вліяніемъ увлеченія Гоголемъ художественно-патетическій, въ другихъ мѣстахъ, къ сожалѣнію, очень многихъ, онъ крайне небреженъ, неясенъ и курьезно-неправилелъ²⁾. Небрежность изложенія въ книгѣ г. Шенрока не есть такое *спорадическое* явленіе, которое только *мѣстами* непріятно останавливаетъ вниманіе читателя; она часто дѣлаетъ неясной самую *мысль* автора и вынуждаетъ перечитывать по два, по три раза одну страницу и все же оставаться въ недоумѣніи, что именно хотѣлъ сказать авторъ.

Въ связи съ этимъ въ книгѣ г. Шенрока есть фактическіе недосмотры и, вѣрнѣе, обмолвки автора, въ родѣ того, что *Быкъ* было арзамасскимъ прозвищемъ Жуковского (I, 323 прим.) или будто *Простаковъ* чувствовалъ особую симпатію къ свинкамъ (IV, 67) и пр.

Еще непріятнѣй читателю книги г. Шенрока полное отсутствіе плана въ каждой отдѣльной главѣ, въ каждомъ небольшомъ отдѣлѣ работы, безпрестанныя повторенія, частыя противорѣчія, постоянные ничѣмъ не мотивированные переходы отъ одной мысли къ другой и возвращенія къ пер-

1) Пылкая любовь къ Гоголю иногда лишаетъ г. Шенрока необходимыхъ въ ученомъ изслѣдованіи объективности и даже сдержанности; къ давно умершимъ противникамъ Гоголя онъ относится будто къ личнымъ своимъ врагамъ и прилагаетъ къ нимъ эпитеты, нарушающіе всякія литературныя приличія, до слова *подлый* включительно (см. IV, 469).

2) Приведу нѣсколько примѣровъ изъ нѣсколькихъ сотенъ своихъ отыѣтокъ. I, 113 «*дѣлая* разныя рискованныя *предпріятія*». I, 154 «это были *годы* тяжелыхъ испытаній... *временемъ* первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ», II, 49 «*Помѣщики* въ Украинѣ *купались* въ блаженствѣ счастья и изобилія, *отчасти погружаясь въ грязную тину* разврата и срывая всевозможные цвѣты удовольствія и удѣляя иногда лакомые куски своимъ пріятелямъ». II, 134 «Несправедливо было бы отвергать *правъ* художественныхъ, поэтическихъ произведеній». II, 356 «Нельзя достаточно *сожалѣть*...» IV, 192 «И вотъ тогда на основаніи неумѣренныхъ похвалъ Гоголя Смирнову (разумѣется А. О. Смирнова), его рекомендація: «Я вамъ совѣтую и пр.», возбуждая въ Чижовѣ «внутреннее упрямство», натолкнули самого Чижова или Языкова на предположеніе о мнимой влюбленности Гоголя къ Смирновой». IV, 284. «Въ Баденѣ же онъ съѣхался съ гр. Толстымъ, но прибывшій нѣсколько раньше Вельгорскій не засталъ тамъ сверхъ ожиданія и М. Н. Балабину» и пр. и пр.

вой, отъ фактовъ раннихъ къ позднимъ и обратно. Эта небрежность въ распредѣленіи матеріала и выводовъ постоянно заставляетъ автора говорить: «Мы уже указали...» «Мы уже выше замѣтили...» «Мы еще возвратимся...» «Но объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи...» «Но объ этомъ ниже...» и проч. Такой способъ изложенія дѣлаетъ почтенный трудъ г. Шенрока какимъ то сборникомъ отдѣльныхъ замѣтокъ, производитъ впечатлѣніе, будто работа его составлена изъ отдѣльныхъ тетрадокъ и замѣтокъ, которыя были сшиты вмѣстѣ чисто-механически, безъ участія редакторской руки и непомѣрно утолщаетъ книгу безъ всякаго результата¹⁾, кромѣ отягощенія читателя, такъ что внимательное чтеніе хорошаго и интереснаго по темѣ изслѣдованія обращается въ очень серьезный и утомительный трудъ.

[Приведу нѣсколько примѣровъ совершенно ненужныхъ повтореній: I, стр. 29, прим. 2-е и стр. 38, прим. 1-е; домъ Трощинскаго съ его многочисленной дворней и гостями г. Шенрокъ принимается описывать не мѣнѣе шести разъ (стр. 65, 68, 69 и пр.); два раза на протяженіи 8 страницъ (280 и 287, оба раза въ концѣ стр.) г. Шенрокъ заявляетъ, что «Страшная Местъ» и «Тарась Бульба» должны быть рассмотрѣны вмѣстѣ; два раза на 2-хъ стр. рядомъ (I, 304 и 305) приведены даты біографіи А. О. Смирновой. Во II томѣ два раза (стр. 244 и 247), говорится тоже самое о работахъ Пушкина для самообразованія; на стр. 269 (прим. 1-е) и 290 (прим. 3-е) сказано тоже самое (безъ подтвержденія фактами) объ историческихъ чтеніяхъ Гоголя и т. д. и т. д.]

Чрезвычайно часто одинъ и тотъ же документъ приводится два и даже болѣе разъ. См. напр. I, 74 и 82 одно и тоже письмо мальчика Гоголя, давно уже извѣстное; см. II, 29 и 33, также IV, 158 и 159; IV, 314 и 316; IV, 438 и 440 и пр. и пр.

Примѣры ничѣмъ не мотивированныхъ перерывовъ въ изложеніи: I, 116 авторъ какъ будто уже кончилъ говорить о письмахъ Гоголя къ матери и до 119 говоритъ объ его отношеніяхъ къ дядямъ; а на 119 стр. снова возвращается къ перепискѣ съ матерью. Въ началѣ IV тома авторъ начинаетъ говорить о религіозныхъ взглядахъ Гоголя, потомъ разсуждаетъ о его самоубійствѣ въ житейскихъ дѣлахъ, а на стр. 19 снова возвращается къ религіозности Гоголя. Разсказывая о дѣтствѣ Гоголя (т. I, стр. 109)

1) Полагаю, что 2315 страницъ при болѣе внимательной редакціи уменьшились бы безъ всякаго ущерба дѣлу по крайней мѣрѣ на одну треть; а еслибы исключить изъ работы многочисленныя тирады автора, слишкомъ обстоятельно излагающія общезвѣстныя истины, — то и на половину, если не болѣе.

Къ небрежности изложенія слѣдуетъ отнести также и то, что г. Шенрокъ, иногда подробно излагающій факты, находящіеся въ каждомъ учебникѣ, въ другихъ случаяхъ вынуждаетъ читателя отыскивать мелкія замѣтки въ журналахъ, давая только цифровую ссылку.

г. Шенрокъ безъ всякой надобности переходитъ къ поучительному тону его писемъ къ матери въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ томъ же I томѣ (стр. 336) отъ событій 1831 г. авторъ вдругъ переходитъ къ предполагаемому путешествію Гоголя въ Испанію въ 1837 г., а потомъ снова возвращается къ 1831 г. и т. д. и т. д.

Примѣры явныхъ противорѣчій. Въ IV томѣ, на стр. 112, г. Шенрокъ признаетъ существованіе «ожесточенной» ссоры Гоголя съ Погодинымъ, а на стр. 117 называетъ «ошибочнымъ» мнѣніе о томъ, что между ними была положительная ссора. На стр. 129 того же тома авторъ считаетъ днемъ разлуки Гоголя съ Н. Н. Шереметевой 23 мая 1842 г., а по Примѣчанію на стр. 136, 22 мая Гоголь уже выѣхалъ изъ Москвы. На стр. 273 (IV т.) Гоголь выѣхалъ изъ Ниццы нѣсколькими днями позже А. О. Смирновой, а на слѣд. 274 онъ выѣзжаетъ «одновременно» съ нею. На стр. 740 (IV т.) г. Шенрокъ говоритъ, что отношенія Гоголя къ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской послѣ его неудачнаго сватовства «не измѣнились», а на стр. 741 онъ же заявляетъ, что эти отношенія «почти кончились» и пр. и пр.]

Къ такимъ же «lapsus calami», промахамъ, происходящимъ отъ недостаточной внимательности при работѣ, нежеланія пересмотрѣть се, отнестись критически къ своимъ словамъ, я отношу весьма многія мѣста книги г. Шенрока, возбуждающія недоумѣнія мало-мальски опытнаго читателя. Я не могу, напр., допустить, чтобы г. Шенрокъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, будто петербуржецъ Хлестаковъ, кое-что читавшій и знакомый съ литераторами хотя бы и послѣдняго разбора, не знаетъ различія между *комедіей* и *артиллеріей* (II, стр. 348; онъ, несомнѣнно, только *ломается* передъ барышней, пошло острить), или чтобы г. Шенрокъ считалъ Грибоѣдова отличителемъ «взяточничества» (томъ IV, стр. 95) или чтобы въ самомъ дѣлѣ признавалъ у Соллогуба *огромный* талантъ (IV, 271) и т. под. Я убѣжденъ, что эпитетъ «огромный», имя Грибоѣдова и пр. просто подвернулись подъ перо, когда авторъ спѣшилъ не упустить своей главной мысли; это случается со всякимъ; но такія неточности и обмолвки обыкновенно удаляются при перечитываніи или, наконецъ, при авторской корректурѣ. Еслибы г. Шенрокъ отнесся хоть къ послѣдней достаточно внимательно, онъ удалилъ бы довольно многочисленные случаи такой странной аргументаціи, какую мы, напр., находимъ на стр. 131, I-го тома¹⁾ или тамъ же на стр. 147²⁾.

1) Кояловичу г. Шенрокъ возражаетъ, что такъ какъ сестры Гоголя были равнодушны къ личности Остапа, то преданія казачкой старины не могли имѣть сильнаго вліянія на душу Гоголя.

2) Заявленіе Гоголя о его нежеланіи ѣхать домой г. Шенрокъ считаетъ доказательствомъ нѣжныхъ его чувствъ къ матери.

Все это, безъ сомнѣнія, мелочи и частности, но въ такомъ количествѣ, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ «Матеріалахъ» г. Шенрока, онѣ весьма значительно понижаютъ достоинство книги.

Общимъ же недостаткомъ книги г. Шенрока, имѣвшего въ виду изложить не только «біографическія данныя» о Гоголѣ, но и дать «Матеріалы для исторіи (его) творчества» (см. второе заглавіе II тома и тоже въ Предисловіяхъ) я считаю нѣкоторую ограниченность историко-литературнаго міросозерцанія автора. Онъ не только совершенно игнорируетъ всю современную Гоголю западную литературу, которая не могла не имѣть вліянія на его творчество, но и той литературной обстановки, въ которой сложились взгляды Гоголя, касается изрѣдка и большею частію какъ бы мимоходомъ (счастливыя исключенія составляютъ Пушкинъ и отчасти Нарѣжнѣй). Г. Шенрокъ не счелъ нужнымъ заняться обстоятельно вопросами о томъ, чтò долженъ былъ читать въ Нѣжинѣ Гоголь-отрокъ, чтò читалъ онъ въ Петербургѣ, чтò видалъ онъ въ петербургскихъ театрахъ, какія событія европейской жизни должны были оказать на него вліяніе во время его пребыванія за границей и пр., такъ что «исторія творчества» Гоголя въ изложеніи г. Шенрока является сдѣлленіемъ ряда необъяснимыхъ чудесъ.

Что же касается выясненія нравственнаго облика Гоголя, объективности г. Шенрока препятствуетъ его не одинъ разъ высказанное убѣжденіе (см. напр. I, 293), что къ Гоголю нельзя прилагать обыкновеннаго масштаба. Симпатія къ своему герою, въ особенности если этотъ герой такой гениальный художникъ, какъ Гоголь, очень почтенное чувство, но выдѣленіе его изъ рода человѣческаго не можетъ не повести къ антинаучнымъ увлеченіямъ.

Въ виду того, что книга г. Шенрока является результатомъ многолѣтняго, упорнаго и внимательнаго труда, въ виду того, что она представляетъ весьма обстоятельный и почти полный сводъ и большею частію весьма дѣльный разборъ всего, чтò написано у насъ о Гоголѣ, и, наконецъ, въ виду новаго матеріала и интересныхъ соображеній, ею внесенныхъ въ пониманіе Гоголя, я не считалъ бы возможнымъ лишить ея автора *награды*. Но, въ виду вышеуказанныхъ недостатковъ ея, я не могу признать ее достойной *полной преміи*.

П. О. Бобровский. Исторія лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка.

Семь томовъ. С.-Петербургъ, 1892—1898 гг.

Рецензія А. З. Мышлаевскаго.

Обширный трудъ извѣстнаго изслѣдователя вопросовъ по исторіи военнаго права въ Россіи въ эпоху Петра Великаго, посвященный лѣтописи дѣяній старѣйшаго изъ полковъ русской арміи, составленъ по программѣ, соотвѣтствующей особымъ цѣлямъ такихъ изданій.

Полковая исторія — исторія спеціальная. Въ ней достовѣрность и полнота изложенія фактической стороны событій имѣютъ такое же значеніе, какъ и тѣ воспитательныя задачи, которыя долженъ преслѣдовать трактатъ. Хроника войсковой части, по словамъ приказа Императора Александра III, доставляетъ лучшіе уроки на будущее, и служитъ однимъ изъ вѣрныхъ залоговъ нравственной силы войскъ, сохраняя основныя ихъ традиціи и боевыя преданія. Иначе выражаясь, историкъ, на ряду съ требованіями полноты, правдивости и объективности, долженъ съ особою рельефностью выдвинуть впередъ тѣ страницы исторіи, которыя выясняютъ полковую традицію; наоборотъ, чувство такта подскажетъ нѣкоторую умѣренность тона, когда приходится трактовать о несчастіи, часто независящемъ отъ войсковой части. Понятно, что представленіе полка постоянно въ ореолѣ славы и доблести, вѣчно торжествующимъ и всепобѣждающимъ, не соотвѣтствуетъ серьезнымъ цѣлямъ исторіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полковой историкъ обязанъ проникаться спеціальнымъ вдохновеніемъ даже предъ подвигами ничтожными сами по себѣ, которые тѣмъ не менѣе составляютъ славную страницу въ жизни полка.

Въ полковой исторіи менѣе всего слѣдуетъ искать равномернаго распределенія свѣта и тѣни и пропорциональности въ частяхъ изложенія.

Тамъ важнымъ перѣдко представляется то, что въ обще-историческомъ трактатѣ заняло бы мѣсто второстепенное, подчиненное.

Другую особенность историческихъ сочиненій того спеціальнаго содержания, о которомъ идетъ рѣчь, составляетъ такъ называемая *бытовая сторона*, т. е. внутренняя, интимная исторія полка. Вопросъ осложняется еще и тѣмъ, что самое понятіе о бытѣ войскъ страдаетъ нѣкоторою неустойчивостью опредѣленія. Если приложить обще-жизнейскія представленія, то къ понятію о бытѣ будутъ отнесены взаимныя отношенія членовъ войсковой семьи, отношенія ихъ къ прочему населенію, мѣстныя условія удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей, нравственные идеалы и т. п., короче — составные элементы культурной исторіи даннаго общества. Но есть и другая точка зрѣнія, которой придерживается авторъ. Въ этомъ случаѣ къ бытовой сторонѣ исторіи относятся правительственныя мѣропріятія, связанныя съ организаціею, вооруженіемъ, довольствіемъ, строевою подготовкою, мѣрами для поддержанія дисциплины и всякаго рода мирными упражненіями войскъ.

Какую бы точку зрѣнія ни усвоить, пельзя не замѣтить, что при хронологическихъ рамкахъ въ 280 лѣтъ, задача историка не можетъ быть достигнута путемъ лѣтописнаго, спокойно-повѣствовательнаго описанія. Полковой историкъ долженъ жить и проникаться интересами данной минуты въ такой же мѣрѣ, въ какой въ свое время проникался полкъ. Только въ этомъ случаѣ явится тотъ живой увлекательный рассказъ, который запечатлится въ памяти страницы прошлаго и наставитъ и воспитаетъ къ соотвѣтствующему воспріятію грядущаго.

Одновременно съ этимъ полковая исторія является подробною разработкою, въ спеціальному освѣщеніи, отдѣльной вѣточки обширнаго генеалогическаго древа русской арміи. Чѣмъ полнѣе, всестороннѣе и точнѣе возстановлена и изучена исторія арміи, какъ органическаго цѣлага, тѣмъ достовѣрнѣе выйдетъ и исторія полка.

Въ западныхъ арміяхъ на полковыя исторіи такъ, именно, и смотрятъ. Умалчивая объ общемъ, болѣе высокомъ, нежели у насъ, уровнѣ историческихъ знаній, выражающемся въ обиліи военно-историческихъ трактатовъ, отмѣтимъ, что въ Германіи, Австріи и Франціи существуютъ особыя военныя учрежденія, которыя разрабатываютъ исторію своей арміи, разыскиваютъ, приводятъ въ порядокъ и готовятъ для пользованія архивныя источники и этимъ путемъ облегчаютъ работу полковыхъ историковъ. Не менѣе интересно и то, что, только исполнивъ подготовительный трудъ по возстановленію основнаго военно-историческаго фонда, на западѣ сочли возможнымъ приступить къ составленію полковыхъ исторій.

У насъ это дѣло пошло нѣсколько инымъ путемъ. Подъ вліяніемъ разнородныхъ причинъ, въ томъ числѣ и малаго спроса на военно-историческія свѣдѣнія, нѣкоторое оживленіе въ области военной исторіи стало замѣчаться не ранѣ времени Императора Николая I, при чемъ неупорядоченность, разбросанность и случайность содержанія архивовъ сказались въ полной мѣрѣ. Мало удѣляя средствъ и силъ для исполненія подготовительной работы по сбору, систематизаціи, описанію и изданію актовъ, мы, силою вещей, должны были сразу обратиться къ описанію дѣяній арміи и отдѣльныхъ полковъ.

При сихъ условіяхъ составленіе полковой исторіи является дѣломъ исключительно труднымъ. Лишенный возможности усвоить въ требуемомъ объемѣ первоначальную фактическую канву въ общей военной исторіи, встрѣчая непреоборимыя трудности въ пользованіи архивнымъ матеріаломъ, часто не располагая содѣйствіемъ соотвѣтственно подготовленныхъ сотрудниковъ, полковой историкъ по неволѣ, иногда даже сознательно, долженъ оставлять значительныя пробѣлы, не можетъ выдержать необходимой цѣльности и законченности изложенія и, наоборотъ, отводитъ мѣсто такимъ подробностямъ, которыя, не играя существенной роли въ жизни полка, тѣмъ не менѣе, являются счастливою находкою, новымъ фактомъ въ исторіи всей арміи.

Все сказанное выше имѣетъ цѣлью пояснить тѣ требованія, съ которыми долженъ подходить критикъ къ труду П. О. Бобровскаго. Ни о равномѣрности частей изложенія, ни о соотвѣтственномъ съ обще-исторической точки зрѣнія распредѣленіи свѣта и тѣни, ни даже о безусловной полнотѣ и достовѣрности данныхъ говорить не приходится.

Многотомный трудъ П. О. Бобровскаго въ общемъ нерѣдко даетъ болѣе того, что можетъ потребовать критикъ при современныхъ условіяхъ военно-исторической науки. Составленный искусною и опытною рукою, трудъ представляетъ собою драгоцѣннѣйшій вкладъ въ литературу нашей военной исторіи, несмотря на то, что степень полноты изслѣдованія отдѣльныхъ періодовъ исторіи полка, по обстоятельствамъ указаннымъ выше, отличается большою неравномѣрностью.

Сформированный въ 1642 году подъ именемъ Бутырскаго, Эриванскій полкъ началъ свою боевую службу еще въ то время, которое являлось предтечею эпохи реформъ Царя Петра. Канитальные труды И. Бѣляева, Брикса, Соловьева, Бутурлипа, Устрялова, записки Манштейна, Посселята, а особенно Гордона, дополненные актами Археографической экспедиціи, послужили главнымъ матеріаломъ для разработки перваго 50-ти-лѣтія исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что включеніе въ число источниковъ Актовъ Московскаго Государства, изданныхъ въ 1773 году В. Рубаномъ

дневника похода Шепна къ Азову, а особенно хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба (по описи 3-й) книгъ иноземнаго и рейтарскаго приказовъ, книгъ раздаточныхъ и дѣлъ о выѣздахъ иноземцевъ, оставшихся автору, какъ кажется, неизвѣстными, а также болѣе широкое пользованіе Книгами Разрядными нѣсколько расширило бы сферу фактическихъ данныхъ за это время и разъяснило бы спорные вопросы въ исторіи полка. Однимъ изъ нихъ является, напр., вопросъ о первоначальномъ составѣ полка; былъ ли онъ при учрежденіи дѣйствительно въ 52—60 ротъ, какъ показано у Брикса, со словъ Манштейна, сохранялъ ли онъ этотъ составъ болѣе или менѣе постоянно или же приписанные къ нему солдатскіе полки присоединялись случайно и только на время похода; какія были организаціонныя соотношенія «полковъ» и «полчковъ», «приписанныхъ» и основного; былъ ли составъ указанный для 1679 г. Брикомъ постоянною нормою или же являлся временною организаціею, обуславливавшеюся оперативными соображеніями, — всѣ эти вопросы пока не выяснены и требуютъ дальнѣйшихъ разслѣдованій. Шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ. Особую цѣну имѣютъ указанныя въ приложеніи (Т. I, № 1) свѣдѣнія, вводящія въ организацію полка за 1662 годъ. Документъ этотъ, извлеченный изъ архива Оружейной палаты, свидѣтельствуешь, что въ 1662 году въ полку было въ Москвѣ всего 20 ротъ и что процессъ замѣны въ солдатскихъ полкахъ иноземцевъ русскими людьми, начатый еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, на столько подвинулся впередъ, что, въ Бутырскомъ по крайней мѣрѣ полку, кромѣ командира полка, уже всѣ прочіе офицеры были русскими. Это послѣднее наблюденіе въ полной мѣрѣ подтверждается и раздаточными книгами иноземнаго приказа, о которыхъ упомянуто выше.

Касаясь вопроса о строевой подготовкѣ въ XVII вѣкѣ и приведя въ извлеченіяхъ извѣстное «Ученіе и хитрость», изслѣдователь между прочимъ говоритъ, что уставъ дѣйствовалъ болѣе 40 лѣтъ. Утвержденіе это нѣсколько расходится съ упоминаемымъ въ сочиненіи указомъ Петра Великаго 1716 года, а также и съ другими фактами, свидѣтельствующими, что «Ученіе и хитрость...», по степени своей обязательности и удобоусвояемости, едва-ли можетъ быть разсматриваемо въ смыслѣ устава, фактически примѣнявшагося въ теченіи столь продолжительнаго времени. Военно-историческая наука не располагаетъ пока на столько категорическими данными, извлеченными изъ практики боевыхъ построений и дѣйствій полковъ во время войнъ второй половины XVII вѣка, чтобы имѣть право усвоить этотъ выводъ какъ наблюденіе устойчиво-достоверное.

Весьма интересны свѣдѣнія сочиненія о составѣ, организаціи и службѣ полка, начиная съ 1687 года, т. е. со времени назначенія въ полкъ Патрика Гордона. Исползованныя многими изслѣдователями записки Гордона

послужили главнымъ и почти единственнымъ источникомъ для описанія полковой жизни за послѣдніе годы XVII вѣка. Особого вниманія заслуживаетъ опытъ обработки матеріаловъ Гордона со специально-технической точки зрѣнія «ратнаго строя пѣхоты». Суммируя частныя указанія записокъ и сопоставляя съ уставными положеніями, приведенными Рюстовымъ въ исторіи его пѣхоты, историкъ намѣчаетъ схему построений полка для дѣйствій въ бою и усовершенствованій въ приемахъ дѣйствій, сравнительно съ «Ученіемъ и хитростью». Какъ намекъ на дальнѣйшее направленіе работъ въ темномъ вопросѣ о тактикѣ русскихъ войскъ во вторую половину XVII вѣка, приемъ и выводы сочиненія заслуживаютъ такого же тщательнаго вниманія, какъ и многочисленныя табличныя и цифровыя данныя, щедрою рукою разсыпанныя по страницамъ I тома труда.

Не считая усмирения мятежа 1662 г. и польскихъ войнъ царя Алексѣя, полкъ въ XVII вѣкѣ принималъ участіе въ Чигиринскихъ, Крымскихъ и Азовскихъ походахъ. Къ сожалѣнію, фактическую сторону этихъ событій, сравнительно съ свѣдѣніями ранѣе извѣстными исторической литературѣ, автору раздвинуть не удалось. Тѣмъ интереснѣе опыты критическаго освѣщенія самихъ событій, быть можетъ не вполне цѣлесообразные въ полковой исторіи, но представляющіе большую цѣнность для исторіи военнаго искусства вообще. Въ своемъ изложеніи, между прочимъ, авторъ съ особою тщательностью отмѣчаетъ отрицательныя стороны до реформенной службы, съ цѣлью подвести читателя къ выводу, что реформа начала XVIII вѣка была подсказана паденіемъ въ старо-русскихъ войскахъ дисциплины и элементарнаго искусства, приводившаго къ «позору русскаго оружія». Подобная точка зрѣнія идетъ въ разрѣзъ съ сужденіями другихъ изслѣдователей, приходящихъ къ выводамъ прямо противоположнымъ (напр., въ вопросѣ о помѣстной конницѣ). Такое противорѣчіе убѣдительно свидѣтельствуетъ, что время, предшествующее реформѣ Петра I, все еще ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, для которыхъ первый томъ исторіи Эриванскаго полка во всякомъ случаѣ послужитъ настольною книгою, какъ общая сводка наиболѣе цѣннаго, по преимуществу печатнаго, матеріала.

Одну изъ славныхъ страницъ въ исторіи полка безспорно занимаетъ участіе его въ Сѣверной войнѣ, тѣсно связанной съ эпохою реформъ царя Петра. Этой эпохѣ посвящены первыя двѣ главы 2-го тома, иначе 90 страницъ текста. Говоря о петровскомъ времени, нельзя не пожалѣть, что признано было возможнымъ ограничиться извлеченіемъ изъ Московскаго архива Главнаго Штаба только такъ называемой полковой «сказки», безъ тщательнаго обслѣдованія такихъ памятниковъ, какъ хранящіяся въ томъ же архивѣ дѣла секретнаго повѣстья и комиссаріатскія, въ Государственномъ архивѣ — дѣлъ кабинета, актовъ Артиллерійскаго музея и рукопис-

паго отдѣленія Императорской Публичной библиотеки. Располагая почти исключительно печатною литературою, среди которой не встрѣчаются, однако, труды Голикова и Туманскаго, письма царя къ Шереметеву (изд. 1774 г.) и Апраксину (изд. 1811 г.), и рядъ другихъ общеизвѣстныхъ сочиненій, по неволѣ пришлось съузить программу и прійти къ нѣкоторымъ сомнительнымъ выводамъ. Такъ, напр., едва-ли правильно утверженіе, что первыя достовѣрныя свѣдѣнія о составѣ Бутырскаго полка относятся къ 1707 году. Сопоставляя это свѣдѣніе съ проектами Огильви, изслѣдователь приходитъ затѣмъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ объ измѣненіи полкового штата. Между тѣмъ вѣдомость 1707 году — есть одно изъ срочныхъ допесеній о наличномъ составѣ, образцы которыхъ, въ томъ числѣ и за болѣе раннее время, встрѣчаются въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Дѣлахъ Кабинета.

Равнымъ образомъ, трудно согласиться и съ тѣмъ значеніемъ, которое придается, такъ называемому, «уставу» Вейде 1698 году. Опираясь на переписку Ад. Вейде съ Царемъ, военно-историческая наука опредѣлила устойчиво, что трудъ Вейде не болѣе, какъ отчетъ о командировкѣ за границу съ опредѣленною цѣлью; вслѣдствіе этого для сужденій о дѣйствительно осуществленныхъ организационныхъ мѣропріятіяхъ обращаются нынѣ къ источникамъ болѣе законодательнаго характера, нежели помянутый «уставъ». Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ изложенія эпохи реформъ Петра I, отмѣтимъ, что эта часть сочиненія вообще поддержана въ направленіи болѣе ранняго труда того же автора подъ заглавіемъ: «Переходъ Россіи къ регулярной арміи».

Что касается дѣйствій полка во время Сѣверной войны, то они изложены главнымъ образомъ по «Журналу или поденной запискѣ», дополненному данными другихъ печатныхъ трудовъ. Обширный матеріалъ по этой войнѣ, хранящійся въ указанныхъ выше архивахъ, остался не использованнымъ, что не могло не отразиться на степени подробности изложенія отдѣльныхъ фазисовъ двадцатилѣтней борьбы. Поэтому если фактическая канва операций 1700—1709 гг. болѣе или менѣе уложена въ рамки историческаго разсказа, то послѣдующія дѣйствія, а особенно походы къ Пруту и въ Померанію, остались едва лишь намѣченными.

Времени Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны посвящена глава VI и VII-ая, 2-го тома, первая — такъ называемой бытовой сторонѣ, вторая — военнымъ дѣйствіямъ.

Періодъ времени отъ кончины Петра Великаго и до воцаренія Екатерины II-й вообще представляется довольно неяснымъ. Отчасти неполнота документальныхъ свидѣтельствъ, а главнымъ образомъ нѣкоторая предвзятость взглядовъ на дѣятельность Миниха, имѣли послѣдствіемъ, что

на сколько мѣропріятіямъ Миниха придается отрицательное значеніе, настолько же елизаветинское время представляется періодомъ военной исторіи, особенно благоприятнымъ для развитія. Въ рѣзкой формѣ такіе взгляды проведены въ трудахъ историка Д. Масловскаго. Точка зрѣнія послѣдняго впервые была поколеблена изслѣдованіями Н. Ѳ. Дубровина по частному вопросу опредѣленія мѣста Суворова среди преобразователей екатерининскаго времени; авторъ исторіи Эриванскаго полка въ этомъ направленіи идетъ далѣе по тому же пути и, опираясь на официальный матеріалъ, приходитъ къ заключенію, что разсматриваемый періодъ грѣшилъ большими и разносторонними неурядицами, тянущимися непрерывною цѣпью со времени кончины Петра I.

Уже въ царствованіе Екатерины I, говоритъ историкъ, не смотря на личную ея заботливость о благосостояніи войскъ, армія приходила въ разстройство, некомплектъ сталъ хроническимъ недугомъ, а распускъ офицеровъ - помѣщиковъ по домамъ вредно дѣйствовалъ на внутренній порядокъ. Военская коммисія 1727 года не состоялась; мѣропріятія коммисіи 1730 г., имѣвшія цѣлью «исправленіе неурядковъ и помѣшательства», по отсутствію у Миниха боевого опыта и при маломъ знакомствѣ его съ ходомъ преобразованій Петра, были лишены твердости, полноты, не коснулись существенныхъ сторонъ, а произвели лишь нѣкоторое давленіе на условія быта и военное образованіе.

Шагъ за шагомъ, начиная съ измѣненій штатовъ, обмундированія, вооруженія и довольствія, службы офицеровъ и полкового управленія, предъ глазами читателя проходятъ данныя о чрезмѣрномъ расходѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, бывшемъ главнымъ препятствіемъ къ усовершенствованію войскъ, оправдываемая подражаніемъ, а не необходимостью, громоздкость и несостоятельность обозной части, уменьшеніе солдатскаго содержанія, колебанія системы довольствія по извѣстному плакату 1724, коммисаріатскія злоупотребленія, уклоненія дворянства отъ службы, неправомерности въ чиновпроизводствахъ и постепенное приниженіе значенія полковаго командира, рядомъ съ которымъ почти въ равной мѣрѣ начинаютъ раздѣлять съ нимъ власть «господа полковые штапы». Выясняется, что экзерциціи или «мунетрованія» производились обыкновенно во время смотровъ, были только придаткомъ ихъ, что начальникъ пріѣзжалъ дѣлать смотръ «въ парадѣ», но не производитъ ученъе, что показная сторона въ это время поглощала все вниманіе и что только непосредственно предъ Семилѣтною войною были приняты нѣкоторыя мѣры для упорядоченія дѣлъ въ арміи.

Не вполне удачно въ это время шло дѣло и съ выработкою строевыхъ уставовъ. Учили сперва по «экзерциціи» церемоніямъ воинскаго

устава 1716 года, въ которомъ Минихъ и Ласси сдѣлали нѣкоторыя измѣненія, а затѣмъ въ практику постепенно ввели плацнарядныя топкости — кундштюки, пріобрѣтавшія особый вѣсъ и значеніе. Даже въ гвардіи забывалось то, о чемъ хлопоталъ царь Петръ; форма стала господствовать надъ духомъ; цѣлью строевой службы сталъ благополучный исходъ смотря инспектора. Новые уставы 1755 года, хотя и вводили нѣкоторыя усовершенствованія въ типы боевыхъ построеній, но были сложны, многорѣчивы, мало вразумительны, трудноусвояемы. Наконецъ, отчетность канцелярская пріобрѣла чрезмѣрное развитіе, не устраняя однако злоупотребленій.

Такова въ крупныхъ чертахъ безотрадная картина постепеннаго припиченія военнаго дѣла, начиная со времени Петра. Не прибѣгая къ смягчающимъ выраженіямъ, авторъ шагъ за шагомъ, фактъ за фактомъ, не выдѣляя Миниха, какъ источникъ всѣхъ золъ, утверждаетъ въ убѣжденіи, что ближайшее послѣ Петра время само носило задатки паденія военнаго дѣла, и что паденіе это обуславливалось не столько отдѣльными лицами, въ родѣ Миниха, сколько обще-культурными причинами. При томъ состояніи образованности, въ какомъ находилось русское общество къ концу первой половины XVIII вѣка, при нравственныхъ запросахъ, господствовавшихъ въ высшихъ слояхъ, условности наноснаго слоя нашего развитія, только могучая, не знающая препятствія и стремящаяся къ строго опредѣленной цѣли воля царя Петра могла вести армію по пути дѣйствительнаго ея усовершенствованія. Не стало его и имъ же недоуѣланнныя углы храмины, въ родѣ илаката 1724 г., обязательной дворянской службы, нѣкоторой незаконченности устава 1716 г., несоотвѣтствія средствъ государства армейскимъ потребностямъ и т. п., начали давать трещины, грозившія прочности всего зданія. Не Минихъ, не Ласси, даже не засиліе иноземцевъ, а общій строй современнаго общества были причиною ослабленія военнаго дѣла при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Такой естественный выводъ напрашивается самъ собою изъ правдиво-спокойныхъ строкъ этой части полковой исторіи.

Въ изложенномъ, умалчивая даже о стратегическихъ и тактическихъ погрѣшностяхъ, заключаются также причины и не полныхъ успѣховъ въ войны этого періода нашей исторіи.

Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ приходится отмѣтить недостаточность бывшаго въ рукахъ историка фактическаго матеріала.

Объ участіи, напр., Бутырскаго полка въ Польской войнѣ 1733—1734 годовъ пришлось ограничиться признаніемъ, что никакихъ свѣдѣній по этому предмету не имѣется. Пробѣлъ тѣмъ досаднѣе, что не включеніе въ архивные источники, напечатанныя Д. Масловскимъ (Атака Гданска), свѣдѣній о Бутырскомъ полку случайно и что обстоятельное изученіе

документовъ описи 192 Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба и соотвѣствующихъ дѣлъ въ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, нѣтъ сомнѣнія, расширило бы сферу болѣе положительныхъ данныхъ по этому предмету.

Точно также, какъ говоритъ авторъ, «въ ожиданіи дальнѣйшей разработки Миниховской войны съ турками специалистами», историографу полка въ своемъ разсказѣ пришлось ограничиться лишь общимъ очеркомъ войны 1735—1739 году. Очеркъ ведется главнымъ образомъ по запискамъ Манштейна, дополненнымъ матеріалами, напечатанными Д. Масловскимъ, отчасти по Соловьеву и по исторіи Семеновскаго полка Карцева.

Не останавливаясь на Семилѣтней войнѣ и эпохѣ Екатерины II-ой до 1783 года, перейдемъ къ тому времени, когда полкъ былъ переведенъ на Кавказъ, чтобы принять тамъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ текущаго столѣтія. Этотъ періодъ исторіи является наиболѣе важнымъ, какъ вслѣдствіе сравнительной его близости къ нашему времени, а также и потому, что въ эти именно годы окончательно окрѣпли въ непрестанныхъ тревогахъ войны тѣ славныя традиціи, которыя, по справедливому замѣчанію автора, дѣлаютъ полкъ однимъ изъ лучшихъ въ нашей арміи.

Усилія изслѣдователя были направлены къ возможно полному и всестороннему освѣщенію главнымъ образомъ именно этой эпохи. Вънѣшнимъ выраженіемъ такого стремленія служатъ слѣдующія данныя: первымъ 141 году (до 1783 года) исторіи посвящено 367 страницъ текста, а послѣдующимъ 93 г. (до войны 1877 года) 1037 страницы.

Одни эти данныя свидѣтельствуютъ, что если выше приходилось иногда отмѣчать неполноту фактическаго матеріала и пожеланіе дальнѣйшихъ розысковъ архивныхъ первоисточниковъ, то теперь, наоборотъ, нельзя не обратить вниманія на поражающую тщательность сбора цѣнныхъ данныхъ, ранѣе не встрѣчавшихся въ печати. Многочисленные сотрудники составителя, признательно поименованные имъ въ предисловіи къ послѣднему тому, руководимые опытною рукою, нашли (умалчивая объ обширной литературѣ по исторіи кавказскихъ войнъ) въ штабѣ Кавказскаго округа и въ уцѣлѣвшемъ полковомъ архивѣ не мало актовъ, соприкасающихся даже съ мелочными, на первый взглядъ, сторонами боевой и мирной дѣятельности полка. Множество вѣдомостей, списковъ, выписокъ изъ приказовъ и служебной переписки были тѣмъ вкладомъ, который получилъ отъ нихъ въ свое распоряженіе авторъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что обиліе рукописнаго матеріала, собраннаго, замѣтимъ, многими, т. е. смотрѣвшими на цѣнность того или другаго акта съ различныхъ точекъ зрѣнія, доставило большой трудъ по систематизаціи, сводкѣ, взаимному сопоставленію и отдѣленію важнаго отъ второстепен-

паго. Въ этомъ отношеніи страницы почтеннаго труда поучаютъ будущихъ полковыхъ историковъ, и тѣмъ внушительнѣе, что при такой сизифовой работѣ удалось въ приложеніяхъ сберечь не мало подробностей, важныхъ не для одного лишь полка.

Если можно пожелать, то развѣ иѣкотораго освобожденія текста отъ второстепенныхъ мелочей, не всегда выгодно вліяющихъ на цѣльность изложенія. Такъ, едва ли, даже въ примѣчаніяхъ, могутъ имѣть значеніе такіе факты, что съ поручикомъ кн. Сумбатовымъ было послано въ Квешъ 3 вычищальки, 10 молотковъ, 3 клина, 1 молотъ большой и 15 сверль; что по требовательной вѣдомости 28 апрѣля 1816 года въ полкъ было отпущено для занятій стрѣльбою 5 пуд. 9 фун. 58 $\frac{1}{2}$ зол. пороху и 12 пуд. 22 ф. 92 зол. свинцу; что ген.-лейт. Котляревскому 8 сентября 1816 года было разрѣшено вступить въ бракъ съ дѣвицею Варварою Ивановною, дочерью маіора Енохина, но что бракъ этотъ почему то не состоялся, или что за экспедицію въ Кабарду 1822 года нижнимъ чинамъ выдано было по одной парѣ подошвъ. Какъ матеріалъ при изученіи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ военнаго дѣла или біографіи того или другого лица, вѣрѣ такія мелочи быть можетъ будутъ имѣть значеніе, но, думается, что ясность и пластичность разсказа выиграла бы, если бы данныя этого рода были выдѣлены исключительно въ отдѣлъ приложеній.

При сборѣ матеріала не было пренебрежено и свидѣтельствами современниковъ. Въ этомъ отношеніи авторъ пошелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ той части нашихъ военныхъ историковъ, которые запискамъ участниковъ разныхъ событій отводятъ излишне второстепенное значеніе, предпочитая опираться на переписку почти исключительно служебнаго характера. Нельзя не присоединиться къ взглядамъ составителя исторіи Эриванскаго полка, ищущаго въ словахъ современника контрольных данныхъ для провѣрки факта, зарегистрированнаго официальной рукою, а въ особенности для характеристики тѣхъ нерѣдко ускользающихъ при официальныхъ сношеніяхъ, едва уловимыхъ, черточекъ, которыя не столько возстаиваютъ фактъ, сколько даютъ ему надлежащее освѣщеніе. Въ исторіи полка мы найдемъ и записки Гордона, и ссылки на извѣстный трудъ Болотова, заимствованія изъ записокъ и воспоминаній Ермолова, Н. Н. Муравьева, Берже, фонъ-деръ Нонне и многихъ другихъ.

Записки современниковъ, однако, — оружіе обоюдоострое; онѣ слишкомъ рѣзко отражаютъ индивидуальность ихъ составителя, иногда диктуются страстнымъ чувствомъ, а въ другихъ случаяхъ излагаютъ сужденія не достаточно компетентныя; критическій тактъ историка долженъ подсказать, чѣмъ возможно воспользоваться и что составляетъ свидѣтельство болѣе или менѣе сомнительное. Въ этомъ направленіи авторъ не мало потрудился,

хотя, да будетъ позволено такъ выразиться, не отказаль современникамъ и въ большой долѣ снисходительности.

Примѣромъ могутъ служить, напр., записки Болотова, какъ одинъ изъ источниковъ для описанія Семилѣтней войны. Разумѣется, нельзя безусловно соглашаться съ мнѣніемъ составителя капитальнаго описанія этой войны, Д. Масловскимъ, вовсе отрицающимъ значеніе свидѣтельствъ Болотова, но вмѣстѣ съ тѣмъ не бесполезно имѣть въ виду и то, что при всей наблюдательности, сравнительной образованности и стремленія Болотова быть правдивымъ, скромное его служебное положеніе и степень фактическаго участія въ войнѣ не обезпечиваютъ безусловной достовѣрности его разказовъ. Точно также и полковой поручикъ (Домбровскій) не можетъ быть компетентнымъ судіею своего командира (Фонъ-Врангеля) на столько, чтобы на словахъ его возможно было строить характеристику этого послѣдняго. Едва ли и Башкадыкларскій бой возможно возстановлять по запискамъ Фонъ-деръ-Нонне, бывшаго въ 1853 году прапорщикомъ, вышедшаго затѣмъ въ отставку и лишь въ 1892 году удосужившагося написать воспоминанія. Сомнѣніе въ достовѣрности и точности такихъ воспоминаній — естественное чувство. Какъ бы образованъ и наблюдателенъ офицеръ ни былъ, роль прапорщика настолько сужена въ бою, что сфера личныхъ его впечатлѣній неминуемо ограничивается скромными рамками, въ лучшемъ случаѣ въ предѣлахъ полка; все же остальное — отраженіе разказовъ, диктуемыхъ весьма разнообразными ощущеніями. Кромѣ того и сорокъ лѣтъ, протекшихъ со дня боя, должны были не остаться безъ вліянія, а между тѣмъ Фонъ-деръ-Нонне описываетъ бой съ большою точностью и опредѣленностью. Думается, что къ такимъ воспоминаніямъ умѣстно было бы отнести съ большою недоувѣрчивостью и поискать документальныхъ данныхъ, болѣе надежнаго качества, для разрушенія ошибокъ историка Богдановича.

Составляя спеціальную исторію пришлось остановиться также и надъ выработкою спеціальной системы рубрикаціи историческаго матеріала. Счастливая мысль натолкнула на распредѣленіе его на отдѣлы въ тѣсной зависимости отъ измѣненія названій полка, а затѣмъ уже на дальнѣйшіе періоды по царствованіямъ. Пріемъ — наиболѣе цѣлесообразный въ сочиненіи, въ которомъ полкъ является главнымъ центромъ. Точно также заслуживаетъ вниманія и отдѣленіе въ особія главы данныхъ, характеризующихъ состояніе военнаго дѣла, отъ описанія собственно боевыхъ дѣйствій. Если можно пожелать, въ *полковой* исторіи, то нѣкотораго приспособленія изложенія къ особенностямъ главнѣйшаго читателя, — полковаго офицера. Все засоряющее память, сообщающее сухость, лишшающее простоты и ясности изложенія исторической фабулы неминуемо ослабитъ инте-

ресь трактата. Наталкиваясь на ряды цифръ, выписокъ и сообщеній, цѣнность которыхъ не достаточно ясна, полковой читатель бережно отложить книгу въ сторону и приметя за болѣе интересное для него чтеніе.

Не въ порицаніе сочиненія, а судя о немъ исключительно какъ о полковой исторіи, не можемъ не отмѣтить, что во всѣхъ семи томахъ болѣе виденъ изслѣдователь военнаго искусства вообще, нежели полковой историкъ. Обще-научный интересъ поглотилъ интересъ узко-полковой. Въ этомъ обстоятельстве, повидимому, заключается объясненіе нѣкоторой неясности (если можно выразиться, скачковъ научной мысли) въ заполненіи отдѣльныхъ страницъ сочиненія. Беремъ, напр., изъ тома IV главу, излагающую условія быта полка при Ермоловѣ. Тамъ разсказъ ведется въ такой постепенности: сперва говорится о переименованіи 17 егерскаго полка въ карабинерный и о поступленіи его подъ команду Ермолова; отсюда переходимъ къ безпорядкамъ на Кавказѣ, оптимистическимъ взглядамъ Ртищева и ошибочности ихъ; затѣмъ читаемъ о рѣшеніи Ермолова приступить къ преобразованіямъ въ Грузіи, объ отсутствіи въ Тифлисѣ хорошей полиціи и объ отношеніяхъ Персіи къ нѣкоторымъ ханамъ. Отвлечшись на нѣсколько строкъ въ сторону Дагестана, узнаемъ, что поѣздка Ермолова въ Персію вызвала разные слухи, получаемъ свѣдѣнія о составѣ Грузинскаго корпуса и его некомплектѣ, о Черноморскомъ войскѣ, мюридизмѣ, невыгодахъ современнаго расквартированія войскъ, школахъ взаимнаго обученія, женатыхъ ротахъ и т. п.

Приведенный примѣръ распредѣленія фактовъ не единиченъ. Въ томѣ V-мъ, въ главѣ, излагающей состояніе Кавказа подъ управленіемъ кн. Барятинскаго, прочитаемъ, напр., о послѣдствіяхъ войны 1853—54 годовъ и общемъ ходѣ преобразованій императора Александра II, объ улучшеніи судовъ, развитіи пароходствъ и желѣзныхъ дорогъ, рациональномъ хозяйствѣ въ ротахъ и о томъ, что сила государства не въ численности войскъ, а въ нравственныхъ и умственныхъ ихъ качествахъ. Это служитъ основаніемъ ознакомиться съ запискою профессора ген.-маіора Д. А. Милютина (позже графа), излагающею планъ покоренія Кавказа, отсюда перейдемъ къ запискамъ Коцебу, сужденіямъ Воронцова, Вольфа, Инсарскаго и т. п.

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно для иллюстраціи нашей мысли, что въ разсматриваемомъ сочиненіи видѣнъ историкъ болѣе широкаго масштаба, въ смыслѣ сбора матеріала, нежели тотъ, какимъ слѣдовало бы быть составителю полковой лѣтописи. Многое изъ приведеннаго въ изложенныхъ двухъ краткихъ конспектахъ, нѣтъ сомнѣнія, чрезвычайно цѣнно, по иной вопросъ, — уместно ли оно въ полковой исторіи? На нашъ взглядъ отвѣтъ получится такой: въ иныхъ случаяхъ, съ выгодою для болѣе строгой по-

слѣдовательности разсказа, кое-что могло быть вовсе опущено, другое отпесено въ примѣчанія, а третье поставлено на болѣе подходящее мѣсто.

Разсматривая сочиненіе по преимуществу, какъ полковую исторію, нельзя не обратить также вниманія на двѣ наиболѣе существенныя его особенности. Одна изъ нихъ тѣсно связана съ военными понятіями и опредѣленіями.

Подобно всякой иной отрасли человѣческихъ знаній, военная наука и искусство имѣютъ свои техническія выраженія, такъ сказать, ходячія опредѣленія и руководящія положенія. Онѣ составляютъ тотъ основной фондъ, который въ мирное время даетъ возможность понимать другъ друга, а въ дни войны — обезпечиваетъ находчивость даже въ тѣ минуты, когда равновѣсіе духа нѣсколько нарушено. Требованіе единства понятій и научныхъ опредѣленій составляетъ одну изъ существенныхъ заботъ военнаго образованія и воспитанія, а полковая исторія служитъ къ тому однимъ изъ удобныхъ средствъ. Въ этомъ отношеніи исторія Эриванскаго полка вызываетъ пожеланіе болѣе строгой редакціи. Быть можетъ тогда удалось бы замѣнить болѣе подходящимъ выраженіемъ мысль, что укрѣпленный «нось» имѣетъ важное *стратегическое* значеніе въ томъ случаѣ, когда онъ лежитъ на пути движенія разбойниковъ (т. IV, стр. 14); что въ 1828 г. мы взяли Карсъ, *не имѣя операционнаго плана*, а дѣйствуя по партизански (т. IV, стр. 125), что бываютъ «постепенная атака горъ» (т. IV, стр. 307) и «удвоенный форсированный маршъ» (т. IV, стр. 337); что можно дать большое «сраженіе» безъ всякихъ потерь (т. IV, стр. 58); что можно предпринять партизанскую войну для сбереженія конницы (т. IV, стр. 72), что бываетъ «шрапнельная граната» (т. IV, стр. 354), что война 1853—56 гг. (т. V, стр. 46) содѣйствовала появленію «новѣйшей легкой пѣхоты, воспитанной на гимнастическомъ шагѣ», что бываетъ особый «оборонительный характеръ стрѣлковъ» (т. V, стр. 47) и т. п. Подобныя досадныя редакціонныя погрѣшности въ военно-историческомъ сочиненіи представляются нѣсколько нежелательными.

Другой упрекъ тѣсно связанъ съ пріемами достиженія воспитательныхъ цѣлей. Въ предисловіи къ послѣднему тому авторъ, между прочимъ, говоритъ: «понятно воспитательное значеніе такого стариннаго полка...»; задача эта будетъ достигнута въ томъ случаѣ, «если составленная исторія будетъ служить однимъ изъ средствъ для поддержанія въ полку славы и чести, достигнутыхъ предшественниками, если она будетъ согрѣвать сердца молодого поколѣнія офицеровъ и нижнихъ чиновъ любовью и уваженіемъ къ прошлому». Осуществленіе подобныхъ намѣреній безъ сомнѣнія чрезвычайно трудно и не только потому, что въ жизни всякаго полка бываютъ иногда событія и лица, не блестящія своею

доброкачественностью, но также и вслѣдствіе тѣхъ общихъ условій, обращавшихъ, напр., Александровское и Николаевское время въ вѣкъ значительныхъ злоупотребленій, особенно на Кавказѣ.

Полковой историкъ въ этихъ случаяхъ поставленъ въ трудное положеніе: онъ долженъ удовлетворить историческую правду, т. е. называть событія и лица ихъ именами, но въ тоже время не можетъ забывать и того, что каждая его строка впослѣдствіи «будетъ согрѣвать сердца молодого поколѣнія офицеровъ и нижнихъ чиновъ любовью и уваженіемъ къ прошлому».

По этому предмету приводимъ въ извлеченіяхъ нѣкоторыя характеристики, встрѣчающіяся въ сочиненіи. О быломъ кавказскомъ начальствѣ дается такое, между прочимъ, представленіе: инспекторскіе смотры по изстари заведенному порядку въ нашей арміи почти что комедія, такъ какъ все представлялось въ хорошемъ видѣ (т. IV, стр. 31); при вторженіи персовъ начальники теряли голову и большею частью думали о спасеніи своего имущества (т. IV, стр. 70 и 74); тогда же большая часть офицеровъ была на столько труслива, что солдатамъ приходилось ихъ ободрять (т. IV, стр. 69), самъ Паскевичъ въ затруднительныхъ случаяхъ терялся, а войну съ горцами изучалъ лишь мимоходомъ (т. IV, стр. 134 и 174); ген. Краббе служилъ источникомъ беспорядковъ въ Дагестанѣ (т. IV, стр. 174); въ походъ 1831 г. начальство кавказской линіи только переписывалось, спорило и разсуждало, вмѣсто того чтобы дѣлать дѣло (т. IV, стр. 186); въ кампанію 1830 г. полкъ терпитъ неудачу, но «вина несчастія падаетъ на старшихъ начальниковъ» (т. IV, стр. 180) и т. п.

Выписки эти взяты изъ нѣсколькихъ страницъ IV тома; ихъ можно было бы умножить. Не останавливаясь на степени документальной достовѣрности хотя бы части этихъ характеристикъ, задаемъ вопросъ, что воспитывается въ молодомъ эриванцѣ этими опредѣленіями и какая закрѣпляется въ немъ традиція? Такими же вопросами будутъ сопровождаться и разсказы о недостаткахъ командировъ полковъ Ладинскаго (т. IV, стр. 23, 33, 35, 43, 45), кн. Дадіани (т. IV, стр. 224—225), Бельгарда (т. IV, стр. 281 и 346), фонъ Фохта (т. V, стр. 34), о двумысленныхъ дѣйствіяхъ прапорщика Артемовскаго-Гулака (т. IV, стр. 37), злоупотребленіяхъ подполковника Кулябки (т. IV, стр. 43), пьянствѣ и дракѣ прапорщиковъ Яновскаго и штабъ-капитана Калантарова и т. д., и т. д. Неужели, подобные факты, щедрою рукою расточаемые на страницахъ исторіи, закрѣпятъ въ читателѣ «любовь и уваженіе къ прошлому», или же настолько важны и характерны, чтобы заслуживать занесенія на страницы самой подробной полковой исторіи; неужели нелестныя характеристики прежнихъ командировъ полка будутъ содѣйствовать увеличенію престижа этой высшей власти въ

полку въ наши дни? И на этотъ разъ историкъ болѣе крупнаго масштаба, ставящій историческую правду выше всего, взялъ верхъ надъ полковымъ историкомъ, у котораго истинная любовь къ родному полку дастъ средства смягчить не всегда приглядную былую дѣйствительность.

Заканчивая нашъ отчетъ о сочиненіи и сводя изложенное выше въ одно цѣлое, приходимъ къ такимъ общимъ заключеніямъ:

1) Послѣдствіемъ трудностей, встрѣченныхъ составителемъ въ розыскахъ архивнаго матеріала, была нѣкоторая неполнота изложенія за первыя 150 лѣтъ существованія полка.

2) Стремленіе дать возможно полную картину движенія военнаго дѣла, привело ко включенію въ трудъ многихъ излишнихъ подробностей, что въ свою очередь отразилось на ясности и стройности плана работы.

3) Заслуживающая глубокаго преклоненія забота объ удовлетвореніи исторической правды, объективности и безпристрастія, отодвинула на нѣкоторыхъ страницахъ на второе мѣсто тѣ воспитательныя цѣли, которыя преслѣдуетъ всякая полковая исторія.

Таковы, на нашъ взглядъ, существенные недочеты сочиненія, рассматриваемаго съ точки зрѣнія интересовъ Эриванскаго полка. Но есть еще другой взглядъ, какъ на трудъ, во многихъ точкахъ соприкасающійся съ исторіею русскаго военнаго искусства вообще.

Въ этомъ отношеніи критическія замѣчанія автора, его опыты достовѣрнаго возстановленія и освѣщенія фактовъ и обильнѣйшій матеріаль первостепенной цѣнности пріобрѣтаютъ большое значеніе. Какъ опытъ разслѣдованія спорныхъ вопросовъ, трудъ П. О. Бобровскаго заслуживаетъ особаго вниманія лицъ, соприкасающихся съ исторіею нашей регулярной арміи.

И. Е. Тимошенко.

Литературные первоисточники и прототипы трех-сотъ русскихъ пословицъ
и поговорокъ.

Рецензія Э. Курца.

Справедливо говорить, что пословицы лучше всего характеризуютъ народъ, выражая въ сжатой формѣ практическую его мудрость, применимую къ разнымъ случаямъ человѣческой жизни. Но нельзя упускать изъ виду, что между пословицами каждаго народа есть и значительная часть такихъ изреченій, которыя заимствованы въ то или другое время у тѣхъ сосѣдей, съ которыми этотъ народъ входилъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія. Пословицы и мѣткія изреченія переходили, подобно отдѣльнымъ словамъ и новымъ понятіямъ, отъ одного народа къ другому, съ сохраненіемъ первоначальнаго способа выраженія или же съ облеченіемъ въ новую форму. Различные народы нынѣшней Европы, какъ вообще основами своей культуры, такъ и большинствомъ своихъ пословицъ обязаны древней Греціи. Изъ Греціи онѣ перешли къ римлянамъ и къ византійцамъ, а затѣмъ во время возрожденія наукъ распространялись по всему западу Европы. Выдѣленіе этихъ заимствованныхъ элементовъ въ области пословицъ того или другого народа, конечно, представляетъ большой культурно-историческій интересъ.

Исходя изъ такихъ точекъ зрѣнія, авторъ разбираемаго сочиненія поставилъ себѣ задачею дать полный сводъ тѣхъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, которыя произошли отъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, представляя или буквальный переводъ или передѣлку древнихъ образцовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что тема, избранная г. Тимошенко, весьма любопытна и важна и вполне заслуживаетъ подробнаго научнаго изслѣдованія.

Сочиненіе г. Тимошенка предваряется оглавленіемъ (стр. III—X), предисловіемъ (стр. XI и XII) и краткимъ введеніемъ (стр. XIII—XXV), въ которомъ авторъ высказывается о задачѣ своего труда, его методѣ и источникахъ. Слѣдующее за тѣмъ сочиненіе сравниваетъ длинный рядъ русскихъ пословицъ съ древними ихъ образцами, причемъ весь матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ по тѣмъ древнимъ писателямъ, у которыхъ, по мнѣнію г. Тимошенка, можно найти прототипъ каждой рассматриваемой имъ русской пословицы. Приведенные прототипы простираются почти на всю античную литературу, начиная съ Гомера и заканчиваясь позднѣйшими византійскими пареміографами. Къ этимъ прототипамъ примыкаютъ (на стр. 166—170) нѣкоторыя «схоластическія» или (лучше сказать) среднелатинскія пословицы, литературнаго источника коихъ авторъ не могъ отыскать. Кромѣ того, приложены еще два прибавленія. Въ первомъ изъ нихъ указаны источники нѣкоторыхъ латинскихъ поговорокъ, которыя у русскихъ писателей употребительны въ подлинной латинской формѣ (13 числомъ), а во второмъ авторъ, на основаніи нашей статьи (въ журналѣ *Philologus*, Supplementband VI, 1891), перечисляетъ, въ видѣ дополненія, какія изъ рассмотрѣнныхъ имъ прежде пословицъ встрѣчаются также у сессалоникійскаго архіепископа Евстація.

По мнѣнію г. Тимошенка, не разъ высказанному (на стр. XI и XVII), разработанный имъ предметъ былъ до сихъ поръ «*совершенно неизвѣстенъ въ литературѣ*»¹⁾, такъ что его сочиненіе представляетъ собою «*первую попытку изслѣдовать прототипы и оригиналы русскихъ пословицъ, находящіяся въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, а также въ сборникахъ древнихъ и средневѣковыхъ пареміографовъ.*» Однако, этотъ взглядъ автора на новостъ избраннаго имъ предмета, немного преувеличенъ. Извѣстный русскій пареміологъ Ив. Снегиревъ, напр., не только посвятилъ этому вопросу (какъ думаетъ г. Тимошенко) «нѣскольکو страницъ» въ книгѣ: *Русскіе въ своихъ пословицахъ* (I—IV, Москва 1831—1834)²⁾, но и позже въ книгѣ: *Русскія народныя пословицы и притчи* (Москва 1848), оставшейся, кажется, нашему автору неизвѣстною, не разъ приводилъ въ выносахъ греческія и латинскія параллели (около 140 числомъ). А что касается собственно византійскихъ пословицъ, то мы въ нашемъ изданіи Планудова сборника (Leipzig, 1886) указали уже на двѣ дюжины русскихъ пословицъ, большею частью буквально сходныхъ съ

1) Курсивъ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, нашъ.

2) На этихъ немногихъ страницахъ Снегиревъ, всетаки, привелъ изъ античной литературы образцы для 80 слишкомъ русскихъ пословицъ. Изложеніе его основывается здѣсь на одной специальной статьѣ, изданной имъ въ 1829 г. въ Вѣстникѣ Европы (№ 10, стр. 103—113 и № 11, стр. 81—91) подъ заглавіемъ: *Замѣчанія о русскихъ пословицахъ, сходныхъ съ греческими и римскими.*

среднегреческими, и затѣмъ въ статьѣ: *Zu den παροιμίαι δημώδεις* (Philologus, Band 49, 1890) дополнили это число еще десяткомъ новыхъ примѣровъ. Итакъ, ученые и до появленія въ свѣтъ книги г. Тимошенка были хорошо знакомы съ происхожденіемъ многихъ русскихъ пословицъ отъ греческихъ и латинскихъ прототиповъ и г. Тимошенку вѣрнѣе сказать, что онъ впервые сдѣлалъ попытку изслѣдовать подробнѣе этотъ интересный вопросъ и разработать, по возможности, весь существующій въ этомъ отношеніи матеріалъ ¹⁾.

Въ концѣ введенія, о которомъ мы поговоримъ еще ниже, г. Тимошенко даетъ читателямъ - неспеціалистамъ краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографахъ. Къ сожалѣнію, изложеніе его отчасти не соответствуетъ нынѣшнему положенію науки, такъ какъ авторъ воспроизводитъ тутъ воззрѣнія, господствовавшія въ ученой литературѣ полвѣка тому назадъ, теперь же исправленные и совершенно измѣненные вслѣдствіе изслѣдованій, вызванныхъ открытіемъ одного аонскаго списка французскимъ ученымъ E. Miller въ 1868 г. Въ одной выноскѣ (стр. XXII, 4) г. Тимошенко цитируетъ извѣстное сочиненіе O. Krüger (Analecta crit. ad paroem. graecos, Lips. 1883), но, очевидно, онъ не счелъ нужнымъ всесторонне разсмотрѣть его и усвоить для своего изложенія представленные тамъ результаты новѣйшихъ трудовъ по отношенію къ древнимъ пареміографамъ. Дѣло довольно просто. Въ числѣ разныхъ списковъ пареміографическаго содержанія слѣдуетъ строго различать двѣ группы: Первая группа представляетъ собою подлинное (хотя и сокращенное) сочиненіе Зеновія въ трехъ книгахъ (*Ἐπιτομή τῶν Παροιμῶν καὶ Διδόμου παροιμῶν*), въ которомъ отдѣльныя пословицы помѣщены одна за другою безъ соблюденія алфавитнаго порядка. Главные представители этой группы — вышеупомянутый аонскій списокъ и одна флорентійская рукопись (cod. Laurent. 80, 13). Всѣ рукописи этой группы остались неизвѣстными издателямъ Геттингенскаго Корпуса греческихъ пареміографовъ. Лишь третья книга подлиннаго Зеновія была и до открытія аонскаго списка уже извѣстна ученымъ и издана по другому списку, но подъ ошибочнымъ именемъ Плутарха (Corpus Götting. I, 321—342). Къ другой группѣ

1) Ошибочно и мнѣніе г. Тимошенка о томъ, что будто бы русскія пословицы за границей совсѣмъ неизвѣстны (стр. XVII). *Jul. Altmann*, напр., печаталъ неоднократно русскія пословицы въ нѣмецкомъ переводѣ, такъ что и незнающіе русскій языкъ могли ознакомиться съ площадной мудростью русскаго народа. Къ сожалѣнію, *Altmann* не присоединялъ подлиннаго русскаго текста къ своему обыкновенно довольно свободному переводу. Укажемъ на слѣдующія статьи *Altmann*: 1) *Blick auf die Sprichwörter der Kleinarussen* (*Erman, Archiv für wiss. Kunde von Russland*, XIII 1853, S. 191—222); 2) *Die provinciellen Sprichwörter der Russen* (*Schmalzer, Jahrbücher für slaw. Litteratur*, N. F. I. 1853, S. 65—135); 3) *Die Sprichwörter der Russen, die einen allgemeinen Charakter haben* (*Schmalzer, Jahrbücher* II. 1854, S. 377—528).

принадлежать тѣ списки, въ которыхъ пословицы первоначальнаго Зеновія въпослѣдствіи распространены извлеченіями изъ другихъ источниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приведены въ алфавитный порядокъ. Результаты этой позднѣйшей компіляціи — всѣ сборники, которые подъ разными именами или также безъ имени автора отпечатаны въ первомъ томѣ Геттингенскаго Корпуса (такъ называемыя *Vulgärhandschriften*), т. е. сборникъ псевдо-Зеновія и также сборникъ псевдо-Диогеніана, который есть не что иное, какъ одинъ (немного лишь отличающійся отъ псевдо-Зеновія) экземпляръ упомянутыхъ вульгарныхъ рукописей и обязанъ своимъ знаменитымъ именемъ лишь какому-то недоразумѣнію. Туда же относятся *codex Vaticanus*, *cod. Bodlejanus* и *cod. Coislinianus*, изъ коихъ издатели Геттингенскаго Корпуса дали только извлеченія, составленныя ими въ такъ-называемой *Appendix Proverbiorum*. О всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ и общепризнанныхъ изысканіяхъ разныхъ ученыхъ (М. Warnkross, Н. Jungblut, Brachmann, О. Crusius, L. Cohn) «читатель-неспециалистъ» во введеніи г. Тимошенка на стран. XXI и XXII ничего не находитъ, а узнаетъ лишь устарѣвшіе нынѣ мнѣнія Шнейдевина и Лейча, издателей Геттингенскаго Корпуса. Тѣ же самыя ошибочныя представленія о вышеупомянутыхъ сборникахъ (*Ps.-Zenobius*, *Ps.-Diogenianus*, *Ps.-Plutarchus*, *Appendix*) встрѣчаются, конечно, постоянно и въ самомъ изслѣдованіи г. Тимошенка.

И другая выноска (на стран. XXII, 1) доказываетъ, что г. Тимошенко не слѣдилъ за новѣйшими изслѣдованіями древнихъ греческихъ пареміографовъ. Тамъ значится: «Иначе думаетъ О. Crusius, *Ad Plut. de prov. Alex. libellum comment. Tubing. 1895.*» Г. Тимошенко, повидимому, самъ не прочелъ упомянутаго имъ сочиненія Крузіуса и, вслѣдствіе этого, не замѣтилъ, что относительно названнаго въ текстѣ сборника, ошибочно изданнаго подъ именемъ Плутарха, а въ дѣйствительности представляющаго III-ю книгу подлиннаго Зеновія, Crusius отнюдь не другого мнѣнія, какъ тѣ ученые, которые сомнѣвались въ авторствѣ Плутарха. Приведенное въ выноску сочиненіе Крузіуса относится совсѣмъ къ другому предмету, именно къ небольшому сборнику александрійскихъ пословицъ, который за подлиннымъ Зеновіемъ находится въ томъ же аѳонскомъ спискѣ и Крузіусомъ приписывается Плутарху, на основаніи доводовъ, другими учеными не признанныхъ.

Методъ, которому г. Тимошенко слѣдовалъ при сравненіи русскихъ пословицъ съ древними ихъ источниками, слѣдующій: для каждой русской пословицы онъ приводитъ соотвѣтствующія параллели изъ античной литературы, причемъ не ограничивается тѣми, которыя въ собственномъ смыслѣ заслуживаютъ имени параллели, имѣя тождественную или, по крайней мѣрѣ, похожую форму, но онъ собираетъ вообще всѣ мѣста классиковъ, выра-

жающія ту же мысль, какъ предлагаемая русская поговорка, хотя способъ выраженія и совершенно иной, а то изъ подобныхъ мѣстъ, которое нашлось у древнѣйшаго автора, онъ считаетъ прототипомъ и первоисточникомъ русской пословицы.

Съ такимъ методомъ нельзя вполне согласиться, такъ какъ авторъ оставляетъ при этомъ въ сторонѣ главную цѣль своего изслѣдованія, «посвященнаго исторіи русскихъ пословицъ» (стр. XX). Чтобы найти источникъ какой-нибудь русской пословицы, опредѣлить слѣдуетъ, на какомъ языкѣ имѣется пословица, и по формѣ и по содержанию вполне тождественная или же въ главныхъ пунктахъ сходная съ русскою. Если такая гдѣ-нибудь найдена, то можемъ справедливо смотрѣть на нее какъ источникъ и образецъ сравниваемого русскаго изреченія и, что касается до русской пословицы, дѣло тѣмъ кончено. Дальнѣйшія указанія, что выраженная и русскою пословицею и вѣрно найденнымъ ея образцомъ мысль попадаетъ кромѣ того и у болѣе древняго автора, но въ различной формѣ, весьма интересны съ общей культурно-исторической точки зрѣнія, а собственно для познанія происхожденія и развитія русской пословицы это не имѣетъ никакого значенія. Для поясненія высказаннаго приведемъ въ примѣръ русскую поговорку, «Сказано — сдѣлано» (№ 7). Она встрѣчается въ буквальномъ сходствѣ на нѣмецкомъ языкѣ (Gesagt — gethan), а также и на латинскомъ (Dictum, factum — у Теренція). На этомъ фактѣ изслѣдованіе должно остановиться, нашедши несомнѣнный образецъ русской пословицы, и остается только еще рѣшить, насколько это возможно, взята ли русская пословица съ латинскаго языка (вѣроятно чрезъ посредство поляковъ) или же съ нѣмецкаго. Тотъ фактъ, что есть и греческая поговорка, выражающая ту же самую идею, но въ другой формѣ (ἄμ' ἔπος τε καὶ ἔργον — у Гомера, *Hymn. in Mercur.* 46, *сfr.* *Jl.* 19, 242), для исторіи русской пословицы ничего не значить; г. Тимошенко могъ бы, пожалуй, упомянуть мимоходомъ и объ этомъ, но поставить гомеровское изреченіе на передній планъ какъ первоисточникъ русской пословицы, сказано — сдѣлано, будто бы происшедшей прямо со словъ Гомера, — онъ не вправѣ. Вѣдь, г. Тимошенко самъ говоритъ на стр. XIV: «Для насъ, при изслѣдованіи литературныхъ источниковъ русскихъ пословицъ, главный интересъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыхъ сходство съ иностранными пословицами не ограничивается содержаніемъ, но, при тождествѣ содержанія, состоитъ и въ сходствѣ формы . . . ; такія явленія не могутъ быть объяснены случайнымъ совпаденіемъ.» Нельзя не признать такого взгляда нашего автора совершенно справедливымъ, но должно сожалѣть о томъ, что при отысканіи образцовъ отдѣльныхъ русскихъ пословицъ онъ часто нарушаетъ этотъ принципъ, предпочитая буквально соответствующему выраженію

подлежащей общей мысли выраженіе болѣе древнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ по вышней своей формѣ совершенно несогласующееся съ русскою пословицею. Каждый, напр., зная русскую поговорку ,Чужую пашню пашеть, а своя въ залежи‘ (№ 40) и познакомившись съ одной стороны съ греческимъ изреченіемъ Теогида (*Ἐγθαίρω ἄνδρα μάργον, ὅς τὴν ἀλλοτρίην βούλει ἄρουραν ἀροῦν*), а съ другой стороны съ латинскимъ Плавта (*Fundum alienum arat, incultum familiarem deserit*), не поколеблется въ рѣшеніи вопроса, которую изъ обѣихъ формъ приходится считать образцомъ русской поговорки. Вѣдь, греческія слова выражаютъ лишь жадность къ чужому, а латинскія, подобно русской пословицѣ, порицаютъ главнымъ образомъ нерадивость и пренебреженіе собственнымъ имуществомъ. Г. Тимошенко другого мнѣнія; онъ считаетъ слова Теогида, какъ находящіяся у болѣе древняго писателя, настоящимъ прототипомъ русской пословицы. Вслѣдствіе того, что г. Тимошенко не обращалъ особаго вниманія на сходство формы, представленныя имъ выводы, разумѣется, нерѣдко сомнительны и ненадежны. — «Настоящимъ прототипомъ» русской пословицы ,Кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ‘ (№ 2) можетъ считаться, по собственнымъ словамъ г. Тимошенка, изреченіе Алкэя (*Αἰ κ' εἴπῃς, τὰ θέλεις, ἦ κεν ἀκούσῃς, τὰ κεν οὐ θέλεις*). Несмотря на это, онъ помѣстилъ ее не туда, куда слѣдуетъ (подъ ,Алкэй‘), а присоединилъ ее къ тѣмъ пословицамъ, образцы коихъ онъ находитъ у Гомера. Однако, хотя слова Гомера (*Ὀπποῖόν κ' εἴπῃσθα ἔπος, τοῖόν κ' ἐπακούσῃς*) и заключаютъ въ себѣ ту же мысль, какъ упомянутая русская пословица, но форма ихъ, что самое главное, значительно отстываетъ отъ русской пословицы, именно, недостаетъ словамъ Гомера столь характеристическаго сопоставленія ,что хочешь — чего не хочешь‘. — Выраженіе ,Жнешь, гдѣ не сѣялъ‘ (№ 17), несомнѣнно, какъ и полагаетъ г. Тимошенко, «заимствовано изъ Евангелія» (*Θερίζεις, ὃ οὐκ ἔσπειρας*) и, поэтому, приведенныя въ сочиненіи г. Тимошенка свѣдѣнія о болѣе древнихъ изреченіяхъ похожаго содержанія (у Аристофана и Гесиода) могутъ только выяснитъ развитіе греческой поговорки, а до происхожденія русской вовсе не касаются. — Оригиномъ русской пословицы ,Изъ двухъ золъ выбирай меньшее‘ (№ 95), по мнѣнію г. Тимошенка, должно признать слова Аристотеля (*Τὰ ἐλάττωστα ληπτέον τῶν κακῶν*). Но если вспомнить, что у французовъ, нѣмцевъ и шведовъ есть пословицы, которыя имѣютъ одну и ту же форму съ русскою (*De deux maux il faut choisir le moindre; Von zweien Übeln soll man das kleinste wählen; Af två onda ting bör man välja det minsta*), то нельзя сомнѣваться въ томъ, что русская пословица заимствована у одного изъ западно-европейскихъ народовъ и что г. Тимошенко не вправѣ предположить непосредственную связь и прямое отношеніе между греческой и русской по-

словицами, пропуская посредствующее звено въ развитіи этой идеи. — Другой примѣръ такого неосновательнаго предположенія относительно прямого заимствованія русской пословицы изъ античнаго источника представляетъ пословица ‚Письмо, словно куры набродили‘ (№ 130). Она, по мнѣнію г. Тимошенка, заимствована русскими изъ комедіи Плавта (*Gallina scripsit*). Если бы г. Тимошенко включилъ въ кругъ своего изслѣдованія не только античныя пословицы, а, гдѣ слѣдуетъ, и пословицы другихъ народовъ, болѣе или менѣе повліявшихъ на русскій народъ, и если бы онъ принялъ побольше во вниманіе сходство внѣшней формы, то онъ нашелъ бы, что русская поговорка—буквальный переводъ или польской поговорки ‚*Tak pisano, jakby kura pogrzebla*‘ или нѣмецкой ‚*Es ist, als ob’s die Hühner aufs Papier gescharrt hätten.*‘ Итакъ, польская или нѣмецкая поговорки представляютъ собою оригиналъ русской и лишь о нихъ можно справедливо сказать, что онѣ, прямо или черезъ какія-нибудь посредствующія ступени, произошли отъ упомянутыхъ словъ Плавта.— И въ слѣдующемъ случаѣ болѣе заботливое уваженіе къ способу выраженія привело бы г. Тимошенко къ болѣе надежному результату. Пословица ‚Сколько головъ, столько умовъ‘ (№ 113), очевидно, находится въ ближайшемъ родствѣ съ нѣмецкой сентенціею (*Soviel Köpfe, soviel Sinne*) или съ французской (*Autant de têtes, autant d’avis*), а не съ латинской (*Quot homines, tot sententiae* — у Теренція), выражающей ту же мысль, но въ формѣ нѣсколько отличающейся (= сколько людей, столько мнѣній). Даже нѣмецкая и французская пословицы, вѣроятно, должны быть отнесены не къ словамъ Теренція, а къ болѣе сходному выраженію Горация (*Quot capitum vivunt, totidem studiorum milia*).— Такой же недостатокъ вѣрнаго взгляда на историческую эволюцію опредѣленной пословицной мысли обнаруживается и въ выводѣ г. Тимошенка, будто бы прототипомъ русской поговорки ‚Бумага все терпитъ‘ (№ 150) послужило выраженіе Цицерона (*Epistula non egubescit*). Вѣдь, общее между латинскою и русскою поговорками заключается тутъ лишь въ мысли, а спеціальнымъ способомъ выраженія этой мысли русская поговорка обязана французской (*Le papier souffre tout et ne gougit de rien*) и въ этомъ заключенъ исходный пунктъ для историческаго изученія русской пословицы.— На 124-ой страницѣ (№ 195) г. Тимошенко приводитъ рассказъ Тацитта о томъ, что въ царствованіе Тиверія по смерти Юпія, жены Кассія и сестры Брута, въ погребальпой процессіи несли, по приказанію императора, всѣ семейные бюсты знаменитыхъ римлянъ, кромѣ Кассія и Брута, — *sed praefulgebant Cassius atque Brutus eo ipso, quod effigies eorum non visebantur*. Къ этому разсказу г. Тимошенко прибавляетъ вопросъ: Не отсюда-ли наша поговорка ‚Блестать своимъ отсутствіемъ?‘ На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Над-

лежащее историческое изслѣдованіе привело бы г. Тимошенко совѣсьмъ къ другому выводу, именно, французскій писатель Chenier въ своей трагедіи Tibère, передавая разсказъ Тацита, сказалъ: «Brutus et Cassius brillaient par leur absence», и отсюда поговорка перешла къ другимъ народамъ, а затѣмъ и къ русскому. — Прибавимъ еще два — три примѣра, доказывающіе, что осторожному изслѣдователю источниковъ русскихъ пословицъ иногда уже одно какое-нибудь слово можетъ указать настоящій путь. У Цицерона значится, Cum lacte nutricis (т. е. кормилицы) sugere, а у нѣмцевъ говорится, Mit der Muttermilch einsaugen. Такъ какъ русская поговорка также гласитъ, Съ молокомъ матери всосать (№ 151), то съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что она прямымъ путемъ заимствована съ нѣмецкаго языка, а не съ латинскаго, какъ думаетъ г. Тимошенко. — Съ тѣмъ же успѣхомъ можно судить о русской пословицѣ, Изъ одного тѣста (№ 192). Она составлена прямо по образцу нѣмецкаго выраженія (Aus demselben Teige), а не, какъ полагаетъ г. Тимошенко, подъ непосредственнымъ вліяніемъ латинскаго (Nostrae farinae — у Персія, т. е. изъ нашей муки). — Относительно русской поговорки, Туго натянутая струна лопнула (№ 214) г. Тимошенко говоритъ: «Также точно выражались и греки» (Ἀποραγήσεται τεινόμενον τὸ καλώδιον). Это не вѣрно. Въ русскомъ выраженіи является, струна, а въ греческомъ — καλώδιον (т. е. небольшой канатъ, веревка) и этимъ обстоятельствомъ дѣло положительно рѣшается въ томъ смыслѣ, что образцомъ русской пословицы считать слѣдуетъ не греческую поговорку, а нѣмецкую (Wenn man die Saite zu hoch spannt, so reisst sie). Весьма поучительна въ этомъ отношеніи одна греческая народная пословица у Апостоля 13, 79: Ὅφρις, ἣν μὴ φάγγη ὄφιν, δράκων οὐ γινήσεται, которая имѣется и у новогрековъ (Τὸ φεῖδι ἄν δὲ φάγγη φεῖδι, δράκος δὲ γίνεταί, Βενιζ. 324, 569). Имъ соотвѣтствуетъ русская пословица, Большая рыба маленькую цѣликомъ глотаешь (Даль 134). Кто, по методу г. Тимошенка, соображаясь съ однимъ тожествомъ мысли, полагалъ бы, что эта пословица къ русскимъ перешла прямо изъ Византіи, тотъ не избѣгъ бы явной ошибки. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта пословица заимствована русскими у одного изъ западныхъ народовъ, гдѣ общая мысль облечена въ вполне совпадающую съ русской форму: Les gros poissons mangent les petits; Grosse Fische fressen die kleinen.

Стремленіе къ отыскиванію зародыша и возможно древнѣйшаго прототипа какой-нибудь пословичной мысли, вмѣсто того, чтобы придерживаться главнаго признака заимствованія, т. е. виѣшней формы этой мысли, нерѣдко побуждало г. Тимошенко находить начало поговорки даже тамъ, гдѣ, при внимательномъ толкованіи сравниваемыхъ имъ мѣсть, оказывается, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо соотношеніи между разби-

раемой русской пословицею и приведеннымъ греческимъ выраженіемъ. Напр., пословица ‚Въ комъ стыдъ, въ томъ и страхъ‘ (№ 3), безъ сомнѣнія, сходна съ греческою поговоркою, приписываемою древнему поэту Стасину (Ἴνα γὰρ δέος, ἔνθα καὶ αἰδώς) или, вѣрнѣе сказать, она соотвѣтствуетъ измѣненію этого изреченія, предположенному Платономъ (Euthyphr. 12 B: Ἴνα γε αἰδώς, ἔνθα καὶ δέος). Г. Тимошенко подвелъ ее подъ рубрику ‚Гомеръ,‘ лишь на томъ основаніи, что Гомеръ уже сопоставилъ эти два понятія, говоря объ аргосцахъ, которыхъ «стыдъ и страхъ удерживали» отъ бѣгства. Видѣтъ въ этомъ простомъ выраженіи Гомера прототипъ и источникъ греческой или даже русской пословицы — кажется слишкомъ натянуто и неосновательно. — Тоже самое приходится сказать о поговоркѣ ‚Оспнаго гнѣзда не тронь‘ (№ 6), образцомъ которой послужила греческая пословица ‚Σφηκιὰν ἡρέθισας,‘ впервые упомянутая Аристофаномъ. Этимъ фактомъ, однако, г. Тимошенко не удовлетворился; по его мнѣнію, гомеровское описаніе (Hom. II. 16, 257 sq.) мнридонянъ, высыпавшихъ изъ кораблей, подобно потревоженнымъ осамъ, доказываетъ, что «первоначальнымъ источникомъ греческой пословицы, безъ сомнѣнія, послужило извѣстное мѣсто въ Иліадѣ Гомера». На нашъ взглядъ, это описаніе представляетъ собою простое сравненіе безъ всякаго проverbsнаго оттѣнка, а придти къ подобному заключенію объ осиномъ гнѣздѣ могъ всякій при наблюденіи характера этихъ насѣкомыхъ, и не зная гомеровскаго описанія. — При разборѣ русской пословицы ‚Гласъ народа — гласъ Божій‘ (№ 1) г. Тимошенко самъ высказываетъ, что латинская сентенція ‚Vox populi — vox Dei‘ «послужила оригиналомъ нашей поговорки» и что «латинская сентенція не принадлежитъ античной древности». Идя послѣдовательно, пришлось бы включить ее въ разрядъ «схоластическихъ», т. е. среднелатинскихъ изреченій. Несмотря на это, г. Тимошенко помѣстилъ ее подъ заголовкомъ ‚Гомеръ,‘ лишь по той причинѣ, что «зародышъ пословицы находится уже у Гомера, который происхожденіе народной молвы приписываетъ Зевсу» (ἔσσαν ἀκούειν ἐκ Διός), и этимъ обстоятельствомъ г. Тимошенко пользуется для того, чтобы подробно распространиться о значеніи словъ φήμη, φάτις и fama¹⁾, не принимая въ соображеніе, какъ мало значенія имѣеть все это для вопроса о происхожденіи названной русской пословицы. — Относительно пословицъ ‚Плыветъ по теченію‘ и ‚Несется на вѣсахъ парусахъ‘ (№ 12), соотвѣтствующихъ греческимъ выраженіямъ: κατὰ ῥοῦν φέρεσθαι и πλησίστιον φέρεσθαι (у Лукіана и др.), г. Тимошенко самъ сознается въ томъ, что «у Гомера подобныя выраженія

1) Впрочемъ, опущено г. Тимошенкою главное мѣсто Гомера (Od. III, 214 sq.), гдѣ оба понятія (народъ и Богъ), по крайней мѣрѣ, являются рядомъ: Εἰπέ μοι, ἦνέ ἐκὼν ὑποδάμνασαι, ἢ σέ γε λαοὶ ἐχθλίρουσ' ἀνὰ δῆμον, ἐπισπόμενοι θεοῦ ὀμφῆ.

встрѣчаются только въ собственномъ смыслѣ», но всетаки думаетъ, что «эти метафоры, по всей вѣроятности, заимствованы изъ гомерическаго языка», и такая субъективная вѣроятность показалась ему достаточною основою для указанія прототипа разсматриваемой русской поговорки въ гомеровскомъ эпосѣ. Такого рода соображенія ясно не приложимы къ историческому изслѣдованію.

Приведенные примѣры достаточно показываютъ, что г. Тимошенко, при разборѣ русскихъ пословицъ, придавалъ слишкомъ большое значеніе исканію древнѣйшихъ «прототиповъ и первоисточниковъ» и такимъ образомъ во многихъ случаяхъ выходилъ изъ предѣловъ настоящей своей задачи, заключенной въ отысканіи самаго сходнаго по внѣшней формѣ образца. Онъ обращалъ болѣе вниманія на развитіе и литературную традицію аптическихъ пословицъ и поговорокъ, чѣмъ на происхожденіе русскихъ и вслѣдствіе такихъ приемовъ не разъ приходилъ къ сомнительнымъ выводамъ, а главные и несомнѣнные факты заимствованія не обнаруживаются въ его сочиненіи съ желательной рѣзкостью и ясностью, такъ какъ они скрыты массою посторонняго и для исторіи русскихъ пословицъ неважнаго матеріала. Часто остается читателю самому пересматривать предлагаемая щедрою рукою параллели и выбирать изъ нихъ то, что въ дѣйствительности годно для разсматриваемаго вопроса о сходствѣ русскихъ пословицъ съ греческими и латинскими.

На наши замѣчанія авторъ, вѣроятно, возразитъ, что мы не взяли въ соображеніе ясной оговорки, сдѣланной имъ во введеніи на стран. XVIII. Тамъ значится: «Какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной или литературной передачи, *прямо ли отъ грековъ или чрезъ посредство другихъ народовъ*, — отвѣта на эти вопросы читатель не найдетъ въ нашей книгѣ; да едва ли и возможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью отвѣчать на нихъ». И въ томъ же смыслѣ авторъ выражается также на стран. XX: «Очень возможно *и даже вѣроятно*, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ нами русскихъ пословицъ заимствованы не изъ древнихъ литературъ, *а у новѣйшихъ народовъ*, имѣющихъ ту же пословицу, особенно у сосѣднихъ съ нами нѣмцевъ; но можетъ быть, и нѣмцы кое-что позаимствовали у насъ: категорическое рѣшеніе подобныхъ вопросовъ весьма трудно». Мы не можемъ уступить автору права на эту оговорку, показывающую намъ только, въ какомъ смутномъ и ошибочномъ видѣ представлялась ему настоящая цѣль его темы, категорически требующая основательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, авторомъ лишь мимоходомъ затронутыхъ во введеніи. Г. Тимошенко, по собственному замѣчанію (на стр. XX, строк. 18 св.), при составленіи своей книги имѣлъ въ виду историческое изслѣдованіе русскихъ посло-

вицъ. Какую же пользу имѣеть для предлагаемаго вопроса тотъ методъ изслѣдованія, по которому изъ всего развитія какой-нибудь пословичной мысли приводятся лишь конецъ (русская посл.) и начало (античная посл.), съ полнымъ пропускомъ всѣхъ послѣдовательныхъ ступеней (западно-европ. посл.)? И на какомъ основаніи можетъ историческое изученіе русскихъ пословицъ претендовать на право обойти всѣ тѣ факты, которые имѣютъ фундаментальное значеніе для изложенія происхожденія и судьбы этихъ пословицъ? А что касается трудности рѣшенія вопроса о томъ, прямо ли проникла какая-нибудь пословица отъ грековъ въ Россію или при посредствѣ новѣйшихъ народовъ, то отрицать ее мы не намѣрены, принимая во вниманіе тѣсныя сношенія Россіи и съ Востокомъ и съ Западомъ. Но выше уже разными примѣрами показано, въ какомъ случаѣ хорошо можно отвѣтить на этотъ вопросъ, если только тщательно воспользуемся тѣми ясными намеками, которые дапы во внѣшней формѣ и въ способѣ выраженія. Жаль, что г. Тимошенко недостаточно выяснилъ себѣ такое положеніе дѣлъ и, вслѣдствіе этого, не только не подвинулъ впередъ избраннаго имъ научнаго вопроса, но нѣкоторымъ образомъ даже запуталъ дѣло. Такъ судить мы принуждены въ виду высказанныхъ на стр. XVII выводовъ. Здѣсь авторъ, опираясь на собранный матеріалъ, въ которомъ такъ мало отдѣлено вѣрное и несомнѣнное отъ сомнительнаго и ошибочнаго, высказываетъ о своей работѣ съ полною увѣренностью слѣдующее мнѣніе: «Это изслѣдованіе показываетъ, что литературныя связи наши съ *Византіей* были обширнѣе и интимнѣе, чѣмъ можно было думать; пословица прибавляетъ еще одно звено, соединяющее насъ съ греческимъ и вообще классическимъ міромъ». Такъ рѣшительно авторъ могъ бы выразиться въ томъ случаѣ, если бы онъ явно и несомнѣнно доказалъ путемъ строго историческаго изученія, что всѣ разсмотрѣнныя имъ греческія пословицы, или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ прямо изъ Византіи перешли въ Россію. Но этого г. Тимошенко не сдѣлалъ и отказался совсѣмъ отъ всякой относящейся сюда справки, а, слѣдовательно, пришлось бы воздержаться отъ такого недоказаннаго положенія.

И въ другомъ отношеніи сочиненіе г. Тимошенка, несмотря на претендуемый историческій характеръ, обнаруживаетъ такое же отсутствіе исторической перспективы. Объ этомъ авторъ опять-таки оговаривается во введеніи на стр. XIX слѣдующими словами: «Но этотъ обширный матеріалъ древне-русской письменности, требующій спеціальнаго изученія, какъ ни важенъ онъ для выясненія литературной исторіи перешедшихъ къ намъ древнихъ пословицъ, совершенно не входитъ въ настоящія рамки нашего изслѣдованія: мы ограничиваемъ свой предметъ предѣлами греческой и римской литературъ, — именно сравненіемъ русскихъ

пословицъ, собранныхъ Далемъ, съ соответствующими имъ мѣстами греческихъ и латинскихъ писателей, изслѣдованіе же посредствующихъ формъ пословицъ, если таковыя существуютъ въ древнихъ памятникахъ русской письменности, повторяемъ, не входитъ въ нашу задачу». Нельзя не сожалѣть, что авторъ рѣшился заключить свое изслѣдованіе въ такую узкую рамку и отказался отъ изученія одной изъ важнѣйшихъ сторонъ своей тѣмы. Изслѣдователь исторіи появившихся извѣстѣ русскихъ пословицъ, думаемъ, долженъ прежде всего, насколько это возможно, открыть въ русской литературѣ слѣды русскихъ пословицъ, сходныхъ съ античными, до перваго появленія таковыхъ на русской почвѣ. Найденныя такимъ образомъ данныя могли бы служить важнымъ исходнымъ пунктомъ для опредѣленія древности пословицы и пути, по которому проникло то или другое изреченіе на Русь, или изъ Византіи чрезъ посредство южно-славянской письменности, или же въ болѣе позднее время съ Запада, при посредствѣ поляковъ. Приводимъ въ доказательство одно изреченіе Плутарха, встрѣчающееся въ русской литературѣ въ буквальномъ переводѣ: ‚Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ‘ (№ 197). Этотъ фактъ смущаетъ г. Тимошенко и онъ принужденъ сознаться: «но какимъ образомъ сентенція Плутарха попала въ число русскихъ пословицъ, — *остается загадкой*». Если бы онъ обратился къ русской Пчелѣ, то нашелъ бы весьма простую загадку. Названная сентенція у грековъ сохранилась, въ видѣ фрагмента изъ одной неизвѣстной статьи Плутарха, лишь въ гномологическихъ сборникахъ (у Максима Исповѣдника, въ греческой Пчелѣ или Μελισσα монаха Антонія и пр.), а въ Россіи она появилась впервые въ соответствующемъ переводномъ памятникѣ, см. В. Семеновъ¹), Древняя русская Пчела по пергаменному списку XIV—XV вѣка, стр. 60: ‚Коньная хитрость на рати знается, а другъ въ бѣдѣ.‘ Оттуда же истекаютъ и слѣдующія Плутарховы изреченія: ‚Ни коня безъ оузды возможно ксть деръжати, ни бѣгательства безъ оума‘ (№ 202 у Тимош. = Семен. стран. 24) и ‚Ни птицы оупоущены скоро можешн ѡпать ѡти, ни слова изъ оустъ вылетѣвша възвратити можешн ѡти‘ (Семен. стран. 195 = № 106 у Тимош.). Другимъ стариннымъ источникомъ для нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Тимошенко русскихъ пословицъ, оказывается ‚Мудрость Менандра‘ т. е. гномологическій сборникъ, принадлежащій къ очень древнимъ произведеніямъ славянской переводной литературы и представляющій собою въ различныхъ редакціяхъ переводъ греческаго собранія одностиишій, извѣстнаго подъ названіемъ Μενάνδρου Γνώμαι μονόστιχοι²). Здѣсь попадаются,

1) Въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, томъ 54. Спб. 1893.

2) В. Семеновъ, Мудрость Менандра по русскимъ спискамъ. Спб. 1892 (Памятники древней письменности, томъ 88).

между прочимъ, слѣдующія изреченія: ‚Дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонь понесутъ‘ (№ 37 у Тимош. = Семен. стран. 8, № 72); ‚Богъ другого любя приберетъ‘ (№ 104 = Семен. стран. 13, № 193); ‚Когда дубъ въ дребезги упадетъ, кто хочетъ щепки подбираетъ‘ (№ 110 = Семен. стран. 24, № 68). И на этотъ древній памятникъ г. Тимошенко не обратилъ вниманія, въ ущербъ вѣрности сдѣланныхъ выводовъ. Такъ, напр., о первомъ изреченіи (№ 37) у него значитъ: «греческое двустипіе принадлежитъ къ очень рѣдкимъ въ литературѣ и извѣстно намъ только изъ двухъ сборниковъ — Стобѣя и Апостоля; *изъ одного изъ этихъ сборниковъ заимствована наша поговорка*».

Къ счастью, г. Тимошенко тамъ, гдѣ находилъ такія историческія свѣдѣнія въ книгѣ И. Снегирева (Русскіе въ своихъ послов.), не пренебрегалъ ими, а, вопреки сдѣланной оговоркѣ, приводилъ ихъ и въ своемъ сочиненіи. Но гораздо болѣе матеріала, разумѣется, было бы найдено имъ, если бы онъ нарочно отыскивалъ его въ разныхъ (во время Снегирева отчасти еще не изданныхъ) памятникахъ переводной древне-русской литературы, о коихъ самъ вскользь упоминаетъ во введеніи на стр. XVIII сл.

Лишь такое историческое разслѣдованіе судьбы русской пословицы на родной почвѣ и опредѣленіе времени, когда она впервые появилась на Руси, можетъ, кромѣ вышеизложенныхъ признаковъ, заключенныхъ во виѣшней формѣ пословицъ, представлять существенный фундаментъ для основательныхъ выводовъ и вѣрнаго отвѣта на вопросъ, откуда русская пословица заимствована и какимъ путемъ она перешла въ русскую литературу. Просто апріорныя соображенія объ этомъ предметѣ, которыя не основываются на такомъ фундаментѣ, останутся большею частью сомнительными и неудовлетворяющими. Г. Тимошенко, напр., (на стран. XIV) выражаетъ мнѣніе, что «разительное сходство многихъ русскихъ пословицъ съ древне-греческими и византійскими *легко объясняется* сношеніями древней Руси *съ Византіей*»; «латинскія же proverbialia проникли къ намъ, вѣроятно, черезъ Польшу и Кіевъ». Дѣло, однако, не такъ просто, какъ ему представляется. Не говоря уже о древнегреческихъ пословицахъ, даже относительно византійскихъ нельзя во всякомъ случаѣ а priori утверждать съ увѣренностью, что онѣ изъ Византіи прямо перешли въ русскій народъ или въ русскую литературу. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ такихъ византійскихъ пословицъ во время возрожденія наукъ послѣ паденія Константинополя сдѣлались по греческимъ сборникамъ Апостоля и пр. извѣстными гуманистамъ¹⁾, были переведены ими на латинскій языкъ и водворя-

1) Такъ напр. итальянскій гуманистъ Hermolaus Barbarus († 1494) въ одномъ латинскомъ письмѣ, обращенномъ къ Пикку Мирандулѣ (см. Angeli Politiani et aliorum virorum illustrium epistolarum libri XII. Hanoviae 1612 p. 344 — 357) употребляетъ 24 греческія

лись въ такомъ видѣ на Западѣ, гдѣ попали, между прочими гномами и апоосгмами, въ разные сборники (Facetiae и т. п.), въ различныхъ перелѣлкахъ обошедшіе все европейскія литературы¹⁾. Оттуда онѣ могли, при посредствѣ поляковъ, распространяться и между русскими писателями. Напр., пословица ,Одинъ дурень камень въ воду бросить, а десять умныхъ не вытянутъ‘ (№ 285 у Тимош.), представляющая буквальный переводъ одной византійской пословицы вульгарнаго происхожденія, встрѣчается у польскихъ писателей XVII вѣка. Равнымъ образомъ Мелегій Смотрицкій, который игралъ важную роль въ полемикѣ, разгорѣвшейся между католиками и православными въ XVII в., въ ,Obrona‘ 1621 г.²⁾ говоритъ : «Nic de sepis, tu de alliis, a iak naszy mowią, on o Pawle, a tu o Sawle», а приведенная въ латинскомъ переводѣ поговорка принадлежитъ къ византійскимъ народнымъ пословицамъ (Planudes № 248 и Apostol. 6, 48^a и 18, 8).

Что касается до выбора русскихъ пословицъ, подвергнутыхъ сравненію съ античными, то г. Тимошенко въ нѣкоторыхъ случаяхъ включилъ въ разрядъ ихъ и такія изреченія, которыя не могутъ быть признаны за русскія пословицы. О томъ спорить мы не будемъ, что термину ,поговорка‘ иногда дано слишкомъ растянутое значеніе, вслѣдствіе чего попадаютъ между пословицами разныя повѣрья, метафоры, простыя фразы и обороты рѣчи безъ провербіальнаго оттѣнка (какъ напр.: голая истина, № 168). Но на какомъ основаніи, напр., подробно разсматриваются на стр. 87—90 и отмѣчаются особымъ номеромъ (№ 120) греческія поговорки ,Εἰς κόλπον πτῦεις и ,Εἰς κόλπον οὐ πτῦεις?‘ Вѣдь, г. Тимошенко самъ признается: «Впрочемъ, мы не будемъ долго останавливаться на нихъ, такъ какъ *у насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ имъ пословицъ*». — Равнымъ образомъ исключить приходится разсмотрѣнную г. Тимошенко русскую поговорку ,Разбить горшокъ‘ (№ 182), для которой въ древней литературѣ нельзя найти сходную параллель. — Далѣе, «въ настоящія рамки изслѣдованія»; какія опредѣлил г. Тимошенко на стран. XX, не входятъ слова Пушкина ,Судя, дружокъ, не выше сапога‘ (№ 179). Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ этими словами намекнулъ на извѣстный анекдотъ о живописцѣ Апеллесѣ и какомъ-то сапожникѣ, но, очевидно, о настоящей русской пословицѣ

пословицы, которыя взяты имъ изъ сборника Апостолія, и приводитъ ихъ частью въ латинскомъ переводѣ, частью въ подлинномъ текстѣ. Изъ нихъ укажемъ слѣдующія, несомнѣнно, византійскаго происхожденія (δημώδεις): 1) Lepori canis favet (Apostol. 8, 24); 2) Νέους φίλους ποιῶν, λῴστε, τῶν παλαιῶν μὴ ἐπιλανθάνου (Apostol. 12, 1=№ 297 у Тимош.); 3) Ὁ ἔχων πολὺ τοῦ πεπέρεως, τίθησι καὶ λαχάνους (Apostol. 12, 36).

1) См. интересную статью В. Н. Перетца, Изъ исторіи пословицы. (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ., томъ 317, 1898, май, стр. 104—117).

2) См. Н. Θ. Сумиога, Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ (Сборникъ Харьковскаго истор.-филол. общества, томъ IX, 1897, стран. 231—241).

здѣсь не можетъ быть рѣчи, вслѣдствіе чего эта фраза не встрѣчается въ сборникѣ Даля. Она въ русскомъ народѣ или въ русской литературѣ не сдѣлалась, кажется, даже и такъ-называемымъ ,крылатымъ словомъ'. Ил. Рѣдниковъ¹⁾, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ о ней лишь при латинской цитатѣ (Ne sutor supra crepidam, № 287), а въ отдѣлѣ русскихъ цитатъ (стр. 151—201) не приводитъ ея. Съ большимъ правомъ можно было бы привести извѣстные слова изъ басни Крылова (Пустынникъ и Медвѣдь) ,Услужливый дуракъ опаснѣе врага', соотвѣтствующія греческой пословицѣ ,Φίλος ἀνεπίκαρπος χείρων ἐχθροῦ' (у Апостоля 17, 83) и получившія настоящій провербіальный характеръ. Наконецъ, мы должны отвергнуть съ полной рѣшимостью мнѣніе г. Тимошенка о какомъ-то отношеніи знаменитаго изреченія Солона ,Γηράτῳ δ' αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος' къ русской пословицѣ ,Много будешь знать — скоро состарѣешься' (№ 19), не имѣющей съ нимъ ничего общаго. Греческое изреченіе совѣтуетъ намъ до конца жизни не пренебрегать никакимъ случаемъ для обогащенія новыми познаніями, а русская пословица надсмѣхается надъ неумѣстнымъ любопытствомъ. По мнѣнію г. Тимошенка, изреченіе Солона *«нѣсколько напоминаетъ нашу поговорку . . . Что русская поговорка . . . представляетъ передѣлку греческой, этого, конечно, нельзя утверждать, но нѣкоторое основаніе для такого предположенія мы усматриваемъ въ большомъ распространеніи и популярности греческой сентенціи . . . Что греческая пословица въ русской передѣлкѣ получила ироническій характеръ, это вполне соотвѣтствуетъ понятіямъ народа и т. д.»*. Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ выше охарактеризованными субъективными и нѣкоторымъ образомъ противорѣчащими самимъ себѣ соображеніями автора, ничего не доказывающими для научнаго рѣшенія вопроса.

Съ другой стороны, г. Тимошенко не вполне исчерпалъ весь существующій матеріалъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, сходныхъ съ греческими и латинскими. Прежде всего удивляемся, что онъ лишь кое-гдѣ мимоходомъ ссылается на св. Писаніе, какъ источникъ русскихъ поговорокъ, и не думаетъ объ особомъ отдѣлѣ такихъ изреченій, которыя въ значительномъ количествѣ заимствованы изъ славянскаго перевода Библии, основаннаго на греческомъ ея текстѣ. Уже Ив. Снегиревъ (Русскіе въ своихъ посл. I стр. 51 сл.) замѣтилъ: «Отъ чтенія и слушанія св. Писанія и Божественной службы многія назидательныя для жизни изреченія изъ оныхъ вошли въ пословицы народныя и поговорки» и привелъ нѣсколько примѣровъ, а полный сводъ таковыхъ можно найти, напр., въ вышеупомя-

1) Рѣдниковъ, Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. Вятка 1883.

путой книгѣ Ил. Рѣдникава (253 числомъ, на стран. 1—18). Мы ограничиваемся приведеніемъ одного лишь примѣра, а именно изреченія „Когда Богъ по насъ, то никто на насъ“ (Снегиревъ, Русск. послов. стр. 171, см. апостола Павла посланіе къ римл. 8, 31: *Ei ó θεός υπέρ ημῶν, οὐδείς καθ' ημῶν*), которое встрѣчается уже въ Моленія Даніила Заточника и было любимомъ во всѣхъ опасностяхъ поговоркою Петра I.

Важнѣе то обстоятельство, что отъ вниманія г. Тимошенка ускользнуло немалое число весьма характеристическихъ пословицъ, большею частью буквально сходствующихъ съ русскими, хотя онѣ почти всѣ находятся въ доступныхъ ему сборникахъ Апостоля, Плануда и пр., или у извѣстныхъ ему римскихъ писателей. Ниже мы даемъ рядъ такихъ опущенныхъ г. Тимошенкомъ примѣровъ, не претендуя, впрочемъ, на полноту нашего дополнительнаго матеріала. Къ нѣкоторымъ изъ византійскихъ пословицъ мы прибавимъ и соотвѣтствующую новогреческую параллель.

1) *Боицца, якъ чортъ ладону* (Носов. 117). — Ладону бѣгаетъ дьяволь, а дуракъ добраго слова (Снегир. 200, 5). — *Φεύγεις, ὡσπερ διάβολος ἐκ τοῦ θυμιάματός* (Wagner, carmina graeca medii aevi 153, 333). — *Ὁ διάβολος φεύγει ἀπ' τὸ θυμιάμα* (Ἀραβανт. 826).

2) *Жидъ жидомъ усѣгды смердзиць* (Носов. 43). — *Ἐβραῖος ὄζει καὶ βρωμεῖ καὶ ὄλη του ἢ θήκη* (Wagner, carmina gr. 156, 424). — *Βρωμᾷ ὁ Ὀβριδὸς καὶ ἡ τύχη του, βρωμοῦν καὶ τὰ καλά του* (Βενιζ. 43, 79).

3) *Что міру, то и мірянину.* — Что міру, то и бабину сыну (Даль 187). — *Ὡς ὁ κόσμος καὶ ὁ Κοσμᾶς* (Krumbacher № 47). — *Ὁπως ὁ κόσμος καὶ ὁ Κοσμᾶς* (Ἀραβ. 983).

4) *Который членъ не можно исцѣлить, лучше его отрубить* (Снегир. 181, 393; см. Ев. Матѳ. 5, 29 и Спрах. 25, 26). — *Μέλος, τό σε οὐ προκόπτει, κόψε καὶ ρίψε το* (Krumb. № 60).

5) *И твое мое и мое мое* (Даль 182). — *Τὰ σὰ ἐμὰ καὶ ἐγὼ ἄς γελῶ* (Krumb. № 91).

6) *Сама скажетъ сорока, итъ инъздо свила* (Даль 440). — *Ἀνόητος νεοττός ἐκὼν δείχνουσι τὴν ἑαυτοῦ νοσσιάν* (Apostol. 3, 17). — *Τὸ λωλὸ πουλί μοναχό του δείχνει τὴ φωλειά του* (Νεοελλην. Ἀνάλεκτα № 61).

7) *На чужой сторонѣ и жукъ мясо и старую бабу молодзицею назоветъ* (Носов. 90). — *Τὴν γραῦν εἰς τὰ κρωτῆριον αἰτανόφρον καλοῦσιν* (Apostol. 6, 54). — *Τὴν στραβὴν εἰς τὰ κρωτῆρι γαιτανόφρουδου τὴν κράζου* (Ducange, Lexicon; см. нашу статью въ Neue Jahrbücher für Phil. u. Pädag. 143, 1891, S. 6—8).

1) И. И. Носовичъ, Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ. Спб. 1874 (Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, томъ XII, № 2).

8) *Гости хозяина выжили* (Даль 123). — Ἐπηλυσ τὸν ἔνοικον (scil. ἐξέβαλεν, Apostol. 7, 76; cfr. Planud. 275).

9) *По мнѣ хотѣ несѣ, только бѣ яѣца несѣ* (Даль 765). — Ἔστω ταμίας, τά δ' ἄλλ' εἰ βούλει—χύων (Apostol. 8, 2; см. нашу статью въ Neue Jahrbücher 143, S. 6 ff.).

10) *Даѣ воли на палецѣ, всю руку откусятѣ* (Даль 212). — Εὐήθει δάκτυλον μὴ δείξης, ἵνα μὴ καὶ τὴν παλάμην σου καταπήγῃ (Apostol. 8, 10).

11) *Кто слова не боятся, тому и плоть не страшна* (Даль 320). — Ὅν οὐ τύπτει λόγος, οὐδὲ ῥάβδος (Apost. 12, 77). — Ὅποιον δὲ διορθώνει λόγος, μήτε ῥάβδος (Βενιζ. 204, 393).

12) *По капль дождь, а дождь рѣки поитѣ, рѣками море стоитѣ* (Даль 593). — Ψεκάδες ὄμβρον γεννώσαι λιμνάζουσιν ὕδατα (Apost. 18, 52; cfr. Sirac. 24, 31).

13) *Малая собака и до старости щенокѣ* (Снегир. 217, 5). — Μικρὸς ὄνος αἰεὶ πῶλος (Apost. 11, 60; Macar. 5, 99; Ps.-Diogen. 6, 64). — Μικρὸ γαδοῦρι πάντα πουλάρι (Βενιζ. 166, 236).

14) *Дзень дню розѣ, одинѣ матка, а другѣ мачиха* (Носов. 33). — Ἰному счастье мать, иному мачиха (Даль 51). — Ἄλλοτε μητριῆ πέλει ἡμέρα, ἄλλοτε μήτηρ (Apost. 2, 25; cfr. Hesiod. OD 825).

15) *Съмена съдимѣ, такѣ по урожаю тужить не станемѣ* (Даль 93). — Ἄσπορος ἀγρός, ἀμέριμνος οἰκονόμος (Ερнштедтѣ, Забыт. греч. послов. 2).

16) *Стоячая вода иметѣ* (Даль 285). — Ὑδωρ ἰστάμενον ὄξει (Ερншт., Заб. посл. 26; см. Man. Philes II 174, 1 Miller). — Τὸ ἀκίνητο νερὸ βρωμαίει (Βενιζ. 301).

17) *Послужи на меня, а я на тебя* (Даль 119). — Βοήθει μοι καὶ βοηθοῖήν ἄν σοι (Planud. 14). — Ἄμποσέ με νὰ σ' ἀμπώσω (Καβαδίας, Πρακτικὸς λόγος 373).

18) *Собаку мани, а палку держи* (Даль 739). — Τὸν κύνα ποίησον σύντεχνον καὶ τὸ ῥαβδίον σου βάσταζε (Planud. 52).

19) *Домашняго вора не убережешисѣ* (Даль 149). — Ἔσω κλέπτην καὶ ἔσω πόρνον, ὅποσα βούλει, ἐνέδρευε (Planud. 67).

20) *Будетѣ умньѣ, будетѣ и умньѣ* (Даль 474). — Δὸς πλοῦτον, δὸς φρόνησιν (Planud. 73).

21) *Wer einen Stehler bestiehlt, begeht wohl ein Unrecht, aber keinen Diebstahl* (Altmann, kleinruss. Sprichw. in Ermans Archiv 13, 217). — Ἀπὸ κλέπτου κλέψον καὶ ἀμαρτίαν οὐχ ἕξεις (Planud. 90; cfr. Krumb. № 2).

22) *Пущеной голубѣ изъ рукѣ, къ рукамѣ не возвратитсѣ* (Снегир. 346, 536). — Ἐχεινή ἢ φάσσα — ἐπέτασεν (Planud. 99).

23) *Лишняя доброта — дурота* (Носов. 73). — Ἡ πολλὴ καλοκαγαθία δίμοιρόν ἐστιν ἐμβρονησίας (Planud. 109).

24) *Μολμι, κολι Βοιζ ραζυμου νε δαλζ* (Δαλζ 477).— *Ὅταν ἀνόητος ἦς, μηδεὶς σου αἰσθανέσθω* (Planud. 129).

25) *Λζιβυῖ χοτῃ πρῶδῃ σκαζετῃ, νικτο νε ποσπριτῃ* (Снегир. 203, 63).— *Τί ἴδιον τῷ ψεύστῃ; Ὅτι καὶ ἀληθεὺς λέγων οὐ πιστεύεται* (Planud. 133; по Диогену Лаэртию — изречение Аристотеля, а по Пчелѣ — Эсопа, см. Семеновъ, Древняя русск. Пчела, стр. 284).

26) *У скупки возмешь, у нѣтки жѣ николи* (Носов. 169).— *Φειδωλὸς δώσει· Λαίμαργος οὐ δώσει* (Planud. 164). Русская пословица замѣнила прожору (мота) нѣткою (т. е. лицомъ, у котораго нѣтъ ничего), а смыслъ тотъ же самый: у того, кто берегаетъ, можно получить что-нибудь (по крайпей мѣрѣ, по смерти его), а у нищаго, какъ и у мота, ничего не возьмешь.

27) *Дай—такъ не слышитъ; а на—такъ услышалъ* (Δαλζ 673).— *Δός, ἱερεῦ — καὶ συνέστειλλε τὴν χεῖρα. Λαβέ — καὶ προέτεινε* (Planud. 171; см. Спрах. 4, 31).

28) *Крoвь не вода* (Δαλζ 286).— *Τὸ αἶμα ὕδωρ οὐ γίνεται* (Planud. 186).

29) *Собакии мoсць не идзець до небесъ* (Носов. 153).— *Ὅνου φωνὴ εἰς τὸν οὐρανὸν οὐκ ἀνέρχεται* (Planud. 192).

30) *Луха бѣда начало.* — Страшно дѣло до начину (Δαλζ 536).— *Πᾶσα ἀρχὴ δύσκολος* (Planud. 220).

31) *Лруше по мiру сбирать, чпмъ чужое брать* (Δαλζ 153).— *Αἴτει καὶ μὴ κλέπτε* (Planud. 224).

32) *Ключи въ карманѣ, а гумно сюръло* (Δαλζ 638).— *Ἀνθρωπε, ἐνεπρήσθη σου ὁ οἶκος· Οὐδὲν δεινόν· ἐγὼ γὰρ κατέχω τὴν κλεῖν* (Planud. 261).

33) *Hundert Hiebe schmerzen wenig, wenn man sie einem fremden Rücken diktiert* (Altmann, kleinruss. Sprichwörter in Ermans Archiv 13, 210).— *Ἐκατὸν πληγαὶ ἐπὶ νῶτα ἐτέρου οὐδὲν εἰσιν* (Planud. 269).

34) *Не было на бабу хлопотъ, такъ купила шелудивое порося* (Снегир. 260, 387; Носов. 100).— *Ἄλλος μὴ ἔχων δαίμονα ἠγόρασε γουροῦνιν* (Joh. Tzetzes, Chiliades 12, с. 418; cfr. ejusd. epistol. 87).— *Ἦ γρηὰ δὲν εἶχε διάβολο, κὶ ἀγόρασε γουρούνι* (Ἀραβανт. 427; см. п древнегреческую послов.: *Ἄνδρι Λυδῷ πράγματ' οὐκ ἦν, ἀλλ' αὐτὸς ἐξελθὼν ἐπρίατο*, Ps-Zenob. 1, 87).

35) *Нынче я, завтра ты, всякому своя очередь* (Снегир. 304, 1156).— *Ἦ τύχη ἐκείνου σήμερον, αὔριον ἡ ἐδική σου* (Mich. Glycas 375=Legrand, Bibl. gr. vulg. I; см. и Спрах. 38, 22).

36) *Сытѣи гoлоднаго не разумѣтѣ* (Δαλζ 75).— *Ὅποῦ ἐνι χορτασμένος, ποτὲ οὐ πιστεύει νηστικόν* (Mich. Glycas 117; см. Mich. Apostolii epist. ed. Noiret, p. 74, 1: *οἱ τὴν γαστέρα κεκορεσμένοι τοῖς πεινώσιν οὐ πιστεύουσιν*).

37) *Одинъ волкъ ионяетъ овецъ по.лкѣ* (Снегир. 307, 60).— *Εἰς λύκος δύνεται ἐκταράξαι ποίμνην* (Joh. Climax, Migne 88, 832 D; по Пчелѣ — из-

реченіе Александра Македонскаго, см. Семеновъ, Древняя русская Пчела, стр. 399).

38) *Не поинетши пчелъ, меду не псть* (Даль 145, изъ Вольнской лѣтописи).— Чтобы покойнѣе ѣсть медовый сотъ, надобно задавить пчелъ (любимая поговорка князя Романа Мстиславича Галицкаго, † 1205; см. Снегиревъ, Русск. въ св. послов. IV, 120).— Δεῖ πρότερον ἀποσοβεῖν τὰς μελίττας καὶ ἔπειτα τὸ μέλι σχολαίτερον ἀναρεῖσθαι (изреченіе одного полковника еруловъ—у Агаѳіа р. 149, 3 Bonn.).

39) *Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу* (Снегир. 17, 263; Носов. 33).— Ὁ τὴν ἡμέραν διδοὺς καὶ τὰ εἰς ἡμέραν σοι δώσει (Gregor. Naz.).

40) *Сытое брюхо къ ученью глухо* (Снегир. 393, 625). — Γαστήρ παχεῖα λεπτόν οὐ τίκτει νόον (Apostol. 5, 22*; cfr. Galen. περὶ ἰατρ. καὶ γυμναστ. с. 37).

41) *Обезьяна и въ золотомъ нарядѣ обезьяна* (Снегиревъ 304, 5).— Πίδηκος ὁ πίδηκος, καὶ χρύσεια ἔχη σύμβολα (Apostol. 14, 33; cfr. Lucian. adv. indoct. с. 4).

42) *Отъ худой курицы худыя яйцы* (Снегир. 317, 277).— Κακοῦ κόρακος κακὸν ὄν (Ps-Zenob. 4, 82; cfr. Lucian. Pseudol. с. 30).

43) *Голь мудрена* (Снегир. 73, 216).— Πενία δὲ σοφίαν ἔλαχε (Ps-Zenob. 5, 72).

44) *Не подобаетъ золотою удицею рыбы ловити* (Кіевск. Синопися, см. Снегир. 411, прим. 14). — Aureo hamo piscari (Suet. Octav. 25).

45) *У случая на затылкѣ нѣтъ волосовъ* (Снегир. 423, 263). — Fronte capillata post est occasio calva (Cato, distich. 2, 26; cfr. Phaedr. fab. 5, 8).

46) *Слеза скоро сохнетъ* (Снегир. 373, 239).— Lacrima nihil citius arescit (Cic. de invent. 1, 56, 109; изреченіе ритора Аполлонія, учителя Цицерона).

47) *Въ войну молчитъ судъ* (Снегир. 50, 457; В. Перетцъ въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. 1898 г. приводитъ изъ одной рукописи «Апотегматъ» XVII — XVIII в. слѣдующее мѣсто: Древле глѣють, во время брани молчатъ уставы).— Silent leges inter arma (Cic. pro Mil. 4, 10).

48) *Всякому свое мило.*— Всякому свое, и не мыто, бѣло (Снегир. 48, 425 и 424).—Suum cuique pulchrum est (Cic. Tusc. 5, 22, 63).

49) *Отъ кого чаютъ, того и величаютъ* (Снегир. 315, 241). — A quo plurimum sperant, ei potissimum inserviunt (Cic. de off. 1, 15).

50) *Калачъ въ руки, а камень въ зубы* (Снегир. 167, 132).— Altera manu fert lapidem, panem ostentat altera (Plaut. Aulul. 195).

51) *Нужда свой законъ нишетъ* (Снегир. 302, 1118). — Necessitas dat legem, non ipsa accipit (Publil. Syr. 399).

52) *Суженнаго не посужать* (Снегир. 387, 514). — Старыхъ дѣлъ не вчинати (Уложение царя Алексія Михайловича. XV, 2). — Actum ne agas (Ter. Phorm. 419; Donat.: Acta res est, de qua sententia prolata est).

53) *Льто родитъ, а не поле* (Снегир. 214, 253). — Ἔτος φέρει, οὐκ ἄρουρα (Theophr. hist. plant. 8, 7, 6).

54) *Гдѣ сила владѣетъ, тамъ законъ уступаетъ* (Снегир. 67, 86). — Βίαις παρούσης οὐδὲν ἰσχύει νόμος (Menandri Monost. 329).

55) *Порука — мука* (Снегир. 332, 238). — Ἐγγύα, πάρα δ' ἄτα (Plato Charm. 165 A; надпись на дельфійскомъ храмѣ).

56) *Криво какъ выступаетъ, да иначе не знаетъ* (Снегир. 183, 433). Καρχίνος ὀρθὰ βαδίζειν οὐ μεμάθηκεν (Apostol. 9, 50; cfr. Aristoph. Pac. 1083; Aesop. fab. 187 Halm).

57) *Нѣтъ такого дружка, какъ родимая матушка, да родимой ба-
тюшка* (Снегир. 303, 1148). — Οὐδὲν ἐν ἀνθρώποισι πατὴρὸς καὶ μητρός ἀμει-
νον ἔπλετο (Theogn. 131).

58) *Днями суть жизнию войны* (Снегир. 89, 149; слова Петра I въ его письмахъ 1711 г.). — Pecunia nervi belli (Cic. Philipp. 5, 2, 5). — Τὰ χρήματα νεῦρα τῶν πραγμάτων (Aeschin. in Ctesiph. 52, изреченіе Демосоена).

59) *Больше слушай, а меньше говори* (Снегир. 20, 326; Носов. 8). — Ἄκουε πολλά, λάλει καίρια (Arsenii violet. p. 148 Walz; изреченіе Біанга).

60) *Чашею нельзя вычерпнуть моря* (Моленіе Даніила Заточника). — Κοτύλη θάλατταν ἐξαντλεῖν (Theodor. Hyrtac. 36, 23 Boiss.). — Πέλαγος ἐξαντλεῖν κοτύλαις (Vita s. Symeonis junioris 235). — Κυάθῳ μετρεῖν θάλασσαν (Schol. ad Gregor. Naz. 198 Piccol.).

61) Мудрые люди говорятъ: *Доброму началу и конецъ бываетъ доб-
рый* (Князь Курбскій, истор. Ивана Грозн.). — Ὡς πάντα πράγματ', ἦν κα-
λὰς ἀρχὰς λάβῃ, καλῶς τελευτᾶν καὶ μεσοῦν φιλεῖ βροτοῖς (Fragm. trag. adesp. 433 Nauck).

Курбскій продолжаетъ: «И наоборотъ: *Злое злымъ и оканчивается*», чему соотвѣтствуетъ изреченіе Еврипида: Κακῆς ἀπ' ἀρχῆς γίγνεται τέλος καχόν (Eurip. fragm. 32 Nauck).

Мы перейдемъ теперь къ нѣсколькимъ возраженіямъ и дополненіямъ, касающимся отдѣльныхъ мѣстъ разбираемаго сочиненія.

№ 15, стран. 11: Каменное сердце.

Авторъ могъ бы упомянуть о томъ, что это выраженіе встрѣчается уже въ Моленіи Даніила Заточника. Съ другой стороны, упомянутое авторомъ выраженіе Платона, λίθος, μήτε ὧτα μήτ' ἐγχείφαλον ἔχων, ничего общаго не имѣетъ съ разсматриваемымъ сравненіемъ безжалостнаго человѣка съ камнемъ. Слова Платона содержатъ въ себѣ обозначеніе глупости и

соотвѣтствуютъ одному мѣсту Плавта ,Neque habet plus sapientiae, quam lapis (Miles glor. 236; см. и Poenul. 291: Tu es lapide silice stultior).

№ 16, стр. 12: «Латинская сентенція ,Ubi bene, ibi patria', заимствованная изъ греческихъ источниковъ и уже сроднившаяся съ русскимъ литературнымъ языкомъ, къ чести русскаго народа, осталась ему *совершенно чуждой*».

Этому взгляду г. Тимошенка, очевидно, противорѣчатъ слѣдующія русскія пословицы: ,Всякая страна челоуѣку отечество' (Снегир. 46, 375); — ,Не тамъ родина, гдѣ мать родила; а тамъ и рай, гдѣ добрый край' (Снегир. 494, 61); — ,Идѣй добрый край, тамъ и подь елю рай' (Носов. 54). И. Снегиревъ (Русскіе въ св. посл. I 118, 6) приводитъ и сербскую пословицу, буквально сходствующую съ латинской: ,Гди намъ е добро, онде и отечество'.

№ 26: Волка въ пастухи поставили.

Г. Тимошенко, приводя изъ псевдо-Диогеніана 7, 63 и Апостоля 14, 96 греческую поговорку ,Прὶν κε λύκος εἶν ποιμαίνη', не обратилъ вниманія на критическую замѣтку подь текстомъ, гдѣ издатели Геттингенскаго сборника вмѣсто невозможной формы ποιμαίνη возстановили форму ποιμαίνοи, требуемую правилами греческой грамматики.

№ 37: Дважды жена мила бываетъ; какъ въ избу введуть, да какъ вонь понесуть . . . «Поговорка, неизвѣстная, кажется, въ другихъ новѣйшихъ языкахъ».

Это невѣрно; мы укажемъ, напр., на французскую пословицу ,Deux bons jours à l'homme sur terre, Quand il prend femme et qu'il l'enterre'.

№ 40: Чужую пашню пашеть, а своя въ залежи . . . «Нашу поговорку можно примѣнить и къ мужу, покидающему свою жену и ухаживающему за чужою женою, — *такой именно смыслъ* имѣють двѣ классическихкія поговорки, греческая и латинская. Первая принадлежитъ Теогниду: ,Ἐυθαίρω ἄνδρα μάργον, ὃς τὴν ἀλλοτρίην βούλετ' ἄρσουραν ἀροῦν и т. д».

Что греки употребляли эту сентенцію не только въ эротическомъ смыслѣ, показываетъ изреченіе Сократа, сохранившееся въ Пчелѣ (Семен., стран. 68 сл.): Οἱ ἀδελφοὺς παριέντες καὶ ἄλλους φίλους ζητοῦντες παραπλήσιοι εἰσι τοῖς τὴν ἑαυτῶν γῆν ἐῶσι, τὴν δὲ ἀλλοτρίαν γεωργοῦσιν.

№ 43: На безрыбьи и ракъ рыба.

Попытка г. Тимошенка узнать несомнѣнный прототипъ этой простонародной пословицы (см. и похожую ,На чужой сторонѣ и жукъ мясо, Носов. 90) въ греческомъ стихѣ ,Ἐν γὰρ ἀμηχανίῃ καὶ Καρκίνος ἐμμορε τιμῆς' — слишкомъ смѣла и неосновательна, и, несмотря на рѣшительныя увѣренія автора, немногіе съ этимъ согласятся.

№ 49: Не плюй въ колодець, случится напиться. . . «Къ римлянамъ и къ западно-европейскимъ народамъ эта пословица, кажется, не пропала».

Мнѣніе г. Тимошенка не оправдывается, такъ какъ та же пословица имѣется, напр., у французовъ и поляковъ (*Ne crachez pas dans le puits, Qui peut un jour servir à vous désaltérer. — Nie plwaj do wody, bo sam się napijesz*). Здѣсь опять оказывается, что г. Тимошенко, обращая все вниманіе лишь на древнюю литературу, съ полнымъ пренебреженіемъ пословицами повѣйшихъ народовъ, пришелъ къ невѣрнымъ выводамъ. Слова Эхила, Βορβόρω ὕδωρ λαμπρόν μαίνων οὔποθ' εὐρήσεις ποτόν', къ которымъ г. Тимошенко старается возвести происхожденіе русской поговорки, представляеть весьма несходный способъ выраженія, между тѣмъ какъ опущенныя имъ пословицы на французскомъ и польскомъ языкахъ дословно совпадаютъ съ русскою.

№ 57: «Слова Тиресія у Еврипида, Μῶρα γὰρ μῶρος λέγει' *озъ позднѣйшихъ источникахъ* приводятся какъ proverbialное выраженіе и соотвѣтствуютъ нашей поговоркѣ: У дурака дурацкая и рѣчь».

Интересно, что тѣ же самыя слова встрѣчаются уже въ Ветхомъ Заветѣ у Исаіи (32, 6: Ὁ γὰρ μωρὸς μωρὰ λαλήσει), на что часто намекаютъ византійскіе писатели, напр., Georg. Monach. p. 772, 15 и 776, 20 Вонн.

№ 60, стран. 47, выноска 1.

Здѣсь попадается странная цитата: «Luc. de oeso 20». Заглавіе сочиненія Лукіана, на которое г. Тимошенко ссылается, по-гречески значится — περὶ οἴκου, а по-латыни — de domo.

№ 85: Бабы сказки.

Мы укажемъ на одно мѣсто изъ переписки князя Курбскаго съ царемъ Иоанномъ Грознымъ: «Тутъ же говорится и о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя бабы басни», гдѣ выраженіе «бабы басни» точнѣе, чѣмъ приведенная г. Тимошенко поговорка, соотвѣтствуетъ латинскому выраженію *aniles fabellae*'.

№ 89: Просьба паньска ривно з наказомъ хѳдить.

Къ приведеннымъ въ сочиненіи г. Тимошенка параллелямъ этой малорусской пословицы мы прибавимъ одну византійскую пословицу изъ Планудова сборника (№ 243: Πλουσίσι παράκλησις, πτωχοῦ βία, о смыслѣ которой мы говорили въ Neue Jahrbücher 143), и также одну русскую поговорку изъ Даля, стран. 788: Барская просьба — строгій наказъ.

№ 95: Изъ двухъ золь выбирай меньшее.

Здѣсь относятся слова Петра I о прутскомъ мирѣ 1711 г. «Лучше изъ двухъ золь легчайшее выбрать (Снегир. 152, 95).

№ 96: «Поговорка ,Привычка — вторая природа‘. . . раньше всего встрѣчается у Аристотеля въ слѣдующей формѣ: Καὶ γὰρ τὸ εἰθισμένον ὡσπερ πεφυκὸς ἤδη γίγνεται».

Болѣе раннимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ также по формѣ ближе подходящимъ источникомъ этой поговорки представляется одинъ стихъ неизвѣстнаго аттическаго трагика: Μελέτη χρονισθεῖς εἰς φύσιν καθίσταται (Trag. adesp. fragm. 516 Nauck, cfr. Stob. ecl. eth. 2, 6, 6).

№ 102, стран. 74: «Нѣкоторыя изъ сентенцій Менандра сохранились въ русскихъ народныхъ поговоркахъ, напр., сентенція ,Λέοντι συζῆν ἢ γυναικὶ συμβιοῦν‘. . въ рукописи Григорія Богослова¹⁾ находится въ буквальномъ переводѣ: ,со львомъ лучше жити, нежели съ женою злою‘, а въ современной поговоркѣ, ради риѣмы, допущено измѣненіе: лучше жить со змѣею, чѣмъ со злою женою».

Соображеніе г. Тимошенка, что будто-бы такое измѣненіе и передѣлка Менандровой сентенціи произошли на русской почвѣ ради риѣмы, не оправдывается, если принять во вниманіе, что сопоставленіе злой жены со змѣею встрѣчается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ (у Сираха 25, 16), откуда оно вошло и въ Пчелу: Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι εὐδόκησαι ἢ συνοικῆσαι μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς = Превывати изъколи со лвѣ и змѣѣ, нежели с'женюю лѣвакою (Семеновъ, стран. 418).

№ 103, стран. 75: «Моностихъ Менандра . . . ,Θάλασσα καὶ πῦρ καὶ τρίτον κακὴ γυνή‘. . въ русской народной поговоркѣ, не имѣющей параллелей въ друиыхъ, даже славянскихъ языкахъ, измѣненъ: Отъ пожара, отъ потопа, отъ злой жены, Боже, охрани».

Есть параллели на нѣмецкомъ и на чешскомъ языкахъ: Vor einem bösen Weibe, vor Feuer und vor Wassersnot, behüt uns, lieber Herre Gott. — Ohně, povodně a zlé ženy uchovej nas, Pane.

№ 104: «Наша поговорка ,Богъ другого любя прибереть‘ ведетъ начало изъ классической древности».

Непонятно, почему г. Тимошенко сократилъ полную форму этой поговорки, гласящей: ,Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ помретъ; а другого, любя прибереть‘. Вслѣдствіе опущенія первой части изреченія неяснымъ дѣлается отношеніе слова ,другого‘.

№ 111, стран. 82: «Χρυσὸς μὲν οἶδεν ἐξελέγγυσθαι πυρὶ . . . ,т. е. золото на огнѣ можетъ быть испытано»

1) Недавно М. И. Сперанскимъ (Разумѣнія единострочныя Григорія Богослова и Разуми мудраго Менандра въ русскомъ переводѣ. Спб. 1898) доказано, что этотъ небольшой сборникъ гномическихъ стиховъ, до сихъ поръ извѣстный лишь въ русскомъ переводѣ, не что иное, какъ самостоятельная краткая редакция извѣстныхъ Менандровыхъ стиховъ, на которую, по какимъ-то соображеніямъ, перенесено было знаменитое имя Григорія.

Переводъ г. Тимошенка неточенъ; слово *οἶδε* часто соотвѣтствуетъ латинскому выраженію ‚*solet*‘. Въ русской Пчелѣ, въ составъ которой вошелъ и этотъ стихъ Менандра, переведено: **Злато ѿскоушакѣ ѿгнемъ...** (Семеновъ, стран. 67).

№ 112: Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто . . . «Вотъ всѣ литературные источники нашей пословицы, не имѣющей, кажется, параллелей въ другихъ языкахъ».

Та же поговорка въ ходу и на пѣмецкомъ языкѣ: *Der Platz ehrt nicht den Menschen, sondern der Mensch den Platz.*

№ 115: Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не малывался. (или: тотъ горя не видалъ). «Замѣчательно, что эти сентенціи . . . *не имѣющія параллелей въ другихъ языкахъ*, кромѣ нѣкоторыхъ польскихъ поговорокъ, обѣ перешли въ русскій языкъ».

Г. Тимошенко опять-таки ошибается. Въ каждомъ сборникѣ пословицъ новѣйшихъ народовъ, какъ напр. у Düringsfeld¹⁾ онъ могъ бы найти параллели на нидерландскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ: *Die niet ter zee vaart, weet niet, wat God is; — Qui veut apprendre à prier, aille souvent sur la mer; — Chi no va per mar, Dio no sa pregar.* И. Снегиревъ (Русск. народн. посл., стр. 190, выноска 96) изъ одного (точнѣе не обозначеннаго) «Древняго стихотворенія» приводитъ русскую пословицу въ слѣдующемъ видѣ: Кто на морѣ не бывалъ, отъ желанья Богу не малывался.

№ 120, стран. 90: «Отсюда произошла пословица ‚*Εἰς κόλπον πτύεις*‘, употреблявшаяся въ смыслѣ: Ты слишкомъ хвастаешь . . . Отсюда же произошло и противоположное выраженіе ‚*Εἰς κόλπον οὐ πτύει*‘, примѣнявшееся также къ хвастливымъ, надменнымъ людямъ».

Всякій внимательный читатель удивится тому, что смыслъ предложенія ‚*πτύεις εἰς κόλπον*‘ будто-бы не измѣняется прибавленіемъ отрицанія, и что оба предложенія, и положительное и отрицательное, безразлично могутъ быть примѣнены къ тому же предмету, т. е. къ хвастливымъ людямъ. Г. Тимошенко здѣсь слишкомъ довѣрился испорченному преданію нѣкоторыхъ списковъ пареміографовъ, хотя большинство ихъ сохранило вѣрное чтеніе. Греки сказали: ‚*εἰς κόλπον πτύεις*‘ о людяхъ, которые, боясь гнѣва боговъ, не хвастали (*ἀντί τοῦ οὐ μεγαλορρημονεῖς*, Gregor. Cyr. 2, 54; Suidas еще прибавляетъ слово *εὐλαβούμενος*) и на оборотъ ‚*εἰς κόλπον οὐ πτύει*, о людяхъ надменныхъ (*ἐπί τῶν μεγαλαύχων*, Ps—Diogen. 4, 82^b). Что въ одной рукописи Григорія Кипрскаго (cod. Mosq. 3, 27) и у Апостолія (6, 64) въ прибавленномъ толкованіи первой пословицы ошибочно опущено

1) Ida v. Düringsfeld und Otto v. Reinsberg-Düringsfeld, Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen. Leipzig. I. II. 1872. 1875.

словечко сѹ, это обстоятельство объясняется весьма просто и не заслуживаетъ никакого вниманія.

№ 127, стран. 93: «Михельсонъ (Мѣткія и ходячія слова) приводитъ (безъ показанія источника) старинное церковно-славянское изреченіе, буквально соотвѣтствующее классической поговоркѣ: Злѣ прибрѣтенное злѣ и пропадаетъ».

Это старинное славянское изреченіе, вѣроятно, взято изъ извѣстнаго, на Руси весьма популярнаго разказа о царѣ Синагрипѣ и мудромъ Акирѣ, славянскій текстъ котораго, къ нашему сожалѣнію, намъ не доступенъ, но мы основываемъ наше предположеніе на нѣмецкомъ его переводѣ, изданномъ въ I-мъ томѣ журнала *Byzant. Zeitschrift*; тамъ значится на стран. 118: *Mein Sohn Anadan, das ungerecht Zusammengebrachte wird schnell zerrennen.*

№ 128: «Уже Снегиревъ въ своей книгѣ, на которую мы не разъ ссылались, замѣтилъ, что русская пословица ‚На языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ‘ представляетъ большое сходство съ Плавтовымъ стихомъ: *In melle sunt linguae sitae vestrae . . . , corda in felle sunt sita . . .* Какимъ путемъ латинское proverbіальное выраженіе перешло къ намъ, на это нѣтъ никакихъ указаній».

Есть нѣкоторое указаніе на время, когда это выраженіе перешло къ русскимъ, такъ какъ уже гонецъ Скобельцинъ отъ царя Іоанна Васильевича примѣнилъ эту пословицу къ императору Максимилиану I (въ слѣдующемъ видѣ: на языкѣ у него сладко, а у сердца горько, см. Снегиревъ, Русскіе въ св. посл. IV, 133).

№ 142: Растравлять старую рану. — Трогать за больное мѣсто. «Соотвѣтствующее нашей поговоркѣ греческое выраженіе встрѣчается у Плутарха: *κνίσειν* (или *κινεῖν*) *ἔλκος* (*Plut. de adul. et am. 24*, гдѣ, вмѣсто *κνίσαντος* нѣкоторые читаютъ *κινήσαντος*, *cfr. Erasmi adag. I, 6, 79*)».

Г. Тимошенку удалось отыскать параллель для только второй изъ русскихъ поговорокъ (*ulcus tangere* — у Теренція). Но имѣются таковыя и для первой, напр., *Nili epist. 3, 223: τραύματα ἀναζαίνειν*; *Photii epist. 1, 14* (р. 745 В. Migne): *ἐπιζαίνειν τῇ μνήμῃ τοὺς μώλωπας*; *Planud. epist. 5, 42: παλαιὰ τραύματα ἀναζαίνειν*. Что касается приведеннаго г. Тимошенкомъ Плутархова текста, то нельзя одобрить, что онъ удовлетворился цитатою стариннаго гуманиста Эразма и не провѣрилъ ея по новѣйшимъ изданіямъ Плутарха; тамъ онъ нашелъ бы, что единственно вѣрное чтеніе въ этомъ мѣстѣ — *κνήσαντος* (отъ глагола *κνάω*).

№ 154: За двумя зайцами погонишься, и одного не поймашь. «Изреченіе приписывается Публилію Сиру, хотя, кажется, ошибочно; на греческомъ языкѣ оно приводится у Апостолія и Эразма, но безъ указанія источ-

ника». Къ этому примыкаетъ слѣдующая выписка: «Leutsch даетъ указаніе: Publ. Syri sent. 404, но въ изданіи G. Meyer'a . . . этого изреченія нѣтъ».

Дѣло въ томъ, что F. H. Vothe въ сборникѣ *Poetae scenici lat.* (vol. 5) впервые, безъ всякаго основанія, включилъ въ разрядъ стиховъ Публилія Сира и нѣкоторые латинскіе стихи, которые представляютъ собою переводъ сохранившихся у Апостоля византійскихъ пословицъ, сдѣланный во время возрожденія наукъ¹⁾, а Лейчъ, не принимая этого обстоятельства во вниманіе, приводилъ ихъ какъ настоящія изреченія Публилія. Поэтому г. Тимошенко правъ, если ему кажется ошибочнымъ приписывать указанное изреченіе Публилію Сиру, по непонятно, почему онъ самъ, несмотря на это, помѣстилъ эту фразу, принадлежащую къ другимъ византійскимъ пословицамъ, — подъ заголовкомъ «П. Сиръ».

№ 156: Нѣтъ дыму безъ огня. — Гдѣ дымъ, тамъ и огонь. «У грековъ не было этой пословицы; прототипомъ современныхъ поговорокъ служитъ сентенція П. Сира: *Numquam ubi diu fuit ignis, defecit vapor*».

Изъ этихъ сужденій первое невѣрно, такъ какъ эта поговорка попадаетъ, напр., въ Алексіадѣ Анны Комнины (II, 137, 11: *Τὸν καπνὸν πρὸ τοῦ πυρὸς παρεμφαίνειν*), а второе — сомнительно, такъ какъ та же мысль имѣется уже у Сираха (22, 24: *Πρὸ πυρὸς ἀτμίς καμίνου καὶ καπνός*).

№ 158: «Русская поговорка ‚Добрая слава дороже богатства‘ . . . заимствована изъ П. Сира».

Дѣло, опять-таки, не такъ несомнѣнно, какъ представляется г. Тимошенко. Уже въ притчахъ Соломона (22, 1) мы находимъ весьма сходную фразу: *Αἰρετώτερον ὄνομα καλὸν ἢ πλοῦτος πολὺς*.

№ 162: Бѣшеному не давай ножа въ руки.

Г. Тимошенко пришлось бы упомянуть объ интересномъ фактѣ, что уже Даніилъ Заточникъ въ Моленіи сказалъ: ‚Лютѣ бѣснующемуся дати ножъ, а лукавому власть‘, что, несомнѣнно, взято имъ изъ русской Пчелы (см. Семеновъ, страп. 112).

№ 170: Въ маѣ добрые люди не женятся.

Мы укажемъ на любопытную параллель на цовогреческомъ языкѣ: *Τὸ Μάη πανδρέουονται οἱ γαιδάροι*, т. е. въ маѣ женятся ослы.

№ 176: У смерти на глазахъ всѣ равны.

Приведенныя г. Тимошенко латинскія параллели (*Aequat omnes cinis; impares nascimur, pares morimur* — у Сенеки; *Omnia mors aequat* — у Клаудіана), по отношенію къ способу выраженія, мало сходятся съ русской фразою. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ переводъ

1) См. объ этомъ Wölfflin, *Publ. Syri sententiae, prolegg.* p. 31.

нѣмецкой поговорки ,Vor dem Tode sind alle gleich; см. и французскую фразу ,Personne n'est relevé devant la mort pour être mineur‘.

№ 190, стран. 122: «Пословицу ,Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ‘ привелъ Иоаннъ Грозный въ 1563 году въ переговорахъ съ Польшею».

Интересный разсказъ о примѣненіи Петромъ I этой пословицы приводится у Снегирева (Русскіе въ св. посл. IV, 162): Однажды комнатный Петра I, Кикинъ, покусился было застрѣлить соннаго Государя, но пистолеть трижды осѣкся, и злодѣй, разбудивъ царя, сказалъ ему, что «онъ посланъ отъ Бога сказать, что промыслъ святой содержитъ Петра I въ отмѣнномъ покровительствѣ и что никакая сила вражія не можетъ погубить его. Я хотѣлъ тебя застрѣлить, но Богъ не допустилъ». Государь, спокойно выслушавъ его, отвѣчалъ: «Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ. Богъ тебя проститъ».

№ 193: «Прὸ τῆς γενεαῶδος διδάσκεις τοὺς γέροντας, гласитъ греческая пословица (у Apostol. XIV, 94)».

Г. Тимошенко могъ бы прибавить, что приведенныя слова — взяты изъ одного сочиненія Григорія Назіанзина (ор. in fest. Eriphan.).

№ 198: «Наше выраженіе ,И во снѣ не видывалъ‘ соотвѣтствуетъ греческому οὐδ’ ὄναρ съ какимъ-нибудь глаголомъ, напр. у Плутарха».

Такъ какъ эта поговорка встрѣчается уже у Еврипида (fragm. 107 Nauck), то пришлось бы, по принятому авторомъ принципу, поставить ее гораздо раньше подъ № XVI.

№ 204: Шерсть стриги, а шкуры не дери. «У сербовъ латинская сентенція ,Bonі pastoris est tondere pecus, non deglubere‘ (у Светонія) употребляется въ буквальномъ переводѣ: Доброга е пастыра овце стричи, а не дерати».

Г. Тимошенко могъ бы найти у Снегирева (Русск. народн. посл. стр. 93, 216) и русскую пословицу, вполне сходную съ латинской: Доброга пастыря дѣло овецъ стричь, а кожи не сымать.

№ 209: «Наша поговорка ,Житье, что гороху при дорогѣ‘, неизвѣстная въ новѣйшихъ языкахъ . . .»

Это невѣрно. На нѣмецкомъ языкѣ, напр., говорится: Er gehört zu den Erbsen an der Strasse. Кроме того, у г. Тимошенка недостаетъ любопытнаго факта, что уже Даніиль Заточникъ похожимъ образомъ выразился въ Моленіи: Я какъ дерево, растущее при дорогѣ, которое всѣ мимоходящіе посѣкаютъ.

№ 213: Воду толочь въ ступѣ. «У Апостоля въ числѣ пословицъ находится Ὑπέρω ὕδωρ πλήττειν, и можно съ увѣренностью сказать, что наша поговорка есть просто переводъ греческой».

Мы думаемъ, что точный переводъ греческой пословицы по-русски

значился бы ,пестомъ толочь воду', и что русская поговорка гораздо ближе подходит къ нѣмецкой (Wasser im Mörser stossen) или къ французской (Dans un mortur de l'eau ne pile).

№ 215: Некогда даже за ухомъ почесаться. «Такая же точно поговорка была и у грековъ: Οὐδ' ὄσον κνήσασθαι τὸ οὖς σχολήν ἄγω. Выраженіе это находится у одного Лукіана».

Мы нашли эту фразу также въ письмахъ Пселла (р. 249 Sathas): ὡς μήτε τὸ οὖς κνᾶσθαι δύνασθαι, τοῦτο δὴ τὸ λεγόμενον.

№ 222: Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.

И. Снегиревъ (455, 165) указалъ на любопытное мѣсто Несторовой лѣтописи: «Имяху бо обычай свои и законъ отцевъ своихъ и преданья и кождо свой нравъ». Употребилъ эту пословицу и кіевскій митрополитъ Петръ Могила въ «Лпоосѣ» (1644 г., стр. 20: что городъ, то норовъ).

№ 232: Голь какъ колъ. «Последнюю пословицу (т. е. ὑπέρου γυμνότερος — у Григорія Кипрскаго и Апостолія) мы нашли еще у византійскаго историка Никиты Хоніата».

Эта поговорка, впервые встрѣчающаяся въ Притчахъ Соломона (23,31), у византійскихъ писателей весьма распространена, см. напр. Theoph. contin. 194, 2; Const. Manasses chron. 3243; Planud. epist. 62, 26 и т. д.

№ 233: Давно, когда царь Горохъ съ грибами воевалъ.

Предположеніе г. Тимошенка отождествить загадочнаго царя Гороха съ извѣстнымъ египтскимъ царемъ Кодромъ — весьма неправдоподобно. Хотя съ именемъ послѣдняго связывалось у грековъ понятіе какой-то отдаленной древности (ἀρχαιότερος Κόδρου), гипотеза, что «какой-нибудь грамотѣй передѣлалъ имя Κόδρος на Горохъ, руководясь лишь нѣкоторымъ созвучіемъ», слишкомъ натянута и фантастична, чтобы она заслуживала уваженія. И. Носовичъ (сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, стран. 178) того мнѣнія, что тутъ указывается на Генриха Французскаго, бывшаго королемъ польскимъ.

№ 239: Одна паршивая овца все стадо испортить.

Г. Тимошенко привелъ лишь латинскія параллели (Изъ Иеронима и Амбросія). Мы нашли также греческую у Константина Манассія (4, 45 Hercher): Ὁλὴν ἀγέλην ψωριῶν ἐν ζῶον διαφθείρει.

№ 241: «Интересно узнать источникъ нашей поговорки ,строить воздушные замки' ... У блаж. Августина встрѣчается *очень близко подходящее* къ нашему выраженію: subtracto fundamento in aëre aedificare».

По нашему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что русская поговорка представляетъ буквальный переводъ нѣмецкаго выраженія: Luftschlösser bauen.

№ 245: Огонь да вода супостаты. — Ἀλλότριον τὸ πῦρ τοῦ ὕδατος.

Эта пословица, которую г. Тимошенко считаетъ заимствованною у Иоанна Дѣствичника, попадаетъ уже въ сочиненіяхъ св. Василія и отсюда вошла въ Пчелу, см. Семеновъ, Древняя русская Пчела, стр. 260: ὡς περ γὰρ ὕδωρ πολέμιόν ἐστὶν πυρὶ . . . = кажеже вода прогнеться ѡгнени . . .

№ 247: Какъ зѣницу ока (беречь). — Ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ. «Выраженіе взято изъ Второзак. 32, 10 или изъ Псалм. 16, 8».

Кромѣ того она встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ въ Притчахъ Соломона (7, 2) и у Сираха (17, 22); отсюда оно перешло въ Пчелу (см. Семен., стр. 86). Употребилъ эту поговорку и Домострой Сильвестра: Отцы должны . . . хранить ихъ (т. е. своихъ дѣтей) отъ всякаго грѣха, какъ зѣницу ока, какъ свою душу.

Стран. 149, выноска 1: «Выраженіе Ἐπαναστρέφονται εἰς τὸν ἴδιον ἔμε- τον' у насъ не сдѣлалось пословицей и мы ограничимся указаніемъ источника: оно взято изъ II-го посланія ап. Петра».

Но апостоль Петръ, съ своей стороны, заимствовалъ эту пословицу изъ Ветхаго Завѣта (Prov. 26, 11).

№ 251: Рога приставить мужу. — Рогоносець.

Г. Тимошенко извѣстенъ одинъ лишь примѣръ этого выраженія (изъ Никиты Акомината, писателя XII—XIII в.). Однако, эта фраза, весьма популярная у греческихъ писателей, встрѣчается уже у Артемидора, писателя II-го вѣка, 2, 11: ὅτι ἡ γυνή σου πορνεύσει καὶ τὸ λεγόμενον κέρατα αὐτῆ ποιήσει; см. и epigr. Lucill. in Anthol. Palat. 11, 278: κερασφόρος; Mich. Psellus p. 525 — 527 Sathas, vol. 5: Πόθεν τὸ τοῦ κερατᾶ ὄνομα; Manuel Philes I, 232, 2 Miller: κερασφόρος; Ps-Kodin. de aedific. p. 119, 19 Bonn.: ὅστις εἶγεν ὑποληψίαν τοῦ εἶναι κερατίαν.

Стран. 154, выноска 3: «Иначе выражена та же мысль у Apostol. XV, 60: Σπάνιον εἶσαγε σὸν πόδα πρὸς σὸν φίλον, ἵνα μὴ πλησθεῖς σου μισήσῃ σε».

Г. Тимошенко не принялъ во вниманіе, что эта фраза взята Апосто-ліемъ изъ Притчей Соломона (25, 17).

№ 273: Ἐνθα πολλοὶ πτύουσι, πηλὸς γίνεται.— Миръ по слюнкѣ плю-петь, такъ море. «Въ другихъ языкахъ этой пословицы, кажется, нѣтъ».

Г. Тимошенко могъ бы у Снегирева (Русскіе въ св. посл. I, 64, 23) найти одну татарскую пословицу, слово въ слово сходную съ византийскою: Ежели многіе плюютъ, то дѣлается озеро.

№ 278: Ἀνοήτου ῥάπτου μακρὸν τὸ ῥάμμα. «Въ новогреческой параллели, вмѣсто глупаго, лѣнивый портной: Ὀκνὸς ὁ ῥάφτης, μακρὰ ἢ κλωστή του».

Въ новогреческомъ языкѣ имѣется и та форма, въ которой говорится о глупомъ портномъ: Παλλὸς ὁ ῥάφτης, μακρὰ ἢ κλωστή του (παλλός = треλλός = глупый).

№ 279: Μουμένω τῷ λύκῳ ἐκέλευον εἰπεῖν ἀμήν, ὁ δ' ἔλεγεν· ἀρνίον. «У насъ тоже говорится про чорта: Какъ черта ни крести, а онъ все кричитъ: пусти».

Г. Тимошенко пропустилъ другую русскую параллель, значительно ближе подходящую къ византійскому образцу: Амипъ, а головой въ овипъ (Снегиревъ, 3, 60).

№ 295: Рыба отъ головы тухнетъ. «Пословица эта взята буквально съ греческаго: Ἰχθὺς ἐκ τῆς κεφαλῆς ὄζειν ἄρχεται».

Еще замѣчательнѣе обнаруживается буквальное сходство въ вариантѣ этой пословицы, приведенномъ Снегиревымъ (358, 178): ‚Рыба начинаетъ портиться съ головы‘, гдѣ является характеризующій глаголь ‚начинаетъ‘ = ἄρχεται.

№ 303: Лучше споткнуться ногою, нежели словомъ.— Satius est equo labi, quam lingua.

Г. Тимошенко помѣстилъ эту сентенцію между схоластическими пословицами, не нашедши литературныхъ его источниковъ, хотя таковыхъ не мало въ довольно отдаленномъ времени. Впервые эта сентенція является въ Ветхомъ Завѣтѣ у Сираха (20, 18): Ὀλίσθημα ἀπὸ ἐδάφους μᾶλλον ἢ ἀπὸ γλώσσης. Далѣе, она встрѣчается въ разказѣ о царѣ Синагрипѣ (Es ist besser mit dem Fusse als mit der Zunge anstossen, см. Byz. Zeitschrift I, 115) и въ Пчелѣ (см. Семеновъ, стр. 309). У византійскихъ писателей она весьма въ ходу, см. напр. Joh. Climax p. 852 С. Migne; Joh. Cantacuz. I, 316, 2 и т. д.

№ 312: Ferrum, dum in igne candet, cudendum est. — Куй желѣзо, пока горячо.

Эта «схоластическая» пословица восходитъ также къ болѣе раннему времени. Она попадаетъ уже у Григорія Назіанзина (ор. in s. lavacrum): Ἔως θερμός ὁ σίδηρος, τῷ ψυχρῷ στομωθήτω, см. и Nicet. Chon. hist. 159, 3 и Nicephor. Gregoras hist. I, 223, 10. Употребилъ ее и Петръ I, предъ сраженіемъ съ Левенгауптомъ въ 1706 г. (въ письмѣ къ фельдмаршалу Шереметеву): Время подобно желѣзу горящему, которое, если остынетъ, не удобно къ кованію будетъ (Снегиревъ, Русск. въ св. посл. IV, 197).

Наконецъ, еще замѣтимъ, что въ типографскомъ отношеніи г. Тимошенко не позаботился о надлежащей опрятности изданія. Не только знаки ударенія и придыханія греческихъ словъ напечатаны въ безчисленныхъ случаяхъ ошибочно, но и въ отдѣльныхъ буквахъ греческихъ, латинскихъ и даже русскихъ словъ, въ цифрахъ и т. п. слишкомъ многія опечатки остались авторомъ незамѣченными. Составленіемъ послѣднихъ мы и ограничимся. Напечатано на стран. IV, 5 св. 11 (вм. 21); VI, 15 см. опущена цифра 151; стран. XIV, 16 св. яла (вм. яли); XVII, 6 см. Szelincki (вм.—

linski); XXI, 17 св. сохранились (вм. — ились); XXI, 7 сн. флорентпской; XXIII, 8 сн. pendent (вм. pendant); стран. 3, 3 сн. замѣчаемъ (вм. — чаеть); 3, 2 сн. въ въ народѣ; ib. зипчительная; 5, 9 сн. замѣчаемъ (вм. — чаеть); 6, 6 сн. ἀρούρης (вм. ἀρούρης); 18, 4 сн. въ въ ученьѣ; 19, 2 св. Ptut. (вм. Plut.); 30, 7 св. помѣщательства; 30, 10 св. Stultitae (вм. — titiae); 30, 12 сн. пнеагорейское; 31, 1 сн. praetergregiare (вм. — grediare); 33, 7 св. ἀμαρτολαί (вм. — τωλαί); 33, 4 сн. 192 (вм. 171); 34, 11 сн. псевдоплановскомъ (вм. — платоновскомъ); 38, 3 св. Филиппида (вм. Филиппида); 38, 6 сн. Векк. (вм. Векк.); 42, 8 св. στόμον (вм. στόμιον); 44, 5 сн. Frigrammata (вм. Epigr.); 47, 14 св. што (вм. шло); 50, 4 св. первоначально; 60, 11 св. нашептынаеть; 61, 12 св. Витантійскія; 64, 12 св. Theaeth. (вм. Theaet.); 65, 6 св. danmata (вм. damnata); 65, 1 сн. 1 (вм. 2); 66, 2 св. σόν (вм. τόν); 67, 3 сн. Leutch (вм. Leutsch); 68, 7 св. fluctus (вм. fluctus); 73, 17 сн. невависти; 78, 9 сн. le (вм. les); 79, 18 св. τέχνης (вм. τύχης); 80, 7 св. solent (вм. auro solent); 81, 7 св. Тертуліаномъ (вм. — тулліаномъ); 82, 13 сн. ἐυγενέζεις (вм. — γενέζεις); 85, 10 сн. ὄρᾶν (вм. ἐρᾶν); 89, 1 св. предохртненія; 90, 8 сн. Ἄλεται (вм. Ἄλλεται); 91, 13 св. 223 (вм. 123); 92, 9 св. Claudins (вм. — dius); 92, 12 св. fortunum (вм. — tunam); 93, 2 св. sigmf. (вм. signif.); 93, 12 св. представляемъ (вм. — ляеть); 93, 6 сн. Sprichwort (вм. — wort); 94, 2 сн. idil. (вм. idyll.); 94, 5 сн. eu (вм. en); 95, 4 св. чсловѣкъ; 97, 8 сн. mann (вм. man); 100, 15 сн. Марцелина (вм. — целпина); 102, 7 св. opotret (вм. oportet); 102, 4 сн. придвѣщаетъ; 105, 3 сн. Тертуліана; 106, 7 св. erubelit (вм. — bescit); 107, 3 сн. Leutsh (вм. Leutsch); 108, 6 св. парлапель (вм. параллель); 113, 10 св. къ (вм. въ); 113, 17 св. соег (вм. coeug); 115, 11 св. δικτύας (вм. δικτύοις); 115, 12 св. τῶν ιδίων (вм. τῶν ὑπὸ τῶν ιδίων); 115, 10 сн. ποιῆν (вм. ποιεῖν); 116, 12 сн. Aschylī (вм. Aeschylī); 117, 8 сн. Piin. (вм. Plin.); 119, 11 сн. курины (вм. курицы); 123, 10 св. понягямъ; 123, 18 св. XVI (вм. XIV); 123, 23 св. ingenium (вм. ingenium); 124, 1 св. ни (вм. не); 124, 1 сн. 265 и 290 (вм. 235 и 257); 126, 5 св. просеπεйте (вм. — епеіте); 130, 3 св. Glaucitam (вм. Glaucotam); 130, 11 св. дня намятя; 132, 7 св. невозможное; 135, 15 сн. помощи (вм. помощи); 139, 14 сн. omnia (вм. omnia); 148, 13 св. погворка; 154, 11 св. 160 (вм. 260); 156, 9 сн. σακίον (вм. σακκίον); 157, 4 сн. рядомъ (вм. рядомъ); 165, 12 св. 245 (вм. 220); 165, 16 св. usurpat (вм. — ratur); 165, 3 сн. крскодыла; 165, 4 сн. слззми; 166, 9 св. vindibili (вм. vendib.); 166, 1 сн. mptorem (вм. emptorem); ib. mers (вм. merx); 168, 2 сн. qustibus (вм. gustib.); 169, 1 св. piger (вм. niger); 172, 10 св. ποιῆ (вм. ποιεῖ).

Указавши недостатки и пробѣлы разбираемаго сочиненія, мы можемъ теперь обратиться къ безспорно хорошей и похвальной его сторонѣ. Г. Ти-

мошенко доказываетъ хорошее знакомство съ обширнымъ проverbsальнымъ матеріаломъ грековъ и римлянъ. Онъ тщательно изучилъ главные сборники древнихъ пословицъ, Геттингенскій Корпусъ греческихъ пословицъ съ ученымъ комментариемъ издателей и превосходный трудъ А. Otto (*Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer*) и, кромѣ того, обратилъ вниманіе и на спеціальныя изслѣдованія, касающіяся пословицъ отдѣльныхъ авторовъ. Вслѣдствіе этого, собранный матеріалъ, въ предѣлахъ, которые авторъ поставилъ своему труду, окажется, безъ сомнѣнія, полезнымъ для будущихъ изслѣдователей въ области русской пословицы и особенно для любителей пословичной мудрости, которымъ недостаетъ времени или случая для собственнаго ознакомленія съ оригинальными сборниками античныхъ пословицъ. При этомъ должно еще принять въ соображеніе и то обстоятельство, что авторъ могъ составлять свой трудъ лишь урывками среди обязательныхъ служебныхъ занятій. Такой интересъ къ научнымъ вопросамъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ поощренія.

На основаніи вышеизложеннаго, мы позволяемъ себѣ высказать то мнѣніе, что сочиненіе г. Тимошенка, по всей справедливости, можетъ быть удостоено, если и не преміи, то, по крайней мѣрѣ, почетнаго отзыва.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ V. № 2.

Tome V. № 2.

DIE FRAGMENTE

DES

TOPARCHA GOTICUS

(ANONYMUS TAURICUS)

AUS DEM 10. JAHRHUNDERT.

VON

Friedrich Westberg,

Oberlehrer an der städtischen Realschule zu Riga.

Mit 10 Tafeln.

(Vorgelegt der Akademie am 29. September 1899).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1901. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонероꝝ Императорской Академіи Наукъ:

Н. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Ключкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ,
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic,
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 1 руб. 50 коп. — Prix: 3 Mrk. 75 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С -Петербургъ, Февраль 1901 г.   Непрѣменный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

DEM ANDENKEN

DES ST. PETERSBURGER AKADEMIKERS

ERNST KUNIK

GEWIDMET.

EINLEITUNG.

Die räthselhaften Fragmente sind seit dreissig Jahren wiederholt Gegenstand eingehender Forschung einheimischer Gelehrter gewesen. Auch ausländische Historiker haben die Bruchstücke gelegentlich gestreift. Trotzdem ist das geheimnissvolle Dunkel, das die Quelle umhüllt, nicht geschwunden. Die Untersuchung wird dadurch im hohen Grade erschwert, dass der Anonymus, sich eines klassischen Griechisch befeissigend, den Gebrauch später aufgekommener Völkernamen vermeidet (*Barbara sunt, — non scribuntur*). Weder kann der Schauplatz, auf dem sich die beschriebenen Ereignisse abspielen, noch die handelnden Personen und Völker als hinreichend aufgeklärt betrachtet werden. Auch hinsichtlich der chronologischen Fixirung, die sich in einem Zeitraum von hundert Jahren, vom Ende des IX bis zum Schluss des X Jahrhunderts bewegt, ist keine Einigkeit erzielt. Dieser Umstand mag meinen Muth, mich an die Analyse der Aufzeichnungen des gothischen Toparchen zu wagen, rechtfertigen. Das war auch Kuniks ausdrücklicher Wunsch. «Sie müssen aber durchaus den Bericht des Toparcha tauricus in den Bereich Ihrer Forschungen ziehen,» schrieb mir Kunik am 27. October 97. «Uebrigens freue ich mich, dass Sie als Himmelskundiger sich über den Toparcha hermachen» (Privat-Mittheilung vom 14. März 98). Kunik verdanke ich wichtige bibliographische Notizen, so dass nachstehendes Verzeichniss der einschlägigen Litteratur nahezu vollständig sein dürfte. Kunik wies mich, behufs Durchsicht resp. Berichtigung meiner deutschen Verdolmetschung des griechischen Textes, an den Byzantinisten Eduard Kurtz in Riga, welcher sich auch in zuvorkommender Weise dieser mühsamen Arbeit unterzog. Kunik machte mich auf den, durch seine «Astronomische Chronologie, Leipzig 1895» selbst in Historiker-Kreisen bekannten Strassburger Astronomen W. Wislicenus aufmerksam.

Eine eingehende Correspondenz mit Letzterem hinsichtlich der im ersten Fragment erwähnten Himmelsbeobachtung ermöglichte es mir, die astronomische Stelle als solche klarzulegen. Danach erst konnte an eine Berechnung, die der Astronom in Pulkowa J. Seyboth dank der Vermittelung des Prof. Wittram gefälligst übernahm, gegangen werden.

Der Bericht des Anonymus tauricus wurde vom bekannten Byzantinisten Hase in einer, Episteln des heiligen Basilios, des Phalaris und des heiligen Gregors von Nazianz enthaltenden Handschrift, wahrscheinlich vor 1815 entdeckt und mit lateinischer Uebersetzung im Kommentar zu Leo Diaconus im Jahre 1819 herausgegeben. Im Jahre 1818 war der betreffende Codex in der Pariser Königlichen Bibliothek nicht mehr vorhanden. Demnach vermuthet Kunik, dass derselbe zu den Schätzen gehörte, welche nach dem zweiten Pariser Frieden ihren früheren Besitzern zurückerstattet worden waren. Es ist bis auf den heutigen Tag nicht gelungen, die Handschrift wieder an's Tageslicht zu ziehen. So viel steht fest, dass sie sich weder im Vatikan noch in Heidelberg befindet. Im Schreiben vom 10. April 1898 theilt mir Kunik mit: «Ich habe noch nicht alle Hoffnung aufgegeben, dass sich das Gebetbüchlein des Toparchen irgendwo wird auffinden lassen. Die Bollandisten in Brüssel haben jetzt auch die griechischen Heiligenlegenden in den Bereich ihrer Nachforschungen gezogen.»

Der Inhalt der Bruchstücke ist in Kürze folgender. Erstes Fragment: Ueberschreitung des soeben eingefrorenen Dnjepr, Schilderung des Flusses vor und nach dem Gefrieren, Schneesturm, beschwerliche Reise durch feindliches Land. Zweites Fragment: Es wird beschlossen, das dem Toparchen unterstellte Gebiet gegen die Barbaren zu vertheidigen. Charakteristik der Handlungsweise der Barbaren. Wiederaufbau und Besiedelung von Klemata, einer verfallenen Veste im Bezirke des Toparchen. Drittes Fragment, das die unmittelbare Fortsetzung des zweiten bildet: Bevor die Befestigung von Klemata beendet ist, rücken die Barbaren heran, werden mit Schimpf geschlagen und ziehen ab. Der Toparch beruft die Angesehensten aus der Nachbarschaft zu einer Berathung nach Klemata. Die Versammlung beschliesst, sich dem gen Norden der Donau Herrschenden zu übergeben und betraut den Toparchen mit der Ausführung dieser Angelegenheit. Abschluss des Vertrages zu beiderseitiger Zufriedenheit.

LITTERATUR.

B. Hase. Leo Diaconus. Parisiis 1819, in-folio. S. 254—259.

«Das treffliche Werk wurde bald selten, weil 150 Exemplare auf der Fahrt nach Russland durch Schiffbruch verloren gingen. Doch wurde die Ausgabe wiederholt im Bonner Corpus 1828», in 8° p. 496—505.— Um jedem Missverständnisse betreffend Hase's Auffassung der hochinteressanten Bruchstücke vorzubeugen, überlasse ich dem Herausgeber selbst das Wort. Auf S. 496 der Bonner Ausgabe des Leo Diaconus steht in Form einer Anmerkung zu pag. 175, lin. 10:

Haec est illa Chersonis a Wladimiro Magno occupatio, quam Nestor Annal. 105. B. version. Scher. a. Christi 988. accidisse auctor est. Ad illustrandas res temporum illorum pertinent fortasse epistolaene dicam an commentarii fragmenta, servata in Cod. saec. X. exeuntis, S. Basili, Phalaridis, S. Gregorii Nazianzeni epistolas varias continente. In hoc igitur Codice, qui fuit Bibliothecae Regiae, possessor, qui et legationem circa Danaprim obivit, et oppido praefuit, litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam Cod. ipse recentioribus folia duo vacua illeivit, multis verbis mutatis, inductis, superscriptis, ut dubitare non queas, eum hunc Cod., ut est exiguae molis, in expeditionibus secum portasse, pagellisque eius vacuis ad epistolas commentariosque meditandos esse usum. Dabo fragmenta quo ordine sunt in Cod.: tametsi legationem, de qua statim, non nisi post bellum accidisse facile dicas. Prius sic incipit imperfecte, de Danapris traiectu, glacierum fragmentis litteras transmittentium infestantis.— Auf S. 500: Hic imperfecte desinit fragmentum prius. Sequitur post quadraginta circiter folia alterum, eadem intricatissima manu, quod, ut est loco in Cod. posterius, ita praecedenti subiungo: tametsi fortasse ad tempus antecedens pertinet. Gens, cui dux ille, quisquis est, oppidum sibi commissum tradiderit, quae sit, viderint docti, temporum partiumque illarum cognitionem cum prudenti iudicio coniungentes. Rem in Chersoneso Taurica geri declarat mentio Clematum facta: scriptura est ligata,

quam vocant, saec. X. aut XI.— Auf S. 503 vor dem letzten Fragment: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subiungenda. — Auf S. 504—505: Desinit hic praeclarum illud plenumque rerum novarum fragmentum: quod si commentatio scriptiove, unde manat, integra aetatem tulisset, nae tunc haud paulo plus, quam nunc, sciremus de historia Chersonesi Tauricae in tenebris, ut ita dicam, iacente ab a. 950, circa quem Constantinus Porphyrogenneta scripsit, usque ad colonias Genuensium in hos tractus saec. XIII deductas.

Was Hase's lateinische Uebersetzung der Bruchstücke betrifft, so ist sie durchaus nicht, wie Kunik meint, blos die Arbeit eines Philologen, welcher hauptsächlich nach einem eleganten Latein jagte. Obgleich Hase's Verdolmetschung des griechischen Textes nicht buchstäblich wörtlich ist, so giebt sie den Inhalt meist in treffender Weise, was besonders von den entscheidenden Stellen gilt, wieder und ist im Allgemeinen recht zuverlässig. In diesem Sinne hat sich Ed. Kurtz ausgesprochen.

E. Popow. Istorija Ljwa Diakona. St. Petersburg, 1820 p. 193—197. Diese freie russische Uebersetzung der Aufzeichnungen des Toparchen ist, nach Kunik, ohne Rücksichtnahme auf die Bedürfnisse der Geschichtsforscher angefertigt und daher für historische Studien ziemlich ungeeignet. Thatsächlich weicht Popow nicht selten vom Wortlaut des Originals ab und lässt sogar bisweilen ganze Sätze fort. Er beherrsche zwar, nach Wassiljewskij, die altgriechische Sprache, sei aber mit dem byzantinischen Sprachgebrauch gar nicht vertraut. Irgend einen Versuch die Quelle zu deuten, hat Popow nicht gemacht.

B. v. Köhne. Beiträge zur Geschichte und Archaeologie von Chersonesus in Taurien. St. Petersburg 1848 p. 220—222; cf. Mém. de la société d'Archéol. III, 66—68. Im Jahre 1846 wurde dieser Alterthumsforscher durch Kunik persönlich auf die Fragmente aufmerksam gemacht. Köhne bezieht den Inhalt derselben auf die Geschichte von Cherson (Korssun) in Taurien und versteht unter den Barbaren die Russen, wohl zur Zeit Tzimiskes', jedenfalls vor Wladimir, da die Quelle nicht den geringsten Hinweis auf die Einnahme Chersons durch den Russenfürsten und seine Taufe enthalte.

S. Gedeonow. Otrywki o warjashskom woprosje. Beilage zum 1. Bde der Zapiski der Kaiserl. Akad. d. Wissensch. 1862, p. 66—70. Nach Gedeonow spielen sich die geschilderten Ereignisse in dem zwischen Cherson und Bosphorus belegenen Gebiete Klemata, im Zeitraum von 969 bis 971, ab. Die Barbaren, welche die Krim'sche Küste verheeren, decken sich, seiner Meinung nach, mit den Russen, deren Herrscher mit dem rex ad septentrionem Istri dominans zusammenfalle.

A. Rambaud. *L'empire Grec au dixième siècle*. Paris 1870, p. 492, 493. Vergl. *Essai de chronographie byzantine* par E. de Muralt. St. Pétersbourg 1855, p. 569, 570. Nach Rambaud handle es sich um die Republik von Cherson.

Eng. Markow. *Otscherki Kryma*. St. Petersburg. 1872, p. 266. Der Verfasser verwerthet den Inhalt der Bruchstücke in seinem für Laien bestimmten Buche und zwar in einer Weise, welche dem wirklichen Stande der Frage nicht entspricht; weder erwähnt S. Ssolowjew der Quelle in der 5. Ausgabe des I. Bandes der Geschichte Russlands, noch hat sie Pogodin in seiner Altrussischen Geschichte benutzt (Kunik).

N. Lambin. 1) *Pochod Oljega*, im *Journal des Ministeriums der Volksaufklärung*. Juli, 1873 p. 126. 2) *O Tmutarakanskoi Russi* *ibid.* 1874 Bd. 171 Abtheil. 2, p. 79—95. 3) Vergl. *ibid.* Bd. 174, Abth. 2, p. 83.—Lambin verlegt, im Hinblick auf Klemata, den Ort der Handlung nach Taurien, identificirt die Barbaren mit den Russen und den gen Norden des Ister Herrschenden mit dem Grossfürsten Oleg, hält das von den Feinden heimgesuchte Volk für Gothen und meint, dass die Fragmente die Lücke in der russischen Chronik von 884 bis 906, speciell die Zeit von 893—897, ausfüllen.

Ph. Bruun. 1) *Sljedy drjewnjago rjetschnago putji iz Dnjepra w Azowskoje more*, in den *Zapiski der Odessaer Gesellschaft für Gesch. und Alterthum*. Bd. V, Odessa 1863, p. 125. 2) *Materjaly dlja istorii Ssugdej im Neurussischen Kalender für's Jahr 1872*, p. 8. 3) *Tschernomorskije Goty i sljedy ich dolgago prjebywanija w jushnoj Rossii*, in den *Zapiski der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 24. St. Petersburg 1874, pp. 26—27, 29, 30, 31, 49.—Bruun bringt die Quelle mit dem Feldzuge Wladimirs gegen Cherson in Zusammenhang. In Betreff der Barbaren schwankt er zwischen Russen, Chasaren (Kabaren) und Schwarzen Ugren. Originell ist die Erklärung des Wortes Klemata durch «Weingärten».

A. (Ernst) Kunik. 1) *O zapiskje Bezymjannago Tawritscheskago* (Anonymus Tauricus). *Otschet o 14. prisushdjenii nagrad gr. Uwarowa*. 25 sjent. 1871, p. 106—110. 2) *O zapiskje Gotskago Toparcha*, in den *Zapiski der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 24. St. Petersburg 1874 p. 61—93, 116—127. (Alle Citate im Laufe meiner Untersuchung beziehen sich auf letzteres Werk). 3) *Gedeonows Otrywki* p. 124. *O tschernomorskich Russach*.—Den Inhalt seiner ersten, knapp gehaltenen Abhandlung referirt Kunik in seiner zweiten umfangreichen und gediegenen Arbeit (p. 62, 65) zugleich angehend, worin er von seiner ursprünglichen Auffassung hin und wieder abweicht. Kunik, der «mit gewohnter kritischer Schärfe und Akribie» die Fragmente analysirt, betont, dass die Heimath des Ano-

nymus nicht Cherson, sondern Gothien mit der vorwiegend gothischen Bevölkerung im Süden der Krim ist, mithin der Fragmentist nicht Stratege von Cherson sein konnte. Die Barbaren sind nach Kunik Chasaren; der nach Norden vom Ister regierende Fürst dürfte mit Swjatoslaw zusammenfallen, und fanden die erzählten Begebenheiten am Wahrscheinlichsten gegen 965 statt.

Auch späterhin hat sich dieser Gelehrte gelegentlich mit dem Bericht beschäftigt und scheint im Wesentlichen seine Ansichten nicht geändert zu haben. So schrieb mir Kunik am 18. November 1897: «Begierig bin ich, ob es Ihnen gelingen wird, die Ereignisse, von denen der taurische Klimatarch spricht, chronologisch zu fixieren. Ich habe vor 10 Jahren noch einige Einfälle auf's Papier gebracht. Da dieselben mich nicht befriedigten, so habe ich seitdem den Gegenstand liegen gelassen. Der mächtige Monarch könnte sowohl Oleg oder Igor, Swjatoslaw oder Wladimir sein. An Wladimir möchte ich nicht mehr denken, eher an Swjatoslaw, der gerade in jenem Winkel des nordöstlichen Pontus, so karg auch die chronologischen Aufzeichnungen lauten, gut aufgeräumt zu haben scheint.» Was dagegen die Barbaren betrifft, so äussert sich Kunik im Brief vom 5. und 18. November 1897 folgendermaassen: «Meine Chasarenhypothese habe ich früh aufgegeben. Der Einfluss des Judenthums auf dieselben war von sehr untergeordneter Bedeutung: sie blieben ein rohes, ungeschlachtetes Reitervolk der Steppe. An christliche Alanen (Vorfahren der Osseten) könnte man denken, aber Allah weiss es vielleicht besser.» Das harte Urtheil hat das eigenartige bildungsfähige Volk sicher nicht verdient. Leider führt Kunik nicht aus, was ihn bewogen hat, seine wohlbegründete Chasarenhypothese kurzer Hand aufzugeben. Von jeher interessirte sich Kunik für die im ersten Bruchstück enthaltenen astronomischen Daten, die allein geeignet sind, feste chronologische Anhaltspunkte zu gewähren, doch zerschlugen sich zu seinem Leidwesen die von ihm eingeleiteten Unterhandlungen, die die Auswerthung obiger Angaben zum Gegenstande hatten.

Mit gewohnter Meisterschaft hat Kunik eine feste Basis für die fernere Analyse der berühmten Fragmente geschaffen. Statt an den weiteren Ausbau seines Werkes zu gehen, zogen es die späteren Forscher in bedauerlicher Weise vor, vom geraden Wege, den ihnen der beste Kenner der slawischen Alterthümer gewiesen hat, abzuirren und ihre eigenen Seitenpfade einzuschlagen.

D. Ilowajskij. Razyskanija o natschalje Russi. Moskwa 1882, p. p. 57, 327—331, 404—405. Wir haben es hier mit einem Sammelwerk zu thun, in welchem Abhandlungen des Autors aus der ersten Hälfte der 70. Jahre aufgenommen sind, wobei die nachher erschienene Litteratur des Gegen-

standes (1872—1882) keinerlei Berücksichtigung findet. Daher reihe ich Ilowajskij's Werk vom Jahre 1882 bereits an dieser Stelle ein. — Nach Ansicht dieses Gelehrten lag Klemata im Gebiet von Cherson (Korssunj). Die Barbaren werden auf die Russen gedeutet mit ihrem Grossfürsten Igor an der Spitze, den Ilowajskij dem gen Norden des Ister Herrschenden gleichsetzt.

W. Wassiljewskij. 1) Russko-wizantijskije otrywki IV. Zapiska grjetscheskago toparcha, Journal des Ministeriums der Volksaufklärung, Juni Bd. 185, St. Petersburg 1876, p. 368—434. 2) O postrojenii krjeposti Sarkela, ibid. Bd. 265. Oktober 1889, p. 282—285. In der erstgenannten umfangreichen Broschüre bietet uns Wassiljewskij eine russische Uebersetzung der Fragmente nebst einem ausführlichen historisch-philologischen Kommentar, dessen linguistischer Theil werthvoll und selbst in den Parteien interessant ist, in welchen man mit dem Verfasser nicht übereinstimmen kann. Im schroffen Gegensatz zu allen seinen Vorgängern verlegt Wassiljewskij den Schauplatz der Begebenheiten an die untere Donau (zur Zeit der Bulgarenkriege Swjatoslaws) und hält τὰ Κλήματα für identisch mit Κλεμάδες, einer von Justinian I unweit Orsova angelegten Veste. Durch diese Ortsverschiebung hat Wassiljewskij das Signal zur freien Entfesselung der Phantasie den übrigen Forschern gegeben, die von nun an τὰ Κλήματα bald an der Donau, bald am Dnjepr, ja selbst am Don suchen, indem sie sich über das durch Konstantia Porphyrogenn. historisch wohlverbürgte Klemata mit ruhigem Gewissen hinwegsetzen.

Ueber Wassiljewskij's Arbeit äusserte sich Kunik in einem Schreiben an mich vom 5. November 1897 wie folgt: «Das räthselhafte Fragment, welches Hase zuerst in seiner Ausgabe des Leo Diaconus mit lateinischer Uebersetzung gedruckt hat, ist so beschaffen, dass man den Muth des Fehlens haben muss, wenn man sich an die Interpretation desselben macht. Ich habe gewiss hie und da gestrauchelt, Andre aber auch. Das, was Wassiljewskij darüber geschrieben hat, verdient alle Anerkennung und würde die gute Sache der Wissenschaft noch mehr gefördert haben, wenn ihm nicht eine patriotische Grille den einen oder andern Streich gespielt hätte. Darüber sind die Acten geschlossen, dass nicht von dem Aufenthalt eines Toparchen im Süden der Donau die Rede sein könne, sondern nur von einem Toparchen tauricus. Darauf bestand auch Gedeonow, der seine Verwunderung darüber entschieden ausdrückte, dass Wassiljewskij sich in dieser Hinsicht so verirrt habe.» Auf meine Anfrage, ob Prof. Wassiljewskij bei seinen Ansichten verharre, erhielt ich nachstehende gütige Mittheilung vom 1. März 1899 des Inhalts, dass er, Wassiljewskij, denselben Gegenstand seitdem nicht wiederaufgenommen habe. Er gebe die Möglichkeit von

Verselen seinerseits zu; bestehe nicht auf der Richtigkeit seiner astronomischen Berechnung und könne bloß darauf stolz sein, dass er als Erster die Datirung der Fragmente mit Hülfe der Astronomie ins Auge gefasst habe; er betone, dass das Wort τὰ Κλήματα in den Bruchstücken eine Stadt bedeute; Maurokastron sei natürlich Akkermann; die Ueberfahrt über den Dnjepr könne, gleichviel wo, stattgefunden haben, ohne seine Theorie hinsichtlich des Ortes der Handlung zu zerstören.

Vorgreifend hebe ich hervor, dass das Ergebniss der vom Astronomen J. Seyboth ausgeführten Berechnung Wassiljewskij's ganzes künstliche Gebäude umwirft und eine erneute Behandlung unserer Quelle nothwendig macht.

In der zweiten polemisch gehaltenen Schrift wendet sich Wassiljewskij gegen Uspenskij's allzu kühne Behauptungen, welche unten gestreift werden sollen.

Pl. Buratschkow. O zapiskje Gotskago Toparcha, im Journal des Ministeriums der Volksaufklärung. Bd. 192. St. Petersburg 1877, p. 199—252. Von grossem Werth ist Buratschkow's Nachweis der Ueberfahrtstelle des Toparchen über den Dnjepr (Stromschnellenpartie), wobei Kunik mir gegenüber ein besonderes Gewicht darauf legte, dass der ortskundige Autor am unteren Dnjepr geboren ist und dort lange gelebt hat, mithin aus eigener Anschauung den Strom zu jeder Jahreszeit kenne. Buratschkow verwirft auf's Entschiedenste Wassiljewskij's historische Deutung, verlässt jedoch leider selbst den Boden nüchterner Forschung, indem er seinerseits Klemata nicht nach der Südküste der Krim, wie zu erwarten wäre, sondern an die Schnellen des Dnjepr verlegt. Buratschkow's Aufsatz ist von den Gelehrten, die sich nach 1877 über den Bericht des Toparchen geäußert haben, unbeachtet geblieben, obgleich derselbe so manche treffende Bemerkung birgt, wie z. B. folgende: Schwarzbulgarien sei nicht am Kuban, sondern nördlich von Taurien zu suchen; weder Konstantin Porphyr. noch der Vertrag vom Jahre 944 wisse was von Russen an der Meerenge von Kertsch; um die Mitte des X Jahrhunderts habe sich das Gebiet von Cherson unmöglich bis zum Kimmerischen Bosphorus erstreckt; der von Bruun aufgebrachte Wasserweg zwischen dem Dnjepr und dem Asowschen Meere gehöre höchst wahrscheinlich in's Reich der Fabel, u. a. m.

W. Tomaschek. Ethnologische Forschungen I. Die Goten in Taurien. Wien 1881, p. 33—38. In seiner fesselnden Abhandlung, in der das «dreizehnhundertjährige Heldendasein» der Krimgoten verfolgt wird, pflichtet Tomaschek Kunik's Auseinandersetzungen im Grossen und Ganzen bei und erlaubt sich «nur in Kleinigkeiten abzuweichen». So hält er nicht Kiew für das Reiseziel des Toparchen, möchte lieber die erzählten Thatsachen ins

Jahr 968 (oder 969) setzen, identificirt τὰ Κλήματα mit dem gothischen Dauróns oberhalb Tschatyr-dagh und bezieht die Schenkung, welche Swjatoslaw dem Befehlshaber von Klemata machte, auf die Zölle des Hafens Βαρραγγολιμένα im Tarkanskij Kut . . . Tomaschek ist der Ansicht, dass die für die taurischen Verhältnisse belangreichen Fragmente «bei dem Mangel aller Eigennamen stets dunkel und unaufgeklärt bleiben werden.»

Jos. Lad. Píč. Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Leipzig 1882, p. 83 Anm. 13. Píč folgt im Allgemeinen Wassiljewskij mit dem Unterschiede, dass er durch Dr. Seydlers (fehlerhafte) astronomische Berechnung sich veranlasst sah, die Ereignisse auf den Anfang der 90. Jahre des X Jahrhunderts zu verschieben. «Ein Anhaltspunkt (zur Lösung der Zeitfrage) bietet sich jedoch in dem Umstande, dass der als Byzantinist bekannte Hase die nunmehr verloren gegangene Handschrift (man weiss nämlich nicht, wohin sie nach den Napoleonischen Kriegen gekommen) in das X Jahrhundert und zwar gegen dessen Ende verlegt; ein zweiter Anhaltspunkt bietet sich in der Nachricht, dass bei der Reise des Toparchen über den Dniepr der Saturnus am Anfang des Sternbildes des Wassermannes zu sehen war (κρόνου δὴ καλουμένου καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς διῶν ὑδροχόου) und gegen Mitternacht unterging (περὶ μέσας νύκτας. . . ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιῶντος); die Jahreszeit kann endlich gegen das Ende des Monats November verlegt werden, da eben der Dniepr eingefroren war. Nach der freundlichen Berechnung des Prag. Prof. Dr. A. Seydler befand sich in der zweiten Hälfte des X Jahrhunderts der Saturn zweimal am Anfange des Sternbildes des Wassermannes (310° — 320° der Ekliptik), und zwar 961—963 ($302\frac{1}{2}^{\circ}$ — $328\frac{1}{2}^{\circ}$) und 991—992 ($310\frac{1}{2}^{\circ}$ — $322\frac{1}{3}^{\circ}$); zu Ende des Jahres 961 ging jedoch der Saturn mit der Sonne auf und unter und war demnach nicht zu sehen; im November 991 ging er jedoch um Mitternacht unter. Nach dieser Berechnung können wir freilich nicht mehr an die Zeit Swjatoslaws denken (damals stand der Saturn bereits im Sternbilde des Widders und ging erst gegen Morgen unter) und müssen die zweite Jahreszahl 991, November als den Zeitpunkt des Ueberganges über den Dniepr wählen; vielleicht ein Jahr später, wieder im Winter, befand sich der Toparch in einer Befestigung an der Donau inmitten eines verheerenden Kampfes, ohne die Bewohner für Byzanz gewinnen zu können, da dieselben nicht nur selbst einem nördlich von der Donau regierenden slawischen Fürsten anhängen, sondern auch den Toparchen zwangen, dasselbe zu thun. . . und wir könnten mit Bezug auf die russische Hilfe vom Jahre 989 auf eine neue Gesandtschaft nach Kijew, um Hilfstruppen gegen die Bulgaren zu erlangen, schliessen». . . Worauf bezieht Píč den Ausdruck «damals» im Satz: «damals stand der Saturn bereits im Sternbilde des Widders»? Aus dem

Zusammenhänge dürfte hervorgehen, dass das oben erwähnte Jahr 961 resp. die ganze Periode 961—963, die auf die Regierungszeit Swjatoslaw's fällt, gemeint sei; andererseits ersehe ich aus Pič Privat-Mittheilung vom 14. März 1899: «Im Jahre 971 war der Saturn im Sternbild des Widders und ging gegen Morgen unter», dass unter «damals» der Aufenthalt Swjatoslaws in Bulgarien im Jahre 971 zu verstehen ist.

Man braucht nicht gerade Astronom zu sein, um einzusehen, dass Dr. Seydlers Resultat, welches die 60. Jahre des X Jahrhunderts ausschliesst, irreführend und werthlos ist. Die Schuld daran liegt an einer mangelhaften Interpretation und Auswerthung der astronomischen Angaben. Die Beobachtung fand nicht um Mitternacht, wie hier angenommen wird, sondern am Abend statt. Die überaus wichtige Mittheilung ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος sole brumalia signa permeante, ist völlig unbeachtet geblieben. Nicht um den November-Monat handelt es sich, sondern um den Winter, gerechnet von der Wintersonnenwende bis zur Frühlings-Tag und Nachtgleiche. Schliesslich lässt die Stelle καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτοῦ διῶν ὑδροχόου noch eine andere Auffassung zu (denn er befand sich gerade am Anfang seines Durchganges durch den Wassermann), eine Deutung, die astronomisch allein haltbar ist. Kurzum, Seydlers astronomische Berechnung muss als durchaus verfehlt bezeichnet werden. W. Wislicenus in Strassburg und J. Seyboth in Pulkowa haben mir darin vollkommen Recht gegeben, so dass wir in keiner Weise an Seydlers Ergebnisse gebunden sind.

P. Golubowskij. Petschenegi, Torki i Polowtzy do naschestwija Tatar. Geschichte der südrussischen Steppen im IX—XIII Jahrhundert. Kiew 1884, p. 201—205. Nach Golubowskij deckt sich Maurokastron der Fragmente mit Kara-kerman (Schwarzstadt) an der Bug-Mündung, wobei er gegen Wassiljewskij's Ansicht, Maurokastron sei Akkermann (Weissstadt), auftritt. Ferner hält er gegen Wassiljewskij Borion am Dnjepr für eine slawische Ansiedelung. Golubowskij beschränkt sich auf diese Bemerkungen und hat sich eingehend mit dem Bericht des Toparchen, den er nur in der russischen Uebersetzung gelesen zu haben angiebt (p. 203 Anm. 2), nicht beschäftigt.

Th. Uspenskij. Wizantijskija wladjenija na sjewjernom berjegu Tschernago morja w IX i X ww. (Kijewskaja Starina, monatliches historisch. Journal. Achter Jahrgang Bd. XXV. Kiew 1889, p. 253—254, 264—269, 273—280, 285—294). Uspenskij denkt an das Jahr 903 oder 904, identificirt den nach Norden vom Ister Herrschenden mit Symeon von Bulgarien, versetzt Klemata an den Don und sieht in dem Verfasser des Berichtes einen byzantinischen Feldherrn, dessen Aufgabe in der Erweiterung der

griechischen Besitzungen und in der Befestigung des Kaiserlichen Einflusses im Süden des heutigen Russlands bestand. Uspenskij's allzugewagte, den historischen Zeugnissen nicht selten zuwiderlaufende Annahmen, — so setzt er z. B. die Erbauung Sarkels in die Regierung Leo des Weisen, hält Sarkel für eine byzantinische Festung und vermuthet in dem Werkmeister Petronas den Schreiber der Bruchstücke, — haben eine sarkastische, doch, wie mir scheint, gerechte Zurückweisung durch Wassiljewskij erfahren. Letzterem stimmt auch Kunik, laut Privat-Mittheilung vom 14. Januar 1898, vollkommen bei: ... «Uebrigens hat sich Uspenskij zu gewissen Sonderbarkeiten hinreissen lassen, was ihn auch in eine Klopffechtere mit Wassiljewskij verwickelte.» — Von grossem Interesse ist das am Schluss der Abhandlung beigefügte Kärtchen mit dem Durchgang des Saturn zu Anfang des X Jahrhunderts, berechnet vom Odessaer Astronomen A. Kononowitsch.

P. Miljukow. *Wrjemja i mjesto dejstwija zapiski gretscheskago toparcha* (Trudy des achten archaeologischen Congresses in Moskau 1890. Bd. III. Moskau 1897, p. 278 — 289). Miljukow combinirt Wassiljewskij's und Uspenskij's Ansichten. Mit Wassiljewskij tritt er für das Donaugebiet als Ort der Handlung ein, mit Uspenskij hält er den mächtigen Monarchen mit dem Bulgarenkönige Symeon für einerlei Person und denkt an den Zeitraum von 893—913. Der griechische Text sowie Wassiljewskij's Uebersetzung sind in extenso abgedruckt. Ein Auszug aus Miljukow's Aufsatz befindet sich im *Wizantijskij Wrjemennik* Bd. V, p. 549.

H. Schneiderwirth. *Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim)* Berlin 1897 p. 39: «Auch die Fragmente auf der Pariser Bibliothek, Hase, in *Leonem Diac. lib. X*, p. 175, S. 496—505 ed. Bonn., die nach Hase in das Ende des zehnten Jahrhunderts gehören, beziehen wir nicht, wie Hase und v. Köhne, auf die Stadt Cherson. Viele Einzelheiten, Angaben passen durchaus nicht auf dieselbe, so z. B. die Klage der Bewohner, dass sie nie Wohlthaten vom Kaiser erhalten. Die Fragmente müssen auf andere Oertlichkeiten, etwa auf die Balkanhalbinsel bezogen werden. Schwerlich sind unter den, in jenen Bruchstücken erwähnten Barbaren die Russen zu verstehen, eher die Petschenegen.» — Das ist alles, was uns der Verfasser zu sagen weiss.

K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. 2. Aufl. München 1897, p. 268—269: «Der Bericht des gotischen Toparchen (*Zapiska gotskago toparcha*). So bezeichneten Kunik und andere Gelehrte einige hochinteressante Fragmente, die B. Hase im *Kommentar zu Leon Diakonus* S. 254—259 (496—505 ed. Bonn.) mit lateinischer Uebersetzung und kurzen Bemerkungen veröffentlicht hat. Leider knüpft sich an die Herkunft

dieser Bruchstücke ein meines Wissens bis jetzt noch ungelöstes Rätsel. Nach Hase stehen sie in einer, aus dem Ende des 10. Jahrhunderts stammenden, Briefe des hl. Basilios, des Phalaris und des hl. Gregor von Nazianz enthaltenden Hs, die der K. Bibliothek in Paris gehörte («qui fuit Bibliothecae Regiae»). Auf Grund dieser etwas geheimnissvollen Angabe suchte Kunik die Hs in Paris und im Vatikan, ohne ihre Spur zu finden, und vermutete, dass sie vielleicht in Venedig, München oder Heidelberg sei. Möchte sie bald zum Vorschein kommen! Der einstige Besitzer dieser Hs, der eine byzantinische Gesandtschaft in die Gegend des Dniepr führte und Platzkommandant in der Krim war, benutzte leergebliebene Blätter zur Eintragung von Berichten oder Briefen. Die Schrift derselben ist nicht viel später als die des Codex selbst und gehört also noch dem Ende des 10. oder dem Anfange des 11. Jahrhunderts an. Die leider verstümmelten Notizen, die zuerst von einem gefährlichen Uebergang über den mit Eisschollen bedeckten Dniepr und einer Winterreise in Russland, dann über Kämpfe mit den Barbaren in der Krim berichten, gewähren für die Geschichte, Geographie und Ethnographie des ältesten Russlands wichtige, freilich gar sehr der Erläuterung bedürftige Aufschlüsse. Die Sprache ist auffallend gewandt und sogar humoristisch gefärbt. Hauptschriften: E. Kunik, Ueber den Bericht des gotischen Toparchen, Zapiski der Kaiserlichen russischen Akademie der Wissenschaften 24 (1874) 61—160.—V. Vasiljevskij, Der Bericht des griechischen Toparchen, Journ. Min. 1876 Bd. 185 S. 368—434.—Pl. Buračkov, Ueber den Bericht des gotischen Toparchen, Journ. Min. 1877 Bd. 192 S. 197—252. In diesen Abhandlungen findet man auch die ältere Litteratur verzeichnet.»

Auf meine Anfrage, was von Hase's palaeographischer Zeitbestimmung zu halten sei, bekam ich von Prof. Krumbacher folgende gütige Auskunft, datirt vom 4. November 1898: ... «die Hauptschwierigkeit (der Zeitbestimmung von Hss) liegt darin, dass die Schriftentwicklung an verschiedenen Orten verschieden war und dass wir noch so wenig weit (sind) in der lokalen Unterscheidung der Schriften. Dazu kommt der Umstand, dass durch die uns ja unbekannte Differenz im Lebensalter der Schreiber sich die Zeit gleich um ein halbes Jahrhundert verschieben kann. Noch in der neueren Zeit sind unzählige mal Hss um Jahrhunderte zu früh oder zu spät angesetzt worden. Wieviel unsicherer aber war das alles, als Hase den Toparchen edierte! Ich glaube deshalb, dass Sie auf seine Angaben überhaupt keine nähere Rücksicht zu nehmen brauchen...» Um nicht fehl zu gehen, werden wir also gut thun, uns nach Hase's zweiter allgemein gehaltener Zeitbestimmung: scriptura est ligata, quam vocant, saec. X. aut XI., zu richten.— Interessant sind Krumbacher's fernere Aeusserungen

über unsere Bruchstücke: «Was mich persönlich betrifft, so wäre ich viel mehr für den Nachweis der Hs selbst, als für eine scharfsinnige Untersuchung der Quelle dankbar. Die ganze Art, wie Hase diese Hs erwähnt und beschreibt, war mir stets etwas auffallend und ich habe das auch in den wenigen Zeilen ganz zart angedeutet, die ich in den knappen Rahmen der Gesch. der byz. Litt.² über den Toparchen aufnehmen konnte. . . Froh aber wäre ich doch, wenn jemand diese Hs, die doch schwerlich verloren gegangen ist, auffände und die berühmten Notizen so im Original studiert werden könnten! Man müsste einmal systematisch alle Hss, die die von Hase als Inhalt des Cod. erwähnten Schriften bergen, daraufhin untersuchen.»

FRAGMENT I.

I. KAPITEL.

§ 1. . . . δυσχερῶς κατήγετο, καίτοι . . . Mühsam landeten sie [die Fahrzeuge], obschon jedes von ihnen nicht μὴ πλείους τριῶν ἀνδρῶν ἐκάστου σφῶν zeuge], obschon jedes von ihnen nicht δεχομένου· οὕτω πάνυ φαυλότατα ἦν. mehr als drei Mann fasste; so ganz Ἄλλ' οὐδὲ ταῦτα ὅμως χώραν εἶχε παρὰ erbärmlich waren sie. Aber selbst τῷ ρεύματι· πολλὰ γὰρ αὐτῶν ἐπὶ με- diese hatten trotzdem keinen Raum γίστοις πάγοις δυοὶ συνηράσσετο καὶ auf dem Strome; denn viele von ihnen wurden von zwei ungeheuren Schollen ξυνέπιπτε· καὶ ὄσαχού τοῦτο ξυμβαίη, zusammendrückt und zerfielen; und ἐκπηδῶντες¹⁾ τοῦ πλοίου οἱ ἐν αὐτῷ²⁾ jedes mal, wenn das geschah, liessen τῷ πάγῳ καθήντο, καὶ ὡς ἐφ' ὀλκάδος sich die Insassen, aus dem Fahrzeuge ἐφέροντο. Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρρα- springend, auf der Scholle nieder und ξεν ὑποβρύχια· οὕτως ἄρα χαλεπαίνων fuhren wie auf einem Lastschiffe. ὁ Δάναπρις ἐτύγγανεν. Doch einige von ihnen [den Fahrzeugen] versanken (vom Wasser) verschlungen; ja, so wüthete der Dnjepr.

§ 2. Ἡμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον Wir aber warteten hier recht miss- καὶ ἐπὶ πλείστον προσεδεχόμεθα, καὶ müthig und sehr lange und zürnten ἡμεν ὡσπερ ὀργιζόμενοι κατ' αὐτοῦ, τῷ ihm gewissermaassen, dass er nicht γὴ μὴ πεπηγῆσαι. Καὶ οὐ πολλὰς πω ὑστε- gefroren war. Und schon wenige Tage ρον ἡμέρας τὸ ὕδωρ ἀπανταχῇ πέπηκτο, später war das Gewässer überall zu-

1) ἐκπηδόντες Cod.

2) Videtur deesse aliquid vel hic, vel post οἱ.

καὶ ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν· ὡς καὶ πεζῇ
καὶ ἵπποις ἀφόβως ἰέναι κατὰ τοῦ ρεύ-
ματος, καὶ ἀγῶνας ὡς ἐπὶ πεδίων ἀν-
δρικῶς ἀγωνίζεσθαι.

gefroren und im hohen Grade stark,
so dass man sowohl zu Fuss als auch
zu Pferde furchtlos auf dem Strome
gehen und Schlachten wie auf Ebenen
schlagen konnte.

§ 3. Καὶ καθάπερ τις θαυματοποιῶν
ὁ Δάναπρις ἐδέδεικτο, βαρὺς μὲν καὶ
χαλεπὸς τὸ πρὶν αἰωρούμενος¹⁾, καὶ
μονονουχὶ τοὺς εἰς αὐτὸν ὀρῶντας πάντας
φοβῶν· μετὰ δὲ μικρὸν ἀνεῖναι τε, καὶ
τοσοῦτον μαλακισθῆναι, ὡς ὑφ' ἀπάν-
των παίζεσθαι τε καὶ καταπεπατῆσθαι,
ὑπόγειός τις ὡσπερ εἰ δεικνύμενος, ὑπὸ
κατάδυσίν τινα ἑαυτὸν καθιδύσας.

Und gleichsam als Zauberer hatte
der Dnjepr sich gezeigt, indem er sich
gewaltig und grimmig zuvor erhob
und fast schon Alle, die blos auf ihn
blickten, ängstigte; nach kurzem je-
doch liess er nach und wurde so milde,
dass Alle mit ihm ihr Spiel treiben
und ihn mit Füßen treten konnten,
indem er sich gleichsam als unter-
irdisch erwies, sich in irgend einem
Schlupfwinkel festsetzend.

§ 4. Οὐ γὰρ ὕδασιν οὕτω νάουσιν
ἐώκει τὰ ρεύματα, ἀλλ' ὄρη σκληρά²⁾
τινα καὶ λιθώδη μᾶλλον ἐδέδεικτο. Τί
γὰρ ἴσον ἢ εἰσικός τὸ καταφερόμενον
ἐκεῖνο καὶ ὕδατι;

Denn nicht so sehr fließenden Ge-
wässern glichen die Fluthen, sondern
starre und steinigte Berge waren viel-
mehr erschienen. Denn worin war
auch jenes sich Hinabbewegende dem
Wasser gleich oder ähnlich?

II. KAPITEL.

§ 1. Ὅθεν ἡμῖν τὸ κατηρῆς εἰς χα-
ρὰν μεταβέβλητο· καὶ χεῖρας ἀναχρο-
τήσαντες ἱκανῶς προσίεμεν, κατὰ πέ-
λαγος ἱππασάμενοι. Ἀκωλύτως τε δια-
βάντες καὶ κατὰ τὴν κώμην γενόμενοι
τὴν Βοριών, πρὸς εὐωχίαν ἐτρέπημεν
καὶ ἵππων ἐπιμέλειαν, ἡπορημένων καὶ

Daher schlug unsere Bestürzung in
Freudigkeit um; und nach tüchtigem
Händeklatschen kamen wir heran und
ritten auf die Fläche. Nach ungehin-
dertem Uebergange und nach Ankunft
im Dorfe Borion, wandten wir uns zur
Pflege der Pferde, die gleichfalls Man-

1) ἐωρούμενος Cod.

2) Haec sunt tam intricata scripta, ut nescias utrum σκληρὰ an σκιερὰ legendum sit.

αὐτῶν καὶ καταπεπονημένων ὡς πλεῖστον. Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρίψαντες, ὡς πρὸς τὸ Μαυροκάστρον χωρεῖν ἡπειγόμεθα.

§ 2. Ὡς δ' ἔτοιμα ἦν ἡμῖν τότε πάντα, καὶ ἐμποδῶν ὑπῆρχεν οὐδέν, περὶ μέσας νύκτας αὐτὰς (ὅτε καὶ προῖαίτερον ἡμᾶς ἐξορμηθεῖν ἐχρήν), ἄρκτου τότε βαρύτερον πνεύσαντος, καὶ χειμῶνος παντός μᾶλλον χαλεπωτάτου καταρφαγέοντος, ὡς ἀβάτους μὲν τὰς διόδους οἰεσθαι, μηδένα δὲ ὑπαίθριον ζῆν, σχεδὸν δὲ ἀδύνατον εἶναι τὸν μὴ στέγη σωζόμενον περιεῖναι, δείσαντες ἀναπεπαῦσθαι καὶ ἡρεμεῖν ἔγνωμεν αὐτοῦ.

§ 3. Ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίταις εἰπόντος, ὡς οὐ δεῖ τῆς οἰκίας ὀπωσοῦν ἐξίεναι, οὐδὲ ἀποκοίτους ἡμᾶς ἐνθένδε γενέσθαι¹⁾ τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος, καὶ πρὸς²⁾ αὐτὸν ἐκεῖνον μετατρεπομένου τοῦ περιέχοντος³⁾ (Κρόνου δὴ καλουμένου⁴⁾). Καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος.

gel gelitten hatten und auf's Höchste entkräftet waren. Und als wir dort so viel des Tages, als zu unserer Erholung nöthig war, verbracht hatten, eilten wir, uns nach Maurokastron zu begeben.

Als wir aber damals Alles bereit hatten und nichts im Wege stand, da erhob sich gerade um Mitternacht (während wir noch vorher aufbrechen sollten) der wüthendste Nordwind und es ging ein, in seiner Heftigkeit alles übersteigender Schneesturm nieder, so dass man annehmen musste, die Pässe seinen unwegsam und keiner könne im Freien aushalten, und es dem Obdachlosen fast unmöglich wäre am Leben zu bleiben. In Schrecken gesetzt, entschieden wir uns zu ruhen und hier stille zu halten.

Während ich dieses meinen Tischgenossen gesagt habe, dass man auf keinen Fall von Hause gehen und dass wir uns nicht von hier wegbetten dürften; ¹⁾als der erste der Sterne am Abend bereits schien und entsprechend ²⁾ jenem die Luft sich veränderte ³⁾ (Saturn genannt ⁴⁾. Denn er befand sich gerade bei den Anfängen, durchgehend durch den Wassermann, während die Sonne die winterlichen [Zeichen] durchlief.

1) Ante verba τοῦ πρώτου legebatur καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοῦ δέδεικται [und wie ich aus den Sternen hingewiesen hatte];

2) post καὶ πρὸς illa, τὴν ἐξουτοῦ φύσιν [seiner Natur];

3) post περιέχοντος illa, φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης (sic) δοκῶν [der Natur nach augenscheinlich eisigkalt und schneeig]. Quae omnia ab ipso scriptore inducta sunt:

4) verba κρόνου δὴ καλουμένου videntur loco mota.

§ 4. Ὁ μὲν οὖν χειμῶν ἀρξάμενος αἰεὶ προὔβαινε χαλεπώτερος, καὶ ξυνέβη τὰ πρότερον ἡμῖν δόξαντα φοβερά παιδιαὶ καθάπαξ πρὸς τὰ μετὰ ταῦτα δοκεῖν· οὕτως ἄρα λαμπρῶς ὁ χειμῶν διέσχε πανταχῆ. Ἡμέρας δὲ διατρίψαντες ἱκανάς, μόλις ὀφέ ποτε καὶ τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου εἰσήει, εὐδειονότερου καὶ τοῦ περιέχοντος δεδειγμένου.

In der That nahm der hereingebrochene Schneesturm einen immer rasenderen Fortgang, und so kam es, dass das uns vorher schrecklich Erschienene völlig ein Kinderspiel zu sein schien gegenüber dem Nachherigen; so gewaltig nämlich breitete sich das Unwetter allenthalben aus. Nacheinem Aufenthalt von ziemlich viel Tagen kam endlich einmal wieder der Gedanke an die Rückkehr in die Heimath auf, da sich auch die Luft klarer zeigte.

III. KAPITEL.

§ 1. Καὶ δὴ ἐξίημεν, δορυφορούμενοι παρὰ τῶν ἐγγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χειῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλεπόντων ὡς πρὸς οἰκεῖον αὐτοῦ ἕκαστος¹⁾, καὶ τὰ μέγιστα εὐχομένων.

Τότε μὲν οὖν οὐδὲ πάντας αὐτοὺς ἐβδομήκοντα σταδίους παρημείψαμεν, καὶ ταῦτα πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβεβηκότων καὶ τὸ πολὺ τῆς χιῶνος ἐκκρουσαμένων.

Und nun rückten wir aus, von den Einheimischen glänzend begleitet, wobei Alle mir zuklatschten und jeder auf mich wie auf seinen Angehörigen blickte und das Beste wünschte.

Damals legten wir nicht ganze siebenzig Stadien zurück, obgleich Andere uns vorausgegangen waren und die Hauptmasse des Schnees fortgestossen hatten.

§ 2. Τῆ δ' ὑστεραία ἀρξάμενοι χαλεπώτατα προήειμεν, ὡσπερ ἐπὶ πελάγους διαπαλαιόντες κατὰ τῆς χιῶνος. Οὐ γὰρ δὴ γῆ τις ἐδόκει εἶναι, οὐδὲ χιῶν συνήθης· ἀλλ' οἱ μὲν ἴπποι μέχρις τραγῆλων οὐχ ἐωρῶντο· τὰ δ' ὑποζύγια, καίπερ τελεταῖα ἀκολουθοῦντα ἡμῖν, διερθεύετο, καὶ αὐτοῦ πολλὰ καταλείπτο. Τετράπηγος γὰρ ἡ χιῶν ἐλέγετο,

Am nächstfolgenden Tage kamen wir von Anfang an nur aufs Mühseligste vorwärts, indem wir wie im Meere gegen den Schnee ankämpften. Denn es schien kein Land zu sein, auch kein gewöhnlicher Schnee; sondern die Pferde waren bis zum Halse nicht zu sehen; die Lastthiere aber, obgleich sie zu allerletzt uns folgten,

1) Sic Cod.

καὶ χαλεπῶς διαβατὴ ἦν. Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἴκαδε, μείζον ἢ κατ' ἀνθρώπινην δύναμιν τὸ ξύμβαν οἰηθέντες.

kamen um, und viele von ihnen blieben da liegen. Denn 'der Schnee wurde auf vier Ellen geschätzt und war schwer zu durchwaten. Auch kehrten viele von den Begleitern heim, überzeugt, dass das (Natur-)Ereigniss die menschlichen Kräfte übersteige.

§ 3. Καὶ ἦν γὰρ τι τῶν οὐ ξυντρόφων τὸ χαλεπὸν, πολλαχόθεν τῶν δυσχερῶν ἐπιόντων· χιῶνος μὲν βαθείας οὕτω καὶ πυκνῆς κάτωθεν, ἀέρων δὲ βαρυτάτων ἄνωθεν ἐμπνεόντων. Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμόθεν προσδοκωμένης, οὐδ' ὄθεν τις ἄμεινα σχοίη τεκμαιρομένης (τὰ γὰρ πάντα ἀνωφελῆ καὶ ἀνόνητά πως ἐν τοῖς τότε δεινοῖς ἐδέδεικτο), οὐκ ἦν πυρὰ καῦσαι, οὐδ' ἀναπαύσασθαι πρὸς ἀκαρῆ χῶραν¹⁾ ἡμῖν ἢ χιῶν ἐνεδίδου.

Und wirklich war die Schwierigkeit etwas ganz Aussergewöhnliches, da von vielen Seiten Widerwärtigkeiten hereinbrachen: ein so tiefer und dichter Schnee von unten, während von oben her die heftigsten Winde bliesen. Eine Unterbrechung war von keiner Seite zu erhoffen, und nicht abzusehen, von woher man Besserung haben könnte (da sich alles als nutzlos und vergeblich in den damaligen Nöthen erwies): weder konnten Wachtfeuer angezündet werden, noch erlaubte uns der Schnee eine kurze Weile zu ruhen.

IV. KAPITEL.

§ 1. Εὐνοιαί²⁾ δὲ τὴν νύκτα καὶ ἀσπίδες προσήεσαν³⁾· πάντα ἡμῖν ἐκεῖναι καὶ κλῖναι καὶ ἐπικλῖνια νομιζόμεναι τὰ λαμπρότατα. Ἐν γὰρ αὐταῖς τὰ σώματα ἀνεπαύομεν ἐπὶ πυρῶ, κάκείνη οὐ λαμπρῶ.

Wohlwollend²⁾ näherten sich des Nachts die Schilde; als Alles: als Betten und Decken galten dieselben uns auf's Prächtigeste. Denn in ihnen ruhten wir unsere Körper aus bei einem, wenn auch nicht hellleuchtenden Wachtfeuer.

1) Supra scriptum est χρόνον, idemque postea inductum.

2) Uebersetzt nach einer Conjectur von Ed. Kurtz, der εὔνοι: statt εὐνοιαί liest. Das Wort würde «Lager» bedeuten, wenn εὐνοιαί stände.

3) Sic Cod. Num προσήεσαν;

§ 2. Ὑπνον¹⁾ δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα, ὡσπερ φοβηθέντα κάκεινα, πάντα ἀπέστησαν. Ἀντεῖχε δ' οὐδεὶς ἄλλου κάλλιον²⁾. πάντες δ' ὡς ἐν κοινῇ συμφορᾷ ὁμοίως καὶ ψυχὰς καὶ σώματα διετίθεντο. Ἐμακάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας, ὡς τοῦ φροντίζειν ἅμα καὶ τοῦ πονεῖν ἀποστάντας· ἐσχετλίασεν ἄλλος κατὰ τῶν ἐσομένων, ποίοις ἄρα καὶ αὐτοὶ δεινοῖς τὸ ζῆν ἐκμετρήσουσιν.

Schlaf¹⁾ und Traumgesichte, als ob auch sie erschrocken wären, hielten sich ganz ferne. Keiner aber hielt besser als der Andere vor²⁾; Alle waren, weil unter einem gemeinsamen Missgeschick befindlich, an Geist und Leib in gleicher Verfassung. Einer pries die Verstorbenen selig, als den Sorgen zugleich und den Mühen entrückt; ein Anderer beklagte die Nachkommen, unter welchen Drangsalen auch die das Leben hinbringen würden.

§ 3. Οἱ δὲ πρόσκοποι ἐξέκαμον καὶ αὐτοὶ, ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κακοῦ νικηθέντες, καὶ προίενοι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι κατὰ τῆς χιῶνος. Τὸ δὲ δὴ χαλεπώτατον, ὅτι καὶ διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς, καὶ οὐδ' ἐκ τούτου ἀδεᾶ ἡμῖν καθειστήκει τὰ πράγματα, ἀλλ' ἐν ὁμοίᾳ τὸ τε τοῦ χειμῶνος καὶ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν.

Selbst die Kundschafter ermatteten, von dem vielen Unheil besiegt, und vermochten nicht vorwärts zu gehen, so blindlings im Schnee watend. Das Allerschlimmste aber war, dass wir auch durch feindliches Land marschirten, und schon deswegen sich unsere Lage nicht gefahrlos gestaltete, sondern in gleicher Weise wurde die Schlechtigkeit des Winters als auch die der Feinde gefürchtet.

FRAGMENT II.

I. KAPITEL.

§ 1. Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρ-
βάρους πολεμεῖν ἐγνωμεν³⁾ ἢ, εἰ δεῖ τι
τάληθῆ φάναι, δείσαντες τὸ μὴ φθῆνα:

Da erst beschlossen wir mit den
Barbaren zu kämpfen³⁾ oder, um schon
die Wahrheit zu sagen, wir zogen uns

1) Ὑπνος Cod.

2) Hic scripta erant haec non absoluta: ἀλλ' οἱ χθὲς ἐρρωμενέστερον ἔχοντες καὶ θαρρῆν διακελυόμενοι πρὸς ἀλλήλους, σήμερον ἀμβλεῖς καὶ καταπεπτωκότες [sondern die, welche gestern kräftiger waren und sich gegenseitig Muth zusprachen, waren heute stumpf und niedergeschlagen]. ea omnia postea inducta sunt.

3) Scriptum est hic, et posterius inductum: Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου [und eben deswegen auch den (der) Norden vom Ister].

ὑπ' αὐτῶν ἀνααιρεθέντες, ἀπέστημεν, καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατὸν ἀντιτετάχθαι διενοήθημεν, πάντας ὁμοίως λεηλατούντων καὶ διαφθειρομένων ἀπανθρώποτατα, ὥσπερ τινὰ θηρία κατὰ πάντων τὴν ὁρμὴν ἐνδεικνύντα.

zurück aus Furcht, dass sie, uns zuvorkommend, uns vernichten könnten, und wir gedachten uns ihnen nach Möglichkeit zu widersetzen, da sie in gleicher Weise Alle plünderten und auf's Unmenschlichste umbrachten, gleich wilden Thieren ihre Wuth an Allen auslassend.

§ 2. Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειοτάτων φειδῶ τις εἰσῆει αὐτοῖς, οὐδὲ λογισμῶ τι νῆ κρίσει δικαίον τὸν φόνον εἰργάσθαι προὔθεντο· ἀλλὰ τὴν Μυσῶν¹⁾ λείαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν²⁾ γῆν κακῶς καὶ ἀσυμφόρως μεμελετήκυσαν.

Denn nicht einmal gegenüber den Nächststehenden kam ihnen irgend welche Schonung bei, noch auch nahmen sie sich vor, mit einiger Ueberlegung und Rücksicht auf Gerechtigkeit das Morden zu begehen, sondern böswillig und zwecklos gedachten sie die Beute der Mösier, sozusagen, aus ihrem²⁾ Lande zu machen.

§ 3. Ἀνατέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον· ἃ δὴ περὶ πλείστου τιμῶντες τὸ πρότερον τρόπαιά τε τὰ μέγιστα κατωρώκεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς.

Denn verkehrt war ihre frühere Billigkeit und Gerechtigkeit; diese am meisten vorher achtend, hatten sie ja die grössten Siegesdenkmäler errichtet, und Städte und Völker hatten sich ihnen freiwillig angeschlossen.

§ 4. Νῦν δ' ὥσπερ ἐκ διαμέτρου ἀδικία τούτοις καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων ξυνέστηκε. καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν, ἀνδραποδίζειν καὶ διαφεύρειν ξυνέθεντο.

Gegenwärtig jedoch war im Gegenheil Ungerechtigkeit und Willkür gegen die Untergebenen bei ihnen eingetreten. Und sie beschlossen die botmässigen Städte, anstatt zu pflegen und zweckdienlich gut zu verwalten, zu unterjochen und zu vernichten.

1) Μεισῶν Cod.

2) Sic: prius scripserat ἡμῶν [unserem], sed id induxit.

§ 5. Σχετλιάζοντές τε κατὰ τῶν ἡγεμόνων, καὶ ὡς οὐκ ἀδικοῦσιν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι.

Obwohl die Leute sich über die Befehlshaber beschwerten und sicher nachwiesen, dass sie nichts verschuldet hätten, vermochten sie nichts destoweniger nicht dem Tode zu entgehen.

§ 6. Φορὰ γὰρ τις, ὡς εἶοικεν, οὕτω κακίας ξυμβέβηκεν, ὡς περικλύζεσθαι τὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ φοβερῶτατα συγκεχῶσθαι δοκεῖν, ὡς ἐκ συμπτώματος ἢ τινος χάσματος παραλογωτάτου καὶ γαλεποῦ.

Denn eine Fluth, wie es schien, von Unheil brach so herein, dass die Leute davon überspült und auf's Schrecklichste verschüttet zu werden schienen, wie infolge eines Einsturzes oder irgend einer ganz unerwarteten und verderblichen Erdsplaltung.

§ 7. Πόλεις μὲν γὰρ πλείους ἢ δέκα ἀνθρώπων ἐξεκενώθησαν, κῶμαι δὲ οὐκ ἐλάττους πεντακοσίων παντελῶς ἐρημώθησαν· καὶ ἀπλῶς, τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῶν ὥσπερ ἐκ χειμῶνος ἐπικλυσθέντα ἐγένοντο, ἄνθρωποί τε, ἡδίκηκότες μηδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ¹⁾ χειρῶν ἔργον καὶ ζίφους ἐγένοντο.

Denn mehr als zehn Städte waren der Einwohner beraubt und nicht weniger als fünfhundert Dörfer völlig verödet; kurzum, das benachbarte und uns zunächstliegende Land war wie durch einen Orkan überfluthet. Menschen, ganz unverschuldet, durch Eidschwur geschützt, wurden eine Beute der Fäuste und des Schwertes.

II. KAPITEL.

§ 1. Τὸν δὴ τοιοῦτον ὄλεθρον καὶ κοινῇ πάντας κακῶς διαφθείραντα, καὶ περιελθόντα τοῖς ταλαιπύροις ἡμῶν ἀστυγείτοσι, καὶ πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχὴν τελευταίως ἢ πονηρὰ τύχη προσῆξεν, ὑφορώμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν, μὴ ἂν ποτε ἐξαπιναιῶς ἐμπέσοι, μὴδ' ἐκ τοῦ παραχρήμα λαθῶν τὰ καθ' ἡμᾶς λυμῆναιεν.

Das derartige Verderben, welches Allesammt entsetzlich vernichtete und unsere unglückseligen Nachbarn befallen hatte, führte das widrige Geschick schliesslich auch zu meinem Gebiet. Es war mir schon früher verdächtig gewesen, und ich hatte viel Fürsorge getroffen, dass es nicht jählings hereinbräche und uns auf der Stelle zu Grunde richte.

1) Ed. Kurtz conjicirt ἐπομωσίχ.

§ 2. Ὡς δ' ἀφῆκτο καθαρῶς ὁ κίνδυνος, καὶ πᾶσιν ἀνωμολόγητο φανερώς, ὡς τὰ περὶ ψυχῆς νῦν ἡμῶν κινδυνεύεται, τὸ μὲν τότε ὀλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρουσάμην, ἐμοῦ καίπερ τὰ ἔσχατα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαντος.

Als dann die Gefahr wahrhaftig herangekommen war, und Alle offen einräumten, dass unsere Existenz auf dem Spiele stehe, schlug ich das damalige Verderben auf's Besonnenste, so gut ich konnte, ab, obschon ich dabei die äusserste Gefahr lief.

§ 3. Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, πόλεμος ἡμῶν ἀκηρυκτὶ καὶ βαρβάροις ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυον ἔτι παρ' ἡμῶν (εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκηρύκειον), οὔτε ἀμαχητὶ πρὸς ἀλλήλους ἦμεν.

Von da an aber herrschte ohne vorhergegangene Ankündigung Krieg zwischen uns und den Barbaren, während dessen sie weder mit uns verkehrten (obwohl ich [sie] tausendmal wegen eines Vertrages unterhandelte[n]), noch auch Scharmützel zwischen uns ganz vermieden wurden.

§ 4. Καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθύς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβαλεῖν ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν . . .¹⁾ ὁ ἥλιος ἀπῆν.

Und der Krieg begann offen, der Winter aber stand nahe bevor; denn die Sonne war nicht mehr weit von . . .¹⁾ entfernt.

§ 5. Ἀλλ' οἱ μὲν βάρβαροι, στρατῶ παρασκευασθέντες ἰκανῶ, ἐσίβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν, ἰππικῶ τε ἅμα καὶ πεζῶ, νομίσαντες ὡς ἅμα βοῆ παραλήψεσθαι ἡμᾶς, τῆ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῆ τε ἡμῶν ὀρθωδίᾳ.

Die Barbaren, mit genügender Streitmacht ausgerüstet, fielen mit Reiterei und zugleich mit Fussvolk in unser Gebiet ein, in der Meinung, dass sie uns zugleich mit dem Kriegsgeschrei erobern würden, sowohl infolge der Schwäche der Mauer als auch wegen unserer Zaghaftigkeit.

§ 6. Καὶ οὐκ ἀπεικός ἦν αὐτοῖς ταῦτα οἶσθαι, οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἴκησιν ποιουμένων ἡμῶν, καὶ ὡς

Und nicht ohne Grund wähten sie dies, da wir so in einer zerstörten Stadt unseren Wohnort hatten, und

1) Haec omnia inducta, reposita, iterum inducta. Ubi asteriscum notavi, in Cod. est χειρινῶν. Num χειμερινῶν, sc. τροπῶν [Winterwende];

ἀπό κώμης μᾶλλον ἢ πόλεως τὰς προσβολὰς ποιουμένων¹⁾. Ἡ γῆ γὰρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων καὶ ἰκανῶς ἐξερήμωτο, ἐκ βάρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τείχη.

eher wie aus einem Dorfe als aus einer Stadt die Angriffe machten¹⁾. Das Land war nämlich früher von denselben Barbaren verheert und vollständig verwüstet worden, indem sie die Mauern von Grund aus nieder-rissen.

§ 7. Καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι²⁾ τὰ Κλήματα διανοησαμένου. Τοίγαρτοι φρούριον μὲν τοπρῶτον ἐκ τῶν ἐνόντων ἐξωκοδόμησα παρ' αὐτήν, ὡς ἐκ τούτου ῥαδίως καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι...

Und da erst kam ich zuerst auf den Gedanken, Klemata wiederzube-wohnen. Darum also erbaute ich zu-erst aus dem vorhandenen (Material) neben ihm ein Kastell, so dass von diesem aus³⁾ auch die ganze übrige Stadt leicht wiederhergestellt werden konnte...

FRAGMENT III.

I. KAPITEL.

§ 1. Καὶ τὸ μὲν ἀνωκοδόμητο τάχει πολλῶ, καὶ περιέφρακτο τάφρω· καὶ ἄμα τούτων⁴⁾... καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο.

Und dies wurde mit grosser Eile aufgebaut und mit einem Graben umgeben; und zugleich mit diesen⁴⁾... begann auch der Krieg.

§ 2. Μεμέριστο δὲ τὸ φρούριον κατὰ συγγενείας, καὶ κατέθεντο ἐν αὐτῷ τὰ σπουδαιότερα· ὅσα δὲ περιττά, ἔξω που

Vertheilt war das Kastell unter Sippschaften, und es wurde darin das Werthvollere niedergelegt; was aber

1) Hic subsequuntur illa, posterius inducta: Ἄλλ' ἐκεῖνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες (sic) καὶ κατασχυνθέντες ἀπήσαν πρὸς ἑσπέραν, φυλάξαντες (sic) τὸ περίορθρον. Πρὸς μὲν γὰρ τὸ πεζὸν τοξότας καὶ αὐτὸς ἀντεταξάμην, πρὸς δὲ τὸ ἰππικὸν ἰππικόν, διχῆ τὸν στρατὸν παρατάξαντες [Jene aber zogen, als sie viele der Ihrigen verloren und sich mit Schimpf bedeckt hatten, am Abend ab, nachdem sie die Morgendämmerung abgewartet. Denn dem Fussvolk stellte ich gleichfalls Bogenschützen entgegen, der Reiterei aber Reiterei, die Streitmacht in zwei Gruppen geordnet].

2) I. scribere voluit οἰκίσαι, instaurare.

3) Oder: infulgedessen.

4) Subest verbum adeo inductum, ut legi nequeat.

κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον ἔκειτο. Ὀικεῖτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα· τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐξητοίμαστο¹⁾.

überflüssig war, lag irgendwo ausserhalb in der anderen Umwallung der Stadt. Denn schon wurde auch die ganze Stadt bewohnt; das Kastell jedoch war hergerichtet¹⁾ um uns in einer grossen Gefahr zu retten.

§ 3. Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες²⁾ καὶ κατ-
αισχυνθηθέντες³⁾ ἀπήεσαν πρὸς νύκτα, φυλάξαντες τὸ περίορθρον· ἐγὼ δὲ ἅμα ἔφ' τὸν στρατὸν ἀντεξῆγον πολεμη-
σείων. Ἦσαν δὲ μοι τότε ἰππεῖς μὲν ὀλίγῳ πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'.

Die Barbaren aber zogen damals, als sie viele der Ihrigen verloren und sich mit Schimpf bedeckt hatten, zur Nachtzeit ab, nachdem sie die Morgendämmerung abgewartet. Ich dagegen führte das Heer mit dem Morgenroth hinaus voll Kampfesbegier. Ich hatte damals an Reiterei wenig mehr als hundert, an Schleuderern und Bogenschützen über 300.

§ 4. Οὐδαμοῦ δὲ τῶν βαρβάρων ὄντων, τὰ τῷ καιρῷ μοι σύμφορα ἐξηρ-
τύετο, τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγεί-
ρων⁴⁾, καὶ διδάσκων τοὺς ἐμούς εὖ παρε-
σκευάσθαι πρὸς τὰ πολέμια. Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας δρόμῳ κήρυκας ἔπεμπον, καὶ μετεκαλούμην αὐτούς, σκεψόμενος περὶ τῶν ὄλων⁵⁾.

Da aber die Barbaren nirgends waren, führte ich das den Umständen Entsprechende aus, indem ich die alte Mauer wiedererstehen liess und die Meinigen unterwies, sich zum Kriege gut zu rüsten. Zu unseren Anhängern aber schickte ich eilends Herolde und lud sie ein, um Sämmtliches zu bedenken⁵⁾.

1) Sequitur hic ἐτηρεῖτο [aufbewahrt], quod oblitus est inducere scriptor.

2) ἀποβαλλόντες Cod.

3) Sic Codex. Vid. supra p. 23 not. 1: κατ-αισχυνθέντες.

4) Sic Cod.

5) Hic primo leguntur illa: Δείσας δὲ, μὴ ἐσαυθίς τελείονι δυνάμει ἀφί [nämlich aus Besorgniss, dass sie von Neuem mit vollständigerer Streitmacht an...] sed haec inducta sunt Deinceps illa item inducta, καὶ στρατῷ μεγάλῳ ἀφίξοιντο. Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε [und mit einem grossen Heere anrücken könnten. Als jedoch die Versammlung stattfand, was ich damals sagte]. Inde haec non inducta Ἀφιγμένων δὲ κ. τ. λ. quae in textum recepi.

II. KAPITFL.

1. Ἀριγμένων δὲ ἀπαντοχόθεν, καὶ ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἶους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστὶ, καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντός μᾶλλον τιμησαίμην, μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι.

Als sie von allen Seiten herangekommen waren und eine Versammlung aus den Vornehmsten stattfand, was ich damals sagte, nach welchen Gebietern zu trachten mehr fromme, und an welche man sich wenden und welchen Vortheil man von ihnen zu erlangen versuchen müsse, und was zu thun sei,— und Alles Andere, was ich damals sagte, was ich höher als Alles schätzen möchte, Alles der Reihe nach mittheilen zu wollen, dürfte zu weit führen.

§ 2. Οἱ δὲ, εἴτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἴτε ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι, ἦθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, ἐκείνων¹⁾ καὶ σπεύσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ζυνέθεντο, κάμὲ τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπεψηφίσαντο.

Sie aber, theils weil sie angeblich niemals die Kaiserliche Fürsorge genossen haben, sich auch um die mehr hellenischen Gebräuche nicht kümmernd, sondern vor Allem nach Selbstständigkeit strebend; theils weil benachbart dem gen Norden vom Ister Herrschenden, dem zudem durch das grosse Heer Starken und auf die Streitkraft Stolzen, und weil von den dortigen Sitten in ihrer eigenen Lebensweise nicht abstechend,—beschlossen mit jenem¹⁾ einen Vertrag einzugehen und sich ihm zu übergeben, und sie stimmten Alle gemeinsam dafür, dass ich Solches ausführen solle.

§ 3. Καὶ ἀπήειν, ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ ἐνέτυχον αὐτῶ ὡς εὖξαιτ' ἂν μάλιστα τις. Καὶ, ὡς δυνατὸν ἐν

Und ich ging ab, damit das Unserige gerettet würde, und fand ihn so gut wie man sich's nur irgend

1) l. ἐκεῖνον (jenem).

βραχεῖ λόγῳ πᾶν συμπεράνας αὐτῷ, ἐκεῖνος μὲν παντὸς μᾶλλον¹⁾ μείζον τό πρᾶγμα ἐλογίσατο, ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκε καὶ σατραπείαν ἔλην, ἔν τε γῆ τῆ αὐτοῦ προσόδου· ἐπετείουσι ἱκανὰς ἐδώρησατο.

wünschen kann. Und nachdem ich ihm Alles in möglichst kurzer Rede dargelegt hatte, hielt jener die Angelegenheit für überaus wichtig, gab mir von Neuem mit Vergnügen die ganze Herrschaft über Klemata und fügte auch einen ganzen Bezirk hinzu und schenkte mir reichliche jährliche Einkünfte in seinem Lande.

(HASE) FRAGMENT I.

(I)... difficulter applicabant [lintres], tametsi unaquaeque earum non ultra ternos homines caperet: adeo erant mirabiliter exiles. Quanquam ne sic quidem locum invenire poterant in fluctu, multis earum duobus maximis glaciei frustis collisis atque contritis: quod quoties accidebat, exilientes e lintre qui inerant, in glacie considebant, ac velut super oneraria navi vehebantur. Aliae lintres vel hauriebantur fluctibus: tam infestum tunc se declarabat Danapris. Nos vero ibi aegre diuque exspectavimus, velut succentes flumini, quod non esset glaciatum. Nec multis diebus post erat aqua tum undique gelu constricta, tum mirifice firma: ut pedites equitesque intrepide per fluxum commearent, certaminaque tanquam in campis strenue ederent. Ita quasi praestigiatores aliquem se Danapris praebebat, prius violenter ac saeve elatus, et prope dicam aspicientibus universis terrorem iniiciens: mirumque eundem brevi tempore submissum fractumque adeo videri, ut illuderent et conculcarent omnes quasi subterraneum factum, et in latibulum aliquod a se ipso absconditum. Neque enim tantum aquas manantes referebant fluenta, quantum montes asperos et petrosos ostendebant. Et subter fluens liquor quanam in re aquae vel par vel similis poterat videri?

(II) Ita moestitia nostra in hilaritatem conversa est: complois manibus proxime accessimus, per aequor equitantes. Transgressi nullo negotio cum in vicum Borion venissemus, ad corpus reficiendum iumenta curanda nos convertimus, quae ipsa ex maiori parte aut erant invalida, aut defecerant.

---

1) Sic Cod.

Confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas, accingebamus nos Maurocastrum profecturi. Sed iam paratis rebus omnibus, cum nihil aliud obstaret, ipsa media nocte (quanquam maturius profectum oportebat), flante tunc aquilone gravissimo, hieme omnium saevissima se praecipitante, ut facile crederes, impervia esse itinera, nec obdurare sub dio ullum, propeque fieri non posse, ut qui tecto non servaretur interitum effugeret, tunc, inquam, formidine commoti subsistere ibidem nosque continere statuimus. Cuius consilii auctor apud sodales ego exstiti: non esse ullo modo domibus exeundum, nedum abnoctandum inde: quod princeps sidus (Saturnum vocamus) iam ad vesperum in conspectum se dabat, inque similitudinem naturae eius immutabatur aër. Transibat enim tunc Saturnus circa initia aquarii, sole brumalia signa permeante. Quare tempestas, ubi semel occooperat, ad maiorem semper saevitiam progressa est, ut quae prius terrificata nobis visa fuerant, cum subsequentibus collata ludus prorsus viderentur: tam luculenter se hiems quoquoersum diffuderat. Ibi diebus compluribus confectis, vix tandemque cogitatio aliqua domum redeundi subiit animum, aëre quoque sereniore se repraesentante.

(III). Itaque egressi sumus, ab incolis splendide stipati: omnes me manibus complois approbant, me tanquam necessarium unusquisque suum respicit, mihi maxima precatur. Hoc die stadia LXX, neque illa integra, emensi sumus, idque praegressis ante nos aliis, qui maximam vim nivis iam dimoverant. Postridie eius diei statim a principio difficillime progrediebamur, tanquam in pelago contra nivem luctantes. Nulla terra hic videbatur esse, neque nix usitata: equi ad collum usque non apparebant: iumenta, quamvis extremo agmine subsequencia, interibant, multaque ibi relinquebantur. Etenim dicebatur nix cubitorum IV. altitudine, eratque difficillima transitu. Ita multi ex comitibus domum se contulerunt, quod calamitatem vim humanam superare arbitrabantur. Atque erat profecto insueta aerumna, miseris undique fere ingruentibus: infra tam alta et spissa nix, superne flantes venti inclementissimi. Neque ulla sperari poterat malorum intercapedo, nec unde quis meliorem statum assequeretur (omnia inutilla et infructuosa esse his in malis apparebat), nulla erat facultas ignes accendendi, nec requiescere vel minimum spatium permittebat nobis nix.

(IV). Accedebant noctu scuta pro cubilibus: haec pro omnibus habebamus, et pro stragulis et pro opertoriis splendidissimis. In illis enim corpus ad ignem, nec illum splendidum, refocillabamus. Somnum visa per quietem occurrentia, quasi timentem illa quoque, universum fugaverant. Neque quisquam magis quam alius ad aerumnas obduruerat: omnes erant ut in communi calamitate aequae et animo et corpore afflicti. Alius beatos praedicabat mortuos, ut iam sensu doloribusque liberatos: lamentabatur alius posteros,

quibus miseris oppressi illi quoque vita essent defuncturi. Item labori succubuerant exploratores nostri, vi mali victi, nec per nivem incerto gradu errantes progredi poterant. Omnium autem acerbissimum erat, quod per regionem hosticam iter faciebamus, neque inde erant res nostrae periculo vacuae, sed pariter hiemis hostiumque violentia timebatur.

FRAGMENT II.

(I). Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, recessimus ab illis metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aequae enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel erga coniunctissimos continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patrandae caede volebant uti: sed Mysorum praedam, quod aiunt, ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis. Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculari (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia adversus subditos: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitutem et excindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida plus X, pagi plane deserti non minus quingentis: vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis juratis traditi, manibus obruncabantur gladiisque hostilibus.

(II). Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium meum quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improvise, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum inde abruptis commerciis bellum inter nos

et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est. Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a. . sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equitibus militibusque in regionem nostram irruerunt, nos momento expugnatum iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat obsonum eos hoc sperare, quod in diruto oppido comorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse.

FRAGMENT III.

(I). Idque propere et instauratum fuerat, et fossa circummunitum: unaque cum his bellum quoque inceptit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem praeparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, servato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC. Barbari cum nusquam apparerent, quae apta huic tempori essent a me adornata sunt, murus vetus erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis accessivi, de rerum summa in consilium ire volens.

(II). Undique cum advenissent, concione optimatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae Imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, Graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominantem conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret

vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent: idcirco statuerunt pacisci cum illis seque dedere, me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, eumque talem deprehendi, qualem desiderare quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam, et ex ipsius regione reditus annuos idoneos largitus est.

(WASSILJEWSKIJ) FRAGMENT I.

---

1. Mit Mühe landeten sie, obgleich jedes von ihnen nicht mehr als drei Mann in sich barg: so winzig waren sie. Aber sogar solche (kleine Fahrzeuge) fanden dennoch keinen freien Raum auf der Oberfläche der Strömung; denn viele von ihnen geriethen zwischen zwei sehr grosse Eisschollen und fingen an zu sinken. Jedesmal, wenn das geschah, sprangen die im Fahrzeuge befindlichen Menschen heraus, setzten sich auf die Scholle und fuhren auf derselben wie auf einem Lastschiffe. Einige von ihnen (Fahrzeugen) jedoch zerschellten und wurden vom Wasser verschlungen, weil der Dnjepr in heftiger Bewegung war. Wir, unsererseits, blieben hier im Aerger und in zu langer Erwartung und waren ihm gleichsam deswegen böse, dass er nicht zugefroren war. Doch wenige Tage darauf gefror überall das Wasser und verwandelte sich in eine so feste Fläche, dass man zu Fuss sowie zu Pferde furchtlos auf dem Flusse gehen und muthig Schlachten wie auf einer Ebene hier schlagen konnte. Auf diese Weise hatte der Dnjepr sich uns etwa gleichsam als Zauberer gezeigt; vorher erhob er sich zornig und stürmisch, fast Jedem, der blos auf ihn schaute, Furcht einflössend, — kurze Zeit darauf aber besänftigte und beruhigte er sich dermaassen, dass jeder sich über ihn lustig machen und ihn mit Füßen treten konnte; er aber erschien wie unter der Erde versteckt, irgendwo im dunklen Winkel verkrochen. Nicht mehr in Gestalt von einfach fliessenden Gewässern, sondern in Form etwa von rauhen und versteinerten Bergen zeigte sich seine Oberfläche; sollte aber das, was sich unten unter ihnen bewegte, irgend eine Aehnlichkeit oder Verwandtschaft mit Wasser haben?

2. Jetzt wandelte sich unsere Niedergeschlagenheit in Freude um; nachdem wir dieselbe durch reichliches Händeklatschen ausgedrückt hatten,

kamen wir näher und beritten betraten wir den Fluss. Ungehindert hinübersetzt und im Dorfe Borion angelangt, gingen wir an's Essen und an die Pflege der Pferde, da auch sie bisher Mangel gelitten hatten und im höchsten Grade ermüdet waren. Nachdem wir so viel des Tages, als zur Herstellung unserer Kräfte erforderlich war, verbracht hatten, rüsteten wir uns zum Aufbruch, um in der Richtung nach Maurokastron zu gehen. Als bei uns Alles bereit war und kein Hinderniss im Wege stand, da erhob sich gerade um Mitternacht (während wir uns vorher auf den Weg machen mussten) der stärkste Nordwind, und es brach ein so überaus heftiges Schneegestöber los, dass man nicht annehmen konnte, dass die Wege zugänglich geblieben wären, dass jemand den Aufenthalt unter freiem Himmel aushalten könnte, und dass es möglich wäre dem, welcher das schützende Dach verliesse, sein Leben zu erhalten; dadurch in Schrecken gesetzt, beschlossen wir zu bleiben und uns nicht von der Stelle zu rühren. Ich (als erster) sagte dieses meinen Tischgenossen, dass es uns nicht möglich sein werde von Hause zu gehen und das Nachtlager an einem anderen Orte aufzuschlagen, [und dass mir aus den Sternen erschienen war], während der erste der Sterne sich in der abendlichen Phase befand, und [entsprechend seiner Natur] entsprechend demselben der Zustand der Luft sich veränderte [der Natur nach kalt und schneeig erscheinend],— Saturn genannt. Denn er giag gerade damals bei den Anfängen des Wassermannes durch, während die Sonne die winterlichen Zeichen durchlief. Und so wurde das hereingebrochene Schneegestöber immer wüthender, und das, was uns vorher schrecklich schien, zeigte sich uns jetzt als ein Scherz im Vergleich zu dem, was darauf erfolgte: so stürmisch breitete sich das Schneegestöber nach allen Seiten aus. Es waren ziemlich viel Tage verflossen, bevor uns schliesslich wieder irgend ein Gedanke an die Rückkehr in die Heimath kommen konnte, und bevor die Luft sich wieder etwas günstiger erwies.

3. Und da rückten wir aus, von den Einheimischen feierlich begleitet, wobei Alle mir freundlich zuklatschten und jeder auf mich wie auf seinen Angehörigen blickte und die besten Wünsche mit auf den Weg gab. Und damals (am ersten Tage) legten wir kaum volle siebenzig Stadien (ca. 12 Werst) zurück, ungeachtet dessen, dass Andere uns vorausgegangen waren und wo viel Schnee war, fortgeschafft hatten. Am anderen Tage konnten wir von Anfang an nur mit der grössten Mühe vorwärts kommen, wie im Meere gegen den Schnee ankämpfend. Das schien keineswegs Land zu sein, auch nicht gewöhnlicher Schnee; die Pferde verschwanden bis zum Halse, die Lastthiere aber, obwohl sie uns zu allerletzt folgten, brachen ganz zusammen, so dass viele von ihnen dort auf dem Wege liegen blieben. Der Schnee, sagte man, lag vier Ellen hoch und verursachte grosse Schwierig-

keiten beim Bahnen des Weges. Viele von den Begleitern kehrten heim, da sie die Umstände für die menschlichen Kräfte übersteigend hielten. Thatsächlich war das Missliche unserer Lage keines von den Gewöhnlichen, weil die Schwierigkeiten uns von allen Seiten bedrängten; von unten der tiefe und dichte Schnee, von oben aber bliesen scharfe Winde. Und von nirgend her war irgend eine Aenderung zum Besseren zu erwarten, da sich Alles in dieser schlimmen Lage als nutzlos und ungeeignet erwies; man konnte kein Feuer anfachen, und der Schnee gab uns nicht die Möglichkeit auch nur eine kurze Weile auszuruhen.

4. Als Lager dienten uns des Nachts die Schilde; sie wurden von uns auf's Prächtigeste als Betten sowie Decken verwandt. In ihnen ruhten wir, den Körper am, wenn auch nicht helleuchtenden, Feuer wärmend. Schlaf und Traumgesichte begleitende Träumereien waren uns ferne, als wenn auch sie erschrocken wären. Von Keinem konnte gesagt werden, dass er besser als der Andere aushalte [im Gegentheil, die, welche gestern stärker zu sein schienen und die Anderen ermuthigten, waren heute schlaff und niedergedrückt]; bei dem Allen gemeinsamen Missgeschick war das körperliche und seelische Befinden bei Allen ein gleiches. Der Eine sprach von dem beneidenswerthen Schicksale der Verstorbenen, die von Sorge sowie Mühen schon befreit sind; der Andere bemitleidete das zukünftige Geschlecht, unter welchen Drangsalen auch noch ihm beschieden sein werde das Leben hinzubringen. Unsere Kundschafter waren gleichfalls erschöpft, von der Menge der Uebel besiegt, und hatten nicht Kraft voran zu gehen, blindlings und zwecklos im Schnee irrend. Das grösste Uebel bestand aber darin, dass wir durch feindliches Land schritten, und schon infolgedessen unsere Lage nicht gefahrlos war; das Unheil drohte uns, im Gegentheil, in gleicher Weise sowohl vom Winter als auch von den Feinden.

FRAGMENT II.

---

1. [Eben deswegen auch die nördlichen Ufer der Donau]. Da erst entschlossen wir uns den Krieg mit den Barbaren zu beginnen, oder um schon die ganze Wahrheit zu sagen, wir zogen uns (vor ihnen) zurück aus Furcht, dass sie, zuvorkommend, uns vernichten könnten, und wir hielten es (für's Beste), uns ihnen (hier) so weit als möglich zu widersetzen, während sie in der unmenschlichsten Weise Alle plünderten und umbrachten, gleich einigen

wilden Thieren, welche ihre Wuth überall auslassen. Irgend welche Schonung, selbst in Bezug auf die Nächststehenden, war ihnen nicht zugänglich, und sie hielten es nicht für nöthig, das Morden mit irgend welcher Ueberlegung und Rücksicht auf Gerechtigkeit zu begehen; im Gegentheil, in böser und nutzloser Weise gedachten sie aus [unserem] ihrem Lande — sozusagen — die Beute der Mösier zu machen. Geschwunden war ihre frühere Gerechtigkeit und Gesetzlichkeit, — während sie anfänglich die grösste Achtung ihnen zollten, und infolgedessen sie selbst die grössten Trophaeen erreicht hatten, und Städte und Völker sich ihnen freiwillig anschlossen. Jetzt aber, gleichsam umgekehrt, leitete sie Ungerechtigkeit und Rechtlosigkeit in Bezug auf die Untergebenen. Anstatt für das Wohl der unterworfenen Städte zu sorgen und sie zum eignen Nutzen in guter Ordnung zu verwalten, nahmen sie sich's vor, sie zu unterjochen und zu verwüsten. Ueber ihre Befehlshaber klagend und klar nachweisend, dass sie nichts verschuldet haben, strebten diese Leute (d. i. die Unterthanen) nur darnach, am Leben zu bleiben. Es war dem ähnlich, als wenn sich ein starker böser Ausbruch ereignet hätte, so dass für die Menschheit eine Sintfluth eingetreten zu sein schien, und es drohte die furchtbarste Zerstörung wie infolge eines Erdbebens oder eines unvermutheten und unheilvollen (sich aufthuenden) Abgrundes. Mehr als zehn Städte wurden ihrer Bevölkerung beraubt, nicht weniger als fünfhundert Ansiedelungen verwandelten sich in eine Wüste: mit einem Wort, das ganze benachbarte und uns zunächst liegende Land lag wie nach einem Sturme in Trümmern; Leute, völlig unschuldig, wurden unter dem Vorwande des Eid (-Bruches) die Beute der Vergewaltigung und des Schwertes.

2. Das grausame Geschick führte schliesslich auch zu meinem Gebiet die Pest, welche in schlimmer Weise Alle umbrachte und schon (ringsum) meine unglücklichen Nachbarn befallen hatte. Ich hatte das schon früher erwartet, und schon verschiedene Vorsichtsmaassregeln ergriffen, damit sie uns nicht unvorbereitet überfalle oder durch plötzliches heimliches Erscheinen in's Verderben stürze. Als dann die Gefahr wirklich an uns herantrat und als Alle klar einsahen, dass es sich jetzt um unser Leben handele, da wandte ich das damalige Unheil auf die weiseste Art, wie ich nicht besser konnte, ab, obgleich ich dabei fast die äusserste Gefahr lief. Was nun die darauf folgende Zeit betrifft, so begann bei uns mit den Barbaren ohne jede (vorläufige) Ankündigung der Krieg, wobei sie schon mit uns nicht mehr in Verkehr traten, obwohl ich tausendmal ihnen Anerbieten wegen eines Waffenstillstandes machen liess, und es bereits zwischen uns nicht ohne Kampf abging. Und da begann der Krieg sofort, und der Eintritt des Winters war nahe, da die Sonne sich unweit der Winterwende befand. Während dessen fielen die Barbaren, nachdem sie grosse Streitkräfte zusammengezogen

hatten, mit Reiterei und Fussvolk in unser Land ein, wählend, dass sie uns beim ersten Anlauf bewältigen würden, und bauend auf die Schwäche unserer Mauer und auf unsere Zaghaftigkeit. Ihre Voraussetzungen waren ziemlich begründet, da wir den Wohnort in einer völlig zerstörten Stadt hatten und eher aus einem (offenen) Dorfe als aus einer wirklichen Stadt Ausfälle machten. [Als sie aber viele der Ihrigen verloren und sich mit Schande bedeckt hatten, zogen sie am Abend ab, sich vor dem Morgen fürchtend. Denn dem Fussvolk stellte auch ich Bogenschützen, der Reiterei aber Reiterei entgegen, nachdem ich das Heer in zwei Gruppen getheilt hatte]. Weil das Land schon vorher von denselben Barbaren verheert und in eine vollständige Wüste verwandelt worden war, wobei sie auch die Mauern von Grund aus zerstörten; und da erst kam ich als erster auf den Gedanken, wieder in Klemata zu wohnen. Demnach erbaute ich neben ihm aus dem vorhandenen Material zuerst ein Castell, indem ich bedachte, dass von hier aus auch die ganze übrige Stadt leicht besiedelt (besetzt) werden könnte.

FRAGMENT III.

---

1. Und es (das Castell) war mit grosser Eile erbaut und mit einem Graben umgeben, und zugleich damit . . . begann der Krieg. Das Castell war vertheilt unter einzelne Familien, und in ihm wurde zum Aufbewahren das am meisten Werthvolle niedergelegt; das aber, was noch übrig blieb, wurde ausserhalb desselben in einer anderen Umzäunung der Stadt untergebracht. Denn die ganze Stadt fing schon an, sich auch zu besiedeln; das Castell jedoch war dazu hergerichtet um uns aus grosser Gefahr zu retten [wurde aufbewahrt]. Die Barbaren aber, nachdem sie viele der Ihrigen damals verloren und sich mit Schande bedeckt hatten, zogen des Nachts ab, sich vor dem Morgen fürchtend; ich jedoch führte mein Heer mit dem Morgenroth hinaus mit der Absicht einen Kampf einzugehen. Ich hatte damals wenig mehr als hundert Reiter und nicht mehr als dreihundert Schleuderer und Schützen. Da ich die Barbaren nirgends sah, beschäftigte ich mich mit dem, was bei den damaligen Umständen nützlich war, indem ich die alte Mauer wiedererbaute und die Meinigen unterwies, sich besser zu den kriegerischen Handlungen vorzubereiten. Zugleich schickte ich Eilboten zu denen, welche zu uns hielten, sie zu mir einladend, wobei ich im Auge hatte, einen endgültigen Beschluss zu fassen. [Doch aus Besorgniss, dass sie von Neuem mit

grösserer Streitmacht kom... Und mit einem grösseren Heere kommen könnten, als aber die Versammlung stattfand, darüber, was ich damals sagte...].

2. Als sie von allen Seiten gekommen waren, und eine Versammlung aus den Vornehmsten stattfand, hielt ich eine Rede, in welcher ich auseinandersetzte, welche Herren man mehr wünschen solle, und welchen Vortheil, nach Erlangung dieses oder jenes (Herren), man aus ihnen zu ziehen suchen müsse und überhaupt was jetzt zu thun sei: worüber ich damals sprach und alles das, was ich sagte, wäre zu lang, der Reihe nach hier mittheilen zu wollen, selbst wenn ich auch dieses (die Rede) mehr als alles schätzte. Doch entweder deswegen, weil sie scheinbar niemals das kaiserliche Wohlwollen genossen hatten und sich um die mehr hellenischen Gebräuche nicht kümmern, vor Allem aber nach Unabhängigkeit streben, oder weil sie Nachbarn dessen, welcher im Norden der Donau herrscht und zugleich durch ein grosses Heer mächtig und auf die Kraft im Kampfe stolz ist, und (schliesslich weil) sie sich den Sitten nach von den dortigen (Bewohnern) in ihrer eigenen Lebensart nicht unterscheiden,— (kurz und gut) sie beschlossen mit ihm Frieden zu schliessen und sich ihm zu übergeben, und gaben Alle gemeinsam ihre Stimmen dahin ab, dass auch ich dasselbe thun solle. Also begab ich mich, damit unsere Besitzungen erhalten blieben, zu ihm und wurde von ihm auf's Allerbeste, wie sich's nur irgend jemand wünschen kann, aufgenommen. In möglichst kurzer Unterredung machte ich mit ihm Alles ab; und er hielt diese Angelegenheit für wichtiger als Alles, gab mir gern von Neuem die ganze Herrschaft über Klemata und fügte eine ganze Satrapie hinzu, ausserdem aber schenkte er (mir) in seinem Lande genügende jährliche Einkünfte.

KOMMENTAR.

FRAGMENT I.

I. KAPITEL.

---

§ 1. «... mühsam landeten (κατήγετο) sie», nämlich die Fahrzeuge τὰ πλοῖα, von denen weiter die Rede ist. Der Ausdruck «landen» ist nicht dahin zu verstehen, dass das Anlegen der Bööte Schwierigkeiten bereitete, sondern dass die Ueberfahrt über den Fluss, wie aus der folgenden Beschreibung erhellt, mit grosser Gefahr verknüpft war. Κατάγομαι *landen, einlaufen* bedeutet hier so viel als «das andere Ufer erreichen», «über den Strom setzen». Dementsprechend verdolmetscht auch Popow den Satz: «schwierig war es an's andere Ufer zu gelangen». Dabei bleibt es unentschieden, welches Ufer unter dem «anderen» gemeint sei, ob dasjenige, auf dem sich der Verfasser mit seinen Leuten befand, was minder wahrscheinlich zu sein scheint, oder das gegenüberliegende. Desgleichen ist nicht festzustellen, ob die Insassen der Fahrzeuge in irgend einem Zusammenhange mit dem Toparchen stehen oder nicht.

Auffallend ist die beträchtliche Anzahl der bei starkem Eisgange in Nachen über den stürmischen Strom Setzenden. Es ist kaum anzunehmen, dass diese Leute mit den im 3. Kap. § 1 erwähnten «Andern» identisch seien.—Die Menge der hier angesammelten Kähne weist auf eine ständige, viel frequentirte Ueberfahrtsstelle hin.

Der Verfasser konnte sich den winzigen Bööten auf dem bewegten, mit dichten Eisschollen übersäeten Strom nicht anvertrauen und das um so mehr, als seine Mannschaft beritten war und Lastthiere seinen Zug begleiteten (cf. 2. Kap. § 1 und 3. Kap. § 2).

συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε collis atque contritis. Umsonst weicht Wassiljewskij von Hase ab und übersetzt: «denn viele von ihnen geriethen zwischen zwei sehr grosse Eisschollen und fingen an zu sinken». *Συναράσσω* heisst *zusammenschlagen, zerbrechen*; im Pass. *zerschlagen, zerschmettert werden*, also hier: wurden zerschlagen oder zusammengedrückt, — gepresst. Was den zweiten Ausdruck betrifft, so ist Wassiljewskij's Uebersetzung sicher nicht haltbar; *ξυνέπιπτε* bedeutet einfach: sie fielen oder stürzten zusammen, sie zerfielen. Dass damit ein Sinken verbunden war, ist klar; das steht aber nicht im Text. Wassiljewskij's Verdolmetschung: «sie fingen an zu sinken», ist viel zu frei. Treffender übersetzt Popow: «sie wurden zerdrückt».

Wassiljewskij's abweichende Uebersetzung scheint mir im Zusammenhang mit seiner besonderen Auffassung des nächstfolgenden Satzes *Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέβραξεν ὑποβρύχια* zu stehen. Er giebt ihn so wieder: «Doch einige von ihnen zerschellten und wurden vom Wasser verschlungen», während Hase's Text: *Aliae lintres vel hauriebantur fluctibus*, aufweist, wogegen Popow einfach übersetzt: «Doch einige versanken». *Καταρρήγνυμι* kann gewiss die Bedeutung «zerschellen, zerbersten», die Wassiljewskij ihm giebt, haben; zu berücksichtigen ist aber, dass der Toparch kurz vorher die Worte *συναράσσομαι* und *ξυμπίπτω*, die einen ähnlichen Sinn ergeben und sich auf *πολλὰ αὐτῶν (πλοίων)* beziehen, gebraucht. Von diesen Fahrzeugen unterscheidet der Verfasser eine kleine Anzahl von Kähnen, denen ein anderes Loos beschieden war. Während «viele» von den Bööten von den Eisschollen zerdrückt zerfielen, die Mannschaft aber sich rettete, trug sich die Sache bei Wenigen (*ἔνια*) anders zu: sie gingen mit den Insassen zu Grunde. So verstehe ich die Situation. *Κατέβραξεν* übersetze ich «stürzten hinab (in die Tiefe)», «versanken». Das Wort kommt nur noch ein einziges Mal im Text vor und zwar im ersten Fragment 2. Kap. § 2 in der Bedeutung «herabstürzen» «niedergehen» *χειμῶνος καταβράγέντος*. Bitte zu beachten, dass nach *Ἐνια δὲ αὐτῶν* der Satz *οὕτως ἄρα γαλεπαίνων ὁ Δάναπρις* folgt, womit die Erklärung des Vorganges gegeben wird. Nicht sowohl die dichten Eismassen dürften «einige» Fahrzeuge zum Scheitern gebracht haben, als vielmehr das heftige Wallen der Fluthen.

Wassiljewskij fasst die Sache augenscheinlich anders auf. «Einige» Bööte lässt er zerbersten und versinken, während er «viele von ihnen» sich zwischen Eisschollen gerathen denkt, wobei sie nur zu sinken anfangen, ohne dass sie aber dabei zu Grunde gegangen wären. Dass diese Fahrzeuge heil geblieben sein sollen, ist in Anbetracht von *συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε* schwerlich anzunehmen, aber auch mit völliger Sicherheit nicht zu behaupten. Es heisst: die Insassen liessen sich auf Eisschollen nieder und fuhren wie

auf Lastschiffen dahin. Ob sie die jedenfalls beschädigten Fahrzeuge noch später benutzt haben, sagt der Autor nicht.— Ich erlaube mir nochmals meine Ansicht, die sich mit Hase's Uebersetzung deckt, auszusprechen: Viele von den Nachen wurden von Eismassen zerquetscht und infolgedessen unbrauchbar. Die Insassen retteten ihr Leben dadurch, dass sie auf Eisschollen sprangen. Einige Kähne aber wurden (mit ihren Insassen) von dem tobenden Strom verschlungen.

§ 2. Ἡμεῖς δὲ αὐτῶν χαλεπώτερον καὶ ἐπὶ πλεῖστον προσεδεχόμεθα übersetzt Kurtz in sinnreicher Weise wie folgt: «Wir aber warteten wüthender als er (der Dnjepr) die längste Zeit». Dennoch glaubte ich, mich Hase und Wassiljewskij anschliessen zu müssen.

... οὐ πολλάς πω ὕστερον ἡμέρας bedeutet eigentlich «noch nicht viel Tage später», das ich durch «schon wenige Tage später» wiedergegeben habe.

(τὸ ὕδωρ) ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν überträgt Ed. Kurtz, abweichend von Hase und Wassiljewskij, durch «das Wasser war über einen grossen Raum hin fest», wogegen sprachlich sich kaum was einwenden lässt. Sachlich stört ein wenig das vorhergegangene τὸ ὕδωρ ἀπανταχῆ πέπηκτο «das Wasser war allüberall gefroren». Auch der folgende Satz scheint besser mit «im hohen Grade» (mirifice bei Hase) zusammenzustimmen: «so dass man sowohl zu Fuss als auch zu Pferde furchtlos auf dem Strom gehen und Schlachten wie auf Ebenen mannhaft schlagen konnte».

Das Staunen des Toparchen über die Stärke der Eisdecke und die naive Betrachtung, die er darüber anstellt, verräth einen Südländer, dem solche Wahrnehmung etwas völlig Ueberraschendes und Neues ist. Darf man aus diesem Umstande nicht den Schluss ziehen, dass die Heimath des Autors weder an der Donau noch am Dnjepr oder Don zu suchen sei?

§ 3 und 4. Durch die Beschreibung des Dnjepr vor seinem Gefrieren gewinnen wir den Eindruck von einem reissenden Strom. Er wogte zürnend und grollend, nicht etwa durch starke Winde aufgeregt, wofür wir nicht den geringsten Anhaltspunkt haben; vielmehr spricht alles dafür, dass seine heftige Bewegung nicht durch äussere Einwirkung hervorgerufen wurde. Erst einige Tage darauf, bereits nach dem Uebergange über den gefrorenen Fluss, erhob sich ein wüthender Nordwind, welcher sich zu einem rasenden Sturme steigerte. Falls Winde den Dnjepr zum Toben brachten, müssen sie von ganz gewaltiger Stärke gewesen sein, da eine mit dichten Eismassen bedeckte Wasserfläche nicht leicht in Wallung versetzt werden kann. Selbst wenn wir rhetorische Uebertreibung, zu der sich der Schreiber möglicherweise hat hinreissen lassen, in Abzug bringen, können wir uns nicht der Einsicht entziehen, dass wir es nicht mit einem langsam und ruhig

seine Wogen dahinwälzenden Strome zu thun haben; im Gegentheile, wild und schreckenerregend war sein Anblick. Diese Erwägung legt den Gedanken nahe, dass die Schilderung des aufgeregten Dnjepr nicht auf den Unterlauf mit seinem gleichmässigen und geringen Gefälle zielen dürfte.

Der drastische Vergleich des Stromes vor und nach seinem Gefrieren, die Verblüffung über den so jäh verwandelten seltsamen Anblick des Gewässers spricht unzweideutig dafür, dass dem Toparchen die eigenartigen Erscheinungen des nordischen Winters, die stets einen tiefen Eindruck auf die Phantasie eines Südländers machen, neu waren. Demnach dürfen wir seine Heimath nicht in kälteren Gegenden, als es die Südküste von Taurien ist, ansetzen.

ὄρη σκληρά τινα καὶ λιθώδη μᾶλλον ἐδέδεικτο. Achtlos sind alle Forscher, bis auf Buratschkow, an dieser charakteristischen Stelle vorübergegangen; sie aber enthält gerade den Schlüssel zur Lösung mancher dunklen Frage. Buratschkow, der den Dnjepr aus eigener Anschauung zu jeder Jahreszeit kennt, äussert sich auf S. 208 folgendermaassen:

«Ortkenntniss allein schon genügt, um zum Schluss zu gelangen, dass sich das vom Toparchen geschilderte Bild auf die Stromschnellenpartie des Dnjepr bezieht, wo die Strömung infolge des starken Gefälles ihre grösste Schnelligkeit erreicht. In der Beschreibung der Dnjepr-Fälle sagt Constantin Porphyrogenetos, dass das Wasser, an den steilen inmitten des Flusses emporragenden Felsen hinaufschlagend, brandet und herabstürzend dann Schrecken verbreitet; dasselbe Gefühl überkam auch den Toparchen. Nur hier friert der Dnjepr in der vom Toparchen gekennzeichneten Weise zu; was aber den unteren Lauf des Dnjepr betrifft, so bedeckt sich die Wasseroberfläche, wenn die Temperatur bis zu einem gewissen Grade sinkt, gleichzeitig mit kompaktem und ebenem Eise. Die rauhen und versteinerten Berge, von denen der Toparch redet, zeigen sich nur bei den Stromschnellen, wo die rapide Strömung das sich auf der Oberfläche bildende Eis mit sich fortreisst, am Gestein zerkleinert und ganze Berge davon an den Ufern aufthürmt. Bei den Dnjepr-Fällen findet der Uebergang viel später und erst dann statt, wenn das von den Schnellen her treibende Eis keinen Spielraum mehr zur Weiterbewegung hat. Unterhalb der Stromschnellen geschieht es beim Zufrieren des Dnjepr nie, dass Eisschollen, die Menschen zu tragen im Stande wären, frei auf seiner Oberfläche schwämmen, wie das beim Toparchen beschrieben wird; dagegen ist diese Eigenthümlichkeit beim Gefrieren des Dnjepr eine in den Stromschnellen gewöhnliche Erscheinung. Dem mit der Gegend Ver-

«trauten genügt somit die blosse Lektüre der Notizen des Toparchen, «um den Punkt seines Ueberganges über den Dnjepr festzustellen.»

Zum Ueberfluss verweist noch Buratschkow auf Schmidt «Das Cherson'sche Gouvernement» (p. 172 — 175) und auf «Materialien für die Statistik der Flussschiffahrt», St. Petersburg 1872 p. 64—67 (beides russisch). Das Alles genügte mir noch nicht. Auf meine officielle Anfrage erhielt ich aus Jekaterinoslaw, durch Vermittelung der Kanzelei der Verwaltung des Kiewer Bezirkes der Wegekommunikation, vom Inspector der Schiffahrt auf dem Flusse Dnjepr ein Schreiben, datirt vom 6. October 1898 sub № 1983, des Inhalts:

«dass die in jenem (meinem) Briefe angeführten charakteristischen «Merkmale des Zufrierens des Flusses Dnjepr auf die Stromschnellen- «partie bezogen werden müssen, wo sich thatsächlich, in Folge von Eis- «stauungen, bisweilen ganze Eisberge bilden, in der Höhe von fünf- «stöckigen Gebäuden, die den Fluss seiner ganzen Breite nach sperren».

Die Eruirung der Dnjepr-Ueberfahrtsstelle ist Buratschkow's bleibendes Verdienst. Wie schade, dass Uspenskij, welcher nach Buratschkow über die Aufzeichnungen des Toparchen schrieb, dessen Abhandlung nicht gekannt hat. Ginge Wassiljewskij von den Stromschnellen aus, wer weiss, ob seine Ergebnisse nicht ganz anders ausgefallen wären. Was für Schlussfolgerungen sich an die Inselwehren als Ort des Ueberganges über den Dnjepr knüpfen, davon später.

II. KAPITEL.

§ 1. προσίμεν, κατὰ πέλαγος ἰππασάμενοι proxime accessimus, per aequor equitantes. Ed. Kurtz: «näheren wir uns und ritten über die Fläche». Wassiljewskij: «wir näherten uns und betraten beritten den Fluss». Ich übersetze: «wir kamen heran und ritten auf die Fläche (Strom) hinab». Die Modificationen sind unbedeutend und sachlich irrelevant.

χώμη Βοριών Dorf Borion oder Worion. Auf S. 208/209 führt Buratschkow Folgendes aus:

«Herr Wassiljewskij wollte eine ähnliche Benennung in der späteren russischen Nomenklatur von Ansiedelungen am ganzen Dnjepr- «Laufe von Kiew bis zum Liman hinab aufsuchen und blieb bei Burgun «unweit Cherson stehen, während aus dem oben Gesagten hervorgeht, «dass der Name Borion oder Worion einen Zusammenhang mit einer

«der Schnellen haben muss. Im Griechischen bedeutet Βορός gefräßig, «unersättlich,— daher erstand denn auch für das Dorf die Bezeichnung «Βοριών von der Njenassytjetzk'schen Stromschnelle. Der Nachklang «der griechischen Benennung ist bis zum heutigen Tage an der auf die «Njenassytjetzk'sche Schnelle folgenden Woronowa zabora und an dem «Fluss Worona haften geblieben. . . Der ehrwürdige Autor der Geschichte «des russischen Lebens (Moskau 1876 p. 310) Zabjelin vermuthet, «dass der Name Worion mit der Völkerschaft der Boranen zusammen- «hänge. . . Zur entgeltigen Lösung der Frage erlauben wir uns den «Etymologen hinzuweisen auf das kirchenslawische Wort wora in der «Bedeutung von Sperre: «a brody wsje bjachu zoworeny wòrami». So- «mit deute die Bezeichnung Woronowa zabora auf das hohe Alter ihrer «Entstehung und auf den Zusammenhang mit dem altugrischen Wora «(Zeitschrift für Ethnologie, 1876 Heft IV und V p. 140)».

Meinerseits möchte ich auf den am Dnjepr belegenen Bezirk Worotalmat bei Constantin Porph. aufmerksam machen, sowie auf die Benennungen des Stromes (Var bei Jordanis und Var-uch bei Constantin), falls dieselben sich nicht auf den Gentilnamen Avaren zurückführen lassen. Auch an den alten Namen des Dnjepr—Borysthenes sei hier erinnert. Hinsichtlich des Dorfnamens Borion will ich Wassiljewskij's beachtenswerthe Aeusserung nicht unerwähnt lassen, dass er nämlich augenscheinlich nicht aus dem Russischen übersetzt sei, jedenfalls werde er dafür nicht ausgegeben, da der Zusatz τὴν λεγομένην (κόμην) oder dem Aehnliches fehle. Was die Aussprache von Βοριών betrifft, so bemerkt hierzu Kunik auf S. 125/126 mit Recht: «Ob das Dorf. . . Boriòn oder auch Woriòn gelautet habe, ist nicht zu entscheiden», und fügt hinzu: «Bei den alten Schriftstellern kommt die Form τὸ Βόρειον vor (Pape's WB. der griechischen Eigennamen, 3. Aufl.). Es ist bemerkenswerth, dass bei Plinius eine von den nördlichen Donaumündungen Borionstoma heisst».

Absolut sicher ist nur Eins: dass Βοριών bei den Stromschnellen des Dnjepr gesucht werden muss. Demzufolge kommt das, was Kunik und Bruun (s. Kunik p. 126) über die Lage von Βοριών vorbringen, indem sie diese Ansiedelung an die Dnjepr-Mündung versetzen, desgleichen Wassiljewskij's Ansicht, wonach sich Borion mit Burgun decke, in Fortfall. Einen Fingerzeig dafür, dass Borion am untern Laufe gelegen sei, vermeint Kunik im Ausdruck κατὰ πέλαγος ἰππασάμενοι, da πέλαγος auf eine breite grosse Wasserfläche hinweise, zu erblicken. Dem gegenüber ist zu bemerken, dass der gewaltige Strom nicht nur an seinem Unterlauf eine imposante Wassermenge darbietet, sondern dasselbe auch von vielen Stellen der Stromschnellen-

partie gelten darf.— Die Frage, auf welchem Dnjepr-Ufer, dem rechten oder dem linken, Borion belegen war, soll unten erörtert werden.

ἵππων . . . καταπεπονημένων ὡς πλείστον jumenta . . . ex maiori parte . . . defecerant. Die Uebersetzung ὡς πλείστον durch ex majori parte ist schwerlich haltbar.

Κακεῖ ἡμέρας ἔσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρίψαντες confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas. Hase (auch Popow) fasst ἡμέρας als Accusativ pluralis auf und ergänzt somit ἡμέρας, wie Ed. Kurtz bemerkt, durch *ένιας* oder *τινάς*; da aber diese Worte im Text fehlen, wäre Hase's Uebersetzung kaum zu rechtfertigen und müssen wir ἡμέρας als Genetivus singularis, von ἔσον abhängig, betrachten, wie das auch Wassiljewskij thut.

ἡπειρόμεθα accingebamus. Wassiljewskij (auch Popow) schliesst sich Hase's Verdolmetschung an, obgleich dieselbe (nach Ed. Kurtz) nicht ganz correct ist. In der That bedeutet ἐπείγω *drücken, drängen, treiben*; ἐπείγομαι *sich drängen, eilen, sich beeilen*. *Propero, maturo*. Also: wir beeilten uns oder: wir eilten (uns nach Maurokastron zu begeben). Wassiljewskij: «Wir rüsteten uns zum Aufbruch um in der Richtung nach Maurokastron zu marschiren». Dazu seine Erklärung: «Der Autor will blos die Richtung des Weges angeben, nicht aber den nächsten Punkt, den man erreichen konnte. Darauf weist der Satzbau sowie der fernere Verlauf der Erzählung. Nachher zeigt es sich, dass es bis Maurokastron gar nicht so nahe war». Einleuchtend ist mir obige Erörterung nicht. Warum soll der Verfasser mit den Worten χωρεῖν πρὸς τὸ Μαυρόκαστρον nicht die folgende grössere Station auf seiner Reise durch die wüsten Pontussteppen haben kennzeichnen wollen? Was versteht eigentlich Wassiljewskij unter dem nächsten Punkt, den man in der öden Steppe erreichen konnte? Wozu soll der Toparch blos die Wegrichtung fixirt, nicht aber den Ort (ganz gleich ob nah oder fern), wohin er gelangen wollte, angegeben haben?

Μαυρόκαστρον. Die Lage von Maurokastron, d. i. Schwarzburg, wird unten im Zusammenhang mit dem Heimatsort des Reisenden und mit der Frage, auf welchem Ufer des Flusses sich Borion befand, behandelt werden.

§ 2. ὅτε καὶ προΐαιτερον ἡμᾶς ἐξορμηῆσαι ἐγρηῖν quanquam maturius profectum oportebat. Wassiljewskij: «während wir uns vorher auf den Weg machen mussten». Hierzu kommt die Erklärung auf S. 380: «... die Karawane beabsichtigte vor Mitternacht, am Abend zur Weiterreise aufzubrechen». Ed. Kurtz bezweifelt die Richtigkeit obiger Verdolmetschung und möchte προΐαιτερον durch «ganz in der Frühe» «recht früh» übersetzen. Προΐαιτερον bezieht sich aber zweifellos auf den vorhergegangenen Ausdruck

περὶ μέσας νύκτας, so dass Wassiljewskij in Anbetracht der Redewendung πρώτερον (προϊαίτερον) μέσων νύκτων «noch vor Mitternacht» Recht behalten dürfte, und wäre die Sache so zu verstehen, dass die Gesellschaft «noch vorher», d. i. noch vor Mitternacht weiterzureisen gedachte, wovon sie infolge der Warnung ihres Befehlshabers, welcher das Herannahen eines Sturmes prophezeite, Abstand nahm. Ist dem so, dann muss die Himmelsbeobachtung, um die es sich in § 3 handelt, nicht um, sondern vor Mitternacht gemacht worden sein, cf. Wassiljewskij p. 380.

§ 3. ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος. Σύσσιτος conviva bedeutet Tischgenosse oder Theilnehmer an der gemeinsamen Mahlzeit (Wassiljewskij p. 380). Weder Du-Cange noch Sophokles (Greek Lexikon of the Roman and Byzantine periods. Boston 1870) führt das Wort im Sinne von «Gefährte» an (Kunik p. 127). Obige Aeusserung des Toparchen, sowie seine Bemerkung οὐδὲ ἀποκοίτους ἡμᾶς ἐνθένδε γενέσθαι dürften gleichfalls andeuten, dass die Wetterprophezeiung bei Tisch, als die Reisenden gemeinschaftlich ihre Kräfte stärkten, lange vor Mitternacht, noch ehe sie Hand an die Zurüstungen zur Weiterreise gelegt hatten, erfolgt war.

καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται. Wassiljewskij übersetzt im Text auf S. 376: «und dass mir nach den Sternen zu sein schien», im Kommentar (S. 380 und 381) dagegen: «und wie mir nach den Sternen zu sein schien». Ed. Kurtz zieht «wie» vor: «und wie von mir aus den Sternen gezeigt wurde» oder: «wie ich aus den Sternen gezeigt hatte». Hase hat obigen Satz sowie alle übrigen durchstrichenen Stellen in seinem Text fortgelassen.

ἑσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος. φάσιν ποιέω kann die Umschreibung für φαίνομαι sein, so wie οἴκησιν ποιέω = οἰκέω (S. 2 Fragm. 2 Kap. § 6). Hase: quod princeps sidus . . . jam ad vesperum in conspectum se dabat, während Wassiljewskij, aus unbekanntem Gründen, von obiger Verdolmetschung abweichend, in seinem Text aufnahm: «während der erste der Sterne schon in der abendlichen Phase war». Was Wassiljewskij darunter versteht, weiss ich nicht. Interessant, dass Wamwakis, ein Constantinopoler Grieche, seit einigen Jahren Docent am Orientalischen Institut in St. Petersburg, mir den betreffenden Satz, ohne sich auch nur einen Augenblick zu besinnen, genau so wie Hase verdolmetschte. Philologen, darunter Ed. Kurtz, die ich gleichfalls Gelegenheit hatte, um ihre Meinung zu befragen, stimmten Hase's und Wamwakis Uebersetzung vollständig bei. Ist letztere richtig, dann besitzen wir das ausdrückliche Zeugnis des Toparchen, dass er seine Himmelsbeobachtung thatsächlich, wie bereits oben vermuthet wurde, am Abend, also vor Mitternacht angestellt hat. Dasselbe erhellt auch aus der Erwägung, dass ja um Mitternacht sich ein starkes Schneegestöber erhob,

das den Sternenhimmel verdunkelt haben muss, so dass um diese Zeit eine Beobachtung am Firmament nicht gut gemacht werden konnte. Die also am Abend vor Mitternacht erfolgte Betrachtung der Himmelsleuchten ergab eine so ungünstige Prognose, dass die anberaumte Weiterreise aufgeschoben werden musste. Die Prophezeiung des Anführers traf denn auch wirklich um Mitternacht ein.

Vorgreifend sei bemerkt, dass vom astronomischen Standpunkt aus die astronomischen Angaben sich nur auf die Abendzeit beziehen können, als der Saturn sich dem Horizont bereits zuneigte. Letzterer Umstand ruft in mir die Vermuthung wach, ob nicht vielleicht auch der Satz etwa durch «als der erste der Sterne bereits am westlichen Himmel schien» (im Untergange begriffen war) übersetzt werden könnte? Ganz klar ist der griechische Text nicht.

Καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς δι᾿ ὄψεως ὑδροχόου. Transibat enim tunc Saturnus circa initia aquarii. Wassiljewskij: «Denn er (der Stern) ging eben damals bei den Anfängen des Wassermannes durch». Wamwakis dagegen übersetzte die Stelle schlankweg wie folgt: «Denn er befand sich damals gerade am Anfang seines Durchganges durch den Wassermann». Ed. Kurtz, den ich interpellirte, hält diese Auffassung für vollkommen correct. Vorgreifend füge ich meinerseits hinzu, dass diese Deutung des astronomischen Passus sachlich, d. i. vom astronomischen Standpunkt, allein haltbar ist, während die landläufige Uebersetzung astronomisch keinen Sinn ergibt.

Wassiljewskij pflichte ich darin vollkommen bei, dass unter «Wassermann» das Sternbild, nicht aber das Zeichen des Wassermannes zu verstehen sei, da die Bemerkung des Autors auf unmittelbarer Beobachtung beruhe. Die beschwerliche Reise in der Wildniss, die Vorbereitung zum Aufbruch, womit naturgemäs ein Ausschauen nach dem Wetter verbunden war, die Abendzeit, — Alles das zusammengenommen lässt keinen Zweifel übrig, dass der Himmel thatsächlich vom Toparchen beobachtet worden sei.

ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Das ist die Zeit vom Winter-solstiz bis zum Frühlingsaequinox. Diese Angabe passt vorzüglich zu dem oben Eruirten, dass nämlich die Himmelsbeobachtung nicht um Mitternacht, sondern am Abend stattfand, da um die angegebene Zeit ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος der Saturn am Abend untergeht, wovon ausführlich später. Kurzum, die astronomischen Daten schliessen Mitternacht als Zeitpunkt der Beobachtung unbedingt aus. Dieser Umstand ist bei Beurtheilung der ganzen ziemlich complicirten und unklaren Stelle scharf in's Auge zu fassen. Verwickelt ist der Text nicht selten, da wir es, wie bekannt, mit dem Brouillon, mit dem ersten Entwurf des Toparchen zu thun haben. Der betreffende Passus aber gerade ist reich an Einschaltungen und Aenderungen.

Κρόνου δὴ καλουμένου. Dieser Satz, bemerkt Wassiljewskij, ist infolge der vielen Textverbesserungen an einen unrichten Ort gerathen; er müsste augenscheinlich nach τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον stehen. «Κρόνος, heisst es weiter, oder Saturnus ist nämlich der erste von den beweglichen Sternen in der gewöhnlichen Folge ihrer Aufzählung bei den alten und mittelalterlichen astronomischen Schriftstellern, und dazu ein seiner Natur nach kalter Stern...». Der eigenthümliche Glanz des Planeten hat ihm das Epitheton des kalten, des eisigen eingetragen.

Warum hat der Verfasser die Worte καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέ-δεικται, auf welche ich den folgenden Satz τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος bezogen wissen will, ausgestrichen? Vielleicht geschah es deshalb, weil er seine Prophezeiung nicht auf die Stellung der Sterne im Allgemeinen, sondern speciell auf die Beobachtung am Saturn stützte, und daher obige Bemerkung für überflüssig hielt. Ist dem so, dann scheint er vergessen zu haben, die Konstruktion des Satzes (τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον etc.), der nun gleichsam in der Luft schwebt, zu ändern, es sei denn dass wir ihn an die Worte ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος etc. anknüpfen. Geht letzteres an, dann dürfte das ungefüge τοῦτο bequem auf den vorangegangenen Beschluss ἀναπεπαῦσθαι καὶ ἡρεμεῖν αὐτοῦ hinzielen. Also: Um Mitternacht entschieden wir uns die Weiterreise einzustellen und hier zu bleiben, während ich dieses meinen Genossen (schon damals) eröffnete, dass wir (nämlich) nur ja nicht von Hause gehen etc.,— als der erste der Sterne am Abend bereits schien und die Luft seiner Natur entsprechend umschlug. Demnach dürfte schon lange vor Mitternacht eine Verschlechterung der Witterung eingetreten sein, die, mit der Stellung des Saturn combinirt, einen im Anzuge begriffenen Schneesturm ahnen liess.

Was für eine drohende Constellation wies nun aber der Saturn auf? Eins dürfte klar sein: seine Stellung im Wassermann spielt eine nicht geringe Rolle, wobei noch seine eigene Natur (kalt und schneeig) sowie die Jahreszeit ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος hinzukommen mag. Von einschneidender Bedeutung muss auch der eintretende Umschlag des Wetters gewesen sein. Was für astrologische Momente ausserdem bei der Schlussfolgerung des Toparchen mitgewirkt haben mögen, muss dahingestellt bleiben.

§ 4. τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου Gedanke an die Rückkehr in die Heimath. Die beschwerliche Reise des Toparchen erweist sich somit als die Rückkehr in die heimathlichen Gefilde. An dieser Thatsache ist jegliches Rütteln vergeblich. In Anbetracht der unzweideutigen Aeusserung des Verfassers ist Tomaschek's Zweifel («... ein Bruchstück der Schilderung seiner Sendung, wir wissen nicht sicher ob der Hin- oder der

Rückreise) absolut verwerflich. Wir haben es entweder mit einer Gesandtschafts- oder Handelsreise zu thun. An eine Rückkehr aus einer kriegerischen Expedition ist gar nicht zu denken. Da wir aus dem zweiten und dritten Fragmente wissen, dass der Schreiber nicht Kaufmann, sondern Befehlshaber war, so ist es klar, dass wir eine Gesandtschaft mit dem Fragmentisten an der Spitze vor uns haben. Die Frage, wo eigentlich die Heimath dieser Gesandten lag, wollen wir noch unerörtert lassen; es sei hier blos daran erinnert, dass sie weder an der Donau noch am Dnjepr oder Don gesucht werden darf.

εὐδαινοτέρου καὶ τοῦ περιέχοντος δεδειγμένου. Ich scheue mich εὐδαινοτέρου mit «heiterer» zu übersetzen und ziehe den Ausdruck «klarer» vor, weil, wie aus dem 3. Kap. § 3 hervorgeht, die Reisenden sich keineswegs eines heiteren Wetters erfreuten, da dort ausdrücklich von heftigen Winden berichtet wird. Der Schneefall hatte aufgehört und der Himmel sich aufgeklärt; nur in sofern war eine Besserung, welche die Weiterreise ermöglichte, eingetreten.

III. KAPITEL.

§ 1. ἐγγωρίων. Die Einheimischen sind natürlich die Bewohner vom Dorfe Borion.

ἀνακρουτούτων. Mit Recht polemisirt Buratschkow auf S. 214 Anm. 1 gegen Wassiljewskij, welcher die Bewohner von Borion für Griechen ausgiebt, weil das Händeklatschen nur den Griechen eigenthümlich gewesen sein solle, während doch Photius in seiner Beschreibung des Russenüberfalles des Klatschens in die Hände (ἀνεκρότησαν) ausdrücklich erwähnt, so dass Wassiljewskij's Argument zu Gunsten der griechischen Nationalität der Einheimischen in Nichts zerrinnt. Auch Golubowskij wendet sich auf S. 204 Anm. 1 gegen Wassiljewskij's Deutung, indem er betont, dass es ganz unmöglich sei, in dem Applaudiren ein nationales Merkmal zu erblicken und die Dorfbewohner für Griechen zu halten. Er meint, der Autor brauche diesen Ausdruck nur, um die Freude der «Einheimischen» zu kennzeichnen, während dieselben vielleicht blos mit den Händen gewinkt und geschrien haben. Was mich betrifft, so kann ich nicht einsehen, warum wir solch' einen primitiven Ausdruck der Freude wie Händeklatschen den Slaven und anderen Völkern absprechen sollen.

Der Grund, aus dem die Bewohner von Borion dem Toparchen zuklatschten und jeder auf ihn wie auf seinen Angehörigen blickte und das

Beste wünschte, mag ein ganz anderer sein, als der von Wassiljewskij angenommene. Berücksichtigen wir die Lage des Dorfes an den Stromschnellen des Dnjepr, sowie den Umstand, dass der Toparch diesen Ort auf seiner Rückreise passirte, worauf ihm sein Weg durch feindliches Land führte (s. Kap. 4, § 3), so drängt sich von selbst der Gedanke auf, dass Borion ein Grenzort war, belegen in dem Lande, dem die Gesandtschaft gegolten hatte. Dies würde zur Genüge die besonders freundliche Aufnahme der Reisenden seitens der Grenzbewohner erklären. Möglich, dass sie dabei einer bestimmten Weisung ihres Gebieters folgten.

Der Toparch reiste in südlicher Richtung seiner Heimath zustrebend, kam folglich aus dem Norden. Welches Reich befand sich nördlich von den Dnjepr-Fällen? Das der Grossfürsten von Kiew. Diese Erwägung nöthigt uns zur Annahme, dass die Gesandtschaft auf einer Rückreise vom Grossfürsten, dessen Reich bis zu den Inselwehren des Dnjepr gereicht haben dürfte, begriffen war.

ἑβδομήκοντα σταδίους siebenzig Stadien, das macht ca. 12 Werst aus.

ἄλλων διαβεβηκότων. Ob die «Anderen», welche vorausgegangen waren, zu den Bewohnern des Dorfes gehörten oder zufällige Passanten waren, wer mag das entscheiden?

ἐκκρουσαμένων. Wassiljewskij: «und wo viel Schnee war, fortgeschafft hatten». Durch diese Uebersetzung wird die Vermuthung wachgerufen, als wenn es sich um ein Fortschaufeln des Schnees, woran nicht zu denken ist, handelte. Die Sache ist doch nur so zu verstehen, dass die vorausgegangenen Leute, sich durch den mannshohen Schnee einen Weg bahrend, ihn niedergetreten hatten.

§ 2. Am nächstfolgenden Tage war die Reise mit noch grösserer Mühsal verbunden. Daher werden die Reisenden noch weniger als 12 Werst an diesem Tage zurückgelegt haben.

ὡσπερ ἐπὶ πελάγους διαπαλαίοντες κατὰ τῆς χιῶνος. Diesen Vergleich verdeutlicht die Erklärung: «denn die Pferde waren bis zum Halse nicht zu sehen». Also gleich wie in den Fluthen die Pferde bis zum Halse versinken, so ragten aus dem Schneemeere nur ihre Köpfe hervor. Die ganze Beschreibung (s. auch «denn es schien kein Land oder: fester Boden zu sein, auch kein gewöhnlicher Schnee») spricht dafür, dass der Weg durch Pässe, Hohlwege, Schluchten, sogenannte Balki ging. Nicht umsonst gebraucht der Verfasser im 2. Kap. § 3 den Ausdruck δίοδος [ὡς ἀβάτους μὲν τὰς διόδους οἴεσθαι].

οὐδὲ χιῶν συνήθης kein gewöhnlicher Schnee. Sollte der Autor darunter trockenen Schnee im Gegensatze zum nassen verstanden haben?

Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων. . . Hieraus ist zu ersehen, dass die Bewohner von Borion dem Toparchen Begleiter mitgegeben hatten.

IV. KAPITEL.

§ 1. Εὔναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσήεσαν. Hase: *Accedebant noctu scuta pro cubilibus*. Wassiljewskij: «als Lager dienten uns des Nachts die Schilde». Beide Gelehrte lassen ganz ausser Acht, dass im Text nicht εὔναι, sondern das sinnlose εὔναι steht, welches nach Ed. Kurtz entweder εὔναι oder aber εὔνοι gelesen werde müsse. Der zweiten Conjectur schliesse ich mich vollkommen an, da in diesem Falle, wie mir scheint, der Satz eine ungezwungene Verdolmetschung zulässt: Wohlwollend kamen uns entgegen oder: näherten sich uns die Schilde». Diese bildliche Ausdruckweise wäre ganz im Sinne des Autors gehalten.

§ 2. Ὕπνος δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα . . . ἀπέστησαν. Ich muss Wassiljewskij vollkommen beistimmen, wenn er Hase's Aenderung des Wortes ὕπνος in ὕπνον und dem entsprechend die Uebersetzung des Verbums ἀπέστησαν mit fugerant verwirft.

Ἐμακάρισε τις τοὺς τεθνηκότας. Mit Recht betont Wassiljewskij, dass es sich hier um Verstorbene im Allgemeinen handle, nicht aber um irgend welche den Strapazen der Reise erlegene Gefährten des Toparchen,— wie ja das aus der Zusammenstellung der Verschiedenen mit den künftigen Geschlechtern (τῶν ἐσομένων) hervorgehe.

§ 3. οἱ πρόσκοποι die Kundschafter. Hieraus ist ersichtlich, dass nicht alle Begleiter die Gesellschaft im Stiche gelassen hatten; dasselbe besagen auch die Worte (3. Kap. § 2): Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἴκαδε.

προῖέναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω κατὰ τῆς χιῶνος. Die Kundschafter also gingen zu Fuss und bestand wohl ihre Hauptaufgabe in dem Aufsuchen des verschneiten Weges.

διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς . . . τὸ τῶν πολέμιων ὑφωρᾶτο τὸ κακόν. Wenn es feststeht, dass die Ueberfahrt über den Dnjepr bei den Inselwehren stattfand, worüber ortskundige Leute auf Grund der charakteristischen Schilderung des Stromes vor und nach seinem Gefrieren nicht im Zweifel sind, und wir andererseits aus dem Munde des Anführers der Karawane wissen, dass er auf der Rückreise in seine Heimath, welche jedenfalls südlich von

den Stromschnellen zu suchen ist, begriffen war, so muss das feindliche Land mit den Pontussteppen zusammenfallen und die Feinde sich mit den türkischen (resp. türkisch-finnischen) Nomadenhorden nördlich vom Schwarzen Meere decken. Um was für ein Steppenvolk handelt es sich im gegebenen Falle: Ungarn, Petschenegen, Schwarze Bulgaren, Torken, Chasaren oder Usen? Wenn die Reise im X. Jahrhundert stattfand, dürfen wir am ehesten an Petschenegen denken.

Stellen wir die seltene Gastfreundschaft und Unterstützung, die den Reisenden die Bewohner von Borion erwiesen hatten, dem von den Feinden beim Durchmarsch durch das Steppengebiet drohenden Verderben gegenüber, so müssen wir, wie bereits oben erwähnt, zu dem Schluss kommen, dass die Reise den Toparchen aus einem befreundeten Reiche, zu dem noch Borion gehört haben dürfte, südwärts durch ein Land, das von einem, dem genannten Staate feindlich gesinnten Volke bewohnt war, der Heimath zuführte. Das befreundete Reich kann doch wohl nur das der Russen gewesen sein. Da es sich nun höchst wahrscheinlich um die Rückkehr einer Gesandtschaft vom Grossfürsten von Kiew handelt und da dieselbe den Uebergang über den Dnjepr bei den Schnellen bewerkstelligte, so belehrt uns ein flüchtiger Blick auf die Richtung des Dnjepr-Laufes, dass die Reisenden vom rechten Ufer auf das linke hinübersetzt sein müssen. Meines Wissens führte auch der grosse Landweg von Kiew nach Süden auf dem rechten hohen Dnjepr-Ufer, der sogenannten Bergseite des Flusses. S. Konstantin porphyr. de administrando imperio (ed. Bonn. cap. 9 p. 77): *πέραμα τοῦ Κραρίου, ἐν ᾧ διαπερῶσι ἀπὸ Ῥωσίας οἱ Χερσωνῖται καὶ οἱ Πατζινακῖται ἐπὶ Χερσῶνα.*

Wo lag Maurokastron?

Wassiljewskij, der den Toparchen irriger Weise von der Dnjepr-Mündung nach West dirigirt, glaubt in Maurokastron die Stadt Akkerman am Dnjestr wiedererkennen zu dürfen. Seine Beweisführung ist in Kürze folgende: Im Mittelalter habe, so behauptet er, eine Stadt Maurokastron, am Dnjestr belegen, existirt, wobei er auf italienische Karten des XIII und XIV Jahrhunderts verweist, die Maurocastro, Mancastro, Maûcastro, Maocastro etc. aufweisen. Obgleich im Spisok gradom russkim an der Mündung des bei Constantin porph. «Weisser» Fluss geheissenen Dnjestr eine «Weisse Stadt» (na ustj Dnjestra nad morjem Bjelgorod) angegeben ist, die von Tschern, dessen Lage unbestimmt, unterschieden wird, und die die Ungarn Fejervar, die Moldauer Tschetate Alba, die Tataren Akkerman be-

nannten, hält Wassiljewskij trotzdem Maurokastron des Toparchen mit Maurocastro, Mancastro, Maocastro der italienischen Karten für identisch, bezugnehmend auf Guillebert de Lannoy's Zeugniß: une ville fermée et port sur la ditte mer Majour (Pontus) nommée Mancastre ou Bellegard. Wassiljewskij ist uns drei Beweise schuldig geblieben: 1) dass Mancastro, Maucastro, Maocastro aus Maurocastro corrumpt und nicht umgekehrt Maurocastro aus Man-, Mao-, Maucastro verschrieben sei; 2) dass die Stadt Tschern (die Schwarze), die sich augenscheinlich mit Otschakow, türkisch Kara-Kerman (Schwarzfestung), deckt, am Dnjestr und zwar, wie er annimmt, neben Bjelgorod lag, und 3) dass sein Maurokastron bereits im X Jahrhundert existirt habe. Herberstein's Aussage, dass die Türken das am Dnjestr belegene Alba, auch Moncastro genannt, vor einigen Jahren besetzten, sowie Barbaro's Zeugniß (a. 1436) von einem Moncastro am Schwarzen Meere, scheinen Wassiljewskij entgangen zu sein. Dürfte nicht das Maurocastro einiger italienischen Karten, nach Guillebert de Lannoy's Mancastre und Herberstein's sowie Barbaro's Moncastro zu urtheilen, nur ein Schreibfehler sein?

Ausser Wassiljewskij tritt auch Tomaschek p. 37 für Akkerman ein: «Für uns... unterliegt es keinem Zweifel, dass die Byzantiner des zehnten Jahrhunderts mit *Μαυρόκαστρον* eine bei dem heutigen Aq-Kermán am Dnjestr-Limán (byz. *Ἀσπρόκαστρον* oder *Λευκοπολίχνη*, poln. Bialogrod) gelegene Veste verstanden haben: die italienischen Karten des Mittelalters (z. B. die des Petro Vesconte 1318) setzen Maurocastro, Morocastro, M^ocastro oder Moncastro... an». Tomaschek's Annahme hinsichtlich der Lage von Maurokastron wird durch seine Voraussetzung, dass Taurien die Heimath des Toparchen sei, hinfällig. Letzterer befand sich auf der Rückreise (cf. Text und Kommentar 2. Kap. § 4); mithin konnte er auf dem Wege vom Dnjestr nach der Krim nicht eine am Dnjestr belegene Veste passiren.

Mit vollem Recht polemisiert Buratschkow (p. 209 ff.) gegen Wassiljewskij's Argumentation. Wassiljewskij gründe seine Behauptung auf mittelalterlichen Karten, lasse aber ausser Acht, dass dieselben zu den Begebenheiten, die sich seiner Meinung nach zu Swjatoslaw's Zeiten zugetragen haben, nicht passen. Kein Schriftsteller aus jener Epoche erwähne einer Schwarzen Festung am Dnjestr-liman; Konstantin porphyr. bezeuge im Gegentheil unzweideutig, dass eine von den sechs zerstörten Vesten, die am Dnjestr belegen waren, die Weisse benannt wurde. Diese Bezeichnung stehe mit der Natur jener Gegend im Zusammenhange, weil das Wasser im Dnjestr-liman (Weisser Fluss nach Konstantin) weiss erscheine. Daher trete auch in den russischen Annalen die Dnjestr-Stadt unter dem Namen «Weiss-

stadt» auf und werde stets von dem späteren Ort Tschern, d. i. Schwarzstadt), unterschieden. Die Moldauer nannten dieselbe Tschetate-Alba, die Tataren — Akkerman (die Magyaren — Fejervar, nach Bruun p. 16). Die ersten Beziehungen der Genuesen zur Moldau begannen im Jahre 1316, und um diese Zeit hiess Bjelgorod (Weissstadt) bei den Italienern Mancastro, auf der Karte vom Jahre 1318 jedoch ist sie unter dem Namen Maurocastro verzeichnet. Dabei verweist Buratschkow auf Heyd, *Colon. ital. in Oriente, Venezia* 1868. Vol. 2, p. 92, 97, sowie auf Abu'l-feda, in dessen *Geographie* (p. 317) Bjelgorod im Jahre 1323 unter dem Namen Acdja-Kerman (l. Accha-Kerman) erscheint, während es bei Herberstein heisst: «Vor einigen Jahren besetzten die Türken Alba, auch Moncastro genannt, belegen an der Mündung des Dnjestr». «Bestände, führt Buratschkow weiter aus, zwischen Maurokastron und der Dnjestr-Stadt Tschern thatsächlich ein Zusammenhang, so wäre der Name der Stadt unverändert geblieben; auf den späteren italienischen Karten dagegen heisst sie bei Piccigani im Jahre 1367 wiederum Mancastro, und bei Anderen — Maucastro und Moncastro, somit dürfe man nicht annehmen, dass das italienische Maurocastro der russischen Stadt Tschern (Schwarzstadt) entspräche. Um so weniger Grund haben wir Maurokastron des Toparchen bloß deswegen mit Akkerman zu identificiren, weil bei Visconti, man weiss nicht warum, Maurocastro notirt ist. Aller Wahrscheinlichkeit nach haben die Italiener das mongolische Mankermen, was «Gelobte Festung» bedeutet, übersetzt und daraus (Man-) Maurocastro gemacht, gleich wie sie aus Konstantin's *Νεκροπόλλη* Nigropoli modelten. . . Die Existenz einer Stadt Tschern am Dnjestr in späterer Zeit kann Konstantin's Zeugnis von dem Vorhandensein einer Weissen, nicht aber Schwarzen Stadt, an den Dnjestr-Mündungen, nicht umstossen». Vergl. auch Bruun p. 30: «Aus der Beschreibung seines Weges kann man getrost den Schluss ziehen, dass die angeführte Veste nicht Akkerman sein könne, obschon es auf den ältesten italienischen Karten auch maurocastron, m^ocastro, moncastre, mancastre . . . heisst. Ebenso wenig wie Akkerman konnte unser Reisende unter seinem Maurokastron Otschakow, von den Tataren Karakerman d. h. Schwarzstadt benannt, verstehen».

An dieser Stelle möchte ich gegen Buratschkow, Bruun und andere Gelehrte kurz bemerken, dass Konstantin's Weisse Festung nicht am Dnjestr, sondern am Dnjepr belegen war, cf. cap. 37, p. 167: Ἰστέον ὅτι ἐνθεν τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ πρὸς τὸ ἀποβλέπον μέρος τὴν Βουλγαρίαν εἰς τὰ περάματα τοῦ αὐτοῦ ποταμοῦ εἰσὶν ἐρημόκαστρα. κάστρον πρῶτον τὸ ὀνομασθὲν παρὰ τῶν Πατζίνακιτῶν Ἄσπρον διὰ τὸ τοὺς λίθους αὐτοῦ φαίνεσθαι καταλεύκους. Nach cap. 9 p. 78 heisst nur der Fluss Dnjestr Ἄσπρος.—Andererseits sei gegen Wassiljewskij und Buratschkow betont, dass die Lage von Tschern (im

Woskressjensk'schen Codex) ganz unbestimmt ist und dieser Ort ebenso gut am Bug, am Dnjepr oder sonst irgendwo am Pontus gesucht werden darf. Demnach identificirt auch Golubowskij (p. 202 ff.) Tschern mit Otschakow, das türkisch Kara-Kerman d. i. Schwarzstadt heisst, indem er darauf hinweist, dass Tschern der Chronik von Bjelgorod d. i. Weissstadt unterschieden wird. Nebenbei sei bemerkt, dass Golubowskij's Vermuthung, Abu'l-feda's Saruh-Kermah (Sara-Kerman) wäre das türkische Kara-Kerman (Otschakow), verwerflich ist. S. Tomaschek p. 43 und 69, wonach Abu'l-feda's Sarikerman, d. h. «gelbe Veste» mit Cherson in Taurien zusammenfalle. Vergl. auch Sar-kei, ἄσπρον ὀπίσιον, λευκὸν οἶκημα, Bjela Wjesha.

Ueber Maurokastron äussert sich Kunik, der die Reisenden ihren Weg vom Unterlaufe des Dnjepr östlich nach Taurien nehmen lässt, auf S. 126/127 folgendermaassen:

«Sollte der Toparch mit diesem Namen seinen früheren Aufenthaltsort in Klemata bezeichnen? . . . Nach dem griechischen Ursprung «des Namens zu urtheilen, ist es schwer anzunehmen, dass sich Maurokastron tief im Innern des Landes befand; eher müsste es an irgend «einem Golf oder überhaupt an einem für Schiffe günstigen Ankerplatz «belegen sein. Der Benennungen in der Art von Schwarzes Wasser «(Fluss) oder Schwarze Stadt gab es viele am Pontus.— Anfangs glaubte «ich die Lage von Maurokastron mit Hilfe der mittelalterlichen Karten «ausfindig machen zu können. Auf denselben wird «gulfio di Nigropoli», «worunter sie augenscheinlich den Busen von Perekop verstehen, an- «gegeben. Daher kam mir auch der Gedanke, ob nicht «Nigropoli» die «italienische Uebersetzung von Maurokastron vorstelle, welcher An- «nahme Herr Lambin widerspruchslos beipflichtete. Herr Bruun aber «(p. 30) ist damit nicht einverstanden. Und doch ist es sehr leicht «möglich, dass in der Nachbarschaft von Perekop ein befestigter Ort «Nigropoli existirt habe. Der Holländer Isaak Massa, welcher vor «und nach dem Pseudo-Demetrius in Moskau lebte, verzeichnet auf den «ihm zugeschriebenen Karten ausser «dem Golf Nigropoli» (Golfo di «Nigropoli) noch nördlich davon ein Schloss oder Veste «Nigropoli». «Siehe z. B. Atlas minor. Amstelodami ex officina Abrah. Wolfgan. «in-fol. (Novissima Russiae tabula. Russiae pars australis). Welche «Karte hat ihm als Leitfaden zur Schilderung der Krim gedient? Des- «gleichen darf nicht unerwähnt bleiben, dass Konstantin porphyr. (de «adm. imp. cap. 42) einen «grossen Meerbusen» angiebt, welchen er «Nekropyia benennt (de adm. imp. cap. 42: ἀκόλπος μέγας ὁ λεγόμενος «τὰ Νεκρόπυλα) und welcher nur der Meerbusen von Perekop sein kann. «Sollte nicht etwa diese Bezeichnung von den Italienern umgemodelt

«worden sein? Einige Formen, unter denen jene Benennung auf den «Karten vorkommt, waren folgende: gulffo de nigropola, golfo de gro-pila, golfo de nigropilla, golfo de nigropoli, golfo denigopoli u. a. m.»

Zuschrift. «Obige Bemerkung war schon niedergeschrieben, als ich von Herrn Bruun nachstehende Mittheilung erhielt: «Nach dem, was Sie mir schreiben, bin ich überzeugt, dass Maurokastron nicht Mangup sein könne; dennoch begreife ich nicht, warum dem Toparchen nicht erwünscht gewesen wäre, wenigstens bis Karassubazar (Mauro-kastron bei den Neugriechen) zu gelangen? Von Borion bis dahin war «gar nicht weit.»

Vergl. Bruun p. 30—31: «...die Griechen verstanden unter dem Namen *Μαυρο-κάστρον* in alter Zeit eher Mangup als Karassubazar, wie Thunmann (Büsching, Erdbeschreibung 1784; IV, 348) glaubte, obgleich er, wahrscheinlich nach Wadding, die Nachricht bringt, dass noch zu Anfang des XIV Jahrhunderts die Franciskaner ein Kloster in Maurokastron besaßen».

Die Benennung Golf von Nigropoli setzt, falls Nigropoli nicht aus Konstantin's Nekropylla umgeformt ist, eine Stadt desselben Namens voraus und könnte das Maurokastron des Toparchen sein. Uebrigens dürfte es in Anbetracht der noch heute für den Meerbusen von Perekop üblichen Bezeichnung «Todtes Meer» kaum einem Zweifel unterliegen, dass Nigropoli aus *Νεκρόπυλα* umgemodelt ist.

Eins dürfte feststehen: so wie es sich nicht nachweisen lässt, ob Maurokastron in der Nähe von Perekop, am Schwarzen oder Asow'schen Meere, oder bereits in Taurien selbst lag,— ebenso unsicher, ja unwahrscheinlich, ist Wassiljewskij's Identificirung Maurokastrons mit Akkerman. Selbst wenn die Stadt Tschern (Schwarzstadt) zur Zeit des Toparchen existirt haben sollte, was sich aber durchaus nicht nachweisen lässt, so geht daraus im Hinblick auf die vielen gleichnamigen Ortschaften am Pontus noch keineswegs hervor, dass Wassiljewskij's vermeintlich am Dnjestr belegenes Tschern mit Maurokastron des 1. Fragments identisch sei.

Meinerseits möchte ich betonen, dass die Ueberfahrt des Toparchen bei den Dnjepr-Fällen allein schon die Lage für Maurokastron westlich vom Dnjepr ausschliesst. Denn sonst hätte die Gesandtschaft, aus Russland kommend, einen seltsamen Umweg gemacht: wäre erst den Dnjepr stromabwärts und zwar auf der Wiesenseite (während der grosse Landweg bekanntlich auf dem rechten Ufer führte) gegangen, um darauf bei den Inselwehren über den Fluss setzend eine andere Wegrichtung, fast unter einem spitzen Winkel zur vorigen, einzuschlagen.

Borion liegt nach Wassiljewskij am unteren Laufe des Dnjepr, Maurokastron — am Dnjestr. Gesetzt, dem wäre so. Welcher Nationalität sind dann aber die Bewohner des Dorfes Borion, sowie die in Nachen über den Strom Setzenden und die «Anderen», die Alle die Reisegesellschaft unbehelligt liessen, und was ist das für ein unweit Borion westwärts davon belegenes Feindesland und wer sind die Feinde, von denen die Reisenden so Schlimmes befürchteten? Sollten die Dorfbewohner, wie Wassiljewskij meint, wirklich Griechen gewesen sein, Griechen in einer offenen Ansiedlung (κώμη) in nächster Nachbarschaft der Feinde, nicht einmal durch den Dnjepr von letzteren getrennt? Es kommt hinzu, dass griechische Vesten, geschweige denn offene Weiler, zur Zeit Konstantin's, am Dnjeprströme nicht mehr vorhanden waren. Oder sollten die Bewohner von Borion Russen sein, denen laut Vertrag mit den Griechen a. 944 in Bjelobjerjshje an der Dnjeprmündung zu überwintern verboten war?

Fassen wir zum Schluss alles das, was sich hinsichtlich der Heimath des Fragmentisten auf Grund der im ersten Bruchstück enthaltenen Andeutungen mit einiger Sicherheit hat herausbringen lassen, nochmals zusammen.

Die von mir wahrscheinlich gemachte Zugehörigkeit Borions zum Reiche des Grossfürsten von Kiew, dem die Gesandtschaft gegolten haben muss; die Ueberfahrt über den Dnjepr (auf dem Heimwege) bei der Stromschnellenpartie und zwar, in Anbetracht der Richtung des Flusslaufes und der südwärts von Kiew auf der Bergseite des Stromes führenden grossen Fahrstrasse, vom rechten Ufer auf das linke, wodurch die südliche Richtung der Reise, nicht aber südwestliche (zur Balkanhalbinsel), gekennzeichnet wird; die naiv-kindliche Beschreibung des zugefrorenen Gewässers, das Staunen über seine zauberhafte Metamorphose, über die in den Augen des Reisenden ganz unglaubliche Festigkeit der Eisdecke, sowie die Schilderung des mühsamen Fortkommens durch den tiefen Schnee, das mit dem Ankämpfen gegen Meereswogen verglichen wird; — Alles das zwingt uns, wenn wir die Wahl zwischen der Südküste von Taurien einerseits und dem Donau-, Dnjepr-, oder Dongebiet andererseits haben, die Heimath des Toparchen mit Entschiedenheit nach der Krim zu verlegen.

FRAGMENT II.

I. KAPITEL.

§ 1. Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε βαρβάρους πολεμεῖν ἔγνωμεν. Da erst entschlossen wir uns mit den Barbaren zu kämpfen. Welches sind die Umstände, die diesen Entschluss zeitigten? Unten im 2. Kap. § 3 werden sie angeführt: «Von nun an (nach Abwendung der ersten Gefahr, s. oben § 2) herrschte ohne vorhergegangene Ankündigung Krieg zwischen uns und den Barbaren, während dessen sie weder mit uns verkehrten (obwohl ich [sie] tausendmal wegen eines Vertrages unterhandelte[n]), noch auch Scharmützel zwischen uns ganz vermieden wurden». Daran schliessen sich unmittelbar die Worte zu Anfang des zweiten Fragmentes: «Da erst entschlossen wir uns mit den Barbaren zu kämpfen». Bei der Erklärung des zweiten Fragmentes müssen wir stets im Auge haben, dass der Verfasser durch Einschaltungen, die Rückblicke enthalten, seine Erzählung vielfach unterbricht.

Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ. Wassiljewskij: «Eben deswegen auch die nördlichen Ufer der Donau», fügt jedoch im Kommentar (p. 384) hinzu: «(Ufer) oder aber Länder». Dem gegenüber sei betont, dass im griechischen Text der unbestimmte Ausdruck τὰ βόρεια, eigentlich «die nördlichen (sc. Gebiete, Gegenden)» gebraucht ist, welcher sich wohl am besten mit dem fast ebenso unbestimmten deutschen Worte «Norden» deckt. Zugleich sei bemerkt, dass Wassiljewskij den ausgestrichenen Satz zu Anfang des zweiten Fragmentes setzt, während er thatsächlich erst nach dem Worte ἔγνωμεν steht. Da das Ende des Satzes fehlt, so ist nicht festzustellen, was der Autor hier hat sagen wollen. So verlockend auch die Worte τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ sein mögen, sollte man sich dennoch hüten auf diesem schwankenden Boden, wobei noch die Unbestimmtheit des Ausdruckes τὰ βόρεια ins Gewicht fällt, irgend welche positive Schlüsse aufzubauen. Wassiljewskij hat das leider nicht gethan. «Sie (diese Worte), sagt er, weisen auf den Ort hin, wo sich die unmittelbar darauf geschilderten Ereignisse abspielen. Wir sehen aus ihnen, dass . . . der Autor vor Allem den Norden der Donau, seine nördlichen Ufer oder aber Länder im Sinne hatte. Es ist anzunehmen, dass die ausgestrichenen Worte nur deswegen gestrichen sind, weil sie den ferneren Satzbau erschwerten, nicht aber aus dem Grunde, weil der Gedanke des Verfassers eine andere Richtung nahm und von der Donau zu den nördlichen Gestaden der Krim übersprang».

Auch nach Wassiljewskij steht es fest, dass der gen Norden des Ister Herrschende (Drittes Fragment, 2. Kap. § 6 τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα) der Grossfürst von Kiew ist. Sollte demnach nicht analoger Weise τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου zu Anfang des zweiten Fragmentes eine blosser Umschreibung für das Grossfürstenthum von Kiew sein? Ist dem so, dann kann eben der Ausdruck τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου nicht, wie Wassiljewskij es will, auf den Schauplatz der im zweiten und dritten Bruchstück beschriebenen Begebenheiten gedeutet werden. Meine Auslegung der fraglichen Worte scheint mir eine ganz natürliche zu sein, weil sie der vom Toparchen angewandten Terminologie entspricht. Schon Uspenskij wandte sich auf S. 268 gegen Wassiljewskij's Deduction, indem er bemerkte, dass der durchstrichene Satz keine unglückliche Wendung des im zweiten Fragment entwickelten Gedankens vorstelle, sondern dem Inhalt dieses Bruchstückes völlig fremd sei.

Wie der Verfasser darauf kommt, das Russenreich mit τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου zu bezeichnen, ist eine ganz andere Frage, die sich kaum in befriedigender Weise beantworten lässt. Nach Kunik's Ansicht war der Bericht des Toparchen für einen Griechen in Byzanz bestimmt, dem sich das Grossfürstenthum von Kiew als ein nördlich vom Ister belegenes Gebiet darstellte; diesen Standpunkt habe sich der Verfasser der Bruchstücke zu eigen gemacht. Hinzufügen möchte ich, dass die Griechen nicht die ganze Donau, sondern nur den untersten Lauf, die Donaumündungen, Ister benannten (S. Buratschkow p. 227 mit Verweisung auf Drinow, Zaszeljenije Balkanskago poluostrowa Slawjanami, p. 90—93, welcher seinerseits sich auf Forbiger, III, 325 beruft).— Wie dem auch sei, mir genügt es darauf hingewiesen zu haben, dass es für τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου noch eine andere Deutung giebt, als die von Wassiljewskij in Vorschlag gebrachte.

Die Worte τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου zu Anfang des zweiten Fragments können mit der erstmaligen Reise des Toparchen zum Grossfürsten und den mit ihm gepflogenen Verhandlungen im Zusammenhange stehen. Auch ist es nicht unmöglich, dass der Verfasser hier, wie an anderen Stellen, der Erzählung vorgreifend, von seiner Ende des dritten Bruchstückes erwähnten Reise nach «Norden vom Ister», behufs Uebergabe an den «gen Norden vom Ister Herrschenden», berichten wollte.

ἀπέστημεν recessimus ab illis. Popow: «wir trennten uns von ihnen». Lambin: «wir zogen uns von ihnen zurück». Wassiljewskij: «wir zogen uns vor ihnen zurück». Wassiljewskij's Uebersetzung ist, wenn auch in sprachlicher Hinsicht möglich, sachlich nicht stichhaltig. Der faule Friede (2. Kap. § 3), während dessen vielfach über einen Vertrag verhandelt wurde, war noch nicht in einen offenen Krieg (2. Kap. § 4 und 5), wobei es sich um

einen Rückzug vor den vordringenden Barbaren handeln könnte, umgeschlagen. Erst der Beschluss mit den Barbaren ganz zu brechen (1 Kap. § 1) zog den wirklichen Krieg und das Anrücken der Feindesmacht nach sich.

ἀπέστημεν von ἀφίστημι abstehen, wegtreten, sich zurückziehen, abfallen etc. ist unklar und thun wir daher gut, allen Schlüssen, die Wassiljewskij aus dem Ausdruck zieht, ein Fragezeichen anzuhängen. ἀπέστημεν kann auch die Bedeutung von «wir fielen ab» haben.

Das ganze erste Kapitel des zweiten Fragments enthält eine weitläufige Erklärung, eine wohlbegründete Rechtfertigung der Handlungsweise des Autors, wobei er die Ungerechtigkeit der Barbaren und die von ihnen verübten Greuel in den grellsten Farben zu malen beflissen ist.

§ 2. τῶν οἰκειότατων. Auf S. 116 bemerkt Kunik, dass im Altgriechischen οἰ οἰκειότατοι die Angehörigen, die Hausgenossen und im weiteren Sinne des Wortes die Volksgenossen bedeute, während Wassiljewskij (p. 386—387) auf Grund des byzantinischen Sprachgebrauches zum Resultat kommt, dass οἰκειότατος überhaupt eine in irgend einer Beziehung nahestehende Person bezeichne und in unserem Bruchstück, wo es sich um Bundesgenossen handle, durch «die besten oder die treuesten Verbündeten» wiedergegeben werden müsse.

τὴν Μυσῶν λείαν καλουμένην. Einige Forscher haben im Ausdruck Μυσῶν (Mösier) λεία eine Anspielung auf Bulgarien (Moesien) sehen wollen. Dem gegenüber betont Kunik auf S. 117 und Wassiljewskij auf S. 387, dass dies eine altgriechische, schon bei Demosthenes vorkommende Redensart sei (vergl. Hase p. 408), welche auch Leo Diaconus (VII, 2) und andere Byzantiner anwenden. «Aus einem Lande eine Beute der Mösier machen» heisst so viel als «ein Land von Grund aus verwüsten», «ein Land in eine völlige Einöde verwandeln».

τὴν ἀύτων [ἡμῶν] γῆν ihr [unser] Land. Schon Kunik und Wassiljewskij haben sich dahin ausgesprochen, dass der Verfasser nicht umsonst vorher ἡμῶν geschrieben habe. Das Wort ἡμῶν, welches durch ἀύτων ersetzt wird, besagt, dass der Autor in diesem Lande zu Hause und das Besitzrecht auf dieses Gebiet schwankend oder strittig war. Dieses Land stand demnach in einem Abhängigkeitsverhältniss zu den Barbaren. Dieses ἡμῶν deutet ferner an, dass die von den Barbaren bereits verwüsteten und noch zu verwüstenden Gebiete mit einander zusammenhingen, eng alliiert oder von demselben Volksstamm bewohnt wurden.

§ 3. τὸ . . . ἴσον καὶ δίκαιον. Nach Kunik (p. 117) wollte der Toparch augenscheinlich den römischen Begriff *aequum et iustum* ausdrücken.

Der überaus ehrenvolle Nachruf, den der Verfasser dem früheren Vorgehen der Barbaren zukommen lässt, weist auf ein grosses, der Zeit hervorragendes Volk und auf ein mehr oder weniger geordnetes Staatswesen hin. Ganz besonders sind die Worte *καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς* zu beachten: «Städte und Völkerschaften hatten sich ihnen freiwillig angeschlossen». Daraus folgt, dass die Barbaren wirksamen Schutz den hier in Rede stehenden Städten und Völkern gewährt haben müssen. Kunik ist es nicht entgangen, dass das Wort *πόλεις* primo loco steht. Auch im § 4 wird die Wichtigkeit der Städte hervorgehoben *καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν*. Hieraus darf geschlossen werden, dass der Verfasser ein Land im Auge hat, welches mit Handelsstädten, die natürliche Centren der umliegenden Gebiete ausmachten, besät war. Dieses passt schlecht auf das nördliche sumpfige Donauufer und die städtelosen pontischen Steppen.

Der Autor versteht unter *καὶ πόλεις καὶ ἔθνη* natürlich vor Allem seine eigene Heimath und das benachbarte Land, welches, obgleich unter Botmässigkeit der Barbaren stehend, von Letzteren auf das Grausamste verheert wurde (s. oben § 2 und unten § 4 ff.). Im § 7 erwähnt der Toparch ausdrücklich zehn Städte und fünfhundert Dörfer, die er alle in dem ihm zunächstliegenden, vom Feinde verwüsteten Lande anführt. Es handelt sich also thatsächlich um ein blühendes dicht besiedeltes Stück Erde.

§ 4. *ἀδικία . . . καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων . . . πόλεις ὑπηκόους*. Mit Recht sagt Wassiljewskij, dass diese Ausdrücke an sich völlig verständlich sind und im Hinblick auf die weiteren Anspielungen des Berichterstatters keiner besonderen Erklärung benöthigen. Aus seinen sogleich folgenden Worten sei ersichtlich, dass die Stellung dieser «Unterthanen» ein Mittelding zwischen Selbstständigkeit und völliger Unterwerfung (*ἀνδροποδίζεσθαι*) war.

§ 5. *Σχετλιάζοντές τε κατὰ τῶν ἡγεμόνων*. Kunik (p. 118/119) versteht darunter die Anführer der einzelnen räuberischen Abtheilungen, welche die Bewohner ausplünderten, während Wassiljewskij (p. 390) sie mit dem herrschenden Volke im Allgemeinen identificirt.

Meine Ansicht ist folgende. Da es im § 4 heisst, dass die Barbaren die ihnen untergebenen Städte hätten pflegen und zweckdienlich verwalten sollen, anstatt sie zu unterjochen und zu vernichten, so folgt daraus, dass die Verwaltung der Städte oder die Oberherrschaft in denselben den Barbaren gehörte, mithin dürften sich die in den Städten von den Barbaren eingesetzten Beamten oder Befehlshaber, die sich wohl auf barbarische Garnisonen stützten,

mit den ἡγεμόνες decken. Gegen diese Hegemonen (bei den Türken Tudunen genannt) beklagten sich augenscheinlich höheren Orts die Bewohner und suchten ihre Unschuld nachzuweisen. Wir sehen also, dass es zu Uneinigkeit zwischen den Untergebenen und ihren barbarischen Vorgesetzten gekommen sein muss. Diese Entzweiung führte zur vollständigen Unterwerfung und Vernichtung der Beherrschten.

Die rechtliche Stellung des dem Toparchen untergebenen Gebiets dürfte den Barbaren gegenüber eine andere gewesen sein, da wir hier keine Hegemonen antreffen. Dass das Verhältniss der Städte und Völker zu den Barbaren kein gleiches war, ist nicht nur an sich wahrscheinlich, sondern erhellt auch aus dem zweiten Fragment 1. Kap. § 2, wo von den Nächststehenden (τῶν οικειοτάτων) im Gegensatz zu Weiterstehenden und dem gleichen Vorgehen der Barbaren Allen gegenüber die Rede ist. Das Gebiet des Toparchen scheint auch weiter entfernt von den Barbaren gelegen gewesen zu sein, da sie wohl erst die näher liegenden Länder überfallen haben werden, um dann die Verheerung in die entfernteren zu tragen.

οὐδὲν μᾶλλον ἰσχυρον τοῦ μῆ τεθνάναι nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Wassiljewkij: «trachteten nur darnach, mit dem Leben davon zu kommen». ἰσχύω bedeutet aber nicht streben, trachten nach etwas, sondern stark mächtig sein, vermögen (Ed. Kurtz), so dass obige Uebersetzungen schwerlich haltbar sind. Ed. Kurtz, dem ich folge, verdolmetscht den Passus so: «vermochten nichtsdestoweniger nicht, dem Tode zu entgehen». Mithin konnten die Bewohner nicht mal ihr nacktes Leben retten. οὐδὲν μᾶλλον entspricht dem lateinischen nihilo magis ebenso wenig, also wörtlich lautet der Satz: «ebenso wenig vermochten sie, nicht zu sterben», d. h. mit anderen Worten: «trotzdem konnten sie nicht dem Tode entinnen». Diese Auffassung passt auch besser zum ganzen Inhalt der Erzählung: so heisst es im § 1, dass die Barbaren Alle auf's Unmenschlichste umbrachten, gleich wilden Thieren ihre Wuth an Allen auslassend; im § 2, dass sie selbst den Nächststehenden gegenüber keine Schonung kannten, sondern ziel- und zwecklos, ohne Ueberlegung und Rücksicht auf Gerechtigkeit, Alle hinmordeten; im § 7: «Menschen, die nichts verschuldet hatten . . . wurden eine Beute der Fäuste und des Schwertes»; 2. Kap. § 1: «Das Verderben, welches Allesammt entsetzlich vernichtete». Hieraus ist ersichtlich, dass ihre Unschuldsbetheuerungen ihnen das Leben nicht retten konnten.

§ 6. Φορὰ γὰρ τις . . . οὕτω κακίας ζυμβέβηκεν, ὡς περικλύζεσθαι τὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ φοβερῶτατα συγκεχῶσθαι δοκεῖν. Wassiljewskij: . . . «so dass für die Menschheit eine Sintfluth eingetreten zu sein schien und die furchtbarste Zerstörung drohte wie infolge . . .». Meiner Ansicht nach hat der Ver-

fasser eine Wasserfluth nicht im Auge gehabt, sondern bloß sagen wollen, dass eine Fluth oder Fülle von Unheil so gewaltig hereinbrach, dass die Menschen (oder die menschlichen Dinge) davon förmlich umwogt oder überströmt und auf's Schrecklichste verschüttet zu werden schienen. Der Satz *καὶ φοβερῶτατα συγκεχῶσθαι* ist mit dem vorhergehenden sprachlich und sachlich auf's engste verbunden, während Wassiljewskij die beiden Sätze trennt. Auch der Vergleich *ὡς ἐκ συμπτώματος* (Zusammenbruch, Einsturz) ἢ *τινος χάσματος* (Spaltung der Erde, sich aufthuender gähnender Schlund) scheint mir zu besagen, dass der Autor an eine Ueberschwemmung nicht gedacht hat. Die Menge von Bösem brach in so furchtbarer Weise über die Menschen herein, dass ihnen die Gefahr drohte, davon überschüttet und vergraben zu werden. Auch Hase's Auffassung weicht von Wassiljewskij's Verdolmetschung ab: *Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur.*

Sollte der Verfasser seinen bildlichen Vergleich *ὡς ἐκ συμπτώματος ἢ τινος χάσματος παραλογωτάτου καὶ γαλεποῦ* nicht der ihn umgebenden Natur entnommen haben? Und deuten in diesem Falle seine Worte nicht eher auf eine gebirgige Gegend, als auf sumpfige Flussniederungen oder ebenes Steppengebiet?

§ 7. *ὡσπερ ἐκ χειμῶνος ἐπικλυσθέντα ἐγένοντο.* Der Autor will damit sagen, dass das Land einen Anblick, gleich Landschaften nach verheerenden Stürmen, darbot. Das Gebiet sah so aus, wie wenn ein schrecklicher Orkan oder Wolkenbruch darüber hinweggegangen wäre, — das ist der Grundgedanke.

ἄνθρωποι τε, ἡδίκηκότες μὴδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ, χειρῶν ἔργον καὶ ξίφους ἐγένοντο. Mit diesen Worten wiederholt der Toparch das bereits im § 5 Gesagte: *ὡς οὐκ ἀδικοῦσιν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι.* — *προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ* ist schwer zu übersetzen, da das Wort *ὁμωσία* im Griechischen sonst nirgends vorkommt und auch *προβληθέντες* vieldeutig ist. Wassiljewskij ergänzt *ὁμωσία* durch *ὄρκωμοσία*, während Hase *προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ* durch *pactis juratis traditi* verdolmetscht, also «die sich den Barbaren auf Grund von beschworenen Verträgen übergeben hatten», wie Wassiljewskij Hase's Worte versteht, oder sollte nicht *pactis juratis traditi* auch mit «den beschworenen Verträgen vertrauend, auf dieselben bauend», wiedergegeben werden können? Uebrigens möchte Wassiljewskij seinerseits *προβληθέντες* besser durch «beschuldigt oder angeklagt» übersetzen und *ὁμωσία* durch *ἐπιουρκία* Eidbruch oder *ξυνωμοσία* Verschwörung ersetzen.

προβάλλομαι heisst vorhalten, sich decken, sich schützen. Wenn ἐπ' ὀμωσίᾳ für ἐπωμοσίᾳ, wie Ed. Kurtz vermuthet, steht, könnte nicht προβληθέντες ἐπωμοσίᾳ oder ἐπ' ἐπωμοσίᾳ übersetzt werden: «geschützt oder gedeckt durch Eidschwur»? Jedenfalls ist Wassiljewskij's Auffassung für uns nicht bindend, da die betreffende Stelle verschiedene Deutungen zulässt.

II. KAPITFL.

§ 1. πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχήν. Ἀρχή bedeutet hier das dem Toparchen unterstellte Gebiet, seine Herrschaft. Hase's Uebersetzung ad praesidium meum ist schwerlich haltbar (Wassiljewskij). Unten im § 5 steht in demselben Sinne εἰς τὴν γῆν ἡμῶν.

ὑφορώμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν . . . Die Worte «ich hatte viel Fürsorge getroffen» stehen mit dem Inhalt des folgenden § im Zusammenhang.

§ 2. τὸ μὲν τότε ὄλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεχρυσάμην. Treffend bemerkt Wassiljewskij, dass hier σοφώτατ' ὡς εἶχον, nicht aber ἀνδρειότατα steht, also «so weise, so besonnen als möglich», und zieht daraus den Schluss, dass die drohende Gefahr höchst wahrscheinlich auf friedlichem Wege durch Verhandlungen, sei es mit den Barbaren, sei es mit irgend einem Herrscher, welcher im Stande war die Feinde an ihrem Vorhaben zu verhindern, abgewendet wurde. Die äusserste Gefahr, die der Toparch dabei lief, mag sich, wie Wassiljewskij vermuthet, auf die im ersten Fragment geschilderte Reise durch Feindesland zur Winterzeit beziehen. Das mit dem Grossfürsten getroffene Abkommen dürfte seine Wirkung nicht verfehlt haben.

§ 3. Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου . . . Von da an . . . nämlich nach Abwendung des Verderbens, das, wie ich meine, durch den Abschluss eines Vertrages mit dem Russenfürsten erfolgte, «entstand Krieg zwischen uns und den Barbaren». Das Bündniss mit den Russen rettete den Toparchen aus grosser Gefahr, zog ihm aber seitens der Barbaren Feindseligkeit zu, welche später, als sich die eingeleiteten Verhandlungen zerschlugen, zu einem offenen Kriege führte.

πόλεμος . . . ἀκηρυκτὶ . . . ἐγένετο. Der Toparch hatte es also, wie Wassiljewskij richtig erläutert, mit solchen Barbaren zu thun, von denen man die Befolgung gewisser völkerrechtlicher Gebräuche erwarten konnte.

εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκηρύκευον. Ed. Kurtz machte mich darauf aufmerksam, dass ἐκηρύκευον auch die dritte Person Pluralis sein kann, so dass sich das Verbum auf die Barbaren, von denen im Satze vorher die Rede

ist (ἐπεμίγνυσον), beziehen dürfte. . . «obwohl sie tausendmal Anerbieten über einen Vertrag machten». Ich muss zugeben, dass diese Uebersetzung ebenso gut in den ganzen Zusammenhang des Textes hineinpasst. Der Sinn wäre folgender: Ohne vorhergegangene Ankündigung entstand dennoch Krieg (herrschte ein Kriegszustand) zwischen uns und den Barbaren, da sie den friedlichen Verkehr mit uns einstellten, keinen Umgang mit uns pflegten (obwohl sie uns andererseits tausendfache Vorschläge zu einem Abkommen machten) noch auch Reibungen zwischen uns ganz vermieden wurden. — Diese Friedensvorschläge der Barbaren müssen dem Toparchen verdächtig vorgekommen sein. Es konnte ihnen darum nicht Ernst sein, da der Abbruch aller sonstigen Beziehungen dem direct widersprach und auch die kleinen Scharmützel, zu denen es bereits kam, das Herannahen schlimmer Zeiten vorausahnen liessen. Wie sollte man den Barbaren Vertrauen entgegenbringen, da sie ja selbst den nächsten Verbündeten gegenüber keine Schonung kannten! Der Toparch befürchtet, unvorbereitet wie er war, von den Barbaren überrascht und vernichtet zu werden. Um dem faulen Frieden ein Ende zu machen, fassen sie den Beschluss mit den Barbaren Krieg zu führen oder, besser, sich zurückzuziehen und auf eine Defensive zu beschränken, diese aber auf's Energischste durchzuführen (vergl. Wassiljewskij p. 385). Der Effect dieses Schrittes waren sofortige ernste kriegerische Verwickelungen.

§ 4. Καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθύς ἤρξατο Und der Krieg begann sofort oder vielleicht besser: offen. πόλεμος εὐθύς im Gegensatz zum unangekündigten Krieg (ἀκηρυκτί). § 4 knüpft, wie schon bemerkt, unmittelbar an den Anfang des zweiten Fragments an: Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἔγνωμεν. . . καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατὸν ἀντιτετάχθαι διενόηθημεν. Hierdurch wurde dem faulen Frieden Einhalt gethan und der offene Krieg begann.

ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβαλεῖν· ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χειμερινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν. Im Text steht freilich χειρινῶν, das sinnlos ist. Der vorhergehende Satz «der Winter aber war im Anzuge» besagt unzweideutig, dass χειρινῶν aus χειμερινῶν verschrieben sein muss. Das Wort χειμερινός kam schon früher einmal vor: ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινά διατρέχοντος s. 1. Fragm. 2. Kap. § 3.

Die hier im § 4 erwähnte Zeitangabe ist von nicht geringer Wichtigkeit, da sie die strittige Frage hinsichtlich der Reihenfolge der drei Fragmente in befriedigender Weise löst. Doch darüber später.

§ 5. ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν. Vergl. dazu 2. Kap. § 1 πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχήν.

ἱππικῶ τε ἅμα καὶ πεζῶ. Schon Kunik fiel es auf, dass primo loco Reiterei steht. Daraus möchte er den Schluss ziehen, dass die in Frage kom-

menden Barbaren höchst wahrscheinlich zu den Steppenvölkern gehörten, während die Russen, an welche Wassiljewskij denkt, nach dem einstimmigen Urtheil aller Schriftsteller, in der Regel zu Fuss kämpften, so dass Kunik's Vermuthung sehr viel für sich hat. Der Umstand andererseits, «dass die Barbaren auch mit geordnetem Fussvolk heranrückten, nicht blos mit Reiterei», deutet auf civilisirtete Nomaden (Tomaschek p. 35).

Das Heer der Feinde kann nicht gross gewesen sein, da, wie schon Kunik hervorhob, der Toparch mit seinen geringen Streitkräften — an Reiterei hatte er etwas über 100, an Fusskämpfern über 300 — die Feinde zurückschlug (cf. drittes Fragment Kap. 1, § 3). Wenn nun der Toparch in seiner Heimath, in dem ihm unterstellten Gebiet ein Aufgebot, das nur nach einigen Hunderten zählte, in der grössten Noth hat aufbringen können, so muss er auf seinem, im ersten Bruchstück geschilderten Zuge durch die Pontussteppen, über eine weit geringere Mannschaft verfügt haben, wodurch natürlich jeder Gedanke an ein kriegerisches Unternehmen daselbst, woran einige Forscher glauben, in Wegfall kommt.

ὡς ἅμα βοῆ «beim ersten Angriff» (Wassiljewskij). Hase: momento. «Zugleich mit dem Kriegsgeschrei», d. h. mit leichter Mühe, beim ersten Ansturm, im Fluge.

τῆ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ infolge der Schwäche des Gemäuers. Im § 6 wird der Wohnort des Toparchen mit einem Dorfe verglichen und fernerhin ebenda erzählt, dass die Mauern der Festung in früheren Zeiten von den Barbaren niedergerissen worden waren.

§ 6. τὴν οἴκησιν ποιουμένων ist eine Umschreibung für οἰκέω, sowie φάσιν ποιέω im ersten Fragment für φαίνομαι.

Ἄλλ' ἐκαίνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες etc. Diese vom Verfasser gestrichenen Sätze sind von ihm mit kleinen Veränderungen ins dritte Fragment 1. Kap. § 3 versetzt; selbst der Fehler ἀποβαλλόντες statt ἀποβαλόντες kehrt dort wieder. Wie häufig, so fühlte der Verfasser auch hier das Bedürfniss, einige Erläuterungen zu dem Gesagten zu geben. Wie kam es eben, dass sie in einer zerstörten Stadt wohnten und die Mauern so schwach waren, dass sie eher wie aus einem Dorfe als einer Stadt ihre Ausfälle machten? Nach der abgegebenen Erklärung, nimmt der Verfasser den fallengelassenen Faden seiner Erzählung wieder auf (vergl. Wassiljewskij p. 396).

ἀπήεσαν πρὸς ἑσπέραν, φυλάζαντες τὸ περίορθρον entfernten sich zur Abendzeit, nachdem sie das Morgengrauen abgewartet hatten. φυλάζαντες τὸ περίορθρον übersetzt Hase: servato diluculo (s. drittes Fragment), Wassiljewskij dagegen: «aus Furcht vor dem Morgen». Meines

Dafürhaltens ist Wassiljewskij's Verdolmetschung nicht haltbar, da im Text φυλάξαντες, nicht aber φυλαξάμενοι steht.

Interessant, dass im dritten Fragment der Ausdruck πρὸς ἑσπέραν durch πρὸς νόκτα ersetzt ist. Wir dürfen kaum daran zweifeln, dass πρὸς ἑσπέραν durch ein Versehen anfänglich hingeschrieben ist, da nur πρὸς νόκτα hier einen Sinn hat: «sie zogen zur Nachtzeit ab, nachdem sie die Morgendämmerung abgewartet hatten». Also am Ende der Nacht beim ersten Morgengrauen entfernten sich die Barbaren.

Nachtrag. Gegenwärtig halte ich folgende Uebersetzung für geboten: «entfernten sich zur Abend-, bezw. Nachtzeit, auf die Morgendämmerung wartend».

Πρὸς μὲν γὰρ τὰ πεζὸν τοξότας καὶ αὐτὸς ἀντεταξάμην, πρὸς δὲ τὸ ἵππικὸν ἵππικόν, διχῆ τὸν στρατὸν παρατάξαντες. Die Konstruktion ist sonderbar ἀντεταξάμην . . . παρατάξαντες.

Obige Mittheilung wird durch § 3 im 1. Kap. des dritten Fragmentes ergänzt: Ἦσαν δὲ μοι τότε ἵππεῖς μὲν ὀλίγω πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπερ τ'.

Ἡ γῆ γὰρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων καὶ ἰκανῶς ἐξερῆμωτο, ἐκ βάρθρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τείχη. Damit ist ibid. zu vergleichen οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἴκησιν ποιουμένων.

Was ἡ γῆ betrifft, so meint Wassiljewskij, dass, da der Autor vorhin (§ 5) ἡ γῆ ἡμῶν sagte und da er ein und dieselben Ausdrücke und Wendungen gerne wiederholt, ἡ γῆ ohne ἡμῶν vielleicht nicht bedeutungslos sei. Mir scheint der Verfasser an dieser Stelle unter ἡ γῆ nicht nur sein eigenes Gebiet, sondern überhaupt das ganze in Rede stehende Land gemeint zu haben. Wenn schon das entlegenere, von den Barbaren gegenwärtig nicht abhängige Gebiet des Toparchen vormals verwüstet worden war, wie sollte das übrige den Barbaren näher belegene und untergebene Land nicht unter einem gleichen Schicksal gelitten haben?

καταβαλλόντων τὰ τείχη. Wassiljewskij wirft die Frage auf, warum καταβαλλόντων, nicht aber καταβάλόντων stehe? Handelt es sich ausser κλήματα noch um andere Städte und andere Mauern, die von den Barbaren geschleift worden waren, oder wäre hier derselbe orthographische Fehler, welchen der Verfasser noch zwei mal macht (ἀποβαλλόντες), zu verzeichnen?

Die kühle Art, in der der Verfasser, entgegen seiner sonstigen Gepflogenheit, von der früheren Zerstörung der Stadt durch die Barbaren berichtet, deutet an, dass dieses Ereigniss sich vor seiner Zeit zugetragen haben dürfte; wie weit aber zurück, lässt sich nicht entscheiden. Kunik vermuthet (auf S. 120) das Ende des VIII. Jahrhunderts, als die Krimgothen

unter ihrem Bischof Johannes einen vergeblichen Aufstand gegen die Charsaren erhoben und ihre Veste demolirt wurde. Ebenda spricht Kunik seine Ueberzeugung aus, dass die zerfallene Festung, welche mehr einem Dorfe als einer Stadt glich, sich unmöglich mit Korssun (Cherson) decken könne, mit Korssun, dass sich, infolge der überaus günstigen Lage, nach jedem Missgeschick rasch zu neuer Blüthe entfaltet; man werde eher an eine verlassene Bergveste gemahnt. Dieser Ansicht hat sich auch Wassiljewskij (p. 396) anstandslos angeschlossen.

§ 7. Καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλήματα διανοησαμένου. Und da erst kam ich als erster (besser: zuerst) auf den Gedanken, Klemata wieder zu bewohnen (nach Hase und Kunik: wiederherzustellen οἰκίσαι).

Τότε ἀρχὴν tunc demum, nachdem nämlich das Gebiet verheert und die Mauern der Stadt zerstört worden waren, meint Wassiljewskij. Mit dieser Auffassung kann ich mich nicht befreunden. Meiner Ansicht nach kehrt der Autor, nach seiner längeren Abschweifung, zu seiner Erzählung (am Anfang des zweiten Fragmentes) zurück. Interessant, dass er sogar die dort eingangs gebrauchten Ausdrücke Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε hier wiederholt: καὶ τότε ἀρχὴν. . . Nachdem der feste Entschluss, mit den Barbaren zu kämpfen und ihren etwaigen Angriffen mit Energie zu begegnen, gefasst worden war, kam dem Toparchen der Gedanke, Klemata wieder zu besiedeln und zu einem festen Bollwerke herzurichten. Dass der Verfasser den zu Beginn des zweiten Bruchstückes abgerissenen Faden mit den Worten καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλήματα διανοησαμένου wieder aufnimmt, geht schlagend aus dem dritten Fragment hervor, in dem der Inhalt des zweiten theilweise recapitulirt wird. S. 3. Fragment 1. Kap. § 1 καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο und § 3 Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες etc. Die Worte «Und das Kastell wurde mit grosser Eile aufgebaut und mit einem Graben umgeben, und zugleich mit diesem . . . begann auch der Krieg», weisen gebieterisch darauf hin, dass der Gedanke, sich in dem verlassenen Klemata wieder wohnlich einzurichten und die alten Festungswerke wieder herzustellen, die unmittelbare Folge des Beschlusses, mit den Barbaren Krieg zu führen, war. Die Zeit reichte kaum hin, um das Kastell aufzubauen, während die Stadt nur in einen nothdürftigen Vertheidigungszustand versetzt werden konnte, da der Krieg sofort begann und der Feind ohne Verzug heranrückte.

πάλιν οἰκῆσαι. Hase und Kunik sind der Ansicht, dass infolge der schon in der ersten Hälfte des Mittelalters aufgekommenen Aussprache des η wie ι, der Verfasser einen orthographischen Fehler begeht, indem er statt

οικίσαι, οικῆσαι schreibt. Möglich ist das allerdings, aber nicht mit Sicherheit zu behaupten. Daher bleibe ich mit Wassiljewskij bei *οικῆσαι* (*habitare*). Die Frage, ob *οικῆσαι* oder *οικίσαι*, ist nicht ganz irrelevant, weil aus *πόλιν οικῆσαι* erhellen dürfte, dass Klemata bis dahin nicht Sitz des Toparchen war, dass er sich erst durch das drohende Verderben gezwungen sah, in die zerfallene verödete Stadt hinüberzusiedeln um sie zu einer Festung auszubauen, in welcher die Bewohner des Landes Schutz vor den Feinden finden könnten. Wassiljewskij geht jedoch viel zu weit, wenn er behauptet, dass auch des Toparchen Vorgänger ihren Wohnsitz nicht in Klemata gehabt haben. Woher weiss Wassiljewskij das? Lesen wir dagegen *οικίσαι*, so handelt es sich eben nicht um eine Wiederbesiedelung seitens des Toparchen und seiner Leute, sondern nur um den Wiederaufbau der Festungswerke in seinem Wohnsitz, der hierdurch der Sammelplatz der Umwohnenden naturgemäss werden musste. Daran aber, dass Klemata im Gebiet des Toparchen belegen war, ist in keinem Falle zu zweifeln.

Es erübrigt zu bemerken, dass, da § 7 inhaltlich nicht an den vorhergehenden § 6, wie oben nachgewiesen wurde, anknüpft, sondern im engsten Zusammenhang mit § 1 des 1. Kap. im 2. Fragm. steht, seine äusserliche Verbindung mit § 6 vermittelt eines Semikolons unhaltbar ist. Entweder hat sich der Verfasser selbst verschrieben und den Punkt zu hoch gestellt oder aber Hase sich versehen.

ἐκ τῶν ἐνότων. Hase: pro facultatibus (nach Möglichkeit). Wassiljewskij hat sicher Recht, wenn er den griechischen Ausdruck konkret fasst und darunter das vorhandene Baumaterial versteht.

ἐκ τούτου von diesem (dem Kastell) aus. Nach Ed. Kurtz vielleicht infolge dessen, dadurch.

τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν. Dass mit *πόλιν* Klemata gemeint sei, ist selbstverständlich.

Hinsichtlich τὰ Κλήματα möchte ich bereits an dieser Stelle betonen, dass in der ganzen byzantinischen Litteratur τὰ Κλήματα oder τὰ Κλίματα als Eigennamen nur bei Konstantin porphyrog. in seinem Werke *de administrando imperio* mehrfach vorkommt und ein in Taurien belegenes Gebiet zweifellos bedeutet. Dieser Umstand allein schon genügt, τὰ Κλήματα der Fragmente mit τὰ Κλήματα des Konstantin in Verbindung zu bringen, ganz abgesehen von allen übrigen Fingerzeigen, welche auf die Südküste der Krim als auf die Heimath des Toparchen hinzielen: Ob τὰ Κλήματα des Konstantin auch als Stadt aufgefasst werden darf, soll an einer anderen Stelle erörtert werden. Wassiljewskij's Κλεμάδες des 6. Jahrhunderts am rechten Donauufer unweit Orsova hat schwerlich eine Daseinsberechtigung.

FRAGMENT III.

I. KAPITEL.

§ 1. Καὶ τὸ μὲν ἀνωκοδόμητο τάχει πολλῶ. Τὸ μὲν bezieht sich auf das im § 7 soeben genannte φρούριον. Gleich wie der Inhalt des ganzen Satzes, wobei τάχει πολλῶ besondere Aufmerksamkeit verdient, so beweist auch τὸ μὲν, dass das dritte Bruchstück die unmittelbare Fortsetzung des zweiten bildet. Dies zu constatiren, werden wir noch mehrmals bei Durchnahme des letzten Fragmentes Gelegenheit haben. Da also das zweite und dritte Fragment ein zusammenhängendes Ganzes ausmacht, so wäre es richtiger, nur von zwei Bruchstücken, nicht aber von drei, wie das angenommen ist, zu reden. Auch räumlich folgt das dritte Fragment unmittelbar auf das zweite, wie dies aus Hase's Bemerkung p. 503: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subjungenda, erhellt, wobei er in der Einleitung zum zweiten Fragment (p. 500) anführt, dass dasselbe ungefähr vierzig Seiten nach dem ersten Bruchstück steht: Sequitur post quadraginta circiter folia alterum, eadem intricatissima manu... Daher wäre es wohl richtiger, wenn Hase zum Schluss des zweiten Fragmentes statt der vielen Punkte, welche eine Lücke andeuten sollen, nur einen Punkt gesetzt hätte.

ἄμα τούτων... Das folgende Wort hat Hase nicht entziffern können. Wir dürfen darin einen Ausdruck, wie Vorbereitungen, Arbeiten etc. vermuthen.

ὁ πόλεμος ἤρξατο. Schon oben ist darauf hingewiesen, dass der Autor den im zweiten Fragment Kap. 2, § 4 geäußerten Gedanken καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθύς ἤρξατο wiederholt. Vergl. auch Wassiljewskij p. 400.

§ 2. Μεμέριστο δὲ τὸ φρούριον κατὰ συγγενείας. Die Sippschaften, die Geschlechtsverbände, unter denen das Kastell vertheilt war, gemahnen an die Existenz patriarchalischer Zustände im Gebiet des Toparchen.

᾽Ωκειῖτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα. Vergl. damit den Schluss des zweiten Fragmentes καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι und ein wenig weiter oben in demselben § 7 ἐμοῦ πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλήματα διανοησαμένου. Daraus folgt, dass es sich um die Stadt Klemata handelt, welche nun schon so weit wiederhergestellt war, dass sie bereits bewohnt wurde. Auch eine Umwallung, mag sie noch so schwach (τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ im zweiten Fragm. 2. Kap. § 5) gewesen sein, muss die Stadt erhalten haben. Cf. κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περιβόλον im dritten Fragm. 1. Kap. § 2.

τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐξητοίμαστο (ἐτηρεῖτο). Nach eventueller Einnahme der Stadt sollte das Kastell als letzter Zufluchtsort dienen.

Was das auf ἐξητοίμαστο folgende nicht durchstrichene ἐτηρεῖτο betrifft, so glaubt Wassiljewskij, dass der Autor mit letzterem Worte einen neuen Satz beginnen wollte und dasselbe nur aus Unachtsamkeit stehen liess. Mir will es jedoch scheinen, dass er damit den Ausdruck ἐξητοίμαστο ersetzen wollte, so dass eher behauptet werden darf, der Verfasser habe ἐξητοίμαστο auszustreichen vergessen. Die ganze Stadt wurde bewohnt; das Kastell jedoch wurde als ultimum refugium aufbewahrt; dahin sollte sich die Bewohnerschaft von Klemata in der grössten Gefahr zurückziehen.

§ 3. Ἄλλ' αἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες... Vergl. die vom Autor durchstrichenen Sätze im zweiten Fragment 2. Kap. § 6. Siehe den entsprechenden Kommentar zu der Stelle.

καταισχυνθηθέντες. In dem ausgestrichenen Satze lautet die Form richtig καταισχυνθέντες, vergl. Wassiljewskij p. 400/401.

πρὸς νύκτα hier gegen πρὸς ἑσπέραν an der anderen Stelle.

σφενδόνηται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'. An Schleuderern und Bogenschützen über 300. Hase schreibt versehentlich supra CC, während Wassiljewskij auch nicht ganz richtig übersetzt: «nicht mehr als 300».

Dass dieser § 3 und der ausgestrichene Passus im § 6, 2. Kap. II. Fragm. einander ergänzen, ist schon gesagt. Der enge Zusammenhang zwischen Fragm. II und Fragm. III leuchtet überall hervor.

§ 4. τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων. Es handelt sich um die Wiederaufführung der alten Stadtmauern, welche von den Barbaren vor Zeiten zerstört worden waren. Wenn im § 2 desselben Kapitels von der anderen Umwallung der Stadt die Rede war (κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον), so kann damit noch nicht die wiederaufgebaute alte Stadtmauer gemeint sein. Es muss eine in aller Eile vorläufig errichtete Umzäunung, gleichviel in welchem Umfange und aus welchem Material hergestellt, gewesen sein, da erst nach dem Abzuge der Barbaren die eigentlichen alten Stadtmauern auf Geheiss des Toparchen wiedererstanden.

Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας zu denen, welche zu uns hielten, welche uns geneigt, wohlgesinnt, zugethan waren; oder einfach: zu unseren Anhängern. Hase: Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis arcessivi. Popow: zu meinen Bundesgenossen. Wassiljewskij auf S. 401 und auch Kunik auf S. 120/121 sind mit diesen Uebersetzungen nicht einverstanden. Beide treten für die wörtliche Bedeutung von προσέχω

ein.— Der Verfasser unterscheidet in unzweideutiger Weise «die, welche zu uns hielten» von den Seinigen (τοὺς ἐμούς). Es ist klar, dass erstere an der Vertheidigung von Klemata keinen Antheil genommen haben, denn sonst brauchte der Toparch sie nicht durch Eilboten nach Klemata zu berufen (vergl. Wassiljewskij p. 401). Aus der Darstellung des Autors erhellt, dass das benachbarte Gebiet nicht ringsum von den Barbaren vernichtet worden war, sondern dass in der Nähe von Klemata sich von den Feinden unbelligte Bezirke befanden, aus denen die Angesehensten zu einer Berathung beim Toparchen eintrafen.

Schon hier sei auf's Nachdrücklichste betont, dass Wassiljewskij's Schlussfolgerungen auf Grund dieses 4. § unhaltbar sind. Sie lauten: «Also waren die Garnison der Festung und deren Anführer, unser Toparch, hier Fremdlinge, Herkömmlige ... Schliesslich waren auch diejenigen, welche zum Toparchen und dessen Landsleuten «hielten», ihm nicht sonderlich zugehan und schon bereit, sich gleich den Anderen derselben barbarischen Herrschaft zu übergeben».

Den Beweis werde ich unten antreten.

σκεψόμενος περί τῶν ἔλων in der Absicht, das Ganze oder Sämmtliches zu erwägen, zu bedenken; um mich über die Gesamtlage zu instruiren, um die Situation zu übersehen etc. Wassiljewskij's Uebersetzung «in der Absicht einen endgiltigen Beschluss zu fassen» scheint mir zweifelhaft zu sein. Auch weiss ich nicht, ob Hase's Verdolmetschung: de rerum summa in consilium ire (zu berathen) volens, völlig zutreffend ist.

Nach τεῖχρον μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων folgen die vom Autor durchstrichenen Sätze Δείσας δὴ, μὴ ἐσαῦθις τελείονι δυνάμει ἀφι...καὶ στρατῶν μεγάλῳ ἀφίξονται. Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε.

Aus Besorgniss nämlich, dass die Barbaren von Neuem mit vollständigerer Streitmacht und mit einem grösseren Heere anrücken könnten, führte der Toparch die alte Stadtmauer wieder auf, hiess die Seinigen sich im Kampfe üben und schickte Eilboten zu seinen Anhängern, um sie zu einer Berathung nach Klemata einzuladen.

Der Satz Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε wird gleich weiter im 2. Kap. § 1 wiederhergestellt. Die vorhergehenden durchstrichenen Sätze werden aber nicht restituirt, was der Autor durchaus nicht aus dem Grunde zu thun unterliess, weil der darin ausgesproche Gedanke etwa ein falscher war. Vielmehr besagt ja die ganze Handlungsweise des Toparchen, die sämtlichen von ihm ergriffenen Maassregeln, dass er den Krieg mit den Barbaren keineswegs als beendet ansah, sondern einen erneuten, mit grösseren Streitkräften unternommenen Angriff ernstlich befürchtete.

II. KAPITEL.

§ 1. ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἶους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν. Nach dem Bruch mit den Barbaren handelte es sich um die Wahl eines neuen Schutzherrn, der im Stande wäre sie vor den Barbaren zu beschirmen. Da aber die Bewohner von Klemata selbst dabei nicht hervortreten und der Toparch, wie aus der ferneren Erzählung folgt, bereits Statthalter des Russenfürsten war, sollte hier nicht blos die Wahl eines Patronen für die dem Toparchen wohlgesinnten Nachbarn getroffen werden? Der Toparch macht in der Versammlung der Vornehmsten aus der Nachbarschaft diesbezügliche Vorschläge und führt aus, welche Vortheile sie, nach Erwählung dieses oder jenes Oberherrn, zu erreichen suchen müssen. Die Rede, die Wassiljewskij dem Toparchen in den Mund legt, ist doch nur ein Phantasiegebilde. Die Erwägungen der Versammlung besagen, dass die Vorschläge des Toparchen recht konkreter Natur waren, dass unter den Gebietern (δεσποτῶν) nur der Kaiser von Byzanz und der im Norden des Ister Herrschende in Betracht kamen. Einer von diesen beiden sollte gewählt werden. Dabei scheint der Redner die Sachlage objectiv auseinandergesetzt, alle Gründe pro und contra unparteiisch abgewogen zu haben. In seiner Rede, betone ich, verräth er mit keiner Silbe seine persönliche Stellungnahme zur Sache. Daher ist mir unbegreiflich, warum Wassiljewskij ihn für einen officiellen Vertreter der byzantinischen Regierung hält und für eine Agitation seinerseits zu Gunsten des Griechenkaisers eintritt, während Kunik (p. 121), umgekehrt, aus der Rede des Befehlshabers entnehmen zu können vermeint, dass der Wunsch des Toparchen eine vollständige Lostrennung von Byzanz war. Weder auf das Bestreben des Verfassers sich, wie Wassiljewskij glaubt, auf Seite von Byzanz zu schlagen, noch auf den entgegengesetzten Wunsch, von Byzanz abzufallen, findet sich eine Anspielung in der Rede des Toparchen und in den von ihm mitgetheilten Argumenten, von denen sich die Versammlung leiten liess.

§ 2. εἴτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες. Die Partikel ὡς bedeutet, dass der Verfasser die Meinung der Versammlung wiedergibt, ohne dass daraus, wie Wassiljewskij thut, geschlossen werden darf, er, der Toparch, missbillige diesen Grund und zeihe die Leute der Undankbarkeit gegen dem Kaiser. Kunik jedoch meint auf S. 73, der Verfasser klage die byzantinische Regierung an und habe vermuthlich seinen Bericht verfasst, um in den Augen eines Freundes oder irgend einer hochgestellten

Persönlichkeit seine Untreue gegen Byzanz zu begründen und zu rechtfertigen. Wassiljewskij's Uebersetzung des ὡς mit «als ob» oder «als wenn» verwerfe ich als irreführend; ὡς lässt sich hier, wie ich glaube, am besten durch «angeblich» oder «wie sie sagten», «wie sie angaben» wiedergeben. Es soll damit bloß die subjective Meinung der Vornehmsten aus der Umgegend gekennzeichnet werden. «Da sie angeblich (oder: wie sie angaben) niemals der kaiserlichen Fürsorge (Wohlwollen) genossen haben». Dieses Argument beweist, dass die in Rede stehenden Leute nicht die Bewohner von Cherson sein können, welch' letztere sich durch Jahrhunderte hindurch einer besonderen Gunst und vielfacher grosser Geldunterstützungen seitens der byzantinischen Machthaber im Allgemeinen erfreuten und in der in Frage kommenden Zeit von kaiserlichen Kommandanten regiert wurden.—Beachtenswerth ist Uspenskij's Auffassung (p. 275): «Die Stelle ist dahin zu verstehen, dass die Bewohner jener Gegenden, infolge der weiten Entfernung der Macht des Kaisers, der Wohlthaten, die aus der Zugehörigkeit zum grossen christlichen Reiche hervorgehen, nicht theilhaftig werden konnten».

μηδ' Ἑλληνικώτερον τρόπων ἐπιμελούμενοι. Dazu bemerkt Kunik: «Bekanntlich hiessen die Byzantiner nicht mehr Ἕλληνες,—dieser Name erhielt bei ihnen die Bedeutung von Heiden,—sondern nannten sich Ῥωμαῖοι. Nur den fremden Völkerschaften gaben sie die Benennung Griechen, Γραικοί, sobald diese ihre Muttersprache aufgaben und sich hellenisirten... Der Comparativ ἑλληνικώτερον wurde schon im Alterthum in der Bedeutung: mehr nach griechischem Muster, d. i. mehr in der Weise der Völker, welche wie gebildete Griechen denken und handeln, gebraucht. Hase's Erklärung: «graecanica vitae ratio» ist folglich vollkommen correct». Wassiljewskij dagegen will unter οἱ ἑλληνικοὶ τρόποι heidnische barbarische Sitten verstehen und fasst dementsprechend in ziemlich gezwungener Weise μὴ ἐπιμελούμενοι (unbekümmert, ohne zu achten...) so auf, dass die Leute an den barbarischen Sitten des Volkes, dem sie sich übergaben, keinen Anstoss nahmen, sich in diesem Sinne um dieselben nicht kümmerten. Gegen diese Deutung spricht schon der Umstand, dass der Autor die Beweggründe der Versammlung deutlich in zwei Gruppen theilt: in der ersten sind alle Gründe zusammengestellt, welche gegen Byzanz sprachen; in der zweiten alle die vereinigt, welche die Versammlung bestimmte, sich dem gen Norden des Ister Herrschenden anzuschliessen.

Ob die Uebertragung von τρόποι durch «Sitten» hier zutreffend ist, möchte ich im Hinblick auf αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι bezweifeln. Die Autonomie, nach welcher sie vor allen Dingen strebten, wird dem byzantinischen centralistischen Verwaltungssystem (das auch bei den Donaubulgaren vorherrschte) entgegengesetzt (Vergl. Uspenskij p. 275—276).

Es scheint daher bei *ἑλληνικώτεροι τρόποι* mehr das socialpolitische Gebiet ins Auge gefasst zu werden, so dass *τρόποι* hier vielleicht besser durch Lebensart, Wesen oder Lebensordnungen wiederzugeben wäre.

αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι. Auch diese Worte sprechen gegen Cherson als Gebiet des Toparchen, weil sie besagen, dass es den Bewohnern am meisten darum zu thun war, ihre Selbstregierung, der sie sich augenscheinlich unter den Barbaren, ihren vorherigen Oberherren, erfreuten, zu erhalten, während Cherson seit Ende der 30-er Jahre des IX Jahrhunderts, zur Zeit Theophilos, einen byzantinischen Beamten erhielt und seiner Selbstverwaltung verlustig ging.

Aus den gegen Byzanz ins Feld geführten Argumenten geht hervor, dass der Anschluss an den Herrscher im Norden des Ister ein ziemlich loses Abhängigkeitsverhältniss involvirte, da sie dadei mit Sicherheit darauf rechneten, ihre Selbständigkeit nicht einzubüssen; es handelte sich also nur um die Wahl eines Schirmherrn, eines Patrones.

Nun folgt die Herzsählung der Gründe, welche die Leute veranlassten, sich dem gen Norden des Ister Herrschenden zu übergeben.

ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα. Befindet sich *τὰ Κλήματα*, woran nicht zu zweifeln ist, in der Krim, so erhellt aus der Nachbarschaft mit dem gen Norden des Ister Herrschenden, dass letzterer ein mächtiger Fürst gewesen sein muss, da sich sein Reich einerseits nördlich vom Ister erstreckte, andererseits an das Gebiet von Klemata stiess. Dabei scheint es sich im letzteren Falle um eine unmittelbare Nachbarschaft zu handeln, im Gegensatz zu Uspenskij's Auffassung (p. 276), gemäss welcher nur an eine Einflussphäre des Monarchen zu denken wäre,— weil im nachstehenden § der Toparch berichtet, dass der mächtige Herrscher einen ganzen Bezirk zu seinem, nämlich dem Gebiete des Verfassers hinzufügte. Der Gewalthaber besass also grosse Macht, mindestens grossen Einfluss, dem er Geltung verschaffen konnte, weit im Süden. Doch sei an dieser Stelle daran erinnert, dass zwischen Klemata und den taurischen Besitzungen des Herrschers einerseits und seinem eigentlichen grossen Reiche nordwärts vom Ister andererseits, Gebiete belegen waren, in denen seine Macht durch feindliche Völkerschaften stark eingeschränkt oder ganz paralysirt wurde (s. den Schluss des ersten Fragments).

Aus Gesagtem folgt, dass der mächtige Herrscher nicht mit einem Petschenegenchan, worin Wassiljewskij und Kunik einer Meinung sind, zusammenfallen kann, da diese Nomaden in viele Stämme zerfielen und jeder Stamm seinen Häuptling hatte. Dasselbe gilt auch von den Kumanen, die im XI Jahrhundert im Süden Russlands auftraten. Eher dürfen wir schon an die Ungarn denken, als sie sich noch in den pontischen Steppen tummelten, weil

sie centralistischer organisirt zu sein scheinen. Doch dieses verbietet gleichfalls die weitere Bemerkung, dass die Bewohner von Klemata und Umgegend sich in ihren Sitten von dem Volke, welchem sie sich anschliessen wollten, nicht unterschieden, — da die Bevölkerung an den südlichen Gestaden von Taurien sesshaft war. Selbst wenn wir nicht wüssten, dass Klemata im gebirgigen Theile der Krim liegt, so erhellt doch aus der Erzählung von den vielen Städten und Weilern in der Nachbarschaft von Klemata, sowie aus der Aeusserung betreffend die Festung Klemata selbst; ferner aus der Anführung der Streitkraft des Toparchen (über 300 Schützen und Schleuderer und etwas über 100 Reiter) und aus manchen anderen Anzeichen, — dass die Bewohnerschaft zu den sesshaften Völkern gehörte.

Mithin können die Unterthanen des gen Norden des Ister Herrschenden nicht mit Nomaden identificirt werden. Es kann also nur der Russenfürst gemeint sein. Es bleibt uns keine andere Wahl. Man hat zwar auch an den Bulgarenkönig Simeon gedacht, doch ohne dafür einen triftigen Grund angeben zu können. Selbst wenn Klemata an der Donau belegen gewesen sein sollte, kann trotzdem der *κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύων* sich nicht mit einem Bulgarenkönige decken, weil das Reich der Bulgaren sich südlich von der Donau erstreckte und es nicht einmal feststeht, ob die Bulgaren überhaupt Besitzungen im Norden der unteren Donau hatten. Hier in den Steppen, nördlich vom Ister, hausten Nomaden. Unter dem Ausdrucke *ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύων* einen Bulgarenkönig verstehen zu wollen, ist völlige Willkür, wie man auch das Wort *βασιλεύων* wenden und kehren wolle.

μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ και δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι. — *Μετὰ τοῦ . . .* ausserdem dass . . ., es kommt hinzu dass . . . Die Formen *ἰσχύειν* und *ἐπαίρεσθαι* lassen nicht erkennen, ob der Herrscher damals, als der Toparch seinen Bericht abfasste, noch am Leben war oder nicht, ob mit anderen Worten der Infinitiv durch Präsens oder Imperfectum aufzulösen sei. Daher habe ich auch in der Uebersetzung den Infinitiv durch Participium Präsens wiedergegeben, da dies Particip es gleichfalls unentschieden lässt, welche Zeitform der Verfasser im Auge hatte. Schon hier sei erwähnt, dass die Aufzeichnungen nicht gleichzeitig oder nur kurze Zeit nach den geschilderten Ereignissen niedergeschrieben waren.

Das grosse Heer und die Kampfesmacht deuten ihrerseits auf einen sehr bedeutenden allbekanntem Fürsten hin und schliessen den Gedanken an irgend einen Nomadenführer aus.

ἦθεισί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρά σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες. Ed. Kurtz: *ἀποδιαφέρω* sei unbekannt, stehe zweifellos für *διαφέρω*; *τοῖς ἐκεῖ* beziehe sich auf *ἦθεισι*, während Wassiljewskij incorrect *ἦθεισι τοῖς ἐκεῖ* durch «den Sitten nach von den dortigen Bewohnern» übertrage.

ἐκείνων (lies ἐκείνω oder ἐκείνοις) καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ξυνέθεντο. Σπένδομαι heisst: das übliche Opfer des Bundes oder Vertrages bringen, ein Bündniss schliessen, ein Abkommen treffen, und in weiterer Bedeutung des Wortes: Frieden schliessen, Waffenruhe gewähren. Σπένδομαι = paciscor. Hase: statuerunt pacisci cum illis. Wassiljewskij: «sie beschlossen sich mit ihm zu versöhnen» (Frieden zu schliessen), obgleich er auf S. 411 zugiebt, dass σπείσασθαι auch einen Vertrag eingehen, ohne vorhergegangenen Krieg, bedeuten könne. Wassiljewskij's Verdolmetschung ist durch seine vorgefasste Meinung, die er übrigens mit Vielen theilt, dass nämlich die Barbaren, welche Klemata überfallen, mit den Russen identisch seien, bedingt. Wassiljewskij meint, die Leute haben sich nun mit ihren Feinden aussöhnen, Frieden schliessen wollen,— was ihnen dann auch gelang. Wie ist aber diese Deutung geschraubt und gewunden! Meines Dafürhaltens liegt es auf der flachen Hand, dass sich die Leute einen neuen Schutzpatron wählten, sich einem neuen Oberherrn anvertrauten, welcher im Stande wäre, sie vor den grausamen Barbaren zu beschirmen. Davon noch später.

καὶ ἐπὶ τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπέψηφίσαντο. Von der unbegründeten Auffassung ausgehend, dass der Toparch der Vertreter der byzantinischen Regierung sei und als solcher die Interessen von Byzanz wahrzunehmen suchte, übersetzt Wassiljewskij obigen Satz wie folgt: «und sie gaben ihre Stimmen dahin ab, dass auch ich dasselbe thun solle». Die Versammlung hat, nach Wassiljewskij, den Toparchen gegen seinen Wunsch und Willen gezwungen, mit den Barbaren Frieden zu schliessen und sich ihnen zu übergeben. Dem gegenüber sei hervorgehoben, dass weder im griechischen Text «auch» steht, noch τοιαῦτα «dasselbe» bedeutet. Der Sinn des Satzes ist absolut klar: und sie stimmten alle gemeinsam dafür, dass ich Solches (derartige Schritte) ausführen (thun) soll». Der Toparch wurde beauftragt den Beschluss der Versammlung zur Ausführung zu bringen. Man vergleiche Hase: me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Wassiljewskij ist, wie ich sehe, dem sonst von ihm so verpönten Popow gefolgt, welcher die beregte Stelle so verdolmetscht: «und sie suchten einstimmig auch mich zu demselben (Schritte) zu bewegen». Ich kann Popow und Wassiljewskij, sowie allen denen, welche sich, statt dem Original zu folgen, an Wassiljewskij's Verdolmetschung halten, den Vorwurf nicht ersparen, dass sie dem griechischen Text Gewalt anthun, und überlasse getrost die Entscheidung darüber allen Kennern der griechischen Sprache.

Wenn wir auf die Gefühle des Toparchen schliessen wollen, so konnte ihm der einstimmige Beschluss der Versammlung nur schmeichelhaft sein, da derselbe das grosse Vertrauen, welches ihm entgegengebracht wurde,

kundete. Jedenfalls kann ein Widerstreben des Toparchen oder ein lästiger Zwang, dem er sich nothgedrungen fügte, nicht herausgelesen werden. Er sagt einfach *καὶ ἀπῆειν* «und ich ging ab». Das also war seine Reaction auf die Aufforderung der Versammlung. Zugleich fügt er hinzu *ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*. Daraus ist zu entnehmen, dass er selbst diesen Schritt für heilsam und geboten hielt; er macht aber keine Andeutung darüber, ob er gern oder ungern sich auf den Weg zum Grossfürsten begab. Aus der folgenden Erzählung von seiner Aufnahme und seinen Abmachungen mit dem Herrscher sind wir sogar befugt zu behaupten, dass aus dem Bericht des Toparchen grosse Befriedigung über den abgeschlossenen Vertrag spricht. Nirgends dagegen verräth er seinen vermeintlichen Unwillen über den Beschluss der Versammlung. Es ist auch gar nicht ausgemacht, dass der Toparch griechischen Ursprungs war. Sein fließendes Griechisch stempelt ihn noch keineswegs zum geborenen Griechen; er kann ebensowohl ein vornehmer griechisch gebildeter Gothe, vielleicht fürstlichen Geblüts, gewesen sein. Nichts nöthigt uns, in ihm einen byzantinischen, vom Kaiser eingesetzten Beamten zu erblicken; vielmehr scheint er im Gebiet von Klemata, dessen Interessen ihm ans Herz gewachsen sind, heimisch zu sein (cf. Kunik p. 73).

καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ und ich traf ihn (Nach Ed. Kurtz auch: verkehrte mit ihm) *ὡς εὔξαιτ' ἂν μάλιστά τις* so gut wie man sich's nur irgend wünschen kann. Sollte nicht diese überaus günstige Aufnahme bereits obwaltende freundschaftliche Beziehungen zwischen dem Herrscher und dem Toparchen andeuten?

Ob aber das Protectorat des Russenfürsten gegen die Oberhoheit von Byzanz, wie die meisten Forscher annehmen, oder aber, wie ich vermuthe, gegen die der Barbaren vertauscht wurde, muss dahin gestellt bleiben.

Und nachdem ich ihm Alles in **möglichst kurzer** Rede darge-
than (dargelegt) hatte. Dürfte daraus nicht hervorgehen, dass der Monarch über die Verhältnisse im Gebiet des Toparchen und des Nachbarlandes im Allgemeinen gut orientirt war und schon früher mit dem Toparchen Fühlung gewonnen hatte? Macht es nicht den Eindruck, als wenn der Toparch als Verbündeter resp. Vasall dem Herrscher einen Bericht über wichtige Vorgänge in seinem Heimathlande erstattet? Das Ereigniss von weittragender Bedeutung war die Uebergabe der umliegenden Gebiete an den Grossfürsten.

ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὔθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο. Am meisten Aufmerksamkeit verdient *αὔθις* rursus, iterum, wieder, wiederum, von Neuem, abermals. Wenn wir den Satz ohne zu tüfteln und zu deuteln nehmen, so geht aus ihm hervor, dass der Toparch schon vorher vom Grossfürsten als Statthalter eingesetzt gewesen sein dürfte und jetzt von Neuem in dieser Würde von ihm bestätigt wurde. Für die erwiesenen Dienste wird

er mit jährlichen Einkünften in dem eigenen Lande des Fürsten bedacht und sein Gebiet noch durch Hinzufügung eines ganzen Bezirks vergrössert.

Weiter als Wassiljewskij geht Uspenskij (277 — 279), welcher unseren Fragmentisten gleichfalls für einen Vertreter der byzantinischen Regierung hält, mit seiner Annahme, dass der Monarch, zu dem sich der Toparch begab, nicht der *κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ*, sondern der Kaiser von Byzanz, dem der Befehlshaber von Klemata treu blieb, gewesen sein müsse. Denn, so argumentirt Uspenskij folgerichtig, nur der, welchem bis dahin die Oberherrschaft in Klemata gehörte, konnte den von Byzanz eingesetzten Kommandanten in seinem Amte von Neuem bestätigen. Zu solchen Konsequenzen führt jene unhaltbare Verdolmetschung der Worte *ἀμὲν τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπεψηφίσαντο*.

Zur Erläuterung des Gesagten sei daran erinnert, dass den im zweiten und dritten Fragment geschilderten Begebenheiten die erste Reise des Verfassers zum Grossfürsten vorausgegangen war, dass der Toparch auch zu Anfang des zweiten Bruchstückes das Russenreich im Sinne hatte und dass er im 2. Kap. § 2 dieses Fragments von der besonnenen (weisen) Abwendung der von den Barbaren drohenden Gefahr, wobei er sein eigenes Leben auf's Spiel setzte, erzählt. Diese Umstände bekräftigen, wie mir scheint, eine bereits erfolgte Verständigung des Klimatarchen mit dem Russenfürsten.

Die Versammlung, welche der Toparch in Klemata abhält, besteht, so viel wir aus seiner Darstellung entnehmen können, ausschliesslich aus den Vornehmen der dem Kommandanten benachbarten freundlich gesinnten Gebiete. Die aus den umliegenden Gegenden Versammelten berathen und beschliessen, während die Wünsche des dem Toparchen unterstellten Landes, wie es den Anschein hat, gar nicht zum Ausdruck kommen. Sollte daraus nicht geschlossen werden können, dass die Stellungnahme des Volkes von Klemata schon längst entschieden war durch frühere Verhandlungen, welche ein Bündniss mit dem mächtigen Monarchen zur Folge hatten, und dass gegenwärtig der Toparch seine Position den Barbaren gegenüber durch Anschluss der Nachbargebiete an denselben Schutzherrn stärken wollte? Ist dem so, dann vollzog sich der allmälige Bruch des Toparchen mit den Barbaren bereits damals, als er zum ersten Mal nach Russland reiste.

Der Verfasser der Bruchstücke unterscheidet deutlich verschiedene Grade von Abhängigkeit der Gebiete von den Barbaren; sich und seine Leute rechnet er augenscheinlich nicht zu den, den Barbaren Nächststehenden; in seinem Gebiete finden wir keine Hegemonen (Befehlshaber), über welche sich die Bewohnerschaft der anderen Gebiete beklagte. Dergleichen scheint die rechtliche Stellung des Nachbarlandes, das dem Toparchen zugethan war, eine von den übrigen Gegenden verschiedene gewesen zu sein.

Völlige Klarheit ist nun einmal in diese dunklen Fragen nicht hinein-zutragen. Vielleicht befand sich auch das Land, welches sich dem nördlich von der Donau Herrschenden anschloss, vorher in einem losen Abhängigkeitsverhältniss zu Byzanz? — Wir dürfen annehmen, dass der Toparch von den beiden Herrschern, zwischen denen die Versammlung zu wählen hatte, persönlich zum Grossfürsten von Kiew neigte. Dass die Versammlung sich ganz in seinem Sinne entschied, darf daraus geschlossen werden, dass sie ihn einstimmig mit der Ausführung ihres Beschlusses betraute.

Wer waren die Barbaren?

Es ist verständlich, wie diejenigen Gelehrten, welche sich nur gelegentlich mit den Bruchstücken beschäftigen, dazu kommen, unter den Barbaren die Russen zu verstehen. Wenn aber Wassiljewskij, der sich in der eingehendsten Weise mit unseren Fragmenten befasst hat, zu demselben Resultate gelangt, so ist das nur dadurch zu erklären, dass er den Ort der Handlung an die Donau zur Zeit der Kriege Swjatoslavs verlegt. Wie wäre es sonst denkbar, dass dieser Gelehrte nicht das Richtige, das sich bei einer aufmerksamen Lektüre der Bruchstücke von selbst aufdrängt, getroffen hätte. Wassiljewskij konnte nicht wissen, dass die astronomischen Angaben seine Hypothese hinsichtlich des Donaugebietes vernichten. Es hat wenig Sinn, sich mit seiner historischen Deutung der Fragmente ausführlich auseinanderzusetzen zu wollen, da seine Interpretation der Quelle von der irrthümlichen Voraussetzung, es handle sich um Swjatoslavs Aufenthalt in Bulgarien (967 — 972), ausgeht. Ich muss annehmen, dass Wassiljewskij, nach Kenntnissnahme der astronomischen Berechnung, seine frühere Ansicht selbst aufgegeben hätte.

Wie kann der neue Protector, den die Volksvertreter erwählten, identisch sein mit dem Befehlshaber der Barbaren (von einem solchen ist zudem nirgends die Rede, sondern nur von ἡγεμόνες), welche in unmenschlicher Weise (nach Aussage des Toparchen) Alle niedermachten und nach misslungener Ueberrumpelung von Klemata mit Schimpf und Schande abziehen mussten? Aus Furcht vor einem erneuten Ueberfall der Barbaren mit grösseren Streitkräften, ergreift der Kommandant verschiedene Maassregeln: unterweist seine Mannschaft in kriegerischen Uebungen, lässt die alten Stadtmauern wiederaufführen und beruft eine Versammlung bestehend aus den Vornehmsten der Nachbargebiete nach Klemata. Aus allen diesen Maassnahmen

leuchtet der feste Entschluss des Toparchen hervor, den Krieg mit den Barbaren nöthigenfalls energisch fortzusetzen, nicht aber sich ihnen gutwillig zu fügen. Nicht um einen Friedensschluss mit dem grausamen unerbittlichen Feinde handelt es sich, sondern um die Wahl eines neuen gerechten Schirmherrn, welcher den Schutz der Bewohner gegen die Angriffe der Barbaren zu übernehmen im Stande wäre. Nach Wassiljewskij und den übrigen Forschern (mit Ausnahme von Kunik) zogen es die Leute vor, statt sich Byzanz anzuschliessen, sich denselben Barbaren, welche keine Schonung selbst gegen die Nächststehenden kannten und soeben eine empfindliche Schlappe erlitten hatten, in die Arme zu werfen. Durften sie aber, nach dem blinden Wüthen der Barbaren zu urtheilen, eine einigermaassen erträgliche Lage, geschweige denn Selbständigkeit, nach welcher sie offenbar trachteten, zu erlangen hoffen, von denselben Barbaren, die nicht einmal das nackte Leben ihren Untergebenen liessen, mit denen vorher tausendfach Verhandlungen gepflogen wurden, ohne zu einem Resultate zu führen? Die Vornehmen, welche zur Versammlung zusammentraten, hielten ja, wie es direct heisst, zu «uns», nicht zu den Barbaren. Sie machten mit den Bewohnern von Klemata gemeinsame Sache, deren Spitze nicht sowohl gegen Byzanz, als gerade gegen die Barbaren gerichtet war. Deckten sich die Barbaren mit den Russen, wie wäre da der überaus freundliche Empfang des Toparchen beim Beherrscher der Russen, die kurze Unterredung, der günstige Abschluss des Vertrages zu erklären? Wodurch wäre der völlige Umschlag in der Handlungsweise der Barbaren eingetreten?—Nirgends im Text findet sich auch nur die leiseste Anspielung darauf, dass die Barbaren mit den Unterthanen des Russenfürsten einerlei Volk seien; vielmehr spricht Alles dafür, dass es sich um zwei völlig verschiedene Völker handelt. Wer vorurtheilslos an die Quelle herantritt, wird das auf den ersten Blick einsehen.

Vergl. Kunik's Erörterungen auf S. 69—70:

«Alle, die sich bisher an die Erklärung des Berichtes machten, «wollen in den «Barbaren», die so grausam Taurien verwüsteten, durchaus russische Slaven oder normannische Rossen sehen. Und dennoch «bietet kein einziges Wort, kein einziger Passus des griechischen Originals Anlass zu solch einer Voraussetzung. Wenn die erwähnte Ansicht richtig wäre, müsste zugegeben werden, dass die russischen Besitzungen schon damals fast die ganze Krim umfassten, da im Bericht «allmögliche Schattirungen von politischer Abhängigkeit, in welcher «verschiedene Theile von Taurien vor seiner Verheerung zu den Barbaren standen, aufgezählt werden. Desgleichen kann keine Rede sein «von irgend welchen normannischen Freischaaren, die auf eigene Faust

«die Krim heimsuchten. Solche Seeräuber, wie die Warjager, die z. B. «in der russischen Chronik unter dem Jahre 980 erwähnt werden, waren «natürlich verschiedener Greuelthaten fähig; nur lässt der wortgetreue «Sinn des griechischen Textes eine ähnliche Annahme nicht zu».

Wer waren aber dann die Barbaren?

Wenn die Fragmente sich auf das IX oder die erste grössere Hälfte des X Jahrhunderts beziehen, so müssen die Barbaren mit den Chasaren zusammenfallen. Ich pflichte Kunik's diesbezüglicher Argumentation (p. 82) voll und ganz bei: «Es ist unmöglich anzunehmen, dass die «Barbaren», welche so entsetzlich die Krim verheerten, irgend einen kleinen Winkel am Meere einnahmen; sie müssen im Gegentheil, nach Aussage des Toparchen, in politischer Beziehung die eigentlichen Beherrscher der Krim gewesen sein, nur mit Ausnahme einiger Streifen an der Meeresküste, die unter dem wenig einflussreichen Protektorate von Byzanz standen. Ein Volk aber, das seine Herrschaft fast über die ganze Krim ausgebreitet hat, kann natürlich nicht irgend ein uns gänzlich unbekanntes Völkchen sein». Die Charakteristik, die der Toparch von den Barbaren entwirft, ihnen Billigkeit und Gerechtigkeit, durch welche sie sich in früheren Zeiten auszeichneten, nachrühmend,—passe weder auf die «wilden» Petschenegen noch die räuberischen Schwarzen Bulgaren, sondern ziele unzweideutig auf das mächtige, durch Handel und Wandel, dank dem stark vertretenen jüdischen Element, blühende Chasarenreich (p. 84—86). «Kunik (S. 84) denkt an die Chasaren, die seit Jahrhunderten Taurien und die Klimate als legitime Oberherren besessen hatten und damals vielleicht die letzten Anstrengungen machten, ihre Ansprüche auf die gotischen Klimate durchzusetzen . . . für diese (die weit civilisirteren Chasaren) spricht hinwieder der Umstand, dass von älteren Verträgen und Ansprüchen die Rede, denen sich die taurischen Stämme und Völker gutwillig gefügt hatten» (Tomaschek p. 35). Selbst die Chersoniten nahmen einst (Anfang des VIII Jahrhunderts) einen chasarischen Befehlshaber oder Tudun in ihren Mauern auf und die Krimgothen mussten um 795 trotz tapferer Gegenwehr die chasarische Oberhoheit anerkennen. Die Chasaren traten früh in friedliche Beziehungen zum byzantinischen Reiche. Leo IV (775—780) erhielt den Beinamen «der Chasare» nach seiner Mutter, der Tochter eines chasarischen Kagans. Mit dem Schimpfwort «chazaroprosopos» (Chasarenfratze) spielte Michael III auf die chasarische Abstammung Photius' an. Chasaren waren in der Kaiserlichen Garde vertreten. Um 835 erbauten griechische Ingenieure, auf Wunsch des Kagans, die Festung Sarkel am Don. Zur Zeit des hl. Cyrillus grenzten die Chasaren noch unmittelbar an Cherson

(Legenda italica), von wo sie um die Mitte des X Jahrhunderts durch die Petschenegen verdrängt wurden (Kunik p. 85). Nach Konstantin porphyr. a. 950 konnten die Alanen, wenn sie wollten, die Chasaren an Einfällen ins Gebiet von Cherson und von Klemata verhindern (Kunik fügt auf S. 84 irriger Weise noch «Kertsch» hinzu. Gerade aus dem Fehlen von Bosporos an dieser Stelle geht hervor, dass dieses Gebiet damals den Chasaren gehörte). Also um die Mitte des X Jahrhunderts unternahmen die Chasaren noch Vorstösse gegen Klemata und Cherson. «Es lässt sich aber, so schliesst Kunik seine Auseinandersetzungen, historisch nicht nachweisen, dass sich die Herrschaft der Chasaren über die taurischen Städte und Völkerschaften in ihrem früheren Umfange bis zu der Zeit erhielt, in welcher Hase die Entstehung der beregten Bruchstücke, d. h. bis zum Anfang des XI Jahrhunderts, ansetzt».

Drei Mächte suchten ihren Einfluss in der Heimath des Toparchen zur Geltung zu bringen: die Barbaren (Chasaren), der gen Norden des Ister Herrschende (Grossfürst von Kiew) und der Griechenkaiser. Wie schön passt das auf Taurien im X Jahrhundert!

Zwei Reisen oder eine?

καὶ ἀπῆεν. Hase, dem Kunik und einige andere Gelehrte gefolgt sind, meint, dass eben dieser Reise im ersten Fragment Erwähnung geschehe und dass dieses Bruchstück an einen unrechten Ort gerathen sei. Die Frage, ob zwei Reisen oder eine, lässt sich vermittelst des 4. § im 2. Kapitel des zweiten Fragments mit grosser Sicherheit entscheiden. Dort heisst es: Καὶ ὁ πόλεμος εὐθύς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβαλεῖν· ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χει(με)ρινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν. Als der Krieg begann, stand der Winter kurz vor der Thür. Dass hier unter dem Anfang des Winters das Solstitium, also der astronomische Winteranfang gemeint sei, erhellt unzweideutig aus dem Zusatz: «denn die Sonne befand sich nicht mehr weit von der winterlichen Wende (oder den winterlichen Zeichen)».

Vom Beginn des Krieges bis zum Zusammentreten der zu einer Berathung nach Klemata durch Eilboten beschiedenen Vornehmen aus der Nachbarschaft und ferner bis zum Aufbruch des Toparchen mit seinem Gefolge zu der weiten beschwerlichen Reise, muss eine geraume Weile verstrichen sein, so dass die Abreise des Toparchen nicht vor dem Wintersolstiz, frühestens zu Beginn des Winters, stattgefunden haben kann. Ist die im dritten Fragment erwähnte Reise identisch mit der im ersten beschriebenen, wie

Hase annimmt, so galt sie der Residenz des Grossfürsten. Wir treffen die Gesandtschaft im ersten Fragment auf der Rückreise, an den Dnjepr-Fällen. Dass sie nicht inmitten der Steppen mit dem Grossfürsten in Unterhandlung getreten ist, bedarf nicht der Erwähnung. Im Winter ruhten die Waffen. Der Grossfürst wird also im Winter, als der Toparch bei ihm eintraf, sich höchst wahrscheinlich in seiner Hauptstadt Kiew, wenn nicht in einer seiner grösseren Städte, aufgehalten haben. Nnn kann die Reise von den südlichen Gestaden Tanriens, von der Bergseite der Krim bis Kiew oder einer anderen grösseren Stadt in Russland und von da bis zu den Schnellen des Dnjepr nicht weniger als ungefähr fünf Wochen bei ununterbrochener Fahrt in Anspruch genommen haben. Das Wintersolstiz fiel nach damaliger Zeitrechnung auf den 17. resp. 16. December; rechnen wir fünf Wochen dazu, so erhalten wir die Zeit nach dem 20. Januar des nächstfolgenden Jahres. Wenn wir noch den Anfehalt der Gesandtschaft beim Grossfürsten und die Wartezeit beim Dnjepr, bevor sie ihn überschreiten konnte, in Anschlag bringen, so muss die Himmelsbeobachtung des Toparchen kaum früher als um den 1. Februar herum erfolgt sein. Um die Zeit aber war der Saturn am Abend nicht sichtbar, da er mit der Sonne auf- und unterging.

«Die Frage (schreibt mir I. Seyboth aus Pulkowo am 16. März «99), wie lange nach der Sonne der Saturn untergehen muss, wenn «er noch am Abendhimmel gesehen werden soll, ist schwer zu beantworten, weil die Zeit eine sehr variable ist und von der Schärfe der «Augen des Beobachters und von dem Zustande der Luft, d. h. von «ihrer Durchsichtigkeit abhängt. Im Allgemeinen, denke ich, wird ihn «ein scharfes Auge noch wahrnehmen können, wenn er ungefähr eine «Stunde nach der ☉ untergeht, weil er dann bei Sonnenuntergang «noch relativ hoch über dem Horizonte steht.... Die zweite Hälfte des «Jannar kommt wohl kaum mehr in Betracht, da ♄ am 1. Februar vor «der Sonne oder fast gleichzeitig mit ihr untergeht, am 15. Januar «aber 1^h oder wenig mehr nach ihr».

Aus diesen Mittheilungen geht klar hervor, dass nach dem 20. Januar der Saturn am Abendhimmel nicht beobachtet werden kann. Damit stimmt, dass der Dnjepr bei den Stromschnellen durchschnittlich gegen Ende December zufriert (nach damaliger Zeitrechnung). Der Schluss liegt auf der Hand: die Reise im dritten Fragment fällt mit der Reise im ersten Fragment nicht zusammen. Es handelt sich also um zwei verschiedene Reisen. Die erste derselben muss spätestens um den 1. December hernach damaliger Zeitrechnung unternommen worden sein; die zweite erfolgte frühestens um die Mitte dieses Monates. Zu denselben Ergebnissen gelangen wir,

wenn wir mit Wassiljewskij annehmen, dass Klemata an der Donau lag, und wenn wir die Ueberfahrt des Toparchen mit Kunik und Wassil. an der Dnjepr-Mündung geschehen lassen.

Auch sonst existiren manche Andeutungen, dass die Reihenfolge der Bruchstücke nicht geändert werden darf, dass das im Codex erste Fragment seinem Inhalte nach gleichfalls das erste ist.

Der Schluss des dritten Fragments macht völlig den Eindruck, dass mit ihm auch der ganze Bericht seinen Abschluss findet. Bitte dabei auf die zusammenfassende Kürze der Erzählung zu achten. Die Rede des Toparchen wird nur in den Hauptzügen markirt, seine Reise mit einem Worte ἀπῆειν abgethan, der günstige Verlauf der Verhandlungen mit dem Grossfürsten nur angedeutet, das Ergebniss kurz angeführt. Während bisher die Erzählung in mehreren breiten Strömen dahinfloss, versiegt hier der Redefluss. Das summarische Verfahren zum Schluss des dritten Fragments kann als bestes Argument dafür ins Feld geführt werden, dass die Aufzeichnungen nicht, wie Hase annahm, gleichzeitig oder unmittelbar nach den Ereignissen verfasst worden sind. Es muss eine geraume Zeit verstrichen sein, während welcher sich die Eindrücke verwischt und abgeschwächt haben dürften.

Die einsilbige Aeusserung καὶ ἀπῆειν macht es höchst unwahrscheinlich, dass dies die im I. Fragment in so grellen Farben beschriebene mühevollen, mit grosser Lebensgefahr verbundene Reise gewesen sein soll. Wäre es die erste Reise, die den Toparchen in unbekannte Regionen führte mit den strengen Frösten, die die gewaltigsten Ströme erstarren machen, mit dem unglaublich tiefen Schnee, durch den man sich unter grossen Qualen durchkämpfen musste, — wie hätte er seine Reiseerlebnisse, seine völlig neuen bizarren Eindrücke mit totalem Stillschweigen übergehen können, er, der so gerne Kontraste liebt und rhetorisch seine lebendigen Schilderungen zu färben geneigt ist. Das Schweigen über die Einzelheiten der Reise, über die Details beim Empfang am Hofe des nordischen Grossfürsten, die überaus freundliche Aufnahme, die kurze Unterredung, das günstige Ergebniss, — Alles das scheint darauf zu zielen, dass der Toparch kein Neuling war und die Reise zum Russenfürsten nicht zum ersten Male zurücklegte. Ferner sei daran erinnert, dass der Toparch im zweiten Fragment ein Unternehmen, dass für ihn mit grosser Gefahr verknüpft war, andeutet, und welches, nach dem Ausdruck σοφώτατα zu urtheilen, nicht kriegerischer, sondern diplomatisch-politischer Natur gewesen sein dürfte. Die Aussage ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο findet nun eine vorzügliche Erklärung. Schliesslich ist ja von vornherein anzunehmen, dass das im Codex der Reihenfolge nach erste Fragment auch dem Inhalte nach den beiden anderen vorauszugehen habe.

Somit hat uns die Astronomie einen wesentlichen Dienst geleistet und uns zur Lösung einer wichtigen Frage hinsichtlich der räthselhaften Fragmente verholphen.

Wo lag die Veste τὰ Κλήματα?

Schon früher habe ich darauf hingewiesen, dass das Wort Klemata als Eigennamen nur bei Konstantin Porphyrogenetis im Werke *de administrando imperio* vorkommt, sonst nirgends in der ganzen byzantinischen Litteratur. Was versteht nun Konstantin unter Klemata da, wo er das Wort als *nomen proprium* anwendet? Wir müssen uns erst über diese Frage klar werden. Alle diesbezüglichen Stellen sind von Kunik zusammengestellt, wobei er sie dadurch kennzeichnet, dass er κλήματα mit einem grossen Anfangsbuchstaben schreibt.

Cap. 1 p. 68 (ed. Bonn.) *καὶ εἰ μὴ φιλίως ἔχουσι (οἱ Πατζινακῖται) πρὸς ἡμᾶς, δύνανται κατὰ τῆς Χερσῶνος ἐξέρχασθαι καὶ κουρσεύειν καὶ ληϊζέσθαι αὐτὴν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα Κλήματα.* In der Fussnote 23 bemerkt der Herausgeber: κλήματα vulgo.— Das η des Originals ist durch ein ι ersetzt, da bereits in der ersten Hälfte des Mittelalters η wie ein langer i-Laut ausgesprochen und beide Vokale promiscue gebraucht wurden. Bruun hält die Schreibung κλήματα für correct, bringt das Wort mit κλήμα Weinrebe (nicht mit κλίμα) in Zusammenhang und sieht in τὰ Κλήματα des Capitels 42 (p. 180) einen Schreibfehler. Es ist jedenfalls angebrachter das Wort so zu schreiben, wie es der Regel nach im Original steht, also η. Diese Orthographie will ich auch fortan anwenden.

Cap. 11 p. 80: *δύναται (ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας) μεγάλως αὐτοὺς (τοὺς Χαζάρους) κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεῦων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχασθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλήματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδὴν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτούς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλήματα... καὶ μὴ εὐρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φροσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλήμασιν...*

Kap. 42 p. 177: *Γεωγραφία... καὶ Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλημάτων εἰσὶν...* p. 180: *ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσὶ τὰ κάστρα τῶν Κλημάτων... σούδαν (auf der Landenge von Perekop) οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλημάτων καὶ τὴν*

Βοσπόρου γῆν. . . δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζινακῖται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ Κλήματα.

In allen anderen, von Kunik angezogenen Stellen, wird τὰ κλήματα als nomen appellativum gebraucht. Daher dürfen sie hier keine Berücksichtigung finden, wenn zwar dies Wort häufig gerade als Bezeichnung für Gebiete an der Südküste der Krim angewandt wird.

Die Zusammenstellung aller Citate, in denen τὰ κλήματα als Eigenname auftritt, ergiebt schlagend, dass Klemata ein Theil der Südküste von Taurien ausmachte und zwar belegen zwischen dem Gebiet von Cherson und dem von Bosporos. Nebenbei sei bemerkt, dass es ein Unding ist den Eigennamen τὰ Κλήματα übersetzen zu wollen.

Cherson und Bosporos, in deren Gesellschaft Klemata stets auftritt, waren starke Festungen, nach welchen auch das dazugehörige Land Cherson und Bosporos benannt wurde. Dem entsprechend dürfte die Vermuthung nicht allzugewagt sein, dass das Gebiet Klemata seinen Namen einer gleichnamigen Festung verdanken könnte. Der Grund, dass sonst kein Schriftsteller ausser unserem Anonymus die Kunde von einer Stadt Klemata auf uns gebracht hat, ist vielleicht darin zu suchen, dass sie, wie aus dem zweiten Fragment erhellt, von den Barbaren zerstört worden war und ihre Bedeutung eingebüsst hatte. Uebrigens ist es durchaus nicht unmöglich, dass Klemata sich unter einem anderen Namen verbirgt, da die Städte hier im Süden infolge des Confluxes verschiedener Stämme ihre Benennungen nicht selten wechselten. Auch wissen wir eigentlich viel zu wenig von der taurischen Geschichte, als dass wir mit Sicherheit die Existenz eines Ortes, des Namens Klemata, in Abrede stellen könnten. Zugleich sei darauf aufmerksam gemacht, dass in der Nähe von Cherson eine Stadt mit anklingender Bezeichnung Calami, Calamita, nach den italienischen Karten zu urtheilen, existirt hat. Davon noch der heutige Name des Meerbusens: die Kalamita-Bai.

Dass Klemata des Konstantin sich mit dem taurischen Gothien deckt, wird von Niemandem bestritten. Interessant, dass Konstantin den Ausdruck «Gothien» nie anwendet und ihn stets durch τὰ Κλήματα ersetzt. In Gothien ragte die Festung Dory, Doros, das spätere Theodoros hervor. In der vita des gothischen Bischofs Johannes heisst sie τὸ κάστρον τῆς Γοθθίας, nach Prokopios wird das Küstengebiet (χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρου ὄνομα) Dory benannt. Τὰ Κλήματα der Fragmente war, so viel wir urtheilen können, einstmals eine starke Festung. Τὰ Κλήματα des Konstantin fällt mit Gothien zusammen. Sollte nicht vielleicht τὰ Κλήματα des Toparchen blos ein anderer (griechischer) Name für das gothische Doros (Dôrant nach Kunik) sein, das später in Mangup unbenannt wurde? Möglich, dass derselbe Ort

in Kut (die orientalische Bezeichnung für Gothen) des chasarischen Königsbriefes steckt, falls Mangup darin ein späteres Einschiebsel ist.

Wenn wir nun nochmals Alles, was wir vorhin über die Heimath des Toparchen vorgebracht haben (s. Kommentar zum I. Fragment, 1. Kap. § 3 u. 4, 3. Kap. § 3, 4. Kap. § 3 sowie die Erörterung über die Nationalität der Barbaren und über die Lage von Konstantins τὰ Κλήματα), vor unserem geistigen Auge Revue passiren lassen, so unterliegt es keinem Zweifel, dass Klemata des Berichtes nur im Süden von Taurien zu suchen ist.

Wassiljewskij sagt auf S. 414—415: «Ungeachtet der directen geographischen Angaben, die in dem Hinweis auf Borion, Maurokastron und Klimata enthalten sind, kamen wir in unseren vorhergegangenen Erklärungen zu dem Ergebniss, dass die im zweiten und dritten Fragment beschriebenen Ereignisse an der Donau und am ehesten in Bulgarien vor sich gehen. Als Grundlage für solche Deutung dienten uns zwei Stellen, in denen die Donau erwähnt wurde, und einige Anspielungen, welche am besten auf die Thätigkeit des Russenfürsten Swjatoslaw in Bulgarien passen.»—Was es mit Borion, Maurokastron und Klemata für eine Bewandniss hat, ist von mir des Ausführlichen gezeigt worden. Borion erwies sich als ein an den Dnjepr-Fällen belegener Ort, Maurokastron ist südlich davon am Asowschen Meere oder bei Perekop, vielleicht in Taurien selbst anzusetzen; Klemata muss sich im gebirgigen Theile der Krim befunden haben. Wass. bringt den Inhalt der Fragmente mit Swjatoslaw's Bulgarenkriege in Zusammenhang und erklärt dem entsprechend τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ. Die von den Astronomen ausgeführten Berechnungen der im ersten Fragment vorhandenen Daten weisen aber auf den Anfang der 60-er Jahre des X. Jahrhunderts hin, während Swjatoslaw seinen Feldzug nach Donaubulgarien im Herbst des Jahres 967 unternahm, wo er sich mit Unterbrechungen (968—970 weilte er in Kiew) bis 972 aufhielt. Somit stürzt W.'s ganzes Gebäude zusammen. Folglich sind auch nicht unter τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ die unmittelbar nördlich an die Donaū stossenden Gebiete zu verstehen, sondern das ganze grosse Russenreich, falls sich eben ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύων mit dem Grossfürsten von Kiew, woran W. nicht zweifelt, deckt. Daher kann auch τὰ Κλήματα nicht mit Κλεμάδες (unweit Orsova) zusammenfallen.

Copie oder Autograph?

Hase's Bestimmung der Entstehungszeit der Fragmente kann als Anhaltspunkt zur Beurtheilung der Epoche, auf welche die geschilderten Ereignisse fallen, dienen, wenn es feststeht, dass es sich nicht um eine Copie, sondern um den ersten Entwurf, um das Brouillon, um das Original des Verfassers selbst handelt. Letzteres bezeugt Hase, dem wir die Entdeckung der Quelle verdanken, indem er sich p. 496 dahin äussert, dass der Besitzer des Codex, in welchem die Fragmente auf zwei leer gebliebenen Blättern notirt waren, denselben sicherlich auf seinen Reisen mit sich nahm, um seine Erlebnisse dort vorläufig einzutragen. Die Schrift, sagt Hase, ist klein, verschlungen, verworren und sehr unleserlich (*litteris minutis perplexisque... eadem intricatissima manu*); viele Worte sind geändert, ausgestrichen, darüber geschrieben (*multis verbis mutatis, inductis, superscriptis*), so dass Hase, der bekanntlich grosser Handschriftenkenner war, nicht im mindesten daran zweifelte, dass die Aufzeichnungen einen Autograph darstellten. Selbst wenn wir von dem äusseren unmittelbaren Eindruck, den die Fragmente auf Hase machten, ganz absehen, müssen wir zu demselben Resultate kommen, sobald wir uns den Text, so wie er von Hase herausgegeben ist, näher betrachten. Die Noten zum Text nämlich geben uns ein deutliches Bild vom Zustande der Quelle. Noch mehr Gewicht als die einzelnen Verbesserungen von Ausdrücken haben die ausgestrichenen Stellen, in welchen der Verfasser nicht selten der Erzählung vorgreift. Er streicht sie aus, um Erklärungen einzuschalten oder das Versäumte nachzuholen. Wer die eigenthümliche Struktur der Bruchstücke nicht ausser Acht lässt, müsste, auch wenn Hase sich seines Urtheils vollständig enthalten hätte, zu derselben Einsicht gelangen. Wie man sich trotzdem erkühnt, schlankweg das Gegentheil zu behaupten, ist mir schlechterdings unfasslich (s. Ilowajskij p. 331 Anm. und p. 404). Selbst Zweifel, wie sie Uspenskij p. 267 u. 268 äussert, sind nicht angebracht.

Es handelt sich um drei oder besser zwei Fragmente, da die beiden letzten Bruchstücke inhaltlich und auch räumlich ein zusammenhängendes Ganze bilden. Auf S. 496 sagt Hase in der Einleitung, dass die Notizen *folia duo vacua illevis*, während es bei ihm vor dem zweiten Fragment heisst: *sequitur post quadraginta circiter folia alterum (fragmentum)*. Daraus folgt, dass das erste Bruchstück ein Blatt, das zweite das andere einnahm. Wenn nun Hase auf S. 503 vor dem dritten Fragment sagt: *Sequuntur in folio alio abrupta illa*, so meint er, entweder im Einklang mit den oben erwähnten *folia duo*, die zweite Seite desselben Blattes oder aber im Widerspruch damit das nächstfolgende Blatt. Wenn wir es mit einem Auto-

graph zu thun haben, und alle drei in demselben Codex befindlichen Fragmente dieselbe Handschrift, wie Hase das ausdrücklich hervorhebt (eadem intricatissima manu), aufweisen, so müssen sie mit einander auf's engste zusammenhängen. Hinsichtlich des zweiten und dritten ist das eine unumstößliche Thatsache. Was das erste Fragment und die beiden übrigen betrifft, so weisen auf den Zusammenhang zwischen ihnen manche Momente, die bei mir schon früher Berücksichtigung gefunden haben. Das erste Fragment beschreibt die Rückreise, im zweiten treffen wir den Toparchen in seiner Heimath; im zweiten Bruchstück erwähnt der Autor eines gefährvollen (diplomatischen) Unternehmens; zu Anfang desselben Fragments hat er Russland im Sinne (τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ); im dritten Fragment berichtet er von einer Reise zum Grossfürsten, welcher ihm die Herrschaft über Klemata mit Vergnügen ἀλλοίως (abermals, wiederum, von Neuem) gab, u. a. m.

Zwischen dem ersten und zweiten Fragment muss eine, vielleicht sehr kleine Lücke constatirt werden, die wir einigermaassen zu ergänzen im Stande sind. Es fehlt die Beschreibung der Ankunft des Toparchen in seiner Heimath, da das erste Fragment ihn inmitten der verschneiten Pontussteppen südlich von den Dnjepr-Fällen verlässt. Ferner vermissen wir die Erzählung von Ereignissen, welche sich im Gebiet des Toparchen oder im Süden von Taurien von seiner Rückkehr im Winter, bis zum Beginn des folgenden Winters, abgespielt haben. Letztere Lücke füllt übrigens, wie es den Anschein hat, der Verfasser einigermaassen selbst aus, indem er im zweiten Fragment auf die Begebenheiten nach Abwendung der ersten Gefahr zurückgreift. Der Toparch handelt von zwei Gefahren. Die erste schlug er durch Besonnenheit, durch kluges Vorgehen ab. Wenn der Toparch damit auf seine Reise nach Russland und ein mit dem Fürsten getroffenes Abkommen anspielt, so bezieht sich seine Erzählung, die mit den Worten Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου (Von nun an) anhebt, auf die nach seiner Rückkehr erfolgten Begebenheiten.

Da die Himmelsbeobachtung (beim Dnjepr) zwischen Mitte December und Mitte Januar des folgenden Jahres gemacht wurde, so war der Reisende frühestens in der ersten Hälfte Januars in seiner Heimath eingetroffen. Der faule Frieden zwischen den Barbaren und den Bewohnern des Gebiets von Klemata herrschte also vom Jan. resp. Anfang Februar bis zum offenen Ausbruch des Krieges zu Beginn des folgenden Winters. Die Annahme, dass, wenn die Fragmente eng mit einander zusammenhängen, die darin erzählten Ereignisse nicht viele Jahre auseinanderliegen; ist ganz natürlich. Eine entgegengesetzte Behauptung ist auch meines Wissens nicht aufgestellt worden.

Hase's palaeographische Zeitbestimmung.

Nach Hase gehört der Codex in das ausgehende 10. Jahrhundert (saec. X. exeuntis), die Schrift der Fragmente aber ist etwas jüngeren Datums (*litteris nec multo quam Cod. ipse recentioribus*). Folgt daraus, dass Hase die Abfassung der Fragmente in den Anfang des XI. Jahrh. setzt? Ich glaube, nicht. Nach Hase zu urtheilen, sind die Aufzeichnungen gleichzeitig oder unmittelbar nach den Ereignissen entstanden. Hase bezieht ferner den Inhalt der Bruchstücke auf die Eroberung Cherson's durch Wladimir und seine Taufe im J. 988 (richtiger 989). Mithin muss der Bericht unseres Fragmentisten (nach Hase) im J. 989, jedenfalls vor 1000 verfasst sein. Uebrigens bin ich mit Uspenskij darin einerlei Meinung, dass der Autor nicht in Form eines Tagebuches, sondern in der einer Erzählung über längst verflossene Begebenheiten schreibt; folglich wären seine Aufzeichnungen, fahre ich fort, in's XI. Jahrhundert, die Richtigkeit von Hase's Beobachtung vorausgesetzt, zu verlegen. Da eine so genaue Bestimmung des Alters der Handschrift, auf Grund von palaeographischen Merkmalen, nicht möglich ist, so wird sich Hase dabei durch seine Vermuthung, hinsichtlich des Zusammenhanges der Fragmente mit der Einnahme Cherson's durch die Russen, haben leiten lassen. In meiner Ansicht bestärkt mich Hase's Aeussérung zu Anfang des zweiten Fragments: *scriptura est ligata, quam vocant, saec. X. aut XI*. Wie sich Krumbacher (in München) zu Hase's Zeitbestimmung stellt, darüber wolle man in meiner Einleitung nachlesen. In demselben Sinne hat sich auch der Byzantinist Uspenskij auf S. 266 ausgesprochen: «Schwerlich kann man aber im Ernst auf den palaeographischen Beobachtungen in solchem Maasse bestehen wollen, dass man die Handschriften nach zwei Jahrzehnten unterscheidet... selbst in der Bestimmung von Jahrhunderten sind (die Palaeographen) nicht immer einig».

Ich glaube, wir thun wohl, uns an Hase's unbestimmtere Angabe (*scriptura... saec. X. aut XI*) zu halten, wobei wir berücksichtigen können, dass nach Hase die Schriftzüge des Manuscripts ungefähr auf die Mitte dieses Zeitraumes deuten. Ja, um noch sicherer zu gehen, wollen wir die Grenzen nach beiden Seiten hin noch um einige Jahrzehnte erweitern und die ganze weite Zeitperiode bei unserer fernerer Untersuchung in Betracht ziehen.

Auf welche Zeit weist der Inhalt der Quelle hin?

Wenn es feststeht, dass ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύων mit dem russischen Grossfürsten einerlei Person ist, so gewinnen wir mit dem ersten Auftreten der Russen in Kiew den äussersten terminus a quo. Das wäre die Zeit um 855. Doch da der Russenfürst der Fragmente als mächtiger Herrscher geschildert wird, dessen Grenzen weit nach Süden vorge-rückt sind,—er hat Besitzungen in Taurien und muss sein Einfluss bis in die Gegenden nördlich von der Donau gereicht haben,—so sind wir gezwungen den terminus a quo weiter, mindestens bis zur Einnahme Kiew's durch Oleg, also bis 882 vorzurücken. Im J. 885 waren dem Fürsten bereits die Poljanen, Drewljanen, Sjewerjanen und Radimitschen unterthan; mit den Ulitschen und Tiwerzen führte er damals Krieg. Im J. 906 unternahm Oleg seinen Beutezug nach Konstantinopel mit einem grossen Heere, in dem auch Chorwaten, Duljeben und Tiwerzen vertreten waren; somit erstreckte sich sein Land um diese Zeit bis zu den Karpathen und zum Dnjestr, ja bis zur Donau und dem Schwarzen Meere, da die Wohnsitze der Tiwerzen bis dahin reichten. Bis zum J. 906 herrschte lange Zeit hindurch Frieden zwischen Griechen und Russen.

Hatten die Russen Oleg's bereits in Taurien Fuss gefasst? Diese Frage muss auf Grund aller auf uns gekommenen Quellen strict negirt werden. Im ausführlichen Vertrage Oleg's mit den Griechen (911) wird des Gebiets von Cherson mit keiner Silbe gedacht, ganz im Gegensatz zu den Verträgen von Oleg's Nachfolgern. Was die orientalischen Nachrichten von einer Russeninsel resp. Halbinsel sagen, Nachrichten die auf eine ausführliche Quelle aus dem IX Jahrhundert zurückgehen, so betone ich hier auf's Nachdrücklichste, dass ein aufmerksamer Vergleich aller diesbezüglichen parallelen Mittheilungen mit Nothwendigkeit ergiebt, dass diese Russeninsel in der nördlichen Hälfte Osteuropas gesucht werden muss¹⁾. Kunik's entgegengesetzte Ansicht auf S. 89 Anm. ist dadurch zu erklären, dass im J. 1875, als er schrieb, Kardisi's Werk noch nicht entdeckt war. Massudi's Bericht über den Russenzug vom J. 913—914 beweist schlagend, dass um diese Zeit die Meerenge von Kertsch sich noch im Besitze der Chasaren befand. Wenn aber Kunik auf S. 61 meint, aus dem zeitgenössischen arabischen Schriftsteller Massudi (combinirt mit dem Vertrage von 944 und dem Bericht des Toparchen) sei klar ersichtlich, in welcher früher Epoche sich die

1) S. meine «Beiträge zur Klärung orient. Quellen» im Bulletin de l'Acad. Impér. des Sciences de St. Pétersb. 1900. V. Serie Bd. XI № 4 p. 211—220.

russische Macht an der Küste von Taurien und auf dem asiatischen Ufer des Kimmerischen Bosporos ausgebreitet habe, so fragt es sich, auf welches Zeugniß bei Massudi sich Kunik dabei stützt. Wie gewagt es ist, sich auf die meist verworrenen lückenhaftigen bruchstückartigen orientalischen Nachrichten zu berufen, glaube ich an einigen Massudi-Stellen, welche Kunik augenscheinlich im Auge hatte, nachgewiesen zu haben (s. Ibrâhîm's-ibn-Ja'kûb's Reisebericht über die Slawenlande aus dem J. 965, p. 133—134, in den *Mémoires de l'Académie Impér. des Sciences de St. Pétersb.* VIII. Série. Volume III. № 4. 1898). Ebenso unhaltbar ist Kunik's Ansicht auf S. 88 darüber, dass das Kapitel in Oleg's Verträge, betreffend die Hülfe, welche die Russen den griechischen Schiffern nöthigenfalls leisten sollten, auf irgend einen östlichen Winkel am Pontus oder am Asow'schen Meere, wobei Kunik an das um den Kimmerischen Bosporos belegene Gebiet denkt (cf. p. 146), hinweise. Hervorgerufen ist diese unbegründete Annahme durch die Voraussetzung, als wenn sich die Wohnsitze der im Verträge von 944 erwähnten Schwarzen Bulgaren am Kuban befanden. (S. unten meinen Excurs über Konstantin Porphyrog.).

Aus obigen Gründen dürfen wir mit ziemlicher Sicherheit behaupten, dass die Fragmente des Toparchen, welche von einer festen Position der Russen in der Krim, beziehentlich Oberhoheit über einige Theile derselben, beredtes Zeugniß ablegen, nicht auf die Regierungszeit Oleg's, der seinen ersten Griechenzug im J. 906 unternimmt, fallen können; jedenfalls lässt sich diese Ansicht nicht durch Quellencitate stützen und schwebt somit völlig in der Luft. Der terminus a quo ist also von rein historischem Standpunkt aus höchst wahrscheinlich erst in die Regierungszeit des Grossfürsten Igor, dessen erster Krieg mit den Griechen im J. 941 Erwähnung findet, zu versetzen, jedenfalls nicht vor Oleg's Zuge vom J. 906, da erst seit dieser Zeit sich Oleg's Augenmerk und kriegerische Unternehmungen auf den Pontus richten. Bis dahin, wiederhole ich, schweigen alle Quellen über kriegerische Verwickelungen seitens der Russen in Taurien, sei es mit Griechen, sei es mit Chasaren, welch' beiden Völkern die Russen, um Einfluss daselbst zu gewinnen, den Rang streitig machen mussten. Was speciell die Griechen betrifft, so heisst es ausdrücklich im Friedenstractat von 906—911, dass vor dem Kriege des J. 906 während vieler Jahre Freundschaft zwischen Christen (Griechen) und Russen geherrscht habe.

Kunik verlegt auf S. 89 den Inhalt der Bruchstücke in den Zeitraum nach 940 nur aus dem Grunde, weil er sich durch Hase's palaeographische Fixirung für gebunden erachtet. Vom rein historischen Standpunkt aus kann, seines Dafürhaltens, sehr wohl an die Zeit vor 941 gedacht werden und zwar im Hinblick auf eine Stelle im Verträge von 944. Kunik's Argu-

mentation kann ich nicht ganz beistimmen, da er die im Vertrage von 944 erwähnten Städte (grady) für die κάστρα τῶν Κλημάτων (Κλιμάτων) ausgeben möchte. Es handelt sich aber daselbst klar und deutlich nicht um das Gebiet von Klemata, sondern um das von Cherson mit seinen Städten oder Kastellen (τὰ κάστρα τῆς Χερσῶνος). Im Vertrage von 972 ist gleichfalls nur von Städten des Cherson'schen Gebiets die Rede, während Kunik annimmt, dass Swjatoslaw seine Ansprüche nicht blos auf Cherson, sondern auch auf Klemata aufgeben musste (p. 89—90). Kunik scheint im Gegensatz zu Konstantin Porphyrog., nach welchem die Südküste der Krim in drei Theile (Cherson, Klemata und Bosporos) zerfällt, unter Cherson auch das Gebiet von Klemata, selbst dasjenige von Bosporos zu verstehen, da er mehrfach das, was sich blos auf Cherson bezieht, auch für die übrige Küste gelten lässt. Von diesem Gesichtspunkt behandelt er die Verträge von 944 und 972, die Ereignisse von 989. So betrachtet er auch Konstantin's Nachrichten: lässt (p. 84) die Chasaren Cherson (Korssunj), Klimata und Kertsch überfallen, spricht (p. 91) von den Beziehungen der Petschenegen zu Korssunj und Kertsch, obgleich Konstantin darüber vollkommen schweigt (cf. cap. 6 und 11 im Werke de admin. imperio).

Da also nach Kunik's (sehr anfechtbaren) Ansicht Swjatoslaw im J. 972 seine Ansprüche auf Cherson und Klemata aufgab, so bezieht er den Inhalt der Fragmente auf die Zeit vor 972. Kunik ist aber ohne Weiteres beizustimmen, wenn er für die Epoche vor 989 eintritt, da um 989 der grösste Theil der Krim in russischen Besitz übergegangen war.

Wenden wir uns jetzt dem terminus ad quem zu.

In der zweiten Hälfte des XI. Jahrhunderts ergossen sich über die Pontussteppen die Horden der Kumanen oder Polowzer, die die Petschenegen theils vernichteten, theils nach Südwesten vertrieben. Von diesen neuen Ankömmlingen handelt unsere Quelle sicherlich nicht; auf sie passt nicht, was da über die Barbaren berichtet wird: dass sie sich in früheren Zeiten durch Gerechtigkeit und Billigkeit auszeichneten, viele Städte und Völker sich ihnen freiwillig anschlossen, wodurch sie, die Barbaren grossen Ruhm davontrugen, u. a. m. Man sieht, dass es sich um ein alteingesessenes halbcivilisirtes Volk handele. Man könnte aber vielleicht an die Kumanen der späteren Jahrhunderte denken, nachdem sie sich im Süden häuslich eingerichtet hatten und heimisch geworden waren?

Unsere Fragmente können nicht in's XII., um so weniger in's XIII. Jahrhundert versetzt werden, weil die Russen schon gegen Ende des XI. Jahrhunderts vom Süden abgeschnitten ihrer Besitzungen daselbst verlustig gingen. Tamanj (Tmutarakanj) verschwindet im J. 1094 vom Schauplatz der russischen Geschichte.

Kortschev (Kertsch) kommt zum letzten Male auf einer Inschrift a. 1068 vor (s. Bruun, Zapiski der Odessaer Gesellsch. f. Gesch. Bd. V, 1863 p. 131). In der zweiten Hälfte des XII. Jahrh. gehörten diese Gebiete nachweisbar den Griechen (s. Kunik p. 92). Ebenso wenig können die Barbaren mit den Petschenegen (vor dem Einfall der Polowzer) identificirt werden, da sich im XI. Jahrhundert Griechen und Russen im Besitz der Südküste von Taurien theilten. Wie aus einer griechischen Inschrift (Ausgabe der Kaiserlich-russischen archaeologischen Gesellschaft, St. Petersburg 1896 p. 16/17) ersichtlich ist, befanden sich a. 1059 Cherson und Sugdaja (Sudak) in der Gewalt von Byzanz.

Wenn die Barbaren weder mit den Petschenegen noch Kumanen zusammenfallen und die Fragmente sich nicht gut auf's XI. Jahrhundert beziehen können, so dürften letztere auf's X. Jahrhundert hindeuten und die Barbaren sich mit den Chasaren decken. Jedermann wird zugeben, dass die Charakteristik, welche der Toparch von ihnen entwirft, auf die Chasaren gut passt. Sie bildeten ein grosses altes halbcivilisirtes Reich, in dem Handel und Wandel gediehen. In der zweiten Hälfte des X. Jahrhunderts ward es bereits stark geschwächt: im Jahre 965 eroberte Swjatoslaw ihre Grenzfestung Sarkel am Don oder Bjela Wjescha und drang bis zum Kaukasus vor. Im Jahre 969 erging wie ein verheerender Orkan über das Chasarenreich der furchtbare Raubzug der Russen (höchst wahrscheinlich normannische Freischaaren). Im Jahre 1016 werden die letzten chasarischen Besitzungen in der östlichen Hälfte der Krim, «namentlich bei Eski-Krym oder Solqat, welchen Ort die Armenier noch in spätester Zeit Kazarat benannten, sowie bei Kaffa, dessen Gebiet durch das ganze Mittelalter hindurch zu Gazaria gerechnet wurde» (Tomaschek p. 32), von den vereinigten Streitkräften der Griechen und Russen erobert.

Tamanj (Tmutarakanj) wird als russisches Fürstenthum vom Pseudo-Nestor bereits a. 988 erwähnt. Es muss also vor 988 gegründet worden sein, möglicher Weise schon von Swjatoslaw, welcher im Jahre 965 sich die Jassen (Alanen) und die Kassogen (Tscherkessen) unterwirft. Stände in der Chronik Jassen allein, so liesse sich obiger Schluss noch nicht ziehen, da die Jassen (mittelalterlichen As) nördlich vom Kaukasus bis zum Asow'schen Meere, ja bis zum Don gereicht haben, während die Sitze der Kassogen (Tscherkessen), so viel wir wissen, auf das Gebirge selbst beschränkt waren. Mithin muss Swjatoslaw auf seinem Zuge nach der Halbinsel Tamanj bis zum Kaukasus gelangt sein. Aus diesem Grunde sind wir berechtigt, diesem kriegerischen Fürsten die Gründung der russischen Colonie auf der Halbinsel Tamanj zuzuschreiben. Mit der Besitzergreifung von Tamanj war der Hauptweg nach der Südküste von Taurien den Chasaren versperrt und ihre

Macht daselbst auf's Empfindlichste geschwächt. Die meisten Forscher nehmen ferner an, dass im Jahre 969 das Chasarenreich in seinen Grundfesten durch die Russen erschüttert zusammenbrach und nicht wiedererstand. Kurzum, nach 969 hören wir fast nichts mehr von dem früher so gewaltigen Chasarenstaate. Im Jahre 1016 gelangt zu uns die Kunde von einem vereinten Angriff und Bewältigung eines chasarischen Gebietes in der Krim durch Griechen und Russen. Von Taurien müssen die Chasaren im Allgemeinen zur Zeit der Eroberung Cherson's durch Wladimir verdrängt gewesen sein, als dieses stärkste Bollwerk der Griechen in die Hände des Russenfürsten fiel. Nach den Fragmenten aber zu urtheilen, besaßen die Barbaren in Taurien eine bedeutende Machtstellung: Städte und Völker hatten sich ihnen früher freiwillig angeschlossen; gegenwärtig wütheten sie gegen ihre Untergebenen und Bundesgenossen, hatten zehn Städte und fünfhundert Ansiedelungen eingeäschert. Demnach sind die Bruchstücke, die Barbaren als Chasaren vorausgesetzt, höchst wahrscheinlich auf die Zeit vor 988, ja vor 969, wenn nicht sogar vor 965, zu beziehen.

Auch die andere Zeitgrenze, der terminus a quo lässt sich beträchtlich weiter vorrücken. Die besten zeitgenössischen Kenner der historisch-geographischen Verhältnisse im nördlichen Pontusgebiet sind unstreitig der Kaiser Konstantin Porphyrog. und der Chasarenkagan Joseph. Von beiden sind auf uns zusammenhängende und verhältnissmässig ausführliche Nachrichten gekommen. Aus dem Werk *de administrando imperio* (um 950) und aus dem Königsschreiben (um 960) erhellt schlagend, dass den Russen um diese Zeit weder Tamanj noch irgend ein Theil der taurischen Südküste gehörte. Was den Königsbrief betrifft, so begnüge ich mich hier mit der Bemerkung, dass, abgesehen von vielleicht einigen unwesentlichen Zusätzen, Lücken und Entstellungen, derselbe echt ist, wenn auch zugegeben werden kann, dass der Kagan «seine alten Rechtsansprüche mit dem gewiss sehr eingeschränkten faktischen Besitz vermengt» (Tom aschek p. 32). Kunik hat, wie er mir privatim mittheilte, seine früheren Zweifel hinsichtlich der Echtheit des Königsschreibens längst aufgegeben und die ganze Bedeutung dieses originellen historischen Dokuments vollauf gewürdigt.

Vorgreifend betone ich, dass Schwarzbulgarien des Konstantin sich nicht, wie bisher meist angenommen wurde, mit dem Kubangebiet deckt, wodurch die Voraussetzung Kunik's hinfällig wird, dass die Russen, wenn sie, wie aus dem Vertrage von 944 hervorgeht, die Schwarzen Bulgaren am Einfall in's Cherson'sche Gebiet behindern konnten, in Tmutarakanj oder Kertsch sich befunden haben müssen. Auch aus dem beregten Vertrage ist nicht zu ersehen, dass die Russen Besitzungen an der Krim'schen Südküste hatten, obgleich zuzugeben ist, dass sie Cherson hart bedrängten.

Auch mit den Chasaren werden sie manchen Strauss ausgefochten haben, da im Vertrage von Hülfsstruppen der Griechen, die sie den Russen zu stellen sich verpflichten (natürlich gegen den gemeinsamen Feind), die Rede ist. Andererseits ist das Verbot, an der Mündung des Dnjepr zu überwintern, sehr eigenthümlich. Wenn die Griechen den Russen diese Bedingung vorschreiben konnten, so ist schwer anzunehmen, dass sie die Russen in Taurien in nächster Nachbarschaft von Cherson, falls letztere daselbst Fuss gefasst haben sollten, zu dulden gewillt gewesen wären. Immerhin ist der Inhalt des Vertrages von 944 sehr beachtenswerth, da er auf den Einfluss der Russen auf die Geschehnisse von Taurien um diese Zeit schliessen lässt. Im Jahre 941 unternahm Igor seinen ersten Griechenzug, so dass kurz vorher Zwistigkeiten zwischen den Russen und den Griechen ausgebrochen sein müssen, woraufhin wir als weiteren terminus a quo die Zeit um 940 annehmen dürfen. Nach Konstantin und dem Chasarenkagan Joseph sind wir sogar berechtigt die Zeitgrenze bis 950, ja bis ca. 960 vorzuschieben. Für den terminus ad quem erhielten wir das Jahr 969 und 965. Dies sind die engsten Zeitgrenzen, die für die in den Fragmenten des Toparchen geschilderten Ereignisse sich noch mit einiger Sicherheit ziehen lassen.

Um das Gesagte klarer zu gestalten, müssen wir über die vielbesprochenen pontischen Russen (die sogenannte Tschernomorskaja Russj) in's Reine kommen. Wenden wir uns zu diesem Zwecke Konstantin's Zeugnissen über die Gestade des Schwarzen Meeres zu.

Konstantin's Porph. Beschreibung der Pontusgebiete.

Ueberschrift des 42. Cap. p. 177 (ed. Bonn.): γεωγραφία Πατρίνακίας μέχρι τοῦ Χαζαρικοῦ κάστρου Σάρκελ. . . καὶ μέχρι τῶν Νεκροπύλων τῶν ὄντων εἰς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ, καὶ Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων εἰσὶν, εἶτα μέχρι λίμνης Μαιώτιδος τῆς καὶ θαλάσσης διὰ τὸ μέγεθος καλουμένης, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου τοῦ Μάταρχα λεγομένου, πρὸς τούτοις δὲ καὶ Ζιγίας καὶ Παπαγίας καὶ Καζαγίας καὶ Ἀλανίας καὶ Ἀβασγίας, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως. Aus der Reihenfolge der zu behandelnden Gegenstände ist bereits zu ersehen, dass sich Konstantin's Beschreibung im Allgemeinen von Westen nach Osten, der Küste entlang, bewegt.

Im Texte werden zunächst die Sitze der Petschenegen genau angegeben und interessante Daten über Sarkel angeführt p. 177—179: . . . ἀπό δὲ κάτωθεν τῶν μερῶν Δανούβειως ποταμοῦ τῆς Δίστρας (Silistria) ἀντίπερα ἢ Πατζινακία παρέρχεται, καὶ κατακρατεῖ ἢ κατοικία αὐτῶν μέχρι τοῦ Σάρκελ τοῦ τῶν Χαζάρων κάστρου, ἐν ᾧ ταξεῖται καθέζονται τὰ κατὰ χρόνον ἐναλλασσόμενοι. ἐρμηνεύεται δὲ παρὰ αὐτοῖς τὸ Σάρκελ ἄσπρον ὀσπίτιον· ὅπερ ἐκτίσθη παρὰ σπαθαροκανδιδάτου Πετρωνᾶ τοῦ ἐπονομαζομένου Καματηροῦ, τὸν βασιλέα Θεόφιλον πρὸς τὸ κτισθῆναι αὐτοῖς τὸ κάστρον τοῦτο τῶν Χαζάρων αἰτησαμένων. . . Πετρωνᾶς τὴν Χερσῶνα καταλαβὼν. . . λαὸν εἰσαγαγὼν εἰς καματερὰ καράβια ἀπῆλθεν ἐν τῷ τόπῳ τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ τὸ κάστρον ἔμελλε κτίσαι. . . ἀλλ' αὕτη μὲν ἡ κάστρου Σάρκελ κτίσις καθέστηκεν. . . Nach Konstantin's klarem und ausführlichem Zeugnis war Sarkel eine am Don, auf Bitten des Kagans von Chasarien, von griechischen Werkmeistern zur Zeit Theophilos (829—842) erbaute Festung, welche noch um 950, als Konstantin sein Buch schrieb, im chasarischen Besitze war. Diese Mittheilung als Fälschung anzusehen, die Erbauung von Sarkel in den Anfang des X. Jahrhunderts zu versetzen und die Festung als eine den Griechen gehörige Colonie zu betrachten, ist ein starkes Stückchen, das sich Uspenskij erlaubt hat.

Ferner Cap. 42 p. 179: . . . ἀπὸ δὲ τοῦ Δανούβειως ποταμοῦ μέχρι τοῦ προρρηθέντος κάστρου τοῦ Σάρκελ ὁδὸς ἐστὶν ἡμερῶν ξ'. Die Schätzung der Entfernung von der Donau bis Sarkel auf 60 Tagereisen, selbst angenommen, dass Konstantin von Silistria an, wo die Ansiedelungen der Petschenegen beginnen, rechnet, und dass Sarkel, wie einige Forscher meinen, am mittleren Don belegen war,—bestärkt mich in meiner Ansicht, dass unser Fragment die Reise von der Südküste der Krim zum Grossfürsten nach Kiew und von da zurück bis zu den Dnjepr-Fällen in weit mehr als einem Monat zurückgelegt haben muss.

Weiter heisst es: μέσον δὲ τῆς τοιαύτης γῆς ποταμοὶ μὲν εἰσι πολλοί, δύο δὲ μέγιστοι ἐξ αὐτῶν, ὃ τε Δάναστρις καὶ ὃ Δάναπρις. εἰσι δὲ ἕτεροι ποταμοί, ὃ τε λεγόμενος Συγγούλ καὶ ὃ Ὑβυλ, ὃ Ἄλμαται καὶ ὃ Κοῦφρις καὶ ὃ Βογοῦ καὶ ἕτεροι πολλοί. . . ἡ δὲ Πατζινακία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ λ' μερῶν. Ueber die dort vorkommenden Flüsse äussert sich Konstantin noch an anderen Stellen.

Cap. 38 p. 171. Ὅτι ὁ τῶν Πατζινακιτῶν τόπος, ἐν ᾧ τῷ τότε καιρῷ κατώκησαν οἱ Τοῦρκοι, καλεῖται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τῶν ἐκεῖσε ὄντων ποταμῶν. οἱ δὲ ποταμοὶ εἰσιν οὗτοι, ποταμὸς πρῶτος ὃ καλούμενος Βαρούχ, ποταμὸς δεύτερος ὃ καλούμενος Κουβοῦ, ποταμὸς τρίτος ὃ καλούμενος Τροῦλλος, ποταμὸς τέταρτος ὃ καλούμενος Βροῦτος, ποταμὸς πέμπτος ὃ καλούμενος Σέρετος. Unbegreiflicher Weise stösst man noch immer auf Zweifel, betreffend die Deu-

tung letztgenannter Ströme. Es sind: Βαρούχ = Dnjepr, bei den Hunnen nach Jordanis Var genannt, im Königsschreiben (Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Russlands von C. Röttger, VI. Band St.-Petersburg 1875, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960) von D. A. Harkavy p. 88) Wagez oder Juzeg (vielleicht aus Warug corrumpt?); Κουβού = Bug, bei den Alten auch Hypanis; Τροῦλλος = Dnjestr, türkisch noch heutzutage Turla, bei Konstantin noch der Weisse Fluss benannt; Βροῦτος (Βουράτ) = Prut; Σέρετος (Σαράτ) = Sereth.

Der Flus Δάναπρις tritt bei Konstantin noch unter einem dritten Namen auf. Cap. 38 p. 169:.. τὸ δὲ ἕτερον μέρος (τῶν Τούρκων) εἰς τὸ δυτικὸν κατώκησε μέρος, ἅμα καὶ τῷ βοεβόδῳ αὐτῶν καὶ ἀρχηγῶ Λεβεδία, εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζόμενους Ἀτελκρούζου, ἐν οἷς τόποις τὸ νῦν τῶν Πατζινακιτῶν ἔθνος κατοικεῖ. Cap. 40 p. 173: ὁ δὲ τόπος, ἐν ᾧ πρότερον οἱ Τούρκοι ὑπῆρχον, ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ Ἐτέλ καὶ Κουζού, ἐν ᾧ ἀρτίως οἱ Πατζινακίται κατοικοῦσιν. Ich betone, dass τοῦ ἐκεῖσε ποταμοῦ in der Einzahl steht; es handelt sich also hier nur um einen Fluss. Wie kommt er aber darauf diesen Einen Fluss Ἐτέλ καὶ Κουζού zu benennen? Diese Frage lässt sich nur so erklären, dass er den Namen des Stromes, nach welchem das ganze Gebiet Ἀτελκρούζου benannt wurde, in seine Bestandtheile zerlegt: Ἐτέλ (= Ἀτελ) und Κουζού (= Κούζου). Noch verständlicher wird die Sache, wenn wir bedenken, dass Ἀτελ, Ἐτελ einen Strom bedeutet, Ἀτελκρούζου also einfach = «Strom Κουζού».

Was ist das aber für ein Fluss? Der bedeutendste unter den Flüssen inmitten der Petschenegenlande ist der Dnjepr. Wenn Κουζού mit der türkisch-tatarischen Bezeichnung des Dnjepr «Uzu», «Ozu», was sehr wahrscheinlich ist, zusammenhängt, wenn mit anderen Worten Uzu nur eine andere Form für Κουζού sein sollte, so kann Uzu (Uzsu) nicht Uzenwasser, wie bisher allgemein angenommen wird, bedeuten, da Κουζού trotz Οὔζοι = pers. und arab. Guzz nicht diesen Ursprung haben kann, aus dem einfachen Grunde, weil zu Konstantin's Zeiten die Uzen noch am Don und der Wolga hausten. Der Name Κουζού für den Dnjepr scheint uralte zu sein und findet sich schon bei dem Pseudo-Moses von Chorene in der neueren Handschrift seiner Geographie (K. Patkanow, Journ. d. Min. d. Volksaufkl. Bd. 226, St. Petersburg. 1883, p. 27), in der Form Kotscho, die an die Kutziguren oder Kutziguren (vergl. Kutzovlachen) gemahnt. Vergl. die 17. Abhandlung meiner oben erwähnten «Beiträge» (№ 5).

Was sind aber die im cap. 42 genannten Συγγούλ, Ὑβουλ, Ἀλματαί, Κοῦφρις, Βογοῦ für Flüsse? An der Identität Βογοῦ mit Bug (Κουβού) ist wohl nicht zu zweifeln. Da nun Κοῦφρις neben Βογοῦ aufgezählt wird, so dürfen

wir Κοῦφης in der Nachbarschaft vom Bug vermuthen. Dass dieser Fluss Κοῦφης nichts mit dem Kuban zu schaffen hat, braucht nicht erst gesagt zu werden. Ueber Kuphis noch später. Was den Fluss Συγγούλ betrifft, so erinnert er lebhaft an Χιγγυλούς im cap. 38, falls er nicht mit Ingul, einem Nebenfluss des Bug, zusammenfällt. Es haben übrigens auch östlich vom Dnjepr ähnlich klingende Flussnamen existirt, wie Jantschul, Gajtschul, Joungouly (s. Baratschkow p. 220). Im cap. 38 p. 168 steht: ἐν τούτῳ οὖν τῷ τόπῳ τῷ προρρηθέντι Λεβεδία ποταμός ἐστι ῥέων Χιδμάς, ὁ καὶ Χιγγυλούς ἐπονομαζόμενος. Da nun Lebedia zweifellos östlich vom Dnjepr lag, sich wahrscheinlich mit dem Bassin des Don im Allgemeinen und des Donetz im speciellen deckte, so mag vielleicht der Don oder Donetz selbst so geheissen haben.

Das Petschenegenland zerfällt nach Konstantin in acht namhaft gemachte Themata: vier davon liegen diesseits, vier jenseits des Dnjepr (s. cap. 37 p. 164—166). Das Petschenegenland stösst (ibid.) im Osten und Norden (Süden?) an Uzien, Chasarien, Alanien, Cherson und die übrigen taurischen Bezirke; im Westen und Norden—an Bulgarien, Ungarn, Russland und die den Russen unterworfenen slavischen Gebiete. Im cap. 42 p. 179 variirt Konstantin denselben Gedanken: ἡ δὲ Πατζινακία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ τῶν λ' μερῶν. Konstantin kennt die Entfernung der Petschenegen von den Nachbarvölkern, s. cap. 37 p. 166: ἀπόχισται δὲ ἡ Πατζινακία ἐκ μὲν Οὐζίας καὶ Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ, ἀπὸ δὲ Μορδίας ὁδὸν ἡμερῶν δέκα, ἀπὸ δὲ Ῥωσίας ὁδὸν ἡμέρας μιᾶς, ἀπὸ δὲ Τουρκίας ὁδὸν ἡμερῶν τεσσάρων, ἀπὸ δὲ Βουλγαρίας ὁδὸν ἡμέρας ἡμισυ· καὶ εἰς Χερσῶνα μὲν ἐστὶν ἔγγιστα, εἰς δὲ τὴν Βόσπορον πλησιέστερον.

Cap. 42, p. 179: τὸ δὲ τῆς παραλίας τῆς θαλάσσης ἀπὸ τοῦ Δανούβειως ποταμοῦ διάστημα μέχρι τοῦ Δανάπρειως ποταμοῦ εἰσὶ μίλια ρκ'. ἀπὸ δὲ τοῦ Δανάστρειως ποταμοῦ μέχρι τοῦ ποταμοῦ Δανάπρειώς εἰσὶ μίλια π', ὁ χρυσὸς λεγόμενος αἰγιαλός. Die Vermuthung, dass im ersten Satze stehen müsse ἀπὸ τοῦ Δανούβειως . . . μέχρι τοῦ Δανάστρειως (nicht Δανάπρειως) ποταμοῦ ist vollberechtigt. Danach beträgt die Entfernung von der Donau bis zum Dnjestr (nicht Dnjepr) 120 Milien und vom Dnjestr bis zum Dnjepr—80. Die Gründe, welche mich veranlassen dem Vorschlage, Dnjestr an Stelle von Dnjepr zu setzen, beizupflichten, bestehen im Folgenden. Nehmen wir den Text, so wie er lautet, so sind die angegebenen Entfernungen nicht in Einklang zu bringen. Denn wir erhalten dann für den Abstand von der Donau bis zum Dnjepr 120 Milien, für denjenigen vom Dnjepr bis zum Dnjestr 80; folglich müsste danach die Entfernung von der Donau bis zum Dnjestr 40 Milien betragen, da $80 + 40 = 120$. Demnach wäre also der

Dnjepr vom Dnjestr doppelt so weit entfernt, als der Dnjestr von der Donau, was der Wirklichkeit nicht entspricht. Während der Abstand vom Dnjepr-Liman (nach Konstantin bildet der Liman die Flussmündung, gehört also noch zum Flusse) bis zum Dnjestr-Liman thatsächlich ungefähr 80 Milien ausmacht, beträgt die Entfernung vom Dnjestr bis zur Donau nicht 40 Milien (eine Milie = 1000 Schritt), sondern weit mehr als 80 Milien, selbst wenn wir bis zur Kilia-Mündung rechnen, obgleich anzunehmen ist, dass hier die Sulina (Selina)-Mündung, in welche die Russen stets einführen, gemeint sei. Desgleichen wäre die Entfernung zwischen der Donau und dem Dnjepr (= 120 Milien) viel zu gering angeschlagen. Setzen wir dagegen an der betreffenden Stelle «Dnjestr» statt Dnjepr, so stimmen die Zahlen nicht bloß in ihrem Verhältnisse unter einander, sondern auch in vorzüglicher Weise mit den wirklichen Entfernungen überein. Dann bekämen wir: von der Donau bis zum Dnjestr 120 Milien, vom Dnjestr bis zum Dnjepr 80. Berücksichtigt man ausserdem die sonst (längs der Küste) konsequent ostwärts fortschreitende Schilderung der pontischen Gestade, so kann man sich nicht der Einsicht verschliessen, dass hier in der That Δανάπρεως für Δανάστρεως verschrieben sein müsse. Sollte nicht dasselbe Versehen im cap. 37 p. 167 vorliegen?

Cap. 42. p. 179—180: ... ἀπὸ τὸ στόμιον ποταμοῦ τοῦ Δανάπρεως εἰσι τὰ Ἄδαρά (die Landzunge Tender?), καὶ ἐκεῖσε κόλπος ἐστὶ μέγας ὁ λεγόμενος τὰ Νεκρόπυλα, ἐν ᾧ τις διελθεῖν ἀδυνατεῖ παντελῶς. καὶ ἀπὸ μὲν τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέχρι Χερσῶνός εἰσι μίλια τ', ἐν τῷ μέσῳ δὲ λίμναι καὶ λιμένες εἰσὶν, ἐν αἷς Χερσωνῆται τὸ ἄλλας ἐργάζονται. Darnach unterliegt es keinem Zweifel, dass «der grosse Golf Nekropyla» sich mit dem Karkinitischen Meerbusen westlich von Perekop deckt. Das bestätigen auch die ferneren Worte: ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιωτίδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπύλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ'. Die Correkteit der lateinischen Uebersetzung atque ille ipse Maeotidis sinus pertingit e regione Necropyliarum usque, möchte ich bezweifeln; ἀντικρὺ bedeutet gerade gegenüber. Aus dem Umstande, dass der Abstand des Golfes vom Dnjepr auf ungefähr 4 Milien geschätzt wird, dürfte hervorgehen, dass damit die Breite der Landzunge, welche den Dnjepr-Liman vom Meere trennt, gemeint sei.

(ibidem): ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσι τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων, τὸ δὲ διάστημα μίλια τ'. Es ist anzunehmen, dass die Länge der ziemlich geradlinigen Küste von Cherson bis Bosporos richtig taxirt werde. Daher können diese 300 Milien die Grundlage zum Vergleich mit den anderen Streckenangaben bilden. Nun springt die Nothwendigkeit der obigen Text-Verbesserung (Δανάστρεως für Δανάπρεως) noch mehr in die Augen, da die Entfer-

nung von Cherson bis Bosporos sich ungefähr so zur Entfernung vom Dnjepr-Liman bis zum mittleren Donauarm verhält, wie 300 : 200.

(ibidem): και ἀπὸ Βοσπόρου τὸ τῆς Μαιώτιδος λίμνης στόμιόν ἐστιν, ἣτις και θάλασσα διὰ τὸ μέγεθος παρὰ πάντων ὀνομάζεται. εἰς δὲ τὴν αὐτὴν Μαιώτιδα θάλασσαν εἰσρέουσι ποταμοὶ πολλοὶ και μεγάλοι. πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ και οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν και Χαζαρίαν και Συρίαν. Wie man aus dem Satz πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός schliessen will, dass der Dnjepr sich in's Asow'sche Meer ergiesse, ist mir unverständlich. Die vielen Stellen, in denen Konstantin mit grosser Sicherheit und Klarheit vom Dnjepr handelt, bezeugen, dass er mit diesem Strome weit besser als irgend ein alter Geograph vor oder nach ihm vertraut war. Nun befindet sich aber thatsächlich die grössere Hälfte des Unterlaufes, die Stromschnellenpartie und ein Theil des mittleren Dnjepr-Laufes gerade nördlich vom Asow'schen Meere. Dies und nichts anderes kann Konstantin mit den Worten πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς (τῆς Μαιώτιδος λίμνης) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός im Sinne gehabt haben. Daher sind auch alle Schlussfolgerungen, welche auf Grund dieses Passus hinsichtlich der Lage von Schwarzbulgarien gezogen werden, hinfällig. Doch über ἡ μαύρη Βουλγαρία später ausführlich.

(ibid.): ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκρόπυλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπριως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', και μίσγεται, ἐν ᾧ και σούδα οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τῆς Χερσῶνος γῆν και τῶν Κλιμάτων και τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ και πλείονων τινῶν· ἐκ δὲ τῶν πολλῶν ἐτῶν κατεχώσθη ἡ αὐτὴ σούδα και εἰς θάσος ἐγένετο πολὺ. και οὐκ εἰσὶν ἐν αὐτῷ πλην δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζίνακῆται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα και Βόσπορον και τὰ Κλίματα.

Schon oben habe ich τὰ Νεκρόπυλα behandelt. Selbst in späteren Jahrhunderten war diese Bezeichnung nicht unbekannt; vergl. Golfo di Nigri-poli der italienischen Karten. Der Karkinitische Meerbusen tritt also im Mittelalter unter dem Namen Νεκρόπυλα (Nigropoli) auf. Diese Bezeichnung kommt noch bei einem anderen byzantinischen Schriftsteller, nämlich bei Theophanes (IX. Jahrh.) vor. An einer Stelle (ed. de Boor p. 373) bemerkt Theophanes in Anlass der Schilderung des Weges, den Justinian II auf seiner Flucht aus Taurien einschlug, ganz richtig, dass Nekropylla sich zwischen Cherson und der Donau befindet; an einer anderen Stelle jedoch, die im hohen Grade confus ist, scheint er zu behaupten, dass Necropylla an der Meerenge von Kertsch belegen war (p. 356 — 357): «Die Hunnobolgaren und die Kotragen wohnten anfänglich hinter dem Pontus Euxinus und der See Maiotis. In letztere ergiessen sich: der grosse Fluss Atel, der

vom Ocean her das ganze Land der Sarmaten durchströmt, und der Fluss Tanais aus den Kaukasischen Bergen kommend; aus der Vereinigung dieser beiden Flüsse aber bildet sich der Kuphis, der in's Pontische Meer bei Nekropyla beim Kap, Schöpismaul geheissen, mündet, dort wo die See Maeotis sich in den Pontus zwischen Bosporus und Phanaguria ergiesst. Zwischen dieser See und dem Fluss Kuphis erstreckt sich das alte oder grosse Bulgarien, alias das Land der Kotragen, der Stammesgenossen der Bulgaren, benannt». Theophanes verworrene Mittheilungen sind nicht Originalnachrichten, sondern aus alten Schriftstellern, die er in der confusesten Weise compilirt, geschöpft. Sagt doch Theophanes an einer Stelle, dass Batbai, einer von den Söhnen Kubrats, bis auf den heutigen Tag den Chasaren Tribut zahlt. Bezöge sich dies «bis auf den heutigen Tag» auf die Zeit des Theophanes (erste Hälfte des IX. Jahrh.), so müsste Batbai ein Alter von 150 Jahren erreicht haben. Theophanes hat einfach seinen Vorgänger in roher Weise ausgeschrieben und dessen Wendung «bis auf den heutigen Tag» in seinen Text herübergenommen.

Was die angeführte Stelle betrifft, so lassen sich die einzelnen Bestandtheile, aus denen das Ganze zusammengewürfelt ist, ziemlich deutlich erkennen. Der Compiler hat seine Vorlagen missverstanden, gekürzt und in sinnloser Weise zusammengeschweisst. Atel (Wolga) soll in die Maeotis münden. Hier ist also die Wolga mit dem Don verwechselt. Uebrigens bedeutet Atel einfach Strom und kann daher auch auf einen anderen Fluss, etwa den Don, gemünzt sein. In dieser Vermuthung bestärkt mich der Umstand, dass Atel «ganz Sarmatien» durchfliessen soll. Der Don trennte, nach Ansicht der Alten, das europäische Sarmatien vom asiatischen, floss also mitten durch Sarmatien, während die Wolga die östliche Grenze des asiatischen Sarmatiens bildet. — Die Alten lassen die Wolga sich mit dem Don vereinigen; der Kuban wird auch Hypanis und Tanais genannt; der Kuban entspringt im Kaukasus; Kuphis wird von Konstantin neben Bug aufgeführt; Kuphis erinnert an Hypanis und Kuban. Daher wohl der Wirrwarr.

Am meisten interessirt mich hier der Fluss Kuphis. Von ihm heisst es bei Theophanes, dass er sich in den Pontus unweit Nekropyla ergiesst. Diese Stelle gemahnt mich auf's lebhafteste an Konstantin's Dnjepr, der vier Milien von Nekropyla entfernt ist. Auf der Strecke von der Donau bis Sarkel befindet sich, nach Konstantin, unter anderen Flüssen auch Kuphis, welcher neben Bogu erwähnt wird. Es scheint somit bei Theophanes eine Vertauschung des Kuphis, der westlich von Perekop unweit Bug zu suchen ist, gegen den Kuban vorzuliegen. Ich kann mich des Gedankens nicht entschlagen, dass Kuphis möglicher Weise eine von Konstantin missverstandene, neue Bezeichnung für den Dnjepr ist, falls Kuphis nicht ein

anderer Name für Bogu (Bug) sein sollte, welcher a. a. O. bei Konstantin Κοῦβου benannt wird. Jedenfalls deutet Theophanes Aussage, dass Kuphis unweit Nekropyla in den Pontus mündet, die Gegend an, wo eigentlich dieser Fluss angenommen werden muss. Fassen wir daraufhin nochmals das, was Theophanes über die Sitze der Hunnobulgaren und Kotragen berichtet, in's Auge.

«Die Hunnobulgaren und die Kotragen wohnten anfänglich hinter dem Pontus Euxinus und der See Maeotis». Wenn wir diese Angaben ohne Vorurtheil betrachten, so müssen wir die Sitze der Hunnobulgaren und der Kotragen in die Pontussteppen und um das Asow'sche Meer herum verlegen. Sollte dagegen damit, wie angenommen wird, nur das Gebiet zwischen dem Asow'schen Meere und dem Kuban gekennzeichnet werden, so hätte der Verfasser sich weit eher so ausgedrückt: «hinter den Kaukasischen Bergen und der See Maeotis», da das Steppengebiet am Kuban nur bei der Mündung des Flusses an den Pontus reicht. Wenn es aber heisst: «hinter dem Pontus Euxinus», so sind wir gezwungen, an das ganze grosse Land nördlich vom Schwarzen Meere zu denken. Es wird somit das ganze weite Gebiet markirt, das die Hunnobulgaren seit dem Ende des IV. Jahrh. thatsächlich im Besitze hatten. Weiterhin giebt Theophanes des Genaueren das Land, in dem speciell die Kutriguren sich aufhielten, an: von der Maeotis bis zum Flusse Kuphis. Nach Theophanes kann der Fluss Kuphis entweder mit dem Dnjepr oder dem Bug identisch sein, da er nach Theophanes unweit Nekropyla, das sich westlich von Taurien erstreckt, in den Pontus mündet, oder aber auf den Kuban hinzielen, da Nekropyla, als in der Nähe der Maeotis-Mündung befindlich gleichfalls angegeben wird. Demnach kann man sich das Alt- oder Grossbulgarien des Theophanes sowohl nach Westen als auch nach Osten vom Asow'schen Meere belegen denken. Ist aber Theophanes' Kuphis, der unweit Nekropyla in den Pontus mündet, Konstantin's Kuphis, der sich gleichfalls unweit Nekropyla, weil in der Nachbarschaft von Βογου befindlich, ergiesst, so muss unter Grossbulgarien das Gebiet vom Asow'schen Meere bis etwa zum Dnjepr verstanden werden.

Letztere Ansicht findet eine vorzügliche Stütze an der ferneren Bemerkung: «Alt- oder Grossbulgarien, welches anders das Land der Kotragen, der Stammesgenossen der Bulgaren, benannt wird». Damit wird eben nicht der uralte gemeinsame Wohnsitz aller Bulgaren, als sie noch ein einiges Volk am Kuban (nach der Volksüberlieferung) bildeten, angedeutet, sondern nur das Gebiet eines Bulgarenstammes, nämlich das der Kutriguren, welche westlich von den Utriguren hausten, also bereits nach der Trennung, gekennzeichnet. Bedenken wir, dass Theophanes seinen Bericht aus Aufzeichnungen der zweiten Hälfte des VII. Jahrh. schöpft, als nach

Theilung des Bulgarenvolkes die Kutriguren über den Don gesetzt und sich westlich von demselben schon niedergelassen hatten, so werden wir uns kaum der Einsicht entziehen können, dass Alt- oder Grossbulgarien, alias das Land der Kotragen (Kutriguren), mit dem Steppengebiet vom Don bis etwa zum Dnjepr zusammenfallen dürfte. Das Bulgarien, von dem in Chasdaj's Schreiben die Rede ist, passt am besten zu diesem Gebiet. S. Harkavys Berichte der jüdischen Schriftsteller (russisch) p. 107: Während ich das Alles überlegte, erschienen bei uns die Gesandten des Königs der Gebalim, unter ihnen auch zwei Juden; des Einen Name war Saul, des Anderen— Joseph. Als sie von meiner Verlegenheit hörten, trösteten sie mich, indem sie sagten: «Gieb uns deine Briefe, wir übergeben sie dem Könige der Gebalim, der sie den Juden zuschicken wird, welche im Lande Hungariu wohnen, wo sie nach Rus befördert, von wo sie weiter zu Bulgar gelangen und auf diese Weise an den Bestimmungsort ankommen werden». — Die Beförderung des Schreibens an den Chasaren-Kagan auf dem directen Wege über Konstantinopel war gescheitert. Der südliche Umweg über Jerusalem, Nisibin und Armenien wurde aufgegeben. Schliesslich entschied sich der spanisch-arabische Minister zum nördlichen Umwege über Deutschland, über das Reich des Böhmenherzogs, Ungarn, Südrussland und Bulgarien. Der Rabbiner Jakob, Sohn Eleasars, aus dem Lande der Nemeć, händigte glücklich das Schreiben dem Kagan Joseph ein. Ueber «Gebalim» s. meine Abhandlung in den Memoiren der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Vol. № 4, 1898: Ibrâhîm's-ibn-Jakûb's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965, p. 134—136. Bulgar deutete ich gleich Anderen auf das Land am Kuban, weil ich mich damals noch nicht in die Frage über Schwarzbulgarien vertieft hatte. Betrachten wir ohne zu tüfteln Chasdaj's Brief, so muss sein «Bulgar» auf dem direkten Wege von Russland nach Chasarien, dessen Kernland sich zwischen Don und Wolga befand, belegen sein, ist also westlich vom Don zu suchen. Denn nur so erhalten wir eine continuirliche Route von Deutschland über Boehmen, Ungarn und Russland nach Chasarien. Jede andere Interpretation wäre gezwungen. Wenden wir uns nun zu Konstantin's ἡ μαύρη Βουλγαρία.

πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς (τῆς Μαιώτιδος) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν. Die Russen, welche nach Cap. 42 εἰς τὰ ὑψηλότερα τοῦ Δανάπριως ποταμοῦ μέρη κατοικοῦσι, begeben sich von (aus) dem Fluss Dnjepr nach Schwarzbulgarien, Chasarien und Syrien. Diese Route erinnert lebhaft an die bei Chasdaj angegebene: Rus, Bulgar, Chasar; nur dass jene noch um ein Glied (Syrien) weiter fortgesetzt wird. Am natürlichsten ist daher auch dieselbe Deutung, dass nämlich ἡ μαύρη Βουλγαρία zwischen Südrussland und Cha-

sarien zu verlegen ist. Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ . . . καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται . . . ist am einfachsten so zu verstehen, dass die Russen aus dem Dnjepr, den sie eine Strecke erst abwärts fahren, an's Land gehen, um landeinwärts über Bulgarien nach Chasarien zu reisen. Sobald wir aber die Russen den ganzen Dnjepr bis zur Mündung stromab fahren, von da in's Schwarze Meer einlaufen lassen und sie auf dem Seewege nach Schwarzbulgarien und Chasarien dirigiren, — fehlen mehrere Mittelglieder in der bei Konstantin angegebenen Reiseroute: nämlich der Pontus, Cherson, Klemata, Bosporos und mindestens noch die Mündung der Maeotis. Was Συρία betrifft, so ist es das den Griechen wohlbekannte Syrien, welches im weiteren Sinne des Wortes ganz Mesopotamien mit der Hauptstadt Bagdad umfasste. Aus Ibn-Chordadbeh erfahren wir, dass die Russen schon im IX. Jahrhundert ihre Handelsreisen bis Bagdad ausdehnten. Mithin liegt kein Grund vor, Syria, als aus Zichia corrumpt, anzusehen. Wäre dieses der Fall, so müsste Syria an erster, nicht an letzter Stelle stehen, weil Kaufleute aus Russland, durch den Pontus fahrend, erst auf Zichien, das unmittelbar an's Meer grenzte, stossen mussten. Wo man auch sonst Gross- oder Schwarzbulgarien ansetzen möge, zwischen dem Asow'schen Meere und dem Kuban lag es jedenfalls nicht. Der Beweis für diese Behauptung soll unten erbracht werden. Was die arabischen Schriftsteller betrifft, von denen einzelne abgerissene Sätze über die (Schwarzen) Bulgaren auf uns gekommen sind, so thun wir sicher besser, sie gar nicht zu berücksichtigen, da sie im hohen Grade einer kritischen Bearbeitung benöthigen und so, wie sie uns vorliegen, unbrauchbar sind. Nebenbei sei bemerkt, dass der Geograph von Ravenna ein Bulgarien am Kuban nicht kennt, sondern das Reich Chasaria sich bis zum Kuphis (Kuban?) erstrecken lässt.

Verfolgen wir Konstantin's Beschreibung der Pontusgebiete weiter. Wir blieben bei der Landenge von Perekop stehen: ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπύλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπριως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', καὶ μίσηται, ἐν ᾧ καὶ σούδα οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι α' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν. Die Maeotische See nähert sich (μίσηται) dem Meerbusen Nekropyla an der Stelle, wo man früher durch den von den Alten durchstochenen Canal (der sogen. Graben σούδα) das Meer durchschiffen konnte. Taurien tritt bei Konstantin in der Regel unter der Bezeichnung Cherson, Klemata und Bosporos auf, so dass wir auch im gegenwärtigen Falle τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν durch «taurische Halbinseln» ersetzen können. μέσον ἀποκλείσαντες hat den Sinn, dass die Alten durch den gezogenen Graben Taurien

vom Festlande abschneiden; μέσον weist auf die Lage der Landenge hin, welche sich thatsächlich ungefähr an der Mitte des Nordrandes der Halbinsel befindet. κρατούσαν μέχρι α' μιλίων ἢ καὶ πλείωνων τινῶν besagt, dass Taurien an der Stelle, wo der «Graben» (mit anderen Worten die Landenge) ist, eine Breite von einer Milie oder mehreren aufweist. Der lateinische Uebersetzer des griechischen Textes scheint diese Stelle missverstanden zu haben: veteres mare traieiebant ducta fossa per mediam Chersonem, regiones et Bospori terram, quae mille aut amplius miliaria occupabat. Nach dieser Verdolmetschung zu urtheilen, bezieht sich der letzte Satz κρατούσαν μέχρι α' μιλίων ἢ καὶ πλείωνων τινῶν blos auf τὴν Βοσπόρου γῆν und μέσον nur auf τὴν Χερσῶνος γῆν.

Ferner heisst es im 42. Cap. p. 180—182: εἰς δὲ τὸ ἀνατολικώτερον μέρος τῆς Μαιώτιδος λίμνης εἰσέρχονται πολλοὶ τινες ποταμοί, ὃ τε Τάναϊς ποταμός, ὃ ἀπὸ τὸ κάστρον Σάρκελ ἐρχόμενος. Wie man hieraus hat schliessen wollen, dass Sarkel am mittleren Don erbaut war, ist mir nicht recht verständlich. Nur Eins geht daraus hervor, dass Sarkel nicht unmittelbar an der Mündung des Flusses zu suchen ist. Ferner: καὶ τὸ Χωράκουλ, ἐν ᾧ καὶ τὸ βερζήτικον ἀλιεύεται· εἰσὶ δὲ καὶ ἕτεροι ποταμοί, ὃ Βὰλ καὶ ὃ Βουρλίχ, ὃ Χαδῆρ καὶ ἄλλοι πλείστοι ποταμοί. Einige von diesen Flüssen sind zweifellos Arme des Kuban... ἐκ δὲ τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἐξέρχεται στόμιον τὸ Βουρλίχ ἐπονομαζόμενον, καὶ πρὸς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν καταρεῖ, ἐν ᾧ ἐστὶν ὁ Βόσπορος. ἀντικρὺ δὲ τῆς Βοσπόρου τὸ Ταμάταρχα λεγόμενον κάστρον ἐστὶ· τὸ δὲ διάστημα τοῦ περάματος τοῦ τοιούτου στομίου εἰσὶ μίλια ιη'. ἐν δὲ τῷ μέσῳ τῶν αὐτῶν ιη' μιλίων ἐστὶ νησίον μέγα χαμηλὸν τὸ λεγόμενον Ἀτέχ. ἀπὸ τὸ Ταμάταρχά ἐστὶ ποταμός ἀπὸ μιλίων ιη' ἢ καὶ κ', λεγόμενος Οὐκρούχ, ὃ διαχωρίζων τὴν Ζιχίαν καὶ τὸ Ταμάταρχα. ἀπὸ δὲ τοῦ Οὐκρούχ μέχρι τοῦ Νικόφειος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ κάστρον ἐστὶ ὁμώνυμον τῷ ποταμῷ, ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Ζιχίας. τὸ δὲ διάστημά ἐστὶ μίλια τ'. ἄνωθεν τῆς Ζιχίας ἐστὶν ἡ χώρα ἢ λεγομένη Παπαγία, καὶ ἄνωθεν τῆς Παπαγίας χώρας ἐστὶ ἡ χώρα ἢ λεγομένη Κασαγία· ἄνωθεν δὲ τῆς Κασαγίας ὄρη τὰ Καυκάσιά εἰσιν, καὶ τῶν ὀρέων ἄνωθεν ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Ἀλανίας. Der (südliche Kubanarm) Ukruch, welcher 18 oder 20 Milien von Tamatarcha entfernt in's Meer mündet, trennt Tamatarcha von Zichien, das sich bis Nikopsis 300 Milien weit erstreckt. Hinter Zichien liegt Papagien, hinter Papagien—Kasachien, darauf kommt das Kaukasische Gebirge, schliesslich jenseits desselben — Alanien. Somit verlegt Konstantin die Sitze der Alanen klar und deutlich in's Kubangebiet. Von Bulgarien findet sich bei Konstantin in den erwähnten Gebieten keine Spur, wobei zu betonen ist, dass er gerade über diese Gebiete sich vorzüglich instruir't zeigt.

Ferner: ἡ δὲ τῆς Ζιχίας παράλιος ἔχει νησία, τὸ μέγα νησίον καὶ τὰ τρία νησία· ἔνδοθεν δὲ τούτων εἰσὶ καὶ ἕτερα νησία τὰ ἐπινοηθέντα καὶ παρὰ τῶν

Ζιχῶν κτισθέντα, τό τε Τουργανήρχ και τὸ Ἰζαρβαγάνι και ἕτερον νησίον, και εἰς τὸν τοῦ ποταμοῦ λιμένα ἕτερον νησίον, και εἰς τὰς Πτελέας ἕτερον, ἐν ᾧ ἐν ταῖς τῶν Ἀλανῶν ἐπιδρομαῖς οἱ Ζιχοὶ καταφεύγουσι. Die vielen Inseln bildeten das Flussdelta des Kuban. Die Alanen überfallen die Zichen, die sich auf eine von diesen Inseln retten. Auch hier nichts von Bulgaren.

τὸ δὲ παραθαλάσσιον ἀπὸ τῆς συμπληρώσεως τῆς Ζιχίας ἦτοι Νικόψεως ποταμοῦ ἐστὶν ἡ τῆς Ἀβασγίας χώρα, μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως· εἰσὶ δὲ μίλια τ΄.

Auch im Cap. 53 p. 268 und 269 sind Nachrichten enthalten, die auf Konstantin's geographische Kenntnisse, betreffend die Kaukasus-Küste, schliessen lassen: Ἰστέον ὅτι ἔξω τοῦ κάστρου Ταμάταρχα πολλαὶ πηγαὶ ὑπάρχουσιν ἄφθαν ἀναδιδούσαι. . . Ἰστέον ὅτι ἐν Ζηχίᾳ πρὸς τὸν τόπον τῆς Πάγης τῆς οὔσης πρὸς τὸ μέρος τῆς Παπαγίας, ἐν ᾧ κατοικοῦσι Ζηχοί, ἐννέα πηγαὶ εἰσὶν ἄφθαν ἀναδιδούσαι etc.

Aus obigen Zeugnissen geht hervor, dass Alanien an Tamatarcha, Sichien und Kasachien, welche Gebiete es vom Pontus trennte, grenzte, so dass Alanien, betone ich, nach Konstantin nicht bis zum Schwarzen Meere reichte, sondern nördlich vom Kaukasus belegen war. Aus diesem Grunde ist nicht daran zu denken, dass die Herrschaft der Alanen sich bis auf Kertsch, wie einige Historiker anzunehmen geneigt sind, erstreckte. Wie weit zog sich aber Alanien nach Norden hin und welche Völker hatte es im Norden und im Osten zu Nachbarn?

Cap. 36 p. 166: ἀπόκισται δὲ ἡ Πατζινακία ἐκ μὲν Οὐζίας και Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ. . . Also nur 6 Tagereisen von Alanien entfernt lag das Land der Petschenegen.

Cap. 10 p. 80: Ὅτι οἱ Οὐζοὶ δύνανται πολεμεῖν τοὺς Χαζάρους ὡς αὐτοῖς πλησιάζοντες. ὁμοίως και ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας, ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, και δύναται ὁ Ἀλανός, εἰ ἄρα και βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν και μεγάλην βλάβην και ἔνδειαν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν· ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα κλιμάτων τούτων ἡ πᾶσα ζωὴ και ἀφθονία τῆς Χαζαρίας κατέστηκεν. Demnach stösst an Alanien östlich das Land der Chasaren mit neun seiner Bezirke. Die Grenze zwischen diesen Gebieten dürfte also von beträchtlicher Ausdehnung gewesen sein.

Cap. 11 p. 80: Ὅτι τοῦ ἐξουσιοκράτορος Ἀλανίας μετὰ τῶν Χαζάρων μὴ εἰρηνεύοντος, ἀλλὰ μάλλον προτιμωτέραν τιθεμένου τὴν φιλίαν τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, ἐὰν οἱ Χάζαροι οὐ βούλωνται τὴν πρὸς τὸν βασιλέα φιλίαν και εἰρήνην τηρεῖν, δύναται μεγάλως αὐτοὺς κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων και ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ και τὰ Κλίματα και τὴν Χερσῶνα. και εἰ ποιήσεται σπουδῆν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτοῦς, μεγάλης και βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν και τὰ Κλίματα·

φοβούμενοι γὰρ οἱ Χάζαροι τὴν τῶν Ἀλανῶν ἐπίθεσιν, καὶ μὴ εὐρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλίμασιν ὡς μὴ πρὸς ἀμφοτέρους ἐν ταύτῳ πολεμεῖν ἐξισχύοντες, εἰρηνεύειν ἀναγκασθήσονται. Wenn die Alanen den Chasaren den Weg nach Taurien und selbst nach Sarkel zu verlegen im Stande waren, so muss ihr Gebiet von nicht geringem Umfange gewesen sein und ziemlich weit nach Norden bis zum Asow'schen Meere bis in die Nachbarschaft von Sarkel gereicht haben.

Ich resümire: Nach Konstantin's klarem und ausführlichem Zeugniß zu urtheilen, grenzte Alanien im Westen ans Asow'sche Meer, Tamatarcha, Zichien und Kasachien, stiess im Osten seiner ganzen Breite nach an Chasarien und reichte nördlich bis in die Nachbarschaft von Petschenegien. Der Schluss liegt auf der flachen Hand: Konstantin's ἡ μαύρη Βουλγαρία ist vom Kubangebiet mit völliger Sicherheit auszuschliessen. Auch das Königsschreiben, welches viele Stämme des nordwestlichen Kaukasus aufzählt, schweigt gänzlich von Bulgaren im Kubangebiet. Die russische Chronik kennt hier Jassen, Kassogen und Chasaren, nicht aber Bulgaren. In Jahre 965 kämpft Swjatoslaw mit Chasaren, Jassen (Alanen) und Kassogen (Tscherkessen). Im 11. Jahrh. geschieht der Taman'schen Chasaren zweimal Erwähnung a. 1023 und 1083. Hieraus folgt, dass Bulgaren hier nicht mehr existirt haben. Somit ist Konstantin's Schwarzbulgarien, das auch im Cap. 12. p. 81 als ein dem Chasarenreiche benachbartes Land auftritt: *περὶ τῆς μαύρης Βουλγαρίας καὶ Χαζαρίας* (Ueberschrift). Ὅτι καὶ ἡ μαύρη λεγομένη Βουλγαρία δύναται τοῖς Χαζάροις πολεμεῖν, — anderswohin zu verlegen.

Fassen wir nochmals das 11. Kapitel und zwar folgende Stellen in's Auge: . . . ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. . . μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλίματα. . . Im zweiten Falle konnte Sarkel natürlich nicht wiederholt werden, da Sarkel den Chasaren gehörte. Das Fehlen von Bosphoros in beiden Sätzen, obgleich die Ueberschrift des 11. Cap. *περὶ τοῦ κάστρου Χερσῶνος, καὶ τοῦ κάστρου Βοσπόρου* lautet, fällt auf. Aus der Nichterwähnung von Bosphoros sind wir berechtigt den Schluss zu ziehen, dass Bosphoros eine chasarische Besetzung war, während die Namhaftmachung von Cherson und Klimata dafür sprechen, dass Cherson und Klimata den Griechen gehörten. Von Cherson wissen wir das mit Bestimmtheit. In Konstantin's Werke de thematibus wird Cherson als 12. Thema des Reiches, mit einem byzantinischen Kommandanten an der Spitze, aufgeführt. In welchem Abhängigkeitsverhältniss aber Klimata zu Byzanz stand, ist nicht festzustellen. Die politischen Verhältnisse in Taurien sind so verwickelt, dass wir uns kein richtiges Bild von der rechtlichen Stellung der dortigen Gebiete machen können. Schenken

wir den Mittheilungen im Königsschreiben Glauben, so zinsten alle Städte an der Krim'schen Südküste den Chasaren. Folgen wir der russischen Chronik, so hatte auch Igor in Taurien Fuss zu fassen gesucht und Kriege geführt. Es ist freilich ganz verständlich, dass die südlichen Gestade der taurischen Halbinsel zwischen drei Einflüssen: Byzanz, Chasarien und Russland, hin und her schwankten. Was Russland betrifft, so ist auf's energischste zu betonen, dass es sich vor 965 an der Meerenge von Kertsch noch nicht festgesetzt hatte, trotz der in der zweiten Hälfte dieses Jahrhunderts in Historiker-Kreisen aufgekommenen Legende von einer sogen. Tschernomorskaja Russj (Pontusrussen) am Kimmerischen Bosporos. Keine einzige zeitgenössische Quelle (Konstantin, Joseph, Massudi und die übrigen orientalischen Schriftsteller) weiss etwas von Russen sei es in Tamanj, sei es in Kertsch, vor 965.

Die Entstehung der Mythe hinsichtlich der Pontusrussen am Kimmerischen Bosporos ist durch zwei Umstände zu erklären. Erstens verlegen die meisten Forscher irriger Weise Schwarzbulgarien an den Kuban. Da sich im Vertrage von 944 die Russen verpflichten, Einfälle der Schwarzen Bulgaren ins Cherson'sche Gebiet zu verhindern, so nahm man an, dass die Russen die Meerenge von Kertsch beherrschten. Zweitens lässt Leo Diaconus den Tzimiskes den Grossfürsten Swjatoslaw daran erinnern, dass sein Vater Igor μόλις σὺν δέκα λέμβοις ἐς τὸν Κιμμέριον ἀφίκετο Βόσπορον (ed. Bonn. p. 106). Auf diese vereinzelte Bemerkung eines Schriftstellers, welcher Ende des X. Jahrhunderts sein Werk verfasste, eine Bemerkung, die blos die Wegrichtung andeutet und eine unsichere Grundlage bietet, stützen die Gelehrten ihre Behauptung von der Existenz der Pontusrussen. Wie schwankend und wenig Vertrauen erweckend obige Aeusserung des Leo Diaconus ist, beweist eine andere Stelle bei demselben Schriftsteller auf S. 129, in der es heisst, dass Tzimiskes seine Flotte in den Ister (972) einlaufen liess, um den Russen den Rückzug ἐς τὴν σφῶν πατρίδα... καὶ τὸν Κιμμέριον Βόσπορον abzuschneiden. Den Rückweg, welchen Igor im J. 941 (nach Leo Diaconus) einschlug, können wir nicht kontrolliren. Dagegen wissen wir sehr wohl, dass Swjatoslaw an der Mündung des Dnjepr überwinterte und bei den Stromschnellen mit seinen Mannen erschlagen wurde. Wie sollte Tzimiskes darauf kommen, Swjatoslaw nach dem feruen kimmerischen Bosporos absegeln, statt die directe Route nach Russland einschlagen zu lassen? Der kimmerische Bosporos scheint bei Leo Diaconus eine Art stehender Phrase oder Redefigur zu sein, wenn es sich um die Heimath der Russen handelt. Er scheint den kimmerischen Bosporos, die Meerenge von Kertsch als den einzigen oder hauptsächlichen Weg, der nach Russland führt, zu betrachten. Wie dem auch sei, eine zwingende Beweiskraft für die Existenz der Pon-

tusrussen hat Leo Diaconus nicht. Aus Massudi's Bericht über den Russenzug vom J. 913/914 erhellt, dass jedenfalls um diese Zeit die Meerenge im chasarischen Besitze war.

Was den Vertrag von 944 betrifft, so sind für unsere Zwecke zwei Stellen in demselben von besonderer Wichtigkeit. Die eine Stelle hinsichtlich der Verpflichtung der Russen, die Schwarzen Bulgaren von Plünderungen des Cherson'schen Gebietes abzuhalten, wurde bereits oben erwähnt. Die andere bezieht sich auf das Versprechen der Chersoniten den Russen im Kriege (gegen die Chasaren?) Beistand zu leisten. Was aber den Passus anlangt, dass die Russen sich keine Gewalt über Cherson und die Städte daselbst anmassen sollen, so sind unter letzteren natürlich die im Chersonschen Gebiete belegenen Castelle (τὰ κάστρα τῆς Χερσῶνος) zu verstehen.

Die Schwarzen Bulgaren im Vertrage von 944 müssen sich mit Konstantin's Bewohnern von Schwarzbulgarien decken. Sie können entweder in Taurien selbst oder nördlich davon zu Hause gewesen sein. Der im Vertrage gebrauchte Ausdruck kann verschieden gedeutet werden: der Grossfürst soll nicht zulassen oder nicht gestatten, abhalten oder verhindern, dass die Bulgaren das Chersonsche Gebiet verheeren. Es kann die Sache sowohl so verstanden werden, dass der Grossfürst die Zugänge zu Cherson in seiner Gewalt hatte, als auch dass er die Oberherrschaft über die Bulgaren ausübte und daher das Recht besass, ihnen zu gebieten und zu verbieten.

Im Vertrage von 972 verpflichtet sich der Russenfürst gleichfalls das Gebiet der Chersoniten nicht zu behelligen; von den Schwarzen Bulgaren ist aber da nicht mehr die Rede.

Aus beiden Verträgen geht unzweideutig hervor, dass die Grossfürsten von Russland in dem Zeitraum von etwa 944—972 Cherson hart bedrängten. Aber nach Konstantin (um 950) und nach Joseph (um 960) zu urtheilen, besaßen sie um die genannte Zeit weder die Südküste von Taurien noch die Halbinsel Tamanj. Erst im J. 965 drang Swjatoslaw nach Eroberung von Sarkel bis nach Tamanj vor. Dieser merkwürdige, die Chasarenmacht untergrabende Vorstoss des Grossfürsten in so entlegene Gegenden dürfte mit mancherlei, unserer Kenntniss sich entziehenden Umwälzungen in der Krim zusammenhängen. Seit dieser Zeit, besonders aber seit 969, als die Russen Itil und Semender von Grund aus zerstörten, lag das einst mächtige Chasarenreich kraftlos darnieder und war sein Einfluss auf Taurien gebrochen. Im Jahre 989 bemächtigt sich Wladimir Cherson's, dieses gewaltigen Bollwerks des Griechenthums in der Krim. Vor oder nach dem Falle von Cherson wird auch der grösste Theil der Südküste in den Besitz der Russen übergegangen sein. Nach Annahme des Christenthums und nach seiner Verschwägerung mit den byzantinischen Kaisern erstattete der Russen-

fürst Cherson und wohl auch die übrigen eroberten Städte, vielleicht nur Kertsch ausgenommen, den Griechen zurück. Im Jahre 1016 erlagen die letzten Reste der chasarischen Besitzungen in Taurien dem vereinten Angriffe der Griechen und Russen.

Die astronomischen Angaben.

Die astronomischen Angaben als solche sind nicht ganz klar, und bot die Eruirung dessen, was eigentlich im Text steht, nicht geringe Schwierigkeiten. Dass ich, wie ich zuversichtlich hoffe, derselben Herr geworden bin, verdanke ich in erster Reihe der Güte des Prof. W. Wislicenus in Strassburg. Denn erst infolge einer eingehenden Correspondenz mit dem genannten Astronomen und seiner ausführlichen Auseinandersetzungen, welche mich veranlassten mich immer mehr in den griechischen Text zu vertiefen, kam ich zur Einsicht, dass *περι μέσας νύκτας* nicht in die astronomischen Angaben hineingehört, da sie sich nur unter dieser Bedingung mit einander in Einklang bringen lassen. Die Unmöglichkeit, die astronomischen Daten mit *περι μέσας νύκτας* zu vereinigen, führten W. Wislicenus auch anfänglich auf den Gedanken, dass es sich im gegebenen Falle nicht um eine wirklich am Himmel angestellte Beobachtung, sondern um eine astrologische Combination auf Grund von fehlerhaften Tabellen handele. Prof. Wislicenus war der erste, welcher betonte, dass *ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος* den astronomischen Winter, also die Zeit vom Wintersolstiz bis zum Frühlingsaequinox, kennzeichnet. Dieses veranlasste mich, mich nach St. Petersburg an das physikalische Hauptobservatorium mit der Bitte um Mittheilungen über das Zufrieren des Dujep^r zu wenden. Die mir freundlichst ertheilte Auskunft stimmt auf's beste mit «den winterlichen Zeichen» zusammen. Dank den Kenntnissen, mit denen mich Prof. Wislicenus durch seine Erörterungen ausgerüstet hatte, war ich im Stande Dr. Seydler's Resultate selbst zu prüfen. Dabei erwies es sich, dass dessen astronomische Ergebnisse unhaltbar sind. Der Strassburger Astronom bestätigte meine Vermuthung. Derselben Ansicht schliesst sich auch Dr. Seyboth in Pulkowa an. Zugleich ist zu bemerken, dass Seydler's Resultate uns in der Fassung des Historikers Prof. Pič' vorliegen, so dass mir ein Versehen seitens des Letzteren nicht ausgeschlossen erscheint. Es lassen sich mit Leichtigkeit einige Fehlerquellen bei Dr. Seydler nachweisen.

Seydler lässt die Beobachtung um Mitternacht stattfinden, während schon Wassiljewskij, sich nur an den griechischen Text haltend, darauf hinwies, dass die Beobachtung am Abend vor Mitternacht angestellt worden sein müsse. Zu dieser Ueberzeugung war Wassiljewskij gekommen, obgleich ihm der Sinn des Satzes τοῦ πρώτου τῶν ἄστρων ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιοῦντος, nach seiner Verdolmetschung (als der erste der Sterne sich schon in der abendlichen Phase befand) zu urtheilen, unverständlich geblieben zu sein scheint.

Seydler hat die Zeit des Zufrierens des Dnjepr nicht gekannt.

Laut Angaben aus dem St. Petersburger physikalischen Observatorium sub № 2385 (datirt vom 21. August 1898) überzieht sich der Dnjepr mit einer Eisdecke bei der Lotzmanskaja Kamenka (oberhalb der Dnjepr-Fälle), vom Jahre 1862 bis zum Jahre 1898 gerechnet, durchschnittlich am 21. December und bei Cherson unweit der Dnjepr-Mündung, nach Beobachtungen vom Jahre 1848 an, im Durchschnitt am 20. December (nach Julianischem Styl). Rechnen wir diese Angaben für die in Frage kommende Zeit um, so erhalten wir die Zeit vom 27—29. December. Nach Ansicht der Meteorologen hat sich das europäische Klima in historischer Zeit nicht merklich verändert. Somit dürfte der Toparch am Wahrscheinlichsten Ende December oder am Anfange des Januar-Monats über den Fluss gesetzt sein.

Prof. A. Kononowitsch in Odessa und Dr. Seyboth in Pulkowa meinten im Gegensatz zu Prof. Wislicenus, der Ausdruck ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος sei vielleicht nur eine volltönende Umschreibung für den bürgerlichen Begriff «Winter» und wir wären somit nicht nothwendig an die Zeit nach dem Wintersolstiz gebunden. Sie kannten nicht die Stelle im zweiten Fragment, welche die Frage zu Wislicenus' Gunsten entscheidet.

Seydler versteht unter den «Anfängen des Wassermannes» ϵ und μ dieses Sternbildes. Wie man aber auch den Satz καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου auffassen mag, so sind darin Alle einig, dass es sich hier um den Durchgang des Saturn durch den Wassermann handelt. Es fragt sich nur, wo, an welcher Stelle des Sternbildes, geschah das? «Selbstverständlich kann unter den «Anfängen», schreibt Seyboth am 4. März 1899 aus Pulkowa, hier nicht der wirkliche astronomische Anfang des Sternbildes, d. h. die Gegend bei ϵ Aquarii verstanden werden, da der Saturn in Folge der geringen Neigung seiner Bahnebene gegen die Ekliptik nie dorthin gelangen kann. Es bleibt somit nur übrig an die Stelle zu denken, an welcher τ wirklich in das Sternbild eintritt, d. h. die Gegend bei ι Aquarii.» Nachdem ich Dr. Seyboth die andere Deutung des betreffenden Satzes καὶ γὰρ ἔτυχε etc. mitgetheilt hatte, wonach sich ὑδροχόου nicht auf das entferntere

τὰς ἀρχάς, sondern unmittelbar auf das vorangehende δῖόν bezieht (also «durchgehend durch den Wassermann»), erhielt ich folgende Antwort vom 16. März 1899: «Ein besonderer Terminus «Anfang eines Sternbildes» existirt in der Astronomie nicht. Der Anfang ist aber in derjenigen Rectascension oder Länge anzunehmen, in welcher die ersten vorangehenden Sterne des Bildes liegen, also hier die Gegend von ε Aquarii. Da aber ζ immer bei ι Aquarii in den Wassermann eintritt, so ist der zweiten Auffassung des Textes (der Saturn befand sich am Anfange seiner Durchgangsbahn durch den Wassermann) der Vorzug zu geben. Ob aber der Chronist beim Schreiben seines Berichts wirklich den Unterschied dieser beiden Auffassungen im Auge gehabt und unter den «Anfängen» nicht einfach die ungefähre Grenze des Sternbildes gemeint hat? Jedenfalls kann hier nur die Gegend beim ι in Betracht kommen». Aehnlich äussert sich auch Kononowitsch im Schreiben vom 14. März 1898, indem er unter den Anfängen des Wassermannes die ganze westliche Grenze des Sternbildes versteht. Die andere Auslegung der Stelle kannte Kononowitsch nicht.

Nach Aufdeckung aller Fehlerquellen ist der Werth der Seydler'schen Berechnung für die chronologische Fixirung unserer Fragmente leicht zu bemessen. Sein Resultat ist folgendes: «zu Ende des Jahres 961 ging . . . der Saturn mit der Sonne auf und unter und war demnach nicht zu sehen; im November 991 ging er jedoch um Mitternacht unter». Schon oben erwähnte ich Prof. Wislicenus' Aeussereung über diese Berechnung. In dem abfälligen Urtheil stimmt auch J. Seyboth mit dem Strassburger Astronomen vollkommen überein. «Seydler's Rechnung ist werthlos, sagt er, weil jedes Detail fehlt . . . Sie haben sie ja auch jetzt nicht mehr nöthig».

Es könnte Jemand auf den Gedanken kommen, dass unter ὑδροχόος möglicher Weise nicht das Sternbild, sondern das Zeichen desselben gemeint sei. Alle Umstände jedoch sprechen entschieden für eine unmittelbare Himmelsbeobachtung, mit anderen Worten für das Sternbild, nicht aber für das Zeichen desselben. Die astronomischen Angaben werden auf einer beschwerlichen Reise in den öden Pontussteppen zur Winterzeit gemacht. Was ist da natürlicher als ein Ausschauen nach dem Himmel, um das Wetter zu bestimmen? Der Anführer der Karawane schloss auf das Nahen eines drohenden Unwetters und bewog seine Begleiter die Weiterreise aufzuschieben. Der prophezeite Schneesturm traf auch wirklich um Mitternacht ein. Vergl. dazu Seyboth's Aeussereung: «Das Sternbild des Aquarius und das Zeichen ♒ fielen in jenen Zeiten zu zwei Dritteln zusammen. (Jetzt liegt das Zeichen fast ganz im Sternbild Capricornus). Jedenfalls handelt es sich um das Sternbild, da das Zeichen in keiner Weise am Himmel markirt ist und ein riesiges Zahlengedächtniss (man müsste die Längen aller in der Nähe liegender Sterne

auswendig kennen) und Orientirungsvermögen vorausgesetzt werden müsste, wenn man sich einen bestimmten Bogen der Ekliptik am Himmel construiren wollte». Ebenso kategorisch hat sich Prof. Kononowitsch ausgesprochen. Auch darin stimmen beide Astronomen vollständig mit einander überein, dass die Grenze zwischen den Sternbildern keine bestimmte geometrische Linie ist, welche selbst auf neuen Karten verschiedener Autoren verschieden gezogen wird.

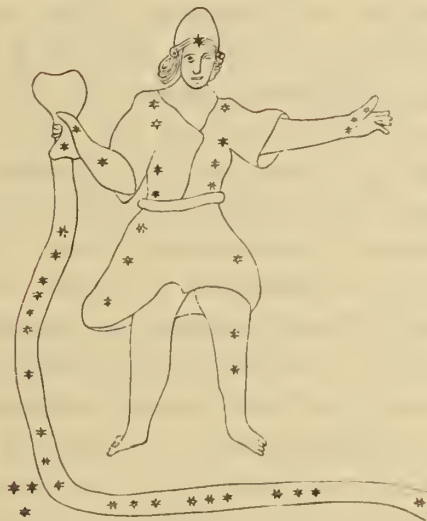
Seydler weicht darin von den genannten Astronomen ab, dass er unter «den Anfängen» die Gegend bei ϵ und μ Aquarii, wohin aber, wie gesagt, der Saturn nie gelangen kann, versteht, während nach Seyboth und Kononowitsch nur die Stelle, wo der Saturn in's Sternbild (bei ι Aquarii) eintritt, in Frage kommt.

«Hinsichtlich der betreffenden Himmelsgegend, schreibt mir Kononowitsch, kann man sagen, dass ι Aquarii zweifellos im Sternbilde des Wassermannes, δ und γ Capricorni im Sternbilde des Steinbockes liegen, und dass man, wenn der Saturn links (östlich) von δ und γ Capricorni ist, behaupten darf, er trete in das Sternbild des Wassermannes ein.» Vergl. damit Seyboth's Erörterungen: «Aber bis auf welche Entfernung vor oder nach diesem Sterne (ι Aquarii) sind die «Anfänge» zu rechnen? Bei der langsamen Bewegung des Saturn ist diese Frage von wesentlicher Bedeutung und könnte zur Klippe werden, an welcher die Eruirung des gesuchten Zeitpunktes scheitert. Bei alledem muss noch, wenn anders die Angaben nicht jeden Werth verlieren sollen, vorausgesetzt werden, dass der griechische Reisende eine so genaue Kenntniss des Himmels besass, wie sie heutzutage nur wenige Astronomen haben dürften. Die relativ schwachen und wenig in die Augen fallenden Sterne des Aquarius und Capricornus lassen sich nur schwer auseinanderhalten und Verwechslungen sind nicht leicht zu vermeiden. Nun ist es aber wohl möglich, dass er sich als mnemotechnischen Hilfsmittels zur Orientirung der Figur bedient hat, durch welche seit uralten Zeiten die helleren Sterne des Aquarius zusammengefasst sind. Um mich zu überzeugen, ob auch schon damals die jetzt zum Sternbilde gezählten wichtigeren Sterne, insbesondere der Stern ι , im Bereiche der Figur lagen, habe ich einen Sternkatalog aus der Mitte des zehnten Jahrhunderts des persischen Astronomen Abd-al-Rahmen al-Sûfi (herausgegeben von Schjellerup, St. Petersburg 1874) consultirt und lege Copieen von zwei dort befindlichen Zeichnungen bei. Bei der einen, welche sich in einem St. Petersburger Manuscript des Katalogs findet, habe ich die arabischen Bezeichnungen der Sterne durch die jetzt gebräuchlichen ersetzt. Die andere Zeichnung ist nach einem Kopenhagener Manuscript aus dem Jahre 1601, welches die Aufschrift eines Manuscripts von 1013 sein soll. In der That

ist in beiden Zeichnungen : Aquarii innerhalb der Figur und in dieser Beziehung ein Zweifel also nicht möglich.

Die jetzt übliche Abgrenzung der Sternbilder durch unregelmässige

Linien, die erst nach Entdeckung der telescopischen Sterne aufgekommen ist und bei den verschiedenen Kartographen auch verschieden verläuft,

entbehrt jeder Bedeutung, und es wäre Unfug, wenn man . . . diese Grenze auf den Karten eintragen und für den Durchschnitt derselben mit der Saturnsbahn ein genaues Datum herausinterpoliren wollte.»

«Was nun meine Rechnungen anbetrifft (schreibt J. Scyboth), so habe ich, wie ja nicht anders möglich war, im Allgemeinen den von Wislicenus angedeuteten Weg befolgt. Die heliocentrischen Saturnsörter l , b , r wurden aus den Leverrier'schen Tafeln ermittelt, wobei die saeculären Glieder, die grosse Ungleichheit von langer Periode und das Hauptglied der periodischen Jupiterstörungen Berücksichtigung fanden. Mit den aus Leverrier's Sonnentafeln entnommenen Sonnenkoordinaten L und R wurden dann die heliocentrischen Oerter in geocentrische Längen und Breiten λ , β nach den Formeln

$$\begin{aligned}\rho \cos \lambda \cos \beta &= r \cos l \cos b + R \cos L \\ \rho \sin \lambda \cos \beta &= r \sin l \cos b + R \sin L \\ \rho \sin \beta &= r \sin b\end{aligned}$$

verwandelt und diese darauf in Rectascensionen und Declinationen α , δ nach den Formeln

$$\begin{aligned}\cos \alpha \cos \delta &= \cos \beta \cos \lambda \\ \sin \alpha \cos \delta &= \cos \beta \sin \lambda \cos \varepsilon - \sin \beta \sin \varepsilon \\ \sin \delta &= \cos \beta \sin \lambda \sin \varepsilon + \sin \beta \cos \varepsilon,\end{aligned}$$

in welchen ε die Schiefe der Ekliptik bedeutet, umgerechnet. An die so berechneten Coordinaten wurde dann noch die Reduction auf das gewählte Aequinoctium, für welches die Sternkarten gelten, angebracht. Um nicht mit zu grossen Reductionen zu rechnen, habe ich die beiliegenden Karten für zwei verschiedene Aequinoctien gegeben. Die drei ersten Durchgänge des Saturn durch das Sternbild beziehen sich auf die mittlere Lage des Aequators am Anfange des Jahres 900, die folgenden auf die des Jahres 1000. Alle Durchgänge sind einander sehr ähnlich. Immer passirt Saturn etwas nördlich vom Sterne ι in den Aquarius, immer wird er im Mai oder Juni stationär und dann rückläufig, um im October wieder die rechtläufige Bewegung anzunehmen. Für die zunächst in Betracht kommenden Daten Dec. 1, Jan. 1 und Febr. 1 habe ich die Saturnsörter unwesentlich schärfer gerechnet, als für die übrigen Daten, doch ist die Genauigkeit der letzteren noch immer mehr als hinreichend für die graphische Darstellung. Diesen Unterschied in der Genauigkeit habe ich auf den Karten durch ausgezogene und gestrichelte Linien angedeutet. Ueberhaupt für die Sommermonate ebenfalls die Saturnsörter zu rechnen erschien mir nothwendig, um ein zusammenhängendes, übersichtliches Bild der Bahn des Planeten zu gewinnen.

Die Auf- und Untergänge des Saturn und der Sonne habe ich für die wichtigeren Daten gerechnet, und zwar für die Breite von Jekaterinoslaw ($\varphi = 48^\circ 28'$; $\lambda = 2^h 20^m.6$ östlich von Greenwich $= 2^h 11^m.2$ östlich v. Paris). Für Orte, die nur wenig nördlich oder südlich von Jekaterinoslaw liegen, werden sich die angegebenen Zeiten nur ganz unbedeutend ändern. Für Cherson in der Breite $46^\circ 15'$ (roh einer Karte entnommen) erfolgen die Untergänge 4^m bis 7^m später, je nach der jedesmaligen Declination des Saturn oder der Sonne. Die Stunden sind astronomisch von Mittag zu Mittag gezählt und müssten deshalb eigentlich auch doppelte Daten stehen, weil die Aufgänge auf das vorhergehende Datum fallen. Da hier aber nur die Untergänge von Interesse sind, so habe ich nur für diese die Daten angesetzt.

Die «winterlichen Zeichen» Steinbock, Wassermann und Fische umfassen die Grade 270° — 360° der Ekliptik und gehen also vom Wintersolstiz bis zum Frühlingsaequinox. Das Wintersolstitium (Länge der $\odot = 270^\circ$) trat im Jahre 900 Dec. 17 und im Jahre 1000 Dec. 16 ein. (Alle Daten natürlich immer nach altem Stil).

Mit den beiliegenden Karten und Zahlen ist meiner Ansicht nach die Sache astronomisch vollständig erschöpft.

Ich lasse nun einige kurze Bemerkungen zu den einzelnen Karten folgen.

‡ 873—875. Auf dieser Karte allein ist die Ekliptik eingetragen, um die Lage derselben zu zeigen. 874 Dec. 1 befand sich ‡ dicht bei ι Aquarii und ging um $8^h 37^m$ unter, $4\frac{1}{2}$ Stunden nach der $\odot$.» Zu Beginn des Winters aber, am 17. Dec. 874 war der Saturn schon in einiger Entfernung von ι . Doch es lohnt nicht die Mühe, sich bei diesem Durchgang des Saturn aufzuhalten, da er, weil auf die Zeit vor Oleg fallend, bei der Untersuchung unserer Fragmente gar nicht in Betracht kommen kann.

« ‡ 903—904. Für diesen Durchgang habe ich mich mit den drei eingetragenen, scharf gerechneten Oertern begnügt, weil der weitere Verlauf der Saturnsbahn aus der völlig einwandfreien Kononowitsch'schen Karte ersichtlich ist. Dass das Gradnetz dort ein modernes, ist ganz irrelevant, weil K. offenbar die Saturnsörter auf das Aequinoctium dieser Karte reducirt hat.» Da Seyboth auf das Kärtchen von Prof. Kononowitsch verweist, so hielt ich es der Vollständigkeit wegen für geboten, dasselbe zu reproduciren (wobei ich die russischen Bezeich-

nungen durch deutsche ersetzt habe) und sie den übrigen Karten beizufügen. «Ob dieser Durchgang noch in Betracht kommt, weiss ich nicht zu sagen.» Auch mir erscheint das sehr zweifelhaft, da der Saturn erst gegen die Mitte des Januar 904 in das Sternbild eintritt; am 15. Januar 904 aber geht die Sonne (für die Breite $\varphi = 48^{\circ} 28'$) um $4^h 38^m$ unter, der Saturn dagegen um $5^h 43^m$, also nur 1 Stunde und 5 Minuten später; so dass es sehr fraglich erscheint, ob er noch vom Toparchen am Abend hat erblickt werden können. Da es andrerseits vom rein historischen Standpunkt höchst unwahrscheinlich ist, dass sich unsere Bruchstücke auf die Zeit vor 906 beziehen, so dürfen wir wohl von diesem Durchgang ganz absehen. Nebenbei bemerke ich, dass auch Hase's palaeographische Bestimmung jedenfalls auf eine viel spätere Zeit hindeutet.

« † 931—934. Versehentlich sind hier drei überflüssige Oerter (ein Jahr zu früh) gerechnet, aber ebenfalls eingetragen. Zwischen 932 Februar 1 und December 1 erfolgt eine ähnliche Schleifenbildung wie weiter hin. 933 December 1 befand sich † schon hinter ι Aqu. innerhalb des Sternbildes». Wenn selbst Seyboth, welcher es für möglich hielt, dass das fragliche Datum auch ganz gut vor dem 17. resp. 16. December liegen könnte, diesen Durchgang unberücksichtigt lassen will, so kommt er zweifellos in Fortfall, da ich nachgewiesen habe, dass die «winterlichen Zeichen» streng astronomisch aufgefasst werden müssen. Am 17. Dec. (der äussersten Zeitgrenze) war der Saturn von ι Aquarii schon weit fortgerückt. Mit Igor's Regierung also steht der Bericht des Toparchen in keinerlei Zusammenhange.

« † 961—963. 963 Januar 1 befand sich † gerade an der Grenze des Sternbildes, ging aber schon um $6^h 37^m$, $2\frac{1}{4}^h$ nach der Sonne unter». (Auch hier sind einige Oerter zu viel gerechnet). Da nach Seyboth ein scharfes Auge den Saturn, wenn er eine Stunde nach der Sonne untergeht, am Himmel erspähen kann, so muss der Planet am 1. Januar 963 Abends geraume Zeit vor seinem Untergange sichtbar gewesen sein. (Vollmond war am 12. Jan.). Der Dnjepr friert durchschnittlich Ende December zu; seine Eiskecke erlangt aber die nöthige Festigkeit gewöhnlich einige Zeit nach dem Gefrieren des Stromes. Auch mit den «winterlichen Zeichen» steht der 1. Januar im besten Einklang. Zugleich sei daran erinnert, dass vom historischen Standpunkte die Epoche

von ca. 940—989 oder 950—969 und weiter 960—965 sich als diejenige Zeit herausgestellt hat, in welcher sich die in den Fragmenten beschriebenen Ereignisse am wahrscheinlichsten abgespielt haben. (Da der Saturn in 29 Jahren 166 Tagen die Sonne umkreist, so kommt die zwischen 933, 934 und 962, 963, sowie die zwischen 962, 963 und 992, 993 liegende Zeit gar nicht in Frage). Zugleich möchte ich betonen, dass die hervorragendsten Historiker, die sich mit unseren Fragmenten beschäftigt haben, wie Kunik, Gedeonow, Wassiljewskij, sie mit der Regierung Swjatoslaw's in Verbindung bringen, obgleich diese drei Gelehrten hinsichtlich vieler wichtiger Fragen aus der altrussischen Geschichte weit auseinandergehen und im gegenwärtigen Falle von verschiedenen Gesichtspunkten sich leiten liessen.

« † 990—993. Dieser Durchgang kommt wohl kaum in Betracht, weil zu Anfang der Jahre 992 und 993 † von der Grenze des Aquarius recht weit entfernt war. Zwischen 992 März 1 und December 1 tritt eine Schleifenbildung in der Bahn ein». (Auch hier sind viele Oerter—ein Jahr zu früh—überflüssig gerechnet). Dass dieser Durchgang in Fortfall kommt, lehrt ein flüchtiger Blick auf die Karte. Ich möchte auch an dieser Stelle daran erinnern, dass unsere Quelle nicht die leisesten Anspielungen auf die Vorgänge des J. 989 enthält.

« † 1020—1022. † trat in der zweiten Hälfte des December 1021 in das Sternbild ein und ging um etwa $7\frac{1}{4}^{\wedge}$ unter, etwa $3^{\wedge}$ nach der Sonne». Schon früher wies ich darauf hin, dass sich im J. 1016 Griechen (und Russen) in den Besitz der ganzen taurischen Küste setzten und dass sich daher die Fragmente nicht auf die Folgezeit beziehen können.

Das Resultat, zu dem wir bisher gelangt sind, ist ein überaus befriedigendes, da in dem weiten Zeitraum von Mitte Januar 904 (resp. von der zweiten Hälfte des December 874, da der Durchgang 903—904 kaum in Betracht kommt) bis Mitte December 1021 der Saturn die im ersten Fragment angegebene Constellation nur einmal und zwar Anfang Januar des Jahres 963 aufwies. Damit dürfte das Räthsel, welches die Forscher so lange gequält hat, für alle Zeit gelöst sein.

Aus Neugier und der Vollständigkeit wegen bat ich den Astronomen J. Seyboth noch die folgenden Durchgänge des Saturn bis in das 12. Jahrhundert hinein zu berechnen.

« † 1050—52 } Von diesen Durchgängen kommt wohl nur der mitt-
 † 1080—82 } lere (1080—1082) in Betracht, bei welchem sich
 † 1109—11 } † Mitte December 1080 in der Nähe von Aquarii
 befindet. — Anfang 1080 befand er sich ungefähr an der mit X
 bezeichneten Stelle.» Um 1080 hausten im Süden von Russland
 die hier unlängst erschienenen Kumanen (Polowzer), welche auf
 keine Weise mit den «Barbaren» der Fragmente identificirt
 werden können. Auch gehörte um diese Zeit die südliche Küste
 von Taurien (jedenfalls von Cherson bis Sudak) den Griechen. Es
 bleibt also nur das Jahr 963 übrig.

Ergänzungen

zu

„Fragmente des Toparcha Gothicus.“

Bruun's Aufsätze sind fast völlig unverändert wiederabgedruckt in seinem Sammelwerk «Tschernomorje», erschienen in Odessa, Theil I 1879, Theil II 1880.

Auf die Bruchstücke unseres Anonymus Tauricus wird noch in folgenden Abhandlungen Bezug genommen.

Die letzten Schicksale der Krimgoten von F. Braun im Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889—1890. St. Petersburg 1890, p. 18—20 und p. 79 im Nachtrage zu Seite 19. (Siehe unten). Für die gütige Zusendung eines Privat-Exemplars des vergriffenen Jahresberichtes sage ich Herrn Director Lange meinen besten Dank.

Referat über Dr. Kuhn's mündlichen Vortrag: «Ueber neuere Forschungen zur Geschichte der Gothen in der Krim» in der Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1891 № 336, München, Freitag, 4. December. Beilage-Nummer 284, p. 7: (Die Krimgothen) verbinden sich im zehnten Jahrhundert mit dem Ros' («Russen»).

Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere von Dr. Richard Loewe, Halle 1896, p. 217—218.

Der Nachtrag zu S. 19 in Braun's Abhandlung ist für mich insofern von grossem Interesse, als Kunik hier seine nachherige Auffassung der Fragmente klar ausdrückt und es mir hierdurch möglich macht, nachzu-

weisen, wie er dazu kommt, die wohlbegründeten Resultate seiner umfangreichen schönen Arbeit vom Jahre 1874 aufzugeben.

«Herr Akademiker Kunik, dem ich manche Anregung und manchen nützlichen Fingerzeig zu verdanken habe, sagte mir vor einigen Tagen, als der zweite Bogen meiner Schrift bereits gedruckt war, dass er seine Ansicht über die «Barbaren» der «Memoiren eines gothischen Toparchen» und über den «Herrscher im Norden der Donau» schon längst geändert habe. In den Barbaren ist er geneigt, einen Zweig der Normannen, die sogenannten asow'schen Ros zu sehen, welche ein Flibustiercorps bildeten und über deren Treiben die Orientalen manche Nachricht enthalten. Dieselben hatten zwar in der ersten Hälfte des X. Jahrhunderts das Christenthum angenommen, da dasselbe ihnen aber bei ihren Raubzügen unbequem wurde, und die christliche Geistlichkeit wohl gar zu sehr gegen letztere eiferte, so gaben sie den christlichen Glauben wieder auf und gingen unter dem Schutze des Schahs von Chawaresmien zum Islam über. Es ist dies das einzige Beispiel, dass ein germanischer Stamm sich zum muhammedanischen Glauben bekannt!» Vergl. damit Kunik's Aeußerung vom 30. December 1876 (Briefwechsel zwischen Akademiker Kunik—St. Petersburg und W. von Gutzeit—Riga in den Jahren 1876—1894, herausgegeben von Gutzeit in Riga 1899, p. 3—4): «Viel interessante orientalische Zeugnisse, unter anderen eins über Piratenrûs am asow'schen Meere, die zuerst das Christenthum—wahrscheinlich durch den Erzbischof von Kertsch—annahmen und dann zum Islam übertraten und zwar angeblich im Jahre 945. Ist diese Zahl—das Factum ist unantastbar wegen der Details—verschrieben, so wird man eher eine frühere, als eine spätere ansetzen müssen. Der Schah von Chowarasmin schickte ihnen einen Scherif. Also Normannigenae mit dem Turban. Das hat zur variagischen Kama *) noch gefehlt». Siehe auch Kunik's Aufsatz im Bulletin der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften. Bd. 27, 1881: Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des heiligen Georg von Amastris, p. 345: «Vor der Niederlassung der ersten Dynasten in Kiew kann von solchen Piratennestern in Taurien u. s. w. nicht die Rede sein. . . (p. 346). Nach einer längst gedruckten, aber ganz übersehenen persischen Quelle hatten sich Rûs von dem Chasarenchagan ein Stück Land ausgebeten. Der Chagan trat ihnen angeblich einige Inseln (nach orientalischem Sprachgebrauch vielleicht im Sinne von Halbinseln oder Küstenstrichen, die durch einen Fluss begrenzt waren) ab. Durch die Besetzung derselben war der Grund gelegt zu der normannischen Flibustiercolonie am cimmerischen Bosphorus, welche eine Zeit lang durch ihre

---

*) Brei.

Seeräubereien, aber auch durch ihren Gerechtigkeitssinn in den Beziehungen zu ihren Klienten auf dem Festlande sich bemerkbar machte. Es ist möglich, dass dieses Piratennest schon gegen Ende des 9. Jahrhunderts bestand, da die ältesten orientalischen Quellen, welche der pontischen Rôs gedenken, dem Anfange des 10. Jahrhunderts anzugehören scheinen und auch die Bekehrung dieser Piraten zum Christenthume so wie ihr Uebertritt zum Islam uns auf die Zeiten Igor's führt. Gegen die erstarkenden Militärcolonien der Grossfürsten von Kiew (Велико князская черноморская Русь) konnten die freien pontischen Rôs (Вольная Русь) auf die Dauer sich nicht halten. Auch waren sie zu schwach an Zahl. . .»

Auf welcher orientalischen Quelle fussen Kunik's Behauptungen betreffend die pontischen Russen am cimmerischen Bosphorus, Behauptungen, die allen sonstigen historischen Zeugnissen zuwiderlaufen? Es sind das die Fragmente, welche Baron Hammer in seinem Buche «Sur les origines russes», St. Petersburg 1827, herausgegeben hat. Doch ist der Text daselbst nach Barthold «so verstümmelt und in den wichtigsten Stellen so verdorben, dass das Epitheton «neu» dennoch dem jetzt (1896) zum ersten Male erscheinenden Zeugnisse des Aufi (XIII. Jahrhunderts) über die Russen erhalten werden kann». Das erwähnte vollständigere Bruchstück ist von Barthold in den Zapiski der orientalischen Abtheilung der kaiserlich-russischen Archaeologischen Gesellschaft Bd. IX, Ausgabe I—IV, St. Petersburg 1896, pag. 262—267, herausgegeben, übersetzt und commentirt. Die Erzählung lautet wie folgt:

«Die Russen wohnen auf einer Insel inmitten des Meeres; sowohl in die Länge als auch in die Breite erstreckt sich die Insel drei Tagereisen. Auf dieser Insel sind Bäume und Wälder; sie ist von allen Seiten vom Meere umringt. Sie beschäftigen sich nur mit Räuberei und kennen nur ein Mittel sich Nahrung zu verschaffen — das Schwert. Wenn Jemand von ihnen stirbt und einen Sohn und eine Tochter hinterlässt, so übergibt man das ganze Gut der Tochter, dem Sohne aber giebt man nichts ausser einem Schwert, und sagt zu ihm: «Dein Vater hat sich sein Gut mit dem Schwert erbeutet». (So war es), bis sie im Jahre 300 der Hígra Christen wurden; nach Annahme des Christenthums steckten sie jene Schwerter in die Scheide. Da sie keine andere Art sich Nahrung zu verschaffen kannten, und die frühere (jetzt) für sie verschlossen war, so geriethen ihre Angelegenheiten in Unordnung und das Leben wurde ihnen schwer. Daher verspürten sie eine Hinneigung zur Religion des Islam und wurden Muselmanen; es bewog sie dazu der Wunsch, das Recht zur Kriegführung für den Glauben zu erhalten. Sie schickten Boten zum Schah von Chuarezm; der Boten waren vier, von den Verwandten des Königs, welcher völlig selbständig herrschte und den Titel

Buladmir führte, wie der König von Turkestan den Titel Chakan, der König von Bulgar—den Titel Wladawatz (l. Bltwar). Als die Gesandten zum Schah von Chuarezm kamen, war er über ihren Wunsch den Islam anzunehmen sehr erfreut, gab ihnen Ehrengeschenke und schickte einen von den Imamen, um sie in den Bestimmungen des Islam zu unterweisen. Darauf wurden sie Alle Muselmanen. Sie unternehmen Kriegszüge in entfernte Länder, reisen beständig zur See auf Schiffen, überfallen jedes Fahrzeug, das ihnen begegnet, und plündern dasselbe. An Macht übertreffen sie alle Völker, nur dass sie keine Pferde haben; wenn sie Pferde hätten, würden sie die Herrschaft über viele Völker gewinnen».

Der erste Theil obiger Nachrichten, welcher mit den Worten: «Dein Vater hat sich sein Gut mit dem Schwert erbeutet», schliesst, geht auf eine Quelle zurück, aus der Ibn Rusteh, Kardizi, Bekri u. A. schöpfen, und welche, wie ich es in meinen Beiträgen zur «Klärung orientalischer Quellen» nachgewiesen habe, aus der Mitte des IX. Jahrhunderts stammt. Die Russeninsel, die Kunik irriger Weise an den Pontus versetzt, gehört in den Norden von Osteuropa und ist höchst wahrscheinlich mit Holmgard der Isländer identisch.

Die folgenden Mittheilungen hinsichtlich der Annahme des Islam können, wie der Name (fälschlich Titel) Buladmir = Wladimir der Heilige (cf. Barthold *ibid* p. 265) beweist, nicht auf eine Zeit vor 989 fallen. Die Angabe 300 der Higra ist unsicher, da Hammer 303 und 333 hat. Wenn gleich diese Zahlen auf die Regierungszeit des Grossfürsten Igor hinweisen, so besagt doch der Name «Buladmir», so wie die mit Nestor gleichlautende Erzählung von der Aussendung der Glaubensboten, dass wir es mit Vorgängen aus der Epoche Wladimir's des Heiligen (980—1015) zu thun haben. Barthold *ibid*. p. 266: «In den Anmerkungen zu der Uebersetzung des Aufi haben wir einige Quellen angeführt, aus denen er augenscheinlich seine Kenntnisse entlehnte; doch darüber, wie die Nachricht betreffend Wladimir's Gesandtschaft zu ihm gelangte, können wir nichts aussagen. Wir bemerken bloss, dass Aufi, nach einer Stelle in seinem Buche zu urtheilen, in seiner Jugend in Chorezm gewesen ist». — Was den letzten Theil der Erzählung beginnend mit den Worten: «Sie unternehmen Kriegszüge in entfernte Länder», betrifft, so ist es für unsere Zwecke gleichgültig, auf welche Zeit er hinzielt.

Auf Seite 40 der *Dopolnenija* zu dem Werke «Berichte muselmanischer Schriftsteller über Slawen und Russen» von A. J. Harkavy, Petersburg 1871, äussert sich Kunik in folgender Weise: «Wir Geschichtsforscher, die wir der orientalischen Sprachen unkundig sind, bedürfen vor Allem einer vollständigen und kritisch bearbeiteten Sammlung von Nachrichten orienta-

lischer (d. i. arabischer, armenischer, syrischer, persischer, hebräischer und grusinischer) Schriftsteller über die Völker, welche in Russland und im Norden vom Pontus und dem Kaspisee wohnten. . . » So lange diesem tiefgefühltem Bedürfniss nicht abgeholfen sein wird, dürften selbst die besonnensten und geistvollsten Historiker irregeleitet werden. Die ganze Theorie von den sogenannten pontischen Russen (vor Swjatoslaw's und Wladimir's Zeiten) ist nichts weiter als ein auf missverstandenen orientalischen Quellen aufgeführtes Wahngebilde. Die «Barbaren» in den Fragmenten des Toparcha Goticus sind nicht pontische Russen am cimmericischen Bosphorus, sondern nach wie vor Chasaren.

Ferner heisst es bei Braun auf S. 79: «Was den nördlich von der Donau sitzenden Herrscher anbetrifft, so wäre es nach Kunik auffallend, wenn der Toparch, ein byzantinisch geschulter Mann, den Swjatoslaw βασιλέων genannt hätte, während erst der heil. Wladimir nach seiner Taufe und Heirat mit der byzantinischen Prinzessin ein Anrecht auf diesen Titel erworben zu haben scheint. Also haben wir in dem «Herrscher» wohl Wladimir zu sehen. Die Abfassung der «Memoiren» und die Reise des Toparchen muss dann ganz an's Ende des X. Jahrhunderts verlegt werden.» Hinsichtlich des Ausdruckes βασιλέων verweise ich auf Kunik's Aeußerung vom Jahre 1874 (p. 123—124): «Wenn der Toparch βασιλεύς geschrieben hätte, so müsste man darunter den Grossfürsten Wladimir verstehen, welchen die byzantinischen Kaiser, falls man dem ursprünglichen Text der Sobornaja gramota vom Jahre 1551 Glauben schenken darf, thatsächlich mit dem Ehrentitel βασιλεύς (im Sinne von König) beehrten». Er schreibt aber βασιλέων. Zugleich sei erwähnt, dass die astronomische Berechnung Wladimir's Regierungszeit ausschliesst.

Um die Richtigkeit meiner Deutung der im ersten Fragment enthaltenen astronomischen Angaben zu veranschaulichen, füge ich noch folgende zwei Kärtchen (nach Bode und Mädler) bei, deren Besorgung ich der Liebenswürdigkeit meiner ehemaligen Schüler: Erich Pflug stud. rer. mach. und Wilhelm Rössler stud. archit., zu verdanken habe.

STERN- UND SATURNSÖRTER.

A U F- U N D U N T E R G Ä N G E

von SATURN und SONNE.

Mittl. Aequ. 900.0

Sternörter.

	$\mathcal{R}$	Decl.		$\mathcal{R}$	Decl.
ϵ Aquarii	19 ^h 47 ^m 27 ^s	-12° 56.6	η Aquarii	21 ^h 38 ^m 32 ^s	- 5° 29.5
ν »	20 8 46	-15 17.2	τ »	21 50 26	-19 8.1
β »	20 32 49	- 9 56.3	λ »	21 54 39	-13 10.8
ι »	21 5 59	-18 18.7	α Pisc.austr.	21 54 47	-35 11.3
α »	21 8 51	- 5 17.6	δ Aquarii	21 55 15	-21 25.3
δ »	21 18 5	-12 54.3	ϵ^2 »	22 9 31	-26 56.2
γ »	21 24 27	- 6 35.7	ω^2 »	22 44 58	-20 31.6

Saturnsörter

für 0^h mittl. Zeit Paris.

	$\mathcal{R}$	Decl.		$\mathcal{R}$	Decl.
873 Dec. 1	20 ^h 19.7 ^m	-20° 38'	931 Dec. 1	19 ^h 39.0 ^m	-22° 8'
874 Jan. 1	20 33.4	-19 51	932 Jan. 1	19 53.8	-21 33
Fbr. 1	20 49.7	-18 55	Fbr. 1	20 9.3	-20 50
Mrz. 1	21 1.8	-18 4	Dec. 1	20 24.2	-20 25
Apr. 1	21 13.7	-17 17	933 Jan. 1	20 37.8	-19 38
Mai 1	21 20.9	-16 50	Fbr. 1	20 53.0	-18 41
Juni 1	21 22.5	-16 49	Mrz. 1	21 6.2	-17 48
Juli 1	21 18.3	-17 14	Apr. 1	21 18.2	-16 59
Aug. 1	21 9.8	-17 56	Mai 1	21 25.5	-16 32
Spt. 1	21 1.0	-18 35	Juni 1	21 27.5	-16 28
Oct. 1	20 56.1	-18 55	Juli 1	21 23.5	-16 53
Nov. 1	20 57.4	-18 47	Aug. 1	21 15.2	-17 36
Dec. 1	21 4.7	-18 14	Spt. 1	21 6.3	-18 16
875 Jan. 1	21 16.8	-17 20	Oct. 1	21 1.3	-18 36
Fbr. 1	21 31.3	-16 12	Nov. 1	21 2.3	-18 30
903 Dec. 1	20 44.7	-19 24	Dec. 1	21 8.9	-17 59
904 Jan. 1	20 57.5	-18 32	934 Jan. 1	21 21.2	-17 2
Fbr. 1	21 12.4	-17 30	Fbr. 1	21 35.6	-15 54

Mittl. Aequ. 1000.0.

Sternörter.

	R	Decl.		R	Decl.
ε Aquarii	19 ^h 52 ^m 59 ^s	−12° 51'3	η Aquarii	21 ^h 43 ^m 42 ^s	− 5° 1'8
ν »	20 14 21	−14 58.8	τ »	21 55 53	−18 39.4
β »	20 38 21	− 9 35.2	λ »	21 59 58	−12 41.7
ι »	21 11 35	−18 24.2	α Pisc.austr.	22 0 42	−34 42.7
α »	21 14 4	− 4 52.7	δ Aquarii	22 0 44	−20 56.2
θ »	21 23 28	−12 28.3	ε ² »	22 15 4	−26 25.9
γ »	21 29 41	− 6 9.1	ω ² »	22 50 16	−19 59.6

Saturnsörter

für 0^h mittl. Zeit Paris.

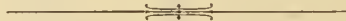
	R	Decl.		R	Decl.
961 Dec. 1	20 ^h 10.2 ^m	−20° 59'	1021 Apr. 1	21 ^h 9.0 ^m	−17° 33'
962 Jan. 1	20 24.2	−20 15	Mai 1	21 15.8	−17 7
Fbr. 1	20 39.6	−19 22	Juni 1	21 16.9	−17 8
Mrz. 1	20 52.5	−18 36	Juli 1	21 12.3	−17 34
Apr. 1	21 4.1	−17 51	Aug. 1	21 3.7	−18 17
Mai 1	21 10.6	−17 27	Spt. 1	20 54.1	−18 54
Juni 1	21 11.5	−17 29	Oct. 1	20 50.6	−19 11
Juli 1	21 6.6	−17 57	Nov. 1	20 52.2	−19 2
Aug. 1	20 57.9	−18 37	Dec. 1	20 59.9	−18 29
Spt. 1	20 49.3	−19 13	1022 Jan. 1	21 12.4	−17 35
Oct. 1	20 45.2	−19 29	Fbr. 1	21 26.9	−16 29
Nov. 1	20 47.2	−19 19			
Dec. 1	20 55.0	−18 46	1050 Dec. 1	20 39.7	−19 37
963 Jan. 1	21 7.6	−17 52	1051 Jan. 1	20 52.8	−18 46
Fbr. 1	21 22.4	−16 47	Fbr. 1	21 7.7	−17 45
			Apr. 1	21 33.3	−15 54
990 Dec. 1	19 19.6	−21 45	Juni 1	21 45.1	−15 13
991 Jan. 1	20 4.1	−21 6	Oct. 1	21 18.5	−17 27
Fbr. 1	20 19.6	−20 20	Dec. 1	21 24.6	−16 54
Mrz. 1	20 32.4	−19 39	1052 Jan. 1	21 35.9	−15 58
Apr. 1	20 43.0	−19 2	Fbr. 1	21 50.1	−14 47
Mai 1	20 49.0	−18 46			
Juni 1	20 48.8	−18 51	1080 Dec. 1	21 4.7	−18 13
Juli 1	20 43.0	−19 18	1081 Jan. 1	21 17.0	−17 17
Aug. 1	20 33.9	−19 56	Fbr. 1	21 31.6	−16 10
Spt. 1	20 25.7	−20 26	Apr. 1	21 57.7	−14 3
Oct. 1	20 22.4	−20 36	Juni 1	22 10.6	−13 7
Nov. 1	20 25.6	−20 25	Oct. 1	21 46.4	−15 28
Dec. 1	20 34.3	−19 53	Dec. 1	21 50.0	−15 2
992 Jan. 1	20 47.6	−19 4	1082 Jan. 1	22 0.2	−14 5
Fbr. 1	21 2.7	−18 4	Fbr. 1	22 13.7	−12 50
Mrz. 1	21 15.8	−17 9			
			1109 Dec. 1	20 44.8	−19 23
Dec. 1	21 19.6	−17 14	1110 Jan. 1	20 57.7	−18 31
993 Jan. 1	21 30.8	−16 20	Fbr. 1	21 12.6	−17 27
Fbr. 1	21 42.7	−15 22	Apr. 1	21 38.4	−15 33
			Juni 1	21 49.6	−14 47
1020 Dec. 1	20 15.1	−20 47	Oct. 1	21 24.3	−17 5
1021 Jan. 1	20 29.0	−20 2	Dec. 1	21 30.0	−16 32
Fbr. 1	20 44.3	−19 7	1111 Jan. 1	21 41.1	−15 36
Mrz. 1	20 57.5	−18 17	Fbr. 1	21 54.9	−14 24

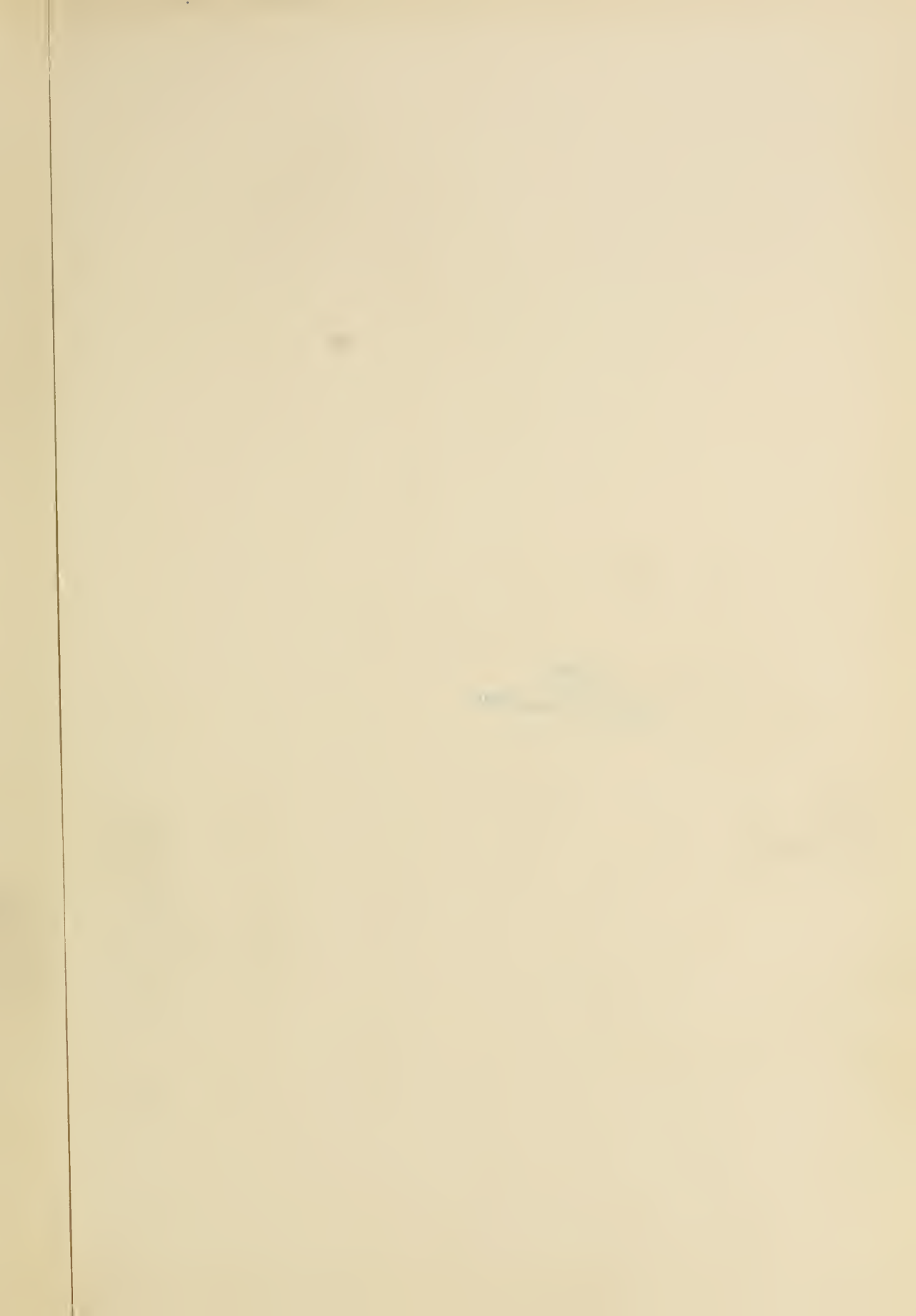
Auf- und Untergänge Saturns und der Sonne.

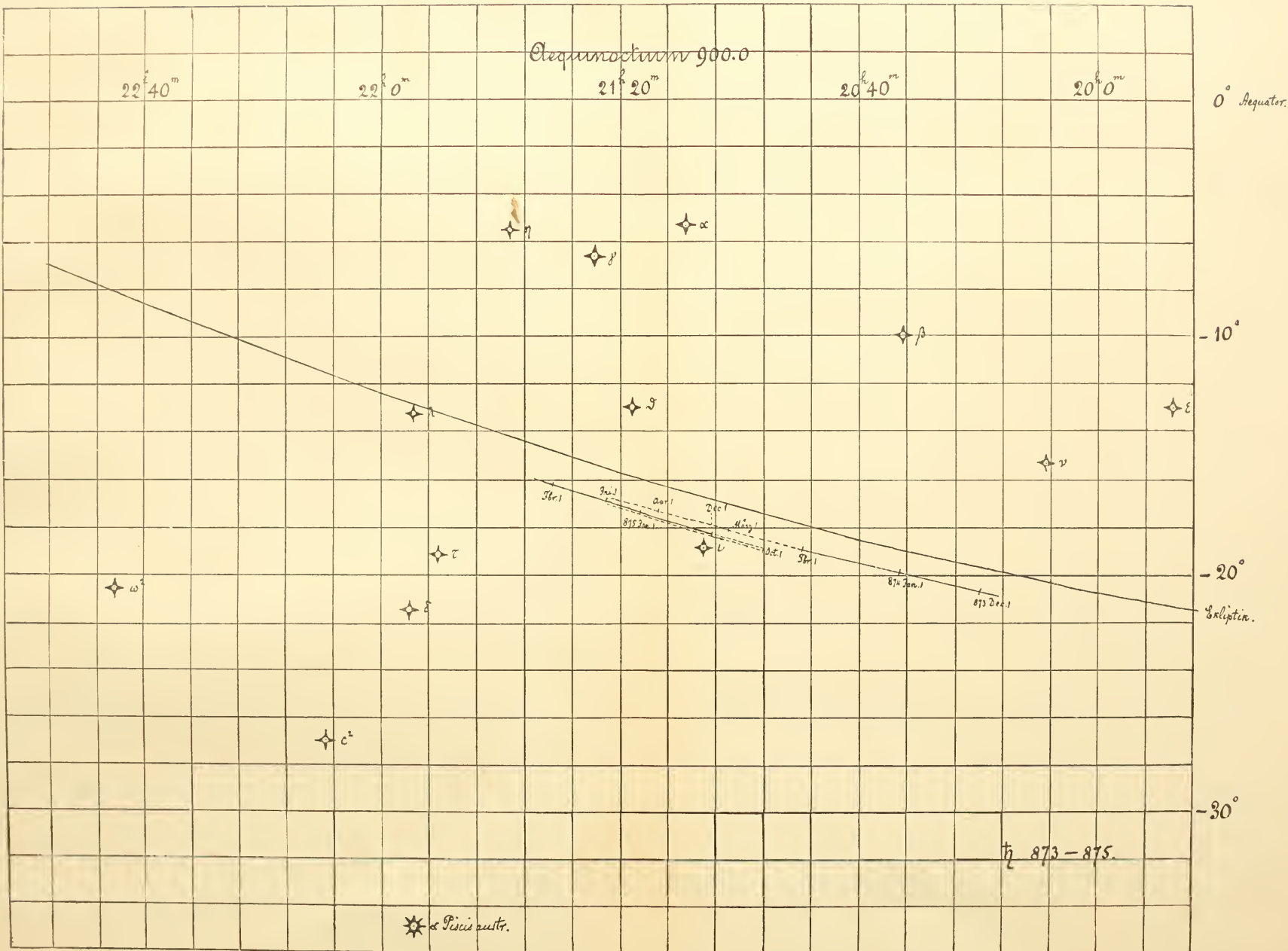
(für $\varphi = 48^\circ 28'$)

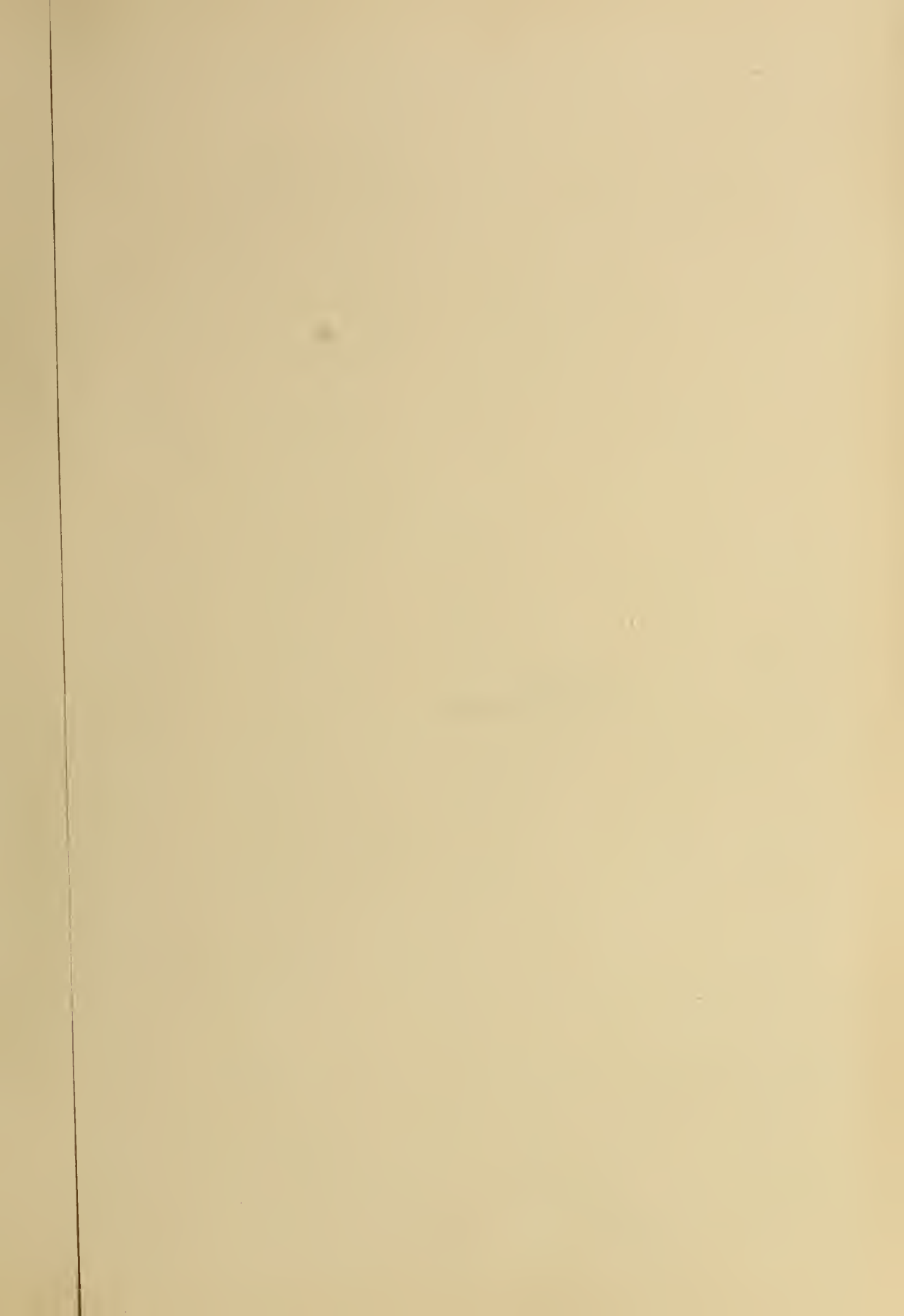
	Saturn.		Sonne.	
	A	U	A	U
874 Dec. 1	23 ^h 34 ^m	8 ^h 37	19 ^h 35 ^m	4 ^h 7 ^m
875 Jan. 1	21 37	6 52 ^m	19 53	4 18
903 Dec. 1	23 21	8 14	19 35	4 7
904 Jan. 1	21 27	6 30	19 53	4 18
15	—	5 43	—	4 38
Fbr. 1	—	4 47	—	5 5
933 Fbr. 1	—	4 19	—	5 7
Dec. 1	23 36	8 23	19 36	4 7
934 Jan. 1	—	7 0	—	4 19
Fbr. 1	—	5 17	—	5 6
962 Dec. 1	23 23	8 22	19 35	4 7
963 Jan. 1	21 30	6 37	19 54	4 19
Jan. 15	—	5 52	—	4 39
Fbr. 1	—	4 55	—	5 6
992 Fbr. 1	—	4 31	—	5 6
Dec. 1	23 38	8 53	19 36	4 6
993 Jan. 1	—	7 7	—	4 20
1021 Dec. 1	23 26	8 29	19 36	4 6
1022 Jan. 1	21 32	6 45	19 54	4 19
15	—	6 0	—	4 42
Fbr. 1	—	5 2	—	5 8
1051 Jan. 15	—	5 36	—	4 40
Fbr. 1	—	4 40	—	5 8
Dec. 1	23 44	9 7	19 36	4 7
1080 Dec. 1	23 28	8 37	19 37	4 6
1081 Jan. 1	21 34	6 53	19 54	4 20
15	—	6 8	—	4 41
Fbr. 1	—	5 11	—	5 9
1110 Jan. 1	21 22	7 29	19 54	4 20
15	—	5 44	—	4 41
Fbr. 1	—	4 49	—	5 9

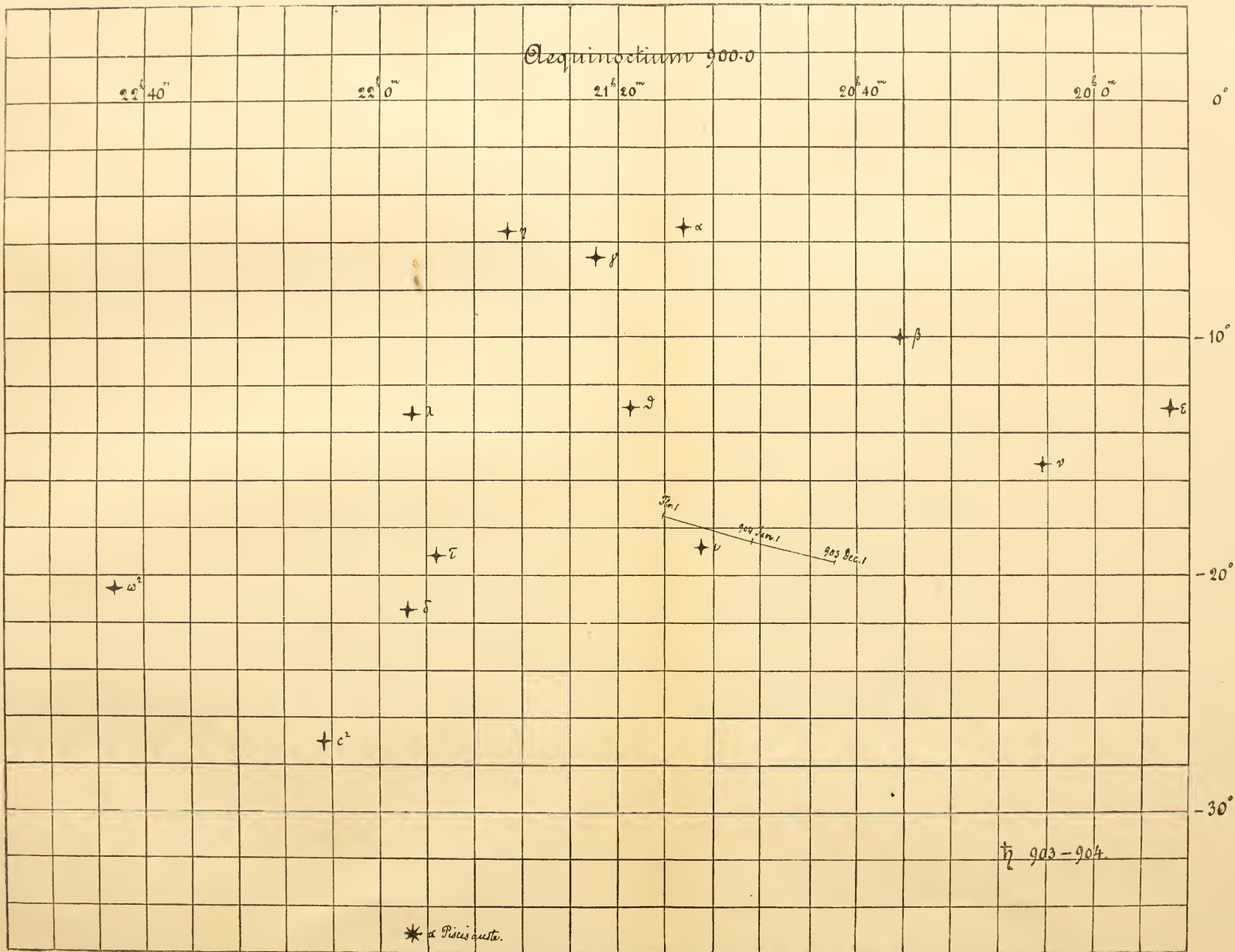
Die Zeiten sind mittlere Ortszeiten. Die Angaben für die Sonne beziehen sich auf ihren oberen Rand.

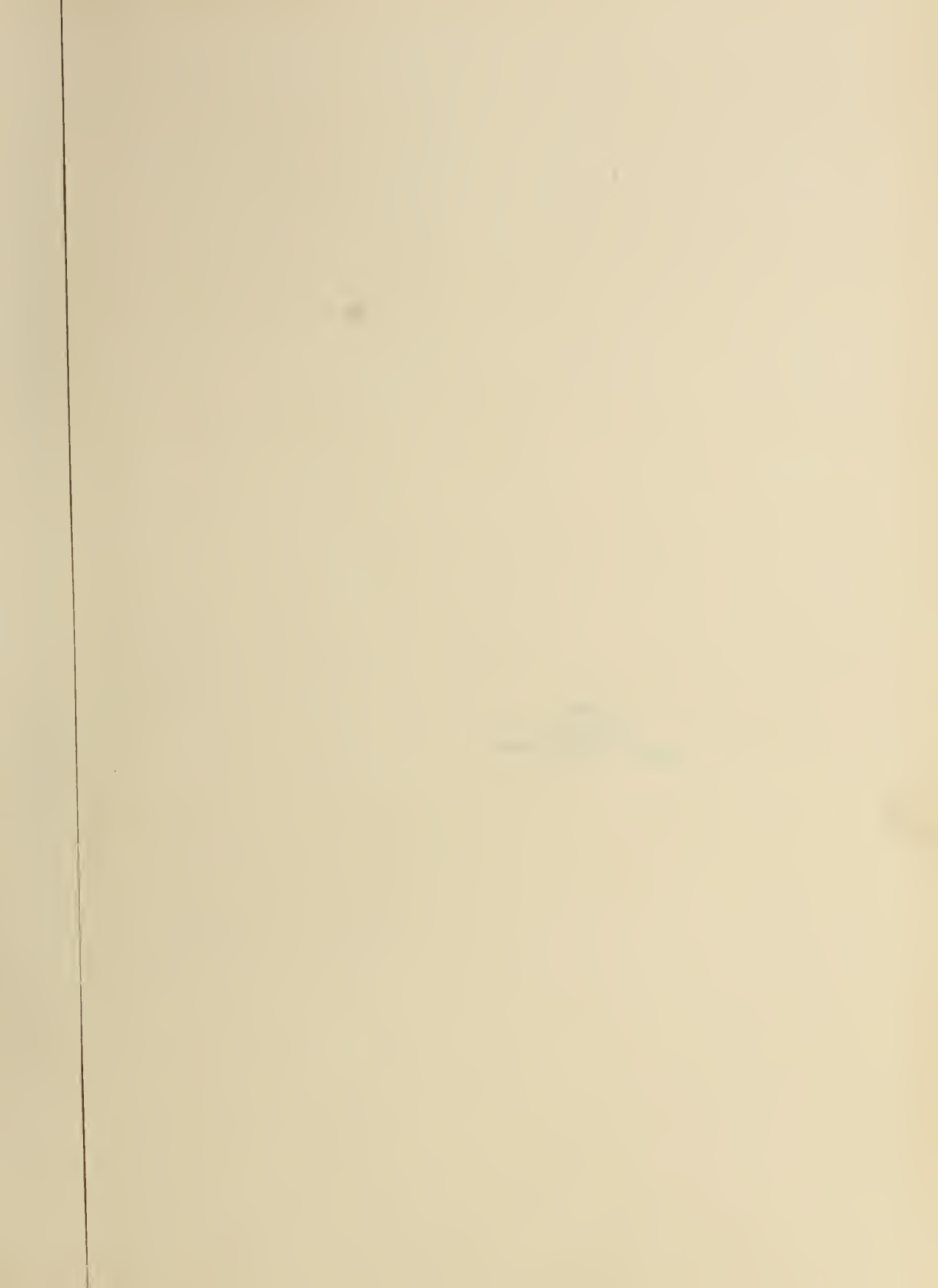

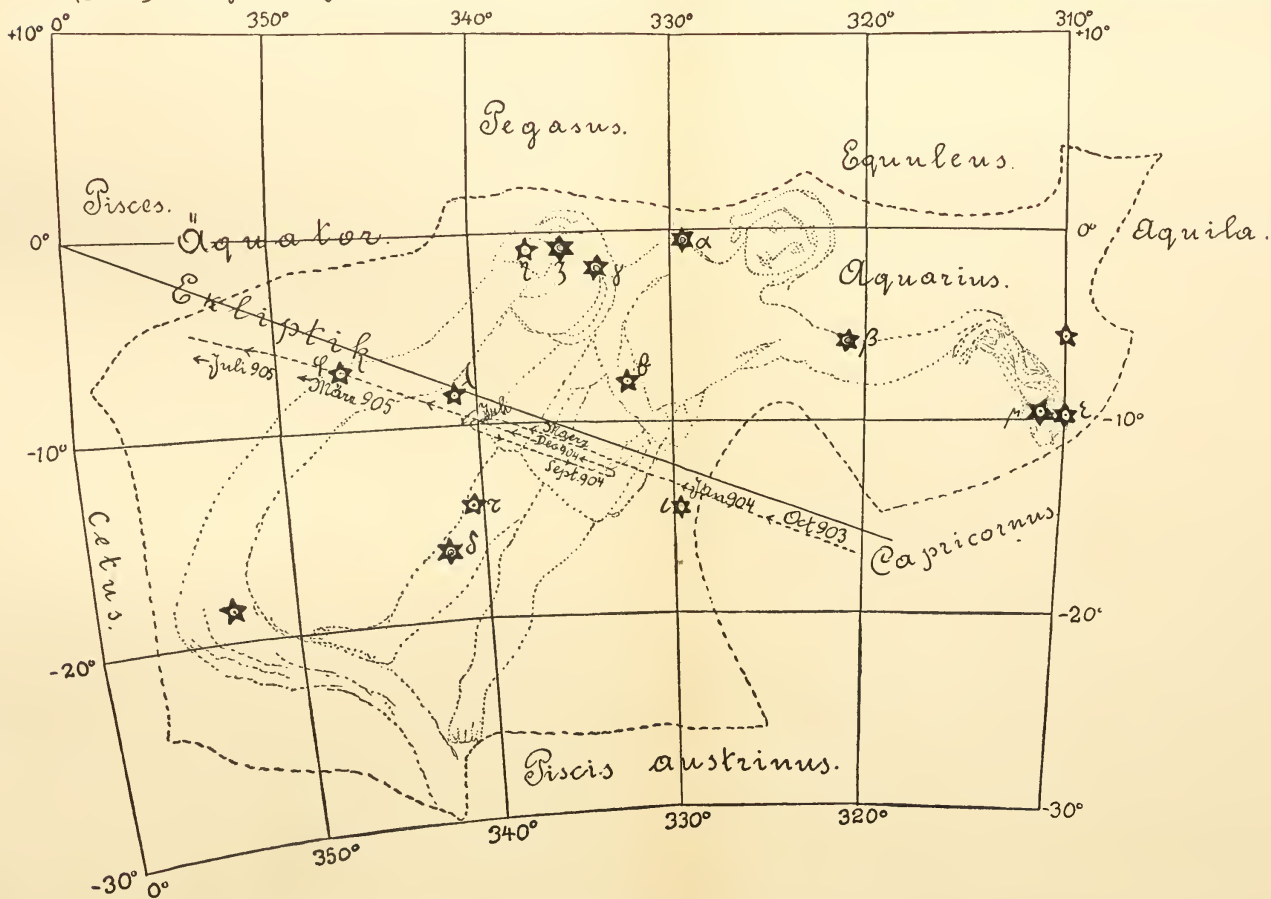

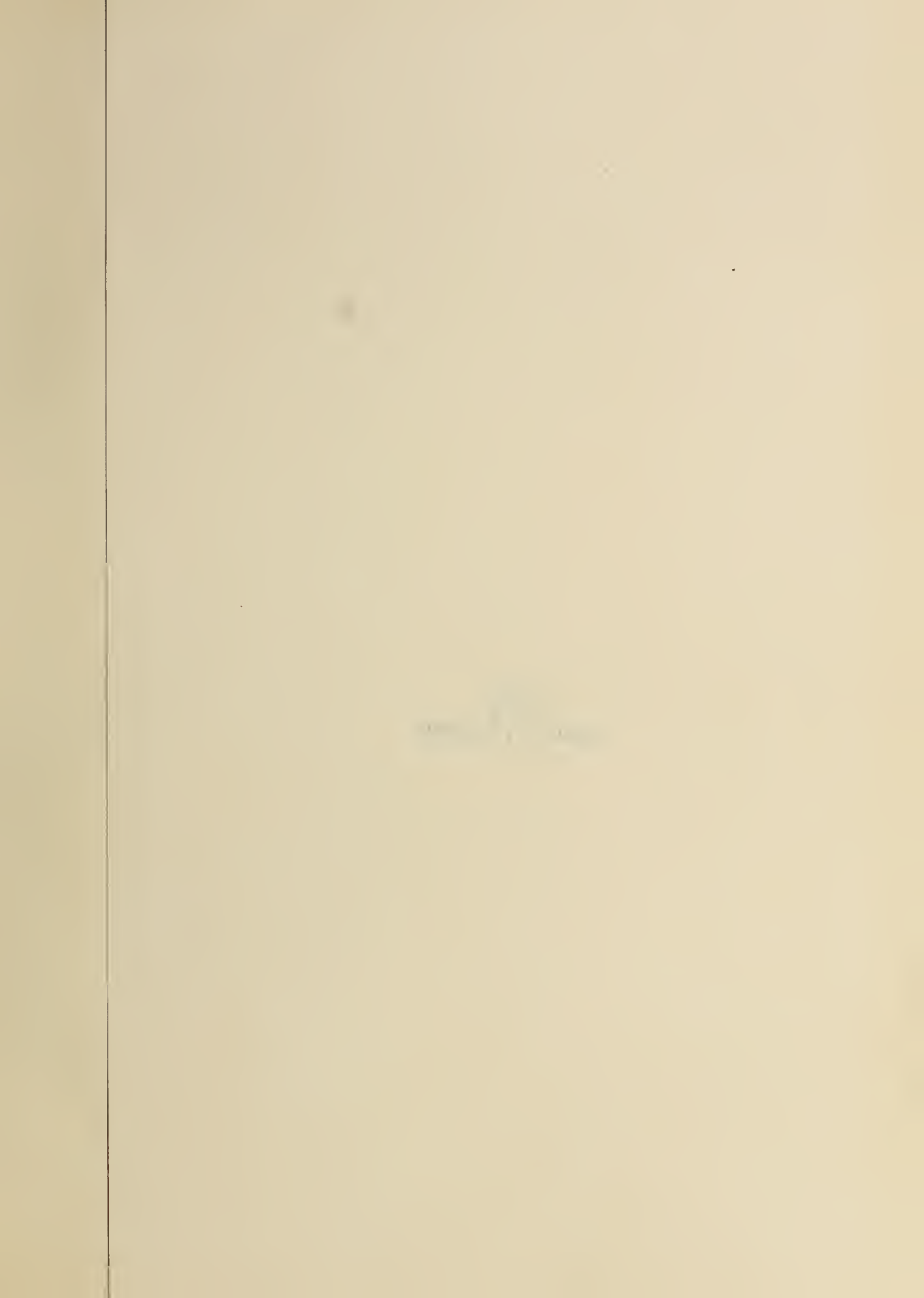
Der Durchgang des Saturn durch das Sternbild des Aquarius während der Periode 903 - 905.

(Nach Prof. A. Kononowitsch in Odessa.) Copie nach Heiss' Atlas coelestis novus. Tabula III

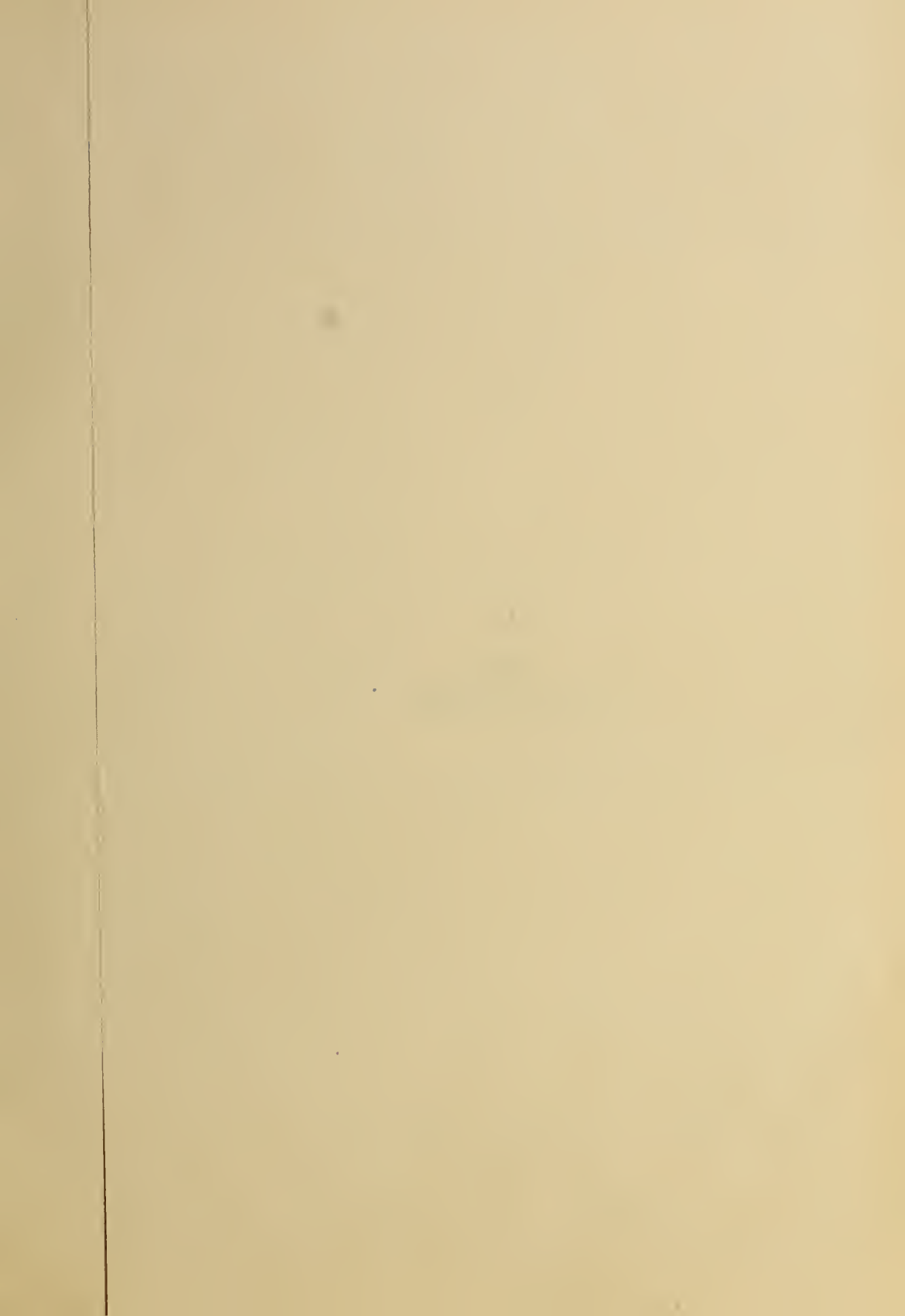

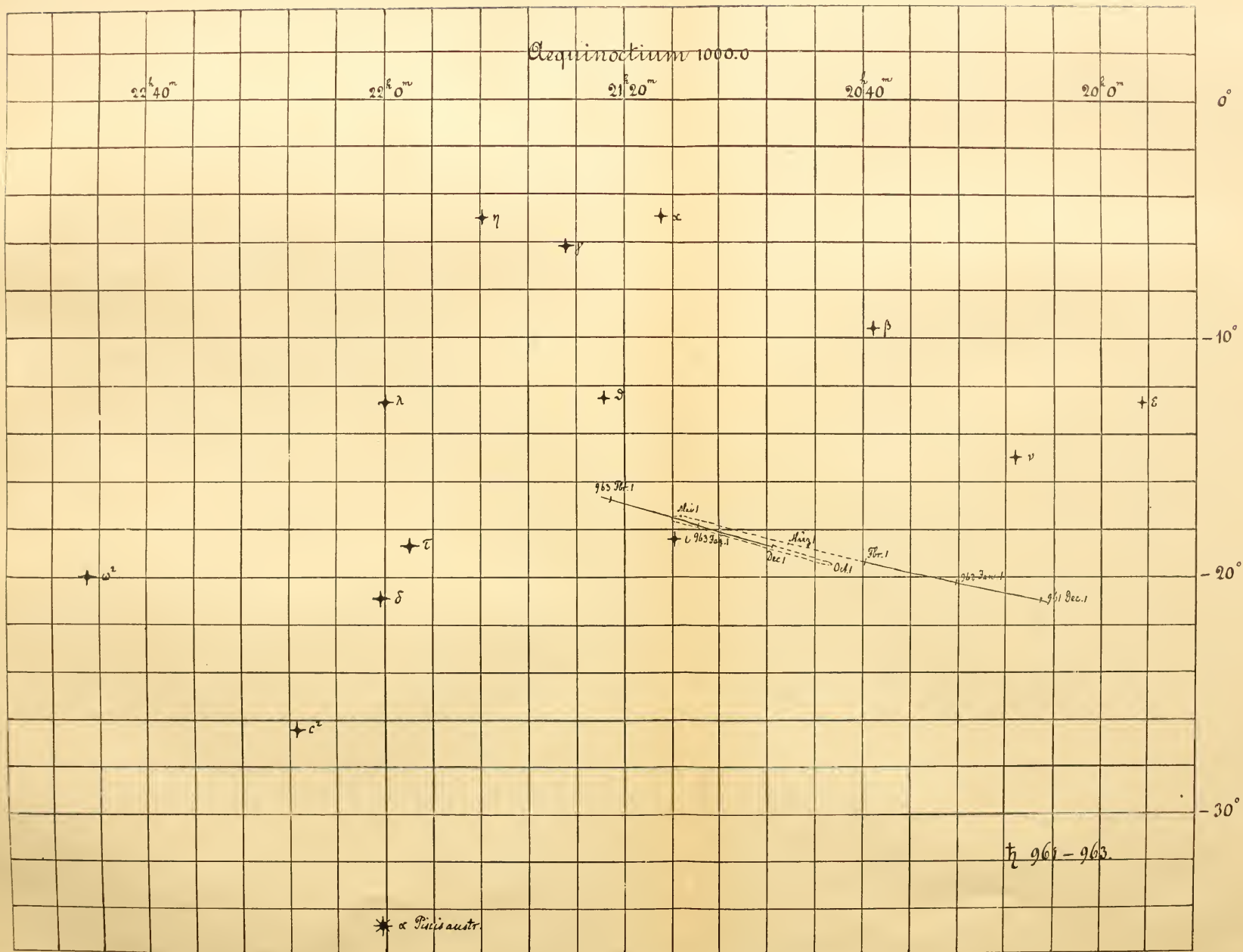
- ⊛ — Stern 3-ter Grösse.
- ☆ — Stern 4-ter Grösse.

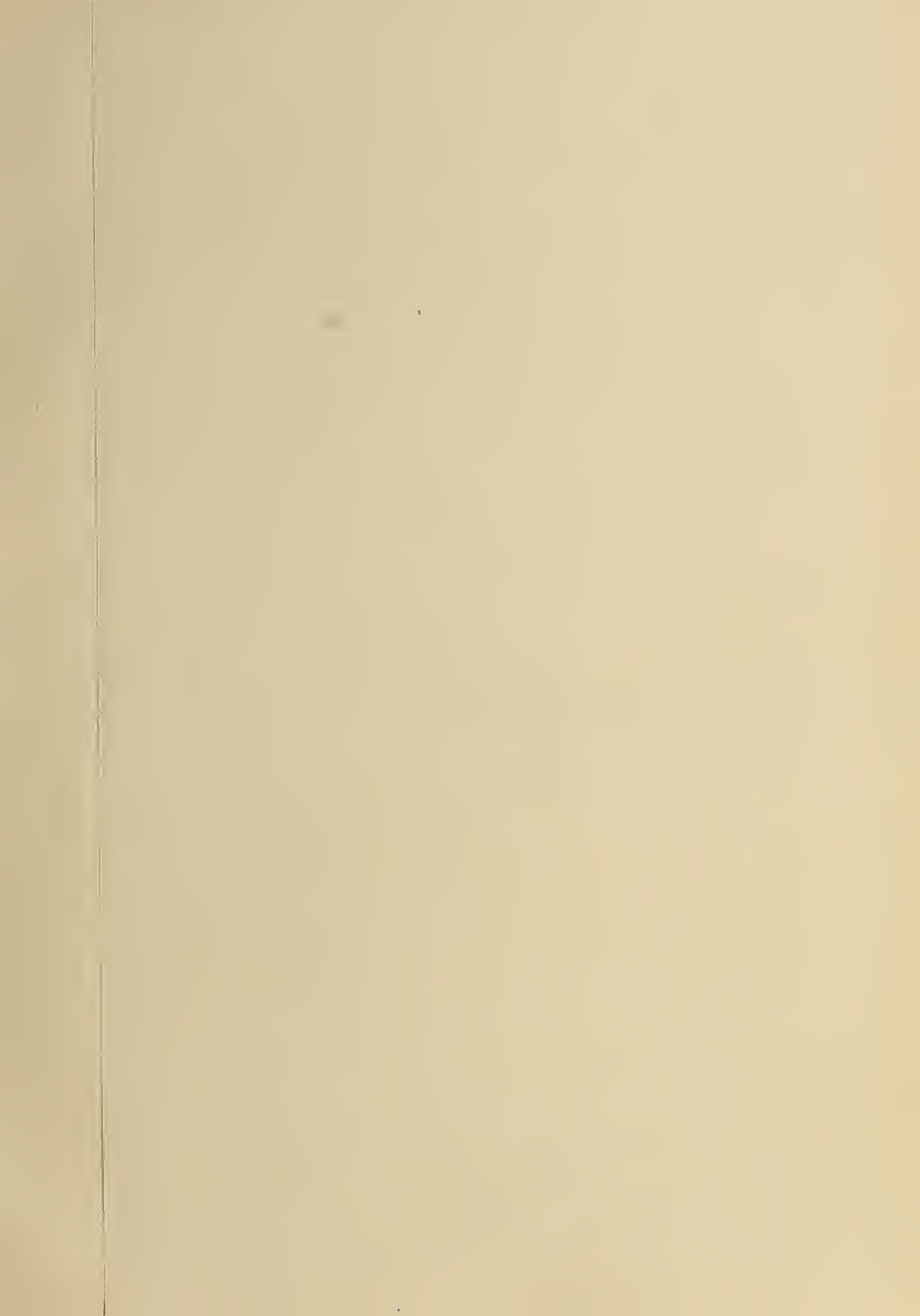

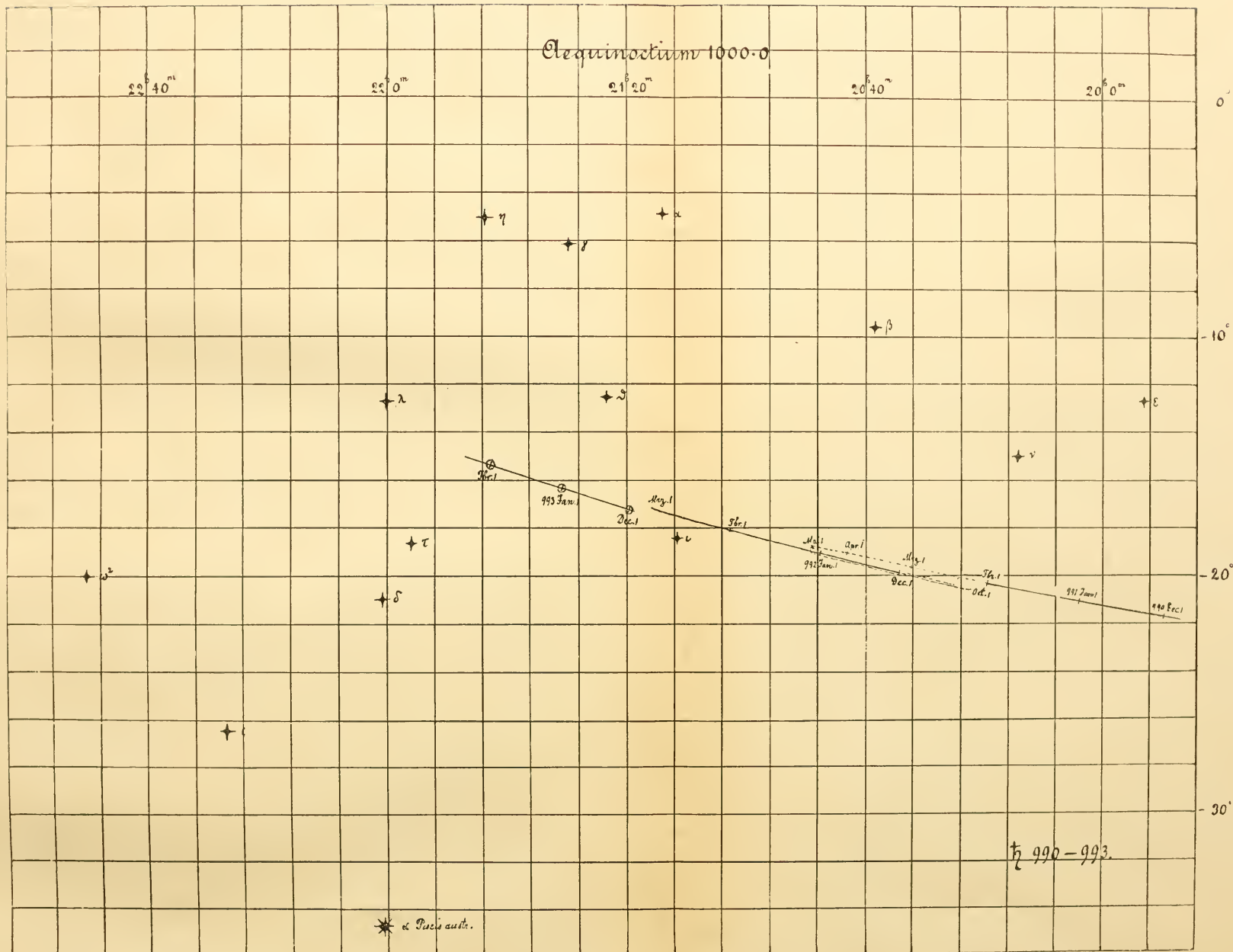

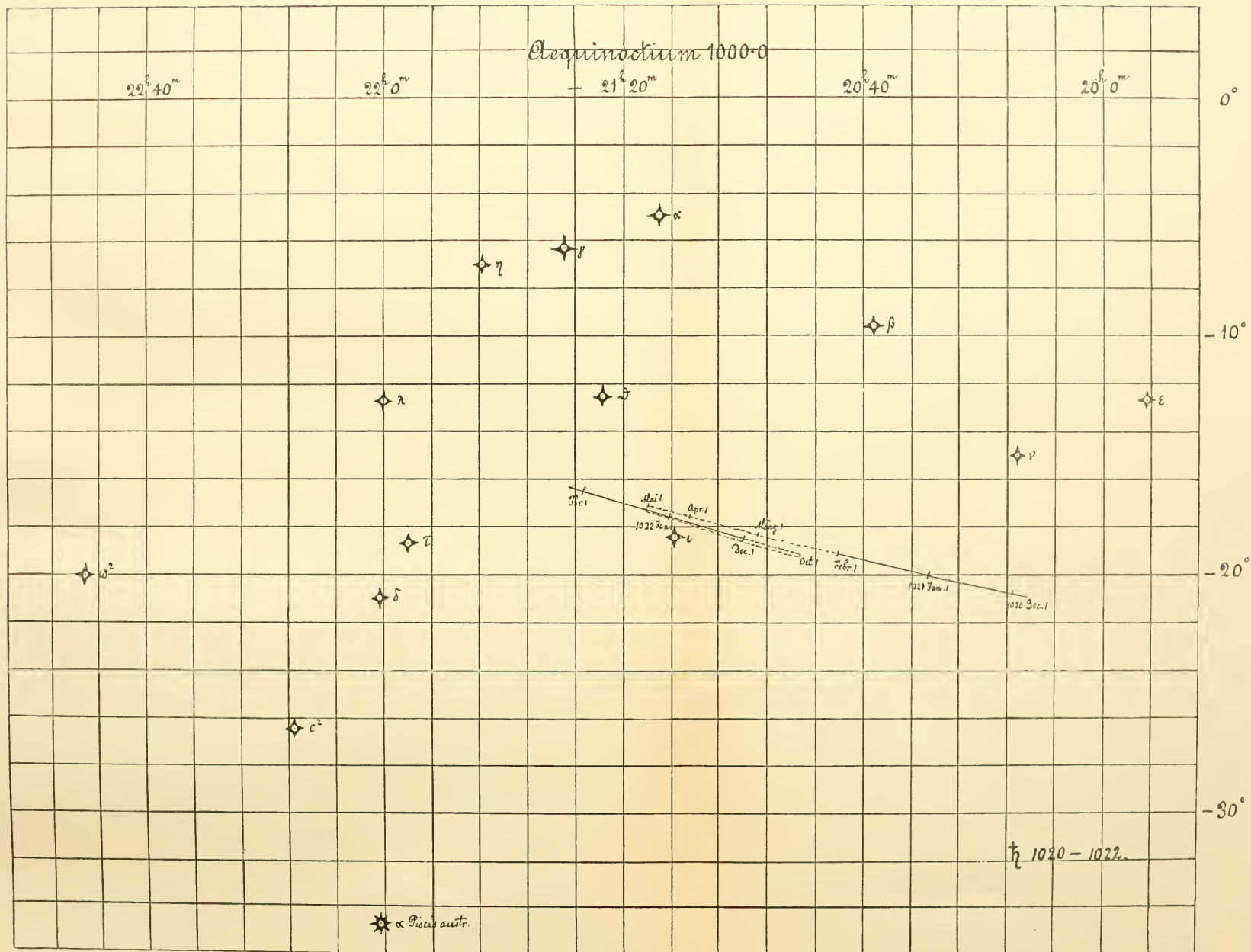

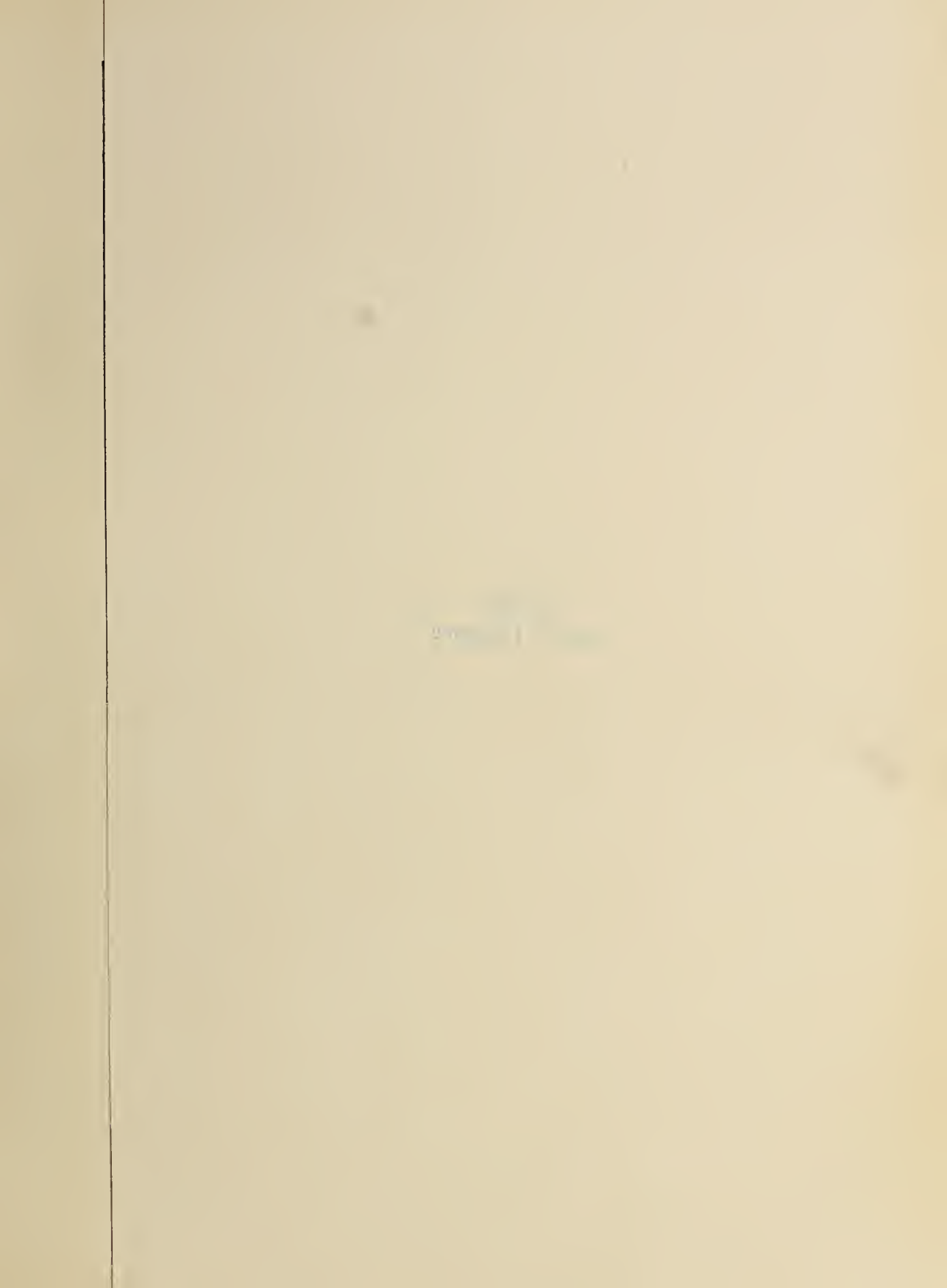

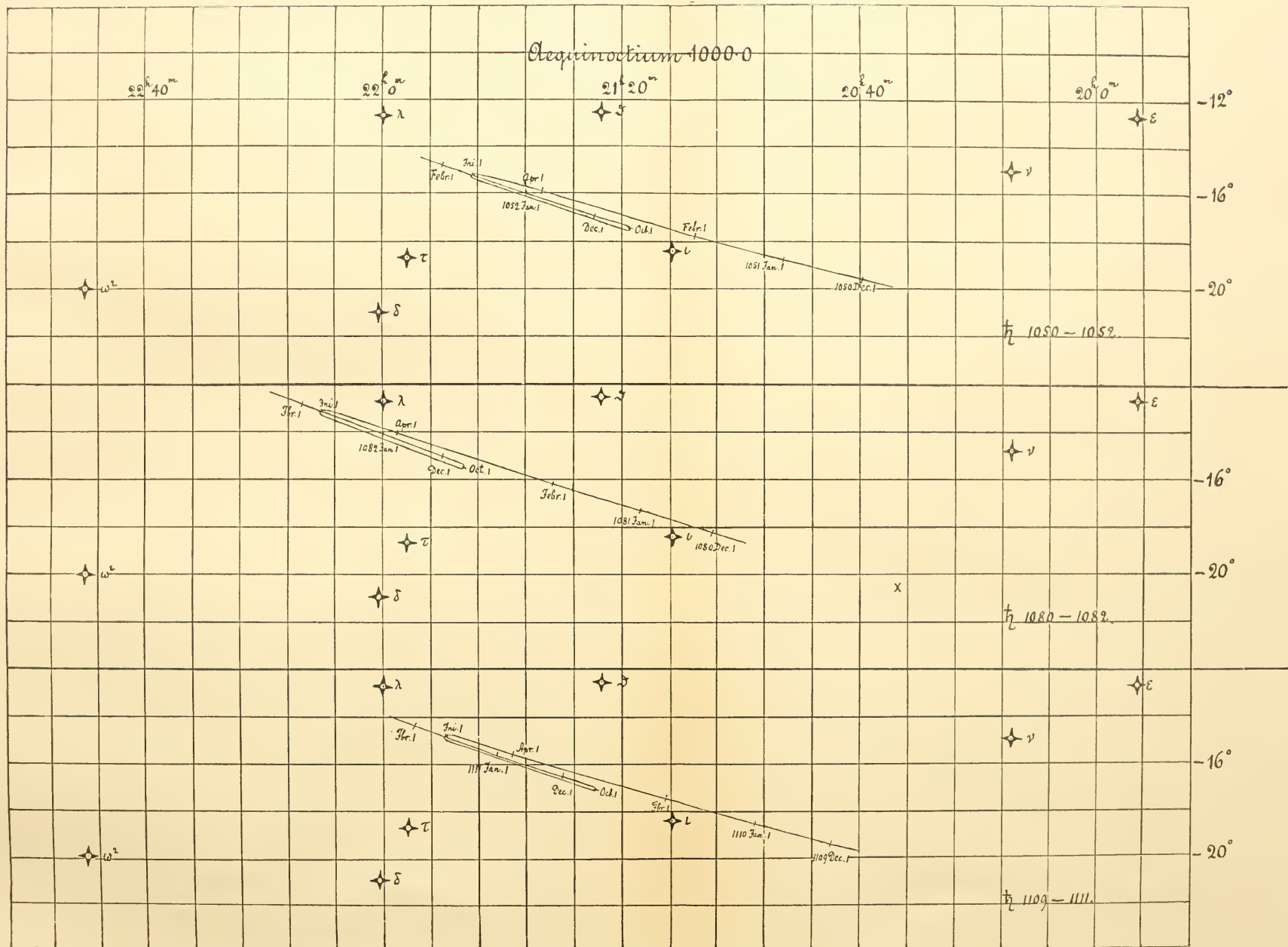

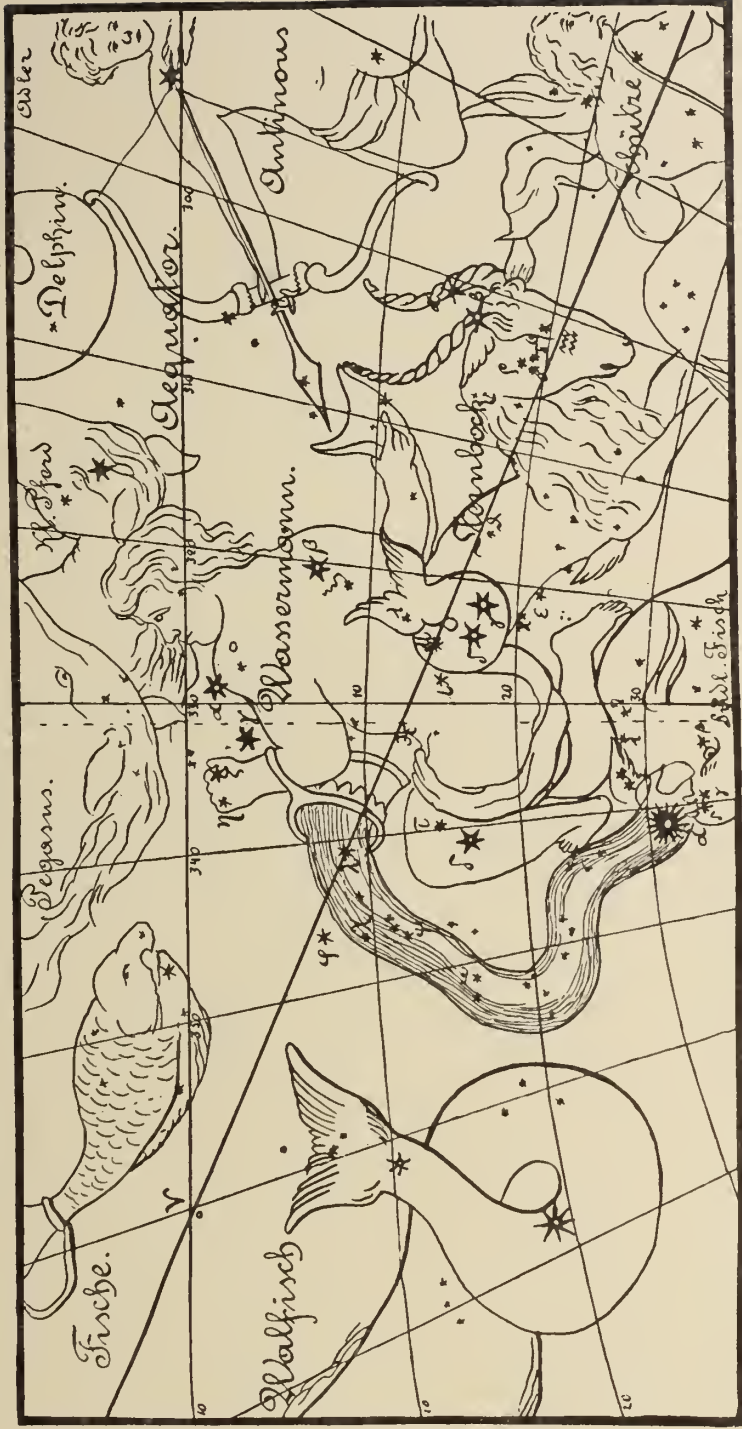

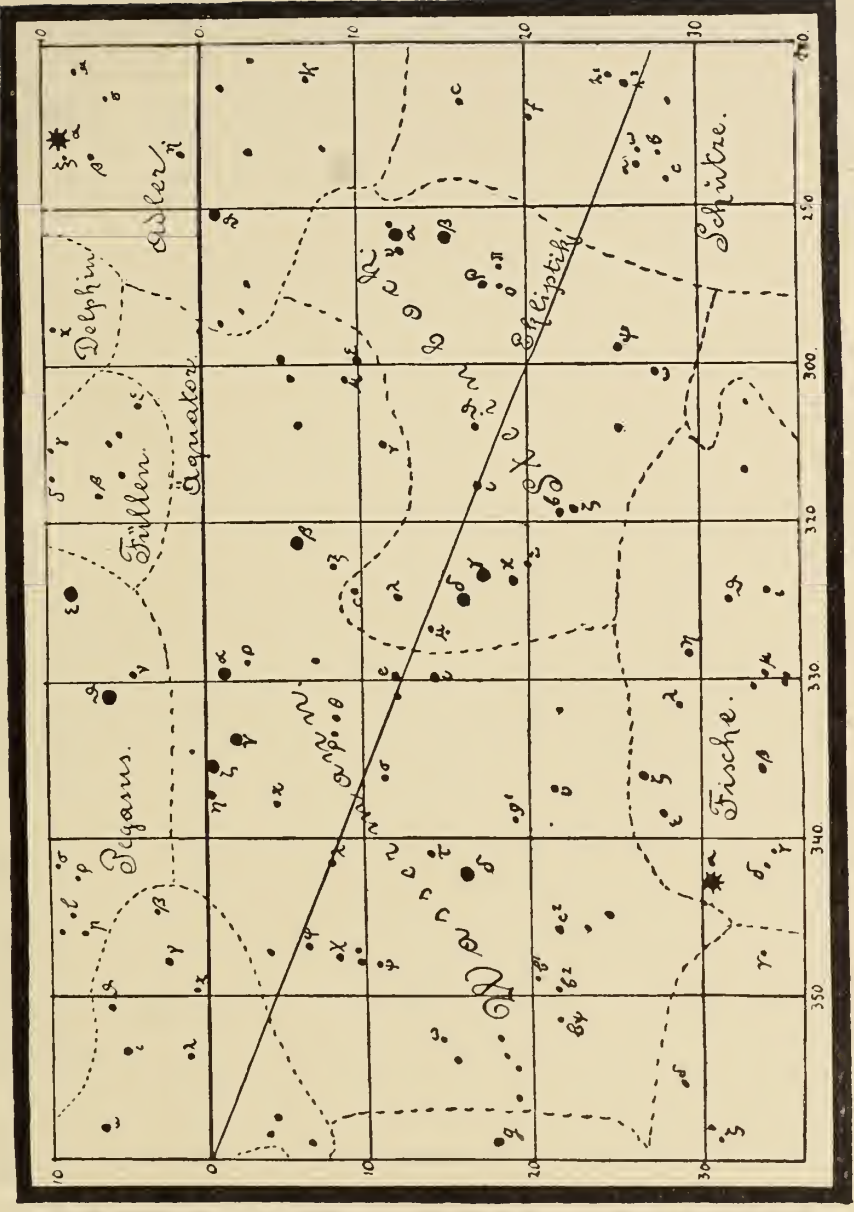

Copie aus Johann Ebert Bode's „Anleitung zur
 Kenntniss des gestirnten Himmels.“
 Berlin, 1792.

Copie aus Prof. Dr. v. Mädler's Atlas zur
 „Populären Astronomie“
 Strassburg 1885

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ V. № 3.

Volume V. № 3.

ИВАНЪ БОХЪ

ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1578 ГОДУ.

Г. К. Шмида.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 29-го ноября 1900 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1901. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

Н. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Киевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Рапонова въ Одессѣ,
Н. Кямеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ,
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic,
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 20 к. — Prix: 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 г.   Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578-мъ г.

Въ числѣ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ XVI столѣтіи въ Москву и оставившихъ намъ рассказы о своихъ путешествіяхъ, находится одинъ, память о которомъ давно забыта. Его имя не встрѣчается ни у Аделунга ни у Бестужева-Рюмина, ни даже у самаго внимательнаго и точнаго изслѣдователя исторіи нѣмецкой колоніи въ древней Москвѣ, А. В. Фехнера, автора двухтомной «Хроники евангелическихъ общинъ въ Москвѣ»¹⁾.

Неудивительно, правда, что рассказъ, о которомъ мы собираемся говорить, до сихъ поръ остался въ неизвѣстности. Какъ сообщеніе самаго автора о своемъ путешествіи, такъ и краткое извлеченіе изъ него, сдѣланное другимъ писателемъ, помѣщены въ такихъ книгахъ, въ которыхъ едва-ли бы кому въ голову пришла мысль искать ихъ. Притомъ же эта книга представляетъ собою такую библиографическую рѣдкость, что не находится ни въ одной изъ нашихъ библіотекъ.

Въ 1608 г. вышло въ свѣтъ въ Антверпенѣ соч.: *Ioannis Bochii S. P. Q. Antwerp: à Secretis Psalmorum Davidis Parodia Heroica. Eiusdem variae in Psalmos Observationes, Physicae, Ethicae, Politicae et Historicae. Antverpiae. Ex officina Plantiniana. Apud Ioannem Moretum, т. I, 229 стр.; въ концѣ второго тома, въ 820 стр., имѣется годъ его изданія: 1609-й. Извлеченіе же находится въ M. Adami Vitae Germanorum philosophorum: qui seculo superiori, et quod excurrit, philosophicis ac humanioribus literis clari floruerunt. Francofurti ad M. 1615 (стр. 497 изд. 1663 г.)*

Помѣстивъ короткое извѣстіе объ этомъ рассказѣ въ *Russische Revue* 1887 г. (т. XXVII стр. 330—344), мы теперь намѣрены сообщить, въ виду недоступности его, самый латинскій текстъ нидерландскаго писателя.

---

1) *Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, 1876.* Объ этомъ почтенномъ трудѣ съ заслуженной похвалой отзывается Д. Цвѣтаевъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, сент.* и въ своей книгѣ: *Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, М., 1886 г.*

Иванъ Бохъ, о жизни котораго небольшое число данныхъ есть въ біографическихъ сочиненіяхъ его соотечественниковъ¹⁾, родился въ Брюсселѣ 27-го іюля 1555 г. и получилъ свое образованіе въ цвѣтущей въ то время гимназіи въ городѣ Ath²⁾, гдѣ онъ такъ отличился своимъ искусствомъ писать латинскіе стихи, что заслужилъ себѣ, по отзыву своихъ соотечественниковъ, названіе бельгійскаго Марона. По окончаніи гимназіи, онъ вскорѣ, въ Римѣ въ 1576-мъ г., по его собственнымъ словамъ (стр. 7 втораго тома) былъ въ числѣ «домашнихъ» кардинала Георгія Радзивила, «который пользовался его услугами при своихъ ученыхъ занятіяхъ». Вмѣстѣ съ кардиналомъ онъ прилежно посѣщалъ лекціи знаменитаго преподавателя Беллярмина, приглашеннаго въ 1576-мъ г. съ богословской кафедры левенскаго университета на ту же кафедру въ коллегію іезуитовъ въ Римѣ; Бохъ сообщаетъ свѣдѣнія и о содержаніи нѣкоторыхъ изъ его лекцій.

Два года спустя послѣ переселенія въ Римъ, въ началѣ 1578-го г., Боху пришлось предпринять путешествіе въ Польшу, а оттуда онъ отправился въ Литву, и наконецъ въ Москву, куда онъ прибылъ въ концѣ ноября того же 1578-го г.

На дорогѣ онъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, почти отморозилъ себѣ ноги, и такъ какъ авторъ СХХХХVII-го псалма (по старому численію) въ 17-мъ ст. говоритъ о страшныхъ дѣйствіяхъ мороза, противъ котораго нельзя устоять никому (*ante faciem frigoris eius - Dei - quis sustinebit?*), то Бохъ приводитъ въ доказательство его словъ разсказъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя ему самому пришлось перетерпѣть.

Вотъ его слова въ латинскомъ оригиналѣ.

р. 732

Quod vero quidam referunt in iisdem regionibus mercatores sub tempus hiemis ad flumen Boristhenem ex vtraque ripa conuenisse, et collocutos esse, neque mutuo se intellexisse, quod congelata verba ob frigoris rigorem fuissent, vt nec in fluminis ripam peruenissent gelu intercepta; postea autem, cum glacies solueretur, verborum sonitum auditum fuisse, pro modulo solutionis, huiusmodi fabula talis est, qualem cupidis auditoribus narrare solent ij qui e longinqua peregrinatione redeunt, quo rerum a se apud exteros visarum maiorem admirationem concilient. Tametsi commenti eius grauem auctorem habeant Plutarchum, qui illud refert ab Antiphane prolatum, ioco

1) Auberti Miraei Elogia Belgica и т. д., Antw. 1609, стр. 209, Valerii Andreae Desseli, Bibliotheca Belgica, ed. ren. Lovanii 1643 стр. 461, Fr. Sweertsii Athenae Belgicae, Antw. 1628 стр. 461.

2) Въ той же гимназіи получили образованіе Arnold Lensaeus (de Lens), впоследствии лейбъ-медикъ царя Іоанна Грознаго, обыкновенно называемый въ современныхъ разсказахъ докторомъ Арнолоомъ, и погибшій при пожарѣ Москвы въ 1571-мъ г., а также извѣстный Iustus Lipsius.

tamen, in opusculo Quomodo quis sentiat se in virtute profecisse. Ceterum quoniam in regionibus Borealibus versatus olim fui, quid mihi acciderit quidque vi frigoris passus fuerim, non abs re erit hic subiicere; eoque magis credendum mihi esse arbitror, quod ea quae a vanis quibusdam hominibus atque scriptoribus scripta leguntur de sono verborum siue vocis congelato, et frigore dissoluto, rursus exaudito, vt diximus, tamquam fabulosa, et ab iis ficta, qui | longinquae peregrinationis nimio apud quosdam proban- p. 733
dae studio flagrant, explodenda existimem. Toto itaque anno septuagesimo octauo supra sesquimillesimum, tractu illo peragrato, quem Ostlandicum vocant, tandem e Liuonia in Lituaniam perueneram circa tempus Autumnale. Ac Vilna, quae illius regionis est metropolis, Smolescam in Russiae ditionem profectus sum: Boristhenem, qui praeterfluit, cymba transiui; eumque post quatrimum mense Nouembri glacie sic concretum vidi, vt vehiculo, quod traham vocant, transmitteretur. Post biduum ac totidem noctes Moscua (quae Magni Ducis earum regionum ciuitas immensa et regia est) perueni celeri cursu (Potvoda illorum lingua dicitur) cum Principis earum ditionum diplomate. Sed tantum in itinere frigus me corripuit, pedes potissimum, vt calore naturali illa parte extincto, primum quidem rigerent, deinde omni penitus sensu amisso, torpore quodam inducto stuperent. Rem parui momenti in principio faciebam, ac iam ad omnem frigoris vehementiam plane occalluisse me putabam. Post vero, vbi Moscuae in affinis mei aedibus in hypocausto concalescere incepti, tanti me dolores paulatim inuaserunt, meatibus interclusis quibus calor per venas neruosque diffunditur, vt maximis cruciatibus nocte dieque me afficerent, nec somnum aut requiem capere me permitterent. Etiam de pedibus resecandis agebatur: a qua membrorum mutilatione tantopere abhorrebam, vt quaeuis extrema ac mortem potius me pati velle dicerem. Accersitur chirurgus magni Ducis Moscouiae, qui spei valetudinis recuperandae adhuc aliquid affulgere certis signis asserebat. Fomenta is applicuit | per dies quatuordecim, cum aliud forte accessit in- p. 734
fortunium, ex quo tamen sanitas pedibus restituta est. Diurni siquidem acerbique doloris taedio confectus, ad amicum quemdam ciuem Lubecensem, qui cum incolis Naruiensibus e Livonia in coloniam, quam illis Moscuae habitandam dederat Ioannes Basilides illius gentis Princeps, abductus aliquot ante annos fuerat, traha vehendum me curau; vt e morbo conualescentes domo exire desiderant. Siquidem moerentibus familiare est, animae curas migratione discutere: iuxta Symmachum libro 9. Epist. 64. Animi gratia post prandium talis lusimus: cum ecce Naruiensis ac Torpatensis Slobada (sic illum tractum ciuitatis vocant, qui opidi vtriusque ciuibus vniuersis incolendus datus erat) ab ingenti armatorum multitudine occupatur. Princeps Basilides in medio vehebatur cum duobus suis filiis aliisque proceribus.

Atrati erant omnes, quod ego sinistri ominis loco habui, vt successus comprobauit. Omnes enim armati in colonias illas irruunt, domos intrant praedabundi, spoliant rapiuntque quidquid fuit obuium, vestimenta miseris vtriusque sexus ciuibus detrahunt auferuntque, nulla supellectile in aedibus relicta. Res erat luctuosa, tam multos homines, senes iuuenesque, puberes impuberes, nudos vt ex matre, huc illuc discurrere, latebras sibi quaerere, vt tam a vi frigoris, quod ibi est immodicum, quam raptorum contumeliis, qui nulla non immanitate in insontes saeuebant, et veluti nudis vestimenta detrahebant, sese tuerentur. Licet enim ex Principis edicto ita praeco praedicaret, *Spoliare, sed ne caedite*; tam multis tamen et atrocibus plerosque, p. 735 me certe inter ceteros, verberibus | exceperunt, vt pugnis os totum mihi impleuerint, fustium ictus multiplices impegerint, vulneribus et liuoribus ita deformauerint, vt quis essem vix agnoscerer. In tam praesenti mortis periculo, quae ob oculos versabatur, etsi pedibus adeo aeger accesseram, vt neque progredi, nec insistere sine fulcimentis subalariis possem, prae metu tamen doloris oblitus in fugam me dedissem, tantus enim vigor pedibus iam redierat (quod vel timori, qui repentinae mutationis saepe causa extitit, vel crurum vulneribus copiaequae sanguinis vbertim fluentis adscribebam) sed brumae inclementia, nudoque corpori prorsus intoleranda, viarum ignoratio, magnitudo periculi, si forte in praedones nudus incidissem, quod aliter fieri nullo modo potuisset, plebe vniuersa ad praedandum accurrente, ab incepto desistere, et latebras quaerere me fecit: vnde saepe extractus, saepe vapulaui, totaque nocte crudis verberibus, variisque contumeliis, homines plusquam barbari nos exercuerunt. Affinis autem meus, cui nupta erat cognata quaedam mea, nobilis e Lusatia Germanus, mane diluculo ad quaerendum me miserat. Venit itaque Principis chirurgus, qui inuentum trahae me imposuit, et ad pharmacopolae, Principis item ministri, aedes auexit. Ibi vulneribus primum obligatis, cur tam immaniter in colonos suos Basilides saeuisset, causam intellexi. Moschorum in Germanos (inter hos sunt Liuones) perpetuum est odium: quos etsi abductos in colonias, ac veluti seruitutis quoddam domicilium, videntes ditescere, laboris scilicet et industriae ingenio, inuidia torquebantur (quemadmodum in Israëlitas Aegyptii) fre-

p. 736 quentes ad clerum, qui ritu Graeco illis praeest, | querimoniae a populo deferuntur, Liuones captiuos opibus augeri Moschorum detrimento: causamque praetexebant libertatem illam, qua Liuonibus Germanisque vendere cereuisiam, hydromeli aut medonem, eamque potionem, quam aquam vitae vocant, a Principe permittitur; Moschis, nisi indulto eius speciali, prorsus interdicatur. Perueniunt hae querelae ad Metropolitē, qui Ecclesiastica inter illos dignitate, velut Pontificia, ceteris antecellit. Is rem ad Basilidem cum augmento defert: militiam videlicet per Germanos corrumpi ac exui facultatibus,

vt cum ad belli expeditionem cum Principe sit eundum, equos et arma comparare sibi nequeant, pecunia qua indigent in aedibus Germanorum ac cauponis absumpta. Placuit Basilidi calumnia seu commentum, ceteroquin ad omnem feritatem propenso, vt ex Pauli Oderbarnij et eorum scriptis liquet, qui vitam eius et res gestas conscripserunt: atque vt suorum postulatis satisfaceret, Germanos in praedam diripiendos dedit. Talis innocentes spoliandi fuit ratio. Quae ideo tantum a me referuntur, vt meo exemplo doceam, quanta cum molestia, vt cum Psalmista dicam, frigus sustineatur; Deoque gratias agam, quod e tantis cladibus incolumis euaserim.

Итакъ разсказъ Боха представляетъ собою не лишенное извѣстнаго значенія свидѣтельство очевидца, лично пострадавшаго отъ одного изъ набѣговъ Іоанна Грознаго на нѣмецкую слободу. Свидѣтельство это просится на сравненіе съ показаніями другихъ иностранцевъ, сообщившихъ о такихъ же происшествіяхъ около того-же времени. По словамъ Боха дѣло для слободы на этотъ разъ кончилось сравнительно благополучно: не было убитыхъ. Очевидно разсказъ Одерборна о страшной расправѣ съ плѣнными (книга его издана въ первый разъ въ 1585-мъ г. «Witebergae», а 2-мъ и 3-имъ изданіемъ въ Антверпенѣ) относится къ веснѣ или къ лѣту 1578-го г., такъ какъ тогда трупы убитыхъ были брошены въ Неглинную, и она не тождественна съ набѣгомъ во время Боха, который, зная жизнеописаніе Одерборна и ссылаясь на него называетъ Іоанна *ceteroquin ad omnem feritatem propensum*. Къ тому же происшествію 1578-го г. Фехнеромъ приуроченъ и разсказъ англичанина Горсея о нападеніи Іоанна Васильевича на нѣмецкую слободу. Горсей, по порученію царя, въ 1580-мъ г. былъ посланъ въ Англію и возвратился въ слѣдующемъ году; во время его отсутствія случился, по его словамъ, набѣгъ, о которомъ онъ разсказываетъ. Однако, нѣкоторыя подробности, передаваемыя Горсею его соотечественниками, оставшимися въ Москвѣ, едва ли позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что описываемый имъ набѣгъ дѣйствительно случился въ 1580-мъ г., и былъ, слѣдовательно, уже повтореніемъ набѣга 1578-го г. По его словамъ въ этотъ разъ молодыя и старыя женщины изъ лифлянокъ были изнасилованы, самыя молодыя и красивыя увезены; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось убѣжать въ домъ англичанъ (на Варваркѣ), гдѣ ихъ спрятали, одѣвали и спасли не смотря на опасность навлечь на себя гнѣвъ царя. Можно сказать, что Бохъ не промолчалъ бы объ этихъ подробностяхъ, если бы онѣ случились при немъ.

За то разсказъ французскаго капитана Маржерета, прибывшаго въ Москву не ранѣе 1602-го г., безъ сомнѣнія относится къ набѣгу 1578-го г. Его *Estat de L'Empire de Russie et Grande Duché de Moscouie*, изданный въ Парижѣ въ 1607-мъ г., одинъ фактъ передаетъ даже почти дословно со-

гласно съ Бохомъ, именно, что мушоны и женщины были раздѣты до нага (*sans respect d'age n' y de sexe et bien qu'en hyuer furent mis à nud comme les enfans sortans du ventre de leurs meres*); однако донесеніе его, основанное, вѣроятно, на устномъ преданіи, въ нѣкоторыхъ пунктахъ не заслуживаетъ довѣрія, напр. въ томъ, что будто бы двѣ церкви нѣмцевъ въ самомъ городѣ (*dedans la ville*) были разрушены по приказанію царя. Невѣроятно и то, что Маржеретъ передаетъ относительно побудительныхъ причинъ къ этому набѣгу (см. Фехнера I, стр. 97 и сл.).

Благодаря Боху мы узнаемъ, что опричнина царя, которая по Карамзину уже раньше была упразднена, въ 1578-мъ г. еще существовала, такъ какъ къ ней только можно отнести черное платье, въ которомъ всѣ явились (*atrati erant omnes*).

Въ разсказѣ Боха нельзя не замѣтить нѣкоторую сдержанность и даже осторожность: онъ почти ограничивается описаніемъ того, что случилось съ нимъ лично. Точно также онъ не называетъ ни одной изъ фамилій тѣхъ лицъ, съ которыми онъ былъ знакомъ. Впрочемъ извѣстно, что Лужичане жили въ Москвѣ: одинъ изъ нѣмецкихъ пасторовъ, Іоachimъ Скултетусъ (*Scholz*), очевидно родомъ изъ Лузаціи, умеръ тамъ въ 1587 г. (Фехнеръ, II, стр. 443), а въ 1579-мъ г. послы царя приглашали для составленія карты Московіи въ Москву другого Лужичанина, носившаго ту же фамилію, именно Варроломея Скултетуса, и жившаго въ Гёрлицѣ¹⁾.

Точно также Бохъ не называетъ и фамилій ни доктора ни аптекаря, пользовавшихся его. Въ то время жили въ Москвѣ лейбъ-медики Элизей Бомель, родомъ изъ Вестфаліи, по пріѣхавшій въ Москву изъ Англіи, гдѣ онъ учился медицинской наукѣ²⁾, и Іоаннъ Эйлофъ (*Eyloff*), по предположенію Фехнера (I стр. 106) тождественный съ тѣмъ, который по Посевину былъ родомъ изъ Голландіи. Если же придавать значеніе слову *chirurgus*, то, можетъ быть, Боха лечилъ Ричардъ Эльвесъ, пріѣхавшій въ Москву вѣроятно уже въ 1557-мъ г. и возвратившійся на родину въ 1583-мъ г. А кто былъ придворный аптекарь, объ этомъ не дошло до насъ ни малѣйшаго свѣдѣнія.

Благодаря той же сдержанности Боха остается неизвѣстнымъ, съ какой цѣлью онъ предпринялъ свое путешествіе. Очевидно, что онъ въ на-

1) См. статью Е. Замысловскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1889-го г. стр. 123, написанную на основаніи данныхъ, отчасти представленныхъ ему мною.

2) Кстати замѣтимъ, что извѣстія о Бомелѣ почти исключительно англійскаго происхожденія, а Горсей называетъ его «врагомъ нашей націи». Когда слѣдствіе было наряжено объ его соучастіи въ заговорѣ, «пытка», по выраженію академика Гамеля, «привела его къ сознанию» (*Tradescant der Aeltere* и т. д. въ *Recueil des Actes de la Séance publique... St.-Petersbourg 1847 г. стр. 229*). Такое сознаніе, конечно, ничего не доказываетъ.

чалъ 1578-го г. прѣѣхалъ «въ тотъ край, который называется Ostlandicus», и въ Литву, «главный городъ которой Вильно», вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, Георгіемъ Радзивиломъ; послѣдній въ 1579-мъ г. былъ назначенъ Виленскимъ епископомъ ¹⁾. Возможно, что Бохъ поѣхалъ въ Москву просто въ качествѣ любознательнаго путешественника и изслѣдователя сѣверныхъ странъ и народовъ. Въ пользу этого говоритъ то, что онъ выбралъ обратный путь по сѣверному океану и посѣтилъ м. пр. Лаппонію и полуостровъ Кола (см. стр. 528). Однако возможно предположить и то, что путешествие его преслѣдовало церковно-дипломатическую цѣль, тѣмъ болѣе, что онъ ѣхалъ на подводѣ и съ царской грамотой. Извѣстно, что въ то время сношенія существовали между католической церковью и царемъ, и 18-го августа 1581-го г. явился къ царю іезуитъ Поссевинъ. Какъ лицо близкое къ кардиналу, находящемуся въ тѣхъ же краяхъ и уже намѣченному для занятія виленской епископской кафедрѣ, ярый католикъ Бохъ могъ быть отправленъ съ цѣлью предварительнаго изслѣдованія положенія дѣлъ при Московскомъ дворѣ. Въ пользу нашего предположенія говоритъ осторожность Боха (напоминающая приемы біографовъ его, католиковъ): она выражается въ томъ, что онъ съ настойчивостью утверждаетъ и въ началѣ, и въ концѣ своего разсказа, что цѣль его — доказать одну только силу морозовъ. А такое утвержденіе онъ считаетъ важнымъ еще во время написанія своего разсказа, можетъ быть, двадцать лѣтъ спустя послѣ своего путешествія!

Впрочемъ, въ книгѣ Боха находятся въ различныхъ мѣстахъ еще другія наблюденія, сдѣланныя имъ во время путешествія; мы сообщаемъ ихъ здѣсь, такъ какъ они не лишены нѣкотораго интереса. Именно:

Ad Ps. LXXI v. 9 *Lingere terram pro osculari ponit; vt solent Asia-* p. 302
tici, in subiectionis signum. Vidi Moscouitas hanc submissionem principi suo exhibentes, vt non modo coram eo proni concidant, capite ad terram vsque demisso, et fronte in solum illisa; sed etiam cum eius tantum nomen e diplomate siue comteatu, qui mihi et comitibus a principe datus erat, recitaretur, cum fausta salutis precatatione et acclamatione in terram procidentes. Suffragatur Propheta Isaias cap. 49. v. 23... et Michaeas cap. 7. v. 17.

Ad Ps. LXXXV v. 11 *Mos osculandi inter salutandum non solum a* p. 417
Romanis receptus fuit, verum etiam a Graecis.... Quod a Graecis transiisse cum religione ad Moschos puto, quos vidi saepenumero obuios osculo excipientes.

1) См. Gams, Series Episcoporum, Ratisbonae 1873, стр. 360.

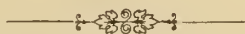
- p. 528 Ps. CIII v. 28. Taceo tenebras varietate loci naturales, vt sub vtroque polo nox una sit perpetua sex mensium, diesque totidem illi succedant similiter perpetui: in locis proximis quatuor, in remotioribus duorum vel vnius mensis. Cuius oculatus ego testis fui, in illo itinere quod in Moscouiam, Colam usque, et Oceanum Septentrionalem confeci, et in illa navigatione se vidisse testantur Hollandi, quam anno 1596. in eodem Oceano versus nouam Zemlam exemplo non prius audito instituerunt.
- p. 530 Ibidem. Equidem hoc testari possum, vtpote ἀπόπτῆς, in regionibus Borealibus continuas tempore brumae noctes esse spatio semestri, vel breviorē, secundum quantitatem portionis Zodiaci interceptae.
- p. 330 Ad Ps. LXXV v. 4. His finitimi Moscouitae, Poloni, Tartari omnesque Orientales arcubus vtuntur.
- p. 331 Ibidem. Hoc apud Lappones aliasque nationes Septentrionales adhuc obseruari memini, cum eas regiones peragrarem: vbi matres non ante cibum filiis suis praebere consexi, quam rem propositam iaculo confixissent.
- p. 404 Ad Ps. LXXX v. 17. Potest etiam referri ad naturalem apum in rupibus mellificantium abundantiam: vbi sine hominum arte vel industria mella colliguntur: vt persaepe videre me contigit in Russia vel Moscouia; ingentes nimirum mellis fauos in arborum concauitatibus conditos, qui ab agricolis, vastissimas siluas siue casu siue quaerendi mellis studio peragrantibus, nullo negotio eximuntur.
- p. 512 Ad Ps. CIII v. 15. Neque certe eandem vim cum sanitate exhilarandi [quam vino] Cantabrorum et Gallorum *sidrae* tribuerim, nec *cereuisiac*, aut *hydromeli* vel *medoni* Germanorum populorumque Septentrionalium: crassiores enim quam ex vino humores potiones illos gignere experientia docet, quamuis ebrietatem non secus atque vinum conciliant.

Возвратившись вѣроятно черезъ Архангельскъ на голландскомъ кораблѣ на родину, Бохъ написалъ стихотвореніе: Panegyricus Alexandro, Parmae Principi, recepta Antuerpia (въ 1585-мъ г.), за что онъ, по его предложенію, былъ назначенъ секретаремъ Антверпенскаго магистрата (senatui populoque a secretis). При отправленіи своей должности онъ издалъ еще нѣсколько подобныхъ сочиненій болѣе или менѣе политическаго характера. Затѣмъ онъ занимался переложеніемъ на латинскіе стихи псалмовъ и объясненіемъ ихъ. Однако, появленія своего труда въ печати ему

не было суждено видѣть: онъ умеръ 13-го января 1609-го г., вслѣдствіе паралича, какъ говоритъ Свертсъ, на его рукахъ. На стр. 818 втораго тома помѣщено *Epitaphium Ioannis Bochii Psalterio suo iam lucem visuro praemortui*, сочиненное имъ самимъ: *Quis situs hic? Bochius. satis hoc. nam cetera dicent Candor et integritas, Ingeniumque viri.* Затѣмъ: *Ioanni Bochio Bruxellensi S. P. Q. Antwerp. a Secretis praepropera morte sublato Id. Ian. СІЮЮСІХ. Sabina Bochia F. ex asse heres Parenti optimo cum lacrimis pos. Sola virtus expers sepulchri.* Бохъ не былъ счастливъ въ супружествѣ, *quod fere viris magnis commune est*, прибавляетъ его біографъ. Сабина была, вѣроятно, его единственная наслѣдница; единственный сынъ его *Ioannes Ascanius*, умеръ юношей въ Калабріи; онъ также былъ поэтомъ и Свертсъ издалъ стихотворенія отца и сына въ одномъ и томъ же сборникѣ (*Poëmata, epigrammata, elegiae. Varie dispersa collegit Fr. Sweertius. Coloniae, 1615*).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ V. № 4. | **Volume V. № 4.**

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ИСТОРИИ

МОСТОВЫХЪ И РѢШЕТОЧНЫХЪ ДЕНЕГЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ XVII-го ВѢКА,

СООБЩЕННЫЕ

А. С. Лаппо-Данилевскимъ и И. Н. Миклашевскимъ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 8 ноября 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1902. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

**Н. Н. Глазунова, М. Эггера и Кош. и К. Л.
Рикера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Мо-
сквѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клокниа въ Москвѣ,
Е. П. Распонова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ,
Люзакъ и Кош. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic,
Luzac & Cie. à Londres.

Цѣна: 80 коп. — Prix: 2 Mk.

Издано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1902 года.

Непрерывный секретарь, Академикъ *Н. О. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
1. Дюймочная книга 7202—7203 гг. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Вѣлаго и Земляного городовъ, изд. подъ редакціей И. Н. Миклашевскаго.....	I—X 1—43
2. А. Лаппо-Данглевскій, «Мостовыя и рѣшеточныя деньги» въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ.....	46—73

ДОИМОЧНАЯ КНИГА 7202—7203 гг.

ПО

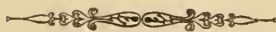
СБОРУ МОСТОВЫХЪ И РѢШЕТОЧНЫХЪ ДЕНЕГЪ

СЪ

КРЕМЛЯ, КИТАЯ, БѢЛАГО И ЗЕМЛЯНОГО ГОРДОВЪ.

ИЗД. ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. Н. Миклашевскаго.

Доимочная книга 7202—7203 гг. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля и Китая, а также съ городовъ Бѣлаго и Земляного хранится нынѣ въ Московскомъ Отдѣлѣ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (оп. 39, № 27/4); она писана на 361 листѣхъ, въ большую четвертку. Цифры въ книгѣ проставлены по-славянски; письмо на обѣихъ сторонахъ каждаго листа; исключеніе составляютъ нѣсколько чистыхъ листовъ, а именно: 1 об., 71 об., 4, слѣдующіе послѣ 71-го, 136 об. и за нимъ 3 листа; листы послѣ 71-го л. и 136 об. не нумерованы. — По содержанію это доимочная книга приказа Земскихъ Дѣлъ по сбору рѣшеточныхъ, мостовыхъ и судныхъ денегъ съ дворовъ, лавокъ и т. п. города Москвы (Кремль, Китай, Бѣлый и Земляной города и за Землянымъ городомъ). Книга скрѣплена дьяками приказа Земскихъ дѣлъ Иваномъ Кодратовымъ и Василиемъ Мануиловымъ; она переплетена въ кожаный переплетъ коричневаго цвѣта; застежки ея выпали¹⁾.

---

1) И. П. Миклашевскій, преждевременно скончавшійся въ Харьковѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1901 года, не успѣлъ составить описаніе выѣшняго вида найденной имъ рукописи; оно любезно сообщено намъ А. И. Успенскимъ, служащимъ въ московскомъ отдѣлѣ архива министерства императорскаго двора.

ВВЕДЕНІЕ.

Печатаемый ниже памятникъ представляетъ изъ себя не лишнее интереса дополненіе къ имѣющимся въ исторической литературѣ свѣдѣніямъ о числѣ дворовъ и составѣ дворовладѣльцевъ Москвы въ самомъ концѣ 17-го столѣтія. Памятникъ этотъ найденъ нами въ московскомъ отдѣленіи Общаго Архива вѣдомства Императорскаго двора, въ которомъ хранится также напечатанная г. Забѣлинымъ во 2 № части «Матерьяловъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы» (изданныхъ московской городской Думой) доимочная книга по сбору мостовыхъ денегъ съ лавокъ, лавочныхъ и скамейныхъ мѣстъ и другихъ торговопромышленныхъ заведеній Москвы, составленная на основаніи приходныхъ окладныхъ книгъ 202—207 годовъ, т. е. почти одновременно съ печатаемой ниже. Обѣ книги «доимочныя». Какъ таковыя онѣ содержатъ въ себѣ свѣдѣнія далеко не о всѣхъ дворахъ и не о всѣхъ лавкахъ и торговопромышленныхъ заведеніяхъ города, но только о тѣхъ, за которыми числилась недоимка по одному изъ самыхъ раннихъ специально городскихъ налоговъ — т. н. «мостовыхъ деньгахъ». Тѣмъ не менѣе данными, заключающимися въ этихъ книгахъ приходится дорожить, такъ какъ на основаніи имѣющихся въ литературѣ свѣдѣніяхъ еще и до настоящаго времени составить сколько нибудь полное описаніе Москвы 17-го вѣка — нельзя. На сколько намъ извѣстно полного подробнаго описанія массоваго характера всей Москвы не сохранилось, или оно еще не разыскано въ дебряхъ нашихъ архивовъ. Правда о старой Москвѣ достаточно много и подробно рассказываютъ въ своихъ описаніяхъ посѣщавшіе ее иностранцы¹⁾, но свѣдѣнія ихъ о размѣрахъ ея обыкновенно преувеличены, что въ достаточной степени объясняется тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производилъ на нихъ широко раскинувшійся по обѣ сто-

---

1) Сводъ свѣдѣній о Москвѣ по сообщеніямъ иностранцевъ напечатанъ г. Ивакинѣмъ въ приложеніи къ «Описанію польскаго посольства въ Москву въ 1678 году Бергарда Таннера».

роны Москвы-руки городъ, съ величественнымъ Кремлемъ и множествомъ церквей-монастырей и часовень. Несомнѣнно также, что и Москвичи 17-го вѣка преувеличивали въ своихъ разсказахъ иностранцамъ размѣры своего «царствующаго града» и число его церквей, утверждая, что число это равно «сорока сорокамъ» или 1600. Можно думать, что выраженіе «сорокъ сороковъ», употреблявшееся какъ счетное въ торговлѣ мѣхами, было перенесено на счетъ церквей Москвы только по созвучію, такъ какъ «сорокъ» употреблялось также въ качествѣ какого то, до сихъ поръ несомнѣнно яснаго, церковно-административнаго дѣленія. По крайней мѣрѣ, одинъ памятникъ, правда относящійся уже къ 18-му вѣку, описываетъ церкви «Китайскаго сороку», «Ивановскаго сороку», «Срѣтенскаго, Никитскаго, Пречистенскаго и другихъ сороковъ» Москвы¹⁾. Подсчетъ церквей и монастырей, сдѣланный по указателямъ, приложеннымъ къ названнымъ выше «Матерьяламъ для исторіи и проч.» даетъ основаніе думать, что число церквей въ Москвѣ 17-го вѣка, считая и домовыя и монастырскія, врядъ ли превышало цифру 400 и пожалуй, даже не достигало ее²⁾. Большинство московскихъ церквей и монастырей Москвы 17-го вѣка съ достаточною подробностью описано въ напечатанныхъ г. Забѣлинымъ писцевыхъ, строгельныхъ книгахъ и другихъ памятникахъ, собранныхъ имъ въ его «матерьялахъ». Гораздо хуже стоитъ дѣло описанія дворовъ. Самое подробное изъ имѣющихся относится только къ Китаю и составлено съ полицейскими цѣлями (для организаціи защиты отъ пожаровъ) въ 1695 году дьякомъ Игнатіемъ Алякиевичемъ Лукинымъ. Это описаніе, напечатанное г. Зерцаловымъ въ «Чтеніяхъ въ Моск. Об. Ист. и Древ.» (кн. 2 за 1893 г.) содержитъ въ себѣ свѣдѣнія не только о числѣ дворовъ въ Китаѣ и о составѣ его дворовладѣльцевъ, но и о числѣ «жителей», т. е. квартирантовъ, обитавшихъ или въ отдѣльныхъ избахъ, или въ подклѣтяхъ и горницахъ дворовладѣльцевъ. Свѣдѣнія о размѣрахъ каждаго отдѣльнаго двора въ этой книгѣ нѣтъ. За свѣдѣніями этого рода приходится обращаться къ неизданнымъ еще до сихъ поръ писцевымъ книгамъ, сохранившимся, къ сожалѣнію, только въ обрывкахъ и хранящимся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министертва Императорскаго двора. Здѣсь хранится рукопись, содержащая въ себѣ неполное писцевое описаніе Бѣлаго города 1620—1621 годовъ, «списки съ дапныхъ книгъ, кому именемъ даваны подъ дворы мѣста въ Каменномъ и деревянномъ городахъ» (для каждаго порознь) и «списки съ писцевыхъ

1) Матерьялы для исторіи и проч. кн. 2 стр. 547 и слѣд.

2) При каждой церкви въ старину было, обыкновенно, отъ 4 до 5 дворовъ, а именно дворы попа, дьяка, дьячка, пономаря и просвирицы. При соборныхъ церквахъ были еще дворы протопоповъ, ключарей, ризничихъ и т. д. Общее число дворовъ, принадлежавшихъ духовенству церквей Москвы въ концѣ 17 вѣка было равно (см. ниже) 1236. Эта цифра косвеннымъ образомъ указываетъ и на число церквей Москвы того времени.

книгъ письма и мѣры Федора Пушкина съ товарищи 129 года чернымъ дворомъ и дворовымъ мѣстомъ» — въ деревянномъ городѣ¹⁾. Тамъ же и краткія выписки изъ этихъ книгъ. Писцовыя книги Москвы, составленныя въ 147 (1639) году, на которыя встрѣчаются очень часто ссылки въ «Матерьялахъ» г. Забѣлина, повидимому утрачены, какъ утрачены также писцовыя и переписныя книги 187 (1679), 188 (1680) и 1701 годовъ, о которыхъ мы знаемъ благодаря любознѣтной «Запискѣ земскаго приказа о числѣ дворовъ по разрядамъ жителей 1701 года», напечатанной г. Забѣлинымъ въ сдѣлавшихся въ настоящее время библиографической рѣдкостью — Московскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ за 1856 г. № 1-й, подъ приведеннымъ только что заглавіемъ. Изъ текста этой записки видно, что она составлена по «писцовымъ и переписнымъ книгамъ 187, 188 и нынѣшняго 701 года»; она представляетъ изъ себя то, что на языкѣ статистиковъ 17-го вѣка носило названіе «перечня», а на языкѣ современныхъ статистиковъ называется сводной таблицей; этотъ памятникъ весьма важенъ. Онъ пока единственный, на основаніи котораго можно хотя до нѣкоторой степени судить какъ о числѣ дворовъ во всей Москвѣ 17-го вѣка и о составѣ ея дворовладѣльцевъ²⁾. Представляемъ здѣсь этотъ памятникъ въ видѣ таблицы, сохранивъ въ немъ все его главнѣйшіе рубрики.

1) См. «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ» Викторова, вып. 2-й стр. 615.

2) Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о старыхъ планахъ города Москвы. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ приложень къ сочиненію Герберштейна «Regum Moscoviticarum Commentarii» и относится къ первой четверти 16-го столѣтія. На планѣ этомъ изображены лишь Кремль и прилегающія къ нему мѣстности и при томъ, далеко не соответственнно дѣйствительности. Къ «Сказаніямъ Массы и Геркмана о смутномъ времени» приложено планъ очень малаго масштаба всей Москвы, составленный первымъ изъ названныхъ авторовъ въ 1606 году. Наибольшею извѣстностью пользуется планъ Москвы, составленіе котораго приписывается царевичу Оедору Борисовичу Годунову. Планъ этотъ извѣстенъ по заграничному изданію его, сдѣланномъ въ 1610 г. на двухъ большихъ листахъ и, по словамъ г. Бѣлокурова («Планы г. Москвы XVII вѣка», изданія комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ 1898, стр. 2) былъ издаваемъ довольно часто въ теченіи XVII вѣка за границую въ разныхъ «космографіяхъ», а также при описаніяхъ путешествій по Россіи (Олсarıя и Меперберга) лишь съ незначительными измѣненіями. Планъ 1610 года воспроизведенъ въ повѣйшее время въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества т. IV вып. 5. СПб. 1863. Онъ изображаетъ Москву съ высоты птичьего полета со всеми ея церквами и зданіями и уже поэтому онъ не можетъ быть достаточно нагляднымъ и подробнымъ. Особый интересъ приобрѣтаютъ поэтому рукописныя планы Москвы, изъ которыхъ нѣкоторые изданы въ приложеніи ко 2-му тому «Записокъ Отдѣленія русской и славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, а нѣкоторые въ названной выше брошюрѣ г. Бѣлокурова. Эти рукописныя планы относятся или къ отдѣльнымъ мѣстностямъ той или другой части старой Москвы (по большей части второй половины 17-го вѣка) или отдѣльныхъ дворами того или иного лица или учрежденія. Не смотря на ихъ схематичность они даютъ ипогда возможность точно воспроизвести размѣры площадей, занятыхъ дворами, равно какъ и перечислить тѣ зданія, которыя на нихъ находились.

ДВОРОВЛАДѢЛЬЦЫ.	Ч И С Л О Д В О Р О В Ъ .											
	Кремль.		Китай.		Бѣлый.		Земляной.		За Земляп.		ВСЕГО.	
	Дворовъ.	%	Дворовъ.	%	Дворовъ.	%	Дворовъ.	%	Дворовъ.	%	Дворовъ.	%
Патріархъ, митрополитъ, монастыри (подворья)	9	20,9	27	9,8	33	1,3	30	0,4	35	0,6	134	0,8
Духовенство (соборные и приходскіе попы, дьяки и причетники).	29	67,5	119	43,5	438	17,4	431	5,8	219	3,5	1236	7,6
Бояре	3	7,0	17	6,4	68	2,7	45	0,6	62	1,0	195	1,2
Высшіе разряды служилыхъ людей (до стольниковъ)	1	2,3	14	5,2	76	3,0	52	0,7	65	1,1	208	1,3
Стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы	1	2,3	23	8,4	954	37,7	1398	19,0	455	7,4	2831	17,3
Начальные люди солдатскихъ полковъ	—	—	2	0,7	2	0,0	36	0,4	53	0,9	93	0,5
Конюшеннаго чину	—	—	—	—	9	0,4	187	2,6	278	4,5	474	2,9
Рейтары и солдаты	—	—	—	—	—	—	54	0,7	142	2,3	196	1,2
Патріаршіе дѣти боярскіе и печатнаго двора разныхъ чиновъ люди	—	—	—	—	—	—	118	1,5	—	—	118	0,7
Дьяки	—	—	24	8,9	83	3,3	90	1,2	65	6,1	238	1,4
Подьячіе	—	—			299	11,8	837	11,3	372	6,1	1532	9,4
Приказные и другіе сторожа и пристава	—	—	6	2,1	24	0,9	65	0,9	66	1,1	161	0,9
Иноземцы, переводчики, алтекари, кормовщики и проч.	—	—	—	—	37	1,5	46	0,6	46	0,8	129	0,8
Гости и гостинной сотни	—	—	21	7,7	49	1,9	156	2,1	98	1,5	324	2,0
Посадскія люди разныхъ слободъ.	—	—	8	2,9	358	14,2	3208	43,3	2670	43,7	6244	38,2
Дворовые люди, ключники, подключники, стряпчіе, монастырскіе служки и служебники, государевы оброчные и монастырскіе крестьяне и проч.	—	—	7	2,3	97	3,8	568	7,6	1227	20,0	1899	11,7
Мастеровые люди, живописцы, золотописцы, столяры, денежнаго и печатнаго двора мастеровые люди, каменнаго дѣла подмастерья, ожигаальщики и проч.	—	—	6	2,1	—	—	73	0,9	262	4,3	341	2,1
Нищіе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,0
Всего	43	100	274	100	2527	100	7394	100	6117	100	16355	100
% всего	0,2	—	1,7	—	15,4	—	45,3	—	37,4	—	100	—

Эта табличка даетъ довольно наглядное представленіе о распредѣленіи дворовъ въ Москвѣ 17-го вѣка, какъ по частямъ города, такъ и по составу его дворовладѣльцевъ, а печатаемый ниже памятникъ даетъ возможность нѣкотораго поясненія заключающихся въ ней цифръ.

Такимъ образомъ, на основаніи цифровыхъ показаній нашей таблицы не трудно придти къ заключенію, что 88,4% всего числа дворовъ, находившихся въ Кремлѣ, принадлежало, духовенству разныхъ разрядовъ и главнымъ образомъ, какъ то видно изъ печатаемаго ниже памятника, духовенству кремлевскихъ соборовъ и придворныхъ церквей. Здѣсь же находились, какъ извѣстно государевы дворцы и присутственныя мѣста (приказы), къ

сожалѣнію не переименованные въ интересующихъ насъ въ настоящее время памятникахъ¹⁾. Если мы вспомнимъ составъ дворовладѣнія другихъ городовъ московской Руси 17-го вѣка, то усмотримъ величайшее сходство между Кремлемъ Москвы и «городами» другихъ городовъ. Въ послѣднихъ находился обыкновенно дворъ воеводскіи, съѣзжая изба, помѣщенія для государевыхъ запасовъ, паряда и зелья, соборная церковь и дворы ея причта. Правда въ «городахъ» иногда бывали и дворы служилыхъ людей, но по большей части не для постоянного жительства, а для «осаднаго времени», какъ тогда выражались. Если въ городахъ устранивались дворы для постоянного жительства, то правительство стремилось свести ихъ даже въ тѣхъ городахъ, которые по своему географическому положенію представляли, казалось бы, наименьшую опасность въ отношеніи набѣговъ на нихъ всякаго рода воинскихъ людей. Такъ въ писцевой книгѣ Устюга Великаго²⁾ читаемъ слѣдующее мѣсто «въ городѣ построено было посадскихъ людей 25 дворовъ, да 17 дворовъ стрѣлецкихъ; и въ прошломъ 187 году, по указу государя... велено тѣ дворы изъ города вынести». Въ московскомъ Кремлѣ было, какъ то видно изъ нашей таблицы, только 5 дворовъ служилыхъ людей высшихъ разрядовъ, изъ которыхъ 3 было боярскихъ, одинъ — кравчаго и одинъ стольника.

Непосредственно къ кремлевскимъ стѣнамъ примыкалъ Китай—средоточіе торговли того времени. Относительно небольшое пространство, окруженное стѣнами, было занято площадью, на которой находилось 2 соборныя церкви — Покрова Пресвятой Богородицы что на Рву (Василій Блаженный) и Казанскія Пресвятыя Богородицы и свыше 30 приходскихъ церквей. Тутъ же стояло 72 ряда лавокъ³⁾ и, по однимъ свѣдѣніямъ 274, а по другимъ 332 двора⁴⁾. «Здѣсь и въ сосѣднихъ улицахъ» говорятъ одинъ изъ иностранцевъ, посѣтившій Москву въ 1671 году, среди постоянной толкотни идетъ мелочная торговля предметами первой необходимости. Къ площади примыкаетъ мѣстность въ $\frac{1}{2}$ мили окружностію, гдѣ находятся лавки со всевозможными товарами. Для каждаго назначенъ свой рядъ: въ одномъ ряду торгуютъ шелковыми матеріями, въ другомъ шерстью, въ третьемъ — полотномъ... для масла, сала, жира — свой рядъ, для свѣчъ и воску — свой... наконецъ свой рядъ назначенъ для муки и хлѣба... свой — для старья и низенькихъ цырулень. Все это размѣщено въ такомъ порядкѣ

1) Очень хорошій планъ зданія приказовъ см. въ названной выше брошюрѣ г. Бѣлокурова стр. 5.

2) А. М. Ю. № 511, л. 11.

3) Въ описаніи, напечатанномъ г. Зерцаловымъ (см. выше) названа эта цифра. По «домочной» книгѣ, напечатанной г. Забѣлинымъ число этихъ рядовъ значительно меньше.

4) См. упомянутое выше описаніе Лукина.

съ тою цѣлью, чтобы покупателямъ легче было изъ собранныхъ въ одномъ мѣстѣ одинаковыхъ товаровъ выбрать какія лучше»¹⁾).

Средоточіе торговли по возможности въ одномъ мѣстѣ и расположеніе лавокъ одного рода рядами характерно не только для Москвы, но и для очень большого числа городовъ Московской Руси 17-го вѣка. Извѣстны также города, въ которыхъ ряды лавокъ и другихъ торгово-промышленныхъ заведеній находились въ ихъ центральной цитадели, въ «городѣ» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ было, напр. въ Переславлѣ Рязанскомъ²⁾. Присмотримся, однако къ составу дворовладѣнія Кітая. И здѣсь какъ и въ Кремлѣ громадная часть дворовъ принадлежала духовенству разныхъ видовъ (53,3%). Въ 134 году здѣсь былъ старый государевъ дворъ, уже исчезнувшій къ концу вѣка³⁾, а въ описываемое время былъ «дворъ свѣтѣйшаго патріарха, слыветъ осадный»⁴⁾. Здѣсь же находилась «посольская улица» съ помѣщеніемъ для пріѣзжихъ знатныхъ иностранцевъ-пословъ, печатный дворъ и дворы высшихъ разрядовъ служилыхъ людей, аристократія того времени, бояръ Салтыковыхъ, Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Хованскихъ, Нарышкиныхъ, Хялковыхъ, Татищевыхъ и другихъ, равно какъ и 21 дворъ высшаго правительственнаго торговаго класса — гостей и гостинной сотни. Только 8 дворовъ посадскихъ людей попали въ Кітай, не смотря на то что здѣсь были сосредоточены лавки послѣднихъ, а всѣ остальные дворы принадлежали истошникамъ, патріаршимъ закройщикамъ, верховымъ золотарямъ и прочимъ мелкимъ людишкамъ, служившимъ для удовлетворенія той или иной хозяйственной потребности дворца государева, патріарха и высшихъ чиновъ. Такимъ образомъ про Кітай, какъ кажется, можно сказать, что это была часть «города» въ древне-русскомъ смыслѣ этого слова.

Древне-русскіе «города» были, какъ извѣстно окружены однимъ или двумя концентрическими рядами укрѣпленій въ видѣ стѣнъ, прерываемыхъ башнями или глухими или проѣзжими, съ воротами. Мѣстности, заключенныя между этими укрѣпленіями носили названіе «остроговъ». Различали «большой» и «малый» остроги. Большой острогъ, съ меньшей длиною окружности стѣнъ, примыкала обыкновенно къ «городу» и былъ средоточіемъ мѣстожительства разнаго рода служилыхъ людей. На южной окраинѣ Московскаго государства 17-го вѣка эти служилые люди образовывали здѣсь

1) См. Reutenfels, De rebus Moschoviticis. Patavii 1680. цитир. по Ивакину «Описаніе путешествія Бернарда Таннера» стр. 168.

2) См. А. М. Ю. Писцевая платежная № 396.

3) См. матерьялы, изд. моск. город. Думой ч. 1-я стр. 369.

4) См. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при моск. унив. 1893 г. к. 2-я стр. 24.

отдѣльныя «слободы, къ которымъ примѣшивались и слободы посадскихъ людей». Последнiя въ особенности средоточивались въ «маломъ острогѣ», т. е. въ промежуткѣ между обоями рядами укрѣпленiй, меньшему по своей площади, чѣмъ площадь большого острога и, въ особенности, «за острогомъ».

Совершенно съ тѣмъ же явленiемъ мы встрѣчаемся и въ Москвѣ 17-го вѣка. Бѣлый и Земляной города ея совершенно соответствуютъ по своему положенiю и по составу дворовладѣльцевъ «большому» и «малому» острогамъ, а мѣстности «за острогомъ», совершенно аналогична мѣстность «за землянымъ городомъ». Ниже печатаемый памятникъ даетъ возможность опредѣлить достаточно точно границы этихъ мѣстностей. Обратимъ вниманiе на то обстоятельство, что только 20% дворовладѣльцевъ Бѣлаго города, а если считать гостей и гостинной сотни, то 21,9% этого числа принадлежали къ торговопромышленному и рабочему классу. Картина рѣзко мѣняется при переходѣ въ Земляной городъ и въ особенности въ мѣстность за землянымъ городомъ. Любопытно, что печатаемый ниже памятникъ не упоминаетъ о недомщикахъ по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ послѣдней изъ названныхъ мѣстностей. Быть можетъ сборы эти и не распространялись на эту уже совсѣмъ «загородную» часть старой Москвы. «Загородные» дворы служилыхъ людей—быть можетъ дачи по современной терминологiи, встрѣчаются уже въ Земляномъ городѣ, въ которомъ, какъ то видно изъ печатаемаго ниже памятника было также немало огородовъ.

Торгово-промышленному и рабочему классамъ принадлежало въ Земляномъ городѣ почти 54%, а за Землянымъ городомъ почти 70% дворовъ этихъ мѣстностей. Преобладаетъ, конечно, торгово-промышленный классъ—посадскiе люди разныхъ слободъ. Если мы поближе присмотримся къ составу дворовладѣльцевъ рабочаго класса этихъ мѣстностей на основанiи данныхъ сообщаемыхъ въ печатаемомъ ниже памятникѣ, то легко убѣдимся, что громадная часть дворовладѣльцевъ этого рода были низшия разряды служителей дворцеваго вѣдомства. Здѣсь были дворы хлѣбниковъ хлѣбнаго дворца, дворы кормового дворца поваровъ, сытнаго дворца шивоваровъ, сторожей,стряпчихъ, столовыхъ истопниковъ, помясовъ, курятниковъ, кислоницниковъ и т. д. Тутъ же находились дворы государевыхъ алмазниковъ, каретныхъ мастеровъ, бочаровъ, аптекарскихъ учениковъ, свѣчниковъ и т. д. Не малую роль играли въ московскомъ дворовладѣнiи низшия служители монастырей и патрiарши и совсѣмъ ничтожное значенiе имѣли разные разряды несвободнаго населенiя, принадлежащаго государю, монастырямъ и служилымъ людямъ. Въ Кятаѣ жили, надо думать въ качествѣ квартирантовъ, печатнаго двора мастеровыхъ людей 8 человекъ, боярскихъ и монастырскихъ крестьянъ 56 человекъ, 6 человекъ гулящихъ людей.

Весьма вѣроятно, что немалое число людей такого рода ютилось и въ другихъ частяхъ города, но своихъ дворовъ эти люди не имѣли. Да имъ и небыло надобности имѣть своя двора. Служилые люди — ихъ господа — съ полнымъ удобствомъ могли содержать ихъ, въ случаѣ надобности, на своихъ обширныхъ дворахъ, на столько обширныхъ, что по словамъ иностранцевъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ могли помѣститься до 1500 человекъ.

И такъ Москва въ самомъ концѣ 17-го вѣка вполнѣ сохранила общій типъ городовъ своего времени. Подобно другимъ городамъ 17-го вѣка она была крѣпостію и, въ тоже время средоточіемъ правительственнаго управленія и мѣстожительствомъ чиновъ гражданскаго и военнаго управленія и военно-служилаго класса. Въ ней было много посадскихъ людей, много торговыхъ рядовъ и лавокъ и не только въ Китаѣ, но и въ другихъ частяхъ ея, но очень мало того населенія, которое на языкѣ экономистовъ носитъ названіе производительнаго. Подобно другимъ городамъ 17-го вѣка Москва потребляла то, что давали ей уѣзды и служила лишь торговой посредницею для сельскаго населенія разныхъ мѣстностей, стекавшагося сюда со всѣхъ сторонъ какъ въ административный и судебный центръ всей страны. Новыхъ матерьяльныхъ цѣнностей, предназначаемыхъ для удовлетворенія потребностей сельскаго населенія она почти не производила¹⁾.

И. Миклашевскій.

---

1) Памятники говорятъ только объ одномъ еще *промислѣ* сколько-нибудь развитомъ въ Москвѣ 17 вѣка, а именно кузнечномъ. Коренные кузнецы и плотники составляли, какъ извѣстно, необходимую принадлежность каждаго города древней Руси. Въ 1641 году въ Москвѣ было 152 кузницы, (вольныхъ). Большинство кузнецовъ «дѣлало всякое кузнечное черное» или «мелкое дѣло» и только 26 кузницъ занимались производствомъ болѣе сложныхъ вещей: дѣлали мельничныя снасти, оружіе, сабли, топоры, скобы сапожныя и подковы. Производствомъ послѣднихъ занималось 17 кузницъ. (См. Матерьялы для исторіи и т. д. Ч. 2 стр. 115.

Въ приказѣ земскихъ дѣлъ подоимочнои кнѣге Кремля, Китая, Бѣлого [и] Земляного городовъ доведетца взять мостовыхъ и решеточныхъ днѣгъ на прошлые годы съ 202 по 203 годъ з дворовъ бояръ окольничихъ думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей и с монастырскихъ подворем, а с чыхъ дворовъ и подворем и что денегъ взять, писано в сихъ тетратехъ ниже сего порознь.

В Кремль:

З двора болшого Успенского собора ключаря Петра 3 рубли 8 алтнѣ 2 де.

З двора тогож собора попа Лва 2 рубли 3 алтнѣ 2 де.

З двора тогож собора попа Василя Ѳедорова 2 рубли 16 алтнѣ пол- 5 де.

З двора патриарша поддьякона Василя Макарева рубль 26 алтнѣ 4 де.

З двора поддьяконаж Ивана Казанцова 2 рубли 13 алтнѣ 2 де.

З двора Успенского собора дьякона Стевана Михайлова 2 рубли 13 алтнѣ 2 де.

З двора Екатерининского попа Данила Гаврилова 2 рубли 41 алтнѣ 3 де.

З двора тоѣж цркви попа Петра Оадѣва 3 рубли 13 алтнѣ пол- 3 де.

З двора тоѣж цркви дьякона Алеѣья Иванова 3 рубли.

З двора Спсского собора, что у великого гѣдря на сѣняхъ, дьякона Петра Харитонова 3 рубли 11 алтнѣ 4 де.

З двора тогож собору попа Ермила Ѳедорова 3 рубли 13 алтнѣ 2 де.

З двора тогож собору дьякона Антипина 3 рубли 13 алтнѣ 2 де.

З двора Успенского собора попа Никифора Данилова 4 рубли.

З двора Рѣственского собору, что под Колоколы, дьякона Данила Григорьева рубль 20 алтнѣ.

З двора Николаевского собора Гостунского дьякона Ивана Никиорова 2 рубли.

З двора тогож собору попа Макария Никитина 2 рубли 10 алтнѣ.

З двора тогож собора протопона Павла Яковлева 2 рубли 13 алтнѣ 2 де.

3 двора Успенского собора дьякона Ивана Алимиева 2 рубли 3 алтѣна 2 *де*.

С подворья Данилова мѣстря 3 рубли 12 алтѣнъ 2 *де*.

3 двора Успенского собора пона Василя Никитиша 2 рубли 8 алтѣнъ 2 *де*.

3 двора тогож собора дьякона Оедора Иванова 2 рубли 5 алтѣнъ.

3 двора тогож собора ключаря Якова Иванова 4 рубли 5 алтѣнъ.

Цркви црѣ Константиана з двора пона Елисея Григорьева 2 рубли 20 алтѣнъ.

3 двора Успенского протопона Михаила Павлова 4 рубли 30 алтѣнъ.

С подворья Андрониева мѣстря 5 рублевъ.

3 двора Архангелского собора протопона Оедора Иванова 3 рубли 26 алтѣнъ 4 *де*.

3 двора Успенского собору протодьякона Андрея Иванова 6 рублевъ 5 алтѣнъ 5 *де*.

С подворья Николаевского Угрѣшского мѣстря 4 рубли 23 алтѣна 2 *де*.

3 двора Блговѣщенского собора, что у великого гедря на сѣнях, пона Ивана Аонаѣсева 3 рубли 21 алтѣнъ 1 *де*.

3 двора Успенского собора дьякона Якова Гаврилова 2 рубли 8 алтѣнъ 5 *де*.

3 двора тогож собора протодьякона Ивана Васильева 2 рубли 10 алтѣнъ.

3 двора Блговѣщенского собора пона Климонта 3 рубли 13 алтѣнъ 2 *де*.

С конюшенного двора Чюдова мѣстря 4 рубли 20 алтѣнъ.

3 двора Блговѣщенского собора, что у великого гедря на сѣнях, протопона Никиты Василевича 6 рублевъ 13 алтѣнъ 2 *де*.

3 двора Успенского собора пона Гаврила Иванова 4 рубли 31 алтѣнъ 1 *де*.

3 двора Архангелского собора ключаря Андрея Давыдова 4 рубли 30 алтѣнъ сполу 1 *де*.

Итого въ Кремль донять 119 рублевъ 12 алтѣнъ пол- 3 *де*.

В Китае:

С подворья Иверского мѣстря 9 рублевъ 18 алтѣнъ 2 *де*.

3 двора боярина кнѣзя Бориса Алѣѣевича Голицына 11 рублевъ 25 алтѣнъ пол- 4 *де*.

С подворья Воскресенского мѣстря 8 рублевъ 15 алтѣнъ.

3 двора думного дьяка Василя Семенова 6 рублевъ 12 алтѣнъ 3 *де*.

3 двора цркви Иоанна Бгбслова просвирицы Оленки рубль 23 алтѣна 2 *де*.

3 двора боярина кнѣзя Ивана Ивановича Хованского 12 рублевъ 10 алтѣнъ

- З двора дьяка Оедоровы жены Поспикова 3 рубли 18 алтнѣ 5 *де*.
 З двора Стрѣтенского собору, что в-Верху, протопопа Алеѣѣя 2 рубли 20 алтнѣ.
 З двора верхового дьякона Никиоора 2 рубли 21 алтнѣ 4 *де*.
 З двора пѣвчаго дьяка Лаврентья Козмина 3 рубли 27 алтнѣ 3 *де*.
 З двора пѣвчаго Никиоора Симонова 2 рубли 28 алтнѣ 2 *де*.
 С ызбы с сѣими решеточного сторожа Гришки рубль 20 алтнѣ.
 Цркви Маѣима Исповѣдника з двора дьячка Мѣишки Гаврилова да пономаря Ивашка Герасимова 2 рубли 3 алтна 2 *де*.
 Тоѣж цркви с просвирнического мѣста рубль 10 алтнѣ.
 З двора хлѣбного дворца стряпчего Лоанѣя Аноореева 4 рубли 10 алтнѣ.
 З двора Ивана Анисимова сѣа окбнечника 2 рубли 9 алтнѣ 1 *де*.
 З двора Вознесенского дѣча майстра протопопа Матвѣя з братнею да крѣстовых дьяковъ Григорья да Степана Муромцовых 3 рубли 2 алтна 3 *де*.
 З двора Николского сторожа Тимошки Семенова рубль 14 алтнѣ 3 *де*.
 З двора дьяка Василя Брехова 2 рубли 31 алтнѣ 4 *де*.
 З двора крестового дьяка Луки Алеѣѣева 3 рубли 10 алтнѣ.
 З двора верхового Сѣского собора дьякона Никиты 2 рубли 18 алтнѣ пол- 6 *де*.
 З двора решоточного сторожа Ивашки Оедорова рубль 23 алтна 2 *де*.
 З двора пѣвчих дьяков Самоила Казаринова да Дениса Пероильева 2 рубли 16 алтнѣ 4 *де*.
 З двора Блговѣщенского дьякона Василя 2 рубли 5 алтнѣ.
 З двора тогож собора предѣльного попа Иларiona 2 рубли 3 алтнѣ 5 *де*.
 З двора тогож предѣлу дьячка Гурья рубль 27 алтнѣ 5 *де*.
 З двора Сѣского собора, что в-Верху, пона Василя 2 рубли 25 алтнѣ 3 *де*.
 З двора тогож собора пона Петра 3 рубли.
 З двора цркви Овлинна митрополита, что в Кремлѣ, пона Трооима 2 рубли 16 алтнѣ 4 *де*.
 З двора тоѣж цркви дьячка Оброски Иванова 2 рубли 5 алтнѣ пол- 4 *де*.
 З двора цркви Козмы и Домьяна, что в Кремлѣ, пона Лоанасья 2 рубли 18 алтнѣ 2 *де*.
 З двора пѣвчаго дьяка Оедора Ростовца 4 рубли 5 алтнѣ пол- 4 *де*.
 З двора пѣвчаго дьяка Евдокима новгородца 2 рубли 20 алтнѣ.
 З двора ризничего Василя Аврамова да пономаря Михаила Олорова да Ивана Еремѣева 3 рубли 11 алтнѣ 4 *де*.
 З двора верхового Успенского пономаря Семена Матвѣева 2 рубли 16 алтнѣ 4 *де*.

З двора Блговѣщенского предѣльного отставного попа Василя 2 рубли 7 алтнѣ 5 де.

З двора Воскресенского собора попа Данила 2 рубли 1 алтнѣ с пол-1 де.

З двора Покровского собора, что на Рву, попа Луки 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора Николаевского собора Гостунского дьякона Ѳедора Ключарова 3 рубли 5 алтнѣ 3 де.

З двора крестового дьякона Якова Тучкова 3 рубли 3 алтна 2 де.

З двора верхового попа Зяновья Тихопова 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора верхового Спскаго попа Димитрія 2 рубли 23 алтна 2 де.

З двора крестового попа Ивана 2 рубли 26 алтна 2 де.

З двора верхового Рѣственского попа Василья 3 рубли 12 алтнѣ пол- 2 де.

З двора протопопа Ивана Лазорева 5 рублевѣ 30 алтнѣ.

З двора Черниговского собору попа Михаила 2 рубли 29 алтнѣ 1 де.

З двора Николаевского попа Алеѣѣя рубль 16 алтнѣ 4 де.

З дворѣвѣ мѣста дьяконского от Спса Смоленского рубль 25 алтнѣ.

Собора Алеѣандра Невского з двора протопопа Симеона 2 рубли 11 алтнѣ 4 де.

Цркви Спса Смоленского з двора дьячка Мишки да пономаря Поликаршка рубль 15 алтнѣ.

З двора верхового Спскаго собора попа Герасима 2 рубли 5 алтнѣ пол- 4 де.

З двора крѣтвого дьяка Гаврила Ѳедорова рубль 32 алтна 3 де.

З двора крѣтвого дьяка Семена Ѳомина 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора верхового Ризположенского псаломщика Ивана Архипова 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора верхового дьякона Козмы 2 рубли 32 алтна пол- 2 де.

З двора крѣтвого дьяка Степана Прокоѣева 2 рубли 6 алтнѣ 4 де.

З двора Блговѣщенского предѣльного дьякона Кондрата 2 рубли 11 алтнѣ 2 де.

З двора крѣтвого дьяка Ивана Обросимова 3 рубли 32 алтна 1 де.

З двора Стрѣтенского собора дьякона Ивана 2 рубли 9 алтнѣ.

С подворья убѣихѣ дому, что за Яузою, 29 алтнѣ пол- 6 де.

З двора Верхового псаломщика Селиверста Петрова 2 рубли 6 алтнѣ 4 де.

З двора Потѣшные полатѣ сторожа Анисимка Василева 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора комютного сторожа Андрея Корнилова 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.

С ызбы с сѣми нищего Івашка рубль 26 алѣна 2 *де*.

З двора крѣтвого дьяка Івана Василева рубль 11 алѣнъ 4 *де*.

Итого въ Китае донять 201 рубль 30 алтынъ пол- 3 *де*.

В Бѣломъ городе:

От Всесвятскихъ воротъ по Смоленскую улицу:

З двора Степана Борисова сѣа Бутикова 5 рублевъ 30 алѣнъ.

З двора Стрѣтенского собору, что в-Верху, попа Гаврила Яковлева 4 рубли 10 алѣнъ.

З двора столника Івана Осипова сѣа Суккина 7 рублѣв 20 алѣнъ 5 *де*.

З двора Алеѣвского мѣстра попа Алеѣя 3 рубли 6 алѣнъ 4 *де*.

З двора цѣрцы мастерскіе полаты дьяка Івана Василева сѣа Яковлева 3 рубли 10 алѣнъ.

З двора розрядного приказу подячего Андрея Ѳедорова 2 рубли 30 алѣнъ.

З двора Блговѣщенского предѣльного попа Івана Калинина 2 рубли 30 алѣнъ.

З двора пѣвчего дьяка Савы Архипова 3 рубли.

З двора Блговѣщенского предѣльного попа Ѳедора Іванова 2 рубли 30 алѣнъ.

З двора жилища Степана Івинского 4 рубли.

З двора приказу Казанского дворца подячего Ілья Івинского 3 рубли 30 алѣнъ 2 *де*.

З двора думного дьяка Аверкия Кирилова 2 рубли 23 алѣна 2 *де*.

З двора Рѣственского собору, что в-Верху, протопопа Ѳедора Пороплева 2 рубли 18 алѣнъ 2 *де*.

З двора Стрѣтенского собору, что в-Верху, попа Івана Денисова 3 рубли 1 алѣнъ 1 *де*.

З двора Сѣского протопопа, что в-Верху, Василя Никитина 5 рублевъ.

З двора пѣвчаго дьяка Дмитрея Ростовца 2 рубли 25 алѣнъ.

З двора задворного конюха Івана Львова 2 рубли 11 алѣнъ 4 *де*.

З двора Гедрева часового дѣла мастера Дмитрея Моисеова 2 рубли 25 алѣнъ.

З двора Сѣского собора, что в-Верху, попа Симопа 2 рубли.

З двора столника Андрея Тимоѣева, сѣа Племянникова 25 алѣнъ.

З двора боярина Івана Михаиловича Милославского 4 рубли 3 алѣна 2 *де*.

З двора сытного двора стряпчего Ивана Герасимова 4 рубли 10 алтнъ.

З двора Оомы Никкоорова сѣа Дмитреева 6 рублевъ 5 алтнъ.

З двора околничего кнѣзя Матвѣя Венедиктовича Оболенскѣи 5 алтнъ.

З двора столника Григоря Шишкина 3 алтнъ 2 де.

З двора думного дворянина Кирила Алистарховича Яковлева 6 рублевъ.

З двора тихоновского дьякона Лукьяпа Кирилова 2 рубли 6 алтнъ
4 де.

З двора тоѣж цркви дьячка Першки Давыдова рубль 26 алтнъ 4 де.

З двора столника Трюона Мнѣстрева 3 рубли 22 алтна с пол- 1 де.

З двора боярина кнѣзя Михаила Яковлевича Черкасского 4 рубли 11
алтнъ 4 де.

З двора Ризположенского дьячка, что в Кремлѣ, Прошки Нестерова
2 рубли 7 алтнъ 5 де.

З двора Снѣского собора, что на дворцѣ, псаломщика Андрея Непенина
2 рубли 30 алтнъ.

З двора Тихоновского попа Пероилья Стеанова 4 рубли 10 алтнъ.

З двора тоѣж цркви просвирицы Оодотьицы Родионовы 2 рубли 3
алтна 2 де.

З двора тоѣж цркви пономаря Васки Иванова 2 рубли 3 алтна 2 де.

З двора стряпчего Михаила Григорева сѣа Безтужева 5 рублевъ 5
алтнъ.

С црквиные отписные земли цркви блговѣщенія Прѣсвѣтые Бѣцы, что на
старом Ваганкове, рубль 23 алтна 2 де.

З двора Михаила да Оедора Оедоровых детеи Ивановыхъ 7 рублевъ
11 алтнъ 4 де.

З двора думного дворянина Никиты Савича Хитрово 6 рублѣв 3
алтна 2 де.

З двора ризположенского дьякона, что у заднихъ севѣрныхъ дверей,
Дмитрѣя Григорева 2 рубли 7 алтнъ 5 де.

З двора ризположенского попа Оедора Оедорова 2 рубли 16 алтнъ 4 де.

З двора Рѣжственскѣи собору, что в-Верху, дьякона Якова Иванова
2 рубли.

З двора тоѣж цркви дьякона Бориса Василева да пономаря Ивана Ар-
темева 2 рубли 16 алтнъ 4 де.

З двора боярина Кирила Полуежтовича Нарышкина 21 рубль 15 алтнъ.

З двора Рѣжственскаго собору, что вверху, пона Дементіана Андрѣева
рубль 32 алтна 1 де.

З двора тоѣж цркви пона Ивана Аоонасева рубль 26 алтнъ.

З двора цркви Похвалы Бѣдѣцы, что на Потѣшном дворѣ, пономаря Ан-
дрѣя Иванова рубль 20 алтнъ.

- З двора крѣстового дьяка Стенана Оедорова 2 рубли 12 алтнѣ 1 *де*.
- З двора вѣдвы Дарья Аоонаѣсеовой дочери крѣстової дьяка Андрѣевскои жены Семенова 2 рубли 20 алтнѣ.
- З двора вдовы Лукерья Ивановы дочери крестового дьяка Емеляновскои жены Яковлева 2 рубли 7 алтна 5 *де*.
- З двора крестового дьяка Сергѣя Иванова да вѣдвы Оѣиньи Степановы дочери крестовогож дьяка Игнашевскои жены Матвѣева 2 рубли 21 алтнѣ 1 *де*.
- З двора крестовогож дьяка Луки Алеѣѣва 2 рубли 20 алтнѣ.
- З двора крестовогож дьяка Оомы Борисова 2 рубли 5 алтнѣ.
- З двора гѣдрва пѣвчего Григоря Алеѣѣва 3 рубли 10 алтнѣ.
- З двора крестового дьяка Игнатя Василева рубли 32 алтна 1 *де*.
- З двора крестового дьяка Якова Шошина 2 рубли 10 алтнѣ.
- З двора крестового дьяка Григоря Степанова рубль 23 алтнѣ 5 *де*.
- З двора гѣдрва пѣвчего дьяка Дмитрея Иванова сѣна Новгородца 2 рубли 30 алтна 2 *де*.
- З двора крестового дьяка Алеѣѣя Василева 4 рубли 1 алтнѣ 4 *де*.
- З двора крестового дьяка Прокооья Никитина 4 рубли 3 алтна 2 *де*.
- З двора гѣдрва пѣвчего дьяка Андрѣя Новгородца 2 рубли 23 алтна 2 *де*.
- З двора Евдокѣинского псаломщика Ивана Костянтинова 3 рубли 20 алтнѣ.
- З двора Екатерининского псаломщика Оедора Ошлипова 3 рубли 27 алтнѣ 5 *де*.
- З двора крестового дьяка Кузминские жены Олоерьева вѣдвы Маринны Пароеневы дочери 2 рубли 1 алтнѣ 4 *де*.
- З двора цркви Сѣса нерукотвореннаго образа, что у великих гѣдрнѣ црвнѣ на сѣняхъ, дьячка Мишки Иванора рубли 20 алтнѣ.
- З двора крѣстового дьяка Алеѣѣя Иванова сѣна Казанцова 3 рубли 3 алтна 2 *де*.
- З двора Екатерининского понаморя, что у гѣдрни црвпы на сѣняхъ, Деписса Семенова 2 рубли 11 алтнѣ 5 *де*.
- З двора хлѣбного дворца подячего Аоонася Немятого 2 рубли 7 алтнѣ 5 *де*.
- З двора Веденского дьячка, что на новом црѣцннѣ дворѣ, Петрушки Осинова рубль 32 алтна 1 *де*.
- З двора Резной полаты сторожа Агаоонки Маѣимова рубль 30 алтнѣ.
- З двора цркви Иоанна Бѣлограцкаго понаморя Стенки Василева 2 рубли 27 алтнѣ 4 *де*.
- З двора постелницы Оедоры Аптинѣевы дочери да детям еѣ хлѣбен-

ного двора подключьников Тимооѣя да Івана Ѳеодоровых дѣтей Телешовых 2 рубли 23 алтѣна 2 де.

З двора цѣкви Оедора Стратилата предѣльного дьячка, что на Троицком подворье, Анисимка Григорева 26 алтѣнъ 4 де.

З двора Веденского понамаря, что на новом цѣвльиѣ дворѣ, Антошки Лукьянова 2 рубли 16 алтѣнъ 1 де.

З двора Блѣговѣщенского собору, что у великого гедря на сѣняхъ, дьякона Андроника Маѣимова 2 рубли 16 алтѣнъ 4 де.

З двора тогож собору дьякона Андрѣя Василева 3 рубли 5 алтѣнъ 3 де.

З двора тогож собору ключаря Михаила Неоедева 3 рубли 10 алтѣнъ.

З двора дьякона Павла Терентьева 3 рубли.

З двора Николеской просвирницы Гликѣрья Кузминой дочери рубль 30 алтѣнъ.

З двора понамаря Андрюшки Обакумова рубль 26 алтѣнъ 4 де.

З двора тоѣж цѣкви попа Бориса Иванова 2 рубли 30 алтѣнъ.

З двора псаломщика Оедора Филипова что бывал карла Івана Муратова, 21 алтѣнъ пол- 5 де.

От Смоленской улицы по Никитскую:

З двора Григоревской жены Молчанова вдвы Агаѣи Микитиной дочери 6 рублевъ 29 алтѣнъ 2 де.

З двора попа Оедора Захарева, что служит в-Верху у цѣкви Словущего Воскрестния, 4 рубли 26 алтѣнъ 4 де.

З двора столника Богдана Иванова сѣа Чамоданова 10 рублѣв 31 алтѣнъ 4 де.

З двора столниковъ Семена да Оедора Ѳеодоровых детеи Плещѣевых 6 рублевъ 30 алтѣнъ 5 де.

З двора кнѣзя Василя Галицына 11 рублѣв 32 алтѣна 1 де.

З двора пѣвчего дьяка Івана Юдина 2 рубли 15 алтѣнъ.

З двора пѣвчего дьяка Григоря Иванова сѣа Суздальца 2 рубли 16 алтѣнъ 4 де.

З двора пѣвчего дьяка Григоря Тимооѣева сѣа Оутенца 2 рубли 13 алтѣнъ 2 де.

З двора пѣвчего дьяка Ігнатя Новгородца 2 рубли 13 алтѣнъ 2 де.

З двора пѣвчего дьяка Родиона Новгородца 2 рубли 14 алтѣнъ пол- 2 де.

З двора околничего кнѣзя Івана Михайловича Коркодинова 8 рублевъ 1 алтѣнъ с пол- 1 де.

З двора кнѣзя Лаврентья княж Савина сѣа Горчакова 3 рубли 24 алтѣна 3 де.

З двора стремляного конюха Семена Ломоносова 3 рубли 18 алтѣнъ 5 де.

З двора Івана Михаилова сѣа Протопопова 5 рублевъ 25 алтнѣ пол-
5 де.

З двора околичного кнѣзя Матвѣя Веденихтовича Оболенского 7 рублѣв
1 алтнѣ 4 де.

З двора мастерские полаты подячего Оѣдора Андрѣева сѣа Тверити-
нова 4 рубли 4 алтнѣ 1 де.

З двора маеора Оѣдора Борисова сѣа Лобзина да брата ево Гаврила...
... 3 рубли 5 алтнѣ 5 де.

З двора полковника Василя Володимерова 3 рубли 8 алтнѣ 2 де.

З двора столника Оѣдоровы жены Иванова сѣа Сомова вдовы Оѣдоси
Ларионовой дочери 7 рублевъ 16 алтнѣ.

З двора кнѣзь Михаила кнѣж Иванова сѣа Черкаского 5 рублевъ 30
алтнѣ 5 де.

З двора Осипа Василева сѣа Климашевского 6 рублевъ 10 алтнѣ.

З двора сытного дворца стряпчего Кузмы Кормилицына 3 рубли 19
алтнѣ 1 де.

От Никитской улицы по Тверскую:

З двора псаломщика Елисѣя Гаврилова 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора собора Рѣжества Пресѣвтые Бдцы, что у великого гѣдрѣ на
сѣнях, попа Василя Евдокимова 3 рубли 4 алтнѣ пол- 4 де.

З двора тогож собора попа Юсипа Тимоѣева 3 рубли 21 алтнѣ 4 де.

З двора тогож собору дьякона Оѣдорова Василева 3 рубли 18 алтнѣ 2 де.

З двора Блговѣщенского собору ключаря Оилата Никитина 6 рублѣв
7 алтнѣ 3 де.

З двора Рѣжества Пресѣвтые Бдцы, что у великого гѣдрѣ на сѣняхъ,
протопопа Захарѣя Патрекѣева 3 рубли 21 алтнѣ.

З дву избѣ Тверской решетки сторожа Івашка Лариопова Івашки Ер-
молаева 3 рубли.

З двора столника кнѣзь Андрѣя кнѣж Андрѣева сѣа Хилкова 5 рублевъ
13 алтнѣ 2 де.

З дву избѣ Никицкой решетки сторожем Митки Сергѣева Мишки Оси-
пова 2 рубли 30 алтнѣ.

З двора думного дьяка Перояля Оловеникова 6 рублѣв 10 алтнѣ.

З двора Кондратя Івапова сѣа Черторылского 9 рублѣв 15 алтнѣ.

З двора Прохора Обакумова сѣа Іевлева 5 рублевъ 18 алтнѣ.

З двора столника кнѣзь Прохора кнѣж Григореева сѣа Долгорукова 5 руб-
левъ 15 алтнѣ 3 де.

З двора приказу Большаго дворца подячего Іваповы жены Самсоповы
вдовы Оеклы 3 рубли 5 алтнѣ.

З двора Михаила Аноиногенова сѣа Языкова 5 рублевъ 18 алтнѣ 2 де.

- З двора Никиты Петрова сѣа Поленова 4 рубли 21 алтѣнь 4 де.
 З двора Никиты Василева сѣа Спискова 4 рубли.
 З двора Гарасима Дмитриева сѣа Плещѣева 2 рубли 18 алтѣнь пол- 6 де.
 С мѣста пустого Маѣима Кругликова 4 рубли 16 алтѣнь 4 де.
 З двора столника кѣзь Ивана кѣйж Оедорова сѣа Волконского 8 рублев
 15 алтѣнь 3 де.
 З двора столника Василя Михаилова спа Дмитриева 2 рубли 20 алтѣнь.
 З двора Ивана Романчукова рубль.

От Смоленской улицы по Никицкую и от Никицкой по Тверскую
 з дворѣвъ црѣквных причетников:

Црѣкви Знаменія Пресвтыя Бдцы да Сергия
 Чюдотворца, что на дворѣ боярина Никиты
 Ивановича Романова:

- З двора попа Савы Иапова 2 рубли 26 алтѣнь 4 де.
 Тоѣж црѣкви з двора дьячка Васки Иапова 2 рубли 16 алтѣнь 4 де.
 З двора тоѣж црѣкви дьякона Ивана Обросимова 2 рубли 25 алтѣнь 3 де.
 Тоѣж црѣкви понамаря Андришки Кузмина да просвирни Ксѣньицы
 2 рубли 21 алтѣнь 1 де.

Црѣкви Николая Чюдотворца, что на Хлынове, з двора сторожа Оетки
 рубль 18 алтѣнь 5.

Црѣкви Успения Пресвтыя Бдцы, что на Успен-
 скомъ вращке:

- З двора просвирицы Авдоицы Никитины дочери рубль 30 алтѣнь.
 З двора книгъ печатного двора батыщика Куземки Никифорова рубль
 18 алтѣнь 5 де.
 З двора црѣкви Иааина Предтечи, что у Никицкихъ ворот, дьячка
 Сенки Прохорова да понамаря Микитки Еоимова да просвирицы Наталицы
 29 алтѣнь.

От Тверской по Неглинную:

- З двора кѣзь Василя Голицына 10 рублев 31 алтѣнь 4 де.
 З двора кѣзь Оедора княж Петрова сѣа Тамшина 2 рубли 17 алтѣнь 3 де.
 З двора Иакова Оедорова сѣа Рыкачова 4 рубли 10 алтѣнь.
 З двора сѣудиого приказу... подячего Глѣба Богданова 3 рубли 3
 алтѣна 2 де.
 З двора боярина кѣзя Ивана Андрѣевича Хованского 6 рублевъ 20 алтѣнь.
 З двора Ивана Савина сѣа Неѣлова 2 рубли 20 алтѣнь.
 З двора Луки да Иаана Романововыхъ дети Клечковскихъ 3 рубли
 13 алтѣнь 2 де.
 З двора Петра Вахромѣева сѣа Хитрово 5 рублевъ.

З двора Андрѣяна да Алѣсандра Оедоровыхъ детии Нащокпныхъ 5 рублевъ 18 алтнъ 2 де.

З двора ихъ-же Андрѣяна да Алѣсандра Нащокпныхъ 4 рубли 5 алтнъ пол- 4 де.

З двора Григоря Андрѣева снѣ Жадовского 4 рубли 18 алтнъ 2 де.

З двора столника Ивана Оедорова снѣ Бутурлина 30 рублевъ 26 алтна 4 де.

З двора столника Степана Петрова снѣ Нелединского 8 рублевъ 20 алтнъ.

З двора боярина кнѣзя Оедора Григоревича Ромодановского жены ево боярыни вдовы кнѣгини Авдотьи Васильевны 6 рублевъ 30 алтнъ.

З двора бояряна Бориса Васильева Бутурлина 6 рублевъ 11 алтнъ 4 де.

З двора столника кнѣзь Ивана кнѣж Михамлова снѣ Гагарина 3 рубли 7 алтнъ 3 де.

З двора околничего Ивановы жены Василевы Олоерьева вдовы Василсы Андрѣевны 9 рублевъ 30 алтнъ.

З двора столника кнѣзь Воладимера кнѣж Андрѣева снѣ Волконского 6 рублевъ 30 алтнъ.

З двора Бѣговѣщенского собору псаломщика Ивана Гаврилова снѣ Букина 2 рубли 21 алтнъ 4 де.

З двора столника Петра Эльмурзича Черькаского жены ево вдовы кнѣгини Анны Василевны 5 рублевъ 7 алтнъ пол- 3 де.

З двора решоточного сторожа Пашки Констянтинова рубль 16 алтнъ 4 де.

З двора решоточного сторожа Алешки Микитина рубль 16 алтнъ 4 де.

З двора околничего Кирила Осиповича Хлопова 11 рублевъ 3 алтна 2 де.

З двора бояряна кнѣзя Констянтина Осиповича Щербатова 2 рубли 21 алтнъ 4 де.

З дворового пустого мѣста Наума да Ивана да Сергѣя Василевыхъ детии Марковыхъ да Гавриловыхъ детии Марковыхъ Петра да Алѣшня да Архипа 3 рубли 26 алтна 2 де.

З двора столника кнѣзь Бориса кнѣж Василева снѣ Лвова 3 рубли 25 алтнъ 5 де.

З двора мытной избы подячего Григорья Климонтова рубли 1 алтнъ 4 де.

З двора столового истопника Василя Семенова рубль 16 алтнъ 4 де.

З дворового пустого мѣста рубль 26 алтнъ 4 де.

З двора Ивана Петрова Свечина 2 рубли 20 алтнъ.

З двора Петра Иванова снѣ Протопопова рубль 10 алтнъ.

З двора Микитинской жены Мешкова Плещѣева вдовы Мари Ивановы дочери 5 рублевъ 23 алтна 2 де.

З двора Ивана Гарасимова сѣа Супонева да кѣзь Бориса княжъ Кирялова сѣа Шаховского 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора кѣзь Ивана княжъ Петрова сѣа Ухтомского 5 рублевъ 23 алтнѣ 2 де.

З двора Оедора Борисова сѣа Изединова 2 рубли 3 алтна 2 де.

З двора кѣзь Ивана княжъ Иванова сѣа Лвова 3 рубли 30 алтнѣ 4 де.

З двора Данила Микитина сѣа Воробяна 7 рублевъ 26 алтнѣ 4 де.

З двора столника кѣзь Юрья княжъ Михаилова сѣа Соицова 19 алтнѣ 1 де.

З двора Ивана Есунова сѣа да племянниковъ ево Оедора да Михаила да Василя Андрѣевыхъ детей Жадовскихъ 3 рубли 41 алтнѣ 2 де.

З двора околничего кѣзь Степана Оедоровича Лвова 5 рублевъ 6 алтнѣ 4 де.

З двора Михаила Яковлева сѣа да Степана Василева сѣа Коробиныхъ 2 рубли 30 алтнѣ.

З двора кѣзь Григоревской жены Баитерекова вдовы кѣгни Настаси кѣзь Никитинской дочери 4 рубли 8 алтнѣ 2 де.

З двора столника Ивана Илина сна Давыдова, что бывалъ дьяка Савы Старкова, 4 рубли 26 алтнѣ 4 де.

З двора того мѣста Михаила Степанова сѣа Пусторослова з братьями 3 рубли 13 алтнѣ 2 де.

З двора Петра Микитина сѣа Милюкова 3 рубли 20 алтнѣ.

З двора Козмы Иванова сѣа Пятово 3 рубли 30 алтнѣ.

От Тверской улицы по Неглинную з дворовъ церковныхъ причетниковъ:

Георгиевскаго монастыря на монастырской землѣ:

З двора безмѣсного попа Ильи Корнилева 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора корѣтшого мастера Оски Василева 3 рубли 6 алтнѣ 4 де.

Тогожъ мнстря съ пустого мѣста 2 рубли 6 алтнѣ 4 де.

С Воскресепского мнстря, что на Тверскомъ, 11 рублевъ 16 алтнѣ 4 де.

С Савинского подворья 3 рубли 32 алтна 1 де.

Цркви Козмы и Домьяна, что на Шубине:

З двора у дьякона Ивана 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора сторожа Оски Микитина рубль 13 алтнѣ 2 де.

Цркви Воскресения Христа, что на Дмитровке:

С пустого просвирнического мѣста 2 рубли 3 алтна 2 де.

З двора просвирницы Прасковицы рубль 10 алтнѣ.

Цркви Алексѣя Митрополита, что на Глинницахъ, съ пустого мнѣстрского мѣста 2 рубли 10 алтнѣ.

Цркви Сергия Чюдотворца, что на Дмитровке, з двора попа Никиты съ огородной земли 2 рубли 6 алтнѣ 4 де.

Цр̑кви Іоанна писателя лѣсвицы, что под Колоколы, з двора попа Павла Ермолаева рубль 26 алтн̑ 4 де.

Цр̑кви Θεодосіи девицы з двора попа Григоря Костянтинова рубль 28 алтн̑ 2 де.

В Бѣломъ городе от Неглинны по Ороловку:

З двора того мѣста подячего Романа Пероцлева сн̑а Тененева 3 рубли 10 алтн̑.

З двора подячего Михаила Спиридонова сн̑а Дурова 3 рубли 31 алтн̑ 2 де.

З двора кормового дворца стрячего Семена Борисова сн̑а Бекетова 3 рубли 5 алтн̑ 4 де.

З двора подячего Евсигн̑я Ѳомина сн̑а Василева 2 рубли 16 алтн̑ 4 де.

З двора подячего Івана Михайлова 4 рубли 20 алтн̑.

С огорода подячего Бориса Александрова 4 рубли 15 алтн̑ 5 де.

З двора столника Василя Семенова сн̑а Сытина 3 рубли 6 алтн̑ 4 де.

З двора подячего Воина Яковлева 3 рубли 15 алтн̑.

З двора попа Андроника Макарева 2 рубли 16 алтн̑ 4 де.

Дворы всяких чинов люди, которые живут Рожественского мнстря на землѣ:

З двора садовника Петрушки шапочника рубль 1 алтн̑ 1 де.

З двора подячего Михаила Андрѣева 2 рубли 3 алтн̑а.

З двора Якова Бушуева рубль 14 алтн̑ 1 де.

З двора Григоря Неустроева 2 рубли 21 алтн̑ 1 де.

З двора подячего Івана Ѳедосѣева 2 рубли 16 алтн̑ 4 де.

З двора безмѣсного попа Володимера Іванова рубль 30 алтн̑ пол-3 де.

З двора патриарша сн̑а боярского Степана Матвѣева сн̑а Мартьянова 5 рублей 18 алтн̑.

Дворы на Лубяпке у пушечного двора:

Благовѣщенского собору, что у великого гѣдря на сѣнях, причетшиков:

З двора сторожа Савки Лукьянова рубль 23 алтн̑а 2 де.

З двора Благовѣщенского дякоѡа Аоонася рубль 30 алтн̑.

З двора сторожа Івашки Ѳедорова рубль 25 алтн̑ 3 де.

З двора сторожа Харламка Василева рубль 32 алтн̑ 1 де.

- 3 двора сторожа Оедки Оедорова рубль 32 алтѣна 1 *де**).
 3 двора сукомной сотни Тимооѣя Ігнатѣва сѣа Бѣлявинского 3 рубли
 16 алтѣнъ 4 *де*.
 3 двора столника Лѣрама Іванова сѣа Свѣязѣва 4 рубли 30 алтѣнъ.
 3 двора думного дворянина Івана Іваловича Баклановского 5 рублев
 20 алтѣнъ пол- 2 *де*.
 3 двора Лѣтамоша Всевологодского 3 рубли 28 алтѣнъ.
 С подвора Макаря Чудотворца Унжевского мистря 2 рубли 17 алтѣнъ 5.
 3 двора подячего Семена Ігнатѣва 2 рубли 21 алтѣнъ 4 *де*.
 3 двора Тимооѣя Нестѣрова сѣа Андрѣва 4 рубли 7 алтѣнъ 5 *де*.
 3 двора столника Івана Андрѣва сѣа Даишкова рубль 16 алтѣнъ.
 3 двора Петра Сленушкина 2 рубли 4 алтѣна.
 3 двора Сергѣя да Івапа Івановыхъ детеи Шетневыхъ рубль 9 алтѣнъ.
 3 двора иноземца. . . Андрѣва сѣа Келдермона 4 рубли 16 алтѣнъ 4 *де*.

Дворы меж Рожественски и Стретенски в Чюдовской слободке:

- 3 двора розрядной кѣли подячего Якова Артемева 3 рубли 19 алтѣнъ
 пол- 4 *де*.
 3 двора повара Васки Маѣимова рубль 20 алтѣнъ.
 3 двора слуги Григоря Дмитриѣва сѣа Домосадского рубль 20 алтѣнъ.
 3 двора казенной кели подячего Гаѣрила Семенова сѣа Русинова 2 рубли
 30 алтѣнъ.
 3 двора слуги Аоонася Кослина рубль 23 алтѣна 2 *де*.
 3 двора слуги Івана Никиоорова 3 рубли 27 алтѣнъ 5 *де*.
 3 двора стряичего Івана Михаилова 3 рубли.
 3 двора слуги Козмы Кабанова 2 рубли 11 алтѣнъ 4 *де*.
 3 Стретенского мистря 11 рублев 13 алтѣнъ 2 *де*.
 Црѣкви Придбной Маріи Египецкие.
 3 двора дьякона Іякова Кузмина рубль 20 алтѣнъ 3 *де*.
 Большого Успенского и Благовѣщенского соборовъ сторожей и звонарей
 со 68 дворѣв 108 рублев 10 алтѣнъ пол- 4 *де* да решеточныхъ 34 рубли.
 Црѣкви Архидьякона Евпла, что на Ороловке, 3 двора просвириницы что
 тѣмъ мѣстомъ владѣл пол Іосноъ 2 рубли 26 алтѣна 2 *де*.
 Црѣкви Введения Превтыс Бѣбы что на Стретенке
 3 двора дьякона Давыда Василѣва 3 рубли 5 алтѣнъ пол- 4 *де*.

*) *Примѣчаніе*: Слѣдующіе затѣмъ 11 дворовъ, хотя, по всей вѣроятности и не входили въ составъ причетниковыхъ, однако, составителемъ книги не выдѣлены въ особую группу.
 Ред.

З двора *тоеж* црѣкви дьякона Клина Симопова 2 рубли 26 алтнѣ пол- 2 *де*.

З двора *тоеж* црѣкви на црѣвномъ землѣ торговаго чѣвка Сепки Борисова 3 рубли 18 алтнѣ пол- 6 *де*.

З двора *тоеж* црѣкви на црѣвномъ землѣ торговаго чѣвка Митки Дмитриева 4 рубли 14 алтнѣ пол- 2 *де*.

Црѣкви Иоакима Иоанны, что за пушечнымъ дворомъ, з двора дьячка Якушки Петрова 6 алтнѣ.

З двора *тоеж* црѣкви просвирницы Иринеи Ивановы дочери рубль 27 алтнѣ пол- 5 *де*.

З двора *тоеж* црѣкви дьякона Василя Иванова 2 рубли 21 алтнѣ 1 *де*.

Тоеж црѣкви на црѣвномъ землѣ з двора посадскаго приказу переводчика Павла Клепинского 6 алтнѣ 4 *де*.

З двора кнѣзь печатного двора паборщика Тихона Михайлова 2 рубли 10 алтнѣ.

З двора казенной слободы Якушка Иванова да Поволицкой слободы Якушка Федорова 2 рубли 6 алтнѣ 2 *де*.

Црѣкви Сооѣи Премудрости Бжѣи, что на Лубянке, з двора попа Павла, что *пше* живет из оброку вдова Тамьяна Степанова, 2 рубли 16 алтнѣ 4 *де*.

З двора *тоеж* црѣкви вдовой попадн Мари Гуревой дочери 2 рубли 20 алтнѣ.

Црѣкви Иоакима и Анны на црѣвномъ землѣ з двора приказу Большого дворца подячего Семена Федорова 2 рубли 30 алтнѣ.

В Бѣломъ городе [отъ] Орловки по Покровку:

С мѣстря Иоанна Слаткуста 17 рублев 30 алтнѣ.

С мѣстрского конюшенного двора, что за мѣстремъ, 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора мѣстрского слушки Федки Дуракова рубль 26 алтнѣ 2 *де*.

З двора кнѣзь Никиты княж Никитина сѣа Гагарина 4 рубли 3 алтнѣ 2 *де*.

З двора кнѣзь Федора княж Иванова сѣа Гагарина рубль 6 алтнѣ 4 *де*.

З двора Исая Андрѣева сѣа Есипова 4 рубли 3 алтнѣ 2 *де*.

С мѣстрского огорода 5 рублев 30 алтнѣ.

С мѣста, что вымерены к Златоустовскому мѣстерю из Федорова двора Строганова, рубль 16 алтнѣ 4 *де*.

Тогож мѣстря с отводной земли, что отведена позад кнѣзь Федорова двора Гагарина, 3 рубли 3 алтнѣ 2 *де*.

З двора иноземки вдовы Овдои Оплимоповы жены Кемана 7 рублев 8 алтнѣ 2 *де*.

В Бѣлом городе отъ Ороловки по Покровку с црквиных причетников:

Цркви Уснения Престѣе Бдѣы, что на Покровке в Котелниках, [з] двора дякопа Ивана Аоопасева 6 алтнѣ 1 де.

Цркви Николая Чюдотворца, что на Покровке у решотки:

З двора понамаря Ивашка рубль 23 алтнѣ 2 де.

З двора тоеж цркви просвирицы рубль 23 алтнѣ 2 де.

З земли Гребневские Бдѣы, з двора Гришки Дмитриева 2 рубли 3 алтнѣ 2 де.

В Бѣлом городе от Покровки по Яуские ворота и по Василевской лужокъ:

З двора решеточного сторожа Куземки Епиоанова рубль 25 алтнѣ.

З двора Ивана Василева сѣа Клеусова 3 рубли 1 алтнѣ 4 де.

З двор. книгъпечатного двора наборщика Корнилка Венедиктова 3 рубли 10 алтнѣ.

З двора Василя Иаплова сѣа Чихачева 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора розрядного приказу подячего Скортея Иванова сѣа Томилова 3 рубли 5 алтнѣ 1 де.

З двора патриарша дяка Дениса Дятловского 5 рублев 2 алтнѣ 3 де.

З двора гостинои сотни Федора Климшина 8 рублев 24 алтнѣ 1 де.

З загородного двора боярина Петра Михайловича Салтыкова 8 рублев.

З двора помѣсного приказу подячего Еоима Беляева 2 рубли 15 алтнѣ.

З двора столника Петра Леонтьева сѣа Молвянинова 4 рубли 2 алтнѣ 1 де.

З двора вдовы Анны Григорьевы дочери розрядного приказу подячего Ивановы жены Мальшева 7 рублев 18 алтнѣ пол- 6 де.

З двора приказу Большого приходу подячего Григоря Родионова 3 рубли 7 алтнѣ пол- 5 де.

З двора розрядного приказу подячего Федора Остоева 3 рубли 30 алтнѣ.

З двора окопичего Кирия Ивановича Самарина 5 рублев.

З двора постелничего Алексѣя Михайловича Татищева 22 алтнѣ пол- 3 де.

З двора вдовы Татьяны Степановской жены Молвянинова 3 рубли 23 алтнѣ 2 де.

З двора думного дворянина Аврама Никитича Лопухина 7 рублевъ 10 алтнѣ.

З двора Михаіла Иванова сѣа Еренкина 4 рублевъ 30 алтнѣ.

- З двора Івана Елисеѣва сѣна Лачинова 4 рубли 30 алтнѣ.
- З двора столника кнѣзь Петра Щербатова 3 рубли 5 алтнѣ.
- З двора столника кнѣзь Петра Щербатова, что бывалъ Михаіла Ушакова, 4 рубли 30 алтнѣ.
- З двора Івана Тихонова сѣна Танѣева 2 рубли 1 алтнѣ 4 де.
- З двора боярина кнѣзь Якова Никитича Одоевскаго 7 рублевѣ 25 алтнѣ.
- З двора Данилы Артемьева сѣна Лутовянова 3 рубли 28 алтнѣ 6 денги.
- З двора Івана Савинова сѣна Крюкова рубль 28 алтнѣ 2 денги.
- З двора сибирскаго приказу подячего Івана Самсонова 5 рублевѣ 32 алтнѣ 5 днѣгъ.
- З двора столника Григорья Володимерова сѣна Новосилцова 4 рубли 2 алтнѣ.
- З двора боярина Ѳедора Алексѣева Головина 13 рублевѣ 6 алтнѣ пол- 4 де.
- З двора дьяка Василья Іпполитова сѣна Протопопова 2 рубли 29 алтнѣ.
- З двора Василья Акинѣева сѣна Налянова 14 алтнѣ 2 де.
- З двора новгородскаго приказу подячего Ѳедора Кишмутина 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.
- З двора дьяка Григорья Сандырева 7 рублевѣ 16 алтнѣ 4 де.
- З двора Андрѣя Борисова сѣна Колтовскаго 3 рубли 10 де.
- З двора помѣснаго приказу подячего Киприяна Гаврилова сѣна Тиханова 8 рублевѣ 16 алтнѣ 4 де.
- З двора Івана Дмитреева сѣна Сонцова 6 рублевѣ 30 алтнѣ.
- З двора Болшаго приходу подячего Петра Іванова рубль.
- З двора приказу Болшие казны подячего Івана Гордѣева 18 алтнѣ 2 де.
- З двора боярина князя Михаіла Яковлевича Черкаскаго члѣвца ево Івашка Грамацкаго 6 рублевѣ 10 алтнѣ.
- З двора патриарша приказу подячего Матвѣя Завѣсина рубль 30 алтнѣ.
- С подворья Крутицкаго митрополита 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.
- З двора Перонья Есипова сѣна Ерохова 5 рублевѣ 3 алтнѣ 2 де.
- З двора садовника Івана Ероѣева 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.
- З двора приказу Болшаго приходу подячего Карна Молчанова 16 алтнѣ 4 де.
- З двора столника Івана Семенова сѣна Познякава 3 рубли 21 алтнѣ 4 де.
- З двора Михаіла Семенова сѣна Новошченова 3 рубли 23 алтнѣ 2 де.
- С мѣста порозжего Василья Панкратьева сѣна Пущина рубль 30 алтнѣ.
- З двора кизь Івана Шандякова 2 рубли 10 алтнѣ.
- З двора дьячка Ѳомки Кондратьева 8 алтнѣ.

3 двора столника Василья Савина сѣа Жаманлова 4 рубли 3 алѣна 2 *де*.

3 двора гостиноі сотни Ивана Черного 3 рубли 3 алѣна 2 *де*.

3 двора Ивана Лаврентьева сѣа Лукина 3 рубли 23 алѣна 2 *де*.

3 двора приказу Новые четі подячего Бориса Артемева 4 рубли 13 алѣнъ 2 *де*.

3 двора Сидора Алексѣева сѣа Лодыженского 3 рубли 23 алѣна 2 *де*.

3 двора казенноі слободы тяглеца Івашка Лукьянова 2 рубли 3 алѣна 2 *де*.

3 двора гончарноі слободы тяглеца Андрюшки Панюлова 2 рубли 30 алѣнъ.

3 двора боярина Оедора Алексѣева Головина 10 рублевъ 15 алѣнъ.

3 двора гостя Ивана Ивановича сѣа Климшина 2 рубли 24 алѣна 3 *де*.

В Бѣломъ городѣ на Кулишкахъ дворы црковныхъ причетниковъ:

Цркви Спса, что на Глинищахъ:

3 двора попа Миклоора Тимооѣва 5 рублевъ 6 алѣнъ 4 *де*.

3 двора дьякона Аврамя Васильева 2 рубли 27 алѣнъ.

3 двора пономаря Івашки Михайлова рубль 30 алѣнъ.

3 двора просвирницы Каптелницы рубль 27 алѣнъ 5 *де*.

Цркви Николая Чюдотворца, что на Кулишкахъ:

3 двора попа Ивана Степанова 7 рублевъ.

3 двора дьякона Ивана Гаврилова 2 рубли 23 алѣна 2 *де*.

3 двора просвирницы Ольги Андрѣвоі дочери рубль 23 алѣна 2 *де*.

Цркви Петра і Павла, что у Яускихъ воротъ:

3 двора просвирницы Оедоры Иванова дочери рубль 28 алѣна пол- 5 *де*.

3 двора дьячка Сенки Неоедова 2 рубли 15 алѣнъ.

Всего въ Бѣломъ городе донят 1478 рублевъ 25 алѣнъ с полу- 1 *де*.

В Земляномъ городе:

От Москвы реки по Пречистенскую улицу:

3 двора стряпчего конюха Кондратя Иванова сѣа Кречетова рубль 18 алѣнъ 2 *де*.

3 двора подячего Сергѣя Артемьева 27 алѣнъ пол- 3 *де*.

3 двора хлебного дворца подячего Ивана Оедорова 26 алѣнъ 4 *де*.

3 дворового мѣста задворного конюха Ивана Полунина рубль 6 алѣнъ 4 *де*.

3 двора кормового дворца подключника Никлоора Тарасова сѣа Шахонского рубль 5 алѣнъ 3 *де*.

З двора стряпчего Ивана Алексѣева сѣа Языкова рубль 10 алтнѣ.

З двора Семена Иванова сѣа Любовникова 26 алтнѣ пол- 2 де.

З двора Оедосѣя Титова сѣа Беклемишева рубль 13 алтнѣ 2 де.

З двора вдовы Марѣи Василевы дочери подячего Борисовы жены Мартыиновы рубль 6 алтнѣ 4 де.

З двора приказу Холопья суда подячего Ѳедора Денисова рубль 15 алтнѣ.

З двора Любима Вяземског 20 алтнѣ пол- 5 де.

З двора думного совѣтника Прокооья Богдановича Возницына 26 алтнѣ пол- 3 де.

З двора вды Анны Андрѣевскоі жены Коштева рубль 24 алтнѣ.

З двора Петра Андрѣева Бунакова 2 рубли 13 алтнѣ 5 де.

З двора столника Еремѣя Аоонасева сѣа Пашкова 2 рубли 13 алтнѣ 13 де.

З двора кормовог дворца подкдюшника Прокооья Могинина рубль 4 алтнѣ 1 де.

З двора вды Аоими Патрекѣевоі жены Исупова 23 алтнѣ.

С порозжего мѣста 30 алтнѣ.

З двора стряпчего Ивана Никитина сѣа Зиновьева рубль 32 алтнѣ 1 де.

З двора столника Авдѣя Павлова сѣа Савелова 22 алтнѣ з денгою.

З двора Кирила Григорьева сѣа Маслова рубль 23 алтнѣ 2 де.

З двора вды Варвары Дмитрѣевскоі жены Плещѣва 5 рублей 5 алтнѣ.

С огорода еѣ ж Варвары Дмитреевскоі жены Плещѣва 2 рубли 10 алтнѣ 5 де.

З двора стряпчего Бориса Оедорова сѣа Мертвого 30 алтнѣ пол- 4 де.

З двора Евсѣвья Андрѣева сѣа Яковлева 2 рубли 22 алтнѣ пол- 2 де.

З дворцового мѣста Алексѣя Андрѣева сѣа Яковлева рубль 7 алтнѣ 4 де.

З двора Василья да Ѳедора Соооновых 17 алтнѣ 2 де.

З двора подячего Овдѣя Поликарпова сѣа Карпова 2 рубли 16 алтнѣ.

З двора Аоонасыя Павлова сѣа Секиотова рубль 24 алтнѣ 3 де.

В томъ ж переулке на другоі сторонѣ:

З двора столника Степана Андрѣева сѣа Лазорева 3 рубли 9 алтнѣ 3 де.

С прикупног дворового мѣста приказу Болшаг дворца подячего Еремѣя Хлѣбникова рубль 1 алтнѣ 4 де.

З двора подячего Алексѣя Тиханова сѣа Ушакова рубль 23 алтнѣ пол- 6 де.

З двора столника Ѳедора Тиханова сѣа Зыкова рубль 10 алтнѣ.

- 3 двора столника Дмитрея Иванова сѣа Рудина рубль 12 алтѣи 2 де.
 3 двора Степана да Василья Богдановыхъ дѣтеи Быковыхъ 11 алтѣи 2 де.
 3 двора задворного конюха Евдокима Оомина сѣа Воронина 29 алтѣи
 2 де.
 3 двора столника Дмитрея Оедосѣева сѣа Арсенѣева 3 рубли 17 алтѣи
 пол- 5 де.
 3 двора боярина Кирилла Полуехтовича Нарышкина 5 рублео 16 алтѣи.
 3 двора Ивана Кирилова сѣа Бунакова 2 рубли 9 алтѣи 1 де.
     Земля Зачетевского Двѣа мнстря:
 3 двора дьякона Герасима Маркова 2 рубли 13 алтѣи 2 де.
 3 двора подячегъ Василя Куличкина 29 алтѣи 3 де.
 3 двора дьяка Емельяна Кирилова рубль 1 алтѣи 4 де.
 3 двора боярина кнѣзя Михаила Яковлевича Черкаского члѣвка ево Ан-
 дрюшки Разбицкого рубль 2 алтѣи 3 де.
 3 двора Ивана Аоонасева сѣа Воронина рубль 12 алтѣи 3 де.
 3 дву двороо подячегъ Евтропа Аникѣева сѣа Лукина да подячегеож
 Алексѣя Никитина сѣа Безсонова рубль 18 алтѣи 3 де.
 3 двора задворного конюха Оодора Семенова сѣа Волкова рубль 2 алтѣи
 5 де.
 3 двора подячеге Кирилла Аминева 2 рубли 11 алтѣи 4 де.
 3 двора полуголовы московскихъ стрелцоо Аоонася Спешнева рубль
 24 алтѣи з денгою.
 3 двора кормового дворца стряпчегъ Ивана Суровцова 2 рубли.
 3 двора вдѣвы Анны Юревскои жепы Малцова рубль 10 алтѣи.
 3 двора кузнецкои слободы тяглеца Мишки Анисимова рубль 21 алтѣи
 4 де.
 3 двора подячеге Семена Гаврилова сѣа Гаврилова рубль 5 де.
 3 двора подячеге Петра Осипова Лакунова рубль 8 алтѣи 6 де.
 3 двора устюжскои полусотни тяглеца Васки Семенова рубль 8 алтѣи
 2 де.
 3 двора подячеге Игнатѣя Аникѣева сѣа Лукина 2 рубли 32 алтѣи 3 де.
 3 двора вдѣвы Агаооы Ивановы дочери Некрасова рубль 8 алтѣи 2 де.
 С огорода боярина князя Михаила Яковлевича Черкаского члѣвка ево
 Ивашка Неболсина 3 рубли 12 алтѣи пол- 3 де.
 3 двора сѣитника Родиона Матѣева 21 алтѣи з денгою.
 3 двора подячеге Ульяна Аоонасева 20 алтѣи.
 3 двора пирожника Меркушки Селуянова 30 алтѣи.
 3 двора Матѣя Степанова сѣа Счюлепова 2 рубли 2 алтѣи пол- 2 де.
 3 двора Дмитрея Донскогъ 20 алтѣи.
 3 двора конюха Симона Бѣликова рубль 9 алтѣи пол- 2 де.

- З двора трубника конюхова рубль 20 алтнѣ.
З двора подячего Івана Осипова снѣ Зиновева 2 рубли 27 алтнѣ пол- 2 де.
С огорода мнѣтрского 26 алтнѣ 3 де.
С огорода мнѣтрского, что владѣет дмитровскоі сотни Івашко Болоба-новъ, рубль 14 алтнѣ.
От Москвы реки по Пречистенскую улицу з дворов црковных при-четниковъ:

- З двора цркви Живоначальные Троицы, что в Зубове приказе, попа Логина Феоданова рубль 21 алтнѣ 4 де.
З двора ево ж попа Логина Феоданова 2 рубли 1 алтнѣ 4 де.
З двора просвирницы Овдоѣи Калинины дочери рубль 13 алтнѣ 4 де.
З двора просвирницы Натальи Павловы дочери рубль.

От Пречистенские улицы по Смоленскую:

- З двора думного дьяка Данила Полянског 4 рубли 20 алтнѣ.
З двора недоросля Василя Лукьянова снѣ Оболдуева 2 рубли.
З двора Івана Обросимова снѣ Кротнева да пасынков ево подячих Івана да Феодора да Марка Ивановых дѣтеі Старово 32 алтнѣ 3 де.
З двора вѣвы Крестины Андрѣевскоі жены Шестакова да снѣ еѣ Павла Шестакова 24 алтнѣ.
З двора Генерала Матвѣя Осиповича Крожкова 5 рубли 8 алтнѣ.
З двора Іева Феодорова снѣ Остаѣева 2 рубли 21 алтнѣ з денгою.
З двора кнѣзь Івана княж Никитина снѣ Борятинского рубль 27 алтнѣ 3 де.
З двора вѣвы Василисы Ивановскоі жены Воеікова 2 рубли 4 алтнѣ 2 де.
З двора окопнячего князя Данила Аоонасевича Борятинского 2 рубли 10 алтнѣ.
З двора столника Андрѣя Васильева снѣ Давыдова 2 рубли 10 алтнѣ.
З двора Григорья Клементьева снѣ Хрущова рубль 29 алтнѣ.
З двора Григорья Иванова снѣ Щербачева 28 алтнѣ 2 де.
З двора Івана да Степана Аврамовых дѣтеі Бобыниных рубль 1 алтнѣ 4 де.
З двора боярина Никиты Костянтиновича Стрешнева 3 рубли 26 алтнѣ 4 де.
З двора дьяка Григоря Богданова рубль 14 алтнѣ пол- 4 де.
З двора сытного дворца стряпчего Минны Иванова снѣ Взимкова рубль 25 алтнѣ пол- 5 де.

От конюшенной улицы идучи к Сивцову вращку:

- З двора подячего Михаила Василева сѣа рубль 10 алтнѣ.
- З двора сукопной сотни Семена Григорьева 32 алтнѣ з денгою.
- З двора Семена Оялипова сѣа Бульпина 32 алтнѣ з денгою.
- З двора кормового дворца стряпчего Тита Оедорова сѣа Леонтьева рубль 2 алтнѣ 2 *де*.
- З двора Леонтья Иванова сѣа Григорова 2 рубли 6 алтнѣ пол- 6 *де*.
- З двора вдовы Параскови Борисовы жены Соболева 29 алтнѣ з денгою.
- З двора подячего Данилы Берестова рубль 16 алтнѣ 4 *де*.
- З двора Аоонася Гаврилова сѣа Рагозина рубль один алтнѣ 4 *де*.
- З двора сытного дворца стряпчего Алексѣя Павлова 31 алтнѣ 4 *де*.
- З загородного двора столника і полковника Ивана Оедорова сѣа Полтева 2 рубли 29 алтнѣ одна дѣга.
- З двора Степана Борисова сѣа Челищева рубль 28 алтнѣ 2 *де*.
- З двора кнѣзь Василя княж Григорева сѣа Оболенского 2 рубли 27 алтнѣ.
- З двора Михаила Никитича сѣа Чирикова 2 рубли 20 алтнѣ.
- З двора Оедора Давыдова сѣа Жеребцова 2 рубли 13 алтнѣ.
- З двора столника кнѣзь Ивана княж Данилова сѣа Мышецкого 2 рубли 26 алтнѣ 4 *де*.
- З дворовой и огородной земли думного дворянина и московского ловчего Аоонася Ивановича Матюшкина жены ево вдовы Татьяны Ивановны з детми столника Ивана да брата ево Михаила Аоонасевых детеі Ивановича Матюшкина 3 рубли 31 алтнѣ.
- З двора околичного Александра Савостьяновича Хитрово 7 *рублев*.
- З дворовъ црковных причетников:
- Цркви Иоанна Предтечи з двора тое ж цркви попа Дѣя Захарева 2 рубли 30 алтнѣ.
- Цркви Аоонася и Кирила з двора просвирицы Меланьи Козмины 32 алтнѣ пол- 5 *де*.

В земляномъ городе от Смоленской улицы по Никитскую:

- З двора Никиты Осипова сѣа Коковнисково рубль 22 алтнѣ 2 *де*.
- З двора Иева Семенова сѣа Коковниского 3 рубли 16 алтнѣ 3 *де*.
- З двора столника Семена Ерооѣва сѣа Полтева 2 рубли 10 алтнѣ.

З двора розрядного приказу подячего Пересвѣта Жохова 3 рубли 8 алтнѣ 2 *де*.

З двора Елизаря Минина сѣа Терпигорева 2 рубли 7 алтнѣ 5 *де*.

Переулочкѣ, что ѣздятъ изс-трубничьи улицы на Поварскую улицу к цркви Бориса і Глѣба, дворы на лѣвои сторонѣ:

З двора Ивана Алексѣева сѣа Мещеринова 21 алтнѣ 4 *де*.

З двора Михѣя Оедорова сѣа Тоболика рубль 13 алтнѣ 5 *де*.

З двора Василя Щербачева рубль 3 алтна 2 *де*.

З двора Матвѣя Микиорова сѣа Спиридонова рубль 12 алтнѣ 4 *де*.

З двора Василя Иванова Пустобоярова 2 рубли 23 алтна пол- 4 *де*.

З двора трубника Оюица Звягина рубль 4 алтна одна денга.

З двора Василя Трусова 32 алтнѣ 5 *де*.

С вдов [?] сотниковъ московскихъ стрелцовъ: Костянтиновской жены Подымова вдовы Огрооены Самоілової дочери 27 алтнѣ 5 *де*.

З двора вдовы Лукери з детми: с Петром, да с Иваном болшим да с Иваном же меншимъ Григорьевыми дѣтми Кашинцова рубль 11 алтнѣ пол- 2 *де*.

З двора вдовы Оѣиньи Костентиновской жены Торопова рубль 23 алтна 2 *де*.

З двороваго порозжего мѣста вдовы Оетини Леонтъевской жены Трусова рубль 23 алтна 2 *де*.

З двора стоюника Якова Алексѣева сѣа Дашкова рубль 14 алтнѣ.

З двора Сергѣя Оксакова один алтнѣ з денгою.

С мнстрског подворья прендобнаго отца Еорема Новоторжского чюдотворца рубль 7 алтнѣ.

З двора приказу устюжские чети подячего Григоря Суровцова 29 алтнѣ одна денга.

З двора сытного дворца подячего Петра Торопова 23 алтна 2 *де*.

З двора Михаила Мартюхина рубль 30 алтнѣ.

З двора сытного дворца стряпчего Ивана Володимерова рубль 30 алтнѣ 5 *де*.

З двора кормовог дворца стряпчего Емельяна Лявтинова 2 рубли.

З двора Оедора Насопова рубль 32 алтна 3 *де*.

З двора сытного дворца стряпчег Никюора Вешнякова 12 алтнѣ 2 *де*.

З двора Петра Теряева 30 алтнѣ.

З двора вдовы Уяины Харитоновы дочери Михайловской жены Ендагурова рубль 17 алтнѣ 3 *де*.

З дворовог і огородного мѣста подячего Ивана Рагозина рубль 9 алтнѣ.

- З двора Алексѣя Ѳедорова сѣа Потопкина 2 рубли 13 алтнѣ 2 *де*.
- З дворовоѣ пустоѣ мѣста Антипы Патова рубль 30 алтнѣ.
- З двора Михаіла Озобишина 14 алтнѣ з денгою.
- З двора повогородкоѣ сотни тяглеца Степана Иванова 27 алтнѣ 5 *де*.
- З двора столовоѣ полаты істопника Андрюшки Терентьева да кормового дворца повара Грѣшки Иванова рубль 31 алтнѣ пол- 6 днгѣ.
- З двора сытного дворца стряпчего Ѳедора Маркова рубль 20 алтнѣ з денгою.
- З двора кормового дворца повара Васки Прокооева 27 алтнѣ.
- З двора кормового дворца повара Лукашки Михаілова 30 алтнѣ.
- З двора кормового дворца повара Назарки Карпова 29 алтнѣ.
- З двора кормового дворца повара Архипки Захарева 25 алтнѣ
- З двора кормового дворца повара Митки Сергѣева 26 алтнѣ 4 *де*.
- З двора столовоѣ полаты істопника Корниля Степанова 2 рубли 32 алтна 3 *де*.
- З двора мовного істопника Мишки Самронова 26 алтнѣ 4 *де*.
- З двора Пареевнѣ Тоболина рубль 16 алтнѣ 4 *де*.
- З двора хлѣбного дворца хлѣбника Івашки Гласка 2 алтна пол- 6 *де*.
- З двора кормового дворца повара Івашки Шестакова 25 алтнѣ.
- З двора кормового дворца повара Стенки Ушатшикова 20 алтнѣ.
- З двора площадного подячего Андрѣя Корнильева 22 алтна 2 *де*.
- З двора живописца Андрѣевскоѣ жены Павлова вдовы Ѳедоры да сѣа ево Василя Андрѣева рубль 12 алтнѣ.
- З двора кормового дворца помяса Нилские жены Микиоорова вдовы Анютки да сѣа еѣ Петрушки рубль 14 алтнѣ 3 *де*.
- З двора хлѣбного дворца хлѣбниковѣ Никонки Щуки да Савки Максимова 25 алтнѣ 3 *де*.
- З двора сытного дворца свѣшника Максима Юрьева допят 23 алтнѣ пол- 5 *де*.
- З двора сытного дворца сторожа Якимки Родионова рубль 14 алтнѣ з денгою.
- З двора хлѣбного дворца хлѣбника Бориса Иванова 23 алтна 5 *де*.
- З двора помѣсного приказу подячего Володимера Бубнова 23 алтна 5 *де*.
- З двора сытного дворца сторожа Ѳедки Дружинина рубль 30 алтнѣ 2 *де*.
- З двора Кириловскоѣ жены Кондратева вдвы Марьицы да племянников еѣ Костки да Бориска Кубасовых 23 алтна пол- 5 *де*.
- З двора хлѣбного дворца хлѣбника Тихонка Андрѣева 20 алтнѣ.
- З двора хлѣбника Назарки Филипова 31 алтнѣ.

З двора сытника Івана Іванова 31 алтнѣ 4 де.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбника Алешки Михаілова 27 алтнѣ 5 де.

З двора хлѣбнаго двorca стряпчего Оедора Осѣина 13 алтнѣ 3 денгою.

З двора приказу Болшого двorca подячего Івана Родионова 2 рублн 2 алтна 2 де.

З двора сѣннаго сторожа Івашки Ісаева 27 алтнѣ 4 де.

З двора сытнаго двorca стряпчего Тихоновскоі жены Мошкова вдѣвы Дарьи 2 рублн 10 алтнѣ.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбника Гришки Іванцова рубль 2 алтна 4 де.

З двора сытнаго двorca сторожа Андрюшки Стрижа 20 алтнѣ.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбника Івашки Тимоѣева 20 алтнѣ.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбника Бориса Лукьянова 24 алтна 3 денгою.

З двора сытнаго двorca сторожа Стенки Семенова рубль 21 алтнѣ 3 денгою.

З двора кормоваго двorca повара Стенки Потапова 25 алтнѣ 5 де.

З двора кормоваго двorca повара Потапки Васильева 29 алтнѣ.

З двора верховыхъ бгомолцовъ сторожа Ларки Нестерова 27 алтнѣ 4 де.

З двора кормоваго двorca повара Сергушки Баженова 27 алтнѣ 3 де.

З двора Бориса Квашнина рубль 21 алтнѣ 4 де.

З двора розряднаго приказу подячего Муханла Шишкина рубль 31 алтнѣ 4 де.

З двора кормоваго двorca повара Гришки Іванова 27 алтнѣ 3 де.

З двора сибирскаго приказу подячего Якима Іванова 27 алтнѣ 3 де.

З двора мастерские полаты сторожа Гришки Родионова 28 алтнѣ 2 де.

З двора сытнаго двorca сторожа Івашки Дулѣпонова рубль 18 алтнѣ 2 де.

З двора сытнаго двorca сторожа Юрки Малаѣева 28 алтнѣ 2 де.

З двора сытнаго двorca сторожа Аюонки Малаѣева 28 алтнѣ 2 де.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбника Никитинскоі жены Васплева вдѣвы Анны 27 алтнѣ 4 де.

З двора хлѣбнаго двorca хлѣбниковъ Якушки да Оетки Ооминыхъ 26 алтнѣ 4 де.

З двора Кирялы Маслова 27 алтнѣ 3 де.

З двора хлѣбнаго двorca стряпчего Оедора Кумлозина 31 алтнѣ пол- 2 де.

З двора хлѣбнаго двorca подкдюшника Івана Бернова 30 алтнѣ 4 де.

- З двора приказу Большого дворца подячего Федора Гаврилова рубль.
 З двора сытного дворца стряпчего Петра Губарева 28 алтнъ 2 де.
 З двора кормового дворца сторожа Еуоимка Григорьева 28 алтнъ 2 де.
 С мѣста порозжего пустого Кашиица Ивана Лазорева 31 алтнъ 4 де.
 З двора столовой полаты сторожа Васки Семенова 20 алтнъ.
 З двора патрварша сытного дворца сторожа Костки Иванова 27 алтнъ
 4 де.
 З двора хлѣбного дворца хлѣбника Ивашка Савельева 25 алтнъ.
 З двора кормового дворца животинника Данилка да брата ево Васки
 Ларионовых 23 алтна 2 де.
 З двора кормового дворца сторожа Дмитрѣя Короля 21 алтнъ 4 де.
 З двора приказу казанского дворца подячего Лоонася Зварыкина 24
 алтна з денгою.
 З двора кормового дворца подкдюшника Михаіла Борноволокова 18
 алтнъ 2 де.
 З двора сытного дворца дровоза Куземки Емельянова 18 алтнъ 2 де.
 З двора сытного дворца сторожа Михѣики Никитина 23 алтна 2 де.
 З двора мастерские полаты сторожа Аверкиевской жены Кондратьева
 вдвы Дарицы 25 алтнъ 3 де.
 З двора хлѣбного дворца засыпки Якушки Савелева 25 алтнъ 5 де.
 З двора стряпчего конюха Андрѣя Малышкина 32 алтна 1 де.
 З двора сытника Орела Торпанова рубль 5 алтнъ.
 З двора золотые полаты алмазника Дмитрѣя Терентьева рубль 1 алтнъ
 4 де.
 С пустого мѣста Никиоора Олябьева 2 рубли 3 алтна 2 де.
 З двора сытника Савельевской жены Крюкова вдвы Матрены рубль
 19 алтнъ.
 З двора скатертника Куземки Кирилова рубль 10 алтнъ.
 З двора сытного дворца сторожа Семеновской жены вдвы Пелагѣйцы
 да сна еѣ Митки Семенова 27 алтнъ 3 де.
 З двора сытного дворца повара Тимошкины жены Василева вдвы
 Аленки да сна еѣ Ивашка рубль 20 алтнъ.
 З двора сытного дворца сторожа Митки Федорова рубль 21 алтнъ 4 де.
 З двора хлѣбного дворца хлѣбника Оилка Ларионова 29 алтнъ.
 З двора сытного дворца пивовара Ивашки Федорова 29 алтнъ.
 З двора подячего Петра Кирилова 27 алтнъ 4 де.
 З двора хлѣбного дворца помяса Дмитрейка Семенова 24 алтна пол-
 3 де.
 З двора кормового дворца помяса Илюшки Мамвѣева рубль 17 алтнъ
 пол- 5 де.

З двора Александра Жукова рубль 21 алтнъ 1 де.

З двора кормового дворца сторожа Ермолки Игнатъева 28 алтнъ 2 де.

З двора сытного дворца сторожа Івашка Оторова рубль 27 алтнъ 5 де.

З двора постелного сторожа Івашка Оедорова 27 алтнъ 4 де.

З двора столовой полаты сторожа Харитонка Артемева рубль 15 алтнъ.

З двора повара Матюшки Агѣева рубль 3 алтна 2 дѣги.

З двора столовой полаты сторожа Михаіловской жены Петрова вдвы Акилины 25 алтнъ.

З двора кормового дворца сторожа Сергушки Кондратьева 27 алтнъ 3 де.

З двора кормового дворца укусника Михаіловской жены Харитонова вдвы Прасковьяцы рубль 3 алтна 2 де.

З двора хлѣбного дворца хлѣбника Мишки Артемева 19 алтнъ 3 де.

З двора стремянного конюха Оедора Горяинова 2 рубли 24 алтна 3 де.

З двора хлѣбного дворца хлѣбника Івашка Самоілова 22 алтна 5 де.

З двора постелного сторожа Алешки Трионова рубль 29 алтнъ.

З двора комнатного сторожа Савелья Яковлева рубль 27 алтнъ 5 де.

З двора помѣсного приказу подячего Тимоѣя Павлова 25 алтнъ 3 де.

З двора приказу Большого дворца подячего Александра Миткова рубль 17 алтнъ 3 де.

З двора хлѣбного дворца путного ключника Александра Маркова рубль 13 алтнъ 2 де.

З двора хлѣбного дворца хлѣбника Емелки Іванова 28 алтнъ пол-3 де.

З двора хлѣбного дворца сторожа Івашка Оомина рубль 20 алтнъ.

З двора кормового дворца повара Елисеіка Михаілова рубль 12 алтнъ 3 де.

З двора сытного дворца сторожа Івашка Бочара 25 алтнъ 5 де.

З двора Оедоровского мѣстря псаломщика Корнилки Юрьева 13 алтнъ 2 де.

З двора пушкарского приказу подячего Аоонасевской жены Максимова вдвы Дарьи 13 алтнъ 2 де.

З двора хлѣбного дворца засынки Дмитреіка да сытного дворца сторожа Оомки Яковлевыхъ 2 рубли 17 алтнъ 4 де.

З двора сытника Костянтина да подключника Василья Ислѣньевыхъ рубль 4 алтна 2 де.

З двора сытного дворца подячего Петра Злобина 29 алтнъ.

З двора сытного дворца сторожа Елизорка Аноориева 30 алтнъ 3 де.

З двора кормового дворца кислошника Терешки Петрова 28 алтнъ 2 де.

З двора столовог истопника Семки Ойрсова рубль 21 алтнъ 4 де.

З двора приказу Болшого дворца подячего Івана Чюркина 25 алтнъ.

З двора кормового дворца сторожа Івашка Клементьева 19 алтнъ
3 де.

З двора Івана Обухова 27 алтнъ 4 де.

З двора сытника Василья Алмаметева 27 алтнъ 4 де.

З двора боярина Бориса Гавриловича Юшкова рубль 11 алтнъ 4 де.

З двора сытного дворца сторожа Івашка Микиоорова 28 алтнъ 5 де.

З двора сна боярского Василья Степанова 27 алтнъ з денгою.

З двора кормового дворца сторожа Микитки Микиоорова рубль 5 алтнъ
5 де.

З двора столовоі полаты сторожа Лаврушки Мамвѣева рубль 25 алтнъ

3 де.

З двора Оедки Захарьева 23 алтна 2 де.

З двора верхового сторожа Васки Кирилова рубль 10 алтнъ 4 де.

З двора хлѣбного дворца сторожа Оилатки Анкидинова рубль 20 алтнъ

5 де.

З двора столовоі полаты истопника Івашка Золотарева рубль 5 алтнъ

3 де.

З двора приказу Новые четверти подячего Михаіла Игнатьева 29 алтнъ

3 де.

З двора хлѣбного дворца сторожа Якушка Дмитрѣева 28 алтнъ

5 де.

З двора хлѣбного дворца хлѣбника Івашки Яковлева 29 алтнъ 5 де.

З двора хлѣбного дворца сторожа Тимооѣевскоі жены Оедорова
вдѣвы Аксиньицы 30 алтнъ.

З двора кормового дворца повара Захарки Логинова 17 алтнъ 2 де.

З двора хлѣбного дворца помяса Григоревскоі жены Казачькова
вдѣвы Анютки 20 алтнъ 4 де.

З двора кормового дворца повара Івашки Оедорова 20 алтнъ 4 де.

З двора сытного дворца браговара Оетки Лукьянова рубль 4 алтна
з денгою.

З двора столника кнѣзь Петра княж Іванова сна Шихматова рубль
4 алтна з денгою.

З дворов црковных причетников:

Цркви Николая чудотворца Явленского:

З двора дьякона Тимооѣя Іванова рубль 11 алтнъ 4 де.

З двора тое ж цркви дьячка Івашка Пероильева 2 рубли 7 алтнъ 4 де.

Цркви Симеона столпника з двора попа Родиона Михаілова 3 рубл
13 алтнъ 2 де.

Цркви Петра і Олексѣя Іюны з двора дьякона Івана Ильина рубль 20 алтнѣ.

Цркви ржевскоі Бдцы, что в Поварскоі улице, з двора просвирницы Агаѣи Максимовой дочери рубль 10 алтнѣ.

Цркви Петра Алексѣя и Іюны:

С поповского пустога двора, что живет тое ж цркви дьякон Иван Ильинъ, 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора тое ж цркви попа Елизарья Антипина 2 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора тое ж цркви дьячка Ілюшки Григорьева рубль 15 алтнѣ 4 де.

Цркви Преображения Христо:

З двора попа Тимоѣя Семенова рубль 15 алтнѣ 4 де.

З двора тое ж цркви попа Исакия рубль 12 алтнѣ 4 де.

З двора тое ж цркви дьякона Ермолы Ѳедорова рубль 13 алтнѣ 2 де.

З двора тое ж цркви сторожа Алешки Ероѣева рубль 3 алтнѣ 2 де.

Цркви Ржства Христова въ Ендурове приказе:

З двора попа Обросима Елоимова 2 рубли.

З двора тое ж цркви попа Обросима Васильева 2 рубли 24 алтна 2 де.

Цркви Іоанна Предтечи:

З двора попа Матвѣя Мокѣева 2 рубли 4 алтна 2 де.

З двора на црковноі землѣ, живеть вдва Настасѣица Никиорова, 26 алтнѣ 4 де.

Цркви Своеи Премдрсти Бжїи:

З двора попа Аѳонасыя Степанова 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора тое ж цркви выморочного дьяконского, владѣеть попъ Аѳонасеі, 2 рубли.

В Землянѣмъ городе ѳт Никицкоі улицы по Тверскую:

З двора Ѳедора да Якова да Петра Степановыхъ дѣтеі Шестаковыхъ рубль 20 алтнѣ.

З двора Никиора Лукина снѣ Кривского 2 рубли 4 алтна 2 де.

З двора сытного дворца свѣшника Ларки Евдокимова 22 алтна 2 де.

З двора сытного дворца сторожа Михѣика Никитина рубль 29 алтнѣ 2 де.

З двора сытного дворца сторожа Івашка Слепкова рубль 7 алтнѣ 5 де.

З двора сытного дворца стряпчего Дмитрѣя Иванова снѣ Боркова рубль тритцать два алтна 4 де.

З двора дьяка Артемья Остаѣева рубль 16 алтнѣ.

З двора Григорья да столника Василья Лвовыхъ дѣтеі Юшковыхъ рубль 19 алтнѣ 2 де.

З двора кормового дворца помяса Ѳетки Барана 25 алтнѣ 5 де.

- З двора Івана Костянтинова 22 алтѣна 2 *де*.
- З двора сытнаго дворца сторожа Терешки Колоколника 22 алтѣна 2 *де*.
- З двора комнатнаго сторожа Гаврила Сидорова 27 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора кормового дворца подкдюшника Савы Толкачова 27 алтѣнъ с полуденгою.
- З двора мастерские полаты сторожа Івашка Кондратева рубль 18 алтѣнъ пол- 5 *де*.
- З двора столника Івана Михайлова сѣна Баскакова рубль 7 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора вѣвы Пелагѣйцы Борисовы дочери кормовог дворца повара Кононовскоі жены Григорьева рубль 5 алтѣнъ.
- З двора казенноі слободы тяглеца Петрушки Михайлова 30 алтѣнъ.
- З двора жилца Кирила Перского 17 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора кормового дворца сторожа Ермолки Андрѣева 31 алтѣнъ.
- З двора постелнаго істопника Якова Семенова рубль 22 алтѣна 2 *де*.
- З двора сытнаго дворца сторожа Алешкиных дѣтеі Ѳедоровых прозвище Гуся Лукашки 29 алтѣнъ з денгою.
- З двора кормового дворца повара Мишки Аоонасьева 31 алтѣнъ 3 *де*.
- З двора куретника Гришки Харитонова рубль 1 алтѣнъ з денгою.
- З двора столовоі полаты сторожа Митрованка Харитонова 30 алтѣнъ.
- З двора оружеіноі полаты иконописца Герасима Ільина 26 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора Андрѣяна Гурьева сѣна Волынцова рубль 14 алтѣнъ 3 *де*.
- З двора хлѣбнаго дворца стряпчего Бориса Григорьева сѣна Баранчѣева 25 алтѣнъ.
- З двора сытнаго дворца сторожа Костьки Іванова рубль 24 алтѣна 2 *де*.
- З двора кормового дворца сторожа Куземки Прохорова 24 алтѣна з денгою.
- З двора сытнаго дворца пивовара Марчька Елисѣева 24 алтѣна 4 *де*.
- З двора вѣвы Овдотьицы Степановскоі жены Денисьева да сѣна еѣ кормового дворца сторожа Семки Степанова 21 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора столника Андрѣя Іванова сѣна Леонтьева 4 рубли 20 алтѣнъ.
- З двора сытнаго дворца сторожа Мишки Яковлева рубль 6 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора хлѣбнаго дворца сторожа Івашка Семенова рубль 20 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора кормового дворца повара Івашка Шоллюса 21 алтѣнъ 2 *де*.
- З двора сѣннаго сторожа Івашки Карнова 28 алтѣнъ 2 *де*.
- З двора постелнаго сторожа Ѳедки Никопова рубль 11 алтѣнъ 4 *де*.
- З двора сытнаго дворца сторожа Петрушки Чертихи рубль 3 алтѣна 2 *де*.
- З двора вѣвы Аяницы Савельевы дочери помяса Самсоновскоі жены Лукьянова 20 алтѣнъ 2 *де*.

З двора кормового дворца помяса Івашки Юоимова 22 алтѣна 2 де.

З двора кормового дворца сторожа Якимки Васильева рубль 20 алтѣнъ.

З двора вѣдвы Мавры Демидовы дочери Игнатовской жены Григорьева сѣа Тараканова да сѣа еѣ Евдокима Тараканова 28 алтѣнъ 4 де.

З двора Новые четѣ подячего Марка Баскакова 29 алтѣнъ 3 денгою.

З двора постелного сторожа Ілюшки Прохорова 31 алтѣнъ 4 де.

З двора кормового дворца повара Бориска Резанова рубль 28 алтѣнъ 2 де.

З двора кормового дворца помяса Оетки Урубка 30 алтѣнъ.

З двора постелного сторожа Ілюшки Прохорова рубль 11 алтѣнъ 4 де.

З двора хлѣбного дворца коровника Аникейка Юрьева 28 алтѣнъ 2 де.

З двора стремянного конюха Козмы Збурского рубль 22 алтѣна 2 де.

З двора скатертника Петрушки Козмина 30 алтѣнъ 5 де.

З двора курятника Івашка Іванова рубль 5 алтѣнъ 5 де.

З двора приказу великого гѣдря Тайныхъ дѣл подячего Бориса Гаврилова сѣа Оалелѣева рубль 30 алтѣнъ.

З двора скатертника Пашки Іванова 23 алтѣна 3 де.

З двора хлѣбного дворца сторожа Серешки Яковлева 26 алтѣнъ 4 де.

З двора істопника Івашки Романова 23 алтѣна 3 де.

З двора скатертника Івашки Рубца 27 алтѣнъ 4 де.

З двора курятника Тимошки Федорова 21 алтѣнъ 4 де.

З двора курятника Левки Никиорова 21 алтѣнъ 5 де.

З двора кормового дворца животинника Устинка Кондратева рубль 15 алтѣнъ 5 де.

З двора гѣдрева пѣвчева Тихона Артемьева рубль 16 алтѣнъ 4 де.

З двора постелного сторожа Петрушки Іванова 25 алтѣнъ.

З двора укусника Ротки Аврамова 29 алтѣнъ.

З двора сытного дворца сторожа Микиорка Тараканова 30 алтѣнъ 5 де.

З двора сытного дворца сторожа Івашка Лантева рубль.

З двора ордынской сотни тяглеца Сенки Іевлева рубль 1 алтѣнъ 4 де.

З двора Івана Степанова рубль 5 алтѣнъ.

З двора столника Сергѣя Осипова сѣа Племяжникова рубль 27 алтѣнъ 5 де.

З двора вѣдвы Анютки Дмитрѣвы дочери Леонтьевской жены Матвѣева 27 алтѣнъ 3 де.

З двора хлѣбного дворца хлѣбника Еотиоѣвской жены Карпова вѣдвы Аграеницы Кириловы дочери 28 алтѣнъ 4 де.

З двора сытника Ероѣя Сысоева рубль.

- З двора сытного дворца нивовара Нестерка Костянтинова 30 алтнѣ.
 З двора мастерские полаты завязочника Петрушки Опрсова 31 алтнѣ.
 З двора Петра Яковлева снѣ Шатилова 27 алтнѣ з денгою.
 З двора Андрѣя Алексѣева снѣ Безобразова рубль 16 алтнѣ 4 *де*.
 З двора столника Мелентя Лунаидина рубль 15 алтнѣ.
 З двора хлѣбного дворца сторожа Івашка Лукьянова рубль 7 алтнѣ.
 З двора кормового дворца сторожа Івашка Іванова 29 алтнѣ з денгою.
 З двора сибирского приказа подячего Алексѣя Чехихина рубль 8 алтнѣ 4 *де*.
 З двора вдовы Анны Аонасѣевы дочери Оедоровской жены Богданова снѣ Стрешнева рубль 20 алтнѣ пол- 3 *де*.
 З двора Петра Борисова снѣ Векентьева 25 алтна з денгою.
 З двора стряпчего Андрѣя да столника Івана Петровыхъ дѣтеі Шепелевыхъ 2 рубли 13 алтнѣ 2 *де*.
 З двора Оедоровского мѣстря дьячка Тимошки Степанова рубль 4 алтна 3 *де*.
 З двора патриарша снѣ боярского Дмитрѣя Володимерова 24 алтна пол- 4 *де*.
 З двора патриарша дворцового приказа подячего Оедора Григорова рубль.
 З двора патриарша дворцового приказу подячего Тимооѣя Григорова рубль.
 З двора патриарша снѣ боярского Дмитрѣя Володимерова 28 алтнѣ 2 *де*.
 З двора патриарша снѣ боярского Аникея Севолоцкого 26 алтнѣ 4 *де*.
 З двора Оедоровского мѣстря сторожа Васки Данилова 31 алтнѣ 4 *де*.
 З двора патриарша конюха Оедора Арцыбушева рубль 8 алтнѣ 2 *де*.
 З двора патриарша снѣ боярского Михаіла Оедорова снѣ Манусова рубль 13 алтнѣ 2 *де*.
 З двора патриарша снѣ боярского Івана Манусова рубль.
 З двора стряпчего Івана Савинова снѣ Овцына рубль 20 алтнѣ.
 З двора Григорья Васильева снѣ Волкова 3 рубли 13 алтнѣ 2 *де*.
 З двора патриарша снѣ боярского Дмитрея Саманова рубль.
 З двора кнѣзь Александра княжѣ Андрѣева снѣ Волконского рубль 29 алтнѣ з денгою.
 З двора Горасима Шишкова 2 рубли 25 алтнѣ 5 *де*.
 Дворы ж в розныхъ сотняхъ, которые бѣломѣсцы живут межъ тяглыми землями на бѣлыхъ земляхъ:
 З двора Тимооѣя Дмитрѣева снѣ Векентьева 30 алтнѣ; а тот двор подле Борисова двора Нестерова да подле Спиридоньевской улицы.

В Спиридошевской улице з двора рейтарского строю трубача Петра Шабховского 20 алтнъ.

З двора сытного дворца винокура Оедосѣика Антишева рубль 13 алтнъ 2 де.

З двора сытного дворца сторожа Сергушки Иванова 2 рубли 4 алтна 2 де.

З двора сытного дворца сторожа Гришки Никоорова рубль 26 алтнъ 2 де.

З двора сотника Алексѣя Утѣшева рубль.

З двора столника и полковника Якова Юрѣева сѣа Лутохина 5 рублес 6 алтнъ 4 де.

З двора з загородного боярина Бориса Васильевича Бутурлина рубль 18 алтнъ пол- 6 де.

С огорода Титова сѣа Беклемишева 12 алтнъ.

З двора Оедора Довыдова сѣа Жеребцова рубль 27 алтнъ 4 де.

В приходе у црѣкви Иоанна Прдтця, что у гѣдрва кречетного двора, в мѣжахъ подле огорода столника и полковника Никиты Харитонова сѣа Борисова, с мѣста порозжего Михаила Петрова сѣа Молчанова рубль 6 алтнъ 4 де.

Съ евож Михайлова мѣста порозжего рубль 6 алтнъ.

В земляном городе от Никицкой улицы по Тверскую с црковных причетников:

Црѣкви Вознесения Гедня з двора на мѣстрской землѣ поамаря Сенки Глына рубль 20 алтнъ.

Црѣкви Спиридония Чюдотворца:

З двора вдовой поади Марѣи рубль 6 алтнъ 4 де.

З двора тоѣ ж црѣкви просвирицы Акилиницы Обросямовы дочери 26 алтнъ 4 де.

З двора тоѣ ж црѣкви вдовой поади Матвѣевской жены Ключарева Марьницы Дмитрѣевой дочери 3 рубли.

З двора выморочног дьяконского, владѣють тѣм дворомъ прихоженя, рубль 13 алтнъ 2 де.

З двора патриарша двора бочара Оедки Емелянова рубль 12 алтнъ 1 де.

З двора патриаршы слободы Ивашка Иванова рубль 11 алтнъ.

З двора патриарша сытного дворца сторожа Павлика Кузмина рубль 1 алтнъ 4 де.

З двора в той же слободе Оедоровского мѣстря, живетъ на нем хлѣбникъ Карпушка Костентиновъ да вдова Оедоровского мѣстря стряичего Ороловская жена Родионова Анница Иванова дочь Завязашникова, 2 рубли 6 алтнъ 4 де.

С мѣста Оедоровского мѣстря 28 алтнъ 2 де.

Цркви Благовѣщенія Прсвтыя Бдцы с огорода пона Никиты Матвѣева 26 алтнъ 4 де.

В земляномъ городе от Тверской улицы по Неглинку:

З двора розбойного приказа подячего Максима Булатова рубль 3 алтнъ 2 де.

З двора столника кнѣзь Юрья Козловского 4 рубли.

З двора вдовы Гликеріи донять рубль 16 алтнъ.

З двора Ивана Василева снѣ Дурышкина 4 рубли 10 алтнъ.

З дворовог порозжего мѣста что вымерено сверхъ крепостей серебряные полаты мастера Гавриловские жены Овдокимова рубль 25 алтнъ 4 де.

З двора приказа Большого дворца подячего Никона Козмина рубль 22 алтнъ 3 де.

З двора приказа казанского дворца подячего Козмы Салтанова 25 алтнъ.

З двора Петра Малыгина рубль 16 алтнъ 4 де.

З двора і с огорода околничего Аонася Самоіловича Нарбѣкова 5 рубл[евъ] 26 алтнъ 4 де.

З двора подячего Глѣба Богданова 2 рубли.

З двора Михаила Челищева рубль 23 алтна 2 де.

З двора столника Ѳедора Костянтинова снѣ Сянова 2 рубли 26 алтнъ 4 де.

З двора вдовы Ірины Яковлевской жены Экина рубль 2 алтна пол- 2 де.

З двора мурзы Иванова снѣ Березникова 36 алтнъ 4 де.

З двора Артемона Гаврилова снѣ Жадовского рубль 6 алтнъ 4 де.

З двора Ивана Юрьева снѣ Сѣкѣрина 36 алтнъ 4 де.

З двора і с огородов столника і полковника Григорья Титова 8 рублей 30 алтнъ.

З двора Рамана Ѳедорова снѣ Бобарькина 5 рублей 13 алтнъ 2 де.

З двора Ивана Петрова снѣ Болтина 3 рубли.

З двора столника Василя Пароеньева снѣ Свинина 3 рубли 28 алтнъ 2 де.

В земляномъ городе от Тверской улицы по Неглинку с церковных причетниковъ:

Мнѣстря Страстные Бдцы:

З двора і с огорода сторожа Івашка Борисова рубль 4 алтна пол- 4 де.

З двора і с огорода сторожа Серешки Макарева 29 алтнъ пол- 6 де.

З двора того ж мѣстря стряпчего Андрея Ушакова рубль 10 алтнѣ.

Цркви Пимена Великого, что в старых Воротникахъ, з двора і с огорода просвирницы Овдотыи Ѳеодоровы дочери 2 рубли.

Цркви Успения Пресвѣтыя Бдцы, что на Дмитровке, з двора і с огорода дьякона Елисѣя Ѳеодорова рубль 6 алтнѣ 4 де.

Цркви Климонта папы Римского, что в Ники-
оорове приказе Колобова,

З двора попа Івана Матвѣева рубль 26 алтнѣ 4 де.

З двора і с огорода попа Луки Титова 2 рубли 10 алтнѣ.

З двора дьякона Никифора Борисова рубль 13 алтнѣ 2 де.

З двора і с огорода просвирницы Мавры Якимовой дочери 23 алтна
2 де.

З двора і с огорода сторожа Якимка Гаврилова 30 алтнѣ 5 де.

З двора і с огорода пономаря Данилка Алексѣева 30 алтнѣ.

В Земляномъ городе от Неглинной по Стрѣтенку и от Стрѣтенки
по Ороловку:

З двора земского приказу подячего Козмы Карпова рубль 5 алтнѣ.

З двора столника Аоонася Денисова сѣна Ѳанвисина донять 29 алтнѣ
3 де.

З двора кнгъ печатного двора разборщика Андрѣя Соколова донять
19 алтнѣ 1 де.

З двора Галицкой четі подячего Микифора Васильева рубль 5 алтнѣ.

З двора вдовы Маробы Книжниковы рубль 7 алтнѣ 3 де.

З двора Новгородцкой сотни тяглеца Ѳадѣика Золотаря 31 алтнѣ
4 де.

З двора Юрьева приказу Лутохина отставного стрелца Никитки Острѣл-
кина 26 алтнѣ 4 де.

З двора задворного конюха Павла Держицкого рубль 28 алтнѣ 2 де.

З двора печатного дѣла наборщика Ѳедора Григорьева 23 алтна 2 де.

З двора Володимера да Івана Андрѣевыхъ дѣтей да Ѳедора да Івана
Івановыхъ дѣтей Сухотиныхъ рубль 7 алтнѣ 3 де.

З двора столника і полковника і головы Московскихъ стрелцов Степана
Янова 3 рубли 9 алтнѣ 1 де.

Да с ево Степанова двора і огорода 2 рубли 9 алтнѣ.

З двора і огорода боярина кнѣзя Володимера Дмитрѣевича да кнѣзя Івана
Дмитрѣевича Долгоруковыхъ 6 рублей 3 алтна 2 де.

З двора мещанские слободы тяглеца Максима Григорьева 28 алтнѣ
2 де.

З двора боярина Петра Михайловича Салтыкова 4 рубли 12 алтнъ
3 де.

З двора Степана Ивасова сѣа Савелова 27 алтнъ 3 де.

З двора Бориса Воропина 2 рубли 25 алтнъ.

З двора Михаила Андрѣева сѣа Грязева 2 рубли 2 алтна 3 де.

З двора Бориса Калачева 2 рубли 10 алтнъ 5 де.

З двора патриарша отставного огородника Ивашки Тітова 20 алтнъ.

З двора Панкратьевскоі слободы Ивашки Аноориева 25 алтнъ.

З двора вѣвы Антонида Даниловы дочери Семеновскоі жены Воейкова
рубль 7 алтнъ 5 де.

Дворы церковных причетников:

Церкви Сергия Чюдотворца:

З двора вдовой дьяконицы Настасѣи 2 рубли 3 алтна 2 де.

З двора Троицкого дьячка Лва Кузмина рубль 8 алтнъ 2 де.

З двора Панкратьевского дьячка Якова Борисова довать рубль 3 алтна
2 де.

З двора бывшего Николаевского попа Петра, что на Олховце, 2 рубли
26 алтнъ 4 де.

В Земляном городе от Мясницкоі улицы по Язуу і по Москву реку:

З двора аптекарские полаты ученика Васки Михайлова сѣа Шилова
2 рубли 26 алтнъ 4 де.

З двора аптекарские полаты сторожа Юрки Іевлева рубль.

З двора аптекарские полаты толмача Никиты Прокооева сѣа Вецелтова
30 алтнъ 5 де.

З двора аптекарские полаты лекарного ученика Васки Михайлова сѣа
Подуруя 30 алтнъ 5 де.

С мѣста огородного Семена Иванова сѣа Микулина рубль 13 алтнъ
2 де.

З двора оружейные полаты кормового травщика Сенки Костентинова
рубль 14 алтнъ 1 де.

З двора полковника Михайловы жены Аристова вдовы Лукерѣи з детми,
с Ыльею да с Тихапомъ рубль 24 алтна 3 де.

З двора кнѣзь Оедора княж Степанова сѣа Борятинского рубль 15 алтнъ.

З двора садовника Ромашки Ивасова 17 алтнъ 4 де.

З двора вдовы Катерины дьяка Максимовские жены Осоанова сѣа
Протопопова 2 рубли.

З двора і с огорода столника Григория Оедорова сѣа Баяшева 2 рубли
4 де.

З двора Івана да Дмитрея Еорѣмовыхъ дѣтеі Бахметевыхъ 2 рубли 15 алтнѣ 4 де.

З двора казенной слободы Пароенка Антропьева рубль.

З двора столника кнѣзь Михаіла княж Іванова снѣ Вяземского рубль 7 алтнѣ 3 де.

З двора Степана да Петра Алексѣевыхъ дѣтеі да Якова да Степана Григоревыхъ дѣтеі Чарковыхъ рубль 1 алтнѣ.

З двора вдовы Анисьи Борисовские жены Пазухина з детми з Григорьемъ да с Ооонасьемъ 2 рубли 4 де.

З двора помѣсного приказу подячего Осиповские жены Муранова вѣвы Анны рубль 4 де.

З двора Івана Михаілова снѣ Болшова Оеросимова рубль 15 алтнѣ 5 де.

З двора сытника Якова Іванова снѣ Кожевникова рубль пол- 3 де.

З двора стряпчего Івана Матвѣева снѣ Засѣцкого рубль 30 алтнѣ 5 де.

З двора Василя Микиѳорова снѣ Кирѣевского рубль 24 алтнѣ 1 де.

З двора помѣсного приказу подячего Дмитрея Аоонасьева 28 алтнѣ.

З двора дьяка Василя Ремезова 2 рубли 14 алтнѣ 3 де.

З двора гостинной сотни Ісаевы жены Трубникова вдовы Матрены 28 алтнѣ.

З двора Новые чети подячего Василевские жены Бражникова вдовы Настасьи Антоновы дочери рубль.

З дворовой мѣста столника Оедора Григорьева снѣ Богданова рубль 6 алтнѣ.

З дворовой мѣста Івана Меншова Михаілова снѣ Оеросимова, что построены торговые бани, 2 рубли 26 алтнѣ 1 де.

З двора Семепѣ Сторого рубль 19 алтнѣ 5 де.

Да с ево ж Семенова прикупного двора 20 алтнѣ.

З двора дьяка Василя Степанова 2 рубли 1 алтнѣ 4 де.

З загородного двора думного дьяка Григорья Богданова 3 рубли 16 алтнѣ 4 де.

З двора приказу княжества Смоленского подячего Харитона Никитина 26 алтнѣ 4 де.

З двора приказу холоня суда пристава Павла Уланова рубль 10 алтнѣ.

З дворовой мѣста Дмитрея Никитина снѣ Сивцова 21 алтнѣ 4 де.

С огородного мѣста боярина Григорья Никиѳоровича да околичного Михаіла Васильевича Сабакиныхъ рубль 23 алтнѣ 3 де.

С мѣста огородного столника Оедора Григорьева снѣ Богданова 3 рубли 23 алтнѣ 2 де.

С огородного мѣста дьяка Оилипа Артемьева 2 рубли 30 алтнѣ.

З загородного двора дьяка Семона Карева 2 рубли 1 алтнъ 4 де.
С онтекарского огорода, что на Мясницкой улице, 7 рублей.

Дворы церковных причетников:

Цркви Воскресения Христова:

З двора пономаря Івашка Васильева рубль 13 алтнъ 2 де.
З двора на прковной землѣ Власки Оедорова 25 алтнъ 5 де.
З двора из Ярославля протопопа Ермила Михайлова 2 рубли 27 алтнъ 5 де.

Цркви Іакова Апостола, что в Казенной слободе:

З двора попа Андрѣя 2 рубли 7 алтнъ 5 де.

З двора просвирицы 15 алтнъ 4 де.

З двора пономаря Оедулки Яковлева 23 алтна 2 де.

Цркви Ильи Пророка, что на Воронцовском поле:

З двора сторожа Івашки Оадѣева 31 алтнъ 4 де.

З двора пономаря Андрюшки Михайлова рубль 11 алтнъ 4 де.

Цркви Покрова Пречстые Бдцы з двора сторожа Тимошки Тимооѣева рубль 1 алтнъ пол- 2 де.

В Земляном городе за Яузою црковь деревянная Покрова Прчстые Бдцы; в приходе беломѣсцовы всяких чинов люди меж болшой дороги і проѣзду, что ѣздятъ меж Земляного города і дворов къ Яузе реке, на углу:

З двора кормового іноземца Івана Слобоцкого рубль 16 алтнъ 4 де.

З двора Прова Іванова сѣа Берескина 22 алтнъ 5 де.

З двора іноземца порутчика салдацкого строю Івана Михайлова сѣа Стаянова 30 алтнъ.

З двора вдовы Натальи Еремѣвской жены Берескина рубль 2 алтна 3 де.

З двора Осипа Хирина 27 алтнъ 5 де.

З двора рейгарского строю Микиты Демидова сѣа Пасынкова 27 алтнъ 2 де.

З двора вдовы Овдотьи Івановской жены Песецкого 22 алтна 2 де.

З двора Земского приказа решоточного прикащика Григорья Чюровского 27 алтнъ 5 де.

З двора Андрея Елизарьева сѣа Дураковского рубль 21 алтнъ 4 де.

З двора Агаона Лоанасьева сѣа Шанского рубль 10 алтнъ.

З двора Земского приказа решоточного прикащика Семена Іванова сѣа Шипилова 26 алтнъ 4 де.

З двора Матвѣя да Юрья да Ивана да Федора Григорьевыхъ дѣтей Спѣшневыхъ 27 алтнѣ пол- 2 *де*.

Да с Матвѣевоі ж прикупноі земли Спѣшнева 26 алтнѣ 4 *де*.

З двора Василья Кондырева рубль 24 алтнѣ 5 *де*.

З дворового огородного мѣста Федора Алексѣева снѣ Мещерянова 15 алтнѣ.

З дворовог мѣста Симонова мнѣстря, что ннѣ на том мѣсте поселился помѣсного приказу подячеі Яков Кубенцов, рубль 16 алтнѣ 4 *де*.

З двора помѣсного приказу подячего Семена Дмитрѣева рубль 27 алтнѣ 3 *де*.

З двора Якова Иванова снѣ да Ивана Леонтьева снѣ Свицова рубль 1 *де*.

С полудвора помѣсного приказу подячего Василья Кирилова 30 алтнѣ.

З двора алмазного дѣла мастера Михаіла Киселева 2 рубли 3 алтнѣ 2 *де*.

З двора помѣсного приказу подячего Гаврила Иванова снѣ Ржевятинова рубль 24 алтнѣ пол 5 *де*.

З двора Петрушки Петрова снѣ Котелника рубль 6 алтнѣ 4 *де*.

З двора Бориса Юрѣва снѣ Чевкина 21 алтнѣ 1 *де*.

С огорода боярина кзья Бориса Михайловича Лыкова 14 *рублев*.

З двора Пимена да Степана Кондыревыхъ 22 алтнѣ.

Црковные причетники:

Цркви Сямоона Столпника з двора пономаря Мишки Корнильева 26 алтнѣ 4 *де*.

Цркви Козмы і Дамяяна, что в Старыхъ Кузнецяхъ,

З двора попа Ивана Семенова рубль 12 алтнѣ 3 *де*.

З двора дьякона Еуоима Ермолаева 30 алтнѣ.

Цркви Всемлствивого Снаса, что в Чигасехъ, з двора пона Ивана Иванова рубль 28 алтнѣ 2 *де*.

Цркви Николая чудотворца, что в Кузнецях у Таганскихъ воротъ, з двора просвирницы Марьицы Петровоі 21 алтнѣ 1 *де*.

В Земляномъ городе за Москвою рекою:

З двора посолского приказу толмача Андрѣевскоі жены Путицына вдовы Аксины с сыномъ Сидоромъ 17 алтнѣ пол- 3 *де*.

З двора толмача Трофимовскоі жены вдовы Стеоаниды с сыномъ Иваномъ 15 алтнѣ 4 *де*.

З двора Опилона Суморокова рубль 3 алтнѣ 2 *де*.

З двора кнѣзя Григорья княж Оедорова снѣ Чертенского з детми рубль 17 алтнѣ.

З двора дьяка Описима Озерова рубль 6 алтнѣ 4 де.

З двора стряпчихъ Тимооѣя Лноориева снѣ Хомякова з братьями 15 алтнѣ.

З двора укладничего Ивапа Петрова снѣ Чаплыгина рубль 3 алтнѣ 2 де.

З двора помѣсного приказу подячего Гаврила Данилова рубль 17 алтнѣ 3 де.

З двора боярина Бориса Гавриловича Юшкова 2 рубли 20 алтнѣ.

З двора Аоонася да Григорья да Ивана да Андрѣя Ільиныхъ 3 рубли.

З двора Михаіла Петрова снѣ Колупаева 2 рубли 30 алтнѣ пол- 4 де.

З двора столниковъ Оедора да Луки Григорьевыхъ дѣтеі Ртищевыхъ 26 алтнѣ 4 де.

З двора столника кнѣзь Василья княж Оедорова снѣ Макидонского 6 рублев 27 алтнѣ 2 де.

З двора столника Андрѣя Артемьева снѣ Заболоцкого 2 рубли 7 алтнѣ пол- 3 де.

З двора капитана Михаіла Котенева 18 алтнѣ 5 де.

З двора капитана Семена Котенева рубль 31 алтнѣ пол- 3 де.

З двора посолского приказу толмача Ивана Иванова снѣ Свиридова рубль 24 алтнѣ пол- 3 де.

З двора земског приказу подячего Оедора Оомина рубль 20 алтнѣ.

З двора Леоптя Иванова снѣ Киселева рубль 24 алтнѣ 2 де.

З двора столника Михаіла Григорьева снѣ Безстужева 2 рубли.

З двора думного дьяка Григорья Богданова 8 рублев 2 алтнѣ 2 де.

З двора Данила Ільина снѣ Поливанова рубль 16 алтнѣ 4 де.

З двора Ивана Васильева снѣ Кирѣевского 2 рубли 6 алтнѣ 4 де.

З двора гостя Оулипа Оноориева 2 рубли.

З двора околничего Ивановскоі жены Васильевича Алферьева вдовы Василисы Андрѣевны 3 рубли 10 алтнѣ.

З двора стряпчего Григорья Трооимова снѣ Савлукова 3 рубли 11 алтнѣ 1 де.

З двора околничего Андрѣя Ивановича Чирикова 4 рубли 2 алтнѣ пол- 6 де.

З двора сотника Московских стрелцовъ Максимова приказу Лупандина Тимооѣя Лаврентьева рубль 26 алтнѣ 4 де.

З двора литавщика Іюды Складовского 26 алтнѣ 4 де.

З двора приказу збору стрелецкого хлѣба, что у Калуцких воротъ, подячего Оулимона Савинова рубль 22 алтнѣ пол- 2 де.

З двора Михаїла да Івана Ивановыхъ дѣтеі Ермолиныхъ рубль 10 алтнѣ пол- 3 *де*.

З двора з загородного боярина Петра Миханловича Салтыкова 8 рублей.

Согорода столника кнѣзь Оедора княж Юрьева снѣ Борятивского 3 рубли 8 алтнѣ 2 *де*.

З двора посолского приказу толмача татарского языка Лукъяна Маслова рубль 20 алтнѣ.

З двора резанца Роднона Васильева снѣ Невзорова 13 алтнѣ 2 *де*.

З двора помѣсного приказу подячего Антона Леоптѣева 20 алтнѣ.

З двора помѣсного приказу подячего Андрѣя Алексеѣва снѣ Юрьева рубль 2 алтнѣ с пол- 1 *де*.

З двора помѣсного приказу подячего Романа Лажкина 2 рубли 6 алтнѣ 1 *де*.

З двора Андрѣя Клементѣева снѣ Родионова 14 алтнѣ пол- 6 *де*.

З двора Никиты Осипова снѣ Сунбулова рубль 3 алтнѣ пол- 4 *де*.

З двора полковника Семена Семенова снѣ Скорнякова Писарева 2 рубли 13 алтнѣ 2 *де*.

З двора Каляны Яковлева снѣ Безобразова 3 рубли 14 алтнѣ с полу 1 *де*.

З двора Петра Семенова снѣ Хомякова рубль 13 алтнѣ 2 *де*.

З двора столника кнѣзь Андрѣя княж Дмитрѣева снѣ Щербатого 16 алтнѣ 4 *де*.

З двора столника Андрѣя Борнцова снѣ Колтовского 4 рубли 6 алтнѣ 4 *де*.

З двора Імая Васильева снѣ Шамордина 4 рубли 3 алтнѣ 2 *де*.

З двора дворянина Артемья Ігнатѣева 2 рубли.

З двора отставного мостовицка Петрушки Квасника 22 алтнѣ 1 *де*.

З двора столниковъ кнѣзь Елизбара княж Романова снѣ да князя Оедора княж Елизбарова снѣ Давыдовых, да кнѣзь Палкрата да кнѣзь Потана да кнѣзь Григорья да кнѣзь Івана да кнѣзь Гаврила княж Хохониныхъ рубль 23 алтнѣ 2 *де*.

З двора мѣста мурзы Кудашева снѣ кнѣзь Эникѣѣва да Даса Мурзы кнѣзь Булаева снѣ Кудашевыхъ рубль 17 алтнѣ 5 *де*.

З двора посолского приказу переводчика Тохтатаралѣя Талмамтева снѣ Багинина 10 алтнѣ пол- 4 *де*.

З двора посолского приказу перевозчика Кутломаетя Арзенова рубль 26 алтнѣ 4 *де*.

В Голутвиноі слободѣ:

З двора дьяка Дмитрѣевскоі жены Аоонасьева вдовы Авдотья Артемьевоі дочерн з детми с Андрѣемъ да з Глѣбомъ рубль 21 алтнѣ 4 *де*.

З двора Сергія Алексѣева сѣа Углецкого 16 алтнъ 4 *де*.

З двора розрядного приказу подячего Леонтыя Клишнина рубль 6 алтнъ 4 *де*.

З дворовъ церковныхъ причетниковъ:

З двора цркви Григорія Анеокесарійскаго:

З дворовъ пона Карпа Ютиоѣва да дьякона Алексѣя да дьячка Іванка 3 рубли.

Цркви Петра і Павла:

З двора пона Оомы Дреоѣва рубль 21 алтнъ 4 *де*.

З двора пона Ютиоѣя Архинова рубль 25 алтнъ.

З двора дьякона Кузмы Лаврентьева рубль 6 алтнъ 4 *де*.

З двора попомаря Костки Иванова рубль 8 алтнъ пол- 6 *де*.

Цркви Прчстые Бдцы Казанские Николая Чюдотворца:

З двора пона Григорья Ананьина рубль 27 алтнъ.

З двора пона Феоктиста Васильева рубль 27 алтнъ 5 *де*.

З двора дьякона Василья рубль 17 алтнъ пол- 5 *де*.

З двора попомаря Оедки Вороломѣва 26 алтнъ 4 *де*.

З двора Преображения Гѣдпя на сполье:

З двора пона Стеопана Алексѣева рубль 18 алтнъ 5 *де*.

З двора пона Никшоорова рубль 22 алтна пол 2 *де*.

З двора дьякона Івана Івапова рубль 6 алтнъ 4 *де*.

Цркви Живоначальные Троицы, что у Серпуховскихъ воротъ:

З двора пона Ютиоѣя Иванова 2 рубли 11 алтнъ с полденгою.

З двора пона Крисапоа Иванова 2 рубли 8 алтнъ пол- 3 *де*.

З двора дьякона Иякова Максимова 2 рубли 3 алтнъ пол- 6 *де*.

З двора попомаря Давыдка Андрѣева рубль 11 алтнъ 4 *де*.

С просвирническаго мѣста 23 алтна 2 *де*.

Цркви Никиты Хрѣства мученика, что в Толмачах, з двора пона Андрея Михайлова да дячка Семки Семенова рубль 20 алтнъ.

Цркви Прчстыя Бдцы Покрова:

З двора пона Козмы Елисѣева 3 рубли.

З двора помѣсного приказу подячего Оедора Алимпиева рубль 26 алтнъ 4 *де*.

За Москвою рекою с прописныхъ дворовъ цркви Живоначальные Троицы і Николая Чюдотворца, что в Берсепевкѣ, з двора просвирницы Ирипяцы Евеѣвѣвой 2 рубли 18 алтнъ 2 *де*.

Цркви Козмы і Дамнана, что в Нижнихъ Садовникахъ, з двора дьякона Егоргия Алексѣева 3 рубли 6 алтнъ 4 *де*.

Цркви Іоакима і Анны, что в Кадашеве, з двора дьякона Алексѣя Ульянова 3 рубли.

Итого в земляном городе донять 967 рублевъ 19 алтѣи пол- 2 *де*.

Всего по доимочной кнѣге Кремля, Китая, Бѣлого и Земляного городов с вышечисанныхъ дворовъ зъ 202-го по 207-і годъ на пять лѣтъ доведетца донять 2767 рублевъ 20 алтѣи 3 *де*.

Діакъ Иванъ Кондратовъ.
Справилъ Сенка Степановъ.

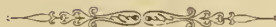

А. Лапто-Данилевскій.

„МОСТОВЫЯ И РЪШЕТОЧНЫЯ ДЕНЬГИ“

ВЪ

НОВГОРОДЪ И МОСКВѢ ВЪ XVII-мѢ ВѢКѢ.

Налогъ, извѣстный подъ названіемъ «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ», имѣлъ свою длинную исторію, не лишенную интереса, но почти вовсе не затронутую нашими изслѣдователями. Древнѣйшія и довольно полныя свѣдѣнія о немъ относятся къ Новгороду; мы коснемся ихъ лишь по столько, по скольку они имѣютъ значеніе для выясненія механизма раскладки и сбора того же налога въ Москвѣ.

Въ «уставѣ Ярослава о мостѣхъ» уже сохранились, кажется, указанія на распредѣленіе обязанностей населенія по мощенію улицъ въ Великомъ Новгородѣ¹⁾; во время его самостоятельности дѣломъ, вѣроятно, завѣдывалъ посадникъ; по крайней мѣрѣ въ лѣтописи подъ 1308 годомъ сохранилась запись о томъ, что въ Псковѣ «посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище и было всеѣмъ людемъ хорошо»²⁾. Съ паденіемъ самостоятельности Великаго Новгорода, здѣсь стали водворяться московскіе порядки, по всей вѣроятности коснувшіеся и сбора мостовыхъ денегъ: въ 1508 году, воспользовавшись пожаромъ, отъ котораго погорѣла «вся Знаменская Торговая сторона», великій князь Василій III прислалъ въ Новгородъ боярина и велѣлъ ему размѣрить здѣсь улицы «по-московски», а также урядить торги и ряды; нѣсколько позднѣе, тоже послѣ пожара на Софійской сторонѣ, въ 1531 году онъ прислалъ туда дьяковъ для производства такихъ же измѣреній; дьяки дѣйствительно приступили къ дѣлу: они начали размѣрять Великую улицу отъ Владимірскихъ воротъ прямо въ берегъ и мѣста по всему пожару³⁾. Тѣмъ не менѣе древнѣйшая изъ извѣст-

---

1) Лѣт. по Синод. Сп., изд. 1888 г., стр. 487—488.

2) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 184. Въ Витебскѣ также издавна мостили мостовую — каждый человекъ передъ своимъ дворомъ «съ пяти топорницъ».

3) Новгородскія лѣт. (II и III), Спб., 1879 г., стр. 125 и 312—316. С. Соловьевъ, И. Р. I, изд. Т. О. П., Спб., 1688. Въ лѣтописи по архивскому сборнику подъ 1546, 1555 и 1572 гг. сохранились извѣстія о томъ, что мосты мостили въ Новгородѣ и «по дорогамъ на великаго князя» (Новгород. лѣт., изд. 1879 г., стр. 76, 88 и 120).

ныхъ намъ платежныхъ отписей въ пріемѣ мостовыхъ денегъ въ Новгородѣ относится къ позднѣйшему времени, а именно къ 1593 году¹⁾. Съ XVII-го вѣка свѣдѣнія о мостовыхъ деньгахъ, взимаемыхъ съ Новгородцевъ, становятся болѣе опредѣленными, такъ что возможно въ общихъ чертахъ представить себѣ, какимъ образомъ были устроены раскладка и взиманіе вышепомянутаго сбора.

Уже лѣтописецъ подъ 1308 годомъ отмѣтилъ, что мостовыя служили для людей всякаго рода; та же точка зрѣнія ясно выражена въ царской грамотѣ 1623 года новгородскому воеводѣ кн. Г. Ромодановскому о сборѣ мостовыхъ денегъ съ новгородскаго уѣзда и посада: «построеніе мостовъ, читаемъ мы здѣсь, дѣло всей земли и по нимъ ѣздятъ всякіе люди». Отсюда естественно вытекало требованіе, что бы при исполненіи его «никто въ избылыхъ не былъ». И дѣйствительно, въ 1623 году деньги собирали «съ новгородскаго уѣзду и съ посаду, съ сохъ по сошному разводу, со всѣхъ земель, не только съ тяглыхъ, но и съ сохъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также съ монастырскихъ и со всякихъ бѣлыхъ людей дворовъ, со всѣхъ безъ выбору» . . . Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ дѣло не обошлось безъ исключеній: стрѣльцы и казаки, пушкари и воротники, казенные кузнецы и плотники были освобождены отъ взноса «мостовыхъ денегъ».

Раскладкой и взиманіемъ ихъ «по писцовымъ книгамъ»²⁾ въ то время завѣдывалъ уже новгородскій воевода съ дьяками. «Въ нынѣшнемъ въ 132 году, читаемъ мы въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича писали есте къ намъ и прислали роспись, за дьячьей приписью, какими людьми напередъ сего въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Каменномъ городѣ, и черезъ рѣку Волховъ, и улиціе и загородные мосты дѣланы, и что по смѣтѣ на то мостовое дѣло надобно денегъ; и по той вашей отпискѣ и по росписи на то мостовое дѣло надобѣ, на лѣсъ и плотникомъ отъ дѣла, девятьсотъ пятнадцать рублевъ двадцать алтынъ съ денгою. И мы и отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русія, отписки вашей и росписи слушавъ, указали то мостовое дѣло и подѣлку смѣтить прямо безъ прибыли, а смѣтя то мостовое дѣло накрѣпко, да въ то мостовое дѣло пожаловали емя, указали Новгородцомъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ дати въ помочь изъ нашія казны, для ихъ разоренья, треть; а двѣ трети велѣли розвытить и собрать съ Новагорода съ уѣзду и съ посаду съ сохъ. . . » По полученіи грамоты и сообщеніи Новгородцамъ о милости царской въ діячей избѣ, воевода съ дьяками долженъ былъ «смѣтить прямо,

1) А. Ю., № 217, 1.

2) Доп. къ А. И., т. I, № 146: Жалованная грамота Бориса Ѳеодоровича Новгородцамъ 1598 г. Сентября 15-го.

безъ прибыли, во что станетъ мостовое дѣло» и развить его, а для производства самаго сбора и надзора за мощеніемъ улицъ «повелѣтъ быти у того мостового дѣла» лицамъ разныхъ состояній, а именно «отставнымъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ добрымъ и душею прямымъ да подъячимъ отъ мѣстъ, да изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей цѣловальникомъ, сколько человѣкъ пригоже». Всѣ они обязаны были не только собирать деньги, но и записывать въ книги то, что будетъ дано новгородцамъ изъ царской казны и «кто что того мостового дѣла сколько сажень по развѣткѣ сдѣлаеть и во что то мостовое дѣло совсѣмъ станетъ». Составленіе книгъ должно было служить для того, «чтобъ въ томъ мостовомъ дѣлѣ никто въ избылыхъ не былъ и впередъ бы то, кому то мостовое дѣло въ Новѣгородѣ дѣлать, было вѣдомо».

Судя по росписямъ о томъ, «сколько съ новгородскаго уѣзду и посаду въ мостовое дѣло по разводу денегъ имется взять и по чему съ выти», вѣроятно составленнымъ новгородскими дьяками, въ митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинахъ, а также въ помѣстьяхъ и вотчинахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всего на всего оказалось «138 вытей безъ четверти и съ малой третью и малой четью выти, да четверикъ безъ малого четверика да малый третникъ пашни»; при чемъ съ каждой выти взято было по 1 р. 29 алтынъ съ полуденьгою; что же касается посада, то «по писцовымъ книгамъ Александра Челокова съ товарищи, на Софійскія сторонѣ и на Торговой, подъ черными и подъ тяглыми дворами» было насчитано «всего 6136 сажень съ полусаженью и полторы четверти, а «подъ бѣлыми подъ всякими людьми, окромѣ Каменного города и митрополичья островка и Чюдинцовы улицы, и окромѣ тѣхъ, которые живутъ за городомъ пушкари, и воротники, и казенные кузнецы, и плотники, и ямщики, всего 2072 сажени съ четвертью и съ получетвертью». Разводъ оклада налога, падаваго на городскія земли, однако, не былъ, повидимому, произведенъ вполнѣ равномерно: на черныя мѣста положено было 84 рубли 23 алтына пол-5 депги, тогда какъ на бѣлыя пришлось всего лишь 15 рублей 16 алтынъ 4 деньги.

Размѣры оклада, какъ видно, зависѣли въ данномъ случаѣ отъ величины суммы, потребной по смѣтѣ «на то мостовое дѣло», которое нужно было сдѣлать въ Новгородѣ въ 1623-мъ году. При такомъ порядкѣ величина оклада не могла оставаться постоянной: она должна была колебаться въ зависимости отъ текущихъ нуждъ; но данныя, которыми мы располагаемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ отрывочны для того, чтобы рѣшить, былъ ли порядокъ опредѣленія размѣровъ оклада принятый въ Новгородѣ въ 1623 году, обычнымъ или исключительнымъ для остальныхъ городовъ.

Въ удостовѣреніе принятыхъ ими въ «казну государеву» взносовъ

сборщики выдавали, конечно, платежныя отписи плательщикамъ; двѣ изъ нихъ, почти современныя грамотѣ 1623 года, извѣстны въ печати; обѣ выданы Никольскому Вязитцкому монастырю отъ имени новгородскихъ дьяковъ, вообще, судя по грамотамъ 1554—1556 гг. игравшихъ видную роль въ новгородскомъ управленіи¹⁾. Отпись 1593 года свидѣтельствуеетъ о приѣмѣ отъ монастыря «мостовыхъ прибавочныхъ денегъ»; къ первоначальному окладу налога, какъ видно, иногда присоединяли добавочный сборъ, что могло имѣть мѣсто и въ 1623 году; не мѣшаетъ замѣтить также, что въ 1593 году его взимали съ «монастыря и съ его слободъ, съ служныхъ и со крестьянскихъ дворовъ», вѣроятно, находившихся въ предѣлахъ городской черты, тогда какъ отпись 1628 года выдана монастырскимъ властямъ въ приѣмъ денегъ «въ мостовыя дѣла» слишкомъ съ 34 вытей ихъ «вотчинъ». Отписи снабжены приписями дьяковъ С. Бельянова и Г. Волкова²⁾.

Согласно спеціальному назначенію мостового сбора и судя по грамотѣ 1623 года, деньги, собранныя сборщиками, расходовались на мѣстѣ; по крайней мѣрѣ о присылкѣ хотя бы части ихъ въ Москву въ грамотѣ не говорится; по окончаніи мостового дѣла воевода съ дьяками долженъ былъ «о томъ о всемъ лишъ отписать въ Москву; а отписку и мостовому дѣлу записныя приходныя и расходныя книги лѣсу и денгамъ и всякимъ мостовымъ запасомъ, отдать дьякамъ Новгородской четверти»³⁾.

Въ связи съ «мостовыми деньгами» находились и «рѣшеточныя»; въ 1531 году, напримѣръ, дьяки приказали поставить рѣшетки по всему Новгороду и учредить пожарныхъ сторожей (огневщиковъ), благодаря чему «по всему городу начала быть тишина, многіе злые люди отъ такой крѣпости городской побѣжали прочь, а другіе исправились и привыкли къ честному труду»⁴⁾; но обстоятельными извѣстіями о сборѣ рѣшеточныхъ денегъ въ Новгородѣ до позднѣйшаго времени мы не располагаемъ.

Порядокъ раскладки и взиманія «мостовыхъ» денегъ въ Новгородѣ XVII-го вѣка не имѣлъ ничего исключительнаго; «а на Москвѣ и во всѣхъ нашихъ городѣхъ, читаемъ мы въ царской грамотѣ 1623 года, такія дѣла дѣлаютъ посады и уѣзды всеми сохами, бѣлыми и черными людьми, по

1) Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., Спб., 1888 г., стр. 246 и сл.

2) А. Ю., № 217, I и II.

3) А. Э., т. III, № 145. Согласно грамотѣ 1623 года Новгородцы должны были уплатить 915 р. 20 ал. 1 деньгу; правительство взяло на себя $\frac{1}{3}$, т. е. 305 р. 6 ал. $4\frac{1}{3}$ деньги; но судя по росписямъ, приложеннымъ къ грамотѣ, по розводу съ населенія было собрано всего только 359 р. 22 ал. 7 д.; имѣло ли въ виду новгородское правительство прибѣгнуть, какъ и въ 1593 году, къ сбору «прибавочныхъ мостовыхъ денегъ», мы не знаемъ.

4) С. Соловьевъ, И. Р., I, 1688.

тому-жъ, всё безъ выбору»¹⁾). Дѣйствительно, въ тѣхъ провинціальныхъ центрахъ Московскаго государства, гдѣ бывали мостовыя и рѣшетки, по всей вѣроятности дѣйствовали тѣ же правила относительно раскладки и отправления повинностей или сбора денегъ за мостовое и рѣшеточное дѣло, какія намъ извѣстны изъ новгородскихъ актовъ²⁾); въ столицѣ финансовое управленіе такимъ дѣломъ отличалось нѣкоторыми особенностями.

Мостовыя и рѣшетки, вѣроятно, издавна существовали въ Москвѣ³⁾. Уже С. Герберштейнъ довольно подробно описалъ ихъ устройство. «Обширный и пространный городъ, пишетъ онъ про Москву, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ, а также въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки (pontes) . . . ; кромѣ того улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перегорожены рогатками, при которыхъ находятся сторожа: они обязаны наблюдать, чтобы никто не ходилъ ночью послѣ урочнаго часа, а если кого поймаютъ въ запрещенное время, то бьютъ, грабятъ или сажаютъ въ тюрьму, исключая людей извѣстныхъ и почетныхъ, которыхъ они провожаютъ до дому»⁴⁾. Московскія улицы не измѣнили своего вида и два вѣка спустя, въ началѣ XVIII-го столѣтія. И тогда еще «вмѣсто того, чтобы быть вымощены камнемъ, онѣ, по словамъ Д. Перри, были выложены сосновыми балками длиною въ 15—16 футовъ; поперечныя балки лежали на другихъ нижнихъ балкахъ, расположенныхъ вдоль улицы, и возвыша-

1) А. Э., т. III, № 145.

2) «Мощеніе» улицъ существовало, напримѣръ, въ Кашинѣ: въ 1514 году князь Юрій Иоанновичъ освободилъ Срѣтенскій женскій монастырь отъ обязанности «мостить мосты въ Кашинѣ» (А. Э., т. I, № 158). Отпись площ. подъячего М. Прокофьева въ полученіи съ костромскаго [?] помѣстія М. А. Куломзина на 191-й годъ денегъ «въ приказное строеііе и въ мосты» напечатана въ описи Долматовскаго архива лишь въ извлеченіи, что лишаетъ насъ возможности опредѣлить ея научное значеніе (І. Преображенскій и Н. Альбицкій, Подробная опись 962 рукописей Долматовскаго архива, Спб., 1895 г., стр. 102). По свидѣтельству иностранцевъ мостовыя существовали также въ Архангельскѣ (К. де Бруинъ, Путешествіе черезъ Московію, пер. П. Барсова, М., 1873 г., стр. 26).

3) Въ Софійской лѣтописи подъ 7012 (1504) годомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе: «того же лѣта уставша на Москвѣ по улицамъ рѣшетки» (П. С. Р. Л., VI, 244).

4) С. Герберштейнъ, Записки, пер. И. Анонимова, Спб., 1866 г., стр. 96 и 97. Вслѣдъ за авторомъ «Regum moscoviticarum commentarii» и многіе другіе иностранцы описали московскія мостовыя и рѣшетки, напр., Гваньино, Варкочъ, Петрей, Маржеретъ, Карлейль, Цани и Кленкъ (Б. Таннеръ, Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву, пер. И. Ивакина, М., 1891 г., Приложенія, стр. 139, 142, 143, 149, 160, 170 и 176). Послѣ С. Герберштейна лучшее описаніе московскихъ мостовыхъ даетъ А. Олеарій: «улицы въ Москвѣ, пишетъ онъ, довольно широки, но осенью и вообще въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; поэтому лучшія улицы выложены деревянною мостовой, состоящей изъ положенныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ какъ по мосту». По словамъ Б. Таннера (1678 г.) «кромѣ улицъ, по всей Москвѣ вымощенныхъ круглыми бревнами, двѣ главныхъ вымощены гладкими бревнами: одна, по коей царь ѣздитъ за городъ [Мясницкая?], другая—у нашего подворья [т. е. Ильинка] (ibid., стр. 65 и 154). Тѣмъ не менѣе І. Стрюйсъ и К. де Бруинъ свидѣтельствуютъ, что и на мостовыхъ грязь бываетъ «по колѣна» (ibid., стр. 165).

лись надъ грязью, ее покрывавшую»¹⁾). Грязныя и выложенныя «старыми деревянными кругляками» улицы представляли кромѣ того немало опасностей для мирныхъ обывателей въ почное время, когда «воры, стоявшіе въ закоулкахъ, такъ ловко бросали на нихъ дубины, что иногда въ какую нибудь недѣлю убивали нѣсколько десятковъ прохожихъ и проѣзжавшихъ»²⁾; при такихъ условіяхъ естественно было устраивать «рѣшетки» и держать почную стражу по улицамъ. Возможно, однако, что самый характеръ вышеуказанныхъ повинностей въ то время уже измѣнился: въ актахъ XVI вѣка рѣчь идетъ, повидимому, о натуральномъ отбываніи ея, тогда какъ уже въ памяти 1645 года, относящейся къ Москвѣ, сборы мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ полномъ ходу.

Окладъ мостовой и рѣшеточной повинности, какъ и въ Новгородѣ, падалъ, вѣроятно, на городскія земли всякихъ «жилецкихъ людей»: судя по довольно отрывочнымъ извѣстіямъ, даже такіе монастыри, которые пользовались всевозможными привиллегіями, не всегда были освобождаемы отъ уплаты мостовыхъ денегъ. Отдѣльные случаи подобнаго рода намъ извѣстны уже отъ XVI вѣка; такъ, напримѣръ, въ объѣльной грамотѣ, пожалованной Троицкому Сергіеву монастырю на его московскій дворъ, мы читаемъ: «я впредь имъ съ того двора съ тяглецы... ни въ которые проторы и розметы не тянути; а коли лучится уличной мостъ мостити и сторожу рѣшеточную стеречи и игумену съ братьею велѣти съ того двора мостъ мостити и сторожу рѣшеточную стеречи по нашему указу»³⁾). Если грамоту 1556 года можно толковать въ томъ смыслѣ, что бѣломѣстець въ силу ея былъ обязанъ отбывать «мостовую и рѣшеточную» повинность, то во всякомъ случаѣ отъ конца XVII вѣка сохранились опредѣленные извѣстія объ общеобязательной уплатѣ мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ и для бѣломѣстцевъ; выше мы уже приводили свидѣтельство грамоты 1623 года; но оно все еще не отличается ясностью, такъ какъ въ ней рѣчь идетъ о «дѣланіи» такого дѣла, почему для доказательства общеземскаго характера мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ намъ и приходится ссылаться на частные и официальные документы позднѣйшаго времени⁴⁾; таковы, напримѣръ,

1) Д. Перри, Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, Лонд. 1716 г., пер. О. Дондуковой-Корсаковой, М., 1871 г., Стр. 169—170; ср. Ф. фонъ Берхгольцъ, Дневникъ, пер. И. Аммона, М., изд. 2-е, 1860 г., ч. II, стр. 106.

2) Weber, Das veränderte Russland, Leipz., 1721, s. 135.

3) А. И., т. I, № 164.

4) Статьи Уложения и современныя ему распоряженія о сооруженіи самимъ населеніемъ мостовъ въ засѣчныхъ башняхъ или черезъ рѣки и т. п., или гатей по дорогамъ «для государева похода» кажется не слѣдуетъ смѣшивать съ мостовымъ и рѣшеточнымъ дѣломъ, касавшимся городского благоустройства, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется намъ по новгородскимъ и московскимъ документамъ; см. Уложение, IX,

платежныя отписи 1673—1706 гг., прилагаемыя ниже, и доимочныя книги 7202—7203 гг. Отписи выданы, князю А. Козловскому, стольнику Г. А. Зюзину и думному дворянину П. С. Хитрову, стряпчему Ѳ. П. Образцову и подъячему тайпаго приказа В. Гурьеву, а также тяглецу Кадашевской слободы И. Петрову. Въ доимочныхъ книгахъ по сбору тѣхъ же денегъ конца XVII-го вѣка можно также найти подробныя указанія на состояніе плательщиковъ, начиная съ «нищихъ» и «людей» боярскихъ и кончая самими боярами и монастырями¹⁾; и въ Москвѣ, какъ видно, подлежали окладу не только тяглецы, но и бѣломѣстцы: естественно, что при такихъ условіяхъ бѣломѣстцы, подобно тяглецамъ при продажѣ своего двора бѣломѣстцу же, вносилъ въ кунчую условіе, въ силу котораго онъ обязывался выплачивать мостовыя и рѣшеточныя деньги со своего бѣлаго мѣста по срокъ продажи, послѣ которой исполненіе той же обязанности принималъ на себя покупатель; подобнаго рода условіе встрѣчается въ одной купчей 1667 года; таковыя же сдѣлки были заключены между разными бѣломѣстцами въ 1691, 1693, 1694, 1696 и 1697 годахъ²⁾.

11—16; А. М. Г., т. II, Спб., 87, 373, 410 и мн. др. Въ записной книгѣ московскаго стола 1664—1665 гг. помѣщена слѣдующая отписка: «писалъ къ великому государю изъ Можайска Микита Воейковъ: по указу великаго государя велѣно ему въ Можайску мостъ смѣтить отъ Московской большой дороги черезъ ровъ и худые мѣста починить можайскими всякихъ чиновъ жилецкими людьми; и ему въ томъ жилецкіе всякихъ чиновъ люди отказали. Помѣта на отпискѣ думваго дьяка Дементья Башмакова: послать о томъ въ приказъ большого дворца память» (Р. И. Б., XI, 315). Приведенныя нами извѣстія можно сопоставить съ платежною отписью 7153 г., которую выдалъ воевода М. Г. Толбузинъ Іосифову Волоцкому монастырю за своею печатью во взятыѣ съ него съ живущаго съ трехъ четей 3 р. 20 ал.; «а даны тѣ деньги плотникомъ за дѣло, что дѣлали мостъ у городовыхъ у прежнихъ воротъ за городомъ» (А. Ю., № 217, III). Кромѣ того Чердынцы, Усольцы и Кайгородцы, всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне, всю Пермскую землю, издавна мащивали мосты по Сибирской дорогѣ отъ Соликамской до Верхотурья (А. Э., т. II, № 80), а обыватели послѣдняго, «всякихъ чиновъ люди», должны были давать деньги ва постройку мостовъ по большой проѣзжей Слободской дорогѣ, на Салдинскомъ и Тагильскомъ волокахъ (А. И., т. V, № 239).

1) См. ниже приложеніе; Матеріалы, изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, Спб., 681. Доимочная книга 7202—7203 изд. подъ ред. И. М. Миклашевскаго, стр. 20: «Съ огорода боярина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго чѣвка ево Івашка Небольсина 3 рубли 12 алтнѣ пол-3 денги»; ср. стр. 32. «Книга доимочная (Земскаго приказа), коликое число съ дворовъ и съ лавокъ и съ прочего ва прошлые годы дежевой казны взять надлежало, 701 и 702 годовъ», далѣе, въ той же книгѣ мы читаемъ: «въ приказѣ Земскихъ дѣлъ по приходнымъ окладнымъ книгамъ съ 202 по 207 въ пять лѣтъ доведется довать... и что съ которой лавки и со всякихъ мѣстъ мостовыхъ денегъ взять, писано въ сихъ тетратехъ порознь...» (Матеріалы для исторіи, археологій и статистики г. Москвы, изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, М. 1891 г., Спб. 1163); такимъ образомъ, книга, издаваная И. Е. Забѣлинымъ, повидимому, составлена на основаніи данныхъ, современныхъ книгѣ, напечатанной И. Н. Миклашевскимъ; въ числѣ плательщиковъ въ «тетратяхъ» 1701—1702 гг. упомянуты: крестьяне, посадскіе люди, гости, стрѣльцы (между прочимъ голова стрѣлецкій), стольники и т. п.; монастыри и т. д.; ср. А. И., т. III, № 92, хлѣ.

2) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, Спб., 653, 702, 706, 707, 710, 711 А. от. до Ю. Б., т. II, № 148, ххiii.

Итакъ, подобно Новгороду, и въ Москвѣ налогъ, извѣстный подъ названіемъ «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ», отличался по крайней мѣрѣ въ XVII в. общеобязательнымъ характеромъ. Впрочемъ едва ли всѣ столичные жители дѣйствительно привлекались къ обложенію ими. Въ Москвѣ было, напримѣръ, нѣсколько монастырей, освобожденныхъ правительствомъ отъ отбыванія мостовой повинности. Въ силу тарханной грамоты, подтвержденной «на всю вотчину» Троицкаго Сергіева монастыря царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1552 году, монастырь пожалованъ былъ нѣсколькими податными привилегіями, по примѣру которыхъ удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ въ 1566 году предоставилъ ему право «мостовъ не мостить»; такимъ образомъ грамота 1556 года тому же монастырю на Лобановской дворъ, приведенная выше, еще не даетъ основанія утверждать, что Троицкій Сергіевъ монастырь вообще лишенъ былъ подобнаго рода податной привилегіи¹⁾. Аналогичными преимуществами пользовались монастыри: Новодѣвичій и Кирилло-Бѣлозерскій, также владѣвшій землей въ городѣ Москвѣ не только въ XVI-омъ, но и въ 1621 году²⁾. До 80-хъ годовъ XVII-го вѣка мы не знаемъ, однако, какого либо общаго закона касательно такихъ привилегій; лишь послѣ того какъ монастыри подали челобитную правительству объ облегченіи ихъ отъ бремени налоговъ въ 1684 году³⁾, и, можетъ быть, подъ ея влияніемъ въ указной книгѣ Земскаго приказа 7195 года подъ 19 января былъ записанъ указъ великихъ государей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни Софіи Алексѣевны и приговоръ боярскій о томъ, чтобы «съ кладбищныхъ и монастырскихъ земель, которые въ оградѣ, мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ, на прошлые годы доимочныхъ и по окладу не имать и изъ доимки и изъ окладу выложить и въ приходныхъ книгахъ подъ статьями очистить и впредь въ окладъ и въ доимку не писать». Нѣсколько темная формулировка только что приведенной записи однимъ изъ монастырей была перефразирована такъ: въ силу указа 1687 года мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ не велѣно было взимать «съ монастырей и монастырскихъ дворовъ, на коихъ подворьяхъ-церкви и кладбища», при чемъ такая формула не вызвала протеста со стороны Земскаго приказа. Подъ указъ 1687 года подошли многіе изъ московскихъ монастырей, напримѣръ: Воздвиженскій, Срѣтенскій, Николаевскій, Егорьевскій и Рождественскій; къ нимъ впослѣдствіи присоединены были монастыри Чудовъ, Златоустовскій, Воскресенскій, Кириловъ, Спаса Новаго, а также Новгородское подворье и другіе.

1) А. Э., т. I, № 273.

2) А. И., т. I, № 188 (1573 г.); Доп. къ А. И., т. II, № 77.

3) А. Э., т. IV, № 283.

Привиллегія, предоставленная имъ указомъ 1687 года, не касалась однако, тѣхъ «всякихъ чиновъ людей», которые «жили за монастырями и за оградами ихъ особыми дворами на монастырскихъ земляхъ изъ оброку»; съ такихъ жителей тѣмъ же указомъ велѣно было взимать мостовыя и рѣшеточныя деньги «въ государеву казну въ Земскій приказъ по писцовымъ и по переписнымъ и по приходнымъ книгамъ по указнымъ статьямъ противъ бѣломѣстцовыхъ дворовъ». Въ томъ же 1687 году и еще позднѣе въ 1692 г. сдѣланы были новыя исключенія въ пользу конюшеннаго двора Чудова монастыря, а также въ пользу нѣсколькихъ дворовъ и слободки патриарха Адріана¹⁾. Аналогичныя извѣстія о податныхъ привиллегіяхъ мірянъ въ донинѣ извѣстныхъ намъ документахъ почти вовсе не встрѣчаются. Въ самомъ дѣлѣ глухое указаніе на то, что 20 Декабря 1687 года доимочныя, мостовыя и рѣшеточныя, деньги были сняты съ «двора Бориса Ивановича Морозова», да и «впредь ихъ съ того двора имать не велѣно» теряетъ значеніе, такъ какъ въ то время онъ повидимому принадлежалъ Чудову монастырю²⁾. Свѣдѣніями болѣе опредѣленными, чѣмъ приведенное выше, мы располагаемъ относительно гостей. Въ силу жалованной грамоты царя Михаила Ѳедоровича гости и торговые люди гостинной сотни за московское осадное сидѣніе и за то, что они «въ междуособную брань отъ Московскаго государства не отлучились», получили между прочимъ слѣдующую привиллегію: они были освобождены отъ взноса «денегъ ярыгамъ на Земской дворъ» и отъ обязанности «мосты мостить въ Большомъ городѣ отъ Троецкаго монастыря къ Никольскимъ воротамъ и въ Китаѣ городѣ съ Ильинскаго крестца къ Богоявленскому монастырю, а также «взмосты мостить у живого моста»; имъ велѣно было «жить въ царскомъ жалованьи на льготѣ». Эта грамота была подтверждена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1648 году³⁾. Частная привиллегія въ пользу московскихъ гостей и торговыхъ людей гостинной сотни едва ли, однако, оставалась въ силѣ въ теченіе всего XVII-го вѣка; такъ напримѣръ гость Никифоръ Веневитиновъ, бывший челомъ царю Ѳедору Алексѣевичу въ 1679 году о надѣленіи его именно тою привиллегіей, которая была подтверждена въ 1648 г., хотя и получилъ жалованную грамоту за разныя исполненія имъ службы, но безъ точнаго указанія на свободу его отъ мостовой повинности или уплаты мостовыхъ денегъ», пужныхъ для содержанія улицъ, поименованныхъ въ

1) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, 693—695, 702—705, 712—714.

2) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 694.

3) Доп. къ А. И., т. III, № 44. Ср. А. И., т. V, № 43; что до того времени торговые люди гостинной сотни не пользовались такой привиллегіей, доказывается грамотой 1606 года въ А. Э., т. II, № 49.

вышеприведенномъ указѣ царя Михаила Оедоровича¹⁾. Взамѣнъ частной привилегіи нѣкоторые изъ гостей освобождались отъ отправления подобнаго рода обязанности безъ ограниченій. Въ жалованной грамотѣ казаку Никифору Третьякову на званіе гостя 1681-го года, мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующія строки: «И съ черными сотнями никакихъ дѣлъ имъ (гостю съ родными, состоящими съ нимъ не въ раздѣлѣ, прикащиками и его людьми) не дѣлати и съ ихъ дворовъ мостовыхъ денегъ въ Земской приказъ не имать и мостовъ имъ не мостить и тягла ни съ кѣмъ не тянути, опричь своей братьи гостей . . .». Объ освобожденіи гостей отъ уплаты рѣшеточныхъ денегъ мы пока ничего не знаемъ. Вообще какъ гости, такъ и торговые люди гостинной сотии, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ все же оставались въ числѣ плательщиковъ мостовыхъ, а также рѣшеточныхъ денегъ; примѣры подобнаго рода можно найти въ доимочной книгѣ 7202—7207 гг.; то же правило съ тѣмъ большею строгостью должно было примѣняться и къ тяглымъ людямъ²⁾.

Финансовое управленіе раскладкою мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ, а также сборомъ ихъ сосредоточивалось въ Земскомъ приказѣ, исполнявшемъ нѣкоторыя изъ функцій, въ провинціальныхъ городахъ возложенныхъ на воеводу. Отсюда, вѣроятно, посылали писцовъ для измѣренія дворовъ и разныхъ мѣстъ г. Москвы³⁾; въ томъ же приказѣ хранились писцовыя книги г. Москвы, напримѣръ, книги 1616 года, на что указываетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ: «Въ Земскомъ приказѣ въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Феодора Янова да дьяка Якова Демидова 124 году, написано: въ Китаѣ городѣ на Варварскомъ крестцѣ у церкви Максима Христа ради уродивого дворъ Аглинской вдоль 30 сажень, поперегъ 20 сажень съ полусаженью»; аналогичное указаніе можно встрѣтить въ одной купчей 1647 года; здѣсь кн. И. А. Голицынъ, продававшій свой дворъ вдовѣ У. Ѳ. Головиной, пишетъ: «а мѣра тому двору длиннику и поперешнику по писцовымъ книгамъ на Земскомъ дворѣ»⁴⁾. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о писцовыхъ книгахъ 7129 и 7130 или 7147 года. Въ томъ же приказѣ хранились и книги г. Москвы, составленныя въ позднѣйшее время, напримѣръ въ 7167, 7187, 7188, 7192, 7193 гг. и 1701 годахъ, нынѣ

1) Доп. къ А. И., т. VIII, № 103.

2) Доимочная книга 7202—7207 гг., изд. подъ ред. И. Миклашевскаго, стр. 16 и 18.

3) Доп. къ А. И., т. IX, № 42. П. С. З., т. I, № 85.

4) Изъ одного дѣла приказа Сыскныхъ дѣлъ; см. Д. Цвѣтаева: Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, М. 1890, стб. 156; ср. П. С. З., т. I, № 85 Матеріалы и проч. изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стр. 635 и 638; тяглыи иноземцы Нѣмецкой слободы владѣли своими участками и по дачамъ изъ Иноземскаго приказа или по даннымъ, списки съ которыхъ были взяты въ Иноземскій приказъ изъ Земскаго (С. Г. Г. и Д., ч. IV, № 207, П. С. З., т. I, № 386).

повидимому, утраченныя ¹⁾. Далѣе то же учрежденіе завѣдывало раздачею и продажей дворовыхъ мѣстъ на Москвѣ, для чего и вело «книги дворовыхъ дачъ» или «дворовыя книги»; отрывки изъ такихъ книгъ, напимѣръ 7170, 7174, 7175, 7180, 7182 и 7190 гг., извѣстны намъ изъ позднѣйшихъ «выписей» ²⁾. Накопецъ, при совершеніи сдѣлокъ надъ дворами въ Москвѣ, купчія, закладныя, наемныя и т. п. слѣдовало обыкновенно предъявлять въ Земскій приказъ для записи ихъ въ приказныя книги, и для утвержденія владѣльцевъ въ ихъ правахъ, а также для уплаты пошлинъ съ крѣпостей; впрочемъ и тутъ дѣло не обходилось безъ исключеній ³⁾. Естественно, что тотъ же приказъ взаимнѣе воеводской избы завѣдывалъ окладомъ и сборомъ мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ. Дѣйствительно изъ памяти 1645 г. мы узнаемъ о томъ, что въ Земскомъ приказѣ составлялись окладные списки; на «приходныя окладныя книги приказа Земскихъ дѣлъ» ссылки встрѣчаются, конечно, и въ позднѣйшихъ документахъ ⁴⁾; «сюда же, по словамъ А. Олеарія, стекались между прочимъ мостовыя и поворотныя [?] деньги» ⁵⁾.

Самый механизмъ оклада и сбора мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ то время едва ли чѣмъ либо существеннымъ отличался отъ порядка, принятаго въ Новгородѣ; впрочемъ, точныхъ свѣдѣній о немъ мы пока не имѣемъ.

При бѣгломъ просмотрѣ прилагаемыхъ отписей не трудно убѣдиться

1) Книги 7124, 7129, 7130 г., 7167 г., 7193 г., 7187 г. упоминаются въ разныхъ актахъ второй пол. XVII вѣка. (Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II; Спб., 640, 665, 672, 674, 677, 678, 686, 687, 692, 709; объ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ г. Москвы 1787 и 1701 г. см. выше введеніе И. Н. Миклашевскаго, стр. V.

2) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, 667, 686, 690, 697. П. Селифонтовъ, Подробная опись 440 рукописямъ Линеваго архива, Спб., 1891 г., стр. 39: Списокъ купчей на домъ въ Москвѣ, проданный М. Б. Мамалоховой новгородскому гостю В. Калашникову, 1661 г. Февр. 7. Доп. къ А. И., т. VIII, № 32; т. XI, № 98.

3) П. С. З., т. I, № 279, Н. Загоскинъ, О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ въ Ученыхъ Зап. Казанск. унив. за 1877 г., № 1, стр. 74, 78 и 83. Книги, въ которыя записывали въ Земскомъ приказѣ сдѣлки на дворы, назывались, повидимому, «записными», «записными дворовыми» или «купчими» и т. п.; см. Матеріалы и проч., ч. II, стб. 939, 648, 649, 652. Участки дворцовой земли и данныя мѣста не подлежали отчужденію; продажа дворовъ въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ иноземцамъ также была запрещена (А. И., т. III, № 92, XXIV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXVI), а участки «изъ стрѣлецкихъ порозжихъ дворовыхъ мѣстъ» выдавались, напр., по памяткамъ изъ Стрѣлецкаго приказа (Матеріалы II, стб. 628—630). Притомъ крѣпости на лавки записывались въ книги Большаго прихода, какъ видно изъ крѣпостей 1655 и слѣдующихъ годовъ (Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 642, 647, 659, 660).

4) А. И., т. IV, № 6. Въ началѣ и концѣ одной выписи 1676 года упоминаются «мостовыя» книги; въ текстѣ ея, однако, рѣчь идетъ только о «приходной книгѣ 7182 года» (Матеріалы и проч., изд. И. Забѣлинымъ, ч. II, стб. 665—666 ср. стб. 1163).

5) Въ запискѣ 1610—1613 гг. о московскихъ приказахъ (А. И., т. II, № 355) такого извѣстія не имѣется. А. Olearius, Reisebeschreibung, 1656, ss. 267—268; рѣчь идетъ о «Brücken und Pforten Geld».

въ томъ, что мостовыя деньги иногда собирались отдѣльно отъ рѣшеточныхъ, а иногда и вмѣстѣ съ ними; такъ отписи за №№ 1, 2, 3, 6, 8, 9, 10 и 11 выданы плательщикамъ за внесеніе мостовыхъ денегъ, а №№ 4, 5 и 7 — за уплату мостовыхъ и рѣшеточныхъ; бывали случаи, когда, какъ напримѣръ въ 1645 году, сборъ мостовыхъ денегъ былъ отмѣненъ, а деньги рѣшеточныя собирались «съ бѣлыхъ дворовъ»¹⁾; но существовалъ ли обратный порядокъ, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ Г. Котошихинъ, описывая Земскій приказъ, упоминаетъ, что сюда «собирають мостовщину со всякого чину жилаецкихъ людей»; но не сообщаетъ свѣдѣній о рѣшеточныхъ деньгахъ²⁾.

Какъ бы то ни было, окладъ мостовыхъ денегъ падалъ на городскую владѣльческую землю, черную и бѣлую; въ самомъ дѣлѣ, судя по доимочнымъ книгамъ конца XVII вѣка ихъ взимали не только съ дворовъ, но и съ огородовъ и съ «порозжихъ» мѣстъ, а также съ «отводныхъ земель», находившихся въ городѣ. Тѣ же деньги брали и «съ лавокъ и скамей разнаго рода, съ лавочныхъ и скамейныхъ мѣстъ, съ рундуковъ, избъ блинныхъ и съ питейныхъ погребовъ, съ квасныхъ кадей и съ сусленыхъ кувшиновъ, съ лѣсныхъ становъ и съ сѣнныхъ шалашей розныхъ чиновъ людей». Слѣдуетъ замѣтить, однако, что окладъ подобнаго рода заведеній, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ намъ случаѣ «доимки мостовыхъ денегъ на прошлые и на 1701-й годъ», отличался нѣкоторою особенностью: «по указу великаго государя съ тѣхъ рядовъ мостовые деньги велѣно имать противъ оброку въ поль»³⁾. Итакъ, въ данномъ случаѣ не потребовалось особаго расчета для производства оклада ихъ по писцовымъ книгамъ; достаточно было принять во вниманіе величину заранѣе вычисленнаго «лавочнаго оброка», падавшаго на каждое заведеніе, и взять половину его для того, чтобы получить требуемые размѣры оклада мостовыхъ денегъ; такимъ образомъ, можетъ быть, объясняется то, что даже «люди, торговавшіе пряниками бѣлыми и черными», или «походя, рукавицами и чулками», а также нѣсколько человѣкъ, «что велѣно торговать походя навѣкахъ свѣчами» были включены въ 1701 г. въ число плательщиковъ доимки мостовыхъ денегъ⁴⁾. Въ виду отрывочности свѣдѣній объ ихъ полномъ окладѣ въ Москвѣ и возможности постоянныхъ его колебаній, опредѣлить величину его — затруднительно; лишь на основаніи отписей 1704 и слѣдующихъ годовъ можно сказать, что онъ не превышалъ въ то время десяти денегъ съ «поперечной» са-

1) А. И., т. IV, № 6.

2) Г. Котошихинъ, О Россіи, изд. 3-е, стр. 126.

3) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 1163.

4) Доимочная книга 7202—7207 гг., изд. подъ ред. И. Миклашевскаго, стр. 10, 13, 15, 20, 33, 38, 39 и 41; Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 1163 и 1247.

женн»¹⁾; такимъ образомъ отъ протяженія земли, выходившей, повидимому на улицу, зависѣла и величина сбора, подлежавшаго уплатѣ. Рѣшеточныя деньги, судя по памяти 1645 года, напротивъ, были взимаемы въ видѣ однообразнаго оклада, по «гривнѣ съ двора»²⁾; въ печатаемыхъ нынѣ распискахъ рѣшеточныя деньги не обособлены отъ мостовыхъ, почему и нѣтъ возможности на основаніи ихъ судить о томъ, сохранило ли распоряженіе 1645 года свою силу и къ концу столѣтія³⁾. Впрочемъ, такой порядокъ нельзя признать нормальнымъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ въ виду того, что взиманіе рѣшеточныхъ денегъ въ 1645 году происходило при особыхъ условіяхъ: въ дворовой доимочной книгѣ конца XVII в. во взиманіи мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ не замѣчается, повидимому, никакой разницы; но упоминаній о сборѣ послѣднихъ съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній въ «тетрадахъ» 1701—1702 гг. вовсе не встрѣчается.

Во всякомъ случаѣ срокъ уплаты для обоихъ сборовъ былъ, повидимому, одинаковъ, и представлялъ, особенность не свойственную большинству налоговъ того времени. Въ памяти 1645 года мы читаемъ, что «сбираются мостовыя денги и мосты мостятъ въ шесть лѣтъ»; такимъ образомъ «всякого чину жилецкимъ людямъ» приходилось платить мостовыя деньги не ежегодно, а періодически; что аналогичный срокъ существовалъ и для уплаты рѣшеточныхъ денегъ, доказывается нынѣ печатаемыми расписками. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь всюду предполагается уплата обоихъ сборовъ черезъ пятилѣтніе сроки, что подтверждается и заключительной замѣткой доимочной книги, по которой доплата производилась за 202—207 годы.

Вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій о томъ, куда плательщики-тяглецы вносили требуемыя съ нихъ деньги, мы не имѣемъ; въ одной купчей 1674 года написано: «а по нынѣшней по 182 годъ съ того дворового мѣста оброкъ въ сотню плаченъ и мостовыя и рѣшеточныя деньги плаченыжъ»⁴⁾; въ данномъ случаѣ платежъ былъ произведенъ тяглецомъ повидимому въ ту сотню (Новгородскую въ Бѣломъ городѣ), въ которой числился его дворъ по тяглу; но изъ прилагаемыхъ расписокъ легко заключить, что иногда тяглецы, напримѣръ И. Петровъ изъ Кадашевской слободы, платили деньги прямо въ Земскій приказъ⁵⁾. Впрочемъ въ только что приведенномъ примѣрѣ

1) Въ силу указа 1660 г. съ тѣхъ крѣпостей на дворы, въ которыхъ цѣны не значилось, пошлина также взималась «съ саженой съ поперечника»... (П. С. З., т. I, № 279).

2) На «Земскомъ дворѣ» служили рѣшеточныя прикащики; преимущественно полицейскія обязанности ихъ были довольно разнообразны; см. П. С. З., т. I, №№ 6, 407 и 600. Акты Моск. Госуд., т. I, №№ 355 и 365; т. II, №№ 9 и 193.

3) Понятіе о цѣнности дворовъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII-го вѣка можно составить себѣ по «актовымъ книгамъ г. Москвы» 1701, 1702 и 1703 гг., изданнымъ г. Н. Н. въ Москвѣ; т. I, М., 1892 г.

4) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 655.

5) Приложение, №№ VIII и X.

есть особенности, выводящія его изъ ряда обыкновенныхъ или типичныхъ: ни въ памяти 1645 года, ни въ доимочныхъ книгахъ конца XVII вѣка московскія слободы не упоминаются въ качествѣ городскихъ участковъ, на которые распространялся бы окладъ мостовыми и рѣшеточными деньгами; лишь гораздо позднѣе, съ 1706 года одна изъ нихъ, а именно Нѣмецкая приравнена была въ этомъ отношеніи къ Земляному городу¹⁾. Мостовыя и рѣшеточныя деньги, какъ указано было выше, взимались, однако, не только съ тяглецовъ, но и съ бѣломѣстцевъ. Положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые сидѣли на черныхъ земляхъ, измѣнилось въ теченіе XVII-го вѣка. Первоначально правительство стремилось вернуть такія земли тяглецамъ и запрещало имъ продавать свои дворы и лавки бѣломѣстцамъ. Мѣры подобнаго рода едва ли, однако, имѣли успѣхъ; посадскіе люди часто не бывали въ состояніи выкупить тяглыя земли у владѣвшихъ ими бѣломѣстцевъ; еще въ 1687 г. правительство грозило «жестокимъ наказаніемъ» тяглымъ людямъ, вступавшимъ въ такія сдѣлки съ бѣломѣстцами²⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ направленіе его политики съ теченіемъ времени должно было измѣниться: вмѣсто того, что бы затруднить обращеніе черныхъ земель между бѣломѣстцами, оно стало привлекать ихъ, какъ владѣльцевъ такихъ земель, къ тяглу; въ то время уже было немало бѣломѣстцевъ, «которые изстари жили въ черныхъ сотняхъ и слободахъ на тяглыхъ земляхъ, построясь каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ», при чемъ «съ тѣхъ тяглыхъ земель по договору сотскихъ и старость и по порушнымъ своимъ записямъ въ тѣ черныя сотни и слободы платили оброчныя деньги погодно». Въ одномъ изъ сепаратныхъ своихъ указовъ 1623 года правительство уже высказалось въ пользу подобнаго же принципа³⁾ и дополнило его указомъ 1655 (7163) года, въ силу котораго «дворянъ московскихъ и стольниковъ и стряпчихъ и жилцовъ и дьяковъ и подъячихъ и слугъ боярскихъ, женившихся гостинные и суконные и черныхъ сотенъ на вдовахъ и на дѣвкахъ, по женамъ иматъ въ сотни въ тягло и давать ихъ на поруки съ записями, что имъ жить и тягло тянуть въ тѣхъ сотняхъ, кто изъ которой сотни возьметъ» [себѣ певѣсту]⁴⁾. Къ концу XVII вѣка новал

1) П. С. З., т. IV, № 2109. Въ именномъ указѣ 1706 года Іюня 5 рѣчь идетъ только о мостовыхъ, а не о рѣшеточныхъ деньгахъ.

2) А. Лаппо-Данилевскій, Организациія прямого обложенія и пр., Спб., 1890 г., стр. 156—157.

3) А. Э., т. III, № 138.

4) Доп. къ А. И., т. VI, № 39; аналогичное распоряженіе касательно новоприходцевъ на посады см. въ А. И., т. V, № 226. Этотъ указъ былъ внесенъ въ записную книгу Земскаго приказа. Въ указѣ 1697 года вятскимъ бѣломѣстцамъ, владѣвшимъ черными землями и платившимъ съ нихъ подати, предоставлено было право и впредь владѣть ими, во запрещено было отчуждать такія земли новымъ владѣльцамъ изъ бѣломѣстцевъ (А. И., т. V, № 264).

точка зрѣнія настолько утвердилась, что правительство воспользовалось возникшимъ обычаемъ для составленія закона, въ которомъ не только признало его законность, но и примѣнило его къ регулированію обращенія земель между бѣломѣстцами: 17 февраля 1697 года «великіе государи, докладной выписки слушавъ въ комнатѣ, указали и бояре приговорили, что если бѣломѣстцы, изстари владѣвшіе тяглыми землями и тянувшіе въ соотвѣтствующія сотни, продадутъ ихъ бѣломѣстцамъ же, и если сотскіе и старосты сами заявятъ въ Земскомъ приказѣ, что они не въ состояніи выкупить такихъ земель, и новые ихъ владѣльцы по прежнему договору согласятся платить оброчныя деньги въ сотни и въ слободы и въ платежѣ оброчныхъ денегъ дадутъ по себѣ поручныя записи, то Земскому приказу утверждать подобнаго рода сдѣлки»¹⁾. Такъ какъ указъ и приговоръ 1697 года возникъ примѣнительно къ московскимъ бѣломѣстцамъ, а подъ «оброчкомъ въ то время разумѣли иногда весьма разнообразныя сборы, то можно предполагать, что московскіе бѣломѣстцы, находившіеся въ только что указанномъ положеніи, подобно тяглецамъ, вносили слѣдующія съ нихъ мостовыя и рѣшеточныя деньги («въ свои сотни»²⁾); впрочемъ вышеприведенныя исключенія для тяглецовъ (случай съ кадашевцемъ И. Петровымъ) тѣмъ съ большимъ основаніемъ допустимы для бѣломѣстцевъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ: бывали случаи, когда они въ качествѣ владѣльцевъ черныхъ земель платили падашіе на нихъ налоги хотя и по мирскѣму окладу, но особо отъ тяглецовъ при помощи своихъ сборщиковъ, такъ что образовывали какъ бы самостоятельное общество бѣломѣстцевъ-тяглецовъ³⁾. Само собою разумѣется, что лица, ничѣмъ не связанныя съ тяглыми общинами, какъ видно изъ прилагаемыхъ расписокъ, вносили обыкновенно требуемыя съ нихъ мостовыя и рѣшеточныя деньги или сами или черезъ посредство своихъ «людей» въ Земскій приказъ.

Когда вышелъ указъ о томъ, чтобы «Земскимъ приказомъ не быть, и Земскаго приказа дворовыя дѣла вѣдать въ Стрѣлецкомъ приказѣ», то, какъ свидѣтельствуесть и одна изъ нашихъ расписокъ, соотвѣтственнымъ образомъ измѣнилось мѣсто поступленія интересующихъ насъ сборовъ⁴⁾; въ 1699 году Земскій приказъ, какъ извѣстно, былъ соединенъ съ Стрѣлец-

1) Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 709—710. Законъ 1697 года касается собственно говоря «дворовъ на тяглыхъ земляхъ». Ср. Weber, Das veränderte Russland, s. 45.

2) «Въ приказѣ Земскихъ Дѣлъ по приходнымъ окладнымъ книгамъ съ 202 по 207 годъ, что съ которой лавки и со всякихъ мѣстъ *мостовыхъ* денегъ взять, и то писано въ сихъ тетратехъ порознь въ полный *оброкъ*» (Матеріалы и проч., изд. И. Забѣлинымъ, ч. II, стб. 1163).

3) А. И., т. V, № 282.

4) Приложение, № VI.

Записки Истор.-Фил. Отд.

кимъ, почерпавшимъ денежныя средства изъ его доходовъ¹⁾; одна изъ нашихъ расписокъ относится къ февралю 1700 года; слѣдовательно, случаи поступления ихъ въ Стрѣлецкій приказъ бывали и до указа 3 ноября того же года, когда, повидимому, такой порядокъ былъ окончательно узаконенъ²⁾.

Впрочемъ, уже 23 июня 1701 года велѣно было «онѣе приказы (т. е. Стрѣлецкій вмѣстѣ съ Земскимъ) писать приказами Земскихъ дѣлъ, что и продолжалось по 1709 годъ», перемѣна, также отразившаяся въ нашихъ отпискахъ.

Самый фактъ взиманія «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ» черезъ довольно продолжительные сроки показываетъ, что они не играли большой роли въ государственномъ бюджетѣ. Дѣйствительно, судя по памяти 1645 года, окладъ мостовыхъ денегъ, сдѣланный въ 1642—1643 году, распредѣлялся слѣдующимъ образомъ между разными частями города Москвы:

съ дворовъ и лавокъ Китая	города	641 р. 5 ал. 3 д.
» » »	Бѣлого	» 3097 р. 17 ал. $\frac{1}{2}$ д.
» » »	Земляного	» 1316 р. 31 ал. 3 д.

Со всѣхъ трехъ «городовъ» итога 5055 р. 20 ал. $4\frac{1}{2}$ д.³⁾

Размѣры сбора рѣшеточныхъ денегъ, произведеннаго въ то же время, остаются неизвѣстными, но едва ли они представляли значительную сумму. Такое предположеніе косвеннымъ образомъ подтверждается окладною росписью 1680 года, гдѣ мостовыя, рѣшеточныя и хомутныя деньги въ общей сложности составляютъ всего лишь 5057 рублей 31 алтынъ $3\frac{1}{2}$ деньги, т. е. сумму во всякомъ случаѣ меньшую, чѣмъ въ 1645 году. Учесть изъ нея «хомутныя деньги» на основаніи прежнихъ показаній едва ли возможно; приказные люди, составлявшіе память 1645 года, правда указывали на то, что въ 1644 «съ извошниковъ со всякихъ людей» было собрано 834 р. 16 а. 4 д., но тутъ же замѣтили, что «тѣхъ денегъ въ окладъ положить не умѣютъ, потому что прибываетъ и убываетъ», такъ что перенесеніе подобной цифры на позднѣйшее время было бы неумѣстно. Во всякомъ случаѣ, какъ ни мала сумма оклада 1680 года, она оказывается наиболѣе существенною частью всѣхъ доходовъ Земскаго приказа, не превышавшихъ (по окладу) 7009 р. 24 а.; лишь въ концѣ столѣтія къ прежнимъ статьямъ

---

1) П. С. З., т. №№ 1713 и 1859.

2) Г. Миллеръ, Старинныя приказы Московскіе въ Древ. Рос. Вивл., 2-е изд., т. XX, стр. 307; о принадлежности статьи о приказахъ Г. Миллеру см. И. Гурляндъ, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ, Ярославль, 1900 г., стр. 325—329.

3) А. И., т. IV, № 6.

присоединилась повья поступления, благодаря которымъ доходы приказа Земскихъ дѣлъ возросли въ 1701-мъ году до 38.352 руб.; впрочемъ, уже въ 1709 году они упали до 27.204 руб. Такимъ образомъ, мостовыя и рѣшеточныя деньги даже вмѣстѣ со всѣми остальными доходами Земскаго приказа тѣмъ не менѣе составляли крайне ничтожный процентъ всей суммы государственныхъ доходовъ; по окладной росписи 1680 года онъ былъ равенъ 0,57%, а въ 1701 и 1709 гг. (не принимая во вниманіе остаточныхъ отъ прошлыхъ лѣтъ и оборотныхъ поступленій) доходилъ до 0,82% и 0,98%. Въ 1680 г. большинство доходовъ Земскаго приказа шло на жалованіе приказнымъ людямъ и на мостовое дѣло, на которое онъ и въ началѣ XVIII ст. тратилъ до 5000 рублей¹⁾.

Слѣдуетъ имѣть въ виду притомъ, что дѣйствительныя поступления, разумѣется, были значительно ниже оклада. Уже въ 1645 году Земскій приказъ заявлялъ, «что его приказные люди ни на который годъ сполна мостовыхъ денегъ не сбирывали и собрать ихъ не мочно, потому что многіе всѣхъ чиновъ люди бываютъ по государевымъ службамъ и въ отгѣздѣ и съ тѣхъ дворовъ мостовыхъ денегъ взять не на комъ: на иныхъ дворѣхъ и дворниковъ нѣтъ, а иные отъ пожара лежатъ пусты дворовыя мѣста. . .»; иногда такія доимки доходили до значительныхъ размѣровъ; такъ, напримѣръ, на бояринѣ И. А. Милославскомъ въ 1683 году съ трехъ его дворовъ за 7172—7192 гг. пужно было взять до 62 р. 40 коп.²⁾; то же, вѣроятно, бывало и съ рѣшеточными деньгами. Судя по росписи 1680 года, поступленіе въ окладъ по Земскому приказу хотя и находилось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ приказовъ, все же не превосходило 75%. Такимъ образомъ объясняется и составленіе доимочныхъ книгъ. Нѣсколько выдержекъ изъ «приходной доимочной книги сбора мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля и Китая города съ 7167 по 7192 годъ» сохранилось въ одной выписи 1692 года, а подлинная такая же книга³⁾ напечатана выше и свидѣтельствуетъ, что по сбору вышеназванныхъ налоговъ съ дворовъ за пятилѣтіе съ 7202 по 7207 годъ накопилось до 2767 р. 20 а. 3 д. доимки. «Книга доимочная съ лавокъ 1701 и 1702 годовъ» нѣсколько отличается отъ предшествующей⁴⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ Земскому приказу иногда не ставало мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ на покрытіе тѣхъ расходовъ, для которыхъ они были специально

1) П. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст., Спб., 1892 г., стр. 100, 101, 142 и прилож., стр. 14, 36, 68; цифры на с. 142 и 36 не сходятся.

2) А. И., т. IV, № 6, II. Матеріалы и проч., изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 681.

3) Матеріалы, изд. подъ ред. И. Забѣлина, ч. II, стб. 703.

4) Доимочная книга 7202—7203 г., изд. подъ ред. И. Миклашевскаго, стр. 43. Матеріалы, изд. И. Забѣлинымъ, ч. II, стб. 1163—1248.

предназначены, то есть на «моцненіе» мостовъ и устройство городскихъ рѣшетокъ, а также на ихъ содержаніе¹⁾.

Впрочемъ, значеніе «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ», какъ указано было выше, состояло по крайней мѣрѣ съ современной намъ точки зрѣнія не столько въ той роли, какую онѣ играли въ государственномъ бюджетѣ, и въ специальномъ назначеніи ихъ, сколько въ томъ, что ихъ обыкновенно взымали безразлично съ «всякихъ чиновъ людей».

Въ послѣдующее время мостовыя и рѣшеточныя деньги не только въ столицѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ постепенно превратились въ налогъ, взимаемый съ новой единицы обложенія и зачисленный въ разрядъ городскихъ сборовъ.

Въ теченіе XVIII-го вѣка «мостовыя и рѣшеточныя деньги», кажется, снова превратились въ натуральную повинность.

Такое превращеніе легко прослѣдить на исторіи мостовыхъ сборовъ. Въ 1714 г. одинъ изъ иностранцевъ свидѣтельствуетъ, что ихъ все еще взимаютъ въ видѣ денегъ: со всякаго домовладѣльца г. Москвы, какого бы званія онъ ни былъ, по его словамъ, для починки мостовой или деревянныхъ мостовъ, которыми выложены московскія улицы, за каждую балку, лежащую вдоль фасада домовъ, взимаютъ по 5 коп.; изъ получаемыхъ такимъ образомъ суммъ лишь ничтожная часть попадаетъ въ государственное казначейство, такъ какъ большая идетъ на плату тѣмъ подрядчикамъ, которымъ поручена починка улицъ²⁾. Вскорѣ, однако, сборъ мостовыхъ денегъ былъ отмѣненъ, что объясняется, можетъ быть, безденежемъ населенія и вызванными имъ финансовыми затрудненіями: «въ Москвѣ съ московскихъ дворовъ, читаемъ мы въ указѣ 1722 года, положенныхъ на мостовое строеніе окладныхъ мостовыхъ денегъ впредь не собирать и изъ оклада выложить; а вмѣсто того въ Китаѣ, и въ Бѣломъ и въ Землянмъ городѣ и въ Нѣмецкой слободѣ по всѣмъ большимъ и знатнымъ улицамъ строить каменные мосты всякому противъ своего двора съ противнымъ дворомъ пополамъ; . . . а въ тѣхъ же городахъ въ прочихъ улицахъ и въ переулкахъ строить деревянные мосты по тому жъ пополамъ³⁾».

1) А. И., т. IV, № 6, II, Стр. 26: «Роспись, что мостится изъ Земскаго приказу мостовъ изъ сборныхъ денегъ»; о «решеткахъ» Тверской, Никитской и т. п. см. Донмочную книгу, стр. 9. Кромѣ того Земскій приказъ нанималъ «ярыжныхъ, которые бываютъ съ апрѣля 1-го числа по ноябрю 1-ое число . . .» и т. п. Сооруженіе мостовъ въ военное время падало въ видѣ натуральныхъ повинностей на тяглое населеніе, на посадскихъ и уѣздныхъ людей; см. Акты Моск. Госуд., т. II, №№ 595, 666 и 676.

2) Weber, Das Veränderte Russland, s. 46, § 201.

3) П. С. З., т. VI, № 4017 Ук. 1722 г. Мая 2; подробности см. въ П. С. З., т. IV, № 4130, ст. 17, 18 и 20. Впрочемъ въ 1723 г. на починку «каменныхъ мостовъ» велѣно было снова установить особый сборъ, котораго съ окладными доходами не сообщать и въ другіе расходы не употреблять».

Ничто подобное произошло и съ «рѣшеточными деньгами»; взамѣнъ ихъ по примѣру г. Гамбурга и въ русской столицѣ въ 1719 году была учреждена ночная стража¹⁾. Въ силу новаго указа 1722 года такой же порядокъ долженъ былъ дѣйствовать и въ Москвѣ; московскому оберъ-полиціймейстеру велѣно было въ Китаѣ, а также въ городахъ Бѣломъ и Землянѣмъ устроить подъемныя рогатки по концамъ улицъ, причемъ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ жили люди состоятельные, они сами обязаны были складываться и дѣлать ихъ, а тамъ, гдѣ жили неимущіе, рогатки сооружались «изъ штрафныхъ денегъ» полиційменстерской канцеляріи; для соблюденія порядка и устраненія воровства въ ночное время слѣдовало опускать рогатки и «имѣть при нихъ со обрѣтающихся въ тѣхъ улицахъ дворовъ и съ жителей караулы съ ружьемъ, у кого какое найдется можетъ, а у кого ружья не будетъ, то съ грановитыми большими дубинами, и при нихъ были бы трещетки; а съ котораго двора въ которую ночь караулу быть надлежитъ: тому учинить росписку по числу душъ мужескаго пола, начиная съ двадцати лѣтъ и выше, о которой по доношенію московскаго оберъ-полиціймейстера и будетъ дано сенатское опредѣленіе»; такой карауль долженъ былъ пропускать прохожихъ не иначе, какъ соблюдая особыя правила, подробно изложенныя въ инструкціи оберъ-полиціймейстеру²⁾.

Содержаніе мостовыхъ и ночныхъ стражей въ Москвѣ, какъ видно, находилось «подъ вѣдѣніемъ оберъ-полиціймейстера», которому дана была власть наказывать виновныхъ въ нарушеніи данныхъ ему правилъ: дворовладѣльцы, не починивавшіе мостовъ, должны были уплачивать штрафъ по двѣ деньги съ каждой понеречной сажени своего двороваго мѣста; а тотъ, кто не давалъ караульщиковъ въ учрежденный день, принужденъ былъ вносить въ канцелярію «за всякую ночь» по полтиннѣ съ человѣка³⁾.

Итакъ, въ XVIII вѣкѣ взамѣнъ прежнихъ мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ, кажется, появились соотвѣтствующія повинности. Даже въ городскомъ положеніи 1785 года въ числѣ «городовыхъ доходовъ» не значится ни одного сбора, аналогичнаго съ «мостовыми и рѣшеточными деньгами»; среди расходовъ деньги на содержаніе улицъ и ночной стражи здѣсь также не упомянуты. Тотъ же выводъ подтверждается и указомъ 19 марта 1802-го года о правилахъ компетету, учрежденному въ Москвѣ для уравненія городскихъ повинностей; послѣднія разбиты здѣсь на двѣ группы: на повинности, отправляемыя натурой, и денежныя; въ числѣ натуральныхъ значится между прочимъ мощеніе улицъ [къ которому слѣдовало бы присое-

1) Weber, Das Veränderte Russland, s. 370; ср. II. С. З., т. V, № 3412.

2) II. С. З., т. VI, № 4130, стр. 15.

3) II. С. З., т. VI, № 4130, ст. 15 и 20.

дипить и содержаніе почныхъ стражей, если бы оно не было уничтожено мѣсяцъ тому назадъ]; денежные же «состояли главнымъ образомъ въ ежегодномъ поземельномъ сборѣ и въ налогѣ на наемъ домовъ и лавокъ; кромѣ того въ составъ ихъ входили «нѣкоторыя статьи, лежавшія не столько на коренныхъ обывателяхъ, сколько на людяхъ, въ городѣ промыслами занимающихся»¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее значеніе «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ» измѣнилось. Установленіе оклада ихъ правительствомъ, поступленіе ихъ въ Земскій приказъ и расходваніе его доходовъ въ эпоху преобразованій и на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей, напримѣръ Стрѣлецкаго приказа, мѣшаютъ намъ признать такой налогъ до 1722 года городскимъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Съ превращеніемъ мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ соотвѣтствующія повинности дѣло нѣсколько измѣнилось: ихъ нельзя было отбывать иначе какъ въ пользу города, но самое отбываніе ихъ все же происходило подъ наблюденіемъ главной полиціймейстерской и оберъ-полиціймейстерской канцеляріи въ обѣихъ столицахъ, или губернаторовъ и воеводъ въ провинціальныхъ городахъ²⁾. Съ 1782 года отправленіе мостовой повинности и, вѣроятно, «содержаніе ночныхъ стражей» перешло подъ надзоръ управъ благочинія. «По дѣламъ до полиціи или благочинія касающимся и по дѣламъ о мостахъ, улицахъ и дорогахъ управа благочинія состояла прямо подъ повелѣніемъ губернскаго правленія»; она «въ вѣдомствѣ своемъ имѣла дороги, улицы, мосты и переправы въ городѣ и предмѣстьѣ и на городской землѣ и должна была прилагать неусыпное стараніе и попеченіе, чтобы дороги, улицы, мосты и переправы черезъ рѣки и воды, гдѣ [они] есть, въ такомъ исправномъ состояніи и содержаніи были, чтобы проѣзжимъ не было ни остановки, ни опасности»; та же управа обязана была имѣть бдѣніе за соблюденіемъ порядка въ городѣ³⁾. Лишь въ началѣ XIX вѣка, главнымъ образомъ съ учрежденіемъ въ Москвѣ комитета для уравненія городскихъ повинностей и разсмотрѣнія городскихъ доходовъ и расходовъ мостовая и рѣшеточная повинность окончательно потеряли прежнее значеніе: въ 1806 году часть суммы на покрытие непред-

1) П. С. З., т. XXVII, № 20190.

2) Въ наказѣ губернаторамъ, а также воеводамъ и ихъ товарищамъ 1728 года въ статьѣ 40-ой мы читаемъ слѣдующее: «Для лучшаго порядка и пресѣченія воровства и воровскихъ проходовъ и прочихъ непотребныхъ людей, сдѣлать по концамъ большихъ улицъ отворчатыя рогатки, которыя по ночамъ затворять, и имѣть при нихъ съ обрѣтающимися въ тѣхъ улицахъ дворовъ изъ жителей съ палочнымъ карауломъ... А съ котораго двора въ которую ночь караулу быть надлежитъ, тому учинить росписку смотря по жителямъ тѣмъ управителямъ, ва которыхъ то управленіе отъ губернаторовъ и отъ воеводъ будетъ положено, обще съ посадскими, и оныя рогатки затворять въ ночь» (П. С. З., т. VIII, № 5333).

3) П. С. З., т. XXI, № 15379, Уставъ благочинія, ст. 30, 31 и 36.

видѣнныхъ городскихъ расходовъ была предназначена «на постепенное замощеніе улицъ, площадей и прочихъ мѣстъ, гдѣ бывають рынки и кои зависяють отъ города», а вслѣдъ за тѣмъ въ число городскихъ расходовъ были вообще включены и «расходы по устройству и содержанію мостовыхъ, кои состояють на отчетѣ Думь»¹⁾. Содержаніе же ночной стражи городскими жителями, уничтоженное уже въ силу указа 12 Февраля 1802 года, тѣмъ не менѣе указомъ 24 Іюня 1803 года было превращено вмѣстѣ съ отбываніемъ нѣкоторыхъ другихъ повинностей въ «полупроцентный сборъ съ капитальнаго рубля по оцѣнкѣ съ каждаго двора и торговаго мѣста въ городѣ состоящаго»²⁾.

Такимъ образомъ, въ силу вышеприведенныхъ узаконеній 1803—1806 гг. слѣды прежнихъ специальныхъ налоговъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ, исчезли окончательно изъ нашей финансовой практики. Взамѣнъ ихъ, правда, появился оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, въ 1823 году установленный въ Москвѣ и существующій донинѣ; но, помимо отличія въ способѣ его оклада онъ уже не имѣетъ и спеціальнаго назначенія «для содержанія лежащихъ на отчетѣ города улицъ», а отчасти и «чиновъ полиціи»: расходы на такое содержаніе и на остальные «предметы» городского хозяйства относятся вообще на средства городского поселенія³⁾.

1) П. С. З., т. XXIX, № 22030; т. XXXVIII, № 29423 (1823 г. Апр. 13).

2) П. С. З., т. XXVII, №№ 20143 и 20816.

3) П. С. З., т. XXXVIII, № 29423; ср. Городовое положеніе 11 Іюня 1892 г., гл. V, ст. 127—130; гл. VI, ст. 138.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Такъ какъ въ доимочныхъ книгахъ, подобныхъ той, которая напечатана выше, нельзя найти точныхъ свѣдѣній объ окладѣ «мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ», а подлинныхъ расписокъ въ пріемѣ ихъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ почти вовсе не напечатано, по крайней мѣрѣ въ общезвѣстныхъ сборникахъ актовъ, то мы и сочли не лишнимъ воспроизвести здѣсь нѣсколько такихъ документовъ¹⁾, касающихся г. Москвы. Разыскивать ихъ въ дѣлахъ Земскаго приказа не приходится: его дѣлопроизводство едва ли сохранилось гдѣ либо въ цѣломъ видѣ. Печатаемыя ниже расписки 1673—1706 гг. почти все оказались въ коллекціи юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, нынѣ принадлежащей Публичному и Румянцевскому музеямъ²⁾; лишь одна изъ нихъ находится въ библіотекѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Большинство изъ нихъ писано на отдѣльныхъ столбцахъ, (№№ I—VII), остальные — на заорленной бумагѣ того времени (№№ VIII—XI); все оказываются, притомъ, подлинниками, снабженными собственноручными приписями дьяковъ³⁾.

I.

Лѣта 7181-го апрѣля въ 10 день по государеву цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указу дьяки Аврамъ Кощѣевъ да Тимоосей Кузьминъ взяли въ-его

1) Три платежныхъ отписи въ пріемѣ мостовыхъ денегъ 1593—1644 гг. напечатаны въ А. Ю.: двѣ изъ нихъ относятся къ Новгороду; одна—къ Волоколамску (А. Ю., № 217). Кроме того въ А. о. до Ю. Б. помѣщена одна такая же отпись по Москвѣ 1681 г. (А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, xvii).

2) Д. Лебедевъ, Описание собранія историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, М., 1881 г., стр. 92.

3) Впрочемъ подлинность дьячьихъ приписей въ №№ IV и VII можетъ вызвать нѣкоторыя сомнѣнія.

великого государя казну в Земской приказъ мостовыхъ денегъ в Бѣломъ городе на Никицкой улице з двора приказу Тайныхъ дѣлъ под[ъ]ячего Василья Гурьева з длиннику с четырнатцати сажень с четью с поперечнику з двунатцати сажень безъ получеті, з др[у]гова конца с попѣречнику з десяти сажень с полусаженью, на оба конца имѣтца адиннатцать сажень с полутретью и с полполучетью. І на 166-й два рубли восьмъ алтынъ с полуденгою, да на 172-й четыре рублі шеснатцать алтынъ з денгою, да на 177-й годъ четыре рубли шеснатцать алтынъ з денгою; всего адиннатцать рублевъ семъ алтынъ с полуденгою. Платилъ тѣ денги стольникъ Дементей Сергѣевъ сынъ Малово. Діакъ Аврамъ Кощѣевъ.

На оборотъ: Справилъ Патрекѣйко Семеновъ.

II.

Лѣта 7183-го апрѣля въ 20 день по государеву цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указалъ дьякъ Аврамъ Кощѣевъ взять въ-его великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца казну в Земской приказъ мостовыхъ денегъ в Бѣломъ Каменномъ городе отъ Смоленские улицы по Никитцкою з двора приказу Тайныхъ дѣлъ под[ъ]ячего Василья Гурьева з длиннику с четырнатцати сажень с чет[вертью] поперечника з двенатцати сажень безъ получе[ти], з другово конца с поперечника з десяти сажень с полусаженью, с обейхъ кощовъ с поперечника с адиннатцати сажень сполутретью и с полполучетью на 182-й годъ четыре рубли ш[естнат]цать алтынъ з денгою. Тѣ денги платилъ стольника Дементьевъ человекъ Малово Пронка Сайковъ. Діакъ Аврамъ Кощѣевъ.

На оборотъ: Справилъ Пашка Лебедець.

Правый край въ нѣсколькихъ мѣстахъ оторванъ.

III.

Лѣта 7186-го августа въ 22 день по государеву цареву и великого князя Θεодора Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указу взято въ-его великого государя казну в Земской приказъ мостовыхъ денегъ в Бѣломъ городе межъ Смоленской и Никитцкой улицъ з двора князь Алексѣя Козловского з длиннику с четырнатцати сажень с поперечнику с обѣихъ концовъ с пяти сажень с полутретью на прошлые на 166-й да на 172-й да на 178-й годы пять рублевъ два алтына пол-

шесты денги. Да по окладу на 182-й годъ два рубли одинъ алтынъ з денгою. Тѣ денги платилъ под[ъ]ячей Иванъ Шул[ъ]гинъ. Діакъ Борисъ Протопоповъ.

На оборотъ: Справилъ Ганка Кашкинъ.

IV.

Лѣта 7204-го оевраля въ 19 день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца взято въ-его великого государя казну в Земской приказъ мостовыхъ и решеточныхъ денегъ по наказу Бѣлово города от[ъ] Всесвяцкихъ воротъ по Смоленскую з двора думного дворянина Петра Савича Хитрово зъ 202-го по 207-й годъ на пять лѣтъ шесть рублевъ пятнатцать алтынъ две денги. Тѣ денги платилъ человекъ ево Артемей Щелкановъ. Діакъ Василій Степановъ.

На оборотъ: Справилъ Герасимко Карповъ.

V.

Лѣта 7207-го октября въ 28 день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца взято въ-его великого государя казну в Земской приказъ мостовыхъ и решеточныхъ денегъ по наказу Бѣлого города отъ Всесвяцкихъ воротъ по Смоленскую улицу з двора думного дворянина Петра Савича Хитрово з 207-го по 212-й годъ на пять лѣтъ шесть рублевъ пятнатцать алтынъ две денги. Платилъ человекъ ево Артемей Щелкановъ. Діакъ Никита Соооновъ.

На оборотъ: Писалъ Конанко Кудрявцовъ.

VI.

Лѣта отъ сотворенія мира 7208-го, а отъ Рождества Христова 1700-го февраля въ 15 де[нь] по указу великого государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца взято въ ево великого государя казну въ Стрелецкой приказъ мостовыхъ денегъ в Земляномъ городе за Москвою рекою з двора стряпчего Оеофана Петрова сына Обрасцова с поперечника с обѣихъ концовъ с осмиатцати сажень с полу саженью и с малою третью зъ 207-го по 212-й годъ на пять [лѣтъ]

три рубли дватцать три алтына полчетверты денги. Платилъ сыщъ ево Михайло Обрасцовъ. Дьякъ Михайло Щербаковъ.

На оборотъ: Справилъ Сепка Стеоановъ.

VII.

Лѣта 1703-го декабря въ 13 день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержца взято въ ево великого государя казну в приказъ Земскихъ дѣлъ мостовыхъ и решеточныхъ денегъ в Бѣломъ городе отъ Всесвятцкихъ воротъ по Смоленскую улицу з двора думнаго дворянина Петра Савича Хитрово сентября съ 1 числа 1703-го года сентября по 1 число 1708-го года на пять лѣтъ шесть рублевъ пятнатцать алтынъ две денги. Платилъ тѣ денги человѣкъ ево Артемей Щелкановъ. Діакъ Евфимъ Кошеевъ.

На оборотъ: Справилъ Антипъ Ивановъ.

VIII.

Лѣта 1704-го мая въ 20 [или 24?] день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца взято въ-ево великого государя казну в приказъ Земскихъ дѣлъ мостовыхъ денегъ с тяглою земли Кадошевской слободы з двора Кадошевца Игнатя Петрова с поперечника с обѣихъ концовъ со шти сажень с полусаженью и с полполполутретью съ 1700-го по 1705-й годъ на пять лѣтъ по окладу с сажени по десяти денегъ, итого десять алтынъ полшесты денги. Платилъ тѣ денги онъ же, Игнатей. Діакъ Михайло Щербаковъ.

На оборотъ: Смотрилъ Евфимъ Кокоревъ.

IX.

Лѣта 1704-го октября въ 30 де[нь] по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержца взято въ-ево великого государя казну в приказъ Земскихъ дѣлъ мостовыхъ денегъ в Земляномъ городе за Смоленскими вороты з двора Ивана Пароеньева, что бывалъ стряпчего Андрѣяна Пароеньева, с поперечника с тринадцати сажень безъ четі сентября съ 1-го числа 1703-го года

сентября по 1 число 1708-го году на пять лѣтъ два рубли осмнатцать алтынъ две денги. Платилъ тѣ денги онъ же, Иванъ Пароеньевъ. Діакъ Иванъ Ушаковъ.

Внизу: СМД.^о

На оборотъ: Смотрилъ Михайло Сечихинъ.

X.

Лѣта 1705-го сентября въ 18 де[нь] по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Роспі самодержца взято въ-его великого государя казну в приказъ Земскихъ дѣлъ мостовыхъ денегъ с тяглою земли Кадашевской слободы з двора Кадашевца Игнатя Петрова с поперечника с обѣихъ концовъ со шти сажень с полу-саженю и с полполполутретью съ 1705-го по 1710-й годъ на пять лѣтъ по окладу с сажени по десяти денегъ; итого десять алтынъ полшесты денги. Платилъ тѣ денги онъ, Игнатей. Діакъ Евфимъ Кошѣевъ.

На оборотъ: Справилъ Федоръ Микляевъ.

XI.

Лѣта 1706-го апрѣля въ 24 де[нь] по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя і Бѣлыя Роспі самодержца взято въ-его великого государя казну въ приказъ Земскихъ дель мостовыхъ денегъ з двора думного дворенина Петра Савича Хитрово, что за Пречыстенскими вороты за Землянымъ городомъ, с поперечника сорока дву сажень с полусаженю съ 1700-го по 1705-й годъ на пять лѣтъ с сажени по десяти денегъ; итого два рубли четыре алтына. Платилъ тѣ денги человекъ ево Артемей Щелкановъ. Діакъ Евфимъ Кошѣевъ.

На оборотъ: Смотрилъ Мпхайло Сечихинъ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ V. № 5 и послѣдній.

Volume V. № 5 et dernier.

С. Н. Браиловскій.

ОДИНЪ ИЗЪ ПѢСТРЫХЪ XVII-ГО СТОЛѢТІЯ.

«Ище же кто отъ снѣхъ полкъу обра-
щеть, и о мнѣ грѣшнемъ да по-
молитса, да обрашу многость предъ
Господемъ».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

(Доложено съ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 18 октября 1895 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1902. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

Н. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л.
Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Мо-
сквѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
П. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ,
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic,
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 4 р. — Prix: 10 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1902 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Ѳ. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе	III—V
О партіяхъ и направленіяхъ въ умственной жизни Россіи въ XVII ст. Партія пестрыхъ (III—IV стр.). — Планъ сочиненія о Каріонѣ Истомиѣ (IV—V стр.).	
Введеніе	VII—XXXVII
Литература предмета въ хронологическомъ порядкѣ. Сопиковъ (VII—VIII). — Берхъ (VIII—IX стр.). — Митр. Евгеній (IX—X). — Строевъ (X—XIV). — Смѣловскій (XIV). — Арх. Филаретъ (XIV—XVII). — Каратаевъ, Горскій и Невоструевъ (XVII—XVIII). Пекарскій (XVIII—XIX). — Бычковъ (XIX—XXII). — Чудиновъ (XXII). — Рыльцевъ (XXII—XXIII). — Сборникъ Импер. русскаго историч. общества (XXIII). — Викторовъ (XXIII—XXIV). — Арх. Леонидъ (XXIV—XXIX). — Шляпкинъ (XXIX—XXX). — Ровинскій (XXX). — Списокъ сочиненій Кар. Истомина въ хронологическомъ порядкѣ (XXX—XXXVII).	

Часть первая.

Глава первая	3—12
Отсутствіе современныхъ извѣстій о жизни Каріона Истомина и причина этого явленія. Источники для біографіи его (3 стр.). — Вопросъ о личности Кар. Истомина. Свѣдѣнія о духовныхъ дѣятеляхъ второй половины XVII и начала XVIII вв., носившихъ имя Каріонъ (4—5 стр.). — Родня Кар. Истомина (5—7 стр.). — Предположенія о средѣ, въ которой проходило дѣтство Кар. Истомина (7—8 стр.). — Первоначальное ученіе (8—10 стр.). — Предполагаемое время прибытія въ Москву и принятія монашества (10—12 стр.).	
Глава вторая	12—29
Мѣсто первоначальнаго пребыванія Кар. Истомина въ Москвѣ до перехода въ Чудовъ монастырь (12 стр.). — Вопросъ о школахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. Противоположность мнѣній по этому вопросу. Мнѣніе г. Каптерева и разборъ его (13—15 стр.). — Краткій	

очеркъ исторіи просвѣщенія въ Москвѣ въ XVII ст. (15—27 стр.).— Школы, существовавшія въ Москвѣ ко времени прибытія туда Кар. Истомина (27—29 стр.).

Глава третья . . . . . 29—64

Время службы Каріона Истомина на печатномъ дворѣ. Состояніе печатнаго двора при патріархѣ Іоакимѣ. Выборъ лицъ въ справщики и контроль надъ дѣятельностью ихъ (29—30 стр.).— Каріонъ. Истоминъ-чтець и писецъ. Служебный персоналъ на печатномъ дворѣ до 190 года (30—32 стр.).—Кар. Истоминъ-справщикъ и переѣмны въ служебномъ персоналѣ печатнаго двора за время его службы справщикомъ (32—37).— Кар. Истоминъ—начальникъ печатнаго двора (37—39 стр.).— Перечень книгъ, изданныхъ на печатномъ дворѣ за все время службы Кар. Истомина (39—59 стр.).— Побочныя занятія Кар. Истомина во время службы на печатномъ дворѣ и вознагражденіе за труды (59—64 стр.).

Глава четвертая . . . . . 64—79

Кар. Истоминъ—учитель греческаго языка (64 стр.).—Кар. Истоминъ въ роли придворнаго стихотворца. Стихотворная книга царевнѣ Софїи Алексѣевнѣ объ открытіи академіи (65—67 стр.).— Приѣздъ въ Москву братьевъ Лихудовъ и открытіе академіи (67—69 стр.).— Стихотворенія царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ (69—71 стр.).— Стихотворенія царицѣ Прасковїи Феодоровнѣ, Евдокии Феодоровнѣ и другимъ членамъ царскаго дома (71—76 стр.).— Услуги со стороны Кар. Истомина разнымъ знатымъ лицамъ (76—79 стр.).

Глава пятая . . . . . 79—103

Отношенія Кар. Истомина къ патр. Іоакиму (80—86 стр.).—Отношенія его къ патр. Адріану (86—91).— Знакомство Кар. Истомина среди вліятельнаго духовенства. Отношенія его къ Сильвестру Медвѣдеву (92—96 стр.), Св. Дмитрію Ростовскому (96—99 стр.), митроп. Маркеллу (99—100), митроп. Кіевскому Варлааму (100—102 стр.) и другимъ (102—103 стр.).

Глава шестая . . . . . 104—111

Отношенія Кар. Истомина къ митроп. Новгородскому Іову (104—110 стр.).— Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни Каріона Истомина (110—111).

Приложеніе къ первой части . . . . . 115—213

Описаніе сборниковъ Чудовской бібліотеки №№ $\frac{98}{300}$ (115—176 стр.), №№ $\frac{99}{301}$ (176—196 стр.), №№ $\frac{100}{302}$ (196—213 стр.) и №№ $\frac{89}{291}$ (213 стр.).

Часть вторая.

Вступленіе о задачахъ историка литературы . . . . . 217—220

Глава первая . . . . . 221—234

Догматическія сочиненія Каріона Истомина. Катехизисъ. Его содержаніе (222—223 стр.).—Причины его написанія (223—227 стр.).— Предназначеніе Каріонова «Катехизиса» (227—234 стр.).

Глава вторая	234—283
Духовно-нравственные сочинения Кар. Истомина. — Проповѣди, или слова. — Краткій очеркъ историческаго развитія русской проповѣди до XVII столѣтія (235—239 стр.). — Три категории словъ Кар. Истомина и построение ихъ (239—242 стр.). — Содержание ихъ (242—255 стр.). — Отношеніе словъ Кар. Истомина къ проповѣдямъ Симона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго (255—261 стр.). — «Домострой» Кар. Истомина (261—273 стр.). — «Едемъ» (273—276 стр.). — «Екклесія» (276—278 стр.). — «Книга вразумленіе» (278—280 стр.). — Стихи царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ (280—283 стр.).	
Глава третья	283—316
Педагогическія сочиненія Каріона Истомина. — Буквари (284—289 стр.). — Обученіе дѣтей грамотѣ на Руси съ древнихъ временъ до XVII стол. (289—292 стр.). — Отношеніе «Малаго букваря» къ предшествовавшимъ букварямъ (292—297 стр.). — «Малая грамматика» Кар. Истомина и ея отношеніе къ другимъ грамматикамъ (297—312 стр.). — «Полисъ» (312—316 стр.).	
Глава четвертая	317—329
Историческія сочиненія Кар. Истомина. — Созерцаніе. — Доказательства принадлежности его Каріову Истомину (317—323 стр.). — Свѣдѣнія о «Лѣтописи» Каріона Истомина (323—329 стр.).	
Глава пятая	329—355
Переводныя сочиненія Кар. Истомина. — «Боговидная любовь» (330—335 стр.). — «Книга о хитростяхъ ратныхъ» Юлія Фронтинна (335—348). — Другія переводныя сочиненія (349—350 стр.). — Переводныя сочиненія, предположительно приписываемыя Кар. Истомины (351—355 стр.).	
Глава шестая	355—363
Заключеніе. — Семнадцатое столѣтіе въ жизни русскаго народа (356—359 стр.). — Литература XVII-го столѣтія (359—360 стр.). — Историческое значеніе личности Каріона Истомина (360—363 стр.).	
Приложенія къ первой главѣ второй части	365—388
Отрывки изъ «Катихизиса» Кар. Истомина (367—381 стр.). — Отрывки изъ «Книги краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехистическихъ» Сим. Полоцкаго (382—388 стр.).	
Приложенія ко второй главѣ второй части	389—435
«Слово учительное въ день Преображенія Господня» Кар. Истомина (391—399 стр.). — «Слово первое вденъ Преображенія» Сим. Полоцкаго (400—405 стр.). — «Слово на св. великомученика Никиту» Кар. Истомина (405—409 стр.). — Слово Епифанія Славинецкаго на текстъ: «Ищите же первое царства Божего» (410—414 стр.). — Отрывокъ изъ слова Кар. Истомина о раскольникахъ (414—416). «На ереси» (417—418). — Предисловіе въ книжицу (418—419 стр.). — Изъ книги «Едемъ» (419—422 стр.). — Запись Кар. Истомина о книгахъ (423 стр.). — Предисловіе къ книгѣ «Екклесія» (424—425 стр.). — Изъ «Книги вразумленія» (425—427 стр.). — Стихи царевнѣ Софіи (427—435 стр.).	
Приложенія къ третьей главѣ второй части	438—465
Изъ Малой Грамматики Кар. Истомина (439—449 стр.). — Изъ грамматики М. Смотрицкаго (449—459 стр.). — Отрывокъ изъ этимоло-	

логіи Кар. Истомина (459—460 стр.). — Отрывокъ изъ синтаксиса Кар. Истомина (460—464 стр.).—Изъ книги «Полисъ» (464—465 стр.).

Приложенія къ пятой главѣ второй части	467—481
Орація при поднесеніи царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ книги блаженнаго Августина «Боговидная любовь» (469—478). — Предисловіе (478—479). — Глава первая. — Глава двадцать девятая. Оглавленіе книги (479—481 стр.).	
Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ сочиненіи	483—493

Въ XVII столѣтіи, столь замѣчательномъ въ государственной и церковной жизни Россіи, среди передовыхъ людей образовалось нѣсколько партій, которыми исчерпывались всѣ высшіе умственные и нравственные интересы времени. Двѣ изъ этихъ партій рѣзко выдвинулись во время споровъ по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи, и каждая изъ нихъ имѣла видныхъ представителей въ средѣ тогдашнихъ дѣятелей на поприщѣ литературы. Одинъ изъ писателей XVII вѣка іеродиаконъ Дамаскинъ въ своемъ сочиненіи «Сто пять отвѣтовъ» даетъ такія названія этимъ партіямъ. Одну онъ называетъ «*Латинская часть*», латинники, «*западная часть*», западники, инославные; другую же— *восточная часть*, восточники, православные. Обѣ эти партіи такъ рѣзко обозначались во второй половинѣ XVII столѣтія, что даютъ возможность сдѣлать общую характеристику людей той и другой. «*Восточникъ*» представлялъ типъ истинно русскаго человѣка, неспорченнаго схоластическою наукою, хотя для своего времени очень образованнаго, честнаго, неподкупнаго, съ прямымъ, здравымъ смысломъ, непритворно смиреннаго и благочестиваго, по неустрашимаго борца за свою вѣру (Евѳимій, Дамаскинъ). «*Западникъ*» же являлся человѣкомъ, окуреннымъ западною іезуитскою ученостію, хитрымъ, пронырливымъ тщеславнымъ, способнымъ къ лести, интригѣ, ищущимъ только своихъ выгодъ и преимуществъ. (С. Полоцкій, С. Медвѣдевъ). Но указанными двумя партіями не исчерпываются всѣ умственныя теченія, которыя господствовали въ Московской Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Со временемъ выдѣлилась еще одна партія, представители которой по воззрѣніямъ своимъ занимали средину между «западниками» и «восточниками». Эту партію тотъ же іеродиаконъ Дамаскинъ окрестилъ оригинальнымъ и мѣткимъ названіемъ «*пестрые*», которое мы и приняли для характеристики одного изъ трудолюбивыхъ и довольно

интересныхъ писателей второй половины XVII и начала XVIII вѣка — Каріона Истомина-Заулонскаго¹⁾.

Мы посвятили нѣсколько лѣтъ изученію жизни и сочиненій этого писателя, будучи глубоко убѣждены, что знакомство съ писателями XVII вѣка, которыхъ можно назвать пестрыми, представляетъ не меньше интереса и цѣнности, чѣмъ знакомство съ писателями-западниками (С. Полоцкимъ и Медвѣдевымъ) и восточниками (Е. Славинецкій и чудовскій пнокъ Евоимій). Мало того. Сочиненія Каріона Истомина-Заулонскаго заслуживаютъ вниманія и потому, что онъ является сторонникомъ просвѣщенія и самыхъ горячихъ и искреннихъ стремленій къ нему, слѣдовательно посятелемъ преобладающей идеи времени, которая настоятельно заявила о себѣ съ начала XVII столѣтія и постепенно крѣпла въ сознаніи лучшихъ людей до конца этого вѣка, когда появился великій преобразователь Россіи Петръ I-й. По его сочиненіямъ можно до нѣкоторой степени слѣдить постепенный ростъ идеи о необходимости просвѣщенія до яснаго ея выраженія въ просвѣтительной дѣятельности Великаго Монарха. Такъ что дѣятельность Каріона Истомина въ высшей степени интересна, какъ звено, связующее до-Петровскую Русь съ Русью послѣ Петровской.

Правда, на основаніи незначительности списковъ сочиненій Каріона нельзя утверждать, что его сочиненія производили на грамотныхъ современниковъ сильное образовательное вліяніе; все же, на основаніи существованія списковъ, можно положительно утверждать, что сочиненія нашего писателя читались, и проводимыя въ нихъ идеи не оставались безъ нѣкотораго вліянія на читателей, воодушевляя и побуждая ихъ къ просвѣщенію и убѣждая въ настоятельной необходимости «свободной науки». Кроме того, у него есть сочиненія, которыя, помимо интереса для современниковъ, имѣютъ важное значеніе для послѣдующаго времени: разумѣемъ чисто историческіе труды Каріона.

Что мы не преувеличиваемъ значеніе литературной дѣятельности избраннаго писателя, доказательство тому — ученые библиографы, давно уже обратившіе вниманіе на сочиненія Каріона Истомина.

Свое изслѣдованіе мы раздѣлили на двѣ тѣсно между собою связанныя части: первая заключаетъ очеркъ жизни и дѣятельности Каріона Ис-

---

1) Намъ кажется, что терминологія іеродіакона Дамаскина для обозначенія партій, образовавшихся въ XVII столѣтіи, должна быть принята наукою. Говоримъ такъ въ виду заявленія г. Шляпкина, который въ своей диссертации «Св. Димитрій Ростовскій и его время» (Спб., 1891 г., стр. 111, примѣч. 3) говоритъ: «отвсительно терминологіи нѣтъ ничего строго установленнаго. Наболѣе точными терминами будутъ наименованія партій старомосковской и малорусской. Первую называютъ также великорусской или греческой, консервативной, вторую латинствующей, прогрессивной».

томина-Заулонскаго, вторая—разборъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Въ виду того, что свѣдѣнія о сочиненіяхъ Каріона Истомина-Заулонскаго, сообщенныя нашими предшественниками, не всегда точны и вѣрны, мы въ заключеніе введенія (обзора литературы предмета) представили въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сочиненій, принадлежащихъ его перу. Въ основу этого перечня мы положили указанія сборниковъ съ бѣловыми и черновыми списками сочиненій Каріона, хранящихся въ бібліотекѣ Чудова монастыря (№№ 291, 300, 301, 302). Такъ какъ объ этихъ рукописяхъ имѣются лишь самыя краткія свѣдѣнія, сообщенныя г. Петровымъ въ статьѣ «Книгохранилище Чудова монастыря» (Памят. древ. письменности, 1879 г., IV), между тѣмъ, какъ въ нихъ заключается много весьма интересныхъ мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ историческихъ документовъ, то мы рѣшились въ видѣ приложенія къ I-й части изслѣдованія присоединить подробное описаніе этихъ рукописей.

Кромѣ рукописей Чудова монастыря, какъ видно будетъ изъ содержанія сочиненія, мнѣ приходилось заниматься и въ другихъ хранилищахъ рукописей Московскихъ и Петербургскихъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю здѣсь имена тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали успѣшному ходу моихъ занятій. Поставленный въ весьма неблагопріятныя условія для научной работы, я особенно цѣню вниманіе лицъ, оказавшихъ мнѣ помощь совѣтомъ, пособіемъ или указаніемъ. По этому считаю пріятнѣйшимъ долгомъ поблагодарить: высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго (теперь Кіевскаго) Иоанникія, академикомъ Л. Н. Майкова и А. А. Купика, профессоромъ А. И. Соболевскаго, М. И. Соколова, Е. В. Пѣтухова, М. Н. Бережкова, Г. Д. Филимонова, архимандрита Леонида, С. А. Бѣлокурова и М. И. Семевакаго. Особою благодарностью обязанъ профессору С.-Петербургской духовной академіи П. О. Николаевскому, который съ теплымъ участіемъ и со словомъ ободренія къ дальнѣйшимъ занятіямъ надъ изученіемъ сочиненій Каріона Истомина-Заулонскаго отнесся (въ частномъ письмѣ) къ моимъ весьма несовершеннымъ статьямъ объ этомъ писателѣ, появившимся въ 1889 г. на страницахъ «Чтеній въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія». Его совѣтамъ и указаніямъ, главнымъ образомъ, обязано настоящее изслѣдованіе лучшими своими сторонами.

ВВЕДЕНІЕ.

Литература предмета въ хронологическомъ порядкѣ.

Приступая къ обзору литературы предмета, замѣтимъ, что въ печати нѣтъ ни одной статьи, всецѣло посвященной очерку жизни и сочиненій Каріона Истомина-Заулонскаго, такъ что наши статьи о немъ на страницахъ «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» были первымъ шагомъ дать сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ писателѣ. Чтобы видѣть, что сдѣлано до сего времени по части изученія жизни и сочиненій его, перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ все написанное о немъ въ сочиненіяхъ нашихъ предшественниковъ. Начнемъ обзоръ литературы предмета съ XIX столѣтія, такъ какъ только съ этого времени появляются печатныя замѣтки и извѣстія о Каріонѣ и его сочиненіяхъ.

Первымъ по времени предшественникомъ, упоминавшимъ объ Истоминѣ, надо считать *Сопикова*. Онъ подъ № 168 своего «Опыта россійской библіографіи» (Спб., 1813 г., ч. I, стр. 56) приводитъ полное заглавіе «Букваря» Каріона Истомина, какое онъ носитъ въ Московскомъ изданіи 1694 года; подъ № 169 названо второе изданіе того же «Букваря». О «Букварѣ» сказано: «Вся сія книга напечатана гравированными мѣдными досками, и каждая начальная буква изображена въ человѣческой фигурѣ». Такимъ образомъ, Сопиковъ указываетъ на одно изъ многочисленныхъ произведеній Каріона, именно на «Букварь», изданный Бунинымъ въ Москвѣ въ 1694 г. Что касается описанія «Букваря», то оно сдѣлано неполно: не упомянуто о стихахъ нравоучительныхъ, сочиненныхъ Каріономъ къ фигурамъ или «видообразнымъ видамъ метафорично сирѣчь преносно».

Подъ № 169 онъ называетъ второе изданіе Букваря въ томъ же 1694 году. Несомнѣнно, о томъ же букварѣ Каріона Истомина ведетъ рѣчь и В. Берхъ въ статьѣ своей: «Букварь Каріона Истомина 1691-го года», напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ (1822 г., № 19, ч. IV, I Археологія, стр. 3—27). Статью свою авторъ посвятилъ Александру Семеновичу Шишкову и приложилъ къ ней снимокъ-факсимиле съ буквы Ж. Предварительно авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о составителяхъ букварей до Каріона Истомина. Приводимъ эти свѣдѣнія, потому что по поводу ихъ необходимо сдѣлать оговорку. «Въ 1643 году»—пишетъ В. Берхъ—«завелъ въ Москвѣ іеромонахъ Арсеній Греко-Латинско-Славянскую школу, и ввелъ въ употребленіе другія благообразнѣйшія буквы, которыя донынѣ именуется, въ Московской Синодальной Типографіи, Арсеньевскою азбукою. Вѣроятно, изданъ былъ тогда Арсеніемъ и новый букварь. Мудрый Филаретъ, патріархъ Московскій, содѣйствовалъ дяку своему Василю Бурцову при изданіи букваря въ 1637 году. Букварь сей, какъ извѣстно, былъ трижды перепечатанъ: въ 1657, 1664 и 1696 годахъ. Вотъ оглавленіе онаго: «Букварь языка Словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію Божественныхъ Писаній, съ молитвами, десятословіемъ Монсеевымъ и со изложеніемъ краткихъ вопросовъ о вѣрѣ»... (стр. 3—4).

Въ приведенныхъ словахъ остается истиннымъ то, что существуетъ такъ называемая *арсеньевская азбука* и что Василій Бурцовъ издавалъ азбуку не только въ 1637 году, но и раньше въ 1634. Что же касается школы, основанной Арсеніемъ въ Москвѣ, и изданнаго имъ букваря, то ихъ надо отнести къ области вымысловъ. Теперь основательно доказано, что никакой греко-латинской школы Арсенія не было въ Москвѣ. (См. подробно объ этомъ въ ст. г. Вѣлюкурова: «Адамъ Олеарій о греколатинской школѣ Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII в.).

Далѣе въ статьѣ Берха рѣчь идетъ о букварѣ Каріона Истомина: «Во время путешествія моего по Соликамскому уѣзду, попался мнѣ нечаянно букварь Каріона Истомина... Заглавный листъ и часть предисловія (стр. 5) букваря сего утрачены, осталось только слѣдующее: «Ини же яко т и ъ, не начинаютъ вещи названія, по припрегаются къ другимъ письменамъ»... Бывшій въ рукахъ Берха букварь кончался буквою Ѡ. «Сею буквою—говоритъ онъ (*ibid.* стр. 25)—оканчивается азбука почтеннаго іеромонаха Каріона Истомина. Читателю предоставляется судить о достоинствѣ труда его; и ежели онъ возметъ въ соображеніе время и тогдашній языкъ, то вѣроятно не лишитъ его должной справедливости». Изъ этихъ словъ видно, что Берхъ не входитъ въ подробный разборъ достоинствъ Каріонова букваря. Онъ въ своей статьѣ задался мыслью описать по возможности подробно тотъ экземпляръ Каріонова букваря, который попалъ ему въ руки.

Хотя онъ сдѣлалъ слишкомъ общую оцѣнку букваря, однако нѣкоторыя его замѣчанія не лишены интереса и важности при оцѣнкѣ Каріонова букваря. Таково, напримѣръ, слѣдующее примѣчаніе: «Весьма примѣчательно, что на всѣхъ гравированныхъ листахъ сей азбуки находятся также и латинскія буквы по Польскому произношенію. При буквахъ В, Ч, Ш, Щ, З и Ж, произношеніе оныхъ изъясняется Польскимъ правописаніемъ wu, cz, sz, scz, zet, zet и пр.».

Изъ статьи Берха видно, что онъ имѣлъ въ рукахъ букварь Каріона Истомина, издаанный въ Москвѣ въ 1694 году. Имъ указанъ въ заглавіи статьи 1691 годъ; каковой годъ надо считать временемъ написанія букваря. Этотъ годъ онъ могъ прочесть въ концѣ предисловія, передъ самою азбукою, гдѣ читаемъ: «мірозданія зрѣѣ лѣта. Ѡ воплощенія же Бѣга Слова ахчв. [вм. ахча, какъ правильно прочталь г. Берхъ] мѣа марта в'царствующемъ градѣ Москвѣ». Года же изданія букваря въ Москвѣ Берхъ прочесть не могъ въ томъ экземплярѣ Каріонова букваря, который былъ у него въ рукахъ. У него былъ въ рукахъ неполный экземпляръ Каріонова букваря; въ полныхъ же экземплярахъ за молитвенными стихотвореніями находится такая надпись: «Сій букварь счини Іеромонахъ Каріонъ, а знамениль и рѣзалъ Леонтій Бунинъ. зѣв?» (=1694 г.).

Болѣе полныя свѣдѣнія не только о «Букварѣ», но и о другихъ сочиненіяхъ Каріона, равно какъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о писателѣ сообщаетъ митр. *Евгеній*. (Словарь историческій о бывш. въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Изд. 2-ое, Спб., 1827 г., т. I, 318—320 стр.). Ему извѣстны слѣд. біографическія данныя: К. Истоминъ былъ іеромонахомъ Московскаго Чудова монастыря и справщикомъ Московской типографіи; обучался въ Московской Академіи у грековъ Лхудовъ. Когда при домѣ Іова, митр. Новгородскаго, Лихуды завели греко-славяно-латинскія училища, то въ 1712 г. Каріонъ былъ вызванъ въ Новгородъ, для перевода книгъ съ греческаго языка; тутъ онъ пробылъ почти годъ, а затѣмъ возвратился въ Москву и скончался въ Чудовѣ монастырѣ. Изъ сочиненій Каріоновыхъ называются: 1) «*Букварь* въ лицахъ», составленный въ 1692 году и напечатанный въ Москвѣ въ 1695 году Леонтіемъ Бунинымъ. О большихъ буквахъ «Букваря», представленныхъ «изображеніями человѣческими и другихъ животныхъ, или какихъ орудій въ разныхъ положеніяхъ, дабы по именамъ спхъ вещей была начальная буква ихъ въ азбукѣ», замѣчено, что «такія заглавныя буквы заимствовалъ онъ изъ древнихъ словенскихъ рукописей». Послѣ заглавныхъ буквъ онъ присовокупилъ почерки и строчныхъ уставныхъ и скорописныхъ, а потомъ греческихъ и польскихъ. Подъ каждою таковою картинною вышзу помѣстилъ онъ нравоучительные стихи, сочиненные по силлабической поэзій. 2) *Книга*

привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ 1681 года, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ. 3) *Поэма на бракъ* государя царя Петра Алексѣевича съ Евдокією Оедоровною 1689 года, хранящаяся въ Новгородской Софійской библіотекѣ. 4) *Имя новос*—книга, сочиненная въ 1686 году и находящаяся въ Московской Патріаршей библіотекѣ. Кромѣ того, указывается, что Голиковъ въ Дѣяніяхъ Петра Великаго (дополненія, т. III, 46 стр.) ссылается еще на одно сочиненіе Каріона, именно на его лѣтписи. Всѣ указанныя митр. Евгеніемъ сочиненія несомнѣнно принадлежатъ Каріону. Но годы нѣкоторыхъ сочиненій указаны имъ невѣрно. Книгу привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ онъ относитъ къ 1681 году. Тутъ разумѣются несомнѣнно тѣ стихи, съ которыми обратился Каріонъ къ царевнѣ Софіи 12 ноября 1682 года (7191 г.), прося завести свободную и совершенную науку. Слѣдовательно, книга эта написана не въ 1681 г., а въ ноябрѣ 1682 года. Не вѣрнымъ также надо считать указаніе на 1695 годъ, какъ годъ изданія въ Москвѣ Бунинымъ «Букваря» Каріонова. Букварь былъ изданъ въ 1694 году и при томъ два раза (см. выше Сопикова «Опытъ»). Хотя митр. Евгеній даетъ больше свѣдѣній о дѣятельности Каріона, сравнительно съ Сопиковымъ и Берхомъ, все-таки надо считать эти свѣдѣнія весьма незначительными; онъ не знаетъ ни одной его проповѣди, не говоря уже о другихъ весьма важныхъ сочиненіяхъ Каріона, заключающихся въ Сборникахъ Чудова книгохранилища.

Смирдинъ (Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина, Спб., 1828 г., ч. IV) называетъ два сочиненія Каріона Истомина Букварь (№ 5564) и Азбуку (№ 5565), изданную въ типографіи Греча въ Спб-гѣ. Если представляютъ какой интересъ свѣдѣнія Смирдина, то онъ заключается въ обозначеніи года изданія Букваря *М. 1692 г.*, и цѣны 40 рублей, азбука—3 рубля.

Не разъ касался нашего писателя въ различныхъ своихъ трудахъ *II. Строевъ*. Соберемъ здѣсь все, что сказано имъ о К. Истоминѣ. Въ «Обстоятельномъ описаніи старопечатныхъ книгъ славянскихъ и російскихъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Оеод. Андр. Толстова» (Москва 1829 г. стр. 365—367) подъ № 181 называетъ онъ то же самое изданіе «Букваря» Каріонова, что и Сопиковъ, только указываетъ подробное заглавіе Букваря, время написанія и количество силлабическихъ стиховъ (412). Въ статьѣ своей: «Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII ст.», помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Пров. (1834 г. февраль § 250), онъ говоритъ: «Каріона Истомина, Монаха, извѣстны: Имя новое (1686 г.), Слово объ икогѣ Богоматери Смоленской, Слово объ иконахъ Оковецкихъ и проч.»... Въ книгѣ «Рукописи славянскія и російскія, принадлежащія... И. Н. Царскому» (М. 1848 г.,

стр. 8—9, 312) подъ № 24 оны описываетъ подлинникъ «Букваря» Каріонова, поднесеннаго 14 октября 1893 года царицѣ Паросковіи Ѳеодоровнѣ. Это списокъ съ Букваря, поднесеннаго въ 1692 году царицѣ Наталіи Кириловнѣ и написаннаго для ея внука царевича Алексѣя Петровича. О видѣ Букваря авторъ замѣчаетъ, что оныъ прекрасно написанъ съ красками и золотомъ. Для біографіи Каріона изъ посвященія царицѣ Наталіи Кириловнѣ, приведеннаго не вполне, извлекается, что Истоминъ былъ «іеромонахъ и царскія типографіи справщикъ». Подъ № 303-мъ той же книги приводится заглавіе другого сочиненія К. Истомина: «Книга любви знакъ въ честенъ бракъ», написаннаго въ 1689 году. Такъ называется стихотворное привѣтствіе Петру Великому, при вступленіи его въ бракъ съ Евдокіей Ѳеодоровною Лопухиною. Всѣхъ силлабическихъ двустийшій — 153. О рукописи замѣчено, что она замѣчательна по каллиграфіи: «изображеніе новобрачной четы, картинки и фигурныя съ золотомъ буквы нарисованы очень искусно, переплетъ изъ шелковой матеріи». Наконецъ въ изданной послѣ смерти Строева г. Бычковымъ книгѣ его: «Библиологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева» (Сиб. 1882 г., стр. 163—165) находимъ новыя и весьма интересныя свѣдѣнія о сочиненіяхъ Кар. Истомина. Кромѣ напечатаннаго въ Москвѣ въ 1694 г. Букваря и написанной на бракъ ц. Петра Алексѣевича «Книги любви знакъ» 30 января 1689 г., здѣсь называются еще слѣдующія сочиненія Каріона: 1) Въ рукописи бібліотеки Пафнутаева Боровскаго монастыря № 36 (въ 4 д. л. нач. XVIII в.) на л. 103—129 помѣщено сочиненіе Истомина: «Слово о иконѣ Чудотворной Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи, зовемыя Смоленскія, яке въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ обитаніи монахиней пребываетъ». Слѣдующія за тѣмъ статьи—на л. 129—138: «Извѣстіе о построеніи Новодѣвичьяго монастыря» и на л. 138—144: «Чудеса отъ иконы Смоленской Божіей матери, быти можетъ, принадлежатъ также ему. 2) Въ бібліотекѣ Флорищевой пустыни въ рукописи подъ № 213 заключается «Служба Ипатію чудотворцу, гагрскому епископу». Въ концѣ «Службы» читаемъ: «Благоволеніемъ всетворящыя вѣпы Бога Отца и Сына и Святаго Духа... въ похвалу святаго отца нашего Ипатіа чудотворца, епископа гагрскаго, служба сія вся, какова здѣ обрѣтается, стихиры, канонъ, кондаки и пкосы, счишся и написася ново, всѣмъ боголюбивымъ душамъ въ пользу... въ царствующемъ градѣ Москвѣ, во пречестнѣй и великой обители архангела Микхаила и во святыхъ отца нашего Алексіа, всероссійскаго митрополита и чудотворца, въ монастырѣ Чудовѣ, мірозданія 7215 лѣта, рождества же во плоти Господа Иисуса Христа 1707, въ мѣсяцъ мартѣ. Трудодѣлствова въ сей святѣй обители обиталець худшій іеромонахъ Каріонъ Истоминъ,

смотритель бывшій царствешныя типографіи». 3) Въ библіотекѣ той же пустыни въ рукописи подъ № 150 содержится: «Слово о чудотворныхъ иконахъ, о пречестномъ и животворящемъ крестѣ Господа нашего Бога Иисуса Христа и пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, иже явишася въ предѣлѣ града Ржевы Владимеровы, во Оковецкой волости, на городищѣ Пыршенскомъ». Въ концѣ «Слова» приписка: «Сіе счпшися и написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, во обители святаго архистратига Михаила чюда его, бывшаго въ Хонѣхъ, и великаго іерарха святаго Алексія, митрополита Московскаго и всеа Русіи чудотворца, жителствующимъ въ ней хуждшимъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ, лѣта отъ міроздачія 7226, рождества Иисуса Христова 1717, въ мѣсяцѣ сентемврїи, и же въ типографіи царскаго пресвѣтлаго величества приказный и справщикъ бысть». Здѣсь же названо по рукописи Синодальной Московской библіотеки «Имя Новое».

Что касается біографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ здѣсь, то нужно отмѣтить извѣстіе, что «Каріонъ Истомиинъ былъ посланъ въ началѣ 1685-го года съ новоспаскимъ архимандритомъ Игнатіемъ въ Смоленскъ, для слѣдованія тамошняго владыки Симеона».

Сводя въ одно все сообщенное П. М. Строевымъ о сочиненіяхъ Кар. Истомина, видимъ, что онъ обстоятельно знаетъ слѣдующія его сочиненія: 1) Букварь въ спискѣ 1693 г., предназначенномъ для царицы Прасковіи Ѳеодоровны и изданномъ въ 1694 г. Бупиннымъ въ Москвѣ; 2) Поэму на бракъ царя Петра Алексѣевича (30 января 1689 г.); 3) Имя Новое 1686 года; 4) «Слово объ иконѣ Смоленской Божіей Матери съ Чудесамъ» и «Извѣстіе о построеніи Новодѣвичьяго монастыря»; 5) Службу Ипатію гагрскому (въ мартѣ 1707 г.); 6) Слово объ иконахъ Оковецкихъ (въ сентябрѣ 1717 г.). Мы придаемъ большое значеніе свѣдѣніямъ г. Строева, какъ основаннымъ на ближайшемъ ознакомленіи съ рукописями нашего писателя.

Всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ К. Истомина, насколько можно было провѣрить ихъ по подлиннымъ рукописямъ въ Сборникахъ Чудовской библіотеки (напр., извѣстіе о Новодѣвичьемъ монастырѣ, о Смоленской иконѣ и др.), точны и вѣрны. Предполагаемъ, и о другихъ сочиненіяхъ Каріона, которыхъ мы не нашли въ черновыхъ его бумагахъ (напр. Слово объ иконахъ Оковецкихъ), свѣдѣнія Строева имѣютъ также характеръ точности и вѣрности, слѣдовательно, даютъ возможность изслѣдователю жизни и сочиненій названнаго писателя смѣло опираться на нихъ при своихъ выводахъ. И тѣмъ болѣе надо пожалѣть, что Строеву все-таки была извѣстна лишь незначительная часть сочиненій К. Истомина.

До появленія въ свѣтъ книги г. Строева «Рукописи славянскія и рос-

сійскія, принадлежація... И. Н. Царскому», въ С.-Петербургѣ издана была небольшая брошюра: «Славяно-русскія рукописи. Отдѣленіе первое. Спб. 1839 г. Сахарова». Въ этой книжечкѣ на страницѣ 27, подъ № 45 названы слѣдующія сочиненія «патріарша дьяка Каріона Истомина»: I. «*Служба Донату Чудотворцу*». Въ концѣ службы находится приписка: «Сочини службу сію Іеромонахъ Каріонъ Истомина, лѣта Господня 1704, по прошенію господина боярина Никиты Іоанновича Іакиннова».

II. *Служба Чудотворцу Упатію.*

Въ концѣ службы находится приписка: «Извѣщеніе о сочиненіи службы сея. Благоволеніемъ всетворяція вины Бога Отца, и Сына и Святаго Духа, во славу его Божественную, въ честь же преблагословенныя Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи, и въ похвалу святаго отца нашего Упатія чудотворца Епископа Гагрскаго, служба сія вся, какова здѣ обрѣтается, стихеры, канонъ, кондаки и ікосы-счписи и написася ново (стр. 28) всѣмъ благолюбивымъ душамъ въ пользу, иже хотятъ творити плодъ добродѣтелей прождати духъ спасенія своего, стоющій (?) въ жизнь вѣчнаго и всерадостнаго блаженства, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, во пречестнѣй и великой обители архангела Михаила и во святыхъ отца нашего Алексія Всероссійскаго митрополита и чудотворца, въ монастырѣ Чудовѣ, міроздація 7213 лѣто (?), Рождества же во плоти Господа Іисуса Христа 1705 г. въ мѣсяцѣ Мартѣ, трудодѣлствовалъ сей святой обители обиталець худшей іеромонахъ Каріонъ Истомина, смотритель бывшій царственныя типографіи».

III. *Служба Даніилу Московскому чудотворцу, иже бѣ съ Москвы великій князь.*

Въ концѣ службы находится приписка: «Службу сію сотвори ново худшій іеромонахъ Каріонъ Истомина во градѣ Москвѣ въ монастырѣ Чуда архангеловъ, приказный и оправщикъ (?)¹⁾ печатнаго книжнаго двора—1711 лѣта. По прошенію господина пречестнаго игумена Макарія обители тоя Давыловскаго монастыря, да честнаго старца господина Каріона Борина, иже бѣ діакъ Государевъ».

«Кромѣ сего, при службѣ Доната находится выписка—изъ *Великія минеи четьи*, при службѣ Упатія—*молтва Упатію*, при службѣ Даніила—*повѣсть о Великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ Московскомъ.*

IV. *Письма Каріона Истомина:*

1. Къ Варлааму митрополиту Кіевскому.
2. Къ Никону игумену Тр.-Сергіев. монастыря.
3. Къ князю Борису Іваловичу (Лыкову?).

1) Плохо прочитано; должно быть «исправщикъ».

Такъ какъ приведенныя свѣдѣнія взяты изъ рукописей Сахарова (хранящихся нынѣ въ библіотекѣ гр. Уварова, въ Порѣчьи, близъ Москвы), то о важности ихъ распространяться нечего. Особенно важно указаніе на сочиненіе Каріономъ Истоминымъ службы Донату, потому что никто изъ писавшихъ о Каріонѣ, кромѣ архимандрита Леонида и г. Шляпкина, не называетъ этого сочиненія. Можно лишь пожалѣть о томъ, что издатель брошюры плохо читалъ рукописи и невѣрно прочиталъ многіе годы написанія сочиненій. Ниже, при разсмотрѣннн сообщеннаго о Каріонѣ Истоминѣ архимандритомъ Леонидомъ, мы укажемъ промахи, допущенные въ брошюрѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Смѣловскій въ ст.: «Братья лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школь» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1845 г. № 3, стр. 74, Отд. V) въ числѣ учениковъ Лихудовъ называетъ и Каріона Истомина, говоря о немъ: «Каріонъ Истомина, Иеромонахъ Московскаго Чудова монастыря, также обучался у Лихудовъ въ Академіи, и былъ Справщикомъ при М. Духовной типографіи. Онъ составилъ (1692 г.) *Букварь* въ лицахъ, съ изображеніями людей и животныхъ. Заглавныя буквы заимствованы изъ древнихъ Славянскихъ рукописей, въ которыхъ онѣ часто встрѣчаются. Послѣ заглавныхъ буквъ присовокупилъ почерки и строчныхъ уставныхъ и скорописныхъ, и потомъ Греческихъ и Польскихъ. Подъ каждою картинкою помѣстилъ правоучительные стихи, сочиненные силлабическимъ размѣромъ. Кромѣ того, Каріонъ сочинилъ: 1) *Цѣлую книгу пророческихъ стиховъ Царевны Софїи Алексіевны* въ 1681 г. Эта книга, въ рукописи хранится въ Библіотекѣ Академіи наукъ, 2) *Поэму на бракъ Государя Царя Петра Алексіевича съ Евдокією Теодоровной* (1689); рукопись поэмы находится въ Новгородской Софійской Библіотекѣ; 3) *Имя новое* (1686), хранящееся, между рукописями, въ Московской Патриаршей Библіотекѣ. Голиковъ, въ Дѣяніяхъ Петра В. (Допол. том. III, стр. 46) ссылается еще на *Лѣтопись* его [Истор. слов. т. I, стр. 320—322].

«Въ 1712 г., когда заведены были въ Новѣгородѣ Славяно-Греко-Латинскія училища, Каріонъ вызванъ былъ туда для перевода книгъ съ Греческаго языка, и находился тамъ около года; потомъ онъ возвратился въ Москву и скончался въ Чудовѣ монастырѣ». Какъ видимъ, сказанное г. Смѣловскимъ о Кар. Истоминѣ, въ сущности, не даетъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что даетъ Историческій словарь митр. Евгенія.

Архіепископъ Филаретъ въ двухъ своихъ трудахъ говоритъ о Каріонѣ и его сочиненіяхъ. Въ «Исторіи Русской церкви» (т. IV, стр. 116—119, примѣч. 203, Рига 1847 г.), перечисляя учениковъ Лихудовъ, онъ называетъ и Каріона Истомина, говоря: «...Чудовскій внокъ, слушавшій Лихудовъ, составилъ букварь, лѣтопись, поученія, письма (въ библіо-

текъ Чудова монастыря), привѣтственныя стихи Софїи, слово о иконѣ Богоматери, слово объ оковецкихъ иконахъ, имя новое, службу чудотворцу Ипатію, службу князю Данїилу, московскому чудотворцу (первую въ 1704 г., а вторую въ 1711 г.). Болѣе полныя свѣдѣнія о Каріонѣ и его сочиненіяхъ находятся въ позднѣйшемъ трудѣ архіеп. *Филарета*. Въ «Обзорѣ русской духовной литературы». (Учен. Зап. Вт. Отд. Импер. Ак. Н., кн. III, стр. 262—263, 1856 г.), сообщая біографическія свѣдѣнія о нашемъ писателѣ, онъ говоритъ: «ученикъ Академіи, но еще прежде того писавшій стихи, іеромонахъ Чудова монастыря, справщикъ книгъ, дѣлопроизводитель при патр. Адріанѣ, въ 1712 году учитель въ Новгородскомъ училищѣ, † 1713 г.». Сочиненія Каріона онъ раздѣляетъ на три отдѣла: а) учебныя, б) ораторскія и поэтическія и в) переводы. Въ числѣ первыхъ называетъ: 1) Букварь, поднесенный царицѣ Наталіи Кирилловнѣ для царевича Алексѣя Петровича (Царскаго № 27), изд. въ М. 1695 г. (Замѣчанія о немъ въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г., ч. IV, № 19, а не 11, какъ говорятъ архіеп. Филаретъ, стр. 1—27.); 2) Эдемъ, посвященный царевичу Алексѣю; 3) Экклесію—ему же; 4) Наконецъ Ариметіку, написанную въ Москвѣ въ 1700 г. Последняя имѣетъ предисловіе, стихи къ читателю и латинскія названія арифметическимъ дѣйствіямъ. Она приготовлена была къ печати (Черткова библ. II, 450.). Въ числѣ ораторскихъ и поэтическихъ названы: 1) Слово о Смоленской иконѣ Богоматери; 2) Слово объ иконахъ Оковецкихъ; 3) Привѣтствіе царю Петру при вступленіи его въ бракъ 1689 г. (Цар. № 303.); 4) Имя новое 1686 г. (Синд. библ.); 5) Стихи царевнѣ Софїи 1681 г. (напеч. въ Исторіи Моск. дух. акад. М. 1855 г., 396—400 стр.), 6) разныя поученія и письма, въ томъ числѣ и письма, писанныя отъ имени патр. Адріана (Чудов. мон. № 223.); 7) Служба чудотворцу Ипатію, написанная въ 1704 г. по прошенію господина боярина Никиты Іоанновича «Іакиноова»; 8) Акаоистъ Богородицѣ, посвященный царицѣ Прасковѣ Ѳеодоровнѣ, 9) Служба блаженному князю Данїилу: «сотвори наихудшій іерей Каріонъ Истоминъ, справщикъ печатнаго книжнаго двора, 1711 г., по прошенію игумена Макарія Даниловскаго монастыря». (Слав.-рус. рукоп. Черткова). Изъ переводовъ называются—блаж. Августина о любви и Юлія Фронтіна о войнѣ (въ арх. Мнн. ин. дѣль).

Такимъ образомъ, архіеп. Филаретъ значительно дополняетъ свѣдѣнія о Кар. Истоминѣ и его сочиненіяхъ, находившіяся въ трудахъ его предшественниковъ. Онъ называетъ такія сочиненія Каріона, какъ Эдемъ, Экклесія (Веселекъ ему неизвѣстенъ), о которыхъ до него зналъ только г. Смирновъ. Въ виду ссылки архіеп. Филарета на книгу послѣдняго по поводу привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софїи Алексѣевнѣ не остается сомнѣнія

въ томъ, что онъ пользовался «Исторіей Москов. Славяно-греко-латинской Академіи», появившейся въ свѣтъ годомъ раньше «Обзора р. дух. лит.» Отсюда сходство свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Смирновымъ и архіеп. Филаретомъ. Чтобы не быть голословными, приводимъ здѣсь то, что сообщаютъ о Каріонѣ г. Смирновъ (См. Исторія Моск. Сл.-гр.-лат. акад. М. 1855 г., стр. 16, 75—76). Изъ біографіи нашего писателя г. Смирновъ знаетъ, что онъ—«еромонахъ Чудова монастыря, еще до изученія шитики—стихотворецъ, потомъ ученикъ Академіи, наконецъ справщикъ при типографіи. Онъ любилъ преимущественно заниматься стихотворствомъ. Въ 1712 году онъ вызванъ былъ митр. Іовомъ въ Новгородъ и тамъ около года занимался переводами книгъ съ греческаго языка; возвратившись въ Москву, скоро скончался въ Чудовѣ монастырѣ». Изъ сочиненій Каріона называетъ: 1) Цѣлую книгу привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ 1681 г.; 2) Поэму на бракъ Петра съ Евдокією Θεодоровною 1689 г.; 3) Букварь, хранящійся въ Главн. Архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ; 4) Имя новое 1686 года; 5) Едемъ, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу; 6) Екклесію или Церковь, посвященную ему же; 7) Акапистъ Богородицѣ, посвященный царицѣ Парасковіи Θεодоровнѣ; 8) Веселеилъ. Кромѣ того, упоминается переводъ сочиненія Юлія Фронтіна «О случаяхъ военныхъ» 1692 г. (хранится въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ) и указывается, что Каріонъ занимался составленіемъ Лѣтописи (ссылка на Словарь митр. Евгенія 1849 г., стр. 46). Наконецъ, г. Смирновъ сообщаетъ, что Каріонъ Истоминъ, по усмиреніи мятежа, въ 1682 году возобновилъ заботы объ образованіи, поднесши царевнѣ Софіи стихотворную просьбу. «... Въ ней (замѣчаетъ г. Смирновъ) онъ изображаетъ высокое значеніе мудрости, восхваляетъ умъ Софіи, напоминаетъ ей о заботахъ отца и брата образованіи своихъ подданныхъ и проситъ, чтобы она умолила братьевъ своихъ Іоанна и Петра утвердить въ Москвѣ полный курсъ образованія». Въ приложеніяхъ къ своему сочиненію подъ № 1-мъ г. Смирновъ напечаталъ отрывокъ изъ этой стихотворной просьбы Каріона.

Архіеп. Филаретъ, пользуясь книгою г. Смирнова¹⁾, значительно дополняетъ свѣдѣнія о Каріонѣ, сообщенныя въ Исторіи Московской Славяно-греко-латинской Академіи. Онъ называетъ и такія сочиненія К. Истомина, на которыя нѣтъ никакого указанія въ черновыхъ бумагахъ послѣдняго, напримѣръ — Службу Чудотворцу Ипатію 1704 г. и Службу блаженному князю Даніилу 1711 года. Можно сказать, что архіеп. Филаретъ знаетъ почти всѣ сочиненія Каріона (исключая Полиса, Грамматики

1) Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что арх. Филаретъ и Смирновъ могли почерпнуть указаніе на нѣкоторыя сочиненія К. Истомина въ кн. «Св. Димитрій Ростовскій», М. 1849, 41 стр., примѣч. 10.

Малой и др.); по свѣдѣніи его, какъ и свѣдѣніи г. Смирнова, слишкомъ неопредѣленны; они не указываютъ даже годовъ написанія Едема, Екклесіи и др. сочиненій, между тѣмъ какъ въ Сборникахъ Чудовской бібліотеки эти годы указаны авторомъ. Невѣрно указанъ архіеп. Филаретомъ и годъ изданія Букваря: вмѣсто 1695 года надо, очевидно, разумѣть 1696 годъ; равно и годъ сочиненія службы Ипатію 1704-й вм. 1707. *Θ. И. Буслаевъ* (Историческая хрестоматія ц.-сл. и др. русскаго языковъ. М. 1861 г., стр. 1299—1302) перепечаталъ отрывокъ изъ стихотворной просьбы Каріона къ царевнѣ Софіи, напечатанной въ книгѣ г. Смирнова. Кроме того, изъ Букваря по московскому изданію 1694 г. онъ напечаталъ «Стихотворное вступленіе» и «Стихи подъ буквою К». Изъ примѣчаній автора Хрестоматіи отмѣтимъ: 1) «Замѣчательно, что еще задолго до Ломоносова просвѣщеніе было любимою темою поэтовъ-грамматистовъ XVII в.». 2) Безсмыслица второй статьи изъ Букваря, объясняется именно тѣмъ, что стихи эти стоятъ подъ буквою К, какъ и подъ прочими буквами помѣщены подобные же... Такимъ образомъ, *Θ. И. Буслаевъ* взятое у другихъ снабдилъ только краткими и не совсѣмъ справедливыми (второе) примѣчаніями, просмотрѣвъ замѣчательную со стороны К. Истомина попытку облегчить дѣтямъ усвоеніе азбуки, изъ-за которой почти всѣ они подвергались наказанію «розгами мучительскимъ».

Каратаевъ въ «Хронологической росписи славянскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами 1491—1730 г.» (Спб. 1861 г., стр. 139) подъ № 1083 называетъ «Букварь языка Славенска», напечатанный въ Москвѣ въ іюнѣ 1696 г., in 4°. Судя по ссылкѣ на Сѣверный Архивъ 1822 г., ч. IV, разумѣть надо Букварь Каріона Истомина, изд. въ 1694 г.

Горскій и Невоструевъ (Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки, Отд. II, 3, стр. 290—293, Москва 1862 г.) подъ № 265 описываютъ рукопись сочиненія Каріона «Имя новое» 1686 г. (по катал. Саввы рукопись знач. подъ № 471). Они приводятъ полное заглавіе сочиненія, находящееся среди рамокъ, подъ красивою заставкою, и часть посвященія книги патриарху Іоакиму на новое лѣто. О главѣ сочиненія, посвящей названіе: «О словѣ сирѣчь новаго имени о Авраамовѣ, еже то сѣмене», замѣчаютъ, что «какъ надписаніе, такъ и изложеніе ея не толково». О приложенныхъ къ сочиненію исламахъ, начальные слова которыхъ, по мнѣнію Каріона, образуютъ имена «Исусъ» и «Христосъ», говорится, что многіе изъ нихъ, дѣйствительно, имѣютъ прямое отношеніе къ Иисусу Христу. Въ предисловіи же къ своей книгѣ, на стр. IV, они справедливо называютъ это сочиненіе Каріона *неважнымъ*. Кроме того, они сообщаютъ свѣдѣнія о двухъ словахъ Каріона, находящихся въ рукописи Синодальной бібліотеки № 261. Здѣсь на л. 449 читаемъ слово на т.: «Яко видѣста очи

мои»... Ср. Сборникъ Чудов. библ. № 300, обор. л. 134. На л. 476 той же рукописи Синод. библ. находится слово на т.: «Егда же услышите брани» и пр. ср. Сбор. Чуд. биб. № 300, л. 97. Изъ послѣдняго Сборника приведена приписка о времени написанія проповѣди (Описаніе, II, 3, стр. 263, 265). Такъ какъ г.г. Горскій и Невоструевъ въ своемъ «Описаніи» коснулись только тѣхъ сочиненій К. Истомина, которыя сохранились въ описываемой ими Синодальной библиотекѣ, то, само собою разумѣется, они и не могли дать полного перечня сочиненій нашего писателя.

II. Пекарскій (Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1681 г., т. I, стр. 171 — 174; 210, прим. 2; 268; т. II, стр. 92, примѣч. 1, 144 — 145, 381) сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о многихъ сочиненіяхъ Каріона. Такъ, онъ говоритъ о напечатанномъ въ Москвѣ въ 1696 году «Букварѣ языка славенска хотящимъ дѣтемъ учиться чтенія писаній». О содержаніи Букваря говоритъ: «Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и стихахъ». Кромѣ того, приведены отрывки изъ двухъ стихотвореній Алексѣю Петровичу, изъ которыхъ видно, что «Букварь» предназначался для царевича, и отрывокъ изъ статьи «О ученіи привѣтство», прописныя буквы въ началѣ и потомъ въ срединѣ котораго раскрываются имя автора: «Каріонъ іеромонахъ Истоминъ». Далѣе читаемъ у Пекарскаго: «К. Истоминъ составлялъ и другіе учебники, предназначавшіеся для царевича Алексѣя Петровича: такъ, въ мартѣ 1692 г. онъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ писанный красками и золотомъ «Букварь». Тутъ разумѣется «Букварь», изданный въ Москвѣ въ 1694 году и разобранный въ Сѣвер. Архивѣ (г. Пекарскій дѣлаетъ правильную ссылку на годъ и ч. Сѣв. Архива). О «Букварѣ» этомъ г. Пекарскій замѣчаетъ, что онъ весь состоитъ изъ изображеній, заимствованныхъ, судя по многимъ признакамъ, изъ какихъ-нибудь западныхъ изданій. Называется еще учебникъ, составленный Каріономъ, — это Малая грамматика (хранится въ Имп. эрмптажѣ № 89, полка 3, in f^o, на 50 л.), въ которой изложена орфографія, научающая «естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ», и изображены весьма затѣйливо киноварью всѣ буквы славянскаго алфавита. Этотъ букварь съ грамматическими объясненіями посвященъ Алексѣю Петровичу. Изъ другихъ сочиненій Каріона г. Пекарскій упоминаетъ о переводѣ въ 1692 г. сочиненія Юлія Фронтинна и о Службѣ и житіи св. Іоанна Воинна. Хранящійся въ Ак. Наукъ экземпляръ послѣдняго сочиненія, описываемый въ книгѣ Пекарскаго, принадлежитъ царевичу Алексѣю Петровичу. Въ первый разъ издано это сочиненіе въ 1695 г., второй — въ 1707 г. Имя Каріона, какъ автора, открывается въ акростихѣ, который находится на оборотѣ послѣдняго листа въ экземплярѣ г. Каратаева. Это сочиненіе изда-

валось нѣсколько разъ; шестое изданіе — въ Москвѣ 1762 г. При всей своей неполнотѣ свѣдѣнія г. Пекарскаго очень цѣнны: у него впервые находимъ ясное различеніе двухъ букварей Кар. Истомина-малаго, изданнаго въ 1694 г., и большаго, изданнаго въ 1696 г. Далѣе, онъ первый сообщаетъ свѣдѣнія о Малой Грамматикѣ Каріоновой и о Службѣ и житіи Іоанна Воина.

Г. А. Бычковъ въ Лѣтописи занятій Археографической комиссіи (1862—63 г., выпускъ второй, Спб. 1862 г., стр. 126—132. Матеріалы) помѣстилъ статейку подъ заглавіемъ: «Домострой Каріона Истомина». Вслѣдъ за небольшимъ введеніемъ онъ приводитъ текстъ произведенія Каріона Истомина, которое до того времени не было извѣстно въ ученой литературѣ и котораго есть еще два списка: одинъ — черновой — въ Сборникѣ Чудовской библіотеки (№ 302, л. 49—50), другой находится въ бумагахъ И. П. Сахарова¹⁾. Напечатанный г. Бычковымъ текстъ извлеченъ изъ рукописи, принадлежащей Императорской Публичной библіотекѣ. Вотъ какой отзывъ дѣлаетъ авторъ объ этомъ произведеніи нашего писателя: «Домострой Каріона Истомина, сборникъ разнаго рода нравственныхъ и педагогическихъ предписаній, составленъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ подражаніе труду Сильвестра, и хотя не имѣетъ его достоинствъ, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, дополняющихъ запасъ нашихъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ Россіи въ эпоху Петра Великаго, когда тѣлесныя наказанія играли не маловажную роль во всемъ». Такой отзывъ нельзя признать вѣрнымъ и удачнымъ во всемъ объемѣ. Остается справедливымъ замѣчаніе, что названное произведеніе Каріонова пера «заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, дополняющихъ запасъ нашихъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ Россіи въ эпоху Петра Великаго». Что же касается сравненія его съ одноименнымъ сочиненіемъ XVI вѣка, приписываемымъ попу Сильвестру, и указанія, что оно составлено въ подражаніе «Домострою» XVI в., то эти замѣчанія почтеннаго ученаго надо считать несостоятельными. Прежде всего г. Бычковъ не указалъ ясно, носитъ ли въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки напечатанное имъ сочиненіе Каріона заглавіе «Домострой». Предъ текстомъ у него есть заглавіе «Домострой», но отсюда не видно еще, носитъ ли это сочиненіе такое заглавіе и въ рукописи? Г. Шляпкинь въ упомянутой магистерской диссертациі, говоря о рукописи Сахарова, выражается также не совсемъ ясно. Онъ говоритъ, что Каріонъ въ 1700 году написалъ *Домострой въ тѣхъ*, по послѣднее выраженіе нельзя считать за названіе произведенія

1) См. кн. Шляпкина Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651 — 1709 г. Спб. 1891 г., Приложенія, стр. 79, примѣч. 5).

Истомина. Въ черновомъ наброскѣ, сохранившемся въ Чудовскомъ Сборникѣ № 302, нѣтъ никакого заглавія, и мнѣ кажется, что разъ Каріонъ пожелалъ бы озаглавить свое сочиненіе, то далъ бы ему, согласно господствовавшему въ XVII вѣкѣ литературному обычаю, пространное и витіеватое заглавіе, что мы и видимъ на примѣрѣ многихъ другихъ его стихотворныхъ произведеній. Мало того. По содержанію произведеніе Каріона не можетъ итти въ сравненіе съ «Домостроемъ XVI столѣтія, потому что послѣдній обнимаетъ всесторонне жизнь человѣка, тогда какъ стихотвореніе Истомина трактуетъ о дѣтяхъ или людяхъ, находящихся на положеніи дѣтей, т. е. подвластныхъ исполнителей чужой воли. Вотъ почему мы остаемся при своемъ мнѣніи, что разъ приравнивать сочиненіе Каріона къ «Домострою XVI в.», — его слѣдуетъ назвать лишь страницей изъ «Домостроя».

Что касается текста, то напечатанный г. Бычковымъ значительно разнится съ находящимся въ Чудовскомъ Сборникѣ. Укажемъ это различіе. Самое вступленіе въ стихотвореніе представляется намъ испорченнымъ и искаженнымъ въ рукописи Импер. Публичной Библіотеки, что ясно изъ сопоставленія:

чудовскій сборникъ	рукопись имп. пуб. библ.
Сію дщицу взявъ в десницу	Сію книжицу
Чти и помни стихи словни	Возьми въ десницу
Маль и старый в разумъ правый.	Чти и помни
	Стихи словни,
	Младый и старый
	Въ разумъ правый.

Можетъ быть, издатель самъ раздѣлилъ стихъ Каріона, потому что послѣдній обыкновенно пишеть стихомъ, раздѣляющимся на два полустіпія съ рѣзкими. Но начальные стихи въ рукописи Имп. Пуб. Библ. сильно искажены, ибо *книжицу* и *десницу* неудачная рѣзма.

Въ первой строкѣ замѣчается одно разночтеніе: *вм. Бычковаго расплодите* въ Чудовской рукописи — *восплодите*. Во второй строкѣ: *вм. и соблазнъ* — *к соблазну*; *вм. пріятвомъ* — *пріятствомъ*. Кромѣ того, ни въ концѣ этой, ни слѣдующихъ строкъ у Бычкова нѣтъ приписки, которая гласитъ, что вмѣсто ударовъ полагается столько-то поклоновъ. Такъ въ концѣ 2-й строфы приписано: «поклоновъ 1̄». Въ третьей строкѣ: первые стихи идутъ не въ такомъ порядкѣ: 2-й стихъ у Бычкова равняется третьему Чудовскаго Сборника. *Вм. въ домъ* — *въ храмъ*; *вм. многослови* — *многослови*; *вм. дѣла сею* — *сею дѣла*. Въ концѣ приписка: «поклоновъ 1̄».

Въ четвертой строчкѣ: *вм. ничто же — никтоже; вм. честность буди — буди честность; вм. слова и буя — слова буя; вм. на себе — на тебе; вм. своя ока — твоя ока; вм. и учение — во учение.* Въ концѣ: «поклоновъ ѿ». Въ пятой строчкѣ: *вм. надлежитъ — належитъ; вм. сохраняй — сотворяй; нѣтъ подъ словами «стой на пути» слова «забавляйся», какъ въ Чудовской рукописи; вм. честенъ знаемъ — въ Чуд. рук. надъ знаемъ подписано честенъ; вм. въ домъ свой — въ домъ; вм. да не презорствомъ ти будетъ попрано — да небалствомъ ти не будетъ попрано;* у Бычкова не обозначено количество ранъ (=ударовъ) хворостиной, въ Чудовской рукописи поставлена цифра 3̄ и затѣмъ: «поклоновъ ѿ». Въ шестой строчкѣ: *вм. руки домъ измыти — руки измыти: вм. стекляницы чисты — стекляницы чаши.* Въ концѣ «поклоновъ къ». Въ седьмой строчкѣ: *вм. въжествомъ — въжствомъ; вм. не обляжъ и на столъ — не обляжъ на столъ.* Въ концѣ: «поклоновъ ѿ». Въ восьмой строчкѣ: *вм. будетъ — буди; вм. чъмъ либо — чъмъ либо; вм. со стола — съ стола; вм. кушанья честно — кушенье чисто;* въ концѣ: «поклоновъ ле». Въ девятой стр.: *кромѣ стоящаго у Бычкова «за полезнымъ» въ Чудовской рукописи есть еще комуждо; вм. входа — хода; кромѣ словъ — безъ нужды не оставь тамо, въ Чудов. рукоп. есть еще другой вариантъ — требуетъ отъ насъ; вм. той неизбѣжитъ — той да неизбѣжитъ;* въ концѣ: «поклоновъ р». Въ десятой: *кромѣ словъ — идъ трбно — въ Чудов. рукоп. есть вариантъ — на столъ; вм. постели — постелю; вм. положи — положь; вм. слово и рану — слово рану;* третій отъ конца стихъ у Бычкова въ Чудов. рук. является вторымъ. Приписка: «поклоновъ ѿ». Въ одиннадцатой стр.: *вм. буди — будь; вм. стяжи — стежи; вм. сотвори — створи или вариантъ — твори;* приписка: «поклоновъ двѣстѣ». Въ двѣнадцатой: *вм. одеждъ — одеждъ; вм. шусными — чесными; вм. отвратясь — отвращась;* въ концѣ: «поклоновъ рн». Тринадцатая строфа у Бычкова является четырнадцатою въ Чудов. рукописи. Въ ней замѣчаются слѣд. различія: *вм. юнымъ — юныхъ; вм. городитъ — городи; вм. лаю — лаявъ.* Приписка: «поклоновъ т̄». Въ четырнадцатой (=Чудовск. рукоп. 13-й): *вм. стиха: Наука изрядность симъ дѣти вся даритъ въ Чуд. рукоп.: Наука изрядствомъ Каріонъ дѣти вся даритъ; вм. любве — іеромонахъ; вм. Чтобъ благоумни вси того смотрѣли — Истоминъ чтобъ благоумни всь того смотрѣли; вм. биди не годится — вездѣ быти приходится.* Затѣмъ въ рукописи Импер. Публ. Библиотеки находится такая приписка: «Сочини сія іеромонахъ Каріонъ Истоминъ. Лѣта 1700». Въмѣсто этого въ Чудов. рук. читаемъ:

«Каріонъ хуждшій хотящымъ словеса Іеромонахъ Истоминъ паписа Седмъ тысящъ двѣстѣ четвертаго лѣта генваря луны мірозданна свѣта сіе издатеся».

По бумагамъ Сахарова, это сочиненіе относится къ 1720 году. Чтобъ

примирить разногласіе рукописей о времени сочиненія Кар. Истоминнымъ разсматриваемаго сочиненія, необходимо допустить, что 1700 и 1720 годы указываютъ время списковъ съ оригинала, появившагося въ 1696-мъ году.

Г. Чудиновъ, перечисляя въ своей книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» (Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, съ приложеніемъ библиографическаго указателя. Воронежъ, 1872 г., стр. 174), буквари, называетъ и буквари К. Истомина и его грамматику, причеъ описаніе этихъ сочиненій беретъ почти дословно у г. Пекарскаго. Чтобы не быть голословными приводимъ то, что сказано въ его книгѣ объ упомянутыхъ сочиненіяхъ Каріона: «Въ одномъ изъ двухъ его (т. е. К. Истомина) букварей, посвященномъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и отпечатанномъ въ 1694 г., подъ каждою буквою, «ради любезнаго созерцанія учащимся», помѣщены гравюры, вырѣзанныя на мѣди Леонтіемъ Бунинымъ (А, Адамъ, Александръ, аспидъ; Б, бронь, бродь, бичъ и пр.); къ этимъ «видаобразнымъ вещамъ метафорично, сирѣчь преносно», сочинены стихи правоучительные. Другой трудъ Каріона, оставшійся въ рукописи, называется «Малая грамматика», гдѣ изложена орфографія, научающая «естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ, и изображены весьма затѣйливо киноварью всѣ буквы». . .

Благодаря любезности покойнаго Редактора историческаго журнала «Русская Старина» М. И. Семевскаго, намъ удалось получить копию съ замѣтки о Каріонѣ Истоминѣ, сохранившейся въ бумагахъ поэта *Рылѣва*¹⁾. Хотя замѣтка эта не представляетъ ничего самостоятельнаго и новаго, но мы для полноты приводимъ ее цѣликомъ: «*Каріонъ Истоминъ*, іеромонахъ Московскаго Чудова монастыря и Московской духовной типографіи справщикъ, обучался въ Московской Академіи Грековъ Лихудовъ. Онъ сочинилъ въ 1692 году *букварь въ лицахъ*, представивъ каждую букву человѣческою фигурою въ разныхъ положеніяхъ и подъ каждымъ изображеніемъ помѣстилъ правоучительные стихи, сочиненные по силлабической просодіи. Въ семь букварѣ можно видѣть всѣ древнія рукописныя буквы разными почерками. Книгу сію всю на доскахъ, каждую букву особо выгравировалъ и напечаталъ 1695 въ Москвѣ нѣкто *Леонтій Бунинъ*, бывший, можетъ быть, граверъ при Московскомъ печатномъ дворѣ.

«Кромѣ сего, Каріонъ сочинилъ цѣлую книгу *привѣтственныхъ стиховъ* царицѣ Софіи Алексѣевнѣ въ 1681 году. Книга сія рукописною хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Есть еще въ Москов. Патріаршей

1) Въ письмѣ къ намъ М. И. Семевскій писалъ: . . . «Замѣтка (о Кар. Истоминѣ), какъ и весь краткій словарь жизнеописаній нѣкоторыхъ писателей, не руки Рылѣва».

библіотекѣ между рукописями его книга подѣ названіемъ *«Имя Новое»*, сочиненное въ 1686 г.

«Когда при домѣ Іова — митрополита Новгородскаго Лихуды завели Греко-Славено-латинскія училища, то въ 1712 г. вызвали Каріона въ Новгородъ, для перевода книгъ съ греч. языка, — гдѣ онъ и находился около года, а послѣ возвратился въ Москву и тамъ скончался въ Чудовск. монастырѣ». (Нов. опытъ). При чтеніи этой замѣтки, невольно припоминается Историческій Словарь митр. Евгенія, которымъ несомнѣнно пользовался поэтъ Рылѣевъ.

Въ *«Сборникъ импер. русскаго историч. общества (Спб. 1887 г.)*, въ *«Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей (для русскаго біографическаго словаря ч. I, А—Л) на стр. 380 находимъ слѣдующую замѣтку о нашемъ писателѣ: «Каріонъ (Истоминъ), изъ чтецовъ, 1683 — 1690 г., іеродіаконъ, справщикъ Московскаго печатнаго двора, потомъ іеромонахъ, стихотвор.—17...? (Едва ли одно лицо, что) Каріонъ, 1698—1722 26 января, игумень и 1-й архимандритъ Калужскаго Лаврентьева Монастыря». При всей своей краткости эта замѣтка поднимаетъ нѣкоторые очень важные вопросы о Каріонѣ Истоминѣ. Такъ, она опредѣляетъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, время іеродіаконства Каріонова 1683 — 1690, а также различаетъ двухъ Каріоновъ. Какъ увидимъ ниже, такое различіе имѣетъ большое значеніе, а іеромонахомъ Каріонъ сталъ, можетъ быть, въ концѣ 1689 года. Даже поставленный при опредѣленіи года смерти Каріона вопросъ имѣетъ значеніе, такъ какъ на основаніи имѣющихся въ наукѣ данныхъ его можно опредѣлять пока гадательною.*

А. Е. Викторовъ (Описаніе рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1890 г.) сообщаетъ свѣдѣнія о слѣд. сочиненіяхъ Каріона Истомина. 1) *«Августина учителя книга о видѣніи Христа или о славіи Бога, имже успешна небснаго вождѣнія память обновляется (иначе: «книга Боговидная любовь»), въ переводѣ іеродіакона Каріона Истомина, съ пространнымъ, витіеватымъ посвященіемъ переводчикомъ своего труда царевнѣ Софіи. Скорописъ конца XVII в., въ 4-ку, около 200 листовъ. См. Царскаго, № 429, л. — 161. — Въ первой половинѣ рукописи Акаѳостъ страстямъ Христовымъ (стр. 22, № 98). 2) «Служба (съ акаѳостомъ) св. Ипатію Гаитрскому. — Полууставъ 1707 г., въ листъ, 23 листа. На послѣднемъ листѣ записъ: «Служба сія вся, какова здѣ обрѣтается: стихиры, канонъ, кондаки и икосы, счипися и паписася ново»... въ царствующемъ градѣ Москвѣ, во пречестнѣей и великой обители арх. Михаила, и во святыхъ отца нашего Алексія митрополита и чудотворца, въ монастырѣ Чудовѣ, мірозданія 7215-го лѣта, Рождества же во плоти Господа Іисуса Христа 1707 въ мѣсяцѣ маргѣ. Трудолюб-*

ствова въ сей святѣй обители обиталець хуждшій іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, смотритель бывшій царственныя типографіи» (Ср. Строева Библиологич. словарь, стр. 164) (стр. 227, № 16). 3) «Каріона Истомина, Повѣствованіе о явленіи въ Оковецкой волости креста и чудотворной иконы Пресв. Богородицы и о перенесеніи оныхъ въ Москву. — Полууставъ Петровскаго времени, въ листѣ, 46 листовъ. Двѣ статьи: 1-я о явленіи, 2-я о перенесеніи (съ 12 чудесами). Въ концѣ, краткое сказаніе о томъ же. Полное заглавіе 1-й статьи: «Слово о чудотворныхъ иконахъ, о пречестномъ и животворящемъ крестѣ Господа нашего Бога Иисуса Христа и пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, иже явишася въ предѣлѣ града Ржевы Владимеровы, во Оковецкой волости на городищѣ Пыршенскомъ, въ кое же время (1539 г.) и при коемъ самодержцѣ Московскаго Всероссійскаго царства, и каковымъ образцамъ, и каковыя быша отъ тѣхъ св. иконъ чудеса, и на коихъ мѣстѣхъ, все здѣ явленно будетъ по возможному, во вразумленіе, и въ пріятіе болѣзнымъ душамъ христіанскимъ безмезднаго врачевства, яже подаются вѣрнымъ и богочестивымъ людямъ». На оборотѣ слѣдующаго далѣе листа — изображенія: креста и иконы Божіей Матери съ Николаемъ Чудотворцемъ и (внизу) Алексѣемъ человекомъ Божіимъ и Козмою и Дамьяномъ. — Въ концѣ 2-го слова, сказанія о перенесеніи иконъ въ Москву (стр. 251) читается приписка: «Сіе счинися и написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ во обители св. архистратига Михаила чуда его, бывшаго въ Хонѣхъ, и великаго іерарха, св. Алексія, митрополита Московскаго и всеа Россіи чудотворца, жительствующимъ въ ней хуждшимъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ» (приписано: «иже въ типографіи царскаго пресвѣтлаго величества приказный справщикъ бысть»), лѣта мірозданія 7226-го, рождества же Іисъ Христова 1717 въ мѣсяцѣ сентябрѣ. Кромѣ того, въ «указателѣ» еще названо одно сочиненіе Кар. Истомина — «Книга любви въ знакъ въ честенъ бракъ», отмѣчена стр. 168, но въ текстѣ ничего подобнаго нѣтъ, да и во всей книгѣ ничего не говорится объ упомянутой поэмѣ на бракъ Петра В. съ Евдокіею Лопухиною.

Такимъ образомъ, хотя Викторовъ сообщаетъ свѣдѣнія только о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ К. Истомина, но эти свѣдѣнія весьма важны, особенною цѣну имѣютъ приписки при упомянутыхъ сочиненіяхъ Каріона.

Въ книгѣ покойнаго архимандрита *Леонида*: Святая Русь или Свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси (до XVIII вѣка), обще и мѣстно чтимыхъ... (Изданіе графа С. Д. Шереметева, Спб. 1891 г.) находимъ три указанія о Каріонѣ Истоминѣ. Первое (стр. 127) сообщаетъ не новое и справедливое указаніе, что Каріонъ въ 1711 году, по прошенію Макарія, игумена Даниловскаго монастыря, написалъ Службу блаженному Князю Данилу. Второе (стр. 153) гласитъ слѣдующее: «Есть

житіе, написанное въ 1697 году извѣстнымъ Каріономъ Истоминымъ (въ собр. рукописей В. Ундольскаго, № 288)». Здѣсь разумѣется житіе Аонасія I, преподобнаго игумена Серпуховскаго Высоцкаго (Зачатейскаго) монастыря, ученика препод. Сергія Чудотворца. Въ справедливости этого указанія почтеннаго архимандрита мы сомнѣваемся потому, что въ сочиненіи. Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго (изд. Московскимъ Публичнымъ Румянцевскимъ музеемъ, Москва, 1870 г., стр. 83 — 144) та же самая рукопись съ житіемъ Аонасія, на которую ссылается архим. Леонидъ, не приписывается перу Кар. Истомина. Такъ что остается неизвѣстнымъ, на основаніи какихъ данныхъ архимандритъ Леонидъ приписалъ это сочиненіе нашему писателю. Третье извѣстіе (стр. 155) такъ же, какъ и предыдущее, сообщаетъ новыя свѣдѣнія о Кар. Истомиѣ, но и эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, нельзя признать за вполне достовѣрныя. Это извѣстіе гласитъ, что Кар. Истоминъ описалъ чудеса Лаврентія Христа ради юродиваго, чудотворца Калужскаго, и утвердительно называетъ 1722 годъ предѣломъ земной жизни его. И здѣсь можемъ пожалѣть о томъ, что архимандритъ Леонидъ не указалъ, откуда онъ почерпнулъ указаніе на годъ смерти нашего писателя, такъ какъ противъ вѣроятности сообщаемаго ничего возразить нельзя. Зато самыя достовѣрныя и интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Каріона извлечены арх. Леонидомъ изъ рукописей графа Уварова Огромный трудъ — «Описание рукописей, гр. Уварова», — появленіе въ свѣтъ котораго задержано смертью автора¹⁾, долженъ былъ состоять изъ четырехъ обширныхъ частей со множествомъ отдѣловъ. Въ августѣ 1891 года, при личномъ свиданіи съ авторомъ, мы пользовались набранною корректурою второй части (Богослужебныя книги), гдѣ въ отдѣлѣ 10 нашли слѣдующія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ нашего писателя. На стр. 21 подъ № 640 (=Уваров. 178) читаемъ: «Чинъ сочиненія и священія святаго мѹра, изъ коихъ же вещей составляется и како строится, и въ кое время святится оное предрагое великое мѹро, все по ряду полагается, въ листъ, скорописью XVII вѣка, 26 листовъ.

«Въ концѣ его рукою владѣльца рукописи Каріона Истомина написано: Сей чинъ святаго мѹра переписанъ и исправленъ съ переводомъ Греческаго языка, благословеніемъ и всякаго благочестія церковнаго люборачительнымъ тицаніемъ великаго Господина Святѣйшаго Кврѣ Іоакима Патріарха Московскаго и всея Россіи отъ мірозданія 7191 (1683) лѣта, индиктіона 6-го». Приведенное указаніе даетъ новый фактъ для біографіи Кар. Истомина, свидѣтельствующая о томъ, какъ рано нашъ писатель получалъ отъ патріарха Іоакима порученія. Весьма вѣроятно, что владѣлецъ «Чина состав-

1) Недавно этотъ трудъ появился въ свѣтъ.

ленія и освященія мѹра» Каріонъ былъ и авторомъ, если не самаго перевода, то исправленія съ переводомъ греческаго языка, такъ что здѣсь мы знакомимся съ новымъ трудомъ прилежнаго іеромонаха.

Далѣе, на стр. 161—163, идетъ подробное описаніе тѣхъ сочиненій Каріона, которыя впервые были описаны въ книгѣ «Славяно-русскія рукописи», такъ какъ рукописи Сахарова теперь находятся въ библіотекѣ гр. Уварова. Вотъ это описаніе, сообщающее болѣе точныя свѣдѣнія объ извѣстныхъ уже сочиненіяхъ Каріона № 870 (=Уваров. 36) Каріона Истомина, патріарша дьяка сочиненія (Богослужебныя), въ листѣ, полууставъ и скоропись нач. XVIII вѣка, 63 листа.

Изъ библіотеки И. П. Сахарова.

л. 1. Заставка печатная (Деисусъ) наклейная. Подъ ней киноварью: «Иже во святыхъ отцу нашему Донатѣ славному чудотворцу, епископу Сѹрія града во странѣ Епира; страна же Еппръ между Македоніею и Славоніею царство бысть, и Улморикомъ тожде нарицаеть.

Иже бысть въ державѣ и въ лѣта благочестиваго царя Греческаго Θεодосія великаго. При немъ же и въ Константинополѣ, чудеса сотвори, яко и въ житіи его повѣствуется.

Скончася миромъ в'довольныхъ старости лѣтъ. Память же его въ Миней Четвей мѣсяца апріліа въ 1 день.

(Служба ему): На велицѣи вечерни, на Гдѣ возвахъ, стіхиры гласъ 8. Подобенъ: О преславнаго чудесі. Нач. Всетворче Царю Боже нашъ, дивенъ еси во святыхъ твоихъ.

л. 8. Канонъ святому іерарху Донату.

гласъ 1. Пѣснь 1. Ирмосъ: Божественнымъ покровенъ. Нач. Божественное твое, Всецарю, о родѣ человѣческомъ промышленіе.

л. 14. Подъ страницу подпись сочинителя (Каріона Истомина): Сочини службу сію іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, лѣта Господня 1704-го, по прошенію господина боярина Никиты Іоанновича Іакинфова.

л. 16. Мѣсяца апріліа въ 30 день, память иже во святыхъ отца нашего Доната, епископа града Еврія (отъ великія Миней Четьи).

Нач. Во дни благочестиваго царя Θεодосія великаго, сей святыи Донатъ епископъ бѣ во градѣ Еврія нарицаемомъ.

л. 20. Заставка печатная наклейная (служба). На малѣи вечерни. Преподобному Отцу Упатію чудотворцу Гагрскому епископу, гласъ 1. Подобенъ: Небеснымъ чиномъ.

Нач. Боготворною твоею душею, оума свѣтлостію вразумився.

л. 22. Заставка печатная наклеивная.

Мѣсяца марта въ 31 день, служба во святыхъ презрядному чудотворцу Упатію епископу Гаггрскому. Стихиры на Гдѣи воззвахъ, гласъ 8-й. Подобенъ: О преславное чудо.

Нач. Прежде вѣкъ сый Боже, вѣкъ сотворивый.

л. 28. Канонъ, въ немже печатная письменна въ стѣхахъ кромѣ іермосовъ съ начала до 9-й пѣсни сиде гласятъ: Бога царя пѣти подателя же Киріон. Гласъ 3. Пѣснь. Ирмосъ: Дивно славно...

Нач. Бога ты всетворца разумѣвъ, вседушно возлюбилъ еси.

л. 31. Заставка печатная (въ средній изображеніе Господа нашего Ісуса Христа во образѣ архіерея, съ Евангелиемъ въ рукѣ и благословляющею десницею). Кондаки сіи и пкосы писаны числомъ слогинъ, стихотворомѣріемъ.

Начальныя же стиховъ писмена двадесять четыре имѣютъ спце: во святемъ Упатіи Бога славимъ».

Кондакъ 1. Гласъ 8. Подоб. Возбранной.

Нач. Велий Господь Богъ въ святыхъ прославляемъ,

Во Упатіи чуднѣмъ днесъ воспѣваемъ,
Бога бо ты онъ въ Тропцѣ проповѣда
Имже буди намъ на враги побѣда.

л. 42. Извѣщеніе о сочиненіи службы сея: Благоволеніемъ всетворящия силы, Бога Отца и Сына и Святаго Духа, во славу его Божественную, въ честь же преблагословенныхъ пречистыхъ Дѣвы Богородицы Маріи, и въ Похвалу Святаго отца нашего Упатія чудотворца, епископа Гаггрскаго, служба сія вся, какова здѣ обрѣтается: стихиры, канонъ, кондаки и пкосы, сочинены и написаны пово... въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ пречестнѣй и великой обители архангела Михаила и во святыхъ отца нашего Алексія всероссійскаго митрополита и чудотворца, въ монастырѣ Чудовѣ, мірозданія 7215 лѣта, Рожества же во плоти Господа Иисуса Христа 1707-ое въ мѣсяцѣ мартѣ. Трудодѣлствова въ сей святѣй обители обиталець хуждшій іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, смотритель бывшій царственныя типографіи».

л. 42 об. Заставка печатная узкая. Служба св. в. князю Даниилу Московскому. На малой вечерни стихиры: Гласъ 1. Подобенъ: Небесныхъ чиновъ.

Нач. Небеснымъ любви Божіей пламенемъ возгорѣвся.

л. 44. Молитва благодарственная равноапостолу Священномученику Упатію (скорописью).

Нач. Трисолнечнаго свѣта свѣтозарное звѣздо, вводящее въ міръ трисолнечный свѣтъ.

л. 46. Заставка печатная (внутри явленіе св. Троицы въ видѣ ангеловъ Аврааму у дуба Мамврійскаго).

Служба прендобному отцу нашему Даниилу Московскому чудотворцу, иже бысть въ Москвѣ великій князь въ лѣто... († 1303).

На Гдѣи возвахъ, стѣхиры, Гласъ 8-й, Подобенъ: О преславное чудо.

Нач. Всетворящій Царю Боже нашъ, премудростію твоею міръ строится.

л. 53 об. Канонъ прендобному, гласъ 5-й, пѣснь 1, Ирмосъ: Коня и всадника.

Нач. Агнче непорочный Иисусе Боже, в'твоей силѣ крѣпкой побѣдивъ душетлительныя страсти.

Прим. Подъ страницу замѣтка рукою сочинителя: въ первой, второй пѣсняхъ со ирмосы, въ четвертой и девятой безъ ирмосовъ зрѣти краестрочія стиховъ, службы сея сочинившаго имени (Каріонъ).

л. 60. Въ концѣ сего листа внизу замѣтка письменная: службу сію сотвори ново, хуждшій іеромонахъ Каріонъ Истоминъ въ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ чюдоархангеловѣ, приказный исправщикъ Печатнаго книжнаго двора 1711 года, по прошенію господина пречестнаго игумена Макарія обители сеа Даниловскаго монастыря, да честнаго старца господина Каріона Борина, иже бѣ дьякъ Государевъ.

л. 61. Мѣсяца марта въ 4 день, повѣсть о богоснабдимомъ великомъ князѣ Даниилѣ Александровичѣ Московскомъ.

Нач. Сей блаженный великій князь Даниилъ, четвертый сынъ приснопамятнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго.

Въ концѣ (л. 63 об.): Иже о блаженномъ князѣ Даниилѣ сказаніе, еже въ древнихъ лѣтописаніяхъ явленно, сіе и здѣ предложися.

О пренесеніи святыхъ мощей благовѣрнаго и великаго князя схимонаха Даниила Александровича Московскаго и всея Россіи самодержца. Въ лѣто 7160 (1652) году августа въ 30 день повелѣніе великаго государя царя и в. кн. Алексія Михайловича... и великаго господина святѣйшаго кѣрвъ Никона патріарха перенесены сія многоцѣлебныя мощи и при игуменѣ Іоаннѣ о христе съ братіею».

Нельзя не замѣтить, насколько архимандритъ Леонидъ точнѣе сдѣлалъ извлеченіе изъ рукописей Сахарова, чѣмъ это сдѣлано въ книгѣ — «Славяно-русскія рукописи», изданной въ 1839 году. Такъ, годъ написанія службы Упатію былъ указанъ въ послѣдней не вѣрно.

Накопецъ въ бібліотекѣ покойнаго архимандрита находился рукописный Лѣтописецъ, который по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ приписать Каріону Истомину. Болѣе подробно поведемъ рѣчь объ этомъ Лѣтописцѣ во второй части предлагаемаго изслѣдованія, когда приступимъ къ разсмотрѣнію историческихъ сочиненій Каріона Истомина.

Болѣе другихъ нашихъ предшественниковъ сдѣлалъ для біографіи Каріона и для бібліографіи его сочиненій г. *Шляпкинъ*, коего сочиненіе «Св. Димитрій Ростовскій и его время (1681 — 1709)» появилось послѣ напечатанія нашихъ статей о Каріонѣ и его сочиненіяхъ на страницахъ Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія (именно въ 1891 г., Спб.). Въ «Приложеніяхъ» къ своей диссертациіи подъ пунктомъ IX онъ помѣстилъ особую замѣтку, подъ заглавіемъ «Дополнительныя данныя къ біографіи Каріона», въ которой, по его словамъ, онъ приводитъ только то, что осталось неизвѣстнымъ намъ, при написаніи упомянутыхъ выше статей объ Истоминѣ. Мы уже имѣли случай говорить объ этой замѣткѣ г. Шляпкина на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія въ статьѣ «Къ біографіи Каріона Истомина» (1891 г., августъ). Тогда мы замѣтили, что г. Шляпкинъ смѣшалъ *двухъ различныхъ Каріоновъ*, которые оба были иноками Чудовскаго монастыря.

Тѣмъ не менѣе его замѣтка оказала не малую пользу намъ, потому что авторъ ея пользовался такими источниками, которые намъ стали доступными лишь въ недавнее время, а нѣкоторые остались совершенно недоступными. Особенную важность имѣетъ напечатанное письмо Каріона къ митрополиту Новгородскому Іову, извлеченное изъ бумагъ И. А. Вахрамѣева.

Такъ какъ въ замѣткѣ г. Шляпкина смѣшаны два *Каріона*, то мы считаемъ необходимымъ здѣсь подробно указать, что изъ сообщеннаго имъ слѣдуетъ относить къ нашему Каріону, по прозвищу Истоминъ, и что къ другому Каріону, хотя также іеромонаху Чудовскаго монастыря, *но не Истомину*.

Все, начиная отъ словъ — «Каріонъ родился... до словъ: Въ 1681 году Каріонъ хотѣлъ бросить монашество... но его оставило посланіе извѣстнаго Каменевича-Рвовскаго» (стр. 76 — 77), относится не къ нашему Каріону. Отъ словъ: «Братъ Каріона... до конца этого предложенія — все относится къ нашему Каріону. Слѣдующія два предложенія: отъ словъ — Тогда же, въ 1681 году... до словъ — ... «для философіи до чтенія» — относятся къ другому Каріону. Слѣдующее затѣмъ предложеніе, гдѣ говорится о слѣдствіи надъ епископомъ Смоленскимъ Симеономъ, слѣдуетъ отнести къ нашему писателю. Изъ всего остальнаго содержанія статейки надо исключить два предложенія — отъ словъ: «Въ 1690 г. Каріонъ»... до

словъ: «Таже дача и въ 205 (1694? вм. 1697)» (77 — 78 стр.), — не относящаяся къ Каріону Истомину.

Въ 1892-мъ году появилось изданіе г. Ровинскаго: «Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ, для обученія царевича Алексѣя Петровича, въ 1692. Гравированъ Леонтіемъ Бунинымъ. С.-Пб. 1891 г. Г. Ровинскій до изданія букваря не разъ уже говорилъ о Каріонѣ Истомиѣ на страницахъ извѣстнаго своего труда «Русскія народныя картинки» [С.-Пб., 1881 г. II т., 483 стр.; IV т., 514 — 517 стр.; V т., 6 стр.]. Такъ какъ онъ въ названномъ только что сочиненіи описывалъ подробно букварь Каріона Истомина, то изданіе свое онъ не снабдилъ никакимъ предисловіемъ, отославъ читателей къ «Русскимъ народнымъ Картинкамъ». Всѣ вопросы, связанные съ воспроизведеннымъ имъ букваремъ Каріона и съ тѣми страницами «Русскихъ народныхъ картинокъ», на которыхъ онъ описываетъ букварь или упоминаетъ о немъ, изложены подробно въ нашей рецензій на изданіе его, помѣщенной на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1891 г., августъ). Повторять здѣсь разъ нами высказанное не представляется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что во второй части настоящаго изслѣдованія мы поговоримъ о букваряхъ Каріона Истомина подробно.

Въ самое послѣднее время появился второй выпускъ книги г. А. А. Титова: «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву» (Москва, 1892 г.). Во II выпускѣ этой книги (№ 451) напечатано сочиненіе іеродіакона Тимооѣя Каменевича-Рвовскаго «Вертоградъ», стихотворное посланіе отъ 18 марта 1681 г. (7189 г.) къ падшему брату... іеродіакону же Каріону и монаху». Это посланіе сообщаетъ интересный случай изъ жизни Каріона Истомина.

Намъ слѣдовало бы упомянуть еще о такихъ сочиненіяхъ, какъ «Исторія русской словесности» г. Порфирьева и т. п., но мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, потому что указанія, въ нихъ заключающіяся, не даютъ ничего существенно-важнаго и заимствованы болшею частью буквально изъ разсмотрѣнныхъ выше сочиненій разныхъ ученыхъ¹⁾.

Бросая взоръ на все сдѣланное нашими предшественниками, въ смыслѣ разъясненія личности и дѣятельности Каріона Истомина, мы ясно сознаемъ и неполноту, и сбивчивость, и неопредѣленность ихъ указаній; но не можемъ не принести имъ глубокой благодарности за ихъ указанія, потому что ихъ труды и замѣтки помогли намъ не только дополнить то, что найдено нами

---

1) Нѣкоторыя изъ этихъ и др. сочиненій будутъ указаны нами при дальнѣйшемъ изложеніи.

въ Сборникахъ Чудова книгохранилища, но навели насъ на мысль приняться за самую работу — разъяснить подробно жизнь и дѣятельность скромнаго іеромонаха, жившаго во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. Сводя въ одно всё данныя о сочиненіяхъ Каріона Истомина, которыя можно извлечь изъ Сборниковъ Чудова книгохранилища и изъ трудовъ нашихъ предшественниковъ, приписываемъ ему слѣдующія произведенія, при чемъ перечисленіе ихъ располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ.

Годъ 1680. Въ этомъ году написано въ декабрѣ мѣсяцѣ слово па т.: «Бдите убо на всяко время молящесе».

Въ 1681 году: 30-го января написано слово па т.: «Яко видѣста очи мои спасеніе» .. Въ томъ же году написана Книга прѣвѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. 12-го ноября того же года написано стихотворная молитва для цар. Софіи.

Годъ 1682: 25 іюля написаны стихи на вѣпчаніе царскими вѣнцами царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, а 12 ноября Стихотворная просьба царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ о заведеніи науки совершенной¹⁾.

Годъ 1683: 28 іюня написана Книга Вразумленіе посвященная царю Петру Алексѣевичу. Перевелъ съ греческаго Чинъ сочиненія и освященія мѣра.

Годъ 1684: Извѣстіе о раскольникахъ²⁾.

Годъ 1685: въ началѣ года написалъ отчетъ по дѣлу о Симеонѣ, епископѣ Смоленскомъ.

Годъ 1686: Имя Новое, посвященное патріарху Іоакиму [п 10 марта письмо Бориса Алексѣевича Голицына къ архидіакону Антошію Прокоповичу; въ ноябрѣ митр. Варсоноія къ митр. Кіев. Гедеоу].

Годъ 1687: 1) въ январѣ Боговидная любовь и предисловіе къ ней, въ которомъ обращается къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; 2) февраля 20 — слово па т.: «Егда услышите брани и нестроенія»...; 3) 21 февраля — слово па т.: «Да будетъ воля твоя»...; 4) Стихи: Подпись па прокахъ въ свиткахъ. [Замѣтка въ мартѣ о пожертвованіи патріарха въ Воскресенскій Борисовскій монастырь].

Годъ 1688: 23 ноября Слово па т.: «Предзрѣхъ Господа предо мною выну»...

1) Кромѣ того, въ этомъ же году онъ писалъ, по всей вѣроятности, посланія отъ лица патр. Іоакима гетману Самойловичу (3 марта), въ Брянскій Успенскій монастырь (3 марта) и снова Самойловичу (14 мая), Донскимъ казакамъ (въ ноябрѣ).

2) Въ январѣ нап. посланіе отъ Іоакима патр. ктитору Межигорской обители Максиму Васильевскому.

Годъ 1689: 1) Поэма на бракъ Петра Алексѣевича съ Евдокією Лопушиною; 2) 11 мая слово на т.: «Вострубите, вострубите»...; 3) 19 мая слово на т.: «Молитесь другъ за друга»... 4) въ іюлѣ Стихи царю Петру Алексѣвичу; 5) 31-го іюля стихи на поднесеніе молитвы женѣ Василя Васильевича Голицына Евдокіи Іоанновнѣ; 6) 4 августа стихи поздравительные великой княжнѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ; 7) 26 августа въ стихахъ житіе Адріана и его супруги Наталіи, съ поздравленіемъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ; 8) въ ноябрѣ Стихи краткаго изъясненія о смерти Евдокіи, супруги Дмитрія Іоанновича Донского; 9) Стихи на изъясненіе Крымскаго похода; 10) Стихи на Рождество Христова. Кромѣ того, послѣ 25 мая написаны — Стихи на смерть Тарасія Овчинена и «Увѣщаніе о еже како церкви Божіи строити». [Кромѣ того, писаны нѣкоторыя грамоты Патр. Іоакима].

Годъ 1690: 1) въ февралѣ Стихи поздравительные по случаю рожденія у царя Петра Алексѣевича сына Алексѣя Петровича; 2) 18 февраля Стихи на рожденіе царевича Алексѣя Петровича; 3) Послѣ 17-го марта стихи на гробъ патр. Іоакима и извѣстіе о его смерти; 4) 29 мая стихотворное привѣтствіе царю Іоанну Алексѣвичу въ день рожденія его дочери княжны Ѳеодосіи Іоанновны; 5) 14 іюля стихотворное переложеніе 32-го нравоученія Бесѣдъ І. Златоустаго на Евангеліе Іоанна—о необходимости всякому имѣть евангеліе; 6) 29 іюня Стихи — привѣтство въ первое лѣто рожденія царя Петра Алексѣевича; 7) въ августѣ Книга Стамна; 8) 24 декабря — дѣло о чудесахъ отъ мощей Герасима въ Вологдѣ. Кромѣ того, въ январѣ написаны стихи на гробѣ іеромонаха Чудовскаго Ѳеодосія, а въ маѣ стихи на гробѣ княгини Ирины Васильевны Трубецкой; посланія патр. Іоакима, грамота патр. Адріана.

Годъ 1691: Въ этомъ году не написано ни одно болѣе или менѣе обширное сочиненіе, но за то въ этомъ году Каріономъ написано нѣсколько писемъ разнымъ лицамъ. Такъ, въ маѣ писаны письма къ Досифею и гетману Мазепѣ отъ лица патр. Адріана; 13 іюля извѣстіе о смерти подьячаго Василя Клобукова; 31-го октября письмо митр. Варлааму отъ лица патр. Адріана; 19-го ноября — письмо митр. Казанскому Маркеллу отъ лица кн. Прозоровскаго. [Замѣтка о казни С. Медвѣдева]; воззваніе священника храма Успенія на Лубянкѣ.

Годъ 1692: 1) Переводъ сочиненія Юлія Фронтинна римскаго сенатора, о случаяхъ военныхъ; 2) 27-го марта стихи въ день Воскресенія Христова съ привѣтствіемъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ; 3) 30 мая привѣтство царю Петру Алексѣвичу во 2-ой годъ его жизни; 4) въ мартѣ Букварь и предисловіе къ нему для царицы Наталіи Кирилловны; 5) 1-го сентября привѣтство стихотворное царицѣ Мароѣ Матвѣевнѣ, бывшей супругѣ Ѳеодора

Алексѣевича, въ день ея ангела; 6) 14-го октября Привѣтство стихотворное царпцѣ Парасковіи Ѳеодоровнѣ, супругѣ царя Іоанна Алексѣевича, въ день ея рожденія; 7) 24 ноября Стихи о св. великомученицѣ Екатериинѣ для царя Іоанна Алексѣевича и Прасковіи Ѳеодоровнѣ; 8) 3 декабря — Похвальное поздравленіе царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ; 9) 13 декабря стихи на освященіе храма Рождества Христова въ Воскресенскомъ монастырѣ. Кромѣ того, въ этомъ году написано нѣсколько писемъ, напимѣръ, въ январѣ — письма митр. Казанскому Маркеллу отъ лица іерея Іакова Іоаннова, отъ кн. Прозоровскаго и отъ неизвѣстнаго.

Годъ 1693: 1) Извѣстіе о томъ что для Муромскихъ святыхъ сдѣлана новая рака (въ январѣ мѣсяцѣ написано); 2) послѣ 18 марта пзвѣстіе о смерти Васы Іоанновны Строгановой; 3) 16 марта списанъ Букварь для царицы Прасковіи Ѳеодоровны; 4) послѣ 25 сентября запись о смерти Елены Истоминой; 5) послѣ 5 сентября запись о смерти монаха Іова; 6) въ октябрѣ Акаѳистъ царевичу Алексѣю Петровичу; 7) въ ноябрѣ Эдемъ для царевича Алексѣя Петровича; 8) въ декабрѣ Екклесія для него же. Писаны были и письма отъ лица Прозоровскаго Маркеллу и гетману Мазепѣ (съ припискою Кар. Истомина); въ ноябрѣ къ Маркеллу; въ декабрѣ посланія патр. Адриана митр. Варлааму, патр. Іерусалимскому Досифею.

Годъ 1694: 1) Послѣ 26 января стихи цар. Наталіи Кирпловнѣ; 2) Предисловіе къ Букварю, пзданному въ Москвѣ въ этомъ же году; Полюсь; Сладость умпословной души — переводъ съ бѣлорусскаго для царевны Наталіи Алексѣевнѣ. Въ этомъ году писано было много писемъ: отъ лица патр. Адриана — архіепископу Черниговскому Ѳеодосію, митр. Кіевскому Варлааму (въ январѣ), Мазепѣ (въ маѣ), архіеп. Константинопольскому Діонисію (въ іюнѣ), патр. Іерусалимскому Досифею, царю Петру Алексѣевичу, митр. Астраханскому Савватию (въ сентябрѣ); отъ лица кн. Прозоровскаго — гетману Мазепѣ (въ февралѣ и іюнѣ), митр. Ростовскому и Ярославскому Іоасафу (4 іюня); митр. Суздальскому и Юрьевскому Иларіону (въ іюнѣ), Францу Яковлевичу Лефорту (4 іюня). Кромѣ того, 28 августа написано Воззваніе отъ лица архимандрпта Снасскаго монастыря.

Годъ 1695: 1) въ мартѣ Акаѳистъ царпцѣ Прасковіи Ѳеодоровнѣ; 2) до 30 іюля слово для патр. Адриана по новоду событій подъ Азовомъ; 3) 26 іюня Слово на т.: «Велпчигъ душа моя Господа»...; 4) въ сентябрѣ Книга псьменъ по азбукѣ, а въ октябрѣ разныя замѣтки въ азбуку¹⁾; 5) указъ государя о мѣстахъ для ключарей при торжественномъ богослуженіи; 6) Служба и житіе св. Іоанна Воина. Кромѣ того, написаны для патр.

1) Это такъ называемый Большой Букварь Каріона, изданный въ 1696 году.

Адріана: въ мартѣ Грамота монастырю Черниговскому Ильинскому объ учрежденіи архимандріи вмѣсто игуменства; въ сентябрѣ письмо Калипикѹ, архіепископу Константинопольскому; въ маѣ 2 письма митр. Кіевскому Варлааму; 31-го іюля письмо царю Петру подъ Азовъ; въ іюлѣ письмо Аонасію, архіеп. Холмогорскому и Важскому. 13 іюля письмо митр. Новгородскому Евоимію; 31 іюля письмо кн. Бор. Алекс. Голицыну; въ августѣ письмо бояр. Бор. П. Шереметьеву; въ сентябрѣ письмо гетману Мазепѣ. Писаны письма отъ лица царицы Евдокіи Феодоровны царю Петру (4 іюля); отъ лица кн. Прозоровскаго Евоимію, митр. Новгородскому и Великолуцкому (въ іюлѣ) и 31 іюля отъ лица царя Іоанна Алексѣевича царю Петру Алексѣевичу; въ ноябрѣ отъ неизвѣстнаго митр. Казанскому Маркеллу. Наконецъ писаны: послѣ 17 декабря извѣстіе о смерти окольного Тимофея Борисовича Юшкова, послѣ 18 ноября стихи на гробъ дьяка Порфирія Трофимовича Сѣменникова и въ декабрѣ извѣстіе объ устроеніи иконы Богородицы и І. Христа дворяниномъ Тимошеемъ Андреевичемъ Андреевымъ.

Годъ 1696: 1) въ январѣ Домострой (лучше — глава изъ Домостроя); 2) стихи на гробъ окольного Іоанна Іоанновича Чаадаева послѣ 29 января; 3) послѣ 29 января извѣстіе о смерти царя Іоанна Алексѣевича; 4) въ февралѣ — просьба о помощи отъ лица Симеона, игумена Никольскаго Перервинскаго монастыря; 5) послѣ 6 іюня — извѣстіе о смерти кн. Василя Михайловича Куракина, 6) послѣ 27 сентября извѣстіе о смерти стольника Іоанна Андр. Бутурлина. И въ этомъ году много писано для патр. Адріана: 10 мая письмо Петру Великому подъ Азовъ, въ іюнѣ письмо Митрофану, еп. Воронежскому, 27 іюля письмо бояр. Ал. Сем. Шенну, 26 іюня письмо Аонасію, архіеп. Холмогорскому, въ іюлѣ письмо Кіевскому митр. Варлааму, (вѣроятно въ августѣ) письмо гетм. Мазепѣ о Катихизисѣ, въ августѣ письмо І. Максимовичу о томъ же Катихизисѣ, 1-го августа письмо царю Петру, 2 августа грамота Силѣ, намѣстнику обители Новопечерской Брянской, въ декабрѣ письмо Бор. Іоан. Прозоровскому и митр. Кіевскому Варлааму. Кромѣ того, писаны письма отъ лица Прозоровскаго — Иларіону, митр. Псковскому и Изборскому (въ мартѣ) и переписано 10 сентября письмо царя Петра къ патр. Адріану изъ Амстердама.

Годъ 1697: бѣденъ болѣе или менѣе обширными сочиненіями; все написанное Каріономъ въ этомъ году сводится къ письмамъ, грамотамъ и извѣстіямъ¹⁾. Вотъ перечень всего написаннаго по мѣсяцамъ: 1) въ ян-

---

1) Если бы подтвердилось документами извѣстіе архим. Леонида, то въ этомъ году Каріонъ написалъ Житіе Аванасія I, преподобнаго игумена Серпуховскаго Высоцкаго монастыря.

варѣ — письмо П. Прозоровскаго Іову, митр. Новгородскому; 2) послѣ 17 января — извѣстіе, что послѣ смерти архіеп. Черниговскаго Θεодосія избранъ на его мѣсто І. Максимовичъ; 3) въ январѣ письмо патр. Адріана гетм. Мазепѣ о поставленіи въ архіепископы Черниговскіе І. Максимовича; 4) 28 февраля грамота отъ лица патр. Адріана на просьбу Каллиста, игумена Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, и Θεофана, игумена Марковскаго Витебскаго монастыря; 5) 25 февраля приказъ боярину П. І. Прозоровскому насчетъ недопущенія въ продажу Кирилла Транквиліона; 6) въ февралѣ письмо Іоанна Трубецкаго митр. Казанскому Маркеллу; 7) 16 марта письмо Тихона, митр. Сарскаго и Подонскаго, господину Имератинской земли Арчилу; 8) послѣ 4 мая извѣстіе и стихи по случаю смерти стольника Мих. Петровича Челищева; 9) Духовное завѣщаніе патр. Адріана; 10) въ августѣ письмо патр. Адріана бояр. А. С. Шеину; 11) 8 сентября письмо патр. Адріана Кіев. митр. Варлааму; 12) 19 сентября письмо атамана Низоваго войска запорожскаго Григорія Яковлева; 13) въ сентябрѣ письмо патр. Адріана Арсенію, патр. Славяносербскому; 14) Посланіе (отъ неизвѣстнаго) благодарственное и хвалительное за украшеніе храма; 15) 15 октября письмо патр. Адріана царю Петру; 16) въ декабрѣ письмо патр. Адріана митр. Казанскому Маркеллу.

Годъ 1698. Написанное въ этомъ году представляется въ такомъ видѣ: 1) въ январѣ письмо Сампсону, митр. Астраханскому; 2) въ январѣ грамота Тихона, митр. Сарскаго и Подонскаго, объ учрежденіи степеней обителямъ; 3) въ январѣ письмо кн. Прозоровскаго Іову, митр. Новгородскому; 4) 1-го февраля письмо патр. Адріана архіеп. Черниговскому Іоанну Максимовичу; 5) въ февралѣ письмо тому же Іоанну отъ схимонахини Евдоксы Челищевой; 6) въ февралѣ письмо отъ неизвѣстнаго митр. Новгородскому Іову; 7) 1-го февраля письмо патр. Адріана св. Димитрію Ростовскому; 8) 1-го февраля письмо патр. Адріана гетм. Мазепѣ; 9) послѣ 22 февраля извѣстіе о смерти игумена Сергія; 10) въ мартѣ отрывокъ изъ грамоты о томъ, чтобы Іоасафъ, архимандритъ монастыря Добраго, имѣлъ въ Сарской епархіи первую степень; 11) послѣ 2 марта извѣстіе о смерти іером. Тимоося; 12) въ апрѣлѣ запись о печатаніи кн. Евангелія; 13) предъ 11 іюня слово по поводу стрѣлецкаго бунта и рѣчь къ боярину Шенну; 14) послѣ 27 іюля извѣстіе о смерти іеродиакона Θεофана; 15) въ іюль указъ государя купцу Грудцыну о покупке бумаги; 16) письмо патр. Адріана тому же купцу и о томъ же; 17) апрѣля 30 и мая 10 письмо патр. Адріана архимандриту Кіевопечерской лавры Іоасафу Краковскому; 18) 30 апрѣля письмо монаха Герасима тому же І. Краковскому; 19) грамота патр. Адріана монастырю св. Николая Перервинскому на угодья; 20) 23 сентября посланіе Іоасафа, митр. Псковскаго, къ своей

наствѣ; 21) письмо того же Иоасафа воеводѣ Кир. Алексѣевичу Нарышкину; 22) въ сентябрѣ письмо патр. Адріана Юву, митр. Новгородскому; 23) 13 поября письмо патр. Адріана атаману Яковлеву.

Годъ 1699. 1) 3 марта перевелъ Греческій лѣтописецъ для царевича Алексѣя Петровича; 2) передъ 13 іюля — Слово по поводу стрѣлецкаго бунта; 3) Веселеилъ; 4) послѣ 17 сентября стихи на гробъ жены боярина Ѳед. Михайловича Волкопскаго. Кромѣ того, въ этомъ же году писаны: 1) письмо п. Адріана къ Кіевскимъ жителямъ; 3) въ январѣ грамота п. Адріана іеродіакону Иоасафу Булгакову; 4) въ апрѣлѣ грамота п. Адріана Кіев. митр. Варлааму; 5) 28 іюня и 20 іюля письма п. Адріана боярину Шеину; 6) донесеніе п. Адріана царю Петру объ іерод. Иоасафѣ Булгаковѣ; 7) въ сентябрѣ письмо Аоанасію, архіеп. Холмогорскому; 8) въ сентябрѣ письмо кн. П. Прозоровскаго тому же Аоанасію; 9) 2-го сентября письмо патр. Адріана Митрофану Воронежскому.

Годъ 1700: 1) Ариометика; 2) 18 августа слово на т.: «Братіе, бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ»...; 3) Послѣ 15 октября извѣстіе и стихи на гробъ патр. Адріана; 4) послѣ 4 октября стихи на гробъ жены стольника Григорія Петров. Зиновьева; 5) послѣ 30 декабря (списокъ съ указа) указъ отъ лица царя Петра о томъ, чтобы монахамъ и монахинямъ вмѣсто вотчинъ давать опредѣленное количество денегъ и хлѣба; 6) (въ томъ же декабрѣ, вѣроятно) поздравленіе отъ лица патр. Адріана съ новымъ 1701 годомъ цар. Петра, царев. Алексѣю Петровичу и царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Кромѣ указаннаго, писаны: 1) въ январѣ письмо Ал. Нарышкина царевичу Алексѣю Петровичу; 2) въ томъ же январѣ еще два письма царевичу Алексѣю отъ того же Нарышкина; 3) въ февралѣ письмо патр. Адріана Кіев. митр. Варлааму; 4) въ февралѣ письмо п. Адріана іеромон. Аоанасію присланному изъ Кіевопечерской Лавры намѣстникомъ въ Новопечерскій Брянскій монастырь; 5) 1-го апрѣля письмо поздравительное по случаю Пасхи отъ лица п. Адріана царю Петру; 6) 1 апрѣля письмо п. Адріана Т. И. Стрешневу; 7) 1 апрѣля письмо п. Адріана А. Д. Меншикову; 8) 7 апрѣля письмо п. Адріана царю Петру.

Годъ 1701: Въ этомъ году написано мало: 1) письмо отъ лица неизвѣстнаго Аоанасію, архіеп. Холмогорскому; 2) Стихи на ереси; 3) послѣ 4 февраля извѣстіе о смерти Павла, митр. Сибирскаго; 4) указъ царя Петра о монахахъ.

Годъ 1702: 1) Извѣстіе о смерти стольника Іоанна Андреевича Вельминова-Зернова (послѣ 9 февраля); 2) указъ царя Петра отъ 10 марта относительно браковъ; 3) послѣ 19 апрѣля замѣтка о походѣ царя Петра къ городу Архангельску; 4) замѣтка о постройкѣ храма въ Астрахани.

Годъ 1703: 1) Письмо Ив. Мусина царю Петру (13 мая); 2) замѣтка о томъ, что далъ книгу «обходъ святыхъ во все лѣто» Стефанидѣ Иоанновнѣ Филатьевой (въ стихахъ), и о томъ, что святцы и два букваря студенту изъ Кіева Симеону Прибыловичу.

Годъ 1704: въ декабрѣ Стихи «Въ клеймо въ посолской приказъ подъ икону». Служба чудотворцу Донату по прошенію боярина Никиты Иоанновича Иакинфова.

Годъ 1705: стихотворное письмо Дмитрію Ростовскому.

Годъ 1706: въ октябрѣ «извѣщеніе о иконѣ Богородицы».

Годъ 1707: 1) послѣ 7 февраля стихи на гробъ жены стольника Иоанна Борисовича Зубова; 2) въ мартѣ Служба съ акаѳистомъ Ипатію Гагрскому и 3) въ разныя числа мая различныя замѣтки. Въ октябрѣ написалъ, по просьбѣ Григорія Осетрова «Извѣщеніе».

Годъ 1708: 26 марта слово на т.: «Чудо быхъ многимъ».

Годъ 1711: Служба блаженному кн. Даніилу.

Годъ 1717: Слово объ иконахъ Оковецкихъ.

Кромѣ отмѣченныхъ годами сочиненій, Каріону Истомину принадлежатъ многія другія сочиненія, время написанія которыхъ или совсѣмъ неизвѣстно, или можетъ быть указано только приблизительно. Таковы: 1) нѣсколько словъ или проповѣдей¹⁾; 2) Стихи царевнѣ Софіи; 3) Отрывки изъ Грамматикъ и самая грамматика; 4) Отрывки изъ Катихизиса; 5) Стихи воспоминать смерть; 6) переводъ двухъ словъ Леонтія Карповича; 7) переводъ нѣкоторыхъ главъ изъ Римскихъ дѣяній; 8) переводъ сказанія Иеронима объ Иудѣ; 9) записки о написанныхъ и поднесенныхъ разнымъ лицамъ царской фамиліи книгахъ; 10) Созерцаніе или такъ называемыя записки С. Медвѣдева; 11) Лѣтописецъ (находящійся въ бібліотекѣ арх. Леониды)²⁾; 12) Описаніе Чудесъ Лаврентія юродиваго; 13) Акаѳистъ страстямъ Христовымъ; 14) Просительное письмо Теофана Истомина; 15) Стихи на Воскресеніе Хр. и на Успеніе Богородицы; 16) Рѣчи къ Наталіи Алексѣевнѣ и Алексію Петровичу, при поднесеніи имъ книги Сладость.

---

1) Напримѣръ, Слово противъ еретиковъ.

2) Зубовскій приписываетъ Каріону еще два поученія: 1) Слово еже не кланися и о бездождіи и о покаяніи и 2) Сл. на т.: «Труси же велицы по мѣстомъ и глади и пагубы будутъ»... Непер. Сб. Синод. библ. № IV, лл. 345—48 и 349—53.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Біографія Каріона Истомина-Заулонскаго.

ГЛАВА I.

Приступая къ описанію жизни Каріона Истомина, должно сознаться, что о ней не дошло до насъ многочисленныхъ и полныхъ извѣстій. Въ этомъ случаѣ онъ раздѣляетъ общую судьбу многихъ дѣятелей второй половины XVII-го столѣтія, каковы — Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ, Чудовскій инокъ Евѣимій и многіе другіе.

Въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Каріонъ Истоминъ, не было еще въ обычаѣ собирать свѣдѣнія о жизни дѣятелей на поприщѣ литературы и просвѣщенія вообще, и получить ихъ можно было бы изъ такихъ трудовъ, какъ собственноручныя записки того или другого писателя второй половины XVII-го столѣтія. Но послѣдніе, по большей части монахи, смотрѣли на попытку написать свою автобіографію, какъ на проявленіе суетнаго тщеславія. Иначе трудно объяснить, почему у Каріона Истомина, любившаго такъ много писать и оставившаго много біографическихъ записей о разныхъ современникахъ свѣтскаго и духовнаго сана, не явилось желанія передать въ прозѣ или стихахъ подробности своей жизни и дѣятельности.

Въ виду сказаннаго, единственными источниками для біографіи его слѣдуетъ признать замѣтки и письма, сохранившіяся среди его сочиненій въ трехъ сборникахъ Чудовской бібліотеки¹⁾. Дополненіемъ къ нимъ являются документы архива Московскаго печатнаго двора и «Розыскныя дѣла» о Федорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ.

Необходимо однако замѣтить, что біографическія свѣдѣнія, заключающіяся въ вышеназванныхъ источникахъ, отличаются неполнотою и отрывочностью. Поэтому, при описаніи жизни Каріона, нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, предположеній, равно какъ неп-

---

1) Подробное описаніе этихъ сборниковъ см. въ приложеніяхъ къ 1 части настоящаго изслѣдованія.

бѣжно должны остаться въ предлагаемомъ біографическомъ очеркѣ многіе пробѣлы, тѣмъ болѣе, что съ перваго же шага при ознакомленіи съ жизнью этого писателя приходится считаться съ нѣкоторыми запутанными вопросами.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является слѣдующій. Во второй половинѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вв. извѣстно нѣсколько дѣятелей, *носящихъ имя Каріона*. Спрашивается: который изъ нихъ именно тотъ Каріонъ, сочиненія котораго заключаются въ упомянутыхъ выше сборникахъ Чудовскаго книгохранилища?

Вотъ какъ рѣшался этотъ вопросъ нашими предшественниками.

Въ «Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей» (ч. I, А — Л, стр. 380, «Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общ.» Сиб. 1887 г.) называются два Каріона: «Каріонъ (Истоминъ) изъ чтецовъ, 1683 — 1690 г. іеродіаконъ, справщикъ Московскаго печатнаго двора, потомъ іеромонахъ». Другой Каріонъ — игуменъ и первый архимандритъ Калужскаго Лаврентьева монастыря (1698 † 1722 г. 26-го января). Впрочемъ, эти два Каріона въ «Азбучномъ указателѣ» отождествляются.

Г. Мурко въ статьѣ «Zur russischen Literaturgeschichte» упоминаетъ о другѣ Тимофея Камениевича-Рвовскаго Каріонѣ¹⁾. Г. Каптеревъ въ статьѣ «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, до открытія Славяно-греко-латинской Академіи» называетъ чудовскаго іеродіакона, а потомъ іеромонаха Каріона, посланнаго въ 1681 г. патріархомъ Іоакимомъ «въ кіевскіе школы для философскіе науки»²⁾.

Кромѣ того, въ Чудовскомъ сборникѣ № $\frac{100}{302}$, на л. 149, называется *Каріонъ Курскій*, которому 28-го іюня 1707 г. неизвѣстнымъ дано взаймы 40 алтынъ. Наконецъ, въ другомъ сборникѣ того же монастыря (№ $\frac{98}{300}$, л. 461) находится извѣстіе, что послѣ 17-го января (или же въ этотъ день) 1697 г. архіереи поставили въ архимандриты Симонова монастыря *Каріона Заболонскаго*.

Ясно, что изъ всѣхъ названныхъ выше *Каріоновъ* одинъ, носившій фамилію *Истоминъ*, есть нашъ писатель. — Который-же?

Несомнѣнно, что *Каріонъ Заболонскій*, названный въ сборникѣ № $\frac{98}{300}$, есть нашъ писатель, потому что подъ предисловіемъ къ «Малой грамма-

1) «Der Diacon des Cholopjij monastyrj an der Mündung der Mologa in die Wolga, Timofej Kamenevič Rvovsky, von dem wir 2 Chroniken und zwei «Slova» haben, bekann im J. 1680 und beendte im März 1681 ein Poslanije (Sendschreiben) an seinem Freund Karion, von dem er erfahren hatte, dass er den Mönchsstand verlassen will...» (Archiv für slavische Philologie. 1889, zwölfter B., s. 237).

2) См. «Годичный актъ въ Московской духовной академіи 1-го октября 1889 г.», стр. 13, примѣчаніе 10, гдѣ приведена сказка Каріона, сообщающая біографическія свѣдѣнія о немъ.

тикѣ», сочиненной для царевича Алексѣя Петровича, Каріонъ Истоминъ подписался: «послѣдній рабъ и всегдашній мѣтвенникъ, іеромонахъ Каріонъ Забулонскій»¹⁾).

Ничего нельзя имѣть и противъ отождествленія *Каріона Курскаго*, о которомъ говорится въ Чудовскомъ сторникѣ № $\frac{100}{302}$, съ нашимъ писателемъ, потому что послѣдній дѣйствительно происходилъ изъ города Курска, а прозванія по мѣсту происхожденія весьма обычны не только въ XVII-мъ столѣтіи (ср. Симеонъ *Полоцкій* — изъ Полоцка). О нашемъ же писателѣ говоритъ и г. Мурко, потому что Каріонъ Истоминъ переписывался съ Каменевичемъ-Рвовскимъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Едва ли также не правъ «Азбучный указатель», отождествляя двухъ названныхъ имъ Каріоновъ, по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ фактовъ, которые противорѣчили бы этому отождествленію. Во всякомъ случаѣ, первый Каріонъ «Азбучнаго указателя» несомнѣнно есть нашъ писатель.

Что касается Каріона, свѣдѣнія о которомъ сообщаетъ г. Каптеревъ, то онъ — другое лицо, младшій современникъ нашего писателя.

Изъ фамиліи Истоминыхъ извѣстенъ по нашимъ источникамъ не одинъ Каріонъ.

Въ Чудовскомъ сборникѣ № $\frac{100}{302}$, на л. 149, находится извѣстіе о монахѣ *Ипполитѣ* Истоминѣ, которому 27-го мая 1707 г. были посланы въ Молченскую пустынь съ какимъ-то Герасимомъ Курдюмовымъ — оелонь, стихарь, мантия, камлавка, клобукъ и кievское сукно на рясу. Въ томъ же сборникѣ (обор. л. 136) читаемъ челобитную Ивашки Истомина царямъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу о дозволеніи ему быть въ площадныхъ подьячихъ²⁾.

Въ сборникѣ того же монастыря № $\frac{98}{300}$ (обор. л. 284) читаемъ: «зѣвѣ мѣца септемвріа подъ крѣдъ число, внощи, в пятомъ часу, по второй четверти, на воскресный день, преставился раба Божія схимонахиня Елена Истомина давідова дщерь, успе о Господѣ мирно и падежно, церковнымъ совершенствомъ. в царствующемъ градѣ москвѣ, в монастырѣ святаго пророка Иоанна Крестителя и предтечи Господня, вже на Кулижкахъ, внем же обитають постницы, и втой день недѣльный тамо погребено бысть тѣло ея противу келліи, вней же обиташе, снею же лежить, купно въ своемъ гробѣ, жительствующая втой келліи схимонахиня Іулига старица. А отъ рожденія

1) Подпись не совсѣмъ ясна, такъ что можно послѣднее слово прочесть и «*Забулонскій*».

2) «Царемъ Государемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю всея вел. и мал. и бѣл. росіи самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ Ивашка Истоминъ — пожалуйте меня холопа вашего, велите, государи, миѣ быть в площадныхъ подьячихъ у вашего великихъ государей дѣла Московскаго стана. Цари Государи, смилуйтесь!».

лѣтъ своихъ Елена скончася семидесяти трехъ. Первое имя бысть Евдокія: марта ѧ^н. Изъ этого извѣстія узнаемъ, что въ ночь подь 24-е сентября 1693 года умерла схимонахиня Елена (въ мѣрѣ Евдокія) Истомина.

Наконецъ, въ Чудовскомъ сборникѣ № $\frac{99}{301}$ (л. $\frac{373}{363}$ — обор. л. $\frac{380}{370}$) сохранилось «Просительное писаніе» къ православнымъ о пожертвованіи на постройку церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы и угодника Николая. Подь этимъ «Просительнымъ писаніемъ» находится слѣдующая подпись: «грѣшный Теофанъ Истоминъ, строитель Троицкаго монастыря ливновскія пустыни со сожительствующею братією Бога моля и милости у васъ христовяменитыхъ людей прося челомъ бью».

Изъ «Розыскныхъ дѣлъ» о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ узнаемъ отчасти свѣдѣнія о лицахъ изъ фамиліи Истоминныхъ, отчасти же такія, которыя дополняютъ собою то, что извѣстно изъ черновыхъ бумагъ Каріона. Отсюда узнаемъ слѣдующее о родѣ Истоминныхъ: у Каріона былъ старшій братъ по имени Гавріиль, который служилъ въ Курскѣ въ подьячыхъ; этотъ Гавріиль женился въ Курскѣ же на сестрѣ Сильвестра Медвѣдева Дарьѣ и имѣлъ отъ нея троихъ дѣтей: Ивана Большаго, Ивана Меньшаго и дочь Авдотью (т. I, стлб. 1057 — 1062). Приведенная выше челобитная царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ писана, очевидно, отъ лица Ивана Большаго Истомина¹⁾.

Упоминается въ «Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳ. Шакловитомъ» и схимонахиня Елена Истомина, при чемъ Иванъ Большой называетъ ее *своею бабкою* (...«а жилъ въ Ивановскомъ монастырѣ у бабки своей старицы Елены Истоминой»). Слѣдовательно, Елена (Евдокія) Истомина была матерью Гавріила и Каріона (*ibid.* стлб. 519—523).

Сводя во едино свѣдѣнія нашихъ источниковъ, можно сказать, что Каріонъ (мірскаго имени его не знаемъ) Истоминъ родился въ городѣ Курскѣ²⁾, въ семьѣ, которая едва ли принадлежала къ разряду знатныхъ. Правда, мы ничего не знаемъ объ отцѣ Каріона; но, судя потому, что братъ Каріоновъ Гавріиль былъ подьячимъ³⁾, что самъ Каріонъ сперва былъ простымъ іеродіакономъ и служилъ чтецомъ на Печатномъ дворѣ, едва ли будетъ ошибкою высказанное выше предположеніе, что по рожденію онъ не принадлежалъ къ «людямъ породнымъ».

1) Не носилъ ли одинъ изъ этихъ Ивановъ Истоминныхъ въ послѣдствіи монашескаго имени Ипполитъ?

2) Въ письмѣ къ Іову, митроп. Новгородскому, Каріонъ говоритъ, между прочимъ: «моею града Курска».

3) Г. Оглоблинъ въ ст. «Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ» признаетъ вполне истиннымъ показаніе князя Курбскаго о происхожденіи подьячихъ, что избирались они «не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простого всенародства». (Журн. Мин. Нар. Пр., 1894, сентябрь, 121 стр., 146—147).

Отецъ Каріона назывался *Истома*, по фамиліи Заулонскій или Заболонскій. Но дѣти его оставили фамилію отца (или, по крайней мѣрѣ, употребляли ее рѣдко) и называли себя по отчеству *Истоминьми*. Подобное явленіе было не рѣдкостью въ XVII-мъ столѣтій, судя по тому, напримѣръ, что и Федоръ Поликарповъ называлъ себя по отчеству, совершенно оставивъ свою фамилію Орловъ (см. мою монографію «Федоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ, директоръ Московской типографіи». Журн. Мин. Нар. Просв., 1894 г., сентябрь, стр. 6). Больше мы ничего не знаемъ о родителяхъ нашего писателя. Если позволительно признать вполне вѣроятнымъ положеніе, что въ XVII-мъ столѣтій, какъ и нынѣ у простыхъ и средняго состоянія людей, старшій сынъ наследовалъ занятіе отца, то можно допустить, что Истома Заболонскій служилъ подьячимъ.

Мать Каріона звалась Евдокією и, вѣроятно, овдовѣвъ, поступила схимонахинією въ Московскій Ивановъ монастырь, гдѣ и скончалась въ 1693 году.

Такъ какъ въ годъ смерти ей было 73 года, то можно *приблизительно* опредѣлить время рожденія Каріона Истомина. Допуская, что Евдокія вышла замужъ за Истому Заболонскаго не позднѣе 16 лѣтъ (потому что русскіе въ XVI-мъ и XVII-мъ вв. женили сыновей и выдавали замужъ дочерей рано¹⁾), и зная, что Каріонъ не былъ первенцемъ, можно отнестъ время рожденія его *къ концу четвертаго десятилѣтія* XVII-го вѣка. Итакъ Каріонъ былъ немногимъ старше своего земляка, а затѣмъ, благодаря женитьбѣ брата, и родственника—Сильвестра Медвѣдева, родившагося, какъ свидѣтельствуется недавно напечатанная записъ, 27-го января 1641 года²⁾.

Если высказанное выше предположеніе о томъ, что Истома Заболонскій былъ провинціальнымъ подьячимъ, справедливо, то можно дать нѣкоторое представленіе о той средѣ, которая окружала нашего писателя въ дѣтствѣ. Это была среда служилого сословія, изъ котораго многіе попадали потомъ въ члены служилой аристократіи, среда людей довольно зажиточныхъ.

Свидѣтельство тому находимъ въ тѣхъ правилахъ о приличіяхъ, которыя изложены Каріономъ въ одномъ изъ его сочиненій, называемомъ обыкновенно «Домостроемъ». Несомнѣнно, въ послѣднемъ отразилась бытовая обстановка, пережитая авторомъ въ дѣтствѣ; между тѣмъ здѣсь встрѣчаются правила и подробности, ясно указывающія на среду болѣе или менѣе знатныхъ людей. Вотъ, напримѣръ, наставленіе:

1) См. Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI-мъ и XVII-мъ стол.» Спб. 1860 г., стр. 157.

2) См. ст. г. Зубовскаго «Къ біографіи Сильвестра Медвѣдева», Журн. Мин. Нар. Просв., 1890 г., сентябрь, стр. 149—151.

«Домовладыкамъ когда часъ обѣда, | служащимъ блюсти чиннаго
вѣ немъ слѣда.
Осмотрѣти столъ, скатерть бѣлу слати, | хлѣбъ, соль и лжицы, та-
леры собрати.

Ножи и вилки въ платы разложить, | воды принести руки измыти...»

Костомаровъ въ названномъ выше «Очеркѣ», между прочимъ, говорить: «...Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ» («Очеркъ», 95 стр.; ср. стр. 57, гдѣ говорится о ножахъ и вилкахъ).

Вообще изложенныя Каріономъ въ «Домостроѣ» правила относятся къ средѣ людей зажиточныхъ или средняго достатка.

Что семья Истоминыхъ была именно такова, можно догадываться изъ того, что говорится въ «Розыскныхъ дѣлахъ» о семьѣ его старшаго брата Гавріила. Дѣти послѣдняго, Иванъ Большой и Иванъ Меньшій, подавая царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ челобитную объ отдачѣ имъ двора вотчина ихъ, Михаила Гульскаго, писали о своемъ отцѣ: «отецъ, государи, нашъ Гаврило Истомино... былъ на многихъ вашихъ... службахъ въ полкахъ бояръ и воеводъ; и волею Божіею, отца нашего не стало; а послѣ его мать наша Дарья вышла замужъ за иноземца за Михайла Гулскаго *со многими отца нашего пожитками...*» (I т., стлб. 1057).

Далѣе, судя по тому, что мать Каріона Евдокія и другіе члены фамиліи Истоминыхъ (Ипполитъ, Теофанъ) поступили въ монастырь, слѣдуетъ заключить, что среда, въ которой онъ получилъ первыя впечатлѣнія, отличалась, кромѣ зажиточности, религіозностью и предрасположеніемъ къ аскетизму. Предполагать какія-либо постороннія побудительныя причины къ поступленію въ монастырь нѣтъ никакой нужды.

Такъ какъ, съ другой стороны, многіе члены той же фамиліи были грамотны, то, значить, Каріонъ росъ въ средѣ тѣхъ немногочисленныхъ въ XVII-мъ столѣтіи, особенно въ провинціи, людей, для которыхъ грамотность была необходимостью, которые сознавали важность образованія. Такимъ образомъ Каріонъ, говоря въ своемъ «Домостроѣ» —

«Умнословна бо душа въ чловѣцѣ, учитися долгъ всякого въ своемъ
вѣцѣ», —

высказывалъ искреннее убѣжденіе людей, выросшихъ въ одной съ нимъ средѣ.

На основаніи сказаннаго можно предположить, что элементарное образованіе Каріонъ получилъ въ Курскѣ, подъ руководствомъ какого-либо «мастера» или члена собственной семьи. Весьма возможно, что его, согласно

обычаю того времени, семи лѣтъ послѣ молебна засадили за букварь, затѣмъ перешли къ часослову и псалтыри.

Таково, по всей вѣроятности, было первоначальное образованіе нашего писателя.

Къ сказанному можно прибавить одно соображеніе о характерѣ пройденной имъ школы. Если принять во вниманіе послѣдующіе учебно-педагогическіе труды Каріона, его буквари, и высказанное въ нихъ стремленіе облегчить дѣтямъ усвоеніе буквъ и складовъ («предложихъ вещественныхъ видовъ образы, коимъ словомъ кая вещь начпнается глаголати, подъ всякимъ писменемъ радп любезнаго созерцанія отрочатамъ учащимся, и названія видовъ удобнаго въ складѣ, да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣннаго начертанія тѣхъ...»). Изъ предисловія къ букварю 1692 — 93 г.), то, естественно, притти къ двумъ предположеніямъ: или онъ самъ на себѣ испыталъ облегченіе, которое приносятъ дѣтямъ фигуры при усвоеніи буквъ и складовъ, или же усвоеніе и тѣхъ и другихъ стоило ему въ дѣтствѣ, при существовавшихъ тогда методахъ обученія, немалыхъ трудовъ, а можетъ быть, и страданій. Последнее предположеніе имѣетъ болѣе вѣроятія въ виду существовавшихъ при Каріонѣ букварей¹⁾, гдѣ прославлялись въ стихахъ розги, жезлы и бичи, какъ наиболѣе дѣйствительныя педагогическія условія примѣрнаго прилежанія, вниманія, поведенія и успѣховъ учащихся.

«Цѣлуйте розгу, бичъ и жезль лобзайте:

та суть безвинна; тѣхъ не проклиняйте

И рукъ, яже вамъ язвы налагають,

ибо не зла вамъ, но добра желаютъ» —

говорится, въ видѣ увѣщанія учащимся, въ одномъ изъ букварей (изд. 1679 г.).

Впрочемъ, какой бы характеръ ни носила школа, пройденная Каріономъ въ дѣтствѣ, для насъ особенно важно то, что онъ въ Курскѣ могъ получить первоначальное образованіе, подобно тому, какъ старшій братъ его Гавріиль, не бывъ никогда въ Москвѣ, получилъ такое образованіе, что могъ занимать довольно важное и отвѣтственное мѣсто подьячаго²⁾. Подтверженіемъ того, что въ Курскѣ въ XVII-мъ столѣтіи были люди, занимавшіеся обученіемъ дѣтей, можетъ служить и личность Сплвестра Медвѣдева, который, прішедши изъ Курска въ Москву, очутился въ 1665 году подьячимъ Тайнаго приказа, собственной секретной канцеляріи

1) О нихъ рѣчь будетъ во второй части нашего изслѣдованія.

2) Чего требовало это мѣсто, см. въ указанной уже статьѣ г. Оглоблина «Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII-мъ столѣтіи».

Государя, куда выбирались люди особенно свѣдующіе (см. И. Е. Забѣлина «Замѣтки для біографіи С. Медвѣдева» въ «Лѣтоп. р. лит.» Тихонова, т. V, вып. I, стр. 120 и слѣд. Ср. С. А. Бѣлокурова «С. Медвѣдева Извѣстіе истинное», стр. V).

Когда и въ силу какихъ обстоятельствъ Каріонъ оставилъ родной Курскъ и переселился въ Москву, мы не знаемъ точно. Впрочемъ, на основаніи имѣющихся данныхъ можно и въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторыя предположенія.

Въ январѣ 1681 года онъ уже выступилъ въ Москвѣ на литературномъ поприщѣ съ проповѣдью, слѣдовательно, въ это время онъ усвоилъ уже теорію проповѣди, хотя бы и по образцамъ проповѣдей Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго. Кроме того, въ 1682 году онъ былъ назначенъ справщикомъ типографіи (начавъ службу на Печатномъ дворѣ на немъ чтецомъ съ 1679 г.) и зналъ греческій языкъ такъ хорошо, что обучалъ этому языку въ школѣ на Печатномъ дворѣ. Ясно, что для пріобрѣтенія такихъ познаній нужно было довольно продолжительное время.

Это время онъ провелъ въ Москвѣ, такъ какъ только здѣсь въ XVII-мъ столѣтіи можно было пріобрѣсти тѣ свѣдѣнія, какія обнаружилъ Каріонъ въ 1681 — 1682 годахъ.

Мало того, можетъ быть, его побудили идти въ Москву слухи объ удачѣ земляка и родственника С. Медвѣдева, который въ 1665 году служилъ подъячимъ въ Тайномъ приказѣ. Однимъ словомъ, можно предположительно считать временемъ прибытія Каріона въ Москву семидесятые или послѣдніе шестидесятые годы XVII-го столѣтія.

Косвеннымъ доказательствомъ сдѣланнаго предположенія является слѣдующее обстоятельство.

Въ бумагахъ Каріона Истомина (Чудовскій сборн. № $\frac{100}{302}$, л. 184) сохранилось письмо къ Сильвестру Медвѣдеву отъ Софронія, игумена Молчепской пустыни. Это письмо писано, какъ намъ думается, 26-го сентября 1676 года.

Вотъ на чемъ основываемъ эту дату. Въ рукописи стоитъ помѣта: «а̄хоз» (1677) годъ.

Въ текстѣ письма встрѣчается такая фраза: «мы же въ дому Пресвятыя Богородицы еще есмь *сентября по к̄с* (26) благодатию Христовою живи...». Слѣдовательно, письмо писано 26-го сентября 1677 года по тогдашнему счету, когда новый годъ начинали съ 1-го сентября. На нашъ счетъ это будетъ 26-ое сентября 1676 года. Такъ какъ письмо писано въ Москву, то С. Медвѣдевъ въ это время былъ уже тамъ, что разрушаетъ мнѣніе г. Бѣлокурова, будто Медвѣдевъ возвратился въ Москву изъ Молчепской пустыни только въ 1677 году (см. «С. Медвѣдева Извѣстіе

истиинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ». Москва, 1886 г., стр. IX).

Какимъ образомъ это письмо попало въ число бумагъ Каріона? Остается отвѣтить: или онъ былъ авторомъ письма, какъ онъ авторъ почти всѣхъ сочиненій, заключающихся въ Чудовскихъ сборникахъ, или же, будучи близокъ къ Медвѣдеву, выпросилъ или переписалъ его для себя на память. Вѣроятнѣе первое предположеніе. Тогда надо допустить, что въ 1676 году въ числѣ братіи Молченскаго монастыря находился и нашъ писатель.

Явиться въ Молченскую пустынь онъ могъ по вызову своего земляка и родственника С. Медвѣдева. Послѣдній, будучи увлеченъ идеей монашества, въ 1672 году ушелъ изъ Москвы въ Молченскую пустынь, «хотяще устранився міра и его молвы».

Весьма возможно, что Медвѣдевъ призвалъ въ Молченскую пустынь Каріона въ то время, когда примирился съ многочисленностью этой обители (...«множество челоуѣкъ начаша къ намъ приходити») и здѣсь принялъ монашество. Въ такомъ случаѣ прибытіе Каріона изъ Курска въ Молченскую пустынь слѣдуетъ отнести ко времени послѣ 8-го августа 1675 года, когда Медвѣдевъ былъ уже монахомъ.

Вскорѣ послѣ принятія монашества Медвѣдевъ покинулъ Молченскую пустынь и переселялся въ Москву. Недолго оставался въ той же обители и Каріонъ. Въ 1679 году онъ, несомнѣнно, былъ уже въ Москвѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ его бумагахъ и писанное имъ по порученію патріарха Іоакима посланіе къ Досіоею, митрополиту Молдавской земли, отъ 16-го декабря 1679 года (Чудовскій сборн. № $\frac{98}{300}$, л. 334).

Гдѣ же Каріонъ принялъ монашество — въ Москвѣ или въ Молченской пустыни? Вѣроятнѣе, что онъ былъ уже монахомъ въ Молченской пустыни. Думаемъ такъ на слѣдующемъ основаніи. Въ мартѣ 1681 года іеродіаконъ и уставщикъ Троицкаго Аванасіевскаго монастыря, Тимооѣй Каменевичъ-Рвовскій, писалъ Каріону увѣщательное письмо, въ которомъ называетъ его *іеродіакономъ*. Этотъ санъ монашескій дается не сразу. Кромѣ того, если Каріонъ задумалъ оставить монашество, едва очутился въ Москвѣ, то можно представить себѣ такое стеченіе обстоятельствъ: призванный Медвѣдевымъ въ Молченскую пустынь, слушая горячо увлеченнаго идеею монашества своего земляка и родственника, Каріонъ невольно поддавался убѣжденіямъ послѣдняго и рѣшилъ принять монашество. Очувшись же въ Москвѣ, охваченный пылыми впечатлѣніями, увлекаемая событиями окружающей мірской жизни, онъ задумалъ оставить монашество¹⁾.

1) Каріонъ задумалъ жениться, но его отговорилъ Каменевичъ-Рвовскій, написавъ 18-го марта 1681 г. обширное посланіе. Посланіе носитъ слѣдующее заглавіе: «Книга написана Новосозданъ Вертоградъ или рещи умный Божій оградъ, яко твердо основанный отъ

Такимъ образомъ, не явился Каріонъ въ Москву монахомъ, онъ, быть можетъ, никогда имъ и не былъ бы.

На основаніи сказаннаго необходимо считать вторымъ періодомъ въ жизни Каріона Истомина время послѣ 1678 года, когда онъ пополнялъ первоначальное образованіе, полученное въ Курскѣ, въ московскихъ школахъ.

Каковы же были эти школы и что онѣ могли дать нашему писателю?

ГЛАВА II.

Первымъ вопросомъ при разсмотрѣніи московскаго періода жизни Каріона является вопросъ о томъ, гдѣ онъ жилъ по прибытіи въ Москву?

С. Медвѣдевъ 10-го іюня 1681 года отослалъ съ Каріономъ Истоминымъ къ патріарху составленный имъ отвѣтъ на Wузнаніе Wiагу Яна Бѣлободскаго (см. «Извѣстіе истинное», стр. XI). Слѣдовательно, Каріонъ въ 1681 году жилъ тамъ же, гдѣ жилъ и Медвѣдевъ. Этотъ же послѣдній, возвратившись въ Москву изъ Молченской пустыни въ 1676 году, поселился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Вѣроятно, тамъ же пріютился и Каріонъ, тѣмъ болѣе, что и въ Москву то онъ прибылъ, быть можетъ, по вызову Медвѣдева.

Вскорѣ послѣ 1681 года онъ переселился въ Чудовъ монастырь, іеродіакономъ котораго и былъ, что видно изъ многочисленныхъ сочиненій его, гдѣ онъ подписывается іеродіакономъ Чудова монастыря.

него градъ, в онже да притекаетъ тщательно Каріонъ падшій нашъ братъ і долженъ онъ вней душевное свое забрало утверждать і спасенія си отъ Бога и царя ждаты; къ сему же граду Божію и всякій грѣшній такожде да нудится прибѣгать и в немъ спасеніе свое пріобрѣтаты». Въ немъ находимъ такое увѣщаніе:

«Свѣтѣнія, брате, нѣсть въ тебѣ. Увы и мнѣ,
О Каріоне! Самъ о себѣ ты,
Молю тя, подозрѣніе сотвори,
Зане малодушествовал еси.
И елика азъ слышахъ о тебѣ,
Сприложилъ сія и себѣ
Плача тоя бѣды рекохъ и паки реку
И еще да глаголю: оле брате,
Паденіе твое веліе!
Отъ невниманія ти своего погубилъ еси
Образъ зрака ангельскаго,
Приложился ты скотомъ несмысленнымъ
И уподобился еси имъ». (См. Титова: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія... П. А. Вахрамѣеву. Вып. II, М. 1892, стр. № 451, л. 170—171. Его же ст. о Каменевичѣ-Рвовскомъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1892 г. № 3-й).

скія, принадлежащія... П. А. Вахрамѣеву. Вып. II, М. 1892, стр. № 451, л. 170—171. Его же ст. о Каменевичѣ-Рвовскомъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1892 г. № 3-й).

Грамотнымъ и съ желанїемъ поступить въ число иноковъ какого-либо московскаго монастыря вступилъ Карїонъ въ Москву, которая надолго стала его постояннымъ мѣстомъ жительства, и въ которой протекла большая половина его жизни. Здѣсь же, въ Москвѣ, онъ проявилъ свою дѣятельность, какъ писатель проповѣдей и стиховъ, какъ справщикъ и начальникъ книжнаго Печатнаго двора. Такимъ образомъ, Карїонъ достигъ такой должности, на которую въ XVII-мъ столѣтїи назначались люди самые образованные.

Спрашивается: гдѣ же Карїонъ могъ прїобрѣсти тѣ свѣдѣнїа, которыя обнаружилъ на Печатномъ дворѣ и на другихъ попрщахъ дѣятельности? Чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо узнать, какія вообще образовательныя средства представляла Москва въ то время, когда Карїонъ Истоминъ появился въ ней. Такимъ образомъ, намъ приходится, затронуть здѣсь вопросъ о московскихъ школахъ въ XVII-мъ вѣкѣ, вопросъ столь важный въ исторїи нашего просвѣщенїа.

Исторїя школьнаго образованїа въ Московской Руси въ XVII-мъ столѣтїи имѣетъ самую тѣсную связь съ литературою этого столѣтїа. Въ этомъ вѣкѣ появляются школы, дающїя среднее и высшее образованїе, которое кладетъ рѣзкій отпечатокъ и на литературу.

Въ школахъ того времени изучаются древнїе языки, тутъ же происходитъ знакомство съ такими литературными формами, какихъ до того времени на Руси не знали; возникаетъ стихотворство, появляется драма, даже въ литературный языкъ проникаютъ новые элементы.

Начавшееся умственное движенїе, заставлявшее жизнь идти впередъ, неизбежно породило борьбу новаго со старымъ. Литература отражаетъ на себѣ эту борьбу отжившаго и отживающаго съ только что начинающимъ жизнь. Борьба, вслѣдствїе своей страстности, при медленномъ распространенїи просвѣщенїа, не обходится безъ нѣкоторыхъ недоразумѣнїй, иногда вполне роковаго характера, какъ, напримѣръ, расколъ. Вотъ почему, для яснаго пониманїа и вѣрной оцѣнки разнообразныхъ и многочисленныхъ явленїй литературы XVII-го вѣка, необходимо ближайшее знакомство съ исторїей школьнаго дѣла на Руси за этотъ періодъ времени.

Выставленное значенїе исторїи школьнаго дѣла въ Россїи въ XVII-мъ столѣтїи давно признано въ нашей ученой литературѣ. По этому вопросу о школахъ въ Россїи за указанный періодъ посвящено не мало частныхъ изслѣдованїй¹⁾, но его нельзя считать разъясненнымъ, въ виду той скудости

1) Вотъ перечень сколько-нибудь замѣчательныхъ изъ нихъ: 1) Амвросій: «Исторїа россійской іерархїи», 1812 г., т. I, 401—457 стр.; 2) Митроп. Евгений: «Словарь о писателяхъ духовнаго чина», 1827 г.; 3) Горскій: «О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII-мъ столѣтїи». Прибавл. къ Твор. св. отц., 1845 г., стр. 147—197; 4) Арх. Филаретъ: «Исторїа русской

свѣдѣній, какою отличается исторія нашихъ школъ даже въ концѣ XVII-го вѣка. Много противорѣчиваго и спутапаго высказано въ названныхъ только что сочиненіяхъ по данному вопросу; многія стороны его не указаны совсемъ или представляются спорными. Мало того, даже самый вопросъ о существованіи школъ въ Москвѣ въ XVII-мъ столѣтіи до открытія славяно-греко-латинской академіи подвергается сильной критикѣ и признается лишь выдумкой ученыхъ. Таково мнѣніе г. Каптерева, недавно высказанное имъ въ рѣчи «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ». Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ его сочиненія. «Такимъ образомъ, — говоритъ онъ на 32 стр., — разсмотрѣніе тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ наши ученые могли придти къ заключенію, что въ Москвѣ съ половины XVII-го вѣка существовало нѣсколько греко-латинскихъ школъ, привело насъ къ тому очень вѣроятному выводу, *что такихъ школъ въ Москву въ указанное время въ действительности вовсе не существовало*. Столь рѣзкій приговоръ о существованіи школъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ нѣсколько ниже на стр. 41, смягчается: . . . «наше правительство, вызывая въ Москву и оставляя здѣсь ученыхъ грековъ и кіевлянъ, имѣло въ виду получить въ лицѣ ихъ главнымъ образомъ и по преимуществу свѣдущихъ переводчиковъ съ греческаго и латинскаго языковъ. . . Конечно, эти ученые люди могли заниматься у насъ и учительствомъ. . . Если на выучку къ такому лицу отдавались извѣстные ученики по приказу самого царя, то въ этомъ случаѣ на царскій счетъ возводилась иногда даже особая келья, гдѣ должно было происходить обученіе, строилась, какъ тогда говорилось, школа. Но при постройкѣ такой школы на царскій счетъ имѣлось въ виду устроить не постоянную школу, которая бы служила интересамъ образованія и просвѣщенія вообще, а временную съ опредѣленною практическою цѣлію» . . .

Сопоставляя приведенныя мѣста изъ рѣчи г. Каптерева, видимъ, что онъ въ сущности готовъ признать справедливою мысль, что до открытія славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ были временныя школы, гдѣ можно было приобрѣтать извѣстныя свѣдѣнія. Онъ только отказываетъ

церкви» 1847 г. Періодъ патріаршества, § 20, 112—119 стр. 5) Смирновъ: «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи» 1855 г.; 6) Мирковичъ: «О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ», Журн. Минист. Нар. Просвѣщ., 1878 г. № 7, 1 — 62 стр. Здѣсь указаны соч. Н. Лавровскаго, г.г. Купріянова, Руднева, Забѣлина и Мордовцева; 7) Соловьевъ: «Исторія Россіи съ древн. врем.», т. IX; 8) Макарій: «Исторія русской церкви», 1883 г., т. XII; 9) Лебедевъ: «Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ», 1875 г.; 10) Бѣлокуровъ: «Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ», 1888 г.; 11) Каптеревъ: «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ до открытія славяно-греко-латинской академіи». Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1889 г.; 12) «Кіевская старина», 1890 г., ноябрь.

Не говоримъ о многочисленныхъ курсахъ «Исторіи педагогики», гдѣ удѣляется нѣсколько страницъ и исторіи просвѣщенія на Руси.

этпмъ *временнымъ школамъ* въ названіи «школы», каковое названіе готовъ присвоить школамъ съ опредѣленною программю. Дѣло, слѣдовательно, сводится къ названію и личнымъ взглядамъ. Согласимся, что нѣкоторые ученые, быть можетъ, очень заблуждались, когда насчитывали слешкомъ много (и даже спеціальныхъ) школъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, когда опредѣляли съ точностью, чему въ этихъ школахъ учили¹⁾; но не совсѣмъ правъ и г. Каптеревъ, когда отказываетъ существовавшимъ временнымъ учебнымъ заведеніямъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ къ названію «школа».

Если, какъ онъ самъ говоритъ (на стр. 41), отдѣльныя кельи, возводившіяся на счетъ царскій, люди XVII-го вѣка называли «школамъ», то мы и должны припимать это названіе для учебныхъ заведеній того времени, каковы бы ни были эти послѣднія по своему характеру. Во всякомъ случаѣ странно со стороны историка навязывать нашимъ предкамъ XVII-го вѣка современное понятіе о школѣ. Намъ кажется, на дѣло необходимо смотрѣть проще: если въ несомнѣнныхъ документахъ читаемъ, что въ апрѣлѣ 1653 года за пять стопъ бумаги «книжной доброй», *взятой на патриаршій дворъ для школы*, дано по рублю, 13 алт., 2 деньги за стопу (см. Николаевскій: «Московскій печатный дворъ при патриархѣ Никонѣ». Христіанское чтеніе, 1890 г. № 1—2-й, стр. 130, примѣч. 3),—то намъ остается признать, что и до открытія славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ существовали школы. Иной вопросъ, на сколько учебныхъ заведеній XVII-го вѣка заслуживаютъ съ современной намъ точки названія «школы».

Въ силу всего сказаннаго по поводу статьи г. Каптерева, мы и послѣ нея осмѣливаемся говорить о существованіи школъ въ Москвѣ въ XVII-мъ вѣкѣ; мы не можемъ не говорить о нихъ, потому что Каріонъ Истомянъ первымъ своимъ литературнымъ трудомъ, своею службою на Печатномъ дворѣ въ качествѣ справщика и учителя, наконецъ, своимъ стихамъ царевичъ Софія Алексѣевнѣ, блистательно доказываетъ, что въ 60 и 70-хъ годахъ XVII-го столѣтія въ Москвѣ были и учителя и школы, что въ этихъ школахъ, которыя не удовлетворяютъ г. Каптерева, можно было научиться кое-чему хорошему и полезному для своего времени. Итакъ, обратимся къ исторіи просвѣщенія въ Москвѣ въ XVII-мъ столѣтіи. Постараемся, на сколько сумѣемъ, сгруппировать въ одно цѣлое данныя, извѣстныя до сего времени по вопросу о школахъ, и уяснить нѣкоторыя темныя стороны этого вопроса.

Незавидно было состояніе школьнаго дѣла въ Россіи наканунѣ XVII-го столѣтія. Правда, о необходимости завести побольше школъ на Руси ста-

1) Г. Каптеревъ въ примѣч. 1 своей статьи очень ѣдко указываетъ эти промахи въ соч. г.г. Майкова, Татарскаго и Соколова.

рался еще извѣстный архіепископъ Новгородскій Геннадій; но его проектъ не былъ принятъ. Не помогли дѣлу и жалобы царя и отцовъ на Стоглавомъ соборѣ 1551 года. Смутно и односторонне понимались цѣли образованія. Программа, начертанная отцами Стоглаваго собора, весь кругъ знаній опредѣляла тѣмъ, чтобы въ школахъ, заведенныхъ при домахъ добрыхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ, учить грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію, дать возможность учащимся читать всякія принятія православною церковію книги и научить церковному уставу. Такимъ образомъ, не знали разграниченія между науками свѣтскими и духовными; объ изученія иностранныхъ языковъ совсѣмъ не упоминаютъ, да и все ученіе сводили въ сущности къ умѣнью читать и писать.

Но школьное дѣло на Руси не могло остановиться на этомъ. Восточные патріархи, учреждая въ Россіи патріаршество, сдѣлали такое постановленіе: каждый епископъ въ своей епархіи долженъ заботиться и употреблять всевозможные способы, чтобы, кто можетъ, изучалъ священное писаніе, и оказывать посильную помощь, какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться. Исполняя волю патріарховъ, Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, задумалъ учредить училища съ программой болѣе широкой, въ которую входило и изученіе иностранныхъ языковъ. Съ этою цѣлью послалъ онъ 18 юношей-дѣтей боярскихъ въ Лондонъ, Любекъ и Францію для изученія разныхъ наукъ и языковъ. Кромѣ того, по сообщенію Татищева, онъ открылъ въ московскомъ Законопасскомъ монастырѣ училище для всенароднаго обученія разнымъ языкамъ, хотя другихъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній объ этой школѣ мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ планамъ царя Бориса Феодоровича не суждено было осуществиться.

По свидѣтельству нѣмецкаго пастора Бера, намѣреніе Годунова встрѣтило протестъ со стороны духовенства, которое заявило опасеніе, что «разноязычіе», т. е. распространеніе знанія иностранныхъ языковъ, породитъ въ Россіи разновѣріе, и прежнее согласіе погибнетъ отъ распространенія неправославныхъ ученій. Если такой протестъ со стороны русскаго духовенства дѣйствительно былъ заявленъ, то въ немъ едва ли справедливо видѣть (какъ дѣлаютъ это архіеп. Филаретъ, Мирковичъ и др. ученые) только признакъ невѣжества русскихъ того времени и нежеланіе просвѣщенія. Опасеніе иновѣрческой пропаганды имѣло полное основаніе.

Извѣстно изъ исторіи просвѣщенія юго-западной Руси, что школа часто служила проводникомъ католическихъ и протестантскихъ идей въ православную среду. Особенно іезуиты изобрѣтали разныя средства къ распространенію своихъ школъ не только въ юго-западной Руси, но и въ московской. Изъ XVI-го вѣка особенно замѣчательна въ этомъ направленіи дѣятельность іезуита Антонія Поссевипа. Онъ побудилъ папу Григорія XIII учредить въ

Римъ коллегію «De propaganda fide» и при ней школу для обученія лицъ, православныхъ по происхожденію, папримѣръ, греческихъ и славянскихъ юношей, при чемъ при поступленіи въ школу требовали отъ нихъ принятія униі. Находясь въ Москвѣ въ 1582 году, онъ просилъ Іоанна IV Грознаго разрѣшить русскимъ юношамъ обучаться въ этой школѣ. Хотя просьба его отклонена царемъ, но іезуиты не оставляли своихъ плановъ: въ 1600 году польскій король Сигизмундъ III, фанатическій покровитель іезуитовъ, черезъ своего посла Льва Сапѣгу предлагалъ Борису Годунову завести во многихъ городахъ—въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др.—костелы для поляковъ и при нихъ школы для обученія русскихъ; просилъ также дозволить русскимъ обучаться въ польскихъ и литовскихъ училищахъ. Но эти предложенія были отвергнуты.

Какое вообще значеніе въ дѣлѣ распространенія своего вѣроисповѣданія придавали школѣ западные сосѣди Руси, видно, между прочимъ, изъ того, что позднѣе шведскій король Карлъ XI заводилъ, по свидѣтельству Бера, на ливонской границѣ школы для русскихъ съ цѣлью обращенія ихъ въ лютеранство. Припомнимъ здѣсь также и слова выходца изъ Западной Руси Павла Нагребцакаго въ челобитной на Яна Бѣлободскаго. Когда Янъ Бѣлободскій, утверждая свое православіе противъ обвиненій въ протестантизмѣ, говорилъ, что раньше онъ былъ католикомъ и, что іезуиты боялись, чтобы онъ въ Смоленскѣ «академіи, сирѣчь науки, не заводилъ», то Нагребцакій называлъ слова Бѣлободскаго ложью, такъ какъ іезуиты были бы очень рады, чтобы не только въ Смоленскѣ, но и въ Москвѣ распространились науки чрезъ него, ибо они справедливо полагали, что такимъ путемъ скорѣе можно было бы приучить православныхъ къ своей вѣрѣ (см. Д. Цвѣтаевъ: «Памятники къ исторіи протестантизма въ Россіи», т. I, 198 стр.).

Изъ сказаннаго ясно, что для московскихъ людей XVI-го вѣка были серьезныя причины опасаться заведенія школъ иностранцами, такъ что ограничиваться одною ссылкою на невѣжество не достаточно.

Въ эпоху смуты Русскому правительству свѣтскому и духовному — было не до школъ. Но когда Россія пережила тяжелое время и смута улеглась, снова возникъ вопросъ о школахъ, въ которыхъ преподавались бы и иностранные языки. Существуетъ цѣлый рядъ документальныхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ Московское правительство заботилось пайти не на Западѣ, а въ Греціи хорошихъ учителей, которые могли бы преподавать греческій языкъ и переводить книги съ греческаго на русскій языкъ.

Если еще въ 1585 году Сильвестръ, патріархъ Алексадрійскій, писалъ царю Θεодору: «составь училище и поставь наказателя, чтобы въ немъ учились греческой грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣры», а его преем-

никъ патріархъ Мелетій Пягасъ совѣтоваль въ 1593 году: «Строй у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ пзсякнуть до основанія». Если ни откуда не видно, чтобы желаніе и совѣты патріарховъ были исполнены, то въ царствованіе Михаила Феодоровича, въ концѣ патріаршества отца его Филарета (въ 1632 году), Московское правительство само обратилось къ Константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису съ просьбою прислать въ Москву вполнѣ православнаго учителя для предполагаемой школы. Не успѣлъ патріархъ Кириллъ Лукарисъ (прежде бывший учителемъ въ Львовской братской школѣ) отвѣтить на просьбу царя и патріарха, какъ въ Москвѣ явился желанный учитель въ лицѣ протосингела Александрійскаго патріарха Іосифа, раньше жившаго въ Юго-Западной Руси и знавшаго русскій языкъ.

Этотъ Іосифъ приѣхаль въ Москву 7-го сентября 1632 года. Его убѣдили остаться на государевой службѣ, и 19-го сентября того же года ему была выдана грамота, въ которой говорилось между прочимъ: «Протосингелу архимандриту Іосифу, будучи въ нашемъ государствѣ, намъ служити духовными дѣлы, переводити ему греческіе книги на словенскій языкъ и учити на учителномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языку и грамотѣ; да емужъ переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латинскіе ересп». Такимъ образомъ, Іосифу дали сразу два дѣла. По имѣющимся даннымъ можно однако заключать, что онъ больше занимался переводомъ книгъ, чѣмъ обученіемъ дѣтей.

По крайней мѣрѣ, есть слѣдующее свидѣтельство: упомянутый выше патріархъ Кириллъ Лукарисъ въ грамотѣ къ царю и патріарху отъ 30-го іюня 1633 года (получена 8-го декабря того же года) писалъ: «да послали есмь къ преблаженству твоему одну книгу Варпность, да Схоларія, да Енадія, то есть три библїи супротивъ латиня; да другіе три же библїи господпа Мелентія, патріарха Александрійскаго. И ихъ увидятъ преподобный протосингелъ господинъ Іосифъ, — онъ же учинилъ разумно и свято, что остался на пмя ваше, великаго государя и преблаженства твоего, а мы его здѣ всегда почитали и чтпли, яко учителнаго и честнаго мужа, — и тако покажетъ желаніе свое тѣ книги перевести на русскій языкъ»... Если приведенныя слова Кирилла Лукариса не даютъ права съ увѣренностью сказать, что Іосифъ исключительно занимался переводами, не обучая дѣтей, то во всякомъ случаѣ, педагогическая дѣятельность его не могла быть продолжительною, потому что 24-го февраля 1634 года царь указаль дать въ Симоновъ монастырь на помпновеніе по протосингелѣ Іосифѣ. Такимъ образомъ, учитель умеръ, а дѣла его некому было продолжать.

Вотъ почему хлопоты Московскаго правительства о приисканіи подходящаго учителя не прекращались, равно какъ не прекращались старанія

къ тому и со стороны патріарха Кирилла Лукарїса. «Я нынѣ,—писалъ послѣдній царю и патріарху въ декабрѣ 1633 года,—хотѣлъ было прислать къ вамъ, великимъ государемъ, учителя Кирьяка отъ св. Аѳонскїа горы, и тотъ Кирьякъ ѣхать не возмогъ, потому что онъ старъ и безсиленъ; а сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилоеѣй, чтобъ прислати къ вамъ, великимъ государемъ, иного учителя, и я учну впередъ сыскивать». Къ сожалѣнію, патріарху не суждено было найти учителя для Москвы: онъ вскорѣ умеръ.

Хотя въ то же почти время умеръ и патріархъ Филаретъ, но Московское правительство не отказалось отъ мысли о греческой школѣ. Не могло оно прекратить заботы о школѣ, между прочимъ, и потому, что кромѣ восточныхъ патріарховъ, объ открытіи греческой школы въ Москвѣ хлопоталъ при жизни царя Михаила Ѳеодоровича Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Въ грамотѣ (получена въ Москвѣ 3-го апрѣля 1640 г.) къ царю онъ писалъ: . . . «Повели въ царствующемъ своемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братїя общежительного кіевского братского монастыря живучи . . . Бога молили и дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской учили. . . Аще возможно и величеству твоему въ семъ прошенію отца митрополита кіевского пожаловати благодатно. . . сотвори, а отецъ митрополитъ кіевскій твою государскую волю вскорѣ исполнить и старцовъ со учителями пришлетъ». Предложеніемъ Петра Могилы не воспользовался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; желаніе митрополита Кіевского было исполнено спустя нѣсколько лѣтъ, когда царемъ былъ Алексѣй Михайловичъ.

Со смертію патріарха Кирилла Лукарїса не прекратились напоминанїа со стороны восточныхъ патріарховъ Московскому правительству касательно заведенїа въ Москвѣ греческаго училища. Такъ, чрезъ 5 лѣтъ послѣ предложенїа Петра Могилы въ Москву прибылъ Палеопатрасскїй митрополитъ Ѳеофанъ въ качествѣ посла отъ патріарха Константинопольскаго Пароенїа II для испрошенїа милостыни. Въ челобитной царю Михаилу Ѳеодоровичу, изобразивъ яркими красками бѣдственное состояніе духовнаго просвѣщенїа на Востокѣ, порчу святоотеческихъ творенїй, печатаемыхъ въ типографїяхъ нѣмецкихъ и латинскихъ, онъ просилъ: «да повелиши быть греческой печати и прїѣхати греческому учителю учить русскихъ людей философіа и богословіа греческаго языку и по русскому. . . А язъ, богомолецъ и вѣрный рабъ царствїа вашего, обещаюся предъ Богомъ послужити и радѣти къ сему дѣлу». Московское правительство вняло просьбѣ Ѳеофана и поручило ему отыскать человѣка, знакомаго съ печатнымъ дѣломъ и способнаго къ переводу книгъ съ греческаго языка на русскїй.

Встрѣтившись въ Кіевѣ на обратномъ пути изъ Москвы со своимъ давнишнимъ знакомцемъ, константинопольскимъ архимандритомъ Венедик-

томъ, занимавшимся преподаваніемъ греческаго языка въ коллегіи Петра Могилы, Теофанъ убѣдилъ его ѣхать въ Москву. Но Венедиктъ, явившись въ Москву «для печати и ученія», произвелъ дурное впечатлѣніе своимъ гордымъ и назойливымъ характеромъ, своимъ самохвальствомъ — и долженъ былъ скоро покинуть ее. Это произошло уже въ первый годъ царствованія новаго царя Алексѣя Михайловича.

Вокругъ молодого царя сгруппировался кружокъ сравнительно образованныхъ и даровитыхъ людей, которые проникнуты были стремленіемъ къ улучшенію общественнаго и церковнаго быта. Въ числѣ членовъ этого кружка видимъ протопопа Благовѣщенскаго собора Стефана Вонифатьева, протопопа Казанскаго собора Ивана Неронова, будущаго патріарха Никона и боярина Ѳедора Михайловича Ртищева. Послѣднему принадлежатъ большія заслуги въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ Москвѣ.

Любимецъ царя, Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, на сколько можно судить по его біографіи (напечатанной въ «Древн. рос. вивл.» XVIII ч.) и другимъ извѣстіямъ, былъ благочестивый и любящій просвѣщеніе филантропъ. Этотъ «мужъ милостивый» по царскому изволенію и по благословенію патріарха Іосифа, какъ бы исполняя поданный еще въ 1640 году Петромъ Могилою совѣтъ, построилъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы, близъ церкви Андрея Стратилата, монастырь, куда вызвали изъ Кіево-печерской лавры, изъ Межигорскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей до тридцати иноковъ, изящныхъ «во ученіи грамматики славенской и греческой, даже до риторки и философіи, хотящимъ тому ученію внимати».

Вызванные иноки не только переводили книги съ греческаго на славянскій языкъ, какъ склоненъ думать г. Каптеревъ (31 стр. упомянутаго выше сочиненія его), но и обучали желающихъ, въ числѣ которыхъ находился самъ Ртищевъ, цѣлыя ночи проводившій въ Андреевскомъ монастырѣ за греческою грамматикой («учится у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ») и въ бесѣдахъ съ учеными старцами. Приведенное мѣсто изъ житія Ртищева, если его толковать безъ предвзятой мысли, прямо указываетъ, что учащіеся въ Андреевскомъ монастырѣ были, — иначе для какихъ же учащихся потребный «Лексиконъ реченій языка славенска и греческа и со инѣми языки» сочинилъ Епифаній Славинецкій?

Нѣсколько поздиѣ царь Алексѣй Михайловичъ 14-го мая 1649 года отправилъ къ преемнику Петра Могилы кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову грамоту, съ просьбой прислать въ Москву ученыхъ мужей старцевъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. Посланы были старцы Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій; Дамаскинъ же Птицкій не былъ отпущенъ въ 1649 году въ Москву «ради монастырскія потребы», а пріѣхалъ туда въ 1651 году.

Спрашивается: какую цѣль имѣло Московское правительство, вызывая кїевскихъ ученыхъ? Вопросъ этотъ рѣшается различно нашими учеными. Намъ кажется, что ближайшее знакомство съ относящимися сюда документами, хранящимися въ Главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (малороссійскїя дѣла 1649, 1650 и слѣдующихъ годовъ), приводитъ къ тому выводу, что кїевскїе ученые вызывались, какъ для исправленїя книгъ, такъ и для риторическаго ученїя.

Что касается вопроса: гдѣ поселились прїѣхавшіе изъ Кїева иноки, то едва ли будетъ не ближе къ истинѣ предположеніе, что Арсенїй Сатановскїй и Епифанїй Славинецкїй вскорѣ по прибытіи въ Москву были водворены на жительство въ Чудовѣ монастырѣ. Если же на основанїи привилегїи академіи утверждалось мнѣніе, что Арсенїй Сатановскїй и Епифанїй Славинецкїй пребывали въ Андреевскомъ монастырѣ со времени своего прїѣзда въ Москву (съ іюля 1649 г.) до вступленїя Никона на патріаршїй престолъ, т. е. до 1652 года, то оно едва ли основательно. По крайней мѣрѣ, ему противорѣчитъ слѣдующїй фактъ: въ числѣ малороссійскихъ дѣлъ (Гл. Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ, св. 4, № 3-й, подъ заглавіемъ: «Бытность въ Москвѣ кїевскихъ старцевъ Арсенїя и Епифанїя для перевода книгъ и исправленїя библіи», л. 4) находится челобитная старца Арсенїя Сатановскаго царю о пропавшей шубѣ. Жалуясь, что у него въ прошломъ 158 году пропала шуба, Арсенїй проситъ царя повелѣть допросить старца Кутеннскаго Варлаама, котораго онъ обвинялъ въ присвоенїи шубы, такъ какъ послѣдній *приходилъ къ нему въ Чудовъ монастырь съ другими чудовскими иноками*. Слѣдовательно, въ 1650 (1492 + 158 = 1650) году Арсенїй жилъ уже въ Чудовѣ монастырѣ. Тамъ же, можетъ быть, жилъ и Епифанїй Славинецкїй. Во всякомъ случаѣ, если и жили Арсенїй и Епифанїй въ Андреевскомъ монастырѣ, то самое непродолжительное время.

Хотя кїевскїе ученые вызывались и царемъ и боярїномъ Ртищевымъ съ двойною цѣлью, т. е. чтобы переводить книги съ греческаго и латинскаго языковъ и учить желающихъ, но видно, много было дѣла кїевскимъ выходцамъ, и за переводомъ книгъ они мало успѣвали въ обученїи. Такъ необходимо думать на основанїи того, что Московское правительство и въ это время продолжало поиски за учителемъ въ Греціи; или, быть можетъ, оно не довѣряло ученымъ кїевлянамъ и желало найти учителя-грека. Какъ бы то ни было, но внѣ сомнѣнїя слѣдующїй фактъ: московское правительство поручило своему тайному политическому агенту въ Турціи греку Ивану Петрову искать новаго учителя для московской школы, послѣ того какъ Венедиктъ долженъ былъ удалиться изъ Москвы. И вотъ въ 1649 году Иванъ Петровъ доносилъ патріарху Іосифу: . . . «даю вѣдомость пресвятейшему вашему о нѣкоторомъ учителе смысленномъ еллинскому языку и

разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентій, прозвище Сиригъ. . . и далъ свое слово, хотѣлъ прійти сюда ко благочестивому царю и святѣйшеству вашему». Однако прибытіе въ Москву Мелентія Сирига, одного изъ учейшшихъ людей того времени въ Греціи, не состоялось. Трудно вѣрить, что Ивашъ Петровъ говорилъ правду, будто такой человѣкъ *далъ слово* пріѣхать въ Москву въ качествѣ простаго учителя.

Помимо своего агента, Московское правительство обращалось съ тою же просьбой и непосредственно къ патріархамъ. И патріархи, Константинопольскій Іоанникій и Іерусалимскій Паисій—прислали въ Москву «мудраго митрополита Напакты и Арты Гавріила». Патріархъ Іерусалимскій такъ рекомендовалъ Гавріила: . . . «избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ (т. е. учительствѣ), яко сего пресвященнаго митрополита Напакты и Арты, пречестнаго экзарха всеа Италіи, премудраго учителя и богослова . . . господина Гавріила; якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца. . . А только будетъ произволить царствіе ваше быти учительству . . . и онъ готовъ есть побыти . . . и онъ будетъ и многое время, покамѣста ученики отъ него отойдутъ» . . . Митрополитъ Гавріилъ прибылъ въ Москву 8-го декабря 1650 года вмѣстѣ со старцемъ Арсеіемъ Сухановымъ. Этотъ учитель произвелъ въ Москвѣ въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе, такъ что Московское правительство «многажды ему говорило», чтобы онъ остался въ Москвѣ на жительство; даже просило патріарха Паисія *понудить* Гавріила остаться жить у государя на Москвѣ. Но все было напрасно: Гавріилъ выѣхалъ изъ Москвы вскорѣ послѣ 31-го марта 1651 года.

Такъ не удавались Московскому правительству его хлопоты найти для предполагаемой школы подходящаго учителя-грека! Напрасно, впрочемъ, оно такъ настойчиво искало этого учителя въ Греціи, когда въ Россіи былъ таковой; напрасно оно забыло томящагося въ заточеніи на далекомъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, образованнаго грека и способнаго учителя. И только Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, вспомнилъ объ этомъ грекѣ-учителѣ, многострадальная судьба котораго представляетъ одну изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича самое живое и дѣятельное участіе въ вопросѣ объ училищахъ принималъ другой любимецъ царя Никонъ, вступившій на патріаршій престолъ въ 1652 году. Заботясь объ исправленіи книгъ, Никонъ не могъ не чувствовать недостатка въ людяхъ, знающихъ греческій языкъ. Поэтому едва прошелъ годъ послѣ вступленія его на патріаршій престолъ, какъ онъ завелъ на патріаршемъ дворѣ, близъ Чудова монастыря, школу. Такъ какъ у кievскихъ ученыхъ (Епифанія Славинецкаго, Дамаскина Птицкаго) было много

занятій по переводу и исправленію церковныхъ книгъ, то надо было имѣть особаго учителя для вновь открытой патріаршей (она же и чудовская) школы. Такимъ учителемъ и является съ 1653 года Арсеній грекъ.

Этотъ Арсеній грекъ прибылъ въ Москву еще 26-го января 1649 года вмѣстѣ съ патріархомъ Іерусалимскимъ Паисіемъ. Оставшись въ Москвѣ, онъ началъ заниматься учительствомъ, но его скоро сослали въ Соловецкій монастырь.

Никонъ, отправляясь изъ Соловокъ въ Москву съ мощами святителя Филиппа, взялъ съ собою и Арсенія грека. Помѣстивъ его сперва съ Епифаніемъ Славинецкимъ и Дамаскинымъ Птицкимъ въ Чудовъ монастырь, патріархъ назначилъ его учителемъ вновь открытаго патріаршаго училища (Иванъ Нероновъ говорилъ Никону, что онъ устроилъ Арсенія грека «яко учителя»), а начальникомъ Епифанія Славинецкаго. Объ этой то порѣ дѣятельности его и объ этой то патріаршей школѣ, по всей вѣроятности упоминаетъ извѣстный путешественникъ по Россіи въ XVII-мъ столѣтіи голштинецъ Адамъ Олеарій¹⁾.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы судить о дѣятельности и дальнѣйшей судьбѣ школы, открытой патріархомъ Никономъ. Можно сказать однако, что она не прекратила своего существованія съ удаленіемъ патріарха Никона съ патріаршаго престола въ 1658 году. Сохранилось свидѣтельство современника, изъ котораго видно, что патріаршая школа существовала еще въ 1666 году. Паисій Лигаридъ, о которомъ будетъ еще рѣчь впереди, подъ отвѣтомъ шведскому посланнику «о вѣрѣ грековъ и россіянъ относительно св. Евхаристіи» — обозначилъ, что отвѣтъ этотъ писанъ «in Alexiano Musaeo», т. е. въ училищѣ Алексѣевскомъ. Такъ названа патріаршая школа имъ потому, что она находилась близъ Чудова монастыря, основаннаго св. Алексѣемъ.

Помимо школы патріаршей, въ царствованіе Алексѣя Михайловича существовали и другія школы. Такова школа Симеона Полоцкаго, выходца изъ Западной Россіи, прибывшаго въ Москву въ 1664 году. Для цѣлей госу-

1) Такъ мы представляемъ ходъ заботъ патріарха Никона о школьномъ образованіи. Въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, касавшихся этого вопроса, дѣло представлено весьма сбивчиво и противорѣчиво. Такъ, авторы однихъ сочиненій считаютъ открытыми при Никонѣ двѣ школы: одну въ Чудовъ монастырь съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ, другую — на патріаршемъ дворѣ подъ начальствомъ Арсенія грека. Другіе относятъ извѣстіе А. Олеарія ко времени царя Михаила Феодоровича, несостоятельность чего доказалъ ясно на VII археологическомъ съѣздѣ г. Бѣлокуровъ. Мы выразились, что школа была открыта на патріаршемъ дворѣ близъ Чудова монастыря на основаніи приведенной выше замѣтки изъ статьи П. О. Николаевскаго въ «Христ. Чтеніи», хотя Олеарій въ данномъ случаѣ выражается неясно и слишкомъ обще: «neben des Patriarchen Hoff», т. е. близъ патріаршаго двора. Объ Арсеніи грекѣ подробно см.: 1) Каптерева: «Слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ». Чтенія въ Общ. люб. дух. пр. 1881 г. июль; 2) Колосовъ: «Старецъ Арсеній грекъ». Журн. Мин. Нар. Пр. 1881 г. № 9.

дарственныхъ нужны были молодые люди съ достаточнымъ образованіемъ. И вотъ съ этою цѣлью была учреждена въ выстроенномъ на казенный счетъ зданіи, въ Спасскомъ за Иконнымъ рядомъ монастырѣ, школа, въ которую постунали подьячіе Приказа Тайныхъ дѣлъ учиться «по латышамъ» и для «грамматичнаго ученья». Какъ долго существовала эта школа, сказать навѣрное нельзя. Во всякомъ случаѣ, если она не прекратила своего существованія съ назначеніемъ Симеона Полоцкаго въ наставники царевичу Феодору Алексѣевичу въ 1669 году, то не могла просуществовать долго и подъ управленіемъ его ученика Сильвестра Медвѣдева, къ которому перешла послѣ смерти учителя (см. «Чтенія въ Московск. Общ. Ист. и Др.» 1885 г., кн. 4, II, XII стр.). Думать же, что Спасская школа существовала только до 1668 года, когда якобы вмѣстѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ въ Курляндію были отправлены первые ученики Симеона Полоцкаго, нельзя, потому что, по словамъ г. Бѣлокурова, въ приказныхъ дѣлахъ 1668 года и въ дѣлахъ по сношенію съ Курляндіей, хранящихся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, нѣтъ никакихъ извѣстій объ отправленіи С. Медвѣдева съ Ординымъ-Нащокинымъ въ Курляндію.

Какъ бы то ни было, но ни патріаршая школа, ни Спасская не удовлетворяли той потребности въ просвѣщеніи, какая господствовала тогда въ Москвѣ. Эти школы носили, такъ сказать, спеціальнѣйшій характеръ и имѣли въ виду удовлетворить практическимъ нуждамъ времени: патріаршая готовила образованныхъ духовныхъ лицъ и справщиковъ книгъ, а Спасская — переводчиковъ для государевыхъ дѣлъ. Между тѣмъ чувствовалась потребность въ школѣ общеобразовательной, которая не готовила бы спеціалистовъ справщиковъ и переводчиковъ, а, распространяя свѣтъ просвѣщенія, служила бы прекраснымъ средствомъ противъ невѣжества, поднявшаго крики протеста противъ книжнаго исправленія и породившаго расколъ. О такой общеобразовательной школѣ внушали мысли московскому правительству тѣ же греки.

Таковъ былъ Газскій митрополитъ Паисій Лигарпдъ. Этотъ ученый грекъ получилъ прекрасное образованіе въ Римской греческой школѣ «De propaganda fide», но потомъ снова возвратился въ лоно православной церкви. Хорошо зная богословіе и церковное право, онъ, по прибытіи въ Москву, игралъ видную роль въ дѣлѣ патріарха Никона. По порученію московскаго свѣтскаго и духовнаго правительства онъ занимался опроверженіемъ второй Соловецкой челобитной учителей раскола — Никиты Пустосвята и попа Лазаря. Въ своемъ сочиненіи онъ коснулся, между прочимъ, раскольниковыхъ смуть и средствъ ихъ прекращенія. По его мнѣнію, двѣ причины раскола: немнѣніе народныхъ училищъ и скудость книгохранилища. «Прехрабрый нѣкто воевода Алкивіадъ — говоритъ ученый грекъ, — отвѣтъ даде древле

Аопномъ, яко на благополучно-ратоваію три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья — злато. Азь же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кто бы были столпи и завѣсы обою, рекль быхъ: первое училища, второе училища, третье училища пренуждны быти»... Изложивъ мысли о значеніи просвѣщенія, Пасіій обращается къ Алексѣю Михайловичу съ такимъ убѣжденіемъ: «Ты убо, о пресвѣтлый царю, подражай Θεодосіемъ, Юстиніаномъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго».

Подобные же совѣты слышало Московское правительство и со стороны восточныхъ патріарховъ. Такъ, патріархъ Александрійскій Пасіій и Антіохійскій Макарій, прїбывшіе въ Москву по дѣлу патріарха Никона, въ словѣ на Рождество Христова 1666 года, составленномъ по ихъ порученію С. Полоцкимъ, убѣждали царя: «положи отнынѣ въ сердцѣ своемъ еще училища тако греческая, яко славенская и иная назидати». Рѣчь патріарховъ восточныхъ, обращенная не только къ царю, но къ духовенству и всему народу московскому, повидимому, подѣйствовала на слушателей. Среди жителей Москвы нашлись люди, которые въ 1668 году обратились къ восточнымъ патріархамъ и къ патріарху Россійскому Іоасафу съ просьбой разрѣшить имъ открыть при церкви Іоанна Богослова училище. Съ согласія царя патріархами дано было разрѣшеніе и благословеніе на открытіе училища, при чемъ предполагалось открыть именно училище славяно-греко-латинское. Въ грамотѣ, по этому случаю данной, восточные патріархи писали: ...«вселюбезно и всерадостно даемъ наше архіерейское благословеніе на сіе достохвальное дѣло, еже есть на созиданіе училищъ и въ нихъ устроеніе ученія... различными діалекты: греческимъ, славенскимъ и латинскимъ». О дальнѣйшей судьбѣ разрѣшеннаго къ открытію при церкви Іоанна Богослова училища не имѣется никакихъ свѣдѣній. Полное отсутствіе данныхъ о его существованіи скорѣе говоритъ за то, что оно не было открыто.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія раздавался въ Москвѣ еще одинъ голосъ о необходимости царямъ заводить школы и учить свой народъ мудрости. Голосъ этотъ принадлежалъ хорватскому выходцу Юрію Крыжаничу. Получивъ первоначальное образованіе на родинѣ въ Загребѣ, потомъ въ Вѣнѣ и Болоньѣ, онъ закончилъ его въ греческой коллегіи въ Римѣ. По всей вѣроятности, своимъ покровителями, какъ въ Хорватіи, такъ и въ Римѣ, Крыжаничъ предназначался для проганды униі. Но у него идея религіозной униі отступила на второй планъ; его сильно занимала идея политическаго объединенія всѣхъ славянъ. Онъ видѣлъ печальную судьбу славянскихъ племенъ, находившихся въ зависимости отъ другихъ народовъ, и то, что только Русь была свободна. Поэтому, сознавая недостатки Руси, онъ относился къ

ней съ особымъ почтеніемъ и отъ нея одной ждалъ спасенія для всѣхъ славянъ. Проживая въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на слабое развитіе образованія въ Московскомъ государствѣ, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, какое оно должно занять среди другихъ государствъ. Поэтому его сильно занималъ вопросъ о просвѣщеніи, и онъ отвелъ ему видное мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, въ самомъ важномъ своемъ сочиненіи «Политика» онъ излагаетъ цѣлый проектъ школы, необходимой для Россіи. Въ первой части этого сочиненія онъ, между прочимъ, обличаетъ тѣхъ, которые считали ересью высшее образованіе—богословское, философское и филологическое; въ свою очередь онъ такихъ людей обличаетъ въ ереси, называемой имъ «мудроборскою» и мѣстами изъ священнаго писанія доказываетъ, что забота о просвѣщеніи составляетъ прямую обязанность государей. «Любите мудрость, — говоритъ онъ, — всѣ, кто господствуетъ въ народахъ. Исканіе мудрости приводитъ къ вѣчному господству (надъ народами). Если вамъ, о владыки людскіе, милы престолы и скипетры, то любите мудрость»... (Безсоповъ: «Русское государство въ половинѣ XVII-го вѣка». Раздѣлъ 25). Подъ словомъ «мудрость» онъ понимаетъ философское образованіе, которое заключается въ способности здраваго сужденія, но непосредственно не сообщаетъ реальныхъ знаній. Спеціальныя знанія у него являются результатомъ мудрости и состоятъ изъ математики, естествовѣдѣнія, медицины, филологіи, наукъ политическихъ и юриспруденціи, которую онъ считаетъ самую важную наукою для государства.

Такъ отовсюду Московское правительство слышало указанія на необходимость общеобразовательныхъ школъ не только среднихъ, но даже высшихъ. Оно, какъ видѣли, не оставалось глухо къ этимъ указаніямъ, но его хлопоты пока не приводили къ благопріятному результату. Наконецъ, настало время, когда должны были утвердиться въ Москвѣ школы съ научнымъ характеромъ. Первою такою школою, которая проявила особенную жизненность и чрезъ нѣсколько лѣтъ преобразована была въ академію, является типографское греческое училище. Разсказъ объ основаніи этого училища сохранился въ «Историческомъ извѣстіи о Московской академіи», принадлежащемъ перу справщика Феодора Поликарпова.

«Въ лѣто отъ сотворенія міра 7187 (1679 г.) — повѣствуетъ Ѳ. Поликарповъ, — прииде въ Москву изъ Іерусалима рускія природы іеромонахъ именованъ Тимоѳей, который, нѣсколько лѣтъ обходящъ св. мѣста въ Палестинѣ и въ святогорскихъ монастырѣхъ, навывче греческаго языка, и представленъ былъ... царю Феодору Алексѣевичу... повѣда тамошнее православныхъ отъ тиранскія руки лютое поработеніе, церквамъ святымъ опустошеніе и свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ, предъ прежними лѣты оскудѣніе... Благочестивый же царь

слышавъ, сердцемъ велми умилися и, божественнымъ огнемъ по благочестію воспаленъ, возжела тамо умалемое ученіе здѣ насадити и умножити. Призвавъ убо святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго, откры ему свой благоугодный совѣтъ, просилъ его, да учинитъ греческое училище... и да вручитъ оному Тимоою, пришельцу іерусалимскому. Патріархъ же, слышавъ сія, великія радости исполнися и, абіе приложивъ желаніе къ желанію, ятсѣ дѣла немедленно и онаго Тимоою взя въ свою патріархію въ крестовые священники. На училище же первое опредѣли въ типографію верхнія три палаты... и, собравъ отъ всякаго чина малыхъ дѣтей, числомъ яко 30, повелѣ тому іеромонаху, аки ректору надзирати надъ ними, а учить греческаго чтенія, письма и языка — греку Мануилу мірянину, а по немъ греку же іеромонаху Іоакиму)... (Др. Росс. вивл., т. XVI). Такъ рассказываетъ Ѳ. Поликарповъ объ открытіи типографскаго греческаго училища. Совершенно справедливо замѣтилъ г. Каптеревъ, что Ѳ. Поликарповъ рассказываетъ объ открытіи типографскаго училища *не совсѣмъ точно*. На основаніи грамотъ и другихъ документовъ тотъ же ученый сдѣлалъ предположеніе, что типографское училище было открыто не ранѣе 1681 года, такъ какъ іеромонахъ Тимоою возвратился въ Москву не въ 1679 году, какъ рассказываетъ Ѳ. Поликарповъ, а въ 1681 году.

Можемъ подтвердить мнѣніе г. Каптерева извѣстіями, найденными въ приходорасходныхъ записяхъ бывшаго московскаго Печатнаго двора, сохранившихся въ рукописяхъ въ бібліотекѣ московской Синодальной типографіи. Въ книгѣ расходной № 78 подъ 189 годомъ на л. 475 читаемъ слѣдующее: «марта въ кѣ по указу великаго Господина св. Іоакима, патріарха московскаго и всея росіи велено купить и постройть на печатномъ дворѣ вполатѣ школъ греческаго ученія старцу Тимоою греку всякаго строенья»; а на л. 472: «марта въ зѣ куплены встарую правплную полату ко ученію греческаго языка четыре стола дубовыхъ».

Такимъ образомъ, въ 1681 году въ мартѣ мѣсяцѣ только начинается обстроиваться типографская греческая школа; слѣдовательно, она только что открывалась. Изъ приведенныхъ записей видно также, что не правъ и г. Каптеревъ, говоря: «Поликарповъ говоритъ затѣмъ, что подъ типографскую школу отведены были три палаты и сущія подъ приказною, иже нынѣ зовутся казенными... А между тѣмъ есть прямое извѣстіе, что для типографскаго училища были построены новыя каменные палаты, окончательно отстроенныя только уже въ сентябрѣ 1683 года» (см. ст. Каптерева въ «Годичн. актѣ въ Моск. духовн. акад. 1-го окт. 1889 г.» стр. 70). Какъ видно изъ второй записи, школа помѣщалась сперва въ старой палатѣ. Позднѣе были выстроены новыя палаты.

Итакъ, сдѣланный нами очеркъ хода школьнаго дѣла въ Москвѣ въ

XVII-мъ столѣтіи показываетъ, что ко времени прибытія Каріона Истомина въ Москву, тамъ было двѣ школы, Спасская и Патріаршая, гдѣ онъ могъ продолжать начатое въ Курскѣ образованіе. Поэтому, не рискуя впасть въ большую ошибку противъ истины, мы представляемъ себѣ дѣло такъ: прибывъ въ Москву, Каріонъ Истоминъ поселился сперва съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, подъ руководствомъ котораго могъ начать изученіе латинскаго языка, знаніе этого языка онъ обнаружилъ переводомъ сочиненія Юлія Фронтинна «О случаяхъ военныхъ». Черезъ нѣкоторое время онъ изъ Законостасскаго монастыря переходитъ въ монастырь Чудовъ и поступаетъ въ число учениковъ патріаршей школы. Въ этой школѣ, находившейся подъ сильпымъ вліяніемъ Епифанія Славинецкаго и его ученика чудовскаго инока Евонмія, представителей греческаго ученія, Каріонъ Истоминъ полагаетъ прочное основаніе знанію греческаго языка и такъ хорошо изучаетъ его, что вскорѣ по поступленіи на Печатный дворъ, въ качествѣ чтеца, преподавалъ этотъ языкъ, какъ увидимъ ниже, въ типографской школѣ. Кромѣ изученія греческаго и латинскаго языковъ, онъ изучалъ, конечно, основательно книги Священнаго Писанія, что доказалъ своими сочиненіями написанными въ промежутокъ времени между 1681 и 1685 годами.

Такъ какъ у него явилось желаніе писать, то можно поставить вопросъ: что могло вызвать Каріона Истомина на литературный трудъ, и не былъ ли онъ въ этомъ случаѣ подражателемъ своихъ учителей или лицъ, занимавшихся литературой, среди которыхъ онъ жилъ? Изъ лицъ, которыми Каріонъ могъ подражать въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, можно назвать до 1681 года имена слѣдующихъ, подвизавшихся на поприщѣ литературы: во-первыхъ, Симеона Полоцкаго, который доживалъ свои послѣдніе годы, и Сильвестра Медвѣдева, ученика его, только что начинавшаго, благодаря протекціи своего учителя, входить въ славу и уже довольно замѣтнаго въ то время человѣка; во-вторыхъ, Каріонъ могъ застать въ живыхъ еще Епифанія Славинецкаго, изучать его сочиненія и слышать о нихъ мнѣніе большого поклонника и приверженца греческаго ученія чудовскаго инока Евонмія (о чудовскомъ инокѣ Евонміи см. мои «Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московск. Руси въ XVII-мъ вѣкѣ»). Примѣръ названныхъ дѣятелей могъ повліять на Каріона Истомина и вызвать въ немъ желаніе послѣдовать имъ въ своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что землякъ его и родственникъ С. Медвѣдевъ старался выдвинуть его, какъ можно заключать изъ приведеннаго выше свидѣтельства, что послѣдній посылалъ Каріона Истомина къ патріарху съ отвѣтомъ на «Wyznanie Wiary» Яна Бѣлободскаго.

Какъ бы то ни было, но Каріонъ Истоминъ въ Москвѣ успѣлъ приобрести такія свѣдѣнія, которыя, помимо протекціи С. Медвѣдева, открыли

ему доступъ на книжный печатный дворъ. Службу на послѣднемъ нужно считать его первымъ жизненнымъ шагомъ.

ГЛАВА III.

Начало службы Каріоновой на книжномъ Печатномъ дворѣ относится ко времени патріаршества Іоакима; продолжалъ же онъ ее при Адріавѣ, преемникѣ патріарха Іоакима, а окончилъ незадолго до смерти этого послѣдняго російскаго патріарха.

При патріархѣ Іоакимѣ (1674 — 1690 г.г.) во внѣшнемъ управленіи Печатнаго двора не замѣчалось уже многихъ изъ тѣхъ перемѣнъ, какія были произведены при патріархѣ Никонѣ. (Объ этихъ перемѣнахъ при патріархѣ Никонѣ подробно см. ст. П. О. Николаевскаго: «Московскій Печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ». Христ. Чтеніе, 1890 г. № 1 — 2). Такъ, патріархъ Іоакимъ не былъ уже, подобно патріарху Никону, полновластнымъ распорядителемъ на печатномъ дворѣ: при немъ всѣ указы о печатаніи книгъ, о выпускѣ ихъ въ продажу, о назначеніи должностныхъ лицъ и выдачѣ жалованья исходятъ не исключительно отъ имени патріарха, но отъ имени царя, благословеніе же патріаршее какъ бы освящаетъ царскіе указы. Впрочемъ, изрѣдка попадаются указы, написанные отъ имени одного патріарха. Кромѣ того, при патріархѣ Іоакимѣ значительно усилился контроль надъ дѣятельностью справщиковъ. Покойный Мансветовъ въ статьѣ: «Какъ у насъ правились церковныя книги» такъ говоритъ объ этихъ перемѣнахъ, въ смыслѣ свободы въ дѣятельности послѣднихъ: «Приготовляя къ выпуску новое изданіе книги большею частію держались ея послѣдняго изданія, подвергая пересмотру ея текстъ со стороны корректурной и редакціонной. Дѣломъ этимъ завѣдывали справщики. До временъ патріарха Никона исправленія производились ими, какъ уполномоченными лицами, безъ особаго разрѣшенія патріарха, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, которые возбуждали недоумѣніе и по важности своей требовали особенно осторожности... Со второй половины XVII-го вѣка контроль надъ справщиками усиливается, и патріархи издають рядъ указовъ, направленныхъ къ этой цѣли... (см. «Прибавленія къ Твор. св. отц.» 1883 г., кн. IV, стр. 522 — 523). Патріархъ Іоакимъ ввелъ, на примѣръ, помимо обыкновенной, еще новую цензуру передъ выходомъ книги изъ типографіи до выпуска ея въ обращеніе, которая состояла въ слѣдующемъ: новопзданную книгу вносили справщики въ Крестовую палату и прочитывали

въ присутствіи патріарха и затѣмъ уже, если не оказывалось никакихъ препятствій, ее подносили государю и патріарху (*ibid.* 527 стр.).

При такихъ условіяхъ вступилъ Каріонъ Истомяцъ въ число служащихъ на печатномъ дворѣ.

Такъ какъ первоначально учреждали типографію съ тою цѣлью, чтобы «святыя книги изложались праведнѣе», т. е., чтобы посредствомъ печати достигъ исправности и однопобразія въ богослужебныхъ книгахъ, подвергавшихся порчѣ при перепискѣ, то важно было имѣть по возможности тщательно и умѣло исправленныя книги для печатанія. Поэтому царь и патріархъ старались привлечь къ дѣлу sprawy книгъ самыхъ образованныхъ людей, которымъ давалось званіе типографскихъ справщиковъ и назначалось отъ государя жалованье. Выбирались справщики по большей части изъ извѣстныхъ своимъ образованіемъ духовныхъ лицъ, хотя изрѣдка справщиками бывали и свѣтскія лица. Такимъ образомъ, званіе типографскаго справщика было почетнымъ и давалось не каждому. Въ XVII-мъ вѣкѣ, на сколько позволяютъ судить приходорасходныя книги типографскаго архива, многіе справщики, прежде чѣмъ достигали этого званія, проходили на печатномъ дворѣ менѣе значительныя должности (въ родѣ помощниковъ справщиковъ) чтецовъ и писцовъ. Къ числу лицъ, шедшихъ въ своей служебной дѣятельности на книжномъ печатномъ дворѣ именно такимъ, только что указаннымъ путемъ, принадлежалъ и Каріонъ Истомяцъ.

На основаніи приходорасходныхъ книгъ типографскаго архива можно заключить, что служба Каріона на книжномъ печатномъ дворѣ началась съ 187 (1679) года. Правда, при роспискѣ въ полученіи денежнаго государева жалованья на 187 годъ въ книгѣ расходной № 78 находимъ имена слѣдующихъ лицъ, занимавшихся ближайшимъ образомъ исправленіемъ книгъ: имя Симеона, бывшаго архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго, вѣдавшаго тогда книжный печатный дворъ¹⁾; имена справщиковъ: старца Іосифа Бѣлаго, іерея Никифора, Захарія Аванасьева, вмѣсто котораго съ 19-го ноября назначенъ былъ справщикомъ Сильвестръ Медвѣдевъ²⁾; книгохранителя и чтеца старца Мардарія; книжныхъ писцовъ — Флора Герасимова и Михаила Иванова (кн. расх. № 78, обор. 35 л. 36, 37, 38), слѣдо-

1) Началъ вѣдать книжный печатный дворъ съ 17-го марта 184 (1676) года, что видно изъ слѣдующей записи: «рѣд марта ѿ великій царь и великій князь Теодоръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ указалъ и великій господинъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ Московскій и всея росіи благословилъ книгопечатный дворъ вѣдать преосвященному Симеону архіепископу прежде бывшему Сибирскому и Тобольскому» («Книга записная указовъ» № 67, обор. л. 4).

2) «1 ноября въ ѿ справщикъ Захарій для старости отъ дѣла свобожень и на ево мѣстов справщики жъ по указу святѣйшаго патріарха велено быть спаскаго монастыря что за иконнымъ рядомъ монаху Сильвестру Медвѣдеву и великаго государя жалованя дватцать пять рублевъ на нынѣшній на рѣз годъ велено выдать» (Кн. расх. № 78, л. 37).

вательно, не встрѣчаемъ здѣсь подписи Каріона Истомпна. Но что онъ служилъ въ 187 году на книжномъ печатномъ дворѣ, это видно изъ слѣдующей записи въ той же расходной книгѣ, но только подъ 188 годомъ: «того жъ числа (декабря 6) по указу великого государя дано великого государя жалованя кормовыхъ денегъ книжному писцу черному діакону старцу Каріону іюня здвадцять седмаго числа рѣз году генваря по первое число нынѣшняго рѣз году на сто на восемьдесятъ на восемь дней по два алтына на день. И того одинадцать рублевъ девять алтынъ две денги»... (ibid. л. 272). Такимъ образомъ, съ 27-го іюня 187 года Каріонъ служилъ на печатномъ дворѣ въ качествѣ книжнаго писца, а позднѣе, съ 25-го октября 188 года, онъ былъ книжнымъ чтецомъ, что видно изъ такой записи: «того жъ числа (т. е. 25-го октября 188 года) по указу святѣйшаго патріарха преосвященный Симеонъ приказалъ за излишнюю работу и письмо книгопечатнаго дѣла чтецу іеродіакону Каріону дать книгу Апостолъ втетра-техъ»... (ibid. л. 264).

Нѣтъ имени Каріона при роспискѣ въ полученіи денежнаго государева жалованья и въ слѣдующіе за 187 годы вплоть до сентября 190 года (1681), когда онъ росписался въ полученіи жалованья, какъ книжный чтецъ (ibid. л. 504). Но что и въ промежутокъ времени между 188 и 190 годами онъ привлекался къ участию на книжномъ печатномъ дворѣ, это видно изъ цѣлаго ряда записей: 1) «еврала въ 6 великого государя жалованья поденного корму четцу на нынѣшней на рѣз годъ генваря сперваго числа марта по первое число на шездесять дней по два алтына на день. И того три рубли дватцать алтынъ». Подпись: «Іеродіаконъ Каріонъ денегъ три рубли дватцать алтынъ взялъ и росписался» (ibid. обор. л. 287). 2) «апрѣля во 6 великого государя жалованя поденного корму книжному чтецу старцу Каріону на нынѣшней на рѣз годъ марта сперваго числа мая по первое число»... (ibid. л. 338). 3) «октября въ 3 (189 годъ) великого государя жалованя поденного корму четцу старцу Каріону сентября сперваго числа ноября по первое»... (ibid. л. 407).

Итакъ, несомнѣнно, что Каріонъ находился на службѣ съ 187 года, сперва въ должности книжнаго писца, а потомъ книжнаго чтеца или же, смотря по надобности, одновременно былъ или книжнымъ чтецомъ, или книжнымъ писцомъ. Спрашивается: чѣмъ объяснить, что его имя не записано до 190 года тамъ, гдѣ обыкновенно писались имена лицъ служебнаго персонала на печатномъ дворѣ? Положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ трудно дать; можетъ быть, до 190 года Каріонъ не былъ официально назначенъ чтецомъ книжнаго печатнаго двора, а привлекался къ участию на немъ въ качествѣ случайнаго лица, служившаго по найму. Такъ можно думать потому, что въ расходныхъ книгахъ встрѣчаемъ имена и

другихъ лицъ, которыя названы въ обычномъ мѣстѣ, при роспискѣ въ полученіи денежнаго жалованья, напримѣръ, въ 188 году встрѣчаемъ имя писца Оедота Яковлева и чтеца старца Теофана (*ibid.* обор. л. 279, 283).

Во всякомъ случаѣ, можно полагать начало службы Каріона на печатномъ дворѣ со 187 года. Какъ мы видѣли выше, въ это время Печатнымъ дворомъ завѣдывалъ Симеонъ, бывшій архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, и получилъ высшій окладъ денежнаго жалованья — 150 рублей. Справщиками были старецъ Іосифъ Бѣлый, іерей Никифоръ и Захарій Аоонасьевъ, изъ которыхъ два первые получали по 60 руб., а послѣдній — 50 (его скоро замѣнилъ С. Медвѣдевъ). Должность книгохранителя и чтеца занималъ старецъ Мардарій, за что получалъ 10 руб., а книжными писцами, ближайшими товарищами Каріона Истомина, были Флоръ Герасимовъ и Михаилъ Ивановъ, получавшіе денежное жалованье по 4 рубля каждый (см. Кн. расх. № 78, л. 34—38).

Со 187 года по 4-е марта 190 года, т. е. до того времени, когда Каріонъ, по указу царя и по благословенію патріарха, былъ назначенъ изъ книжныхъ чтецовъ въ справщики, въ составѣ служащихъ на печатномъ дворѣ произошли слѣдующія перемѣны. Старецъ Мардарій, бывшій книгохранителемъ и чтецомъ, 24-го сентября 189 года (1680 г.) назначенъ справщикомъ, вѣроятно, на мѣсто іерея Никифора, такъ какъ въ этомъ и слѣдующемъ годахъ, при роспискѣ въ полученіи жалованья деньгами, не встрѣчается имени послѣдняго, а на мѣсто Мпхалла Иванова писцомъ сталъ Дмитрій Оедоровъ (*ibid.* л. 362, обор. 362, л. 363). На мѣсто старца Мардарія книгохранителемъ и чтецомъ въ 189 году не былъ назначенъ никто, за то въ 190 году являются два чтеца: старецъ Каріонъ Истоминъ и старецъ Теофанъ, оба съ обычнымъ для чтецовъ и писцовъ окладомъ въ 4 рубля (*ibid.* л. 504). Впрочемъ, послѣдніе не долго остаются въ должности чтецовъ. 4-го марта 190 года Каріонъ назначенъ былъ справщикомъ съ окладомъ жалованья въ 40 рублей¹⁾, а старецъ Теофанъ съ того же 190 года былъ не только чтецомъ, но и книгохранителемъ съ жалованьемъ въ 10 руб-

1) «И марта въ ѿ день по указу великого государя и по благословенію святѣйшаго патріарха старцу Каріону изъ книжныхъ чтецовъ велено быть въ справщикахъ и своего великого государя денежнаго жалованья окладъ ему учинить сорокъ рублей. И июня въ ѿ день по помѣте на челобитной дяковъ Ивана Калитина и Ивана Арбенева велено ему выдать смарта по росчету и по росчету доведстца ему да смарта двадцать рублей». Расх. кн. № 78 л. 505. Г. Мансветовъ въ упомянутой выше статьѣ своей (Прибавл. къ Твор. св. от 1883 г. кн. IV, 541 стр.) считаетъ началомъ службы Каріона въ типографіи, въ качествѣ справщика, 191 годъ, опираясь на Акты Арх. Эксп., т. IV, 372 стр. Но подобная ссылка указываетъ только, что въ 191 году Каріонъ *былъ уже* справщикомъ; ссылка же на «Обзоръ» арх. Филарета, гдѣ говорится, что служба кн. Данилу написана іереемъ Каріономъ справщикомъ въ 1711 году, можетъ только свидѣтельствовать о томъ, что Каріонъ въ этомъ году былъ іереемъ и справщикомъ.

лей (ibid. обор. л. 552). На мѣсто Карїона книжнымъ чтецомъ назначень былъ въ слѣдующемъ 191 году старецъ Ааронъ (кн. расх. № 80, л. 41; кн. указовъ № 67, л. 59). Подъ тѣмъ же годомъ находимъ слѣдующія записи объ увеличеніи денежнаго оклада Карїону Истомину.

Въ кн. расх. № 80 послѣ расписки его въ полученіи на 191-й годъ жалованья, въ размѣрѣ 40 рублей, находится приписка: «да внынѣшнемъ же во рѣа^а году, октября въ кѣ^в по указу святѣйшаго патріарха и по челобитной за помѣтою дьяковъ Ивана Калитина да Ивана Арбенева кпрежнему ево окладу прибавлено пять рублей, на нынѣшней на рѣа годъ выдано» (л. 39). Нѣсколько позднѣе въ томъ же мѣсяцѣ дано ему изъ приказа еще 20 рублей: «Октября въ л^а по указу святѣйшаго патріарха и по челобитной за помѣтою дьяковъ Ивана Калитина да Ивана Арбенева дано спрїказу книжному справщїку іеродїакону Карїону дватцать рублей» (ibid. обор. л. 76).

Такимъ образомъ, съ 192 года ближайшими товарищами Карїона по службѣ на печатномъ дворѣ были: старецъ Іосифъ Бѣлый (60 рублей), старецъ Сильвестръ Медвѣдевъ (60 рублей), старецъ Мардарій (35 рублей). И въ этомъ году Карїонъ получилъ прибавку къ прежнему своему денежному окладу въ 45 рублей. Въ кн. расх. № 83 послѣ подписи іеродїакона Карїона Истомина въ полученіи 45 рублей на 192 годъ прибавлено: «І февраля въ кѣ день по указу святѣйшаго (подразумѣвается — патріарха) прибавлено ему Карїону къ сороку къ пяти рублемъ пятнатцать рублей и спрежними учинено шездесять рублей» . . . (оборот. л. 27). Подробное изложеніе причины такой крупной прибавки Карїону находимъ въ книгѣ указовъ № 67 на л. 72: «внынѣшнемъ во рѣв году, февраля въ кѣ вуказѣ Великого Господина святѣйшаго Іоакима патріарха Московскаго и всея росїи изъ ево патріарша разрядного приказу въ приказъ книгъ печатнаго дѣла къ преосвященному Симеону архїенископу Сибирскому и Тоболскому да діаку Ивану Арбенева запиписью дьяка Ивана Калитина написано».

«Великій Господинъ Святѣйшїй Іоакимъ, патріархъ Московскїй и всея росїи, указалъ справщїкомъ, которые у справы книгъ мнѣй мѣсячныхъ выдать жалованья исказны скнижного печатнаго двора»

Молчїнского монастыря бывшему игумену Сергію

Священнику Никифору. По љ^т рублей сентября съ а^а числа нынѣшняго году. И впредь по тому (оборот. л. 72) старцу Моисѣю, бывшему Чюдовскому уставщїку љ^т рублей. Генваря съ а^а числа нынѣшняго жъ году.

Справщїку жъ Карїону сентября съ а^а числа къ прежней дачѣ додати еї^и рублей

Писцу Флору давать подешной кормъ прежней февраля съ а^а числа нынѣшняго году.

Греческаго языка учителю перомонаху Тимоою по 11 рублевъ на годъ марта съ 1 числа нынѣшняго году.

«Товарищу ево іеромонаху Іоакиму корму по гривнѣ на день съ того жъ числа» . . .

Какъ видимъ, служебная карьера улыбалась Каріону Истомину, и матеріальныя средства его становились съ каждымъ годомъ все больше и больше. А было время, еще такъ недавно, когда онъ сильно пуждался.

Дѣло въ томъ, что въ первые годы своей службы на книжномъ печатномъ дворѣ онъ вмѣстѣ съ должностью чтеца и писца соединялъ еще должность учителя греческаго языка въ типографской школѣ. Свидѣтельствъ тому въ книгахъ типографскаго архива мы пашли два. Вотъ они: «Сентября въ 14 по указу святѣйшаго патріарха и по челобитной за помѣтою дяковъ Ивана Калитина да Ивана Арбенева дано книжному четцу іеродіакону Каріону для наученія греческаго языка и для ево скудости десять рублевъ денегъ а впредь ему и инымъ всякихъ чиновъ книгъ печатнаго дѣла ся дача невообразецъ». (№ 78, обор. л. 404). Эта запись находится подъ 189 годомъ. Другую запись читаемъ въ той же книгѣ расходиой, но только подъ 190 годомъ: «ноября въ 14 по указу святѣйшаго патріарха и по подписной челобитной за помѣтою дяковъ Ивана Калитина да Ивана Арбенева велено дать старцу Каріону для греческаго ученія на 19 годъ семь рублевъ инымъ невообразецъ и невокладъ». . . (ibid. обор. л. 551). Изъ приведенныхъ записей видимъ, между прочимъ, что до открытія Типографскаго греческаго училища іеромонахомъ Тимоою на печатномъ дворѣ существовала школа, въ которой Каріонъ училъ греческому языку, приготовляя, во всей вѣроятности, свѣдущихъ справщиковъ для службы на печатномъ дворѣ.

Съ 193 года штатъ книжныхъ справщиковъ значительно увеличивается. Причиной тому было слѣдующее обстоятельство. Еще съ 191 года патріархомъ Іоакимомъ задумано было изданіе служебныхъ мнѣй. Для свѣрки и переписки текста правленныхъ мнѣй прежнихъ выходовъ была образована изъ справщиковъ особая комиссія. Въ составъ ея вошли: бывшій игуменъ Путивльскаго Молченскаго монастыря Сергій, священникъ Никифоръ и бывшій Чудовскій уставщикъ старецъ Моисей¹⁾. Вѣроятно, принималъ участіе въ этой комиссіи и Каріонъ Истоминъ вмѣстѣ съ писцомъ Флоромъ Герасимовымъ. Такъ можно догадываться на основаніи приведеннаго выше (см. стр. 31) указа патріарха изъ кн. № 67 (см. о томъ же указъ въ расх. кн. № 83, л. 67 или по старой помѣтѣ л. 14).

1) Ср. статью Мансветова въ «Прибавл. къ твор. св. от.» 1883 г., кн. IV, стр. 534—535.

Начиная съ 193 года, въ расходныхъ книгахъ, при распискѣ въ полученіи денежнаго государева жалованья, строго различаются двѣ группы справщиковъ: одну группу составляютъ справщики, «которые справливаютъ книги на печатномъ дворѣ въ правилнѣ» (Іосифъ Бѣлый, Сильвестръ Медвѣдевъ, іеродіаконъ Каріонъ Истомина и старецъ Мардарій); другую — справщики, «которые справливаютъ минѣи дванадцатныя» (игумень Сергій, іерей Никифоръ, бывшій уставщикъ Чудова монастыря старецъ Моисей¹⁾). Такимъ образомъ, если Каріонъ Истомина, какъ выше было предположено, принималъ участіе въ комиссіи, провѣрившей служебныя минеи прежнихъ выходовъ, то только до тѣхъ поръ, пока былъ назначенъ изъ книжныхъ чтецовъ справщикомъ, а затѣмъ долженъ былъ всецѣло отдаться службѣ на книжномъ печатномъ дворѣ.

Въ виду той же работы — изданія миней служебныхъ — усиленъ, вѣроятно, штатъ книжныхъ писцовъ: ихъ въ 193 году было три — Дмитрій Федоровъ, Флоръ Герасимовъ и Иванъ Ивановъ.

Годъ 194-й не принесъ никакихъ большихъ переменъ въ составѣ ближайшихъ товарищей Каріона по службѣ. Въ группѣ справщиковъ, которые правили книги на печатномъ дворѣ въ правилнѣ, лишь не встречаемъ имени старца Мардарія (Расх. кн. № 85, л. сѣі).

Но въ 195 году произошла довольно важная и крупная переменна. Стоявшій до того времени во главѣ книжнаго печатнаго двора Симеонъ, бывшій архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, оставляетъ печатный дворъ; на его мѣсто назначается бывшій игумень Путивльскаго монастыря Сергій, которому съ этого года назначается окладъ жалованья въ размѣрѣ 100 рублей, и имя котораго въ расходныхъ книгахъ при полученіи жалованья пишется выше именъ прочихъ справщиковъ. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ расх. кн. № 86 на л. г̄: «Внынѣшнемъ во рчѣ“ году августа въ б̄ по указу великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима Московскаго и всея Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха за помѣтою дьяка Ивана Калитина и на томъ указе по помѣте дьяка Ивана Арбепова велено выдавать великихъ государей жалованя игумену Сергію сто рублей на нынѣшней на рчѣ годъ и впредь давать потому жъ».

Въ слѣдующемъ 196 году при прежнемъ составѣ товарищей Каріона Истомина²⁾ не встрѣчается имя писца Флора Герасимова, а съ 12-го марта 197 года вмѣсто удаленнаго Сильвестра Медвѣдева справщикомъ назначенъ учитель греческой Типографской школы іеромонахъ Тимофей, что видно изъ слѣдующихъ записей: въ расх. кн. № 89, при распискѣ въ полученіи

1) См. кн. расх. № 84, л. д̄— е̄. Ср. мои очерки стр. 12, вып. II.

2) Въ этомъ году Каріонъ имѣлъ частное занятіе: 25-го декабря ему дано отъ патріарха два рубля за то, что онъ «домовымъ меньшимъ подьякомъ училъ ораціи».

жалованья въ сентябрѣ 197 года, находится при имени Сильвестра Медвѣдева такая приписка: «и то великихъ государей жаловане ему монаху Сильвестру не дано и у книжного правленія бытъ ему не велѣно (л. $\frac{2}{5}$). Въ книгѣ же указовъ № 67 на обор. л. 81 читаемъ: «рѣз марта въ $\overline{\text{б}1}$ великие государи цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрпая царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы указали и великій господинъ свят. киръ Іоакимъ Московскій и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ у книжного правленія бытъ справщикахъ іеромонаху Тимоѣю справщика на Силверстово мѣсто Медвѣдева»... (Ср. № 89, л. $\frac{2}{5}$).

Вслѣдъ затѣмъ бѣда обрушилась и на Каріона Истомина, родственника С. Медвѣдева: 11-го декабря 198 года онъ былъ временно удаленъ съ книжнаго Печатнаго двора. На его мѣсто справщикомъ назначенъ былъ строитель Спасскаго, что за Иконнымъ рядомъ, монастыря Моисей, какъ видно изъ слѣдующаго указа: «рѣи декабря въ $\overline{\text{а}1}$ великие государи цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцы указали, великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ Московскій всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ у книжного правленія бытъ справщикахъ Спасскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ, строителю Моисею. Справщика на Каріоново мѣсто Истомина... И генваря въ $\overline{\text{к}1}$ великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ... указалъ справщику Моисею на пынѣшней на рѣи годъ выдать великихъ государей денежнаго жалованья пяддесять рублевъ» (№ 67, л. $\overline{\text{п}1}$). Временное удаленіе Каріона съ Печатнаго двора послѣдовало потому, что онъ былъ замѣшанъ, какъ будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ, въ дѣлѣ о Ѳеодорѣ Шакловитомъ, Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и другихъ заговорщикахъ.

Удаленіе Каріона Истомина продолжалось, впрочемъ, не долго: уже 19-го іюля того же года онъ опять является на печатномъ дворѣ въ качествѣ справщика. Дѣло въ томъ, что 2-го іюня 198 года состоялся указъ великихъ государей по поводу служебныхъ миней, неудачно исправленныхъ чудовскимъ инокомъ Евѡиміемъ. «И сей великихъ государей указъ чтенъ вправиленой полате книжнымъ справщикомъ: «строителю монаху Моисѣю, іеромонаху Каріону и Тимоѣю, книгохранителю и четцу іеродиакону Ѳеофану, четцу монаху Аарону, писцомъ Ивану Иванову, Ѳеодору Поликарпову іюля въ $\overline{\text{б}1}$ »¹⁾... Изъ приведеннаго отрывка видно, между прочимъ, что въ 198 году у Каріона Истомина были новые товарищи по службѣ; изъ

1) Весь указъ напечаталъ Мансветовъ въ Прибавл. къ Твор. св. от. IV, 1883, приложение В. Ср. мои Очерки, I, 14—15, II, 13—14.

нихъ въ послѣдующее время игралъ видную роль на печатномъ дворѣ Ѳедоръ Поликарповъ.

Въ 199 году, при распискѣ въ полученіи денежнаго жалованья, находимъ имена слѣдующихъ лицъ — товарищей Каріона Истомина: имя пачальника Печатнаго двора игумена Сергія; имена справщиковъ: іеромонаха Тимооєя, іеродіакона Ѳеофана¹⁾, книжнаго чтеца монаха Аарона и книжныхъ писцовъ—Ивана Иванова и Ѳедора Поликарпова. (Расх. кн. № 92, л. 67 и слѣд.).

Въ 200 году указанный только что составъ служащихъ на печатномъ дворѣ снова подвергся нѣкоторымъ перемѣнамъ: 22-го сентября этого года патріархъ Адріанъ указалъ быть въ чтецахъ школьному ученику Николаю Семенову, а монахъ Ааронъ 19-го того же сентября былъ изъ книжныхъ чтецовъ повышенъ въ справщики. (Кн. указовъ № 67, л. 67 и обор.).

Такимъ образомъ, въ 201 году находимъ такой составъ служащихъ на печатномъ дворѣ: начальникъ печатнаго двора—игуменъ Сергіи, справщики: іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, іеромонахъ Тимоѳей, іеродіаконъ Ѳеофанъ (онъ же и книгохранитель), монахъ Ааронъ, книжный чтець Николай Семеновъ, писцы: Иванъ Ивановъ и Ѳедоръ Поликарповъ. (Расх. кн. № 94, л. 67 и слѣд.). Но съ 15-го ноября уже послѣдовали перемѣны и въ этомъ составѣ: въ этотъ день указалъ патр. Адріанъ писцу Ивану Иванову быть въ чтецахъ на остававшееся свободнымъ послѣ монаха Аарона мѣсто, а на мѣсто Ивана Иванова—быть въ книжныхъ писцахъ «школьного ученія перваго чина Ѳедору Агѣеву». (Кн. указовъ № 67, л. 92).

Въ послѣдующіе годы до конца службы Каріона на печатномъ дворѣ замѣчаются слѣдующія перемѣны въ составѣ его сослуживцевъ: 12-го сентября 203 года патріархъ Адріанъ указалъ быть на книжномъ печатномъ дворѣ въ писцахъ школьнымъ ученикамъ Ѳедору Герасимову и Осипу Аонасьеву (*ibid.* л. 94). Особенно же знаменательная для Каріона Истомина перемѣна произошла послѣ указа патріарха Адріана отъ 4-го марта 206 года. Въ этотъ день «великій господинъ святѣйшій патріархъ Адріанъ, архіепископъ Московскій и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ указалъ быть книжному справщику іеромонаху Каріону вприказе книгъ печатнаго дѣла начальнымъ человѣкомъ на мѣсто начального человѣка игумена Сергія». «Указъ святѣйшаго патріарха и ево іеромонаха Каріона объявилъ вприказе книгъ печатнаго дѣла святѣйшаго патриарха розрядной подъячей Борисъ Яковлевъ» (*ibid.* л. 104). Итакъ, съ 4-го марта 1698 года Каріонъ Истоминъ сдѣлался начальникомъ печатнаго двора. Въ его кратковременное правленіе на печатномъ дворѣ произошли слѣдующія перемѣны. 26-го марта того же 206 года на мѣсто справщика іеромонаха Тимооєя на-

1) Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и книгохранителемъ.

значень былъ, по указу царя Петра Алексѣевича и по благословенію патріарха Адріана, справщикомъ учитель греко-латинской школы Ѳеодоръ Поликарповъ съ окладомъ годового жалованья въ 50 рублей¹⁾. Апрѣля 16-го того же года, по благословенію патріарха Адріана, на мѣсто писца Ѳеодора Аггеева назначень былъ писцомъ же монахъ Чудова монастыря Ѳеологъ²⁾. Эти указы царя и патріарха сказаны были Каріономъ Истоминымъ, какъ начальникомъ печатнаго двора. Имъ же былъ объявленъ въ слѣдующемъ году такой указъ патріарха «сѣ^а декабря въ а^а великій господи^н свят. киръ Адріанъ арх. Москов. и всея росіи и вс. сѣв. странъ патріархъ указалъ на книжномъ печатномъ дворѣ у книжного правления быть въ справщикахъ изъ своей греко-латинской школы учителю Николаю Головину на мѣсто умершаго справщика жъ іеродіакона Ѳеофана, а окладъ ему учинить противъ справщика жъ Ѳеодора Поликарпова денежнаго жалованья на годъ пятьдесятъ рублей да за хлѣбъ и всякой столовой припасъ что ему давано изъ патріарша дворцоваго приказы давать по дватцати рублей на годъ... Указъ святѣйшаго патріарха сказалъ іеромонахъ Каріонъ Истомино». (Кн. указ. № 67, л. р̄і).

Служба Каріона Истомина на печатномъ дворѣ въ роли начальника продолжалась до 15-го ноября 1701 года, потому что съ этого времени, по указу царя Петра Алексѣевича, печатнымъ дворомъ сталъ управлять справщикъ Ѳеодоръ Поликарповъ. Вотъ этотъ интересный указъ, какъ онъ сохранился въ книгѣ указовъ № 67 на л. р̄г: «а^а ноября въ е^а великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ указалъ по имянному своему великого государя указу приказъ печатнаго дѣла вѣдать и во всякихъ того приказу дѣлахъ управлять книжному справщику Ѳеодору Поликарпову вмѣсто справщика іеромонаха Каріона Истомина.

«Имянной ево великого государя указъ объявлялъ преосвященный Стефанъ митрополитъ рязанскій и муромскій вкрестовой своей полатѣ приказу книгъ печатнаго дѣла дяку и подьячимъ всякихъ чиновъ людемъ».

Этотъ же 1701 годъ надо считать послѣднимъ годомъ вообще служебной дѣятельности Каріона Истомина на печатномъ дворѣ, потому что мы не нашли его имени въ числѣ справщиковъ въ расходныхъ книгахъ

1) «сѣ марта въ кѣ великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ указалъ. И великій господи^н святѣйшій киръ Адріанъ арх. Московскій и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ у книжного правления быть въ справщикахъ изъ греколатинской школы учителю Ѳеодору Поликарпову и окладъ ему учинить денежнаго жалованья на годъ пятьдесятъ рублей... А быть ему Ѳеодору у книжного правления въ справщикахъ на мѣсте справщика жъ іеромонаха Тимофея». (Кн. указ. № 67, л. р̄д).

2) *ibid.* л. р̄е.

послѣ 1700 года, просмотрѣвъ не разобранныя бумаги архива Синодальной типографїи.

Таковъ ходъ службы Карїона Истомина на печатномъ дворѣ и таковъ кругъ его товарищей и сослуживцевъ, не считая чисто административныхъ лицъ, въ родѣ дьяковъ и подьячихъ. Служебная карьера, какъ видѣли, счастливо улыбалась нашему писателю, и онъ достигъ высшаго положенїа на печатномъ дворѣ, положенїа начальника этого двора — рѣдкое отличїе, выпадавшее немногимъ, начинавшимъ свое служебное поприще съ незначительной должности писца или чтеца!

Теперь необходимо обратиться къ разсмотрѣнїю той стороны его дѣятельности на печатномъ дворѣ, которая особенно важна и для которой существовало самое званїе книжнаго справщика.

Выше было сказано, что главнымъ дѣломъ справщиковъ было исправленїе книгъ, назначенныхъ къ изданїю. Насколько же широко и плодотворно проявилась дѣятельность Карїона Истомина въ этомъ отношенїи?

Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, сдѣлаемъ перечень книгъ, изданныхъ вновь или переизданныхъ на печатномъ дворѣ за все время службы Карїона Истомина въ качествѣ справщика и начальника, при чемъ будемъ держаться хронологическаго порядка.

4-го марта 190 года Карїонъ получилъ, какъ выше мы видѣли, назначенїе быть справщикомъ на печатномъ дворѣ; съ этого числа и началась его разнообразная и полезная дѣятельность по исправленїю и изданїю книгъ.

Такъ, 19-го марта того же года «великій государь царь и великій князь Θεодоръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росїи самодержецъ указалъ и великій господишъ святѣйшїй Іоакимъ патріархъ Московскїй и всея росїи благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ напечатать книги уставы большїе вѣсть списменого переводу одинъ заводъ тысяча двѣсти книгъ»... (Кн. расход. бумагъ и пр. № 82, листы не помѣчены, годъ рѣч). Печатались уставы такъ называемою никитинскою азбукою¹⁾, при чемъ 200 книгъ печатались на большой бумагѣ; окончены печатанїемъ уже при государяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, перваго сентября 191 года²⁾.

1) Книги печатались обыкновенно четырьмя шрифтами, «которые по своему внѣшнему виду дѣлились на четыре разряда и носили особыя названїа, по имени и фамиліи мастеровъ, дѣлавшихъ эти шрифты. Одинъ шрифтъ носилъ названїе «осиповской азбуки» по имени мастера Осипа Кирилова, другой «евангельской большой азбуки», которымъ печатались на престольныя евангелїа, и форма для котораго была вылита мастеромъ Кодратомъ Ивановымъ; третїй носилъ названїе «средней» или «никитинской азбуки» по имени мастера Никиты Фофанова; четвертый «мелкой азбуки», «дѣло рѣзца Феодора Иванова». (См. статью П. О. Николаевскаго въ Христіанскомъ Читенїи 1890 г. № 12, стр. 119).

2) ...начаты печатать книги, уставы вѣсть Никитинскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ, въ томъ числѣ двѣсти книгъ на большой бумагѣ а издѣла испечати вышли тѣ книги уставы при державѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоаннѣ

Въ томъ же мартѣ исправлялись псалтыри учебныя, что видно изъ такой записи въ расх. кн. № 80 на л. 9: «марта во в̄^а куплено ксправке книгъ псалтырей учебныхъ вполдестъ бѣлилъ камѣди кистей на дватцать на три алтына на двѣ денги». Кроме того, печатались: съ 5-го апрѣля каноны святой Пасхѣ, въ количествѣ трехъ тысячъ шестисотъ экземпляровъ, а изъ печати вышли 11-го того же апрѣля¹⁾. 25-го июня, по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха, преосвященный Сямеонъ, архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, приказалъ напечатать въ осмушечную тетрадь 2400 хиротоній и столько же каноновъ заукойныхъ съ помянникомъ²⁾. Наконецъ, печатались еще: 26-го июня 7200 азбукъ на одномъ листу (№ 81, л. 9); въ іюль — 600 поученій вполдестъ въ двѣ тетради и столько же поученій въ четыре полудестевыхъ тетради (ibid. л. 20).

До назначенія же Каріона справщикомъ были напечатаны въ томъ же 190 году слѣдующія книги. Въ этомъ году вышли изъ печати начатыя тисненіемъ 16-го марта 189 года евангелія напрестольныя³⁾; сентября 1 — 6-го, по указу государя Θεодора Алексѣевича и по благословенію патріарха Іоакима, приступили къ печатанію псалтырей съ возслѣдованіемъ въ дестъ, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 книгъ, а окончили печатаніемъ 28-го декабря того же года (№ 75, л. 199; № 76, л. с̄с; № 78, л. 540); за восемь дней до выхода въ свѣтъ, 20-го декабря, сдѣлано въ эти псалтыри описаніе, за что наборщикъ Иванъ Варѣоломеевъ съ товарищами получили рубль (№ 78, обор. л. 557). Августа 7-го и ноября 17-го начаты печатаніемъ въ воскресенской палатѣ часословцы въ четверть, никитинскою азбукою, по заводу 2400 книгъ, а окончены уже въ сентябрѣ слѣдующаго 191 года (№ 76, л. с̄ш, — тутъ показано 11-го ноября; № 78, л. 553 — здѣсь 17-го ноября; № 80, л. 26 — здѣсь 7-го августа, № 81, л. 22 — и здѣсь названъ августъ безъ обозначенія числа; № 82 — здѣсь 7-го августа). 27-го августа приступили къ издашію книгъ — «Увѣтъ духовный» и возглашенія на раскольниковъ, въ полдестъ, никитинскою азбукою,

---

Алексѣевичѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ нынѣшнемъ во р̄ч̄^а году сентября въ ѡ^а ввосмдесять въ пять тетратей» (Расх. кн. № 81, л. 12; ср. кн. р. № 80, л. 12).

1) «Внынѣшнемъ во р̄ч̄^а году апрѣля въ е̄^а по указу великаго государя, и проч... начаты печатать каноны святѣй пасцѣ по заводу три тысячи шестисотъ, а изъ дѣла испечати вышли тѣ книги каноны въ нынѣшнемъжъ во р̄ч̄^а году апрѣля въ ѡ^а...» (№ 81, л. 6; № 80, обор. л. 19).

2) «р̄ч̄^а іюня въ к̄^е по указу и пр... приказалъ преосвященный Сямеонъ архіепископъ Сибирскій и Тоболскій на кн. печ. дворѣ напечатать осмушечную тетратъ двѣ тысени чытыреста хиротоній днѣ тысени чытыреста каноновъ за ушкой шесть заводовъ азбукъ на одномъ листу посмѣте семь тысечъ двѣсти азбукъ». (№ 82, въ концѣ).

3) «Впрошломъ р̄бо году марта въ ѡ^а день по указу и пр... пачаты печатать квинг евангелія напрестольныя на александрійской большой бумагѣ по заводу 480 книгъ а вышли тѣ въ нынѣшнемъ р̄ч̄^а октябрия ѡ^а въ 48 тетратей». (№ 75, л. 187).

по заводу 1200 книгъ, въ 34 тетради, а изъ печати вышли «Увѣты» 20-го сентября 191 года (№ 80, л. 28; № 81, обор. л. 26; № 82).

Дѣятельность печатнаго двора въ слѣдующемъ 191 году проявилась болѣе плодотворно, такъ какъ издано было въ этомъ году очень много книгъ.

Съ 20-го октября по 5-е февраля напечатано 1200 экземпляровъ тріодей постныхъ въ десть, никитинскою азбукою, въ девяносто двѣ тетради¹⁾. Два раза печатались Заповѣди Господни: одинъ разъ въ январѣ мѣсяцѣ напечатано 1200 экземпляровъ на двухъ листахъ; другой — въ мартѣ и февралѣ — 2400 экземпляровъ на двухъ же листахъ александрійской средней бумаги разныхъ рукъ (№ 80, обор. л. 86, л. 95; № 81, л. 39, обор. л. 41; № 82 въ концѣ книги).

Съ 6-го февраля по 16-е марта напечатано 2400 книгъ канонниковъ въ четверть, никитинскою азбукою (№ 80, л. 89; № 81, обор. л. 44; № 82).

Съ 17-го марта приступили къ изданію мнѣй общихъ въ десть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ и столько же ирмологіевъ въ полдесть; печатались онѣ въ трехъ палатахъ — въ спасской, никольской и мирносноцкой²⁾. Съ 1-го мая начато печатаніемъ 1200 книгъ октаевъ перваго гласа, а іюня 28-го приступили къ изданію октаевъ пятаго гласа (№ 80, л. 144 и обор. л. 156). Вообще въ этомъ году съ 1-го мая приступили къ изданію октаевъ всѣхъ восьми гласовъ, которые вышли изъ печати уже 30-го сентября 192 года, что видно изъ слѣдующей записи: «Впрошломъ во рѣа^а году мая въ а̃ по указу и пр. начаты печатать книги октаи восьмигласные вдесть никитинскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ а из дѣла испечати вышли тѣ книги внынѣшнемъ во рѣа^а году сентября въ л̃^а посту по дватцати по три тетрати сполутетратю во всѣхъ осми гласахъ» (№ 81, л. 63). Съ 12-го іюня начали печатать въ воскресенской палатѣ часословцы въ четверть, осиповскою азбукою, въ количествѣ 4800 экземпляровъ, а окончили печатаніе ихъ 20-го декабря слѣдующаго 192 года³⁾. Въ промежутокъ времени между 17-го марта и 20-го мая на-

1) «рѣа^а октября въ к̃^а по указу и пр... на кн. печ. дворѣ начаты печатать книги тріодипосные вдесть по заводу а̃с книгъ»... (№ 80, обор. л. 75). «Внынѣшнемъ во рѣа^а году октября въ к̃^а по указу и пр... нач. печатать книги тріоди постные вдесть никитинскою азбукою по заводу а̃с книгъ вдевносто двѣ тетрати сполутетратю безлиста а издѣла испечати тѣ тріоди вышли внынѣшнемъ же во рѣа^а году оевраля въ е̃ день». (№ 81, л. 32; ср. № 82).

2) «Марта въ з̃г̃ по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патриарха преосвященный Симеонъ архіепископъ Сибирскій и Тоболскій приказалъ на книжномъ печатномъ дворѣ напечатать тысячу двѣсти книгъ мнѣй общихъ вдесть никитинскою азбукою ввосмь становъ вспаской да вникольской полатахъ да вмирносноцкой полате тысячи двѣсти ирмологіевъ вполдесть никитинскою азбукою»... (№ 80, л. 133, обор. л. 158; ср. № 81, обор. л. 69; № 82).

3) «И іюня въ б̃г̃... начаты печатать воскресенской полатѣ вдва стана четыре выходы часословцевъ вчетверть осиповскою азбукою»... (№ 80, обор. л. 149). «Впрошломъ во рѣа^а году іюня въ б̃г̃ по указу и пр... нач. печатать книги часословцы вчетверть осипов-

печатапо въ воскресенской палатѣ 1200 книгъ ирмологіевъ въ полдестъ, никитинскою азбукою, въ 39 тетрадей безъ четвертки (№ 80, л. 55; № 82); а 20-го мая «по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха ввоскресенской полатѣ у двустановъ вмѣсто недостаточныхъ переводовъ книгъ ермологіевъ велѣно напечатать становымъ дѣломъ вочередь... „бѹ азбукъ да... велено здѣлать наймомъ „бѹ азбукъ обоего „дѣ азбукъ» (№ 82, въ концѣ книги; ср. № 81, л. 52). Кромѣ перечисленныхъ книгъ, издано было въ томъ же году 23-го сентября 4800 листовъ разрѣшительныхъ грамотъ (№ 81, обор. л. 30) и 200 вотчинныхъ великихъ государей жалованныхъ грамотъ по двумъ образцамъ, какіе были присланы пзъ помѣстнаго приказа въ приказъ книгъ печатнаго дѣла (ibid. л. 50).

Въ заключеніе приводимъ запись о двадцатыхъ минеяхъ, которая находится въ расходной книгѣ № 83 на л. 1: «іюля въ а^а (разумѣется 191 г.) по указу великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго п всеа росіи за помѣтою дьяка Ивана Арбенева отпущено вчюдовъ монастырь ко чтенію книгъ дванадцятныхъ минѣй мѣйныхъ справщикомъ старцу Сергію да священнику Никвоору стоварыщи книга уставъ шестодневъ осмогласной ирмологіи нового выхода всѣ впереплетѣ денегъ за тѣ книги по указной по ценѣ пять рублейъ пять алтынъ да кним же отпущена другая книга ирмологіи впереплетѣ за помѣтою дьяка Ивана Арбенева по ценѣ за неѣ денегъ дватцать одинъ алтынъ четыре денги». Взятыя книги были возвращены, по окончаніи исправленія миней служебныхъ, 16-го апрѣля 195 года, какъ видно пзъ слѣдующей записи на оборотѣ 2-го листа той же расходной книги: «рче апрѣля въ 51^а принято книгъ отъ чтенія дванадцятныхъ миней у четца монаха Аарона уставъ миней общая апостоль средней бумаги шестодневъ осмогласной три книги ирмологіевъ».

Последняя запись разъясняетъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, сколько времени трудилась образованная въ 1683 году комиссія для свѣрки п переписки правленныхъ миней прежнихъ выходовъ. Какъ видимъ, она трудилась около четырехъ лѣтъ. (Ср. статью Мансветова, Прибавл. къ Твор. св. от. 1883 г. кн. IV. стр. 534—535: «Сколько времени трудился надъ этимъ дѣломъ (т. е. свѣркой п перепиской миней прежнихъ выходовъ) старецъ Сергій съ товарищами, неизвѣстно...»).

Довольно много было издано книгъ и въ 192 году. Такъ, 2-го октября, по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха, напечатано 1200 книгъ «О благодарствіи ко Господу Богу за его кнамъ превеликую милость» въ полдестъ, никитинскою азбукою, въ восемь тетра-

---

скою азбукою по заводу четыре тысячи восемьсотъ книгъ а издѣла испечати тѣ книги часословцы вышли внынѣшнемъ во рѣв^а году декабря въ к^а вкниге по тридцати по двѣ тетради». (№ 81, л. 80; ср. № 82).

дей (№ 81, л. 75; № 82). Съ 3-го октября по 19-е января напечатано было 1200 книгъ трїудей постныхъ въ десть никитинскою азбукою, а 20-го января отдали одинъ рубль, шесть алтынъ, четыре деньги наборщику Владимиру Андрееву съ мастеровыми людьми за то, что они дѣлали въ эти трїуди постные описаніе и исправляли четвертку¹⁾. Съ 18-го марта по май мѣсяцъ печатались апостолы въ десть, никитинскою азбукою, по заводу 1200 книгъ, въ томъ числѣ четыреста книгъ на большой нѣмецкой бумагѣ, а восемьсотъ на нѣмецкой же средней бумагѣ²⁾. Съ 12-го мая того же года приступили къ изданію псалтырей со возслѣдованіемъ въ десть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ; окончены же тисненіемъ эти псалтыри уже въ сентябрѣ слѣдующаго года³⁾. Кромѣ псалтырей слѣдованныхъ, печатались въ этомъ году два раза псалтыри учебные: одинъ разъ они печатались въ промежутокъ времени между 19-го января и 18-го марта въ полдесть, никитинскою азбукою, по заводу 2400 книгъ⁴⁾; другой же разъ—съ 15-го іюля по мѣсяцъ августъ въ полдесть же и никитинскою азбукою «безъ киноварей, а вмѣсто киноварей воскресенскою азбукою чернилами»; всего напечатано 2400 экземпляровъ, а печатались они въ спасской и нпкольской палатахъ (№ 82, въ концѣ книги; ср. № 83, л. 156 и обор. л. 167).

Кромѣ указанныхъ книгъ, печатались въ разные мѣсяцы 192 года: жалованныя грамоты (№ 81, л. 78, 99, 101, обор. л. 108, л. 110); ставленныя поповскія грамоты (*ibid.* 79); азбуки малыя изданы нѣсколько разъ: 8-го мая напечатано 3600 листовъ, въ каждой азбукѣ по листу (№ 81, л. 100); іюля 9-го—2400 листовъ и августа 11-го—1200 листовъ (*ibid.* обор. л. 107, л. 109). Наконецъ, въ томъ же году напечатано 2400 канонъ митрополита Алексѣя, въ томъ числѣ 1200 на преставленіе, а 1200 на обрѣтеніе мощей (*ibid.* обор. л. 97).

Меньше книгъ издано въ 193 году. Въ этомъ году съ 9-го октября

1) «Вныи́шнемъ во рѣв^а году октября въ г^а по указу и пр... начаты печатать книги трїуди постные въ десть никитинскою азбукою по заводу ꙗс книгъ въ чѣв тетради стрема четвертки а издѣла испечати тѣ книги... вышли выныи́шнемже во рѣв^а году генваря въ бѣ^а» (№ 81, обор. л. 86; ср. № 82; № 83, л. 145 и обор. л. 155).

2) «Вныи́шнемъ во рѣв^а году марта въ « » по указу и пр... начаты печатать книги апостолы вдесть никитинскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ втомъ числѣ четыреста книгъ на болшой немецкой бумаге а восемьсотъ книгъ на немецкой средней бумаге а издѣла испечати тѣ книги апостолы выныи́шнемже во рѣв^а году мая въ день вкниге по мѣд тетради слистомъ» (№ 81, л. 102; ср. № 82; № 83, обор. л. 161—тутъ указано 18 марта).

3) «Впрошломъ во рѣв^а году мая въ вѣ по указу и пр... нач. печ. книги псалтыри со возслѣдованіемъ вдесть никитинскою азбукою по заводу ꙗс книгъ испечати вышли тѣ книги... выныи́шнемъ во рѣв^а году всентябрѣ мѣсяце вкниге по ѣ тетратей сполутетратью». № 81, л. 118; ср. № 82; № 83, обор. л. 165 и обор. л. 169).

4) «Вныи́шнемъ во рѣв^а году генваря въ бѣ^а по указу и проч. нач. печатать книги псалтыри учебные вполдесть никитинскою азбукою по заводу ꙗу книгъ, а издѣла испечати вышли тѣ книги псалтыри учебные выныи́шнемъ же во рѣв^а году марта въ ѣи вкниге по со року по три тетради» (№ 81, л. 93).

по 13-е декабря донечатывались книги служебники въ количествѣ 1200 экземпляровъ, въ дополненіе къ прежденачатымъ семи тетрадамъ¹⁾; печатались они въ полдестъ, никитинскою азбукою (№ 82). Съ 9-го декабря по январь донечатывались и книги мнѣи общія въ дестъ, никитинскою азбукою, въ дополненіе къ прежнимъ 23 тетрадамъ, что напечатаны въ 191 году; теперь прибавили 72 тетради—службы господскимъ и богородичнымъ праздникамъ и избраннымъ свитымъ (№ 81, л. 142; № 82).

Въ промежутокъ времени между 16-го декабря и 15-го іюня въ воскресенской палатѣ печатались на престольныя евангелія въ полдестъ, никитинскою и осиповскою азбуками, на александрійской бумагѣ; предположено было напечатать двѣ тысячи экземпляровъ, но «четырехъ сотъ книгъ вдѣле не было затѣмъ что бумаги той руки вказнѣ не достало а купить вту мѣру не сыскано». . . (№ 81, обор. л. 160; № 82; № 84, обор. рѣе. Въ послѣдней книгѣ показанъ обычный расходъ передъ началомъ печатанія книги: «декабря въ 6^и для начинанія въ книгъ Евангеліевъ на престольныхъ вполдестъ на молебень и на свѣчи да приказу книгъ печатного дѣла всякихъ чиповъ и мастеровымъ людемъ на калачи три рубли дватцать восемь алтынъ»). Съ 3-го февраля по 20-е марта, по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха, въ спасской и никольской палатахъ печатались часословцы съ каонизмами въ четверть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 2400 книгъ на нѣмецкой большой бумагѣ, по 39 тетрадей съ полутетрадью въ книгѣ (№ 81, л. 153; № 82, въ концѣ кп.; № 89, л. рѣе). Съ 20-го марта по 31-е августа въ спасской же и въ никольской палатахъ напечатаны прологи (съ сентября мѣсяца полгода) въ дестъ, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, при чемъ 200 книгъ напечатаны на большой бумагѣ (№ 81, л. 171; № 82; № 84, обор. л. рѣи).

Кромѣ того, въ томъ же году изданы были: 18-го ноября хиротоніи въ количествѣ 2400 экземпляровъ, въ одну тетрадь (№ 81, л. 127); жалованныя вотчинныя грамоты за походы—чигиринскій, троїцкій и за литовскія службы (ibid. лл. 117, 139, обор. л. 140, л. 151 и 159); азбуки печатались три раза: 18-го января напечатано было 6000 листовъ, 6-го марта—2400 листовъ и 30-го іюля—4800 листовъ (ibid. лл. 137, 149 и 169).

Въ слѣдующемъ 194 году изданы, помимо азбукъ (№ 81, л. 181, обор. 189, 213, 222), вотчинныхъ жалованныхъ грамотъ за чигиринскій, троїцкій и польскій походы (ibid. л. 191, обор. л. 214), ставленныхъ грамотъ архимандричьихъ, игуменскихъ и поповскихъ (ibid. л. 200, обор. л. 201,

1) «Внынѣшнемъ во рѣи^и году въ 6^и по указу и проч... на книжномъ печатномъ дворѣ начаты донечатывать книги служебники одинъ заводъ ꙗс книгъ кпрежнимъ печатнымъ семи тетратемъ а издѣла испечати вышли тѣ книги служебники внынѣшнемъ же во рѣи^и году декабря въ 6^и вкниге по сороку по четыре тетрати и спрежними тетратми» (№ 81, л. 128).

209), прологи (съ марта полгода). Прологи эти (въ дополненіе къ изданнымъ въ предыдущемъ году прологамъ съ сентября по февраль включительно) печатались съ 1-го сентября по 31-е декабря въ количествѣ 1200 книгъ, при чемъ 200 экземпляровъ напечатаны на большой бумагѣ (№ 81, обор. л. 192; № 82; № 85, л. тѣв). Съ 30-го декабря по мартъ напечатано 1200 книгъ трїодей цвѣтныхъ въ десть, никитинскою азбукою, въ книгѣ по 50 тетрадей съ двумя четвертками, а передѣлано «за погрѣшеніемъ» пять четвертокъ (№ 81, л. 203; № 82; № 85, л. тѣд). Съ 10-го марта по 14-е іюня напечатано было 1200 экземпляровъ псалтырей со возслѣдованіемъ въ десть, никитинскою азбукою, въ 80 тетрадей съ полутетрадью (№ 81, л. 216; № 82; № 85, обор. л. тѣѣ); а 21-го того же марта напечатано было четыре тысячи восемьсотъ канонѡвъ Святой Пасхѣ, никитинскою азбукою въ осмушку (№ 81, обор. л. 210). Мая 28-го приступили къ изданію часословцевъ въ четверть; печатались они въ никольской палатѣ, осиповскою или воскресенскою азбуками, въ количествѣ 4800 книгъ, а окончены печатаніемъ уже 20-го сентября 195 года (№ 81, обор. л. 230; № 82; № 85, обор. л. тїд). По записи этой послѣдней книги часословцы печатались воскресенскою азбукою, тогда какъ записи другихъ книгъ говорятъ объ осиповской азбуцѣ). Наконецъ, 14-го іюня приступили къ печатанію евангелій толковыхъ недѣльныхъ въ десть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, а изъ печати эти евангелія вышли въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 195 года (№ 81, л. 225; № 82; № 85, обор. л. тїс).

Дѣятельность печатнаго двора въ 195 году проявилась въ изданіи слѣдующихъ книгъ. Со 2-го сентября по 7-е января въ никольской палатѣ напечатано осиповскою азбукою въ четыре стана 4800 канонѡвъ въ четверть (№ 81, обор. л. 243; № 82; № 86, обор. л. р̄сі). А съ 21-го сентября по 20-е ноября въ двухъ палатахъ — въ спасской да въ воскресенской напечатано было 2400 книгъ псалтырей учебныхъ въ полдесть, никитинскою азбукою (№ 81, обор. л. 236; № 82; № 86, обор. л. р̄сі). Съ 22-го ноября по 30-е апрѣля въ мироносицкой палатѣ въ четыре стана напечатано 4800 экземпляровъ требниковъ въ четверть, новоприводною воскресенскою азбукою, которую приводилъ наборщикъ Андрей Ѳеодоровъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «по уговору за помѣтою дьяка Ивана Арбенева наборщику Андрѣю Ѳеодорову отдѣла тетради вкниги требники что напечатаны воскресенскою новоприводною азбукою отъ четырехъ тысячъ отосми сотъ листовъ а на нихъ описаніе главникъ лунникъ вклѣткахъ и отнабору и разбору и тередору и баты(р?)щиченья восемь рублевъ» (№ 81, л. 259; № 82; № 86, л. р̄е и л. р̄кѣ). Съ 21-го ноября по 30-е іюня въ спасской палатѣ въ четыре стана печатались минеи общія въ десть, никитинскою азбукою,

въ количествѣ 1200 экземпляровъ. Тѣ же книги печатались и въ николевской палатѣ, гдѣ со 2-го сентября по 7-е января печатались канонники (см. выше), потому что въ одной записи читаемъ: . . . «и какъ выдутъ въ николаевской полатѣ книги каноншики и тѣ книги мигѣи печатать въ николаевской полатѣ» (№ 81, обор. л. 263; № 82; № 86. л. рѣе). Апрѣля 20-го приступили къ печатанію тріудей постныхъ въ дестъ пикитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, а окончили печатаніе ихъ въ октябрѣ слѣдующаго 196 года (№ 81, л. 274; № 86, обор. л. рлѣ).

Кромѣ того, въ 195 году напечатано было: ставленныхъ дьяконскихъ грамотъ 600 (№ 81, л. 235), 200 азбукъ, па одномъ листѣ каждая (ibid., л. 242), 4800 листовъ круговъ мѣсячныхъ каждаго мѣсяца и въ который день часы дневные и ночные прибываютъ и убываютъ, подъ ними же рожденія и ущербы луны (ibid. обор. л. 248), 9600 книгъ хиротоній новоприводною воскресенскою азбукою (ibid. обор. л. 250), 600 жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ «для вѣчнаго миру сполскимъ королемъ» на александрийской бумагѣ (ibid. л. 252) и 1200 «тетратей Ектеній о побѣдѣ на безбожныхъ агарянъ, никитинскою азбукою, вчетверть» (ibid. л. 261).

Дѣятельность книжнаго печатнаго двора въ 196 году началась издаваемъ ирмологіевъ, которые печатались съ 11-го октября по 11-е декабря въ николаевской палатѣ, въ поддестъ, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 книгъ (№ 81, л. 286; № 82; № 88, обор. л. сбв). Съ того же 11-го октября по февраль мѣсяцъ въ воскресенской палатѣ напечатано было 1200 экземпляровъ апостоловъ въ дестъ, никитинскою азбукою (№ 81, л. 300; № 82; № 88, обор. л. сбв). Съ 19-го октября по декабрь мѣсяцъ въ спасской палатѣ напечатано 4800 экземпляровъ часословцевъ въ четверть воскресенскою новоприводною азбукою (№ 81, л. 291; № 82; № 88, л. сбг). Декабря съ 16-го по 29-е января напечатаны «Службы и житіе счюдесы великаго святиителя Николая чудотворца» въ поддестъ, никитинскою азбукою, по заводу 1200 книгъ, «наборомъ и строками противъ ирмологіевъ, что вышли изъ печати нонешнего рѣс году» (№ 81, л. 296; № 82; № 88, л. сбд). Съ 5-го января въ спасской палатѣ начаты издаваемъ большіе налойные часословы въ дестъ, никитинскою азбукою, по заводу 1200 книгъ, а съ 31-го января тѣ же книги велѣно было печатать въ четыре стана въ николаевской палатѣ; изъ печати онѣ вышли въ мартѣ мѣсяцѣ того же года¹⁾ (№ 81, л. 306; № 82; № 88, л. сбг). Съ 15-го февраля по 30-е іюня въ воскре-

1) «Генваря ко день по указу великихъ государей и святѣйшаго патріарха игумень Сергій приказалъ николской полаты наборщикомъ и мастеровымъ людемъ дѣлать часословы налойные что начаты печатать вспаской полате и для начатія тѣхъ книгъ николской полаты наборщикомъ и мастеровымъ людемъ и сторожамъ на колачи рубль два алтына четыре денги» (№ 88, л. сбд).

сенской палатѣ напечатано 1200 книгъ шестодневоу осмогласныхъ въ десть, никитинскою азбукою, въ книгѣ по 40 тетрадей безъ четвертки (№ 81, обор. л. 317; № 82, № 88, л. сѣз). 27-го марта начали печатать въ николаевской палатѣ псалтыри учебныя въ полдестъ, никитинскою азбукою, по заводу 2400 книгъ, а окончено изданіе ихъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года (№ 81, л. 323; № 82). Марта съ 28-го «по указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Соѳіи Алексѣевны всея вел. и мал. и бѣл. росіи самодержцевъ и по благословенію великого господина святѣйшаго киръ Іоакима московскаго и вся росіи и всѣхъ сѣв. странъ патріарха на книжномъ печатномъ дворѣ начаты печатать книги Евангелія на престольныя вдесть прежнею Евангелскою азбукою по заводу „ас книгъ втомъ числѣ сѣм книгъ на большой бумаге а цѣз книгъ на средней бумаге» (нѣмецкой). Окончены печатаніемъ эти евангелія 10-го октября 197 года (№ 82; № 88, обор. л. сѣч; № 91, л. 3). Въ томъ же 196 году печатали или—вѣрнѣе сказать—предполагали печатать съ 30-го декабря «рѣн книгъ Евангеліевъ на целомъ александрийскомъ листу на сторонѣ по одной страницѣ наборомъ въ страницѣ по сѣи строкъ большими словами и всякимъ болшимъ заводомъ рѣм книгъ вклеимѣ і книгъ безклейма и безорязскихъ словъ а тѣ большіе слова и всякой ктому дѣлу болшой заводъ указали постройтъ исприказу книгъ печатного дѣла». . . (№ 91, л. 43). Но приступили къ печатанію этихъ книгъ евангелій уже 1-го ноября слѣдующаго 197 года, что видно изъ слѣдующей записи въ той же книгѣ: «И вынышнемъ во рѣз году ноября въ аѣ. . . начаты печатать тѣ книги Евангелія. . . водинъ станъ наймомъ по заводу сто пятьдесятъ книгъ втомъ числѣ сто сорокъ книгъ вклеимѣ десять книгъ бесклейма и безорязскихъ словъ. а издѣла испечати вышли тѣ книги Евангелія великіе вынышнемъ же во рѣз году августа въ іѣ вкниге по іо тетратей слистомъ втетрати по іі листовъ целыхъ втомъ числѣ передѣлапо четыре листа для погрѣшенія» (ibid. обор. л. 44).

Іюля 1-го 196 года приступили къ изданію 4800 книгъ требниковъ въ четверть, воскресенскою повонриводною азбукою, а окончили изданіемъ эти книги въ ноябрѣ мѣсяцѣ 197 года (№ 82; № 88, л. сѣс; № 91, л. 15). Съ 13-го августа велѣно было донечатывать въ николаевской палатѣ 1200 служебниковъ въ полдестъ, никитинскою азбукою, къ прежнимъ семи тетрадамъ, «а прежніе тетрати здѣланы непорядно семь тетратей пополтетрати семой да осмой вкладныя листы втомъ числѣ передѣлана четвертка а издѣла испечати вышли додѣланыя із тетратей вынышнемъ во рѣз году октября въ еіѣ вкниге по ід тетрати» (№ 82; № 88, л. т; № 91, л. 9). Помимо перечисленныхъ книгъ, на книжномъ печатномъ дворѣ въ 196 году было напечатано въ разное время разное количество вотчинныхъ жалован-

ныхъ грамотъ боярамъ, окольниковъ, думнымъ и другимъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ за походъ чигиринскій и троицкій и за польскую службу (№ 81, л. 270, 313, 316), а также печатались и азбуки (№ 81, л. 272, обор. лл. 311 и 314).

Выше упомянуто было объ изданіи въ 197 году 150 книгъ евангелій большихъ. Въ теченіе этого года были изданы и другія книги. Такъ, съ 11-го октября по 15-е января въ спасской и никольской палатахъ напечатано было 1200 книгъ третинокъ дестовыхъ никитинскою азбукою, въ книгѣ по 56 тетрадей безъ листа, въ томъ числѣ передѣланъ за погрѣшностью одинъ листъ (№ 82; № 89, обор. л. 140; № 91, л. 23). Съ 12-го ноября приступили къ печатанію въ воскресенской палатѣ 4800 часословцевъ въ четверть, воскресенскою новоприводною азбукою; изъ печати вышли эти книги въ январѣ того же года, въ книгѣ по 24 тетради, въ томъ числѣ двѣ тетради передѣланы (№ 82; № 89, обор. л. 145; № 91, л. 30). Съ 5—6-го января, по указу государей и по благословенію патріарха, въ спасской и никольской палатахъ печатались прологи съ сентября во весь годъ, въ восемь становъ, по заводу 1200 книгъ, а изъ печати вышли 26-го ноября 198 года «сентября вполугоде ѿз тетратей сполутетратю смарта вполугоде ѿ тетратей слястомъ и обоего во всемъ годе рѣв тетрати три листа» (№ 89, л. 153; № 90, листы безъ помѣты; № 91, л. 80). Съ 29-го января начаты изданіемъ псалтыри съ возслѣдованіемъ, въ десть, никитинскою азбукою, по заводу 1200 книгъ; а окончены печатаніемъ 20-го октября 198 года (№ 89, л. 153; № 90, л. безъ помѣты; № 91, л. 55). Съ 13-го марта по мѣсяць іюль напечатаны «книги святыи по размѣте по листу по полторы тетрати воскресенскою азбукою по заводу 13с книгъ здѣла испечати вышли тѣ книги святыи вынешнимъже во рѣзъ году іюля въ «[^]» включено 5і тетратей сполутетратью» (№ 91, л. 38; № 90; № 89, л. 158). Кромѣ того, въ 197 году, какъ и впредыдущіе годы, было напечатано 26-го марта 160 жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ ради вѣчнаго мира съ польскимъ королемъ (№ 91, обор. л. 35); а 3-го октября и 19-го декабря напечатано 4800 листовъ азбукъ, по 2400 листовъ каждый разъ (ibid. л. 1, 21).

Годъ 198-й замѣчателенъ особенно изданіемъ служебныхъ миней и, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ этого изданія, неблагопріятно отразившимся на судьбѣ извѣстнаго въ свое время справщика чудовскаго инока Евонмія. Такъ какъ до указа о печатаніи служебныхъ миней были изданы другія книги, то мы сперва назовемъ ихъ. Такъ, въ этомъ году, исключая азбукъ (№ 91, обор. л. 52, 68, л. 78) и жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ (ibid. л. 76) были изданы два раза псалтыри учебные, какъ это видно изъ слѣдующихъ записей: «рѣчѣ октября въ вѣ великіе государи и проч... ука-

зали и св. патріархъ . . . благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ напечатать два выхода книгъ псалтырей учебныхъ вполдѣсть никитинскою азбукою безкиноварей а вмѣсто киноварей надписаніе псалмовъ набирать воскресенскою азбукою мироносицкой полатѣ вчетыре стана» (№ 90, годъ рѣи). О времени же выхода этихъ псалтырей учебныхъ узнаемъ изъ слѣдующей записи уже въ другой расходной книгѣ: «вныишнемъ во рѣи году октября въ вѣ по указу и пр. . . на книжномъ печатномъ дворѣ воскресенской¹⁾ (?) полатѣ вчетыре стана начаты печатать книги псалтыри вполдѣсть учебныя никитинскою азбукою безкиноварей а истисненія вышли тѣ книги псалтыри вынешнемъ же во рѣи году декабря въ вѣ вкниге по ма тетрати сполутетратью» (№ 93, л. 64).

Вторично издавались псалтыри учебныя въ спасской да въ никольской палатахъ уже тогда, когда упомянутый выше справщикъ, чудовскій инокъ Евѳимій, въ силу указа государей долженъ былъ оставить печатный дворъ и удалиться въ Чудовъ монастырь: «рѣи іюня въ вѣ великіе государи и пр. . . указали и патріархъ . . . благословилъ на кн. печ. дв. напечатать вспаской да вниколаевской палатахъ дѣ книгъ псалтырей учебныхъ вполдѣсть безкиноварей никитинскою азбукою а вмѣсто киноварей прописи набирать воскресенскою азбукою» (№ 90; ср. № 91, л. 87, 92). Въ тотъ же день, впрочемъ, государи указали печатать псалтыри учебныя и съ киноварью, какъ видно изъ слѣдующей записи: «рѣи іюня въ вѣ великіе государи . . . указали на кн. печ. дв. воскресенской полатѣ напечатать дѣ книгъ псалтырей учебныхъ вполдѣсть никитинскою азбукою скиноваремъ» (№ 90). 7-го октября, по указу государей и по благословенію патріарха, въ никольской полатѣ «напечатано дѣ каноновъ алексѣя митрополита да дѣ каноновъ Сергія чудотворца обоихъ же творцовъ» (вм. чудотворцовъ?) встановомъ дѣле» (№ 91, л. 61). Съ 17-го того же октября по декабрь мѣсяцъ печатались «часословцы вчетверть никитинскою азбукою вспаской да вниколейской полатахъ ввосемь становъ по заводу дѣ книгъ. а истисненія вышли тѣ книги часословцы безкиноварей вынешнемъ же во рѣи году декабря въ « » вкниге по м тетратей» (№ 91, обор. л. 70; ср. № 90). Наконецъ въ этомъ же году въ одиннадцатый день декабря мѣсяца великіе государи указали и патріархъ благословилъ «на книжномъ печатномъ дворѣ напечатать двадесятые минеи седмичныхъ и празничныхъ дней службы порядкомъ во весь годъ всю двенатцать мѣсяцовъ списанныхъ правленыхъ преводовъ ввсѣ двенатцать становъ втрехъ полатахъ никитинскою азбукою по заводу всѣхъ двенатцати мѣсяцовъ по дѣ книгъ спрочисненными киноварными словами наборомъ строками двенатцать семь строкъ противъ книгъ псалтырей слѣдовавшихъ, а

1) По всей вѣроятности описка вм. мироносицкой.

розмечать тѣхъ книгъ миней переводы по полатно всѣхъ четырехъ становъ наборщикомъ вмѣсте чтобъ врозмѣте погрѣшеней отрозмѣты не было и которого дня служба набору неостанетъ полустраницы и на той страницѣ начинать другого дня служба и буде у которого неостанетъ трехъ строкъ или четырехъ и на той страницѣ другого дня службы начинать» (№ 90). Къ первому іюня того же 198 года были отпечатаны три мѣсяца миней служебныхъ, съ сентября по декабрь, потому что 17-го іюля послѣдовалъ указъ великихъ государей о томъ, что имъ 1-го іюня стало извѣстно о пересмотрѣ правленнхъ миней инокомъ Евфиміемъ и о его припискахъ, которыя вызвали волненіе и сомнѣніе среди православныхъ.

Чтобы успокоить мятежъ, вызванный нововводными реченіями, государь послѣ совѣщанія съ архіереями и боярами указали выбросить принсанныя странныя реченія и напечатанныя три мѣсяца миней вновь передѣлать, а виновника волненія инока Евфимія удалить отъ исправленія книгъ¹⁾. Эти миней додѣлывались уже при патриархѣ Адрианѣ и изъ печати вышли въ 200 году 30-го сентября (№ 91, л. 104; ср. Мансветова ст. въ Прибавл. къ твор. св. от. кн. IV, стр. 572, 1883 г.).

Изъ книгъ, изданныхъ на печатномъ дворѣ въ 199 году, мы нашли только указаніе на азбуки и вотчинныя грамоты. Азбуки печатались два раза: первый разъ 20-го января, по указу государей и по благословенію Адриана, было напечатано 4800 листовъ-азбукъ, причемъ 2400 — становымъ дѣломъ, а 2400 — наймомъ (№ 91, л. 97); второй разъ 18-го августа напечатано было 12 заводовъ (14,400) азбукъ наймомъ на одномъ листѣ (ibid. 102). Грамоты печатались 25-го января: напечатано было 100 грамотъ за миръ съ польскимъ королемъ, по три листа въ грамотѣ, при чемъ 20 грамотъ напечатано съ киноварью; за троїцкій походъ 197 года 200 грамотъ, по одному листу въ грамотѣ, въ томъ числѣ 50 грамотъ съ киноварью; за чигиринскую службу тоже 200 грамотъ на листу и 50 съ киноварью (ibid., л. 99).

1) «Въ нынѣшнемъ во рчи году іюля въ 31 великихъ государей указъ кпреосвященному Адреяну митрополиту Казанскому и Свіяжскому Бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій прислалъ здыкомъ Васильемъ Феодоровичемъ запомѣтою думного дьяка Никиты Моисѣевича Зотова. И преосвященный митрополитъ тотъ великихъ государей указъ отдалъ игумену Сергію». . . Дальше этотъ указъ напечатанъ въ статьѣ Мансветова, но безъ сохраненія правописанія подлинника. Приводимъ въ точномъ видѣ интересный для насъ отрывокъ указа: . . . «И нынѣшнемъ во рчи году на книжномъ печатномъ дворѣ стѣхъ правленнхъ письменныхъ переводовъ мѣсечныхъ миней вкоторыхъ учинилась ево старца Ефимьева переправка и приписка напечатали вновь мѣсечныя минѣи Ссентября три мѣа по декабрь мѣць вдестевую тетрадь проложною печатью. И отгѣхъ же прописныхъ ево Евфимьевыхъ нововводныхъ странныхъ реченій, которые въ тѣхъ мѣсечныхъ минѣяхъ напечатаны многіе люди сумнѣваюцца и въ церквахъ Божіихъ чинятца мятежи а ихъ великихъ государей денежной казнѣ отъ передѣлокъ убытки многіе». . . Позднѣе инокъ Евфимій пробовалъ оправдать свои поправки. См. объ этомъ мои Очерки, вып. I, стр. 15—17.

Больше книгъ издано было въ слѣдующемъ 200 году. Выше было сказано, что 30-го сентября этого года вышли изъ печати минеи служебныя съ декабря девять мѣсяцевъ. Кромѣ того, съ 9-го сентября приступили къ изданію часословцевъ въ четверть, осиповскою азбукою, по заводу шесть выходовъ, т. е. 7200 экземпляровъ, а окончили печатаніемъ 20-го декабря того же года; въ каждой книгѣ было по 25 тетрадей (№ 91, л. 114). Съ октября началось изданіе октоиховъ разныхъ гласовъ, и едвали не пзданы были октоихи всѣхъ восьми гласовъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ записей: « $\bar{\zeta}\bar{\sigma}$ октября въ $\bar{\epsilon}$ великіе государи и пр. указали и св. киръ Адрианъ и пр. благословилъ на кн. печ. дв. напечатать вникколаевской полате въ $\bar{\delta}$ стана октаевъ сятаго гласа $\bar{\alpha}\bar{\sigma}$ книгъ никитинскою азбукою. Наборомъ противъ прежнихъ книгъ октаевъ безрозмѣтки» (№ 90). «Октября въ $\bar{\varsigma}$ (того же года) вел. государи и пр. . . . вспаской полате въ $\bar{\delta}$ стана печатать книги октаи сперваго гласа противъ прежнихъ же книгъ октаевъ безрозмѣтки по заводу $\bar{\alpha}\bar{\sigma}$ книгъ» (ibid.) «внынѣшнемъ во $\bar{\varsigma}$ году октября въ $\bar{\epsilon}$ . . . начаты печатать книги октоихи осмогласныя вдестъ никитинскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ а издѣла вышли тѣ книги октоихи осмогласныя внынешнемже $\bar{\varsigma}$ году апрѣля въ $\bar{\epsilon}$ » (№ 91, л. 127). Последнюю записъ, впрочемъ, можно относить къ октоихамъ пятаго гласа, тогда въ 200 году печатались, значить, только октоихи пятаго и перваго гласа. Октября съ 7-го по мартъ мѣсяць напечатано 1200 книгъ тріодей цвѣтныхъ въ воскресенской палатѣ, «никитинскою азбукою наборомъ п строками противъ прежнихъ книгъ тріодей безрозмѣтки» (№ 90; № 91, л. 121).

Кромѣ названыхъ книгъ, въ томъ же году 10-го марта напечатано жалованныхъ грамотъ, по поводу мира съ польскимъ королемъ, для раздачи боярамъ, околицичимъ и думнымъ, 30 съ киповарью, а для служилыхъ людей другого чина — 170 безъ киповари (№ 91, л. 119). 12-го августа издано было 9600 листовъ-азбукъ (ibid. л. 134).

Въ меньшихъ размѣрахъ представляется дѣятельность печатнаго двора въ 201 году. 16-го сентября, по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха, «напечатано каноновъ алексеѣу митрополиту да сергію чудотворцу папреставленіе и наобрѣтеніе мощей $\bar{\beta}\bar{\upsilon}$ каноновъ» (№ 91, л. 136). 18-го октября начали «донечатывать книги служебники вполдестъ никитинскою азбукою нозаводу $\bar{\beta}\bar{\upsilon}$ книгъ прежняго дѣла ксеми тетратямъ а издѣла испечати вышли внынѣшнемже въ $\bar{\varsigma}\bar{\alpha}$ году оеврала въ $\bar{\epsilon}$ » вкниге по $\bar{\mu}\bar{\epsilon}$ тетратей и сирежними тетратми» (ibid. л. 140; № 94, л. р̄м). Въ томъ же октябрѣ 25-го числа, по указу патріарха, было напечатано 150 листовъ протопопскихъ грамотъ, въ томъ числѣ 50 листовъ съ пменемъ святѣйшаго патріарха, которые «за погрѣшеніемъ» передѣльвались вповь (№ 90, л. 138). Кромѣ того, печатались наймомъ 14,400 азбукъ и 3600

листовъ молитвъ на сонъ грядущимъ и утреннихъ (ibid. л. 145, 147). Наконецъ въ той же расходной книгѣ читаемъ такую запись: «впрошломъ с̄^м году апрѣля въ с̄^л по указу и пр. . . начаты печатать вдвенатцать становъ никитинскою азбукою кпиги миней дванадесятные повоправленные другой выходъ по заводу по ꙗс книгъ всѣхъ двунадесяти мѣовъ и иметца порознь двунадесяти мѣовъ ꙗдѣу книгъ вмѣсте. . . испечати вышли тѣ вышеписанные книги миней вынешнемъ въ с̄а^м году августа въ «^л). Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что миней служебныя вскорѣ послѣ выхода своего (30-го сентября 200 года) потребовали второго изданія, которое и было окончено въ августѣ 201 года. Нѣкоторыя книги только начаты были печатаніемъ въ этомъ году, а окончены уже въ слѣдующемъ 202-мъ. Такъ, 27-го іюля приступили къ изданію тріодей постныхъ въ десть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ; а окончили печатаніемъ эти книги 30-го декабря 202 года (№ 91, обор. л. 162). Того же 27-го іюля начали печатать псалтыри со возслѣдованіемъ въ десть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 книгъ, а окончили изданіе ихъ 28-го января 202 года (ibid. л. 168)¹).

Кромѣ указанныхъ только что книгъ, которыхъ печатаніе окончилось въ 202 году, много книгъ начато было и окончено изданіемъ и въ теченіе этого послѣдняго года. Такъ, 20-го декабря 202 года начали печатать «книги службы и житіе Николая чудотворца вполдесть никитинскою азбукою по заводу ꙗс книгъ», а окончили изданіе ихъ въ январѣ мѣсяцѣ (№ 91, обор. л. 173). Съ 1-го января по февраль мѣсяцъ печатались «книги прмологіи вполдесть никитинскою азбукою по заводу ꙗс книгъ (а издѣла испечати вышли тѣ книги прмологіи нынѣшняго с̄в^л года феврала въ «^л)» (ibid. обор. л. 179). Съ 15-го января по августъ мѣсяцъ въ спасской полатѣ въ четыре стана печатались «книги Евангелія на престольные вдесть старую Евангелскою азбукою по заводу ꙗс книгъ» (ibid. л. 188). Въ промежутокъ времени между 7-мъ февраля и іюлемъ мѣсяцемъ печатались «книги апостолы вдесть новою арсеньевскою азбукою²) по заводу ꙗс книгъ а вкниге по мѣд тетради сполутетратю» (№ 91, л. 204). Съ 5-го марта по 23-е іюня напечатаны были «книги часословцы вчетверть никитинскою азбукою впяколаевской полатѣ вчетыре стана по заводу четыре тысячѣ восемьсотъ книгъ»... (ibid. л. 184; ср. № 90). Іюня 11-го начали печатать «книги канонники вчетверть никитинскою азбукою вниколской полате вчетыре стана по заводу двѣ тысячѣ четыреста книгъ»; окончили же печатать ихъ 25-го сентября слѣдующаго 203 года (№ 91, л. 193). Съ 20-го іюня печатались «книги

1) 20-го марта начаты печатаніемъ псалтыри учебныя въ полдесть, оспновскою азбукою, въ количествѣ 4800 книгъ, а изъ печати вышли 20-го сентября 202 года (№ 91, л. 149).

2) Новый шрифтъ, по числу пятый. См. выше прим. о шрифтахъ.

шестодневы вѣсть арсеньевскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ», а изъ печати вышли эти шестодневы уже въ октябрѣ 203 года (*ibid.* л. 200). Во второй день августа указано было печатать «книги святцы вшестерочную тетрадь на листѣ иметца пополторы тетради по заводу шесть кладей вкладки по тысяче по двѣсти книгъ и всего во шти заводахъ иметца семь тысячъ двѣсти книгъ»; окончены изданіемъ эти святцы 20-го октября 203 года (*ibid.* л. 196). Августа 7-го начаты были печатаніемъ «книги уставы вѣсть никитинскою азбукою вспаской полатѣ вчетыре стана по заводу тысяча двѣсти книгъ», а вышли въ свѣтъ 30-го апрѣля 203 года, въ книгѣ по 85 тетрадей (*ibid.* обор. л. 213; ср. № 97, лл. безъ помѣты). Кромѣ книгъ, въ 202 году печатались вотчинныя грамоты—50 листовъ за чигиринскую службу и 50 грамотъ за вѣчный миръ съ польскимъ королемъ, при чемъ въ каждой изъ грамотъ было по три листа (№ 91, л. 177). Наконецъ 23-го августа того же года начали печатать «книги тріоди вѣсть никитинскою азбукою по заводу тысяча двѣсти книгъ», а вышли изъ печати онѣ 30-го января 203 года (№ 91, обор. л. 208).

Въ 203 году на книжномъ печатномъ дворѣ изданы были слѣдующія книги: съ 17-го октября по іюнь мѣсяцъ печатались «книги псалтыри слѣдованные вѣсть арсеньевскою азбукою вчетыре стана вмироносицкой полатѣ по заводу „ѧс книгъ» (№ 91, обор. л. 222). Съ 15-го января по 2-е мая печатались «книги псалтыри учебныя вполдѣсть никитинскою азбукою по заводу двѣ тысячи четыреста книгъ» . . . (*ibid.* л. 219). 15-го апрѣля указано было печатать «книги прологи во весь годъ вспаской да вмироносицкой полатахъ никитинскою азбукою по заводу „ѧс книгъ»; а въ свѣтъ прологи вышли 11-го января 204 года, по 190 тетрадей съ тремя четвертками въ году (*ibid.* обор. л. 244; ср. № 97).

Со 2-го іюня приступили къ изданію книгъ миней общихъ въ дѣсть, никитинскою азбукою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ; а изъ печати вышли онѣ 30-го апрѣля 204 года (№ 91, л. 232). Наконецъ, 15-го іюля напечатано было «сѣтого Іоанна война и чудотворца служебъ зжитіями по заводу „ѧс книгъ вполдѣсть никитинскою азбукою наймомъ вкниге поосми тетратей сполутетратію» (*ibid.* л. 227).

Изъ книгъ, изданныхъ въ 204 году, находимъ записи о слѣдующихъ. 24-го сентября, по указу государей и по благословенію патріарха, начали печатать «книги катихисисы вѣсть никитинскою азбукою наймомъ по заводу „ѧс книгъ а испечати вышли тѣ книги катихисисы нынѣшняго жъ сѣд года марта въ кѣи» (№ 91, обор. л. 241)¹⁾. Съ 11-го января «начаты печатать книги часословцы оспповскою азбукою вчетверть вспаской полатѣ

1) Ср. введеніе, Сборн. № $\frac{98}{300}$, лл. 345—346.

вчетыре стана окладнымъ дѣломъ четыре завода два завода наймомъ обоего окладнымъ дѣломъ и наймомъ шесть заводовъ и втѣхъ шести заводѣхъ семь тысячъ двѣсти книгъ и издѣла тѣ книги вышли нынѣшнемже въ сѣд^м году апрѣля въ кѣ^н (ibid. обор. л. 237; ср. № 97, годъ 204). 17-го того же января мѣсяца начали печатать «книги псалтыри учебныя вполдестъ никитинскою азбукою бескиповарей по заводу „дѣ“ книгъ а испечати вышли тѣ книги псалтыри нынѣшняго сѣд^м года іюля въ «^н» (№ 91, обор. л. 249). Кромѣ того, за этотъ же годъ, именно 9-го декабря, напечатано было наймомъ десять заводовъ (= 12 тысячъ) азбукъ, на одномъ листѣ каждая азбука.

Въ слѣдующемъ году только и были напечатаны псалтыри учебныя и часословцы, такъ что дѣятельность книжнаго двора въ 205 году нельзя считать обширною. Псалтыри учебныя, по указу царя Петра Алексѣевича и по благословенію патріарха, начаты изданіемъ 15-го сентября 205 года; печатались они въ Спасской палатѣ въ четверть, осиповскою азбукою, въ количествѣ 4800 экземпляровъ (№ 97). Часословцы же начали печатать съ 17-го января въ той же Спасской палатѣ въ четверть, осиповскою азбукою, въ количествѣ 2400 книгъ (ibid.).

Не много книгъ издано и въ 206 году. Такъ, 10-го сентября этого года приказано было «напечатать книгъ псалтырей учебныхъ вдестъ Евангелскою азбукою по заводу „ас» (ibid.); а 8-го октября велѣно было «вниколаевской полатѣ вчетыре стана напечатать книгъ псалтырей совослѣдованіемъ вдестъ никитинскою азбукою по заводу „ас» (ibid.). Декабря 19-го велѣно «вспаской полатѣ напечатать книгъ часословцевъ никитинскою азбукою скиповарями „дѣ» (ibid.). Наконецъ 12-го августа велѣно «вмирополицкой полатѣ вчетыре стана напечатать книгъ требниковъ вдестъ никитинскою азбукою по заводу „ас» (ibid.). Въ этомъ же году печатались еще Толкованія на Евангеліе Теофилакта Болгарскаго, какъ это видно изъ записи въ Сборникѣ Чудовской бібліотеки № $\frac{98}{300}$. (О томъ же есть указъ и въ кн. расх. № 100, листы безъ помѣты). Въ сборникѣ Чудовской бібліотеки находимъ на лл. 257 — 260 довольно обширную записъ о печатаніи книги Теофилакта Болгарскаго, подъ заглавіемъ: «Во извѣстіе книги сея читателю». Начинается записъ тою мыслию, что Богъ печется о спасеніи людей, и Самъ Иисусъ Христосъ для этого спасенія предложилъ имъ свое слово — Евангеліе. Но не все правильно понимаютъ слова евангельскія, вслѣдствіе чего является необходимость толковать ихъ. «Убо святой отецъ и богомудрый учитель бывшій древнихъ дней своихъ блаженный Теофилактъ въ болгарскомъ царствіи (тогда бывшемъ), архіепископъ, спространнаго толкованія святаго Евангелія по вся дни въ священныхъ храмѣхъ чтомого святаго вселенского учителя покаянія и проповѣдника великаго Іоанна Зла-

тоуста, списа и по сокращенію толкованіе предложїи во вразумленіе о чесомъ всеусердно его святого отца просїи боголюбивая Марїа царица болгарская»... (л. 259).

Писалъ онъ книгу свою по-гречески, а первый переводъ на славянскій языкъ сдѣланъ былъ въ болгарскомъ царствѣ. Затѣмъ говорится объ издашіи этой книги въ Россїи: ... «повелѣніемъ во блаженнѣи памяти благочестивѣйшаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа россїи, и благословеніемъ великаго госиодина святѣйшаго Іосифа патріарха Московскаго и всеа россїи книга святое евангеліе съ толкованіемъ святого Ѳеофілакта печатана бысть мірозданїя 737 лѣта. И яко оттолѣ до сего времени уже мало гдѣ обрѣтаются тѣ книги, пбо непечаташася. Сего ради по повелѣнію царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшаго великаго государя нашего и великаго князя Петра Алексіевича всеа вел. и мал. и бѣл. россїи самодержца и многихъ государствъ, царствъ и княженїи и земель повелителя и обладателя, и вдусъ святѣмъ благословеніемъ отца его и боговеликаго господина святѣйшаго киръ Адріана архїепископа Московскаго и всеа россїи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, съ совѣтомъ всего священнаго собора сперваго печатнаго здѣ превода ту книгу печатати. И убо по смотренію же того перевода греческими печатными (обор. л. 259) и писменными книгами, которыя обрѣтошася въ государственномъ посолскомъ приказѣ, и въ книгохранителнцѣ святѣйшаго патріарха, во многихъ мѣстахъ несходствованіе и реченїя странская болгарскаго и сербскаго народа весьма перазумна внашемъ всероссїйскомъ состоянїи. Ксему и самая суцая евангелская словеса яже нынѣ у насъ вцеркви чтутся и содержатся несходва внечатномъ томъ переводѣ, а правописанїя нимало. По доношенїю же о томъ несходствѣ, и многой разности сиреводы отъ труждающихся всмотренїи книжнаго исправленїя великому господину святѣйшему киръ Адріану патріарху, повелѣся тая книга въ пужднѣхъ мѣстехъ, гдѣ бысть разума, и реченїя странская, смотря греческихъ переводовъ правити и печатати, а суцая евангелская словеса сдѣлати ссамаго евангелїя нынѣшняго, иже вседневно вцеркви чтется. . . И ради прославленїя имени еднносущныя всесвятыя и живоначалныя Троицы смотреніе во книзѣ той нелѣностное бысть. Како? (неясно написано) бо возможно влучшество общесовѣтіемъ дѣлано яже нынѣ печатнымъ тиспеніемъ издадеся» . . . (л. 260). «всей же книзѣ во все лѣто дней како чтется святое евангеліе сдѣланы зачала. и кзачаломъ вкоторый день колико чтется, начала. сіесть: рече Господь, и во время оно. возможно убо столкованіемъ всей книзѣ евангеліе гдѣ ли прилучится въ празднуемыя дни господскїя и Богородицыны, и святыхъ божїихъ угодниковъ, наутрени по каонсмахъ, или послѣ літургїи вползу и разумленіе слышати хотящаго народа. въ который день празднику и свя-

тому кое зачало честі указано. А иная реченія поставлена соотмѣтками на краяхъ, для удобства знанія. Еще ради понятія толкованія о зѣло потребныхъ вещехъ на краяхъ же пзъявлено противу строкъ и дѣла. яже впервомъ переводѣ печатано бысть киноваремъ подъ страницами, и того на что указано. и найти вскорѣ было невозможно. а писано не зѣло къ понятію тамо бысть. Конецъ же зачалъ дневныхъ на всякъ день приписать невозможно было для того что иное евангеліе сдругимъ зачаломъ толкованія стоять. во иный же день по зачалу евангелскихъ словесъ толкованія иѣсть... (обор. л. 260). Такимъ образомъ, въ приведенной записи мы имѣемъ не только свидѣтельство объ изданіи въ 206 году Толкованій на евангеліе Теофилакта Болгарскаго, но и самое подробное указаніе, какъ происходило изданіе этой книги, и въ чемъ состояло дѣло справщиковъ¹⁾.

О книгахъ, изданныхъ въ два послѣдніе года службы Каріона Истомина на печатномъ дворѣ, имѣется мало свѣдѣній въ расходныхъ книгахъ. Такъ, за 207 годъ имѣется всего одна записъ, на основаніи которой можно заключить, что въ этомъ году печатались служебники. Вотъ эта записъ: «Ѹсѣ лѣта, марта въ ии, великій господилъ святѣйшій киръ Адрианъ архіепископъ Московскій и всея россіи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, указалъ въ книгѣ служебникѣ, въ литургіи василія великаго надъ словесы: даде своимъ ученикомъ и апостоломъ, рекъ, приимите и ядите сіе есть тѣло мое. И пійте сія есть кровь моя, указалъ втое время священнику благословляти креста знаменіемъ отставитъ, для того что будетъ благословеніе впреди, совершеніи святаго сего таинства, и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, а еже вчаши сей, кровь. И сгреческихъ древнихъ, и въ словенскихъ харатейныхъ нигдѣ втое время того указа не обрѣтается. И о томъ у восточной нашей церкви сримскою западною веліе прѣшіе, и доводы въ книгахъ многія, како они о томъ противно мудрствуютъ. А егда святѣйшій патріархъ сіе указалъ отставитъ, при томъ быша и совѣтоваша архіерецъ, Тихонъ митрополитъ Сарской и Подонской, митрополитъ Суздалской и Юрьевской».

«Втомже служебникѣ напечатать указъ устава како чинъ содержитъ иѣкія и дѣянія вечерни и утрени, скниги устава, и внести указъ на поліелей каковое дѣйство сотворяется тогда для того, что нигдѣ о томъ указа ненапечатано.

Да втотъ же служебникѣ приложено пзвѣщеніе вкратцѣ, како священникомъ въ литургіи священнослуженія исправленіе и въ нуждныхъ случаяхъ каковое сохранство въ тайнѣ святыя евхаристіи имѣти. И каковое тому

---

1) Въ томъ же сборникѣ есть на л. 459 другая записъ, объясняющая и дополняющая только что приведенную. См. дополненіе.

правило и размышленіе готовящимся, и служити имущимъ, на пріятіе тѣла и крове Христа Господа, въ тайнѣ Божественнѣй творити подобаетъ.

А того извѣщенія слуша и смотрѣ самъ святѣйшій Адріанъ патріархъ, и съ нимъ архіереи, Тихонъ митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, Іларіонъ митрополитъ Суздальской и Юрьевской, Сергій архіепископъ Тверской и Кашипской, и великія соборныя церкви Успенія Пресвятыя Богородицы ключаря, того въ наученіе предложенія слушаша соборнѣ мѣсяца іунія впервыхъ числѣхъ. И святѣйшій патріархъ напечатать повелѣ». (Расх. кн. № 100, листы безъ помѣты).

Въ той же книгѣ находимъ запись о печатаніи въ 208 году книги «Соборникъ»: «зѣси году декабръ въ ^», святѣйшій Адріанъ архіепископъ и проч... указалъ на печатномъ дворѣ печатать книгу соборникъ съ прежняго соборника которой дѣланъ во рнѣ году, соглася сгреческими и славенскими печатными и писменными кнѣгами. Сказалъ о томъ указъ справщикъ іеромонахъ Каріонъ Истомниъ. И по указу святѣйшаго патріарха та книга соборникъ соглашена и исправлена клучшему разумѣнію всочпненія и реченіяхъ сгреческими и славенскими писменными и печатными кнѣгами, и здѣлана печатнымъ тисненіемъ» (ibid.).

Въ только что приведенныхъ записяхъ сообщаются, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о томъ, что было сдѣлано новаго при изданіи той или другой книги. Подобнаго рода записи въ той же книгѣ встрѣчаются и относительно нѣкоторыхъ другихъ книгъ, изданныхъ въ предыдущіе годы. Для полноты приводимъ ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что эти записи иногда ясно представляютъ участіе Каріона Истомнина при изданіи той или другой книги.

«рч^а мѣца великій государь... указалъ и великій господиць... патріархъ... благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ печатать книгу псалтырь со возслѣдоваіемъ да втѣ же книги внесены тропари и кѣ (кондаки?) особые святымъ со устава выходу рма. да новымъ святымъ лѣтописецъ со святець выходу рпе. а сей указъ сказалъ вправили справщикомъ преосвященный Симеонъ архіепископъ сибирскій и тоболскій, и по сему указу та книга псалтырь со возслѣдоваіемъ напечатана» (Кн. расх. № 100).

«рча^а году октоврѣ въ к^а великій господиць святѣйшій... патріархъ... указалъ книгъ печатного дѣла справщикомъ монаху Іосифу, монаху Каріону стоварыщи чести книгу тріодъ постную и (в?) нужныхъ мѣстѣхъ править и соглашать со уставомъ которой издадеся втипографіи влѣта зрч^а и во рча^а годѣхъ... И по сему указу святѣйшаго патріарха, та книга тріодъ соглашена исправлена и напечатана» (ibid.).

«рча^а марта въ зѣ^а св. патріархъ Іоакимъ... печатать книгу Ірмологіи со ирмологія рпа^а году а изъ него вынять святцы и вмѣсто того внести Бого-

родичны поемья по вся дни на славахъ святыхъ и величанія со избранными псалмы и на ѡ пѣснѣ припѣвы на Господскія празники, изъ устава что печаташъ во рѣчѣ году» (ibid.).

Съ 1-го мая 191 года печатали «октай осмогласный соглася въ церковномъ чинѣ и уставныхъ главахъ съ уставомъ рѣчѣ году» (ibid.).

18-го марта того же года напечатанъ апостоль соглася въ святцахъ противъ устава рѣчѣ году; докладывалъ о согласіи святець Симеонъ . . . патріарха въ Соборной церкви на его патріаршемъ мѣстѣ апрѣля въ ѣи день» (ibid.).

Съ 19-го января 192 года велѣно печатать книгу псалтырь учебную, а въ нее внести о троеперстномъ сложеніи краткое изъясненіе (ibid.).

12-го мая того же года, по указу патріарха, велѣно печатать псалтырь со возслѣдованіемъ, справя святцы съ уставомъ рѣчѣ году, а сверхъ устава велѣно внести Прокопія Устюжскаго чудотворца и о сложеніи перстовъ краткое изъясненіе (ibid.). Такое же краткое изъясненіе о троеперстномъ сложеніи внесено и въ часословъ, напечатанный 1-го іюля 192 года (ibid.).

193 года сентября 18-го Симеонъ докладывалъ патріарху Іоакиму въ Соборной церкви на утреннемъ пѣніи о печатаніи миней общей, какъ повелитъ печатать — попрежнему или править съ уставомъ. Патріархъ указалъ печатать, исправя съ уставомъ въ указахъ и марковыхъ главахъ (ibid.).

Того же года 7-го октября докладывалъ Симеонъ патріарху въ Соборной церкви на утреннемъ пѣніи о печатаніи служебника, какъ печатать — попрежнему или править съ уставомъ; патріархъ велѣлъ печатать тотъ служебникъ въ такомъ видѣ, каковъ былъ въ послѣднемъ выходѣ, слово въ слово, не соглашая съ уставомъ (ibid.). 22-го же октября послѣдовало, послѣ доклада, распоряженіе патріарха о святцахъ того же служебника: ихъ велѣно печатать, исправя по уставу (ibid.).

Декабря 11-го того же 193 года Симеонъ докладывалъ патріарху въ Крестовой палатѣ послѣ утрени о печатаніи Евангелія на престольнаго, и патріархъ указалъ печатать его исправя четыредесятницу, пятидесятницу и святцы по уставу 190 года (ibid.).

Февраля 3-го того же года велѣно было печатать часословы съ перевода 191 года; «а о молитвахъ Василя Великаго что вполнощницѣ вседневной Господи вседержителю. и тя благословимъ да вполнощницѣ жъ суботной святаго Евстратія велпчая велпчаемъ тя и о тропарѣхъ Помилуй насъ Господи. того жъ числа докладывалъ святѣйшаго патріарха быть ли или не быть имъ. потому что въ уставѣ рѣчѣ году ихъ пѣтъ». Патріархъ велѣлъ быть имъ попрежнему (ibid.).

28-го ноября 1704 года, по указу патріарха, велѣно дѣлать триодъ цвѣтную, «а которые въ ней обрѣтаются отъ марковыхъ главъ уставы и тѣ указы дѣлать соглася сѣствомъ рѣчѣ» (ibid.).

«рѣчѣ году декабря въ ѿ день. по указу великихъ государей... и по благословенїю... киръ Іоакима... велено на книжномъ печатномъ дворѣ дѣлать книги дванадцать миней мѣсячныхъ срукописныхъ миней правленыхъ и печатныхъ. и сславенороссійскихъ древнихъ харатейныхъ, и печатныхъ московскихъ книгъ вдому святѣйшаго патріарха, (спра)¹⁾ вщикомъ іеромонаху Карїону Истомину, іеромонаху Тимооею, іеродіакону Теофану, монаху Аарону сказалъ приказный игумень Сергій» (ibid.).

«зѣдѣ лѣта, мѣца Септемврія въ «ѣ» прислана на печатный дворъ вправилную полату отъ велкаго господина святѣйшаго киръ Адріана... книга Исповѣданїе православныя вѣры зовемаая катихисисъ, новопреведенная сгреческаго языка писменная превода бывшаго у книжнаго дѣла справщика монаха Евоніа. Принесъ ю и отдаде и указъ сказалъ справщикомъ приказный печатного двора игумень Сергій, чтобъ тую книгу печатать. И та книга напечатана. И многая реченїя евангелская и апостолская велено соглашать скнигами новоизданными печатїю, яже нынѣ вцѣрки чтутся» (ibid.).

Мы выше видѣли прямое свидѣтельство документовъ типографскаго архива, что Карїонъ Истоминъ принималъ ближайшее участїе при изданїи и исправленїи нѣкоторыхъ книгъ. Несомнѣнно, что онъ вообще обїаруживалъ большое рвенїе по исправленїю книгъ, хотя мы на это и не имѣемъ ясныхъ доказательствъ. Можно безошибочно сказать, что онъ принималъ участїе при изданїи если не всѣхъ, перечисленныхъ выше книгъ, то большей части ихъ. Но этимъ далеко не исчерпывается дѣятельность его на печатномъ дворѣ. Какъ человѣкъ, пользовавшійся особымъ расположенїемъ патріарха, имѣвшій протекцію и обладавшій завидными по тому времени свѣдѣнїями, онъ возвысился до званїя «начальнаго человѣка» на книжномъ печатномъ дворѣ и ему, въ этой послѣдней должности, да и раньше, приходилось исполнять и другїя порученїя. Такъ, ему приходилось писать и говорить указы государей и патріарха по различнымъ поводамъ. Соберемъ здѣсь всѣ свѣдѣнїя объ этой сторонѣ дѣятельности Карїона Истомина на печатномъ дворѣ, какїя нашлись въ записяхъ типографскаго архива.

Онъ писалъ указъ патріарха Адріана отъ 28-го мая 1705 года (= 1697 г.), чтобы ученики Николай Семеповъ да Фѣдоръ Поликарповъ переписали лексиконъ греко-славяно-латинскїй, съ рукописи, писанной рукою самого Епифанїа Славинецкаго²⁾. «Святѣйшаго патріарха имянной

1) Взятое въ скобки въ записи пропущено.

2) Подробно о греко-славяно-латинскомъ словарѣ Еп. Славинецкаго см. мою статью «Филологическіе труды Еп. Славинецкаго», Русскїй Фил. Вѣстн. 1890 г. № 2-й; а указъ на-

подлинной указъ писалъ справщикъ иеромонахъ Каріонъ Истоминъ»... (Кн. указ. № 67, л. рѣ).

Уже упомянутый выше указъ государя и патріарха отъ 26-го марта 206 года о назначеніи Ѳедора Поликарпова справщикомъ на мѣсто справщика іеромонаха Тимофея сказалъ также Каріонъ Истоминъ: «Указъ великого государя и благословеніе святѣйшаго патріарха сказалъ іеромонахъ Каріонъ Истоминъ»... (ibid. обор. л. рѣ). Онъ же помѣтилъ и челобитную Ѳедора Поликарпова о дачѣ ему жалованья на хлѣбъ и всякій припасъ, при чемъ эта челобитная была писана уже въ 207 году (сентября 8-го).

11-го декабря 207 года патріархъ Адріанъ указалъ быть справщикомъ на книжномъ дворѣ учителю греко-латинской школы Николаю Головину на мѣсто умершаго справщика іеродіакона Ѳеофана и давать жалованіе одинаковое съ жалованіемъ справщика Ѳедора Поликарпова. «Указъ святѣйшаго патріарха сказалъ іеромонахъ Каріонъ Истоминъ» (ibid. л. рѣ).

На оборотѣ того же 110 листа читаемъ за подписью Каріона Истомина слѣдующій указъ государя: «Съ іюня въ кѣ по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича и пр... книгъ печатного дѣла передорщикъ Имошка Савелевъ отъ государева дѣла скнижного печатного двора отставленъ для того что онъ Имошка заплутался и пьетъ и бражничаютъ на кабаке всегда и государева дѣла дѣлать не сталъ и за пьянствомъ останавливалъ многажды» (ibid.).

Тамъ же на л. 111 читаемъ: «А вѣ генваря въ иі великій государь и пр... указалъ вприказе книгъ печатного дѣла быть во дьяцехъ Матвѣю Власову на мѣсто дьяка Андрея Михайлова: ...сей великого государя указъ вприказе книгъ печатного дѣла сказалъ и вкнигу велѣлъ записать іеромонахъ Каріонъ Истоминъ».

На л. 112 читаемъ новый указъ: «Лѣта а вѣ февраля въ ѳ по указу великого государя... и по памяти изратуши заприписю бургомистра Ивана Степанова присланъ на книжной печатной дворъ на перемѣну гостиной сотни Гаврилу Курдюмову вцеловалники гостиной же сотни Ѳедоръ Феопловъ».

«И а вѣ жь мая въ кѣ потому выше писанному великого государя указу іеромонахъ Каріонъ Истоминъ да дьякъ Матвей Власовъ приказали ему Ѳедору быть вцеловалникахъ на ево Гаврилово мѣсто Курдюмова и великого государя денежную и книжную казну и всякие припасы описать приказу книгъ печатного дѣла у подьячего Петра Артемева привяты ему Ѳедору, и тому здѣлать описные книги»...

Итакъ, дѣятельность К. Истомина на печатномъ дворѣ имѣла довольно значительные размѣры и требовала не мало терпѣнія и силъ. Неудивительно

печатанъ мною въ ст. «Замѣтка о греко-славено-латинскомъ словарѣ Епифанія Славинецкаго», ibid. 1890 г. № 4, стр. 231 — 33.

поэтому, что за свои труды онъ получалъ вознагражденіе, и его матеріальное благосостояніе постепенно возрастало.

Обыкновенно справщики получали опредѣленное денежное жалованье, которое было различныхъ размѣровъ, отъ сорока рублей до шестидесяти. Мы видѣли выше, что Каріону при началѣ его службы въ качествѣ справщика положенъ былъ окладъ въ сорокъ рублей. Затѣмъ ему постепенно увеличивали этотъ окладъ до шестидесяти рублей, высшаго оклада, какой получали справщики. Когда же онъ съ 4-го марта 206 года сдѣланъ былъ «начальнымъ человѣкомъ» на книжномъ печатномъ дворѣ, тогда окладъ жалованья его равнялся ста рублямъ. Кромѣ того, у него были иногда и частные доходы, которые ему приходилось получать за различныя услуги патриарху. Такъ, въ кн. расх. на 207 годъ № 99, л. 2 читаемъ: «сентября въ «^ѣ» великого государя жалованя іеромонаху Каріону на нынешней на ^ѣ годъ сто рублевъ да ему жъ за книжное правленіе и за писменой его къ святѣйшему патриарху трудъ шездесять рублевъ обоего сто шездесять рублевъ».

Въ число доходовъ слѣдуетъ внести и полученіе справщиками книгъ: отъ выхода каждой книги Каріонъ вмѣстѣ съ другими справщиками получалъ по одной, по двѣ, по три и даже по шести книгъ въ тетрадахъ и въ переплетѣ; если же не давали книгъ, то платили деньгами¹⁾.

Наконецъ съ 25-го января 199 года справщики стали получать особое вознагражденіе деньгами за напечатаніе грамотъ. Указъ патриарха Адріана объ этомъ послѣдовалъ вслѣдъ за челобитной Каріона Истомина съ товарищами. Приводимъ эту интересную челобитную сполна, какъ нашли ее въ книгѣ указовъ № 67 на л. ѿ: «рѣ^ѣ генваря въ кѣ били челомъ великому господину святѣйшему киръ Адріану архіепископу Московскому и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патрварху вкрестовой полате словесно книгъ печатного дѣла справщики іеромонахъ Каріонъ Истоминъ стоварищи работаютъ де они сверхъ окладного книжного правленія по указомъ великихъ государей на дачю бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ и иныхъ чпновъ вотчинникомъ и помѣщникомъ жалованные вотчинные грамоты разными образцы а по указомъ святѣйшаго патриарха архимаандритомъ и игу-

1) Цѣлый рядъ доказательствъ сказанному можно найти въ кн. расх. № 91: такъ послѣ выхода въ 197 году евангелій на престольныхъ справщикамъ дано по книгѣ по обрѣзу золотомъ; послѣ выхода служебниковъ справщикамъ дано по книгѣ въ переплетѣ. Когда въ 197 году напечатали азбуки, то справщики также получили, что видно изъ такой записи: «а справщику Сильвестру Медвѣдеву игумень Сергій азбукъ книгъ, которые ссего числа (съ 19-го декабря) впредь ввыходе будутъ отпускать не велѣлъ». Когда въ 197 году печатали наймомъ евангелія, то справщикамъ давали деньги: «Справщикомъ Иосифу Каріону по ѣ рублевъ. Справщику Тимоою что присланъ вновь ѣ рублевъ для того что онъ у того дѣла не сначала былъ» (обор. л. 50).

меномъ пастолные грамоты протоприсветеромъ іереемъ и діакономъ московскимъ и за тоежь работу имъ приказные дачи никакие нѣтъ, а мастеровымъ людемъ того печатного двора затакие излишние дѣла приказная денежная дача есть и святѣйшій патріархъ пожаловаль бы ихъ велѣлъ имъ давать за такие излишние дѣла приказную жъ денежную дачю. И великій господинъ святѣйшій киръ Адріанъ архіепископъ Московскій и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ потому ихъ (оборот. л. 89) словесному челобитью пожаловаль указаль того приказу начальнымъ людемъ и имъ книжнымъ справщикомъ и подьячимъ и книжнымъ четцомъ и писцомъ вмѣсто выходныхъ всякихъ грамотъ какіе грамоты вдѣле будутъ со ста листовъ давать противъ одного листа денгами. Почему тѣ грамоты изъ приказа книгъ печатнаго дѣла по указной ценѣ вогдаче будутъ потому что та работа сверхъ книжного окладнаго дѣла излишная и мастеровымъ людемъ за такую излишнюю работу приказная денежная дача есть же а тое денежную дачю накладывать на тѣжь грамоты какіе вдѣле будутъ»...

«Вприказе книгъ печатнаго дѣла справщиковъ словесное челобитье сказалъ и указъ святѣйшаго патриарха вкнигу велѣлъ записать игумень Сергій». Самый указъ патріарха находится въ книгѣ расх. № 100, онъ сходенъ почти буквально съ только что приведенной записью, начиная со словъ: «указаль того приказу начальнымъ людемъ» и пр. . . .

Кстати здѣсь будетъ указать тѣ распоряженія, какія сдѣлапы были на печатномъ дворѣ въ то время, когда служилъ Каріонъ Истоминъ. Всѣ указы патріарха находятся въ не разъ упомянутой книгѣ указовъ № 67.

Въ 198 году ноября 27-го былъ данъ указъ патріарха, чтобы отпустили пзъ приказа книгъ печатнаго двора въ поднось государямъ въ приказъ большаго дворца не по 50 экземпляровъ нововыходныхъ книгъ, какъ было прежде, а по 25 (№ 67, обор. л. 82).

Въ 9-й день декабра 7200 года патріархъ указаль «изкнигохранительной полаты чистые книги которые впредь для переводу отвсякого выходу даваны были взять ихъ вприказъ книгъ печатнаго дѣла врозходь, куды доведется потому что ихъ втой полате набрано многое число а вкнигохранительной полате оставить впредь для переводу прежнихъ и послѣднихъ выходовъ по одной книге да и впредь которые книги ввыходе будутъ а напередъ того они впечаты по часту были вкнигохранительную полату чистыхъ книгъ отпускать впредь для переводу по одной же книге на которые справщики малые кавыки после чтения накладываютъ кромѣ новопзданныхъ книгъ или вкоторыхъ книгахъ поимяннымъ указомъ вновь перецравка будетъ и взявъ тѣ чистые книги у книгохранителя изъ приему ево отмѣтить и написать впредь подьячему Петру Артемьеву» (ibid. л. 91).

«Съ году сентября въ кѣ^в великій господинъ святѣйшій киръ Адріанъ...

указалъ изнововыходныхъ книгъ мнѣйшій месячныхъ которые испечати вышли въ сѣ^м году по заводу дѣ^с годовъ изнихъ оставить вбезденежные отпуски пятьдесятъ годовъ сверхъ подносу и безденежного розходу которые книги бывають вдаче великихъ государей жалованья отвыходовъ по указу і истого числа испятидесяти годовъ написать ввыписку вотпускъ вприказъ большого дворца дватцать пять годовъ а дватцать пять годовъ оставить вприказе книгъ печатного дѣла впредь вбезденежные отпуски. По писменнымъ указомъ а цѣну тѣхъ книгъ положить па тѣжъ книги минѣ месячные которые впродаже будутъ» (ibid. л. 93).

Въ 191 году цѣловальникъ Онисимъ Крупенниковъ далъ подъячему Петру Артемьеву много неполныхъ книгъ. Возникалъ самъ собою вопросъ, что съ ними дѣлать. Патріархъ Адрианъ указалъ употребить ихъ на книжное дѣло, а цѣну ихъ разложить на нововыходныя книги. «И противъ... святѣйшаго патріарха указу и попомѣте наввыписке дяжковъ Ивана Тугаринова да Андрея Михайлова за... неполные книги и листы расположена цена на нововыходные книги а сколько цены тѣхъ неполныхъ книгъ и листовъ на которые нововыходные книги положено порознь и то писано ниже сего.

въ сѣ^м году

На книги уставы сѣ^к рублевъ

На псалтыри совозслѣдованіемъ сѣ^р рублевъ

въ ѣ^д году

На книги прологи ѣ^н рублевъ

На книги катихисисы рѣ^о да алтынъ а^л^о

На книги мнѣи общїе рѣ^о рублевъ и^{ал} з^л^о

На книги псалтыри учебные рѣ^е рублевъ кѣ^а алтынъ.

И всего наложено на нововыходные книги цены неполныхъ книгъ и листовъ тысяча триста четыре рубли два алтына двѣ денги»... (ibid. л. 100).

Такимъ образомъ, въ теченіе своей десятилѣтней службы на Печатномъ дворѣ, въ качествѣ справщика, Каріонъ Истоминъ пережилъ много разныхъ мѣропрїятій, направленныхъ къ тому, чтобы прочно, аккуратно и дешево велось изданіе книгъ.

Не надо однако забывать, что служба на печатномъ дворѣ составляла только одну сторону той разносторонней дѣятельности, какую проявилъ онъ въ Москвѣ. Каріонъ, очевидно, не могъ довольствоваться такимъ плодотворнымъ и довольно почтеннымъ поприщемъ, какъ дѣятельность справщика. Это поприще, хотя и доставляло ему извѣстное матеріальное обезпеченіе и дѣлало его болѣе или менѣе извѣстнымъ лицомъ, особенно съ тѣхъ поръ,

какъ онъ назначенъ былъ начальникомъ печатнаго двора, не могло вполнѣ удовлетворить всѣмъ стремленіемъ Каріона Истомина, у котораго, какъ видно, подъ монашескимъ клобукомъ и мантіей скрывались педюжинный умъ и довольно честолюбивое сердце. Поэтому онъ долженъ былъ искать другихъ путей для удовлетворенія своимъ стремленіямъ. И онъ ихъ скоро нашелъ.

ГЛАВА IV.

Передъ глазами Каріона былъ такой живой еще примѣръ его предшественника, Симеона Полоцкаго; этотъ примѣръ долженъ былъ указать ему тотъ путь, по которому необходимо было направить свою дѣятельность, если онъ желалъ добиться выдающагося положенія. Помимо С. Полоцкаго, который въ дни выступленія Каріона на литературное поприще сошелъ въ могилу, окруженный удивительнымъ почетомъ, оплаканный царемъ, многими боярами и духовными лицами, живой примѣръ идущаго въ гору его земляка и родственника Сильвестра Медвѣдева ясно указывалъ К. Истому не только путь, но и средства, которыя вѣрнѣ всего могли привести его къ предполагаемой цѣли.

Если С. Полоцкій, «странный пришелецъ» въ Москвѣ, въ короткое время достигъ вліятельнаго и виднаго положенія, благодаря исключительно тому, что былъ опытный дидакалъ и искусный впрешлагатель; если С. Медвѣдевъ, благодаря поддержкѣ и покровительству своего учителя, стремился идти по слѣдамъ послѣдняго: то могъ ли Каріонъ Истоминъ колебаться въ выборѣ средствъ, которыми онъ могъ бы обратитъ на себя вниманіе государя и вообще занять при дворѣ царскомъ выгодное положеніе.

И вотъ видимъ, что Каріонъ, получивъ доступъ на книжный печатный дворъ, въ то же время является въ роли учителя греческаго языка въ той школѣ, которая существовала до открытія Типографскаго греческаго училища съ пріѣздомъ въ Москву іеромонаха Тимофея.

Но педагогическая дѣятельность Каріона на печатномъ дворѣ скоро прекратилась: прибылъ новый болѣе свѣдующій учитель, іеромонахъ Тимофей, типографская школа была преобразована, и онъ долженъ былъ всецѣло отдаться службѣ на печатномъ дворѣ и исправленію книгъ, возвысившись въ концѣ концовъ до званія начальнаго чловѣка¹⁾.

1) Впрочемъ, Каріонъ и послѣ нѣсколько разъ выступаетъ въ роли учителя: 26-го декабря 199 (1690) года дано ему два рубля за то, что онъ домовыхъ меньшихъ станицъ училъ ораціи. Та же дача была и въ 205 году (1694) г.

Впрочемъ, едва ли учительство въ типографской школѣ могло выдвинуть Каріона и поставить его близко ко двору, единственной цѣли его стремленій. Хотя потребность въ просвѣщеніи въ его время была такъ же сильна, какъ и при началѣ дѣятельности въ Москвѣ С. Полоцкаго; но Каріонъ не могъ опираться на одно учительство, если желалъ занять вліятельное положеніе при дворѣ. Во-первыхъ, полученное имъ самимъ образованіе (до поступленія въ школу Лихудовъ) едва ли могло дать ему возможность удовлетворить той потребности въ болѣе правильной систематической школѣ, которая назрѣла въ Московскомъ обществѣ къ концу семидесятихъ годовъ XVII-го столѣтія. Онъ былъ мало подготовленъ къ роли выдающагося и вліятельнаго учителя въ этой новой школѣ, которая должна была давать своимъ питомцамъ высшее и среднее систематическое образованіе. Во-вторыхъ, хотя С. Полоцкій и училъ въ Заиконоспасской школѣ учениковъ, но обратилъ вниманіе на себя москвичей и пріобрѣлъ сильное вліяніе при дворѣ, благодаря главнымъ образомъ тому, что былъ учителемъ царскихъ дѣтей. Слѣдовательно, Каріонъ Истоминонъ долженъ былъ добиваться того же самаго, и мы увидимъ ниже, что онъ прилагалъ большое стараніе къ тому, чтобы быть учителемъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича. Поэтому, не боясь власти въ крупную ошибку, дѣлаемъ предположеніе, что для Каріона учительство въ типографской школѣ было дѣломъ простой случайности: его назначили учителемъ потому, что не было другого болѣе подходящаго лица, которое знало бы такъ греческій языкъ, какъ Каріонъ Истоминонъ.

Кромѣ того, могло въ этомъ случаѣ имѣть мѣсто и желаніе патріарха доставить нуждающемуся кнѣзю возможность заработать лишніи деньги. Какъ бы то ни было, но ясно, что Каріонъ, чтобы обратить на себя вниманіе царскаго дома, долженъ былъ избрать другое средство — болѣе вѣрное и могущественное, средствомъ нѣкогда С. Полоцкій привлекъ къ себѣ благоволеніе тишайшаго государя Алексѣя Михайловича. Такимъ средствомъ было — искусство слагать стихотворныя вирши.

Первымъ по времени стихотворнымъ произведеніемъ Каріона Истомина является цѣлая книга привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, поднесенная въ 1681 году. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что онъ старается пайти расположеніе прежде всего у этой царевны. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, личность Софіи Алексѣевны невольно обращала на себя вниманіе многихъ дѣятелей. Всѣмъ, безъ сомнѣнія, было ясно, что при больномъ царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ большую роль играетъ любимая и даровитая его сестра. По отношенію къ Каріону могло быть еще одно обстоятельство, заставившее его стать приверженцемъ начинавшей входить въ силу царевны. Дѣло въ томъ, что расположеніемъ царевны пользовался бывшій ея учитель С. Полоцкій и горячій приверженецъ

ея С. Медвѣдевъ. Они-то, и особенно послѣдній, могли внушить Каріону особенную любовь къ Софѣѣ Алексѣевнѣ и указать ему въ ней силу, которая сумѣетъ выдвинуть своего приверженца. Все это могло побудить Каріона Истомина поднести первый опытъ своего стихотворнаго искусства царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какія чувства по отношенію къ царевнѣ обнаружилъ онъ въ первомъ своемъ стихотворномъ обращеніи къ ней¹⁾; по второй его стихотворный опытъ, посвященный той же царевнѣ, показываетъ, что авторъ былъ проникнутъ чувствомъ глубочайшаго уваженія къ царевнѣ за ея любовь къ просвѣщенію.

Послѣ того, какъ царевна Софія 29-го мая 1682 года была провозглашена правительницею за малолѣтствомъ Петра Алексѣевича и за слабостью Іоанна Алексѣевича, Истоминъ къ 12-му ноябрю того же года приготовилъ ей стихотворную книгу, состоящую изъ 16-ти отдѣльныхъ стихотвореній. Вся эта книга есть не что иное, какъ обширная стихотворная просьба—«устроить (въ Московскомъ царствѣ) науку свободну». Подобная просьба со стороны Каріона Истомина могла бы показаться странною, такъ какъ въ 1681 году была открыта Типографская греческая школа. Но если и послѣ открытія Типографскаго училища можно было просить царевну Софію Алексѣевну—

Потщися ради Всемогуца Бога,
У Него же есть премудрости многа,
О ученіи промыслъ сотворити,
Мудрость въ Россіи святу вкоренити . . . ,

то изъ этого возможно только одно заключеніе: съ открытіемъ Типографскаго училища еще далеко не рѣшенъ былъ важный вопросъ о школѣ во всей ея полнотѣ. Типографское училище было элементарное учебное заведеніе, а требовалось устроить такую школу, гдѣ преподавались бы свободныя науки, т. е. для Москвы нужно было высшее учебное заведеніе. Какъ выдающийся человѣкъ своего времени, Каріонъ не могъ не сознать и не сочувствовать такой потребности въ высшемъ учебномъ заведеніи и, когда писалъ свою стихотворную просьбу, вѣроятно, имѣлъ въ виду побудить правительницу Софію Алексѣевну утвердить составлявшуюся въ 1682 году С. Медвѣдевымъ²⁾ «Привиллегію» на Академію и на основаніи этой «Привиллегіи» устроить въ Москвѣ высшую школу. Въ январѣ 1685 года эта

1) Несмотря на всѣ наши усилія, намъ не удалось достать означенную книгу привѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

2) Говоря такъ, мы не прочь признать мнѣніе г. Каптерева, что трудно указать опредѣленно автора привиллегіи. См. его ст. о гр.-лат. школахъ въ Москвѣ, стр. 87.

«Привиллегія», сильно, впрочемъ, измѣненная патріархомъ Іоакимомъ и другими приверженцами «греческаго ученія», дѣйствительно была поднесена С. Медвѣдевымъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ вмѣстѣ съ стихотворнымъ посланіемъ. По этой привиллегіи, желали основать высшее учебное заведеніе, въ которомъ бы преподавались «сѣмена мудрости, то есть, науки гражданскія и духовныя, наченше отъ Грамматики, Пѣнтики, Риторики, Діалектики, Философіи разумительной, естественной и нравной даже до Богословія, учащей вешей Божественныхъ, и совѣсти очищенія»¹⁾. С. Медвѣдевъ поднесъ привиллегію царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ для утвержденія; но послѣдняя не успѣла сдѣлать этого, потому что въ началѣ марта (6-го) того же 1685 года въ Москву прибыли ожидавшіеся давно греческіе учителя, за которыми посылали къ восточнымъ патріархамъ.

То были братья Лихуды—Іоанникій (въ мѣрѣ Іоанпъ, род. 30-го марта 1633 года) и Софроній (въ мѣрѣ Спиридонъ, род. въ 1652 году). Происходя изъ древней и знатной фамиліи и получивъ образованіе въ Венеціи и Падуѣ, братья Лихуды имѣли всѣ данныя для того, чтобы на російской почвѣ посадить «свободную науку»: глубокое благочестіе, знанія, любовь къ дѣлу и необыкновенное трудолюбіе. Какъ только они, по прибытіи своемъ въ Москву, устроились въ Богоявленскомъ монастырѣ въ деревянныхъ келіяхъ, для нихъ спеціально выстроенныхъ, тотчасъ же и принялись за обученіе. Сперва у нихъ было только пять учениковъ, переведенныхъ къ нимъ изъ греческой типографской школы: Алексѣй Барсовъ, Николій Семеновъ-Головинъ, Фѣдоръ Поликарповъ, Фѣдотъ Аггѣевъ и Іосифъ Аонасьевъ. Въ томъ же году начали строить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ обширное зданіе для Академіи и, когда оно было окончено въ 1686 году, туда перевели не только Лихудовъ съ ихъ пятью учениками, но и всѣхъ учениковъ Типографской школы. Кромѣ того, число учениковъ Лихудовъ вскорѣ возросло вслѣдствіе присоединенія къ бывшимъ ученикамъ до 40 боярскихъ дѣтей и значительнаго числа разночинцевъ. Сами Лихуды говорили о своихъ ученикахъ: «ученицы нѣи суть священники, іеродіаконы и монахи, нѣи князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града». Съ этого времени они открыли полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ — греческомъ и латинскомъ.

Преподавали: грамматику и пѣтику только на греческомъ языкѣ, реторику, логику и физику на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Въ три года ученики изучили упомянутыя науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянской языкъ.

Въ то же время Лихуды вели полемику противъ римско-католическаго

1) Привиллегія на Академію напеч. въ Др. Р. Вивл., т. VI, стр. 39—420.

ученія о пресуществленіи св. даровъ, которое защищалъ С. Медвѣдевъ и его приверженцы. Споръ этотъ повелъ къ тому, что въ 1689 году въ Москвѣ былъ открытъ соборъ, на которомъ преданы анаосмъ сторонники папистическаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ.

Учебно-педагогическая дѣятельность Лихудовъ въ Академіи продолжалась до 1694 года, когда они были удалены, вслѣдствіе требованія іерусалимскаго патріарха Досисея¹⁾.

Въ числѣ разночинцевъ-учениковъ братьевъ Лихудовъ былъ и Каріонъ Истоминоу. Такимъ образомъ, онъ находилъ возможность, среди занятій на книжномъ печатномъ дворѣ, дополнять свое образованіе, слушая науки у Лихудовъ. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ другими учениками Лихудовъ онъ въ три года усвоилъ всѣ преподавныя послѣдними выше названныя науки, такъ что могъ оставить Академію приблизительно въ 1689 году.

Если и до поступленія въ число учениковъ Лихудовъ онъ писалъ стихи и составлялъ проповѣди, то тѣмъ съ большимъ знаніемъ могъ продолжать тѣ же занятія, прослушавъ въ Академіи полный курсъ наукъ у грековъ-учителей. Полагаемъ, что къ этому времени, т. е. ко времени выхода изъ Академіи, болѣе или менѣе опредѣленно сформировались и окрѣпли убѣжденія Каріона, обнаружались его симпатіи, въ смыслѣ отношенія къ той или другой изъ господствовавшихъ партій, и — что самое главное — съ этого времени его литературные труды получаютъ большую стройность.

13-го марта 1687 года онъ подалъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ переводъ книги блаженнаго Августина *«Боговидная любовь»*, при чемъ свое подношеніе предварилъ длинною ораціею, которая начинается такъ: «Пресвѣтлѣй великой Государынѣ, Благороднѣй и Благочестивѣй Царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексіевнѣ, всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержицѣ, благодать, мплость, миръ, лѣта, во всякое Благокрасотство, спасенно, отъ Господа Бога да умножатся» . . .

Орація эта по своей стройности и по стилю показываетъ, что Каріонъ въ это время уже познакомился съ правлами реторики. Вся она представляетъ витіеватый панегирикъ царевнѣ, которая украшена, по мнѣнію автора, слѣдующими добродѣтелями: мудростію, цѣломудріемъ, правдою, мужествомъ, вѣрою, надеждою и любовью. Знаніе реторики авторъ ораціи проявилъ не только въ стройности изложенія, но и въ языкѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своей ораціи онъ говоритъ такимъ слогомъ: «Присемже твоему царскому господству, величайшѣй владычицѣ . . . желаю: да Царь царемъ вселеннодержный монарха тріипостасный Богъ Господь, даруетъ тебѣ моеи государынѣ . . . красными и вдержавоправленіе великоцарственнаго Госу-

1) См. Смирновъ: Исторія слав.-гр.-лат. Акад., стр. 18—30.

дарства обувенными погами, душевредну міра лестнаго прелесть понрати. Боголѣпоу постническаго воздержанїа, и царственнаго законоположенїа браздою, яко же плоть на духъ похотствующую, тако и гражданство противу правды выйствующее обуздovati. Богозданнѣмъ слова Божїа лукомъ, боголѣпо прилѣжною молитвою наляцаемымъ, адскїй многолестныхъ козней лукъ и неправости народныя вся сокрушати»... Подыскивая витіеватыя слова для выраженїа своихъ чувствъ, Карїонъ не упускаетъ случая высказать свое задушевное желанїе, о которомъ уже говорилъ ей въ ноябрѣ 1682 года: «Ксеуму еще всеблагїй Богъ да даруетъ, яко мудрость имя тебѣ государыни пмушѣй, о вкорененїи пресвѣтлыя и Богодарованныя мудрости въ росїйскомъ царствїи Промыслъ и попеченїе во славу вседѣтеля Бога творити»... Вообще Карїонъ возлагаетъ на царевну большїя надежды, въ разсужденїи того, что чрезъ нее въ Россїи водворятся мудрость, т. е. высшее просвѣщенїе. Такую надежду онъ высказалъ, напримѣръ, и въ стихотворенїи годомъ не обозначенномъ:

... «Владычица здѣ Софіа царевна,
 владыку Бога чтитъ Алексіевна ...
 Онъ славящую царевну днесъ славить,
 во все благое яко отецъ править.
 Философїи чрезъню подаетъ быти,
 можетъ знанїа вросахъ свѣтъ открыть» ...¹⁾).

Не одной царевнѣ Софїи Алексѣевнѣ писалъ стихи Карїонъ Истомнищъ, не одну ее прославлялъ онъ въ нихъ. И другїя лица царскаго семейства сдѣлались предметомъ его многочисленныхъ стихотворныхъ произведенїй. Вообще, принимая во вниманїе большое количество стихотворныхъ и прозаическихъ произведенїй Карїона, посвященныхъ разнымъ лицамъ царскаго семейства или вызванныхъ разными событїями царской жизни, можно сказать, что онъ не пропускалъ ни одного благопрїятнаго случая, чтобы обратиться на себя вниманїе царскаго семейства, и словно добивался почетной роли придворнаго стихотворца.

Еще до поступленїа въ Академію, онъ вмѣстѣ съ стихотворенїемъ царевнѣ Софїи написалъ стихотворенїе царямъ Іоанну и Петру, по случаю вѣнчанїа ихъ царскими вѣнцами 23-го мая 1682 года. Такъ, 25-го іюня 1682 года онъ сочинилъ: *«Изъявленїе краткое мѣростихосложное на вниманїе царскими вѣнцыи благочестивѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича осяя великїя и малыя*

1) Сборн. Чуд. библ. № 301, л. 202.

и бѣлыя россіи и многихъ странъ повелителей и обладателей»¹⁾). Писалъ онъ стихотворенія и большія произведенія каждому царю и отдѣльно. Такъ, 29-го іюня 1683 года, въ день ангела царя Петра Алексѣевича, когда послѣдному исполнилось 11 лѣтъ, Каріономъ Истомпнымъ была поднесена *«Книга оразумленіе стихотворными словесы состоящая о содержаніи пресвѣтлаго зерцала, Божія Премудрости: яже человеку, паче всего, во вся дни житія своего преддѣлательнѣйша, и честнѣйша есть»*... Выразивъ юному царю множество благопожеланій и преподавъ не мало полезныхъ совѣтовъ, Каріонъ слѣдилъ и за дальнѣйшею жизнью царствующаго отрока. Когда этотъ послѣдній 27-го января 1689 года былъ обвиняемъ съ Евдокіею Феодоровною Лопухиною, то онъ написалъ *«Книгу любви съ знакъ, съ честенъ бракъ»*, въ которой воснѣлъ такой важный шагъ въ жизни царя. Нѣсколько позднѣе, въ іюнѣ, можетъ быть, въ день ангела царя Петра, написаны были новые стихи — *«Присѣтство»*, — наполненные пожеланіями — здоровья, чадъ и другихъ благъ.

19-го февраля 1690 года исполнилось второе пожеланіе Каріона: у царя Петра родился сынъ, названный въ святомъ крещеніи Алексѣемъ. Такое радостное событіе послужило предметомъ двухъ произведеній, написанныхъ въ февралѣ 1690 года. Одно изъ нихъ озаглавлено: *«Стихи на самое рождество благороднѣйшаго Государя царевича и великаго князя Алексія Петровича»*, другое — *«Благое во усердіи словесное желаніе съ поздравленіемъ благочестивѣйшему, великому Государю царю православному монарху и великому князю Петру Алексіевичю всея великія и малыя и бѣлыя россіи и многихъ государствъ самодержицу и благодѣтелю съ день рожденія въ бытность перворожденнаго его государскаго сына, благороднѣйшаго Государя царевича и великаго князя Алексія Петровича»*²⁾).

Въ первомъ, состоящемъ изъ четырехъ отдѣльныхъ стихотвореній, подробно разсказывается о рожденіи царевича, его родителей, о крещеніи, при чемъ воспріемникомъ отъ купели называется патріархъ Іоакимъ; во второмъ небольшомъ по объему выражаются всякаго рода пожеланія новорожденному и его родителямъ.

30-го мая 1692 года привѣтствовалъ стихами Каріонъ и 20-й годъ жизни царя Петра³⁾. Въ апрѣлѣ 1693 года онъ поднесъ царю переведенное въ 1692 году сочиненіе Юлія Фронтинна подъ заглавіемъ: *«Книги Луліа Фронтинна сенатора Римскаго, о случаяхъ военныхъ на четыре части раздѣленныя»*... При поднесеніи книги, была сказана авторомъ большая рѣчь,

1) Сборн. Чуд. библ. № 302, обор. л. 51.

2) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 71—72 и л. 116.

3) Ibid. л. 160—161.

въ которой объяснялось значеніе предлагаемой царю книги и высказывались пожеланія, чтобы Петръ, «яко анокракъ въ златѣ искусоратства, пли врачевство во оптекѣ гражданства», міръ сей просвѣтилъ правдою, увселилъ милостью, защищалъ мудростью, укрѣплялъ мужествомъ.

Царю Іоанну Алексѣевичу также написано не мало разнаго рода стиховъ. Такъ, 29-го мая 1690 года, въ день мученицы Θεодосіи, онъ написалъ стихотворное привѣтствіе царю Іоанну Алексѣевичу въ первый день рожденія его дочери княжны Θεодосіи Іоанновны. По случаю именинъ другой дочери царя Іоанна Екатерины Іоанновны онъ написалъ 24-го ноября 1693 года *«Краткословіе стихотворное о святѣй великомученицѣ Екатеринѣ съ желаніемъ здравія многочтнн въ благополученіе благочестивому великому государю Іоанну Алексѣевичю... и сло благочестивѣй государынѣ царичѣ... Параскевіи Θεодоровнѣ и любезной ихъ дочери... Екатеринѣ Іоанновнѣ, вденъ рожденія ея вонъ же ей осударынѣ исполнися лто едино»*. . .¹⁾ Мало того, Каріонъ Истоминъ съ теченіемъ времени настолько сталъ близко ко двору царскому, что ему иногда царь Іоаннъ Алексѣевичъ поручалъ писать письма къ брату своему царю Петру Алексѣевичу. Таково письмо, писанное Каріономъ 30-го іюля 1695 года по порученію царя Іоанна царю Петру, когда послѣдній находился подъ Азовомъ.

Выше было приведено «Краткословіе стиховное», написанное для Іоанна Алексѣевича вмѣстѣ съ его женою Прасковіею Θεодоровною. Но послѣдней писалъ Каріонъ нѣкоторыя произведенія и отдѣльно, наиримѣръ, 14-го октября 1692 года, въ день ея ангела, онъ написалъ *«Привѣтство стихотворномърно благочестивѣй христіанской царичѣ и великой княгинѣ Параскевіи Θεодоровнѣ супружницѣ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича... вденъ рожденія ея, на память почитанія преподобныя матере Параскевы»*. . .²⁾ Оно полно пожеланіями долгихъ лѣтъ и славы. Для нея же онъ списалъ въ мартѣ 1693 года «Букварь», написанный первоначально для царевича Алексѣя Петровича и поднесенный царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Въ 1695 году для нея же онъ написалъ: *«Акаѳистъ сіестъ насѣдалное пѣніе прсвятѣй и пречистѣй Дѣвѣ Богородицѣ Маріи древлнсе со иконами явленіе дѣйства Богочеловѣка Господа нашего Іисуса Христа, написася и устроися благочестивѣй государынѣ царичѣ и великой княгинѣ Параскевіи Θεодоровнѣ... въ чествованіе небесныя царичи боголадвици Маріи Приснодѣвы»*³⁾. Вообще Каріонъ старался своимъ перомъ списать себѣ расположеніе у всѣхъ членовъ мно-

1) Сборн. № 302, обор. л. 164.

2) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 162 — обор. 163.

3) Сборн. Чуд. библ. № 300, обор. л. 261.

гочисленнаго царскаго семейства и писалъ каждому «по потребѣ ихъ». Поэтому среди его произведеній встрѣчаются стихотворенія, посвященныя Евдокии Ѳеодоровнѣ Лопухиной, первой супругѣ царя Петра Алексѣевича. Таково «*Желательное привѣтство благочестивый великой государыни царицы и великой княгини Евдокии Ѳеодоровны... въ день рожденія ея на торжественную память святыхъ преподобномученицы Евдокии мѣсяца августа въ дѣ*» (написано въ 1689 году. См. Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 137). Ей же онъ составлялъ и письма къ мужу, царю Петру, когда тотъ уѣзжалъ изъ Москвы. Изъ другихъ лицъ царской семьи Каріонъ писалъ: Наталіи Алексѣевнѣ 27-го марта 1692 года: — «*Стихи вденъ пресвѣтлый воскресенія Спасителя нашего Бога Исуса Христа, иже измртыыхъ воскресый въпыну свою славу душу святую вънчаетъ вънцемъ благодати, онъ же встворенъ нашъ и нынѣ да увнчаетъ дщерь свою любовію сладкою и вънцемъ славы, дщерь цареву, рясны златодобродѣтельными украшену благородную дѣву Государыню царевну и великую княжну Наталію Алексѣевну всероссійскаго царствія Госпожу. ей же привѣтство сотворися*»¹⁾. Ей же въ 1694 году онъ преподнесъ переведенную съ бѣло-малорусскаго книгу: «*Сладость умнословесныя и богомысленныя души, вбсподованіе с Господемъ Богомъ, богомудраго тѣкаго мужа, зѣло полезна к прочитанію, преписася с бѣломалорусскаго языка и писменъ, благородный государыни царевни и великой княжни Наталіи Алексѣевны*»...²⁾. Женѣ царя Ѳеодора Алексѣевича Марѣ Матвѣевнѣ 12-го сентября 1692 года онъ написалъ: «*Привѣтство (сочинися) стиховно мѣрно вденъ празднованія святыхъ преподобныхъ матери Марѣ тезоименствующія врожденіи своемъ*»...³⁾. Великой княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ 13-го декабря 1692 года онъ написалъ «*Поздравленіе похвалное, еже бысть ꙗзѣ мѣта мѣа декемврія в ѿи денъ ввоскресенскомъ монастырь, на освященіи церкве яже втрапезъ*»⁴⁾.

Но больше всего добивался Каріонъ заслужить расположеніе со стороны царьцы Наталіи Кирилловны, матери царя Петра Алексѣевича и бабки царевича Алексѣя Петровича. По всей вѣроятности, онъ добивался этого расположенія для того, чтобы попасть въ учителя къ царевичу Алексѣю Петровичу. Такое предположеніе является неволью, при разсмотрѣніи всего написаннаго Каріономъ для Наталіи Кирилловны и ея внука.

Выше было уже сказано, что онъ привѣтствовалъ стихами рожденіе царевича. Затѣмъ въ мартѣ 1692 года поднесъ бабкѣ царевича Наталіи Кирилловнѣ «*Букварь славенороссійскихъ писменъ, со образованми вещей, и*

1) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 159.

2) Сборн. Чуд. библ. № 302, обор. л. 98.

3) Сборн. № 300, л. 276.

4) Сборн. № 301, л. 226.

со нравоучительными стихами» . . . , при чемъ въ «Предисловіи» къ послѣднему ясно указалъ, для кого онъ предназначаетъ подносимую книгу: «Да яко же ты государыня благочестивая царица внука твоего . . . любиши, такожде въ возрастъ временно-прїятный пришедша, христіанскому благочестію, и благородному праву, и писменныя науки учити имаша. и аще ли тогда въ потребѣ имать сія книжица быти, молю и прошу тя . . . благоволи сію днесь въ повости отъ мене худаго вашего рабчища прїяти: и ему государю царевичу Алексію Петровичю сохранить, до вразумляемаго въ возрастѣ ученїа» . . .

Еще раньше въ день ангела Наталїи Кирилловны, 26-го августа 1688 года онъ написалъ: *«Житїе вкратцѣ стихотворною мѣрою, святыхъ мученикъ адріана и супружницы его Нашалии, споздравленїемъ желательнымъ великой государыни благочестивѣйшей царицы и великой княгини всероссійскаго царства Наталїи Кирилловны, любезнѣйшей матери благочестивѣйшаго великаго государя . . . Петра Алексіевича . . . . в день рождества именованїа ея» . . .*¹⁾ Наконецъ почтилъ стихами онъ и кончину ея 25-го января 1694 года²⁾.

Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ произведенїи, написанныхъ для царевича Алексѣя Петровича, учителемъ котораго такъ хотѣлось быть Каріону Истомицу. Въ октябрѣ 1694 года онъ пишетъ для него: *«Акаѳистъ сіесихъ неспдалное пѣніе пресвятѣй Госпожѣ Богородицѣ Марїи древнее со иконами явленїа дѣйства Богочеловѣка Исуса Христа, написана и устроена благороднѣйшему великому Государю царевичю . . . Алексію Петровичю» . . . впятое лѣто боголюбезнаго возраста его» . . .*³⁾.

При поднесенїи «Акаѳиста», авторъ обратился съ рѣчью къ царевичу, въ которой, разсыпая послѣднему такіа названїа, какъ: «непорочный агнецъ, анераксъ во златѣ чистоты сіяющїи, благовошный кринъ, елей въ лампадѣ dobroгорящїи, врачество во оптекѣ отчичевѣ», объясняютъ такъ назначенїе подносимаго произведенїа. Цѣлью автора было воспитать съ раняго возраста религіозное чувство маленькаго царевича: . . . «бывшая уже чудеса Господня, паиначе же спасительное Исусъ Христово воплощенїе христіаномъ должно часто во здравїе и трезвѣнїе души воспоминати и молитвенно вопити аллїлуїа, и пресвятѣй дѣвѣ Богородицѣ Марїи радуїся невѣсто неневѣстная. яже о вѣрнихъ людехъ, и ввозрастъ идущихъ маденцехъ особнѣ яко мати прелюбезная промыслъ творитъ во спасенїе, и даетъ вразумленїе ко изрядному житїю (оборот. л. 225). Сего ради вашему царскому

1) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 137.

2) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 230.

3) Сборн. Чуд. библ. № 301, л. 224.

пресвѣтлому величеству тебѣ Государю царевичю акаовств пресвятѣй дѣвѣ Маріи написася, сіестъ несѣдалное, яко стояще людіе пѣваху, гласы преподобными к похваленію ея и вестворца Господа. Да вползѣ твоей государственкой имаша тое пѣніе со иконами крадостному зрѣнію тѣлесныхъ очесъ, и сердечной же сладости умныя души, мыслію непрестанно содержать» . . .

Важнѣе другія произведенія, написанныя тому же царевичу. Такъ, въ ноябрѣ 1693 года Каріонъ поднесъ ему стихотворную книгу: *«Едемъ сіестъ сладость прохлаждающая и вразумляющая челоуька зрѣніемъ духовнымъ, и извъстно сотвореніе и спасеніе людей въ иконахъ, знаніе въ стихописаніи творитъ»*¹⁾. И это сочиненіе снабдилъ Каріонъ «Предисловіемъ», въ которомъ, обращаясь къ царевичу, указываетъ значеніе для послѣдняго подносимой книги: . . . «тебѣ Государю царевичю . . . приношу сію книгу Едемъ сладости духовныя. вней же зря іконы твоима царственныма очима тѣлесными, духовнѣ стіхословіемъ усладжайся, и прохлажденіе (обор. л. 283) ведемъ семъ всегда имѣй. Ибо никто же прегрѣшитъ во Христѣ Господѣ надежды своея, еже получить царство Божіе, смотрящій ю, и чтущій, и вразумляющійся стихописаннм» . . .

Въ декабрѣ того же года написано было другое большое стихотворное произведеніе: *«Екклесія сіестъ церковь въ небесное житіе собирающая и святящая вся челоуьки, сущія въ благоупрїи, благодатію Духа Пресвятаго»* . . . Въ рѣчи, обращенной къ царевичу, при поднесеніи этой книги, высказывается благое намѣреніе, съ какимъ Каріонъ писалъ книгу: «Тѣмъ сію книгу Екклесію сіестъ, церковь, тебѣ великому Государю царевичю . . . Алексію Петровичю всозерцаніе ради юностиныхъ твоихъ лѣтъ. усердствуя тебѣ государю всякаго благокрасованія вползѣ царскаго вашего рода, и повсюду православныхъ христіанъ приношу» . . .²⁾.

Заявляя въ рѣчахъ о своемъ расположеніи къ царевичу, Каріонъ доказывалъ его на дѣлѣ, посвящая много сочиненій Алексѣю Петровичу. Такъ, въ Сбор. Чуд. библ. № 300, на л. 319, сохранилась рѣчь, при поднесеніи царевичу книги *«Сладость богомысленныя души»*; но, какъ видно изъ того же сборника (л. 299), онъ ту же самую книгу подносилъ и царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, теткѣ царевича. Объ остальныхъ книгахъ, поднесенныхъ царевичу, сообщаетъ свѣдѣнія запись Каріона, сохранившался среди его бумагъ³⁾. Изъ нея видно, что царевичъ Алексѣй Петровичъ получилъ отъ Каріона кромѣ указанныхъ уже книгъ, еще слѣдующія: *«Книгу рай, въ десть, съ житіемъ челоуька Божія Алексіа»*, *«Книгу вразумасніе»*, *«Книгу*

1) Сборн. № 300, л. 279.

2) Сборн. Чуд. библ. № 300, л. 323.

3) Сборн. Чуд. библ. № 300, л. 325—326.

градъ царства небеснаго, и школъ изображеніе, колико ихъ есть, сочинены вновь слицами, и лица описаны внихъ стихотворными мѣрами», «Библію большую слицамъ подписалъ вновь виршамъ»¹⁾. По всей вѣроятности, къ послѣдней книгѣ надо отнести тѣ рассказы изъ библейской исторїи, которые встрѣчены нами въ одномъ изъ Сборниковъ и отмѣчены при описанїи ихъ (см. Приложенїя).

Наконецъ, 3-го марта 1699 года Карїонъ отнесъ царевичу переведенный для него и украшенный картинами Греческій лѣтописецъ, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки: «зѣз марта г̄ отнесъ азъ вверхъ Государю царевичю Алексію Петровичю книгу лѣтописецъ греческой по славенски рѣчи, и влицахъ весь вдестъ царство Константина Багрянороднаго сѣа Лвова. а сначала той лѣтописецъ царство Тита Евспасіанова сѣа»²⁾.

Разсматривая хронологическія даты сочиненїй, поднесенныхъ царевичу Алексѣю Петровичу, видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ (а можно сказать, большая часть) написаны Карїономъ до исполненїя ему шести лѣтъ.

На основанїи этого мы высказали выше предположеніе, что Карїонъ Истоминъ добивался чести быть назначеннымъ въ учителя къ царевичу, подобно тому какъ нѣкогда Симеонъ Полоцкій былъ назначенъ учителемъ царевича Θεодора Алексѣевича и царевны Софїи Алексѣевны. Исходя изъ такого предположенїя, легко понять, почему Карїонъ написалъ и посвятилъ царевичу не только «Букварь», но и другія книги, по общему своему характеру имѣвшія въ виду воспитать душу юнаго питомца въ духѣ строго-православной вѣры, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ книгамъ.

Трудно сказать, насколько усилїя нашего писателя достигли своей цѣли. Сколько извѣстно, въ числѣ учителей царевича Алексѣя Петровича не встрѣчается его имя. Когда царевичу исполнилось шесть лѣтъ, его начали учить грамотѣ и учителемъ назначили Никифора Вяземскаго. Весьма возможно допустить, что Карїонъ преподавалъ ему впоследствии Законъ Божїй: тогда цѣль его была бы достигнута хоть отчасти. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманїе встрѣтившіяся въ бумагахъ Карїона и сочиненныя несомнѣнно имъ стѣ лица царевича письма къ отцу, царю Петру Алексѣевичу, необходимо допустить, что нашъ писатель былъ, по крайней мѣрѣ, неофициальнымъ наставникомъ и руководителемъ Алексѣя Петровича и обучалъ его хитрой (по тому времени) наукѣ слагать стихи.

Если можно сомнѣваться въ достиженїи благопрїятныхъ результатовъ

1) Въ виду важности этой записи приводимъ ее всю въ приложенїяхъ ко II части изслѣдованїя.

2) Сборн. № 300, л. 384.

трудами, сочиненными для царевича Алексѣя Петровича, то едва ли справедливо отрицать успѣхъ вообще литературной дѣятельности Каріона и тѣхъ сочиненій его, которыя онъ предназначалъ для разныхъ лицъ царскаго дома. Напротивъ, необходимо допустить, что именно эти труды и поддержка Сильвестра Медвѣдева, въ свое время человѣка очень вліятельнаго при дворѣ царскомъ, сдѣлали его извѣстнымъ царскому дому и открыли ему доступъ ко двору. Отсюда — и успѣхи его по службѣ на печатномъ дворѣ и расположеніе къ нему патріарха Іоакима, о чемъ скажемъ въ слѣдующей главѣ. Мало того, странно было бы, если бы Каріонъ, столь горячій приверженецъ и почитатель царевны Софіи Алексѣевны (что видно изъ предисловія къ переводу книгъ блаженнаго Августина) въ то время, когда счастье благопріятствовало ей, остался въ тѣни, когда другіе ея приверженцы пользовались расположеніемъ и близостью къ ней¹⁾.

Съ теченіемъ времени онъ все ближе и ближе становился къ царскому двору, какъ это доказывается многочисленными посвященіями стихотворныхъ произведеній разнымъ членамъ многочисленной царской семьи, частыми подношеніями лично царямъ, царицамъ и царевнамъ книгъ и необыкновенною отзывчивостью его на малѣйшія событія въ жизни царской фамиліи.

Неудивительно, что столь близкій къ царскому двору человѣкъ имѣлъ обширное знакомство и внѣ послѣдняго. Дѣйствительно, черновыя бумаги Каріона сохранили указаніе на то, что онъ имѣлъ обширныя связи и знакомства въ средѣ разнаго рода служилыхъ царскихъ людей — бояръ, князей и дворянъ. Знакомство его въ средѣ свѣтской поддерживалось, насколько можно заключать на основаніи тѣхъ же самыхъ черновыхъ бумагъ, главнымъ образомъ, потому, что Каріонъ былъ полезенъ своимъ перомъ, какъ искусный составитель разнаго рода украшенныхъ цвѣтми реторикъ писемъ — поздравительныхъ, просительныхъ, благодарственныхъ и т. п.²⁾

Судя по тѣмъ письмамъ, которыя писаны рукою Каріона Истоминна отъ имени разныхъ лицъ, можно сказать, что онъ былъ знакомъ и оказывалъ услуги: Василію Васильевичу Голпцыну³⁾, Петру Іоанновичу Прозоровскому⁴⁾, кн. Юрію Урусову⁵⁾, кн. Іоанну Іоанновичу Трубецкому⁶⁾,

1) О близости Каріона къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ свидѣтельствуетъ и приведенная во введеніи записочка къ ней объ исправленіи какого-то сочиненія. См. «Введеніе».

2) Само собой разумѣется, что первымъ толчкомъ къ знакомству послужила близость Каріона ко двору. Исполняя разные порученія лицъ царской фамиліи и патріарховъ, Каріонъ неизбежно приходилъ въ соприкосновеніе съ тѣми лицами изъ свѣтскаго круга, которыя занимали выдающееся положеніе при дворѣ.

3) № 300, обор. 61 л.

4) Ibid. л. 71, 164, 400, 415, 416, 497.

5) Ibid. л. 431—32.

6) № 301, л. 19.

Ивану Мусину¹⁾; Ивану Чепелеву²⁾, кн. Борису Алексѣевичу Голицыну³⁾, княгинѣ Иринѣ Прозоровской⁴⁾, Алексѣю Нарышкину⁵⁾, подъячему Владимирскаго приказа Андрею Городецкому⁶⁾.

Въ представленномъ перечнѣ свѣтскихъ лицъ, которымъ Каріонъ оказывалъ услуги писаніемъ писемъ и съ которыми, слѣдовательно, приходилъ въ столкновеніе, встрѣчаются рядомъ съ ничего незначащими фамиліями и фамиліи наиболѣе знатныхъ и сильныхъ въ свое время людей.

На первомъ планѣ, безъ сомнѣнія, необходимо поставить имя любимца царевны Софіи Алексѣевны, ближняго боярина и оберегателя Василя Васильевича Голицына. Знакомство съ нимъ могло быть особенно выгодно для Каріона Истомина. Умный, образованный, этотъ бояринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ въ свое время людей, которые подобно боярину Матвѣеву, Симеону Полоцкому и другимъ лицамъ, сознавали, что западные народы далеко опередили насъ и въ благосостояніи и просвѣщеніи и старались просвѣтиться иноземною наукою. Ставъ близко къ ученику С. Полоцкаго, юному царю Θεодору Алексѣевичу, и еще ближе къ знаменитой сестрѣ царя, правительницѣ Софіи Алексѣевнѣ, Голицынъ весьма естественно сблизился съ Θεодоромъ Шакловитымъ и Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Чрезъ послѣдняго могъ В. В. Голицынъ узнать и родственника его Каріона Истомина, заявившаго себя приверженцемъ и поклонникомъ Софіи Алексѣевны. Помимо сказаннаго, В. В. Голицынъ могъ покровительствовать нашему писателю, какъ горячему стороннику просвѣщенія.

Что Каріонъ понималъ значеніе В. В. Голицына для своей карьеры, можетъ отчасти подтвердить то обстоятельство, что онъ записывалъ расположенія и у жены вліятельнаго вельможи. Такъ, въ Сборникѣ Чудовской бібліотеки № 302, на л. 142 находимъ стихотворное указаніе самого Каріона, что онъ поднесъ молитву женѣ В. В. Голицына Евдокіи Іоанновнѣ.

Подношеніемъ сочиненій, написанныхъ по личному почину или по просьбѣ, Каріонъ также пріобрѣлъ не мало знакомствъ въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ.

Въ нашихъ источникахъ находится нѣсколько указаній на такого рода услуги. Въ 1707 году, въ мартѣ мѣсяцѣ написана имъ «*Служба Ипатію Чудотворцу, епископу Гагрскому*», по просьбѣ боярина Никиты Іоанновича Іакинѣова. Какой-то госпожѣ Стефанидѣ Іоанновнѣ Филатьевой онъ вру-

1) Ibid. л. 286—287.

2) Ibid. л. 288.

3) Ibid. л. 408.

4) № 302, обор. л. 101.

5) Ibid. обор. 132 и л. 155.

6) Ibid. л. 273.

чплъ 1703 года 29-го мая книгу «Обходъ святыхъ во все лето»¹⁾, а въ 1707 году 22-го мая княгинѣ Маріи Юрьевнѣ Трубецкой вручена была книга въ десять «разнымъ вещемъ букварь съ лицахъ и Алексіа человека Божія»²⁾; іюля 28-го того же года «дана книга о хитростѣхъ ратныхъ Стефану Богдановичу Глѣбову почитать»³⁾.

Но еще большую услугу, чѣмъ писаніе писемъ, подношеніе книгъ и разныхъ сочиненій, Каріонъ Истоминъ оказывалъ свѣтскимъ людямъ писаніемъ эпитафій или, употребляя его выраженіе, стихами «на гробъ». Перечитывая множество стиховъ этого рода въ черновыхъ бумагахъ нашего писателя, мы невольно предположили, что онъ въ свое время извѣстенъ былъ за искуснаго писателя разнаго рода надгробныхъ надписей и эпитафій.

Если предположить, что эти надписи и эпитафій писаны имъ по собственному желанію, то это указываетъ на его близость къ тѣмъ лицамъ, на смерть которыхъ онъ писалъ ихъ. Не зная лицъ, онъ не могъ бы сообщить тѣ біографическія (иногда очень подробныя) свѣдѣнія, которыя заключаются въ нѣкоторыхъ эпитафійахъ. Если же допустить (что, по нашему мнѣнію, болѣе вѣроятно), что онъ писалъ надгробные стихи по просьбѣ родныхъ и знакомыхъ, то и въ такомъ случаѣ имѣемъ свидѣтельство обширныхъ связей Каріона въ средѣ свѣтскаго общества того времени.

На основаніи именъ и фамилій лицъ, смерть которыхъ почтена стихотворными эпитафійами и прозаическими надписями, можно составить приблизительное понятіе о количествѣ его свѣтскихъ знакомствъ. Такъ, онъ написалъ стихи «на гробъ»: жены боярина Василия Никитича Панина⁴⁾, ближняго боярина Іоанна Симеоновича Головкина⁵⁾, жены стряпчаго кормового царскаго дворца Іакова Іоанновича⁶⁾, жены околыничаго Іоанна Георгіевича Леонтьева⁷⁾, стольника Михаила Петровича Челищева⁸⁾, околыничаго Тимоѳея Борисовича Юшкова⁹⁾, князя Ѳедора Іоанновича Троекурова¹⁰⁾, околыничаго царева Іоанна Іоанновича Чаадаева¹¹⁾, околыничаго Іоанна Юрьевича Леонтьева¹²⁾, княгини Ирины Васильевны Трубецкой¹³⁾, жены

1) № 302, л. 117.

2) Ibid. л. 149.

3) Ibid. обор. л. 149.

4) № 300, обор. л. 263.

5) Ibid. обор. л. 266.

6) Ibid. л. 265.

7) Ibid. л. 291.

8) Ibid. обор. л. 291.

9) № 302, обор. л. 50; ср. прозаическое извѣстіе о томъ же № 301, л. 419.

10) № 302, л. 51.

11) Ibid. л. 52.

12) Ibid. обор. л. 63.

13) Ibid. л. 73.

стольника Григорія Петровича Зиновьева¹⁾, воеводы Іоанна Андреевича Вельяминова-Зернова (*ibid.*), царскаго совѣтника Прокопія Богдановича Возницына и князя Ѳедора Ѳедоровича Бѣльскаго²⁾, жены именитаго чело-вѣка Григорія Дмитриевича Строганова³⁾, жены дьяка Порфирія Трофимовича Сѣменникова⁴⁾, стольника Іоанна Андреевича Бутурлина (*ibid.*), князя Василія Михайловича Куракина и мн. др.

Подобно тому, какъ услуги Симеона Полоцкаго, писавшаго стихи царямъ и царевнамъ, а также и разнымъ знатымъ лицамъ высшаго Московскаго общества, не оставались безъ награды⁵⁾, необходимо допустить⁶⁾, что и Каріонъ Истоминонъ не оставался безъ вознагражденія (матеріальнаго) со стороны тѣхъ лицъ царскаго дома и свѣтскаго круга, которымъ онъ оказывалъ услуги своимъ перомъ.

Такимъ образомъ, подводя итогъ всему сказанному въ этой главѣ, необходимо признать, что литературная дѣятельность Каріона Истомина получила, согласно потребностямъ того времени и положенію самого автора, придворное и панегиристическое направленіе. Благодаря своимъ литературнымъ трудамъ, при поддержкѣ Сильвестра Медвѣдева и др. лицъ, онъ приблизился къ царскому двору, а близость къ этому послѣднему привела его къ знакомству со многими вліятельными лицами высшаго Московскаго общества.

Но придворными и свѣтскими связями далеко не ограничивались знакомства Каріона Истомина въ Москвѣ. Кругъ его дѣятельности (а, можетъ быть, и вліянія) былъ гораздо шире.

ГЛАВА V.

Если Каріонъ Истоминонъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, достигъ близости и нѣкотораго значенія при дворѣ и имѣлъ значительный кругъ знакомыхъ среди избраннаго Московскаго общества, то источникъ такого положенія, по всей вѣроятности, надо находить въ его отношеніяхъ въ высшей духовной власти въ Москвѣ, т. е. къ патріарху.

1) *Ibid.* обор. л. 96.

2) *Ibid.* л. 121.

3) *Ibid.* л. 128.

4) *Ibid.* л. 145.

5) См. объ этомъ подробно въ кн. I Татарскаго: Симеонъ Полоцкій, гл. II и III въ разл. мѣстахъ.

6) Подобнаго рода предположеніе необходимо допустить, хотя въ бумагахъ Каріона Истомина нѣтъ ни одной записи о дачѣ ему награды.

Въ XVII столѣтїи, несмотря на печальную судьбу патріарха Никона, участіе нервосвятителей въ гражданской жизни русскаго народа не прекратилось. Да и не могъ русскій народъ сразу отвыкнуть отъ того, что укоренилось вѣками.

Поэтому патріархъ Іоакимъ (съ 26-го іюля 1674 года по 17-е марта 1690 года), несмотря на множество вліятельныхъ враговъ, принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ гражданскихъ дѣлахъ того времени, на примѣръ, онъ участвовалъ въ дѣлѣ уничтоженія мѣстничества при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ.

Послѣ же смерти этого царя († 27-го апрѣля 1682 года), при начинавшихся стрѣлецкихъ волненіяхъ, патріархъ Іоакимъ начинаетъ играть важную, почти первенствующую роль при молодомъ царѣ Петрѣ.

Такъ, когда стрѣльцы подали царю Петру заручныя челобитныя на своихъ полковниковъ, и новое правительство, видя свою безпомощность, рѣшилось было «тѣхъ всѣхъ полковниковъ... отдать за ихъ неправодѣланіе вприказы стрѣльцамъ головами въ наказаніе», патріархъ Іоакимъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ не допустить совершиться такому событію, которое ставило правительство въ ужасное положеніе. «Онъ разослалъ по всѣмъ полкамъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ съ увѣщаніемъ не требовать выдачи полковниковъ головами, а предоставить расправу съ ними государю. Когда же его мѣры имѣли успѣхъ, то онъ помогъ государству своими церковными доходами, чтобъ оно было въ состояніи выплатить стрѣльцамъ не выданное государево жалованье¹⁾).

Вслѣдъ затѣмъ патріарху пришлось играть роль посредника между взбунтовавшимися стрѣльцами и царемъ Петромъ, когда Москвѣ угрожало междоусобіе. Послѣ казни Хованскихъ, стрѣльцы обратились къ патріарху Іоакиму съ просьбою ходатайствовать за нихъ предъ государемъ. Патріархъ употребилъ всѣ усилія примирить царей, находившихся въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, съ бунтовщиками и успѣлъ, такъ какъ цари сами писали, что даруютъ «винѣ (стрѣльцовъ) отпущеніе моленія ради его (патріарха) и моленій же присланныхъ отъ него къ нимъ лика святительскаго»²⁾.

Въ этотъ-то періодъ дѣятельности патріарха Іоакима, когда онъ игралъ значительную роль и сильно вліялъ на ходъ историческихъ событій, мы встрѣчаемъ при немъ Каріона Истомина. 25-го сентября 1682 года патріархъ Іоакимъ, посылая въ Троицко-Сергіевскій монастырь Суздальскаго митрополита Иларіона съ грамотою, въ которой извѣщалъ царей о

1) См. Смирнова: Іоакимъ, патріархъ Московскій, стр. 224; Соловьева: Исторія р. съ др. вр., т. XIII, стр. 318; Устрялова: Исторія царств. П. В., т. I, стр. 24.

2) См. Смирновъ, *ibid.*, стр. 229 и др.; Соловьевъ, *ibid.* т. XIII, 353 и др.; Устряловъ, *ibid.* т. I, 88 и слѣд.

покорности стрѣльцовъ и просилъ имъ прощенїа, вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ нимъ 10 экземпляровъ своей книги «Увѣтъ духовный». «Съ книгами же увѣтовъ послался печатнаго двора справщикъ іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ»¹⁾). Такое порученіе уже свидѣтельствуетъ о нѣкоторой близости Каріона къ патріарху. Если къ этому прибавить тотъ фактъ, что въ то же самое время Каріону постепенно увеличиваютъ, по указу патріарха, жалованье за его службу на печатномъ дворѣ, то естественно заключить, что въ это время нашъ писатель успѣлъ уже прїобрѣсти довѣріе и расположеніе патріарха Іоакима. Трудно сказать, когда и какъ узналъ патріархъ Каріона на столько, чтобы приблизить его къ себѣ.

Весьма возможно, что сблизенію патріарха Іоакима съ Каріономъ не мало способствовалъ его родственникъ С. Медвѣдевъ. Такъ можно гадать на основанїи слѣдующаго факта. Когда въ Москву прибылъ Янъ Бѣлободскій²⁾, то патріархъ Іоакимъ поручилъ С. Медвѣдеву обличить его въ ересь. Послѣдній исполнилъ порученіе патріарха и 16-го іюня 1681 года послалъ къ нему съ *Каріономъ Истоминымъ* отвѣтъ на Wuzpanie Wiagu Я. Бѣлободскаго. Такъ какъ до 1685 года (т. е. до возникновенїа полемики о времени пресуществленїа св. даровъ) патріархъ Іоакимъ находился съ Медвѣдевымъ въ хорошихъ отношенїяхъ, то посылка отвѣта на ересь Бѣлободскаго съ Каріономъ могла выгодно отразиться на судьбѣ послѣдняго: Каріонъ могъ приблизиться къ патріарху, если этотъ послѣдній не зналъ его ранѣе. Допустить возможность подобнаго слѣдствїа отъ посылки Медвѣдевымъ Каріона тѣмъ легче, что послѣдній 4-го марта 1682 года изъ книжныхъ чтецовъ былъ повышенъ въ справщики печатнаго двора. Мало того. Выше мы упоминали, что въ 1679 году Каріонъ былъ уже настолько близокъ къ патріарху Іоакиму, что писалъ для него грамоты. Въ виду этого необходимо предположить, что С. Медвѣдевъ, вскорѣ по прибытіи Каріона въ Москву, постарался приблизить его къ патріарху. Весьма возможно, что С. Медвѣдевъ, перезывая Каріона изъ Молченской пустыни въ Москву, уже имѣлъ въ виду для него мѣсто секретаря при патріархѣ. Дѣйствительно, эту должность нашъ писатель исполнялъ не только при патріархѣ Іоакимѣ, но и при патріархѣ Адріанѣ.

Намъ извѣстно изъ посланїа Каменевича-Рвовскаго, что въ 1681 году Каріонъ намѣревался оставить монашество и вступить въ бракъ. Можетъ

1) См. Акты Археогр. Эксп. т. IV, стр. 372.

2) См. о Янѣ Бѣлободскомъ: Прибавленїа къ Твор. св. отц., 1862 года, XXI; Гаврилова: Проповѣдники нѣмецкой вѣры въ Москвѣ... Странникъ, 1873 года III; Цвѣтаева: Протестанство въ Россїи въ правленїе Софїи, Русскїй Вѣстникъ, 1883 года, XI кн.; его же: Положенїе протестанства до Петра Великаго, Журн. М. Н. Пр., 1883, №№ 9 и 10. Кроме того, у Соловьева и нѣкоторыхъ другихъ сочиненїяхъ общаго содержанїа.

быть одною изъ побудительныхъ причинъ къ такому поступку была скудость и нищета.

Выше было указано, что именно въ 1680 и 1681 году Каріонъ Истоминъ, по повелѣнію патріарха, получаетъ особыя денежныя дачи «*другимъ не въ образецъ и не въ примѣръ*». Не имѣютъ ли связи эти денежныя подачки съ намѣреніемъ Каріона покинуть монашество? Весьма вѣроятно, что патріархъ Іоакимъ уже въ это время сумѣлъ оцѣнить трудолюбиваго и свѣдущаго инока и старался различными милостями удержать его при себѣ.

Какъ бы то ни было, но патріархъ Іоакимъ, человѣкъ дѣятельный и юбящій просвѣщеніе, не могъ не обратить вниманія на Каріона, замѣтно выдѣлявшагося изъ среды прочихъ иноковъ Чудова монастыря умѣньемъ писать проповѣди и слагать вирши. А разъ это случилось, Каріону легко было, при его несомнѣнномъ желаніи добиться почетнаго положенія въ Москвѣ (иначе зачѣмъ было ему и переселяться изъ Курска въ Москву), поддерживать вниманіе къ себѣ патріарха и пріобрѣтать постепенно его расположеніе.

Что патріархъ Іоакимъ былъ расположенъ къ Каріону, ясно видно изъ того, что 31-го декабря 1684 года онъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Спаса Новаго монастыря Игнатіемъ былъ посланъ патріархомъ для производства слѣдствія надъ владыкою Смоленскимъ Симеономъ. Этотъ владыка, при поставленіи своемъ на архіепископію Смоленскую въ 1676 году, давалъ обѣщаніе «во святѣй величѣй соборнѣй церкви святыхъ апостоловъ каноны, и святыя соборы, иже на сохраненіе правыхъ повелѣній собрашася, и отъ нихъ уставленныя правила, и святыя уставы елики по различнымъ временамъ и лѣтамъ изобразишася, и ни единымъже правомъ противныя мудрствовати»... «Такожде обѣщался еси во всемъ послѣдовати и повиноватися отцу твоему ему святѣйшему патріарху и нивчемъ его не ослушатися, и всему освященному собору россійскому, преосвященнымъ митрополитамъ архіепископомъ и епископомъ братіи твоей во всемъ согласну быти»... Эти обѣщанія свои владыка Симеонъ потомъ нарушилъ: «Ты же оное все презрѣвъ отмѣнилъ еси одежды Архіерейскія началъ тогда украшатися вопервыхъ ризами. построилъ оныя не почину, возносяся надъ прочія архіереи, и корѣту здѣлалъ еси кичливымъ а не смиреннымъ образомъ»... За это Симеона наказали запрещеніемъ и отпустили изъ Москвы, взявъ съ него слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. Но, пріѣхавъ въ Смоленскъ, Симеонъ не унимался: «И ты пріѣхавъ тамо еще пущія вымыслы вгордость дмуція во всемъ, во отмѣнныхъ ризныхъ украшеніяхъ, и вкоретномъ строеніи сотворилъ еси: но и патріаршескому престолу, дмяся всуетѣ мысли твоя, восхотѣлъ еси равенъ быти, яко такуюжде митру нарочно передѣлавъ началъ еси посити. и мантіи и камилавы подѣлалъ еси

отмѣнные, чesого и вышнїя тебе степеннїи братїя твоя не дерзаютъ носить» . . . Въ виду всего этого патріархъ Іоакимъ, желая смирить Сїмеона и дать ему возможность «опаматоваться», «нынѣшняго зрѣчг лѣта, мѣа декемвріа въ 1ѣ благоволилъ послати всмоленскъ Спаса новаго монастыря архимандрита Игнатїа да печатныхъ дѣлъ справщика іеродїакона Карїона. и повелѣ имъ тамо всего твоего строенїа неблагословеннаго вновь содѣланнаго мантиї, и корѣтъ досмотрѣти . . . и митру вней же кичася служилъ есп, и аще и ныя суть, митры и мантиї, велено взяти къ Москвѣ» . . . При этомъ патріархъ чрезъ посланцевъ своихъ Игнатїа и Карїона отправлялъ къ Сїмеону грамоту съ повелѣнїемъ повиноваться уполномоченнымъ его, патріарха. Въ слѣдующемъ 1685 году Игнатїй и Карїонъ Истомпнъ кончили слѣдствїе, возвратились въ Москву и «подали противу наказу возвѣстительное писмо за руками что ты владыка Сїмеонъ вмѣтрѣ патріаршеской служилъ при нихъ и мантию носилъ отъ архїереевъ отмѣнную. и пѣнїе у тебе отархїереевъ отмѣнное слышали. и вобожественной литургїи стихи вноснїя, пѣты спартесъ кромѣ преданнаго чина» . . . Игнатїй и Карїонъ дѣлали Сїмеону замѣчанїя, но онъ ихъ не слушалъ, митры и мантиї не отдалъ, а кареты не показалъ. Вообще выказалъ себя упрямымъ, гордымъ и високоумнымъ, не смирился и не просилъ прощенїя у патріарха.

Выслушавъ донесенїе посланныхъ для слѣдствїа надъ Сїмеономъ, патріархъ Іоакимъ 20-го марта вызвалъ владыку Смоленскаго на-судь въ Москву. На соборѣ, по этому поводу созванномъ въ Крестовой палатѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ присутствовали слѣдующїя лица: Варооломей¹⁾, митрополитъ Сарскїй и Подонскїй, Іона, архїепископъ Вятскїй и Великопермскїй, Александръ, архїепископъ Устюжскїй и Тотемскїй, Птиримъ, епископъ Тамбовскїй, Адрианъ, архимандритъ Чудова монастыря и много другихъ архимандритовъ и игуменовъ. Сїмеонъ и передъ судьями велъ себя гордо и доказывалъ, что патріархъ, какъ всякїй епископъ, равенъ ему (Сїмеону) въ чести; но такое утвержденїе несправедливо: патріархъ выше всѣхъ епископовъ, что доказывается закономъ греческихъ царей Леона и Константина. Възвѣспвъ и обсудивъ преступленїя владыки Сїмеона, соборъ опредѣлилъ послать его для смрненїя въ городъ Ростовъ къ митрополиту Ростовскому Іонѣ впредъ до указа государей — царей и святѣйшаго патріарха²⁾.

По всей вѣроятности, въ благодарность за такое довѣрїе къ нему патріарха и за честь оказанную ему, Карїонъ Истомпнъ въ томъ же 1685 году

1) Не Варсонофїй ли? Ни Амвросїй (Ист. р. іерар. I т., 237 стр.), ни Строевъ (Списки іерар. 1036 стр.) не называютъ въ числѣ митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ Варооломея.

2) Другой списокъ дѣла о Сїмеонѣ, епископѣ Смоленскомъ, см. въ Сборникѣ неперепл. Москов. Синод. библ., № 286, 27—39 л.л.

приступилъ къ сочиненію книги «Имя Новое», которую посвятилъ и преподнесъ патриарху Іоакиму въ 1686 году. Въ посвященіи этого неважнаго въ богословскомъ смыслѣ сочиненія патриарху Іоакиму на Новый годъ Каріонъ высказалъ свои чувства уваженія и любви къ нему: «Божіею милостию пресладкому отцу отцевъ, великому господину святѣйшему Іоакиму Московскому и всея великія и малыя и бѣлыя россіи: истинному пастырю и патриарху, яко архіереовъ архіерею, отъ невидимаго Бога любящему имя пресладкаго Іисуса. Мира, здравія, спасенія, долгоденствія отъ десницы вышняго архіерея, во мірѣ архіерействованіе, во царствіи небесномъ вѣчное пребываніе: буди, буди.

Надежду имѣя, радостно въ глубокомъ мірѣ въ новоначатое и богомъ (обор. л. 2) вѣнчанное лѣто, овча послѣдняя паствы твоя отъ трудовъ своихъ яко многоцѣннаго бисера, святѣйшеству твоему приносить, а отъ тебе великаго архіерея тѣмъ милости просить, да пріята любезно будетъ новая книжица» . . .¹⁾.

Вообще на основаніи сохранившихся въ черновыхъ бумагахъ Каріона списковъ съ грамотъ и писемъ, писанныхъ имъ отъ лица патриарха Іоакима, можно безошибочно сказать, что патриархъ Іоакимъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, какъ человѣка умѣющаго владѣть перомъ и сравнительно образованнаго. Намъ извѣстны слѣдующія писанія рукою Каріона отъ лица патриарха Іоакима грамоты и письма: 16-го декабря 1679 года посланіе Досиѣю, митрополиту земли Молдавской; въ ноябрѣ 1683 года грамота войску донскому и атаману его; 19-го іюня 1689 года грамота боярину В. В. Голицыну, гетману І. С. Мазепѣ и всему войску по случаю возвращенія изъ второго Крымскаго похода; въ февралѣ 1690 письмо окольниковому и воеводѣ Смоленскому Іоанну Алексѣевичу Мусину; 3-го марта 1682 года письмо гетману Іоанну Самойловичу; того же числа и года посланіе іеромонаху Іоанну и братіи Успенскаго Брянскаго монастыря; въ январѣ 1684 года письмо ктитору Межигорской обители Максиму Васильковскому; 14-го мая 1682 года письмо гетману І. Самойловичу²⁾. Изъ хронологическихъ датъ указанныхъ писемъ и грамотъ видно, между прочимъ, какъ рано началъ пользоваться патриархъ Іоакимъ услугами Каріона Истомина. Пользовался, хотя и рѣдко, патриархъ и другого рода услугами нашего писателя: послѣдній иногда писалъ проповѣди для Іоакима.

Такъ, подъ словомъ на текстъ: «Егда же услышите брани и нестрое-

1) Рук. Моск. Синод. библ. № 265, по стар. каталогу № 471, л. 2; ср. Гор. и Невостр. Описаніе, отд. II, 3, 290 — 292 стр.

2) См. Сборн. Чуд. библ. № 300, лл.: 327, 329, 334, 335, 336, 341, 424.

нїя, не убойтеся» читаемъ такую приписку: «зрѣче лѣта сіе преписано и чтеся святѣйшимъ патріархомъ въ соборнѣй церкви предъ молебномъ при благочестивыхъ царѣхъ и царевнѣхъ бояромъ и воеводитомъ въ полки идущимъ февраля въ кѣ во вторникъ г̄ недѣли поста. написася въ понедѣльникъ въ ночь»¹⁾. Кромѣ того, Каріонъ считалъ своимъ долгомъ поздравлять патріарха въ дни великихъ праздниковъ, напримѣръ, Рождества Христова²⁾.

Труды и усердіе нашего писателя не оставались безъ вознагражденїя со стороны патріарха Іоакима: помимо постепеннаго увеличенїя ему денежнаго жалованья за службу на книжномъ печатномъ дворѣ (о чемъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ), послѣдній не задолго до своей смерти († 17-го марта 1690 года) возвелъ его въ санъ іеромонаха³⁾. Мало того, едва ли не помогъ Іоакимъ Каріону выпутаться изъ бѣды, которая стряслася надъ нимъ въ концѣ 1689 года, когда былъ въ допросѣ его родственникъ С. Медвѣдевъ. Тогда временно (съ 11-го декабря 1689 года по іюль мѣсяцъ 1690) онъ былъ удаленъ съ книжнаго печатнаго двора. Можетъ быть, заступничество передъ царями патріарха, прекрасно знавшаго образъ мыслей Каріона Истомина и его отношенїя къ С. Медвѣдеву, много помогло ему, потому что его вскорѣ оставили въ покоѣ по дѣлу розыскному о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ, тогда какъ Каріоновъ племянникъ Ивашка Истоминонъ былъ привлеченъ къ дѣлу и не разъ допрашиванъ (подробно объ этомъ ниже).

Въ виду всего сказаннаго о значенїи патріарха Іоакима въ жизни Каріона будетъ весьма понятно, что 17-ое марта 1690 года, когда отошелъ въ вѣчность первосвятитель, было тяжелымъ днемъ для него. Почтить память усопшаго патріарха, такъ много покровительствовавшаго ему, было для него нравственнымъ долгомъ, и потому въ бумагахъ Каріона находимъ

1) Сборн. Чуд. библ. № 300, обор. л. 100.

2) Сборн. Чуд. библ. № 302, л. 79.

3) Мы считаемъ годомъ посвященїя Каріона Истомина въ санъ іеромонаха 1689 годъ на томъ основанїи, что въ предыдущемъ году онъ расписывается въ полученїи жалованья какъ іеродіаконъ (Кн. расх. № 89, обор. л. $\frac{F}{5}$), а въ іюлѣ 1690 года онъ уже называется іеромонахомъ (см. «Книгу указовъ» № 67, л. 84. Ср. Мансегова ст. въ Приб. къ Тв. св. от. 1885 года IV, Прилож. В). Во всякомъ случаѣ іеромонахомъ онъ сталъ въ началѣ 1690 года. Что касается подписей подъ сочиненїями, то имъ едва ли можно довѣрять, потому что онѣ противорѣчивы. Такъ, уже подъ соч. «Имя Новое» 1686 года онъ подписался іеромонахомъ, съ другой стороны подъ болѣе поздними сочиненїями, когда онъ уже несомнѣнно былъ іеромонахомъ, стоитъ подпись «іеродіаконъ», напр. подъ стихами на рожденїе царевича Алексѣя Петровича № 302, л. 72; ср. *ibid.* л. 75, гдѣ 29-го іюня 1690 года онъ называетъ себя іеродіаконъ. Впрочемъ, на томъ основанїи, что подъ стихами на рожденїе царевича Алексѣя Петровича, сочиненными послѣ 19-го февраля 1690 года, онъ подписался іеродіакономъ, а подъ Стамной, сочиненной въ августѣ того же года, — іеромонахомъ, можно полагать 1690 годъ временемъ посвященїя Каріона въ іеромонахи.

не только запись о смерти и погребеніи патріарха Іоакима, но и стихи надгробные ему же (см. № 302, л. 872).

Только три мѣсяца спустя по смерти патріарха Іоакима, въ іюлѣ, соборъ началъ разсуждать о выборѣ новаго патріарха. Для Каріона Истомина эти три мѣсяца, протекшіе со смерти патріарха, могли быть временемъ самыхъ тревожныхъ предположеній и ожиданій. Въ самомъ дѣлѣ, для него далеко было безразлично, кто будетъ преемникомъ покойнаго патріарха, къ которому онъ стоялъ такъ близко и милостями котораго такъ обильно пользовался, и его томилъ неизвѣстностью важный для него вопросъ, займетъ ли онъ при новомъ патріархѣ то же самое положеніе.

Впрочемъ, въ іюлѣ мѣсяцъ суждено было окончиться тревогамъ Каріона, такъ какъ были предложены два кандидата на осиротѣвшій патріаршій престолъ: высшіе указывали на Маркелла (назначеннаго съ 6-го сентября 1682 года на митрополию Псковскую, а съ 8-го сентября 1690 или 1691 года¹⁾ ставшаго митрополитомъ Казанскимъ и Свѣжскимъ), Псковскаго митрополита, человѣка ученаго и образованнаго; а низшіе называли Адріана; митрополита Казанскаго (нареченнаго 21-го марта 1686 года изъ архимандритовъ Чудовскихъ и остававшагося на этой каѳедрѣ до 24-го августа 1690 года, когда былъ возведенъ на патріаршій престолъ²⁾). Лица, выставленные, какъ преемники покойнаго патріарха Іоакима, были хорошо знакомы Каріону (что увидимъ изъ нижеслѣдующаго изложенія) и потому ему нечего было опасаться за свое будущее. Несмотря на то, что юный царь Петръ присталъ къ архіереямъ и желалъ видѣть на патріаршемъ престолѣ Маркелла, патріархомъ былъ назначенъ Адріанъ, потому что царица-мать съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ стояла за послѣдняго³⁾.

Знакомство Каріона съ Адріаномъ, съ 24-го августа 1690 года ставшимъ всероссійскимъ патріархомъ, по всей вѣроятности, должно отнести къ тому времени, когда послѣдній былъ архимандритомъ Чудовскаго монастыря. Патріархъ Іоакимъ дружелюбно относился къ архимандриту Адріану и отличалъ его среди другихъ высшихъ духовныхъ своего времени.

Такъ, во время упомянутаго уже выше вторичнаго волненія стрѣльцовъ онъ два раза посылалъ Чудовскаго архимандрита Адріана въ Троицко-Сергіевъ монастырь: одинъ разъ 19-го сентября—съ извѣстіемъ о раскаяніи мятежниковъ и ихъ просьбѣ, чтобы великіе государи изволили идти въ Москву, а другой—послѣ 1-го октября съ трогательною грамотою о поми-

1) Амвросій — въ Истор. р. іер. I т., 101 и 127 считаетъ 1691 годъ, а Строевъ — въ Спискахъ іерарховъ—380—1690 годъ. Митрополитомъ Казанскимъ Маркеллъ и умеръ.

2) Амвросій *ibid.* 100—101 стр.; Строевъ *ibid.* 288 стр.

3) См. Истор. Россіи Соловьева, т. XIV, 141 стр.

лованїи раскаявшихся стрѣльцовъ (см. цитированныя выше соч. Смирнова, Соловьева и Устрялова). Такъ какъ Карїонъ не только принималъ участїе въ тѣхъ же событіяхъ (въ качествѣ зрителя и посла патріарха Іоакима съ книгами Увѣты), но и жилъ въ Чудовѣ монастырѣ и былъ близокъ къ патріарху Іоакиму, то Адріанъ не могъ не знать его, равно какъ не могъ не знать, какое значенїе имѣлъ при патріархѣ Іоакимѣ этотъ Чудовскїй инокъ, какія услуги оказывалъ этотъ послѣдній покойному патріарху, и какія порученїя давались иногда ему патріархомъ Іоакимомъ (слѣдствїе надъ владыкою Смоленскимъ Симеономъ). Если присоединить къ сказанному, что Адріанъ зналъ о дѣятельномъ участїи, какое принималъ Карїонъ Истоминъ въ исправленїи и изданїи книгъ на печатномъ дворѣ, что ему извѣстна была также и литературная дѣятельность Карїона, а равно и то, что онъ близокъ къ царскому двору: то ясно станеть, что новый патріархъ не долженъ былъ искать себѣ въ секретари другого человѣка, кромѣ нашего инока.

Мало того, приблизить къ себѣ Карїона патріархъ Адріанъ могъ считать даже нѣкотораго рода нравственнымъ долгомъ: новый патріархъ могъ почтить предъ современниками память покойнаго святителя, своего друга, приблизивъ къ себѣ человѣка, котораго отличалъ при жизни патріархъ Іоакимъ.

Далѣе, зачѣмъ было новому патріарху искать другого секретаря, помимо Карїона Истомина, прекрасно знавшаго ходъ дѣлъ при патріархѣ Іоакимѣ, когда патріархъ Адріанъ въ своей дѣятельности на патріаршей канцелярїи не проявилъ особенной самостоятельности и въ большинствѣ случаевъ продолжалъ дѣла своего предшественника. Та же борьба съ раскольниками и разными иновѣрцами (кальвинистами и лютеранами), тотъ же споръ съ папистами о времени пресуществленїя св. даровъ и тѣ же сношенїя по этому вопросу съ восточными патріархами, то же стремленїе упорядочить нѣкоторыя темныя стороны тогдашней жизни (семейныя неурядицы), наконецъ, то же строгое отношенїе къ дѣятельности справщиковъ на печатномъ дворѣ — вотъ въ чемъ проявилась почти десятилѣтняя дѣятельность послѣдняго патріарха руссїйскаго¹⁾. Во всѣхъ названныхъ дѣлахъ Карїонъ принималъ болѣе или менѣе близкое участїе при жизни патріарха Іоакима и могъ быть очень полезенъ патріарху Адріану, человѣку не особенно ученому, хотя и оставившему по себѣ писанїя, слабому здоровью (онъ не разъ въ письмахъ царю Петру и другимъ лицамъ жалуется на старость), довѣрчивому и незлобиваго сердца²⁾.

1) См. Смѣловскїй: Братья Лихуды, Ж. М. Нар. Просв. 1845 года № 2-й, Отд. V т. 53 и др.; Соловьевъ: Истор. р., XIV т., стр. 141; Филаретъ, Истор. р. ц. т. IV.

2) Митрополитъ Евгенїй въ своемъ Словарѣ (I т., стр. 19—20) и преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ р. д. литер. (№ 242) приписываютъ довольно большое количество сочиненїи

И мы видимъ, что при повомъ патріархѣ Адріанѣ положеніе Каріона дѣлается болѣе виднымъ, чѣмъ даже было при патріархѣ Іоакимѣ.

Такъ, съ 1691 года его имя въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора пишется впереди именъ другихъ справщиковъ (см. главу III), а въ 1698 году онъ былъ назначенъ начальникомъ печатнаго двора вмѣсто умершаго игумена Сергія.

Что патріархъ Адріанъ сильно былъ расположенъ къ Каріону, тому имѣется не одно доказательство.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (Малороссійскія дѣла, связка 99, № 3, 1696 года, февраль—августъ) сохранилось «Дѣло об отпускѣ в Кіевъ на богомолье 1: купца Турчанинова, 2: волошанки анны филиповой, 3: Дворянина князь Алексѣя Борятинскаго, 4: Тоболскаго пушкаря Савки Михайлова, 5: типографскаго справщика іеромонаха Каріона Истомина. Ради духовныхъ дѣлъ ис'книгами от патріарха Адріана посланного». Каріонъ подалъ въ августѣ Государю такую челобитную:

«Великому Гдѣрю Црѣю и великому кнѣзю Петру Алексіевичю всея великія и мал. и бѣл. россіи Самодержцу, бьетъ челомъ Бѣгомолецъ твой Тупографіи книжнаго содѣлованія справщикъ Іеромонахъ Каріонъ Истоминъ нѣшшняго време́не, великій Гдѣнь стѣйшій курь Адріанъ архіеіпкпъ Московскій и всея россіи, и всѣхъ стѣверныхъ странъ Патріархъ, указалъ мнѣ бѣгомолцу вашему ради дѣловныхъ црковныхъ дѣлъ искнигами, ѣхати во градъ Кіевъ к преосщенному Варлааму митрополиту Кіевскому, и в'вашъ црскій и патріаршій Ставропигиальной мѣтръ Кіевонечерскій. Млрдыи великій Гдѣрь Црѣ и великій Кнѣзь Петръ Алексіевичъ всея великія и мал. п бѣл. Россіи Самодержецъ, пожалуй мене Бѣгомолца твоего, вели Гдѣрь пз Москвы до Кіева и назадъ до Москвы дати подводы и проѣзжую грамоту. Великій Гдѣрь Црѣ смилуйся».

На эту челобитную послѣдоваль удовлетворительный отвѣтъ: Каріону выданы были подводы и проѣзжая грамота, потому что въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Кіевѣ и привезъ гетману Іоанну Степановичу Мазепѣ отъ патріарха Адріана нововзданную книгу «Катехизисъ» и патріаршую грамоту. Сообщивъ гетману о значеніи нововзданной книги, патріархъ Адріанъ не забылъ замолвить слово за своего любимаго секретаря, приписавъ въ *postscriptum* ѣ:

патріарху Адріану; но эти сочиненія въ большинствѣ случаевъ написаны Каріономъ. О довѣрчивости и незлобности патріарха Адріана свидѣтельствуетъ Ѡ. Поликарповъ, говоря: «подвиже и незлобное свят. Адріана патріарха сердце... вѣруемщу ему словесамъ навѣтнымъ. Мужъ бо незлобивъ всему вѣру емлетъ» (Др. Росс. Вивл., ч. XVI, стр. 301).

«А книга послася къ твоей любвѣ отъ насъ справщикомъ типографїи іеромонахомъ Каріономъ Истомвинымъ, иже ради и поклоненїя молитвеннаго во святую Лавру Кїево-Печерскую поиде, его Карїона въ путешествїи тамо ради нашея мѣрности привѣтствуйте»¹⁾.

Всѣ порученїя патріарха Каріонъ исполнилъ въ точности и въ благодарность за это (такъ можно думать) въ началѣ слѣдующаго 1697 года (17-го января) былъ избранъ въ архимандриты Симонова монастыря. Затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ начальникомъ печатнаго двора на мѣсто игумена Сергїя. Такъ возвысилъ патріархъ Адріанъ своего любимаго секретаря!

Кромѣ того, патріархъ награждалъ своего любимца и денежными дачами за услуги, которыя оказывалъ ему Каріонъ своимъ перомъ. Такъ можно заключать на основанїи слѣдующей записи въ расходной книгѣ № 99 (за 207 годъ): «Сентября въ «^ѣ» великого государя жалованя іеромонаху Каріону на нынешней на ѣз годъ сто рублевъ да ему жъ за книжное правленіе и за писменой его къ святѣйшему патріарху трудъ шездесять рублевъ обоего сто шездесять рублевъ» (л. 2).

Наконецъ, имѣется указаніе, что Адріанъ дарилъ Каріону книги изъ своей библіотеки. На одной изъ рукописей патріарха Адріана «Проблемата» надписано: «отдать ее печатнаго двора справщику іеромонаху Каріону Истомину»²⁾.

Едва ли нужно говорить, что Каріонъ старался поддержать и усилить расположеніе къ себѣ новаго патріарха. Помимо того, что онъ каждый праздникъ писалъ витѣватое прозаическое или стихотворное поздравленіе ему³⁾; такія услуги со стороны Каріона, какъ писаніе словъ на разные случаи, должны были увеличивать расположеніе патріарха Адріана къ нашему иноку. Мы имѣемъ только одно ясное указаніе на то, что Каріонъ былъ полезенъ патріарху своимъ ораторскимъ талантомъ. Предъ словомъ по поводу стрѣлецкаго бунта 1698 года читаемъ: «Сїе же чте святѣйшїи Адріанъ патріархъ въ соборной церкви передъ молебномъ параклиса Богородицѣ. мѣа іуліа въ гї въ среду при боляринѣ (разумѣется Шенинъ) и прочихъ»⁴⁾ но, вѣроятно, и многія другія слова были писаны для него же. Мало того, множество грамотъ и писемъ, писанныхъ рукою Каріона отъ лица патріарха Адріана, заставляють предполагать, что вся переписка по-

1) См. Лѣтопись С. Величка, т. 3, стр. 415 — 416.

2) См. Шляпкина «Св. Димитрій Ростовскїй, Приложенїя, стр. 79».

3) Въ бумагахъ Карїона сохранилось множество формъ поздравленїй патріарху: несомнѣнно, эти формы употреблялись въ дѣло.

4) № 300, обор. л. 143.

слѣдняго проходила черезъ руки перваго; а встрѣтившіяся въ бумагахъ нашего писателя копии съ писемъ къ Адріану царя Петра и нѣкоторыхъ другихъ лицъ ясно указываютъ, что онъ при патріархѣ Адріанѣ игралъ роль секретаря или дѣлопроизводителя.

Переписка патріарха открываетъ предъ нами обширный кругъ знакомствъ и сношеній его съ разными свѣтскими и духовными лицами. Среди первыхъ назовемъ: царя Петра Алексѣевича ¹⁾ Меншикова ²⁾, Стрешнева ³⁾, Зотова ⁴⁾, Головина ⁵⁾, Прозоровскаго ⁶⁾, Шеина ⁷⁾, Б. Шереметева ⁸⁾, Б. Голыцина ⁹⁾, Мусина I. ¹⁰⁾, гетмана Мазепу ¹¹⁾, атама Яковлева ¹²⁾, Еще значительнѣе были сношенія патріарха Адріана въ кругу духовномъ. Тутъ мы находимъ имена: Маркелла, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго ¹³⁾, св. Димитрія Ростовскаго ¹⁴⁾, Кіевскаго митрополита Варлаама ¹⁵⁾, архіепископа Черниговскаго Θεодосія ¹⁶⁾, Аонасія Холмогорскаго ¹⁷⁾, Евѳимія Новгородскаго ¹⁸⁾, патріарха Константинопольскаго Калиника ¹⁹⁾, архіепископа Кіевопечерской лавры Мелентія Вояхевича ²⁰⁾, Савватія, митрополита Астраханскаго ²¹⁾, архіепископа Черниговскаго I. Максимовича ²²⁾, Митрофана Воронежскаго ²³⁾, патріарха Іерусалимскаго Досиея ²⁴⁾, патріарха Константинопольскаго Діонисія ²⁵⁾, архимандрита Іерусалимскаго Хрисанѳа ²⁶⁾, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Юасафа ²⁷⁾, митрополита Новго-

1) № 300, л. 317, 345, 351, 387, 455; № 301, л. 24, 200, 205, 281.

2) № 300, л. 359.

3) Ibid.

4) Ibid. 318.

5) Ibid. обор. 318.

6) Ibid. обор. 164, 356.

7) Ibid. 386, обор. 388, 405, 469, 473.

8) Ibid. 339.

9) Ibid. 391.

10) Ibid. 374.

11) Ibid. 338, 340, обор. 367, обор. 369, 385, 397, обор. 461; № 301, обор. 284 и л. 291.

12) № 301, л. 36.

13) № 300, л. 150, 395.

14) Ibid. 167, обор. 168, обор. 368, 388.

15) Ibid. 337, 342, 365, 366, 370, 375, 390, 392, 403, 406, 470.

16) Ibid. обор. 337.

17) Ibid. л. 361, 389.

18) Ibid. обор. 361.

19) Ibid. 363.

20) Ibid. 370, 368, обор. л. 390.

21) Ibid. 373.

22) Ibid. обор. 385.

23) Ibid. обор. 394, 486.

24) Ibid. 398, 401; № 301, 283.

25) № 300, 400.

26) Ibid. обор. 402.

27) Ibid. 465.

родскаго Іова¹⁾, архимандрита Кіевопечерской лавры Іоасафа Кроковскаго²⁾, и Славено-сербскаго патріарха Арсенія³⁾.

Пользуясь расположеніемъ патріарха Адріана и близостью къ нему, Каріонъ Истоминъ не могъ не почтить приличными стихами кончину его. Хотя больной патріархъ готовился къ смерти и поручилъ тому же Каріону написать «Духовное завѣщаніе»⁴⁾ тѣмъ не менѣе смерть его должна была поразить привязавшагося къ нему и благодарнаго іеромонаха. Вотъ почему, помимо подробной прозаической записи о смерти и погребеніи послѣдняго російскаго патріарха⁵⁾ находимъ въ бумагахъ Каріона Истомина еще «Стихи на гробъ» его. Вотъ эта стихотворная эпитафія, послѣдняя дань признательности со стороны пользовавшагося расположеніемъ патріарха іеромонаха⁶⁾:

«Богъ всетворецъ нашъ	всю жизнь устрояетъ,
жити умрети	людемъ изволяетъ:
Его волею	днесъ успе надежно,
господинъ оставль	житіе мятежно,
Святѣйшій Патріархъ	Адріанъ избранный,
Москвы, всѣхъ россій	сѣверныхъ страпъ званнй,
Лѣта господня	тысяща седмъ сота,
міра, седмъ тысящъ	двѣсте, днесъ, девята,
Октобря луны	съ дне десять пятаго
внощи скончася	онъ часа перваго.
Престоль правилъ лѣтъ	десять, дни три, пятьдесятъ,
едватцать четверта	августа числь гласятъ.
Шестдесятъ имѣ	третье вродѣ лѣто,
съ октябрия втора	дне андреа пѣто.
Здѣ тѣло его	вгробѣ положено,
будеть бо в Христѣ	сдушею спряжено (на полѣ: wskре-
	шено).
О душѣ его	вѣренъ зрѣвъ молися
спасеннѣй быти	къ Богу ввоплъ прострися
Архипастыря	Христѣ Адріана,
Сподоби въ небѣ	блаженна ввѣкъ соца» ⁷⁾ .

1) Ibid. 453.

2) № 301, л. 35.

3) № 302, л. 119.

4) № 301, 294 л.

5) № 300, л. 311.

6) № 300, л. 447.

7) Дѣятельность патріарха Адріана ждетъ еще справедливой и должной оцѣнки. Въ исторической литературѣ нѣтъ окончательной характеристики его личности.

Близость ко двору и къ двумъ патриархамъ, особенно же служба Каріона, въ качествѣ патриаршаго секретаря, дѣлали его извѣстнымъ въ средѣ высшаго и низшаго духовенства. Поэтому въ бумагахъ его находимъ многочисленныя доказательства его обширнаго знакомства въ средѣ духовнаго сословія. Въ числѣ лицъ духовныхъ можно назвать имена видныхъ и вліятельныхъ въ свое время пастырей, съ которыми Каріонъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, что еще разъ доказываетъ вліятельное положеніе нашего писателя въ Москвѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи знакомствъ Каріона въ сферѣ вліятельнаго духовенства, необходимо прежде всего остановиться на отношеніяхъ его къ старшему современнику, земляку и родственнику, Сильвестру Медвѣдеву.

Пришлецъ изъ Курска, сперва незначительный подьячій Тайнаго приказа, затѣмъ справщикъ печатнаго двора, С. Медвѣдевъ¹⁾ (род. 27-го января 1641 года, а умеръ 11-го февраля 1690 года) сталъ впослѣдствіи горячимъ послѣдователемъ и другомъ знаменитаго С. Полоцкаго. Благодаря протекціи послѣдняго, онъ занялъ видное мѣсто при дворѣ, сдѣлавшись поклонникомъ царевны Софіи Алексѣевны и подружившись съ преданнымъ ей Ѡ. Шакловитымъ. Сдѣлавшись не только прямымъ преемникомъ многосторонней и разнообразной дѣятельности своего знаменитаго и вліятельнаго учителя (учительство, стихотворная дѣятельность, споры о времени пресущ. св. даровъ), но выступивъ и въ роли политическаго дѣятеля, С. Медвѣдевъ сложилъ свою способную, но пылкую голову на плахѣ 11-го февраля 1690 года и погребенъ близъ Покровскаго убогаго монастыря, куда, по словамъ Снегирева, (Покровскій монастырь, что на убогихъ домѣхъ въ Москвѣ, 1872 года стр. 5,9) «въ поставленные тамъ сараи съ ямниками свозили и клали тѣла убогихъ, странныхъ, застигнутыхъ внезапною и насильственною смертію; туда же отвозились трупы казненныхъ».

---

1) О. С. Медвѣдевъ, помимо отзывовъ въ Словарѣ Евгенія митр. и въ Обзорѣ арх. Филарета, назовемъ слѣд. извѣстныя намъ статьи: 1) И. Забѣлинъ: Опыты изученія русскихъ древностей ч. I; 2) С. Бѣлокуровъ: С. Медвѣдева извѣстіе истинное православнымъ... Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. російскихъ, 1885 г., кн. 4, II, 1—87 стр.; 3) Ундольскаго: С. Медвѣдевъ, отецъ славянорусской библиографіи, *ibid.*, г. 1845—1846, III, 1—90 + XXX; 4) Арх. Леонидъ: Обращеніе С. Медвѣдева. *Ibid.*, 1870 г., II, 1—12; 5) Соколовъ: Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Московской Запкон. школы. Чтенія въ Общ. люб. духов. просвѣщенія, 1886 г., потому что матеріалы о немъ все собраны; июнь, 587—634; 6) Е. Шмурло: О запискахъ С. Медвѣдева. Жур. Мин. Нар. Пр. ч. ССLXII, 335—369 стр. Здѣсь названы историки, сославшіеся на Записки С. М. 7) Замѣтку мою по поводу этой статьи См. Русскій Фил. Вѣст. 1890 г., № I, 103. См. также мою ст. *ibid.* 1889 г., № 4-й; 8) Зубовскій: Къ біографіи С. Медвѣдева. Жур. Мин. Нар. Пр., 1890 г. сентябрь, 149 стр. 9) Надо назвать еще Раз. дѣла о Ѡ. Шакловитомъ т. I и Мнѣніе проф. А. И. Соболевскаго объ авторѣ Оглавленія. Хотя указанными статьями сдѣлано многое для разъясненія жизни и дѣятельности С. Медвѣдева, но послѣдній еще ждетъ своего біографа и изслѣдователя.

Выше было сказано, что въ 1681 году С. Медвѣдевъ посылалъ Кар. Истомина съ отвѣтомъ на *Wyznanie Wiary* Яна Бѣлободскаго къ патр. Іоакиму. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что нашъ писатель какъ будто первоначально поселился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ С. Медвѣдевъ, по возвращеніи своемъ въ Москву изъ Молченской пустыни (послѣ 27-го сентября въ 1677 году). Если такое заключеніе имѣетъ цѣну, тогда приблизительно опредѣляется и время прибытія Каріона изъ Курска въ Москву. Послѣдній могъ направиться изъ Курска въ Москву къ С. Медвѣдеву именно послѣ того, какъ старшій братъ его Гавріилъ Истоминъ, бывший подьячимъ въ Курскѣ, женился на Дарьѣ, сестрѣ Медвѣдева. Можетъ быть, ходившая въ Курскѣ молва о томъ, что С. Медвѣдевъ сталъ близко къ царскому двору и попалъ въ большую честь, была побудительною причиною къ переѣзду Кар. Истомина изъ Курска въ Москву; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что онъ прибылъ въ Москву искать счастья, какъ тогда дѣлали, вѣроятно, многіе разночинцы. Совмѣстная жизнь Каріона съ Сильвестромъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ могла продолжаться до поступленія перваго въ число иноковъ Чудова монастыря, т. е. до конца 70-хъ или до начала 80-хъ годовъ XVII столѣтїа.

Пріѣхавъ молодымъ въ незнакомый городъ Москву, съ незначительными свѣдѣніями, Каріонъ, естественно, долженъ былъ подчиниться авторитету болѣе опытнаго и извѣстнаго своими познаніями своего родственника. Въ «Разыскномъ дѣлѣ о Ѳ. Шакловитомъ» сохранился одинъ весьма важный документъ, свидѣтельствующій объ отношеніи К. Истомина къ С. Медвѣдеву, именно какъ къ старшему себя. Когда Медвѣдевъ былъ схваченъ и посаженъ за карауломъ въ Троицкомъ монастырѣ по дѣлу Ѳ. Шакловитаго, К. Истоминъ 19-го ноября 1689 года подалъ царямъ челобитную такого рода: «В прошломъ, государи, во 192-мъ году, отдалъ азъ, богомолецъ вашъ, ради береженья, денегъ моихъ 75 рублевъ бывшему Спасскаго м-ря, что за Иконнымъ рядомъ, строителю Селиверсту Медвѣдеву, которыя денги даваны были мнѣ за трудъ мой и работу на печатномъ дѣлѣ, ваше государское жалованье». . . 1).

Понятно, что въ дѣлѣ пауки Каріонъ не могъ не признать авторитета Сильвестра, разъ онъ признавалъ его опытность въ дѣлахъ житейскихъ. Къ нему, на примѣръ, онъ обратился съ просьбою прочесть и исправить написанное имъ сочиненіе «Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся, во гражданствѣ 2). А разъ С. Медвѣдевъ руко-

1) Каріонъ просилъ возвратить ихъ. Розыски дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ. I т., столб., 832—833 столб.

2) См. объ этомъ подробно въ моей ст. Кого надо считать авторомъ сочиненія «Созерцанія». . . Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1890 г., № I-й, 103—111 стр.

водилъ (хоть короткое время) Каріономъ, неудивительно, что послѣдній могъ усвоить отъ него нѣкоторыя воззрѣнія, которыя потомъ признаны были невѣрными и еретическими. Таково, напримѣръ, мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, высказанное Каріономъ въ его «Катихизисѣ»: «Суть овия словеса Христова глаголемыи отісреа при божественной литургіи над хлѣбомъ: пріймите ядите се есть тѣло мое, надвиномже: пійте от нея вси, сія есть кровь моя; Тѣми словесы истинно хлѣбъ прилагается вгѣло Христово, а вино вкрость Христову»¹⁾).

Вступивъ впослѣдствіи въ число иноковъ Чудова монастыря, ставъ близко къ патр. Іоакиму, недружелюбно относившемуся къ Симеону Полоцкому, С. Медвѣдеву и вообще къ приверженцамъ «латинской ереси», Каріонъ невольно долженъ былъ охладѣть къ своему родственнику и отказаться отъ многихъ невольныхъ, такъ сказать, заблужденій. Онъ даже враждебно относился къ Медвѣдеву послѣ того, какъ прослушалъ курсъ наукъ у братьевъ Лихудовъ и сталъ приверженцемъ греческаго учиенія касательно времени пресуществленія св. даровъ. Возникшее задолго до открытія греко-славяно-латинской академіи соперничество между двумя партіями, «греческою» и «латинскою», невольно охватило и нашего инока, и онъ въ разгарѣ спора, который велся далеко не спокойно²⁾, или увлекаясь извѣстнымъ «ученіемъ греческимъ», или сознавая неправый путь Медвѣдева, охладѣлъ къ послѣднему и даже сталъ во враждебныя къ нему отношенія. Такъ явствуетъ изъ слѣдующаго факта. Когда С. Медвѣдева схватили по дѣлу Ѳ. Шакловитаго и привезли въ Троицкій монастырь, 16-го сентября 1689 года въ этотъ монастырь явился, *по приказу Каріона Истомина*, родной племянникъ Каріона (по отцу) и Сильвестра Медвѣдева (по матери), подьячій стрѣлецкаго приказа Ивашка Истоминъ. Въ разспросѣ онъ сдѣлалъ, между прочимъ, такое показаніе: «И Ѳедка де Шакловитой къ нему Сенкѣ пріѣзживалъ по частужъ, одинъ и вмѣстѣ съ Микиткою Гладкимъ и съ иными стрѣльцами, и говорили промежъ собою тайно. . . И въ келью де его, Ивашка, въ то число не пускавали, для того: будто онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его, Сенкина. . . и, справщику Каріону сказывалъ; а Каріонъ де будто тѣ слова доносилъ святѣйшему патриарху, и отъ святѣйшаго патриарха гнѣвъ былъ на Сенку Медвѣдева отъ него Каріона»³⁾.

1) Собрн. Чуд. мон. № 301, обор. л. 322.

2) Доказательства см. въ моей ст. «Отношенія Чудовскаго инока Евоимія къ С. Полоцкому и Сил. Медвѣдеву». Рус. Фил. Вѣст. 1889 г., № 4; 262—90. Тутъ я старался собрать все, что говорилось въ ученой литературѣ о полемикѣ по вопросу о пресуществленіи св. даровъ. См. тамъ же и литературу предмета. См. еще кн. Мирковича, О времени пресуществленія св. даровъ, Вильна, 1886 г. и Шляпкина, Св. Дим. Рост., 111 стр.

3) Раз. д. о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ. I т., столб. 519, 520.

Надо полагать, не безъ основанїа упомянутые выше друзья С. Медвѣдева обвиняли К. Истомина въ томъ, что онъ доносилъ патр. Іоакиму на своего родственника. Если же допустить, что такое подозрѣніе не имѣло за собою никакихъ вѣскихъ данныхъ, то недружелюбное отношеніе Карїона къ Медвѣдеву видно уже изъ того, что онъ велѣлъ Ивану Истомину ѣхать въ Троицкій монастырь *и сообщить* свѣдѣнія о своемъ дядѣ. Вообще дѣло о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ причинило не мало хлопотъ К. Истомину. Какъ родственника С. Медвѣдева, его заподозрили было въ соучастїи въ заговорѣ Ѳ. Шакловитаго, привлекли къ дѣлу и даже временно удалили отъ должности справщика па книжномъ печатномъ дворѣ; но заступничество патриарха и показанїа Ивана Истомина окончательно убѣдили царей въ полной непричастности Карїона къ заговору; поэтому ему скоро возвратили отнятую должность справщика книгъ. Благонадежность Карїона, надо предполагать, была такъ ясно доказана, что не придали никакого значенїа показанїю С. Медвѣдева о «Лѣтописной книгѣ письма Карїонова», тогда какъ при неблагонадежности этого послѣдняго эта «Лѣтонисная книга» не прошла бы даромъ автору, подобно тому какъ не прошли даромъ пять Листовъ, найденныхъ у С. Медвѣдева и присланныхъ къ разыскному дѣлу патр. Іоакимомъ¹⁾. Но этимъ далеко еще не окончились хлопоты, причиненныя Карїону дѣломъ Шакловитаго. Дѣло въ томъ, что вотчимъ Карїонова племянника, уже извѣстнаго намъ Ивана Истомина, Михаилъ Гульскій былъ осужденъ за участіе въ заговорѣ Ѳ. Шакловитаго въ ссылку въ Сибирь. Этотъ-то иноземецъ Михаилъ Гульскій на деньги жены своей Дарьи (бывшей раньше замужемъ за Гавріиломъ Истоминнымъ) купилъ въ Москвѣ дворъ и купчую написалъ на свое имя. Когда его сослали въ ссылку, то дворъ его велѣно отписать на великихъ государей. Дѣти Дарьи Истоминой-Гульской — Иванъ Большой, Иванъ Меньшій и дочь Авдотья-подавали царямъ 19-го и 21-го октября челобитныя, чтобы дворъ ихъ отчима былъ записанъ за ними. За сиротъ вступился и Карїонъ Истоминъ. Въ октябрѣ 1689 года онъ подалъ царямъ челобитную объ отдачѣ двора Михаила Гульского его пасынкамъ, Ивану Большому и Ивану Меньшему Истоминнымъ. Въ ней онъ писалъ, между прочимъ: «Братъ, государи, мой болшой Гаврило Истоминъ служилъ вамъ, великимъ государемъ, въ Курску, въ подьячихъ лѣтъ съ 30... и, волею Божіею его... не стало; и послѣ его остались два сына: Ивашко болшой да Ивашко меньшей; еще въ малыхъ лѣтехъ; а жена его, Гаврилова, а ихъ мать, вышла замужъ къ Москвѣ за иноземца за Михаила Гульского, со многими брата моего пожит-

---

1) См. Разыск. д. о Ѳ. Шакл., I т. 595 столб., 630.

ками; и на тѣ пожитки онъ, Михайла, на Москвѣ купилъ дворъ, и не проча имъ, племянникомъ моимъ, написалъ купчую на свое имя...¹⁾

Просьба такого вліятельнаго человѣка, какъ Каріонъ Истоминъ, имѣла успѣхъ: дворъ М. Гулскаго былъ записанъ за его пасынками, Иваномъ Большимъ и Иваномъ Меньшимъ Истоминами²⁾.

Какъ ни натянуты были отношенія К. Истомина къ С. Медвѣдеву, особенно въ годъ передъ казнью послѣдняго, все же родственное чувство и смерть примирили Каріона съ нимъ, и онъ оставилъ краткую замѣтку о смерти С. Медвѣдева³⁾.

Весьма интересными представляются также отношенія К. Истомина къ св. Димитрію Ростовскому. Сохранившіяся въ бумагахъ К. Истомина указанія на эти отношенія кратки, но даютъ довольно ясное понятіе о характерѣ этихъ отношеній.

Трудно сказать, когда Каріонъ Истоминъ познакомился съ св. Димитріемъ. Авторъ извѣстной книги: «Святый Димитрій, митрополить Ростовскій», говоря о второмъ пріѣздѣ Святителя въ Москву въ февралѣ 1701 года, склоненъ, кажется, относить знакомство его съ Каріономъ къ этому именно времени. Продолжительное пребываніе св. Димитрія въ Москвѣ во второй пріѣздъ онъ считаетъ, между прочимъ, полезнымъ потому, что онъ въ это время успѣлъ закрѣпить связи съ людьми, для него нужными по дѣламъ епархіальнымъ и ученымъ. Еще въ первый свой пріѣздъ въ Москву въ 1689 году св. Димитрій познакомился съ монахомъ Чудова монастыря, ученикомъ Лихудовъ и потомъ справщикомъ въ московской типографіи Ѳеологомъ. Когда онъ вторично пріѣхалъ въ Москву, то нашелъ здѣсь этого Ѳеолога, ставшаго другомъ Святителя, который поддерживалъ съ нимъ перениску до самой своей смерти. Сказавъ объ этомъ, авторъ продолжаетъ затѣмъ: «Между Московскими учеными были и еще двое учениковъ Лихудовыхъ, съ которыми Святитель былъ ближе другихъ: это іеромонахъ Чудова монастыря *Каріонъ Истоминъ* и *Теодоръ Поликарповъ*⁴⁾...

Авторъ позднѣйшаго изслѣдованія о св. Димитріи Ростовскомъ г. Шляпкинъ держится на этотъ счетъ другого болѣе справедливаго мнѣнія. По его словамъ, Каріонъ могъ познакомиться съ св. Димитріемъ во

1) Ibid. столб. 1059.

2) «Иванъ большой да Иванъ меншой Истомины. Отецъ де ихъ былъ въ Курску въ подъячихъ лѣтъ съ 30 и умре, а мать ихъ со многими пожитками вышла замужъ за Михайла Гулскаго. И на тѣ пожитки купилъ онъ, вотчимъ ихъ, дворъ и... купчую написалъ на свое имя. «Дать пасынкамъ его». (ibid. столб. 1077).

3) См. Введеніе; ср. Зубовскаго: «Къ біограф. С. М.» Ж. М. Н. Пр. 1890 г., ч. ССLXXI, 152 стр.

4) Св. Димитрій, митр. Ростовскій, Москва 1849 г., стр. 41.

время своей поѣздки въ Кіевъ, въ 1896 году, когда вручилъ Святителю письмо патріарха (стр. 256). Но если г. Шляпкинъ здѣсь высказалъ лишь вѣроятное предположеніе, то въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 263) на основаніи рукописи Синодальной Типографіи онъ говоритъ, что въ 1699 году «одинъ изъ московскихъ его (Димитрія) знакомыхъ, извѣстный намъ Каріонъ Истоминъ, прислалъ ему житіе Іосифа Волоцкаго».

Получивъ 23-го марта посвященіе въ Митрополита Сибирскаго, св. Димитрій не желалъ ѣхать въ Сибирь. Причиной тому было здоровье, разстроенное долговременными трудами, и желаніе поскорѣе окончить печатаніе четьихъ-миней. Димитрій такъ безпокоился предстоящимъ отъѣздомъ, что даже заболѣлъ¹⁾.

Въ эту-то трудную минуту для Святителя сказалось сердечное къ нему отношеніе Θεолога, келаря Чудова монастыря, и нашего *Каріона*. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Θεологу св. Димитрій, вспоминая объ этомъ тяжеломъ для себя времени, съ благодарностью вспоминаетъ при этомъ Каріона, говоря: «Спасетъ Богъ и Отца Каріона, что меня ягодами вишневыми въ недугованіи кармливаль²⁾»...

И всегда св. Димитрій въ своихъ письмахъ помнитъ Каріона. Такъ, въ письмѣ изъ Ростова, отъ 22-го мая, онъ пишетъ, между прочимъ, Θεологу:

«Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ низко челомъ, паче же Отцу Каріону и отцу Іосифу судіи³⁾».

Вообще св. Димитрій относился съ большимъ уваженіемъ и любовью къ нашему писателю, считая его сторонникомъ просвѣщенія и довольно свѣдущимъ въ духовной литературѣ. При писаніи четьихъ-миней, онъ обращался не разъ къ своему другу монаху Θεологу, поручая ему справки въ Макарьевскихъ четьихъ-минейхъ или спрашивая совѣта по тому или другому случаю.

Такъ, въ одномъ изъ такихъ писемъ, прося Θεолога найти въ Макарьевскихъ четьихъ-минейхъ подъ 5-мъ января память св. пророка Михея и подъ 12-мъ марта справиться тамъ же, какъ пишется имя нѣкаго Аввы или игумена Еквиція, св. Димитрій по поводу послѣдняго спрашиваетъ совѣта: . . Не положить ли бы его (т. е. житіе Аввы или игумена Еквиція), гдѣ-нибудь въ нашихъ книгахъ, въ четвертой трехмѣсячной части, за скудость житій восточныхъ святыхъ, имъ же въ тѣхъ мѣсяцахъ зѣло мало

1) Ibid. 39 стр.

2) Остальн. соч. Св. Димитрія, митр. Ростов., М. 1804 г., 195 стр.; ср. упомянутую кн. о св. Димитріи, стр. 42.

3) Ост. соч. св. Дим., 1804 г. стр. 193.

полныхъ житій обрѣтается. Прощу чести твоей, въ присканіи вышеписаннаго имени потрудися».

Предполагая, вѣроятно, что Θεологу одному трудно будетъ рѣшить поставленный вопросъ, св. Димитрій прибавляетъ: «А о чемъ совѣта прошу, о томъ подумай съ благоразумными, якоже съ пречестнѣйшимъ господиномъ Каріономъ и съ господиномъ Θεодоромъ Поликарповичемъ, имъ же низко челомъ (бую)»¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго объ отношеніи св. Димитрія къ Каріону понятны будутъ тѣ замѣтки, какія находимъ въ бумагахъ послѣдняго.

Въ одной изъ нихъ (ее можно назвать стихотворнымъ письмомъ) Каріонъ пишетъ: «Отче честнѣйшій димитрій.

Подобаетъ ли	днесь намъ въ домъ твой быти
Книгу ли на столъ	въ словеса открыти,
аще и ино	что-ли положится.
Божіимъ людемъ	и то пригодится.
Не видѣхомся	давно уже право
живи много лѣтъ	во Гдѣ здорово.

Приговариваемся
а влюбви кланяемся²⁾.

Это стихотворное посланьице, писанное, быть можетъ, во второй приѣздъ св. Димитрія въ Москву, еще разъ подтверждаетъ близкія и дружескія связи Каріона съ Святителемъ. Другая записка относится къ 3-му октября 1706 года, когда еще могъ находиться въ Москвѣ св. Димитрій (см. кн. о св. Димитр., стр. 54), хотя содержаніе нисколько не говоритъ объ этомъ присутствіи: «Преосвященный Господинъ Митрополитъ Димитрій вбозѣ благодатнѣ облить (?)

Епаршествуяй вградѣхъ и вростовѣ	вЯрославѣ учащъ вХртѣ Словѣ
Здравствуй радуйся владу попрее- многу	Спаствою снѣшисъ внебесну жизнь кБогу
усердствую.	

Благословенство твое пріавъ ключку	Благодаренъ есмь клонюся обручку
Немощну кому и мала подпора	вшествіи путе ключка впомощь спора.
Одаждь Бжѣ всѣмъ ити впуть небес- ный	всвятѣмъ твоемъ Словѣ взяти отдѣл десный.
Отче блаженный помогай молбамъ	да спасет ны Бгѣ своими судьбами.
Посѣщенія и молитв прошу	впріятство ваше годѣчно мя пошу

1) См. кн. о св. Димитріи, митр. Рост., стр. 49—50.

2) № 302 Сбор. л. 244, внизу.

„ѦѢ лѣта Гдѣня октоврїа ҃҃ дне Карїонъ хуждшїй внемощахъ сущїй изъ Москвы Чудоархангелова мїря іеромонахъ Истоминъ вамъ припадаетъ». Что за болѣзнь была у Карїона, можно догадываться изъ слѣд. стиховъ, помѣщенныхъ ниже приведенной записки:

До болныхъ очей	надобно бы уздравляющихъ ключей
Да взяти не скоро гдѣ,	пи по обѣдѣ.
а вечеръ нездравость	знатно идетъ старость.
Коиб (вар. чтоб) уздравляли	а ониб усмотряли
гдѣ либо стати	и добрѣ писати ¹⁾ .

По словамъ біографа св. Димитрія, этотъ послѣдній въ мартѣ, іюнѣ и сентябрѣ 1706 года былъ въ Москвѣ ²⁾.

Приведенное стихотворное посланіе писано 3-го октября, можетъ быть, вскорѣ по отъѣздѣ Святителя изъ Москвы ³⁾.

Изъ другихъ лицъ, съ которыми Карїонъ находился въ болѣе дружескихъ отношенїяхъ, или которыя относились къ Карїону со вниманїемъ, слѣдуетъ назвать митрополита Казанскаго и Свіяжскаго Маркелла. Этотъ образованный и ученый іерархъ, бывшїй кандидатомъ на патріаршїй престолъ, могъ имѣть много случаевъ познакомиться съ Карїономъ во время своего неоднократнаго посѣщенїа Москвы. Проходя различныя должности, Маркеллъ не долго засиживался на мѣстахъ своей службы. Такъ, послѣ кратковременнаго пребыванїа архимандритомъ Свѣнскаго Успенскаго Брянскаго монастыря (1679 до 21-го марта 1680 года), онъ былъ посвященъ въ епископа Суздальскаго; пробывъ больше года въ епископїи Суздальской, онъ съ 6-го сентября 1681 года возведенъ былъ въ санъ митрополита Псковскаго, а черезъ девять лѣтъ переведенъ изъ Пскова въ Казань на мѣсто назначеннаго патріархомъ Адріана. Въ Казани и умеръ этотъ іерархъ 21-го августа 1698 года ⁴⁾.

Въ бумагахъ К. Истомина сохранилось нѣмного документовъ, которые могли бы выяснитъ намъ отношенїа его къ митрополиту Маркеллу; но сохранившїеся проливаютъ достаточно свѣта на характеръ этихъ отношенїй. Въ Сборн. № 301, на л. 18 находимъ благодарственное письмо нашего писателя Маркеллу, когда послѣдній былъ уже на митрополичьей каедрѣ въ Казани. Въ этомъ письмѣ Карїонъ, между прочимъ, пишетъ: . . «смирненное наше поклоненїе со гласомъ благодарнымъ прикосимъ за милость

1) № 300, об. л. 288 и л. 289.

2) Св. Дим., Митр. Рост., стр. 54.

3) Г. Шляпкинъ (ibid., приложенїа, стр. 79) относитъ это письмо къ 1708—9 г.

4) См. Амвросїа Исторїа р. іер. ч. I, 180, 127, 101; Строева Списки ір. 907, 380, 289.

твою, и посѣщеніе [яко никогоже инаго, втрудѣхъ нашихъ типографскаго смотрства, вносѣщеніи таковомъ, и каждолѣтнѣмъ присланіи рыбиць благословеніемъ твоимъ іерарскимъ знаемъ¹⁾].

Хронологической даты подъ письмомъ пѣтъ, поэтому можно сказать, что оно писано въ періодъ времени между 1690 и 1698 годами. Изъ приведеннаго же отрывка видно, что Каріонъ *ежегодно* получалъ отъ Маркелла подарки и значить, *ежегодно* писалъ ему, по крайней мѣрѣ, одно благодарственное письмо. Кромѣ того, такъ какъ подарки со стороны митрополита Казаискаго присылались за какія-либо услуги Каріона, то надо предположить цѣлый рядъ писемъ дѣловыхъ. Однимъ словомъ, между Каріономъ и митрополитомъ Маркелломъ должна была существовать болѣе или менѣе обширная переписка, слѣдовъ каковой, къ сожалѣнію, мы имѣемъ не много. Приведенный же отрывокъ прекрасно рисуетъ намъ характеръ отношеній между скромнымъ іеромонахомъ и извѣстнымъ въ свое время пастыремъ. Какъ секретарь патріаршій, Каріонъ могъ оказывать Маркеллу много-различныя услуги по дѣламъ, касающимся Казаискаго митрополіи; но, по всей вѣроятности, однимъ этимъ не ограничивались услуги Каріона: послѣдній, находясь въ Москвѣ, могъ быть полезенъ просвѣщенному архипастырю, исполняя разныя порученія, не касающіяся дѣлъ митрополіи. Можегъ быть, не разъ приносили пользу Маркеллу и свѣдѣнія Каріона въ области тогдашней науки. Какъ бы то ни было, но почтительныя отношенія Чудовскаго іеромонаха къ видному іерарху обязали перваго почитать кончину послѣдняго надгробною эпитафією. Эпитафія эта состоитъ изъ двухъ стихотвореній: въ первомъ сообщается о времени кончины Маркелла:

«Седь тысящъ двѣстѣ	шеста міра лѣта,
Августа вдвадцатъ	первъ день сего свѣта,
Лишися, успиувъ	пастырь преосвященный,
Господинъ Маркеллъ	вмудрости ученный». . . ;

во второмъ заключаются свѣдѣнія о прежней службѣ покойнаго митрополита²⁾.

Изъ другихъ архипастырей, которымъ приходилось пользоваться услугами Каріона, назовемъ: Тихона, митрополита Сарскаго и Подонскаго³⁾. Павла, митроп. Нижегородскаго и Алатырскаго⁴⁾. Павла, митроп. Сибирскаго и Тобольскаго⁵⁾, Варсонофія, митроп. Сарскаго и Подонскаго⁶⁾. На-

1) Подпись подъ письмомъ: «худшіи твой рабичищъ І: К:» т. е. іеромонахъ Каріонъ.

2) См. Сборн. № 300, л. 419.

3) Сборн. № 300, л. 162.

4) Ibid. л. 275.

5) Ibid. обор. л. 277.

6) Ibid. л. 425.

конецъ, необходимо отмѣтить знакомство Каріона съ Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ. Можно положительно сказать, что первое знакомство Каріона съ Варлаамомъ относится къ 1690 году, ко времени прїѣзда послѣдняго въ Москву для утвержденія на Кіевской митрополїи. Еще ближе познакомился пашъ писатель съ Кіевскимъ митрополитомъ въ 1696 году, во время пребыванія своего въ Кіевѣ, куда привезъ «отъ своего мудрованія составленній великій аркушовій букварь, албо кграмотку для ученія дѣтей потребуемую, славенскимъ и греческимъ языкомъ выразивши въ ней всѣ литеры русскіе фигурами и лицами человѣческими»¹⁾. Кроме того, сохранилось указаніе на то, что Каріонъ находился въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ съ Варлаамомъ. Указаніе это заключается въ письмѣ Каріона къ митрополиту Кіевскому отъ 15-го іюля 1701 года, сохранившемся въ рукописи Императорской Академіи Наукъ²⁾. Вотъ текстъ этого письма:

«Богомудрый проповѣдникъ и учитель благочестивый, втрїехъ ипоста-сѣхъ Бога единого преосвященный Гдѣнь Варлаамъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Россїи о Господѣ Бозѣ с'любезнымъ пасомствомъ присно радуїся.

Присносущная благость, вся в'себѣ содержащая, и мудротвориѣ вся управляющая вашимъ же преосвященствомъ проповѣдающая, твое архіерейство, во благоденствѣ и велелѣпотѣ святыя церкви и в'пользѣ христїанскихъ душъ да сохранитъ на премнога лѣта. По исполненїи же долготы жизненныхъ дней небеснаго блаженства, яко мудраго и вѣрнаго, и прикупъ многоталантныя сотворшаго, раба мѣдростию; ученїемъ славословіемъ всещедраго Бога, да сподобитъ тя в'безконечныя вѣки.

—Прїискренно хуждшїй рабчищъ вашъ тебѣ архіерею Божїю всего того усердству, при чесомъ тебѣ великому господину и всепзрядному пастырю и отцу послахъ нынѣ книжищу повопзданную здѣ букварь трема языки, славенскимъ греческимъ римскимъ свойственными ихъ писмены, во обученїе хотящымъ (от) рокомъ. юже яко, лепту отъ дѣтскаго нѣмованїа в'милостивое благословенїе благоволи прїяти и молитвы твоя архіерейскїя и благословенїе намъ хуждшимъ в'порадованїе послати просимъ.

Еще же твоему архіерейству доношу, поѣде отъ здѣ гостинныя сотни человѣкъ добрый Тимофей Іоаншовъ сынъ Лисенокъ по обѣщанїю своему яко во іерусалимъ, [и сущю намъ россіаномъ (614 л.) іерусалимъ есть

1) См. Лѣтопись С. Величка, т. 3, стр. 417.

2) № 84, лл. 613—614. За доставленїе намъ возможности пользоваться этою рукописью лѣтомъ 1891 г. приносимъ глубокую благодарность акад. Л. Н. Майкову и А. А. Кунику (нынѣ уже покойнымъ).

мѣста святая и угодники Божія всозерцаніе чудодѣющія предлежатъ] поклонитися, и ваше архіерейское благословеніе воспріяти (с нимъ же и книжницу оную послахъ) его же благоволи по любви твоей отеческой воли сподобити, аще обрѣтох твой ничтожный азъ благодать у твоего милосердія о немъ смиренно прошу и подстоны красныхъ вашихъ богопроповѣдническихъ ногъ припадаю».

Такимъ образомъ, знакомства Каріона въ кругу высшаго духовенства были довольно многочисленны; тѣмъ больше ихъ было въ кругу низшаго духовенства. На основаніи бумагъ Каріона назовемъ имена слѣдующихъ лицъ: протопопа Іоанна Григорьева¹⁾, іеродіакона Стефана Сахарова²⁾, игумена Николаевского Резванскаго монастыря Пахомія³⁾, строителя Путивльскаго Молченскаго монастыря іеромонаха Серапіона⁴⁾, ключаря Успенскаго Собора въ Москвѣ Іакова Іоаннова⁵⁾, игумена Никольскаго Перервинскаго монастыря Симона съ братією⁶⁾, игумена Рождественскаго монастыря архимандрита Іосифа⁷⁾, монаха Герасима⁸⁾, схимонаха Іова⁹⁾, іеродіакона Корнилія¹⁰⁾, схимонаха Тарасія Овушева¹¹⁾, монаха Германа Лутохина и монаха Молченскаго монастыря Софронія¹²⁾. Всѣмъ названнымъ лицамъ Каріонъ Истоминъ имѣлъ случай оказать болѣе или менѣе значительныя услуги, простиравшіяся иногда до того, что онъ писалъ просьбы, поздравленія и даже проповѣди¹³⁾. Не говоря уже о томъ, что Каріонъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими сослуживцами на книжномъ печатномъ дворѣ (что доказывается тѣмъ, что онъ оставилъ по смерти ихъ замѣтки, полныя любви къ нимъ¹⁴⁾), и со своими сожителями по Чудову монастырю¹⁵⁾, въ заключеніе скажемъ, что Каріонъ не мало знакомыхъ имѣлъ среди монахинь разныхъ монастырей. Такъ, его услугами

1) Сборн. № 300, л. 55—59.

2) Ibid. л. 26.

3) Ibid. л. 322.

4) Ibid. л. 394.

5) Ibid. л. 409.

6) Ibid. л. 490.

7) Ibid. об. л. 491.

8) Сборн. № 301, л. 290.

9) Сборн. № 302, 1022 л.

10) Ibid. л. 151.

11) Ibid. л. 157.

12) Ibid. л. 184.

13) Подъ словомъ на т.: «Предзрѣхъ Господа предо мною выну»... находимъ замѣтку: «... и чтено вверху вцѣркви святыя Екатерины... при государѣхъ царѣхъ за благословеніемъ святѣйшаго патріарха Іоакима чель протопопъ Іоаннъ Григорьевъ» (№ 300, об. л. 59).

14) См. № 300, об. л. 146 и 380, л. 141, 284 и др.

15) См. № 302, обор. 56, 57.

пользовались: схимонахиня Евдокія Челищева¹⁾, схимонахиня Екатерина Куракина²⁾, игуменья Курскаго дѣвичьяго монастыря Θεодосїа³⁾, игуменья монастыря св. Ильи въ Вязьмѣ Евдокїа⁴⁾, игуменья монастыря Богородицы страстныя ея иконы Іулія⁵⁾, монахиня Вознесенскаго дѣвичья монастыря Любовь Степанова, которой онъ подарилъ книгу глаголемую Собраніе Исторїевъ⁶⁾. Припоминая всѣ знакомства нашего писателя въ кругу лицъ духовнаго званїа, нельзя не удивляться ихъ обширности, причину которой несомнѣнно слѣдуетъ приписать оффиціальному положенію его. Впрочемъ, не надо всѣ знакомства объяснять только положеніемъ Карїона, какъ дѣлопроизводителя двухъ патріарховъ. Если первымъ поводомъ къ сближенію Карїона съ разными лицами духовнаго званїа были оффиціальныя отношенїа, то дальнѣйшія связи поддерживались единственно, какъ намъ кажется, личнымъ характеромъ Карїона Истомина.

Несомнѣннымъ его качествомъ надо признать скромность и почтительное отношеніе къ тѣмъ, у которыхъ было какое либо къ нему дѣло. Какъ мы видѣли изъ приписки къ письму кн. Урусова, Карїонъ близко принималъ къ сердцу дѣло каждаго просителя, входилъ въ интересы просителя, какъ въ свои собственные, при чемъ его обращеніе съ ближними проникнуто было духомъ христіанской кротости и любви — такія качества должны были привлекать къ нему сердца многихъ. Если же прибавить къ сказанному обилїе и разнообразїе знанїй, которыми несомнѣнно обладалъ Карїонъ и которыми охотно дѣлился съ людьми, въ нихъ нуждающимися, то вполне будетъ понятно, почему его любили и поддерживали съ нимъ знакомство такіе просвѣщенные іерархи, какъ Маркеллъ, митрополитъ Казанскїй и Свїяжскїй. Ставъ сразу въ близкія отношенїа къ патріарху Іоакиму, нашъ писатель едва ли могъ извлечь какую-либо существенную пользу изъ близости къ нему многихъ вліятельныхъ іерарховъ. Все, чѣмъ могли отблагодарить эти послѣдніе Карїона за его услуги, не шло далѣе присылки такого или иного подарка. Но нѣкоторыя знакомства имѣютъ болѣе тѣсную связь съ жизнью Карїона. Таково знакомство его съ митрополитомъ Новгородскимъ Іовомъ.

Такъ какъ это знакомство повело за собою переѣздъ Карїона (хоть и на короткое время) изъ Москвы въ Новгородъ, то мы изложимъ его, равно какъ и послѣдній періодъ жизни нашего писателя, въ особой главѣ.

1) № 300, л. 160.

2) Ibid. об. л. 284.

3) Ibid. лл. 294—295.

4) Ibid. л. 496.

5) Ibid. л. 499—500.

6) См. Рукон. Рум. Муз. изъ собр. Ундольск. № 930.

ГЛАВА VI.

Знакомство К. Истомина съ митрополитомъ Новгородскимъ Іовомъ слѣдуетъ отнести, безъ сомнѣнія, къ тому времени, когда этотъ послѣдній жилъ въ Москвѣ. Постриженникъ Троицы Сергіева монастыря, Іовъ до назначенія на митрополичью кафедру въ Новгородъ все время прожилъ въ Москвѣ: сперва онъ былъ архимандритомъ въ Московскомъ Петровскомъ монастырѣ, а отсюда переведенъ въ 1694 году архимандритомъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Прибывъ въ свою епархію въ сентябрѣ 1698 года, митрополитъ Іовъ сперва ограничился исправленіемъ самыхъ неотложныхъ текущихъ дѣлъ. Но образованный пастырь, рѣшившись посвятить все свои силы благу вѣренной ему паствы, не могъ ограничиться однимъ только оффиціальнымъ исполненіемъ предстоявшихъ ему дѣлъ. Не могъ онъ не замѣтить того жалкаго положенія, въ которомъ находилось тогда русское духовенство почти повсемѣстно въ Россіи. Недостатокъ умственного образованія и нравственного воспитанія ставилъ тогдашнее духовенство ниже той задачи, которая предстояла ему. Къ духовенству Новгородской епархіи того времени вполне примѣнимы слова, съ которыми обратился св. Димитрій къ жителямъ Ростова въ одной изъ своихъ проповѣдей: «Оле окаянному времени нашему, яко отнюдъ пренебрежепо то сѣяніе, — весьма оставися слово Божіе, — и не вѣмъ, кого первѣе окаевати требѣ, сѣятелей, или землю, — іереевъ ли, или сердца человѣческія, или обое то купно?... іереи небрегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людіе невѣжествууютъ; іереи Слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, ниже слушати хотятъ. Отъ обою страну худо: іереи глупы, а людіе неразумни»¹⁾. Чтобы уничтожить зло, проптекавшее отъ недостатка образованія, Іовъ рѣшился, чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на митрополичью Новгородскую кафедру, для обученія всякаго чина людей и для образованія достойныхъ пастырей церкви, основать школы²⁾.

1) Соч. св. Димитр. ч. II, стр. 384, 390; Ср. кн. св. Дим., митр. Рост., стр. 43.

2) См. ст. Ил. Чистовича: «Новгородскій митрополитъ Іовъ, жизнь его и переписка съ разными лицами». Странникъ, 1861 г. февраль, стр. 61—145. Эта ст. вызвала замѣтку свящ. І. Доброзракова: «Нѣчто къ пополненію біографіи Новгор. митр. Іова» *ibid.* октябрь. Для насъ особенно важна статья г. Чистовича напечатанными при ней письмами м. Іова къ разнымъ лицамъ. Кромѣ ст. г. Чистовича, объ Іовѣ и его школахъ см. 1) Евгенія Словарь, т. I, 301—304, Филарета Обзоръ, № 257; Смирнова Исторія сл.-гр.-лат. ак., стр. 71—73; Амвросія Ист. р. іер. I, 80—81 и 388—389; Смѣловскаго Братья Лихуды Ж. М. II. Пр. 1845, № 2, отд. V, 58 стр. и др. болѣе мелкія статьи. Въ вопросѣ о Новгородскомъ училищѣ названные ученые не сходятся въ томъ, что по однимъ Іовъ завелъ два училища, а по другимъ одно. Какъ надо примирить это разногласіе, скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Такая мѣра, удовлетворяя мѣстныя нужды, прекрасно гармонировала съ общимъ стремленіемъ русскаго народа къ просвѣщенію, обнаружившимся съ особенною силою въ Москвѣ съ конца XVII столѣтїя.

Для приведенія въ исполненіе своего рѣшенія, митр. Іовъ обратился къ Лихудамъ, которые послѣ 1701 или 1702 года находились въ заточеніи въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Съ дозволенія государя онъ вызвалъ братьевъ Іоанникїя и Софронїя изъ Ипатьевского монастыря въ Новгородъ и, при ихъ ближайшемъ содѣйствїи, подлѣ своего архіерейскаго дома выстроилъ обширное двухэтажное зданіе для школы. Вполнѣ была устроена школа, и въ ней началось ученіе не ранѣе конца іюня 1706 года, насколько можно судить по письму митрополита Іова къ Сергіевскому архимандриту Сильвестру. Въ этомъ письмѣ, отъ 26-го іюня 1706 года, митр. Іовъ, извиняясь передъ архимандр. Сильвестромъ въ томъ, что не отвѣтилъ на два письма послѣдняго, причиною такого промедленія называетъ болѣзнь свою и «суетнїе и попеченіе о уготовленїи и установленїи новыхъ здѣ (т. е. въ Новгородѣ) школь». Упомянувъ затѣмъ о ревностной педагогической дѣятельности братьевъ Лихудовъ, онъ продолжаетъ: «И сего іунія, дне 24, мнози отъ учениковъ латинославенскую грамматику начали»¹⁾. Впрочемъ, въ виду другого письма митр. Іова, гдѣ онъ говоритъ: «... дарова (Богъ)... всему Новуграду... новое училище съ велимъ тщанїемъ учителей, Іоанникїя и Софронїя Лихудіевыхъ, и самыхъ сущихъ учениковъ многихъ числомъ на еллинскомъ діалектѣ нынѣ, въ будущее же и латинскому хотящимъ ученіе преподастся...»²⁾, необходимо допустить, что Лихуды и раньше іюня мѣсяца начали правильное обученіе. Приведенные отрывки изъ писемъ митр. Іова, между прочимъ, даютъ достаточно данныхъ для рѣшенія вопроса: одну ли школу открылъ митр. Іовъ въ Новгородѣ при архіерейскомъ домѣ или двѣ. Во второмъ отрывкѣ митр. Іовъ говоритъ *объ одномъ училищѣ* («новое училище»), изъ чего ясно, что школа была одна. Если же нѣкоторые ученые говорятъ объ открытїи двухъ школъ — греко-латинской и славенской —, то ихъ ввело въ заблужденіе, по всей вѣроятности, не точное выраженіе самого Іова, который въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Слава Богу, въ домѣ у насъ, *въ двухъ школахъ*, греческимъ, славенскимъ, латинскимъ письменамъ учащихся учениковъ (изъ разныхъ чиновъ) много обрѣтается и зѣло добре принялись; понеже учителя съ великимъ усердствомъ ко учительству прилежать, и въ переводѣ книгъ греческаго и латинскаго діалектовъ зѣло великое усердство пмѣютъ»...³⁾. Очевидно, митр.

1) См. Странникъ, 1861 г., № 2, 79 и 90 стр.

2) Ibid. стр. 127.

3) Ibid. 132 стр.

Иовъ сперва открылъ одно отдѣленіе въ своей Новгородской школѣ, въ которомъ преподавали по-гречески и по-славянски. Когда же въ ново-открытомъ училищѣ дѣло сразу наладилось, и учителя и ученики ревностно занялись науками, о чемъ митр. Иовъ съ радостью извѣщаль Хутыискаго архимандрита Θεодосія, тогда прибавлено было второе отдѣленіе, въ которомъ преподавали по-латыни. Иначе едва ли можно представлять дѣло, такъ какъ эта школа находилась въ одномъ зданіи.

Первыми основателями, учителями и начальниками въ Новгородской школѣ, а равно и главными помощниками митр. Иова были, какъ уже сказано выше, братья Лихуды. Но при нихъ вскорѣ, въ качествѣ помощниковъ при обученіи и переводѣ книгъ, являются ихъ Московскіе ученики. Это очевидно изъ слѣдующихъ словъ письма митр. Иова: «... Непрестанно бо на кійждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ письменамъ, въ грамматицѣ сущимъ, безъ всякаго сокровенія вседушно обучаютъ, и мнози отъ нашихъ новыхъ учениковъ не токмо греко-славено-латинскую грамматику добрѣ изучиша, но и въ разглагольствахъ и въ писаніи литеръ по премногу искусни суть. *При нихъ же* (т. е. при Лихудахъ) *нѣщны и старіи отъ монаховъ и мірскихъ, преждебывшіи на Москвѣ ученики, для ученія и переводу книгъ греколатинскихъ съ радостію у насъ трудятся*¹⁾. Такимъ образомъ, въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма митр. Иова ясно указывается кругъ занятій братьевъ Лихудовъ и ихъ помощниковъ: они не только обучали учениковъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ письменамъ и грамматикѣ, но занимались еще переводомъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій тогдашній литературный языкъ. Переводовъ было много, но не все необходимое для нихъ было подъ руками у митр. Иова. Поэтому онъ долженъ былъ обращаться къ разнымъ лицамъ и даже царю за помощью. Особенно онъ хлопоталъ о присылкѣ ему *Лексикона* Епифанія Славинецкаго²⁾ и такъ называемой *Верхней Типографіи*, заведенной Симеономъ Полоцкимъ и лежавшей въ Москвѣ безъ употребленія. Такъ, въ декабрѣ 1707 года онъ писалъ царю: «По вмянному твоему указу, великій Государь, ради *Лексикона* Епифаніевскаго и *печати* Симеона Полоцкаго... послахъ къ Москвѣ Софронія учителя Лихудіева... Молю убо царское твое Величество, яко да укажеша реченный Лексиконъ съ печатного двора на время... отдать Софронію»³⁾. О томъ же писалъ митр. Иовъ и адмиралу Федору Матвѣевичу Апраксину:

1) Ibid. 119 стр.

2) О словарѣ Еп. Славинецкаго см. мою статью въ Русск. Филологич. Вѣсти. 1890 г. №№ 2 и 4. Тамъ указана и литература предмета.

3) Странникъ, 1861 г., № 2, стр. 81. «Еще же дабы повелѣло монаршество Его взяти ми печать Симеона Полоцкаго, что называся Верхняя типографія... (ibid. 119 стр.)»

«Великій Государь въ Санктъ-Петербургѣ, по доношенію вашему и мнѣ самолично присутствующу, пожаловалъ мнѣ на время *Лексиконъ* Епифаніевской съ печатнаго двора». . . «Просимъ тебе господина — изволь его царскаго Величества доложить, чтобъ государь пожаловалъ — повелѣлъ отписать къ боярину Ивану Алексіевичу Мусину-Пушкину объ отдачѣ ко мнѣ, на самое малое время, посланному моему, съ распискою, съ печатнаго двора, *Лексикона* Епифаніевскаго для совершеннаго по переводѣ оныхъ посланныхъ латинскихъ книгъ исправленія». . .¹⁾ По поводу переводческой дѣятельности братьевъ Лихудовъ и ихъ учениковъ приходилось митр. Іову обращаться и съ другого рода просьбами, а какого — видно изъ слѣдующаго письма къ Ѳеодору Полкарповичу Поликарпову: «Уже въ четвертый разъ докучая, пишу твоей доблести о исправленіи службы прежде бывшія и новосочиненныя отъ учителей и господъ, честнѣйшихъ іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ, — пролога, стихирь и канона Мудрости Бога Слова. Но отповѣди о семъ отъ изыщества вашего не улучихъ. Не могу разумѣти, чесо ради сему дѣлу бысть препятіе? Сего ради нынѣ посылаю отъ себе къ вашей милости парочнаго, и съ нимъ отъ учителей ибѣкія книги греко-латинскія и сей прологъ, стихирь и канонъ на греческомъ діалектѣ — тѣже и славенски преведенные въ тетрадѣхъ, особливо запечатанныя моею келейною печатію. Молю твое великодушіе, благоволи пожаловать посмотреть и исправить, якоже лѣпотствуетъ²⁾».

Несмотря на указанныя въ только что приведенномъ письмѣ митр. Іова къ Ѳ. Поликарпову препятствія, переводческая дѣятельность братьевъ Лихудовъ и ихъ помощниковъ не только не сокращалась, но съ каждымъ годомъ расширялась до того, что на помощь существовавшимъ переводчикамъ необходимо было призвать новыхъ. Просьбы митр. Іова о присылкѣ въ Новгородъ переводчиковъ начинаются съ самаго того времени, когда заведена была имъ при своемъ архіерейскомъ домѣ школа. Первымъ переводчикомъ (по времени), присланнымъ, по просьбѣ митр. Іова, въ Новгородъ, былъ монахъ Николаевскаго Переяславскаго монастыря Савватій. О присылкѣ его въ Новгородъ просили митр. Іовъ и братья Лихуды, какъ это видно изъ слѣдующаго письма перваго къ Ѳ. Поликарпову: «Просимъ твою по Господѣ благость, благоволи пожаловать повелѣти, любви ради Божїи и пользы Христовы Церкви, по приказу боярина Ивана Алексѣевича и по писму къ твоей милости мудрѣйшихъ и словеснѣйшихъ учителей, преподобнѣйшихъ іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ, изъ Переславля Николаевскаго монастыря, иже на Болотѣ, господину строи-

1) Ibid. 118, 124 стр.

2) Ibid. 125 стр.

телю монаху Питириму, прислати къ намъ въ великій Новградъ монаха Савватія¹⁾, безъ закосненій». . .²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1710 году, митр. Іовъ обратился къ Я. Н. Римскому-Корсакову съ просьбою, чтобы онъ ходатайствовалъ о присылкѣ въ Новгородъ переводчика Николая: «. . . еще бо книга не вся въ переводѣ о Православіи, точію на греческомъ діалектѣ написана, а другая начана. Зѣло бы азъ желалъ Николая переводчика, сицевыхъ ради нуждъ, аще пожалуютъ³⁾. Та же просьба повторена была имъ и въ 1711 году, когда онъ былъ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, 28-го февраля 1712 года въ письмѣ къ тому же Римскому-Корсакову онъ еще разъ проситъ о присылкѣ переводчиковъ; на этотъ разъ, кромѣ упомянутаго выше Николая, проситъ еще Карпа Ѳеодорова, а также монаховъ Германа и *Каріона Истомина*: «Прежде сего года, бывшу ми въ Санктъ-петербургѣ, билъ челомъ азъ убогій о присланіи съ Москвы переводчиковъ, которые сами весьма желаютъ у насъ присутствовать — о Николаѣ Семеновѣ, за котораго нынѣ намъ билъ челомъ своякъ его, учитель Царевичевъ, Никифоръ Кондратьевичъ Вяземскій, о другомъ — Карпѣ Ѳеодоровѣ и о монасѣхъ Германѣ и *Каріонѣ*, иже обрѣтаются въ монастырѣ Чудовѣ. Благоволи пожаловать объ отпускѣ ихъ и указѣ съ Москвы въ Новъ-городъ повелѣнное исполненіе сотворити⁴⁾. На этотъ разъ просьба митрополита была уважена, о чемъ свидѣтельствуется, во первыхъ, извѣстіе, что Каріонъ Истоминъ, по просьбѣ митр. Іова, былъ переведенъ изъ Москвы въ Новгородъ (см. *ibid.* 99 стр., примѣч. 1); во вторыхъ, то, что въ письмахъ митр. Іова къ Римскому-Корсакову въ послѣдующіе годы нѣтъ больше и помину о присылкѣ переводчиковъ: вѣроятно, они прибыли въ Новгородъ вмѣстѣ съ Каріономъ Истоминымъ.

Какъ бы то ни было, но съ прибытіемъ Каріона Истомина, которому удобно было оставить Москву, такъ какъ съ 1701 года онъ уже не служилъ на печатномъ дворѣ, и другихъ переводчиковъ должна была оживиться дѣятельность Лихудовъ. Они даже расширили курсъ ученія: въ школѣ преподавалась не только греческая и латинская грамматика, но піитика, реторика и часть логики. Тѣмъ болѣе должна была усилиться переводческая дѣятельность, при участіи такихъ трудолюбивыхъ и ревностныхъ поборниковъ просвѣщенія, какимъ былъ Каріонъ Истоминъ. Онъ (надо

1) Этотъ монахъ Савватій былъ присланъ въ Новгородъ въ 1706 году. Потомъ съ 1720 по 1729 годъ былъ первымъ учителемъ въ Нижегородскихъ школахъ, заведенныхъ преосвящ. Питиримомъ.

2) *Ibid.* стр. 134.

3) *Ibid.* 86 стр.

4) (*Ibid.* 98—99 с.). На основаніи письма Каріона митрополиту Іову отъ 3-го марта 1710 года, напечатаннаго г. Шляпкинымъ, можно заключить, что и до 1712 года Каріонъ имѣлъ постоянныя сношенія съ Новгородскимъ митрополитомъ.

предполагать) съ готовностью и добровольно («которыя сами весьма желаютъ у насъ присутствовать») переѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ, когда узналъ, что тамъ могутъ пригодиться его знанія, для насажденія горячо имъ любимой науки.

Сколько лѣтъ провелъ Каріонъ въ Новгородѣ, обучая въ школѣ и переводя книги съ греческаго и латинскаго языковъ, съ точностію сказать нельзя. Всѣ ученые (названные нами въ «Обзорѣ литературы предмета»), говорятъ въ этомъ случаѣ, неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ, что въ Новгородѣ онъ оставался недолго: въ началѣ слѣдующаго 1713-го года онъ будто бы уже былъ въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Съ такимъ голословнымъ утвержденіемъ вообще трудно согласиться, а въ данномъ случаѣ тѣмъ труднѣе, что это утвержденіе находитъ себѣ рядъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить скорый отъѣздъ Каріона изъ Новгорода, когда присутствіе его было необходимо, такъ какъ митр. Іовъ въ упомянутомъ уже письмѣ (отъ 28-го февраля 1712 года) къ Римскому-Курсакову жаловался на оскудѣніе тамъ людей, годныхъ для перевода книгъ? Какъ согласить съ этою жалобою то обстоятельство, что митр. Іовъ не могъ удержать въ Новгородѣ Каріона, который извѣстенъ былъ и какъ переводчикъ, и какъ оригинальный писатель? Мало того. Митрополитъ Іовъ, увидѣвъ, что Новгородская школа окрѣпла, рѣшился завести подобныя же по всей своей епархіи. И дѣйствительно, къ 1714 году въ Новгородской епархіи, кромѣ знакомой намъ школы при митрополищемъ домѣ, было 14 малыхъ школъ: Знаменская, Николаевская, Великолуцкая, Новоторжская, Каргопольская, Старо-русская, Устюжно-желѣзнопольская, Олонецкая, Тихвинская, Селовалдайская, Бѣжецкая, Петрозаводская, Хутынская и Юрьевская¹⁾. Для заведенія этихъ школъ, для обученія въ нихъ всякаго званія дѣтей нужны были опытные и знающіе дѣло люди. Какъ же митр. Іовъ могъ отпустить отъ себя такого опытнаго педагога, какимъ былъ, судя по его учебно-педагогическимъ трудамъ, Каріонъ Истомицъ? Выставленные нами противорѣчія исчезаютъ, какъ только мы признаемъ утвержденіе нѣкоторыхъ ученыхъ о скоромъ отъѣздѣ Каріона изъ Новгорода — мнѣемъ и простымъ домысломъ. Не естественнѣе ли предположить, въ виду выясненнаго выше положенія дѣлъ въ Новгородской епархіи при митр. Іовѣ, что Каріонъ Истомицъ прожилъ въ Новгородѣ нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ до кончины митр. Іова († въ февралѣ 1716 года²⁾).

1) См. Амвросія Ист. р. іер., I т., 589 стр.

2) Наше мнѣніе какъ бы находитъ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что слово объ иконахъ Оковецкихъ написано въ 1717 году уже въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Въ промежутокъ времени между 1713 и 1717 годами. Каріонъ ничего не написалъ, потому что это время проводилъ въ Новгородѣ, занятый переводами.

По кончишѣ этого послѣдняго, какъ извѣстно, уѣхаль изъ Новгорода и Иоанникій Лихудъ (Софроній уже не былъ въ Новгородѣ съ 1708 года), одинъ изъ основателей школы; его мѣсто заступили его ученики, — такъ сказать, младшее поколѣніе педагоговъ смѣнило старшее. Въ это то время всего вѣроятнѣе уѣхаль изъ Новгорода и нашъ іеромонахъ Истоминонъ, быть можетъ, въ сообществѣ съ другими переводчиками, которыхъ въ свое время вызвалъ изъ Москвы покойный митр. Іовъ. Не соглашаясь, такимъ образомъ, съ мнѣніемъ нашихъ предшественниковъ о количествѣ времени, проведеннаго Каріономъ въ Новгородѣ, мы, къ сожалѣнію, противъ ихъ ни на чемъ не основаннаго утвержденія выставляемъ лишь свое предположеніе — оружіе слабое и ненадежное. Утѣшаемся мыслию, что наше предположеніе болѣе согласно съ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ и съ дальнѣйшею жизнью нашего писателя.

Сколько лѣтъ продолжалась жизнь Каріона, по возвращеніи изъ Новгорода, трудно опредѣлять точно. Наши предшественники въ этомъ случаѣ говорятъ глухо — «по возвращеніи въ Москву скоро скончался въ Чудовѣ монастырѣ», только одинъ арх. Филаретъ называетъ годомъ смерти Каріона 1713-й годъ. Если и другіе ученые подъ неопредѣленнымъ «скоро» разумѣли именно 1713-й годъ, то они все неправы. Не умѣя точно опредѣлить годъ смерти нашего писателя, мы укажемъ только на слѣдующую приписку, находящуюся въ концѣ «Слова объ иконахъ Оковецкихъ»¹⁾. «Сіе счинися и написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ обители святаго архистратига Михаила Чюда его, бывшаго въ Хонѣхъ, и великаго іерарха святаго Алексія, митрополита московскаго и всеа Русіи чудотворца, жителствующимъ въ ней хуждшимъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминонымъ, лѣта отъ мірозданія 7226, рождества Иисусъ Христова 1717, въ мѣсяцѣ септемврія, иже въ типографіи царскаго пресвѣтлаго величества приказный исправщикъ бысть».

На основаніи этой записи можно положительно сказать, что Каріонъ умеръ послѣ сентября 1717 года и, безъ сомнѣнія, погребенъ въ Чудовскомъ монастырѣ, на монастырскомъ кладбищѣ, гдѣ вмѣстѣ съ святителями, боярами, архипастырями погребались и монахи²⁾.

Можетъ быть, правъ покойный арх. Леопидъ, который въ «Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей» называетъ временемъ смерти Каріона Истомина 1722 годъ, 26-го января, хотя онъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не указалъ, откуда почерпнулъ такое свѣдѣніе.

1) Въ рукоп. Флорищевой пустыни, № 150.

2) См. Памятники Московской древности, 141—142 стр.

Такова жизнь и дѣятельность Каріона Истомина, насколько выяснилась она, послѣ изученїа имѣвшагося въ нашемъ распоряженїи матеріала. Но въ этой части сочиненїа мы представили только *внѣшнюю сторону* жизни и дѣятельности нашего писателя. За этою стороною скрывается другая болѣе важная и цѣнная сторона — *внутренняя*. Эту послѣднюю, внутреннїй мїръ Каріона, его воззрѣнїа и идеалы, раскроютъ предъ нами его сочиненїа, поскольку они отразили личность ихъ автора. Поэтому во второй части изслѣдованїа будутъ рассмотрѣны сочиненїа нашего писателя, и только тогда попытаемся мы высказать наше заключительное сужденїе о немъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ извѣстнаго времени, и опредѣлить общее историческое положенїе его личности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Описание сборниковъ Чудовской библіотеки.

I. Сборникъ № $\frac{98}{300}$.

Рукопись состоитъ изъ 536 помѣченныхъ чернилами листовъ въ четвертку (есть пропущенные помѣтою листы), въ бумажномъ переплетѣ, съ кожанымъ желтымъ корешкомъ, съ завязками вмѣсто застежекъ. На первой доскѣ переплета съ наружной стороны написано чернилами: «Истоминъ»; нѣсколько ниже наклеенъ четырехугольный кусокъ бѣлой бумаги, на которомъ обозначены нумера старой помѣты 107 и 223; еще ниже наклеенъ такой же кусокъ голубой бумаги, на которомъ обозначенъ номеръ новой помѣты $\frac{98}{300}$. Вся почти рукопись писана рукою Каріона Истомина.

Начинается сборникъ проповѣдями.

На лл. 1—5 и еще на одномъ пропущенномъ помѣтою находится слово на текстъ: «Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего. Слова пророка Давида въ псалмѣ чѣ». Начало: «Зѣло сладостно есть слышати всякой души христіанстѣй, возвѣщеніе благо, его же никогда надѣяся слышати, и услышитъ благовѣрніе людіе»¹⁾.

лл. 6 — об. 8: Слово на т.: «Радуйтесь чада, и возопійте ко Богу, и избавитъ васъ отъ насилія руки вражія. Слова пророка Варуха. глава дѣ». Нач.: «Кто воспоминаніемъ въ день сей, явленныя всему миру, велія радости неувѣсть Божественныя въ сердцахъ сладости».

лл. 10—15²⁾: «Слово учительное въ день Преображенія Господа нашего Иисуса Христа мѣа августа въ 5^ѣ» на т. «И возведе ихъ на гору високу едину». . . Нач.: «Кто восхоцетъ себе вѣки». . .

лл. 16—29: «Слово о иконѣ чудотворнѣй Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи зовемыя Смоленскія, яже въ царствующемъ градѣ Москвѣ

---

1) Какъ здѣсь, такъ и ниже приводится текстъ подлинника буквально, безъ всякихъ измѣненій.

2) Листы 9 и об. 8 частію чисты, частію представляютъ черновые наброски, такъ сказать, пробу пера.

виново-девичѣ монастырѣ, во обитанія монахиней пребываетъ». Нач.: «Исполненный духа святаго Богодѣланный словесный органъ царствующій пророкъ Давидъ возгласи: Богъ нашъ на небеси и на земли вся елика восхотѣ и сотвори»...

На л. 30, чистомъ, внизу написано: «Предисловіе», что, безъ сомнѣнія, надо отнести къ написанному дальше на лл. 31—37 предисловію, которымъ Каріонъ Истоминъ предварилъ свой переводъ книги Августина «Боговидная любовь». Тутъ помѣщено оно въ черновомъ видѣ, а на-бѣло оно находится въ рукоп. № 291 на лл. 23—38. Оно печатается нами сполна въ приложеніи.

лл. 38—45: Слово на т.: «Чудо быхъ многимъ. Слова святаго пророка и царя Давида во псалмѣ ѿ». Нач.: «Премногая чудеса всетворящій нашъ Богъ сотвори и творитъ непрестанно живущимъ на земли чело-вѣкомъ, благословенніи христіяне»... Внизу л. 45 помѣта: «Написася ѿ мѣсѣца марта въ кѣ».

лл. 46 — до обор. 47: «Извѣщеніе благочестивымъ людемъ, обоого пола христіаномъ, чествующимъ икону пренепорочныя Дѣвы Бѣны Мрїи спревѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисъ Хрѣстомъ. Ея же Богоматере видѣ души чело-вѣковъ просвѣщаетъ, и любящимъ ю премногія пользы и здравіе тѣлесамъ дарствуетъ». Суть извѣщенія состоитъ въ слѣд.: «... Ея Богоматере Дѣвы Мрїи икону тщаніемъ моимъ написахъ, желаніемъ же и обѣщаніемъ моимъ презѣлно усердствую украсити сребрянымъ окладомъ и на совершеніе вдостатокъ того нынѣ не имѣю (оборот. л. 46). Сего ради прошу ваше христіанское благочествующихъ сословіе... сотворити подаваніе»... «Сіе боголюбивымъ душамъ, во усердіи предложи разряднаго приказа подьячей Григорій сын Осетровъ лѣта Господня ѿ октовріа мѣца». Писано «извѣщеніе» рукою Каріона Истомина, безъ сомнѣнія, по просьбѣ Григорія Осетрова. На обор. л. 47 помѣщены стихи, написанные Каріономъ, когда умерла «царска столника жена Іоанна Борисова сына Зубова Парамонова дщерь Скворцова знатна лѣта Господня ѿ февраля 3̄ дня».

л. 48 — до обор. 52: Сл. на т.: И бѣ мати Іисусова ту Слова святаго евангелиста Іоанна Богослова, въ главѣ второй». Нач.: «Идѣже Іисусова мати пребываетъ, тамо всякъ вѣрный со всякимъ тщаніемъ да прибѣгаетъ, людіе благовѣрніи»...

Послѣ обор. л. 52 находятся три листа, не помѣченные и занятые словомъ на т.: «Предста царица одесную тебе». Нач.: «Кіа чело-вѣки грѣху суще рабы, нынѣ ищите себѣ свободы; егда веселится вся тварь, и всяко дыханіе хвалитъ Господа вонъ же часъ егда предвѣчное однородное слово очее Господь нашъ Іисъ духомъ возрадовася, по свидѣтельству Божествен-

ного луки Евангелиста, глаголюща сице: втой же часъ возрадовася духомъ Іисъ. И когда радованіе бываетъ; Егда царю царица предстанеть. Яко дия вынѣшняго, предста царица одесную великаго царя небеснаго»...

лл. 53 до обор. л. 54: Сл. на т.: «Вострубите, вострубите на холмѣхъ, возгласите на высокихъ, проповѣдите вдуму Господни. Сія словеса святаго пророка Іосіи писанныя во главѣ ѿ». Нач.: «Что проповѣдати подобаеть; словеса вседержителя Бога. Что возглашати есть лѣпо; дѣла Господня въ вѣрѣ и истиннѣ. Трубити же что есть; совершенное жителство чело-вѣкомъ во всякое опаство. во еже возможи противитися во дни лютыя невидимымъ и видимымъ врагомъ naszymъ»... Помѣта: «писася сіе зрѣз лѣта мая въ аї ко бї». Это же слово находится и въ переплетенномъ сборникѣ Москов. Синод. библ. № IV, лл. 355—359. Ср. Зубовскій: «Къ біографіи Сильвестра Медвѣдева». Жур. Мин. Нар. Пр. 1890, № 9, 154—155 стр.

На сбор. л. 54 находятся: «Стіхи на изображеніе клейма», состоящіе въ объясненіи различныхъ частей архіерейскаго церковнаго одѣянія: шапки, креста и т. д. Нач.: «архіерейска чина служеніе созерцай здѣ всякъ и ризношеніе.

лл. 55—59: Сл. на т.: «Предзрѣхъ Господа предомною выну, яко одесную мене есть да не подвижуся. Глаголы духа стѣго усты давидовыми». Нач.: «Благосодѣланная Божія святыня челоуѣкъ, иже уготованъ бысть руками Господними славити имя Его святое, и кланятися ему долженъ есть всячески да созерцаеть Господа сотворшаго небо и землю во всемъ [благословенніи христіане] зане посредѣ земли сердца своего возможетъ творити судъ и правду, и въ грѣховныя соблазны не подвижется всегда»... На обор. л. 59 приписка: «Сего зрѣз лѣта мѣсяца поемврія въ кѣг сіе слово начерно написася, и преписано, и чтено вверху въ церкви святыя Екатерины въ бѣд на литургіи при государѣхъ царѣхъ. за благословеніемъ святѣйшаго патріарха Іоакима чель протопопъ Іоаннь Григорьевъ».

лл. 60—61: Сл. на т.: «Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете. Словеса святаго апостола Іакова. во главѣ ѿ». Нач.: «Повсюду вся благочестивыя и православныя христіаны, единого церкви стѣя восточныя мудрованія, не точію суть друзи [о людіе Божіи] имже стѣий апостолъ (разум. Павелъ) молитися въ едишеніи духа завѣщаваеть, по главу Іиса Хрѣа и едну вѣру имуце, вси есмы едню тѣло, и уди Хрѣтва»... На л. 61 приписка: «писася зрѣз лѣта мая мѣца въ бї числѣ, и чтено въ соборнѣй церкви неединоци¹⁾».

1) Ср. переплет. Сбор. Моск. синод. библ. № IV, гл. 360—364; ср. ст. Зубовскаго *ibid.* 155 стр. примѣч. 2.

На обор. л. 61 сперва — Стихи царю Петру Алексѣевичу, въ которыхъ іеродіакопъ Каріонъ Истоминоу молитъ Богородицу и Сына Ея, чтобы они дали царю здравіе и чадь, чтобы дѣти его возросли и воцарились послѣ него. Написаны «вседь тысящъ сто седьмъ девятысятъ лѣто іюня луны».

Ниже — стихи кн. Василю Васильевичу Голицыну, котораго Каріонъ называетъ себѣ «любимичемъ», прославляетъ его походы на крымскихъ татаръ и желаетъ, чтобы онъ скорѣ увидѣлъ царскія очи и получилъ милость и похвалу отъ царей.

л. 63: Извѣстіе о смерти Адріана 15-го октября 7209 года и стихи на его кончину. Они будутъ приведены ниже.

лл. 64—69: Сл. на т.: «Братіе, бодрствуйте, стойте въ верѣ, мужайтесь укрѣпляйтесь, вся вамъ любовію да бывають. Слова св. ап. Павла въ посланіи Коринѳяномъ ^а иныишняго дне чтомья». Нач. «Многія и различныя пути ко спасенію Спаситель нашъ Іисъ Хрѣсъ предложи чловѣкомъ на земли, ими же бы благоразумно текущія обрѣли славу, и жизнь вѣчную въ небесѣхъ [православный монархо, благочестивый царю и вси людіе господни]». . . Надъ словомъ на л. 64 написано: «зѣи августа въ зѣи въ аи часу начато писать, и совершено въ ии въ д часу, въ седьмъ часовъ. не чтеся же за умедленіемъ въ той въ ии д. въ недѣлю».

Л. 70 занятъ разными стихотворными и прозаическими набросками: сперва стихи поздравительные на Рождество Христово, замѣчательные своей формой — четыре полустішія — Преславному чуду (являшуся всюду) всякъ присмотрися (Богу дивися). Како незримый (всѣми любимый) Іисъ Хрѣтосъ (вплоти днесъ возросъ. Затѣмъ начаты стихи царевнѣ Θεодосіи Алексѣевнѣ.

л. 71: «Благому и избранному Пастырю христіанскаго сословія Преосвященному Господину отцу Евѳимію митрополиту велико-новгородскому и великихъ лукъ попремному здравствовать и въ Господѣ радоватися». Письмо къ митроп. Новгородскому Евѳимію отъ кн. Петра Ивановича Прозоровскаго, какъ видно изъ подписи: «Требующій твоего архіерейскаго благословенія и молитвъ святыхъ бояринъ князь Петръ Прозоровскій челомъ бьетъ». Дата письма: «Изъ Москвы зѣг лѣта іюліа г дне». — Въ письмѣ кн. П. Прозоровскій проситъ Евѳимія увѣдомить о его прибытіи въ Новгородъ (письмо писано вскорѣ послѣ назначенія Евѳимія въ Новгородъ изъ Крутиць, которое состоялось 14-го апрѣля 1695 года (см. Амвросій: Исторія російской іерархіи, т. I, 80; Строевъ: «Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей р. ц.» 37 стр.) и прислать вмѣстѣ съ отвѣтомъ благословеніе; проситъ также, чтобы онъ, Евѳимій, пріятствовалъ единокровному брату его князю Борису Іоанновичу Прозо-

ровскому, живущему въ Новгородѣ. Письмо писано рукою Каріона Истомина и составлено, несомнѣнно, по просьбѣ кн. Прозоровскаго.

лл. 72—74: Сл. на т.: «Глаголетъ Господь: дахъ васъ имениты въ похваленіе во всѣхъ людехъ земли. Словеса сія написана вкнизѣ святого пророка Софонїя глава Г». Нач.: «Особно всеблагїй творецъ нашъ Богъ оныя челоуѣки въ похвалу подаваетъ и творитъ имениты, иже долгъ челоуѣчества, и чина своего соблюдаютъ»...

лл. 75—77: «Благочестивый великій Государь царь Іоаннъ Алексіевичъ всея вел. и мал. и бѣлыя россіи самодержецъ и вси благословенїи христїяне услышите». На обор. л. 77: «Сїе чтено въ соборной церкви іюліа въ лѣтѣ предъ молебнымъ благодарнымъ пѣніемъ во вторникъ». Это рѣчь патріарха Адріана предъ благодарственнымъ молебномъ по случаю полученія отъ царя Петра Алексѣевича изъ-подъ Азова къ брату его Іоанну Алексѣевичу письма съ извѣщеніемъ о взятїи двухъ каланчей турецкихъ 14-го и 16-го іюля и о вѣроятномъ скоромъ взятїи и самой крѣпости. Рѣчь писана рукой К. Истомина и составляетъ подробный пересказъ письма Петра Ал. къ ц. І. Алексѣевичу отъ 17-го іюля 1695 года, напечатаннаго въ I т. Писемъ и бумагъ имп. Петра Великаго, стр. 38—39, Спб. 1887 года.

лл. 79—80: Сл. на т.: «Да будетъ воля твоя. Словеса Іиса Хрѣста преданная въ молитву непрестанную всѣмъ людямъ Божиимъ». Нач.: «Мудрый царь израилевъ Соломонъ, въ премудрости словесѣхъ сице вѣщаетъ: кто бо челоуѣкъ познаетъ совѣтъ Божїй: и кто помыслитъ что хочетъ Богъ»;... На л. 79 внизу: «Февраля въ кѣтѣ въ трїехъ часѣхъ написася зрѣче лѣта, въ постъ день вторникъ ничтено же въ церкви ради продолженія».

лл. 81—86: Слово на т.: «Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ. Словеса Богоматере дѣвы Бѣны Марїи». Нач.: «Премногая богатства благости своя всеблагїй Господь сотвори всѣмъ благоувернымъ челоуѣкомъ въ преблагословеннѣй Дѣвѣ Марїи матери своей (православнїи людїе)»... Въ концѣ: «зсѣгъ лѣта. мѣсяца іюліа въ кѣтѣ писано. На праздноство тифинскїя іконы чтесе въ Петровскомъ селѣ».

лл. 87—90: «Слово на свят. великомуч. Никиту септемврїа въ еїѣ — на т.: «Ищите прежде царствїя Божїя и правды его. Словеса Спасителя нашего Іиса Хрѣста въ благовѣстїи евангелиста Матѣеа. въ гл. 5.» Нач.: «Удивительныя вещи на всей вселеннѣй содѣланныя бывшыя, и нынѣ сущыя, и быти имущыя, тцанїемъ и исканїемъ дѣлашася»...

лл. 91—96: Сл. на т.: «Прїидите чада послушайте мене страху Господню научу васъ. Словеса Духа святаго глаголашья пророкомъ и царемъ Давидомъ во псалмѣ лѣтѣ». Нач.: «Кю блаженному и Евангелскому

житію зѣло потребно есть всѣмъ намъ ученіе (благосл. христіане) имже бы возмогли въ мори семъ житейскомъ отъ всякихъ злоключеній спастися и получили бы первую нашу доброту зданія, юже по изгнаніи изъ прекраснаго рая погубихомъ и подпадохомъ всеядной смерти за грѣхи наша»...

лл. 97—100: Сл. на т.: «Егда же услышите брани и нестроенія, не убойтесе. Лука гл. ѧа». Нач.: «Истинно, благословеннїи христіане, не токмо отъ слуха, но и отъ зрѣнїя въ мїрѣ семъ нестройства приключаящася люди Господни не боятся страха, зане надѣющесе на Господа, правдиви суще, яко лви въ жизни сей ходятъ»... На обор. л. 100 внизу: «зрѣчѣ лѣта сіе преписано и чтесе святѣйшимъ патріархомъ въ соборнѣй церкви предъ молебномъ при благочестивыхъ царѣхъ и царевнѣхъ бояромъ и воеводомъ въ полки идущымъ февраля въ ѧа во вторникъ г̄ недѣли поста. написася въ понедѣльникъ въ ночь». То же самое слово находится и въ рукописи Московск. Синодальной библиотекы № 221 на лл. 476—488. (Ср. Горскаго и Невоструева: Описаніе рук. моск. синод. библ. № 261).

лл. 101—102: Сл. на т.: «Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ. и идѣже есмь азъ, тамо и слуга мой будетъ. Слова Господа нашего Іиса Хрѣта написанные евангелистомъ Іоанномъ, во главѣ вї¹)». Нач.: «Истинно убо, кто служитъ Господеву Богу, возимѣетъ здѣ, и въ пренебесномъ блаженствѣ радость многу»... То же слово встрѣчается въ неперепл. сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 205—211, только въ значительно измѣненномъ видѣ²).

лл. 103—105: Слово на т.: «Нерукотворенная бо святая вииде Христось, противоположна истинныхъ. но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ». Нач.: «Аще кому либо умное око помрачится, зѣло сердцемъ той смутится. на путь нечести скоро себе уклоняетъ»...

лл. 107—109: Слово на т.: «Освятитесе и будете святы, яко святъ есмь азъ Господь Богъ вашъ, Слова Божія повелѣнная пророку святому Моисею глаголати всему сонму сыновъ Израилевыхъ, въ книгахъ левитскихъ въ главѣ аї и бї». Нач.: «Въ христіанскомъ нашемъ званїи, и во благочестивѣй православнѣй вѣрѣ, въ стоянїи же и послушанїи святыхъ восточныхъ единыхъ церкве (благословеннїи людїе) совершенно освящаемся благодатїю пресвятаго духа»... То же слово см. въ неперепл. Сбор. Москов. Синод. библ. № IV, лл. 197—204; ср. Зубовскаго ст. *ibid.* 155, прим. 2.

---

1) Другое слово на тотъ же текстъ помѣщено ниже, на л. 111, и посвящено памяти Григорїя, архіепископа Новой Кесарїи. Оно представляетъ слѣд. отличїя: 1) послѣ текста написано: «Слова Спасителя нашего Іиса Хрѣта благовѣствованнїя Евангелистомъ Іоанномъ во главѣ вї»; 2) начинается оно: «Веліе благо и душеспасительная жизнь челоѡкомъ (благословеннїи христїане), еже послужити всецедрому безсмертному царю и Богу нашему».

2) Ср. Зубовскаго ст. *ibid.* 155 стр., прим. 2.

Л. 110 занять формами привѣтствій за чашею сперва государю царю, затѣмъ всякому благодѣтелю или благодѣтелямъ. Вотъ одинъ образчикъ такихъ привѣтствій.

«Премилостивыя мои Господа и благодѣтели (или единому).

Праведно философствующіи мужи написаша: идѣже влюдѣхъ добротное во имени Госьподни пріятство сотворяется, влюбви единоправно и домовно посѣщается, впотребственныхъ бесѣдахъ господскихъ или дружескихъ забавляются, тамо свеселыми очесы зрѣнствомъ. слюбезными гласы, радостная сердца имуть быти. И се истинно ваша милость любезнымъ вашимъ пріятствомъ ко мнѣ ту сотвористе. посѣтивши мое домовство. Чесого ради всещедрый Господь вашу милость всякими изрядствы кнаслѣдію вѣчнаго блаженства, вдолготу здѣ дней обдарствовати благоволилъ. Попремногу убо вамъ всѣхъ благополученій усердствуя, обрадованнѣ за здравіе ваше сіе пію». Интересный образецъ застольной рѣчи въ концѣ XVII вѣка!

л. 111—115: Другое слово на т.: «Аще кто мнѣ служитъ... см. выше, стр. 120 примѣч. 1.

л. 117—121: Идетъ разсужденіе, предназначенное для чтенія и направленное противъ еретиковъ. Цѣль автора та, чтобы православные читатели, познакомившись съ его произведеніемъ, удалялись отъ общенія съ еретиками. Эта цѣль на л. 121 высказана въ слѣд. стихахъ:

Благовѣрный (всякъ) се прочти не синовѣрцы стать вездѣ постыдися.
лѣпися

Не токмо съ ними дружество водити, но ни привѣтства къ нимъ лѣть сотворите.

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого строгаго и рѣзкаго по отношенію къ еретикамъ сочиненія. Обор. л. 117: «Вѣру же истинную, и православное церкви святыя преданіе храпящему человѣку, неподобаеть со иноязычники поверцами, и съ еретиками общенія и дружества имѣти, по ихъ яко враговъ Божіихъ и церкви святыя восточныя противниковъ и отступниковъ всячески гнушати». Л. 118: «Кто же суть еретики; являетъ о освященныхъ правилѣхъ утверженіе въ печатной книзѣ кормчей на листѣ хма (приводится правило). Обор. л. 118: «Суть бо явныя еретки, и церкви восточныя отторгшыяся иноязычники поповѣрцы. Лютеры, калвыны, римляны и проклятыя жида. Иже свое зловѣріе содержаще, ради прибытковъ, и сладострастей міра сего живутъ между христіанъ, и сними въ сдружество общатся. и началствовати надъ христіаны хотятъ и въ ратныхъ ополченіяхъ, не суще со христіаны въ единомысліи воеводствууютъ и властвуютъ,

врази суще Богу, и пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ, развратники благочестивыя вѣры, укорители же и досадители церкви Божіи».

На л. 122 собраны доказательства изъ 5 книги Моисея (гл. 17 и 20) той мысли, что православнымъ христіанамъ не подобаетъ быть подъ начальствомъ еретиковъ и сообщаться съ ними, слѣдовательно относится къ предыдущему разсужденію противъ еретиковъ.

л. 123 до обор. л. 130: «Слово в день празднества святаго преподобнаго отца нашего Макарія Желтоводскаго всероссійскаго чудотворца. мѣца іуліа въ «число» на текстъ: «Благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ въ юности своей. плачь Іереміи гѣ». Нач.: «Любомудрый царь израилевъ Соломонъ упразднися видѣти въ мірѣ семь, кую бы человекъ родився въ бытность, въ жизни своей ползу приобрѣталъ, еже горнее и вѣчное блаженство въ небесѣхъ наследовати по законному обѣщанію»...

л. 131 до об. л. 134: Слово на т.: «Бдите убо на всяко время молящеся. Слова Спасителя нашего Іиса Хрѣста написанные евангелистомъ Лукою, во главѣ кѣ». Нач.: «Всегда такой обычай в людехъ бываетъ, благословить Христось, егда кого в путь посылають, и вѣдая въ томъ пути прилучающіяся извѣстныя, и внезапныя бѣды, и напасти, глаголють ему, егда симъ путемъ идиши блюдися и хранися опасно, да не постижетъ тя зло»... То же слово встрѣчается въ неперепл. Сбор. Моск. Синод. библ. IV, л. 328 — 334, съ измѣненнымъ концомъ и нѣкоторыми дополненіями, при чемъ на л. 327: «написана во рѣѣ году въ мѣсяцѣ декабрѣ¹⁾».

Об. л. 134 — обор. л. 135: Слово на т.: «Яко видѣста очи мои спасеніе твое еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей». Нач.: «Въ правду оныя люди спасаются, иже всякого зла дѣла отгребаются, злодѣлатели же погибають, яко грѣхами согнивають, и очима ослѣпляются, его же ради Божія спасенія не видятъ яко беззаконная тма очн ослѣни имъ»... Слово это есть въ рукописи Моск. Синод. библ. № 261 (по Горскому и Невоструеву) лл. 449—456 и въ неперепл. сбор. той же библ. № IV, лл. 335—338; въ послѣднемъ слово имѣетъ отличія. Такъ послѣ текста прибавлено указаніе откуда онъ взятъ: «Слова святаго Симеона, написанные евангелистомъ Лукою» (2 гл. 30). Нач.: «Во истинну оныя люди въ мірѣ семь спасаются и видятъ спасеніе Божіе, иже многочитыми умы своими присно бдятъ, содержаще благозаконныя весла, беззаконное же волненіе прогоняють крѣщѣ»... Конецъ тоже измѣненъ. Внизу л. 335 находится дата хронологич.: «Написано зрѣне лѣта іаннуарія въ 1^л».

л. 136—139: Слово на т.: «Духъ Господень на мнѣ его же ради помаза мя, благовѣстити нищымъ посла мя. Слова Божественнаго про-

1) Ср. Зубовскаго ст. *ibid.* стр. 155, пр. 2.

рока Исаи». Нач.: «Любомудрый царь израилевъ Соломонъ въ приточныхъ своихъ словесѣхъ о благомъ вѣствованіи таково сотвори подобіе: якоже вода студена душѣ жаждущей благоприятна, такоже бысть блага отъ земли далече»...

На л. 140 только написанъ текстъ предполагавшагося слова: «Блажени нищїи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное».

л. 141: Сперва находится извѣстіе о смерти въ 1698 году апрѣля 2-го іеромонаха Тимоѳея, начальника Типографскаго греческаго училища и потомъ справщика печатнаго двора на мѣсто Силвестра Медвѣдева. Каріонъ Истоминъ служилъ съ нимъ на печатномъ дворѣ и хорошо его зналъ¹⁾. Затѣмъ читаемъ на томъ же листѣ такія замѣтки: «Устнїи зовутся губы. Уста же самый ротъ сзубами. Безъ губъ человекъ не можетъ совершенно изглаголати писменъ б, ф, п, м.» Далѣе — Стихи поздравительныя на Пасху или царицѣ Параскевіи или царицѣ Еккатеринѣ Іоанновнѣ.

На л. 142 заслуживаютъ вниманія «Стихи на ікону Златоустову вкнигу Маргаритъ»:

«Іоаннъ святыи Златоустый пастырь   духомъ полезень даде людемъ пла-
стырь.

Книгу Маргаритъ еуже учаше   во Хр̄стѣ жити, добрѣ врачеваше.

Маргаритъ избралъ вкаменїяхъ зна-   здѣ чтыи словеса будетъ благода-
тень   тень».

«Ины стихи».

«Блаженъ Златоустъ Іоаннъ впасом-   учить люди быть въ Христовомъ
ствѣ   знакомствѣ.

Книгу состави Маргаритъ словесный   да чтущїи будетъ житель ввѣкъ не-
бесный.

Всякъ бо слышашїи его ученїе   удобъ получить въ церкви спасенїе».

По всей вѣроятности, стихи предназначались для издававшейся книги І. Златоустаго Маргаритъ въ 1698 году; но не были помѣщены²⁾.

На обор. л. 142: Извѣстіе о смерти Анны Іоанновны, жены протодіакона Московской Успенской великой церкви въ 7195 году марта 9-го и дочери ея тоже Анны въ 7205 году марта 26-го. Тутъ же находятся и «Стихи нагробны» имъ.

л. 143: Краткое привѣтствїе патр. Адріану на Рожд. Хр̄ство.

1) Извѣстіе это приведено въ біографіи К. Истомина.

2) Ср. Пекарскаго: Наука и литература при П. Вел., II ч., № 3.

обор. л. 143 — 146: Рѣчь сказанная патр. Адріаномъ нредъ благодарственнымъ молебномъ по случаю усмиренія бояриномъ Шеиномъ взбунтовавшихся нѣкоторыхъ стрѣleckихъ полковъ въ 1699 году, когда Петръ Великій находился за границей. Рѣчь составлена и написана К. Истоминымъ и имѣеть историческое значеніе, какъ записка современника событія¹⁾.

На обор. л. 146 помѣщена рѣчь патр. Адріана къ боярину Шеину, въ которой приносится послѣднему благодарность за то, что усмирилъ бунтовщиковъ и избавилъ Москву отъ напраснаго кровопролитія. За эту рѣчь помѣщено извѣстіе о смерти іерод. Оеофана, который съ 190 года началъ службу на печатномъ дворѣ вмѣстѣ съ Кар. Истоминымъ; въ 191 году его сдѣлали и книгохранителемъ, оставивъ прежнюю должность чтеца, а съ 199 года назначили справщикомъ. Всѣ должности онъ удерживалъ за собою до смерти, когда на его мѣсто книгохранителемъ назначили монаха Аарона, а справщикомъ — учителя Николая Головина²⁾.

л. 147: «Благочестивѣйшій великій Государь царь и великій князь Петръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержецъ». Двѣ формы привѣтствія Петру по поводу возвращенія его изъ путешествія за границу.

Обор. л. 147: Сперва идутъ объясненія нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, въ родѣ «игумень вождь или предстатель; назорей отлученный или корунованный, ксенодохъ страннопріемный, подиръ риза или одежда архіерейская» и т. п., а затѣмъ: «Веселеилъ сіестъ Скинія Божія внеи же свѣти(ти)льникъ³⁾ Слова Божія учителная, трапеза ученіе, предложеніе хлѣбовъ различныхъ вещедѣйствъ во спасеніе и ползу изрядну Боголюбивымъ читателемъ и слышателемъ людемъ Божиимъ. Благодатію всесвятыя Троицы Божественныя, во славу святаго имене его. впрестательствѣ все-непорочныя небесныя царицы. Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи водрузися въ царствующемъ градѣ Москвѣ впречестнѣи обители чудесе Архистратига Божія Михаила, и преславнаго всероссійскаго чудотворца святаго Алексѡа митрополита. мірозданія „зѣз лѣта. рождества богочеловѣка Іиса Христа Господа нашего „ахч⁴⁾ мѣа». Ниже: «О семъ мысленнѣмъ веселеимъ потщася самодѣлотрудствомъ худшій іеромонахъ Каріонъ Истомишъ. иже у всѣхъ благоумныхъ дѣлателей молитвъ въ погрѣшеніи же коего либо разумнѣи и во описахъ прощенія смиреннѣ проситъ, и по-

1) См. ниже.

2) См. Мансветовъ: Какъ у насъ правились церковныя книги? Прибавл. къ Тв. св. от. 1883 г., кн. IV, 541—542; Мои «Очерки изъ Истор. Просв. въ Моск. Руси въ XVII в.», вып. II, 10 стр.

3) Очевидная описка въ рукописи.

4) Вмѣсто „ахчо (1699).

правити могущему волить да благо всѣмъ отъ Христа Господа будетъ яко не единъ слога преписатель бѣше аминь».

л. 148: «Слово впостриженіе монашествующимъ» на т.: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси [Господи], да научуся оправданіемъ твоимъ».

лл. 150 — 152: «Адріанъ милостію Божіею архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, и всея россїи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ».

О святомъ душѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности преосвященному Маркеллу митрополиту Казанскому и свѣяжскому архипастырское благословеніе. внемже всецарствующаго творца нашего Бога благодать, милость и миръ да умножатся». Отвѣтное посланіе патр. Адріана къ Маркеллу, въ которомъ первый утѣшаетъ митрополита, скорбящаго объ «изнеможенїи тѣломъ». На обор. л. 152: «писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, міробытства ,зѣс лѣта богоявленїа же въ плоти Господа Исуса ахчи индиктіона г̄ мѣа декемвріа к̄а дне». Маркеллъ былъ переведенъ на митрополию Казанскую и Свѣяжскую изъ Пскова 8-го сентября 1690 года, а чрезъ 8 почти лѣтъ 21-го августа 1698 года скончался и погребенъ въ соборной церкви, въ придѣлѣ Бориса и Глѣба. Слѣдовательно, патр. Адріанъ писалъ ему за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, когда Маркеллъ уже болѣлъ («язнемогалъ тѣломъ»¹).

На обор. того же 152 листа. нѣсколько ниже читаемъ: «Сїю книгу хронографъ сіестъ временописецъ. великій господинъ свят. киръ Адріанъ архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, и всея россїи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, даде всоборную великую церковь во храмъ Успенїа пренепорочныя Дѣвы Бѣны Марїи, ввѣчное содержаніе, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, мірозданїа ,зѣс лѣта рождества же во плоти Господа нашего Бога Іиса Хрѣста ,ахчи индиктіона г̄ мѣа іаннуарїа въ а̄. а по его великаго господина святѣйшаго патріарха указу подписалъ даяніе сіе типографїи справщикъ іеромонахъ Карїонъ Истомпнѣ».

л. 153 — 156: «Адріанъ милостію Божіею архіепископъ и т. д. Грамота Перервинскому св. Николая монастырю отъ 1697 года на владѣніе церковными землями около гор. Рузы. О Перервинскомъ Николаев. монаст. ²».

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этой грамоты: (оборот. л. 153). «Тѣмъ же яко наша мѣрность благоволеніемъ всецедраго Бога Господа нашего лѣтъ моихъ правителство святѣйшаго престола патріарша, и строеніе всодѣланіе всякихъ душеполезныхъ (спасительныхъ), и потребныхъ вещей и мамы:

1) См. Амвросій: Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 101; Строевъ: Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. стр. 289.

2) См. Истор. рос. іер. Амвросія ч. V, 480—507 стр. и VI ч. стр. 1038; ср. Строева: Списки іер и наст. монаст. стр. 214.

негюкмо во отвѣте благовѣствованія, но и вроздоянїи церковныхъ стяжанїи застоимъ. Нынѣшняго отъ мірозданія ,зѣс лѣта въ ноемврїи мѣцѣ проси^т пашу мѣрность челобитьемъ сперервы святаго великаго Николая чудотворца монастыря, иже отстоитъ отъ града Москвы внизъ рѣкою Москвою семь верстъ, игуменъ Симонъ¹⁾ съ братїею. (л. 154) вчелобитной же его сице писано: монастырь де ихъ скудной. угодей, пашни, пустошей и лововъ пѣсть. и хоромнаго лѣса, и дровъ высечь нѣгдѣ. . . А есть де во уѣздѣ города Рузы трюпцкая церковная земля что на копылцѣ осмь пустошей, Крюкова, Горбачева, Шапкина и со иными. И тѣми пустошми и угодиіи владѣють города Рузы посадскїя люди изъ оброку, а оброкъ платятъ внашъ патріаршъ казенной приказъ. И чтобы наша мѣрность его игумена Симона съ братїею пожаловали. таковыя ради монастырскїя ихъ скудости, тѣ пустоши совсѣми угоды по писцовымъ книгамъ отдати въ николаевской перервенской монастырь безъ оброчно вмѣсто милостыни и пополненїя монастыря и братїи». . . Адріанъ отдалъ просимыя угоды на поминъ и молитву. Годъ грамоты на об. 156 л.: «писася и вручена²⁾ мірозданія ,зѣс лѣта рождества же Іисъ Христова ,ахчз».

л. 157—обор. 158: «Царскаго Пресвѣтлаго величества благородный и ближний бояринъ, и воевода завоеваннаго града Азова, благоразумный господинъ князь Алексїй Петровичъ Прозоровской вселюбезный и скровно-родственный братъ и присный мой благодѣтель во Господѣ Бозѣ многолѣтно здравствую радуйся». Письмо отъ брата, въ которомъ хвалятъ Алексея Петровича за исполненїе царской службы, благодарить за милости къ нему и надѣется скоро увидѣться, когда окончится служба въ Азовѣ.

л. 159: «Адріанъ милостїю Божїею и пр.

«О святѣмъ дусѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности преосвященному Іоанну архїепископу Черниговскому и Новгородскому, архипастырское благоволенїе». Отвѣтное письмо патр. Адріана Іоанну Максимовичу. Последний былъ поставленъ въ архїепископы Черниговскїе патр. Адріаномъ въ Москвѣ 10-го января 1697 года изъ архимандритовъ Черниговскаго Елецкаго монастыря³⁾. Прибывъ на свою кафедру, Іоаннъ извѣщалъ расположеннаго къ нему патріарха объ этомъ, какъ видно изъ слѣд. словъ письма Адріана: «Писанїе твое извѣстительное о прїятїи престола и врученныя паствы, и пребыванїя твоемъ, време неынѣшняго прїяхомъ. . . Въ нашея мѣрности архипастырской ктебѣ любви, и присланныя намъ вещи прїяхомъ милостиво. пришедшыя же здѣ отъ тебе посланныя нынѣ отъ

1) Былъ игуменомъ съ 1683 года, умеръ въ 1705 году.

2) Слово «и вручена» зачеркнуто потомъ.

3) См. Архивъ юго-зап. Россїи, т. V, 436 — 437 стр.

насъ отпустихомъ въ путь свой». Особенно интересна приписка на обор. л. 159: «Извѣстихомся же яко близъ тебе нынѣ вчерниговскомъ елецкомъ монастырѣ пречестный архимандритъ Димитрій вцерковномъ общемъ полезномъ книжномъ словодѣліи, житія святыхъ пища труждается. Просимъ твою любовь, впотребахъ спомоществуй ему труднику о Господѣ рукою твоею. и любовь сотвориай во благодушество и вползу церкве». . . «Писася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. мірозданія зѣс лѣта. рождества же Іисъ Христова „а҃хчи мѣца февруаріа а҃ дне». Іоаннъ Максимовичъ на архіепископскомъ престолѣ оставался до 1712 года, когда былъ переведенъ митрополитомъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался въ 1715 году. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ многихъ книгъ, написанныхъ прозой и особенно стихами¹⁾.

л. 160: Письмо тому же архіепископу Черниговскому Іоанну отъ схимонахи Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Евдоксы Челищевой отъ февраля 1698 года. Въ этомъ письмѣ Челищева увѣдомляетъ Іоанна, что посылаетъ ему съ посланными отъ него іеромонахомъ Іовомъ и іеродіакономъ Аонасіемъ митру, цѣною въ 250 рублей; а сдѣланная по-московски (шапкою) митра стоитъ не меньше 300 рублей. Писано рукою К. Истомина и имъ сочинено, вѣроятно, по просьбѣ Челищевой.

Обор. л. 160: «Богомудрый избранный церкви Іисусъ Христовы учитель и евангелскій пастырь добрый преосвященный господинъ и великій благодѣтель господинъ Іовъ митрополитъ Новгородскій и великолуцкій во Господѣ Бозѣ многолѣтно здравствуя присно радуйся». Письмо, писанное въ февралѣ 1698 года изъ Москвы, выражаетъ благодарность Іову отъ неизвѣстнаго лица за присланное благословеніе; кромѣ того, неизвѣстный корреспондентъ увѣдомляетъ митрополита, что посылаетъ ему гостинецъ-рыбу Казанскую лосось, волженскую шинъ и осетровъ. Письмо писано рукою Каріона.

л. 161: «Избранный Іисусъ Христова умнословснаго стада пастырь Преосвященный Господинъ и великій благодѣтель Сампсонъ митрополитъ астраханскій и терскій въ Господѣ Бозѣ радуйся всегда». Просительное письмо отъ января 1698 года изъ Москвы, быть можетъ, отъ хозяина Спидора Михайлова, за приказчика котораго Ивана Крупешкова просятъ Сампсона, чтобы онъ Сампсонъ помогъ поѣхавшему въ Астрахань Крупеникову въ дѣлахъ и преподалъ благословеніе²⁾.

1) См. о немъ Евгенія: Словарь историческій о пис. дух. чина, т. I, 287—289; Филаретъ: Обзоръ русск. дух. лит. № 187.

2) Сампсонъ хиротописанъ въ февралѣ (5-го или 2-го?) 1697 года изъ архимандритовъ Курскаго Знаменскаго монастыря; умеръ въ маѣ 1714 года. См. Амвросія Истор. р. іер. ч. I, 105; Строева Списки іер. 310 стр.

На оборотѣ л. 161 читаемъ интересную замѣтку: «Михаилъ Гулской пріѣхалъ дни за три до Рождества Іисъ Христова здравіи. и на Москвѣ сказалъ все по росписи роздалъ. а азъ певѣмъ како за благословеніе твое и пріятство бити челомъ точію спаси и благослови Господи Боже архіерея твоего, и врученное его (sic) стадо. . . на многая лѣта. Изъ Москвы , зѣс генваря» «дне». Если здѣсь разумѣется тотъ Михаилъ Гулской, который женился на сестрѣ С. Медвѣдева, бывшей раньше замужемъ за братомъ Каріона Истомина Гавріиломъ, то подъ пріѣздомъ его въ январѣ 1698 года надо разумѣть возвращеніе его изъ ссылки по дѣлу *Θ. Шакловитаго*¹⁾.

Ниже приведенной замѣтки находится челобитная *Θодору Θодоровичу Плещееву* отъ вдовы его брата *Симеона Θодоровича*, которая проситъ у своего свояка пристанища и вспоможенія, такъ какъ у нея нѣтъ вотчины.

л. 162 об. 163: Грамота *Тихона*, митрополита Сарскаго и Подонскаго, о томъ, что онъ учреждаетъ въ своей митрополіи степени обителямъ. Дана въ январѣ 1698 года. Такъ какъ *Тихонъ*, хиротонисанный въ 1695 году изъ архимандритовъ Новоспасскихъ, 25-го марта 1699 года былъ переведенъ въ Казань, то данная грамота появилась не задолго до оставленія имъ митрополіи Сарской и Подонской.

оборот. л. 163: Письмо *Сампсону*, митрополиту Астраханскому и Терскому, въ которомъ неизвѣстный проситъ за приказчика *Петрушку*, посланнаго по торговому дѣлу въ Астрахань. Проситъ, если то будетъ нужно, снабдить его деньгами подъ росписку и ходатайствовать за него предъ воеводой. Въ заключеніи письма благодарятъ за благословеніе и присылку рыбы.

л. 164: Письмо *Юву*, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, отъ боярина кн. *Петра Прозоровскаго*; писано въ январѣ 1698 года изъ Москвы. Суть его: «Твоего преосвященства благословеніе миѣ писаннѣ, и присланіе рыбы и уксуса пріяхъ. И за оное всещедрому Господу Богу, и твоего архіерейства влюбви его пріятству благодаренъ».

Об. л. 164: Письмо патр. *Адріана Борису Іоанновичу Прозоровскому* (отъ декабря 1697 года), въ которомъ патріархъ благодаритъ послѣдняго за пьсьмо и присылку рыбъ-ладогъ.

л. 165: Указъ Государя о порядкѣ мѣстъ, какой должно было соблюдать Московское духовенство при торжественныхъ богослуженіяхъ и молебнахъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать духовныя лица (оборот. л. 165):

а̄ Успенскаго собора великія церкви протопресвитеръ
б̄ Благовѣщенскаго собора протопопъ и духовникъ нашъ (т. е. царскій)

1) См. Раз. дѣла о *Θ. Шакловитомъ*, I т. 710 столб.

Г Архангелскаго собора протопопъ

Д великія церкви ключарь

Е великія жъ церкви вторый ключарь». . . Этотъ указъ данъ былъ въ 1695 году вслѣдствіе челобитной ключарей Успенской великой церкви, въ которой они жаловались царю, что ихъ презираютъ при общественныхъ богослуженїяхъ и не даютъ должнаго мѣста. Эта челобитная находится на л. 166.

л. 167: «Адріанъ»

Обители пречистыя дѣвы Бѣы Марїи, Черниговскаго Елецкаго монастыря пречестному архимандриту Дмитрію и всей сущей братїи нашей мѣрности архипастырское благословеніе». Письмо патріарха Адріана св. Дмитрію Ростовскому отъ 1-го февраля 1698 года. Такъ какъ этого письма мы не нашли ни въ Дїарїушѣ св. Дмитрія, ни въ т. V Архива юго-зап. Россїи, ни въ книгѣ Св. Дмїтрїй, митрополитъ Ростовскїй. М. 1849 года, то приводимъ его цѣликомъ:

«В Божїей благодати всякому труждающемуся доброумствомъ преуспѣвати въ жизнь блаженную и вѣчную архипастырскимъ нашей мѣрности сердцемъ хотимъ всегда. Тебѣ же Господню рабу, и церкви святыя послушлику и труднику впреизрядной ползѣ церковнаго нашего сословія, здравїя и спасенїя и благополучнаго пребыванїя жѣлаемъ. возмогай убо о Господѣ, впреданномъ тебѣ посомствѣ братїи, возмогай всловѣ ученїя, возмогай въ дѣланїи списанїя святыхъ божїихъ угодниковъ жптїя: да яко чадо возлюбленно церкви и нашей мѣрности, во всемъ благоимствуя и трудъ твой во славу имене Господня, и вчесть Боговладычицы дѣвы Марїи совершая послѣ усердія, поживеши здѣ много лѣтъ, и внебесномъ царствїи жизни вѣчныя лѣта твоей любви приложатся. аминь.

Писанїе намъ твое прїяхомъ, и вчинодостойнствѣ твоемъ семъ ко благодушію всѣхъ благословляемъ. аллілуїа.

Послахомъ тебѣ, трудополагающему въ писанїи смотрителства двадцать червонныхъ. О вспоможенїи дѣланїя твоего писаномъ просителѣ къ преосвященному Іоанну архїепископу Черниговскому¹⁾. (обор. л. 167) да любовію. и рукою оныя своею въ требованїяхъ тебѣ, потытца о Господѣ. Писаня в царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ мірозданїя „зѣс лѣта. рождества же Бога слова во плоти „аѣчи мѣца февруарїа ѣ дне».

л. 168: «Адріанъ»

«Возлюбленному въ Господѣ нашей мѣрности сыну, царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обонхъ странъ дїепра Гетману Іоанну

1) См. выше л. 159.

Стефановичю Мазенѣ, архипастырское благословеніе». Такого письма нѣтъ въ V т. Арх. ю.-зап. Россіи, и потому приводимъ его.

«Всеблагій Богъ впремудрости своей видимый и невидимый міръ управляетъ, правители же и народоводители, вхристіанской православной полности влучшество поставляетъ. втоеже онъ и твою любовь. яко вѣрнаго раба устроить благоволилъ. Тѣмже наша мѣрность благоздравія, и мирнаго пребыванія, во всякое благокрасотство тебѣ на лѣта премнога желаемъ. Благодарни же Господу Богу всегда есмъ за твою любовь къ нашей мѣрности, и кцеркви Божіи. Яко писанми твоими извѣстителными посѣщасени ны и являеши любовь ко архіереемъ Господнимъ. яко и нынѣ о устройшемся вчерниговской епархіи пастырѣ о преосвященномъ Іоаннѣ архіепископѣ Черниговскомъ пріятственно восписалъ еси намъ. спосланными отъ него въ царствующій градъ. иже нынѣ паки во градъ и въ монастырь свой возвратишася. отъ насъ сблагословеніемъ. Писася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. мірозданія ,зѣс лѣта рожества же Іисъ Христова плотію ,а҃хчи февваріа а҃ дне».

л. 170 — 173: «Казаніе на Успеніе». Слово на т.: «Блаженно чрево носившее тя». Нач.: «Яко мовила тая лаю, Богородица Мариа, мовила, себо отнынѣ блажать мя вси роди». Слово принадлежитъ какому-либо южно-русскому проповѣднику, потому что писано языкомъ бѣлорусскимъ¹⁾.

Обор. л. 174: здѣсь находится отрывокъ изъ слова противъ лютеранъ и кальвинистовъ, находящагося ниже, на лл. 175—177: Слово на т.: «Доброе содержите: отъ всякія вещи злыя отгребайтесь. Словеса святаго апостола Павла, къ Солуняномъ гл. ѳ̄». Нач.: «Понеже всеблагій нашъ творецъ Богъ самоблагодѣ естественнѣ (благословеніи Христіане) убо вся благая и добрая сотвори»²⁾...

лл. 178 — 179: Слово на т.: «Пріидите и видите дѣла Божія, яже положи чудеса на земли. Словеса святаго пророка Давида, отъ псалма м̄е». Это слово только начато: «Дланію отъ небытія воеже быти Божіею, чловѣкъ созданный, благословеніи христіане, восхотѣвъ убо хитрець присносущный Богъ»... Дальше же идетъ другое слово на т.: «Хощеши ли цѣль быти. Словеса Спасителя нашего Іиса Хр̄ста, глаголаные къ разслабленному, написаны Евангелистомъ Іоанномъ во главѣ ѳ̄». Нач.: «Премудрый міротворецъ великій чудотворецъ Богъ присносущный, мудростію своею сотворивый чловѣка незлобива, права, добродѣтельна»... То же слово въ болѣе распространенномъ видѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ измѣненіями встрѣчается въ неперепл. Сборн. Москов. Синод. библ. № IV, лл. 340—344³⁾.

1) Писано бѣлорусской скорописью, а не рукой К. Истомина.

2) Упомян. о хожд. правосл. въ кирку.

3) Ср. Зубовскаго ст. *ibid* 155 стр., прим. 2.

л. 180 — 243: Два слова Леонтія Карповича — На Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа и на Успеніе — Пресвятой Богородицы — въ переводѣ на литературный русскій языкъ XVII в. Переводъ сдѣланъ, несомнѣнно, Каріономъ Истоминымъ съ оригинала, напечатаннаго въ Евю въ 1615 г. Слово На Преображеніе написано на лл. 180 — обор. 216, а Слово на Успеніе съ обор. л. 216 до 243 л. ¹⁾).

л. 244 — 256: «Поученіе на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы». Нач.: «Веселія исполненна сущи радости неизреченныя сладость восприметь тѣмже и торжества Сиона Имати всего собору вѣрныхъ голубица нескверная юже возлюби Христосъ». . . Цѣль проповѣдника разъяснить смыслъ словъ: «днесь спасенію нашему начатокъ». По построенію своему это слово не принадлежитъ К. Истомину; Кромѣ того, слово «матка» («церкви маткѣ» обор. л. 244) не указываетъ ли на бѣлорусскій (южно-русскій) оригиналъ? Въ такомъ случаѣ Каріонъ могъ переложить это слово съ неизвѣстнаго намъ южно-русскаго оригинала на современный ему литературный языкъ, подобно тому какъ онъ переложилъ слова Леонтія Карповича ²⁾).

л. 257 — 260: «Во извѣстіе книги сея чпталелю». Подъ книгою разумѣются «Толкованія на Евангелія» Θεофилакта Болгарскаго, которыя были изданы въ патріаршество Адріана. Несомнѣнно, К. Истоминъ, какъ справщикъ книгъ, принималъ участіе въ исправленіи и изданіи этой книги, и сохраненное имъ «извѣстіе» имѣетъ большое значеніе не только для описанія его службы на книжномъ печатномъ дворѣ, но и для исторіи печатнаго дѣла при патр. Адріанѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы воспользуемся этимъ «извѣстіемъ».

л. 261: Стихи на гербъ дома Шенныхъ; упоминаются Алексѣй Семеновичъ и сынъ его Сергѣй Алексѣевичъ.

Обор. л. 261: «Акаѡпствъ сіестъ насѣдалное пѣніе пресвягѣй и пре-чистѣй Дѣвѣ Богородицѣ Маріи древнее со иконами явленіе дѣйства Богочеловѣка Господа нашего І. Хр—а написая и устроеня благочестивѣй Государынѣ царцѣ и великой княгинѣ Параскевинѣ Θεодоровѣй всероссійской владычицѣ, благоразумнѣй супружнцѣ благочестивѣйшаго великаго Государя Царя и великаго князя Іоанна Алексіевича всея вел. и мал. и бѣл. р. самодержца, вчествованіе небесныя царицы боговладычицы Маріи Приснодѣвы. Мірозданія зѣг лѣта рождества же І. Хрпстова ахче мѣсяца марта. Потщася всеі, я около икошь стихотворп описаніемъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Хуждшіп ихъ царскаго пресвѣтлаго велпчества богомолецъ іеромонахъ Каріонъ Истомипъ типографіа справщикъ».

1) Писано, впрочемъ, не рукою Кар. Истомина. Есть поправки переводчика.

2) Написано слово не рукою Кар. Истомина.

л. 262: Извѣстіе о смерти іеродіакона Стефана Сахарова: «Мірозданія зѣг лѣта. апріліа под кѣ число во второмъ часа (часу?) поши успе во Господѣ (рабъ божій¹) монахъ іеродіаконъ Стефанъ Сахаровъ въ день рожденной именованія своего святаго Симеона сродника Господня имѣ ли лѣтъ. Тѣло его погребено въ Чудовѣ монастырѣ на семь мѣстѣ. егоже душу упокой Господи Хрѣсте Іисе въ царствіи своемъ небеснѣмъ». Затѣмъ идутъ стихи надгробные ему же, а еще ниже — письмо какой-то боярынѣ Прасковіи Феодоровнѣ поздравительное съ новорожденіемъ и стихи о томъ же.

На об. л. 262 — Поздравительное письмо патр. Адріану въ годовщину избранія его на патріаршій престоль. Съ л. 263 по 266 идутъ различные замѣтки и стихи. Отмѣчаемъ на обор. л. 263 извѣстіе о смерти въ 1695 г. подъ 16 число февраля вдовы Анны Георгіевны, жены думнаго боярина Василия Никитича Панина.

На обор. л. 264: акростихъ: «Алексій царевичъ вѣчно живи». Такъ какъ у Кар. Истомина не много стихотвореній подобной формы, то приводимъ акростихъ цѣликомъ.

Аминь буди слава	Извѣстно отрадствуи
Любовь чиста права	Человѣкомъ вползѣ.
Единому Богу	В златыхъ лѣтахъ долзѣ.
Ѵебѣ вслогахъ многу.	Ѵзди умнѣ вкнигахъ
Ісраиль нелестный	Чти мудрость въ веригахъ
И збранный и честный	Носитъ она златы.
Царевъ сынъ царевичъ	Общитъ влюбовь браты
Алеѳсій Петровичъ	Жити съ нею благо
Радуйся блаженно	Имство всѣмъ предаго
Емли жизнь спасенно	Взрости ты Богъ въ славѣ
В господѣ изрядствуи	И мѣти ю здравѣ.

На л. 265 стихи поздравительные тому же царевичу Алексѣю Петровичу, а затѣмъ извѣстіе о смерти супруги стряпчаго кормового царскаго дворца Іакова Іоанновича съ дѣтьми Михаиломъ и Петромъ 23-го февраля 1695 года.

Обор. л. 266: Сначала стихи надгробные на смерть Головкина, а затѣмъ запись: «Міроздашя зѣг лѣта марта мѣа кѣ числа, ввеликой пятокъ въ пятомъ часѣ ноши. Преставися благочестивъ и вѣренъ рабъ Божій царскаго пресвѣтлаго величества ближній бояринъ Іоаннъ Симеоновичъ Головкинъ, всѣми таинствами церковными совершився. внадеждѣ по должности

1) Эти слова потомъ зачеркнуты; мы ихъ взяли въ скобки.

л. 275: «Ко архіерею: Великій Господинъ и Пастырь Христова стада избраишѣишій, Преосвященный Павелъ митрополитъ Нижегородскій и Алатырскій». Поздравленіе съ новымъ годомъ. Ниже: «На праздники и вслу-чаяхъ привѣтства желателная».

Обор. л. 275: «На новое лѣто слово поздравительное». Очевидно, все это — формы поздравленій и привѣтствій.

л. 276: «Благочестивой великой государыниѣ и царицѣ кн. Марѣѣ Матѣевнѣ, бывшей супругѣ усопшаго государя царя и вел. князя Θεодора Алексѣевича всея вел. и мал. и бѣл. р. и многихъ государствъ и царствъ, странъ же и земель самодержца, повелителя и обладателя. многолѣтно спасенно п въ Господѣ здравствовати. Привѣтство сочинися стиховно мѣрно вденъ празднованія святаго преподобнаго матери Марѣѣ тезоименствующія въ рожденіи своемъ лѣта „зѣа септемвриа въ ѣ день». Разказавъ въ стихахъ жизнь св. Марѣѣ, Каріонъ находить, что Марѣѣ Матѣевна въ своей жизни подражаетъ ей.

л. 277: Благодареніе патр. Адриану за то, что онъ помогъ соорудить и освятить церковь въ честь митрополита Алексѣя, всероссійскаго чудотворца, и царю Петру Алексѣевичу за то, что онъ помогаль сооруженію церкви и присутствовалъ на ея освященіи. Писано благодареніе рукою К. Истомина отъ лица «Богомольцевъ», т. е. жителей обители (не Чудовскаго ли монастыря?).

Обор. л. 277: Извѣстіе о смерти Павла, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго: «мірозданія „зѣи лѣта. іаннуаріа мѣца во вѣ скончался преосвященный Павелъ Митрополитъ Сибирскій и Тоболскій. Бѣдучи убо пзъ града Тоболскаго къ Москвѣ на дороге въ своей епархіи вдеревни Чикмонѣ скорбѣлъ успе о Господѣ отъ рожденія своего живе лѣтъ пятьдесятъ семь двадцать пять лѣтъ пострижеса въ Спаскомъ Евоиміевѣмъ монастырѣ, иже въ градѣ суздаль. И бысть архимандритомъ осмнадцать лѣтъ въ монастырѣ въ Николаевскомъ на шохрамѣ, отуду вгорлицкомъ переславскомъ. и стого вспаскомъ Евоиміевѣ, оттолѣ в Симоновѣ на Москвѣ, потомъ въ Чудовѣ. архангелскомъ. И во рѣс лѣтъ іѣліа въ кѣ поставленъ въ сибирскую епархію митрополитъ, и поживе во архіерействѣ четыренадесять лѣтъ».

Тѣло его привезено бѣше къ Москвѣ февруаріа въ дѣ. И погребалное пѣніе соверши надъ нимъ. великій Господинъ святѣишій киръ Адрианъ архіепископъ Московскій и всея росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, сприсуствующими на Москвѣ архіереи въ монастырѣ Пресвятыя Богородицы знаменія. и отвезено въ суздаль въ Спаской монастырь. и тамо внемъ на его монашескомъ обѣщаніи погребеса мѣца февваріа въ кѣ. его же душу да упокоитъ Господь вцарствіи небесномъ. *проситъ зрящихъ гробъ*

сей о молитву (ѣ?)». Подчеркнутыя слова указываютъ, что приведенная записъ предназначалась для помѣщенїа на гробѣ Павла. Важность ея видна ясно изъ того, что говорятъ объ этомъ митрополитѣ преосв. Филаретъ¹⁾, Амвросій²⁾, и Строевъ³⁾. Приведенная записъ не только пополняетъ свѣдѣнїа объ этомъ іерархѣ, но и исправляетъ имѣющїяся.

л. 278: «Подпись на іконѣ всвѣткахъ». Начало стиховъ:

«Боже царю всемогущій	въ твоей воли вся имущій.
По твоему святу слову	обитель его храни нову.
Спасай щедре здѣ живущихъ	и усердство вню имущихъ.
Втвое имя собрашася	монахи ти предашася.
Тя и мене прославляти	мученики чествовати.
Приходящихъ прїимати	ползу въ святость подавати.

Азъ есмь сый.

Дѣво Марїе молбу твою слышу	на обитель сю благодатнѣ дышу
Вся живущыя люблю призирати	и кто ктебѣ здѣ иматъ притекати
Девять мученикъ тебѣ здѣ впослугу	немощихъ цѣлїть отвсяка недугу.
И оттрясапцы они люди здравить	да вси мя Бога повсюду прославятъ»...

Далѣе разсказывается, что въ градѣ Кязину земли греческой была икона Божїей Матери съ девятью мучениками; что эта икона перенесена была въ російское царство, въ городъ Казань, въ новый Кязичскїй монастырь. Внизу помѣта: «лѣта „зрче“».

Обор. л. 278: Стихи на Рожд. Христова царевичу Алексѣю Петровичу.

л. 279 — 282: «Описаніе іконъ каковы суть, въ книге Едемъ пазваннѣй». Дальше идутъ стихи, раздѣленные на 38 строфъ, и заключеніе.

л. 283: «Предисловіе вкнижцу», т. е. Предисловіе къ книгѣ Едемъ, которую поднесъ Карїонъ царевичу Алексѣю Петровичу, а затѣмъ на обор. л. 283 полное заглавіе книги: «Описаніе Едемъ сіестъ Сладость прохладяющая и вразумляющая челоуѣки зрѣнїемъ духовнымъ. извѣстно сотворенїе и спасенїе людемъ во иконахъ, знанїе встихонисанїи творитъ. Сочиненъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ. мірозданїа „зсв лѣта. мѣа поемврїа хуждышнмъ іеромонахомъ Карїономъ Истомянымъ. втипографїи сивравщкомъ».

л. 284: «Стихи увѣщательныя отъ грѣховнаго лщенїа». Начало ихъ:

«Человѣче зрѣвъ чїе лицо красно	разумѣй всмерти будетъ то ужасно.
Попеже тогда лѣпотна есть рожа	егда здравости гладка на ней кожа.
Аще ли кожа сдерется	страха и плача каждый наберется»...

1) Обзоръ духов. лит. № 241.

2) Истор. рос. іер. ч. I, стр. 110

3) Списки рос. іер. стр. 317.

Мысль стиховъ — не прельщаться красивымъ лицомъ и не грѣшить.

Обор. л. 284: Стихи (надгробные) на кончину схимонахини Елены Истоминой, о смерти которой дальше идетъ прозаическая записъ. Тамъ же находится записи о смерти игумена Сергія, схимонахини Елены Куракиной, Софронія, строителя Молченскаго монастыря, и Сильвестра Медвѣдева. Сергій былъ игуменомъ Молченскаго монастыря въ Путивлѣ съ 1666 по 1669 годъ¹⁾, съ 1669 года онъ былъ назначенъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, гдѣ оставался до 1674 года. Съ 1687 г. Сергій былъ назначенъ начальникомъ печатнаго двора вмѣсто Симеона, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго²⁾. Оставался онъ начальникомъ печатнаго двора до своей смерти, послѣдовавшей 22-го февраля 1698 года, а 4-го марта вмѣсто него былъ назначенъ начальникомъ К. Истомины. О смерти Елены Куракиной читаемъ: «Того жъ мѣа (т. е. февраля 7206 года), въ ѿ преставленія схимонахиня Елена Куракина послѣ вечерни и погребена въ ѿ на стрѣтеніе Господне. Митрополитъ Крутицкій пѣлъ (въ это время былъ митрополитомъ Тихонъ, хирот. 21-го апрѣля 1695 года, а 25-го марта 1699 года перев. въ Казань³⁾).

«зса мѣа Іаннуаріа въ кѣ за часъ до дне преставленія рабъ Божій монахъ Софроній батовринъ строитель Молчинскаго пустынскаго Пресвятыя Богородицы монастыря, иже въ уѣздѣ града Путивля, и погребенъ здѣ въ чудовѣ монастырѣ живе лѣтъ рожденія своего шестидесять осемь». Извѣстіе о смерти С. Медвѣдева до появленія ст. Зубовскаго въ сентябрьской книжкѣ Жур. Мш. Нар. Просв. 1890 года (стр. 152) было напечатано нами дважды⁴⁾, но такъ какъ и мы и г. Зубовскій привели записъ неточно, то еще разъ печатаемъ ее слово въ слово: «рѣо мѣа февруаріа въ аѿ пріятъ кончину жизни своея монахъ Силвестръ Медвѣдевъ церковнымъ тапствомъ сподобленъ бысть въблагонадежствѣ, отсѣчеся глава его гражданско повелѣніемъ на красной площади противу спаскихъ вратъ. Тѣло его погребено во убогомъ домѣ сстранными въ ямѣ. близъ покровскаго убогаго монастыря».

лл. 285—286: «Пречестніи Господа и святіи отцы и братія, и вси во святѣй сей обители служителие, во Гдѣ Бозѣ радуйтесь». Рѣчь назначеннаго архимандритомъ въ Лавру пресв. живоначальной Троицы и угодника Божія Сергія и Никола къ своимъ подчиненнымъ. Архимандритъ проситъ исполнять свой монашескій обѣтъ и имѣть послушаніе и любовь между собою.

1) См. Строева: Списки іер., стр. 636.

2) См. ст. Мансветова въ Прибавл. къ Тв. св. от. 1883 г. IV, и мои «Очерки» вып. II.

3) См. Строевъ, 1036 стр.; Амвросій, I ч., 238.

4) См. Чтенія въ общ. люб. духовн. просв. 1889 года и Русск. Филол. Вѣст. 1890, № 1.

л. 287: Стихи на Рождество Христово.

л. 288: Стихи «въ клеймо в посолской приказъ подь икону» — интересны по указанію на современныя событія, именно на успѣхи русскаго оружія въ борьбѣ со Шведами:

«Богу всетворцу буди всегда ¹⁾ слава Благочестіе гдѣ ли пространися ²⁾	яко во всяко дѣло онъ исправа. в царствахъ и странахъ добръ воз- гласится.
Хрста Господа свята се икона	в російскомъ царствѣ чествуется она.
Апостоль святъ Петръ предстоитъ и молятъ	человѣкъ Божій Алексій тоже во- литъ.
Да царю Петру и князю велику Даетъ побѣды на враги противны	Алексіевичу вѣрному толику всвѣйскомъ немецкомъ королевствѣ дивны.
Грады ихъ славны днесь завоеваны Царевичъ Алексій отцу помогаетъ	отвѣрна царя страхи имъ поданы. ввоеннѣй службѣ в полкахъ пребы- ваетъ.
Царь и царевичъ в Бога уповаютъ, Тысяща седмьсотъ четвертаго лѣта	Богородицу, святыхъ почитаютъ. в декаврѣ луны вѣсть в приходъ ихъ пѣта в царствующій градъ Москву втриумхвалныя многія врата по улицѣ из Николскихъ Кремлевскихъ вратъ.

Нарва бо и дерптъ уже вцарствѣ рос- ругодевъ, Юрьевъ вуправствѣ Мо-
скомъ сковскомъ».

Приведенное стихотвореніе несомнѣнно относится къ концу 1704 года, когда Петръ проживалъ въ Москвѣ и праздновалъ взятіе старыхъ отечественныхъ городовъ (Дерпта, Нарвы и др.³⁾).

Обор. л. 288: Извѣстіе о смерти стольника полковника князя Василя Алексѣевича Ватбальскаго, убитаго подь Нарвою въ декабрѣ 1702 года. Затѣмъ стихи о Димитріи Ростовскомъ, интересные для біографіи К. Истомина.

лл. 290 — 291: «Благодарная государыня царевна и великая княжна Татїана Михайловна» — благодарственное и похвальное посланіе за украшеніе и помощь при созданіи одного храма. Далѣе, на л. 291 — стихи

1) Вар. О всемъ.

2) Вѣроятно, надо: пространится.

3) См. Соловьева: Истор. рос. съ др. вр. т. 15, стр. 7 и слѣд.

надгробные на кончину жены (умерла въ октябрѣ 7206 года) окольного Иоанна Георгіевича Леонтьева.

На обор. л. 291: «мірозданія зсе лѣта мѣа маіа въ дѣ зѣ часа втретей четверти всетворца Бога волею вѣрній его рабъ успе благочестно въ христіанской должности спріятіемъ святыхъ таинствъ внадеждѣ Иисусъ Христомъ будущаго блаженства, царскаго пресвѣтлаго величества знатный столникъ Міхаиль Петровичъ Челищевъ лѣтъ житія своего имѣ ли». Потомъ стихи ему. Л. 293 занятъ выписками изъ градского закона (л. 486, ст. 27 и 33, л. 187 и 186, прав. 97) съ толкованіемъ.

л. 293 — 294: Прозаическое обращеніе къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ при поднесеніи ей Букваря Каріонова.

л. 295 — 298: «во имени Господа Бога творца нашего втріехъ ипостасѣхъ Отца и сына и св. духа, вединомже существѣ присно славимаго православный Монархъ благочестивѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексіевичъ всея великія и мал. и бѣл. росіи. и многихъ государствъ царствъ же, князей и земель Самодержецъ повелитель и обладатель». . . Указъ Петра Великаго отъ 1701 года о монашествующихъ, съ цѣлью исправить различныя злоупотребленія въ монастыряхъ. См. Соловьева: Истор. рос. т. XV, 107 — 108 стр., примѣч. 80 и 84¹⁾.

л. 299 — 301: «Благороднѣйшая государыня царевна и великая княжна Наталіа Алексіевна здраво спасенно во вѣки живи и во Христвъ Господѣ Иисусѣ радуйся».

Рѣчь при поднесеніи книги пѣкоего богомудраго и любомудраго мужа, называемой «Сладость богомысленныя души в разглагоствѣ съ Господомъ». Въ рѣчи проводится мысль, что царевна должна читать подносимую книгу для того, чтобы прійти въ любовь къ Богу.

л. 302: Начаты стихи на гербъ Лутохина Андрея, а на обор. л. стихи на смерть царицы *Наталіи Кирилловны*.

л. 304: Благодарственное письмо великой церкви протопресвитеру Иоанну Григоровичу за посвященіе, по благословенію патр. Адріана, церкви. Тамъ же благодарственное письмо духовному отцу іерею Евстафію Иоанновичу за присутствіе на освященіи храма.

На об. 304 л. — письмо отъ неизвѣстнаго къ кн. Борису Алексѣевичу (фамилія нѣтъ), а затѣмъ форма благодаренія Государю или Государынѣ за подарокъ.

л. 305: Предисловіе къ Букварю Кар. Истомина, напечатанному Леонтьемъ Буннымъ въ Москвѣ въ 1694 году.

1) Писано рукою К. Истомина съ поправками.

Об. л. 305 и л. 306: воззваніе архимандрита Спасителява, что на Новомъ, монастыря къ православнымъ о пожертвованїи на колоколь. Писано Карїономъ отъ лица архимандрита 28-го августа 7202 года (1694). Такъ какъ въ это время архимандритомъ Новоспасскаго монастыря былъ Тихонъ (съ 21-го апрѣля 1695 года митроп. Сарскій), то Карїонъ, очевидно, былъ знакомъ съ нимъ¹⁾.

Обор. 306 л.: Интересная запись объ изданномъ букварѣ Карїона: «всеблаговому творцу нашему Богу нынѣ за прешедшее лѣто воздавъ благодареніе ваше царское пресвѣтлое величество. вцеркви святѣй установленный торжествомъ²⁾. . . всеусердно поздравляю. Молюже царя и Бога да будите вы благочестивыя государи наши цари благословенни Богомъ, и во всякомъ благокрасованїи премногая лѣта во Христѣ Иисусѣ радующесе здравствуйте. При семъ вашей богоправимой тишинѣ, первопечатный букварь соизображенни лицъ, и стиховъ описанми, труда и тщанїа моего во славу имене Божїа и ползу людемъ Господнимъ изданный, смиреннѣ приношу, желая всѣмъ всякаго добра и спасенїа. втетратехъ ѿ взято букварей, да впереплетѣ гї. у Ивана агапитова еще е̄ еще і̄.

л. 307: Форма поздравленїа царевны или княжны съ днемъ ангела.

л. 308: Стихи на смерть какой-то Матрены Іоанновны Тихомировой († 1697 года мая 7-го), а затѣмъ извѣстіе о смерти священника Храма Благовѣщенїа Никона († 1683 года 11-го апрѣля).

л. 309: Интересный указъ государя въ іюлѣ 1698 года боярину Петру Іоанновичу Прозоровскому съ товарищами: «лѣта 7203 іуліа мѣсяца въ 10» по указу великаго государя царя и вел. князя Петра Алексїевича всея вел. и мал. и бѣл. р. самод. и по приказу вел. господина святѣйшаго Киръ Адріана архїепископа Московскаго и всея рос. и вс. сѣв. странъ патріарха, боярину князю Петру Іоанновичу Прозоровскому стоварыщи. (В его царскаго пресвѣтлаго величества типографїи іеромонахъ Карїонъ Истоминоу дадыякъ Андрей Михайловъ извѣстїе творять³⁾) на печатномъ великаго государя книжнаго дѣла дворѣ, впрославленїе имене всетворца втрїехъ ипостасѣхъ едина Бога, вчестьже Пречистыя Дѣвы Богородицы Марїи и всѣхъ святыхъ, впотребу же православныя матере нашея святыя церкви, и вползу душеспасятелную повсюду благочестивыя нашея вѣры христїанъ, печатаются книги. И нынѣ бумага на чемъ печатати на печатномъ дворѣ скудно, а здѣ на Москвѣ на таковое дѣло добрыя не обрѣтается. а которую

1) См. Строева, 144 стр.

2) Одно слово нельзя разобрать.

3) Взятые въ скобки слова зачеркнуты.

и продають, и втую продавцы мешають худую бумагу, и продають гораздо цѣншо. И тѣмъ великаго государя казнѣ убыль и вкняжномъ дѣлѣ за худостью бумаги поврежденіе бываетъ книги, что скоро портятся и передираются. А нынѣ изъ приказа болшія казны, для его великаго государя денежного сторговыхъ промысловъ пошлиннаго сбора къ городу архангелскому посланъ гость Василей Грудцынъ. И чтобы къ нему василью (обор. л. 309) изъ приказа болшой казны послать великаго государя грамоту еже бы онъ тамо потщался на его благочестивѣйшаго нашего государя печатное книжное дѣло купилъ самыя добрыя бумаги не перемѣшанной худую три тысящи стопъ. и прислалъ къ Москвѣ на печатной дворъ зимнимъ путемъ. А за тое бумагу денги за провозъ взять на печатномъ дворѣ вготовности гдѣ вамъ угодно».

На л. 310 — Посланіе патр. Адріана Василю Грудцыну отъ іюля же 1698 года, въ которомъ патріархъ убѣждаетъ купца, въ силу только что упомянутаго указа государя, постараться купить бумагу и увѣдомить о цѣнѣ его, патріарха.

л. 311: Надпись на могилѣ патр. Адріана: «На камени надъ гробомъ описаніе вырезано. Мірозданія ^ѣзѣо лѣта, Хрпста же Господа ^ѣаѣ мѣца октовріа съ ^ѣѣ числа, подъ средо внощи ^ѣа часа вчетвертой четверти, волею творца нашего Бога, успе благонадежно на вѣчное житіе, въ церковныхъ таинствахъ, великій господинъ, святѣйшій Киръ Адріанъ архіепископъ Московскій, и всея россіи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ. И погребено тѣло его во гробѣ на семь мѣстѣ. Патріаршъ свой престолъ правилъ десять лѣтъ. пятьдесятъ и три дни. августа съ ^ѣѣ числа. отъ рожденія своего имѣ, шестьдесятъ третіе лѣто, с октовріа ^ѣв дне.

Его же душу да упокоитъ Господь ввѣчномъ своемъ небесномъ блаженствѣ, всякъ зрящій гробъ сей, помолися. (обор. л. 311). Погребоша его октовріа въ ^ѣзѣ вчетвертокъ во облаченіи архіерейскомъ всакоѣ и митрѣ, и тѣло во олтарь во гробѣ носили по чину. На погребеніи были архіереи случившіяся в Москвѣ Сильвестръ митрополитъ Смоленскій и драгобужскій. Трифилій митрополитъ Сарскій и подонскій. Діонисій архіепископъ вятскій и великопермскій. и проч. Священнаго собора служители. По отпустѣ литургіи вынесли тѣло изъ олтаря во гробѣ, и поставили на амвонѣ, и архидіаконъ Іона возлѣ гроба ставъ, читалъ вышеписанное его завѣщаніе, и по прочтеніи гробъ стѣломъ поставленъ среди церкви, и чинъ монашескаго погребенія бысть.

Положено же тѣло его всоборной великой церкви возлѣ западныхъ вратъ на правой странѣ с прочими патріархи (л. 312) Великій Государь царь Петръ Алексіевичъ на погребеніи его не присутствова. зане во августѣ мѣцѣ поиде своинствомъ на свѣйскихъ нѣмцовъ.

Митрополитъ Тихонъ прежде сего преведенъ въ казанскую митрополию, и на Москвѣ его не бысть, но в казанн градѣ».

л. 313 — 314: «вождѣленный мой господине Отче и великій благодѣтелю преосвященный Маркелъ митрополитъ Казанскїй и Свѣжскїй бодро мудро пасущїй Иисусъ Христово стадо Пастырю, благокрасотнѣ, здраво жизнствую¹⁾ во Господѣ Бозѣ радуйся». Письмо отъ имени неизвѣстно какого князя Бориса, въ которомъ этотъ бояринъ благодаритъ митрополита за письмо, за любовь и за благодѣянїя, оказанныя въ прошломъ году (1695 году) сыну его Тимоою Борисовичу, плывшему подъ Азовъ. Дальше извѣщаетъ о смерти этого самаго сына и обѣщаетъ доложить государямъ о дѣлѣ Маркелла, какъ только немного успокоится отъ печали. Въ заключенїи письма проситъ молиться за сына и за него, боярина. Писано изъ Москвы въ ноябрѣ 7204 (1696 года).

л. 315 — 316: «Государь мой Прелюбезный братъ Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ во Господѣ многолѣтно и благополучно здравствуй». . . Письмо царя Иоанна Алексѣевича отъ 31-го іюля 1695 года. Напечатано въ кн. «Письма и бумаги императора Петра Великаго»²⁾.

л. 317: Поздравительное письмо патріарха Адріана царю Петру отъ 1-го апрѣля 1700 года. Поздравляя царя съ праздникомъ Воскресенїа Христова, патріархъ проситъ отвѣтить на посланное раньше, въ мартѣ мѣсяцѣ, письмо о дѣлахъ церковныхъ.

Об. л. 317: «Сиподикъ сходный, сіесть собраный преставившихся успшихъ душъ». «Сїю книгу тцанїемъ и пждивенїемъ своимъ ради спасенїа своего написа и украси честный іеромонахъ діаконъ Корнїлій Іоанновъ, и отдаде въ честный общежителный Пречистыя Дѣвы Богородицы Марїи, и преподобныхъ отецъ Антонїа и Феодосїа печерскихъ, пустынной молчинскїй монастырь, иже впредѣлѣхъ града путивля, отстоящъ пятнадесять верстъ. мірозданїа дѣси лѣта, воплощенїа же Бога Слова дѣи пидиктіона мѣа марта.

л. 318: «возлюбленному во Господѣ нашея мѣрности сыну, царскаго пресвѣтлаго величества ближнему предстоятелю Никитѣ Монсіевичю Зотову, архипастырское благословенїе». Письмо патр. Адріана Н. М. Зотову, въ которомъ Адріанъ проситъ послѣдняго: «Сотвори твое тцанїе, и о дѣлахъ нашихъ, которыя поросниси тебѣ изволилъ благочестивый нашъ самодержецъ великій Государь приказать, доложаяему Государю, изволь намъ сотворити извѣстїе о семъ. И наки прошу пожалуй потрудися Господа ради. Да и прежде сего отнасъ писано к великому Государю о приключаящихся

1) Вѣроятно, вм. жизнствую.

2) Спб. 1887 г. I т., стр. 519—520.

пыиѣ церковныхъ дѣлахъ, извѣстія отъ него Государя немамы. . . Изволь вспоманути ему». О тѣхъ же самыхъ дѣлахъ писалъ просительныя письма Адріанъ кн. А. Д. Меншикову (1-го апрѣля 1700 года), Т. Н. Стрешневу и Ѳ. А. Головину. Письмо кн. Меншикову напеч. Устряловъ: *Исторія царствованія П. В.*, т. III, Прилож. 537 — 538 стр.

На об. 318 л. помѣщено письмо Адріана Ѳ. А. Головину, въ которомъ патріархъ, поздравляя боярина съ Пасхой, проситъ напомнить Царю Петру Алексѣевичу объ указѣ касательно тѣхъ дѣлъ, о какихъ онъ, патріархъ, писалъ ему въ мартѣ мѣсяцѣ.

л. 319 — 321: Рѣчь Каріона при поднесеніи царевичу Алексѣю Петровичу той книги «Сладость богомысленныя души», которую (см. л. 299) подносилъ раньше царевичъ Наталіи Алексѣевнѣ. Рѣчь сходна съ прежнею, приспособлена только къ лицу царевича.

л. 322: Начато воззваніе отъ лица игумена Николаевского Резванскаго Перемышльскаго монастыря Пахомія (1694—1698 годъ) съ братією къ благочестивымъ христіанамъ о пожертвованіи на постройку каменнаго храма. Писано въ мартѣ 1698 года (=7206 года¹).

Обор. л. 322: Извѣстіе о смерти игумена Сергія, дополняющее то, которое находится на л. 284.

л. 323: Рѣчь Каріона при поднесеніи царевичу Алексѣю Петровичу книги «Екклесія».

л. 324: сперва стихи изъ Едема, затѣмъ заглавіе Едема такое, какое читали выше на обор. л. 283; а далѣе находимъ полное заглавіе книги «Екклесія»: «Екклесія сіестъ церковь внебесное житіе собирающая и святящая вся человѣки, сущія в благовѣрїи, благодатию духа пресвятаго. всю убо зрѣніемъ іконъ прочтеніемъ же стиховъ всяка душа христіанска входящи восползуется духоспасително и укрѣпително. Создася въ царствующемъ градѣ Москвѣ мірозданія зѣвъ лѣта мѣа декемврія отъ ничтожна Каріона іеромонаха Истомина втипографіи справщика».

л. 325 — 26: «Книги написаны и поднесены» — запись Каріона о написанныхъ имъ и поднесенныхъ книгахъ царю Петру Алексѣевичу, царевичу Алексѣю Петровичу и другимъ членамъ царскаго дома. Такъ какъ здѣсь упоминаются такія сочиненія, которыхъ мы не встрѣтили въ трехъ сборникахъ Чудова монастыря и о которыхъ доселѣ никому ничего не было извѣстно, то рѣшаемся печатать эту запись особо.

л. 327 — 28: «Іоакимъ милостію Божією патріархъ царствующаго великаго града Москвы и всея росіи возлюбленнымъ во Господѣ святыя

---

1) См. О Никол. Резванскомъ монастырѣ Строевъ, стр. 377 — 78; Амвросій V т., 479 стр. VI, 1038.

православныя восточныя церкви сыномъ, царскаго пресвѣтлаго величества всему войску донскому атаману со всѣми товарищи тамо живущими, нашея мѣрности пастырское благословеніе». Посланіе патр. Іоакима къ донцамъ отъ ноября 1683 года. Вотъ болѣе важное мѣсто: «Зѣло же благодаримъ Господа Бога, и хвалимъ васъ во Господѣ намъ возлюбленныхъ сыновъ за ваше благоразсудное постоянство. якоже к благочестивѣйшимъ нашимъ Государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Ал. и Петру Ал. вс. вел. и м. и бѣл. р. самодержцемъ вѣрное ваше служеніе. . . яviste, тако и ко святѣй церквп. яко. . . в нынѣшнее злоютствомъ кипящее время от злыхъ человѣковъ воюющихъ на церковь святую повиновенне ваше и послушаніе принесосте. И велми ваша любовь добрѣ содѣласте яко такимъ врагомъ Божіимъ и возмутителемъ. . . нивчемъ не повѣрили. и лживымъ воровскимъ ихъ писмамъ не вняли». (обор. л. 328) «А еже расколники святыя церкви враги Божія вворовскомъ своемъ писмѣ [ихъ же научи сатана] написали на нашу мѣрность досады и укороенія и на святую церковь хулы, и како они впрошедшемъ врѣмѣте народъ и како свои прелести творили и что хотѣли съдѣлати [аще бы Богъ имъ попустилъ], и о томъ вашей любви пинѣ послахомъ двѣ книги увѣтовъ, да слово благодарственное Господу Богу». . .

«Писася въ цар. вел. гр. Москвѣ, от мірозданія зрѣв лѣта, отъ воплощенія же предвѣчнаго слова Божія, ахѣг. индикта 3. ноемвриа мѣа «^ѣ» дня».

л. 329 — 331: «Іоакимъ милостію Божіею Московскій и всея росіи, и всѣхъ сѣв. страпъ патріархъ».

Возлюбленнымъ во Господѣ нашея мѣрности сыномъ, царскаго пресв. величества Боляромъ и воеводамъ благородному боярину князю Василію Васильевичу Галицыну стоварыщи, и всему воинству, и гетману Іоанну Стефановичю Мазепѣ, со всѣмъ воинствомъ. отъ Госнода Бога благодать мпръ и милость даумножится, со архипастырскимъ нашимъ благословеніемъ». Грамота патр. Іоакима по случаю возвращенія войска изъ второго Крымскаго похода при царевнѣ Софїи Алексѣевнѣ. Писано 19-го іюня 1689 года. Патріархъ оговаривается, что отдѣльныя грамоты къ боярамъ, воеводамъ и гетману писать было некогда, потому что онъ, патріархъ, боленъ.

Обор. л. 331: «На листѣ около писавыя молитвы образки приклеены, и стихи писаны». Въ стихахъ говорится объ апостолѣ Петрѣ, Іоаннѣ Предтечѣ, мученикѣ Адрианѣ и другихъ святыхъ.

л. 334: «Божіею милостію Іоакимъ патріархъ и пр. . . Брату нашему и сослужителю, Господину Досифею преосвященному митрополиту, всеа земли молдавскія, во Господѣ радоватися». Письмо отвѣтное патр. Іоакима митр. Молдавской земли Досифею, писанное изъ Москвы 16-го декабря 1679 года. Досифей задумалъ завести въ Молдавской землѣ типографію и послалъ съ этою цѣлью къ патр. Іоакиму Іоанна Бѣлевича съ просьбой

снабдить посла своего всѣми необходимыми для типографіи принасами. Просьба была удовлетворена. [Досифей прислалъ письмо Іоакиму патр. 15-го августа 1679 года. На это письмо Досифея и служить отвѣтомъ только что указанное. См. Архивъ ю.-зап. Россіи V т., стр. 440 и 441. Роспись вещамъ типографскимъ, посланнымъ съ І. Бѣлевичемъ, напеч. въ V т. актовъ историч. № 50, стр. 36].

л. 335: Письмо патр. Іоакима окольнику и воеводѣ Смоленскому Іоанну Алексѣевичу Мусину, въ которомъ послѣдній увѣдомляется, что срокъ службы его скоро истечетъ, и онъ возвратится въ Москву. Писано въ февралѣ 1690 года изъ Москвы.

л. 336: Письмо патр. Іоакима гетману войска запорожскаго Іоанну Самойловичу. Въ письмѣ патріархъ проситъ гетмана помочь въ нуждѣ Кіевскому Межигорскому монастырю, въ которомъ Іоакимъ нѣкогда жилъ и воспринялъ тамъ монашескій чинъ (. . . «въ коемъ монастырѣ благоволившу ему народодѣтелю, нашея мѣрности во отложенія мірскаго житія быти, и монашеское воспріяти одѣяніе». . .). Писано изъ Москвы 3-го марта 1682 года.

Об. л. 336: Посланіе патр. Іоакима въ Успенскій Пресвятой Богородицы Брянскій монастырь іеромонаху Іоанну съ братією отъ 3-го марта 1682 года. Патріархъ проситъ, чтобы братія монастыря облегчила тяжелый вслѣдствіе наступленія весны путь инокамъ Кіевского Межигорскаго монастыря — іеромонаху Пароенію да іеродіакону Евменію, которые съ «требованіемъ полности» возвращались изъ Москвы домой. [Монастырь этотъ называется еще Свинскимъ или Свѣнскимъ. Въ 1681 — 86 г.г. зависѣлъ отъ Кіевской Лавры и назывался «Новопечерскій». До 1681 года были игумены, а затѣмъ присылались изъ Кіевопечерской Лавры намѣстники. Строевъ называетъ первымъ намѣстникомъ Іоанна Максимовича и называетъ годы 1684 — 1696. Изъ письма же патр. Іоакима видно, что и въ 1682 году во главѣ братіи стоялъ Іоаннъ. Одно ли это лицо съ Іоанномъ Максимовичемъ¹⁾?)]

л. 337: «Адріанъ милостію Божією

О святѣмъ душѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности преосвященному варлааму митрополиту Кіевскому Галицкому и малыя росіи архипастырское благословеніе». Письмо Адріана Варл. Ясинскому, мптр. Кіевскому и Галицкому, въ которомъ патріархъ проситъ послѣдняго отыскать вещи, оставшіяся послѣ смерти Палсія Лигорида и передать ихъ іерусалимскому архимандриту Хрисану. Такъ какъ оно, насколько намъ извѣстно,

1) См. Строевъ, стр. 906—7; Амвросій, ч. VI, стр. 35—39.

пигдѣ не напечатано, то приводимъ его здѣсь сполна¹⁾: «Писа княшей мѣрности братъ о Христѣ и сослужитель святѣйшїи Кири Досюей патріархъ Іерусалимскїи и всея палестины, еже бы послѣ успаго скончавшаго жизнь свою о Господѣ Лигарида газскаго митрополита, у васъ въ Кїевѣ, мощы святыя и книги, аще есть гдѣ отыскати, и отдавъ Гроба Господня архимандриту Хрисанфу іерусалимскому послати кнему святѣйшему Досифею въ Іерусалимъ. И ты сыне и сослужителю нашъ овзысканїи таковыхъ вещей како тамо знаеши, егда и гдѣ той митрополитъ Газскїи преставися, и что осяся, или кому приказа, потрудися, и что мощно чего-либо сыщется, к ему архимандриту Хрисанфу, нынѣ отнасъ изъ царствующаго града возвратившемуся во своя, вели отдати. Ибо пишутъ яко бралъ Лигаридъ Газскїи книги и мощы святыхъ, иныя взялъ изъ Іерусалима иныя изъ Газскїи епархїи, чтоже о томъ сотворится нашей мѣрности вѣденїе писанми сотвори. Посемъ благодать Божїа здрава вмирномъ жителствѣ многолѣтна ты и спасенна да сохранить. желаемъ.

Писася въ цар. вел. градѣ Москвѣ ,зѣв лѣта, отъ воплощенїа Бога Слова ,ахѣг мѣа декемвріа «^ѣ» «дне».

Об. л. 337: Письмо патр. Адріана при посылкѣ грамоты Θεодосію, архіепископу Черниговскому и Новгородскому. Письмо патріарха составляетъ отвѣтъ на письмо Θεодосїа отъ декабря 1693 года, въ которомъ этотъ послѣднїи извѣщаль Адріана о смерти Лазаря Барановича 3-го сентября 1693 года и объ избранїи себя на его мѣсто, по желанїю Лазаря Барановича и всего народа. Грамота Адріана, утверждающая Θεодосїа на архіепископской кафедрѣ, и письмо напечатаны въ Архив. ю.-зап. Рос. V т., стр. 395 — 404. Годъ письма расходится: напечатано 1693 года въ январѣ, а въ моемъ источникѣ вѣрнѣе — 1694 года въ январѣ.

л. 338: Письмо патр. Адріана гетману войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра Іоанну Стефановичу Мазепѣ, въ которомъ патріархъ уведомляетъ гетмана о посылкѣ грамоты, утверждающей Θεодосїа на Черниговской архіепископской кафедрѣ, и проситъ помочь повопоставленному архіепископу²⁾.

л. 339: Письмо патр. Адріана боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву и всему войску. Писано оно въ августѣ 1695 года, послѣ того какъ до патріарха дошли слухи о побѣдѣ русскаго войска надъ Турками и о разоренїи Казикермена. Такъ какъ отъ боярина Шереметева и гетмана Мазены извѣстіе о взятїи крѣпости Казикермена было получено

1) Въ 1691 году вѣчто подобное писалъ патр. Досїей Варлааму, митрополиту Кїевскому. См. Лѣтопись Самуїла Величка, Кїевъ 1855 года, томъ третїи, стр. 98.

2) Напеч. *ibid.*, стр. 404 — 405.

Государемъ только 19-го августа, то письмо патриарха писано, по всей вѣроятности, въ концѣ августа¹⁾.

л. 340: Письмо патр. Адриана гетману Ив. Ст. Мазепѣ въ отвѣтъ на извѣстіе послѣдняго о взятіи Казикермена. Письмо наполнено благословеніями и пожеланіями всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Оно писано въ томъ же 1695 году, хотя даты и нѣтъ при немъ²⁾.

л. 341: Письмо патр. Іоакима ктиторю обители Межигорской Максиму Васильковскому отъ января мѣсяца 1684 года. Патриархъ благодарить М. Васильковского за то, что онъ благотворить обители.

лл. 342 — 344: Довольно обширное письмо патр. Адриана митрополиту Кіевскому и Галицкому Варлааму Ясинскому отъ февраля мѣсяца 1700 года. Этого письма нѣтъ въ V т. Архива ю.-зап. Россіи. Устряловъ въ своей книгѣ: «Исторія цар. П. В.» т. III, прилож. стр. 531 помѣстилъ содержаніе письма Варлаама Ясинскаго патр. Адриану отъ января 1700 года, отвѣтомъ на которое и служить данное письмо. Приводимъ изъ него наиболѣе характерныя мѣста: (обор. 342 л.). «Писаніе твое намъ нынѣшняго времени в февруаріи привѣтно спразднествомъ Боговоплощенія чело-вѣка Іиса Господа, и о иныхъ дѣлахъ извѣстительное с прошеніемъ отъ нашея мѣрности указа, пріяхомъ. Такожде и пришедшихъ отъ васъ братію: игуменовъ Кіевскихъ Николаевскаго пустыннаго Стефана Яворскаго, Михайловскаго Златоверхаго Захарія Корниловича, и густынскаго прилуцкаго³⁾. . . Колачинскаго спрочіими архипастырскаго нашего благословенія сподобихомъ. но зѣло есмы немощны, яко они насъ видѣша. сболѣзнуемъ же вамъ слышавше, о лишеніи отъ пояденія огня вашихъ и монастырскихъ вещей книгъ и келлій, и разоренія строенія церковнаго». . . Далѣе разрѣшаетъ ему поставить въ епархіи епископа, но только чело-вѣка надежнаго (объ этомъ просилъ патр. Адриана и гетманъ Мазепа теперь лично, а прежде письменно).

(л. 345) «Игуменъ же Стефанъ Яворскій по указу царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшаго нашего монарха оставленъ здѣ вцарствующемъ градѣ, вслуженіе церковное, въ коемъ достоинствѣ Господь Богъ быти повелить». . . Въ заключеніи письма на жалобу Варлаама, что Кіевскіе мѣщане не слушаютъ его и женятся въ четвертый разъ, патриархъ совѣтуетъ обратиться къ гражданской власти, такъ какъ мѣщане должны повиноваться своему архипастырю. Писано въ Москвѣ ,зѣи мѣта или ,амѣ въ февралѣ.

1) Устряловъ это письмо не напечаталъ въ св. книгѣ о П. В.

2) Ср. Лѣтопись Величка, т. 3, стр. 287: писано 28-го августа 1695 года.

3) Здѣсь оставленъ промежутокъ, вѣроятно, для имени.

л. 345 — 46: Письмо патр. Адриана царю Петру, когда послѣдній находился подъ Азовомъ. Писано 19-го мая 1696 года. Устряловъ не зналъ этого письма; нѣтъ его и въ «Письмахъ и бумагахъ имп. П. В.». Приводимъ изъ него отрывокъ. Послѣ пожеланія, чтобы жизнь монарха продлилась на много лѣтъ, ибо жизнь его поддерживаетъ православную вѣру, патріархъ продолжаетъ: «По долгу же тебѣ великому Государю нашему царю, изданную втипографіи новоприведенную стреческаго языка, книгу исповѣданіе православныя вѣры. Первому первую послахъ, пже вѣру святую, и церкви нашея заповѣди и чины богомудро (л. 346) учить содержати, и втомъ пребывати всѣмъ благочестнымъ людямъ во спасеніе повелѣваетъ. всякихъ же зловѣрей и ересей и расколовъ и со иновѣрцы каждому неприличныхъ разговоровъ весма бѣгати¹⁾». Проситъ далѣ Петра писать о себѣ; извѣщаетъ, что въ семьѣ его царской все благополучно; что онъ, патріархъ, понемногу оправляется отъ болѣзни, которая его постигла предъ выступленіемъ царя въ походъ, когда онъ, царь, и навѣщалъ его, патріарха. Писано въ Москвѣ ,зѣд или ,ахѣс года мая бѣ.

л. 347: «Въ грамоту архимандриту Азовскому». 7206 года (1698 года) 20-го іюля. Начата только грамота: патріархъ извѣщаетъ, что Богъ подчинилъ царю Петру Алексѣвичу г. Азовъ, и что тамъ основаны церковь и монастырь во имя Іоанна Предтечи. Въ этотъ монастырь онъ назначаетъ архимандритомъ іеромонаха Іоасафа. Царь позволялъ и онъ, патріархъ, благословилъ ему носить при богослуженіи позлащенную шапку и сучокъ²⁾ (?).

л. 348 — 349: Посланіе патр. Адриана въ обитель Пресвятого и Животворящаго духа, въ городъ Вильну, іеромонаху Исаакію съ братією. Посланіе имѣетъ характеръ утѣшенія въ скорбяхъ отъ притѣсненій со стороны католиковъ; патріархъ увѣряетъ, что всегда помнитъ о нихъ и просилъ царя Петра за нихъ заступиться: «(л. 349)... еже бы впостановленныхъ мирныхъ статіяхъ, сбратомъ его свеликимъ пресвѣтлымъ августомъ полскія державы королемъ, о вашемъ тамо пребываніи безобидно вцеркви святѣй мудрованіе имѣлося, и содержалося непорушно вдолгій миръ». Извѣщаетъ далѣ, что получилъ письмо, посланное чрезъ іеромонаха Іосифа и книгу требникъ, напечатанную въ Виленской типографіи. Убѣждаетъ, чтобы во всѣхъ книгахъ будущей тамошней печати было согласно съ ученіемъ нашей церкви³⁾.

1) Противъ этихъ словъ въ рукописи отмѣчено: «сіе не писано».

2) Ср. Амвросій, ч. III, стр. 71 — 73; Строевъ, стр. 492, гдѣ невѣрно обозначенъ годъ назначенія Іоасафа архимандритомъ — 25-го декабря 1699 года.

3) О Виленскомъ святодух. мон. см. Амвросій. ч. III, стр. 538; Строевъ, 538 — 39. Послѣдній въ числѣ архимандритовъ монастыря называетъ подъ 1690 годомъ Исаакія Васенкевича, къ которому, по всей вѣроятности, адресовано упомянутое письмо Адриана. Слѣдовательно, оно писано послѣ 1690 года. Въ V т. Арх. ю.-з. Рос. нѣтъ этого письма.

л. 350: Письмо патр. Адриана іеромонаху Аоанасію Миславскому, присланному изъ Кіевонечерской Лавры намѣстникомъ въ Новопечерскій Пресвятой Богородицы Брянскій монастырь. Въ своемъ письмѣ, написанномъ въ февралѣ 1700 года, патріархъ убѣждаетъ Аоанасія быть хорошимъ намѣстникомъ обители на пользу Богородицы и всей монастырской братіи¹⁾.

л. 351 — 52: Письмо патр. Адриана царю Петру подъ Азовъ. Писано 31-го іюля 1696 года, въ отвѣтъ на увѣдомленіе со стороны Петра, что русское войско взяло каланчу подъ Азовомъ. [Напечатано въ «Письмахъ и бум. Имп. П. В.» т. I, стр. 524—26, только здѣсь ошибочно выставлено число празднованія Ивану Воину: *не 10 день іюлія* падо, а 30 день іюлія, какъ въ нашемъ источникѣ²⁾].

л. 353: Грамота патр. Адриана намѣстнику обители Новопечерской Брянской іеромонаху Силѣ съ братією о томъ, чтобы служили благодарственный молебенъ по случаю взятія г. Азова. Писано 2-го августа 1696 года, слѣдовательно, вскорѣ послѣ сдачи Азова турками, которая произошла 19-го іюля 1696 года; въ Москвѣ получено было извѣстіе 31-го іюля.

л. 355: Грамота патр. Адриана отъ 28-го февраля 1697 года, которою онъ извѣщаетъ, что въ 7205 году просили его челобитьемъ города Полоцка богоявленскаго монастыря игумень Каллисть съ братією и гор. Витебска Марковскаго монастыря игумень Теофанъ съ братією о слѣдующемъ. Прежде они ходили по р. Двинѣ въ гор. Шведскаго короля Ригу съ православными торговыми людьми, для совершенія требъ; теперь же имъ возбраняють то игумень Дисненскій Самуиль и Друйскій игумень Θεодосій. Патріархъ своею грамотою, очевидно, къ обидчикамъ велитъ не обижать Каллиста и Теофана и не препятствовать имъ ѣздить въ Ригу съ торговыми людьми.

л. 356: Адрианъ милостію Божією и пр. . .

вприказъ царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшаго Государя Царя и великаго князя Петра Алексіевича всея великія и мал. и бѣл. росіи самодержца, болшія казны боярину князю Петру Іоанновичю Прозоровскому стоварыщи. нынѣшняго ꙗже лѣта вмѣстѣ семъ февруаріи, вѣдомо

1) Ср. Строевъ, 907 стр.

2) См. о томъ же событіи Устряловъ, II т. 235, прил. II, 33; Соловьевъ, т. 14, 203—204.

3) См. Соловьевъ, 14 т., стр. 209; Устряловъ, т. II, 292 и д. О Силѣ Жаровскомъ см. Строевъ, стр. 907.

нашей мѣрности учинилося и явилося уже всагомъ дѣлѣ, что за рубежемъ во странѣ лядской вдержавѣ полскаго короля уневскаго монастыря архимандритъ варлаамъ шептицкій самъ сушь по свидѣтельству нѣкихъ вподозрѣнїи унїятскомъ, яко римскїа западнїа церкви поборникъ, нашея же восточнїа церкви отступникъ [аще и благочестивый. нашъ бѣ той монастырь] напечаталъ книгу Евангелїе учителное на недѣли и господскїа праздники слога и изданїа бывшаго унїята и умершаго во отступствѣ от нашея церкви, и соединившагося слатїны вримское злое чтилище. Бывша за владѣнье короля полскаго во градѣ Черниговѣ въ монастырѣ Елецкомъ архимандрита Кирилла Транквилїона. которая книга во многихъ мѣстѣхъ неправа, и церкви нашей противна. и впрежднїа лѣта вКїевѣ отбывшаго тогда православнаго митрополита Кїевскаго Петра Могилы во всѣхъ градѣхъ та книга купить заповѣдана. что она от схизматика сдѣлана, и всочиненїи грамматическомъ велми нечинна и худа. ксему перетика отступника от нашего благочестїа, имене прославляти в нашей церкви всяко не подобаеть. а втой книги на первомъ листу во описанїи и впредсловїи, той архимандритъ варлаамъ шептицкій напечаталъ его Кирилла Транквилїона мужемъ богодохновеннымъ, и печаталъ тую книгу безъ благословенїа (обор. л. 356) нашея мѣрности, и свойственнаго православнаго архїереа собою, яко вподметъ толко выставляеть того Кирилла унїята. И отомъ чтобъ тою (тую?) книгу намъ здѣ взборонить продавать и купить, изъ Кїева нынѣ преосвященный варлаамъ митрополитъ Кїевскїй и Галицкїй и малыя россїи писалъ. Что той Кирилль стався унїяткомъ многая злая, и еретическїа догмы римскїа на наше благочестїе и во иныхъ книжицахъ писалъ. а нынѣ де нѣсколько тѣхъ новопечатныхъ книгъ привезли купецкїа люди ради вродажи к Москвѣ, и вторговля на гостиномъ дворѣ задержаны а сказывають де бутто по благословенїю нашея мѣрности, и по воли царскаго пресвѣтлаго величества печатаны тѣ книги нарочно. и тѣхъ книгъ здѣ на Москвѣ и вездѣ благочестивымъ людемъ продавать и покупать наша мѣрность не велми и не благословляемъ, ради вышечисанныхъ винъ. и отздѣ стѣми книгами продающаго выслати бы вонъ. чтобъ здѣ отнюдь не продавали. И Болярину князю Петру Иоанновичю Прозоровскому стоварыщи о семъ учинить по указу великаго государя и по нашея мѣрности завѣщанїю. писася „зсе лѣта февруарїа въ кѣѣ“. Интересный документъ борьбы противъ распространенїа въ Москвѣ неправославныхъ мнѣнїй, идущихъ изъ юго-западной Руси.

лл. 357—358 (п одинъ пропущень помѣтою). Грамота патр. Адриана объ учрежденїи архимандрїи въ Ильшскомъ Троицкомъ Черниговскомъ монастырѣ. Такъ какъ эта грамота исправляеть тѣ свѣдѣнїа объ учрежденїи архимандрїи, какїа находимъ у Амвросїа, (IV ч., 299 стр.) и попол-

плетъ вообще свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ¹⁾, то приводимъ ее здѣсь въ полномъ видѣ: «Адріанъ милостію Божіею и проч. . .

вблагочестивомъ православномъ народѣ, ничтоже ино любочестно и душеспасително, яко церкви святыя Благокрасованіе. и чинъ священпослуженія впрезвѣществѣ устроенный. Якоже дѣйствъ въ Господни благодати совершеніе, такоже и служителей гдѣ либо вчиподостойствѣ началствъ украшеніе. Запеже церковь святая каолическая различныя благодати вползѣ христіянъ благочестивыхъ раздаваніе, и исполненіе святыши присно имѣеть. Ибо царства, и страны, и гради, и обители святыя монашескія тризны дѣвождествуются, преимуществами началы во всякой лѣпотѣ. Ксему долгъ належитъ смотрства имѣючи наша мѣрность ввнестанномъ попечителствѣ ону, яко ввѣрися всеблагаго творца нашего Бога благодатию намъ, вдобродѣтелехъ преспѣвающія люди поставляти всвященныхъ степенехъ, и мѣста святая обветшавшыя возповляти, и созидати вновь, ради разширенія православныя нашея вѣры, и умноженія славы Господа Бога, и чести ради пресвятыя дѣвы Богородицы Маріи и всѣхъ святыхъ. да попрославленному мѣсту, и дѣло будетъ достойно приличнаго сана пріятія. И сицевому событію и вѣрнѣйшыя благочестивыя цари церкви благочестивыя вдуховномъ мудрованіи крѣпкія поборники вдержавъ своей благоволителни суть. Да благоимствуется святая церковь и народи вчинокрасителствѣ священныхъ мужей, и вдобродѣтельной тѣхъ жизни да увеселяются тако видяше (обор. л. 357). Таковыя убо ради вины извѣстися пресвѣтлomu величеству благочестивѣйшему нашему великому Государю Царю и великому князю Петру Алексіевичю вс. вел. и м. и б. р. сам—цу и многихъ государствъ и земель повелителю и обладателю. Такожде и нашей мѣрности яко въ малороссійской странѣ во градѣ Черниговѣ, обитель святая, древній монастырь, Пресвятыя и Живоначальныя Троицы ильинской, внемже попремногу чудодѣйства притекающимъ свѣрою, от іконы Пречѣтыя Дѣвы Бѣды Маріи с предвѣчнымъ наруку ея младенцемъ Гдѣмъ нашимъ Бгѣмъ Іисъ Хрѣстомъ непрестанно бывають, которую обитель состави вросіи преждній преподобный свѣтый отецъ Антоній Кіевопечерскій, по Кіевопечерскому вторый россійской монастырь. внемже и пещеру ископа, и преподобніи святіи обитаху, и церковь каменную над устіемъ тоя пещеры содѣла Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ, яже и доселѣ обретается, и впещерѣ егда преподобніи отцы труждахуся и жителство имяху по подобію великихъ древнихъ святыхъ онуфріа великаго, Павла Фивейскаго, Петра Аоонскаго, святаго же Іоанна Предтечи и Іліи Фесвитянина всего же именованіе и храмъ создася и именованіе ильинской монастырь стяжеть. И в пещерѣ

1) Ср. Строевъ, стр. 517.

мощи монашествующихъ жителей схимны поясьни схимы и поясы желѣзныя монашествующихъ жителей и затворы суть отъ всѣхъ зримы. Но во многихъ временахъ отъ военныхъ случаевъ, тая святая обитель во оскудѣнїи и разоренїи бысть. Нынѣ же благодатию Божіею, и чудодѣйствомъ Пречестныя іконы Пречистыя Бѣ́ды Дѣ́вы, и преподобныхъ отецъ, тая святая обитель вдержавъ царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшаго нашего самодержца и внашея мѣрности архїаастырскомъ патріаршемъ всѣхъ архїерейскихъ престоловъ подсудственныхъ духоводствѣ, жителствомъ монашескимъ и строенїемъ, и потребѣ доволствомъ ко прежитію обитающихъ доброкрасится (листь пропуценный помѣтою). Иматже и типографію книгъ святыхъ съ царскаго пресвѣтлаго величества повелѣнїемъ, и сблагодаренїемъ нашея мѣрности, да смотритъ и преосвященный нынѣ тамо Іоаннъ архїепископъ Черниговскїй и Новгородской отчесого Слава Богу множится, и люди Господни прїемлють ползу и спасенїе душъ своихъ. Сего ради благочестивѣйшїй нашъ великїй Государь царь и великїй князь Петръ Алексѣевичъ... совѣтовавъ съ нашею мѣрностію, повелѣлъ, и наша мѣрность соизволихомъ и благословихомъ, во украшенїе и чиновное достоинство въ той святой обители, преначалныя божественныя Троицы, Ильинскомъ монастырѣ быти вмѣсто игуменства архимандрїи всегда, и нынѣшняго мірозданїа 23^е лѣта, февруарїа мѣся въ кѣи того Ильинскаго монастыря честнаго игумена челоуѣка благоразумна и учителна в мудрословіи Лаврентїа Крещеновича поставихомъ архимандрита. Его же по нашея мѣрности благословенїю, во величїи соборнїи церкви во храмѣ Пресвятыя Бѣ́ды Успенїа, на святѣи литургїи молитвенными гласы и достоинствы воспѣ по чину о святѣмъ дусѣ сынъ и сослужитель нашъ Преосвященный Сампсонъ митрополитъ Астраханскїй и Терскїй. О семже дабы устроити в той обители Ильинской архимандрїю за древность, и прославленїе имене Божїа и чудеса Боговладычицы Дѣ́вы Марїа, и за тцанїе встроенїя того монастыря святыя Троицы, да бы сего честнаго игумена Лаврентїа произвести во архимандриты, с прошенїемъ писа нашей мѣрности преосвященный варлаамъ митрополитъ Кїевскїй Галицкїй и малыя росїи свидѣтельствую, яко и в древнихъ лѣтописяхъ той обители, како зачаса и бысть, и паки возновися, онъ преосвященный варлаамъ извѣстися.

Ксему в таковое же содѣйствїе, еже имать просити челобитьемъ сей нынѣ сущїй первый в той обители архимандритъ Лаврентїй, к царскому пресвѣтлому (обор. листа не нумерованнаго¹⁾) величеству к благочестивому Государю царю Петру Ал—чю войскъ его запорожскихъ обоихъ странъ Днепра гетманъ Іоаннъ Стефановичъ Мазепа просительнѣ писа, яко отомъ

1) Слово пресвѣтлому повторено 2 раза.

извѣстіе писаніѣ измалороссійскаго приказа намъ принесеса. Но и къ нашей мѣрности оиже гетманъ снимъ Лаврентіемъ тогда сущимъ игуменомъ в предстателствѣ прося насъ овышенисанномъ писалъ же. Тѣмже отселѣ и вриѣдущая лѣта втой святѣй обители трипостасныя Единицы Божественныя Отца и Сына и Святаго Духа, въ монастырѣ Ильинскомъ Черниговскомъ да будетъ по повелѣнію царскаго пресвѣтлаго величества православнаго нашего монарха, и по нашея мѣрности архинастырскому благословенію, архимандріа. И сей архимандритъ Лаврентій втомъ монастырѣ всякія вещи церковныя и монастырскія движемья и педвижемья земли села и деревни что к тому монастырю належатъ изстари и вновь покрѣпостямъ и по дачамъ, братію монашествующихъ, и служащихъ, и подданныхъ людей да управляетъ и назираетъ во всякомъ благочестіи. Якоже и прежде бывъ въ игуменахъ служеніе же вцѣркви чина архимандрита и среброкованно позлащенную шапку да имѣеть, и втой Черниговской архіепископії, якоже нынѣ преосвященному Іоанну архіепископу Черниговскому и Новгородка, тако и всѣмъ натомъ престолѣ волю Божію будущимъ архіереемъ время своихъ новиновеніе и послушаніе, и совѣщаніе ко всякому полезному, и потребному церковному и гражданскому содѣланію по странѣ тоя обычаю да сотворяетъ вдуховной и сыновской любви. образъ благихъ дѣлъ, и предписаніе хриstopодражателныя жизни, яко искусный монашескаго обученія, и мудростныя науки, долженъ всегда имѣти. и содержати благочестіе святыя восточныя цѣркве, по учителству и преданію отецъ святыхъ крѣпцѣ, и непорочно. во иныя же епархіи архіерейскія оттуду не отлучатися. и споны в соблазнъ кому либо не творити (л. 358) по поучаяся взаповѣдехъ Господнихъ псаломно день и ноць воздавати хвалу и славу Господу Богу во святѣмъ его храмѣ. со всѣми обитающими въ той обители монашествующими чпновно и церковно воздержаніе же совсѣми духовными апостоловѣщанными плоды имѣти. и в духовный подвигъ обитающія наставляти и учити яко монастырскую братію, тако и вси люди евангелскаго житія. твореніемъ и ученіемъ. дѣяніемъ и видѣніемъ нелѣпностию. ззорнаго же и безчпннаго дѣла и житія весма ошаяватися. за сіе бо пріиметъ славы неувядаемья вѣнецъ, и блаженныя жизни в пресвѣтлыхъ небесѣхъ наслѣдство по гласу спасителя нашего Христа: идѣже есмь азъ ту и слуга мой будетъ. Сего же честнаго Лаврентіа архимандрита повелѣнію царскаго величества. и по нашея мѣрности благословенію, таковаго сана сподоби (в?) шася благоволително. вси люди да имѣютъ его во архимандритѣхъ извѣстна мужа честна и игумена мудрости слова ученія, братія же монахи, и служители всякаго чина, и подданныя прпдержашіися того монастыря, его архимандрита во всемъ добродѣланіи да слушають яко Господина инокоряются, яко отцу и учителю спасенія ихъ. Яко онъ имать слово воздати о васъ.

повинуйтесь рече святыи апостоль наставникомъ вашимъ и покарайтесь тиѣ бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще. аще же сей Лаврентій архимандритъ, или кто инъ понемъ втомъ святотроицкомъ Ильинскомъ монастырѣ будетъ, о врученныхъ ему и заповѣданныхъ содѣлованіяхъ якоже выше глаголашася вознерадитъ, зазорже и неспкуство, и соблазнь во грѣхъ, и небреженіе о обители, и о спасеніи своемъ, и братіи жителствующей тамо како либо сотворитъ. воздасть слово вдень Божія суда яко пророкъ глаголетъ: отъ руки твоея взыщу. по нашея же мѣрности повелѣнію, и оттамо сущаго черниговскаго архіереа наказаніе прииметь, достоинства же архимандріи и всякаго правителства втои святѣи обители лишится вгрядущая же времена, аще кто инъ имать быти втомъ монастырѣ архимандритъ, безнашея мѣрности да не поставляется тамо. Но аще мы повелѣмъ к нашему здѣ архипастырскому престолу прибыти, или тамо сущему архіепископу Черниговскому. И сего ради во утверженіе тоя втомъ монастырѣ архимандріи, и ему первому архимандриту Лаврентію дадеся нашея (обор. л. 358) мѣрности патріарша грамота. за написаніемъ руки нашея, запечатію. Писася вцарствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Мірозданія ^жсе лѣта. рождества же Богочеловѣка Іисъ Христа ^жахчѣ индиктіона «^ж» мѣца марта».

л. 359: Письмо патр. Адріана Т. Н. Стрешневу. О немъ упоминаеть Устряловъ въ III т., 537 стр., примѣч. 190, но не приводитъ; нѣтъ его и въ «Писъм. и бум. имп. П. В.», поэтому приводимъ его здѣсь: «Адріанъ милостію Божіею. . . возлюбленному во Господѣ нашея мѣрности сыну царскаго пресвѣтлаго величества боярину Тихону Никитичю Стрешневу архипастырское благословеніе». «Присно мѣрность наша твоей любви вдобродравіи мирнаго пребыванія, и душеспасительнаго совершенства желаемъ.

Присемъ прошу твою любовь, вmartѣ мѣцѣ писано отъ насъ кблагочестивому нашему царю¹⁾, что по его государскому изволенію, хотѣхомъ поставить во архіереи врозанскую²⁾ митрополию Кіевскаго Николаевскаго игумена Стефана Яворскаго. и онъ при самомъ пареченіи, уѣде вдонской монастырь, и по многомъ носланіи отъ насъ отгуду не поѣхаль. И посвященія втои чинъ отречеся. и спону не малу во оскорбленіе намъ тѣмъ содѣла. ему же весь ходъ³⁾ быти втомъ монастырѣ до его великого государя указу, и нынѣ онъ тамо. да и о сибирскомъ игнатіи митрополитѣ, что онъ записривленіе свое пынѣ в Чюдовѣ монастырѣ живеть подначаломъ. И о томъ о всемъ от великого Государя кшамъ никоего извѣстія пѣсть. изволь

1) Письмо это напечатано Устряловымъ, III т., стр. 534.

2) т. е. въ рязанскую.

3) Очевидно, описка вм. годъ.

твоя любовь во время ему государю напомнить. чтобы онъ великій Государь (об. л. 359) по милости своей пожаловалъ, и отомъ благоразсужденіемъ своимъ указъ и извѣстіе мѣ сотворилъ писаніемъ. Здравствующе во Господѣ радуйтесь. аминь. Из Москвы лѣта Господня ̄аѳ̄ апрѣля ̄а̄ дне».

Об. 359 — 360: Письмо патр. Адріана по тому же дѣлу кн. А. Д. Меншикову. Напечатано Устряловымъ, III т., 537 — 38 стр.

л. 361: Письмо патр. Адріана Аѳанасію, архіепископу Холмогорскому и важскому. Вотъ суть его: «Нышѣ же іюліа мѣца писаніе твое нашей мѣрности о соловецкого монастыря поведеніи, яко недоброгласномъ, пріяхомъ. И чтобы внемъ всякое благоискуство к полезному и душеспасительному пребыванію устроить, извѣстихомся». Обѣщаетъ со временемъ приняться за исправленія, но теперь совѣтуетъ повременить. Писано въ Москвѣ въ іюлѣ 1695 года. Ральше этого времени о безчиніяхъ Соловецкихъ монаховъ Аѳанасій жаловался патр. Іоакиму. См. Архивъ ю.-зап. Россіи т. V., 451 стр. 1). Этотъ Аѳанасій былъ первымъ архіепископомъ епархіи холмогорской, учрежденной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 году. Хиротонисанъ 19-го марта 1682 года изъ Крестовыхъ патриаршихъ іеромонаховъ, 6-го сентября 1702 года скончался 2).

Об. л. 361: Письмо патр. Адріана Евѳимію, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому отъ 13-го іюля 1695 года. Патриархъ отвѣчаетъ на письмо Евѳимія, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ патриарха о своемъ прибытіи въ Новгородъ. Этотъ Евѳимій былъ назначенъ въ Новгородъ митрополитомъ въ 1695 году въ апрѣлѣ, а 6-го декабря 1697 года скончался 3).

л. 362: Письмо царицы Евдокіи Лопухиной царю Петру отъ 4-го іюля 1695 года, т. е. когда Петръ былъ подъ Азовомъ. Такъ какъ его иѣтъ ни у Устрялова, ни въ «Письмахъ и бум. имп. П. В.», то приводимъ его здѣсь. «Благочестивѣйшій великій Государь царь и великій князь Петръ Ал. вс. вел. им. и б. р. сам. богомудрый повелитель многихъ государствъ и земель славный обладатель благополучно и многолѣтно въ Бозѣ Господѣ здравствуй и присно радуйся.

Всемогущій и всетворящій Богъ кславѣ своего божественнаго имене, и кползѣ всего на вселеннѣй христіянства, ради разширенія православныя нашае вѣры тебѣ Государю благая и полезная повсюду да сотворитъ.

Попремного бо твоему царскому пресвѣтлому величеству азъ худшая и сынъ твой царевичъ Алексій, исполнятся вхрабромужествеишѣмъ твоемъ,

1) Въ Памятникахъ Др. писъм., вып. III-й, 1879 года напечатано обширное письмо Аѳанасія, на которое служитъ отвѣтомъ настоящая грамота патр. Адріана.

2) См. Амвросій, ч. I, 193 стр.; Строевъ, 813 стр.

3) См. Амвросій, ч. I, стр. 80; Строевъ, стр. 37.

и благомысленномъ сердцѣ воли Господни, желаемъ. Да по гласу святаго апостола павла: твое Государское преслѣяніе во Благочестїи всѣхъ наземныхъ народовъ явленно будетъ. Ко пзящному самодержавству царства твоего. Молимъ же тя Государя благоволи: отеческими твоими любленїи милостивно здѣ насъ посѣщати впорадованїе.

Зане всегда сего требуемъ, и на слышанїе о благопробыванїи твоємъ слухи наша отвержаемъ.

вспомоществуй тебѣ Государю, и всему твоему вопиству, Христе Боже, и побѣду на враги, и разоренїе проклятыхъ жилищъ ихъ даруй, усердствуемъ.

изъ Москвы 1695 г. 10 июля 11 дне. Хуждшая твоя рабыня Евдокія съ сыномъ Алексїемъ Господа Бога моляще челомъ біемъ».

л. 363—364: «Адрїанъ милостїю Божїею и пр...

святѣйшему всеблаженнѣйшему Господину брату и сослужителю киръ Калиннику архїепископу Константинопольскому новаго рима и вселенскому патриарху о Господѣ цѣлованїе и радованїе». Письмо патр. Адрїана патр. Константинопольскому Калиннику, писанное въ 1696 году (7204) вотъ по какому поводу. Въ сентябрѣ 7204 года просилъ письменно патр. Адрїана Варлаамъ, митрополитъ Кїевскїй и Галицкїй, чтобы позволилъ поставить епископомъ Луцкимъ монаха Дїонїсія Жабокрицкаго. Но этотъ Д. Жабокрицкїй имѣлъ въ міру женою вдову, а не дѣвицу. По правиламъ апостоловъ и св. отцовъ, такому человѣку возбранено священство. Въ виду же того, что Жабокрицкїй — единственный человѣкъ, способный защищать православныхъ отъ притѣсненїй католиковъ и униатовъ, Адрїанъ проситъ Калинника обсудить этотъ случай и позволить Дїонїсію быть епископомъ.

л. 365 и 370: Письмо патр. Адрїана митрополиту Варлааму Ясинскому, благодарственное за изданїе шести мѣсяцевъ миней св. Дмитрія; писано въ маѣ 1695 года. Напечатано въ V т. Архива ю.-зап. Россїи, 428—430 стр., гдѣ выставлено 29-ое мал; въ нашемъ источникѣ числа нѣтъ: «маїа» «дне».

л. 366—67: Письмо патр. Адрїана тому же Варлааму, съ изъявленїемъ согласїя на поставленїе Іоасафа Краковскаго въ епископы Переяславскїе, отъ 28-го мая 1695 года ¹⁾).

Об. л. 367: Письмо патр. Адрїана гетману Мазепѣ, съ изъявленїемъ

1) Напечатано *ibid.*, стр. 425—27; въ нашемъ источникѣ нѣтъ числа мѣсяца. Ср. Лѣт. Величка, т. 3, 295—97.

согласія на поставленіе І. Краковскаго въ епископы Переяславскіе того же 1695 года ¹⁾).

Об. л. 368 и л. 369: Письмо п. Адріана Димитрію, архимандриту Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, съ изъявленіемъ благодарности за труды Димитрія по составленію миней; писано въ 1695 году ²⁾).

Об. л. 369: Письмо п. Адріана гетману Мазепѣ по поводу присланоной изъ Лавры второй части миней Димитрія ³⁾).

Об. л. 370 и л. 368: Письмо п. Адріана Мелетію Вуяхевичу, архимандриту Киевопечерской лавры, съ изъявленіемъ благодарности за издаііе миней Димитрія ⁴⁾).

л. 371—72: Письмо п. Адріана Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому, съ различными наставленіями касательно управленія митрополіею; писано въ январѣ 1694 года ⁵⁾).

л. 373: Письмо патр. Адріана Савватію, митропол. Астраханскому и Терскому отъ сентября 1695 года. Патріархъ высказываетъ радость, что Савватій хорошо править своею епархіею и что благодѣтельствуетъ особенно той церкви, гдѣ трудится. Затѣмъ увѣдомляетъ, что строитель Троицкаго монастыря Феодосій привезъ ему патріарху всѣ данныя Савватіемъ вещи и, получивъ патріаршее благословеніе, уѣхалъ обратно. [О Савватіи см. не согласныя свѣдѣнія у Амвросія, I ч., 105 стр. и у Строева, стр. 310].

л. 374: Письмо патр. Адріана окольничему и воеводѣ Астраханскому Іоанну Алексѣевичу Мусину.

Узнавъ о болѣзни боярина, патріархъ пишетъ ему, увѣщевая надѣяться на милость Божию и желая скорого выздоровленія. Въ заключеніи письма проситъ воеводу помочь промышленникамъ «дома нашего», находящимся въ Астрахани. Хронологич. даты нѣтъ.

л. 375—76: Письмо п. Адріана Варлааму Ясинскому, митр. Киевскому, отъ декабря 1696 года. Дѣло идетъ о Діонисіи Жабокрицкомъ. Адріанъ писалъ уже Варлааму, что о поставленіи Діонисія въ епископы онъ спрашивалъ соборнаго рѣшенія патріарховъ Константинопольскаго Калиника и Іерусалимскаго Досифея, по отвѣта соборнаго еще не получилъ. Досифей же патріархъ Іерусалимскій противъ поставленія Діонисія, женатаго на вдовѣ, чтобы не нарушать церковныя правила. Между тѣмъ гетманъ Мазепа 13-го декабря 1696 года писалъ Адріану, что Жабокрицкаго уже посвятилъ въ іереи и въ архимандриты какой-то архіерей, присланный

1) Напечатано *ibid.*, 427—28 стр. Ср. Лѣт. Величка, *ibid.*, стр. 294—95.

2) Напечатано *ibid.*, стр. 433—36.

3) Напечатано *ibid.*, стр. 430—31. Ср. Лѣтопись Величка, *ibid.*, 293—94.

4) Напечатано *ibid.*, 431—433 стр.

5) Напечатано *ibid.*, 391—394 стр.

будто патріархомъ вселенскимъ. Теперь оставалось посвятить его въ епископы, о чемъ просилъ І. С. Мазена. Но Адріанъ противъ этого посвященїа. Опъ сильно порицаетъ въ письмѣ Жабокрицкаго, что онъ рѣшился безъ увѣдомленїа его, Адріана, принять посвященїе отъ какого-то бродяги или запрещеннаго архіерея. Патріархъ повелѣваетъ Варлааму допросить архіерея, отъ кого онъ присланъ и кто онъ такой, а Жабокрицкому не позволять служить. Просить о результатѣ разспросовъ донести ему, патріарху.

л. 379: Отпустительная молитва, которую полагають въ гробъ съ умершимъ. Вотъ ея начало: «всетворителю и вседержителю Боже Отче Боже Сыне Боже душе святыи, втрїехъ ипостасѣхъ вединомъ же божествѣ существѣ и ествѣ, отъ всея твари непрестанно славимый втвоемъ благоволенїи и предзнанїи и вбездѣрныхъ твоихъ щедротахъ неизреченною твоею мудростїю вбытность видимаго здѣ неземнаго міра сотворенъ и созданъ есмь азъ рабъ твой имѣкъ. Еже тебе Господа Бога моего славити, воспѣвати имя твое святое, и благодарити за милосердіе твое: и всякими добродѣтелями тѣшатися ввѣчное твое царство»...

л. 380: «Купѣль душевная яже омываетъ во очищенїе сердца и просвѣщенїе ума ученїемъ всякаго чловѣка на духовное и благомысленное житїе, древленѣкій благоговѣйный и мудрый монахъ сію написа во Італїи первѣе латинскимъ діалектомъ, посемъ и полскимъ языкомъ обрѣтесе, и снего нынѣ на нашъ славенскїи языкъ вползу богобогоящихся, и житїе свое в богомыслии препровождати хотящихъ монаховъ, преложи честный Господинъ іеродїаконъ монахъ Теофанъ типографїи справщикъ, вцарствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, во монастырѣ чуда архистратига Михаїла обитавшїи, в лѣто мірозданїа зрѣвъ, рожества же во плоти Бога слова дахїд мѣа августа.

Но занеже благодатїю Божїею чловѣкъ есмь вмонашескомъ обученїи обитающїи, и всеусердно хочу воли Божїей послѣдовати, и кто восхоцетъ въ книзѣ сей купѣли духовнѣ мытїся, и просвѣщатїся монашескимъ искусствомъ копресладчайшей любви Іисъ Христовѣ¹⁾... вся благоугодившїя святїя прошу: воеже бы сей трудъ мой Богъ во святую свою славу, читающымъ на ползу, мнѣ же на заслуженїе обратилъ. аминь». Такимъ образомъ, здѣсь имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство о переводѣ Теофаномъ «Купѣли душевной» съ польскаго. Изъ нашихъ библіографовъ ни у Евгенїа, ни у Филарета, ни у Строева нѣтъ свѣдѣнїи о переводѣ Теофаномъ Купѣли. Только въ соч. Викторова: Описанїе рукописныхъ собранїи въ

1) Одно слово, неразобранное нами, пропущено

книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Спб. 1890 есть объ этомъ упоминаніе, см. стр. 236.

Об. л. 380—383: Грамота п. Адріана іеродіакону Іосифу Булгакову, при отравленіи его за выслугу строителемъ въ Благовѣщенскій Нижегородскій монастырь [объ эт. мон. см. Амвросій, III ч., стр. 358—59; Строевъ, стр. 614]; писана въ январѣ 1699 года.

Об. лл. 383—384: разныя мелкія замѣтки и статьи, напр., «Молитва прощальная и разрѣшальная отъ архіереа, или іереа глаголема». Изъ замѣтокъ отмѣтимъ слѣдующую: «зѣс марта г̄ отнесъ азъ вверхъ Государю Царевичю Алексію Петровичю книгу лѣтописецъ греческой по славенской рѣчи, и въ лицахъ весь вдесть царство Константина Багрянороднаго сына лвова. а сначала той лѣтописецъ царство Тита Евспасіанова сына». Эта замѣтка не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что Каріонъ перевелъ для царевича Алексѣя Петровича греческій лѣтописецъ?

л. 385: Письмо п. Адріана гетману Мазепѣ, при посылкѣ ему изданной въ Москвѣ книги «Православное исповѣданіе». На сколько намъ извѣстно, оно напечатано съ нѣкоторыми неправильностями въ 3 т. Лѣт. Велючка (стр. 415—416) поэтому приводимъ его здѣсь:

«возлюбленному во Господѣ, нашея мѣрности сыну, царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ странъ днепра гетману Іоанну Стефановичю Мазепѣ вседомовнѣ, архипастырское благословеніе».

«На вселеннѣй всей земнаго круга, едина влюдехъ Господнихъ вѣра православная каоолическая державствуетъ во спасеніе. яже и церковь святую восточную, чрезъ богодохновенная отецъ святыхъ ученія утверждаетъ, пророкогедеоновымъ гласомъ зовущи: во мнѣ Господи сіестъ во истиннѣй вѣрѣ, вси святіи содѣяша правду, и получиша обѣдованія нынѣшняго живота благочестно, и грядущаго вѣчнаго на небесѣхъ. апостоловѣщаниѣ бо: безъ вѣры невозможно угодити Богу. О ней же, како истинно христіянскому человѣку знатися, предъ Богомъ и людьми творити доброе, и содержати тайнства и чины молитвословныя во всякихъ душетѣлесноспасителныхъ потребахъ. внаслѣдіе царства небеснаго со спасителемъ нашимъ Іисъ Христомъ и всѣми святыми благоугождшими, книга исповѣданіе православныя вѣры мудрованія и содержанія церкви матери нашея восточныя новопреведеса селлиногреческаго діалекта. на нашъ славенскій, зовема Катихисисъ сіестъ оглашеніе, и благодатію Божіею нынѣ вцарствующемъ градѣ Москвѣ типографіею издадеса. юже архипастырскаго и отеческою нашею душею влюбви тебѣ послахомъ. Да во изрядной ползѣ книги тоя прочитаніи твоя любовь душеспасителнѣ и богомудро восползуешися ко угожденію человѣколюбца Господа нашего Бога. и благоденственное здравіе слобезными тебѣ на премногая лѣта да получиши, желаемъ». Въ нашей рукописи письмо

не окончено. Нѣтъ хронологической даты (у Величка: «писася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ мірозданія 7204 лѣта, Рождества же Богочеловѣка Исуса Христа 1696, мѣсяца октоврія... дня») и приписки, имѣющей значеніе для біографіи Каріона Истомина.

Об. л. 385: Письмо п. Адріана Іоанну Максимовичу, архимандриту Елецкаго монастыря, при посылкѣ ему того же Катихизиса. Писано въ августѣ 1696 года. Приводимъ и его: «Адріанъ

в Черниговъ нашея мѣрности пречестному архимандриту Іоанну Максимовичю Пречистыя Богородицы Елецкаго монастыря сбратією архипастырское благословеніе.

«в благословеніи всетворяція вины втріехъ ипостасѣхъ Бога единаго всячески мѣрность наша наземнымъ умнословеснымъ обиталцемъ влюбовь Божію преспѣянія христіанскимъ духоводствованіемъ желаемъ. да получаютъ вси благовѣрніи людіе повсюду сущіи царство небесное, здѣже вправославіи нашея святыя восточныя церкве вѣденіе благочестія, и раззаніе во всѣхъ языцѣхъ, и отъ злочестивыхъ и еретиковъ да возимѣють. во еже спастися всѣмъ намъ. Сего ради в таковое содѣйствіе повелѣхомъ мѣрность наша, съ еллиногреческаго діалекта новопреведенную книгу исповѣданіе православныя нашея вѣры, мудрованія церкве святыя восточныя, зовему Катихисисъ, типографією издати, юже къ тебѣ послахомъ: Да прочитанными, и дѣлотворными втѣй разумѣпми отъ всѣхъ славимъ будетъ Господь вышній и возчествуютъ пресвятѣйшая двѣ Бѣца Маріа, и вси святіи люди тамо сущыя чтущыя и вразумляющыяся о Господѣ. да спасетъ владыка Христосъ Господь, во многолѣтство благополученіями вода, и сподобляя раскаго селенія впресвѣтлыхъ небесѣхъ вовѣки. аминь. усердствуемъ. здравствуйте.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ. мірозданія 7204 лѣта рождества же Исѣ Христова 1696 августа мѣца 11 дне».

л. 386: Письмо п. Адріана боярину и многихъ полковъ воеводѣ Алексѣю Семеновичу Шеину съ товарищами. Писано въ отвѣтъ на письмо Шеина, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ патріарха о стоящій подъ Азовомъ. Патріархъ въ своемъ письмѣ благословляетъ войско и желаетъ побѣды надъ магометанами. Писано 27-го іюля 1696 года, т. е. тогда, когда Азовъ уже былъ сданъ турками Петру. Патріархъ объ этой сдачѣ не могъ знать, такъ какъ вѣсть о ней пришла въ Москву только 31-го іюля.

л. 387: Письмо п. Адріана царю Петру, послѣ полученія извѣстія о взятіи Азова. Писано 1-го августа 1696 года. Устряловъ этого письма не знаетъ; нѣтъ его и въ «Писемъ. и бум. Имп. П. В.». Нач.: «Благодареніе всещедрому спасителю и творцу нашему Богу всерадостнѣ воспісуемъ, даровавшему твоему царскому пресвѣтлому величеству на злыя христіан-

скія враги турецкаго держалища, махометова злобознаго чтилища побѣду, и взятіе града Азова сотворшему твоимъ Государскимъ всечастнымъ водни и пощи тицаніемъ и трудомъ». . . Далѣе пишетъ, что, получивъ отъ Петра 31-го іюля письмо о взятіи Азова, онъ прочелъ его въ соборной церкви въ присутствіи царицъ, царевнъ и царевича Алексѣя Петровича и отслужилъ хвалебный молебенъ. Желаетъ скорого возвращенія царя; благодаритъ царя за письмо отъ 16-го іюля и посылаетъ, по просьбѣ Петра, 3 антиписа и 3 сосуда для службы Божіей.

л. 388: Письмо п. Адріана Димитрію, игумену Петронавловскаго Глуховскаго монастыря, при посылкѣ ему «Православнаго Исповѣданія». Писано, несомнѣнно, въ 1696 году, хотя хронологической даты при письмѣ нѣтъ. Сколько извѣстно, оно нигдѣ не напечатано, поэтому приводимъ его въ полномъ видѣ:

«Нашея мѣрности, благоразумному труднику всловесѣхъ Божіихъ пречестному игумену Димитрію обители святыхъ первоапостоловъ святыхъ Петра и Павла, монастыря Глуховскаго, архипастырское благословеніе.

«всѣмъ умнословеснымъ душамъ естественнѣ дадеся всесіяющими очесъ вседержителя творца нашего Бога милосердными назираніи разумѣти его державу и правителство, и оттого хвалословенми ублажати и возсылати славу ему и честь. Православнымъ же и благочестивымъ христіаномъ наипаче изліяся благодать Божія спасительная, впознаніе святыхъ единосущныхъ Троицы Бога Отца и Сына и Святаго духа. и духописаннѣ священныхъ словесъ, и отецъ святыхъ учителствомъ церковь святая наша мати отъ восточновселеннославимыя утвердися во истиннѣй вѣрѣ. еяже извѣстіемъ спасеніе и благопробываніе получаемъ. и дѣломъ явленное во всѣхъ языцѣхъ исполняемъ благочестіе наше.

Тѣмъже наша мѣрность вползу таковаго христіанскаго содѣйствія паче созерцальнаго воображенія к душеспасительному православныхъ житію, и изящному разумѣнію вдѣланіе всякія церковныя святыни, благословихомъ православнаго исповѣданія книгу церкви святыхъ восточныхъ мудрованія зовему катихисисъ, типографско издати. яже новопреведеса селлиногреческаго діалекта на нашъ словенороссійскій, юже напечатанну наша мѣрность влюбви нашей архипастырской тебѣ послахомъ. Господь же да дастъ ти здравіе, и вся благая здѣ и на небеси. желаемъ».

Об. л. 388: Письмо п. Адріана боярину Ал. Сем. Шенну съ поздравленіемъ по случаю взятія Азова. Писано, вѣроятно, въ 1696 году.

л. 389: Письмо п. Адріана Аѳанасію, архіепископу Холмогорскому и Важскому, отъ 26-го іюля 1696 года, въ отвѣтъ на два письма послѣдняго патріарху, полученныя въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ. Вотъ интересное мѣсто изъ этого письма, касающееся Адріана: (об. л. 389) «в нашей архи-

пастырской к твоему пресвященству любви, о приключившейся волею Божіею втѣлеси болѣзни извѣствуемъ: нынѣшняго круголѣтія въ февруарїи мѣѣ, впятюкъ на сырной недѣли предъ вечеромъ, по врачевскому хитрознанію спаде мокрота [намъ же мнится отъ престатїа кровоупущенїа] и лѣвая нога, и рука мало, якобы отерпѣ, и неможеніе втворяетъ ми. И когда бываетъ на аерь облаковъ посупленіе къ дожделитію, тогда, уже и по лѣтахъ старостію снижающихся, и всемъ приключенїа паче немоществовахомъ. Но нынѣ иногда отъ приключшейся болѣзни милостію Божіею... отрады приѣмлемъ... О бѣжавшемъ изъ Москвы въ Соловецкїй монастырь іеромонахъ Лукїанъ пишетъ, чтобы монахъ сказалъ о причинѣ своего бѣгства, а до сказа не служилъ бы.

л. 390: Письмо патр. Адріана Варлааму Ясинскому, при посылкѣ Православнаго Исповѣданїа, въ іюлѣ 1696 года. Вотъ отрывокъ изъ него: «Преже сего впрошедшолѣтїи к нашей мѣрности твое пресвященство писалъ еси просителѣ о книжѣ Исповѣданїа православнаго зовему Катихизисъ, да бы типографско вползу людямъ христїаноправославнымъ издати. И нынѣ наша мѣрность ону новопреведенну с греческаго діалекта на словеноросскїй, и напечатанныхъ двѣ тебѣ послахомъ. да прозрѣвѣ ю любомудреннѣ твоимъ ученоедоумствомъ сыновно о ней изявиши. И обои у тебѣ да содержиши сними же по прошенію твоему и книгу уставъ церковный второе изданный исминію мѣсячїи во всемъ согласный послахомъ же»...

Об. л. 390: Письмо п. Адріана Мелетію Вуяхевичу, архимандриту Кїевопечерской лавры. Посылаетъ ему книгу Катихизисъ и позволяетъ, если понадобится, печатать съ нея въ типографїи Кїевопечерской Лавры. Писано, очевидно, въ томъ же 1696 году.

л. 391: Отвѣтное письмо п. Адріана князю Борису Алексѣевичу Голицыну отъ 31-го іюля 1695 года, при которомъ посылаетъ князю службу и житїе Ивана Воина.

лл. 392—393: Письмо п. Адріана Варлааму Ясинскому, митрополиту Кїевскому, въ то время, когда послѣднїй еще только задумалъ возвести Дїонїсія Жабокрицкаго въ епископы луцкїе. Патріархъ извѣщаетъ, что видитъ препятствїе къ этому въ его женитьбѣ на вдовѣ, но что для разрѣшенїа вопроса пошлетъ къ патр. Константинопольскому и Іерусалимскому¹⁾.

л. 394: Просьба къ патр. Адріану отъ строителя Путивльскаго Молчїнскаго монастыря іеромонаха Серанїона съ братїею. Просьба состоитъ въ томъ, чтобы патріархъ сдѣлалъ священникомъ монаха того же монастыря Агаѳоника.

1) Ср. Лѣт. Величка, т. 3, стр. 355.

Об. 394 л.: Письмо п. Адріана Митрофану, епископу Воронежскому отъ іюня мѣсяца 1696 года. Въ своемъ письмѣ Адріанъ высказываетъ желаніе, чтобы Митрофанъ достожджно управлялъ своею епархіею, и выражаетъ радость по поводу извѣстія, что царь Петръ оказалъ расположеніе и наградилъ своею милостію митрополита. Этотъ Митрофанъ былъ первымъ епископомъ Воронежской епархіи, учрежденной царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 году. Онъ былъ хиротописанъ 2-го апрѣля 1682 года изъ игуменовъ Макаріева Унженскаго монастыря; умеръ 23-го ноября 1703 года¹⁾.

л. 395: Письмо п. Адріана Маркеллу, митр. Казанскому и Свіяжскому, безъ помѣты годомъ. Въ письмѣ патріархъ желаетъ, чтобы Маркеллъ продолжалъ такъ же руководить своею паствою, какъ и прежде, и проситъ молиться о здоровьи его патріарха, такъ какъ въ это время онъ уже недомогалъ. Маркеллъ былъ преемникомъ Адріана въ епархіи Казанской. Когда Адріанъ 24-го августа 1690 года былъ возведенъ на престоль патріаршій, то 8-го сентября того же года Маркеллъ былъ переведенъ изъ Пскова на его мѣсто²⁾.

л. 396: Письмо Тихона, митрополита Сарскаго и Подонскаго, господину Имеретинской земли Арчиллу Ваханьевичу, отъ 16-го марта 1697 года. Тихонъ утѣшаетъ князя Арчилла въ скорбяхъ и гоненіи отъ враговъ, гонителей благочестія. Затѣмъ проситъ передать поклонъ женѣ и сыну, царевичу Александру Арчилловичу³⁾.

л. 397: Письмо п. Адріана гетману Мазепѣ отъ мая 1694 года, въ которомъ онъ благодаритъ гетмана за расположеніе и любовь. Увѣдомляетъ, что племянникъ Мазены Іоаннъ Обидовскій, принявъ патріаршее благословеніе, въ добромъ здоровьи отправился обратно изъ Москвы.

л. 398—399: Письмо п. Адріана Досиоею, патріарху Іерусалимскому, отъ 1694 года (декабрь). Увѣдомляетъ Досиоея, что письма и присланнаго архимандрита Хрисанфа принялъ. Извѣщаетъ, что Хрисанфъ ушелъ обратно; что говорили царямъ насчетъ его порученій. 1) Если будутъ какіе-либо договоры, то цари будутъ просить Турецкаго султана и Крымскаго Хана, чтобы Гробъ Господень надзирался имъ, Досиоеемъ. 2) Привезенную Хрисанфомъ книгу на греческомъ языкѣ въ защиту восточной церкви пострадается напечатать, когда достанетъ греческія буквы. Наконецъ проситъ увѣдомить, получилъ ли Досиоей пожертвованія царей и его, Адріана.

л. 400: Письмо п. Адріана Діонисію, архіепископу Константинопольскому и вселенскому патріарху, отъ іюня 1694 года. Діонисій увѣдомлялъ

1) См. Амвросій, I ч., 197 стр.; Строевъ, 837 стр.

2) См. Амвросій, I ч., 101 стр.; Строевъ, 289.

3) О Тихонѣ см. Амвросій, I ч., 238; Строевъ, 1036 и 144.

Адріана о своемъ пребываніи на патріаршемъ престолѣ. Адріанъ въ отвѣтномъ письмѣ проситъ Діонисія и впредь увѣдомлять о себѣ. Кромѣ того, извѣщаетъ, что просьбу Діонисія насчетъ затруднительнаго положенія Халкидонскаго митрополита Гавріила (задолжалъ изъ-за украшенія церкви) передалъ государямъ, которые дали милостыню присланному изъ Халкидона архидіакону Пароенію.

л. 401: Письмо п. Адріана Досвѣею, патріарху Іерусалимскому, отъ іюня 1694 года. Адріанъ извѣщаетъ Досвѣея, что присланный архимандритъ Хрисанфъ уже ушелъ обратно изъ Москвы и находится теперь (т. е. когда Адріанъ пишетъ письмо) въ малороссійскихъ городахъ; что два его монаха Никаноръ и Христофоръ пришли, передали ему, Адріану, присланныя имъ, Досвѣею, вещи и ушли обратно. Заключаетъ обѣщаніемъ исполнить въ будущемъ все, о чемъ проситъ Досвѣей.

л. 402 (оборот.): Письмо п. Адріана Іерусалимскому архимандриту Хрисанѣу, вѣроятно, того же 1694 года. Адріанъ извѣщаетъ, что посланцы Досвѣея, монахи Никаноръ и Христофоръ пришли и принесли ему письма отъ Досвѣея и отъ него, Хрисанѣа, а равно и присланныя Досвѣею вещи; что Никаноръ умеръ въ Москвѣ, а Христофоръ пошелъ къ нему, Хрисанѣу; что евангеліе «радѣ обдѣлованія» еще не готово, а когда будетъ готово, тогда пришлетъ ему ¹⁾).

403—404 лл.: Письмо п. Адріана Варлааму Ясинскому, митр. Кіевскому, съ изъявленіемъ дозволенія ему поставить Мелетія Вуяхевича въ архимандрита Кіевопечерской лавры и съ отвѣтомъ на другіе вопросы Варлаама, отъ 31-го октября 1691 года. Напечатано въ V т. Архива ю.-з. Россіи, 327—330 стр., безъ обозначенія числа мѣсяца.

л. 405: Письмо п. Адріана боярину Ал. Сем. Шешну въ отвѣтъ на увѣдомленіе послѣдняго о томъ, что онъ уже подъ Азовомъ и удачно отбилъ нападеніе турокъ на его полкъ. Писано въ августѣ 1697 года.

л. 406: Письмо п. Адріана Варлааму, митр. Кіевскому, отъ 8-го сентября 1697 года, съ изъявленіемъ согласія на то, чтобы за болѣзнь Варлаама его должность исправлялъ греческій митрополитъ Самосскій Гедеонъ, если только этотъ Гедеонъ истинный митрополитъ.

л. 407: Форма обращенія къ патріарху отъ назначеннаго епископомъ въ епархію Астраханскую, а на об. л. 407 — форма такого же обращенія къ царю Петру.

л. 408: Обращеніе къ христіанамъ съ просьбою пожертвовать на икону Спасителя (проситель желаетъ поновить живопись и сдѣлать серебряный вѣнецъ) въ Суздальскій Ризположенскій монастырь.

1) Ср. Лѣт. Величка, 3 т., 246.

л. 409: Письмо ключаря великой соборной Успенской церкви, іерея Іакова Іоаннова Маркеллу, митрополиту Казанскому и Свіажскому, отъ января 1692 года. Послѣ похвалѣ Маркеллу за достойное управленіе епархією, ключарь Іаковъ благодаритъ митрополита за присланное письменно благословеніе, рыбу и уксусъ, а равно и за расположеніе къ родственнику Іакова дьяку Зиновію, который служитъ у Маркелла. Обо всемъ этомъ іерей Іаковъ узналъ изъ письма Маркелла къ князю Петру Іаиновичу Прозоровскому.

л. 410: Письмо кн. П. І. Прозоровскаго гетману І. С. Мазепѣ, писанное въ іюлѣ 1694 года. Сперва Прозоровскій благодаритъ Мазепу за расположеніе къ себѣ, выразившееся въ томъ, что онъ черезъ своего племянника стольника Іоанна Обидовскаго словесно извѣстилъ государей о его, Прозоровскаго, радѣніи въ собираніи государевой казны. Затѣмъ рѣчь идетъ о будныхъ промыслахъ, существующихъ въ городахъ Малороссіи. Промыслы эти не приносятъ пользы народонаселенію, равно какъ вообще торговля, благодаря иноземцамъ, причиняетъ убытки промышленнымъ людямъ. Поэтому государи велѣли въ своихъ городахъ прекратить до времени будные промыслы.

л. 411: Письмо кн. П. І. Прозоровскаго Карлусу Андреевичу Ригейману, писанное въ іюлѣ 1694 года. 28-го іюня того же года Карлусъ Ригейманъ обратился къ кн. Прозоровскому письменно съ предложеніемъ, что онъ, Ригейманъ, въ городѣ Олонцѣ и его предѣлахъ будетъ радѣть о собираніи съ промысловъ и торговли пошлинъ великаго государя и будетъ помогать поставленному на это дѣло головѣ. Отвѣчая на такое предложеніе, кн. Прозоровскій проситъ Ригеймана исполнить то, что онъ обѣщаетъ; съ своей же стороны князь донесетъ о радѣніи Ригеймана Государю.

л. 412: Письмо кн. П. І. Прозоровскаго Іоасафу, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, писанное 4 іюня 1694 года. Прозоровскій благодаритъ митрополита за присланное письменно благословеніе и рыбу¹⁾.

л. 413: Сперва идутъ разныя замѣтки прозой и стихамп, въ родѣ: «финиксъ птица своеобразна и сладкопѣснива и едина токмо на свѣтѣ», а затѣмъ извѣстія о букварѣ: «Книга письменъ по азбукѣ воученіе зрѣнія вразумительнаго человѣкомъ юнымъ. Како отъ небытія в бытность пришедшу жити достойно: сочини іеромонахъ Каріонъ Истоминъ в Москвѣ градѣ въ сѣд лѣта мѣа септемврѣа».

л. 414: Письмо (неизвѣстно отъ кого) гетману Мазепѣ, въ которомъ благодарятъ послѣдняго за любовь и письмо и за присылку двухъ плѣнныхъ

1) Объ Іоасафѣ Лазаревичѣ см. Амвросій, I ч., 122 стр.; Строевъ, 333 стр.

татаръ—«хлопчика и дѣвочку малыхъ»; за это посылается гетману цѣлое портище «изорбаѡу» на одежду.

л. 415: Письмо П. I. Прозоровскаго Маркеллу, митр. Казанскому и Свіяжскому, писанное въ февралѣ 1693 года. Прозоровскій благодарить Маркелла за присланное письменно благословеніе и за рыбу.

л. 416: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго гетману Мазепѣ, писанное въ февралѣ 1693 года. Благодарить князь Мазепу за прїятельскїя отношенїа, за письмо и за присылку «снѣдныхъ вещей».

л. 417: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго Маркеллу, митр. Казанскому и Свіяжскому, въ январѣ 1692 года, съ выраженїемъ благодарности за архипастырскую любовь, за письмо и за присылку рыбы.

л. 418: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго Маркеллу, митр. Казанскому и Свіяжскому, отъ 19-го ноября 1691 года. Прозоровскій просить Маркелла явить прїятство и отеческое благодѣянїе къ стольнику Государеву Григорїю Балакиреву, который посланъ, по указу Государей, съ грамотами къ нему, митрополиту, «нынѣшняго времени»; просить за Григорїя онъ, Прозоровскій, потому, что Григорїй «знателственъ ему прїятнѣ». Просить благоволить и къ дяку казеннаго митрополичья приказа Зиновїю¹⁾.

л. 419: Стихи Кар. Истомина на смерть Маркелла. (См. ниже).

л. 421: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго Гедеону, митр. Кїевскому, Галицкому и Малой Россїи въ маѣ 1689 года. Послѣ обычныхъ пожеланїй управлять хорошо своей паствой, Прозоровскій благодарить Гедеона за присланное письменно благословеніе и за икону; обѣщаетъ похлопотать предъ Государями и царевной о дѣлахъ его архїерейскихъ²⁾.

л. 422: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго Иларїону, митрополиту Суздальскому и Юрьевскому, въ іюнѣ 1694 года. Прозоровскій просить Иларїона, чтобы онъ позволилъ іерею села Анкова Іоанну еще послужить при церкви Воскресенїа Іисуса Христа, а послѣ него посвятить во священники при той же церкви двоюроднаго брата Іаннова.

Об. л. 422: Письмо Прозоровскаго же Францу Яковлевичу Лефорту, 4-го іюня 1694 года. Благодарить за извѣстіе (въ маѣ мѣсяцѣ), что Государь въ путешествїи здоровъ и его синклитъ; просить и впредь увѣдомлять о томъ же. Подъ путешествїемъ здѣсь разумѣется походъ Петра къ Архангельску, который начался съ 29-го апрѣля 1694 года³⁾.

л. 424: Письмо патр. Іоакима гетману Іоанну Самойловичу, съ изъ-

1) Ср. выше л. 409.

2) О Гедеонѣ, первомъ митрополитѣ Кїевскомъ, послѣ присоединенїа Кїевской митрополїи къ Россїйской іерархїи см. Амвросїй, I ч., 63 стр.; Строевъ, 7 стр.

3) См. Устряловъ, II т., 163 стр. и слѣд.

явленіемъ благословенія патріаршаго на вступленіе въ бракъ. Писано 14-го мая 1682 года.

л. 425: Письмо митр. Сарскаго и Подонскаго Варсоноія Гедеоу, митр. Кіевскому и Галицкому, писанное изъ Москвы 1687 года въ ноябрѣ. Варсоноіи благодаритъ Гедеоу за вѣсть его о себѣ и общаетъ хлопотать предъ патр. Іоакимомъ за него.

л. 426: Письмо неизвѣстнаго Аонасію, архіепископу Холмогорскому, въ сентябрѣ 1700 года, съ изъявленіемъ благодарности за письмо и за дружбу съ воеводою Холмогорскимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, братомъ пишущаго.

л. 427: Письмо кн. Прозоровскаго тому же Аонасію, архіепископу Холмогорскому и Важскому, въ сентябрѣ 1700 года, съ изъявленіемъ благодарности за письмо (отъ августа того же 1700 года) съ благословеніемъ и просьбы о томъ же на будущее время.

л. 428—429: Письмо неизвѣстнаго къ тому же Аонасію, въ мартѣ 1701 года, съ изъявленіемъ благодарности за память и съ обѣщаніемъ быть полезнымъ въ дѣлахъ архіепископа.

л. 430: Письмо кн. П. І. Прозоровскаго Иларіону, митр. Псковскому и Изборскому, въ мартѣ 1696 года, съ увѣдомленіемъ, что государь пожертвовалъ на постройку церкви 300 рублей въ поминовеніе по царѣ Іоаниѣ Алексѣевичѣ, о чемъ послана уже нынѣшняго числа грамота ему, Иларіону, «черезъ» почту¹⁾.

лл. 431—432: Письмо князя Юрія Урусова²⁾ гетману Мазепѣ, очень интересное для исторіи невольничества въ юго-западномъ краѣ. Приводимъ его почти въ полномъ видѣ: «Царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорожскаго боихъ странъ днепра гетману Іоанну Стефановичю Мазепѣ во Христѣ Бозѣ здравствовать и радоватися». . . «При семъ прошу любовь твою во Господѣ: благоволи пожаловати, ради милости всемогущаго Бога, и пресвятыя Дѣвы Бѣны Маріи предстательства трудъ твой подяти всодѣлованіи сичевомъ. впрешедшемъ „ѣрѣс“ году вполку царскаго пресвѣтлаго величества съ боляриномъ василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ быша всолдацкомъ строи дѣти боярскія солдаты Прокопій да Харитонъ Минны дѣти Шишигины, жители града ваги изуѣзда Кокшешскія четверти, Кулуйскія волости. и тогда взяшася крымскими татараы влѣнѣ. И живутъ влѣнѣ стого време не доселѣ вкрымскихъ предѣлѣхъ. И нынѣ здѣ есть вѣдомость, что они (об. л. 431) Прокопій да Харитонъ живи суть. И твоя милость потщися послати взапороги к кошевому атаману, и чтобы тамо

1) Объ Иларіонѣ см. Амвросій, I ч., 127 стр.; Строевъ, 380.

2) Юрій Семеновичъ Урусовъ, судья Московскаго суднаго приказа.

кто охочїа люди како кому возможно в Крымъ заперекопъ, и гдѣ они полоненики живутъ сыскали, и на окупъ взяли тыя, аще живы суть. а окупъ за нихъ заплаченъ будетъ и имъ за труды такожде кто ихъ сыщеть. должная мзда имать быти. Сего ради и паки твою любовь молю, пожалуй о томъ порадѣй ради Господа Бога, и пошли к нимъ писанїе немедленно. И есть ли затѣмъ кто пойдетъ, прикажи оттуда войску запорожскому к тебѣ отписать оттебеже благодѣтеля моего мнѣ вѣдомость сотворити. а по извѣстїю знающихъ путь к нимъ полоненикомъ вкрымъ гдѣ ихъ сыскати сїце: отъ перекопа в крымъ ѣхати поболшой дороге Карашевской первое село мамчугъ, отъ перекопа ẽ версть. Отъ села мамчуга ѣхати в крымъ день по той же дороге да полъ дня до села даиръ. Отъ даира ѣхать тою жъ дорогою, вохмецкой уѣздъ всело анзибай юшинъ, пять версть. а село анзибай юшиной каибїй мурзы и внемъ живетъ прикащикъ мурзинъ мартаза лучшїй человѣкъ. Оттого села три версты до села аккулѧ на правую страну тогожъ мурзы и втомъ селѣ живутъ вневолї салдаты Прокошїй да Харитонъ шишигины. а село аккула отъ перекопа и отамета города сто версть.

(л. 132) изъ Москвы зѣса лѣта Всякаго добра любви твоей и неотмѣтнаго прїятства желающїй бояринъ князь Юрья Урусовъ кланяюся». мѣца іуліа ѿ дне.

Внизу приписано отъ лица Карїона: «Господинъ бояринъ князь Георгїй Семеновичъ во Господѣ здравствуй. Кгетману написалъ письмо, прикажите переписать таколи надобно, а к матери писать нѣдлячего, ради дальняго разстоянїа. аще онъ восхощетъ дѣлати дѣло сіе, содѣлае(тъ)? веть толко бы отписалъ. а хороше бы аще нарочно кто к гетману отомъ сродникъ съѣздилъ. или прїятель плѣнниковъ¹⁾».

Об. 432 л.: Письмо неизвѣстнаго Маркеллу, митроп. Казанскому и Свіяжскому, въ поябрѣ 1694 года, съ выраженїемъ благодарности за прїятство въ заѣздъ къ зятю пишущаго Димитрію Никитичу Головину²⁾.

л. 433: Письмо отъ неизвѣстнаго тому же Маркеллу, въ январѣ 1692 года, съ выраженїемъ благодарности за присланное письменно благословенїе и рыбу.

л. 434: Грамматическія замѣтки, начинающїяся опредѣленїемъ грамматики, діалектики и другихъ наукъ. Это отрывки изъ грамматики К. Истомина.

л. 435: Письмо отъ неизвѣстнаго боярину и воеводѣ Новгородскому Борису Іоанновичу Прозоровскому, изъ Москвы, въ декабрѣ 1694, съ выраженїемъ благодарности за письмо и за присылку рыбы.

1) Въ Лѣтописи Величка (т. 3, стр. 166—168) есть письмо о томъ же къ Мазепѣ, но безъ указанїа дороги.

2) Это и слѣд. письма писаны изъ Москвы.

л. 436—437: Извѣстіе о томъ, что съ 20 іюля 1693 года, по указу государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ Новгородѣ начали строить гостинный торговый дворъ на прїѣздъ торговымъ людямъ, а въ 1695 году постройку его окончил воевода Борисъ Іоанновичъ Прозоровскій. Писано въ ноябрѣ 1695 года.

л. 438: Извѣстіе о томъ, что съ 21-го апрѣля въ Новгородѣ начали строить государевъ дворъ, который выстроили до 30-го ноября 1695 года, по старанію того же Б. І. Прозоровскаго. Писано въ октябрѣ 1696 года.

л. 439: Стихи о подаяніи на постройку храма въ монастырѣ Николы на Угрѣши.

Об. 439 л.: Письмо, составленное Каріономъ отъ лица царевича Алексѣя Петровича царю Петру. Его нѣтъ ни у Устрялова, ни въ «Пис. и бум. имп. П. В.», поэтому приводимъ его здѣсь:

«Государь батюшка. азъ юный любовію к тебѣ ношуся, зрѣти всегда тебе прошуся, и жити стобою, есмь бо младъ собою. для того колко могу, толко сягу, усердство мое тебѣ Государю батюшку являю, моею рукою сій знакъ начертаваю. Здравствуй Государь здравствуй, милосердіемъ твоимъ царскимъ мене сматушкою здѣ посѣтително дарствуй.

великій Государь благоразумный мой батюшка царь. азъ юный сын твой царевичъ алексій». Письмо интересно потому, что свидѣтельствуетъ о Каріонѣ, какъ обучавшемъ царевича Алексѣя Петровича стихотворному искусству.

л. 440: Отрывокъ изъ грамоты, писанной въ Москвѣ, въ митрополичьемъ домѣ на Крутицахъ, въ мартѣ 1698 года, о томъ, чтобы въ городѣ Лихвинѣ, въ обители Пресвятой Богородицы и въ монастырѣ Добромъ, архимандриту Іоасафу имѣть въ епархіи Сарской и Подонской—первую степень. Грамота дана митрополитомъ Тихономъ¹⁾.

лл. 442, об. 443 и 446: Пересказъ о событіяхъ ветхозавѣтной исторіи, близкій къ тексту книгъ Моисея. По нашему мнѣнію, этотъ пересказъ, вѣроятно, дѣлалъ Каріонъ для царевича Алексѣя Петровича²⁾.

л. 447: «Стихи на гробъ», т. е. на смерть патр. Адріана, умершаго 15-го октября 1700 года.

лл. 449—452: Обращеніе патр. Адріана къ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ и всему духовенству и къ мірскимъ людямъ. Послѣ развитія мысли о томъ, что необходимо соблюдать заповѣди Божіи, патр. переходитъ къ мысли, что также необходимо соблюдать и заповѣди, установленныя церковью, ея правила. Если же эти послѣднія не будутъ соблюдаться,

1) См. Амвросій, I ч., 238 стр.; Строевъ, стр. 1036.

2) Писано, впрочемъ, не рукою Кар. Истомина.

то явятся смуты и нестроенїя. Такъ въ нынѣшнее время многіе супруги несогласно живутъ и просятъ о разводѣ. Въ виду этого онъ патріархъ издаетъ и утверждаетъ старыя установленїя о бракѣ. Бракъ есть добровольное согласіе брачущихся; а нынѣ такъ поступаютъ, что женихъ не видитъ невѣсту, или невѣста не видитъ жениха, или выдаютъ силою. Священникъ же не спрашиваетъ о согласїи и не испытываетъ, а вѣнчаетъ всѣхъ изъ-за денегъ или будучи опоенъ (какъ иногда и женихъ). Поэтому патріархъ повелѣваетъ, чтобы женихъ и невѣста видѣли и знали другъ друга до брака; чтобы священники дѣлали трижды оглашенїе, чтобы они спрашивали о согласїи брачущихся. (Года нѣтъ).

л. 453—454: Грамота Адріана преосвященному Іову, митрополиту Новгородскому и Луцкому, писанная въ октябрѣ 1698 года (7207). Іовъ просилъ патріарха разрѣшить слѣдующій вопросъ: въ его епархіи появился самозванецъ-попъ дьячекъ Юрка Микляевъ. Какъ поступить съ тѣми, которые отъ этого Юрки попа-самозванца были крещены и повѣнчаны. Разсмотрѣвъ правила свят. отцовъ, соборныя постановленїя, градскїе законы Алексѣя Комнена и Юстинїана, патріархъ Адріанъ велѣлъ вновь крестить и повѣнчать крещенныхъ и повѣнчанныхъ Юркою попомъ-самозванцемъ¹⁾.

л. 455—56: Доношенїе патр. Адріана царю Петру объ іеродїаконѣ Іосифѣ Булгаковѣ 7207 г. (1699). Желая за службу и радѣніе наградить Іосифа Булгакова, патріархъ рѣшилъ сдѣлать его изъ судьи дворецкимъ старцомъ и просить царя позволить Іосифу называться дворецкимъ старцомъ.

л. 457: Посланїе Іосифа, митрополита Псковскаго и Изборскаго, людямъ своей паствы изъ Москвы, когда онъ ждалъ еще указа патріарха и царя. Увѣдомляя, что сентября 18-го 1698 года онъ возведенъ на митрополичїй престолъ во Псковъ, Іосифъ проситъ быть прилежными къ церкви и выказывать къ нему любовь и послушанїе. Писано въ Москвѣ 23-го сентября (7207 г.) 1698 года.

л. 458: Письмо того же Іосифа кравчему и воеводѣ Псковскому Кириллу Алексѣевичу Нарышкину, въ которомъ извѣщаетъ воеводу, что, по указу государя и святѣйшаго патріарха, онъ, Іосифъ, 18-го сентября 1698 года избранъ митрополитомъ Псковскимъ и остается въ Москвѣ до указа государя и патріарха. Благодаритъ Нарышкина за поддержку въ Москвѣ припасами и проситъ не прекращать помощи и во Псковѣ его, Іосифа, при-

---

1) Объ Іовѣ, Новгородскомъ митр., см. Амвросій, I ч., 80 стр.; Строевъ, стр. 37; Евгенїя, Словарь, I т., 301—304; Филарета, Обзоръ, № 257; Чистовича ст. Странникъ, 1861 г. февраль, стр. 61—145.

казнымъ и другимъ служилымъ людямъ. Писано въ Москвѣ 23-го сентября 1698 года¹⁾).

л. 459: Дополненіе къ тому, что видѣли на лл. 257—260 о книгѣ Теофилакта Болгарскаго Толкованіе на Евангелія. Приводимъ его здѣсь: «Зѣс априлліа въ «^ъ» великій Господинъ святѣйшій киръ адрианъ архіепископъ Московскій, и всяя россія, и вс. сѣв. странъ патріархъ указалъ на печатномъ дворѣ печатать книги Евангеліе во вся дни чтомое толковое, сго же толкова блаженный Теофилактъ архіепископъ Болгарскій, печатана книга во р^н лѣтѣ. да святаго Златоустаго Іоанна Маргаритъ, печатана книга во р^н лѣтѣ, а тѣ книги скоторыхъ переводовъ прежде сего печатаны, съ Словенскихъ ли, или греческихъ, вправилной книгохранителной полатѣ на печатномъ дворѣ, также и вкнигохранителницѣ домовоы святѣйшаго патріарха необрѣтошася. а греческія печатныя и писменная, толкованіе Теофилактово обрѣтошася пынѣ, и противъ того переводу несходны зѣло, индѣ тамо вгреческихъ толкованія болши, и разумъ свѣтелъ явленъ есть. Индѣ внашемъ печатномъ болши толкованія. И потому знатно, что не единого перевода была. Но какова книга греческая обрѣлася тогда и каковъ гдѣ переводчикъ бысть с той и преведено тако. а вреченіяхъ премного внашихъ тѣхъ книгахъ несходно и весма неудобно кразумѣнію а вправописаніи и велми трудно. И Святѣйшій патріархъ повелѣлъ которыя преводы греческія тѣхъ книгъ Евангелія толковаго и Маргарита обрѣтаются, нынѣ печататися имущія, вреченіяхъ, и гдѣ нѣсть разумѣнія, и вправописаніи грамматическаго искусства, справщикомъ правпти, и вославу всетворца Бога, и вчесть Пресвятыя Дѣвы Бѣды Мріи, и всѣхъ святыхъ. вползу же и просвѣщеніе христіянскаго народа печатати (обор. л. 459) суцая же Евангелская словеса предтолкованіемъ дѣлати втой книзѣ, с евангелія печатнаго что на священной трапезѣ в церквахъ нынѣ чтется, того ради что втомъ преводѣ реченія велми несходны. и чтобъ втомъ стѣмъ евангеліемъ было сходно. Указъ святѣйшаго патріарха вправилной полатѣ справщикомъ іеромонаху Тимооюю, іеродіакону Теофону, монаху аарону Теоодору Поликарпову о томъ сказалъ, и втомъ справнеческомъ трудѣ (дѣлѣ) бысть іеромонахъ Каріонъ Истоминонъ.

а что втѣхъ книгахъ лучшаго содѣлано, с первыми печатными преводами нынѣшнія печати да прочитаеть. и вчемъ либо незнаніѣ усумнится, да вопроситъ дѣлавшыя, чесоради содѣлано и удобно разумѣеть лучшее, вправдѣ же дѣланное и вдушеспасителной ползѣ».

---

1) См. объ Іосифѣ Амвросіи, I ч., 127 стр., Строевъ, 380 стр. Последній сообщает болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ Амвросіи.

Ниже замѣтка: «сѣ лѣта ноемвріа въ в̄в̄. дано евангеліе толковое воскресное Пелагеи Ивановнѣ Пушкиной».

л. 460—461: Дѣло о поставленїи въ архїепископы Черниговскїе Іоанна Максимовича на мѣсто умершаго 7-го февраля 1696 года Феодосїа. Напечатано въ V т. Архива юг.-зап. Рос., 436—37 стр. Въ нашемъ источникѣ есть нѣкоторыя очень важныя прибавленїя: въ томъ же январѣ въ 17-й день поставленъ митрополитомъ въ Нижній-Новгородъ Трифилїй, архимандритъ Спасова монастыря, что на Новомъ¹⁾.

Еще важнѣе вторая замѣтка: «И в Симоновъ поставили архїереи же Карїона Зоблонскаго во архимандриты». У Амвросїа (II ч., стр. 363), при перечисленїи архимандритовъ Симонова монастыря, сказано только «Карїонъ 1701», что, очевидно, невѣрно. У Строева (стр. 152) читаемъ: «Карїонъ Заухонскїй, 1697: † 28-го окт. 1703—искажена фамилія, хотя годъ указанъ вѣрно.

Обор. л. 461: Письмо п. Адріана гетману Мазепѣ, съ увѣдомленїемъ о томъ, что Іоаннъ Максимовичъ поставленъ въ архїепископы Черниговскїе. Писано въ январѣ 1697 года.

л. 464: Грамота отъ лица царя и патр. Адріана Пароенїю, Митрополиту Лаодикїйскому, который пожелалъ, по обѣту за освобожденїе изъ плѣна турецкаго, построить вмѣсто старой деревянной церкви новую каменную въ Малороссїйскомъ городѣ «Балаклѣнске». Грамота позволяетъ Пароенїю строить церковь и собирать для ея постройки подаенїя.

л. 465: Грамота патр. Адріана Іоасафу, митроп. Ростовскому и Ярославскому, 6-го іюня 1699 года. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года патр. Адріанъ послалъ Іоасафу грамоту о томъ, чтобы онъ прислалъ въ Москву для отвѣта въ винахъ іеродїакона Филарета Кудрявцева; но Іоасафъ не исполнилъ приказанїя патріарха. Грамотою 6-го іюня Адріанъ вторично напоминаетъ о томъ же митр. Іоасафу, при чемъ прибавляетъ, что послѣдній оскорблялъ его отказомъ поставлять въ духовный санъ присланныхъ къ нему за болѣзнью Адріаномъ ставленниковъ, тогда какъ другїе митрополиты повинуются патріарху и посвящаютъ присылаемыхъ имъ ставленниковъ.

л. 466—467: Письмо п. Адріана гетману Мазепѣ, въ которомъ рѣчь идетъ о Дїонисїи Жабокрицкомъ. Въ декабрѣ (13-го) Мазепа писалъ патріарху, что Жабокрицкїй принялъ посвященїе въ іерен отъ какого-то греческаго архїерея и хочетъ отправиться въ Кїевъ къ Варлааму для поста-

1) Ср. Амвросїй, I ч., 167 стр., Строевъ, 605 стр.; послѣдній согласно съ нашимъ источникомъ выставляетъ 17-го января, тогда какъ Амвросїй не указываетъ ни мѣсяца, ни числа.

вления въ епископы лудкіе. Адріанъ находитъ поступки Діонисія противозаконными и сообщаетъ Мазепѣ, что на его письмо къ патріархамъ Константинопольскому и Іерусалимскому отвѣта еще нѣтъ. Получено частное письмо отъ Іерусалимскаго патріарха Досіоея, каковое письмо патріархъ препроводилъ Варлааму и ему, Мазепѣ. Пишетъ еще, что онъ, патріархъ, приказалъ Варлааму допросить архіерея — кто онъ и откуда пришелъ — и допести о своемъ допросѣ.

л. 468: Письмо п. Адріана Митрофану, епископу Воропежскому, отъ 2-го сентября 1699 года. 30-го августа того же года Митрофанъ просилъ письменно у Адріана позволенія принять вслѣдствіе старости и немощи схиму. Адріанъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ предоставляетъ дѣло на усмотрѣніе самого Митрофана, такъ какъ принявшій схиму лишается сана архіерейскаго. Кромѣ того, увѣдомляетъ, что онъ, Адріанъ, послалъ грамоту Рязанскому митрополиту, чтобы онъ взыскалъ съ займщиковъ 200 рублей и отдалъ ихъ Митрофану. При этомъ письмѣ посылалась и разрѣшительная грамота Митрофану.

л. 469: Посланіе п. Адріана боярину А. С. Шейну отъ 28-го іюня 1699 года. 26-го іюня того же года Шейнъ писалъ Адріану, что царь Петръ рѣшилъ создать храмъ во имя апостоловъ Петра и Павла въ новооснованномъ городкѣ Петровскомъ (за рѣкою Дономъ, противъ гор. Азова), и просилъ на это дѣло благословенія у патріарха. Адріанъ даетъ въ письмѣ благословеніе и обѣщаетъ послать грамоту въ Азовъ къ архимандриту монастыря Іоанна Предтечи Іоасафу съ повелѣніемъ освятить этотъ храмъ и дать антминсь.

лл. 470—472: Грамота п. Адріана Варлааму, митрополиту Кіевскому, въ апрѣлѣ 1699 года. Кіевскіе мѣщане и войтъ Іоаннъ Быковскій доносили патріарху, что у нихъ издавна было заведено, чтобы приходскаго священника выбирали прихожане, а затѣмъ уже митрополитъ посвящалъ его; но Варлаамъ присылаетъ самъ на парафію священника, что обидно прихожанамъ. Кромѣ того, жаловались еще: «яко при храмѣхъ Господнихъ и приходскихъ живутъ поющіи, и малыхъ дѣтей учащіи дяки, а храмины имъ строятъ прихожаня. и стѣми де церковными дяками втѣхъ храминахъ, велиши ты (т. е. Варлаамъ) жити студентомъ пришельцемъ изъ полскихъ городовъ вмѣстѣ, которыя хотять учитися вшколѣ мудростныхъ паукъ языкомъ латинскимъ. и они студенты живучи постойкою многая сотворяють бѣдства и безчинства страшныя. а тѣхъ дяковъ, и малыхъ дѣтей учащихся словенскаго нашего языка писменъ бьютъ и бранять. и мѣщанъ идущихъ въ церкви напѣніе внощахъ бьютъ и увѣчатъ, и безчестяютъ жепъ и дѣтей. и ради ихъ студентовъ плутовства, и досадителныхъ обидъ к церковникомъ, иногда в церквахъ пѣнія не бываетъ. а управы де на нихъ сыскати нѣгде.

да онижъ де студенты многочисленно собрався внощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ крадутъ дрова. запасъ и всякія вещи. и оттого де имъ великая обида и разореніе чинится. а унять ихъ нѣкому оттого...» Патріархъ проситъ Варлаама жить мирно съ мѣщанами и посылать любимыхъ священниковъ; студентовъ переселить на квартиры, и поведеніе ихъ должно измѣниться, о чемъ будетъ указъ царскаго величества. Кромѣ того, мѣщане жаловалсь еще, что Варлаамъ за вины проклинаетъ мѣщанъ. Патріархъ совѣтуетъ осторожно налагать такую жестокую кару. Повелѣваетъ Варлааму списать съ посылаемой грамоты копію для него митрополита, а подлинникъ передать Іоанну Быковскому и мѣщанамъ, чтобъ они положили ее въ судебную мѣщанскую избу.

л. 473: Письмо п. Адріана боярину А. С. Шейну отъ 20-го іюля 1699 года. Шейнъ въ письмѣ, полученномъ патріархомъ 19-го іюля того же года, увѣдомлялъ, что посланная архимандриту въ Азовъ шапка получена и архимандритъ въ ней служилъ. Еще писалъ, чтобы не посылали двухъ священниковъ, о которыхъ онъ, Шейнъ, писалъ раньше. Патріархъ отвѣчалъ, что священники съ женами и дѣтьми уже отправлены въ Азовъ, и просилъ о томъ доложить государю. Рѣшеніе государя проситъ сообщить ему, патріарху.

л. 475—77: Предисловіе въ книгу рай, поднесенную царевичу Алексѣю Петровичу, хотя обращается и къ царю Петру Алексѣевичу. Печатаемъ ниже.

л. 478—479: Обращеніе къ вѣрующимъ не то со стороны игуменьи Дѣвчьяго Пресвятой Богородицы монастыря въ Казани Анны съ сестрами, не то игумена Діонисія монастыря Николая Угрѣшскаго о пожертвованіи на колоколь и на украшеніе храма.

л. 480—482: Духовное завѣщаніе жены боярина Ѳедора Ѳедоровича Куракина княгини Евдокіи, урожденной Масальской. Черновой набросокъ съ пропусками.

л. 484—487: Воззваніе священника храма Успенія Богородицы, гдѣ чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, называемой Гребенская, въ Бѣлгородѣ, на Лубянкѣ, о пожертвованіи на ограду около храма. Главная мысль довольно обширнаго и краснорѣчиво написаннаго воззванія та, что должно жертвовать на храмъ. Писано 25-го декабря 1691 года.

л. 488—489: «Извѣщеніе о украшеніи храма Господня въ честь пресвятыя дѣвы Богородицы Маріи, честнаго ея введенія, иже за Смоленскими вороты на поварской улицѣ...» Проситъ о пожертвованіи на иконостасъ.

Об. 489 л.: «Стихи увѣщательніи о строеніи Іконостаса во украшеніе храма... Богородицы Маріи, вприходѣ введенскомъ».

л. 490: Извѣщеніе и просьба къ христіанамъ о пособіи для начатаго, но благословенію патр. Адріана, въ февралѣ 1696 года храма въ Никольскомъ Перервинскомъ монастырѣ; проситъ игуменъ Симонъ съ братією¹⁾.

л. 491: Форма обращенія къ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ или какой-либо царевнѣ отъ лица игуменъи Мценскаго Дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря Евросіи съ 60-тью сестрами о пожертвованіи на постройку новаго храма вмѣсто сгорѣвшаго²⁾.

Об. л. 491: Обращеніе къ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ отъ игумена Владимирскаго Рождественскаго монастыря архимандрита Іосифа о пожертвованіи на устройство новой серебряной раки для мощей Александра Невскаго; а на л. 492 — такое же обращеніе ко всѣмъ христіанамъ. Такъ какъ подъ игуменомъ Іосифомъ здѣсь несомнѣнно разумѣется Іосифъ II Шаховъ (по другимъ Салковъ), который упоминается въ 1690 году, то, можетъ быть, и обращеніе писано въ томъ же году³⁾.

л. 493: Вариантъ письма царя Іоанна Алексѣевича царю Петру Алексѣевичу, раньше встрѣчавшагося; напеч. въ I т. «Писемъ и бум. имп. П. В.», стр. 519.

лл. 494—495: Обращеніе къ христіанамъ отъ игуменъи Курскаго дѣвичьяго монастыря Ѳеодосіи о пожертвованіи на иконостасъ каменнаго храма. Тутъ несомнѣнно разумѣется Курскій Троицкій дѣвичій монастырь, о которомъ см. у Амвросія, ч. IV, 882 стр.; у Строева, стр. 639. Последний, перечисляя имена игуменей, называетъ Ѳеодосію, выставляя годы 1724, 1736 и 37. Такъ какъ Ѳеодосія была преемницей Пелагеи (1680—1701), то обращеніе Каріонъ могъ написать послѣ 1701 года.

л. 496: Обращеніе къ христіанамъ игуменъи Вяземскаго женскаго Св. Іліи монастыря Евдокіи съ сестрами о пожертвованіи на постройку ограды вокругъ ихъ келій. О монастырѣ Вяземскомъ св. Іліи см. Амвросій, III ч., 681 стр.; Строевъ, 603. Евдокія была преемницей Домнікии (1683—1688), слѣдовательно Каріонъ могъ писать обращеніе только послѣ 1688 года.

л. 497: Письмо кн. П. I. Прозоровскаго гетману Мазепѣ изъ Москвы въ февралѣ 1694 г. Прозоровскій благодаритъ Мазепу за письмо и любовь, а также за присланную «звѣрину» лося и кабана.

л. 499—500: Воззваніе къ православнымъ по случаю пожара, постигнутаго монастырь Богородицы Страстныя ея иконы, о пожертвованіи, со стороны игуменіи Іуліи и сестеръ. Такъ какъ тутъ разумѣется игуменія

1) Симонъ съ 1683 † 1705. См. Строевъ, 214 стр.

2) О Мценскомъ монастырѣ см. Амвросій, ч. V, 132 стр.; Строевъ, 326 стр.

3) См. Амвросій, II ч., 534 стр.

Іулія Челищева (1694—1704), то въ этотъ промежутокъ времени и могло быть написано Каріономъ воззваніе¹⁾.

л. 501—504: «Предисловіе въ книгу вкладную святаго обителя Пресвѣтаго и живоначальнаго Троицы, нарицаемаго соловецкія пустыни». Предисловіе начинается мыслию о томъ, что нелѣпо царю въ своей державѣ не имѣть дома, но надлежитъ ему имѣть украшенныя палаты. Богу же, какъ царю царствующихъ, тѣмъ болѣе надлежитъ строить дома. Конечно, весь міръ — домъ Божій; но мы хотимъ получить особенное вниманіе Божіе и потому строимъ храмы. Самъ Богъ велѣлъ Моисею строить храмъ, потомъ Давидъ и другіе строили храмы; имена строителей сохранились. Эта обитель Соловецкая также сохранила имена своихъ строителей и радѣтелей. Нынѣ вмѣсто ветхой деревянной обители строятъ три новыхъ храма: во имя Успенія Пресв. Богородицы, во имя Св. Троицы и препод. отцовъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Авторъ записи постарался внести имена благотворителей во вкладную книгу, чтобы имена ихъ не забывались, а также — чтобы потомки подражали своимъ предкамъ. Какъ Соломонъ, подражая отцу своему, строилъ храмъ, такъ и Константинъ и другіе цари въ Новомъ Римѣ, а у насъ въ Россіи много царей, начиная со Владимира, особенно же Алексѣй Михайловичъ. Эта Соловецкая пустынь есть свидѣтельство ревности его по Богѣ (оборот. 503 л.). «В прешедшемъ бо рѣв^н лѣтъ по прошенію къ нему великому Государю Благовѣщенскаго собора протопопа [духовника его] стефана вонифатьева, благоволил онъ великій Государь сію обитель въ своей государьской дворцовой волости нарицаемой Гвоздинской устроить, и истоя волости ктой обители земли и всякихъ угодей дати на версту. И по прешествіи нѣколикыхъ лѣтъ онъ же великій Государь по прошенію же к нему тогожде протопопа Стефана сію обитель соного мѣста повелѣ пренести тояже Гвоздинскія волости въ деревню Фаустову, и земли и всякіе угодья къ той обители своими государевыми грамотами утвердити. . .» Послѣ него сынъ его Феодоръ Алексѣевичъ имѣлъ заботу объ этой обители и посѣтилъ ее въ прошедшемъ рѣд лѣтъ и далъ двѣ ризы. Пусть имъ подражаютъ и другіе. Рукою писано не Каріона Истомина. Какая здѣсь разумѣется Соловецкая пустынь? Ни у Амвросія, ни у Строева мы не нашли ничего подобнаго только что описанной пустыни.

Об. 513—519: «Поученіе (вверху — «увѣщаніе») О еже како церкви Божіи строить». Написано отъ лица іерея церкви Спаса, Его матери и чудотворца Николая. Проситъ іерей о пожертвованіи на украшеніе храма и на поновленіе храма того, что стало старо. На л. 519 написано: «писана

1) См. Амвросій, VI, 331; Строевъ, 330 стр.

сія тетрадь лѣта зрѣчи (при чемъ ч написано вмѣсто бывшаго раньше п мѣа декемврія въ иі^а. . .). Писано не рукою Кар. Истомина.

л. 520—527: Хорошо написанные отрывки изъ какого-то слова, трактующаго о преимуществѣ духовной пищи предъ тѣлесной. Заглавіе каждаго отдѣла (главы) написано киноварью, напр. на л. 521: «еже непоработишися плотскими. сладострастми, но духовнаго утѣшенія въ Господѣ взыскивати выну».

л. 528—530: Слово на т.: «Христось воста отъ мертвыхъ начатокъ умершихъ бысть. Словеса святаго апостола Павла к Коринояномъ а̄». Нач.: «Премножество благости воскресеніемъ Исуса Христа обрѣтохомъ благословенніи христіяне, новость бо намъ презрядныя жизни дарова. да мы во обновленіи нашего нынѣ жителства начнемъ хидити. . .».

л. 530—532: Слово на т.: «Глагола Господь нашъ Исусъ Христось: Петре, любиши ли мя, наси овцы моя. свидѣтельство евангелистаго святаго Иоанна». Нач.: «воистинну къ коей убо вещи человекъкъ любовь возимѣтъ, всячески прирадѣтъ восполнити ону (іереи господни и вси людіе благовѣрніи). и тако получаетъ утѣху мысли своея всовершеніи зря дѣло свое: ащели же к чесому нѣсть любве, вся обращаются внепотребство, и содѣлованія и мышленія. . .».

Остальные листы остаются до конца чистыми. Такимъ образомъ, всего въ сборникѣ № $\frac{98}{300}$ не 536 листовъ, а 540, такъ какъ четыре листа пропущены помѣтою.

Сборникъ № $\frac{99}{301}$.

По наружному виду и размѣру листовъ сборникъ № $\frac{99}{301}$ ничѣмъ не отличается отъ предыдущаго. На лицевой сторонѣ переплета (верхней доски) большими буквами написано: «Каріона Истомина различныя поученія и писма». Ниже на синей карточкѣ напечатанъ № $\frac{99}{301}$, а на первомъ листѣ рукописи находится поздняя приписка карандашемъ: «Іеромонахъ справщикъ Каріонъ — фамилія Истоминъ» № 223 б).

Со 2-го л. по 12-й — Стихи царевнѣ Софіи, отрывокъ изъ которыхъ напечатанъ г. Смирновымъ въ Приложеніяхъ къ книгѣ: «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи». Написаны 1682 года ноября 12-го.

л. 13—14: «Пристяжаніе» — черновые стихи, также посвященные Софіи; въ нихъ воспѣвается «дѣвство». Нач.:

«Радуйся дѣво міру прежеланна Свыше російску царству дарованна. . .».

л. 15—16: Стихи Софіи: Нач.:

«При семъ приношу тебѣ Богознаниѣй Дщери царевѣ дѣвѣ избраннѣй. Стихотворное молитвено званіе, вашей свѣтлости во почитаніе. . .».

Подчеркнутыя слова суть какъ бы заглавіе стихотворенїа: Это молитва ко Христу и къ Пресвятой Богородицѣ. Помѣта: «ахъпв^ѣ ноемвриа бѣ дне молебио восписася» (об. л. 16).

л. 17: Небольшое прошеніе со стороны Карїона къ царевнѣ Софїи, интересное для процесса писательства его: «величайшей государынѣ благороднѣй царевнѣ и великой княжнѣ Софїи Алексѣевнѣ всякихъ увеселительныхъ благополученїи и во Господѣ Свѣтѣ внемъ же нѣсть тмы пнединя, неизглаголаннхъ радованїи и услажденїи здѣ, и вприсносущнѣмъ блаженствѣ непрестанно желающъ.

впрешествованныхъ днехъ, благосмыслность и добротворную жажду во угожденїе великому чудотворцу Богу присно мїротворцу, величества вашего узрѣвъ. и народогласнымъ вѣстителствомъ еже богатодавецъ Господь преблагїи, дарствова твоему благородїю, паче всѣхъ, минующихъ на земли пренебрегша софїйствовати (сіестъ мудрствовати) выспрь к сотворившей вниѣ, слухи мои о изумляемъ быхъ, в промысленное твоему величеству о мудростномъ хотимыхъ ученїи, в великую парода всего ползу потщанїи, малословеснствомъ кратко, стихотворну книжицу восписахъ: я же вашему величеству вручїся. [аще не прочтеса от васъ не вѣмъ, сердцезрительвѣсть] яко мнѣйшїи рабичищъ вамъ падъ предъ вашимъ величествомъ прошу: благоволите Государыня, оную книжицу, токмо на созрѣнїе малое дати ми впоправленїе: юже вскорѣ егда требующее тамо исправится, пакї къ вамъ имате благоволенїемъ возвратити. о семъ и пакї есмь молящъ.

мнѣйшїи грѣшнїи І: К:

челомъ бїаи творитъ прошенїе».

Очевидно, подъ книжицей разумѣются стихи, поднесенные Софїи въ 1682 году, такъ какъ въ нихъ онъ толкуеть «о мудростномъ ученїи».

л. 18: Благодарственное письмо Карїона Маркеллу, митр. Казанскому и Свїяжскому. Вотъ за что благодаритъ Карїонъ Маркелла: «...Смирненное наше поклоненїе согласомъ благодарнымъ приносимъ за милость твою, и посѣщенїе [яко никого же инаго, втудѣхъ нашихъ типографскаго смотрства, впосѣщенїи таковомъ. и каждолѣтнѣмъ присланїи рыбищъ съ благословенїемъ твоимъ іерейшескимъ знаемъ]. Подпись: «худшїи твой рабичищъ І: К: И:» т. е. іеромонахъ (или іеродїаконъ) Карїонъ Истоминъ. Хронологической даты нѣтъ.

л. 19: Письмо князя Юална Трубецкого тому же Маркеллу изъ Москвы въ февралѣ 1697 года. Послѣ похвалъ Маркеллу, какъ пастырю, и пожеланїа благъ, князь благодаритъ его за письмо, благословенїе и присылку рыбы.

лл. 20—22: Форма поздравленїа съ Рождествомъ Христовымъ архипастырю (патріарху).

л. 24: Письмо патр. Адриана царю Петру 1699 года, пмѣющее связь съ письмомъ патріарха боярину А. С. Шейну (см. Сбор. № $\frac{98}{300}$, л. 473). Патріархъ, узнавъ изъ письма къ нему Шейна о желаніи Петра, чтобы игумень Іоасафъ былъ архимандритомъ въ церкви гор. Азова (во имя Іоанна Предтечи) и послалъ шанку, даетъ свое на то благословіе. Кромѣ того, извѣщаетъ Петра, что пошлетъ въ Азовъ и двухъ священниковъ съ діакономъ, какъ того желаетъ Петръ. Наконецъ проситъ Петра писать о себѣ, чтобы развлечь его, патріарха, въ болѣзни. Нѣтъ ни у Устрялова, ни въ «И. и б. и П. В.».

л. 28—31: Форма духовнаго завѣщанія.

л. 34: Стихи новидимому Петру: «Бѣлъ листь являетъ свѣтлѣйши побѣды».

л. 35: Письмо патр. Адриана архимандриту Кіевопечерской Лавры Іоасафу Кроковскому съ братією, отъ 30-го апрѣля 1698 года. Патріархъ увѣдомляетъ, что получилъ въ «нынѣшнемъ апрѣлѣ ихъ письмо, псалтырь съ толкованіемъ словесъ» и книгу Богородичныхъ осмогласныхъ канонѡвъ, изданныя въ Кіевской типографіи. Пишетъ, что исполнилъ ихъ просьбу и посвятилъ въ іеромонахи въ печерскій монастырь іеродіакона Антипа Осмилицкаго, которій уѣхалъ изъ Москвы 10 мая.

л. 36—37: Письмо патр. Адриана войска запорожскаго низоваго кошевому атаману Григорію Яковлеву и всѣмъ людямъ изъ Москвы 13-го ноября 1698 года. Благодаритъ Бога за то, что казаки защищаютъ православленную вѣру отъ магометанъ-турокъ и вѣрно служатъ царю Петру; за это желаетъ имъ благъ и даетъ свое патріаршее благословіе. Затѣмъ увѣдомляетъ, что онъ далъ присланнымъ со стороны казаковъ съ просительнымъ письмомъ къ нему книги: Обѣдъ, Вечерю, Минею общую и священнику церковное облаченіе.

л. 38—42: «Молитва благодарственная Пресвятѣй Богородицѣ, собранная отъ различныхъ писаній благохвалныхъ». Написана въ родѣ акаѳиста¹⁾.

л. 44—об. 64: «Иже во святыхъ отца нашего Аонасія архіепископа александрійскаго вопрошенія нѣкая о божествѣ и о воплощеніи сына Божія, и о побѣдѣ діавола». Вопросы и отвѣты красиво, почти уставомъ написаны²⁾, при чемъ вопросы писаны киншварью; 1-й вопросъ: «Что есть Богъ». — Отв.: «Богъ существо мысленное, невидимый же и неказанный. Богъ есть духъ невещественный, око неусыпаемое и умъ неувпѣимый...».

1) Писано не рукою К. Истомина.

2) Не рукою Каріона?

л. 65: Стихи, смыслъ которыхъ — кто почитаетъ Бога въ Троицѣ, тотъ сподобится Его пресвѣтлаго чертога, а кто почитаетъ Богородицу, тотъ достоинъ ликовать съ серафимами.

л. 67—68: «Вдень святѣи Преподобномученицы Евдокии на празднество рожденія благочестивѣи великой государынѣи царицѣи и великой княгинѣи, Евдокии Феодоровнѣи, поздравленіе бывшее зрѣч лѣта мѣа августа д̄ дне». Вотъ начало этого стихотворнаго поздравленія:

Изначала днѣи	сотворена міра,
не бѣ человекъ	не бѣ хвална пира...
Сего ради Богъ	во обратѣ лѣта
устроилъ умна	человѣка цвѣта...». Человѣкъ

долженъ своею жизнью прославлять Бога:

Звономъ и вѣнцемъ	была на семь свѣтѣ,
Дѣва святая	Евдокиа въ лѣтѣ.
Внеже за вѣру	праву пострадала,
въ мученіяхъ злыхъ	животъ свой скончала...».

Затѣмъ разсказывается жизнь Св. Евдокии и ея муки и смерть изъ-за вѣры Христовой. Въ заключеніе Каріонъ говоритъ о царицѣ Евдокии:

Сей преподобнѣи	тез'именовался,
Егда царица	въ жизнь сію рождася.
Днесъ Евдокиа	Феодорова блага,
В царстѣи Свѣтлости	госпожа предрага.
Царя велика	Петра презбраши,
Алексіевича	супруга желанна...
Творца Господа	за все восхваляетъ
Евдокию же святу	подражаетъ...

л. 70—77: Слово на т.: «Зерцало есть непорочно Божія дѣланиа. Словеса сіа во кипзѣ премудрости. Глава з̄». Нач.: «Воистину по учителству святаго апостола Павла ближайшее человѣческому роду спасеніе нынѣ паста...».

л. 79: «Слово во время свят. постовъ» на т.: «вѣруеши болша сяхъ узриши. Словеса Господа Нашего Ис̄а Христа, написаны Евангелистомъ Иоанномъ во главѣ а̄». Нач.: «Егда убо пастырь видитъ стадо свое добрѣ на пажити жизненпой пасущееся, зѣло [благослов. христіяне] радуется тогда. Тако и мати наша церковь, егда видитъ рожденныхъ святымъ крещеніемъ сыновъ своихъ постыщихся зѣло веселятся...».

лл. 80—91: «Слово блаженныя и святаго памяти на пречестнаго архіерея киръ Павла митр. сарскаго и Подонскаго». Слово Симеона Полоцкаго.

лл. 92—94, 95—101: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ камень вѣры и глава святаго своея восточныя церкви, іерей убо той же и архіерей отъ отца рукоположенъ во святѣмъ дусѣ тѣлеснѣ насъ ради...». Направлено противъ кальвинистовъ и лютеранъ, которые отрицають рукоположеніе отъ архіерея. Доказывается, что безъ архіерея не бываетъ священника, а безъ священника не бываетъ таинства. Далѣе говорится о соборѣ, происходившемъ при константинопольскомъ патріархѣ Парөөеніи въ 1642 году въ маѣ мѣсяцѣ. Съ л. 95 — извѣщеніе отъ Константинопольскаго патріарха Парөөенія о постановленіи насчетъ *Калвинскихъ главъ*, подписанномъ и Петромъ Могилою отъ лица православной церкви Малой Россіи. Постановленіе напечатано «въ Іассіи Молдавстѣй» въ монастырѣ трехъ Святителей въ лѣто отъ Рожд. Христова дахмв декабрия въ к̄ день. Такимъ образомъ здѣсь видимъ матеріалы, весьма важные для исторіи «Православнаго Исповѣданія» (или Катихизиса) Петра Могилы.

л. 104: «Изъ книги Діонисія Ареопагита»—выписки «о божественномъ священноначалствѣ» изъ главъ а̄, б̄, в̄, г̄, д̄ и др. и «о божественныхъ именахъ» (изъ гл. а̄, д̄ и др.).

Об. л. 106—116: «О дни святаго Пасхи, вкій день, по обхожденіемъ солнечныхъ и лунныхъ круговъ, достоить праздновати...». Неоконченная пасхалія съ рисункомъ солнечнаго круга на л. 8.

л. 118, об. л. 119, 120, 121 заняты отрывками изъ грамматики Каріона. См. о нихъ ниже.

лл. 124—143: «Отъ книги Св. Іоанна Дамаскина, отъ третіею слова о святагохъ иконахъ». Несомнѣнно есть списокъ съ перевода Елифанія Славинецкаго, что видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Каріонъ Истоминъ.

«Что есть икона? Икона убо есть, подобіе и приуказъ и изображеніе нѣкоего, всебѣ показующее образуемаго...».

Еп. Славинецкій.

«Что есть икона? Икона убо есть подобіе и приуказъ и изображеніе нѣкоего, въ себѣ показующее образуемаго...»¹⁾.

лл. 145—159 и 160—167: Обширное разсужденіе о брачной жизни. Авторъ (едва ли Каріонъ Истоминъ) указываетъ на различныя уклоненія

1) См. ст. Пѣвницкаго, «Епиф. Слов-цкій...». Труды К. Д. Ак. 1861, авгус. стр. 422, прим. 1.

отъ правильнаго бракосочетанїа и указываетъ, какъ бракосочетанїе должно совершаться, при чемъ на л. 168, 169 и 170 приводятся для подкрѣпленїа высказанныхъ мыслей выписки изъ градскихъ законовъ, изъ кормчей и изъ книги Арменула. Нач.: «Многая суть начертавающая христїанина: паче же всѣхъ ко другъ другу любовь и миръ. Сего радилюбве и міра архитекторнъ: міръ мой рече даю вамъ: и паки, о семь познають васъ вси яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга. . .».

л. 172—178: Книга Вразумленїе написанная въ 1683 г. и поднесенная царю Петру Алексѣевичу.

л. 179—180: Поздравленїе на Рождество Христово царю Петру отъ лица патріарха Адріана съ соборомъ.

л. 181—183: «Адріанъ¹⁾ милостїю Божїею архїепископъ царствующаго вел. града Москвы и всея рос. и вс. сѣв. странъ патріархъ нашея мѣрности во Христѣ Исусѣ сыномъ града Кїева мѣстнымъ жителемъ войту Іоанну Быковскому, бургомистомъ димитрію полоцкому, роману тихову, райцомъ, урядникомъ и всякаго чина людямъ архипастырское благословенїе снимже Бога благаго благодать милость миръ и благоденство да умножатся. . .».

Грамота данная въ мартѣ 1699 года. Прибывшіе въ Москву 5-го марта того же года Кїевляне съ челобитьемъ къ царю Петру Алексѣевичу просили у патріарха благословенїа. Адріанъ своею грамотою даетъ благословенїе и повелѣваетъ, чтобы Кїевляне исполняли все написанное въ жалованной царской грамотѣ; а о церковныхъ дѣлахъ онъ, Адріанъ, послалъ особую грамоту митрополиту Варлааму, которая будетъ отдана имъ въ судейское, гражданское и урядническое ихъ соблюденїе (см. выше, сбор. № $\frac{98}{300}$, л. 470—72); совѣтуетъ жить въ мирѣ и повиноваться митрополиту.

л. 185—192: «Похвала и прївѣтъ многпхъ вѣковъ высокопарному орлу превысочайшаго паренїа славою имени его вденъ святаго преподобнаго Алексѣя человѣка Божїа ангела Его Великаго Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя росїи самодержца». Подъ такимъ заглавіемъ помѣщено шесть отдѣльныхъ стихотворенїй, обозначенныхъ по-славянски (ā, b, g, d, e, s); всѣ они, за исключенїемъ перваго, заканчиваются такими двумя стихами:

И обновится паки юность твоя

По сихъ (вар. по семь) желаетъ сердце душа моя. . .

1) Написано киноварью.

Начало этой похвалы: а̄:

Орле пресвѣтлый восточныя страны
отъ орловъ орле, богомъ преизбрашый. . .

Едва ли это произведение принадлежит Каріону; скорѣе его надо приписать С. Полоцкому.

л. 200: Письмо патр. Адриана царю Петру въ 1697 году, когда онъ былъ за границею, съ подписью Петру Михайлову. Напечатано въ Др. Россійск. Вивл., т. XV.

лл. 202—203: Стихи похвальные царевлѣ Софіи Алексѣевнѣ. Тѣ же самые стихи находятся въ рукописи Чудовскаго же книгохранилища № ⁸⁹/₂₉₁. См. ниже.

л. 204: Письмо Петра Великаго патриарху Адриану изъ Амстердама отъ 10-го сентября 1697 года. Напечатано въ «Письм. п бум. Имп. П. В.». т. I, 193—194.

Об. л. 204: Письмо Петра Великаго патр. Адриану изъ Амстердама отъ 13-го сентября 1697. Напечатано *ibid.* 196 стр.

л. 205: Письмо патр. Адриана Петру Великому изъ Москвы отъ 15-го октября 1697 года. Напечатано *ibid.* 650 стр.

лл. 206—об. 207: Стихи Каріона, озаглавленные: «На листахъ». На л. а̄ читаемъ:

«Зѣло потребно всяку челоѣку	въ непостояннемъ жпзни сея вѣку,
От попеченій себе упразднити	п во дни древни ума си плѣнити.
Ибо оттуду знаніе родиться	законъ же Божій читать усладится.
Удобства ради внимаи здѣ втаб-	п на нихъ убо впждь иконны лица.
лицы	
Яже писаны отъ начала свѣта	п кая была послѣдняя лѣта.
От Бога бо вся вначалѣ творена	всѣмъ челоѣкомъ премудро явлена.
Тѣмъ же есть лѣпо ихъ зѣло	присно же к Богу мыслию горѣти.
смотрѣти	

На л. в̄: о трехъ дняхъ міротворенія.

На л. г̄: отъ четвертаго до шестого дня міротворенія.

На л. д̄: шестой день — сотвореніе животныхъ и челоѣка.

На л. е̄: О сотвореніи Еввы изъ ребра Адамова и о покоѣ Божіемъ въ Седьмой день.

На л. з̄: О Заповѣди Адаму и Еввѣ въ раю и объ ихъ грѣхопаденіи.

На л. ̄: Объ укрываніи отъ Бога и объ изгнаніи ихъ изъ рай.

На л. ѵ: «Плачетъ бо адамъ яко многими бѣдами здѣ влаемъ.
зѣло передъ раемъ
Умилно зваше гласомъ увы къ да подасть ему Паки въ рай дорогу.
Богу
Обаче тамо живъ не бысть пу- яко внезапно змією (вар. женою) прел-
щенный щеный.
Тогда же позна жену свою еву, яже коснуся прежде ко древу.
Ева въ печалѣхъ и чада рож- каиномъ перва сына нарицаеть.
даеть,
Не оранную пача землю дѣлать, копалъ адамъ по ней сѣмя сѣять.
Ева трудится на одежды дѣло, ими же крыти убо наго тѣло.

На л. ѳ: О жертвоприношеніи Каина и Авеля и о братоубійствѣ.

На л. і: О рожденіи Сифа у Адама и Еноха у Сифа.

л. 211: Въ стихахъ разсказъ о рожденіи Иисуса Христа и о чудесахъ, Имъ творимыхъ (исцѣленіе больныхъ, насыщеніе пятью хлѣбами, воскрешеніе Лазаря).

л. 213: Поздравительные стихи на Рождество Христово ц. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и патр. Адріану.

л. 214: Надписи надъ царскими вратами, надъ иконами Богородицы, Іоанна Крестителя, мученицы Екатерины и Софіи. Для образца приводимъ надпись надъ царскими вратами:

«Сіи суть врата прѣблагаго Его же милость къ человѣкомъ многа.
Бога
Христа втапнствѣ сими изпо- людей жаждущихъ свѣтынь сподо-
шаютъ бляють. . .».
Об. л. 214: «Августинъ свѣтый ко Богу всю жизнь свою онъ исправи.
книгу сю состави
Словеса его сладчайша здѣ сота внихже знается Бога къ намъ до-
брота.
За сіе его должно есть хвалити читаяй книгу о помощь просити.
Отче Августинъ свѣтый весе- и о миѣ всегда Христу помолися.
лися

Какая здѣсь разумѣется книга Августина? Не «Боговидная ли любовь», поднесенная Каріономъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ?

л. 215: Замѣтка о томъ, что въ нынѣшнемъ 7195 году (1687) въ мартѣ мѣсяцѣ игуменъ Воскресенскаго монастыря изъ города Борисова Борисъ просилъ патріарха пожертвовать что-либо на новый храмъ воскре-

Злобожіе да искоренится вѣра святая тѣмъ да распростра-
 нится.
 Вашей державѣ въ ней утвердител- Бжѣ даждь вамъ всѣхъ врагъ побѣ-
 ствѣ дителство».

Стихотвореніе посвящено лицу царской фамиліи и притомъ лицу цар-
 ствующему, что видно изъ заключительной строфы, озаглавленной «Словес-
 ноеумство».

«Страны части днесь земли объяв- народы вещи сотворенны.
 ленны
 И малымъ словомъ но вразумѣ мнозѣ мудрствуйте молю се въ Гдѣ Бзѣ.
 Ничто же тако ползу сотворяеть токмо кто в Христѣ о всемъ раз-
 мышляетъ...
 Огъ его благодсть всѣмъ неизреченна небо и земля врадость облеченна.
 Вней ваша свѣтлость присно пребы- вашему люду милость си являйте.
 вайте
 Наипаче нынѣ ввойнское время дабы сложилъ Бгѣ всѣхъ грѣховъ
 бремя».

Внизу помѣта: «рѣзъ», т. е. 1689 годъ, когда происходилъ второй
 Крымскій походъ, въ правленіе царевны Софіи. Слѣдовательно, заключаю-
 щіеся въ приведенныхъ стихахъ намеки на враговъ относятся къ туркамъ,
 а подъ «свѣтлостью», можетъ быть, Каріонъ разумѣлъ Софію.

л. 220—223: Стихи на Рождество Христова царю Петру Алексѣе-
 вичу, гдѣ Каріонъ совѣтуетъ царю:

«Вцарствѣ постави мудростну науку да простретъ хопляй всякъ кней свою
 руку.
 Возводитъ она люди к вѣчну царству научаетъ же всякому изрядству.

л. 224: «Акаоистъ сіестъ насѣдалное пѣніе пресвятѣй двѣ Бцѣ Маріи
 древлнее со иконами явленія дѣйства Богочеловѣка Иисуса Христа, напи-
 саяся и устроися благороднѣйшему великому Государю царю и великому
 князю Алексію Петровичю всея великія и малыя и бѣлыя россіи впятое лѣто
 боголюбезнаго возраста его, мірозданія .зѣв лѣта. рождества же Иисусъ
 Христова .ахѣд мѣа октовріа.

Потщася всеіе и около иконъ стихотворп описаніемъ хуждшій пхъ
 царскаго пресвѣтлаго величества Богомолецъ іеромонахъ Каріонъ Исто-
 минъ типографіи справщикъ». Далѣе идутъ выписки изъ псалмовъ 95 и 97.
 Об. л. 224 и л. 225 заняты (обращеніемъ) рѣчью къ царевичу Алексѣю,

при поднесеніи ему «Акаоиста». Нач.: «Едию во потребу умнословесному животному сіесть челоѣку в жизни сей дѣло, благодарити и славити творца своего Бога...». Л. 225: «убо бывшая уже чудеса Господня, наипаче же спасительное Иисъ Христово воплощеніе христїаномъ должно часто во здравіе и трезвѣніе души воспоминати и молитвенно вопити аллїлуїа, и пресвятѣй дѣѣ Бїцѣ Марїи радуйся цевѣсто пенеѣстная. Яже о вѣрихъ людехъ, и ввозрасть идущихъ младенцевъ особнѣ яко мати прелюбезная промысль творить во спасеніе, и дасть вразумленіе ко изрядному житїю (обор. л. 225) сего ради вашему царскому пресвѣтлому величеству тебѣ Государю Царевичю акаоистъ пресвятѣй дѣѣ Марїи написася, сіесть насѣдалное, яко стояще людіе пѣваху, гласы преподобными к похваленїю ея и всетворца Господа. Да вползѣ твоей Государской имаша тое пѣніе со иконами к радостному зрѣтїю тѣлесныхъ очесъ, и сердечной же сладости умныя души, мыслию непрестанно содержать...».

л. 226—229: «Благороднѣй великой государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Татїанѣ Михайловнѣ поздравленіе похвалное еже бысть ꙗко лѣта, мѣа декемвріа въ гї день воскресенскомъ монастырѣ, на освященїи церкви яже втрапезѣ». Заглавіе этихъ стиховъ написано киноварью. Начало ихъ:

Царь царствующихъ	Господь вседержитель,
дѣлъ челоѣческихъ	и вещей всѣхъ зритель,
Зрящія къ нему	душы умудряетъ,
заблагостройство	мзду имъ умножаетъ...».

Похвальные стихи за помощь обители и храму.

л. 230—37: «ꙗко лѣта, мѣа декемвріа гї дне стихи на освященіе храма славно рожденїя Господа нашего Иисуса Христа, яже предъ трапезою воскресенскомъ монастырѣ новаго Іерусалима глаголашася предъ святѣйшимъ патріархомъ тамо втрапезѣ». Всего отдѣльныхъ стихотворенїй, нумерованныхъ славянскими цифрами, восемь. Похвальное стихотвореніе всеѣмъ строившимъ храмъ, при чемъ воспоминаетъ и царевну Татїану Михайловну. (Она вообще помогала Воскресенскому монастырю. См. Амвросїа, ч. II, стр. 340 и 344). Поминаетъ добрымъ словомъ Карїонъ и патріарха Никона:

«Избранъ патріархъ	Никонъ всесвятѣйшїй,
патріархъ росїйскїй	вбодрости свѣтлѣйшїй.
Втрудѣхъ подвижѣхъ	всегда пребываше,
добродѣтель всю	къ Богу приношаше.
Попечеся сю	обитель создати,
Богъ изволилъ вней	и тѣломъ лѣжати.

сколько ниже — образъ Христа: «Христа же Иисуса древліи писателіе сказуютъ его. благоѣлесный образъ: вознесенъ бровма. добрыма очима и маститама. долгимъ посомъ, русы власы... чернъ брадою. Смугль плотію. долги персты. доброгласенъ. Сладокъ словесы, зѣло кротокъ, молчаливъ. терпѣливъ. и ины ближпяя доброты имущи, ими же собствы благомужный его показуется образъ».

л. 247—248: Стихи на Рождество царю Петру Алексѣевичу.

Нач.: «Царь нашъ Господарь	Петръ благочестивый
Алексіевичъ	ко всѣмъ добротливый...
Привѣтствую тя	царя Господина...
Нынѣ въ Рождествѣ	Иисуса Бога...

л. 249—50: Стихи на бракъ Петра Алексѣевича съ Евдокіей Θεодоровною Лопухиной 1689 г.

л. 251: Прозаическое поздравленіе царевнѣ Софіи на Пасху.

л. 252: Стихи «На ковчежець часовъ к вырѣзи подпись».

Нач.: «Время летяще	и часовъ кончину.
Зрите люди втомъ	смерть всякому чину...

Об. л. 252: «Подпись внутри ковчежца около образа распятія Христова» — стихи, въ которыхъ объясняется, за что распять и пострадалъ Христосъ.

л. 256: Письмо царицы Евдокіи Θεодоровны царю Петру то же самое, что и въ Сбор. № $\frac{98}{300}$ л. 362.

л. 257: Письмо царевича Алексѣя отцу царю Петру иное, чѣмъ то, что встрѣчалось въ Сбор. № $\frac{98}{300}$ на л. 439 обор. Такъ какъ его нѣтъ ни у Устрялова, ни у Бычкова («Письм. и бум. имп. П. В.»), то приводимъ его здѣсь: «Великій благоразумный мой батюшка Петръ Алексіевичъ царь; азъ юный сынъ твой царевичъ Алексій, ничто же умѣющъ, токмо отцевску твою милость впамяти непрестанно дѣющъ.

Что ты Государь отъ насъ отлучился, своимствомъ во брань на враги далеко явился.

Прошу изволь милость твою отрочати твоему являти, во отраду врожденною отеческою любовію посѣщати. а я любовію ктебѣ ношуся, зрѣти на всякъ часъ ты Государя отца прошуся. и жити стобою, есмь бо младъ собою. Здравствуй Государь многолѣтно батюшка, здравствуй, мене с'матушкою милостію царскою пріятствуй. а я колко могу, толко сягу: усердіе мое ктебѣ Государю являю. рукою моею сій знакъ начертаваю. и челомъ бію».

лл. 259—264: «Пресвѣтлѣйшїй великїй Государь царь и великїй князь Іоаннъ Алексіевичъ, или, Петръ Алексіевичъ, всея вел. и мал. и бѣл. р. и многихъ государствъ самодержецъ.

аще ли, патріарху

Великїй Господинъ Святѣйшїй киръ Іоакимъ Московскїй и всея россїи, и всѣхъ сѣв. стр. патріархъ отче и пастырю нашъ премилостивѣйшїй...». Дальше идутъ стихи поздравительные на Рождество Христово. Очевидно, форма поздравленїй.

лл. 265—271: Слово на т.: «Блаженїи слышашїи Слово Божїе и хранящїе е. Словеса Господа нашего Ісуса Христа написанныя Евангелистомъ Лукою, во главѣ аї». Нач.: «Кто убо восхоцетъ благословенїи христіане въ мїрѣ семъ не умирати, той да потщїтся всѣмъ сердцемъ, и всею душою своею сохранятьи слово Божїе...». Указанїемъ на время составленїя слова можетъ служить то мѣсто, гдѣ говоритъ, что на раскольниковъ нынѣ составленъ соборъ. Слѣдовательно, слово составлено или въ 1681 году или въ 1682, когда противъ раскола составлены соборы и приняты были энергическія мѣры къ его искорененїю¹⁾.

лл. 274, 275 и 273 (по смыслу того, что написано): Извѣщенїе о раскольникахъ 1684. См. ниже.

л. 276: Стихи на раскольниковъ. См. ниже.

л. 278: замѣтка о раскольникахъ относится къ тому, что на л. 273—275.

лл. 279—80: Стихи на Рождество царю Петру, что видно изъ такихъ стиховъ: говоря о Христѣ и Его Матери, Карїонъ продолжаетъ:

...«всего (христа) помощи	и матере дѣвы,
православный царь	побѣды имѣвый.
Своинствомъ своимъ	росскимъ православнымъ
взя <i>свейски грады</i>	ратоборствомъ кравномъ.

лл. 281—82: Письмо патр. Адріана царю Петру отъ 7-го апрѣля 1700 года. Его пѣтъ въ «Письм. и бум. имп. П. В», поэтому приводимъ здѣсь:

«Благочестивѣйшїй великїй Государь царь и великїй князь Петръ Алексіевичъ, всея вел. и мал. и бѣл. россїи самодержецъ, во Христѣ Господѣ, многолѣтно и благополучно здравствуя радуйся.

Твоему царскому пресвѣтлому величеству, вдуסף святѣмъ вселюбезнѣйшему церкви святыя сыну, во всякой душеспасительной велелѣпотѣ пресїѣнїя клубви Бога вседержителя, непрестанно мѣрность наша желаю, о

1) См. Іоакимъ патр. Московскїй, Смирнова, гл. IV.

добропробываніи вашемъ, его всемогущество моля. При семъ тебѣ благочестивому царю доношу: прежде сего апрѣля въ а^н, во второе уже ктебѣ Государю писахъ, о извѣстителномъ намъ указѣ, что постиже насъ здѣ случай въ мѣсяцѣ мартѣ, не восхотѣ было по твоему царскому благоволенію, и по нашему благословенію Кіевской игуменъ Стефанъ Николаевской посвятитися во архіерея. Такожде писахомъ о игнатіи митрополитѣ Сибирскомъ, что онъ намъ досади, и всловесѣхъ и непостоянномъ своемъ дѣланіи учинился печиненъ. и посланъ в келлію во исправленіе (об. л. 281) в Чудовъ монастырь до времени. и по прешедшей Государь почте, априллія сего во в^н извѣстіе намъ о твоємъ Государскомъ указѣ сотворися: и того Кіевскаго игумена Стефана увѣнчавше закона Господия словесы поставихомъ во архіерея врезанскую митрополию сего мѣа априллія въ з^н в недѣлю увѣренія во Христа Іисуса святаго апостола Оомы. Игнатія же митрополита Сибирскаго, что онъ отъ бессоницы великой [яко ни мало сна приемлетъ, и пищу едва ясть или отчего пного повредися во умѣ, Богъ вѣсть, ради сохранства, и всовершенство паки прійдетъ смысла своего послахомъ въ монастырь Симоновъ. въ г^н априллія. Зане бывъ вчудовѣ монастырѣ дотогаго времени вкелліи без всякія нужды, токмо пуцати было невозможно и к церкви его, ради такого ему случая, что все говоритъ и творитъ непотребно. Ибо и вто время что онъ кому что говорилъ, и чѣмъ досадила знатно уже показася, яко не всовершенномъ умѣ бытъ. миѣ же старцу скорбному, и о таковыхъ случаяхъ, скорбь на скорбь и слезы на слезы приходятъ. чего бы быти мнитися не подобало но обаче во всемъ буди воля Господия, в его же мудроправителствѣ вся наша дѣла и помышленія, и жителство содержится посоломону, вся в мѣру и число и впревѣсь всѣмъ дѣтеся отъ Бога и яко стражикъ впревѣсь и яко капля росы, тако весь міръ предъ тобою Господи. глаголетъ. (л. 282) засимъ тебе великаго Государя нашего царя онъ всещедрый владыка Господь Богъ, вмилости своей да сохранить и пресвятая дѣва Богородица Маріа и вси святіи влучество да воспомогутъ аминь. Лѣта Господня 4511 априллія 3 дне.

«во владимирѣ Государь градѣ рождественскаго монастыря нынѣ сущій архимандритъ Іосифъ, началства своего служенія остави, братія же тамо, и вси того монастыря люди бьютъ челомъ намъ что бы тамо быти во архимандритахъ, нашему рязничему іеродиакону Боголѣпу, о немъ же и азъ тебѣ Государю творю прошеніе. благоволи сіе твоимъ государскимъ указомъ исполнити, и сотворити извѣстіе». Письмо въ высшей степени интересное, потому что сообщаетъ свѣдѣнія о несчастномъ Игнатіи, которыхъ не знаетъ ни Амвросій (I ч. 110), ни Строевъ (стр. 317), а равно и объ игуменахъ Рождественскаго Владимирскаго монастыря, которыхъ мало знаетъ Амвросій (ч. II, стр. 534). Сводъ свѣдѣній объ Игнатіи (Кор-

саковѣ) см. въ кн. г. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій и его время». Спб. 1891 г., 168—170, примѣч. 4.

л. 283—284: Письмо патр. Адриана патр. Иерусалимскому Досифею, въ маѣ 1691 года. Оно, вѣроятно, есть отвѣтъ на письмо патр. Досифея Адриану, писанное въ мартѣ 1691 года и пересказанное въ V т. Архива ю.-зап. Рос., стр. 449. Вотъ это письмо. «Адрианъ милостию Божіею архіепископъ Московскій и всея россія и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, святѣйшему и блаженнѣйшему киръ Досифею патріарху Иерусалимскому и всея Палестины во Господь радоватися всегда и многолѣтно здравствовать. «Вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти, глаголетъ божественный апостолъ. вѣруемъ же, яко уповающїи на Господа вси православиіи хрстіане не прегрѣшати надежды своея. обаче во искушенїи напастномъ челоуѣкоустрашнѣ печалїю объемлемся. Яже и насъ востраданїе твоего блаженства, и всѣхъ православныхъ хрстіанъ тамо свами обрѣтающихся постиже. слышахомъ бо, яко отъ латинъ еретичествующихъ, велие страданїе и изгнанїе изъ общїа хрстіанскїа нашея благочестивыя церквей матере подясте. во святѣмъ градѣ Иерусалимѣ. вней же богочелоуѣка спасителя нашего Исуса Христа гробъ живоносный издревле содержится. и вѣсть Господь яко всегда сболѣзуемъ жалостнѣ, и всячески желаемъ присно, дабы всохраненїи таковое безцѣнное сокровище, паче же рещи красота и похвала всѣхъ хрстіанъ (об. л. 383) восточныя церквей сущихъ твоему блаженству, присно со враги оными римскїа ереси борющемуся предано было. Но како бы уллучити хотѣнїе таковое, и намъ втомъ спомоществовати вашей по церкви святѣй ревности доселѣ способности не обрѣтается, никаковымъ образомъ.

«Нынѣшняго же лѣта дръчѣ мѣца маїа писа кнамъ града святаго Иерусалима архимандритъ Хрисанфъ, возвѣщая хрстіанъ благочестивыхъ тамо гоненїе отъ еретичествующихъ латинъ. и како тїи папсты всячески злокознствомъ воздержаша чрезъ нечествующихъ начальникъ во святѣмъ градѣ мѣста святая. и твое блаженство отъ нихъ гоненїе подялъ еси. и показывалъ еси чрезъ коликая лѣта ревность о церкви Божїей, и нынѣ втомже терпѣливѣ яко вѣренъ служитель страждещи. прошенїе же отъ архимандритъ намъ предложи отъ всѣхъ тамо обрѣтающихся православныхъ хрстіанъ, еже бы к благочестивымъ нашимъ великимъ Государемъ царемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексїевичю, Петру Алексїевичю, всея вел. и мал. и бѣл. россії самодержцемъ, и многихъ государствъ и царствъ и княженїи обладателемъ, намъ сотворити прошенїе: что бы ихъ царское пресвѣтлое величество благоволиши своею царскою державною рукою о свободѣ церкви іерусалимскїа отъ латїны в божественнѣй помощи сотворити тцанїе, како возможно. О чесомъ и твое блаженство (л. 284) к пхъ цар-

скому величеству писалъ же еси сотворяя прошеніе. И мы втаковомъ до-
пошеи къ ихъ самодержавію всегда зостоимъ: и радостни слышати свободу
вашу вединовѣрїемъ христіанскомъ нашемъ братствѣ непрестанно. весе-
литъ бо христіанъ православныхъ, и спасаетъ повсюду истиная православ-
ная едина вѣра в единого Бога, и в едину святую каоолпческую церковь.

Тѣмже и благочестивыя наши самодержцы великія Государи Цари,
о томъ усердіе имѣютъ неусыпное. И аще благоволятъ всепромыслительный
нашъ владыка и творецъ у нихъ государей быти съ султаномъ турецкимъ,
или скрымскимъ ханомъ каковому договору о перемирьи, о освобожденіи
храма святаго живописнаго воскресенія, и гроба Господа Иисуса вопервыхъ
сотворятъ прошеніе. чесогу усердствуемъ присно, моляще его Спасителя
нашего благоутробіе, и пренепорочную Дѣву Богородицу Марію: да речеть
миръ на люди своя, и спасетъ вся отъ всякого зла. убо и ваше благо-
мудростное имство, и совершенство вдобродѣтелехъ молитвами таковому
содѣлованію помогайте. ихъ же мы требователны, цѣлованіе въ любви ду-
хоноснѣй о Христѣ творяще твоему хриstopодражателству.

Желающе же твоему блаженству всякого добра, хотѣхомъ и мило-
стыню послати во Іерусалимъ, но нѣсть вѣдца таковаго нынѣ здѣ. кому бы
отдати. еже бы вручилъ твоему архіерейству.

Посемъ Господь Богъ всѣмъ вся вползѣ да сотворитъ спасенія. аминь.
Писася вцарствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. мірозданія зрѣче лѣта. отъ
рождества же Бога Слова Иисуса. ахчѣ. индиктіона дѣ мѣа маіа дне.

Об. л. 284: Письмо патр. Адріана гетману Мазепѣ, писанное въ маѣ
1691 года въ отвѣтъ на письмо гетмана, въ которомъ послѣдній просилъ
благословенія у патріарха. Патріархъ даетъ благословеніе и желаетъ дол-
готы дней.

л. 285: Письмо царя Іоанна Алексѣевича царю Петру Алексѣевичу
отъ 20-го августа 1695 года. (Напечатано у Голикова?)¹⁾.

лл. 286—287: Письмо Ивана Мукина царю Петру отъ 13-го мая
1703 года. Напечатано во II т. «Писемъ и бум. имп. П. В.», стр. 535;
только здѣсь 12-го мая и года не выставлено при писемѣ.

лл. 288—289: Письмо Ивана Чепелева сыну своему изъ Москвы въ
январѣ 1701 года. Сынъ Ивана Чепелева, также Иванъ, попалъ въ плѣнъ
къ шведамъ (можетъ бытъ, послѣ сраженія при Нарвѣ); отецъ въ писемѣ
къ нему сожалѣеть о постигшемъ несчастіи и высказываетъ надежду скоро
освободить его изъ плѣна, при этомъ проситъ сына не соблазняться въ
чужой странѣ развратными словами на церковь православную и увѣ-
домлять о себѣ.

1) На верху отмѣчено: «не послана Писана».

л. 290: Письмо келїоблюстителя монаха Герасима изъ Москвы отъ 30-го апрѣля 1698 года архимандриту Кїевопечерской лавры Іоасафу (разум. Кроковскїй). Герасимъ благодаритъ Іосифа Кроковского за расположеніе, которое выразилось присылкою книгъ: прежде осмогласныхъ канонъ Пресвятой Богородицѣ, а теперь (т. е. во время написанїа письма) псалтыря прор. Давида съ толкованїями, изданїа Кїевопечерской лавры.

лл. 291—92: Письмо патр. Адріана гетману Мазепѣ въ 1696 году. Въ сентябрѣ 1695 года гетманъ писалъ Адріану, что на луцкую епископію избранъ Дїонїсій Жабоклицкїй; но этотъ послѣдній, какъ женатый на вдовѣ, не можетъ быть и священникомъ. О немъ онъ, Адріанъ, писалъ Копстантинопольскому патріарху, о чемъ увѣдомилъ уже митр. Варлаама Ясинскаго.

лл. 294—300: Духовное завѣщанїе патр. Адріана, писанное въ Москвѣ въ 1697 г., а на обор. л. 300 стихи на гробъ Адріана тѣ же, что и въ Сборн. № $\frac{98}{300}$ на л. 447, только не окончены.

лл. 301—304: Просительное письмо патр. Адріану изъ Сѣчи Запорожской отъ кошевого атамана Григорїа Яковлева съ товарищамп. Письмо было послано 19-го сентября 1698 года съ посланцами: Константиномъ Гордѣвичемъ, Василюемъ Мозолемъ, писаремъ Семеномъ Ивановымъ и есауломъ Ѳедоромъ Матвѣевымъ. Извѣщая о побѣдѣ Петра надъ бурманами и о распространенїи вѣры православной на мѣстѣ бусурманскихъ жилищъ, казаки просятъ Адріана прислать въ ихъ церковь Покрова Пресв. Богородицы учительныя книги «Обѣдъ» и «Вечерю» С. Полоцкаго, 12 книгъ Мїаней и іерейское облаченіе. На л. 304—306—отвѣтъ п. Адріана на это письмо отъ 13-го ноября того же 1698 года, тотъ же, что и на лл. 36—37 описываемаго сборника.

лл. 308—353 (343): Отрывки изъ Катехизиса со стихами. Катехизисъ этотъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ Кар. Истомину и писалъ имъ, вѣроятно, для царевича Алексѣя Петровича. Счетъ листовъ съ 330 не вѣрно въ рукописи обозначенъ 340, такъ что потомъ до конца рукописи счетъ ихъ на 10 листовъ больше истиннаго. Мы въ скобкахъ дальше ставимъ настоящую цифру.

лл. 355—369 (345—359): «Слово къ православному и христовенному запорожскому воинству» по случаю принесенїа въ полки иконы Св. Алексїя, митрополита кїевскаго, С. Полоцкаго, начеч. въ «Вечери» л. 94.

лл. 373—380 (363—370): «Просительное писанїе» къ православнымъ отъ строителя Липенской пустыни Ѳеофана Истомина. Писанїе занимаетъ восемь листовъ съ своею особою нумераціею по-славянски (ā—ī); красиво переписано, въ началѣ вишнетка, а большїя буквы написаны киноварью. Нач. «Богъ отецъ безначалный, неописанъ необыменепъ, и несоз-

дагы. пеностикимъ, и невѣдомъ. вся обдержа самъ: ничим же обдержимъ». . . Вотъ интересное мѣсто о Липенской пустыни (о которой нѣтъ свѣдѣній ни у Амвросія, ни у Строева)¹⁾: «Той втроицѣ славимый, во единствѣ Богъ. благоизволи создатися, дому своему. втрїипостасномъ своемъ имени, вдревнѣя лѣта: вкурскомъ пределѣ, близъ реки семи, липенской пустыни. троицкому монастырю всожителство служебниковъ своихъ. всобраиѣ еже о Христѣ братства: вславу пресвятаго своего имени, и молитвословіе еже приносити заблагочестивыя цари, архіереи же и христеименитїи людїе. и грѣхъ ради нашихъ, вдревняя лѣта. внашествїя агоренъское, Господу тако попустившу: (об. л. в̄ или $\frac{374}{364}$) та пустынь, липенской монастырь. разоренъ, и опустошенъ: и за многїя лѣта, отхристоименитыхъ людей презрѣнъ. и небреженъ: нынѣ же чрезъ святаго духа. вложися вѣрному своему архіерсею нашему Государю преосвященному авраамїю митрополиту бѣлоградскому и обоянскому. о сей липенской пустыни троицкомъ монастырѣ. еже строити и созидати, вславу же имени трїипостаснаго Бога. и вmolитвословіе: за благочестивѣйшихъ великихъ государей царей. архіереовъ же. и христоименитыхъ людей. и увѣ мѣ, яко изъ вергу: право же реку, земли и пелу. (л. г̄ или $\frac{375}{365}$) челу, червѣ же. а не человѣку: грѣшну сущу Теофану, еже созидати. и всячески къ строенїю попеченїя имѣти. сгда же азъ грѣшный, по благословенїю архіерея Божїя достигъ той липенской пустыни, троитского монастыря. и видяхъ яко зѣло опустошена, и церковь Божїя зѣло ветха»... Поэтому онъ и проситъ православныхъ пожертвовать на постройку церкви въ честь Рождества Пресвятой Богородицы и угодника Николая. На об. л. ӣ или $\frac{380}{370}$ такая подпись: «Грѣшный Теофанъ Истомянъ строитель Троицкаго монастыря липиновскїя пустыни со сожителствующею братїею Бога моля и милости у васъ христоименитыхъ людей прося челомъ быю». Такъ какъ здѣсь упоминается Авраамїй, митрополитъ Бѣлоградскїй и Обо-янскїй, хиротопсе. 1685 года изъ архимандритовъ Спасо-Андронїева монастыря и сконч. 1702 года, то «Просительное писанїе» писано въ промежутокъ времени между указанными годами, быть можетъ, даже вскорѣ послѣ 1685 года²⁾.

л. 384—403 (374—393): «Лѣта зрѣчѣ о декабря въ ѣд великого господина святѣйшаго кпръ Адріана Московскаго и всеа росїи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха вграмоте за приписью дьяка Ивана Арбенева навологду кпреосвященному Гавріилу архіепископу вологодскому и бѣлоозерскому написано.

1) Впрочемъ, это, вѣроятно, Липиновская пустынь, о которой у нихъ имѣются указанїя.

2) См. Амвросїй ч. I, 171; Строевъ, стр. 633.

«Въишѣшемъ во рѣѣ году. сентябрю въ 17^м били челомъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексѣевичю Петру Ал—чю всеа великія и мал. и бѣл. р. самодержцемъ города Вологды Галахтіоновы пустыни игумень авраамій збратію и строители и пустышныи жители всего (об. л. $\frac{384}{374}$) города Вологды всякихъ чиновъ люди. Пресвященнаго ж архіепископа въ епархіи внутрь. и окрестъ града Вологды просіяша чудесы преподобный отецъ Герасимъ многоцелебныи ево мощи отъ Бога ислѣніемъ почтени суть, и приходящимъ къ нему свѣрою молитвами его многая исцѣленія и чудеса отразличныхъ скорбей и болѣзней подаеть. И противъ того вышенисаннаго челобитья велено сыскать, герасимъ въ монастырѣ какова чину былъ, икакое жителство проходилъ и вкоторыхъ годѣхъ и мѣсяцѣхъ и числѣхъ ево нестало (л. $\frac{385}{375}$) и в монастырѣ будучи и по смерти своей кому имяны от него какіе чудеса иисцѣленія были. и ныне естли, и мощи его подспудомъ или наверси». Дальше идетъ сыскъ: допрашивали людей, слышавшихъ или знавшихъ о чудесахъ Герасима; нашли гробницу въ приходскомъ храмѣ Живоначальной Троицы, въ возглавіи которой на листѣ было написано: «(л. $\frac{386}{376}$) влѣто. 7311^м августа въ бѣ на память стѣго мѣнка андреа стратилата, пріиде преподобный Герасимъ отъ Богоспасаемаго града Кіева, тояже веси глушицкаго монастыря постриженецъ еще до зачала града Вологды на великій лѣсъ на средній посадъ воскресенія Христова лѣнивыя площадки (об. л. $\frac{386}{376}$) малаго торшку и создалъ отреки вологды заполюприща храмъ пречестенъ и монастырѣ во славу пресвятые живопачалныи троицы іотголе поживе лѣтъ 17. и скончася. в лѣто. 7313. мѣа. марта въ 17^м на память преподобнаго отца пашего Герасима иже напорданъ, ему же звѣрь послужи¹⁾» . . .

л. 406 (396): Списокъ съ указа Петра Великаго отъ 30-го декабря 1701 г., чтобы въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное количество денегъ, а чтобы вотчинъ у монастырей не было.

л. 407 (397): Списокъ съ указа царя Петра отъ 3-го марта 1702 г., чтобы при заключеніи браковъ не было рядныхъ и сговорныхъ записей; чтобы за шесть недѣль до брака было обрученіе. и если бы послѣ сговора женихъ не захотѣлъ жениться, то быть въ томъ свободѣ; чтобы послѣ смерти бездѣтной жены приданаго, кромѣ вотчинъ и помѣстьевъ, не возвращать.

л. 408 (398): Письмо князя Бориса Алексѣевича Голицына архидіакопу Антонію Прокоповичу, изъ Москвы отъ 10-го марта 1686 года. Голицынъ благодаритъ Антонія Прокоповича за любовь къ нему и за присылку образа Иисуса и Богородицы.

1) О Галахтіонов. пуст. см. Амвросій, ч. IV, 63 стр.; Строевъ, стр. 767.

л. 410—411 (400—401): Выписки словъ греческихъ, славяно-русскихъ и еврейскихъ, слѣдов. пѣчто въ родѣ азбуковника. Вотъ для образца: «гр.-адрось тл̄ (т. е. толкъ) мужъ; врапъ напырици, тл̄, врапомъ пощнымъ скричетъ луия птицу та бо птица любитъ садитися на разорѣнныхъ столпѣхъ и на запусѣвшихъ храминахъ». . . Порядокъ листовъ долженъ быть такой: 411—410.

л. 413—418 (403—408): Бѣловой списокъ грамоты патр. Адриана Николаевскому Перервинскому монастырю на владѣніе землями около гор. Рузы. Ср. Сбор. № $\frac{98}{300}$, л. 153—156.

л. 419 (409): Извѣстіе о смерти окольничаго Тимооѳа Борисовича Юшкова: «Мірозданія ⁂зд̄ лѣта, мѣа октовріа въ к̄а̄ втораго часа преставися рабъ Божій царскаго пресвѣтлаго величества ближней околничей Тимооѳей Борисовичъ Юшковъ благочестно христіанская церковная совершенства воспріялъ бысть убо онъ на службѣ великихъ государей въ полкахъ подъ турецкимъ городомъ азовомъ на рѣкѣ дону, и пошедь отъ казакаго донскаго Черкаскаго града къ Москвѣ, за двѣ версты до рѣки донца сѣверскаго впути скончася». Ниже: «Мірозданія ⁂зд̄ лѣта октовріа во в̄ӣ. на службѣ царскаго Пресвѣтлаго величества благочестивыхъ великихъ государей въ енеральскихъ полкахъ воинствуя подъ градомъ турецкимъ азовомъ иже на рѣкѣ дону волею всетворца Бога, заболѣлъ ихъ царскаго величества ближней и благородный околничей Тимооѳей Борисовичъ Юшковъ, и ввозвращеніи оттуду к Москвѣ отъ Черкаскаго донскаго козацкаго города за двѣ версты до рѣки донца сѣверскаго на пути октовріа въ к̄а̄ ввторомъ часу благочестно христіанская церковная совершенства онъ Тимооѳей Борисовичъ воспріявъ преставися о Господѣ на вѣчную жизнь. Тѣло же его привезено к Москвѣ. декемвріа мѣа въ в̄ӣ. и погребено здѣ вѣвчичѣ алексіевскомъ монастырѣ того же дне святѣйшіи адриапъ патриархъ Московскій со архіерей, со архимандриты же и игумены, и совѣмъ освященнымъ соборомъ».

л. 420 (410): «Минія Кіевская листь сїд̄ въ житіи преподобныа матере Параскевіи». Отрывокъ изъ Миней Кіевской (мож. быть, изъ Миней св. Дмитрія Ростовскаго?).

л. 421 (411): запятъ выпискамъ изъ кнѣги Іисуса сына Сирахова.

Такимъ образомъ, помѣчено всѣхъ листовъ 421; на самомъ дѣлѣ 411, да одинъ безъ помѣты — итого 412 листовъ.

Сборникъ № $\frac{100}{302}$.

Вѣлншій видъ и этого сборника таковъ же, какъ и двухъ описанныхъ. На верхней доскѣ переплета написано чернилами: «Каріона Истомина». На

сией карточкѣ напечатанъ нумеръ $\frac{100}{302}$. На первомъ не помѣченномъ листѣ написано: «Книга различные поученія грамотки и писма. № 2». На второмъ не помѣченномъ листѣ рисунокъ какъ бы для перваго оберточного листа; а третій не помѣченный листъ совершенно чистъ.

л. 1—16: Букварь Кар. Истомина 1692—93 года.

л. 17—25 и об. л. 26: «Полисъ сіестъ градъ царства небснаго имущій моленіе, ученіе и премудрость вего же жителствѣ встворящій Богъ знаемъ и любимъ естъ. Согражденъ словнообразиѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ мірозданія „зѣв лѣта мѣа ^ дне“ іеромонахъ мній Каріопъ Истоминоу людемъ входити въ сей градъ и жити съ Христомъ въ вѣкъ радостно просить типографіи справщикъ.

л. 26: Письмо отъ неизвѣстнаго ближнему боярину князю Борису Иоанновичу Прозоровскому, изъ Москвы, въ декабрѣ 1693 года, съ изъявленіемъ радости по поводу того, что князь хорошо управляетъ Новгородомъ.

л. 30—36: Черновой списокъ книги Вразумленіе. Ср. Сбор. № $\frac{99}{301}$, л. 172.

л. 36—38: Черновой списокъ Стиховъ царевнѣ Софіи, что напеч. Смирновымъ и указаны выше, Сбор. № $\frac{99}{301}$, л. 1—12.

Об. л. 38—39: Въ видѣ заглавія написано: «Обновится яко орля юность твоя», а дальше идутъ пять отдѣльныхъ стихотвореній, обозначенныхъ по-славянски (ā, b̄, ġd, c̄) и посвященныхъ царю Петру Алексѣевичу. Вотъ начало стр. ā:

«Петръ оттвердости имя ти дадеся.
россійскъ царь орель падъ всѣхъ вознесся.
втвердости люди всегда хотятъ быти.
Орлу россійску усердно служити.
Орле истина Бога ты любимый,
Орле славою высокопаримый. . .
Да бодрствуши ты орле безмѣры,
Науку явишь для истинной вѣры
всемъ обновится чиста юность твоя
желаетъ сердце и душа моя».

Во второмъ стихотв. прославляется сила и могущество орла Петра.

Въ 3 и 4 — пожеланіе мудро и благочестиво управлять своею землею.

Начало 5-го стихотворенія наводитъ на мысль, что все стихотвореніе написано на коронованіе царя Петра (одного):

«Грядите россы в радости грядите,
и царя Петра въ *отнцъ его* зрите,

имже вѣнча Богъ, и пречиста мати,
егда изволилъ царствомъ сопрягати» . . .

л. 40: Форма привѣтствія царю (или царямъ) по возвращеніи ихъ изъ долгаго путешествія.

л. 41—47: Слова черновые стихи изъ кн. «Вразумленіе».

л. 48: Моленіе святому верховному апостолу Петру отъ имени царя Петра. Начало:

«Петре святыи камень цѣбный
апостоле нашъ спасенный
зриши Бога вышшихъ славъ.
держиши ключи царства правъ» . . .

Юный царь Петръ молится, чтобы апостолъ укрѣпилъ его и защитилъ отъ всякихъ золь.

л. 49: Отрывки изъ стихотворнаго наставленія дѣтямъ, какъ себя держать, что г. Бычковъ назвалъ «Домостроемъ» Кар. Истомина¹⁾.

Об. л. 50: Стихи на гробъ окольного Тимофея Борисовича Юшкова, о смерти котораго замѣтку привели выше при описаніи Сборн. № ⁹⁹/₃₀₁, л. 419 (409). Ниже — извѣстіе о смерти царя Иоанна Алексѣевича: «зсѣд лѣта іаннуаріа мѣа въ кѣ^а во второмъ часу в среду преставися благочестивый и великій государь царь и великій князь Иоаннъ Алексіевичъ всея вел. и мал. и бѣл. росіи самодержецъ и погребенъ въ л^а вчетвертокъ вцеркви архангелскаго собора».

л. 51: Сперва стихи на гробъ кн. Феодора Иоанновича Троекурова, а потомъ извѣстіе о его смерти: «Мірозданія зсѣд лѣта. по указу царскаго пресвѣтлаго величества благочестивыхъ царей бысть на службѣ въ генералскихъ полкахъ подъ градомъ турецкимъ азовомъ иже на рѣкѣ допу, ближній ихъ великихъ государей столникъ князь Феодоръ Иоанновичъ Троекуровъ, и тамо отъ неприятелей раненъ въ е^а августа мѣа, и болѣзнуя вполкахъ отъ раны тоя, во благочестіи христіянскомъ и совершеніи церковныхъ таинствъ зсѣд лѣта септемвриа мѣа въ шестый день сконча жизнь свою и отиде ко Господу. Тѣло же его превезено во градъ Москву декемвриа въ «^а) и надгробная плѣнія надъ нимъ сотвори святѣйшій адрианъ патріархъ соборнѣ. Погребено же оно во градѣ Ярославлѣ во пречестнѣй обители Христа Господа Спаса Преображенія на семь мѣстѣ идѣже лежатъ сродники его мѣа декемвриа въ кѣ. на погребеніи же его во градѣ ярославлѣ благоволително ради милости своея к нему особно присутствовалъ благочестивый великій государь царь и великій князь Петръ Алексіевичъ всея вел.

1) См. Лѣтопись занятій археографич. комиссіи. 1864 г. вып. II.

и мал. и бѣл. р. самодержецъ. От рожденія князь Феодору Иоанновичю бысть кѣ лѣтъ и мѣа три. егоже да упокоитъ Господь вцарствіи небесномъ со всѣми святыми аминь».

Об. л. 51: «Изъявленіе краткое мѣростихосложное на вѣнчаніе царскими вѣнцы благочестивѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всяя вел. и мал. и бѣл. россіи и многихъ странъ повелителей и обладателей мірозданія зрѣч лѣта мѣа іуліа въ кѣ ̄».

Нач: «Всещедръ Господь тварію цар- ввеліей ползѣ цари людемъ дар- ствуетъ ствуетъ»...

Каріонъ убѣждаетъ благодарить Бога и Богородицу за поставленіе царями Иоанна и Петра Алексѣевичей.

л. 52: «Седьмъ тысящ двѣсте лишися жизни благъ мужъ сего свѣта четвертаго лѣта
Генваря луны вденъ двадесять де- окопичей царскъ ввѣрѣ къ Богу
вятый вятый
Иоанновичъ Иоаннъ Чаадаевъ впосолствахъ бывый иноземскихъ
краевъ»...

Стихи на гробъ І. І. Чаадаева.

лл. 53—55: «Писать во азбуку» — подъ этимъ заглавіемъ по алфавиту написаны разныя изрѣченія, главнымъ образомъ, изъ Священнаго Писанія, а нѣкоторыя составлены, какъ видно, Каріономъ въ римоу, напр.: «видѣти Христа Бога человеѣче тчися. дѣлатель заповѣдей его вразумѣ, всвятости вчистотѣ явися». На об. л. 55: «во славу всетворца Бога сіи букварь влюбозрителство устроися юнымъ. да во охотѣ писменъ учатся дѣти, разумъ благъ имѣти. въ царствующемъ градѣ Москвѣ зѣд лѣта мѣа октовріа. Худшіи Каріонъ іеромонахъ Истомишъ в училище вноклонахъ юныя проситъ».

Об. л. 56—57: Черновой набросокъ духовнаго завѣщанія Чудовскаго іеромонаха Феодосія.

На об. л. 57 — извѣстіе, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1695 (7204) года устроилъ на свой счетъ икону Богородицы и Ея сына Іисуса Христа дво-рянинъ Тимошей Андреевичъ Андреевъ.

л. 59: «вся благословенніи христіане здѣ во святылицѣ Божіемъ пред-стоящіи услышите» — рѣчь, объясняющая, почему церковь въ день Рожде-ства Христова творитъ молитву за царей, за патриарха, бояръ и за всѣхъ христіанъ.

л. 61: Форма поздравленія царю Петру, или Иоанну, или царевнамъ на Рожд. Христово.

лл. 62—67 заняты различными стихотворениями на Рожд. Христово, при чемъ на об. 63 л. стихи прерываются слѣд. замѣткою о смерти І. Г. Леонтьева: «зсѣ^т лѣта мѣа поемврія подѣ кѣз число внощи въ часъ третьей надесять преставися отъ здѣшнѣяго житія внадеждѣ всещедраго творца нашего Бога ко уготованнымъ вѣчнымъ блаженствомъ вѣрный рабъ благородный мужъ царскаго пресвѣтлаго величества околицей Іоаннъ Юрьевичъ Леонтьевъ, жизни своя имѣ четыредесять семь лѣтъ его же тѣло на семь мѣстѣ вгробѣ положися. воеводствуя царскаго пресвѣтлаго величества полками храбръ на противныя явися. да упокоить его душу Господь Богъ».

лл. 71—72: «Стихи на самое рождество благороднѣйшаго Государя царевича и великаго князя Алексіа Петровича лѣта зрчѣ^т февруарія подѣ бѣ число внощи¹⁾». Всего четыре отдѣльныхъ стихотворенія (строфы), нумерованныхъ по-славянски (а̄, в̄, г̄, д̄). Начало:

Премнога блага отъ Бога пріяхомъ изъ небытія вбытность вѣчну стахомъ.

Въ первомъ ст. — о рожденіи царевича, его родителей и бабушки (Наталіи Кирилловнѣ).

Во второмъ — имя новорожденнаго царевича связывается съ именемъ Алексѣя Человѣка Божія и царя Алексѣя Михайловича.

Въ третьемъ—въ рожденіи царевича усматривается Промыслъ Божій.

Въ четвертомъ—о крещеніи царевича, при чемъ воспріемникомъ называется патр. Іоакимъ. На л. 72: «Вашему царскому пресвѣтлому величеству всякихъ благополученій временныхъ и вѣчныхъ и земныхъ и небесныхъ желающіи непрестанно меншіи вашъ Богомолецъ іеродіаконъ Каріонъ Истомялъ сіе носяи челомъ бьетъ».

л. 73: Начато нѣсколько стиховъ на гробъ Чудовскаго іеромонаха Θεодосія, изъ которыхъ можно узнать, что онъ умеръ 1690 (7198) года января 27-го, 95-ти лѣтъ отъ рожденія, и похороненъ въ Чудовѣ монастырѣ. Тамъ же помѣщены стихи на гробъ княгини Ирины Васильевны Трубецкой, умершей или 27-го февраля или 10-го мая того же 1690 года.

л. 74: Переложеніе въ стихи 32 правоучительныхъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго на Евангеліе Іоанна Богослова, гдѣ Златоустъ говоритъ о необходимости имѣть всякому христіанину Евангеліе. Написано Каріономъ 14-го іюня 1690 года.

Об. 75 л. и 76 л.: Стихотворное привѣтство царю Іоанну Алексѣевичу въ первый день рожденія его дочери Θεодосіи 29-го мая 1690 года.

На л. 76 еще помѣщено слѣд. извѣстіе: «во славу всепремудраго творца Бога, вчесть же и имя святаго пророка Іліи, в московскомъ уѣздѣ, вкупленной вотчинѣ самаго святаго чудотворца всероссійскаго Алексіа митро-

1) Подчеркнутое слово затѣмъ въ рукописи вычеркнуто.

полита Чудова монастыря в селѣ Черкизовѣ создася каменный сей храмъ Божїи ,зрѣи лѣта мірозданїа, украшенъ же бысть всякою лѣпотою, и освятился сего же лѣта мѣа іуліа въ ѿвѣнныя вѣпотокъ. тцанїемъ прїискрепнымъ и радѣнїемъ тоя же святыа чудовскїа лавры пречестнаго господина отца архимандрита Іоасафа, и пречастнаго господина Келаря монаха Германа Лутохина, съ братїєю».

л. 77: Сперва стихи на гробъ стольника и полковника Петра Дмитріевича Стремичевскаго, скончавшагося 5-го марта 1690 года (7198). Затѣмъ: «Книга стамна духоносная (или ведры¹) имѣеть всебѣ паче злата и каменїи многоцѣнныхъ, словеса чпста, учителна, и чествователна святыхъ икопъ, и како пресвятыа Дѣвы Бѣы Марїи чудотворная икона. во градѣ Березовѣ чудесы прославїся. сочинїся чрезъ меншаго іеромонаха Карїона Истомина справщика типографїи, мірозданїа ,зрѣи лѣта. мѣа августа». Ниже читаемъ: «Кчитателю предисловіе».

«Уму чловѣческому изрядное дѣло, егда видѣнїемъ и слышанїемъ благихъ смысловъ во спасенїе наслаждается (любезный читателю) зане еже вмїръ семъ сотвори Богъ вещи по виду и по слову образуемая, вся добра зѣло. яже чловѣкъ видѣвъ или слышавъ воистиннѣ ползу прїемлетъ. и управляется²) благотворити: да бы получиити горнее блаженство. внеже церковь святая зоветъ вся благоумнословники сїце: прїїдите насладитесь яже уготовахъ вамъ почести, и вѣнды небесныа. Тѣмже втаковую ползу благочестивому читателю, и сїя книга стамна предложїся. в ней же словеса духовная и чудесна отъ Богодѣлоторства положена. впрославленїе святаго имене его и вчесть приспоѣтыа Дѣвы Бѣы Марїи. Да прочитая ону восхвалиши преблагаго втрїехъ ипостасѣхъ единаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа и возвеличиши же предстателницу хрїстіанскую Дѣву Бѣу Марїю и спасенную прїимеши ползу себѣ и слышащымъ преподаси. внадеждѣ благодсти Божїа, во всяку добродѣтель уснѣши, и получиши на земли и на небеси благая, пореченному Богомъ чрезъ пророческая уста: яко на мя упова, избавлю его и покрью его воззоветъ ко мнѣ и услышу его, снимъ есмь вездѣ и прославлю его и явлю ему спасенїе мое. убо сего всякому читателю сея книги стамны желая, поклоненїе іеромонахъ худѣйшїй Карїонъ введоумѣнїи молитъ прощенїа».

Дальше идутъ выписки изъ канона и прмоса Богородицѣ и начальныя стихи:

«Ссыномъ си дѣва Марїа явленна во спасенїе людѣми возлюбленна
предстателствуетъ за вѣрныя народы исцѣляющїи изливаеть воды.

1) Взятое въ скобки зачеркнуто въ рукописи.

2) Это слово такъ написано, что можно читать «и управляется».

Христіане вси къ дѣвѣ притекайте   иѣсни со Христомъ оу ублажайте
Иисусе Боже помилуй насъ просимъ   дѣво радуйся се тебе приносимъ... .

Ниже стихи, въ родѣ вступленія:

«Стамну сію четшъ Бога да просла-   Богъ же оного спасенно уздравитъ.
вѣтъ
Богу мати же вспомоць вѣмъ готова   разумъ подати въблагодарство слова.
Тѣмъ словесны манны насладися   добродѣтелми въжизни украсися.»

л. 78: Стихи въ день Св. Николая.

л. 79: Поздравленіе патр. Іоакиму съ Рожд. Христовымъ.

лл. 80—87₁) (последній пропущенъ помѣтою, а дальше есть обозначеніе; поэтому пропущенный мѣтимъ—87₁), а обозначенный—87₂): наброски стиховъ на Рождество Христово.

л. 87₂): Стихи надгробные патр. Іоакиму, а потомъ извѣстіе о его смерти. (Приводимъ ниже).

л. 88—89: «На стѣнномъ изображеніи подписа втрапезѣ». Для образца приводимъ подпись «во второмъ окнѣ»:

«в любви ко Христу бысть Екатерина   не прелсти ю вещь на земли едина
в философїи та дѣва явися   кто любитъ мудрость, просити ю
тщися.»

л. 90: Поздравленіе отъ лица патр. Адріана царю Петру въ день Успенія, а дальше поздравленія отъ него же царевичу Алексѣю Петровичу и княжнѣ Наталїи Алексѣевнѣ въ день поваго 1701 года.

Об. л. 90: Стихи на гробъ жены боярина Θεодора Михайловича Волконскаго, умершей 1700 года 17-го сентября, а ниже стихи «На ереси»¹⁾.

л. 91: Черновые стихи на гробъ патр. Адріана и извѣстіе о его смерти, что видѣли выше²⁾, а затѣмъ стихи «О смерти».

Нач.: «Всякій челоуѣкъ смерти присмотрайся

Гдѣ ли будеши грѣховъ опасайся»... .

л. 92: Стихотворная надпись на евангелїи: о содержанїи евангелїя и о пользѣ чтущимъ его.

л. 93₁) (и еще одинъ пропущенный помѣтою, обозначаемъ его 93₂): заняты разными стихотворными набросками, среди которыхъ на об. л. 93₂)

1) См. ниже.

2) См. Сбор. № $\frac{98}{300}$, л. 447.

читаемъ стихи на гробъ Іоанна Васильевича Колачникова, стража соборной деревянной церкви въ Астрахани. Въ октябрѣ 1699 года (7208) онъ началъ строить каменный храмъ въ честь входа Христа въ Іерусалимъ, по благословенію митрополита Астраханскаго и Терскаго Сампсона, но умеръ, не окончивъ постройки, и погребенъ 19-го сентября 1700 года (7209). Храмъ же помощью другихъ людей былъ оконченъ въ 1702 году.

л. 94: Замѣтка историческая «аѳѣ апрѣлїа подѣ бѣ число внощи затри часа дня воскресна поиде великій Государь царь Петръ Алексіевичъ и воинство его к морю ко архангелскому городу».

л. 95—98: Разныя стихотворныя наброски, напр. на об. л. 96 о смерти жены стольника Григорія Петровича Зиновьева, умершей 4 октября 1701 года. Тамъ же стихи на гробъ воеводы Вельяминова Зернова, а затѣмъ запись: «здѣ во гробѣ лежитъ тѣломъ царской столникъ и воевода благородный господинъ Іоаннъ андреевичъ Вельяминовъ Зерновъ, успе во Христѣ аѳѣ лѣта, февраля въ ѳ во иѣ часу жизни его бяше ии лѣтъ». Об. л. 97: Похвальныя стихи царевнѣ Наталїи Алексѣевнѣ за ея богоугодную жизнь.

Об. л. 98: «Сладость умнословесныя и богомысленныя души, вбесѣдованіе с Господемъ Богомъ, богомудраго иѣкоего мужа, зѣло полезна к прочитанію, преписана с бѣломалоросскаго языка и писменъ, благороднѣй государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Наталїи Алексіевнѣ, вцарствующемъ спасаемомъ великомъ градѣ Москвѣ мірозданїа зсѣ лѣта, рожества же Іисусъ Христова аѳѣд мѣа потщася о семъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества хуждшїи богомолецъ іеромонахъ Карїонъ Истоинъ типографїи справдикъ».

Об. лл. 99—100: Стихи о чудѣ отъ иконы Богородицы въ Новгородѣ при архїепископѣ Іоаннѣ (1389—1415)¹⁾.

Об. л. 100 по об. 101 л.: «Молитва во святыхъ вселенскому учителю іерарху Іоанну Златоусту Константина града патріарху». Прозой написана. Нач.: «Великій всетворца и вседержителя, и всезрителнаго о людяхъ Промыслителя, Преблагаго Бога, втрїехъ иностасѣхъ Славнаго, угодныче, и богомудрый проповѣдныче покаянїя во оставленїе грѣховъ и вѣры православыя, во истинное всѣмъ чловѣкомъ спасенїе утвержденїе Іоанне святыи Златоусте... прошу и припадая молю тя... Просить о непогубленїи души молящагося».

Об. л. 101: Письмо княгини Ирины Прозоровской царцѣ Прасковѣ Феодоровнѣ, съ выраженїемъ благодарности за то, что государыня пожа-

1) См. Строевъ, стр. 35.

ловала ее подачею государева кушанья, и съ пожеланіемъ быть здоровой ей и ея мужу царю Іоаншу Алексѣевичу и имѣть наслѣдника.

л. 102: «Надписаніе впрологъ». «Втой же день слово о чудотвориѣй пресвятыи дѣвы Богородицы Маріи иконы яже въ предѣлѣхъ великаго Новагорода, въ монастырѣ Тихвискомъ». Послѣ небольшого вступленія о необходимости вспоминать чудеса приступаетъ къ разсказу о томъ, какъ Пресв. Богородица посѣтила россійскую страну; по разсказъ только начатъ. Дальше благодарность царю Петру Алексѣевичу за помощь при постройкѣ церкви во имя Сергія Радонежскаго; на об. л. 102 такая же благодарность боярину Льву Кирилловичу (несомѣнно Нарышкину).

л. 102₂) (вм. 103; обозн. его 102₂): «мірозданія дзсѣ лѣта мѣа септемвриа третіяго числа дне недѣльнаго во второмъ часу ноци преставися отъ жизни сея правовѣрный христіанинъ рабъ Божій схимонахъ Іовъ, иже бѣ вмірѣ царскаго пресвѣтлаго вѣличества думный дьякъ Іаковъ аверкіевичъ Кириловъ.

По своему же обѣщанію, двѣсте перваго лѣта, августа въ ѿ^а пострижеся в монашескій чинъ въ монастырѣ пресвятыи дѣвы Богородицы Маріи донскомъ архимандритомъ антошіемъ и именованъ бысть Іосифъ. въ тридесять же первый день тогожде мѣа пріятъ великій образъ схимонашескій преименовася Іовъ и учиненъ тамо памѣстникомъ. лѣтъ всего на земли житія его пятьдесятъ два.

Погребе тѣло его втомже донскомъ монастырѣ великій Господиъ Святѣйшій киръ Адрианъ архіепископъ Московскій и всея россії и веѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ на мѣстѣ семъ септемвриа мѣа въ ѿ^а. Дальше идутъ стихи, повторяющіе то же самое извѣстіе.

На об. того же листа извѣстіе Кориплію, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому о томъ, чтобы служилъ молебень по случаю рожденія у царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Феодоровны дочери Параскевіи въ 14 день октября мѣсяца.

л. 104: Небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: «Отвѣтное рѣшеніе впрошеніе»: «Аще убо кто связа епитимією вгрѣхахъ, а той связавый умре, то по исполненіи запрещенія, отъ Бога властію пнъ архіерей разрѣшеніе подастъ». . .

лл. 105—106: Формы привѣтствій прозаическихъ въ день Пасхи, въ день Вознесенія Господня, Успенія; слово о питіи чаши съ желаніемъ, на господскіе праздники общее слово, на рожденіе государя царевича или государыни царевны.

л. 107: Начато стихами предисловіе къ любомудрому искателю въ божественномъ писаніи.

лл. 108—109 (который пропущенъ нумераціей; обознач. его 109₁): черновые наброски разныхъ стиховъ.

лл. 109₂—112: «Стихи на воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа». Отдѣльныхъ стихотвореній (строфъ) 22. Въ нихъ послѣ вступленія (1 и 2 стр.) разсказывается исторія грѣхонаденія первыхъ людей, осужденіе ихъ, обѣщаніе Бога спасти ихъ, рожденіе Спасителя, его жизнь, проповѣдь, страданіе и смерть, погребеніе и воскресеніе.

Об. л. 114: Стихи благодарственные патр. Іоакиму (потомъ поставлено имя Адріана) за благодареніе. Это форма.

л. 116: «Благое во усердіи словесное желаніе съ поздравленіемъ благочестивѣйшему великому Государю царю и Православному монарху и великому князю Петру Алексіевичу всея вел. и мал. и бѣл. росіи и многихъ государствъ самодержцу и благодѣтелю в день рожденія вбытность перворожденнаго его государскаго сына, благороднѣйшаго Государя царевича и великаго князя Алексіа Петровича. мірозданія „зрчїи мѣа февруарїа“ (ниже написано: родися подъ бї число внощи въ е̄ часу подъ среду день». Стихи наполнены пожеланіями многихъ лѣтъ жизни и спасенія родителямъ и новорожденному.

л. 117: Разныя замѣтки Каріона, въ родѣ слѣдующихъ: 29-го мая 1703 года онъ вручилъ книгу «Обходъ святыхъ во все лѣто» госпожѣ Стефонидѣ Іоанновнѣ Филатьевой; замѣтка писана стихами. Особенно замѣчательна другая прозаическая замѣтка: «„аѣг̄ августа въ бї дадеся книжица святцы да два букварика из Кіева студенту Симеону Прибыловичу, инспектору Конона Никитина сына Зотова, который поѣхалъ паки в Кіевъ».

лл. 119—120 (порядокъ д. быть такой: обор. л. 120, 120 и об. 119): Посланіе патр. Адріана Арсенію, архіепископу Пенскому и Славеносербскому, въ сентябрѣ 1697 года. Письмо служитъ отвѣтомъ на посланіе Арсенія патриарху, которое 27-го декабря 1696 года передали послѣднему прибывшіе отъ Арсенія сербскій преосвященный Стефанъ, митрополитъ Бѣлогородскій, и архимандритъ Стефанъ. Послѣдніе вручили отъ Арсенія письмо и Государю царю. Адріанъ утѣшаетъ Арсенія въ скорби, происходящей отъ гоненій турецкихъ, и желаетъ скорого утѣшенія отъ Бога и освобожденія отъ неволи турецкой. Онъ, Адріанъ, боленъ, а Стефанъ извѣститъ Арсенія, что сдѣлано относительно просьбъ его, Арсенія. Увѣдомляетъ, что съ отправившимся во-свои послами Арсенія онъ, Адріанъ, послалъ саккосъ и архіерейскій чиновникъ. (Ср. содержаніе письма тоже Арсенія, архіеп. сербскаго, царямъ І. и П. Алексѣевичамъ отъ 25-го мая 1688 года, напечат. въ V т. Арх. ю.-зап. Р. стр. 448).

лл. 121—122: Разныя мелкіе стихи, наброски и замѣтки, между которыми попадаются стихотворныя замѣтки о смерти въ 1702 году царскаго

совѣтника Прокопія Богдановича Возницына и о смерти 15-го декабря 1692 года князя Оеодора Оеодоровича Бѣльскаго.

л. 123—126: «Стихи на успеніе дѣвы Богородицы Маріи». Отдѣльных стихотвореній (строфъ), помѣченныхъ славянскими цифрами, 18; въ нихъ разсказывается вся жизнь Богородицы—отъ рожденія Ея до смерти (успенія).

л. 128: Извѣстіе о смерти Вассы Іоанновны, жены именитаго чловека Григорія Дмитріевича Строганова, умершей въ почъ подъ 17-е марта 1693 года и замужемъ бывшей 28 мѣсяцевъ и 17 дней; хоронилъ ее патр. Адріанъ 18-го марта.

л. 129—131: «Благородная госпожа царевна и великая княжна Татіана Михайловна». За такимъ заглавіемъ слѣдуютъ стихи поздравительные на Рожд. Христова какому-то архіерею, а на об. л. 131 уже идутъ стихи цар. Татіанѣ Михайловнѣ и притомъ стихи неполные, такъ что нельзя сказать, по какому поводу они написаны.

Об. л. 132: Письмо Алексѣя Нарышкина царевичу Алексѣю Петровичу, въ январѣ 1700 года, съ пожеланіемъ мудрости и всякихъ добродѣтелей. Ниже помѣщено другое письмо, вѣроятно, отъ того же лица, съ выраженіемъ благодарности за письмо царевича съ приказаніемъ явиться къ нему. Пишущій (Нарышкинъ) извиняется за промедленіе, такъ какъ отвлекали дѣла не только домашнія, но и приказныя государственныя.

л. 136: Стихи ящцевидные отъ лица Прасковіи Оеодоровны: царица хвалить Бога. На обор. л. 136: челобитная Ивана Истомина государямъ, чтобы дозволили ему быть въ площадныхъ подьячихъ.

л. 137: «Желательное привѣтство благочестивѣй великой Государынѣ царицѣ и великой княгини Евдокіи Оеодоровнѣ супружницѣ благочестиваго великаго Государя царя и великаго князя Петра Алексіевича вс. вел. и м. и б. р. сам., вденъ рожденія ея на торженственную память святыя преподобномученицы Евдокіи мѣа августа въ дѣ». Дата: «мірозданія зрѣз лѣта отъ воплощенія же Іисуса Христа „ахпѣ».

Об. л. 137—139: «Житіе вкратцѣ стихотворною мѣрою, святыхъ мучепикъ адріана и супружницы его Наталіи, споздравленіемъ желательнымъ великой государынѣ благочестивѣйшей царицѣ и великой княгинѣ всероссійскаго царства Наталіи Кирилловнѣ, любезнѣйшей матери благочестивѣйшаго великаго Государя царя и великаго князя Петра Алексіевича вс. в. и м. и б. р. сам.—ца. вденъ рождествъ именованія ея. мѣа августа въ кѣ. сочипися рѣз лѣта». Въ стихахъ разсказывается, что Наталія была христіанка, а Адріанъ — язычникъ, но потомъ увѣровалъ во Христа. Когда злой царь Максиміанъ въ Никомидіи велѣлъ записать имена христіанъ и

мучить ихъ, то Адріанъ записаль свое имя и былъ замученъ. Наталїа же ходила къ Адріану въ темницу. Отъ мощей его творились чудеса.

Об. л. 139: «Стихи краткаго изъясненїа ꙗзѣчїи поемврїа о смерти Дмитрія Іоанновича Донскаго».

л. 142: Слово на т.: «Радуйся благодатная Господь съ тобою цѣлованїе Архангела Гавріїла къ Пресвятѣй Дѣвѣ Марїи. Богородицѣ, написанное Евангелистомъ Лукою во главѣ а». Нач.: «Всегда на семь свѣтѣ, аще что благо ново воздѣвѣте, имѣ вѣщанїе мудро, или дѣланїе хитро, людї обыкоша слышати и видѣти: благовѣрнїи людїе». . . Слово прервано стихами, въ которыхъ высказывается, что монахъ К. Истоминъ подноситъ молитву въ даръ женѣ Вас. Вас. Голицына Евдокіи Іоанновнѣ. «Писано и подано ꙗзѣчїи іуліа ѿа».

лл. 143—144: «Стихи на изъясненїе крымскаго похода вкратцѣ, царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшихъ Государей царей и великихъ князей Іоанна Алексїевича Петра Алексїевича и благородныхъ государыни царевны и великія княжны Софіи Алексїевны вс. вел. и мал. и б. р. самодержцевъ православнаго христїанскаго воинства. ꙗзѣчїи ѿѿта». Стихи на второй крымскїй походъ. Начало:

«Всякому дѣлу и время бываетъ	Богъ всетворивый сіе содѣвастъ.
Предѣлы концевъ земли знаетъ мѣру	дастъ живущимъ славу его вѣру.
его же люди добрѣ возмогають	надеждою внемъ враги побѣждаютъ.
Крымски татары враги христїаномъ	подобни тїи злохитнымъ суть вра-
	номъ.
вездѣ наскочуть на стадо Христово	люди влѣбнѣ емлютъ велми неготово.
злбнїжъ ввѣрѣ и взлбѣ прокляты	махометанствомъ онїи объятъ». . .

л. 145: Стихи на гробъ дьяка Порфирїя Трофимовича Сѣменникова, скончавшагося 18-го ноября 1695 (7204) года. На об. л. 145: Стихи на смерть стольника Іоанна Андреевича Бутурлина, скончавшагося 27-го сентября 1696 (7205) года на 58-мъ году жизни.

На л. 146: Формы поздравленїй патриарху съ Благовѣщенїемъ, съ Пасхой, а затѣмъ прозаическое извѣстїе о смерти стольника І. Андр. Бутурлина.

лл. 149—150 — наполнены весьма интересными краткими замѣтками. Приводимъ ихъ:

1) «аѿѿ мая въ кѣвѣ книга пис. вдесть разнымъ вѣщемъ букварь влицахъ и Алексїа челоуѣка Божїа княгинѣ Марїи Юрьевнѣ Трубецкой».

2) «второй же день взялъ книгу атлясъ описанїе міра по градусамъ печат: іерадїаконъ Іовъ, что погречески и полатїнѣ умѣетъ».

3) «маіа въ кѣзѣ послано въ Молчискую пустыню преосвященнаго Іосифа митр.: исковекаго (?) оелонъ, стихарь, монаху Инполиту Истомину. мантіа камилавка. клобукъ на рясу сукню Кіев.: с Герасимомъ Курдюмовымъ».

4) «іюня въ кѣзѣ дано старцу Каріону Курскому м̄ алтынъ взаемъ».

5) (Об. л. 149) «второй же день дана книга о хитростѣхъ разныхъ Стефану Богдановичю Глѣбову почитать».

л. 151: Сперва стихи о значеніи поминанія для умершихъ, а затѣмъ извѣщеніе, что «Синодикъ сей» въ Обитель Молчискую напсалъ іеродіаконъ Корнилій въ 1699 году. Писано рукою не Каріона Истомина.

л. 152: Начато изложеніе вѣры Григорія, епископа Неокессарійскаго и чудотворца, и повѣствованіе біографа Григорія Пизскаго о томъ, какъ было Григорію Неокессарійскому откровеніе Богородицы и Іоанна Бого-слова.

л. 153: «Вбукварь» — подъ такимъ заглавіемъ помѣщены стихи увѣщательныя дѣтямъ, чтобы они учились.

л. 155: Два письма Алексѣя Нарышкина царевичу Алексѣю Петровичу. Въ одномъ (отъ января 1700 года) онъ извиняется передъ царевичемъ, что не явился къ нему по зову, такъ какъ задерживаютъ дѣла. Въ другомъ письмѣ увѣдомляетъ, что все дѣло, о которомъ писалъ ему царевичъ, исполнилось очень хорошо, но объ этомъ подробно расскажетъ онъ, когда явится предъ его царевичевы очи.

л. 157: Стихи о смерти схимонаха Тарасія Овушева († 25-го мая 1689 года), о смерти († подъ 29-е февраля 1692 года) монаха Германа Лутохина; въ мірѣ былъ стольникъ Георгій; на об. 157 л. — извѣстіе о смерти подьячаго Василя Клобукова, скончавшагося 13-го іюля 1691 года.

л. 159: «Стихи вдень пресвѣтлый воскресенія Спасителя нашего Бога Іисуса Христа, иже измертвыхъ воскресый ввѣчную свою славу душу святую вѣнчаетъ вѣнцемъ благодати. онъ же всетворецъ нашъ и нынѣ да увѣнчаетъ дщерь свою любовію сладкою и вѣнцемъ славы, дщерь цареву, рясны золотодобродѣтельными украшену благородную дѣву Государыню царевну и великую княжну Наталію Алексіевну всероссійскаго царствія Госпожу. ей же прпвѣтство сотворися мірозданія 43 лѣта. мѣа марта въ кѣзѣ».

лл. 160—161: Привѣтство царю Петру Алексѣевичу въ 20-й годъ его жизни; писано 30-го мая 1692 года.

л. 162: «Привѣтство стихотворномѣрно благочестивѣй христіанской парицѣ и великой княгинѣ Пораскевіи Θεодоровнѣ супружницѣ благочестивѣйшаго великаго Государя царя и великаго князя Іоанна Алексіевича всея в. и м. и б. р. сам-ца вдень рожденія ея, на память почитанія пре-

подобныя матере Пораскевы, мѣа октовріа ді лѣта мірозданія „зѣа сочи-
нися». Нач.:

«Вся убо вещи Богомъ сотворенны	вразсмотрителство	людемъ поло-
		жешы
«Да благомыслно тыя созерцають	всетворца Бога присно	восхваляють
Ангели небеса	на земли	чудеса
Моря рѣки воды	зря	колики роды»...

л. 164: «Стихи о святѣмъ Тихонѣ Чудотворцѣ епископѣ амаѳунскомъ». Разсказывается, что Тихонъ жилъ въ постѣ и молитвѣ; сдѣланъ епископомъ амаѳунскимъ и истреблялъ идоловъ.

Об. л. 164—165: «Стихи о святѣй великомученицѣ Екатеринѣ. Надписаніе: Краткословіе стиховное о святѣй великомученицѣ Екатеринѣ с желаніемъ здравія многолѣтна въ благополученіе благочестивѣйшему вел. Государю царю Іоанну Алексіевичю всея в. и м. и б. р. с. и его благочестивѣй государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Параскевіи Феодоровнѣ и любезной ихъ дщери государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, вдень рожденія ея вопъ же ей государынѣ исполнися лѣто едино, „зѣа лѣта мірозданія мѣа ноемвріа бѣд».

л. 169—173: «Во имени отца и сына и святаго духа, втріехъ ипостасѣхъ. во единомъ же божествѣ присно славимого. амнь». Дѣло о Симеонѣ, епископѣ Смоленскомъ, писанное въ апрѣлѣ 1685 года. (Ср. бѣловой экземпляръ въ неперепл. сборн. Синод. Москов. библ. № II, л. 315 п д.).

л. 174: Извѣстія о смерти князя Васплія Михайловича Куракина, умершаго 6-го іюня 1696 (7204) года, 67-ми лѣтъ отъ роду; о смерти Мпхаила Іоанновича Куракина, скончавшагося 7-го октября 1695 года, на 27-мъ году своей жизни, при возвращеніи изъ-подъ Азова.

л. 182: Запись о семьѣ Сильвестра Медвѣдева, изъ которой узнаемъ годъ рожденія его. Запись эта напечатана г. Зубовскимъ въ ст. «Къ біографіи С. Медвѣдева», въ Жур. Мпн. Нар. Просв. 1890 года № 9, стр. 149. Напечаталъ г. Зубовскій не точно, наприм., вм. буквъ для обозначенія года и чиселъ мѣсяцевъ онъ употребилъ обыкновенныя цифры, не выдержано вездѣ правописаніе подлинника и кое-гдѣ вставлены союзы и запятія.

л. 184: Письмо монаха Молченской пустыни Софронія съ братією Сильвестру Медвѣдеву. Сколько намъ извѣстно, это письмо нигдѣ не напечатано, и потому приводимъ его здѣсь:

«Пречестный отче Сильвестръ».

«Здравія, спасенія, и небесныхъ неизреченныхъ красотъ конца неимущаго, всевеселящагося житія яко благодѣтелю моему милостивому и любез-

нейшему во Христѣ старѣйшему брату, присно от усердства моего твоей пречестности желаю, таже молимъ твою пречестность благоволи намъ, о твоёмъ благопробываніи любви ради, вѣденіе твоимъ рукописательнымъ художествомъ творити, зане о благомъ твоёмъ жителствѣ, ко слышанію есмы. ибо любовь твоя яже всрединѣ сердца твоего гнѣженіе имать Иисуса Христа дѣля лиемая всякими видами всѣмъ, паче же намъ, присно въ сердцахъ нашихъ обносится. Мы же вдуму пресвятыхъ Богородицы еще есмы сентябрю по к̄с̄^ъ благодатию христовою, живи до его божественныя воли. Послахомъ с любезно желаніемъ нашимъ твоей пречестности: изъ дому Пресвятыхъ Богородицы общіе нашея Госпожи и заступницы, кадушечку медку, пудъ (об. л. 184) втри засимъ во Христѣ Иисусѣ твоя пречестность да здравствуетъ отнынѣ и вовѣки аминь. ꙗ̄ яблокъ. Изъ пустыннаго Пресвятыхъ Богородицы Монастыря Молчинскаго дахоѣ. грѣшнѣйшій монахъ Софроній со всею братьею Бога молящая покланіе посылаемъ. Еще прошу азъ твою милость аще ли возможно Господа дѣля, помощи твоей пречестности симъ людямъ иже тамо нискѣмъ знанія на отдаваніе Государевыхъ приходоу и расходоу шету молотися аще что можно помози имъ ради сродства ихъ ко мнѣ зане сродники мнѣ. Да благоволи твоя пречестность благодѣтелю моему пречестному Господину отцу Симеону отменя поклоненіе сказати и отпиши къ намъ скорѣ. Въ маѣ того же 1677 года Сильвестръ Медвѣдевъ ходатайствовалъ предъ князьями Ромодановскими за этого строителя Софронія. См. г. Бѣлокурова: «С. Медвѣдева извѣстіе истинное православнымъ». . . стр. IX.

л. 185—199: Отрывки изъ Римскихъ Дѣяній (Gesta Romanorum). Помѣщенное здѣсь равняется рассказамъ на стр. 142, 158 и 171 Римскихъ Дѣяній, изд. Общ. др. письм., при чемъ въ обозначеніи главъ отрывки сходятся со спискомъ г. Тихонравова (ibid. предисловіе XXVIII—IX стр.). Не указываютъ ли эти отрывки на то, что Каріонъ Истоминоу былъ переводчикомъ этой поучительной книги?

л. 199—201: «Сказаніе пеложное мужа праведна и свята западныхъ церкви великаго учителя Иеронима о іуде бывшемъ предатели Господа Нашего Иисуса Христа списаніе спце начнается. «бысть нѣкій мужъ въ ерусалиме именемъ рувимъ иже инако именовашеся Симонъ отъ колѣна данова иѣцѣи глаголють отъ колѣна Исахарова. Селепмоу(?) имѣя же жену именемъ Цыборію и бѣста въ едину ноцъ сіобою зачатъ цыборія сына (об. л. 199) и уснувши сонъ видевъ и воспрянувши страхомъ велимъ одержима со въздыханіемъ и сѣтованіемъ мужу своему начатъ повѣдати глаголя видехся рече рождши сына зѣло злаго иже явился всему роду нашему виною погибели». . .

л. 230: Стихи на гробъ царицы Наталіи Кирilloвны, изъ которыхъ

видно, что она умерла 25-го января 1694 (7202) года, во второмъ часу дня, а погребена патріархомъ въ пятницу 26-го января.

л. 231: «Царю Государю и великому князю Θεодору Алексіевичю всея вел. и м. и б. р. самодержцу, бьютъ челомъ Богомолцы твои, молчинского пустыннаго Печерскаго общежителнаго Пресвятыя Богородицы монастыря, строитель монахъ Софроній съ братією». Просятъ Государя, чтобы онъ приказалъ отдать въ Молчинскій монастырь три худыхъ малыхъ колокола, находящихся въ Чудовѣ монастырѣ.

л. 236: Начато слово на т.: «Тако да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко давидятъ ваша добрая дѣла и прославятъ отца вашего иже на небесѣхъ». Нач.: «Свѣтъ истинный, иже всякаго человѣка грядущаго вмиръ просвѣщаетъ Господь нашъ Исусъ Христосъ пречистыми своими усты изрече: свѣтъ въ васъ есть. ходите во свѣтѣ дондеже свѣтъ имате да тма васъ неиметь»...

л. 240: «Самоволное Христа ради безъ крове мученичество описуется сице».

«Идолъ есть грѣхъ.

«Идолское капище есть грѣхолюбное сердце»... и т. п. замѣтки.

лл. 242—243: «На печерскихъ изображенныхъ листовыхъ иконахъ написалъ я по разнымъ мутнымъ образцамъ вирши. сице: на листу Г-мъ.

«Свѣтилникъ тму, вправу есть око да не смотритъ то въ гордости высоко.

Тогда все тѣло, мрака свободится, и яко солнце зѣло просвѣтитя...»

На мирносиць.

«Жены на гробъ притѣкають, тамо Христа усрѣтають».

л. 243: «О оглаголаніи отъ людей како въ монастырѣ монахи живутъ» — это заглавіе нижеслѣдующихъ стиховъ:

Мнози глаголють	что монахи дѣють
Гдѣ въ монастырѣ	дѣла не имѣють
Бутто такъ сидятъ	ничего не знаютъ
Како ли Богу	честь, поклонъ, взношають»...

Каріонъ защищаетъ монаховъ; совѣтуетъ хоть временно пожить въ монастырѣ, чтобы узнать, какъ кто живетъ въ кельи. Стихи эти продолжаются и на л. 244, а на об. л. 243 начата проповѣдь на т.: «Духъ Господень на мнѣ его же ради помаза мя благовѣстити нищымъ посла мя». Только текеть и написанъ. На л. 244 есть еще стихи Каріона къ Димитрію Ростовскому.

л. 247: Стихи на икону страшнаго суда.

«Отца и сына	и духа святаго
Втроиць едица	Бога преблагаго
вславу икона	сія написася
Христомъ(?) страшень судъ	быти всемъ сказася.
Зри праведнымъ мзды	за дѣла благая
Грѣшнымъ же муки	готовы за злая.
На се взирай	всякъ осмотрися
Служити Богу	всемъ сердцемъ потщися. . .
Тщаніе яви	архимандритъ честный
Іоасафъ всемъ	вмонастырь чудесный.
Чуда аггела	Михаила свята
И Алексія	чудесы объята.
Митрополита	славна російскаго
Монастырь Чудовъ	здѣ устроившаго
да ползу люди	здравни приимають
внебѣ всемъ быти	Бога умоляютъ.
лѣта седмъ тысящъ	ста осмъ девядесята
ноемврски луны	бытности се гласятъ».

л. 255—259: Идетъ большое стихотвореніе, состоящее изъ нѣсколькихъ, обозначенныхъ по-славянски цифрами, строфъ, при чемъ заглавныя буквы черезъ стихъ и цифры написаны киноварью. Вотъ отрывокъ изъ строфы а̄.

Жизнь наша въ Бозѣ	внемъ долгъ глаголати
ради извѣстны	вѣчныя познати.
Писаніемъ бо	святымъ познаваемъ.
яко Богъ благъ есть	мы гдѣ возвитаемъ
Бывше на земли	тѣломъ впрахъ вратимся
душа гдѣ будетъ	егда разлучимся» . . .

л. 262: Стихи св. Николаю чудотворцу, въ которыхъ сперва разсказываются нѣкоторые эпизоды изъ жизни святаго, напримѣръ, ополченіе на Арія, покровительство людямъ на землѣ и на морѣ, потомъ идетъ молитвенное обращеніе къ святому спасать царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, патр. Адріана и всѣхъ людей.

л. 269: Стихи на гробъ Матроны (вм. Матрены), жены подьячаго Михаила Архиповича Тихомирова, скончавшейся 7-го мая 1697 года.

л. 273: Письмо ближнему и благородному боярину и воеводѣ князю Василию Васильевичу (не Голыцыну ли?) отъ подьячаго Владимирскаго приказа Андрея Городецкаго, изъ Москвы, въ іюнѣ 1687 года. Въ письмѣ выражается благодарность за милости и пожеланія имѣть заслуги предъ Богомъ и царямъ.

На послѣднемъ не нумерованномъ листѣ находится рисунокъ изъ Пасхалии, какой былъ раньше. Такимъ образомъ, обозначенныхъ нумераціей листовъ въ Сборникѣ № $\frac{100}{302}$ 273; если прибавить сюда не нумерованные листы, то всего будетъ 278 листовъ.

Наконецъ описываемъ еще одинъ небольшой сборникъ того же Чудова книгохранилища, заключающій въ себѣ на-бѣло переписанныя сочиненія Кар. Истомина.

Рукопись въ 4-ю долю листа въ кожаномъ золотомъ тисненномъ переплетѣ; вмѣсто застежекъ шелковые шнурки. На корешкѣ — сняя бумажка съ печатнымъ №-ромъ $\frac{89}{291}$, а ниже на бѣлой бумажкѣ написано (старая помѣта): «Акаѳистъ № 62».

Лл. 1—20: «Акаѳистъ страстемъ Христовымъ стрѣ. гла: 5. подъ все упованіе¹⁾: Все истощилъ еси имѣніе живый въ мірѣ, расточи любовію Господа егда себе самаго своимъ ученикомъ далъ еси вснѣдъ грядый на страсть волну». . . Такъ какъ другія сочиненія, заключающіяся въ той же рукописи, принадлежать, несомнѣнно, Каріону Истомину и писаны одною и тою же рукою, то и «Акаѳистъ» принадлежитъ ему же.

лл. 21—22: Стихи царевнѣ Софіи, которые уже встрѣчались въ Сборникѣ № $\frac{99}{301}$ л. 202.

лл. 23—38: Предисловіе, предпосланное Кар. Истоминимъ переводу книги Августина «Боговидная любовь», съ обращеніемъ къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Ср. Сборникъ № $\frac{98}{300}$, л. 31—37.

лл. 39—40: Написано киноварью: «Оглавленіе книги сея». Послѣ оглавленія книги пропущенъ одинъ листъ нумераціей, а съ л. 41 (собственно 42): «Августина учителя книга о видѣніи Христа, или о славѣ Бога, имже успенна небеснаго вожделѣнія память обновляется. Предисловіе. Параграфъ а̄». Все это написано киноварью. Затѣмъ до л. 80, т. е. до конца рукописи, идетъ самая книга Августина. Слѣдовательно, всего листовъ въ рукописи № $\frac{89}{291}$ — 81.

1) Все это написано киноварью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ

Каріона Истомина-Заулонскаго.

При изслѣдованіи литературныхъ произведеній, каждому историку литературы приходится имѣть въ виду двѣ главныхъ задачи — литературную (по преимуществу) и историко-культурную. Эти двѣ задачи такъ тѣсно связаны между собою, что раздѣлять ихъ едва ли справедливо. Приступая къ изученію какого-либо литературнаго произведенія, историку литературы мало указать, что оно составлено тѣмъ или инымъ лицомъ, на основаніи такихъ-то и такихъ-то устныхъ или письменныхъ данныхъ, словомъ—мало прослѣдить литературную исторію его; необходимо указать, какія духовныя побужденія руководили авторомъ, при написаніи того или другаго литературнаго произведенія; необходимо прослѣдить, какой моментъ общественнаго — умственнаго или нравственнаго — настроенія отразило оно въ себѣ, или же какіе факты современнаго быта нашли въ немъ свое выраженіе. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что то или другое произведеніе читалось большимъ или меньшимъ кругомъ читателей и должно было оказывать на нихъ извѣстное вліяніе. Иначе сказать, необходимо каждое литературное явленіе связать съ жизнію, его породившею. Только при такомъ изученіи литературный фактъ можетъ пролить свѣтъ на пути, по которымъ шло духовное развитіе извѣстнаго народа; только въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть живымъ свидѣтелемъ постепеннаго движенія народпой мысли и чувства, а въ этомъ и должна состоять конечная задача исторіи литературы, какъ всякой не отрѣшенной отъ жизни науки.

Такое пониманіе задачъ всякаго историко-литературнаго изслѣдованія не ново: оно общепризнано у насъ. Между тѣмъ не такъ давно однимъ молодымъ ученымъ, при защитѣ магистерской диссертациі (И. А. Шляпкинъ: Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 гг.) Спб. 1891 годъ), сдѣланъ былъ какъ бы упрекъ нашимъ историкамъ литературы за то, что они въ своихъ изслѣдованіяхъ отступили отъ указанныхъ выше двухъ задачъ всякаго историко-литературнаго изслѣдованія. «У насъ принято» — говоритъ онъ въ концѣ одного примѣчанія на стр. 118 своей

книги — «изучать литературныя произведенія главнымъ образомъ со стороны глубины ихъ идей, а не со стороны широты ихъ распространенія въ читающей массѣ». Хотя названный ученый не примѣнилъ къ предмету своего изслѣдованія указанный имъ яко-бы новый методъ изученія литературныхъ произведеній, но въ его мысли несомнѣнно есть доля истины. Тѣмъ не менѣе было бы ошибкою основывать всѣ выводы на одномъ только распространеніи того или другого литературнаго произведенія, потому что, какъ справедливо замѣтилъ г. Незеленовъ въ своей рецензіи на книгу г. Шляпкина (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 года, май), «нельзя... все измѣрять количествомъ и нельзя упускать изъ виду, что глубокое сочиненіе и влѣяетъ глубоко, а отъ сочиненія не глубокаго и впечатлѣніе бываетъ поверхностное». Повторяемъ, мысль г. Шляпкина справедлива отчасти и не совсѣмъ нова; если же ему пришлось повторить ее и выдвинуть (хотя и очень нерѣшительно) на первый планъ, то причиною тому уклоненіе историковъ литературы отъ выполненія второй задачи, т. е. отъ изученія *широты* распространенія той или другой идеи въ народной массѣ. Вотъ почему г. Шляпкинъ имѣлъ основаніе замѣтить: «Исторія русской литературы обыкновенно изучается съ точки зрѣнія *высоты* или *глубины* выставленныхъ его идеаловъ»...

Признавая, однако, справедливость сдѣланнаго г. Шляпкинымъ упрека по адресу нашихъ историковъ литературы, не можемъ не указать, что эти послѣдніе виноваты только на половину. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать отъ ученаго изученія «широты распространенія той или другой идеи въ народной массѣ», когда у него подъ руками нѣтъ никакихъ объ этомъ свѣдѣній? Можно ли сказать, насколько то или другое сочиненіе было распространено и въ какомъ кругу читателей, насколько и на кого оно вліяло, если неизвѣстно вполнѣ количество списковъ его, да (иногда) и нпкогда не будетъ извѣстно вслѣдствіе невозвратимой утраты? Желать, чтобы усилія ученыхъ направились на выполненіе этой второй задачи, т. е. на изученіе *широты* распространенія извѣстной идеи, необходимо и вполнѣ справедливо; но требовать этого обязательно въ настоящее время и отъ каждаго историка литературы — нельзя. Самъ г. Шляпкинъ тому лучшее доказательство: онъ не примѣнилъ къ своему изслѣдованію выставленнаго имъ требованія.

Вотъ почему и послѣ заявленія его, соглашаясь вполнѣ съ необходимостью выставляемаго имъ требованія, но не придавая этому требованію такой важности, какъ онъ того желалъ бы, мы рѣшились пристуить къ изученію литературныхъ трудовъ Каріона Истомина. Напередъ сознаемся, что при всемъ желаніи указать и широту распространенія его сочиненій въ народной массѣ, мы сдѣлать этого не могли, потому что въ существующихъ

до сего времени библиографическихъ трудахъ не только не нашли для извѣстныхъ сочиненій Каріона надлежащихъ указаній, но принуждены были дополнять свѣдѣнія ихъ о сочиненіяхъ его, изъ которыхъ многія не были совсѣмъ извѣстны. Дѣлать же такіе поиски за сочиненіями Кар. Истомина, какіе сдѣланы г. Шляпкинымъ, по его собственному признанію, для сочиненій Св. Дмитрія Ростовскаго, мы рѣшительно не могли. Утѣшаемъ себя мыслию, что не всякому изслѣдователю представляется счастливая возможность сдѣлать то, что сдѣлалъ г. Шляпкинъ, и надѣмся, что большинство нашихъ предшественниковъ послужитъ намъ въ данномъ случаѣ извиненіемъ.

Въ заключеніе еще одна оговорка.

Какъ видно изъ первой части нашего изслѣдованія, Каріонъ Истоминъ оставилъ большое количество сочиненій. Спрашивается, все ли написанное имъ можетъ и должно быть предметомъ историко-литературнаго изученія? При обиліи литературнаго матеріала, подлежащаго изслѣдованію, историку литературы необходимо, по нашему мнѣнію, остановиться только на такихъ произведеніяхъ, которыя или заключаютъ въ себѣ факты современной дѣйствительности, или содержатъ идеи, характеризующія тотъ или другой моментъ въ настроеніи даннаго общества, или, наконецъ, затрогиваютъ вопросы, интересовавшіе и волновавшіе современное общество. Тѣмъ болѣе такой выборъ необходимо дѣлать историку древней литературы: при исключительно-религіозномъ направленіи древне-русской жизни и литературы многія произведенія послѣдней могутъ представлять интересъ чисто-религіозный, и должны стать предметомъ спеціальнаго изученія, нисколько не обязательнаго для историка литературы. Въ этомъ смыслѣ мы готовы отказать нѣкоторымъ произведеніямъ древне-русской литературы въ названіи «литературное произведеніе». Последнее можно приложить только къ такимъ произведеніямъ древне-русской литературы, которыя представляютъ интересъ не только для области спеціальнаго вѣдѣнія церковной исторіи, гомилетики или другой богословской науки, но заключаютъ въ себѣ указанныя выше качества «литературнаго произведенія», которыя могутъ и должны привлечь къ себѣ вниманіе историка литературы.

Руководствуясь подобными соображеніями, мы останавливаемся въ предлагаемыхъ ниже главахъ второй части нашего изслѣдованія только на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Каріона Истомина.

Многочисленныя его произведенія весьма различны по содержанію: одни изъ нихъ догматическаго характера, другія — духовно-нравственнаго, иныя — педагогическаго, а иныя — историческаго. Поэтому въ первой главѣ мы рассмотримъ одно догматическое сочиненіе Каріона — Катихизисъ; во второй — духовно-нравственныя — проповѣди, Домострой, на ереси, Едемъ, Екклесію и др. подобныя; въ третьей — педагогическія — буквари и

грамматику, а также «Полисъ»; въ четвертой — историческія — Записки о стрѣльцкомъ бунтѣ и Лѣтописецъ. Кромѣ того, въ особой главѣ, пятой, разсмотримъ переводы Каріона съ латинскаго и бѣлорусскаго (малорусскаго) языка, потому что своими переводами онъ стремился удовлетворить потребностямъ или всего современнаго общества, или отдѣльныхъ группъ его. Наконецъ въ заключительной главѣ мы постараемся подвести итогъ, къ которому привело насъ изученіе личности и сочиненій Каріона Истомина, чтобы опредѣлить историческое положеніе его.

ГЛАВА I.

Къ догматическимъ сочиненіямъ, достойнымъ вниманія историка литературы, можно отнести Катихизисъ Каріона, отрывки котораго сохранились на лл. 308—343 Сборника Чудова монастыря № 301.

До сихъ поръ никто изъ ученыхъ изслѣдователей не зналъ и не упоминалъ о сочиненіи Каріона Истомина, которое по содержанію должно быть отнесено къ одному разряду съ такими сочиненіями, какъ «Православное исповѣданіе» Петра Могилы, «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехитическихъ» Симеона Полоцкаго и т. под.

Каріонъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду написать (а, можетъ быть, и написалъ) цѣлое сочиненіе, въ которомъ кратко изложилъ важнѣйшіе и необходимые догматы православной вѣры. Говоримъ, «имѣлъ въ виду написать», не рѣшаясь утверждать, что написалъ, потому что найденные нами отрывки по содержанію своему составляютъ только часть того, что обыкновенно содержится въ книгахъ, носящихъ названіе «Катихизисъ», а по написанію они представляютъ, очевидно, бѣловую рукопись. Отрывки писаны красиво, почти уставомъ, приближающимся къ печати, при чемъ оставлено мѣсто для заглавія и большихъ буквъ: явное свидѣтельство, что пропущенное предполагалось написать киноварью.

Что касается основаній, въ силу которыхъ авторомъ упомянутыхъ отрывковъ надо считать Каріона Истомина, а не кого-либо другого, то они заключаются прежде всего въ томъ, что эти отрывки находятся въ рукописи, содержащей бумаги Каріона Истомина. Правда, въ Сборникахъ съ сочиненіями Истомина попадаются сочиненія, не принадлежащія ему (напр., есть сочиненія С. Полоцкаго), такъ что приведенное основаніе не имѣетъ полной несомнѣнности: Каріонъ могъ переписать чей-либо катихизисъ для себя, или же для поднесенія кому-либо. Сравнивая содержаніе отрывковъ съ извѣстными до времени Кар. Истомина катихизическими сочиненіями, необходимо признать, что они не сходны ни съ сочиненіемъ Петра Могилы,

ни съ сочиненіемъ Симеона Полоцкаго, ни съ сочиненіемъ Дмитрія Ростовскаго. Слѣдовательно, для нихъ надо предположить особаго автора, которымъ и былъ Каріонъ Истоминоу.

По формѣ написанія Катихизисъ Каріона представляетъ смѣсь стиховъ и прозы, что входило въ обыкновеніе въ XVII в.; такъ написана, на примѣръ, «Манна» Сильвестра Медвѣдева. Сперва у автора какъ будто было намѣреніе обозначать кратко въ стихахъ содержаніе каждаго отдѣла Катихизиса, но затѣмъ это намѣреніе онъ измѣнилъ, и стиховъ въ его сочиненіи не замѣчается.

Содержаніе Катихизиса представляетъ изложеніе вѣроученія и нравоученія православной церкви, при чемъ это вѣроученіе изложено не въ обычной катихизической формѣ (т. е. не въ формѣ вопросоотвѣтной). Хотя авторъ не обозначилъ отдѣловъ, но они легко намѣчаются, вслѣдствіе отсутствія связи и рѣзкаго перехода отъ одного предмета вѣроученія къ другому. Вотъ краткое содержаніе Катихизиса Каріонова. О чемъ трактуетъ первый отдѣлъ, лучше всего видно изъ стиховъ, которыми начинается Катихизисъ:

О пресвятѣй троицѣ, вкратцѣ изьявлено.
 Читающіи всемъ листѣ знаютъ вѣрно,
 Яко восточная церковь пріяла.
 Како и всемъ листѣ право изьявлено
 Вѣруемъ во святую троицу.

Дѣйствительно, далѣе излагается ученіе о Богѣ и Св. Троицѣ, при чемъ авторъ, желая наглядно объяснить, какимъ образомъ въ одной ипостаси соединились три лица, прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: «Яко же солнце едино есть, солнце же имать лучю, и свѣтъ, и суть всолнце три лица: кругъ, луча, и свѣтъ... и се убо три лица, кругъ луча, и свѣтъ, не глаголемъ три солнца. но едино солнце... тако разумѣй и о Бозѣ: Богъ убо единъ, лица же одинаго Бога три, отца, и сына, и святаго духа». . . Затѣмъ излагается ученіе о каждомъ лицѣ Св. Троицы отдѣльно. Утверждая, что Сынъ Божій, имѣя два естества, пострадалъ и умеръ челоувѣчествомъ, а не божествомъ, онъ опять пользуется для наглядности сравненіемъ: «Якоже солнцу восіавшу лучами своими на древо... челоувѣку же взявшу сѣчию и сѣчетъ древо, древу же сѣкому страждущу лучамъ солнечнымъ никако страдающимъ». . . Въ заключеніи этого отдѣла говорится о трехъ существахъ непостижимыхъ.

Во второмъ отдѣлѣ сперва излагаются десять заповѣдей Моисея, а затѣмъ говорится, что все десятеловіе заключается въ слѣдующихъ двухъ заповѣдяхъ: «Возлюбиши Гда Бга твоего»... и «Возлюбиши ближняго

твоего». . . Затѣмъ идетъ противоположеніе ученія Христа закону (Моисея) ветхозавѣтному. Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о таинствахъ; ихъ насчитывается семь: крещеніе, миропомазаніе, евхаристія, покаяніе, елеопомазаніе, священство и супружество. Этими таинствами человѣкъ устроится въ животъ духовный, который имѣетъ соотвѣтствіе съ животомъ тѣлеснымъ: «вживотѣ же тѣлесномъ, первое, требѣ человѣку рожденія: второе умноженія силъ и возраста: третія пищи, ради тѣлеснаго живота. . . По подобію же сихъ семи средствій потребныхъ кживоту телесному: суть и семь тайны стѣя. кживоту духовному». . . Всѣ названныя таинства учредилъ І. Христосъ. Въ ученіи о таинствахъ замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Суть овія словеса Христова глѣмыи отіереа при божественной литургіи надхлѣбомъ: приимите ядите се есть тѣло мое, надвиномже: пійте отнея вси, сія есть кровь моя; тѣми словесы истинно хлѣбъ прилагается втѣло Христово, а вино вкроть Христову, инакоже словеса іереа вмѣсто самаго Хрѣста. глѣющаго, не были бы истинны, аще по пзреченіи томъ: се есть тѣло мое, сія есть кровь моя, и по сказованіи десницею надхлѣбомъ и надвиномъ: хлѣбъ одинако пребывалъ бы хлѣбомъ, и вино виномъ. о чесомъ златоустый стѣй, вслове навеликій четвертокъ, явственнѣ глаголетъ тако: се есть тѣло мое. рече. сей глаголь предложенвая претворяетъ сирѣчь: премѣняетъ естество. хлѣба въ естество тѣла Хрѣства еже подобнѣ разумѣется и о глаголѣ сія есть кровь моя. премѣняющемъ естество вина, въ естество крови Хрѣстовой». . .

Слѣдующій отдѣлъ — четвертый — трактуетъ о грѣхахъ, которыхъ насчитывается семь: гордость, сребролюбіе, нечистота или блудъ, чревоугодіе, зависть, гнѣвъ и лѣность. Изъ этихъ семи основныхъ грѣховъ проистекають всѣ остальные. Далѣе указываются грѣхи противъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого.

Отдѣлъ пятый говоритъ о добродѣтеляхъ («милосердныхъ дѣлахъ»), которыхъ насчитывается всего четырнадцать: семь духовныхъ и семь тѣлесныхъ. Въ заключеніи авторъ убѣждаетъ всѣхъ людей исполнять указанныя имъ церковныя заповѣди съ тѣхъ поръ, какъ начнутъ приходять въ разумъ, т. е. по исполненіи семи лѣтъ отъ рожденія.

Спрашивается, что побудило Кар. Истомина прийтись за составленіе Катихизиса? Самъ онъ не дѣлаетъ никакихъ указаній касательно прічинъ и повода къ написанію этого сочиненія, поэтому необходимо поискать отвѣта на поставленный выше вопросъ въ обстоятельствахъ личной жизни автора и въ жизни общества того времени.

До XVII в. православная наша церковь не имѣла нужды въ книгахъ, которыя обыкновенно называютъ катихизисами; она довольствовалась въ познаніи вѣры писаніями древнихъ св. отцовъ и Исповѣданіемъ вѣры св.

Іоанна Дамаскина. Но появившіяся въ XVII в. ученія католиковъ и другихъ иностранцевъ побудили нѣкоторыхъ образованныхъ православныхъ духовныхъ дѣятелей приняться за составленіе катихизисовъ, чтобы предостеречь свою паству отъ вреднаго ученія иновѣрной пропаганды и показать, что въ апостольской восточной церкви православно и что неправославно и погрѣшительно. Такъ, по крайней мѣрѣ, изъясняетъ причины, побудившія Петра Могила къ написанію «Православнаго Исповѣданія», Нектарій, патріархъ Іерусалимскій въ грамотѣ, приложенной къ этой книгѣ. «Петръ Могила»—пишетъ онъ—«отъ приснопамятнаго и блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго киръ Теофана произведыйся и хиротонисавыйся православный митрополитъ, и кормиломъ вручивыйся сущія въ Кіевѣ митрополіи, случяся паствѣ сопривмѣшеннѣй новшествомъ нѣкихъ инославныхъ, разгласующихъ весьма праваго и началнаго своего догмата. Тѣмъ-же яко добрый пастырь и доблественный вѣры поборникъ, промышленіе, яко наипаче боголюбезное предложи, да къ нейже изъ начала имяше догматовъ правость Россійская Церковь, направить же и возустроить; возникшая же новшества тамо изкорененны изсѣчь, и духовную свою ниву благокласну покажетъ и плодоносну». Нельзя не замѣтить, однако, что нѣсколько иные причины высказываетъ самъ Петръ Могила въ предисловіи къ малому своему Катихизису и къ большому Трєбнику: онъ написалъ «Православное Исповѣданіе» потому, что католики сочинили на польскомъ языкѣ и напечатали ругательства на православную церковь и проповѣдовали, что русское духовенство не знаетъ ни своей вѣры, ни обрядовъ. Кромѣ того, католики и особенно уніаты издавали на польскомъ и русскомъ языкахъ много книгъ, выдавая ихъ за грекорусскія и соблазняя ими православныхъ¹⁾. Еще иначе объясняетъ дѣло патріархъ Адріанъ въ предисловіи къ изданному въ мартѣ 1696 года въ Москвѣ «Православному Исповѣданію вѣрь». «Мартина Лютера ученицы—говорятъ онъ—изобрѣтше писмена славенороссійская, точная, чистая, и преведше на славенскій чистый діалектъ, своихъ имъ лживыхъ догматовъ доводы, и типомъ издавше, изнесоша на свѣтъ двѣ книжицы, едину въ полдестъ въ градѣ Несвижинѣ въ лѣто 1562, вторую сокращенную въ четверть въ градѣ Стікопольѣ въ лѣто 1628, нарекше тыя книжичицы Катихисисъ; отъ тѣхъ убо книжичъ прелестныхъ и иныхъ расплодився куколь злобы ихъ по всей великороссійской и малороссійской нивѣ, православія пшеницу подавляющій, веліе озлобленіе нанесе всему Христіанскому сословію. О чесомъ въ предшедшихъ лѣтѣхъ усмотривъ опасно по времени возведенный на архіерейскій престолъ Кіевскаго

1) См. предисловіе Катихизиса напеч. въ Кіевѣ 1645 г., и предисловіе Трєбника изд. въ Кіевѣ въ 1646 году.

кормительства преосвященный митрополитъ Петръ Могила прозваніемъ. . . вооплчяся Давидски на Голіаѳскія въ его епархію тогда явившіяся козни, сочини сію богодухновенную книгу». . .

Такія же общія причины, какими отчасти обусловливалось появленіе «Православнаго исповѣданія вѣры» Петра Могилы и другихъ Катихизисовъ, можно примѣнить и къ Катихизису Каріона Истомина. Если въ концѣ XVII в. явилась потребность для «наученія іереевъ и народныхъ людей» въ изданіи Катихизиса Петра Могилы, то съ тою же цѣлью для Московскихъ людей могъ написать Каріонъ и свой Катихизисъ.

Кромѣ того, можно указать и нѣкоторыя другія причины, побудившія нашего писателя составить Катихизисъ. Стоитъ обратить вниманіе на приведенное выше мѣсто изъ Катихизиса, гдѣ говорится о таинствѣ евхаристіи. Здѣсь настойчиво повторяется, чтобы читатель признавалъ и вѣровалъ, что пресуществленіе вина и хлѣба въ тѣло и кровь Христову совершается словами Спасителя: «пріимите, ядите» и проч., а не молитвою іерея. Эти слова указываютъ, что Каріонъ не остался равнодушенъ къ горячему спору о времени пресуществленія святыхъ даровъ, спору, бывшему однимъ изъ жизненныхъ вопросовъ во второй половинѣ XVII столѣтія.

Послѣ изслѣдованія этого вопроса гг. Мирковичемъ и Шляпкинымъ, Прозоровскимъ и Сменцовскимъ¹⁾ намъ нечего вдаваться въ излишнія подробности; мы вкратцѣ припомнимъ ходъ спора, возникшаго по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, чтобы сдѣлать кое-какія соображенія примѣнительно къ Катихизису Кар. Истомина.

Мнѣніе, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову словами Спасителя: «пріимите» и проч., а не молитвою іерея («сотвори убо хлѣбъ сей» и пр.), — мнѣніе латинское и заимствовано южноруссами изъ Запада. Занесенное въ Великороссію пришельцами изъ Малороссіи, это ученіе обратило на себя вниманіе, благодаря столкновенію Сильвестра Медвѣдева и Чудовскаго инока Евѳимія, — представителей двухъ партій, образовавшихся въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в., и споры по поводу его особенно усилились ко времени появленія проекта объ учрежденіи въ Москвѣ академіи. Какъ извѣстно, защитникъ латинскаго мнѣнія С. Медвѣдевъ потерпѣлъ пораженіе, и на Московскомъ соборѣ 1690 года образъ мыслей и дѣйствій его и послѣдователей его былъ осужденъ, слѣдовательно, православное мнѣніе по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ восторжествовало. Такимъ образомъ, Катихизисъ, въ которомъ проводится

1) Соч. Мирковича: О времени пресуществленія св. даровъ. Вильна. 1886. Соч. Шляпкина: Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Спб. 1891 г., гл. III и IV. Соч. Прозоровскаго: Сильвестръ Медвѣдевъ. Москва. 1896 г. Соч. Сменцовскаго: Братья Лихуды. Спб. 1899 г., гл. II.

латинствующее мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, могъ быть написанъ Каріономъ Истоминымъ до окончанія спора, поднятаго С. Медвѣдевымъ и Еввоиміемъ, т. е. до 1688 года¹⁾. Здѣсь еще разъ приходится убѣдиться, что Кар. Истоминъ первоначально принадлежалъ по своимъ воззрѣніямъ къ партіи латиномудрствующей и только послѣ пораженія ея перешелъ окончательно на сторону партіи православноумудрствующей. Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ слова Каріона о времени пресуществленія св. даровъ съ словами С. Медвѣдева о томъ же, чтобы видѣть, что Каріонъ почти буквально повторилъ Медвѣдева:

Катихизисъ К. Истомина:

«Суть овья словеса Христова глѣмыи отіереа при божественной литургіи надхлѣбомъ: пріймите ядите се есть тѣло мое, надвиномже: пійте отнея вси, сія есть кровь моя. Тѣми словесы истинно хлѣбъ прилагается втѣло Христово, а вино вкровь Христову, инакоже словеса іереа вмѣсто самага Хрѣта. глѣющаго, не были бы истинны, аще по изреченіи томъ: се есть тѣло мое, сія есть кровь моя, и по сказованіи десницею надхлѣбомъ и надвиномъ: хлѣбъ одинако пребывалъ бы хлѣбомъ, и вино виномъ»...

Книга, глаголем. Хлѣбъ животный С. Медвѣдева:

«Пречистое тѣло и пречистая кровь пресуществляются Христовыми словесы, глаголемыми отъ іереа при божественнѣй литургіи надъ хлѣбомъ: пріймите, ядите и проч., надъ виномъ: пійте отъ нея вси и проч. Тѣми бо словесы истинно хлѣбъ прелагается въ тѣло Христово, а вино въ кровь Христову. Инако же словеса іереа, вмѣсто самага Христа глаголющаго, не были бы истинны, аще по изреченіи томъ — сіе есть тѣло мое, сія есть кровь моя и по сказованіи десницею надъ хлѣбомъ и виномъ, хлѣбъ одинако пребывалъ бы хлѣбомъ, а вино виномъ»...

Сходство простирается и еще дальше: и Каріонъ Истоминъ и Сил. Медвѣдевъ ссылаются на слова І. Златоустаго, которыя передаютъ почти одинаково:

Кар. Истоминъ (ibid):

...«Златоустый... глаголетъ тако: се есть тѣло мое. рече. сей глаголь предложенная претворяетъ сирѣчь:

Сил. Медвѣдевъ (ibid):

«Сіе есть тѣло мое»: сей глаголь предложенная претворяетъ, сирѣчь премѣняетъ естество хлѣба въ есте-

1) Въ этомъ году на С. Медвѣдева и его приверженцевъ обрушилась бѣда, и они должны были прекратить открытую пропаганду латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи.

премѣняетъ естество. хлѣба въ естество тѣла Христова, еже подобнѣ ство тѣла Христова. еже подобнѣ разумѣтся о глаголѣ сїа есть кровь разумѣтся и о глаголѣ сїа есть кровь моя, премѣняющемъ естество вина моя. премѣняющемъ естество вина, въ естество крови Хрїстовой»... въ естество крови Хрїстовой»...

Трудно достовѣрно сказать, что побудило нашего писателя измѣнить свои латинскїя воззрѣнїя и стать въ оппозицію Сильвестру Медвѣдеву, какъ видѣли это мы изъ розыскаго дѣла о Теодорѣ Шакловитомъ и его сообщникамъ. Можетъ быть, расчетъ и практическая польза побудили его измѣнить своимъ латинскимъ (западническимъ) симпатїямъ и перейти окончательно на сторону православной партїи, во главѣ которой стоялъ распложенный къ нему патр. Іоакимъ. Впрочемъ, могло въ этомъ случаѣ имѣть значенїе и окончательное выясненїе спорнаго вопроса о времени пресуществленїя св. даровъ, благодаря усилїямъ патр. Іоакима и Адриана, которые по поводу спора сносились даже съ восточными патріархами. Весьма возможно, что Карїонъ, прочитавъ въ грамотахъ этихъ послѣднихъ¹⁾ рѣшенїе вопроса о времени пресуществленїя св. даровъ, убѣдился въ своемъ заблужденїи.

Для кого предназначалъ свое сочиненїе Кар. Истоминъ? Сравнивая его Катихизисъ съ «Книгою краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихистическихъ», находимъ въ содержанїи его больше простоты, ясности и краткости. Для примѣра приведемъ параллельно нѣкоторые отрывки изъ Катихизиса Карїона и С. Полоцкаго. Вотъ какъ оба названные писателя учатъ о Троицѣ и ипостасяхъ:

Кар. Истоминъ:

Втрїехъ ипостасѣхъ, рекше втрехъ лицахъ, единъ образъ; единое существо, едину волю, едино естество, едино божество, нераздѣлно суще-

С. Полоцкїй:

В. Суть ли мнози бѣи; ѿ. Единъ есть бгѣ. В. Вскую убо три именуются, Оцѣ, Снѣ, и Дхѣ стѣи; ѿ. Три суть ипостаси по едино ество.

1) Каллиникъ, патр. Константинопольскїй, въ соборной грамотѣ (отъ 14-го марта 1691 года) писалъ о времени пресуществленїя св. даровъ: «И паки еретикомъ, софизмы употребляющимъ къ прелести простшихъ, церковь конецъ всѣхъ, къ явленному представленїю въ таинствѣ истинны, по собственной тоя власти же и обычаю, призыванїемъ всесвятаго Духа, употреби реченїе *Τὴν μετομοιωσίν*... Мнѣнїе каволичестѣй церкви умствуеть и утверждаетъ, вѣрующе несомнѣнно, яко предлежащїй на жертвенницѣ хлѣбъ и вино прелагаются по существу по Господнихъ словесѣхъ». Дослѣе же, патр. Иерусалимскїй, писалъ: «...предлежащїи на жертвенницѣ хлѣбъ и вино прелагаются по существу, по Господнихъ словесѣхъ, нашествїемъ Св. Духа и освященїемъ, въ самое оно истинное тѣло и кровь Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа»...

ство, неслитно ипостаси. аще исповѣдуемъ, и почитаемъ и молимъ, и всей [святѣй] троицѣ ничтоже первое, или послѣднее ничтоже болше, или миѣ, но цѣлы три ипостаси соприпосущны суть себѣ и равны. аще довѣруемъ, яко трѣца воединице, іединицѣ втроицѣ почитается. Яко же слѣнце едино есть, слѣнце же имать лучю, и свѣтъ, и суть вслѣнце три лица: кругъ. луча, и свѣтъ. и кругъ убо есть пріятелища солнца, луча же низходящая святого явленно, и удаляющая вземлю свѣтъ же просвѣщаяй, и все едино видныхъ мѣстехъ кромѣ лучи. и се убо три лица, кругъ луча, и свѣтъ, не глаголемъ три солнца. но едино солнце, ниже глаголемъ лице едино но три лица, аще бо вопрошенъ будещи, ко лика солнца на небеси; имаши рещи, яко солнце едино есть. лица же три, яко кругъ, луча и свѣтъ, тако разумѣй, и о Бозѣ: Богъ убо единъ, лица же единого Бога три, отца, и сына, и святого духа, и отсега знай, за не яко же солнце есть триличное, тако и единъ Богъ триипостасный. образъ бо отца есть. кругъ солнечный, образъ сына есть луча. образъ стаго духа есть свѣтъ солнечный. и рцы сице: всолнце кругъ. луча, и свѣтъ, не глаголемъ же три солнца: но едино токмо, подобнѣ, и вбзѣ отецъ, сынъ и святой духъ, единъ Богъ а три(?). всолнцѣ неразлучный кругъ и луча и свѣтъ: небо разлучаются, другъ отъ друга, сего ради глаголется едино солнце, а не три: сего ради глаголется и единъ Богъ, а не

В. Покажи ми сіе подобіемъ; Ѡ. Можетъ то явится образомъ днѣй, вней же суть три силы, разумъ, воля память, обаче едина есть днѣя. В. Что суть ипостаси в бзѣ: и что ество; Ѡ: ипостаси сут (л. тма) самая три лица, оцѣ, снѣ и дхѣ стѣй. Ество же есть самое существо бжтва, едино числомъ, общее всѣмъ лицемъ тріемъ. В. Чимъ три лица разнствуютъ между собою; Ѡ: Свойствы ипостасными. В. Кими; Ѡ: Оцѣу свойственно есть родити снѣ, и испущати стго дха. Снѣу свойственно есть родитися Ѡ оца. Дхѣу стому Ѡ тогожде Оца исходити. В. Когда Оцѣ снѣ роди, и дхѣ стаго испустилъ есть; Ѡ. Прежде всѣхъ вѣкъ безъ всякаго начала времени; не бѣ бо никогда же Оцѣ безъ снѣ. и безъ дха стго: ибо яко единосущни: тако и соприпсущни себѣ суть. Родилъ же и испустилъ, и ннѣ родитъ и испущаетъ, и во вѣки непрестанетъ. В. Покажи ми сіе иѣкимъ образомъ; Ѡ. Яко слѣнце испусти лучы свѣтлости, и теплоту в'началѣ, и никогда же кромѣ ихъ баше: Тако оцѣ роди снѣ, и испустилъ есть стго дха безначално, и никогда же кромѣ ихъ баше. А яко слѣнце лучы и теплоту испустило, и ннѣ испущаетъ, и будетъ испущати: Тако Бгѣ Оцѣ, снѣ роди, раждаетъ, и во вѣки родити будетъ. дхѣ же стго испустилъ есть, испущаетъ, и во вѣки будетъ испущати. В. Что есть общее тріемъ ипостасемъ бжтвеннымъ; Ѡ. Ество, пртво, и вся совершенства, яко вѣчность, всемощество, всевѣдѣніе, премудрость,

три: понеже не разлучаются. три лица, отца и сына и святаго духа, единого Бога отъ другъ друга; и якоже кругъ солнечный раждаетъ сына, и испускаетъ свѣтъ: тако и Богъ и отецъ раждаетъ сына, и испускаетъ духа; блюди разумно: яко же луча солнечная низходитъ снебесе на землю. и ниже солнечнаго круга разлучается. ниже на небеси оскудѣваетъ ниже на земли, но есть и вкрузѣ солнечномъ, и на небеси и на земли, и вездѣ, и ниже горѣ оскудѣваетъ, ниже долѣ, тако и сынъ и слово Божое спиде на землю, и ниже отъ отца оскудѣ ниже отъ небесъ ниже отъ землю. но бѣ и вѣдрѣхъ очїихъ неразлучный, и горѣ и долѣ, и вездѣ сый неоскуднѣ.

блѣость, мѣрдїе, истина, и прочая: и вся дѣйства яже ко вѣшнимъ, яко творенїе, снабдѣнїе, правленїе, и прочая. В. Кое лице болшее; Ѡ. Вся три лица равна суть величествомъ, силою, и славою: за не едино суть ествомъ. В. Како убо Хртось глеть: оцъ мой болїй мене есть. Ѡ. Оцъ болїй сѣа есть, по немуже снъ есть члкъ, а не по немуже Бгъ; и по немуже оцъ есть начало и вина, отнего же снъ, а не по бжтву, величеству и силѣ.—В. Кое лице первое; Ѡ. Вся лица равна сут предвѣчностїю и безначалїемъ време: превѣченъ оцъ, превѣченъ снъ, превѣченъ дхъ стїй.—В. Кое лице первое числомъ; Ѡ. Самъ Хртось Гдъ научи насъ числу лицъ бжтвенныхъ, егда рече ко Апломъ: шедше научите вся языки крѣщаще ихъ во имя Оца и сѣа и стго дха»...

(Рукоп. Синод. библ. № 285 (по Саввѣ), гл.: «О символѣ стомъ» л. тм—тма).

Сравненїе приведенныхъ отрывковъ показываетъ, что Карїонъ не вдается въ такїя подробности, какъ—какое лицо первое, почему Христось назвалъ Бога Отца большимъ себя, но обстоятельно выясняетъ существованїе трехъ лицъ въ единомъ Богѣ. Краткость Катихизиса Карїонова сравнительно съ Катихизисомъ С. Полоцкаго особенно рѣзко бросается въ глаза, при сравненїи ученїя о десятословіи. Приводимъ отрывокъ, отсылая читателя къ приложенїямъ, гдѣ онъ найдетъ другїе пункты, въ которыхъ различаются Катихизисы Карїона и С. Полоцкаго.

К. Истоминъ:

Азь есмь Гдъ Бгъ твой изведый тя отъ земля египетскїя, отдому работнаго, да не будутъ тебѣ бози инїи развѣ мене. Ни сотвори себѣ кумира,

С. Полоцкїй: «Заповѣдь первая».

В. Повѣждь ми первую заповѣдь; Ѡ. Азь есмь Гдъ Бгъ твой, изведый тя изъ земли Египетскїя, изъдому работы: да не будутъ тебѣ бози инїи,

и всякого подобія. . . (Дальше идетъ вторая заповѣдь, третья и т. д.)

развѣ мене. В. Что намъ повелѣвается сею заповѣдію; Ѡ. Единому Бг̃у клоняться, и ему самому служить, службою совершенною. В. Чтоже возбраняется сею заповѣдію; Ѡ. возбраняеть Гд̃ь, всяку тварь за Бг̃а имѣти. В. Чесо ради должны есмы ему самому служить; Ѡ. За созданіе, сохраненіе, искупленіе, и безчисленная иная блг̃ая, ихъ же онъ самъ единъ есть виновникъ.—В. Довольно ли есть, еже кланяться ему; Ѡ. Недовлѣеть, но къ тому необходимо есть, чрезъ вѣру, надежду, и любовь в'него шествовати.—В. Кіи грѣшатъ противу сей заповѣди; Ѡ. Иже во вѣрѣ колеблются, и заблуждаютъ. В. Кіи прочее; Ѡ. Иже сердцемъ вѣру содержаще, усты отрицаютъ за страх смерти.—В. Кіи еще; Ѡ. Иже еретическія книги чтуть, не искусни суще.—В. Есть ли суевѣріе возбранено сею заповѣдію; Ѡ. Всячески возбранено.—В. Что зовеша суевѣріемъ; Ѡ. То, аще кто хоцетъ извѣстными нѣкими словесы дѣяти нѣчто паче ества.—В. Покажи образи; Ѡ. Имѣющіи словеса, или хартїи, имиже врачуютъ огневици, и иныя болѣзни.—В. Дажь иныя; Ѡ. Имѣющіи писанія, ихъ же ради мпятъ неязвимы себе быти.—В. Грѣшатъ ли сицевіи тяжко; Ѡ. По увѣщаніи, грѣшатъ смертно.—В. Есть ли волно носити свщныя нѣкія вещи на себѣ; Ѡ. За блгоговѣнство волно есть.—В. Волно ли чрезъ решето, хотѣти познати татя; Ѡ. Нѣсть волно: ибо діаволское дѣло.—В. Волно ли спомъ вѣрити; Ѡ. Никако, ибо есть суеиѣйшее дѣло.—В. Отстрѣтенія лицъ нѣкихъ, или сказовъ, подобаетъ ли себѣ щастіе, или нещастіе нещевати; Ѡ. Сіе суевѣріе мерзко есть предъ Бг̃омъ.—В. Каковъ грѣхъ содѣвають, хитростно влекущїи к'любленію дѣвы; Ѡ. Тяжайшїи, смертныи: ибо есть чародѣйство.—В. Свободно ли вязанми пакостити супружеству; Ѡ. И се ест мерзкое чародѣянїе».

(ibid. л. т̄б̄з и т̄б̄и). Мы съ цѣлю привели все, что говоритъ С. Полоцкїй по поводу первой заповѣди, потому что этотъ отрывокъ показываетъ рѣзкое различіе по цѣли, которую имѣли Кар. Истоминоу и С. Полоцкїй, при написанїи своихъ сочиненїй. Полоцкому, писавшему для публики, необходимо было указать на то, чѣмъ пародъ въ своей жизни погрѣшалъ противъ той или другой заповѣди. Кромѣ того, по своему характеру, впечатлительному и чуткому къ запросамъ жизни, Симеонъ не могъ обойти разныхъ настроенїй этой самой жизни въ сочиненїи, которое долженъ былъ прочесть всякїй грамотный человѣкъ. У Карїона, очевидно, были иныя цѣли, онъ имѣлъ въ виду иной кругъ читателей, и потому сочиненїе его отличается краткостїю,

сравнительно съ сочиненіемъ С. Полоцкаго, и не заключаетъ въ себѣ указаній на современные пороки, которыми люди нарушали заповѣди, предпринимаемыя церковію православною. По своему содержанію, Катихизисъ Каріона близко подходитъ къ тѣмъ катихизическимъ свѣдѣніямъ, которыя предназначались для дѣтей и прилагались при азбукахъ. Вотъ для примѣра ученіе о десятословіи, какъ оно изложено у Кар. Истомина и въ азбукѣ 1708 года.

Кар. Истоминъ:

«Азь есмь Гдѣ Бгѣ твой изведый ты отъ земля египетскія, отдому работнаго, да не будутъ тебѣ бози нии развѣ мене.

И сотвори себѣ кумира, и всякого подобія, еже на небеси горѣ и елика на земли низу и елика в водахъ и подземлею, да ся не поклониши имъ. и да непослужиши имъ. азь бо есмь Гдѣ Бгѣ твой Бгѣ ревнивъ отдая грѣхи оцѣ на чада. дотретяго и дочвертаго рода, ненавидящихъ мене творяйже милость втысящахъ любящимъ мя и снабдящимъ заповѣди моя.

Непріемли имени Гда Бга твоего всуе, не очиститъ бо Гдѣ прилагающихъ имя его туне;

Помни день субботный святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши внихъ вся дѣла твоя, а день седмый суббота Гдѣ Бгѣ твоему. Да не сотвориши всего дѣла вошь. ты и сынъ твой и дщерь твоя. и рабъ твой и раба твоя, и волъ твой и осля твое, и весь скотъ твой. и пришелецъ обитаяй у тебѣ. зане вшести днехъ сотвори Гдѣ небо и землю море и вся яже внихъ. и почи вдень седмый и освяти его.

Чти отца твоего, и мать твою, да благо ти будетъ: и долготѣнъ

Азбука 1708 года:

В. Вчесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой; О: Во еже сохранити словеса Гдѣня. В. Кая словеса Гдѣня, яже хранити подобаетъ; О. Десять заповѣдей преданныхъ самѣмъ Бгѣмъ въ законѣ, яже подобаетъ изустъ умѣти.

а Азь есмь Гдѣ Бгѣ твой, изведый ты отъ земли египетскія отъ дому работы. Не будутъ тебѣ бози нии развѣ мене.

б. Не сотвориши себѣ кумира и всякого подобія, елика на небеси горѣ, елика на земли низу, и елика въ водахъ подземлею: не поклониши ся имъ, ниже послужиши имъ, Азь бо есмь Гдѣ Бгѣ твой, Бгѣ ревнитель, отдавая грѣхи оцѣ на чада, до третяго и четвертаго рода, ненавидящимъ мене: и творяй мѣтъ въ тысящи любящимъ мене, к'хранящимъ повелѣнія моя.

г. Не возмизи имене Гда Бга твоего всуе: не очиститъ бо Гдѣ приемиющихъ имя его всуе.

д. Помни день субботный [сіесть илѣный] стѣити его, шесть дней дѣлай и сотвориши вся дѣла твоя: в'день же седмый субботы [сіесть упокоенія] Гдѣ Бгѣ твоему: не сотвориши въ немъ всякого дѣла, ты, и

будеши на земли блазѣй, юже Гдѣ
Бгѣ твой дастъ тебѣ.

Не убіеши.

Не любодѣй.

Не укради.

Не послушествуй на друга своего
свидѣтельства твоего ложна.

Не пожелай жены искренняго сво-
его, ни раба его, и рабыни его и ни
вола его, и ни осла его, и не всего
скота его, ни все елика ближняго
твоего. . .

Двѣ заповѣди, внихже сокращениѣ
содержатся все десясословіе. весь
законъ и пророцы висятъ. Возлю-
биши Гдѣ Бгѣ твоего, отвсего срѣца
твоего, и отвсей дѣи твоея и всею
крѣпостію твоею, и всѣмъ помышле-
ніемъ твоимъ. Возлюбиши ближняго
твоего». . .

сынъ твой, и дщерь твоя, отрокъ
твой, и отроковица твоя, воля твой,
и ося твое, и всякій скотъ твой, и
пришелець обитай у тебе.

ѣ. Чти оца твоего, и мать твою,
да блго тебѣ будетъ: и да долголѣ-
тенъ будеши на земли блазѣ, юже
Гдѣ Бгѣ твой даде тебѣ.

ѝ. Не убіеши.

ѥ. Не прелюбы сотвориши.

ѧ. Не украдеши.

Ѣ. Не воспослуштуеши на ближ-
няго твоего свидѣтельства ложна.

Ѥ. Не возжелаеши жены ближняго
твоего: не возжелаеши дому ближ-
няго твоего, ни села его, ни отрока
его, ни отроковицы его, ни вола его,
ни осяте его, ни всякаго скота его,
ниже елика суть ближняго твоего. . .

Двѣ заповѣди ветхаго завѣта
внихже весь законъ и пррѣцы висятъ.

Ѧ. Любите Гдѣ Бгѣ своего всѣмъ
сердцемъ своимъ, всею душою своею,
всею крѣпостію своею, и всѣмъ по-
мышленіемъ своимъ.

ѧ. Любите ближняго своего, яко
самого себе». . . (л. мѡ—нѡ).

Сходство приведенныхъ отрывковъ, равно какъ такое же сходство
катихизическихъ свѣдѣній и въ другихъ пунктахъ Азбуки и Каріонова Ка-
тихизиса, невольно наводитъ на мысль, что послѣдній предназначался для
школьнаго употребленія. Подтверженіемъ этой мысли можетъ служить
тотъ фактъ, что находящееся въ Сборникѣ Чудова монастыря № 300 стихо-
твореніе Каріона, подъ заглавіемъ: «Стихи воспоминати смерть привѣт-
ствомъ» (л. 267), напечатано въ азбукѣ (букварѣ) 1701 года. Если онъ
писалъ стихи для букварей, то могъ написать и катихизисъ для нихъ же.
Назначеніе катихизиса Каріонова для школы видно и изъ указанія самого
автора, который въ заключеніи говоритъ о необходимости исполнять изло-
женные заповѣди церкви православной всѣмъ людямъ «по исполненіи сед-
михъ лѣтъ от рожденія». Подчеркнутыя слова прямо и ясно указываютъ

на школьный возраст. Сказаннаго однако мало. Нельзя не обратить вниманія на тщательную переписку катихизиса, на оставленныя пустыми мѣста для заглавія и прописныхъ буквъ: такъ роскошно писались только сочиненія, предназначаемыя для царской семьи. И не трудно угадать, для какого лица изъ царской фамплии могъ предназначать свой катихизисъ Каріонъ Истоминъ. Въ царской семьѣ, какъ видѣли въ первой части, былъ одинъ царевичъ, которому много поднесъ онъ красиво переписанныхъ и разукрашенныхъ киноварью учебныхъ и нравственно-религіозныхъ книгъ. Царевичъ этотъ — Алексѣй Петровичъ, несчастный сынъ великаго Преобразователя Россіи. Въ первой части нашего изслѣдованія высказано предположеніе, что Каріонъ, можетъ быть, состоялъ преподавателемъ Закона Божія при царевичѣ. Катихизисъ какъ бы подтверждаетъ нашу мысль. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что Петръ Великій, послѣ первоначальнаго обученія царевича у Никифора Вяземскаго, предполагалъ отправить его за границу. Но такъ какъ этотъ планъ не удалось привести въ исполненіе, то съ 1703 года учителемъ царевичу назначенъ былъ баронъ Генрихъ Гюйсенъ, замѣчательно умный и образованный человѣкъ. Въ это время Гюйсенъ написалъ *Наказъ* о воспитаніи Алексѣя Петровича, состоящій изъ девяти статей. Первая статья этого наказа гласитъ: «Понеже истинный страхъ Божій начало есть всея премудрости, и оный особливо въ сердца и чувства государичей и предбудущихъ правителей, съ самой ихъ юности, надлежитъ вкоренять и ихъ къ познанію приводить, что они высокое достоинство на семь свѣтѣ, въ которомъ обрѣтаются, по милости Божіей имѣютъ и оному, яко царю царемъ и Гдѣ Гдѣмъ, овсегда въ дѣлахъ и поступкахъ своихъ тяжкій отвѣтъ давати должны суть, того ради паче всѣхъ вещей, при возвращеніи его высочества, надлежитъ на то смотрѣти; однакожъ понеже учитель инои церкви есть, а не той, въ ней же его высочество рожденъ и возвращенъ быть имѣетъ, и того ради онъ учитель при своемъ чинѣ въ пунктѣ, о вѣрѣ принадлежащемъ, попеченіе не надлежитъ имѣть, но то весьма иному управленію да оставитъ». (Устряловъ, *Исторія Петра В.*, т. VI, прилож., стр. 299). Это иное управленіе, несомнѣнно, должно было принадлежать какому-либо духовному лицу, которое могло бы внушить царевичу «страхъ Божій, ревность о справедливости, легкосердіе, великодушіе, сожалѣніе, щедрость, постоянство въ рѣшеніяхъ, вѣрность и вѣру держати»... (ibid. ст. 2). То же духовное лицо могло руководить царевичемъ, когда онъ приступилъ бы къ выполненію втораго параграфа учебнаго плана. А этотъ параграфъ требовалъ: «Также дабы его высочество по утру, до начатія своего ученія, и въ вечеру, по окончаніи онаго, всегда по двѣ главы изъ библіи явственно и съ прилежаніемъ прочиталъ, и при томъ тотъ порядокъ употреблять, что егда всю библію совершить, тогда Новый

Завѣтъ наки повторить, и тако, при окончаніи библии, Ветхій завѣтъ единожды, Новый же двоекратно прочитать» (*ibid.* стр. 301, ст. 7-ая). Сказанное свидѣтельствуесть, что на религіозно-нравственное образованіе царевича обращено было должное вниманіе. Начало же этому образованію положено было раньше, до 1703 года, т. е. до назначенія Гюйсена главнымъ паставникомъ. Весьма возможно, что назначеніе Каріона законоучителемъ царевичу и побудило его привяться за сочиненіе катихизиса.

Какъ бы то ни было, но только при взглядѣ на катихизисъ Каріона, какъ на сочиненіе, предназначавшееся для школы, можно правильно оцѣнить его достоинства. Ставъ на такую точку зрѣнія, нельзя не признать извѣстной заслуги за нашимъ писателемъ, какъ составителемъ катихизиса. Стремясь удовлетворить потребности своего юнаго читателя (или своихъ юныхъ читателей), онъ оставилъ обычную для катихизисовъ, нѣсколько затруднительную для заучиванія, форму вопросовъ и отвѣтовъ, но кратко и ясно изложилъ важнѣйшіе и необходимѣйшіе догматы православной церкви, употребивъ для выводовъ весьма удобную для заучиванія наизусть стихотворную форму. Вообще по простотѣ и ясности изложенія, если даже брать сочиненіе Каріона не какъ учебникъ, это одно изъ лучшихъ богословскихъ сочиненій XVII столѣтія. Правда, послѣ сочиненій Петра Могилы, Сям. Полоцкаго и др. составителей катихизисовъ, катихизисъ Кар. Истомина не блещетъ оригинальностію, но едва ли авторъ его и стремился къ ней. Вѣдь и въ наши дни оригинальность—не первое и не необходимое условіе хорошаго учебника. Если же въ его книгѣ содержатся заблужденія и противности ученію православной церкви, то эти ошибки объясняются смутными обстоятельствами времени, когда заблуждались и погрѣшали противъ православія и болѣе свѣдующіе и видные дѣятели.

ГЛАВА II.

Судя по хронологическимъ датамъ, сохранившимся въ припискахъ къ сочиненіямъ Каріона, необходимо заключить, что проповѣди или слова были едва ли не первыми литературными опытами его. Такъ, въ 1681 году, который мы склонны признать началомъ его литературной дѣятельности¹⁾, имъ написано слово на т.: «Яко видѣста очи мои спасеніе твое». Затѣмъ въ промежутокъ времени между 1681 и 1717 годами имъ написано было много словъ. Изъ нихъ въ 1699 году онъ составилъ цѣлый сборникъ, которому

---

1) Если не принимать во вниманіе грамоту, писанную для патр. Іоакима въ 1679 году.

далъ, по обычаю того времени, (мы знаемъ Огородокъ, Вечера душевная, Обѣдъ душевный, Перло многоцѣнное, Мечъ духовный и др.) витѣватое заглавіе: «Веселеилъ сіестъ Скинія Божія въ ней же свѣти(ти)льникъ Слова Божія учительная, трапеза ученіе; предложеніе хлѣбовъ различныхъ вещедѣйствъ, во спасеніе и ползу изрядну Боголюбивымъ читателемъ и слышателемъ людемъ божіимъ. Благодатію всесвятыя Троицы Божественныя, во славу святаго имени его, въ престателствѣ всенепорочныя небесныя царицы. Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи. водрузися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ пречестнѣй обители чудесе Архистратига Божія Михаила, и преславнаго всероссійскаго чудотворца святаго Алексія митрополита мірозданія „зѣз“ (7207) лѣта. рождества Богочеловѣка Іисуса Христа Господа нашего „ахч“ (вм. „ахче“ = 1699)». О своемъ авторствѣ Каріонъ заявляетъ такъ. «О семъ мыслениѣмъ веселеилѣ потщася самодѣлостудствомъ худшій іеромонахъ Каріонъ Истоминоу. Иже у всѣхъ благоумныхъ дѣлателей въ погрѣшеніи же коего либо разумнѣнія и во описахъ прощенія смиреннѣ просить, и поправити могущему волить. да благо всѣмъ отъ Христа Господа будетъ, аминь». «Веселеилъ» заключаетъ въ себѣ двадцать два слова; не вошедшія сюда слова написаны, вѣроятно, позднѣе.

При написаніи своихъ словъ, Каріонъ несомнѣнно руководствовался тою теоріею проповѣди, какая выработалась и господствовала въ Великой Россіи въ его время. Въ чемъ же заключалась эта теорія? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русской проповѣди въ теченіе того періода времени, когда она началась, до XVII столѣтія.

Русская проповѣдь получила свое начало со времени принятія христіанства, когда вмѣстѣ съ книгами богослужебными принесены были въ Россію творенія св. отцовъ и другія произведенія Византійской литературы, которыя надолго (съ XI по XVI в.) сдѣлались образцами для русскихъ писателей. Отъ XI вѣка мы имѣемъ уже памятники проповѣднической дѣятельности русскихъ пастырей. Послѣднимъ на первыхъ порахъ предстояло проводить въ жизнь русскаго народа положительное христіанское ученіе. И вотъ въ «Поученіи къ братіи» Новгородскаго архіепископа Луки Жидяты (1035—1059) находимъ изложенныя почти языкомъ св. книгъ краткія наставленія въ истинахъ вѣры и благочестія. Проповѣди митрополита Кіевскаго Иларіона (съ 1051 по 1072), раскрывая предъ слушателями значеніе христіанства и догматы церкви, полны указаній на многія современныя событія, которыя невольно возникали въ воображеніи его слушателей. Если бы и послѣдующіе проповѣдники слова Божія держались того же направленія современности и народности, въ которомъ писалъ митр. Иларіонъ, то русская проповѣдь избѣжала бы многихъ недостатковъ, которые

унижали ея достоинство. Такимъ же характеромъ современности, особенно указаніемъ на нѣкоторые современные грѣхи, отличаются проповѣди и Θεодосія, игумена Печерскаго.

Въ XII в. среди духовныхъ проповѣдниковъ особенно выдается Кириллъ, епископъ Туровскій (1171—1182); въ немъ мы видимъ и пастыря, обладавшаго обширными богословскими свѣдѣніями, и замѣчательнаго оратора, прозваннаго современниками «вторымъ златословеснымъ витіею». Но проповѣди его значительно уклоняются отъ того направленія современности и народности, какое мы видѣли въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ XI столѣтія. Въ этомъ случаѣ проповѣдническая дѣятельность Кирилла можетъ имѣть значеніе только какъ лучшій образецъ того вліянія, какое имѣли на нашу церковную литературу греческіе отцы церкви. Вѣкъ XIII-й сохранилъ также не мало именъ проповѣдниковъ слова Божія, но изъ нихъ особенно замѣчательно имя епископа Владимирскаго Серапіона (1274—1275). Въ пяти поученіяхъ его находимъ слѣдующія особенности, выгодно выдѣляющія его, какъ проповѣдника, изъ ряда его современниковъ, а отчасти и предшественниковъ: 1) «онъ является выразителемъ и изображителемъ эпохи татарскаго владычества»... и 2) самый складъ его поученій отличается такою оригинальностью и силою, которыя не встрѣчаемъ у другихъ древне-русскихъ проповѣдниковъ. (Подробно см. въ соч. Е. Пѣтухова: «Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка». Спб. 1888 г. стр. 212 и 213).

Съ половины XIII в. Русь постигло татарское нашествіе, а затѣмъ къ бѣдствіямъ татарскаго ига присоединились раздоры князей, моровая язва и другія бѣдствія. Съ этого времени и въ послѣдующіе три вѣка — XIV, XV и XVI — русская проповѣдь переживала трудное положеніе: бѣлое духовенство, бѣдное и необразованное, не могло проповѣдывать народу; на юго-западѣ католичество стремилось подорвать проповѣдь, а на сѣверо-востокѣ она прекращалась сама собою въслѣдствіе постоянныхъ моровыхъ повѣтрій, уничтожавшихъ цѣлыя области, такъ что по мѣстамъ не оставалось народа, которому можно было проповѣдывать; однимъ словомъ, по временамъ русская проповѣдь какъ бы подавлялась множествомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. И все-таки, по словамъ профессора П. Θ. Николаевскаго, «несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, русская проповѣдь не только не замолкла совершенно вдругъ и во всѣхъ концахъ Россіи, но по мѣстамъ и временамъ являлись проповѣдники, имена которыхъ навсегда останутся замѣчательными въ исторіи русской церкви, и которые въ извѣстномъ отношеніи ничѣмъ не уступаютъ русскимъ проповѣдникамъ предшествующаго и послѣдующаго времени. Письменныхъ памятниковъ русской проповѣди отъ XV и XVI вѣковъ для насъ сохрани-

лось больше, чѣмъ отъ вѣковъ предыдущихъ». . . (Николаевскій: «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ». Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 года, № 2-й, стр. 388—389). Правда, профес. Николаевскій расширяетъ понятіе проповѣди и подводитъ подъ него не только проповѣдь въ строгомъ смыслѣ, какъ особый видъ поучительной литературы, по житія святыхъ, посланія русскихъ пастырей къ паствѣ и къ отдѣльнымъ лицамъ, словомъ всѣ произведенія, имѣвшія цѣлью нравственно-религіозное назиданіе. Но если и не принимать точки зрѣнія П. Θ. Николаевского, все же нельзя на основаніи приводимыхъ имъ немногочисленныхъ фактовъ¹⁾ говорить о совершенномъ упадкѣ и прекращеніи русской проповѣди.

Таково развитіе русской проповѣди до конца XVI столѣтія. Въ сдѣланномъ нами бѣгломъ очеркѣ этого развитія съ XI в. мы придерживались хронологической послѣдовательности. При этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что русская проповѣдь (насколько можно дѣлать заключеніе по оставшимся образцамъ ея отъ XI до конца XVI в.) не развивалась исторически; «въ ней нѣтъ внутренняго преемства, въ смыслѣ развитія, ни въ содержаніи, ни во внѣшнихъ приемахъ; вся она представляетъ лишь подражаніе образцамъ лучшаго періода (IV—V вв.) византійской проповѣди, поэтому удобнѣе разсматривать по содержанію».

Вообще въ представленномъ нами періодѣ (его считаютъ первымъ) развитія русской проповѣди различаютъ слѣдующія направленія: *догматическое* (проповѣди митр. Иларіона, Іосифа Волоцкаго, Зиновія Отенскаго), *дѣятельное* (проп. Луки Жидяты, митр. Никифора, Максима Грека), *библейско-историческое* (проповѣди Кирилла Туровскаго, Григорія Цамблака), *обрядовое* (соборныя постановленія о таинствахъ), *каноническое* (права церкви въ управленіи народомъ и отношеніе церковнаго права къ гражданской власти) и *практическое*, обличавшее различные нравственные недостатки, религіозныя заблужденія, суевѣрія и т. д.

Съ конца XVI ст. начинаются страшныя смуты, когда не окрѣпшее еще Московское государство могло погибнуть подъ ударами множества внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Въ такое время, когда вся русская земля замутилась, живое слово проповѣди должно было замолкнуть. Но вотъ въ началѣ XVII столѣтія русское государство, благодаря связи религіозной и государственной, очистилось отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и новая династія вступила на царскій престолъ. Съ половины этого столѣтія въ сѣверо-восточной Руси снова раздалось живое слово проповѣди, и первыми проповѣдниками явились выходцы изъ юго-западной Руси.

1) Такovy слова: «Наказаніе къ властелемъ о суетѣ міра сего», «слово къ судіямъ» и др., о которыхъ см. *ibid.* № 4, стр. 111 и слѣд.

Въ этой послѣдней живая проповѣдь начала развиваться съ конца XVI столѣтія и возникла подъ вліяніемъ уніи для защиты православія. Въ XVII в. дѣло дошло до того, что проповѣдываніе составляло особенную должность, которую обыкновенно исполняли выдающіяся своимъ ораторскимъ талантомъ и получившія въ академіяхъ ученое образованіе лица, имѣвшія спеціальное званіе проповѣдниковъ (Кирилль Транквилліонъ, Тарасій Земка и мн. др.). Если прибавить къ сказанному, что юго-западная проповѣдь возникла изъ соревнованія католическимъ проповѣдникамъ, то весьма естественно, что она должна была разрабатываться особенно тщательно. И дѣйствительно, здѣсь мы видимъ и сборники проповѣдей компилятивнаго характера, и правила, какъ писать проповѣди. При этомъ сказывалось сильное вліяніе католическихъ риторовъ-схоластиковъ. Первыми изъ такихъ сборниковъ проповѣдей и правилъ были сочиненія Іоаннікія Галатовскаго «Ключъ разумѣнія» и «Наука короткая альбо способъ зложеня казаня». Въ послѣднемъ сочиненіи І. Галатовскій даетъ подробныя указанія, какъ сочинять проповѣди. Вотъ суть этихъ наставленій: прежде всего нужно положить изъ Св. Писанія тему, которая составляетъ основу проповѣди. Затѣмъ въ проповѣди должно быть три части: экзордіумъ, наррація и конклюдія. Въ экзордіумѣ проповѣдникъ излагаетъ то, что онъ намѣренъ говорить въ проповѣди, и проситъ Бога или Богородицу о помощи, а людей о вниманіи. Во второй части (наррація) излагается то, что обѣщаль сказать проповѣдникъ. Это и есть самая проповѣдь. Наконецъ, въ конклюдіи припоминаетъ проповѣдникъ все раньше сказанное и убѣждаетъ слушателей любить то доброе, о чемъ онъ имъ говорилъ, и удаляться отъ дурного. Всѣ эти части должны согласоваться съ темою. Указываетъ І. Галатовскій и источники, откуда можно почерпнуть матеріалъ для проповѣдей. Источники эти: библія, житія святыхъ, сочиненія отцовъ церкви (Василія Великаго, Григорія Богослова, І. Златоустаго, Аванасія, Θεодорита, І. Дамаскина, Ефрема Сирина и др.), исторіи и хроники; книги о звѣряхъ, птицахъ, деревьяхъ и т. п.; наконецъ, проповѣди современныхъ проповѣдниковъ. (См. подробн. Петрова: «Изъ исторіи Гомилетики въ старой Кіевской Академіи». Труды Кіев. Дух. Акад., 1866 года, № 1-й, стр. 92 и слѣд.; Л. Н. Майковъ: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій, стр. 76—78). Были другія болѣе дробныя подраздѣленія проповѣди на части; нѣкоторые къ четыремъ частямъ — (началу, предложенію, доказательству и заключенію) — присоединяли еще двѣ — раздѣленіе и повѣствованіе (Петровъ, *ibid.* 94—95 стр.).

Что касается содержанія, то теорія риторовъ-схоластиковъ раздѣляла проповѣдь на нѣсколько родовъ. «Лучшимъ раздѣленіемъ проповѣди—говорить г. Петровъ — мы признаемъ раздѣленіе ея на изяснительную или

панегирическую и совѣщательную или нравоучительную. Поелику же «нѣтъ никакой проповѣди, которая бы всецѣло заключалась въ одномъ какомъ-либо родѣ, и во всякой проповѣди непрѣменно должно быть назиданіе»; то не безосновательно нѣкоторые раздѣляютъ проповѣдь еще на смѣшанную, состоящую изъ соединенія изъяснительной и совѣщательной, или же всѣ проповѣди относятъ къ одному совѣщательному роду краснорѣчія, содержащему въ себѣ увѣщанія» (*ibid.*, стр. 96; ср. Майкова, стр. 86). Такова была теорія проповѣди, усвоенная юго-западными проповѣдниками. Та же самая теорія была перенесена на сѣверо-востокъ Русь, когда здѣсь возобновилось живое слово проповѣди.

Каріонъ Истоминъ естественно долженъ былъ усвоить, подобно своимъ предшественникамъ, эту теорію. Правда, онъ слушалъ потомъ курсъ риторики у братьевъ Лихудовъ, которые во многомъ отступали отъ господствовавшей тогда въ Россіи и на Западѣ теоріи¹⁾; но ему нельзя было совершенно отрѣшиться отъ господствовавшей теоріи проповѣди, тѣмъ болѣе, что во многихъ пунктахъ теорія Лихудовъ походила на теорію риториковъ-схоластиковъ.

Присмотримся поближе къ проповѣдямъ Каріона и прослѣдимъ, какъ онъ примѣнялъ усвоенныя имъ теоретически правила касательно написанія проповѣдей на дѣлѣ.

Всѣ слова его легко раздѣлить на тѣ три категоріи, о которыхъ упомянуто было выше, при разсмотрѣніи теоріи риториковъ-схоластиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ самъ назвалъ слова, вошедшія въ составъ «Веселенна», «учительными». Предметомъ этихъ словъ, написанныхъ на какой-либо текстъ изъ Евангелія или другой священной книги, или приспособленныхъ къ какому-либо празднику, служитъ указаніе на добродѣтель, которой необ-

---

1) Вотъ что читаемъ по этому поводу у г. Смѣловскаго: «...Лихудъ (Іоанникій) слѣдуетъ Аристотелю только въ нѣкоторыхъ частныхъ риторическихъ правилахъ; а въ главныхъ понятіяхъ о краснорѣчій, въ изслѣдованіи о похвальныхъ словахъ различныхъ родовъ, о словахъ надгробныхъ, и особенно въ духѣ и направленіи словесности, онъ совершенно самостоятеленъ... Въ самомъ предисловіи Риторики помѣщены у него собственныя прекрасныя изслѣдованія о краснорѣчій, которыхъ нѣтъ у современныхъ Лихудамъ, и даже у позднѣйшихъ риториковъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Краснорѣчіе раздѣляетъ онъ на *Божественное, ироическое и человѣческое*... Самый важнѣйшій источникъ твореній, по мнѣнію Лихуда, есть Божественное писаніе... «Кійждо обрѣтаетъ тамо вся полезная, яже индѣ изучилъ бы... Употребленіе же Божественнаго писанія Богословомъ есть свойственно. Сіе есть онѣхъ наслѣдіе. Сіе ихъ поле, сіе ихъ подвигъ. Тѣмъ же чудно есть, яко нѣщцы, оставляюще толикое достоинство, благоплodie же и пользу, толикія честныя мудрости, тако удобно въ неплодныя вертограды адонитскія, въ глѣнная и сокрушенная, чуждая уготовленія человѣчeskія мудрости приклоняются». Въ главѣ 6 говорится «о частехъ риторическихъ»; части убо риторическія, или свойственная дѣла риторская, суть пять: сирѣчь— *обритеніе, изложеніе, красномололаніе, память и произношеніе*. См. Смѣловскій: Братья Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школахъ». Ж. М. Н. Пр. 1845, № 3, стр. 77—83.

ходимо слѣдовать, или на грѣхъ, отъ котораго слѣдуетъ отстать. Это родъ совѣщательный или учительный. Сюда необходимо отнести такія слова, какъ слово на т.: «Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего»,—«Радуйтесь, чада, и возопійте къ Богу и избавитъ васъ отъ насилія руки вражія», какъ слово учительное въ день Преображенія Господа нашего І. Христа и мн. другія. Въ одномъ изъ такихъ словъ, на примѣръ, самомъ обширномъ, на текстъ: «Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ» онъ убѣждаетъ слушателей въ необходимости учиться страху Господню и жить такъ, чтобы видно было, что они познали Бога, воспринявъ Божественное писаніе. Сходную мысль находимъ и въ другомъ словѣ, на т.: «Освятитесь и будете святы, яко святъ есмь азъ Господь Богъ вашъ». Въ немъ слушатели поучаются «творить святыню во страхѣ Божіемъ и вооружиться противъ грѣха глаголомъ Божиимъ». Нерѣдко же проповѣдникъ останавливается на Божественной личности Пресвятой Богородицы и убѣждаетъ слушателей подражать Ей, какъ образцу всяческихъ добродѣтелей (см. слово на т.: «Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего»).

Другія слова Каріона необходимо отнести къ роду изъяснительному или панегирическому. Сюда причисляемъ такія проповѣди, какъ слово похвальное Макарію Желтоводскому, великомученику Никитѣ, похвальное слово боярину Шеину, по поводу усмиренія стрѣлецкаго бунта, слово на погребеніе царевны Анны Михайловны и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ указанныхъ только что словъ могутъ быть причислены къ смѣшанному роду, потому что въ нихъ не только исчисляются похвалы святому, но вмѣстѣ съ тѣмъ выводится правило для христіанской нравственности (напр., въ словѣ о великомученикѣ Никитѣ).

Подходя по своему содержанію подъ отмѣченныя у риторовъ-схоластиковъ категоріи проповѣдей, слова Истоминна и по своему построенію вполне оправдываютъ правила ихъ теоріи. Построеніе это однообразно и несложно. Обыкновенно послѣ выставленнаго въ видѣ заглавія текста, съ обозначеніемъ откуда онъ взятъ (тексты для своихъ словъ Каріонъ беретъ большею частію изъ Евангелія, по есть изъ Псалтири, пророковъ), слѣдуетъ приступъ (экзордіумъ), въ которомъ проповѣдникъ развитію темы предпосылаетъ какую-либо общую мысль, всегда удачно подходящую къ избранной темѣ. Такъ, въ словѣ на т.: «И бѣ мати Іисусова ту» — въ приступѣ развивается та мысль, что всякій вѣрный долженъ пребывать тамъ, гдѣ пребываетъ мать Іисуса Христа, такъ какъ чрезъ это получить не только защиту отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, но обрѣщетъ и чертогъ небесный. Что это такъ, нужно внимательно «прикоснуться» евангельскаго повѣствованія. Но прежде, чѣмъ перейти къ показанію на основаніи евангельскаго повѣствованія, что подъ покровомъ Богородицы благо нахо-

даться, проповѣдникъ обращается съ молитвою къ Христу, чтобы Онъ исполнилъ хваленія его безгласныя и скверныя уста «да на честь Богородицы, Его матери, будутъ отверсты».

Въ другихъ проповѣдяхъ Каріонъ молится не только о себѣ, но и о своихъ слушателяхъ, именно о испосланіи имъ вниманія и пониманія, что видно, напримѣръ, изъ слова на т.: «И возведе ихъ на гору високу едины, и преобразися передъ ними». Здѣсь въ молитвенномъ обращеніи къ Богу онъ проситъ наставить его самого на «правое глаголаніе», а слушателей на «усердное слышаніе». Подобное молитвенное обращеніе встрѣчается въ большей части словъ Каріоновыхъ и вмѣстѣ съ приступомъ можетъ быть признано за первую необходимую въ каждомъ изъ нихъ часть. За приступомъ слѣдуетъ почти всегда повтореніе текста и затѣмъ уже его разъясненіе. Это главная часть (наррація) проповѣди, потому она и по размѣру значительно превосходитъ другія части. Разъясняя тему, нашъ проповѣдникъ мало слѣдуетъ предписываемымъ на этотъ счетъ теоріею приемамъ, особенно рѣдко онъ вдается въ отыскиваніе таинственнаго смысла и значенія и не прибѣгаетъ къ тѣмъ вопросамъ, которые рекомендуются І. Галятовскимъ для развитія проповѣди (въ родѣ, кто и что дѣлалъ? на какомъ мѣстѣ? какимъ образомъ? и проч.). Въ силу этого его слова отличаются небольшимъ размѣромъ. Вотъ какъ онъ разъясняетъ приведенный выше текстъ: Богородица съизмлада привыкла пребывать во храмѣ. Подобную привычку должно усвоить всѣмъ христіанамъ: она блага, такъ какъ во храмѣ находится престолъ Божій, окруженный тьмами ангеловъ и архангеловъ; въ храмѣ же мы получаемъ освобожденіе отъ грѣховъ, дарованное смертію І. Христа. Подражателями Богородицы въ постоянномъ пребываніи во храмѣ были два цареградскіе мужа—Андрей и Епифаній,—которые за то сподобились видѣть во храмѣ Пресвятую Дѣву, окруженную ангелами и святыми и простирающую руки съ мольбою къ Богу за грѣшныхъ. Она всегда и на всякомъ мѣстѣ (и здѣсь, въ храмѣ) молить Бога за грѣшныхъ. Видя въ этомъ ходатайствѣ Богородицы любовь къ намъ, мы должны и сами прибѣгать къ Ней и другихъ побуждать къ тому же. И Богоматерь всегда покроетъ насъ своимъ покровомъ, лишь бы мы вооружились противъ грѣха молитвою и постомъ.

За изложеніемъ слѣдуетъ третья часть — заключеніе, — въ которомъ обыкновенно проповѣдникъ обращается къ слушателямъ съ увѣщаніемъ исполнять выведенное правило. Такъ, въ указанной проповѣди проповѣдникъ проситъ слушателей прибѣгать подъ покровъ Богородицы. По теоріи Галятовскаго и другихъ схоластиковъ-риторовъ, проповѣдь необходимо было украшать всевозможными «эрудиціями». Каріонъ также не чуждается ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Слѣдуя наставленію «Ключа разумѣнія», онъ

прибѣгаетъ часто къ Библіи для того, чтобы взять матеріалъ для проповѣди. Кромѣ книгъ священныхъ, онъ обильно пользуется сочиненіями отцовъ церкви; у него можно встрѣтить постоянныя ссылки на Кирилла Александрійскаго, Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, Діонисія Ареопажита, Климента Александрійскаго, Амвросія Медиоланскаго и др. Не довольствуясь, однако, сочиненіями отцовъ церкви, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ «исторіямъ» и баснословнымъ рассказамъ. Такъ, въ словѣ на т.: «Величитъ душа моя Господа, и возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ» встрѣчается рассказъ о причетникѣ города Парижа для показанія, какъ велика и ослѣпительна красота Богородицы. Здѣсь же приводится отвѣтъ Діогена Ксенону на вопросъ послѣдняго, какъ его похоронить. Для показанія, какъ наказываетъ Господь за гордость, приводится здѣсь такой рассказъ изъ свѣтской исторіи: Въ городѣ Кароагенѣ жилъ нѣкій человекъ, по имени Псафонъ; желая прославить имя свое по всей Африкѣ такъ, чтобы его одного считали за бога, онъ прибѣгъ къ такой хитрости. Собравъ тайно въ свою палату множество попугаевъ, онъ научилъ ихъ говорить: «великъ богъ Псафонъ!» Когда они выучились произносить такія слова, онъ ихъ выпустилъ. Люди, слыша, что птицы называютъ Псафона богомъ, и сами считали его за бога. Когда же хитрость его обнаружилась, то онъ былъ казненъ.

Дань той же теоріи Каріонъ заплатилъ и тѣми фигурными, вычурными и натянутыми оборотами, которые изрѣдка, впрочемъ, встрѣчаются въ его словахъ и которые въ XVII столѣтіи считались неизбѣжною принадлежностью всякаго ораторскаго произведенія. Сюда относятся такія выраженія, какъ «суша воздержанія», «благолѣпный воздержанія поясъ», «богокованный цѣломудраго воздержанія гвоздь», равно какъ и такіе эпитеты: «вдохновенный апостолъ, избранный сосудъ божественный (Павелъ)» или «богодѣланный словесный органъ (Давидъ)» и др. т. п. Такимъ образомъ, въ проповѣдяхъ К. Истомина встрѣчаемъ нѣкоторыя черты, которыя унижаютъ проповѣдь и совершенно въ ней не желательны. Для оживленія своихъ словъ онъ позволяетъ себѣ, впрочемъ, изрѣдка прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ стихи; напримѣръ, въ одномъ (и только въ одномъ) словѣ (на т.: «Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ») читаемъ стихи:

«Изрядный Божій Промысль	о людехъ бываетъ,
Вскудости художествъ вси	и дѣлу навикаютъ,
Продавши на пѣнязи	нужды исполняютъ».

Намъ остается еще разсмотрѣть слова К. Истомина со стороны фак-

тическаго ихъ содержанїа, чтобы видѣть, насколько отражается въ нихъ жизнь современнаго ему общества.

Непривлекательна картина русскаго общества второй половины XVII в.

Мало отраднаго представляла умственная жизнь этого общества. Правда, признана была потребность въ просвѣщенїи, стремились завести на Русь школы и науку свободную, но продолжительный застой и отсталость лишали русскаго человѣка силы и способности встрѣтиться съ цивилизаціею и наукою и овладѣть ею. И, какъ неизбежное слѣдствїе духовной слабости, явилось двоякое отношенїе къ этой новой грядущей силѣ — къ наукѣ и цивилизаціи. Одни съ жаромъ увлекаются ею, преклоняются предъ новымъ и чужимъ; другїе, напротивъ, съ ужасомъ отворачиваются отъ всего новаго и чужого и упорно держатся стараго, считая его священнымъ. Отсюда неизбежно вытекало столкновенїе новыхъ людей, учениковъ близкихъ намъ малороссїйскихъ монаховъ, съ старыми учителями, окончившееся появленїемъ раскола. Только невѣжество могло породить такое явленїе, какъ расколъ.

Еще печальнѣе картина нравственнаго состоянїа русскаго общества въ XVII столѣтїи.

Въ немъ развиты были всевозможные пороки. Выдающимся было пьянство. По словамъ Оларїа, «все, какого бы званїа, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскїе, мужчїны и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякїй часъ, послѣ и во время обѣда». Извѣстїе иностранца подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ русскихъ пастырей. Такъ, одинъ архїерей, побуждая священниковъ учить народъ, говоритъ: «Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмельнаго упиванїа». . . ; а нѣкїи игуменъ бьетъ челомъ великому государю: «отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и простая братїя въ томъ обычаѣ закоснѣли и отъ такого нестроенїа игуменамъ бываютъ перемѣны частыя».

Другимъ порокомъ была грубость, которая проявлялась во взаимныхъ отношенїяхъ начальника къ подчиненному, — боярина къ крестьянину. Та же грубость господствовала и въ отношенїяхъ между членами семьи. Отецъ и мужъ являлся деспотомъ своей семьи и жены. Этому много способствовали обманы при заключенїи браковъ. По словамъ Котошихина, «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвкѣ обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ». Дѣйствительно, прибѣгали ко всякаго рода обману, чтобы сбыть иногда увѣчную или некрасивую дѣвушку. Понятно, что обманутый женихъ старается избавиться отъ ненавистной супруги. Онъ, по словамъ того же Котошихина, «тогда умыслить надъ нею учинить, чтобы она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинить, не пострижется, и онъ ее бьетъ и

мучить всячески, и вмѣстѣ съ ней не спитъ, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама». Иногда прибѣгали и къ болѣе страшнымъ мѣрамъ, чтобы развязаться съ ненавистною женою, — къ яду и убійству.

Къ названнымъ порокамъ слѣдуетъ прибавить — господство суевѣрія въ высшихъ и низшихъ классахъ общества, порождавшее разныя дѣла о порчѣ, кражи и смертоубійства; тогда вполне станеть ясно хаотическое состояніе русскаго общества во второй половинѣ XVII столѣтія¹⁾.

Обратимся теперь къ проповѣдямъ К. Истомина и посмотримъ, какіе пороки современнаго ему общества онъ затрогиваетъ въ нихъ. Къ сожалѣнію, большая часть его проповѣдей не заключаетъ почти никакихъ бытовыхъ чертъ. Во многихъ словахъ, напримѣръ, на праздники — Пасху, Преображеніе, Новый годъ — встрѣчаемъ общее увѣщаніе — побѣждать крестовиднымъ простертіемъ рукъ козни діавола, приступать къ Престолу Божию, очистившись отъ грѣховъ, съ начала новаго года начинать новую жизнь и т. п., — не находимъ только указаній на то, какъ современные ему слушатели проводили упомянутые праздники. Однако есть у него слова, заключающія указанія на пороки современниковъ. Такъ, въ словѣ на т.: «Яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей» — проповѣдникъ сокрушается: «нынѣ, благословенніи христіане, вижду азъ не тако творять люди, *не устрѣтаютъ святаго поста воздержаніемъ, но... упиваются, біются, дерутся*. Въ другомъ словѣ на т.: «Освятитесь и будите святы, яко святъ есмь азъ Господь Богъ вашъ» — онъ упрекаетъ современниковъ, что они не только не каются въ своихъ грѣхахъ и не удаляются отъ пороковъ; «*но аще кто и мало воздержаніе и правду въ какомъ заповѣданіи творити нудится, тому глупи и злобни люди насмѣхаются и поносятъ, называюще святоша, или ханжа, или инымъ каковымъ поругателствомъ*». И тутъ же, называя грѣхи, препятствующіе спасенію слушателей, онъ упоминаетъ: *непочитаніе учителей церковныхъ и родителей, безвпріе, непосѣщеніе церкви, своеволие* и т. п. Такимъ обра-

1) Объ умственномъ и нравственно-религіозномъ состояніи русскаго общества въ XVІІ в. писалось много. Назовемъ нѣкоторыя сочиненія: 1) Руцинскій: «Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей», Читенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г., кв. III; 2) Костомаровъ: «Очеркъ домашней жизни и нравъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; 3) Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; 4) Соч. Жмакина о митрополитѣ Давидѣ въ Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1881 г., I кв.; 5) Хлѣбникова: О вліяніи общества на организцію государства въ царскій періодъ русской исторіи; 6) Каптерева: Патр. Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники». Правосл. Обзор. 1887 г., № 1, 2 и 4; 7) Смирнова: Іоакимъ, патр. Московскій, 1881 г.; 8) Кедровъ Н.: Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В. 1886 г.; 9) Знаменскій: Приходское духовенство на Руси. Образование духовенства въ древней Руси. Правосл. Обзор. 1867, № 4; его же: О духовенствѣ при П. В. Правосл. Собесѣд. 1863 г., 7, 8, 9 кн. и мн. др. Мы придерживались Исторіи Соловьева, т. XIII и XIV, какъ резюмирующей добытые результаты.

зомъ, Каріонъ коснулся, хотя въ общихъ чертахъ, многихъ пороковъ современнаго общества. Картина ихъ дополнится, при разсмотрѣніи словъ, написанныхъ по поводу войнъ съ турками, при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

О невѣжествѣ современниковъ Каріонъ не упоминаетъ, зато у него есть сочиненія, касающіяся того явленія, которое было слѣдствіемъ невѣжества. Мы говоримъ о расколѣ. Въ бумагахъ Истомина сохранилось сочиненіе, которое можно считать проповѣдью, потому что авторъ въ одномъ мѣстѣ признается: «п о таковыхъ враговъ Божїихъ, церковныхъ расколниковъ что святую церковь безчестятъ, и мятежниковъ государственныхъ. многажды всѣхъ васъ молихомъ, и о ихъ лукавствѣ и злобѣ не едины книги изложихомъ. являюще истинну. да никто же соблазнется ихъ лестїю, ихъ же святыи апостоль Павелъ отлучатися повелѣ, аще: повелѣваемъ же вамъ братіе о имени Господа нашего Иисуса Христа отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданїю. еже прїяша отъ насъ. сіи же блазнители сами видите, какови безчинни суть и не ходятъ отнюдь по преданїю. *но никто же намъ отъ священниковъ ни отъ мірскихъ всякихъ чиновъ, таковыхъ злыхъ людей возвьсти, идъ пребываютъ*». . . Подчеркнутыя слова наводятъ на мысль, что данное слово произнесено или написано отъ лица патріарха Іоакима, такъ какъ вверху его есть номѣта: «зрѣв пис.» (т. е. писано 7192 = 1684 года). Да и самое начало слова: «вѣсте же благословеннїи христїане» — указываетъ, что это проповѣдь. Въ ней мы находимъ нѣкоторыя интересныя подробности той борьбы, которую продолжали тайно вести раскольники. Начинается слово указанїемъ на то, что въ 1682 году (.зрѣч) раскольники возмутили народъ и сотворили великій мятежъ; хотѣли духовныхъ всѣхъ побить и книги святыя старыя славянскїя и греческія, писанныя на хартїи и бумагѣ за много сотъ лѣтъ до того времени, и новопечатныя до конца истребить. Но имъ не удалось привести въ исполненіе замыслы. Ясно, что проповѣдникъ дѣлаетъ намекъ на поражение, которое потерпѣли раскольники 5-го іюля 1682 года¹⁾. Въ этомъ году, какъ извѣстно, вслѣдъ за стрѣлецкимъ бунтомъ въ пользу старшаго царевича, Іоанна Алексѣевича, поднялся новый мятежъ съ цѣлью «взыскать старую вѣру, въ которой россійскїе чудотворцы, великіе князи и благовѣрные цари Богу угодили, и потребовать отъ патріарха и властей отвѣта, для чего они, власти, священныя книги, печатанныя до Никона, при первыхъ благочестивыхъ патріархахъ, возненавидѣли, вѣру старую, истинную, отвергли и возлюбили повую латино-римскую». Для достиженія означенной цѣли рѣшено было составить обличеніе на патріарха и на все православное духовенство и просить государей объ указѣ, чтобы власти вступили въ торжественное

1) См. Соловьева: Исторїа, т. XIII, 332 стр., т. XIV, 80 стр.

преніе о вѣрѣ съ учителями раскола. Преніе дѣйствительно состоялось 5-го іюля 1682 года, но не все такъ вышло, какъ того желали расколоучители, поддерживаемые Хованскимъ, и раскольники потерпѣли поражение въ Граповитой палатѣ¹⁾. Но и послѣ смерти и ссылки зачинщиковъ бунта раскольники не унялись. Они удалились въ области и оттуда постоянно давали знать о себѣ, вызывая тѣмъ самымъ противъ себя цѣлый рядъ сильныхъ мѣръ со стороны православныхъ. Такъ, въ ноябрѣ 1682 года были разосланы грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи раскольниковъ суду. Такъ какъ раскольники уходили въ глухія мѣста и заводили тамъ пустыни, а при приближеніи царскаго войска сожигались, то въ 1685 году былъ изданъ указъ: «которые прелестію своею простолоудиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводили къ тому, чтобы они сами себя жгли, такихъ воровъ, по розыску, жечь самихъ». Такой законъ вызванъ былъ, между прочимъ, надувательствами, которымъ подвергался простой народъ со стороны нѣкоторыхъ вожаковъ раскола, въ родѣ Повѣнчанина Емельяна Иванова, который подучилъ засѣвшихъ въ Палеостровскомъ монастырѣ раскольниковъ сжечься, а самъ убѣжалъ, пограбивъ монастырскую казну. Кромѣ того, раскольники уходили во множествѣ на Донъ и тамъ мучили казаковъ²⁾. Послѣ сказаннаго вполнѣ ясно дальнѣйшее содержаніе слова о раскольникахъ³⁾. Потерпѣвъ поражение въ Москвѣ въ 1682 году, они стали учить тайно по дворамъ. Такъ, въ 1683 году въ Новгородѣ они учили отступленію отъ святой церкви и многихъ прельстили. «И аще прелстя — говорится дальше въ словѣ — простыя мужики вновь старыхъ и всовершенномъ возрастѣ людей перекрещевали, и перевѣнчивали, и чернцовъ разстригали, велѣли жить по прежнему. и многихъ людей прелстя пожгли: будто отъ антихрестова гоненія». . . Но и въ Новгородѣ начали ловить и жечь такихъ прелестниковъ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ «сбѣгоша во украинскую страну на донъ. . . и. . . составя писма воровскія тшашася в государствѣ мятежь и кровопролитіе сотворити многое, всѣхъ тамо людей возмутили, чтобы они пошли бутго ради вѣры в царствующій градъ Москву войною». . . Но и тутъ они не имѣли успѣха. Однако раскольники не унялись и продолжали творить злобы и досады святой церкви. Такъ, въ февралѣ 1683 года они замарали висѣвшіе на стѣнѣ Чудова монастыря листы съ заповѣдами Божиими; то же самое дѣлали и по другимъ церквамъ. Какъ дополненіе къ разсматриваемому слову, необходимо назвать тѣ стихи противъ раскольниковъ, которые въ Сборникѣ съ произведеніями Каріона находятся вслѣдъ за словомъ. Въ

1) См. Устряловъ, Исторія царствованія П. В., т. I, 46—77 стр. Ср. Соловьевъ, Исторія, т. XIII, 332—346 стр.

2) Соловьевъ, *ibid.*, т. XIV, стр. 80—84.

3) Въ приложеніяхъ ко второй главѣ мы печатаемъ его сполна. (См. № 1-й).

этомъ стихотвореніи авторъ обращается ко всему русскому народу, безъ различїя пола и возраста, съ увѣщаніемъ усердно держать чинъ святой церкви, не роптать на нее, вѣря, что въ церкви Божіей «нѣсть злое ничтоже». Далѣе слѣдуетъ обличеніе раскольниковъ въ томъ, что они не покоряются церкви, и мѣткая характеристика ихъ. «По семь же буди капитонъ ти знатенъ, — говорится здѣсь, — яко разумъ въ немъ на злобу превратенъ».

«Лстить фарисейски все же лицемѣрствомъ,
 Людей съжигаетъ послѣднимъ бѣдствомъ.
 И въ дни сіи многъ народъ сожгоша,
 Сами лестію огня избѣгоша¹⁾» . . .

Въ заключеніе Каріонъ обращается къ Богу съ мольбою защитить людей отъ сожженія, а капитоновъ удержатъ отъ такихъ поступковъ, обратить ихъ къ церкви и прекратить смущеніе въ народѣ.

Такимъ образомъ, въ названныхъ сочиненїяхъ противъ раскольниковъ указываются всѣ неистовства и ухищренія ихъ: проповѣдь и совращеніе въ расколъ по окраинамъ, подметныя вымышленныя письма, сожженіе и обманъ простодушныхъ людей. Такъ что здѣсь находимъ не лишеныя интереса нѣкоторыя подробности въ дополненіе къ исторически-извѣстнымъ фактамъ о раскольникахъ и тѣхъ средствахъ, которыя они употребляли въ разгаръ борьбы съ православными. Не лишено также интереса замѣчаніе проповѣдника, что *никто изъ духовныхъ и мірянъ не уведомляетъ его*, гдѣ пребываютъ раскольники, замѣчаніе, неволью наводящее на мысль о сочувствїи, которое находили въ народѣ расколоучители.

Раскольниками далеко не исчерпываются враги, угрожавшіе православной церкви въ концѣ XVII в. Къ старымъ врагамъ ея — раскольникамъ присоединились новые — католики и протестанты разныхъ отбѣнокъ.

Царевна Софія Алексѣевна, получивъ образованіе у извѣстнаго «латынщика» и «папешника» Симеона Полоцкаго, была пропитана южно-русскими, а отсюда какъ бы польскими тенденціями. Сдѣлавшись правительницею, она приблизила къ себѣ князя В. В. Голицына, стремившагося завести связи съ Европою, по преимуществу католическою. Изъ духовныхъ лицъ ближе всѣхъ къ ней былъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ С. Полоцкаго и еще въ большей степени, чѣмъ его учитель, «латынщикъ» и «папешникъ». Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ былъ наплывъ въ Москву католиковъ, которые старались пропагандировать свою вѣру. Объ этомъ свидѣтельствуетъ челобитная патріарха и всего освященнаго собора,

1) Чуд. биб. № 301, л. 276.

поданная царямъ послѣ ссылки князя Голицына, покровителя іезуитовъ. «Іезуиты . . . писаль патриархъ — живучи . . . въ Москвѣ чинять многую св. соборной апостольской церкви и догматомъ ея противность печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви съ западнымъ римскимъ костеломъ многія несходства, и чтобъ великіе государи больше сего имъ . . . въ Московскомъ государствѣ жить не позволили»¹⁾. Но кн. Голицынъ покровительствовалъ и протестантамъ, которыхъ также было много въ Московскомъ государствѣ въ XVII столѣтіи²⁾. Вотъ почему передъ своею смертью (17-го марта 1690 г.) патриархъ Іоакимъ писалъ въ духовной: «да никакоже они гдѣри црїи поустятъ кому хрїстіаномъ православнымъ в'своей державѣ с'еретиками і иновѣрцами с Латїны Люторы Калвины и злобожными Татары, ихъ же гнушается Гдѣ и црквѣ Бжїя . . . общеніе в'содружество творити но яко враговъ Бжїихъ и ругателей црковныхъ тѣхъ удалитися да повелѣвають црскимъ своимъ указомъ отнюдъ бы иновѣрцы пришедъ здѣ в'цртво блгочестивое вѣрѣ своихъ непроповѣдовали и во укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни скемъ и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелестъ хрїтіаномъ невносили бы» . . .³⁾. Съ грустью приходилось видѣть патриарху, что начальниками войскъ были иновѣрцы и что на его увѣщанія не обращала вниманія царица Софія Алексѣевна и кн. Голицынъ (ibid стр. 132); но больше всего его поражало то, что еретики «своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, в'которыхъ блгочестивыхъ людей злобно кленуть и лають и вѣру укоряют, иконы стѣя попираютъ и намъ хрїтіаномъ ругаются и зовутъ идоло и древопоклонниками» . . . (ibid. 137—138 стр.).

Сближеніе русскихъ съ такими врагами церкви приводило къ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя такъ изображены въ одной проповѣди: отъ злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и другихъ еретиковъ русскіе такъ объюродѣли, что про многія церковныя чинодѣйства говорили: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, челоуѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить⁴⁾.

Каріонъ Истоминоу, какъ современникъ указанныхъ событій и явленій

1) Соловьевъ, Исторія, т. XIV, 139 стр.; ср. Д. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вв. Приложение XXXI.

2) См. объ этомъ подробно у Д. Цвѣтаева, «Протестанство въ Россіи въ правленіе Софіи», Русскій Вѣстникъ, 1883 г., ноябрь; его же: Изъ исторіи иностр. испов., 310, 204 и др. стр.

3) Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патриарха Московскаго Іоакима, изд. Общ. Др. Письм., стр. 120—121.

4) Рукоп. Синод. библ. № 261 (по Саввѣ 221); ср. Горскаго и Невоструева, Описаніе, II, 3, 258 стр.; Соловьева, Исторія, т. XIV, 147 стр.

конца XVII в., не могъ не обмолвиться хоть однимъ словомъ по поводу ихъ. И мы находимъ въ двухъ словахъ его указанія на это прискорбное событіе.

Въ словѣ на т.: «Блаженн слышашіи слово Божіе и хранящіи е» онъ обращается къ слушателямъ съ такимъ увѣщаніемъ: «не сообщайтесь такимъ человѣкомъ, которыя во святую црковъ сами. . . не ходять. . . и црковныхъ святыхъ таинствъ непріемлютъ, иконамъ святымъ не кланяются»¹⁾. Въ томъ же словѣ есть увѣщаніе не читать книгъ еретическихъ: «аще же не имущіи знанія во святомъ писавіи крѣпка, и в разумѣніяхъ неутвержденніи да не касаются чести книгъ на полскомъ языкѣ, которые книги святыя восточныя цркве чужды и суть еретическія, лютерскія бо и калвинскія и римскія, по ихъ проклятой ереси многія чтуще соблажняются (ibid. л. 269).

Въ другомъ словѣ на т.: «Доброе содержите: от всякія вещи злыя отгребайтесь» — находимъ указаніе на вредныя послѣдствія отъ сближенія съ иноземцами: «да уже общаются съ иноземцы, подобнѣ мнози навывкоша дѣломъ ихъ. Ибо своего государства, отеческія постоянныя воздержныя обычалъ и нравы оуждаютъ, иноязыческія же и еретическія, и возбраненныя церковію дѣла, паче же самимъ Богомъ заповѣданныя не творити хвалятъ и творятъ, яко брады на лицѣ своемъ бриють блудническѣ содѣловающе видѣ свой. Пити, гуляти, играти, исполнати похотѣнія своя злая, съ еретиками проклятыми по кокуемъ²⁾, и по дворищамъ ихъ ликовати, то и дѣло мнятъ быти. А у еретиковъ лютеровъ и калвиновъ ни постовъ святыхъ, ни воздержаній тѣлесныхъ никогда нѣтъ, но на всякія злобы по еретической и богомерзкой ихъ науке распоясаны суть всегда». . .³⁾.

Приведенные выше отрывки изъ словъ Каріона подтверждаются множествомъ свидѣтельствъ. I. Терновскій въ ст. «Императоръ Петръ I-й въ его отношеніяхъ къ католицизму и протестантизму⁴⁾» говоритъ: «протестантизмъ. . . по своему духу довольно чуждъ прозелитизма. Тѣмъ не менѣе, при великомъ наплывѣ лютеранъ въ Россію, ихъ религіозныя воззрѣнія не могли не сообщаться русскимъ, и многіе изъ нашихъ предковъ, не отрекаясь повидимому отъ православія, въ сущности держались протестантскихъ воззрѣній. Таковъ лѣкаръ Тверитиновъ, отрицавшій почитаніе иконъ,

1) Сбор. Чуд. библ., № 301, л. 268.

2) Кукуемъ называлось мѣсто жительства иноземцевъ въ Москвѣ, между Яузюю и ручьемъ Кукуемъ, вытекающимъ изъ Краснаго Пруда. При Петрѣ I это мѣсто было отдаленное отъ города и за чертой его; Петръ, по свидѣтельству Гордона и Берхгольца, часто пировалъ здѣсь съ нѣмцами. См. Мартынова, Москва. Подробное истор. и археологич. опис. т. I, 164—165; Цвѣтаева, Изъ исторіи иностр. исп., 100 стр. и его же: Протест. въ Россіи при Соф., Русскій В., 1883 г., стр. 41 и д.

3) Сбор. Чуд. библ., № 300, об. л. 176.

4) Труды Кіев. дух. акад., 1869 г., мартъ, 384 стр.

креста, мощей, монашества и многое другое». Но Тверитиновъ жилъ въ началѣ XVIII столѣтія. Отъ XVII же мы имѣемъ также не одно свидѣтельство. Такъ вдова Настасья Арменинова 7-го мая 1683 года била челомъ патриарху Іоакиму на своего сына, что онъ совѣмъ забылъ страхъ Божій, живеть незаконно, въ церковь не ходитъ, у исповѣди не бываетъ¹⁾. Въ 1682 году былъ изъязвленъ ножомъ отъ цирюльника Ѳомки Иванова, зараженнаго кальвинствомъ, образъ св. Алексія, писанный на верхней доскѣ его гроба²⁾. Инокъ Чудова монастыря Евѳимій указывалъ патриарху Адріану, что съ тѣхъ поръ, какъ протестанты стали «приходить сюда (т. е. въ Москву) и вселяться въ дома нѣкоторыхъ благородныхъ жителей, оттолкъ о церкви и церковныхъ преданіяхъ и чинахъ и о самой вѣрѣ начали двигатися слова неподобныя и прельстились не только простые челоуѣки, но и освященные нѣкіе, которые помалу и тайно воздвигаютъ о вѣрѣ со-вращающія многихъ любопренія». Протестанты распространяли свои мнѣнія разными способами. Одинъ изъ нихъ состоялъ въ томъ, что они старались раздавать по рукамъ разныя сочиненія. Такъ, въ 1661 г. у одного діакона были отняты «богоотступныя письма»³⁾.

Что пирушки съ протестантами соблазнительно дѣйствовали на молодежь, объ этомъ находимъ свидѣтельство въ словѣ, произнесенномъ патр. Адріаномъ предъ отправленіемъ Петра В. подъ Азовъ и написанномъ, по всей вѣроятности, Каріономъ Истоминымъ: «...нынѣшнихъ же временъ, яко благороднѣи, тако и простѣи, уже и юноши молодцы, и величаются піянствомъ возвѣщающе безстыдно другъ другу: тогда и тогда піянъ бѣхъ, и похвалихся безъ ума. И церковное торжество во праздники Господня проспяхъ⁴⁾».

Къ словамъ, направленнымъ противъ еретиковъ, необходимо причислить и стихотвореніе, озаглавленное «На ереси»⁵⁾. Въ немъ, убѣждая православныхъ не сообщаться съ еретиками-лютерами, кальвинами, евангеликами и римлянами-схизматиками, авторъ предостерегаетъ насчетъ «злыхъ писмъ», подъ которыми, очевидно, разумѣетъ «Григоріанскіе календари». Сказавъ, что въ церкви восточной «лѣта содержатся мірозданная», и что «по сему счету всѣхъ христіянъ книги, кругъ солнца, луны и пасхалий движи», онъ продолжаетъ:

1) Цвѣтаевъ, Протест. въ Рос. въ правл. Софіи, Рус. Вѣст. 1883 г., № XI, стр. 57—58.

2) Памятники Москов. др., 136 стр.

3) См. подробности у Дм. Цвѣтаева: «Положеніе протестантовъ въ Россіи до П. В. Жур. Мин. Нар. Пр. 1883 г. № 10, 193 стр.; его же — Прот. въ Рос. при Соф. Р. В., 1883 г. № XI, 72 стр. и Изъ исторіи иностр. испов., 240 и др.

4) Опис. слав. рук. Москов. Синод. библ. II, 3, 258 стр.

5) Въ приложеніяхъ ко второй главѣ печатается это стихотвореніе въ полномъ видѣ. (№ 2-й).

«Еретици же кромѣ церкви суще числа лѣтъ пишутъ злобно лгуще.
 . . . изамстердама книжицы пуцаютъ писмяны славянъ вчисло лѣтъ прел-
 щаютъ.
 впротивность цркви ересь втом яв- злая ихъ писма да будутъ сожженна»¹⁾.
 ленна

Въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ еретики всякаго рода старались совратить русскихъ людей въ ересь, русское духовенство далеко не стояло на высотѣ своего призванїя. Не всѣ пастыри церкви помнили, что прямая ихъ обязанность поучать и наставлять на все доброе свою паству и предостерегать ее отъ влїянїя еретическихъ ученїй. Къ такимъ-то пастырямъ и обращается Карїонъ отъ лица патріарха въ словѣ на т.: «Да будетъ воля твоя»: «азъ же вамъ священникомъ и духовнымъ руководцемъ, по опредѣленїю нашея мѣрности, въ воинство царскаго величества. . . идущимъ глаголю: поучайте, поучайте люди Господня. . . »²⁾. Нѣкоторые же пастыри падали слишкомъ низко, о чемъ съ грустью говорить проповѣдникъ въ другомъ словѣ на т.: «Доброе содержите: отъ всякія вещи злыя отгребайтесь». «Слышахомъ бо—читаемъ здѣсь—и видѣхомъ, что священники мнози и церквей своихъ оставиша запьянствомъ и не ходятъ въ церковь, мірстїя же люди и по готову тому ради мнози»³⁾.

Не одни пороки и другїя нравственныя нестроенїя воодушевляли нашего проповѣдника. Ему пришлось пережить важныя историческія событїя, которыя не могли не отразиться въ его проповѣдяхъ. Къ такимъ событїямъ необходимо отнести войны съ турками, происходившія въ концѣ XVII вѣка.

По договору съ Польшею, въ 1686 году, Россїя обязалась, между прочимъ, объявить войну Турціи и начать ее нападенїемъ на Крымъ. И дѣйствительно, къ первому марта 1687 года царевною Софією Алексѣевною былъ объявленъ сборъ войскъ. Главнымъ воеводою былъ назначенъ князь Голицынъ. Въ царской грамотѣ, объявлявшей разнаго чина людямъ походъ на Крымъ, сказано было, что послѣднїй предпринимается для избавленїя Русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженїя⁴⁾. По поводу этого перваго Крымскаго похода, имѣвшаго неудачный исходъ, написано слово на т.: «Егда же услышите брани и нестроенїя, не убойтесь», произнесенное патріархомъ Іоакимомъ 21-го февраля 1687 года въ соборной церкви, въ присутствїи благочестивыхъ царей и царевенъ, бояръ и воеводъ, идущихъ въ походъ. Указавъ на то, что люди Господни, надѣясь на помощь Господа,

1) Сбор. Чуд. библ. № 302, об. л. 90.

2) Сбор. Чуд. библ. № 300, л. 80.

3) Сбор. Чуд. библ. № 300, об. л. 176.

4) См. Соловьева, Исторїя, т. XIV, 35—36 стр.

не страшатся приключаящихся въ этомъ мірѣ бѣдствій, проповѣдникъ утверждаетъ, что бѣдствія въ мірѣ семъ посылаются за беззаконія и грѣхи. Спаситель, зная, что міръ сей — юдоль печали, полная ненависти, сказалъ: «егда же услышите брани и пестроенія, не убойтесь». «И нынѣ — продолжаетъ затѣмъ проповѣдникъ — не постиже ли насъ отъ проклятыхъ народовъ Махометановъ такая ненависть? Убѣждая воинство не бояться враговъ, а бояться Господа Бога, онъ указываетъ на необходимость воздержаться отъ разныхъ пороковъ: воровства, срамословія, пьянства, безчинныхъ клечекъ, скарденыхъ глумленій, гуденій и псковъ, сопровождавшихъ обыкновенно пьянство. Въ заключеніе молитъ Бога даровать царямъ здравіе и побѣду. Такимъ образомъ, данная проповѣдь не раскрываетъ передъ слушателями причины предпринимаемаго похода. Она ограничивается глухимъ указаніемъ на ненависть проклятыхъ магометанъ къ русскимъ и на беззаконія, какъ на причины предстоящей войны. О беззаконіяхъ и грѣхахъ, какъ причинѣ нападений татаръ, говорится и въ словѣ на т.: «Бдите убо на всяко время молящеся». Въ немъ проповѣдникъ сѣтуетъ: «яко злобы и неправды въ насъ христіанѣхъ умножишася. . . судіи же и началницѣ всякой неправдѣ послѣдуютъ. . . и тѣлесный покой и сластопитаніе возлюбивше, и упивающеся, прилагаемъ грѣхи на грѣхи. . . посты преданные отъ церкви, такожде въ недѣляхъ среды и пятки суть презрѣны. убійства, зависти, обиды, крадѣбы, піянства, и безчинная сквернословія и утисненіе своихъ крестьянъ, и тяжбы, и любодѣйства зѣло умножишася». За указанные грѣхи и беззаконія послѣдовало наказаніе, которое проповѣдникъ видитъ въ томъ, что «уже кое лѣто чуждіи землю нашу подаютъ, братію нашу варваря нечестивіи влѣнъ емлютъ. и отъ войны покоя неимамы». . .

Яснѣе указана причина крымскихъ походовъ въ словѣ на т.: «Вострубите, вострубите на холмѣхъ», написанномъ въ 1689 году, когда русское войско подъ предводительствомъ того же князя Голицына вторично шло въ Крымъ. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ увѣщаетъ слушателей, что настало время молитвы, чтобы Богъ ущедрилъ своею милостію «все христіанское воинство, пошедшее на злочестивыя враги и разорители православнаго народа, на проклятыхъ татаръ». . . Здѣсь (хотя весьма обще) указывается причина Крымскихъ походовъ въ томъ вредѣ, который причиняли татары своими набѣгами на южные предѣлы нашего государства.

Приостановленные вслѣдствіе неудачъ Голицына, Крымскіе походы были возобновлены потомъ Петромъ, который въ 1695 году объявилъ походъ противъ Крыма, имѣя въ виду овладѣть Азовомъ. По поводу этого похода Каріонъ написалъ двѣ проповѣди. Въ одной изъ нихъ на т.: «Величитъ душа моя Гдѣ, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ» — онъ

приглашаетъ слушателей молиться Богородицѣ, чтобы Она спасла русское войско, отправившееся въ походъ подъ Азовъ, и чтобы поскорѣе прекратилась вражда съ магометанами. Въ другой же — на т.: «Глаголетъ Господь: дахъ васъ имениты въ похваленіе во всѣхъ» — молится о скоромъ возвращеніи царя съ войскомъ изъ похода подъ Азовъ, предпринятаго влѣдствіе злодѣйствъ магометанъ. Какъ видимъ, и въ этихъ словахъ нѣтъ объясненія побужденій, которыми руководился Петръ, предпринимая походъ подъ Азовъ; нѣтъ указанія на пользу, которую можно было бы извлечь изъ этого похода.

Начатыя Петромъ войны съ турками были окончены въ 1700 году перемиріемъ на 30 лѣтъ. По этому поводу написано Каріономъ слово на т.: «Братіе, бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь вся вамъ любовію да бывають», въ которомъ воздается благодареніе Богу за то, что Онъ восхотѣлъ царю и державѣ сотворить 30-лѣтній миръ съ турецкимъ султаномъ¹⁾.

Послѣ мира съ турками Петру пришлось начать продолжительную Сѣверную войну со Шведами. Словъ, написанныхъ по поводу ея, не нашлось у Каріона Истомина; но они, вѣроятно, были, потому что въ его бумагахъ удалось найти одно стихотвореніе на Рождество Христово, въ которомъ онъ слегка коснулся войнъ Петра со Шведами. Тутъ читаемъ:

«в его (Христа) помощи	и матере дѣвы,
православный црѣ	побѣды имѣвий.
Своинствомъ своимъ	росскимъ православнымъ,
взя свейски грады	ратоборствомъ правнымъ». . . ²⁾

Весьма вѣроятно, что подъ взятыми *свейскими городами* разумѣются города—Дерптъ, Нарва и др., взятые у Шведовъ въ 1704 году. Конецъ этого года Петръ дожилъ въ Москвѣ и праздновалъ взятіе старыхъ русскихъ городовъ. Въ такое время было кстати, поздравляя царя съ наступившимъ праздникомъ Рождества Христова, упомянуть и прославить его счастливую побѣду³⁾.

Второй Крымскій походъ Голицына нашелъ также себѣ отголосокъ въ «Стихахъ на изъявленіе крымскаго похода», помимо проповѣдей, вызванныхъ имъ. Въ этихъ «Стихахъ» яснѣе, чѣмъ въ словахъ, указывается причина похода:

1) Ср. Соловьева, Исторія, т. XIV, 301—302 стр.

2) Сбор. Чуд. библ. № 301, об. л. 279.

3) См. Соловьева, Исторія, т. XV, стр. 7 и слѣд.

... «Крымски татары враги христіаномъ
 подобни тіи злохищнымъ сут врапомъ
 вездѣ наскачутъ на стадо христово
 люди влѣн емятъ велими неготово.
 Злобнижъ ввѣрѣ и възлюбѣ прокляты
 махаметанствомъ оіи обьяты». . .¹⁾).

Накопецъ, не могъ пройти молчаніемъ нашъ проповѣдникъ народныхъ волненій, которыми такъ богато царствованіе Петра. Самыми заклятыми врагами новшества, вводимыхъ Петромъ, были раскольники, которые воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поднять беспорядки. И беспорядки начались во время поѣздки Петра за границу.

Ихъ начали стрѣльцы, которыхъ Петръ послалъ, по взятіи Азова, къ литовской границѣ. Недовольные порядками Петра, разлукою со своими семействами, неисправною выдачею жалованья, стрѣльцы завели сношенія съ заключенною въ Новодѣвичьемъ монастырѣ царевною Софією Алексѣевною и рѣшили идти къ Москвѣ, перебить нѣмцевъ и посадить на царство Софію. Это происходило лѣтомъ 1698 года. Бояре, которыхъ Петръ оставилъ правителями, встревожились и послали противъ мятежниковъ боярина Шеина и генерала Гордона съ гвардейскими и солдатскими полками. Близъ Воскресенскаго монастыря, въ 60 верстахъ отъ Москвы, произошло пораженіе мятежниковъ.

По поводу этого бунта написано было Каріономъ слово, которое произнесъ въ соборной церкви передъ благодарственнымъ молебномъ патриархъ Адріанъ. Слову предшествуетъ краткое извѣстіе о бунтѣ и его усмиреніи: «Ѹсѣзъ лѣта. мѣа іуніа сѣи. Московскія четьіре полка стрелецкихъ, съ службы с великихъ лукъ, поидоша самоволно безъ указу великаго государя къ Москвѣ. а имъ было быть во иныхъ городѣхъ до указу. И какъ они шли обозомъ и сружьемъ, безполковниковъ и начальныхъ людей, тѣхъ отъсебе выслали, и поставили изъ своей же брати начальныхъ. Противу ихъ изъ Москвы, со всякимъ полковымъ урядомъ и оружіемъ, послася бояринъ Алексій Семеновичъ Шейнъ, и многое воинство с нимъ всякихъ чиновъ наскорѣ. и подъ воскресенскимъ монастыремъ иже на рѣкѣ пстрѣ сошедшия сними, и дали бой. и тѣхъ стрелцовъ всѣхъ перехватили и всякую оружейную казну у нихъ взяли. И по розыску тамъ указы чинены. и прійде бояринъ сратными людьми в Москву мѣа іуніа в «Ѹ»».

Вслѣдъ за тѣмъ начинается слово такою общею мыслію: «В жителствѣ чловѣковъ, наипаче же в благочестивыхъ людехъ и в православной вѣрѣ и

1) Сб. Чуд. библ. № 302, л. 143.

церкви, всегда от супостата врага воздвигнутся бури, смущенїа, мятежи, и междоусобныя брани, не токмо во градѣхъ, или между царствъ, но и вдомѣхъ, между братїи и сестрѣхъ».

Нѣчто подобное усматриваетъ проповѣдникъ и въ стрѣльцкомъ бунтѣ, который Богъ попустилъ за грѣхи людей. Объ этомъ бунтѣ подробнѣе, чѣмъ въ приведенной выше припискѣ, и говорится дальше въ словѣ. Сказавъ о казни главныхъ «заводчиковъ» бунта, проповѣдникъ заключаетъ: «И есть ли бы такїя воры и мятежники пришли то бы велие кровопролитїе сотворили, и разоренїе всякаго чина людямъ учинили. Что они воры надѣялися себѣ многихъ быти на Москвѣ такихъ же воровъ и пьяницъ помощниками». . . Поэтому и приглашаетъ слушателей возблагодарить Бога за избавленїе отъ грозившей опасности.

До сихъ поръ мы говорили о Карїонѣ Истоминоѣ, какъ проповѣдникѣ, безъ всякаго отношенїа къ его предшественникамъ на проповѣдническомъ поприщѣ. До него писали, а иногда и произносили проповѣди два замѣчательныхъ дѣятеля XVII ст. — Епифанїй Славинецкїй и Симеонъ Полоцкїй¹⁾. Отъ перваго осталась цѣлая рукописная книга проповѣдей, хранящаяся въ Московской Синодальной библиотекѣ (списокъ есть въ библиотекѣ Кїево-Печерской лавры). Хотя онъ былъ воспитанникъ той же самой Кїево-Могилянскои Академіи, изъ которой вышелъ и Сим. Полоцкїй, но на немъ не въ такой степени отразилось влїянїе схоластической проповѣди, какъ на этомъ послѣднемъ. Это можно объяснить тѣмъ, что во время обученїа Еп. Славинецкаго въ Кїевскои Академіи еще не было сильнаго господства латинскаго языка и схоластической науки; оно только что начиналось тогда. Поэтому мы не находимъ въ проповѣдяхъ его нѣкоторыхъ прїемовъ, которыми отличаются схоластическія проповѣди.

Начнемъ разсмотрѣнїе его проповѣдей съ внѣшней стороны, для чего матеріаломъ можетъ служить печатаемая въ приложенїяхъ къ настоящей главѣ²⁾ проповѣдь его на т.: «Ищите же первое царства Божего, и правды его». Такъ написаны всѣ его проповѣди; разниця между ними только въ объемѣ. Во главѣ проповѣди онъ ставитъ текстъ (тему), который заимствуетъ по большей части изъ Евангелїа. Затѣмъ послѣ краткаго приступа онъ прямо переходитъ къ развитїю темы, при чемъ у него нѣтъ ни въ одной проповѣди молитвеннаго обращенїа къ Богу или Пресвятой Богородицѣ и убѣжденїа слушателей внимательно воспринимать его поученїе. Сущность

1) Не говоримъ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, потому что отъ него не осталось проповѣдей. Приписываемыя ему обыкновенно проповѣди, какъ недавно доказалъ г. Зубовскїй (Жур. Мин. Нар. Просв. 1890 г., № 9), принадлежатъ Еп. Славинецкому, С. Полоцкому и Кар. Истомину.

2) См. № 3-й Прилож. ко второй главѣ.

слова составляет раскрытіе темы, а затѣмъ слѣдуетъ краткое обращеніе къ слушателямъ съ увѣщаніемъ послѣдовать въ своей жизни раскрытой предъ ними евангельской истинѣ; иногда это обращеніе принимаетъ форму молитвы къ Богу, Сыну Его или Пресвятой Богородицѣ о спасеніи слушателей. Такова внѣшняя схема проповѣдей Еп. Славинецкаго. Она напоминаетъ обычную схему проповѣди схоластической, хотя и проще послѣдней. Видно, что проповѣдникъ все вниманіе обращаетъ на раскрытіе избранной темы, чтобы преподать слушателямъ наставленіе — стараться въ своей жизни осуществлять ту или другую евангельскую заповѣдь.

Приемы, которыхъ держится Еп. Славинецкій при раскрытіи избранной евангельской темы, суть — исканіе и раскрытіе духовнаго смысла въ вещахъ и выраженіяхъ, отсюда рядъ символическихъ толкованій, которыя иногда называются одно на другое. Конечно, не всѣ проповѣди его одинаково изобильны такими толкованіями; но въ общемъ его проповѣди необходимо назвать символическими и отвлеченными. Для доказательства своихъ мыслей, онъ прибѣгаетъ къ сочиненіямъ отцовъ церкви (Іоанна Златоустаго, Григорія Нисскаго, Аванасія Александрійскаго и др.) или словамъ Спасителя; но ими далеко не ограничивается. Слѣдуя схоластико-католическимъ проповѣдникамъ, рядомъ «съ писаніями», принятыми и уважаемыми церковію, онъ цитуетъ, наиримѣръ, Одиссею (въ сл. на т.: «Аще кто хочеть по мнѣ идти, да отвержется себе»), приводитъ сказаніе изъ рая, написаннаго Іоанномъ Геометромъ объ одномъ видѣннѣ благоговѣйнаго мужа, бывшаго въ изступленіи (*ibid*). Въ словѣ о постѣ (на т.: «Ты же постяся помажи главу твою») выставляется мнѣніе Епиктета, который говорилъ, что весь кругъ земной опустошаютъ двѣ тягчайшія злобы — нетерпѣніе и невоздержаніе, и потому положилъ двѣ главныя заповѣди для человѣка: «терпи и воздержись». Тутъ же приводится изъ Плутарха письмо Атеаса, спскаго царя, къ Филиппу Македонскому; изъ того же Плутарха въ словѣ на т.: «Быша обновленія въ Іерусалимѣ» — приводится сказаніе о царѣ Агезилаѣ. Есть ссылка на философа Демокрита (сл. на т.: Дажь мнѣ достойную часть»), а изъ книги нѣкоего Аоннея сообщается свѣдѣніе о рыбѣ «Киоаръ золотой», которая имѣетъ сердце бѣлое и широкое (см. слово, печатаемое въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ).

Фактическимъ содержаніемъ проповѣди Еп. Славинецкаго совсѣмъ бѣдны. Онъ въ своихъ проповѣдяхъ, повидимому, больше интересовался отвлеченною истиною, чѣмъ народомъ, для котораго говорилъ проповѣди; если же онъ изрѣдка и обращалъ вниманіе на потребности народа, то останавливалъ свое вниманіе не на частныхъ, временныхъ нуждахъ, а на общехристіанскихъ. Поэтому справедливо замѣчаніе г. Пѣвницкаго, что «на основаніи словъ Епифанія нельзя составить характеристики времени и

мѣста, въ которомъ онъ обращался при своей жизни. Почти всѣ его слова (за исключенїемъ словъ спеціальныхъ) можно было пропознать въ разныхъ мѣстахъ, и не въ одинъ вѣкъ, ему современный, а и во всѣ другїе¹⁾. Вообще Славинецкїй очень сдержанъ въ своихъ проповѣдяхъ (онъ нападаетъ въ нихъ, не давая воли своему чувству, на невѣжество, пьянство, расколъ, невѣжество духовенства и нестроенїа монастырей).

Такую отвлеченность проповѣдей его и осторожность слѣдуетъ объяснить не однимъ подражанїемъ проповѣдямъ схоластическимъ, не однимъ литературными требованїями отъ проповѣди XVII вѣка. Многое слѣдуетъ отнести на долю тѣхъ общественныхъ условїй, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Еп. Славинецкому и другимъ юго-западнымъ выходцамъ. Враждебное отношенїе старыхъ учителей²⁾ и нѣкоторой части Московскаго общества къ Кїевскимъ ученымъ, столь сильное во время Славинецкаго, побуждало его избѣгать въ своихъ проповѣдяхъ рѣзкаго осужденїа пороковъ современнаго общества. Если позднѣ Симеону Полоцкому, пользовавшемуся покровительствомъ государя, приходилось по поводу своихъ проповѣдей дѣлать такїя оговорки: «я обличаю не отъ дерзости, наставляю не въ укоръ . . . не въ досаду, но потому, что долгъ мой есть глаголати . . . Сїа вѣдая, читателю благочестивый, прости мнѣ мое глаголанїе и прїими радостно любовное наказанїе»,—то какъ могъ порицать пороки современниковъ Еп. Славинецкїй, у котораго не было сильныхъ защитниковъ. Мало того, очутившись среди мало знакомой ему жизни и чувствуя расположенїе къ кабинетнымъ, ученымъ занятїямъ, Еп. Славинецкїй не могъ изображать въ словахъ своихъ чуждую ему жизнь. Такимъ образомъ, отвлеченность его проповѣдей находитъ отчасти объясненїе въ личномъ характерѣ проповѣдника. Вообще, намъ кажется, не будетъ большимъ грѣхомъ—усвоить проповѣдямъ его названїе ученыхъ сочиненїй. По крайней мѣрѣ, ученостью прекрасно можно объяснить нѣкоторыя особенности языка его проповѣдей. Хотя языкъ ихъ—почти чистый церковный языкъ, безъ малоруссизмовъ и полонизмовъ, но множество тяжелыхъ многосложныхъ словъ въ родѣ: рукохудожествовать, адоплетенный, тельцолїанїе и др.—не свидѣтельствуемъ ли о стремленїи ученаго іеромонаха точно передать понятїя?

Итакъ, проповѣдь Еп. Славинецкаго не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, свойственныхъ проповѣди католическихъ риторовъ схоластиковъ и унижающихъ достоинство ея; но она не представляетъ еще тѣхъ край-

1) См. ст. Пѣвницкаго: Епифанїй Славинецкїй, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литературы въ XVII вѣкѣ, Труды Кїев. духов. акад., 1861 г. № 10, 140 стр.

2) Нероновъ писалъ о Славинецкомъ царю: «молимъ тя, иностранныхъ иноковъ, сресей родителей, въ совѣтъ не принимай».

постей, которыми изобилуютъ проповѣди другого предшественника Кар. Истомина на проповѣдническомъ поприщѣ, Симеона Полоцкаго.

На проповѣдяхъ послѣдняго особенно сильно отразились правила школьной риторики. Слѣдуя строго этимъ правиламъ, С. Полоцкій не стѣснялся выборомъ темъ для своихъ проповѣдей, заимствуя ихъ изъ евангелія, псалтыри и даже изъ церковныхъ пѣсенъ; при этомъ у него не всегда соблюдается строгая связь между темою и содержащемъ поученія. Въ каждомъ словѣ его обязательно встрѣчаемъ три части, при чемъ приступъ обыкновенно оканчивается приглашеніемъ слушателей быть внимательными. Самая обширная часть у него — паррація, потому что онъ стремится подробно и разносторонне представить содержаніе темы. При раскрытіи содержанія темы, Полоцкій употребляетъ всѣ выработанные риторикою приемы: тутъ встрѣчаются сравненія, противоположенія, символизмы. Для подкрѣпленія своихъ мыслей онъ ссылается на отцовъ церкви (І. Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита и др.), на писателей языческихъ (Платона, Аристотеля, Демосоена, Діодора Сицилійскаго и др.); встрѣчаются у него повѣствованія «исторіографовъ» (напримѣръ: о Периклѣ, Александрѣ Македонскомъ), міоологическія сказанія и вымыслы шиптовъ (наприм., о Сиренахъ, о царѣ Мидасѣ и пр. т. п.), равно какъ и рассказы естествословцевъ о львѣ, хамелеонѣ, орлѣ, кокоши, кораллѣ и пр. Но особенно рѣзко бросается въ глаза то, что онъ, при составленіи своихъ проповѣдей, пользовался католическими источниками: проповѣдями Ансельма Кентерберійскаго, Руперта Линкольскаго, іезуита Беллярмина, Вѣнскаго епископа Іоанна Фабера и др. Неудивительно поэтому, что многія проповѣди Полоцкаго безсодержательны и лишены чертъ времени: ихъ были чужды его католическіе источники, ихъ учили чуждаться и извѣстныя ему риторическія правила. Впрочемъ, многія слова двухъ его сборниковъ «Обѣда» и «Вечери» заключаютъ указанія на нѣкоторые пороки того времени (недостатокъ христіанскаго просвѣщенія, пьянство, сквернословіе и др.); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ раскрываетъ вопросы, составлявшіе насущную потребность того времени, напримѣръ, вопросы о воспитаніи, о суевѣрїи и о расколѣ. Но обо всемъ этомъ онъ говоритъ слишкомъ обще, слѣдуя, вѣроятно, такому правилу одной изъ Кіевскихъ риторикъ XVII вѣка: «пусть проповѣдникъ нападаетъ на пороки, но осторожно и чисто, особенно въ матерїи не совсѣмъ честной, чтобы не оскорбить испорченнаго слуха; не долженъ онъ открыто нападать на тѣ пороки, въ которыхъ самъ замѣченъ, чтобы кто-нибудь не возразилъ ему: «врачу, исцѣлися самъ». Можно только пожалѣть, что С. Полоцкій, находившійся, сравнительно съ Еп. Славинецкимъ, въ болѣе выгодномъ положеніи, не далъ болѣе яснаго указанія на пороки современнаго ему общества.

Огромные сборники его проповѣдей доказываютъ, что онъ писалъ ихъ, какъ пишутся упражненія на извѣстныя риторическія правила. Поэтому въ его проповѣдяхъ замѣчается недостатокъ той теплоты, того чувства, которое дѣйствуетъ на волю слушателя. Желая выдержать всѣ правила риторики въ своихъ проповѣдяхъ, онъ дѣлалъ ихъ непомерно длинными, чему подтвержденіемъ служитъ и печатаемое въ приложеніяхъ къ этой главѣ слово его на текстъ: «По днехъ шестихъ поять Иисусъ Петра и Иакова и Иоанна брата его, и возведе ихъ на гору високу едины, и преобразися предъ ними». Если прибавить къ сказанному множество полонизмовъ, латинизмовъ и другихъ барбаризмовъ, которыми богаты проповѣди его, то понятно будетъ, почему онѣ были настолько невразумительны для простыхъ людей, что потребовали себѣ популяризатора въ лицѣ Орловскаго священника, автора «Статира»¹⁾.

Если съ проповѣдями Еп. Славинецкаго и Сим. Полоцкаго сравнить слова Каріона Истомина, то нельзя не замѣтить, что о его проповѣди нельзя сказать ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что сказано о словахъ его предшественниковъ. Можно, пожалуй, сказать, что по раскрытію темы проповѣди Каріона вообще проще: нѣтъ въ нихъ ни стремленія найти непремѣнно сокровенный, таинственный смыслъ, ни накопленія символизмовъ, что такъ часто встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ Славинецкаго и Полоцкаго. Вотъ почему по объему проповѣди Истомина не обширны, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ объемъ печатаемыхъ въ приложеніяхъ словъ его, Славинецкаго и Полоцкаго. Въ построеніи проповѣдей онъ замѣтно подражалъ Полоцкому, такъ какъ считаетъ необходимымъ въ заключеніи приступа обратиться къ слушателямъ съ приглашеніемъ быть внимательными. Зато въ пользованіи источниками, въ раскрытіи темы онъ стоитъ ближе къ Еп. Славинецкому, такъ какъ рѣдко прибѣгаетъ для подкрѣпленія своихъ мыслей къ другому авторитету, кромѣ сочиненій отцовъ церкви и писаній апостольскихъ; а мнѳологическихъ сказаній и разказовъ естествословцевъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Вообще замѣтно, что проповѣди писаны К. Исто-

---

1) Все сказанное мною о проповѣди вообще и о проповѣдяхъ Еп. Славинецкаго и Сим. Полоцкаго составлено на основаніи слѣд. сочиненій: 1) «Русское проповѣдничество, историческій его обзоръ и взглядъ на современное его направленіе». Спб. 1871 года. 2) П. О. Николаевскій, «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ», Жур. Мин. Нар. Пр. 1868 г. №№ 2 и 4. 3) Н. Петровъ, «Изъ исторіи Гомилетики въ старой Кіевской Академіи», Труды Кіев. духовной Акад. 1866 г., № 1-й. 4) Л. Н. Майковъ, Очерки изъ Исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889 г. Ср. его же: Симеонъ Полоцкій, Древн. и Нов. Россія, 1875 г., т. 3. 5) В. Поповъ, Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ, Москва. 1886 года. 6) І. Татарскій, Сим. Полоцкій, М. 1886. О немъ же есть еще ст. г. Пѣвницкаго въ Православномъ Обозр., 1860 г., т. 3, и ст. Костомарова, Русская Исторія въ жизнеоп., т. V. 7) Пѣвницкій, Епифавій Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей русской духовной литературы въ XVII в. Труды Кіев. д. Ак. 1861 г., августъ и октябрь.

мнѣшимъ такъ, чтобы ихъ читать или произносить съ каедръ, о чемъ свидѣтельствуемъ и онъ самъ неоднократно¹⁾).

Фактическая сторона проповѣдей его богаче таковой же въ проповѣдяхъ Еп. Славинецкаго и непогимъ превосходитъ проповѣди Сим. Полоцкаго. Особенно выгодно выдѣляются панегирическія слова Каріона надъ таковыми же словами Полоцкаго: вмѣсто безцвѣтнаго набора громкихъ фразъ, которыми наполнены панегирическія проповѣди послѣдняго, Каріонъ въ словахъ этого рода развиваетъ историческій элементъ или же излагаетъ нравоучительный рассказъ изъ жизни того или другого святого. Таково слово въ день св. великомученика Никиты на т.: «Ищите прежде всего царствія Божія и правды его», гдѣ разсматривается жизнь этого святого, чтобы показать, какъ онъ искалъ царства Божія. Вообще изученіе проповѣдей Каріона Истомина, Еп. Славинецкаго и Сим. Полоцкаго приводитъ къ такому выводу. Живая дѣйствительность насильно врывается въ слова проповѣдниковъ XVII в., особенно конца его, и громко заявляетъ себя нарушеніемъ риторическихъ правилъ; но еще далеко было то время, когда Ѳ. Прокоповичъ далъ иное направленіе нашей проповѣди, сообщивъ ей характеръ современности и направивъ ее на разъясненіе окружающей дѣйствительности. Хотя въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ К. Истомина находимъ указанія на нѣкоторыя современныя событія, но эти указанія такъ блѣдны и несмѣлы, что рискованно было бы признавать прямую преемственность между нашимъ писателемъ и знаменитымъ помощникомъ Петра Великаго, Ѳ. Прокоповичемъ, какъ то было сдѣлано нами въ нашихъ статьяхъ о Каріонѣ.

Что касается языка проповѣдей Каріона, то онъ близокъ къ языку проповѣдей Еп. Славинецкаго, т. е. почти правильнѣй церковно-славянскій языкъ. Во всѣхъ прочитанныхъ нами словахъ его встрѣтился одинъ барбаризмъ—пирги (вм. башни) въ словѣ на т.: «Ищите прежде царствія Божія и правды его»; другихъ барбаризмовъ мы не замѣтили. Нѣтъ у Каріона и такихъ многосложныхъ и неудобопроизносимыхъ словъ, какими изобилуютъ проповѣди Еп. Славинецкаго. По синтаксическому строю рѣчь Каріона, подобно рѣчи Славинецкаго, проста и легка для пониманія. Въ этомъ отношеніи нашъ писатель далеко оставляетъ за собою С. Полоцкаго, который былъ мало доступенъ обыкновеннымъ людямъ, простецамъ. Впрочемъ,

---

1) Такъ, подъ словомъ въ день великомученицы Екатерины находимъ такую замѣтку: «Сего зрѣчз лѣта ноемвріа въ кѣг сіе слово начерно написася, и преписано, и чтено вверху въ церкви святыя Екатерины въ кѣд на литургии при государѣхъ царѣхъ». . . . Подъ словомъ на т.: «Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете» замѣчено: «писася зрѣчз лѣта мая въ бѣ числѣ и чтено въ соборнѣй церкви не единощи». И при многихъ другихъ проповѣдяхъ находимъ подобныя замѣтки.

плата дань своему времени, Каріонъ не чуждается такихъ вычурныхъ оборотовъ, какъ «сума воздержанія», «благолѣпный воздержанія поясъ», «богокованный цѣломудраго воздержанія гвоздь» и т. п. Такіе и подобныя обороты были украшеніемъ и неизбѣжною принадлежностію всякаго ораторскаго произведенія въ XVII вѣкѣ.

Кромѣ проповѣдей, къ духовно-нравственнымъ сочиненіямъ Кар. Истомина слѣдуетъ отнести еще нѣкоторыя сочиненія, между которыми по своему содержанію выдѣляется одно, озаглавленное г. А. Θ. Бычковымъ «Домострой»¹⁾. Сочиненіе это, равно какъ и другія, о которыхъ будетъ итти рѣчь ниже, отличаются отъ проповѣдей своею формою. Она у нихъ стихотворная. Поэтому намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о стихотворствѣ XVII столѣтія вообще и о стихотворствѣ Каріона въ частности. До послѣдняго времени въ нашей наукѣ держалось мнѣніе, что своимъ знакомствомъ съ наукою стихотворства Русь сѣверо-восточная всецѣло обязана Руси юго-западной. Такое мнѣніе недавно было заявлено и профессоромъ Петербургскаго университета А. И. Соболевскимъ²⁾. «Московскіе книжные люди», говоритъ онъ, — «познакомились со стихами, конечно, вскорѣ послѣ того, какъ юго-западно-русскіе поэты стали въ нихъ пробовать свои силы, но, повидимому, долгое время не придавали имъ особаго значенія и не были знакомы съ ихъ построеніемъ. Во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ до прибытія въ нее Симеона Полоцкаго и другихъ южно-русскихъ ученыхъ почти никто не занимался писаніемъ стихотвореній, за немногими исключеніями». Затѣмъ онъ называетъ два произведенія, въ которыхъ видитъ начало нашего силлабическаго стихотворства, — «Повѣсть о разореніи Московскаго государства» и «Посланіе къ нѣкому», написанныя до прибытія Сим. Полоцкаго въ Москву. По поводу статьи А. И. Соболевскаго высказалъ свое мнѣніе о томъ же академикъ Л. Н. Майковъ. Въ статьѣ «О началѣ русскихъ виршъ»³⁾ онъ опровергаетъ мнѣніе г. Соболевскаго и подобными фактами и примѣрами доказываетъ, «что первые опыты рифмованныхъ стиховъ явились у насъ, такъ сказать, сами собою и, во всякомъ случаѣ, не какъ подражаніе западно-русскимъ силлабическимъ стихамъ съ рифмами, да притомъ явились раньше, чѣмъ стали сочинять вирши западно- и южно-русскіе ученые». Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на стихотворные опыты трехъ литературныхъ дѣятелей, коренныхъ великороссовъ, Шаховскаго, Катырева и Насѣдки. Были и другіе писатели въ XVII ст., которые стремились къ украшенію «виршами» своихъ произведеній задолго до Симеона Полоцкаго.

1) Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи, 1862—63, вып. II, стр. 126.

2) «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка». Библиографъ, 1891 г., № 3—4.

3) Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 6-й, 443—53.

Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію Л. Н. Майкова, какъ обоснованному фактически и ясно объясняющему постепенную смѣну старыхъ литературныхъ традицій новыми, замѣтимъ, что Симеонъ Полоцкій не даромъ считается виновникомъ знакомства сѣверо-восточной Руси съ наукою стихотворства. Названные выше первые стихотворные опыты представляются явленіями исключительными въ литературѣ первой половины XVII столѣтія. Со времени же прибытія Симеона Полоцкаго въ Москву (въ 1663 г.) стихотворство является въ новой роли. Онъ сумѣлъ внушить любовь къ стихотворству не только Сильвестру Медвѣдеву, но и своему царственному ученику, царевичу Феодору Алексѣевичу. Самъ Полоцкій, какъ свидѣтельствуя два большіе сборника его стихотвореній («Римологіонъ» и «Вертоградъ Многоцвѣтный») и Псалтирь, сильно любилъ писать стихи. Эту любовь къ стихотворству внушила ему пройденная имъ школа. Пѣніе въ кругѣ наукъ въ Кіевской академіи занимала первое мѣсто въ восходящемъ порядкѣ наукъ — отъ низшихъ къ высшимъ. Она дѣлилась на общую и частную или прикладную. Стихотворство, въ качествѣ учебнаго упражненія, введено было въ кругъ предметовъ обученія въ Кіевской коллегіи по образцу школъ іезуитскихъ. Образцами, при упражненіи кіевскихъ ученыхъ въ стихотворствѣ, служили произведенія латинской средневѣковой поэзіи и польской, ей подражавшей. Поэтому форма и содержаніе стиховъ кіевскихъ ученыхъ напоминали форму и содержаніе произведеній средневѣковой латинской и польской литературы. Средневѣковая же латинская поэзія была разрабатываема, главнымъ образомъ, монашествующими и духовными лицами. Поэтому содержаніе ея составляли различныя благочестивыя размышленія, молитвенныя обращенія къ Богу, изложеніе христіанскихъ легендъ и т. д. Подобно тому польскіе пѣнны, а за ними и кіевскіе перелагали въ стихи церковныя пѣсни, переводили латинскіе религиозные гимны, писали хвалебныя оды, элегіи и другія стихотворенія на случай.

Что касается стиха, то средневѣковая латинская поэзія отчасти пользовалась стихомъ классическимъ, отчасти выработала свой, такъ называемый *забавный* или *куріозный* стихъ. Черезъ польскія пѣнны такое же строеніе стиха перешло и въ кіевскія руководства къ стихотворству. Такъ, въ кіевскихъ пѣнникахъ находимъ заимствованное изъ пѣнитическихъ классическихъ руководствъ понятіе о родахъ стиховъ (исчислявалось до одиннадцати родовъ: героическіе, буколическіе, гораціанскіе и др. стихи), о цезурѣ; но въ то же время въ нихъ встрѣчаемъ и стихъ забавный или куріозный. Къ видамъ послѣдняго относили: 1) стихъ каббалистическій, составленный изъ буквъ, имѣющихъ арифметическое значеніе (стоитъ сложить соотвѣтствующія этимъ буквамъ цифры — и получится тотъ годъ,

какой хотѣлъ обозначить писатель); 2) раковидный, который можно читать и отъ лѣвой руки къ правой и обратно, въ родѣ —

Анна ми мати, и та ми манна. . . ;

3) леонинскій, когда въ срединѣ и концѣ стиха повторялись одни и тѣ же равнозвучные слоги, напримѣръ:

«Сїю ти малую	книжицу дарую,
Февроніе панно!	Изволь непрестанно
За всеѣхъ мольбу многу	приносити Богу». . .

4) наконецъ—акростихъ въ разныхъ его видахъ. Польскій, а за нимъ и русскій стихъ удержалъ изъ латинскаго классическаго стиха — количество слоговъ въ стихѣ, цезуру, строфы, мужской стихъ и женскій; а изъ стиха куріознаго — леонинскаго — рѣмому. Количество слоговъ въ польско-русскомъ стихѣ было различное, какъ и въ латинскомъ классическомъ стихѣ. Объ этомъ такъ учить одна изъ пѣтичекъ начала XVIII столѣтїя: «. . . польскіе и славянскіе поэты могутъ писать по произволу 13, 12, 9, 8, 7, 6 и 5-ти сложныя стихи, перемѣшивая одни съ другими; но только нужно наблюдать, чтобы въ стихахъ польскихъ 13-сложныхъ была цезура, т. е. тамъ, гдѣ оканчивается седьмой слогъ, вмѣстѣ съ нимъ должно оканчиваться и реченіе, и послѣ того, какъ бы начиная новый стихъ, поэтъ долженъ вести его до седьмого слога, который называется окончаніемъ или упадающимъ»¹⁾).

Хотя Каріонъ Истоминоу не оставилъ сборника стихотвореній, въ родѣ Симеоновыхъ «Рѣмологіона» и «Вертограда», однако любилъ писать стихи, что видно изъ большого количества стихотворныхъ произведеній, разсѣянныхъ въ Сборникахъ Чудовской библіотеки. Началъ онъ писать стихи рано, когда еще не прошелъ правильной школы. Поэтому можно предположить, что онъ или успѣлъ ознакомиться съ тайнами пѣтики отъ своего родственника и земляка, придворнаго стихотворца С. Медвѣдева²⁾ или же писалъ стихи безъ правилъ, подражая стихотвореніямъ Сим. Полоцкаго и соревнуя С. Медвѣдеву. Съ поступленіемъ его въ славяно-греко-латинскую академію, эта модная въ XVII вѣкѣ страсть къ стихотворству должна была получить большее развитіе, такъ какъ въ послѣдней въ числѣ другихъ предметовъ

1) Петровъ, О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятїяхъ въ Кїевской академіи отъ начала ея до преобразованїя въ 1819 году. Труды Кїев. духов. акад. 1866 года, июль, 325 стр.

2) См. П. Соколова, Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Московской Заиконоспасской школы, Читенїя въ Общ. любит. духов. проев., 1886 г., № 6.

обученія значилась и піитика¹⁾). Какъ бы то ни было, по разсмотрѣніе многочисленныхъ плодовъ стихотворческой дѣятельности Каріона приводятъ къ заключенію, что онъ въ совершенствѣ овладѣлъ наукою писать вирши, не требовавшія отъ автора поэтическаго таланта. Мало того, имѣется прямое указаніе на то, что онъ зналъ теорію стихотворства настолько, что могъ предложить ее другимъ для усвоенія. Свидѣтельство это находимъ въ «Малой грамматикѣ» Истомина. Здѣсь читаемъ, между прочимъ: «Второе, о удареніи гласа: сирѣчь о просодіахъ. и о числѣ ихъ, и о сихъ кратцѣ дерзаемъ глѣти. *Пространнѣйшии же, до поэтики оставляемъ*: понеже тамо учить о стихомѣрствіи сирѣчь виршовъ достолѣбно и чиновнѣ писати: и како долгое и краткое знати: и двоявременная²⁾». . . Подчеркнутыя слова ясно указываютъ, что Каріонъ имѣлъ въ виду написать піитику, слѣдовательно имѣлъ основательныя познанія въ ней, Исполнилъ ли онъ свое предположеніе—трудно сказать съ достовѣрностію; до сихъ поръ не отыскано ни одной рукописи, содержащей піитику Каріона. Въ слѣдующей главѣ, при разсмотрѣніи «Малой грамматики» Каріона, мы увидимъ, что онъ придерживался грамматики Мелетія Смотрицкаго. Весьма возможно, что и въ своей піитикѣ (если только она была написана) Каріонъ слѣдовалъ той части грамматики Мелетія Смотрицкаго, которая озаглавлена въ изданіи 1648 года: «Сѣ просодіи стихотворной». Впрочемъ, въ виду того, что свои стихотворенія Каріонъ писалъ размѣромъ виршъ, слѣдуетъ предположить, что въ своей піитикѣ онъ далъ бы иную теорію стихосложенія, чѣмъ теорія Мелетія Смотрицкаго, представляющая пересадку греческой схематизаціи на славяно-русскую почву³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ

1) См. Смѣловскаго, «Братья Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школь», Жур. Мин. Нар. Пр., 1845 г., № 2 и 3; С. Смирнова, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, 1855 года.

2) Рукоп. Имп. Эрмитажа, № 89, л. 46.

3) Для интересующихся представимъ нѣсколько выписокъ изъ вышеназванной четвертой части грамматики М. Смотрицкаго по Московскому изданію 1648 года. Об. л. тѣа глава: «Како в познаніе стихотворенія прійти можемъ». «Стихъ состоитъ ногами. нога слогами. слози стихіями, или писмены. за еже познаніемъ писмень, слогъ, и ногъ, во стихотворенія познаніе приидемъ. и о писменехъ убо и слогахъ во ореографіи довольнѣе: здѣ же о количествѣ слогъ; о ногъ собствѣ». . . Далѣе слѣдуетъ раздѣленіе гласныхъ на долгіе, краткіе и двоявременные. Об. л. тѣв: «О слогъ количествѣ». «Количество есть, слога мѣра краткая, или долгая по времени: еже сокращеніе или протяженіе гласнаго, либо слога быти рѣхомъ.

Краткая мѣра есть, яже единѣмъ временемъ состоитъ: ея же начертаніе есть сицево. √. Долгая есть, яже двома временомъ состоитъ, аки двома краткими состоящая. ея же начертаніе. — . Об. л. тѣг: «О познаніи количества слогъ». «Слогъ количество славяном познаваемо будет, естествомъ писмень: положеніемъ: приращеніемъ: и окончаніемъ». . . Далѣе излагаются правила, какія писмена долгія и какія краткія: «. . . глѣмъ писмена самогласная естествомъ краткая быти, е, и, о. Двогласная естествомъ краткая, ей, и, ой. Писмена самогласная естествомъ долгая, и, ъ, и, ѡ: двогласная естествомъ долгая, свойственная: оу, ѡ, е,

собою стихотворенія Каріона? По содержанію его стихотворныя произведенія весьма разнообразны: тутъ встрѣчаются акаѳисты, молебны, молитвы, привѣтствія въ праздничные дни, поздравленія, хвалебныя оды на разныя радостныя событія изъ жизни царскаго семейства, надписи къ иконамъ и т. п. Форма его стихотвореній не менѣе разнообразна, чѣмъ и содержаніе. Такъ, въ разсужденіи количества слоговъ, онъ, очевидно, придерживался вышеприведеннаго правила изъ пѣнтики начала XVIII ст., потому что у него встрѣчаются стихи 8-ми сложные съ римою мужскою и женскою, при чемъ римаются рядомъ стоящія стихотворныя строчки, напримѣръ:

«Богъ благъ милость си являетъ,
 Благо, царю, ти вѣщаетъ.
 Азъ есмь алфа и омега,
 Храняй людъ отъ злобна брега.
 Начало же есть и конецъ,
 Дахъ ти, Петре, царскій вѣнецъ¹⁾» . .

Есть у него стихи 11-ти сложные, напримѣръ:

«Егда же в мірѣ мудрости не баше,
 Незнанія тма весь люд помрачаше.

ъ, ѡ. Несвойственная естествомъ долгая. *ий, нй, вй, оуѣ, сѣ, мѣ, ей, юѣ, ѡѣ, ай*... Об. л. тѣ: «О степенехъ стихотворныя мѣры» читаемъ: «Степень есть мѣра извѣстная въ количествѣ слогъ блюдомая, или степень есть мѣрительное слогъ состоявіе». «О числѣ степеней»: «Многихъ и различныхъ родъ стиховъ дѣля, сутъ двадцати и четыремъ степенемъ числимымъ, избравши ихъ суть (л. гѣм) двадцать и осмъ: двосложнии четири. тресложныхъ осмъ. чetyресложныхъ шесть надесять. и сія мы третіяго чина степени оставляемъ, яко мнѣ славянъ употребленію служащыя». «Двосложнии»: Спондей (— —: яко, чистын, любви. Пуррѣхій) ∪ ∪: яко, небо, море. Трохей (— ∪: яко, сердце, тѣло. Іамвь (∪ —: яко, корысть, время. «Тресложнии»: Дактуль, — ∪ ∪: яко, бѣліе, чѣрпало. Анапестъ, ∪ ∪ —: яко, неплоды, ходатай. Амфіврахъѣ, ∪ — ∪: яко, точило, вретѣще. Амфімакръ, — ∪ —: яко, рукоятъ, любовѣй. Вакхій, ∪ — —: яко, великій, клеветникъ. Палимвакхій, — — ∪: яко, пиршество, нырище, (об. л. гѣм). Триврахій, ∪ ∪ ∪: яко, буеніе, зеліе. Тримакръ, — — —: яко, истинный, различный».

«О стисѣ, или, вѣршу»: «Стихъ есть, правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе».

«Когдаки суть стиховъ роды»: «Единъ надесяте роды суть стиховъ. мы же здѣ о седми изряднѣйшихъ сказаавіе предложимъ, иже суть, еѣаметеръ, или, иройскій: пентаметеръ, или, елегійскій: Іамвійскій: Сафійскій: фалеувскій, или, единъ надесятосложный. Глуконскій. Хорамвійскій. асклипатскій». О родѣ стиха елегійскаго читаемъ: «Елегійскій стихъ, выну мало иройскому припряжемый пятьма степенями (об. л. тѣа) состоитъ. ихъ же перва два дактулей заемлютъ или спондіе. припряжну има слогу долгу полустепень нарицаему. прочія два присно дактуле, имаже яко и первыма двома степенема припряжеться слогъ, полустепень рекомый, сопредидущимъ пятый составляющъ степень: яко, истивныи даждъ ми присву иісе любовь» . . .

1) «Книга вразумленіе», Сбор. Чуд. библ. № 301, л. 174.

Не смыслиша бо Бѣа разумѣти,
Тѣм на прелести вдашася смотрѣти¹⁾»...

Любилъ онъ писать и Леонинскими стихами, т. е. раздѣлялъ стихъ на два полустихія, при чемъ эти полустихія риюются. Произведеній, написанныхъ такими стихами, у него очень много, точно леонинскіе стихи были любимѣйшими его стихами. Вотъ одинъ примѣръ:

Всероссійска людіе народа   благочестива православна хода,
Чинъ церкви святы держите усердно   се преданіе зѣло есть потребно²⁾»...

Есть у него и акrostихъ; всего извѣстно два акrostиха: одинъ находится при «Большомъ букварѣ», изданномъ въ 1696 году въ Москвѣ, и раскрываетъ имя составителя букваря (напечатанъ въ кн. г. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 172); другой же найденъ нами въ бумагахъ Каріона и приводится здѣсь въ полномъ видѣ:

Аминь буди слова
Любовь чиста права
Единому Бѣу
Жебѣ вслогахъ многу.
Израиль нелестный
Избранный и честный
Царевъ сынъ царевичъ
Радуйся блаженно
Емли жизнь спасенно
Въ господѣ изрядствуй
Извѣстно отрадствуй
Человѣкомъ вползѣ.
Въ златыхъ лѣтахъ долзѣ.
Бзди умнѣ въ книгахъ
Чти мудрость въ веригахъ
Носитъ она златы.
Общитъ в любовь браты
Жити спео благо
Имство всѣмъ предрого
Взрасти тя Бѣвъ въ славѣ
Имѣти ю здравѣ³⁾»).

1) Изъ стихотв. царевнѣ Софін, Сбор. Чуд. библ. № 301, об. л. 3.

2) Стихи на раскольниковъ, Сбор. Чуд. библ. № 301, л. 276.

3) Сбор. Чуд. библ. № 300, об. л. 264.

Стоящія въ началѣ прописныя буквы образуютъ: «Алезіа царевич вѣчно живи».

Приведенное стихотвореніе подходитъ къ тоническому размѣру; есть и другія стихотворенія, подходящія къ тому же размѣру. Къ таковымъ мы относимъ тѣ стихотворенія, у которыхъ стихъ раздѣленъ на три или четыре части, въ родѣ:

«Преславному чуду явльшуся всюду всякъ прпсмотрися Бгѹ дивися.
Како незримый всѣми любимый Іис Христос въ плоти днес
возрос»¹⁾ . . .

Возвращаясь послѣ сказаннаго къ упомянутому выше «Домострою», мы должны сказать, что все это произведеніе состоитъ изъ 14-ти строфъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ 6 стиховъ, раздѣленныхъ на два полустишія, съ римами въ концѣ полустишія, по 11 слоговъ въ каждомъ полустишіи. Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе этихъ строфъ. Въ 1-й авторъ обращается къ дѣтямъ съ увѣщаніемъ имѣть благій нравъ и учиться; если же кто изъ нихъ будетъ лѣниться и безчинствовать, того необходимо наказывать («бити»), чтобы «измлада не навикла та душа всякой срамоты и духовнаго яда». Со второй строфы начинается предписаніе, какъ дѣти должны проводить день. Вставъ отъ сна и читая молитву, необходимо чисто умыться, причесать волосы, помыть уста, поклониться родителямъ и привѣтствовать ласково всѣхъ домашнихъ. Кто (мальчикъ или дѣвочка) этого не исполнитъ, тотъ долженъ подвергнуться или 7 ударамъ, или 30 (л̄) поклонамъ. Третья строфа говоритъ о тѣхъ дѣвахъ и отрокахъ, которые должны служить: они обязаны подать господину воду и другія принадлежности туалета XVII в., приготовить одежду и прибрать въ комнатахъ. Виновный получить или 5 ударовъ, или 20 (к̄) поклоновъ. Четвертая строфа поучаетъ всякаго приниматься за свое дѣло и исполнять его честно, не грѣша противъ Бога. Не поступающаго такъ ожидаютъ 10 ударовъ или 50 (н̄) поклоновъ.

Строфа 5-ая говоритъ о поведеніи внѣ дома. Если кому-либо (господину ли, рабу ли, госпожѣ или рабынѣ) придется по дѣламъ выйти изъ дому, то надлежитъ совершать свой путь, «очей не раскипя», не махая руками и не прыская ногами; «срѣлся кто знаемъ, поклонися, дѣло, отвѣтъ взявъ, въ домъ скоро вратися». Виновному — 7 ударовъ хворостиною или 40 поклоновъ.

Въ 6, 7 и 8 строфахъ рѣчь идетъ объ обѣдѣ. Когда наступитъ часъ обѣда, необходимо все приготовить во-время; посуда должна быть чисто

1) Стихи поздравительные на Рожд. Хр. Сбор. Чуд. библ. № 300, л. 70.

вымыта, ножи и вилки разложены. Передъ началомъ ѣды надо помолиться Богу; ѣсть слѣдуетъ «по-малу» и не надо отягощаться яствами и питіемъ; сидѣть за столомъ слѣдуетъ чинно: не облакачиваться на столъ руками и не колыхать подъ столомъ ногами; не слѣдуетъ упиваться за обѣдомъ и бросать на полъ кости и куски. Послѣ обѣда необходимо убрать посуду и положить ее въ опредѣленномъ мѣстѣ, чтобы легко найти ее, когда понадобится къ ужину.

Строфа 9-ая совѣтуетъ продолжать день за полезнымъ дѣломъ или пойти въ церковь. Въ 10-й строфѣ рѣчь идетъ о вечерѣ: при наступленіи его, необходимо зажечь свѣчи, подать ужинъ, приготовить постель.

Строфа 11-ая предписываетъ: исправя во всемъ указную службу, не надо ходить со двора въ «неподобну дружбу», лучше ложиться спать, при чемъ сонъ не долженъ продолжаться больше 6-ти часовъ.

Въ 12-й строфѣ предписывается дѣтямъ не утирать носъ шапками, не повергать своей мокроты предъ посторонними, прикрывать въ постели срамные уды и спать на бокахъ.

Въ 13-й строфѣ перечисляются дозволенные для дѣтей игры: мячъ, кубарь, городки; запрещаются кости, карты, брань и драки.

Въ послѣдней 14-й строфѣ Каріонъ говоритъ:

Наук изрядством Каріон дѣти вся	впріятность іеромонах и старым го-
	ворить.
дарит	
Истомин чтоб благоумни всѣ того	науку и страх вдолжности имѣли.
смотрѣли	
Удареній кто дати не восхоцеть	винный поклоны творя да неропцеть.
Душеспасенно всѣмъ обученіе	в домовом ратном дѣлѣ строеніе
Измлада бо кто сего научится	разумна суца бити не годится.
Впротивность смысла людем война	в Бзѣ надежда безстрастіемъ стати ¹⁾ .
рати	

Познакомившись съ содержаніемъ разсматриваемаго произведенія, легко рѣшить вопросъ, какъ его лучше и болѣе точно назвать. Г. Бычковъ назвалъ его «Домостроемъ», очевидно, принимая за вполне оконченное произведеніе. Но какъ видимъ, содержаніе его не обнимаетъ всей жизни современнаго автору общества, что ясно при самомъ поверхностномъ сопоставленіи содержанія «Домостроя» XVI в. (попа Сильвестра) съ содержаніемъ сочиненія Каріона Истомина. Такъ какъ здѣсь исключительно говорится о дѣтяхъ, то едва ли не лучше было бы назвать это сочиненіе *главою* изъ «Домостроя» XVII вѣка — о дѣтяхъ. Впрочемъ, въ бумагахъ Каріона

1) Сбор. Чуд. библ. № 302, л. 49 об. л. 50.

находимъ, повидимому, заглавіе этого сочиненїа. Въ Сбор. Чуд. библ. (№ 300, л. 413) читаемъ: «Книга писменъ по азбукѣ во ученїе зрѣнїа вразумительнаго члѣком юнымъ. Како от небытїа в бытность пришедшу жити достойно: сочини іеромонахъ Карїонъ Истоминъ в Москвѣ градѣ ^ѣзд лѣта мѣа Септемвріа». Дальше въ сборникѣ нѣтъ ничего подходящаго по содержанию своему къ указанному заглавію. Весьма возможно, что за нимъ слѣдовало разсматриваемое сочиненїе, которое при переплетѣ тетрадей Карїона очутилось въ Сборникѣ № 302. Что касается содержания, то названное сочиненїе вполне отвѣчаетъ выписанному выше заглавію. Оно содержитъ наставленїа дѣтямъ, какъ себя вести, подобно такимъ сочиненїямъ, какъ Юности честное Зерцало или Показанїе къ житейскому обхожденїю и т. п. Такія книги предназначались для дѣтей («во ученїе зрѣнїа вразумительнаго члѣком юнымъ»); читались онѣ послѣ изученїа азбуки, т. е. съ того времени, какъ научались дѣти грамотѣ («Книга писменъ по азбукѣ», т. е. книга писменъ, *послѣ азбуки* предлагаемая...); читались онѣ, чтобы сообщить дѣтямъ правила свѣтскаго приличїа («како от небытїа в бытность пришедшу жити достойно...»). Наконецъ, не прїяетствуемъ относить выписанное заглавіе къ сочиненїю Карїона и время написанїа: и то и другое написаны въ одинъ годъ, 1696-й; разница только въ мѣсяцахъ, что и весьма понятно. По счету Карїона, заглавіе написано въ сентябрѣ 1696 года (по-нашему — 1695 года), а сочиненїе окончено въ январѣ того же 1696 года (такъ и по нашему счету). Въ силу всего сказаннаго мы склонны считать выписанныя выше слова за заглавіе разсматриваемаго сочиненїа, которое г. Бычковъ назвалъ «Домострой».

Само собою разумѣется, что Карїонъ, рисуя предъ читателемъ *идеальное* препровожденїе для дѣтїи (дѣвцами и юношами), тѣмъ самымъ вводитъ его въ семейную сферу и показываетъ будничную обстановку русскаго человѣка конца XVII столѣтїа. Если бы мы изъ другихъ источниковъ ничего не знали о нравахъ того времени и бытѣ, то и тогда живость парисованныхъ бытовыхъ подробностей неизбѣжно убѣдила бы насъ, что эти подробности не сочинены авторомъ, а выхвачены изъ дѣйствительной жизни. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами, достаточно сравнить нѣсколько строкъ изъ разбираемаго сочиненїа Карїона съ нѣкоторыми мѣстами книги г. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтїяхъ».

Карїонъ Истоминъ:

Отъ сна скоро вставъ, яко сотворенный
Бога помяни, яко въ то вчиненный.

Костомаровъ:

«Вставая отъ сна, русскїй тотчасъ
искалъ глазами образа, чтобы перекреститься и взглянуть на него; сдѣ-

Крестъ святъ образуй на себѣ рукою
Моли же и зри творца предъ тобою.
Елико мощно держи умъ и мысли
Суеть и соблазнъ въ то время не

числи.

Съ молитвою же умыйся, одѣйся,
Главу почесавъ, мый уста, не смѣйся.

И родителемъ чинно поклонися
Пріятствомъ ко всѣмъ въ дому же
явися» . . .

Воду, платенцо, лахавъ же и мыло
Умыти лице неси чистою было . . .

лать крестное знаменіе считалось
приличнѣе, смотря на образъ... Тотъ
часъ, если нужно было, послѣ оста-
вленія постели надѣвалось бѣлье и
начиналось умыванье; зажиточные
люди мылись мыломъ и розовой во-
дой». . . (93 стр.).

Домовладыкамъ когда часъ обѣда
Служащымъ блюсти чиннаго въ немъ

слѣда.

Осмотрѣти столъ, скатерть бѣлу
слати,

Хлѣбъ, соль и лжицы, толери со-
брати.

Ножи и вилки сплаты разложить,

Воды принести руки долѣ измыти.

Ястіе стави на столъ благочинно

Сосуды чисты имѣй неповинно.

Стакляницы чаши съ питіемъ готовы

Смотри давати господскими словы . . .

«Тарелки, называемыя торели, не
были въ повсемѣстномъ употребле-
ніи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ
гостями, не перемѣнялись во все про-

долженіе обѣда. . . Ложки у бога-
тыхъ дѣлались серебряныя позоло-
ченныя съ фигурою на концѣ ру-
коятки и съ надписью кому принадле-
жить. Ножи въ богатыхъ домахъ
оправлялись золотомъ и серебромъ
съ драгоценными камнями: ихъ не
подавали гостямъ, потому что ку-
шанье предлагалось уже разрѣзан-
ное. Вилки были двузубыя. . . Сал-

фетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ («платъ»?) или краемъ
скатерти (57 стр.).

Появленіе такихъ сочиненій, какъ «Стоглавъ», «Домострой» и имъ по-
добныхъ, по справедливому замѣчанію г. Забѣлина¹⁾, обусловливается
потребностію всенароднаго нравственнаго очищенія.

Если въ XVI ст. лучшіе русскіе люди стремились исправить упавшее
въ религіозно-нравственномъ отношеніи русское общество, то тѣмъ больше
нужно было ждать этого отъ лучшихъ людей XVII ст., когда приливъ съ

1) Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст., ч. I, Москва, 1872 г., стр. 451.

Запада просвѣтительныхъ идей постепенно усиливался, слѣдовательно, все сильнѣе и сильнѣе ощущалось сознание собственнаго нестроенїа.

Возникнувъ изъ одной и той же потребности, сочиненїе Карїона имѣеть много общаго съ «Домостроемъ» XVI вѣка¹⁾, но въ то же время оно существенно отличается отъ этого послѣдняго. Если авторъ «Домостроя» XVI в. ищетъ спасенїа и обновленїа въ прошломъ, съ надеждою обращаетъ свои взоры къ старому, то Карїонъ Истоминъ избралъ другой единственно правильный путь для достиженїа желаемой цѣли. Онъ понялъ, что залогъ лучшаго будущаго — въ подростящемъ поколѣнїи, которое легче направить къ лучшему новому, чѣмъ заставить старое переродить и передѣлать себя. Понималъ онъ ясно и то, что единственнымъ и могущественнымъ средствомъ, при помощи котораго можно направить молодое поколѣнїе къ лучшему новому, является просвѣщенїе. Вотъ почему, обращаясь къ «юнымъ дѣтямъ» (дѣвамъ и отрокамъ), онъ горячо убѣждаетъ ихъ учиться, вмѣняетъ имъ ученїе въ долгъ. Не забываетъ онъ внушить имъ и любовь къ Богу, и вѣру въ Него, ибо знаетъ, что безъ этой любви и вѣры невозможно нравственное перерожденїе человѣка. Такова, по нашему разумѣнїю, основная цѣль, которую могъ преслѣдовать авторъ, принимаясь писать разсматриваемое произведенїе. Не даромъ онъ въ заключительной строфѣ желаетъ, чтобы всѣ «науку и страхъ въ должности имѣли».

1) Для образца приводимъ параллельно мѣста сходныя.

Сочиненїе Кар. Истомина:

Неправду быти юну подобаетъ
всякій приличну дѣлу да внимаеть
вдомѣ и вторгу ввотчинѣ вприказѣ
ремесло свое твори во указѣ.
лицемъ и сердцемъ являютя благо
никтоже довай знати всебѣ злаго.
но повсемъ буди честность показуя
не произноси скверна слова буя» . . .

Домострой XVI в.:

«Въ домовитомъ обиходѣ и вездѣ, всякому
человѣку, государю или государыни, или сыну
или дочери, или служкѣ мужеска пола и женъ-
ска, и стару и малу, всякое дѣло начати и
рукодѣлничати, или ѣсти или пити, или ѣства
варити, или печѣ што» . . .

Ити по пути кому гдѣ належитъ
во убранїи всякъ чинъ свой да держитъ.
Господинъ и рабъ, госпожа, рабыня
ходъ свой сотвори чей не раскиня.
Руками не машь не прыскай ногами
не забавляйся гдѣ ждуть тя часами.
Срѣлся кто знаеть честенъ поклонися
дѣло, отвѣтъ взявъ въ домъ скоро вратися.
И что несещи блюда то сохранно
да небалствомъ ти не будетъ поправно.

. . . «и, какъ впускать, ино, въ ту пору, носа
не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать;
вѣжливенько стоять и на сторону не смотреть,
да что наказано, то исправить; а о иномъ ни
о чемъ не бесѣдовать, да борзее къ себѣ по-
ити» . . . (Цитую по Историч. Хр. Буслаева,
1861 года).

Есть сходство между главою Домостроя: «Какъ избная порядня устроити хорошо и чисто» и 6-ю строфою сочиненїа Карїона.

Иной вопросъ, какими средствами надѣялся Каріонъ заставить своихъ слушателей слѣдовать внушаемымъ наставленіямъ. Здѣсь рядомъ съ стариннымъ, испытаннымъ и даже вослѣдственнымъ въ стихахъ средствомъ — удареніями, ранами, язвами — встрѣчаемъ болѣе мягкое — поклоны. Для насъ особенно цѣнною является оговорка Истомина:

«Удареній кто дати не восхоцетъ,
Винный, поклоны творя, да перопщеть».

Ее сдѣлалъ онъ, очевидно, для тѣхъ родителей, которые не пожелаютъ «давать раны» своимъ провинившимся дѣтямъ. Въ этой оговоркѣ, хоть и сказанной мимоходомъ, нельзя не видѣть «знаменія времени». Еще недавно въ основу отношеній родителей къ дѣтямъ полагалось суровое правило: «Любя же сына своего, учащай ему раны. . . Казни сына своего отъ юности его. . . И не ослабляй бия младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ». . . Это правило въ полной силѣ существовало и въ вѣкъ Каріона, почему и онъ для виновныхъ въ неисполненіи предписываемыхъ имъ правилъ назначаетъ «ударенія»; но видно, подъ вліяніемъ идущихъ съ юга западныхъ идей нравы настолько смягчились, что онъ рѣшился взамѣнъ *удареній* предложить *поклоны*. Пусть немного было такихъ родителей, которые прибѣгали къ болѣе мягкому наказанію; пусть приведенное выше правило о сокрушеніи реберъ дѣтямъ настолько было сильно во время Каріона, что онъ, при перепискѣ и исправленіи своего сочиненія въ 1700 году¹⁾, не рѣшился сдѣлать приписку, что вмѣсто «удареній» можно наказывать «поклонами»; для насъ важно, что *не ось* родители держались такого мнѣнія и правила, что были родители, для которыхъ Каріонъ долженъ былъ сдѣлать оговорку, что эта оговорка сдѣлана на основаніи указаній и требованій современной дѣйствительности. Послѣднее обстоятельство еще разъ свидѣтельствуетъ о чуткости нашего писателя и объ его замѣчательной отзывчивости на требованія времени. Стало быть, вирши его не одинъ тяжелый, ничего не выражающій наборъ словъ и вычурныхъ фразъ; стало быть, въ своихъ силлабическихъ стихахъ онъ сумѣлъ отозваться и дать посильный отвѣтъ на разные современные, подчасъ очень жгучіе, вопросы. Нельзя не обратить также вниманіе на то, что онъ рядомъ съ умственнымъ развитіемъ дѣтей ставитъ и физическое, говоря:

Но и возрастнымъ юнымъ пазпрати,
ради отрады дать время играти.
Игра же дѣтемъ приличная буди,

1) См. Бычковъ, Лѣтопись занятій Арх. ком. 1862—63, вып. II.

да не вредятся очи ихъ и груди.
 Мечикъ и кубарь, города и клѣтки,
 бѣгають, плетуть, ловятъ, мешуть сѣтки» . . .

Въ этомъ случаѣ правило Каріона можетъ быть поучительнымъ и для нашего времени, когда въ погонѣ за разнаго рода знанїями забыли о физическомъ развитїи дѣтей. Выгодно отличаясь указанными сторонами отъ «Домостроя» XVI вѣка, разбираемое сочиненїе не менѣе выгодно выдѣляется и среди сочиненїй, излагающихъ свѣтскїя приличїя. Нѣкоторыми своими правилами (напр., о сохраненїи въ чистотѣ рта, объ утиранїи носа платкомъ, а не шапками, о приличномъ поведенїи за столомъ и т. п.) сочиненїе Каріона подходит къ такимъ произведенїямъ, какъ Юности честное Зерцало или показанїе къ житейскому обхожденїю, собранное отъ разныхъ авторовъ (1717 г.) и Истинный другъ духовнаго юноши. Подобно «Зерцалу», его можно даже считать додаткомъ къ «Букварю», о которомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ¹⁾. Къ чести нашего писателя должно замѣтить, что у него нѣтъ того формализма и стѣсненїя, которыми отличается «Юности честное Зерцало» и особенно «Истинный другъ духовнаго юноши (что указано г. Аванасьевымъ), гдѣ проповѣдывается даже Молчалинская мораль, въ родѣ: «Если начальникъ станетъ говорить съ тобою (въ обществѣ), то слушай и отвѣчай ему стоя, пока не позволитъ тебѣ сѣсть. Съ высшими говори голосомъ нѣсколько ниже, чѣмъ какъ они говорятъ, и никогда не оспаривай ихъ мнѣнїй, хотя бы онѣ были противны твоимъ убѣжденїямъ». Въ этомъ случаѣ выше стояло «Юности честное Зерцало», гдѣ совѣтовалось: «ежели чье мнѣнїе достойно и годно, то похвалять, и въ томъ соглашаться; а ежели въ чемъ оспорить можно, то учинить съ учтливостїю и вѣжливыми словами и дать свое разсужденїе». Ничего подобнаго, къ счастью для того поколѣнїя, къ которому обращался Каріонъ, не находимъ мы въ разсмотрѣнномъ его сочиненїи. Такимъ же религіозно-правственнымъ направленїемъ отличается одно большое произведенїе Истомина, подъ заглавїемъ: «Едемъ сіестъ сладость прохладжающая и вразумляющая челоуѣка зрѣшемъ духовнымъ, и извѣстно сотворенїе и спасенїе людемъ въ иконахъ, знанїе въ стихописанїи творить». Сочиненїе это написано въ поябрѣ 1693 года (по нашему счету) и поднесено царевичу Алексѣю Петровичу. Оно состоитъ изъ 38 строфъ и заключенїя, причемъ каждая строфа состоитъ изъ 6-ти силлабическихъ стиховъ, раздѣленныхъ (четыре первые) на два полустишїя, по однадцати слоговъ въ каждомъ полустишїи²⁾. Два заклю-

1) О зеркалѣ см. Пекарскїй, Наука и литер. при П. В., I т., 178 стр. и II т.; ст. Аванасьева, «Школа свѣтскихъ приличїй», Атеней, 1858 г., № 34, стр. 441—449.

2) Исключенїе представляютъ — 2, 18, 19, 36 и 38 — строфы, которыя состоятъ изъ семи стиховъ: $\frac{5}{2}$ + 2 заключительные.

чительные стиха, по одиннадцати слоговъ въ каждомъ, написаны не рядомъ съ четырьмя первыми, а подъ ними¹⁾. Заключение состоитъ изъ трехъ стиховъ, раздѣленныхъ на два полустішия, по 8-ми слоговъ въ каждомъ полустішии, съ присоединеніемъ въ концѣ прииѣва. Какъ въ каждой строчкѣ, такъ и въ заключеніи полустішия римоются. Такова внѣшняя форма разсматриваемаго произведенія.

Что касается содержанія «Едема», то вотъ оно въ немногихъ словахъ. Въ 1-й строчкѣ, составляющей какъ бы вступленіе, заключается мысль, что «умная душа» почиетъ въ Христѣ тогда, когда «поучится въ мудрости, наукъ знанствомъ просвѣтитяся»; въ одной мудрости всякъ обрящетъ путь спасенія. Затѣмъ во 2-й строчкѣ говорится о грѣхопадении первыхъ людей; въ 3-й — о рожденіи Дѣвы Маріи; въ 4-й — о пребываніи Ея во храмѣ; въ 5-й — о благовѣстїи архангела Гавріила; въ 6-й — о томъ, что Дѣва поучается въ храмѣ закону; въ 7-й — о рожденіи І. Христа; въ 8-й — о бѣгствѣ Маріи въ Египеть; въ 9-й — о качаніи Марією Христа въ колыбели; въ 10-й — о срѣтеніи Симеономъ Христа въ храмѣ; въ 11-й — о прогулкѣ Маріи съ Иисусомъ въ саду; въ 12-й — объ играхъ въ дѣтствѣ Христа и Иоанна Предтечи; въ 13-й — о пребываніи 12-ти лѣтняго Христа въ храмѣ Іерусалимскомъ; въ 14-й — о крещеніи Иисуса въ 30 лѣтъ; въ 15-й — о Преображеніи на горѣ Ѡаворѣ; въ 16-й — о проповѣди народу по крещеніи; въ 17-й — о входѣ въ Іерусалимъ; въ 18-й — о Тайной вечерѣ; въ 19-й — о страданіи Христа и смерти; въ 20-й — о воскресеніи Христа; въ 21-й — объ удаленіи Его на небо; въ 22-й — о поклоненіи на небѣ Ему перваго чина ангеловъ; въ 23-й — о поклоненіи втораго чина ангеловъ и другихъ чпновъ въ строфахъ до 31-й, гдѣ говорится о сошествіи Св. Духа на апостоловъ; въ 32-й — объ Успеніи Богородицы; въ 33-й — о прославленіи Ея по взятіи на небо; въ 34-й — о почитаніи Ея людьми за предстательство предъ Богомъ; въ 35-й — о помощи со стороны Богородицы дѣтямъ при обученіи наукамъ; въ 36-й — о послѣднемъ судѣ І. Христа; въ 37-й — 38-й — о прелестяхъ и чудесахъ горняго Іерусалима, гдѣ послѣ втораго пришествія Христа будетъ протекать жизнь праведниковъ. Заключение «Едемъ» хвалою Богу, Богородицѣ и святымъ.

Трудъ свой Каріонъ снабдилъ «Предисловіемъ»²⁾, въ которомъ выясняетъ цѣль написанія «Едема» и подношенія царевичу Алексѣю Петровичу. Обращаясь къ послѣднему, авторъ говоритъ, что людямъ, предназначеннымъ отъ здѣшней жизни перейти въ горнее небесное блаженство, по-

1) О назначеніи этихъ заключительныхъ двухъ стиховъ Каріонъ замѣчаетъ: «сіи строки двѣ — едина сверху, вторая снизу около каждой иконы».

2) См. приложенія ко второй главѣ № 4.

мимо пищи тѣлесной необходима пища духовная. «И сего радп — продолжаетъ онъ — тебѣ государю царевичю. . . вюности четверолѣтїа уже достигающе бытностїю, . . . припошу сїю книгу Едемъ сладости дѣвнїа. внейже зря іконы твоима царственнїма очима тѣлеснїма, духовнѣ стїхословїемъ услаждайся, и прохладженїе в едемѣ семь всегда имѣй. . . И яко же писанїе священное глѣтъ: виждь дугу на облацѣхъ. . . и благослови сотворшаго ю, такожде и ваше царское пресвѣтлое величество, созерцающе сїю книгу едемъ, благословите Гдѣ Бгѣ. . . Такимъ образомъ, при написанїи «Едема», Карїонъ преслѣдовалъ чисто религіозныя цѣли, желая направить помыслы подростоающаго царевича отъ земли къ горнему Едему. Содержанїе же самаго произведенїа показываетъ, что въ «Едемѣ» мы имѣемъ не иное что, какъ изложенное въ стихотворной формѣ евангельское повѣствованїе о важнѣйшихъ моментахъ земной жизни І. Христа, а равно о славномъ пришествїи Его и горнемъ Іерусалимѣ, съ незначительными дополненїями апокрифическаго характера (качанїе въ колыбели Христа, игры Его съ Іоанномъ Предтечею). Мало того. Самъ авторъ говоритъ, что отдѣльныя строфы его «Едема» написаны, какъ объясненїе къ «иконамъ», какъ надписи къ нимъ. Съ этой стороны «Едемъ» получаетъ иное значенїе, болѣе для насъ важное и интересное. Чтобы понять то назначенїе строфъ «Едема», о которомъ говоритъ авторъ, необходимо припомнить слѣдующїя слова г. Забѣлина: «По характеру своего образованїа — религіознаго, богословскаго, древнїй (разумѣется до-петровскїй) русскїй человекъ любилъ олицетворенныя притчи и церковныя бытїа, изображенїями которыхъ и украшалъ свои хоромы. При отсутствїи эстетическаго элемента въ своемъ образованїи онъ не зналъ искусства въ томъ значенїи, которое придаетъ ему современность; поэтому въ притчахъ и бытїяхъ, которыя изображались на стѣнахъ его палатъ, онъ желалъ видѣть прежде всего назиданїе, поученїе, душевную пользу въ религіозномъ смыслѣ, а не услажденїе взора прекрасными образами, которые относились къ соблазну и всегда заботливо устранялись. Такимъ образомъ, древняя комнатная живопись (т. е. иконопись) носила въ себѣ тотъ же характеръ, имѣла ту же цѣль, какъ и церковная стѣнопись, отъ которой она почти ничѣмъ и не отличалась»¹⁾. И не только писались на стѣнахъ эти притчи, но, вѣроятно, изображались и на отдѣльныхъ печатныхъ листахъ, подобно «нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ», изъ которыхъ государевы дѣти почерпали разнообразныя свѣдѣнїа и о которыхъ рѣчь будетъ ниже, при разсмотрѣнїи сочиненїа Карїона «Попись». Такимъ образомъ, само собою дѣлается очевиднымъ значенїе сочиненїй, подобныхъ

1) Забѣлинъ, Домашнїй бытъ русск. нар. въ XVI и XVII ст., М. 1872 года, ч. I, стр. 128—129.

«Едему» и знакомящихъ насъ съ характеромъ комнатной стѣпоисы въ XVII ст. Но «Едемъ» имѣеть значеніе для нашего времени другою своею сторопою. Его можно причислить къ очень многочисленнымъ сочиненіямъ Каріона Истомина, посящимъ названіе «надписей» на иконахъ и на разныхъ предметахъ религіознаго почитанія. Обь этихъ же «надписяхъ», равно какъ и обь «Едемѣ» можно сказать то, что сказано г. Цвѣтковымъ о подобномъ же сочиненіи Аврелія Пруденція Клемента. «Цѣль четверостишій «Двойной пицы» — служить объясненіемъ живописныхъ изображеній, подь которыми они имѣли быть подписаны, притомъ изображеній, находящихся въ храмѣ». Вотъ почему между четверостишіями Аврелія Пруденція нѣтъ связи. При внимательномъ чтеніи четверостишій можно догадываться, какой предметъ и какое событіе было изображено на картинѣ, для которой извѣстное четверостишіе должно было служить объяснительнымъ текстомъ. Обыкновенно эти стихи представляютъ пересказъ библейскаго текста; богословскихъ мыслей въ нихъ нѣтъ, поэтому «Двойная пица», какъ литературный памятникъ, имѣеть малое значеніе. «Но для исторіи христіанскаго искусства это произведеніе имѣеть значительную важность»¹⁾. Подобное же значеніе, примѣнительно къ русскому искусству, могутъ имѣть «надписи» Каріона и его «Едемъ».

Одинаковый съ «Едемомъ» характеръ и назначеніе имѣютъ два другія произведенія нашего писателя. Одно изъ нихъ носитъ такое заглавіе: «Екклесія сіестъ церковь въ небесное житіе собирающая и святящая вся человеки, сущія въ благовѣрїи, богатію Духа Пресвятаго. въ сію убо зрѣніемъ иконъ прочтеніемъ же стиховъ всяка душа христіанска входящи воспolzуется духоспасительно и укрѣпительно». Написано это сочиненіе въ томъ же году, въ которомъ написанъ и «Едемъ» (1693), въ декабрѣ мѣсяцѣ, и поднесено тому же царевичу Алексѣю Петровичу. Какъ показывается заглавіе сочиненія, оно по содержанію близко подходитъ къ «Едему»; къ сожалѣнію, въ бумагахъ Каріона не сохранилось самаго сочиненія, и мы лишены возможности сравнить его съ «Едемомъ». Что сочиненіе это было написано и поднесено царевичу, обь этомъ свидѣтельствуеетъ не только сохранившееся «Предисловіе» къ «Екклесіи», но и запись написанныхъ и поднесенныхъ Каріономъ разнымъ лицамъ царской фамиліи книгъ и сочиненій болѣе незначительныхъ по объему. Въ этой записи²⁾ «Едемъ» и «Екклесія»

1) См. Цвѣтковъ, «Аврелій Пруденцій Клементъ», Прибавленія къ Твор. св. От. 1888 г. III кн. На стр. 177—189 говорится о произведеніи Пруденція, называемомъ чаще «Dittoshaeon» («Двойная пица»). Приведенныя мѣста см. стр. 184, 187—188).

2) Часть этой записи была напечатана нами въ нашей замѣткѣ на изданный Ровинскимъ Букварь Кар. Истомина. См. Жур. Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 8, 455—56 стр. Въ приложеніяхъ ко второй главѣ печатаемъ ее въ полномъ видѣ (№ 5-й).

стоятъ, какъ два различныя сочиненія, въ списокѣ книгъ, написанныхъ и поднесенныхъ царевичу Алексѣю Петровичу.

Обращаясь къ «Предисловію», которымъ снабдилъ авторъ «Екклесію», мы знакомимся съ цѣлю, которую преслѣдовалъ онъ при написаніи и поднесеніи этого произведенія царевичу¹⁾. Послѣ выясненія значенія церкви для христіанъ, онъ продолжаетъ: «Тѣмъ сію книгу Екклесію сіестъ црѣковь, тебѣ великому Грѣю царевичу... в созерцаніе ради юности твоихъ лѣтъ... приношу. в ней же чиновъ таинственныхъ созерцай лица, в мудростный разумъ чтай стихи лети в церковь яко птица. зане любящему Бгѣ, вся в церкви во благое поспѣшествуются»...

Другое произведеніе обращено не къ царевичу Алексѣю Петровичу, а ко всему православному русскому народу и написано въ августѣ 1690 года. Полное заглавіе его: «Книга Стамна духоносная (или ведры) имѣетъ въ себѣ паче злата и каменій многоцѣнныхъ, словеса чиста, учительна, и чествовательна святыхъ иконъ, и како Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи чудотворная икона во градѣ Березовѣ чудесы прославися».

Все сочиненіе состоитъ изъ отдѣльныхъ стихотвореній въ честь Богоматери, св. Николая и др. святыхъ, которыя ничего замѣчательнаго по содержанию своему не представляютъ: это — изліянія религіознаго чувства, вызваннаго любовью къ Богу за дарованныя и имѣющія быть дарованными въ будущемъ вѣкъ блага. Книгѣ предшествуетъ «Къ читателю предисловіе», которое по краткости своей можетъ быть приведено здѣсь вполнѣ: «Уму человѣческому изрядное дѣло, егда видѣніемъ и слышаніемъ благихъ смысловъ во спасеніе наслаждается (любезный читателю) зане еже в мірѣ семь сотвори Бгъ вещи по виду и по слову образуемая, вся добра зѣло. яже члкъ видѣвъ или слышавъ востиннѣ ползу приѣмлетъ. и управляется благотворити: дабы получитьи горнее блаженство. внеже црѣковь стая зовется благоумнословникии сице: приидите насладитесь яже уготовахъ вамъ почести, и вѣнцы небесныя. Тѣмже втаковую ползу благочестивому читателю, и сія книга стамна предложися. в пей же словеса дхвная и чудесна от Богодѣлоутворства положенна. впрославленіе стого имепе его. и вчесть приснопѣтыя Дѣвы Бѣы Мрїи. Да почитая оу восхвалиши преблагаго втрїехъ ипостасѣхъ единого Бгѣ Отца и Сѣна и Стѣго Дѣа и возвеличиши же предстательницу Христіанскую Дѣву Бѣу Мрїю и спасенную приѣмши ползу себѣ и слышащымъ преподаси. внадеждѣ благости Бжїи, во всяку добродѣтель успѣши, и получиши на земли и на небесахъ благая, пореченному Бгѣмъ чрезъ пророческая уста: яко на мя упова, избавлю его и покрыву его воззоветъ ко мнѣ и услышу его, с нимъ есмь вездѣ и прославлю его и явлю

1) См. Приложенія ко второй гл. № 6.

ему спасеніе мое. убо сего всякому читателю сея книги стампы желая, поклоненіе іеромонах худѣйшій Каріонъ введоумѣніи молитъ прощенія». Такимъ образомъ, «Стампа» написана съ чисто религіозною цѣлью—дать вѣрующимъ средство прославить Бога и Богородицу и получить себѣ спасеніе.

Нѣсколько иное назначеніе, но тотъ же нравственно-религіозный характеръ имѣетъ сочиненіе Каріона, подъ заглавіемъ: «Книга вразумленіе стихотворными словесы состоящая, о содержаніи пресвѣтлаго зеркала, Божія Премудрости: яже человѣку, паче всего. во вся дни житія своего преддѣлательнѣйша, и честнѣйша есть: (заве въ мудрости яко в зеркалѣ(хъ) чистѣйшемъ узритъ всяка плоть человѣча свое бытіе, настоящую жизнь, и блаженную небесѣхъ присносущную. и всеспасенный непрестанный творца нашего влѣйки Бѣга неизреченный промыслъ) Благочестивѣйшему великому Грѣю црѣю и великому князю Петру Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцу, вденъ стѣго ангела его тезоименованна первоверховнаго апостола Петра, вонже исполншуся рожденію его царскому первонадесятое лѣто вприсное созерцаніе предложися». . . ¹⁾.

Все сочиненіе состоитъ изъ 9-ти отдѣльныхъ стихотвореній, обозначенныхъ цифрами по-славянски, причемъ каждый стихъ имѣетъ 11 слоговъ, съ рѣзкою на концѣ. Исключеніе составляетъ (строфа) первое стихотвореніе, которое написано восьмисложными стихами, а равно и третье.

Начинается «книга вразумленіе» стихотворнымъ обращеніемъ къ царю Петру Алексіевичу съ обычнымъ пожеланіемъ.

«Миренъ, здравъ, спасенъ, многолѣтенъ буди,
Многихъ государствъ и вся края люди».

Съ первой строфы начинается рѣчь Бога къ царю Петру, въ которой увѣщаютъ юнаго монарха вручить свое сердце Богу, принять «мудрость свѣта», чтобы быть полезнымъ для людей. Во 2-й строфѣ дается совѣтъ быть «помогателемъ въ самодержавствѣ» брату Іоанну и «мудростію съ нимъ крупнымъ обладателемъ». Въ 3-й—обѣщаютъ дать Петру мудрость сладкіе и благодѣтельные плоды которой подробно исчисляются въ этой строфѣ. Въ 4-й говорится, что Петръ избранъ наслѣдникомъ («вѣка ина», т. е. царствія небеснаго, описанію радостей котораго посвящены остальные стихи этой строфы. Въ 5-й—указывается на то, что вмѣстѣ съ братомъ Іоанномъ онъ поставленъ царемъ, долженъ давать людямъ судъ правый и «жити съ мудростію добро». Въ 6-й—внушается, что онъ долженъ настаивать на путь правый своихъ подданныхъ. Въ 7-й—что онъ долженъ

¹⁾ Въ упомянутомъ выше спискѣ книгъ, поднесенныхъ лицамъ царской фамиліи, это сочиненіе ошибочно приписано Алексію Петровичу. Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, сочиненіе это написано въ 1683 г.

учиться «съ рабами въ лѣтѣхъ равными». Въ 8-й — обѣщается награда: благо въ мїрѣ здѣшнемъ и небесномъ, если онъ будетъ любить Бога. Въ заключительной же строфѣ Богъ внушаетъ Петру:

«О царю Петре, прелюбезный сыне,
 Россійска царства презрядный крине.
 Матери твоей ты еси утѣха,
 Се азъ ти даю въ мудрости поспѣха.
 Учися нынѣ, прилѣжно учися,
 Въ младости твоей царь мудръ просвѣтися.
 Пой предо мною, твоимъ Богомъ, смѣло,
 Явль судъ и правду, гражданское дѣло.
 Имаши мене тѣмъ добрѣ почтити,
 Матере твою и всѣхъ веселити»¹⁾.

Если бы мы не имѣли никакихъ указаній касательно времени сочиненія «Книги вразумленїе», то и тогда, на основанїи часто внушаемой Петру мысли, что онъ *поставленъ царемъ купно съ братомъ Иоанномъ*, можно было бы догадаться, что сочиненіе написано вскорѣ послѣ совершившагося въ маѣ 1682 года переворота въ пользу партїи Милославскихъ. Поднося это сочиненіе юному царю въ іюнѣ 1683 года, авторъ именемъ Бога внушаетъ ему мысль, что происшедшїй переворотъ, въ силу котораго царская власть дана не одному Петру, (какъ было рѣшено тотчасъ по смерти Теодора Алексѣевича), но и брату его Иоанну, совершился по волѣ свыше, что необходимо примириться съ совершившимся фактомъ. Что побудило нашего писателя настойчиво проводить такую мысль въ произведенїи, подносимомъ одиннадцатилѣтнему монарху? Расположеніе Карїона къ царевнѣ Софїи Алексѣевнѣ заставляетъ предполагать, что онъ давалъ указанный совѣтъ Петру въ интересахъ правительницы; но можно допустить, что онъ старался примирить юнаго царя съ совершившимся фактомъ, желая избавить отечество отъ новаго междоусобїа. Какъ бы то ни было, нельзя не обратить вниманіе на нѣкоторыя наставленїа, которыя даетъ нашъ писатель великому монарху. Наставленїа — давать правый судъ, прилежно учиться съ ровесниками — рабами, особенно послѣдній, невольно вызываютъ съ нашей стороны чувство похвалы и благодарности къ Истомицу. Не можемъ утверждать, что подъ влїяніемъ наставленїи нашего писателя Петръ явился дѣятельнымъ и мудрымъ правителемъ, который въ самомъ дѣлѣ съ рабамировесниками учился и трудился на пользу дорогой Россїи. Но кто не согла-

1) См. приложенїа ко вт. гл. № 7.

сится съ нами, что счастливъ тотъ монархъ, которому въ одиннадцать лѣтъ такъ настойчиво говорятъ о благахъ мудрости, о необходимости учиться, чтобы честно исполнить великій долгъ правителя народнаго. Вѣроятно, важность даваемыхъ юному царю наставленийъ хорошо сознавалъ и самъ Каріонъ, потому что черновыя бумаги его свидѣтельствуютъ о многократной переработкѣ этого сочиненія. Въ сборникѣ № 302 есть много строчекъ, которыхъ нѣтъ въ сборникѣ № 301 и которыя вышущены авторомъ, съ цѣлью не нарушать стройности сочиненія и не увеличивать объемъ книги¹⁾.

Съ «книгою вразумленіе» по характеру сходны стихи, посвященные царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Стихотвореніе состоитъ изъ небольшого вступленія и 16-ти нумерованныхъ по-славянски большихъ строчекъ (или отдѣльныхъ стихотвореній), написанныхъ 11-ти сложными стихами, съ женскими риомами на концѣ.

Вступленіе состоитъ изъ обращенія къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ съ пожеланіемъ быть «хранимой во премноги лѣта». Въ первой строчкѣ говорится о томъ, что Богъ мудростію своею устроилъ то, что Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи. Во второй утверждается, что безъ мудрости люди не знали Бога и не знали о своемъ спасеніи, но мудрость Божія явилась и открыла очи людямъ. Въ третьей перечисляется то доброе, чему учить мудрость (по-гречески Софія). Софья-царевна на себѣ испытала благодѣтельные плоды мудрости, когда усмиряла бунты стрѣльцовъ и раскольниковъ (стр. 4 и 5). Царевна, слѣдуя совѣту мудрыхъ, служитъ мудрости, она обрекла себя жениху—Господу Іисусу; за что Богъ ей далъ силу укротить бунтъ злыхъ. Повѣствуя объ этомъ, Каріонъ проситъ Софью благосклонно выслушать его слабую рѣчь (стр. 6, 7, 8 и 9). Мудрость просвѣщаетъ очи разумныхъ, а отъ «несмыслства» возгораются страсти, подвергающія людей всевозможнымъ бѣдамъ. Вотъ почему благо слѣдовать мудрости, вотъ почему о водвореніи ея заботились Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, но «доднесь наука (въ Россіи) не окрѣпѣваше, случайми бо здѣ (въ Москвѣ) много преставаше» (10 стр.). При Софіи «наука добръ здѣся становила, но за случай золь и днесь уступила». Впрочемъ, Каріонъ проситъ Софію, которую уподобляетъ греческой царевнѣ Пульхеріи и сестрѣ Моисея Маріамѣ, чтобы она убѣдила братьевъ своихъ Іоанна и Петра повелѣть «наукамъ быти совершеннымъ» и учителямъ людямъ извѣстнымъ. Просьбами «устроить науку свободну» и кончается стихотвореніе авторъ (стр. 11, 12, 13, 14, 15 и 16). Таково краткое содержаніе стихотворенія, написаннаго Каріономъ 12-го ноября 1682 года и подпе-

1) Подробно о сдѣланныхъ Каріономъ сокращеніяхъ см. мои ст. о Каріонѣ Истоминаѣ въ Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1889, №№ 4, 5, 6.

сеннаго царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ¹⁾. Изъ него ясно видно, что все стихотвореніе представляетъ собою не больше не меньше, какъ стихотворную просьбу объ учрежденіи въ Москвѣ учебнаго заведенія, въ которомъ бы преподавалась опытными учителями свободная наука.

Въ книгѣ С. Смирнова (Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи) уже сдѣлана справедливая оцѣнка этой просьбы Каріона объ учрежденіи въ Москвѣ правильной высшей школы. Но значеніе ея далеко не исчерпывается тѣмъ, что она была *первою* просьбою среди другихъ, съ которыми обращались разныя лица къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, побуждая ее удовлетворить назрѣвшую потребность въ правильно-организованной школѣ. Въ этой просьбѣ находятся многія указанія, могущія служить яснымъ опроверженіемъ мнѣнія, что въ Москвѣ до 80-хъ годовъ XVII столѣтія никакихъ школъ и не было. Въ первой части нашего сочиненія мы уже касались вопроса о школахъ въ XVII в. и оспаривали мнѣніе г. Коптерева. Не повторяя сказаннаго тамъ, прибавимъ здѣсь одно замѣчаніе. Съ стихотворною просьбою Каріона Истомина интересно сопоставить стихи его родственника Сильвестра Медвѣдева. Этотъ послѣдній, вручая 21-го января 1685 года царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ привилегію на Академію, поднесъ ей стихи, въ которыхъ, подобно Каріону Истомину, восхваляетъ мудрость и Софью за то, что она хочетъ «свѣтъ науки явити Россіи». Въ этомъ С. Медвѣдевъ вполнѣ сходенъ съ Каріономъ Истоминымъ. Но нашъ писатель, утверждая, что Софья явила мудрость Россамъ, не забываетъ упомянуть, что *и до нея были цари* (Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ), *пытавшіеся ввести ту же мудрость въ Россіи*. Мы знаемъ изъ приведенныхъ въ первой части документальныхъ свидѣтельствъ, что Каріонъ говоритъ о заботахъ Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича касательно заведенія школъ не безъ основаній. Онъ правдивъ и потому не забываетъ замѣтить и о томъ, что, не смотря на заботы предшественниковъ Софьи Алексѣевны насадить въ Россіи науки, *до ея дней наука «не окрѣпѣлаше, случайми бо здѣ много преставаше»*. Подъ случаями надо понимать тѣ неблагопріятныя условія, а равно и неудачныя хлопоты московскихъ царей на счетъ пріискиванія въ Византіи подходящихъ учителей, которыя дѣйствительно тормозили учрежденіе правильныхъ среднихъ и высшихъ школъ въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, Каріонъ въ своей просьбѣ является справедливымъ и безпристрастнымъ цѣнителемъ какъ личности царевны Софьи, такъ и ея заботъ о заведеніи школъ. Въ этомъ случаѣ онъ не увлекается личностью царевны до ослѣпленія, хотя и былъ ея приверженцемъ въ то время, когда писалъ свою просьбу.

---

1) Подробности см. въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ (№ 8-й).

Что же видимъ у С. Медвѣдева?

Какъ натура увлекающаяся, какъ человѣкъ, не дорожащій историческою истиною и пріученный къ риторическимъ преувеличеніямъ, онъ рѣшается утверждать въ своемъ стихотвореніи, что Софья Алексѣевна «*перва здѣ мудра явися*», что

Мпозя въ Россіи прежде тебѣ была
 Великіе князи и цари пожиша;
 Монастыри и иная создаху,
 И тѣмъ тѣ славу си пріобрѣтаху.
Но не одну той даръ Богъ подати
Изволимъ — мудрость Россамъ показати
 Аще и много тщаніе твориша
 О томъ, а въ дѣлѣ того не явиша¹⁾.

Въ приведенныхъ стихахъ Медвѣдевъ утверждаетъ совершенно противоположное тому, что говоритъ Кар. Истоминоу въ своей просьбѣ. На основаніи сказаннаго въ первой части нашего сочиненія утверждаемъ, что Медвѣдевъ или сознательно, въ увлеченіи царевною Софьею, искажаетъ истину, говоря, что *ни одному царю (до Софьи) Богъ не далъ возможности показать Россамъ мудрость*, или же онъ говоритъ такъ по невѣдѣнію. Утверждая, что цари до Софьи Алексѣевны много тщанія прилагали о заведеніи школъ, но на дѣлѣ того тщанія не осуществили, онъ смотритъ на дѣло односторонне. Мы знаемъ имена многихъ образованныхъ москвичей, которые получили образованіе въ Москвѣ, не отправляясь въ Кіевъ «ради книжнаго наученія», слѣдовательно, эти лица воспользовались услугами вызываемыхъ въ разное время Московскимъ правительствомъ учителей, такъ что хлопоты царей имѣли кое-какое приложеніе на дѣлѣ. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, Медвѣдевъ забылъ смягчить свой рѣзкій приговоръ замѣчаніемъ (какъ это сдѣлалъ К. Истоминоу), что многія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали московскому правительству *сполнь* привести въ исполненіе свое желаніе насчетъ учрежденія школъ. Вотъ почему мы не придаемъ особеннаго значенія и заявленію его, «что Богъ нашъ въ Московскомъ нашемъ государствѣ не благоволилъ быти школьному ученію»²⁾.

Сказанное, полагаемъ, яснѣе показываетъ историческое значеніе стихотворной просьбы К. Истомина, которое еще становится значительнѣе, когда обратимъ вниманіе на объясненіе стрѣлецкихъ волненій, какъ слѣд-

1) См. стихи С. Медвѣдева въ Древн. Рос. вивліюфикѣ, VI ч., 390—397 стр.

2) См. Каптерева: О гр.-латин. школахъ въ М. въ XVII в. до открытія Сл.-гр.-лат. академіи. Годичный актъ въ Моск. дух. акад. 1-го октября 1889 г. стр. 36.

ствїя разгара страстей въ толпѣ «злодѣлцевъ бѣднѣся возносящихъ и о господствѣ зѣло не радящихъ»; на упоминаніе о волненїяхъ раскольниковъ.

Обозрѣвъ всѣ достойныя, по нашему крайнему разумѣнію, вниманїя историка литературы духовно-правственныя сочиненїя Карїона, нельзя не замѣтить, что онъ затронулъ и такъ или иначе высказался въ нихъ по поводу очень многихъ вопросовъ, волновавшихъ и интересовавшихъ современное ему Московское (а слѣдовательно и все русское) общество. Правда, большая часть его проповѣдей, при своемъ отвлеченномъ характерѣ, не можетъ дать изслѣдователю ясныхъ указанїй на разные современные недуги, не освѣтитъ яркимъ свѣтомъ глубокаго пониманїя и проникновенїя болѣзни пробуждавшагося къ новой жизни русскаго народа; зато нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ упоминанїе о многихъ выдающихся событїяхъ того времени, а за душевный тонъ иныхъ ясно свидѣтельствуется, какъ глубоко чувствовалъ и сильно страдалъ горемъ своего времени скромный Чудовскїй іеромонахъ.

Какъ лицо духовное, онъ стоялъ на стражѣ интересовъ православной церкви и считалъ своею святѣйшею обязанностью предостеречь чадъ послѣдней отъ враговъ ея раскольниковъ и иноземцевъ еретиковъ. Мало того, сознавая грубость и неустройство домашней жизни русскаго человѣка своего времени, которая и въ концѣ XVII столѣтїя была еще далека отъ желаемаго идеала, онъ давалъ правила порядочной жизни. А обращенїе его къ дѣтямъ и средство, избранное для достиженїя рекомендуемаго идеала, свидѣлствуютъ о глубокомъ и ясномъ взглядѣ просвѣщеннаго іеромонаха на дѣло. Это можно сказать безъ всякаго преувеличенїя и безъ излишней идеализаціи Карїона Истомина, потому что немногіе въ то время ясно сознавали и глубоко вѣрили въ пользу просвѣщенїя, какъ залога всего лучшаго въ будущемъ.

ГЛАВА III.

Къ учебно-педагогическимъ сочиненїямъ Карїона, достойнымъ вниманїя изслѣдователя, необходимо отнести Буквари, Грамматику и Полисъ.

Въ приведенной выше собственноручной записи о книгахъ, написанныхъ и поднесенныхъ Государю царевичу Алексѣю Петровичу и другимъ лицамъ царскаго дома ¹⁾, Истоминъ ясно говоритъ, что имъ были написаны

¹⁾ См. ее въ приложенїяхъ ко второй главѣ нашего изслѣдованїя; ср. мою рецензію Жур. Мин. Нар. Пр. 1891 г., августъ.

два букваря: *Большой букварь* («Букварь писанъ сзолотомъ, большой влицахъ») и *малый* («Букварь малой устроенъ писмомъ и образцами своимъ видомъ, прописью начальныхъ словъ золотомъ»). Два *малыхъ букваря*, по сообщенію той же записи, поднесъ онъ и Государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Прасковіи Ѳеодоровнѣ [«Таковыхъ же (т. е. малыхъ) два букваря Государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Параскевіи Ѳеодоровнѣ»]. Въ настоящее время ни въ одномъ изъ русскихъ книгохранилищъ не сохранилось подлинника того «*Малаго букваря*», который былъ поднесенъ Каріономъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ для ея внука царевича Алексѣя Петровича. Описанный мною въ статьяхъ о Кар. Истоминонѣ рукописный малый букварь, значащійся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ № $\frac{248}{449}$ и хранящійся въ Палатахъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, на Варваркѣ, представляетъ лишь *копію* 1693 года съ не сохранившагося подлинника малаго букваря, поднесеннаго Каріономъ въ 1692-мъ году царицѣ Наталіи Кирилловнѣ¹⁾.

Этотъ «Малый букварь» вслѣдъ затѣмъ Каріонъ приспособилъ для напечатанія во всеобщее употребленіе. Въ 1694-мъ году онъ вышелъ въ Москвѣ книгою, въ 43 страницы (въ листѣ), отпечатанныя мѣдными досками, гравированными извѣстнымъ граверомъ Леонтіемъ Бунинымъ. Неполный экземпляръ этого же «Малаго букваря», изданнаго въ 1694-мъ году, описанъ былъ сперва г. Берхомъ въ статьѣ: «Букварь Каріона Истомина 1691 года»²⁾. [Сѣверный Архивъ, 1822 года, № 19, ч. IV, От. I Археологія]; затѣмъ г. Ровинскій въ своей книгѣ «Русскія народныя картинки» описалъ подробно полный экземпляръ того же «Малаго букваря» («Русскія нар. кар.», Спб. 1881 года, т. II, 483 стр.; IV, 514—517; V, 6 стр.), наконецъ въ прошломъ году онъ же воспроизвелъ его точь въ точь (См. Д. Ровинскій: Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ, для обученія царевича Алексѣя Петровича, въ 1692-мъ году. Гравированъ Леонтіемъ Бунинымъ. (С.-Пб. 1891 г. Ц. 10 руб.)³⁾.

Изъ нашихъ библіографовъ только одинъ Сопиковъ въ Своемъ «Опытѣ библіографіи (I, 168 и 169) заявилъ, что лицевой букварь Каріона Истомина, гравированный Леонтіемъ Бунинымъ, выдержалъ въ 1694-мъ году два изданія. Г. Ровинскій высказалъ сомнѣніе въ справедливости этого указанія на томъ основаніи, что не замѣтилъ никакой разницы въ извѣстныхъ

1) См. мои ст. о К. Ист. въ «Чтеніяхъ Любит. Духов. Просвѣщ.» за 1889 г. и отд. оттискъ, стр. 68 и слѣд.

2) Подъ 1691-мъ годомъ надо разумѣть годъ написанія «Малаго букваря», а не годъ его изданія.

3) См. мою рецензію объ этомъ изданіи въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1891 г., августъ, 453—457 стр.

ему экземплярахъ букваря Каріонова, изданнаго имъ въ 1694-мъ году¹⁾. Въ названной выше замѣткѣ по поводу изданнаго въ 1891-мъ году букваря Каріонова я указалъ почтенному изслѣдователю на экземпляръ букваря 1694 года, хранящійся нынѣ въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ и принесенный въ даръ Оболенскимъ, какъ на подтвержденіе справедливости указанія Сопикова, что въ 1694-мъ году букварь Каріоновъ имѣлъ два изданія, разнящіяся количествомъ страницъ (въ книжный листъ)²⁾. Тамъ же мною было высказано сожалѣніе, что Ровинскій не сдѣлалъ подробнаго сличенія печатнаго Каріонова букваря съ рукописнымъ его подлинникомъ, находящимся, по заявленію почтеннаго изслѣдователя, въ Собраніи гр. Уварова (Р. нар. кар., т. IV, 514 стр.). Мы тѣмъ болѣе можемъ сожалѣть объ отсутствіи въ книгѣ Ровинскаго такого сравненія, что не знаемъ, находится ли *въ настоящее время* указанный имъ рукописный экземпляръ букваря Каріонова въ библіотекѣ гр. Уварова. Говоримъ такъ потому, что покойный о. арх. Леонидъ, составитель описанія рукописей гр. Уварова, ничего не говорилъ намъ о существованіи такой рукописи, хотя другія подлинныя рукописи Кар. Истомина называлъ.

Сравненіе рукописнаго малаго букваря 1693 года — копіи съ поднесеннаго царницѣ Наталіи Кирилловнѣ въ 1692-мъ г. (написанъ былъ въ 1691-мъ году, что видно изъ слѣдующей приписки: «мірозданія „зрчѣ лѣта. ѿвоплощенія же Бѣа слова, „ахчѣв. мѣа марта. в'царствующемъ градѣ Москвѣ») — съ извѣстными экземплярами печатнаго малаго букваря 1694 года показываетъ, что К. Истоминъ, приступая къ изданію этого букваря для всеобщаго употребленія. («Изобразися на дщицахъ ваяніемъ, имущимъ учиться отрокомъ и отроковицамъ, мужемъ и женамъ писати»...), произвелъ различныя и иногда довольно значительныя измѣненія.

Такъ, заглавія рукописнаго и печатнаго букварей различны. Въ рукописи оно кратко: «Букварь славенороссійскихъ писменъ, со образованми вещей, и соправоучительными стихами». Въ печатныхъ же экземплярахъ читаемъ его въ такомъ видѣ: «Букварь. Славенороссійскихъ писменъ ѡставныхъ и скорописныхъ, Греческихъ же Латинскихъ и полскихъ, со образованми вещей, и со нравоучительными стихами: Во славу Всетворца Гдѣа Бѣа, и вчесть прѣстая Дѣвы Мрїи, и всѣ стѣихъ. Изобразися на дщицахъ Ваяніемъ, имущимъ учиться отрокомъ, и отроковицамъ муже“ и женамъ писати.

1) «Сопиковъ говоритъ въ своемъ опытѣ библиографіи, что букварь этотъ былъ изданъ два раза и что оба изданія вышли въ 1694 г. (I, 168 и 169); но какой-либо разницы въ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ букваря Истомина мною не замѣчено». (Ровинскій, Рус. нар. кар., т. IV, 515 стр.)

2) Подробное описаніе этого букваря см. въ моихъ статьяхъ о Кар. Истом. въ Читеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просв. за 1889 г. и отд. от., стр. 74.

Види́ бо славенская Греческаго же и латинскаго и полскаго языка писмена или слова внем напечаташася»¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, опущено въ печатныхъ экземплярахъ обращеніе къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, которое въ букварѣ, предназначавшемся для всеобщаго употребленія, было бы неумѣстно.

«Слово читателю, хотящему же учить кого, и писати писмень учитися», очень пространное въ рукописи, значительно сокращено въ печати. Опущены общія разсужденія, напримѣръ, о томъ, что все надо дѣлать во славу Божию; нѣтъ свѣдѣній о томъ, что въ Россійскомъ царствѣ благоразуміе и всякое мудростное ученіе множится, что цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи заботятся, чтобы всѣ ихъ подданные во «всякихъ смысленныхъ художествахъ учащеся успѣвали въ совершенство». Удержано объясненіе, почему подъ буквами помѣщены рисунки и правоучительные стихи²⁾. Какъ видимъ, опять удержано въ печати то, что было необходимо для объясненія новизны, которую позволилъ себѣ Каріонъ въ своемъ букварѣ.

Кромѣ того, фигуры, изображающія буквы, и рисунки также представляютъ нѣкоторое отличіе въ рукописи и печати. Такъ, буква «Азъ» въ рукописи составлена изъ двухъ человѣческихъ фигуръ, написанныхъ золотомъ, а въ печати та же буква представлена въ видѣ воина съ копьемъ и трубою, изогнутою линіею пересѣкающею копье и фигуру воина³⁾.

Наконецъ, въ рукописи нѣтъ «Посвященія», которымъ заканчивается послѣдній (у Ровинскаго 43 л., а въ архивскомъ букварѣ 42 л.) листъ печатнаго малаго букваря. По поводу названія «посвященіе» мы уже дѣлали замѣчаніе въ рецензіи на изданный г. Ровинскимъ букварь. Здѣсь мы замѣтимъ, что послѣдній въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что это посвященіе написано Симеону Полоцкому⁴⁾. Гдѣ г. Ровинскій нашелъ указаніе на это, не знаемъ. Ни въ одномъ, видѣнномъ нами, печатномъ букварѣ Каріона нѣтъ такого указанія, равно какъ нѣтъ его и въ изданномъ г. Ровинскимъ букварѣ. Считаая поэтому указаніе почтеннаго изслѣдователя за личное предположеніе, мы остаемся при своемъ мнѣніи, что прозаическая приписка въ концѣ букваря есть не иное что, какъ форма благодарственнаго обращенія («привѣтства») къ учителю со стороны ученика, въ родѣ тѣхъ «Наставленій, какъ писать писма къ разнымъ особамъ», какія находимъ въ Азбукѣ 1801 года (Ровинскаго, Руск. нар. карт., II т., 507 стр.).

1) Заглавіе привожу по букварю, изданному въ 1891 г. Ровинскимъ.

2) Болѣе подробно «Слово» приведено въ моихъ статьяхъ о К. Истом. въ Чтеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1889 г. и отд. оттиски, стр. 70—72.

3) Отличіе въ изображенія др. нѣкот. букв. см. *ibid.*, стр. 72—73.

4) См. Рус. нар. кар., т. V.

Что касается «Большого букваря», то рукописный подлинникъ его неизвѣстенъ и, можетъ быть, навсегда утраченъ для нашего времени, по крайней мѣрѣ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ въ Россїи рукописныхъ книгохранилищъ въ настоящее время его не оказывается. Въ черновыхъ бумагахъ Кар. Истомина можно отыскать кое-какіе слѣды этого Большого букваря. Къ такимъ слѣдамъ мы относимъ слѣдующія замѣтки: «Книга писмень по азбукѣ во ученіе зрѣнія вразумительнаго человѣкомъ юнымъ. Како от небытія в бытность прешедшу жити достойно: сочини іеромонахъ Каріонъ Истоминъ в Москвѣ градѣ 23^д лѣта мѣа септемврія»¹⁾). Очевидно, здѣсь имѣемъ первоначальное заглавіе «Большого букваря», если только приведенныя слова не считать заглавіемъ того сочиненія, которое г. Бычковъ назвалъ «Домостроемъ Каріона Истомина» и которое рассмотрѣно во II-й главѣ нашего изслѣдованія. Выше мы считали приведенныя слова заглавіемъ «Домостроя», но ничто не мѣшаетъ признать ихъ и за заглавіе Большого букваря, потому что въ стихахъ, которые заключаются въ немъ Каріонъ могъ учить юношество «како от небытія в бытность прешедшу жити достойно». Впрочемъ, если не относить къ Большому букварю приведенное выше, то ужь непременно надо отнести къ нему то, что находимъ въ Сбор. Чудов. бібліотеки № 302 на обор. л. 55: «во славу всетворца Бѣа сіп букварь в любозрителство устроися юнымъ. да во охотѣ писмень учатся дѣти, разумъ благъ. имѣти. въ царствующемъ градѣ Москвѣ 23^д лѣта. мѣа октоврія. Хуждшій Каріон іеромонах истоминъ в училище впоклонахъ юныя просить». На листахъ же 53 и 54 написано: «писать во азбуку» и затѣмъ идутъ рифмованными стихами написанныя разныя изреченія начинающіяся на ту или другую букву. Годъ составленія букваря 1695-й указываетъ несомнѣнно на Большой букварь, который былъ изданъ въ 1696 году. Сравненіе приведенной замѣтки въ черновыхъ бумагахъ Каріона съ заглавіемъ въ печатномъ Большомъ букварѣ²⁾ (1696 года) приводитъ къ заключенію, что составитель Большого букваря, приготавливая его къ печати, значительно измѣнилъ заглавіе, что было и съ Малымъ букваремъ.

Пекарскій, одинъ изъ нашихъ предшественниковъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о Большомъ букварѣ 1696 года, единственный экземпляръ котораго онъ видѣлъ въ бібліотекѣ Каратаева. Едва ли въ нашихъ книгохранилищахъ отыщется много экземпляровъ Большого букваря, потому что онъ былъ отпечатанъ для царевича Алексѣя Петровича въ количествѣ двад-

1) Сбор. Чуд. библ. № 300, л. 413.

2) Вотъ это заглавіе, по сообщенію г. Пекарскаго (Наука и литер. при П. В. I, 171—172): «Букварь языка славенска хотящымъ дѣтемъ учиться чтенія писаній. Начало всѣхъ писмень достоѣнное начертаніе; къ сему и инымъ главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою».

пяти экземпляровъ, что видно изъ слѣдующей записи въ «Книгѣ записной указовъ». Въ послѣдней на л. 1^{ра} (Библиотека М. Синод. Тип. № 67) читаемъ: «выпущенъ въ 5^д году июня въ «^л» великій Грѣ Црѣ и великій князь Петр Алексѣевичъ всея вел. и мал. и бѣлыя россиі самодержецъ указалъ и великій Гдѣи святѣйшій киръ Адрианъ Архіепископъ Московскій и всея россиі и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ благословилъ на книжномъ печатномъ дворѣ напечатать благородному Грѣо Царевичю и великому князю Алексѣю Петровичу двадцать книгъ букварей здесятословіемъ и шестію совершенствы поваго завѣта и спривѣтствами на црѣские празники и свиршами и сестоглавомъ Гепадія Патріарха вполдестъ на полуалександрійской бумаге шестю разными азбуками которые обрѣтаются вприказе книпечатнаго дѣла. Какъ видимъ, указъ о напечатаніи Большого букваря далъ былъ въ іунѣ мѣсяцѣ 1696 года; когда онъ былъ оконченъ печатаніемъ, на это намъ не удалось найти никакихъ указаній въ приходорасходныхъ книгахъ Типографскаго архива. Но изъ Лѣтописи Величка мы узнаемъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1696 года Каріонъ Истоминоу, пріѣхавъ по порученію патріарха Адриана въ Кіевъ, привезъ съ собою экземпляры Большого букваря¹⁾. Слѣдовательно, въ октябрѣ мѣсяцѣ, а можетъ быть, и раньше Большой букварь уже вышелъ изъ печати. Пекарскіи (о. с. I, 172 стр.) о Большомъ букварѣ 1696 года замѣтилъ, что, быть можетъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ по этой книгѣ учился грамотѣ. Такой взглядъ покойнаго академика подтверждается и вышеприведеннымъ царскимъ и патріаршимъ указомъ о напечатаніи Большого букваря для Царевича Алексѣя Петровича въ количествѣ двадцати экземпляровъ, тѣмъ болѣе, что въ это время царевичу шелъ 7-й годъ, слѣдовательно приближался такой возрастъ, когда обыкновенно начинали обучать грамотѣ царскихъ дѣтей.

Такимъ образомъ, мы вправѣ заключить, что первымъ и главнымъ побужденіемъ написать Большой букварь было желаніе Каріона дать достигавшему школьнаго возраста наслѣднику русскаго престола удобное пособіе для изученія азбуки. Мы не знаемъ, снабдилъ ли Каріонъ Большой букварь предисловіемъ; но при Маломъ букварѣ таковое есть. Въ этомъ предисловіи онъ заявлялъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ: «Да яко же ты государыня благочестивая царица внука твоего . . . любиши, такожде въ возрастъ временнопріятный пришедша, христіанскому благочестію, и благородному нраву, и письменныя науки учить имаша. и аще ли тогда въ потребѣ имать сія книжица быти, молю и прошу тя . . . благоволи сію днесь въ ново-

1) «Тотъ Каріонъ, исправщикъ типографіи, привезлъ тогда-жъ въ Малую Россію отъ своего мудрованія составленній *великій букварь аркушовій*, albo кграмотку для ученія дѣтей потребную, славенскимъ и Греческимъ языкомъ выразивши въ ней всѣ литеры Рускіе фигурами и лицами человѣческими» . . . Лѣтопись Самонла Величка, т. III, стр. 416.

сти отъ мене худаго вашего рабичища прїяти: и ему государю царевичу Алексію Петровичу сохранить, до вразумляемаго въ возрастѣ ученїя». Что побудило Карїона Истомина измѣнить и приготовить къ изданію въ свѣтъ, для всеобщаго употребленїя, Малый букварь, написанный первоначально для имѣющаго въ будущемъ обучаться царевича Алексѣя Петровича, — трудно сказать утвердительно. Надо предположить, что на книгу эту былъ большой спросъ въ то время: въ слѣдующемъ же году онъ пишетъ такихъ же два букваря для дочерей царицы Прасковїи Ѳеодоровны, затѣмъ потребовались буквари царямъ, царевнамъ и царипцамъ¹⁾. Можетъ быть, большой спросъ на Малый букварь навелъ Истомина на мысль приготовить его къ печати, чтобы скорѣе удовлетворить возникшей потребности. Передѣлать Малый букварь для всеобщаго употребленїя было тѣмъ возможно, что тотъ, для кого первоначально предназначался этотъ букварь, еще не достигъ школьнаго возраста. Когда же послѣдникъ престола подросъ и настало время обученїя его грамотѣ, то Карїонъ взамѣнъ измѣненнаго имъ Малаго букваря поднесъ новый спеціально для царевича написанный Большой букварь, который и печатался потому въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Впрочемъ, весьма возможно предположить, что побужденїемъ писать учебникъ для начальнаго обученїя служило сознанїе со стороны Карїона трудности усвоенїя грамоты при существовавшихъ въ то время прїемахъ обученїя грамоты. А чтобы убѣдиться въ несовершенствѣ этихъ прїемовъ, стоитъ бросить хотя бѣглый взглядъ на преподаванїе на Руси грамоты въ вѣкъ Карїона и въ предшествовавшїе ему.

Обучать дѣтей грамотѣ на Руси начали съ того времени, когда Владимиръ Св., а за нимъ и Ярославъ Мудрый завели первыя школы въ Кїевѣ и Новгородѣ. Въ этихъ школахъ обучали чтенію, письму и пѣнію церковныхъ пѣсенъ, причемъ любимою книгою, которую предлагали юношеству, была псалтырь. Въ это время еще не знали о книгахъ, спеціально предназначенныхъ для обученїя грамотѣ. Ходъ обученїя грамотѣ, насколько можно судить по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣнїямъ, состоялъ въ томъ, что семи или восьми-лѣтній ребенокъ, «елика написалъ ему учитель его, малымъ прочтенїемъ изучеваше». Говоря современнымъ языкомъ, все обученїе грамотѣ состояло въ томъ, что учитель (дѣтроводецъ) прочитывалъ, а ученики повторяли за нимъ прочитанное до тѣхъ поръ, пока не заучивали совершенно. Надо замѣтить, что проказывалъ учитель или цѣлыя слова, или же (что гораздо осмысленнѣе) буквы въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ въ алфавитѣ, а ученики повторяли за учителемъ. При такомъ способѣ обу-

1) См. напечатанную выше «запись Карїона о книгахъ, поднесенныхъ разнымъ лицамъ царской фамиліи».

ченія нельзя было ожидать благоприятныхъ результатовъ. Поэтому нисколько неудивительно читать въ житіи Св. Петра, составленномъ митрополитомъ Кипріаномъ, что «учителиви съ прилежаніемъ ему прилежащу, отроку же не снѣбно ученіе творящесея, но косо и всячески не прилежно, и о семъ убо не мала печаль баше родителемъ его, и немало тцету совмѣпяше себѣ и учитель его». . . Ясно, что такое обученіе не могло пріохотить учащихся къ дѣлу, на что жаловался митрополиту Симеону извѣстный Геннадій въ своемъ посланіи: «велю учить азбукѣ; а онъ (ставленникъ), поучившись немного, да и просится прочь, ужъ не хочетъ учиться; а иной и учится, да не усердно, и потому живетъ долго». . . Чувствовалась потребность поставить дѣло иначе, и изрѣдка раздавались требованія большей осмысленности въ обученіи грамотѣ и большаго умѣнья со стороны учителей. По крайней мѣрѣ въ одной Псалтири, дошедшей до насъ отъ того времени, въ особомъ «наставленіи ко учителемъ» высказывалось требованіе, что учитель обязанъ: 1) знати словеса кнпжная и разумѣти ихъ силу; 2) говорить дебело и тоносно (т. е. громко, отчетливо, выразительно) и 3) соблюдать точечный разумъ.

Только съ конца XVI столѣтія и притомъ въ юго-западной Руси, которая по просвѣщенію своему стояла выше Руси московской, появляются особыя книги для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ, такъ называемые *буквари*. Первый букварь нанечатанъ въ Вильнѣ въ 1596-мъ году въ друкарнѣ православнаго братства, подъ заглавіемъ: «Наука кучитанію и розумѣню писма словенскаго, туты жъ и о святой троици и о вочеловѣченіи Господни»¹⁾.

Интересенъ составъ этого перваго букваря. Здѣсь находимъ азбуку, склады, молитвы и лексисъ, или толкованія нѣкоторыхъ реченій. Кромѣ того, подъ вліяніемъ начинавшейся католической пропаганды, къ букварю были прибавлены три статьи: 1) изложеніе о православной вѣрѣ Стефана Звзанія, 2) о вочеловѣченіи Господнемъ и 3) о крестномъ знаменіи, съ цѣлью запечатлѣть въ учащихся главнѣйшіе догматы, принимаемые православною церковію и отличающіе ее отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій.

Въ 1621-мъ году въ Вильнѣ же изданъ второй букварь, подъ заглавіемъ: «Грамматика албо сложеніе писмена хотящымъ ся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатемъ».

По содержанію своему этотъ букварь значительно отличается отъ предыдущаго. Онъ предлагаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и изъ грамматики, поэтому и сказано въ началѣ: «а сія азбука, отъ книги осмочастныя, сирѣчь грамматики».

1) Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., т. I, стр. 167 и слѣд.

Въ 1652-мъ году въ Вильнѣ же вышелъ и третій «Букварь языка славенска, писанїи, чтенїа учитися хотящимъ въ полезное руководство. (Трудолюбіемъ пиюковъ въ киновїи виленскомъ православїа восточнаго . . .).

По содержанїю своему этотъ букварь можетъ считаться самымъ нормальнымъ для книги, предназначенной первоначальному обученїю грамотѣ. Здѣсь находимъ все необходимое и ничего лишняго: азбуку, молитвы, заповѣди и псалмы.

Четвертый букварь вышелъ въ Кїевѣ въ 1664-мъ году, подъ заглавіемъ: «Букварь языка славянска, писанїи человекомъ учитися хотящимъ въ полезное руководство»,—представляющій въ своемъ содержанїи нѣкоторыя особенности, тѣсно связанныя съ потребностями кїевлянъ того времени. Такъ, въ немъ читаемъ такое поставленїе: «книгъ геретецкихъ не читати и ихъ блюзнерскихъ мовъ не слухати; а не будучи выщвичонымъ, въ жадыни контроверсіи не вдаватися, такъ тежъ на ихъ казанїяхъ и сборскахъ не бывати».

Послѣднимъ изъ издавшихся въ юго-западной Руси букварей XVI—XVII вв. надо считать «Букварь языка славенска писанїи чтенїа учитися хотящимъ въ полезное руководство», изданный львовскимъ братствомъ въ 1671-мъ году¹⁾. Въ немъ, помимо азбуки и складовъ, помѣщены обычныя молитвы, пятидесятый псаломъ, гимны въ недѣлю на утрени, символъ Аѳанасїа александрійскаго, исповѣданїе вѣры Амвросїа медиоланскаго и заповѣди Августина гиппонскаго. Въ концѣ же «для цвѣченїа дѣтей по-греческу, лптерами русскими» напечатаны «Отче нашъ», «Царю небесный» и «Достойно есть».

Что касается Московской Руси, то въ ней буквари появились только въ XVII вѣкѣ. Первый букварь напечатанъ въ Москвѣ въ 1634-мъ году «трудами и тщанїемъ Василїа Ѳедорова Бурцева и прочихъ сработниковъ». Бурцевъ перенечаталъ виленскій букварь 1621 года и добавилъ лишь послѣсловїе. Черезъ три года, въ 1637-мъ году, понадобилось сдѣлать второе изданїе этого буквара, причемъ прибавлено было предисловіе и стихи.

Послѣ буквара Василїа Бурцева въ 1664-мъ году въ Москвѣ изданъ былъ «Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученїа дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенїю писанїи». Годъ 1664-й былъ однако годомъ второго изданїя названнаго буквара. Первое же изданїе его было, по мнѣнїю г. Пе-

1) Каратаевъ въ «Хронологической росписи славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 г.» называетъ еще слѣдующїе буквари, изданные въ юго-западной Руси: 1) Букварь, напечатанный въ Кїевѣ въ 1670 г., in 12°; 2) Букварь, напечатанный въ Черниговѣ въ 1680 г., in 8°; 3) Букварь, напечатанный во Львовѣ, въ типографїи Войцеха Мальчевскаго, въ 1690 г., in 8°; 4) Букварь языка славенска, напечат. во Львовѣ въ 1692 г., in 12°; 5) Букварь славинскій, напечатанный въ Уневскомъ монастырѣ въ 1698 г., in 8°.

карскаго, не ранѣ патриаршества Никона, такъ какъ въ немъ отразились начатки этимъ іерархомъ перемѣны (напр. «Главизны отвѣщательны отъ посланія Паисія архіепископа Константинополя и вселенскаго патриарха къ св. патриарху Никону, кими персты подобаетъ всякому христіанину на лицѣ своемъ пзобразати образъ креста п како достоинъ архіерею или священнику благословляти христіанъ»).

Наконецъ, ближайшимъ по времени предшественникомъ букварей Каріона Истомина былъ «Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній», изданный въ Москвѣ въ 1679-мъ году. По содержанію своему онъ полнѣе всѣхъ предыдущихъ не только Московскихъ, но и юго-западныхъ букварей. Здѣсь прибавлено: 1) «Благословеніе отроковъ, во учвище учиться священнымъ писаніямъ идущимъ»; 2) «Бесѣды о православной вѣрѣ краткими вопросами»; 3) «Привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе Св. Духа и новое лѣто¹⁾».

Сравнивая содержаніе всѣхъ названныхъ выше букварей, нельзя не замѣтить, что почти въ каждомъ изъ нихъ находятся предисловія и послѣловія, азбука церковнославянская, склады, молитвы, символъ вѣры, 10 заповѣдей и родъ краткаго катехизиса, въ которомъ излагались главнѣйшія истины вѣры, ученія о таинствахъ и т. п.

Спустя почти 15 лѣтъ послѣ изданія послѣдняго изъ названныхъ нами Московскихъ букварей, тамъ же появился «Малый букварь» Каріона Истомина, выдержавшій въ томъ же 1694-мъ году два изданія. Чѣмъ объяснить причину появленія въ свѣтъ новаго букваря и такой быстрый успѣхъ его среди публики, когда не только въ XVII в., но и въ XVIII-мъ книги раскупались туго?²⁾

Сравнивая «Малый букварь» Каріона съ его предшественниками, легко замѣтить, что онъ рѣзко отличается отъ нихъ по своему содержанію. Въ немъ прежде всего поражаютъ насъ слѣдующія слова заглавія: «Изобразися на дщицахъ Ваяніемъ, имущимъ учиться отрокомъ, и отроковицамъ мужемъ и женамъ писати». Далѣе, ни въ одномъ букварѣ до Каріонова не найдемъ мы и того, что выражено въ словахъ: «нынѣ на чертахъ букварь славенскихъ писменъ, предложихъ вещественныхъ видовъ образы, коимъ словомъ, каая вещь начпнается глаголати, подъ всякимъ писменемъ, ради любезнаго

1) Каратаевъ, *ibid.*, 89 стр., № 666, называетъ еще Букварь языка словенска, папечатанный въ Москвѣ въ 1657 году, in 8°.

2) Г. Ровинскій (Русскія нар. карт., т. V, стр. 58, примѣч.) говоритъ, что о плохомъ сбытѣ въ Россіи русско-амстердамскихъ изданій писалъ царю и Вутерсъ въ 1703 году, что читателей въ то время на Руси серьезныя было такъ мало, что залежавшіяся книги обрекались на уничтоженіе.

созерцанія, отрочатамъ учащимся, и названія видовъ удобнаго въ складѣ. да что видить, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣннаго начертанія тѣхъ». . . . Потому Каріонъ и назвалъ свой «Малый букварь» букваремъ «въ лицахъ». Правоучительные стихи на каждую букву также должны быть отпесены къ особенностямъ «Малаго букваря» Каріона. Наконецъ, здѣсь нѣтъ ни складовъ, ни заповѣдей, ни катихизическихъ вопросовъ и отвѣтовъ, зато есть краткія молитвословія и загадочное посвященіе. Впрочемъ, молитвы, заповѣди и другія общія принадлежности всѣхъ букварей не вошли сюда потому, что это — Малый букварь, букварь краткій. Каріонъ Истомпнъ, какъ монахъ, не могъ совершенно отрѣшиться отъ той цѣли, какую имѣли въ до-Петровской Руси при обученіи грамотѣ: приготовить учащихся изъ духовнаго званія къ занятію церковно-служительскихъ должностей и ознакомить мірянъ съ молитвами и обрядами церковно-служенія. Вотъ почему, можетъ быть, онъ считалъ необходимымъ внести въ свой «Большой букварь», изданный въ Москвѣ въ 1696 году, и молитвы и заповѣди. Вотъ почему въ предисловіи къ читателю, предпосланномъ Малому букварю (въ рукописи оно называется «Слово читателю»), онъ говоритъ: «Да в'ползу свою всякая Дѣѣа во имени Гдѣи пишущи оная и чтущи спасеніе согрѣшити, и получить Бѣгословеніе Бѣіе в'заповѣданномъ дѣлами своемъ на земли и на небеси». . . 1).

Какъ трудно было Каріону отрѣшиться отъ стараго взгляда, легко видѣть можно изъ сравненія «Слова читателю», находящагося въ рукописномъ экземплярѣ «Малаго букваря», съ тѣмъ сокращеніемъ его, какое имъ сдѣлано въ печатномъ изданіи. Въ первомъ онъ ясно указываетъ на то, что въ его время началось уже новое движеніе, заявлялась уже новая цѣль обученія грамотѣ: «учитися бо читати божественныя кнѣги и *гражданскихъ обычаевъ* и дѣлъ правныхъ, и тыя писати». . . . Надо полагать, что подобная мысль, которою отчасти устранились исключительно нравственно-религіозныя цѣли при обученіи грамотѣ, была столь нова и дерзка, что Каріонъ, высказавъ ее въ рукописномъ экземплярѣ букваря, не рѣшился обнародовать ее во всеобщее свѣдѣніе.

Таково содержаніе букварей Каріона Истомпна и ихъ особенности. Въ нихъ и слѣдуетъ искать отвѣтъ на поставленные выше вопросы.

Въ посвященіи Малаго букваря Государынѣ царяцѣ Наталіи Кирилловнѣ Каріонъ такъ объясняетъ внесеніе имъ въ свою книгу картинокъ и стиховъ: «. . . тебѣ великой государынѣ царяцѣ. . . смиренно припадая припошу перво первую кнѣжицу, зовемую букварь языка нашего славенскаго. Юже счинихъ ново ради удобства и охоты учитися хотящымъ писати пис-

1) Ровинскій, *op. cit.*, II т., стр. 485.

мени и слоги словесъ съ вещественными видообразованіи, и со правоучительными стихами». Иначе говоря, Каріонъ своимъ букваремъ дѣлалъ первую на Русь попытку ввести въ обученіе грамотѣ наглядность и придать этому обученію больше занимательности. Чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить такую попытку, возвратимся къ приѣмамъ обученія грамотѣ, практиковавшимся въ вѣкъ Каріона Истомина.

Выше было уже сказано, какихъ приѣмовъ держались педагоги на Руси до появленія печатныхъ азбукъ. Съ появленіемъ печатныхъ азбукъ, дѣло нисколько не измѣнилось къ лучшему. Обученіе обыкновенно происходило такъ: сперва заставляли дѣтей заучивать названія всѣхъ буквъ русскаго алфавита (при этомъ называли ихъ церковно-славянскими именами— «азъ», «буки» и т. д.) въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали въ азбукѣ, причѣмъ учащіеся должны были поневолѣ запоминать и самую букву (знакъ) и ея наименованіе. Звуковое содержаніе согласной буквы, т. е. ея произношеніе въ соединеніи съ гласною въ слогѣ и въ словахъ, въ расчетъ не принималось. За буквами слѣдовало заучиваніе павзустъ *слоговъ*, или складовъ. Когда учащіеся заучивали всевозможныя сочетанія буквъ, тогда уже приступали къ самому чтенію, которое имѣло совершенно механической характеръ, т. е. читали безсознательно—или какъ выразился Максимъ Грекъ «силы словесъ... не принимали и не понимали». Ясно, что такіе приемы обученія не могли увлечь любознательности учащихся; ученіе шло медленно, и для поощренія юныхъ питомцевъ необходимо было прибѣгать къ розгѣ. Не легко давалось ученіе питомцамъ XVII вѣка! «Тогдашняя (XVII в.) грамота—справедливо замѣчаетъ г. Забѣлипъ («Характеръ древне-народнаго образованія въ Россіи», Отеч. Записки. 1856 г., № 3-й)—являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась сухимъ и суровымъ дидакаломъ, съ книгой и указкой въ одной рукѣ и съ розгою въ другой». Отсюда и картинки, изображающія расправу педагоговъ XVII в. съ своими питомцами, въ букварѣ виленскомъ и московскомъ; отсюда и тѣ похвалы розгѣ, которыя въ этихъ букваряхъ находимъ. Если сравнить въ этомъ отношеніи буквари Каріона съ ближайшимъ ихъ предшественникомъ «Алфавитаремъ ради ученія малыхъ дѣтей («Дѣтей преднаказаніе, или букварь славенскій и вмѣстѣ греческій»), относящимся къ 80-мъ или 90-мъ годамъ XVII столѣтія, то разница, весьма выгодная для произведенія нашего писателя, окажется слишкомъ велика. Въ «Алфавитарѣ» наказанія освящены высшимъ авторитетомъ:

Розгою Духъ святой дѣти бити вольтъ,
Зане розга здравія ниже мало вредить.

Разумъ во главу дѣтей розга вгоняетъ,
 Учить тыя молитвѣ и отъ злобъ встѣгаетъ. . .
 Розгою яже мати дѣти не бѣетъ,
 Удаву скоро ему на выю увѣетъ.
 Разумныя матери и со учителя
 Малыхъ дѣтей бываютъ часты дружитѣли. . .
 Малымъ розга брезова ко воумленію,
 Старымъ же жезлъ дубовый ко подкрѣпленію;
 Младъ убо не можетъ безъ розги учить,
 Той же безъ жезла старый не можетъ ходити. . .¹⁾

Принимая во вниманіе, что подобныя панегирики розгѣ встрѣчаются не рѣдко въ учебникахъ XVII столѣтїя, и допуская, какъ это дѣлаетъ г. Мордовцевъ, что обученіе не было ужъ такъ сурово и жестоко, какъ можно заключить на основаніи подобныхъ вышеприведенному восхваленій розгѣ, — все же приходится согласиться съ мыслью, что корень ученія въ XVII-мъ вѣкѣ *въ буквальномъ смыслѣ былъ горекъ*, подчасъ очень горекъ для школьныхъ питомцевъ. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ желанію Каріона облегчить учащимся усвоеніе трудной грамоты и избавить ихъ отъ розги и жезла дидискаловъ. Можетъ быть, скажутъ, что картинки, которыми снабдилъ свои буквари Каріонъ, какъ по содержанію, совершенно для дѣтей непонятному, такъ и по исполненію, могли принести учащимся мало пользы; можетъ быть, нравоучительныя стихи, которыми Каріонъ сопровождаетъ рисунки на каждую букву славянскаго алфавита, назовутъ безсмысленными, — всѣ эти и подобныя замѣчанія должно отнести къ вопросу, насколько удачно нашъ писатель выполнялъ въ своихъ букваряхъ принципъ наглядности и занимательности. Но нельзя не привѣтствовать самый фактъ провозглашенія этого принципа въ русской учебной литературѣ конца XVII столѣтїя; нельзя безъ сочувствія отнестись къ педагогу конца XVII в., стремившемуся найти средство — облегчить учащимся усвоеніе трудной науки, изъ-за которой имъ приходилось испытывать разные мученія. Гуманность стремленій Каріона — вѣ сомнѣніи. Помимо указаннаго, она просвѣчиваетъ и въ томъ, что въ его букваряхъ не нашли себѣ мѣста ни внушительныя и поучительныя картинки, изображающія дидаскаловъ съ розгами надъ разложенными на скамьяхъ школьниками, ни отеческія наставленія, въ родѣ: «цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте, та

1) О пользѣ наказаній, по возрѣнію древне-русскихъ педагоговъ см. подробнѣе въ ст. г. Мордовцева: «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.», Читенія въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1861 г., кн. IV и отдѣльно Москва, 1862 г. Ср. также Мирковича: «О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршіи періодъ», Жур. Мин. Нар. Пр., 1878 г., № 7, стр. 6.

суть безвишна, тѣхъ не проклиняйте». Въ этомъ отношеніи буквари Каріона оставляютъ за собою даже изданный въ 1701-мъ году букварь Θεодора Поликарпова, гдѣ находимъ угрожающую картинку: представлена классная комната, ученики и учителя, изъ которыхъ одинъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго предъ нимъ, а другой сѣчетъ пучкомъ розогъ разложеннаго передъ нимъ на скамьѣ школьника; подъ картинкою стихи гласятъ:

«Всякій человекъ въ тишѣ поучайся:
во службу Богу измлада отдайся.
Кто бо учится слогамъ съ охотою,
языки ны речетъ добротою.
Угодство людямъ въ мудрости содѣтъ.
пріятство оный вездѣ возымѣтъ:
Лѣнвивіи же за праздность біются,
грѣховъ творити всегда да блюдется!»¹⁾

Мало того, если обратиться къ вопросу, насколько удачно выполнилъ нашъ писатель свою задачу, то и въ этомъ отношеніи лицевые буквари его нельзя не признать замѣчательными. Знаюкъ дѣла, г. Ровинскій говоритъ слѣдующее по этому поводу: «Относительно художественнаго исполненія букваря Каріона Истомина замѣчу, что буквицы такого рода съ роскошными многодѣльными украшеніями встрѣчаются въ рукописномъ обиходѣ XVII вѣка довольно часто: 1) Въ Спб. Публичной библіотекѣ хранится рукописная «буквица», сдѣланная искуснымъ каллиграфомъ конца XVII вѣка. Буквица эта состоитъ изъ двухъ столбцовъ, имѣющихъ до 12-ти аршинъ длины (оба вмѣстѣ) и наполнена заставками, рамками, клеймами съ вязью и всевозможными украшеніями, которыя представляютъ много общаго съ украшеніями, встрѣчающимися въ Синодикѣ Бушпа 1702 года, съ рамками (на черномъ фонѣ), рѣзанными мастеромъ Василемъ Андреевымъ, и съ рамками, въ которыя вставляли свои произведенія граверы-серебряшники конца XVII вѣка. Монахъ Каріонъ Истоминъ несомнѣнно имѣлъ въ виду эту буквицу, при составленіи своего букваря: образцы буквъ обѣихъ книгъ очень сходны; только въ буквицѣ они сложиѣе и красивѣе, въ букварѣ же выпущено все то, что было не подъ силу граверу Бушпу». . .²⁾». Послѣ приведенныхъ словъ г. Ровинскаго станетъ понятно, почему Малый букварь

1) См. Пекарскій, Наука и лит. при П. В., I, стр. 176.

2) Ровинскій, Русскія нар. карт., т. IV, 515 стр. Буквица Публичной библіотеки издана въ 1877 г. Обществомъ любителей древней письменности. Къ сказанному г. Ровинскимъ о буквицахъ прибавимъ, что буквица XVII ст. находится еще въ библіотекѣ Гл. Архива М. Иностран. Д. № 252 (457); она написана также на столбцѣ; есть буквы большія и малыя, а послѣ азбуки представлены образцы и разныя поучительныя изреченія.

Каріона выдержалъ въ одинъ годъ два изданїа — рѣдкость для книгъ XVII столѣтїа! Вѣроятно, достоинствами этого букваря надо объяснять и то, что онъ былъ напечатанъ типографскимъ шрифтомъ въ С.-Петербургѣ даже въ 1829 году. Только широкимъ распространенїемъ букваря Каріонова объясняется то, что онъ могъ зайти на далекїй сѣверо-востокъ, въ Соликамскъ, гдѣ г. Берху удалось найти одинъ экземпляръ этого букваря. Не сомнѣваемся, что такіе же экземпляры Малаго букваря Каріонова можно найти и въ другихъ мѣстахъ нашего пространнаго отечества.

Въ заключенїе скажемъ еще объ одной особенноти букваря Каріона, которая выгодно выдѣляетъ его изъ числа учебныхъ книгъ XVII вѣка. Въ то время уровень образованїа не былъ еще значителенъ; священника, который умѣлъ кстати прочесть одну главу изъ Библіи или отрывокъ изъ проповѣди, считали за ученаго человѣка; а кто умѣлъ читать и писать, отъ того не требовали дальнѣйшаго обученїа. Таково было образованїе мальчиковъ, а дѣвочекъ и грамотѣ не учили. Нашъ писатель, какъ видно изъ заглавія Малаго букваря, одинаково предназначалъ его для обученїа мальчиковъ и дѣвочекъ, слѣдовательно не лишалъ умственнаго образованїа и женщину. И русская женщина должна сказать ему за это великое «спасибо»; а всѣ изучившіе внимательно буквари Каріона и сравнившїе ихъ съ предшествовавшими трудами подобнаго рода невольно должны привѣтствовать въ лицѣ нашего писателя недюженнаго русскаго педагога XVII вѣка.

Въ первой частн нашего изслѣдованїа мы имѣли уже случай высказать свое мнѣніе по вопросу о существованїи училищъ на Руси въ XVII вѣкѣ. Мы поневолѣ должны были остановиться тамъ на статьѣ г. Каптерева, который высказалъ не новый взглядъ, отрицая существованїе какихъ-либо училищъ въ Московской Руси до открытїа греко-славено-латинской Академіи. Еще въ 1855 году г. Рудневъ въ статьѣ «О воспитанїи въ древней Руси»¹⁾ утверждалъ, будто бы у насъ училищъ, даже и для начального обученїа, (почти) вовсе не было. Противъ этой мысли также уже давно г. Мордовцевъ привелъ вѣское возраженїе: онъ указалъ на свидѣтельство Азбуковниковъ, что на Руси были въ XVII столѣтїи училища, въ которыхъ существовалъ извѣстный курсъ преподаванїа (хотя и не ясно очерченный) и свои порядки. Изъ тѣхъ же Азбуковниковъ мы узнаемъ, что изученїемъ азбуки, уменьемъ читать и писать въ школахъ XVII вѣка не ограничивались. Въ нихъ рядомъ съ азбукою помѣщаются свѣдѣнїа и изъ грамматикн, слѣдовательно изученїе грамматикн входило въ кругъ предметовъ обученїа въ низшихъ школахъ въ XVII столѣтїи. Казалось бы

1) Библіотека для чтенїа, 1855 г., № 8; ср. Мордовцева ст. въ Чтенїяхъ Имп. Общ. Ист. и др. 1861, кн. IV, стр. 28, примѣч. 1.

поэтому, что и Каріонъ Истомина не долженъ былъ ограничиться изготовленіемъ букварей, разъ онъ взялся за писаніе учебныхъ книгъ для царевича Алексѣя Петровича. Царственный питомецъ съ возрастомъ требовалъ расширенія своихъ свѣдѣній по русскому языку, слѣдую обычаю того времени¹⁾. Вотъ почему «Малая грамматика» является естественнымъ слѣдствіемъ и результатомъ дальнѣйшей дѣятельности Каріона на поприщѣ учебно-педагогической литературы.

Изъ нашихъ предшественниковъ, какъ видѣли (см. «Обзоръ литературы предмета» въ I ч. настоящаго изслѣдованія), одинъ академикъ Пекарскій сообщилъ краткія свѣдѣнія объ этомъ трудѣ Каріона, оставшемся въ рукописи. Поэтому позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь маленькое отступленіе, чтобы сообщить подробное описаніе хранящейся теперь въ С.-Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, рукописи «Малой грамматики» Каріона Истомина.

Рукопись²⁾ написана въ листъ и заключена въ хорошій желтой кожи переплетъ, съ мѣдными застежками, причемъ нижняя застежка оторвана. Верхняя сторона переплетовъ украшена двойнымъ золотымъ ободкомъ, съ золотыми цвѣтами по угламъ втораго внутренняго ободка; по срединѣ же изъ золотой вязи — растянутый четырехугольникъ. Вверху на корешкѣ, на небольшой оранжеваго цвѣта карточкѣ выставленъ золотомъ № 89-й рукописи, подъ которымъ ее можно найти въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Вверху первой доски переплета на кожѣ почеркомъ Каріона Истомина написано: «Книга Грамматика». Листы рукописи не были въ свое время нумерованы, но потомъ кто-то (не покойный ли г. Пекарскій?) обозначилъ количество исписанныхъ листовъ карандашомъ. Всего обозначено 50 листовъ; не обозначены два листа чистые, слѣдовательно всего въ рукописи 52 листа. Рукопись писана красиво, почти уставомъ.

На обор. л. 1-го въ обведенномъ чернилами четырехугольномъ ободкѣ написанъ рядъ изреченій изъ книгъ священнаго писанія, смыслъ которыхъ весьма ясенъ. Вотъ эти изреченія:

1) Что дѣтей царскихъ учили грамматикѣ, можно видѣть изъ обученія Θεодора Алексѣевича и царевны Софіи Сим. Полоцкимъ. Поэтому нечего стѣсняться тѣмъ, что въ «Наказѣ» о воспитаніи царевича Алексѣя Петровича, составленномъ въ 1703 г. барономъ Генрихомъ Гюйсеномъ, нѣтъ указанія на грамматикѣ. Въ «7-й статьѣ» Наказа читаемъ: «Самое ученіе и образъ онаго далѣе къ возвращенію его высочества надлежитъ нынѣ первоначально тако управлять и учреждать: § 1. Чтобъ его высочество непрестанно въ чтаніи и писаніи Русскаго, яко сего государства, языка, и особливо въ чтаніи всякаго письма рукъ въ часы по-полудни обученъ былъ». Здѣсь рѣчь идетъ вѣдь о *первоначальномъ* обученіи. Если русскій языкъ ставится *первымъ* предметомъ обученія, то ясно, что однимъ чтеніемъ и письмомъ не ограничивались. См. Устрялова, Исторія П. В., т. VI, прилож. стр. 301.

2) За возможность пользоваться рукописью приносимъ глубокую благодарность Л. Н. Майкову и А. А. Кунику (нынѣ уже покойнымъ).

Обрѣтаяй корысть многу. псало^м: рїи¹).

Блженъ члкъ иже обрѣте мудрость. сира^х: кѣ.

Мудрость просвѣщаетъ лице его. склїи^и: иї.

Мудрость мужу раждаетъ животь. при^и: ї.

Всяка премудрость от Гда^и. сира^х: а.

Сего ради фїлософи глѣють:

Мудрость есть тричастна, яко

Мудрость простая, или несложная (яже есть самобытная)²).

Мудрость: излїянна, и мудрость: обученна

Мудрость простая никому же даѣтся:

тварп. токмо самъ сый слово Бжїе пмать Хр҃тосъ Бг҃ъ ишїъ,

Мудрость излїянна, дана бысть премудрому Соломону, и аплѣомъ стымъ во огненныхъ языцѣхъ.

Мудрость же обученна, или мудрость отъ школныхъ ученїи дается всѣмъ, яко даръ отъ Бга: яко многимъ стымъ оцѣмъ: древле и пнѣ, и впрѣдгрядущїя времена труждающимся во ученїи школномъ: то есть и книжномъ».

Вверху л. 2-го³) большими красными (киноварными) буквами написано:

Бжїею милостїю

Пресвѣтлѣйшїи⁴), блгороднѣйшїи, великїи Гдрю ншїъ цр҃вичю и великїи кнѣзъ Алезїе Петровичю⁵) всея великїя, и малыя, и бѣлыя росїи монарховичю. надежнѣйшїи помощнче: яко всемирно сый, соцр҃вствующїи вселюбезнѣйшему своему родителю (обор. л. 2).

Пресвѣтлѣйшему⁶) великодержавнѣйшему и Бгохранимому монарху, великому Гдрю ншѣму цр҃ю и великому кнѣзю Петру Алезїевичю⁷) всея великїя и малыя, и бѣлыя росїи самодержцу. всякїя блгодати, и премудрости усиѣвай, и исполняйся от Бга и члкъ на славу Бжїю. Пресвѣтлѣйшему своему родителю на всегдашнюю помощь. Цр҃кви стїи восточнѣи на утвержденїе, и всему (л. 3) православному хр҃тіанству росїйскаго рода родовъ: во вѣчное наслѣдіе, даже до скончанїя вѣка».

1) Правописанїя подлинника оставляю, но измѣняю написанїе буквъ и опускаю надстрочные знаки. Заглавная буква каждаго изреченїя писана киноварью. Обозначенїе, откуда взято изреченїе, написано на полѣ, виѣ четырехугольнаго ободка.

2) Взятїя въ скобки слова въ рукописи приписаны на полѣ.

3) Внизу этого листа съ одного (лѣваго) края написано чернилами Л, а съ другого а. Это заставляетъ думать, что листы рукописи первоначально были обозначены по-славянски, но при переплетѣ цыфры обрѣзаны (а сохранилось обрѣзаннымъ).

4) Буква Л написана киноварью.

5) Имя и отчество писаны киноварью.

6) Буква Л написана киноварью.

7) Имя и отчество написаны киноварью крупно, какъ выше было написано имя и отчество царевича.

На об. л. 3-го большими буквами киноварью написано: «Предисловіе», а затѣмъ продолженіе написано меньшими буквами чернилами обыкновенными: «малыя грамматики».

На оборотѣ л. 5-го послѣ «Предисловія»¹⁾ внизу, ближе къ правому краю листа написано мелко рукою Каріона Истомпа: «послѣдній рабъ, и всегдашій мѣтвенник, іеромонахъ Каріонъ, задулбнѣкій»²⁾. Далѣе съ листа 6-го идетъ обширное заглавіе Малой грамматики, написанное въ перемежку киноварью и обыкновенными чернилами. Это заглавіе продолжается до л. 9-го, причеиъ съ л. 2-го до 9-го иѣтъ ободковъ на листахъ, а съ этого послѣдняго до конца опять листы обведены рамкою. Въ этомъ большомъ заглавіи сообщается не только понятіе о грамматикѣ, но и звукахъ и буквахъ. (Мы его печатаемъ въ приложеніяхъ къ III гл. второй части этого изслѣдованія).

Съ л. 9-го идетъ уже самая грамматика, раздѣленная на 4 части. Каріонъ написалъ только первую часть «Ороографію», которая заключаегъ въ себѣ три части. Первая — «естество письменъ» занимаетъ лл. 9—45; вторая — «О удареніи гласа» — лл. 46—47; третья — «О препинаніи словесъ» съ л. 48 до обор. л. 49, въ концѣ котораго помѣщено маленькое заключеніе. Въ первой части ороографіи такой порядокъ изложенія: въ видѣ заголовка большими буквами и киноварью написано «Писмо первое», «писмо второе» и т. д.; затѣмъ идетъ красивое съ цвѣткомъ внизу подъ буквою начертаніе (киноварное) той или другой буквы славянскаго алфавита³⁾.

Выше было уже сказано, что «Малая грамматика» Каріона заключаетъ только ороографію. Въ концѣ ея онъ обѣщаетъ познакомить своего царственнаго ученика и съ остальными тремя частями грамматики: «Прочее же толкованіе — говоритъ онъ здѣсь — надлежитъ до трехъ остатныхъ частей всея грамматики. до этимологій, которая учитъ осми частехъ слова. до синтаксисъ; я же учить о сочиненіи осми частей, како ихъ сочиняти, и тѣхъ сокровенъ разумъ открывати. и до просодіи которая же учитъ стихотворному художеству, и прострапѣій ороографіи, о удареніи гласа и препинаніи словесъ вѣщаетъ». Исполнилъ ли нашъ писатель намѣреніе — трудно сказать съ увѣренностію, такъ какъ не сохранилось рукописи, служащей продолженіемъ «Малой грамматики». Мы можемъ положительно утверждать, что онъ приступалъ къ исполненію своего намѣренія, на что указываютъ находящіяся въ Сборникѣ Чудовской библиотекѣ № 300, л. 434 отрывки изъ

1) См. его въ приложеніяхъ къ III гл. второй части нашего изслѣдованія, № 1-й.

2) Подчеркнутое нами слово г. Пекарскій прочелъ невѣрно: «Зауменскій» и поставилъ знакъ вопроса. Мы нарочно воспроизвели это слово такъ, какъ оно написано въ рукописи.

3) Подробно см. приложенія къ гл. III, № 1-й.

этимологіи и въ Сборникѣ той же библіотеки № 301, лл. 118—121 отрывки изъ синтаксиса¹⁾). Можетъ быть, когда-нибудь и въ какомъ-либо книгохранилищѣ (общественномъ или частномъ) отыщется рукопись всей грамматики Каріона, по теперь извѣстно только то, что указано нами.

Въ «Предисловіи» къ своей «Малой грамматикѣ» Истоминъ такъ объясняетъ побужденіе писать ее: «Гдѣ²⁾ нѣтъ иѣсъ хрѣосъ во стѣомъ еѣліи, зѣло похваляетъ учащихся кнѣгамъ спце: всякъ книжникъ научився црѣтвію побѣому, подобенъ есть члѣву домовиту, иже износит ѿ сокровища своего новая и ветхая:³⁾ сокровище есть срѣде, повая есть: стѣое еѣліе, аилѣ. ветхая: (л. 4) вся пррѣческая кнѣги, яже воспрїяла црѣковъ стѣая. И индѣ глѣтъ: испытайте писанїя, внихъ же есть животь вѣчный⁴⁾. спцевья ради вины надежно дерзнухъ и азъ малую сію грамматику истолковать, еже есть орѣографію. яко подобное подобному, вашему црѣкому пресвѣтлѣому величеству въ юности сый успѣвающу, бо та есть наказательница всѣхъ блѣгихъ дѣлъ, (об. л. 4) и руководительница до всѣхъ⁵⁾ мудростей... наипаче же младыя отроки, воспрїемлютъ во младости младое, еже есть ученїе, грамматикѣ». . . Отсюда видно, что Каріонъ предназначалъ свою грамматику для первоначальнаго ознакомленїя царевича съ правилами науки, которая считалась «руководительницею до всѣхъ мудростей». Вотъ почему, быть можетъ, по объему своего содержанїя «Малая грамматика» близко подходитъ къ тому роду учебниковъ по грамматикѣ, какіе встрѣчаются въ Азбуковникахъ. Чтобы наша мысль не показалась голословною, постараемся подтвердить ее сравненїемъ содержанїя «Малой грамматики» съ однимъ изъ учебниковъ по грамматикѣ, сохранившимся въ Азбуковникѣ XVII вѣка.

Г. Мордовцевъ, въ не разъ уже названной статьѣ разсматривая содержанїе Азбуковниковъ и заключающихся въ нихъ учебниковъ по русской грамматикѣ, замѣтилъ, что при первоначальномъ обученїи дѣтей грамматикѣ особенное вниманїе обращали на обученїе *правописанію* (Мордовцевъ, *op. cit.*, 52 стр.), такъ что *орѣографія* была первою частью грамматики, съ которою дѣти прежде всего и знакомились⁶⁾. «Малая грамматика»

1) См. ихъ въ приложенїяхъ къ III гл. второй части настоящаго изслѣдованїя, № 2-й.

2) Г написано кинварью съ цвѣтами.

3) На полѣ: «мѣо: ѣ».

4) На полѣ: «иоа": ѣ».

5) Въ рукописи Ъ на концѣ не пишется тамъ, гдѣ оканчивается строка.

6) Г. Баталинъ, разсматривавшїй Азбуковники съ иной, чѣмъ г. Мордовцевъ, точки зрѣнїя, также замѣчаетъ: «Главное вниманїе азбуковники обращали на орѣографію, и относительно этой части грамматики въ нихъ встрѣчается особенно много правилъ». Поэтому въ нѣкоторыхъ азбуковникахъ знанїе грамматики, или «грамматичесство» опредѣлялось такъ: «...грамматичесство есть, еже разумѣти орѣографію и просодію и соединительная воображенїя и полаганїя ихъ». Впрочемъ въ нѣкоторыхъ азбуковникахъ нѣсколько шире понималось «грамматичесство», имено—какъ умѣнье «како и коими словами азбучными

Каріонова, какъ было замѣчено, излагаетъ также эту первую часть грамматики.

Тотъ же изслѣдователь замѣтилъ, что грамматики азбуковниковъ содержаніе свое брали изъ печатныхъ азбукъ и грамматикъ, но въ нихъ все взятое изъ печатныхъ книгъ было «краткимъ сведеніемъ вельми удивленію», т. е. сокращено и упрощено. То же подтверждаетъ и г. Баталинъ, говоря: «Большую частію грамматическія правила заимствуются азбуковниками изъ сочиненія Іоанна Дамаскина «О осьми частехъ слова», но переводу Экзарха Болгарскаго, и изъ «алфавита, како рѣчь которая говорити или писати», принадлежащаго неизвѣстному составителю, жившему въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. При нѣкоторыхъ статьяхъ, какъ напр. о *просодіи*, встрѣчаются ссылки на грамматику Лаврентія Зизанія, вышедшую въ 1596 году»¹⁾. «Малая грамматика» Каріонова представляетъ, какъ ниже увидимъ, такое же сокращеніе извѣстныхъ до того времени грамматикъ, особенно грамматики Мелетія Смотрицкаго.

Для болѣе основательнаго сужденія о грамматикѣ Каріона Истомина, необходимо сравнить содержаніе ея съ содержаніемъ первой части въ грамматикахъ, извѣстныхъ на Руси въ XVII столѣтіи²⁾.

Задолго до XVII столѣтія на Руси сознавали потребность въ грамматикѣ, которая подвела бы разнообразныя явленія языка подъ опредѣленные законы. Потребность эта громко заявляла о себѣ при переводахъ книгъ съ греческаго языка. Въ XVI вѣкѣ на необходимости и важности грамматики настаивалъ Максимъ Грекъ (1480—1556), и изъ его многочисленныхъ грамматическихъ разсужденій ясно видно, что грамматика могла оказать важныя услуги переводчикамъ и переписчикамъ книгъ. Въ виду полного невѣжества послѣднихъ Максимъ Грекъ выясняетъ важность грамматики, которую называетъ «началомъ входа къ философіи». Высокій взглядъ его на эту науку виденъ изъ такихъ, напримѣръ, словъ: «сія (т. е. грамматика) раждаетъ души неизслѣдная благоразумѣнія; о сей прогоняется отъ тоя любящихъ ю всякое мраковидное неразуміе; сія вождь къ боговидному смо-

---

каждо рѣчь писати и како каяждо глаголати и еже разумѣти добрѣ и потолку, еже коими письмены азбучными рѣчими множественныя и единственныя писати и како ихъ глаголати, и еже кая письмена въ мужскихъ реченіихъ прилична, кая же ли въ женскихъ, и еже разумѣти, на koliko потребъ азбучная письмена раздѣляются и еже koliko отъ нихъ согласныхъ письменъ, koliko гласныхъ; и паки разумѣніе, кая суть во азбуцѣ нарицаются краткія слоги и кая долгія слоги, и еже которое просодіе приѣмлетъ долгій слогъ, кое же краткій». См. ст. г. Баталина: «Древне-русскіе азбуковники», Филологич. Зап., 1873 г., вып. III, стр. 27. Курсивъ принадлежитъ намъ.

1) Г. Баталинъ, *op. cit.* стр. 28.

2) Хотя годъ составленія «Малой грамматики» не извѣстенъ, но по ходу обученія царевича надо полагать, что ее написалъ Каріонъ не могъ ранѣе 1696 года, т. е. ранѣе составленія «Большого букваря».

трѣнїю, и предивному и неприступному богословію; . . . сія опаснѣйшїй и твердостойнїй, не мечтаемый умъ. . . Велика убо и преславна вещь и дивна ми бываетъ и слышанїемъ, коль же паче тоя разумнїемъ!» Понятно, что такая важная наука не дается легко и надъ изученїемъ ея «надобѣ сидѣти у учителя добраго годъ ровень, упраздившуся отъ всѣхъ житейскихъ плицъ и печалей и любити трезвенїе всегда и воздержатися отъ всякаго покоя и угоженїя гортаннаго и сна и винопитїя». . . Не смотря, однако, на горячую проповѣдь Максима Грека о пользѣ грамматики, голосъ его пока оставался для переводчпковъ и переписчиковъ Московской Руси голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Первая грамматика русскаго языка появилась въ Москвѣ почти сто лѣтъ спустя послѣ его смерти. Русь юго-западная въ этомъ отношенїи значительно опередила Русь сѣверо-восточную. Въ силу болѣе высокой культуры и большого распространенїя просвѣщенїя, въ первой болѣе сильно чувствовалась потребность въ грамматикѣ. И потому въ концѣ XVI столѣтїя здѣсь появился первый цѣльный грамматическїй трудъ. То была грамматика еллинословенская, напечатанная во Львовѣ въ 1591-мъ году¹⁾.

Грамматика эта представляетъ плохую копилацию изъ другихъ грамматикъ, о чемъ говорятъ сами составители: «Γραμματικὴ ἐνυπερθεῖσα ἐκ διαφόρων γραμματικῶν» (или въ переводѣ на русскїй языкъ сказано: «Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ, спудейми же въ Львовской школѣ» л. 7). Въ обращенїи къ «многоязычному росїйскому роду», которымъ составители предварили свою грамматику, указываются слѣдующїя четыре части ея: «. . . я вначалѣ убо сію пачинающе, четырма же ея часми предобучаемъся. Яже суть ороографїя, просодїя, етимологїя и синтаксїсъ, спрѣчь, правописанїе, припѣванїе, правословіе, и съчпненїе». Затѣмъ идетъ выясненїе пользы грамматики: «сія бо есть первая ключъ отверзаѣй умъ разумѣти писанїя. отъ нея же яко по ступенехъ всю лѣствицу, по чину учешїи, трудолюбїви достигаютъ. діалектики, риторики, мусики, арифметики, геометрїи, и астрономїи, и спми же седми, якоже нѣкимъ съсудомъ разсужденїя почерпаемъ философіи» (л. 3-й). Грамматика опредѣляется разнообразно. Всѣ эти опредѣленїя собраны въ особомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «О Грамматїцѣ» (л. 9).

«Грамматика» — читаемъ здѣсь — «есть, художество учащее насъ умная писати. и яко къ кому мѣрително, или числительно вещественна, съ разсужденїемъ повѣдающа».

1) Вотъ полное заглавіе этой грамматики: Ἀβελφοῦ Γραμματικὴ dobroглаголиваго Еллинословенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанїю многоязычному Росїйскому роду. Во Львовѣ. Вдрукарки Братской. Року. аѣѣа. (= 1591 г.). Грамматика напечатана на одной страницѣ по-гречески, а на другой по-славянски. Дальше приводимъ славянскїй текстъ, оставляя греческїй въ сторонѣ.

«Или грамматика есть, художество зрительное и дѣлательное еже бл҃гоглати и бл҃гописати учащее нас».

«Не всякъ бо писаяи или чтяи глаголется грамматикъ, но еже правило и предѣлъ отдавий. правило убо въ еже управити, предѣлке въ еже опредѣлити.

«Или грамматика есть, искусство при творцѣхъ же и исписателехъ яко на мнозѣ глаголемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе.

«Бываетъ же грамматикъ и грамматика яко отъ вещи вещественъ и вещество».

Такимъ образомъ во всѣхъ приведенныхъ опредѣленіяхъ грамматики она является «художествомъ». Такой взглядъ на грамматику господствовалъ въ средніе вѣка, когда, въ качествѣ художества (*ars pure loquendi*), она «входила въ составъ семи свободныхъ наукъ и содержала въ себѣ не только пѣстику, но и начала логики, почему и была полагаема въ связи съ философіей и называлась ключемъ, отпирающимъ уму всѣ познанія».

Въ слѣдъ за опредѣленіемъ грамматики идетъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «О раздѣленіи писменъ». Вотъ что узнаемъ изъ этого отдѣла:

«Писмо есть часть малая, гласа нераздѣлна. суть же писмена двадцать четыре.

α. β. γ. δ. ε. ζ. η. θ. ι. κ. λ. μ. ν. ξ. ο. π. ρ. ς. σ. τ. υ. φ. χ. ψ. ω.

Раздѣляются убо сія на двѣ, на гласныя и на согласныя.

Гласныхъ убо седмъ α. ε. η. ι. ο. υ. и ω.

Раздѣляются убо и седмъ гласныя на три, на долгія, на краткія, и на двовременныя.

Долгія убо двѣ, η̄ и ω̄.

Краткія же двѣ, ε. и ο.

Двовременныя же три, α. ι. υ.

Отъ сихъ же седми гласныхъ, господственно двогласныя шестъ бываютъ αι. ου. ει. ευ. οι. ου.

Потребователно же шестъ, α. η. φ. η. ην. ων.

Согласныя раздѣляются на полгласныя и безгласныя.

Полгласныхъ—8: ζ. ξ. ψ. λ. μ. ν. ρ. σ.

«Раздѣляются убо полгласныя на три, на сугубыя, на неотмѣнныя, и на незначающую σ.

«Сугубыя убо три, ζ. ξ. ψ.

«Неотмѣнныя же четыре, λ. μ. ν. ρ.

«Безгласныхъ же девятъ, β. γ. δ. κ. π. τ. θ. φ. χ.

«Безгласныя же раздѣляются на три, на тонкія, на спливыя, и на среднія.

«Тонкія убо три, κ. π. τ.

«Сипливья же три, θ. φ. χ.

«Среднїя же три, β. γ. δ...».

«О просодїи» въ концѣ грамматики читаемъ слѣдующія замѣтки: «Просодїя есть протяженіе отписменнаго гласа, пли удареніе сонимъ же поем. суть же просодїи десят. Озїя ´, Варїя ` , Облеченная ˘, Долгая -, Врахїя ˘ , Зипливая (δασῖα) с, Тонкая э, Апострофъ ´, Соединительная √, и подстолная (ὑποδ'αστολή);»...

О знакахъ препинанїя ничего не говорится въ этой грамматикѣ.

Приведенные отрывки ясно показываютъ, что Львовская грамматика хотя и названа составителями ея «еллно-словенская», но по существу своему есть скорѣе грамматика греческаго языка, чѣмъ грамматика литературнаго русскаго языка XVI столѣтїя. Авторы такъ увлекаются, что вмѣсто славянскихъ буквъ говорятъ о греческихъ. Поэтому грамматика Львовская не имѣетъ ни научнаго, ни тѣмъ болѣе практическаго значенїя; но она достойна упоминанїя, во-первыхъ, какъ первый опытъ грамматики на Руси, во-вторыхъ, потому, что влїяла на составленїе послѣдующихъ грамматикъ.

Такъ, Лаврентїй Зизанїй, можетъ быть, подъ влїяніемъ неудачной попытки львовскихъ спудеовъ написать русскую грамматику рѣшился составить новую, болѣе близкую къ строю церковно-славянскаго языка. Въ 1596 году въ Вильнѣ была напечатана его грамматика, подъ заглавіемъ: «Грамматика Словенска, съвершеннаго искуства осми частей слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставлена L. Z. въ Вильнѣ, въ друкарьни Братскої, року Божого ,аѳѣз, а отъ созданїя міра ,зрѣг мѣсяца февраля вѣ».

Начинается грамматика стихами, въ которыхъ указываются части ея и выясняется ея значенїе:

«Грамматика писма всѣхъ научаетъ,
Четырма частями латве уразумляетъ,
Ороографїею и Просодїею,
Синтаксисомъ и Этимологіею...
Ключемъ бо есть, отворяючи всѣмъ умъ.
Къ познанїю въ преправый разумъ;
По которой власия якъ по всходѣ поидеть
Каждый, естли хочеть, всѣхъ наукъ доидеть».

Въ приведенныхъ стихахъ мы не находимъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что говорили львовскїе спудеи въ предисловіи къ своей грамматикѣ. Немного новаго представляетъ Зизанїева грамматика и въ содержанїи. Онъ силится подогнать церковно-славянскїй языкъ подъ гото-

вья греческія схемы; новостью является лишь форма, въ которой излагается старое содержаніе: форма эта вопросо-отвѣтная.

Примѣняясь къ церковно-славянскому языку, онъ насчитываетъ 37 писемъ, причемъ раздѣляетъ ихъ такъ же, какъ дѣлились они во львовской грамматикѣ, на долгія, краткія и двоевременныя. Онъ даже находитъ четыре дифтонга въ славянскомъ языкѣ — Ѹ, ѡ, ю и ѡ. Въ просодіи онъ называетъ только шесть надстрочныхъ знаковъ: оѣіа, варіа, облеченная, кроткая, долгая и краткая. Затѣмъ говоритъ о титлѣ и о знакахъ препинанія. Послѣднихъ насчитываетъ шесть: занятая, срока (малая точка, ставившаяся въ древнѣйшихъ рукописяхъ обыкновенно въ срединѣ строки), двосрочіе, подетоліа, соединительная и точка.

Слѣдующимъ грамматическимъ трудомъ была грамматика Мелетія Смотрицкаго, напечатанная первоначально въ Евю въ 1619 году. Спустя 29 лѣтъ, въ 1648 году, эта грамматика была напечатана въ Москвѣ вторымъ изданіемъ, которое имѣетъ весьма незначительныя отличія отъ изданія 1619 года. Болѣе замѣтнымъ отличіемъ является въ началѣ обширное введеніе вмѣстѣ со словомъ Максима Грека о пользѣ грамматикъ.

Полное заглавіе перваго изданія грамматикъ Мелетія таково: «Грамматикъ словенскія правилное синтагма, потцапіемъ многогрѣшнаго монаха Мелетія Смотрицкаго, в Коіновіи Братства Церковнаго Виленскаго, при храмѣ сошествія Пресвятаго и животворящаго Дѣа, на зданномъ странствующаго снисканное и прижитое: лѣта от воплощенія Бѣа Слова „аѡѡі. Правящу апостолскій престолъ великія Божія Константинопольскія Цркви Вселенскому патріарсѣ Г: Отцу Тимоою. Вселенскому же Коіновію предстателствующу Г: отцу Леонтію Карповичу Архимандриту в Евю». Форма грамматикъ — вопросо-отвѣтная. Вотъ начало ея: «Что есть грамматика: Есть пзвѣстное художество благо и глати и писати учащее; — колико есть частій Грамматикъ: четыре: ороография: Етимологіа: Считаѣіс: Просодіа». (л. ѡ. Мѣта листовъ внизу). «Ороография трое всебѣ содержитъ: естество писменъ: ударяніе гласа: препинаніе словесъ». . . (об. л. ѡ). Всѣхъ буквъ Мелетій насчитываетъ сорокъ и раздѣляетъ ихъ на гласныя и согласныя. Первые, кромѣ того, подраздѣляются на самогласныя и припрочно-гласныя—это первое раздѣленіе гласныхъ. Но особенно характерно то, что говоритъ авторъ о второмъ раздѣленіи гласныхъ (об. л. і): «Аще убо и не творятъ Славяне писменемъ своимъ гласнымъ втораго раздѣленія по Греков мѣрителнаго в'словахъ количества раздѣленію, стіхотворну посим Славяномъ художеству небывщу; обаче поелпку нам и Греческаго раздѣленія силу, и славенскихъ гласныхъ и двогласныхъ писменъ ко Греческимъ прискрпность вѣдѣти, искусныхъ мужей по Божіей блѣти, вѣдѣніемъ дадеся, раздѣляемъ гласная на трое: на долгая (и, ѣ, ѡ): краткая (е, о) и двоевременная (а, ѣ, ѡ)».

Далѣ слѣдуетъ ученіе о двугласныхъ. Согласныя имѣютъ также два раздѣленія. По первому онѣ бываютъ: полгласныя и безгласныя; а по второму — измѣняемыя и обобщающія. Въ особомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ: «Звѣщанія» — излагаются правила употребленія различныхъ гласныхъ буквъ. Въ отдѣлѣ о просодіи различаются просодія стихотворная и просодія орфографійная; о послѣдней и говорится подробно. «Просодія орфографійны суть девять: оꝛіа, или острая: варіа, или тяжкая: періпомени, или облечепная: ѳіли, или тонкая: дасіа, или густая: ерикъ: паерикъ: слитная: мягкая». Строчныхъ препинаній насчитывается десять: черта, запятая, двоеточіе, точка, разятная, единитная, вопросная, удивная, вмѣстная и отложная. Таково содержаніе первой части грамматики М. Смотрицкаго, изданной въ Евю въ 1619 году. Таково же содержаніе ея съ очень незначительными измѣненіями¹⁾, и во второмъ изданіи той же грамматики въ Москвѣ въ 1648 году. Какъ видимъ, и грамматика М. Смотрицкаго имѣетъ много общаго съ грамматиками Львовской и Зизаніевой, представляя, подобно послѣднимъ, приноровленіе формъ славянской рѣчи къ схемѣ греческихъ грамматикъ. Объяснить подобную особенность всѣхъ грамматикъ Хvii столѣтія и въ особенности грамматики М. Смотрицкаго весьма легко, если обратить вниманіе на господствовавшія въ то время въ области языкознанія теоріи и воззрѣнія. Ученикъ Виленской іезуитской коллегіи, довершившій свое образованіе въ нѣмецкихъ университетѣхъ, Мелетій вполнѣ проникся этими воззрѣніями и теоріями. Что же это были за воззрѣнія? По словамъ г. Чудинова, на западѣ въ то время была пора, «когда еврейскій языкъ считался праотцемъ всѣхъ языковъ человѣческихъ, а общее увлеченіе древнеклассическими языками заставляло производить отъ нихъ всѣ ново-европейскіе языки. Если Библиандеръ нарѣчія Уэльское и Коринское производилъ отъ греческаго языка, если Постель языки сербскій и грузинскій считалъ нарѣчійми греческаго же языка, а Періонъ не задумывался произвести отъ него самый французскій языкъ, то Смотрицкій тѣмъ болѣе не могъ не признать греческій языкъ, единственный источникъ нашего религіознаго и умственнаго образованія, прототипомъ славянскаго языка»²⁾. При такихъ убѣжденіяхъ не представлялось трудности написать грамматику: взявъ за образецъ греческую грамматику Константина Ласкариса «Erotemata», составленную по типу Діонисія Фракійскаго, Смотрицкій ограничился передѣлкою ея сообразно формамъ славянской рѣчи, пригоняя послѣднія къ готовой схематизаціи Ласкариса и нѣсколько отступая тамъ, гдѣ рѣзко сказывались отличія славянскаго языка отъ греческаго.

1) Подробно см. объ этихъ измѣненіяхъ въ приложеніяхъ къ III гл. второй части нашего изслѣдованія.

2) См. Чудиновъ: «О преподаваніи отечественнаго языка, Воронежъ, 1872 г., стр. 177.

Несмотря, однако, на то, что грамматика Мелетія отождествляла формы русскаго языка (который ему мало былъ извѣстенъ вслѣдствіе воспитанія въ іезуитской коллегіи и продолжительнаго пребыванія въ чужихъ земляхъ) съ формами церковно-славянскаго и греческаго, она пользовалась большимъ уваженіемъ и служила долго руководствомъ не только для школъ, но и для всѣхъ послѣдующихъ составителей грамматики¹⁾. Мало того, что она была издана въ Москвѣ еще разъ въ 1721 году безъ значительныхъ измѣненій, вліяніе ея простиралось и за предѣлы Россіи. Такъ, по словамъ того же Чудипова, «Матвѣй Сочивъ перевелъ ее на Латинскій языкъ для употребленія далматовъ; Мразовичъ пользовался ею, когда составлялъ руководство къ Славянской грамматикѣ для Сербскихъ училищъ; наконецъ, она же служила однимъ изъ главнѣйшихъ пособій при ученыхъ занятіяхъ Добровскаго»²⁾. Не удивительно послѣ сказаннаго, что на «Малой Грамматикѣ» Каріона сказывается сильное вліяніе той же Мелетіевой грамматики, хотя есть кое-что напоминающее и грамматику Львовскую и Лаврентія Зизанія.

Начнемъ со взгляда на грамматику. Мы уже говорили выше, что въ грамматикѣ Львовской и Л. Зизанія высказывается средневѣковой схоластическій взглядъ на грамматику, какъ на искусство (*ars rure loquendi*), какъ на одну изъ семи свободныхъ наукъ, и она называется «ключемъ», отпирающимъ уму всѣ познанія. То же самое находимъ и въ грамматикѣ Каріона Истомина. «Та бо есть—говоритъ онъ о Малой грамматикѣ—яко дверь. или, руководителница до всѣхъ мудростей школьных, глѣю яко грамматіки четверочастной³⁾ поетіки риторики и матери мудростей, яко философій: и самой преестественной Θεологіи. яже именуется Бгѣсловіе». . . Если Каріонъ такъ смотритъ на орѳографію, первую часть грамматики, то не иначе долженъ былъ смотрѣть и на цѣлую грамматику, которая, какъ видно изъ приведеннаго отрывка, раздѣлялась на четыре части, подобно всѣмъ предшествовавшимъ грамматикамъ.

Что касается содержанія орѳографіи, то оно написано подь сильнымъ

1) Изъ передѣлокъ грамматики М. Смотрицкаго укажемъ на ближайшую по времени «Грамматіка или письменница языка Словенскаго тшцателемъ вкратцѣ издана в Кремянци. Року, а, х, ѣи». На об. л. а̑ есть краткое предисловіе «До чителника». Въ дальнѣйшемъ изложеніи грамматика сходна съ грамматикою Смотрицкаго, по изд. 1619 г., съ небольшими сокращеніями, напримѣръ, пропущено въ ней, что составляетъ содержаніе орѳографіи, что есть удареніе гласа, что есть словесъ препинаніе и т. п. Каратаевъ въ св. «Хронологич. росписи» называетъ еще двѣ грамматики, появившіяся послѣ грамматики М. Смотрицкаго 1619 года, именно: Грамматику, напечатанную въ Вильнѣ въ 1621 г. in 12° и Грамматику М. Смотрицкаго, напеч. въ Вильнѣ же въ 1629 году.

2) Чудиновъ, *ibid.* стр. 178.

3) Не надо забывать, что «Малая грамматика» К. Истомина есть лишь первая часть грамматики, т. е. орѳографія.

влїяніемъ грамматики Мелетїя Смотрицкаго. Для подтвержденїя нашего мнѣнїя приведемъ параллельно нѣсколько отрывковъ изъ Малой грамматики Карїона и изъ грамматики М. Смотрицкаго, отсылая читателя за подробностями къ приложенїямъ.

Малая грамматика Карїона:

Ороографїя же учит трїя знати: *а̄*. естество писменъ, *б̄*. ударенїе гласа, *г̄*. препинанїе словесъ. . .

Колико суть писмен славяномъ: четьрдесятъ. *а, б, в, г, д, е, ж, з, з, з, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, пли, љ, ф, х, ѿ, ц, ч, ш, ц, з, ы, а, ѣ, є, ю, пли, ж, љ* или *а, ѿ* или *о, љ, ѡ, ѣ*. . .

Впервомъ раздѣленїи раздѣляются (писмена) на двое, на гласная и согласная.

Впервомъ раздѣленїи раздѣляются гласная надвое на самогласная и припряжногласная.

И во второмъ раздѣленїи гласная раздѣляется на три, на долгая и краткая, и дворемная.

О первомъ раздѣленїи согласныхъ. перво раздѣляются согласная. на двое: на полгласна, и безгласна. Второе же раздѣляются, пзмѣняемая, боящающаяся, таемая, сугубая, сугубствующая, странная. . .

Грамматика М. Смотрицкаго:

Ороографїя трое всебѣ содержитъ: естество писменъ: ударенїе гласа: препинанїе словесъ. . .

Колико есть писмен славяномъ; четьрдесятъ: *а, б, в, г* или *Г, д, е, ж, з, з* или *з, ж, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу* или *љ, ф, х, ѿ, ц, ч, ш, ц, з, ы, а, ѣ, є* или *є, ю* или *ж, љ* или *а, ѿ* или *о, љ, ѡ, ѣ*. . .

Раздѣляются писмена на гласная, и согласная; . . .

Гласная суть *а, е, и, о, з, а, ѣ, ѿ, ѡ, ѣ*. О раздѣленїи гласныхъ первомъ: Гласная раздѣляются на самогласная, и припряжногласная. Самогласная суть *а, е, и, і, ѣ, ѿ, ѡ*: Сиче нарицаются, зане сама собою гласъ издаютъ: п яко кромѣ сихъ нїедишъ слогу составитися можетъ. . . (Подробно о гласныхъ). . . О первомъ согласныхъ раздѣленїи: Первымъ согласныхъ раздѣленїемъ два суть полгласна: два безгласна. . . (Подробно перечисляются полгласныя и безгласныя). О второмъ согласныхъ раздѣленїи: Вторымъ согласныхъ раздѣленїемъ суть два пзмѣняемая обоющающаяся: таемая: сугубая: сугубствующая: странная.

Приведенныя мѣста изъ Мелетїевой и Карїоновой грамматикъ не только обнаруживаютъ зависимость послѣдней отъ первой, но показываютъ и отличїя, которыми Карїонъ отмѣтилъ свою грамматику. Отличїя эти касаются, главнымъ образомъ, группировки и сокращенїя того грамматиче-

скаго матеріала, который долженъ составлять, но воззрѣніямъ того времени, содержаніе орфографіи.

Такъ, нашъ писатель не счелъ пужнымъ сразу сообщать всѣ правила касательно гласныхъ и согласныхъ, какъ то дѣлаетъ М. Смотрицкій, не перечисляетъ всѣхъ буквъ того и другого разряда; но предпочитаетъ сказать подробно о свойствахъ каждой тамъ, гдѣ касается въ отдѣльности сперва простыхъ письменъ, а потомъ и сложныхъ. Мало того, говоря о свойствахъ каждой буквы славянскаго алфавита въ отдѣльности, онъ подкрѣпляетъ свои правила примѣрами, что не всегда можно пайти у Мелетія Смотрицкаго. Наконецъ, если Каріонъ не сокращаетъ грамматическихъ свѣдѣній, то излагаетъ ихъ въ болѣе ясной и понятной формѣ. Всѣ указанія отличія «Малой грамматики» Каріона легко можно прослѣдить на любовомъ отдѣлѣ. Для примѣра возьмемъ изложеніе въ Мелетіевой и Каріоновой грамматикахъ отдѣла о просодіи.

Грамматика М. Смотрицкаго:

«О просодіи: или о удареніи гласа; еже просодією верхнею реченій знаменованіе быти рекохом. Просодіи имя сугубо приѣмлется, вмѣсто напряженія и ослабленія слогъ, отнюду же и просодією, сирѣчь, припѣтіемъ наречеса: и вмѣсто всякаго знаменія просодіина. Первымъ убо образомъ приято припѣтіе, ко просодіи стихотворной належит: о ней же Бгѹ изволяющу послѣди. Вторымъ образомъ ко орфографіи, о пей же нѣѣ: ест же просодія орфографіи, возношенія или утисненія гласа писменнаго вписаніи или во глаголаніи хранимое измѣненіе.

О числѣ просодія:

Просодія орфографіи суть дѣвять: озіа, или острая: варіа, или тяжкая: періспомени, или облеченная: ерикъ: паерикъ: слитная: мягкая... Ударенія просодій суть три: острая: тяжкая: облеченная: острая

Малая грамматика Каріона:

...О удареніи гласа: еже верхнею просодією (об. л. 46) реченій знаменованіе нарицаемъ, то есть: просодія орфографіичная: просодія погреческіи пославянскіи же толкуется протяженіе гласа писменнаго, или удареніе носимъ верхъ гласа. А попросту разумѣется, сила писма. ихъ же суть: ‘, ˇ, ˆ, простыхъ, или не сложныхъ, триа: погреческіи озіа: ‘: варіа: ˇ: неріпомене: ˆ: по словянскіи: острая: ‘: тяжкая: ˇ: облеченная: ˆ: яко: острая ударяетъ напряжно: ‘: яко тѣло Хрѣтово брѣшно ѣсть не гиблющее: тяжкая ослабительную имѣетъ силу: ˇ: или тяжчае ударитъ яко: Гдѣ утвердѣ лице свое ити во іерлѣим: облеченная же (л. 47) среднюю силу имѣетъ и доброгласную: ˆ: яко силы ѣгд, и слуги ѣгд, всегда творятъ хотѣнія его. Еще полагается вродителномъ и дателномъ надежи: яко: тѣхъ. вмѣсто мнѣ, мѣ: вмѣсто

бо возносное имать ударенїа: тяжкая тебѣ: тї: и прочая. Истѣхъ же
утисненная: обличена среднее. трехъ просодїахъ, составляются и
прочая просодїа: сице: прекратя об-

О мѣсть о҃зїа, или острїа.

Острїа мѣста сут шесть: сиреч, всегда полагается над самогласная
слог кончаемый: прекончаемый: про- писмена: яко: ѡ. ѡ. ѡ'. и прочая». . .
прекончаемый: предкончаемый и
т. д.».

Если читатель возьметъ трудъ просмотрѣть всѣ отрывки изъ грамматики Карїоновой, печатаемые въ приложенїи къ этой главѣ нашего изслѣдованїа и сравнить съ печатаемыми тамъ же отрывками изъ грамматики М. Смотрицкаго, то онъ невольно прїдетъ къ выводу, что грамматика Истомина Заулонскаго мало самостоятельна. Послѣднее свойство ея едва ли надо поставить въ особую вину нашему писателю, потому что онъ не могъ претендовать на какую-либо самостоятельность въ открытїи законовъ русскаго языка. Онъ желалъ дать лишь *учебную грамматику*, примѣнявъ къ дѣтскому пониманїю то, что считалъ необходимымъ для первоначальнаго знакомства дитяти съ правилами родного языка. Вся заслуга составителей такихъ книгъ заключается въ методѣ изложенїа и системѣ, а равно и группировкѣ матеріала. До Карїона Заулонскаго существовали грамматики, которыя имѣли въ виду примѣнить къ дѣтскому пониманїю извѣстный грамматическїй матеріалъ; но, по словамъ г. Мордовцева, въ такихъ грамматикахъ не было никакой строго выработанной, опредѣленной системы, а правила языка излагались такъ, какъ казалось удобнѣе тому или другому составителю. Если Карїонъ принялся за составленїе грамматики для обученїа царевича Алексѣя Петровича, то, значитъ, находилъ существующїя школьныя грамматики неудовлетворительными. Обвинять его зато, что онъ, подобно всѣмъ грамматикамъ Хvii в., не давалъ правилъ русскаго языка, а знакомилъ больше съ церковно-славянскимъ языкомъ, будетъ несправедливо, потому что первая русская грамматика, составленная знаменитымъ Ломоносовымъ, появилась только въ 1755 году. Предъявлять Карїону требованїе, чтобы онъ опередилъ почти на полстолѣтїе свое время, было бы крайне рискованно. Поэтому пужно оцѣнивать «Малую грамматику», какъ книгу учебную, принимая во вниманїе, что представляли собою въ его время учебныя грамматики отечественнаго языка.

Прилагая такую мѣрку къ грамматикѣ Карїона, мы должны отмѣтить ту ея особенность, что она, сравнительно, напримѣръ, съ находящимися въ такъ называемыхъ Азбуковникахъ школьными грамматиками, описанными г. Мордовцевымъ (ор. cit. стр. 47 и слѣд.), отличается *краткостью*. Отсюда ясно, что Карїонъ находилъ въ существовавшихъ до него школь-

ныхъ грамматикахъ много такого, что считалъ совершенно излишнимъ, или для чего отводилъ мѣсто въ учебникахъ для болѣе старшаго возраста. А всякій знаетъ, что первый вопросъ при начальномъ обученіи и состоитъ именно въ правильномъ распредѣленіи учебнаго матеріала; въ силу какого требованія въ педагогической литературѣ существуютъ такъ называемые концентрическіе учебники. Слѣдовательно, нашъ писатель въ данномъ случаѣ поступалъ, какъ опытный и разсудительный педагогъ.

За вопросомъ о выборѣ подлежащаго изученію грамматическаго матеріала стоитъ вопросъ о методѣ изложенія его. Если и въ настоящее время въ педагогической литературѣ нашей идутъ иногда споры о преимуществахъ синтетическаго и аналитическаго приѣмовъ изложенія русской грамматики для начальнаго обученія; то въ XVII в. не могло быть и рѣчи объ этихъ приѣмахъ. Всѣмъ казалось единственно-возможнымъ путемъ обученія — обученіе сперва орфографіи, потомъ этимологіи и т. д. Попросту говоря, всѣ считали самымъ естественнымъ начинать изученіе языка съ простѣйшихъ, повидимому, его элементовъ, съ звуковъ и буквъ, и отъ нихъ восходить постепенно къ болѣе сложнымъ — слогамъ, отдѣльнымъ словамъ и, наконецъ, къ цѣлому предложенію. Повторяю, если въ наши дни не отрицается безусловно такой приѣмъ изложенія учебной грамматики, то Каріона и подавно можно извинить за то, что онъ излагаетъ свою грамматику синтетически. Но стремясь къ ясности и доступности, онъ всюду за правиломъ предлагаетъ примѣры, что не всегда находимъ въ школьныхъ грамматикахъ того времени. Наконецъ, нельзя не указать еще на одну особенность грамматики Каріона, вытекающую изъ того же стремленія его къ ясности и доступности. Если онъ не отрѣшился окончательно отъ обычая предшествовавшихъ составителей грамматикъ употреблять иностранные грамматическіе термины, то у него замѣтно стараніе вслѣдъ за иностраннымъ словомъ давать русское его объясненіе. Во всякомъ случаѣ, «Малая грамматика» обнаруживаетъ въ авторѣ не только основательное знакомство съ состояніемъ грамматическихъ знаній въ его время, но и правильное пониманіе учебно-педагогическихъ задачъ и умѣнье справиться съ извѣстнымъ грамматическимъ матеріаломъ для задачъ и цѣлей школы.

Къ такимъ сочиненіямъ, какъ Лицевой Букварь Каріона Истомпна, необходимо отнести еще одно сочиненіе его, которое имѣетъ такое заглавіе: «Полисъ сіестъ Градъ царства небснаго имущій ученіе, моленіе и премудрость в его же жителствѣ всетворящій Богъ знаемъ и любимъ есть. Согражденъ словообразнѣ в царствующемъ градѣ Москвѣ мірозданія „зѣвлѣта мѣа [^]дне»¹). Въ упомянутой уже записи о книгахъ, написанныхъ и

1) См. Сборникъ Чудов. библ. № 302, обор. л. 26.

поднесенныхъ разнымъ лицамъ царской фамилии, это сочиненіе значитъ написаннымъ государю царевичу Алексѣю Петровичу. Въ этой же записи и заглавіе сочиненія обозначено иначе: «Книга градъ царства небеснаго, и школ изображеніе, колико ихъ есть, сочинены вновь с лицами, и лица описаны внихъ стихотворными мтрами»¹⁾).

Подчеркнутыя нами слова наводятъ на слѣдующія предположенія. Слова «сочинены вновь» указываютъ, что Каріонъ какъ будто два раза писалъ «Полисъ», иначе сказать, существовало двѣ различныя редакціи одного и того же сочиненія. Одна первая редакція та, заглавіе которой выписано выше и которая находится въ Сбор. Чуд. библіотеки подъ № 302. Эта редакція отличалась тѣмъ, что не имѣла лицевыхъ изображеній. Мало того, находящіяся вслѣдъ за приведеннымъ выше заглавіемъ книги слова: «іеромонахъ мній Каріонъ Истоминоу людемъ входитьи всей градъ и жити с Христомъ в вѣкъ радостно проситъ» — показываютъ, что первоначально сочиненіе это предназначалось для всеобщаго пользованія. Эта первая редакція написана въ 1694 году. Послѣ же этого времени, можетъ быть, и вскорѣ написана вторая редакція «Полиса» для царевича Алексѣя Петровича, представляющая попытку приноровить содержаніе книги къ пониманію царевича. Въ виду того, что Каріонъ содержаніе «Малаго букваря» измѣнилъ и переработалъ примѣнительно къ потребностямъ подростка престола, можно предположить, что то же самое повторилось и съ книгою «Полисъ».

Обратимся къ содержанію книги и посмотримъ, что она давала читателямъ. Общее содержаніе «Полиса» обозначилъ самъ авторъ такими стихами:

«Здѣ зри школьная обученія
По степенемъ ходженіе
Числомъ тыя дванадесять
Дѣла гласятъ ся благія»...

Дѣйствительно, вслѣдъ за такимъ обозначеніемъ содержанія «Полиса» начинается въ стихахъ характеристика наукъ, или «школьныхъ обученій», числомъ двѣнадцать, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ: грамматика, синтаксисъ, пѣтика, реторика, діалектика, арифметика, геометрія, философія, астрономія, оеологія, мусика, врачевство. За этими науками идетъ изложеніе космографическихъ свѣдѣній, т. е. характеристика странъ и частей свѣта. Не ограничиваясь этимъ, авторъ знакомитъ далѣе со всѣми таинствами церковными, при чемъ о нѣкоторыхъ говоритъ подробно, съ раз-

1) Чудовск. Сборникъ № 300, л. 325.

ными подраздѣленіями (напримѣръ, о бракѣ особо и о второбрачіи особо; о елеосвященіи, объ освященіи храма и т. д.), заключается сочиненіе благодареніемъ Богу. Знакомитъ авторъ съ науками такимъ образомъ: сперва въ двухъ стихахъ дается общее опредѣленіе той или другой науки, а затѣмъ уже въ пяти стихахъ, раздѣленныхъ на два полустішія, сообщаются болѣе подробныя, частныя свѣдѣнія, или же указывается значеніе той науки, о которой шла рѣчь въ двухъ начальныхъ стихахъ. Провѣрить сказанное здѣсь о содержаніи «Полиса» легко, стоитъ только обратиться къ Приложеніямъ, гдѣ мы приводимъ выдержки изъ этого сочиненія Каріона Истомпна¹⁾.

Легко убѣдиться послѣ знакомства съ содержаніемъ «Полиса», что нашъ писатель желалъ въ этомъ сочиненіи дать читателю самыя общія свѣдѣнія о всѣхъ наукахъ своего времени, при чемъ стихи его служили какъ бы объясненіемъ къ лицевымъ изображеніямъ.

Какъ извѣстно, въ древней Руси существовалъ особый способъ распространять среди народа научныя свѣдѣнія; способъ этотъ заключался въ такъ называемыхъ народныхъ картинкахъ. Правда, извѣстно немного народныхъ картинокъ научнаго содержанія: нѣсколько букварей, ариметика и баснословная средневѣковая космографія да нѣкоторые календари; но причина тому заключается въ маломъ распространеніи просвѣщенія. Сюда же надо причислить и «Полисъ», такое же лицевое сочиненіе, какъ и Лицевой букварь Каріона. Обычай посредствомъ печатныхъ листовъ («фряжскихъ или потѣшныхъ») знакомитъ народъ съ разнообразными научными явленіями въ началѣ XVII столѣтія. Эти потѣшные листы покупали преимущественно во дворецъ царскій для государевыхъ дѣтей, но они заходили и въ дома боярскіе. Вообще «потѣшные листы» въ древнее время были тѣмъ, что въ наши дни называется «популярными книгамп». Поэтому они имѣли довольно широкое распространеніе среди людей, прележавшихъ книжному ученію. Такъ, въ домовой казнѣ патріарха Никона находилось 270 листовъ фряжскихъ и на большомъ листу космографія²⁾.

Такимъ образомъ «потѣшные листы» могутъ служить показателями того круга научныхъ свѣдѣній, какой существовалъ на Руси въ данное время. Такое же значеніе долженъ имѣть и «Полисъ» (Каріона), тѣмъ болѣе, что авторъ его самъ прошелъ школу, изучилъ въ ней всѣ извѣстныя въ свое время науки въ такомъ объемѣ, въ какомъ онѣ преподавались въ единственномъ высшемъ учебномъ заведеніи. Можно даже сказать, что на основаніи «Полиса» безопаснѣе всего дѣлать заключеніе о состояніи науч-

1) См. прилож. къ третьей главѣ, № 3-й.

2) См. подробности въ кн. Забѣлина: Домашній бытъ русск. нар. въ XVI и XVII ст. Москва 1872 г., ч. I. стр. 177—178.

ныхъ свѣдѣній въ русскомъ государствѣ въ концѣ XVII вѣка, потому что авторъ его, какъ человекъ, не просто прилежавшій книжному ученію и чтенію, но какъ человекъ съ высшимъ образованіемъ, могъ сообщить послѣднее слово современной ему науки.

Чтобы подтвердить сказанное, рассмотримъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя «Полисомъ» и сравнимъ ихъ съ тѣми, какія сообщала школьная наука въ XVII столѣтіи. Начинается «Полисъ» опредѣленіемъ науки грамматики. Сравнимъ это опредѣленіе съ тѣмъ, какое находимъ въ господствовавшей до появленія грамматики Ломоносова на Руси грамматикѣ Мелетїа Смотрицкаго.

Полисъ:

«Грамматика учитъ знати
Глаголати и писати благо»...

Грамматика М. Смотрицкаго:

«Что есть грамматика: Есть извѣстное художество благо и глѣти и писати учащее»...

Такое же сходство замѣтно и въ опредѣленіи спитаксиса.

Возьмемъ еще примѣръ изъ области космографїи. Вотъ что говоритъ Карїонъ объ Америкѣ:

«Америка часть четверта
ново земля взнанъ отперта.

«Волнохщна Америка	людми вправахъ вцарствахъ дика.
Тысящми лѣтъ бысть не знанна	моремъ зѣло отліяна.
вѣры разны вбалвохвалствѣ	иаги люди тамъ внедбалствѣ.
царства имутъ безъ разума	не знавъ Бога худа дума.
никто же бо что успѣеть	гдѣ глупость сквернъ и грѣхъ дѣеть».

Въ лицевой космографїи, носящей заглавіе: «Книга глаголемая Козмографїя переведена бысть српмскаго языка внеи описаны государства и земли, и знатныя острова и вкаторой части живутъ какїя люди и веры ихъ и нравы и что: вкаторой земли родится и ѿ томъ значеть всочпненномъ ѿ крузе семь» — находимъ такое описаніе Америки: «Запотъ (адъ) четвертая часть нарицается і новая америка певдавнихъ летахъ изыскана британскихъ и французскихъ немецъ слюдми безграмотными и созлатою и серебряною рудою и о сихъ ѿстрововъ те немцы zelo обогатились и грады поставили і назваша четвертую часть новую землю і положиша ея ктемъ тремъ частямъ»¹⁾.

Болѣе обширныя и подробныя свѣдѣнія объ Америкѣ находятся въ Космографїи 1670 года, изданной Обществомъ любителей древней пись-

1) См. Ровинскій, Русск. нар. картинки, т. II, стр. 263—264, Спб. 1881 года.

менности, въ С.-Петербургѣ въ 1878—1881-хъ годахъ. Здѣсь объ Америкѣ читаемъ въ разныхъ мѣстахъ слѣдующее: «. . . недавныя времена латинскіе описанія обрѣли на западѣ на морѣ океанѣ вѣдѣтой пучинѣ многія острова различныя. . . и нарѣкоша тѣмъ острова имяне^а, америка, и назваша ихъ четвертую часть, новую землю. . . (3 л.). Земля новая, островъ америка. . . члѣвцы^а дики, питаются и одѣваются ѿ звѣрей и ѿ рыбъ. . . (л. 26). «Люди, тамошніе жители разныя нравовъ и обычаевъ, и языки имѣють разные. житіе ихъ непостоянное, всегда ме^а собою воеваху ѿ желѣзныхъ оружіемъ». . . (435). . . всѣ поклоняются идоломъ». . . (436).

Представленные выписки, кажется, ясно показываютъ, что Каріонъ Истомина стоялъ на современномъ уровнѣ научныхъ знаній; что онъ хорошо былъ знакомъ со всѣми источниками, откуда можно было почерпнуть эти свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, книга «Полисъ» должна быть отнесена къ разряду учебныхъ книгъ, въ родѣ Лицевой Космографіи и лицевого глобуса небеснаго, описанныхъ г. Ровинскимъ во II т. «Русскихъ народныхъ картинокъ» (№№ 590, 591, 592 и далѣе). Разница та, что «Полисъ» обнимаетъ всѣ современныя науки, представляя, такъ сказать, особаго рода научную энциклопедію. Если «Полисъ» поднесенъ былъ царевичу Алексѣю Петровичу, то ясно, что авторъ желалъ въ стихотворной формѣ, весьма любимой дѣтьми и легко запоминаемой, сообщить царственному питомцу всевозможныя научныя свѣдѣнія, которыя онъ потомъ могъ расширить по другимъ болѣе спеціального рода источникамъ.

Припоминая всѣ сочиненія Каріона учебно-педагогическаго характера, мы должны поставить въ особенную заслугу ему одно стремленіе, которое замѣтно бросается въ глаза даже при поверхностномъ знакомствѣ съ его букварями и грамматикой, — это стремленіе къ *наглядности*, стремленіе облегчить дѣтямъ усвоеніе трудной и суровой въ XVII в. науки. Кто знаетъ, быть можетъ, тяжелая первоначальная школа, пройденная имъ самимъ, любовь къ педагогическому труду и отчасти педагогическія занятія (онъ несомнѣнно былъ учителемъ греческаго языка, какъ мы видѣли изъ первой части настоящаго изслѣдованія; предположительно, онъ могъ быть наставникомъ царевича Алексѣя Петровича), а равно глубокое размышленіе надъ господствовавшими въ его время методами, привели его къ мысли облегчить учащимся воспринятіе горькаго корня ученія. Что онъ хоть отчасти достигъ своей цѣли, видно изъ распространенія его малаго букваря, издававшегося нѣсколько разъ и зашедшаго даже на отдаленную окраину русскаго государства.

ГЛАВА IV.

Представленное во введеніи къ настоящему изслѣдованію подробное описаніе сборниковъ Чудовской библіотеки (№№ 300, 301, 302), заключающихъ черновыя и бѣловыя сочиненій Каріона Истомина, ясно указываетъ, что онъ любилъ заносить на бумагу замѣтки о различныхъ событіяхъ своего времени. Такъ, онъ записалъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 7206 года¹⁾, о волненіяхъ раскольниковъ 1683—1684 годовъ; заносилъ замѣтки о смерти многихъ лицъ, напримѣръ, о смерти Сильвестра Медвѣдева въ 1691 году²⁾. Вообще можно сказать, что Каріонъ любилъ лѣтописный трудъ, на что косвенно указываетъ и такая замѣтка: «зѣз марта 7 отнесъ азъ вверхъ Государю прѣвичю Алексію Петровичю книгу лѣтописецъ греческой по славенской рѣчи, и влпцахъ весь вдестъ царство Константина Багрянороднаго сѣа лвова. а сначала той лѣтописецъ црство тпта Евсиасіанова сѣа». Изъ сказаннаго легко понять, что Каріонъ не могъ пройти молчаніемъ такое важное событіе своего времени, какъ переворотъ, происшедшій вскорѣ послѣ смерти Θεодора Алексѣевича. Стрѣлецкій бунтъ 1682 года и послѣдовавшее за нимъ правленіе царевны Софій Алексѣевны записаны многими русскими и даже иностранцами. Тѣмъ болѣе о немъ долженъ былъ написать Каріонъ Истоминъ, близко знакомый и даже родственникъ Сильвестру Медвѣдеву, горячему приверженцу Софій Алексѣевны, и самъ ея поклонникъ и почитатель. Мало того, въ качествѣ секретаря патриарха Іоакима, онъ невольно долженъ былъ писать нѣкоторые документы, относящіеся непосредственно къ стрѣлецкому бунту (наприм., письма патр. Іоакима къ царю Петру Алексѣевичу о прощеніи стрѣльцовъ), и, такимъ образомъ, непосредственно онъ знакомился со многими сторонами московскихъ событій 1682 года и притомъ съ такими сторонами, которыя не всѣмъ могли быть извѣстны. Все это приводитъ къ предположенію, что Каріонъ Истоминъ долженъ былъ оставить извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ годъ смерти царя Θεодора Алексѣевича.

Сохранплсь отъ XVII столѣтія Записки объ уномянутомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, авторъ которыхъ не обозначенъ, но которыя многими историками, съ легкой руки Татищева, приписывались и приписываются въ настоящее время Сильвестру Медвѣдеву. Такъ, въ недавнее время молодой ученый историкъ г. Е. Шмурло, посвятивъ цѣлую статью «Запискамъ

1) Сбор. Чудов. библ. № 300, обор. л. 143.

2) Ibid., обор. л. 284.

Спльвестра Медвѣдева»¹⁾), коснулся, между прочимъ, и вопроса объ авторѣ ихъ. По его мнѣнію, послѣ напечатаннаго въ Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳеодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ (I т. 630) признанія самого С. Медвѣдева, «*голословно высказанное мнѣніе о Медвѣдѣвѣ, какъ авторъ записокъ, не можетъ подлежать сомнѣнію*». Вотъ различныя варіаціи этого признанія С. Медвѣдева, напечатаннаго въ Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳ. Шакловитомъ:

I) . . «а съ Ѳедкою де Шакловитымъ говариваль. *И была у нихъ написана книга лѣтописная: начата съ девяностаго году, съ правленія великія Государыни, и что было съ того году. И та де книга у него Сенки въ палатъ; а писана та книга съ письма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ Сенка, а переписываль для чисту Ивашко*»²⁾).

II) «*И была де у насъ написана книга лѣтописная, начата съ девяностаго году: «о правленіи великія государыни, и что было съ того году». И что де книга у него Сенки въ палатъ, а писана та книга съ письма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ Сенка, а переписываль дячокъ Ивашка*»³⁾).

III) «А съ нытки онъ Сенка говорилъ прежнія жъ свои рѣчи, что онъ съ Ѳедкою Шакловитымъ говариваль тайно о рацеехъ, и была де у него написана книга лѣтописная, начата съ девяностаго году, о правленіи великія государыни, и что было съ того году, и та де книга у него Сенки въ палатъ»⁴⁾).

На основаніи подчеркнутыхъ нами словъ, г. Шмурло утвердилъ голословное мнѣніе другихъ историковъ о принадлежности записокъ о стрѣлецкомъ бунтѣ С. Медвѣдеву.

Раньше появленія въ печати Розыскныхъ дѣлъ о Ѳ. Шакловитомъ ими пользовался г. Аристовъ, при написаніи сочиненія: «Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи». Этотъ ученый историкъ, приведя показанія Медвѣдева о лѣтописной книгѣ, сдѣлалъ такое примѣчаніе: «*Что въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и Медвѣдева и что внесено въ XVIII в., отгадать мудрено*». (3 примѣчаніе). Такимъ образомъ, г. Аристовъ, приведенное выше признаніе С. Медвѣдева на счетъ лѣтописной книги понималъ не такъ, какъ понимаетъ его г. Шмурло, и потому и выводъ его объ авторѣ записокъ иной: въ то время, какъ г. Шмурло категорически заявляетъ, что авторъ записокъ — С. Медвѣдевъ, г. Аристовъ признавалъ двухъ авторовъ ихъ — Каріона и Медвѣдева. Подобное разно-

1) См. ст. его: «О запискахъ С. Медвѣдсва», Жур. Мин. Нар. Пр. ч. ССLXII, стр. 335—369. Мою замѣтку по поводу его ст. см. Русск. Фил. Вѣстн. 1890 г., № 1-й, стр. 103—111.

2) Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ. Спб. 1884 г., I т., стр. 630.

3) Ibid., стр. 637.

4) Ibid., стр. 677.

гласіе историковъ объ авторѣ записокъ, основанное на одномъ и томъ же свидѣтельствѣ, невольно приводитъ къ мысли, что самое показаніе Медвѣдева допускаетъ различныя толкованія, изъ которыхъ одно должно быть истиннымъ. Какъ же надо понимать приведенное выше въ разныхъ вариацияхъ показаніе С. Медвѣдева?

Постараемся отрѣшиться на время отъ всякаго предвзятаго взгляда на авторство Медвѣдева и будемъ давать прямой смыслъ отдѣльнымъ фразамъ его показанія касательно лѣтописной книги.

Первая фраза: «я была у нихъ (де у него) написана книга лѣтописная, начата съ девяностого году («о правленіи великія государыни, и что было съ того году») и та де книга у него Сенки въ палатѣ» — можетъ означать только слѣдующее: у С. Медвѣдева и Шакловитаго находилось подъ руками сочиненіе, въ которомъ погодно рассказывалось о событіяхъ, начиная съ 1682 года и далѣе, съ правленія царевны Софіи Алексѣевны; во время допроса С. Медвѣдева, Шакловитаго и его сообщниковъ это сочиненіе находилось въ келіи Медвѣдева.

Слѣдующая фраза: «а писана та книга съ письма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ Сенка, а переписывалъ для чисту (дьячекъ) Ивашка» — въ первой части своей означаетъ единственно слѣдующее: упомянутое лѣтописное сочиненіе о правленіи царевны Софіи Алексѣевны списано съ книги, первоначально написанной Каріономъ Истоминымъ. Для правильнаго пониманія второй части фразы, необходимо обратить вниманіе на слово «*чернилъ*». Это слово часто употреблялось въ XVII столѣтіи, когда рѣчь шла о дѣятельности справщиковъ на печатномъ дворѣ. Обыкновенно поручали какому-либо лицу или цѣлой группѣ лицъ переводить съ греческаго книгу, предназначенную къ изданію. Когда переводъ былъ готовъ, то поручали одному болѣе авторитетному справщику пересмотръ и провѣрку перевода. Тотъ-то справщикъ и «*чернилъ*» порученную ему рукопись въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находилъ переведенными или невѣрно, или неточно. Поэтому вторая часть фразы только и можетъ имѣть такой смыслъ: «а исправлялъ (сокращалъ или дополнял) ту лѣтописную книгу (первоначально писанную Каріономъ) онъ Сенька, па-бѣло, а переписывалъ исправленную дьячекъ Ивашка (котораго, какъ видно изъ тѣхъ же Розыскныхъ дѣлъ о Ѳ. Шакловитомъ, С. Медвѣдевъ обыкновенно употреблялъ для переписки сочиненій). Слѣдовательно, правильно понятое показаніе С. Медвѣдева объ авторѣ Записокъ приводитъ къ выводу, оправдывающему скорѣе мнѣніе г. Аристова, чѣмъ мнѣніе г. Шмурла. Даже больше того, показаніе называетъ главнымъ и единственнымъ авторомъ записокъ Каріона Истомина, а С. Медвѣдева только редакторомъ его. И если въ наше время не называютъ авторомъ того, кто исправляетъ чье-либо сочиненіе, то не слѣдуетъ

и С. Медвѣдева считать авторомъ записокъ: ихъ авторомъ былъ и есть Каріонъ Истоминонъ.

Сопоставляя фактъ авторства Каріонова съ событіями жизни его, мы придемъ къ тому же самому выводу. Въ 1690 году, когда допрашивали С. Медвѣдева и Шакловитаго съ сообщниками его, привлекли къ тому же дѣлу и Каріона Истомина. Послѣдній былъ заподозрѣнъ въ слошеніяхъ съ С. Медвѣдевымъ и, несомнѣнно, въ виду сообщенія Медвѣдева о лѣтописной книгѣ, написанной Каріономъ, долженъ былъ подвергнуться нѣкоторымъ непріятностямъ. Въ дѣлахъ архива Московскаго печатнаго двора есть указаніе на то, что Каріонъ 11-го декабря 198 г. (= 1690) былъ уволенъ изъ типографіи, а на его мѣсто опредѣленъ справщикъ Моисей. И такая кара постигла Каріона, несмотря на то, что племянникъ Каріоновъ, Иванъ Истоминонъ, явившись добровольно въ Троицко-Сергіевскій монастырь и давая показанія о сообщникѣ Ѳ. Шакловитаго, С. Медвѣдевѣ, всячески старался выгородить своего родного дядю по отцу. Онъ говорилъ, что его, Ивана Истомина, не пускали въ келію С. Медвѣдева, его родного дяди по матери, когда къ послѣднему приходили стрѣльцы — Микитка Гладкой, Оброска Петровъ, Алешка Стрижевъ и другіе, — потому что подозрѣвали его, будто онъ (Иванъ Истоминонъ) вывѣдывалъ у келейника Силвестрова про тайныя рѣчи Медвѣдева и стрѣльцовъ и тѣ рѣчи сказывалъ справщику Каріону, а этотъ послѣдній сообщалъ ихъ святѣйшему патріарху¹⁾. Не обратили вниманія на донесеніе Ивана Истомина, очевидно, потому, что явлюю уликою противъ Каріона служила лѣтописная книга, о которой показывалъ С. Медвѣдевъ и которую, вѣроятно, взяли изъ келіи его. Можетъ быть, ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ Записокъ Каріона обнаружило его невиновность и непричастность къ политическимъ замысламъ Ѳ. Шакловитаго и С. Медвѣдева. Во всякомъ случаѣ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ упоминаній о дальнѣйшей судьбѣ лѣтописной книги Каріона, который въ началѣ іюня того же года снова былъ назначенъ справщикомъ на печатный дворъ²⁾. Очевидно, не придали особеннаго значенія этой книгѣ потому, что авторомъ ея былъ Каріонъ Истоминонъ, извѣстный за человека вполне благонадежнаго и приверженца царскаго дома, равно близкій человѣкъ къ патріарху, — все это могло облегчить печальныя послѣдствія признанія С. Медвѣдева. Иначе, несомнѣнно, было бы, если бы авторомъ записокъ былъ С. Медвѣдевъ. Стоитъ припомнить, какое значеніе придано было пяти листамъ, присланнымъ патріархомъ Іоакимомъ, какъ улика противъ Медвѣдева³⁾!

1) Розыскныя дѣла, I т., стлб. 520, 561.

2) См. подробно въ первой части настоящаго изслѣдованія.

3) См. Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ I, стлб. 595 и др.

Помимо сказаннаго, можно привести еще нѣсколько косвенныхъ доказательствъ справедливости той мысли, что авторомъ записокъ былъ Каріонъ Истоминъ, а не С. Медвѣдевъ.

Во-первыхъ, если бы Медвѣдевъ написалъ Лѣтописную книгу о правленіи царевны Софїи Алексѣевны, то онъ и назвалъ бы себя авторомъ ея подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ по отношенію къ своему сочиненію «Манна хлѣба животнаго»¹⁾; ему нечего было бы напрасно упоминать имя Каріона Истомина и такъ упорно настаивать на немъ въ рѣчи о лѣтописной книгѣ. Во-вторыхъ, въ самомъ сочиненіи есть такія черты, которыя говорятъ противъ мысли г. Шмурла и другихъ историковъ, считавшихъ Медвѣдева авторомъ записокъ. Изложеніе и языкъ послѣднихъ указываютъ не на Медвѣдева, какъ автора. Безъ малаго полвѣка тому назадъ г. Ундольскій, приписавъ С. Медвѣдеву библиографическій трудъ «Оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ», такъ характеризовалъ достоинства этого сочиненія: (въ этомъ сочиненіи) «у Медвѣдева нѣтъ ни одного не нужнаго слова, ни одного излишняго замѣчанія. Перечтите всѣ его извѣстія о сочинителяхъ, переводчикахъ и издателяхъ книгъ, и вы не найдете и глупи той тщетной фразеологіи и ненужныхъ разсужденій, какія видны въ другихъ его сочиненіяхъ; здѣсь онъ настоящій библиографъ: точенъ, формаленъ, всегда ровенъ и вѣренъ самъ себѣ»²⁾. Такія свойства «Оглавленія», совершенно противоположныя съ свойствами другихъ сочиненій С. Медвѣдева, который, какъ другъ и ученикъ Симеона Полоцкаго, былъ большой любитель «тщетной фразеологіи», въ свое время никого не удивили, никто не спросилъ о причинѣ, въ силу которой «Оглавленіе» могло явиться съ такими качествами изложенія и языка, которыя раньше не замѣчались въ сочиненіяхъ С. Медвѣдева. Все казалось весьма понятнымъ, и ни у кого не являлась мысль, справедливо ли приписано «Оглавленіе» перу С. Медвѣдева. Трудно сказать опредѣленно, въ силу чего составилось съ давняго времени преувеличенное понятіе о размѣрахъ литературной дѣятельности послѣдняго. Этотъ вредный предрассудокъ о литературной дѣятельности С. Медвѣдева держится и понынѣ въ нашей ученой литературѣ. Впрочемъ, въ самое недавнее время противъ него возвысился голосъ прежде всѣхъ профессоръ А. И. Соболевскій. На седьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ (1887 г.) онъ доказывалъ, что «Оглавленіе книгъ» не принадлежитъ перу С. Медвѣдева, какъ признавалъ г. Ундольскій, а принадлежитъ перу Епифанія Славинецкаго. Въ самое послѣднее время въ упомя-

1) Розыскныя дѣла, I, 544.

2) См. ст. Ундольскаго въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древн., 1846 г., кн. 3, ч. I, стр. 19.

путой не разъ статья г. Зубовскій справедливо опровергъ мнимую принадлежность С. Медвѣдеву многихъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ перу Еп. Славинецкаго, нѣкоторыя — перу Каріона Истомина, а для нѣкоторыхъ пока авторъ не отыскалъ. Словомъ, литературная слава С. Медвѣдева поколеблена, и надо ждать лишь основательнаго изслѣдованія объ этомъ дѣятелѣ, чтобы онъ получилъ должную оцѣнку, которая въ настоящее время представляется незаслуженно-высокою.

Возвращаясь къ мысли А. И. Соболевскаго о томъ, что «Оглавленіе книгъ» не принадлежитъ перу С. Медвѣдева, мы легко поймемъ, почему оно имѣетъ въ изложеніи и языкѣ такія черты, какихъ нѣтъ въ другихъ сочиненіяхъ его.

Г. Соколовъ, принимая вполнѣ мнѣніе г. Ундольскаго о принадлежности «Оглавленія» перу Медвѣдева и приводя извѣстную намъ характеристику изложенія и языка этого сочиненія, въ скобкахъ замѣчаетъ, что такимъ же изложеніемъ отличается еще одно сочиненіе Медвѣдева — «Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ»¹⁾. Г. Аристовъ («Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи, стр. 2) даетъ почти такой же отзывъ объ изложеніи и языкѣ записокъ. Ясно, что записки, отличающіяся такими свойствами изложенія и языка, какихъ нѣтъ въ несомнѣнно принадлежащихъ перу Медвѣдева сочиненіяхъ, не принадлежатъ ему, а принадлежатъ другому лицу. Для «Оглавленія книгъ» А. И. Соболевскій указалъ автора, какъ было упомянуто выше, въ лицѣ Еп. Славинецкаго²⁾; для записокъ онъ указанъ самимъ Медвѣдевымъ въ лицѣ Каріона Истомина.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ еще нѣкоторыя соображенія.

Написать записки о стрѣлецкомъ бунтѣ, всюду состоящія изъ грамотъ, указовъ и другихъ официальныхъ документовъ съ небольшими авторскими разсужденіями, не могъ С. Медвѣдевъ уже потому, что послѣ 1681 года онъ потерялъ расположеніе патріарха Іоакима³⁾. Между тѣмъ содержаніе «Созерцанія» во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ въ авторѣ чловека, стоящаго близко къ патріарху.

Наконецъ самый полный списокъ «Созерцанія» — списокъ Григоровича показываетъ, что авторъ любилъ останавливаться на событіяхъ изъ церковной жизни. Въ этомъ свойствѣ мы видимъ еще одно доказательство

1) См. ст. П. Соколова: «Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Московской Заиконоспасской школы въ Чтеніяхъ любителей духовн. просвѣщенія, 1886 г., № 6, 616 стр.

2) Позднѣ мною оспаривалось мнѣніе г. Соболевскаго въ ст. «Кто же былъ первый русскій библиографъ»? Русс. Фил. Вѣстн. 1896 г. № 3. Мною названъ авторомъ «Оглавленія» чудовскій инокъ Евѣимій. Мое мнѣніе никѣмъ не опровергалось.

3) См. Шляпкина, Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 г., 144 стр.

принадлежности «Созерцанія» Каріону Истомину. Въ библиотекѣ покойнаго арх. Леоніда хранится *Лѣтописецъ*, который несомнѣнно принадлежитъ перу Истомина, и въ которомъ также отводится значительное мѣсто событіямъ церковнымъ.

Что касается значенія «Созерцанія», которое вопреки утвердившемуся мнѣнію специалистовъ мы рѣшаемся приписать Каріону Истомину, то оно давно уже выяснено учеными историками. Уже одно то, что имъ пользовались при изложеніи событій 1682 года многіе авторитетные историки (Устряловъ, Соловьевъ, Маркевичъ, Аристовъ и Погодинъ), свидѣтельствуешь о важности «Созерцанія», какъ драгоценнаго источника для исторіи царствованія Петра Великаго. И всѣ историки, пользовавшіеся записками, даютъ лучшій отзывъ объ этомъ трудѣ Каріона Истомина. Такъ позднѣйшій изслѣдователь этихъ записокъ г. Шмурло, разсмотрѣвъ изданія записокъ (Туманскаго, Сахарова) и нѣкоторые списки ихъ, приходитъ въ концѣ своей статьи къ такому заключенію: «Ученое изданіе записокъ Медвѣдева (онъ усволяетъ записки Медвѣдеву, а не Каріону), да еще вмѣстѣ съ записками его литературнаго антагониста, Матвѣева, рано или поздно должно быть подарено русской исторической наукѣ»¹⁾.

Сличеніе списковъ «Созерцанія» — Академическаго, Уваровскаго и Григорьевичевскаго — ясно указываетъ на то, что Каріонъ съ любовью продолжалъ работать надъ своимъ историческимъ трудомъ, дополняя различными подробностями разъ написанное. Весьма возможно, что, описывая «ради веденія» видѣнныя и пережитыя событія, Каріонъ Истомиръ могъ предпринять новый историческій трудъ, въ которомъ разсказалъ о событіяхъ прошедшихъ, начиная отъ основанія русскаго государства. Тѣмъ естественнѣе было сдѣлать это Каріону, который уже въ «Созерцаніи» говорилъ о событіяхъ слишкомъ далекихъ (краткая исторія ветхаго завѣта до распадѣнія царства іудейскаго) отъ видѣнныхъ имъ и происшедшихъ въ его дни. Вотъ почему «Созерцаніе» было только первымъ опытомъ, за которымъ послѣдовало огромное историческое сочиненіе, вполне достойное названія «Лѣтописи»²⁾.

Хотя первый трудъ Каріона въ историческомъ родѣ — «Созерцаніе», — благодаря стеченію обстоятельствъ (дѣлу о Ѳ. Шакловитомъ, С. Медвѣдевѣ и др. сообщникахъ перваго), причинило нѣкоторыя непріятности автору,

1) Жур. Мин. Нар. Пр., 1889 г., апрѣль, 369 стр.

2) Послѣднимъ по времени защитникомъ мнѣнія о принадлежности «Созерцанія» С. Медвѣдеву явился г. Прозоровскій. Въ «предисловіи» къ изданному «Созерцанію» онъ выставилъ новое толкованіе словъ въ признаніи С. Медвѣдева: «съ письма Каріонова». По его мнѣнію, здѣсь подъ Каріономъ разумѣется не Каріонъ Истомиръ, а Каріонъ латинскій хронистъ. Опроверженіе этого домысла г. Прозоровскаго дано мною въ рецензій на его изслѣдованіе: «Сильвестръ Медвѣдевъ». Жур. Мин. Нар. Пр. 1897 г. № 10, стр. 379.

но у нашего писателя не пропала охота «писаніемъ оставити вѣжество» о дѣлахъ человѣческихъ, тѣмъ болѣе, что созерцаніе этихъ дѣлъ и особенно прошлыхъ могло, по его глубокому убѣжденію, принести огромную пользу¹⁾. При такомъ сознаніи пользы, приносимой знаніемъ событій, Каріону Истомицу даже невозможно было удержаться отъ огромнаго лѣтописнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовавшее за смертью патр. Іоакима возвышеніе Каріона въ должность начальника типографскаго двора и возведеніе въ санъ архимандрита, близкое и вліятельное положеніе при дворѣ царскомъ и патриаршемъ, проходившіе черезъ его руки (онъ былъ секретаремъ патр. Адріана) документы, — все это давало нашему писателю такой обширный матеріалъ для созерцанія дѣлъ человѣческихъ, что не воспользоваться имъ онъ не могъ.

И вотъ Голиковъ, говоря о войнѣ Петра Великаго съ поляками, сообщаетъ, что въ Вильнѣ «предсталъ предъ монарха присланный отъ курфирста Бранденбургскаго посланникъ Лазарь Кантельманъ, чрезъ котораго курфирстъ предлагалъ Его Величеству свое посредничество о примиреніи Россіи съ Польшею; но Царь, не сего отъ курфирста ожидавшій, на то не согласился. Монархъ отослалъ многія тысячи плѣнныхъ шляхтичей, военныхъ людей и крестьянъ въ Россію, которыми по его повелѣнію и населены многія пустыя земли внутри Россіи, а паче по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ»²⁾. Въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту объ отправкѣ въ Россію плѣнныхъ поляковъ онъ дѣлаетъ такую ссылку: «Лѣтопись монаха Истомина». Такимъ образомъ Голиковъ первый сообщилъ свѣдѣніе о существованіи «Лѣтописи» Каріона Истомина. Съ тѣхъ поръ никто изъ ученыхъ не вспомнилъ объ этомъ сочиненіи. Лишь въ концѣ 1890 года покойный архимандритъ Леонидъ представилъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ большую рукопись — «Лѣтописецъ», — для печатанія его на страницахъ издаваемыхъ упомянутымъ Обществомъ «Чтеній». Въ «Предисловіи» и въ частномъ письмѣ къ намъ арх. Леонидъ высказалъ свои соображенія объ авторѣ находящагося въ его библіотекѣ «Лѣтописца». Познакомившись нѣсколько съ рукописью, находимъ соображенія покойнаго архимандрита довольно основательными и потому приводимъ ихъ.

Полное заглавіе этого сочиненія Каріона Истомина таково: «Лѣтописецъ великія земли Россійскія составленный по повелѣнію Правительницы

1) Посланіе Тимофея Каменевича-Рвовскаго къ Каріону наводитъ на мысль, что нашъ писатель съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ любовь къ историческому знанію. Не даромъ же Каменевичъ-Рвовскій подробно рассказываетъ Каріону о прошломъ страны, гдѣ привелось ему жить.

2) Дополн. къ Дѣяніямъ Петра В., III т., 45—46.

Государства Царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны (1682—1695) изъ древнихъ ветхихъ и продолженный до 1705 года».

Владѣлецъ «Лѣтописца», дѣлая соображенія насчетъ автора, говоритъ, что изъ духовныхъ («а что лѣтописецъ написанъ лицомъ духовнымъ, доказываетъ данное въ немъ преимущество событіямъ церковнымъ») могли написать его или С. Медвѣдевъ, или Каріонъ Истоминонъ. Въ виду моей статьи объ авторѣ «Созерданія», покойный архимандритъ склонялся къ мысли, что авторъ «Лѣтописца» — Каріонъ. «Это доказываютъ — продолжаетъ онъ — и его внутреннія черты: а) онъ, какъ вышедшій изъ школы Симеона Полоцкаго, даетъ ему почетное мѣсто въ своемъ «Лѣтописцѣ», помѣщая цѣлыя его сочиненія «плачъ о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича» *въ вѣршахъ*, до которыхъ и самъ былъ страстный охотникъ; б) при описаніи стрѣлецкихъ бунтовъ въ «Лѣтописцѣ», было бы естественно изложить ихъ своими словами, но Каріонъ Истоминонъ, какъ уже попавшійся въ бѣду за такое изложеніе (считавшееся до нынѣ произведеніемъ С. Медвѣдева), сего не дѣлаетъ, а на мѣстѣ сказанія о стрѣлецкомъ бунтѣ (чего совсѣмъ миновать было нельзя) помѣщаетъ сказаніе о такомъ въ переводѣ съ нѣмецкаго «изъ Аппеліевыхъ повѣстей». Конецъ же сего сказанія показываетъ ясно приверженца Софіи, равно какъ и *вирши* (краткія), поставленныя вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ царя Іоанна Алексѣевича. Все это, по мнѣнію арх. Леонида, доказываетъ, что «сочинителемъ «Лѣтописца» былъ никто иной, какъ Каріонъ Истоминонъ, извѣстный любитель вѣршей и горячій приверженецъ Софїи и вообще партїи Милославскихъ». «Въ продолженіи «Лѣтописца» (Петровскихъ временъ) дано мѣсто письмамъ патріарха Адріана къ молодому царю за границу, что могъ сдѣлать лишь Каріонъ Истоминонъ, какъ дьякъ патр. Адріана и правитель его домової канцеляріи».

Соображенія арх. Леонида нельзя не признать основательными. Если первые два пункта могутъ вызвать возраженія (хотя въ сборникахъ бумагъ Каріона, какъ читатель видѣлъ изъ подробнаго описанія содержанія ихъ въ приложеніяхъ къ первой части настоящаго изслѣдованія, сохранились нѣкоторыя сочиненія С. Полоцкаго, что какъ бы доказываетъ мнѣніе арх. Леонида: Каріонъ переписывалъ ихъ, какъ матеріалъ для своего «Лѣтописца»), то все остальное сказанное арх. Леонидомъ должно быть признано справедливымъ. Выше было замѣчено нами, что въ Сборникахъ Чудовскаго книгохранилища, содержащихъ бумаги Каріона, разсѣяно не мало записей чисто историческаго характера. Тамъ мы встрѣчали записи и о смерти царя Іоанна Алексѣевича и стихи на смерть его, о которыхъ говоритъ арх. Леонидъ, какъ о заключающихся въ «Лѣтописцѣ». Слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что Каріонъ, задумавъ писать обширное историческое сочиненіе, исподоволь и постепенно подготавливалъ къ тому матеріалы. Въ тѣхъ же

сборникахъ мы встрѣчали и письма патр. Адріана къ царю Петру, но что особенно важно и что осталось неизвѣстно арх. Леониду—въ «Лѣтописцѣ» замѣтка о походѣ Петра въ Архангельскъ почти до словно сходна съ таковою же замѣткою въ одномъ изъ Чудовскихъ Сборниковъ. И такъ, авторомъ «Лѣтописца» надо считать Каріона Истомина, и мы теперь можемъ признать глухую ссылку Голикова вполнѣ основательною и справедливою.

Ближайшее, хоть и поверхностное, ознакомленіе съ «Лѣтописцемъ» дастъ намъ еще одно доказательство того, что авторомъ его былъ Каріонъ. Арх. Леонидъ въ предисловіи къ «Лѣтописцу»¹⁾ говоритъ, между прочимъ: «Лѣтописецъ» Каріона Истомина, какъ составленный изъ многихъ *ветхихъ*, теперь уже не существующихъ, заслуживаетъ вниманія уже по одному этому. Церковныя сказанія и легенды перваго періода нашей исторіи взяты изъ хорошихъ источниковъ и изложены въ живыхъ и образныхъ сокращеніяхъ. Разсказъ о событіяхъ «Смутнаго времени» въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ обличаетъ матеріалы нынѣ неизвѣстныя.

А сказанія о первыхъ годахъ Петровскаго царствованія замѣчательны по своимъ подробностямъ». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается характеристика «Лѣтописца» Каріонова и его значеніе, какъ памятника историческаго. Миѣніе арх. Леонида должно подтвердить подробное изслѣдованіе содержанія «Лѣтописца», которое укажетъ, какими именно *ветхими* лѣтописцами пользовался авторъ въ разныхъ частяхъ своего обширнаго труда и какъ пользовался. Не принимая на себя такой трудной и выходящей изъ предѣловъ нашей спеціальности задачи, мы постараемся сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ послужить матеріаломъ для будущаго изслѣдователя или издателя «Лѣтописца» Каріонова.

Въ началѣ «Лѣтописца» (со словъ: Въ лѣто отъ сотворенія свѣта 3099. Словенъ и Русь съ роды своими отлучишаша и пр.) идетъ разсказъ о двухъ братьяхъ Славенѣ и Русѣ, о томъ, какъ они завоевывали разные страны и строили на завоеванныхъ мѣстахъ города. Въ этомъ мѣстѣ у Каріона много сходнаго съ сочиненіемъ его друга Тимоѣея Каменевича-Рвовскаго, которое въ рукописи Московской Синодальной бібліотеки (№ 963—965 — три книги) № 964 на л. 166 носитъ такое заглавіе: «Книга именуемая исторія еллино-грецкая и грекословенская впамять предбудущимъ родомъ отъ кого и въ коя лѣта зачяся наша славено-русская земля и кто на ней первый начатъ княжити» . . .

1) Онъ приготовилъ часть рукописи къ изданію на стр. Чтеній въ Общ. Ист. и др. Россійскихъ, но преждевременная смерть разрушила планъ арх. Леонида, который сильно желалъ поскорѣ видѣть это сочиненіе Каріона въ печати. Изъ этого «Лѣтописца» на стр. Памятниковъ Древн. Письменности (1881 г. VII) арх. Леонидъ напечаталъ: «Чинъ поставленія на Царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича».

Къ разсказу Каріона Истомина подходитъ вторая статья: «Второе^м начало глѣ того^м преславнаго рѣда нашего славенороссійскаго и повгородскаго». [Въ этой статьѣ Каменевичъ-Рвовскій разсказываетъ слѣд.: когда племя Мосохово отчасти вымерло, отчасти было истреблено бѣлыми уграми, которые опустошили всю Скию, (другіе) князья, потомки Тафетовы, по имени Словень и Русь, рѣшились возвратить праѣдовскую землю, двинулись отъ Евксинопонта и рѣки Дунава на сѣверъ, дошли до озера великаго Мойска, — позднѣ Ирмерь, — и построили города Словенскъ и другіе].

Вычисленіе, коимъ заключается первая статья «Лѣтописца» Каріонова, особенно въ началѣ, сходно съ вычисленіемъ Тверской лѣтописи¹⁾.

Слѣдующая статья «Лѣтописца», подъ заглавіемъ: «О началѣ Римскомъ», кончая грамотою Александра Македонскаго, представляетъ сокращенный пересказъ изъ Исторіи Каменевича-Рвовскаго. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ сокращалъ Каріонъ свои источники, приводимъ отрывокъ изъ «Лѣтописца» и изъ «Исторіи».

«Лѣтописецъ» Каріона:

«Сіе же князи Славенскіе писаніе иже таковыя высокія чести сподобшася отъ Самодержца пріяша, и сію пречестнѣйшую Епистолю почитаху вельми и обещаша ю въ божницѣ» . . .

Исторія Кам.-Рвовскаго:

«И грамоту ту царскую его воспріяша честно, и обѣсаша ю на златопревитомъ шнурѣ на воздухѣ, во всепревеличѣй божницѣ своей, по правую сторону бога своего златоусага идола Велеса. . . и праздноваху ей пречестне, грамотѣ той царской праздникъ превелій и преторжественный, и цѣловаху ея вси, и предлобызаху (пре)любезно, и препоклоняхуся ей, даже и до земли за спе: яко сподобшася они, славенороссїя и новоградстїя всепревеличын князи наши и вси людїе ихъ съ ними таковыя всепревисочайшія. . . чести»²⁾ . . .

Дальнѣйшему содержанію этой статьи «Лѣтописца» (отъ словъ: «По сихъ же многимъ лѣтомъ минувшимъ» . . .) указать ближайшій источникъ не можемъ; содержаніе его сходно съ лѣтописями въ нѣкоторыхъ только частяхъ.

1) См. 15 т. Полн. Собр. русск. лѣтоп., стр. 1.

2) Ср. Синописецъ, Спб. 1798 г., стр. 6.

Начало новаго отдѣла, подъ заглавіемъ: «О началѣ Кіевскомъ и о градѣ», — до словъ: «Новгородцы же послѣ началнаго ихъ князя Гостомысла»... — сходно съ Лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи¹⁾, съ пезначительными сокращеніями. Дальнѣйшее же изложеніе этого отдѣла совпадаетъ скорѣе съ лѣтописью Воскресенскою²⁾.

Годъ 6370—начало княженія Рюрика согласенъ съ большею частью лѣтописей; затѣмъ кратко разсказаны событія до крещенія Руси (опущенъ разсказъ объ Аскольдѣ и Дирѣ); съ лѣта 6417 съ похода Олега на грековъ сходно почти дословно съ Лаврентьевскою лѣтописью³⁾, только годъ выставленъ не 6415, какъ въ другихъ лѣтописяхъ. Далѣе пропущены многія событія, о которыхъ говорятъ лѣтописи (посылка пословъ для заключенія мира съ царями Леономъ и Александромъ, самый договоръ, явленіе кометы), и кратко разсказано о смерти Олега, причемъ говорится будто «нарѣкоша его Грецы Олегъ вѣщей» (по другимъ лѣтописямъ выходитъ, что вѣщамъ прозвали Олега Кіевляне).

Объ Игорѣ разсказано очень кратко: упомянуто о женѣ Ольгѣ изъ Пскова, сынѣ Святославѣ и смерти Игоря въ 6453 г. (годъ тотъ же и въ лѣтописяхъ); нѣтъ ни слова о договорѣ Игоря съ Греками.

Кратко разсказано и объ Ольгѣ, ея мести древлянамъ за смерть мужа и ея крещеніи въ Царь-градѣ. Тутъ замѣчается различіе: въ «Лѣтописцѣ» Каріона читаемъ: «Въ лѣто 6466 при царе Романѣ Греческомъ и крестися и наречена бысть Елена, ея же царь Романъ отъ купели пріятъ»... Въ Лаврентьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6463. И де Ольга въ Греки и приде Царю городу. Бѣ тогда царь именемъ Цемискій»⁴⁾. Въ другихъ спискахъ слѣд. варианты: «пріята бысть и любезнѣ отъ царя Константина, сына Леонова»... II, 244; «И бѣ тогда царь именемъ Чемьскій Иванъ»... т. III, 285; «И бѣ тогда царь именемъ Цемискій»... т. IX; 29; «И бѣ тогда царь именемъ Іоанъ Цимисхиль» т. XV, 62 стр.

Безъ обозначенія года разсказано въ «Лѣтописцѣ» о княженіи Святослава, о его храбрости и походахъ: «...и тако воюя побѣди Козары и градъ ихъ Вельбужъ взять и Вятичи побѣди». Во всѣхъ спискахъ лѣтописи — Святославъ взялъ *Вѣлую вѣжу*.

Разсказъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ въ отсутствіи Святослава значительно измѣненъ: пропущенъ разсказъ объ отрокѣ, знавшемъ по-печенѣжски, а Претичъ названъ «нѣкій князь». Хотя и обозначенъ годъ 6475,

1) П. Собр. русск. лѣтоп. т. I, стр. 4—5.

2) П. Собр. русск. лѣтоп., т. 7, стр. 267—268.

3) П. Собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 12.

4) П. Собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 25—26.

но подъ нимъ разсказаны событія, обнимающія по спискамъ лѣтописи три года (6475, 76 и 77).

О войнѣ Святослава съ греками и смерти его разсказано подъ 6480 годомъ (по лѣтописи 6480 и 81 гг.) кратко, причемъ передается самое существенное.

Сильно сокращенъ также разсказъ о принятїи христіанской вѣры: авторъ передаетъ самое существенное, избѣгая всякихъ рѣчей. Въ концѣ разсказъ близокъ къ Никоновской лѣтописи¹⁾.

Сокращенно передается разсказъ о распространенїи христіанства въ Новгородѣ, причемъ новгородскій архїепископъ, вопреки всѣмъ спискамъ лѣтописи, называется *Іоанномъ*, а не *Іоакимомъ*. Нами замѣчено еще множество отличій «Лѣтописца» отъ лѣтописей, но приведеннаго достаточно, чтобы сдѣлать кое-какія соображенія.

Какъ читатель могъ замѣтить, «Лѣтописецъ» Карїона раздѣленъ на особые отдѣлы, имѣющіе свое заглавіе. Очевидно, Карїонъ, дѣлая выборъ и сводъ изъ многихъ ветхихъ «Лѣтописцевъ», по необходимости долженъ былъ ввести эти отдѣлы: такъ удобнѣе было говорить только о томъ, что онъ считалъ особенно важнымъ. Дѣлая сокращенія при изложенїи событїй политическихъ, Карїонъ вносилъ подробные разсказы изъ церковной жизни, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной лѣтописи. Такъ, у него находимъ разсказъ о явленїи въ Курсуни Николая Чудотворца Евстафію, какового разсказа не нашли ни въ одной лѣтописи.

Интересны послѣдніе листы «Лѣтописца», гдѣ говорится о правленїи Петра Великаго. Хотя замѣтки объ этомъ монархѣ отличаются краткостїю, но онѣ составляютъ драгоцѣнный фактическій матеріалъ для исторїи столь важнаго царствованія. Поэтому не можемъ не высказать пожеланія, чтобы не только «Созерцаніе»²⁾, но и «Лѣтописецъ» К. Истомина вышли поскорѣе въ свѣтъ научно обработанными. Тогда только можно будетъ вполнѣ оцѣнить значеніе этого труда Карїона для русской исторической науки.

ГЛАВА V.

Въ этой главѣ разсмотримъ переводныя сочиненія Карїона Истомина. Опредѣлить количество переводовъ, сдѣланныхъ имъ, весьма трудно, потому что не всегда имѣются прочныя данныя для того, чтобы приписать

1) П. Собр. русск. лѣтоп., т. IX, стр. 54. Ср. т. XV, стр. 104.

2) «Созерцаніе» издано г. Прозоровскимъ въ 1894 году.

ему переводъ тѣхъ сочиненій, какія попадаются въ отрывкахъ въ черновыхъ бумагахъ.

Несомнѣнно переведены Каріономъ слѣдующія сочиненія: блаженнаго Августина — Боговидная любовь, Юлія Фронтана — О случаяхъ военныхъ, книга Сладость и прошеніе Кіевлянъ патриарху Адриану на студентовъ.

Предположительно можно приписать ему переводъ — двухъ словъ Леоптія Карповича, нѣсколько рассказовъ изъ *Gesta Romanorum* и апокрифическое Сказаніе объ Іудѣ.

Всѣ только что названныя сочиненія переведены или съ бѣло-малорусскаго, или съ латинскаго языка, что свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи Каріономъ этихъ языковъ. Кромѣ того, онъ хорошо знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ, что доказывается какъ долговременною службою его на книжномъ печатномъ дворѣ¹⁾ (сперва въ качествѣ простаго справщика, а потомъ въ качествѣ начальника), такъ и тѣмъ, что онъ обучалъ этому языку (какъ читатель видѣлъ въ первой части нашего изслѣдованія), въ типографскомъ училищѣ. Если же мы не имѣемъ переводовъ его съ греческаго языка (кромѣ, можетъ быть, греческаго «Лѣтописца»), то причиною тому могло быть слѣдующее: имѣя дѣло по службѣ съ греческими книгами, трудолюбивый монахъ для разнообразія и усовершенствованія переводилъ въ келіи книги съ латинскаго и бѣлорусскаго языковъ. Не говоримъ уже о томъ, что на выборъ для перевода сочиненія на томъ или другомъ языкѣ могли вліять какія-либо побочныя обстоятельства и соображенія.

Первымъ по времени переводнымъ сочиненіемъ, принадлежащимъ перу Каріона, надо считать книгу блаженнаго Августина, поднесенную столь любимой «пресвѣтлой великой государынѣ, благовѣрной и благочестивой царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ». Въ рѣчи (орациі), произнесенной Каріономъ, при поднесеніи царевнѣ книги, сочиненіе бл. Августина названо «Боговидная любовь». Въ текстѣ же сочиненіе это носитъ нѣсколько иное заглавіе: «Августина учителя книга о видѣніи Христа, или о словѣ Бога, или же истина небеснаго вожделѣнія память обновляется...»²⁾.

Помимо подписи подъ ораціею, Каріонъ точно обозначилъ въ особой припискѣ время перевода и имя автора: «Сія книга устроенъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ чрезъ худѣйшаго іеродіакона Каріона Истомина, мірозданія зрѣче лѣта (= 7195), отъ воплощенія же едиnorodнаго

1) Необходимо здѣсь припомнить находящуюся въ бумагахъ Каріона запись о томъ, что онъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Тимошеемъ іеродіаконъ Теофаномъ, монахомъ Аарономъ и Федоромъ Поликарповымъ въ 1698 году участвовалъ въ исправленіи книгъ *по греческимъ* подлинникамъ и, между прочимъ, въ переводѣ Толкованій на Евангеліе архіепископа Болгарскаго Теофилакта.

2) Чуд. рук. № 291, л. 41—42.

слова Божія „аѣиз (= 1687) индикта 1, мѣсяца іануарія». Даже обозначено время поднесенія книги царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ: «Попадесе книга марта въ гѣ вечеръ и говорилъ орацію».

Эту «орацію» авторъ присоединилъ къ переводу своему, въ видѣ вступленія. Она интересна во многихъ отношеніяхъ, но прежде познакомимся съ ея содержаніемъ. «Егда убо ветхозакопная скинія», — такъ начинается орація, — «повелѣніемъ всетворца Бѣа, по прешествіи моря Чермнаго, во многочисленныхъ перанльтянъ полкѣхъ, созидашесе. тогда на водруженія тая, вси людіе, чрезъ Моісіа проповѣданное, и самообѣщанное приносиша: ови. . . злато, ови же сребро чистое, ови же каменія честная». . . Такъ создалась скинія, въ которой Богъ разглагольствовалъ съ людьми своими, въ которой Онъ пребывалъ. И какъ всякій захочетъ принести что-либо для храма, гдѣ слава превеликаго Бога имѣетъ пребывать, то каждый изъ насъ долженъ созидать скинію. Человѣкъ, этотъ мікрокосмъ, есть настоящая скинія Божія, въ которой вселяется Господь. Но какъ виѣшній человѣкъ требуетъ пищи, такъ и внутренній требуетъ боговдохновенныхъ ученій. Слушая слово Божіе, люди открываютъ сердце свое Іисусу. Но не всѣ люди ожидаютъ прихода такого дорогого гостя, а только боголюбивыя души. Такова царевна Софія, которая созидается для Бога различными добродѣтелями, добронравіемъ, мудростію, правдою и т. д. Но на такое созиданіе всѣ люди требуютъ отъ другихъ помощи. Тѣмъ болѣе нужна она царевнѣ, какъ наилучшему члену скиніи. Въ видѣ вспоможенія авторъ приносить ей Боговидную любовь. Прочитавшій эту книгу соберетъ превелій плодъ для души и достигнетъ Горы Господней. А достигаетъ ее только тотъ, кто не пріемлетъ душу свою всеу. Затѣмъ идетъ объясненіе, кто пріемлетъ душу свою всеу и кто не пріемлетъ. Въ заключеніе же авторъ обращается къ царевнѣ со всякаго рода добрыми пожеланіями. Таково содержаніе ораціи¹⁾. Она написана по всѣмъ правиламъ, какія существовали въ XVII столѣтіи для подобнаго рода произведеній, и украшена всѣми цвѣтами тогдашняго литературнаго краснорѣчія. Здѣсь мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ не только длинныя, искусственно составленныя слова (въ родѣ: спѣдопитство, воскрѣпотствуетъ, четьредесятоднеошіе, гордовысоковыиствовати, вперситъ, всевидоміротворокружная и т. п.), но и вычурныя выраженія и фразы (въ родѣ: желаю: да. . . правою от юности благого житія стезею ходящи, свѣтозарною истиннаго богомудрія лучею облистатися. Красными и вдержаво-правленіе великоцарственнаго Гдрѣтва обувенными ногами, діе вредную міра лестнаго прелестъ попатп. . .)²⁾.

1) См. ее въ приложеніяхъ къ этой главѣ, № 1-й.

2) Попалось даже одно слово польское: «сличное нѣкое царствуетъ».

Хотя схоластическія школьныя правила и вычурно-прихотливое извѣтїе словесъ въ такого рода произведеніяхъ обыкновенно подавляли проявленіе личнаго чувства, однако въ ораціи Каріона довольно ясно просвѣчиваетъ искренняя любовь и благоговѣйное уваженіе къ правительницамъ русскаго государства: стоитъ припомнить тѣ эпитеты, которые онъ разсыпаетъ передъ царевной (въ родѣ: «твоему царскому господству, величайшій владычица, и премилостивой всероссійской госпожѣ и благодѣтельница, тебѣ моеи грѣшнѣе» и т. п.), чтобы видѣть, насколько искреннее и глубокое чувство руководило нашимъ писателемъ. Самое намѣреніе написать и поднести ей книгу бл. Августина онъ мотивируетъ искреннимъ желаніемъ дать царевнѣ средство постоянно имѣть бесѣду съ Богомъ для вѣчнаго спасенія души. Онъ преклоняется предъ добродѣтелями царевны, которыхъ насчитываетъ столько же, сколько насчитано ихъ на листахъ съ портретомъ Софіи Алексѣевны, изданныхъ стараніями Ѳедора Шакловитаго и Сильвестра Медвѣдева за границу и доставленныхъ патріархомъ Іоакимомъ къ слѣдственному дѣлу о названныхъ приверженцахъ царевны¹⁾. Въ виду этихъ добродѣтелей онъ подноситъ ей книгу, вполнѣ отвѣчающую имъ по своимъ достоинствамъ: («Сія книга рѣснотивнѣ рещи Божіихъ аромать аптика есть. сладчайшая паче меда и сота. Сія книга есть сокровище паче каменія честнаго и многаго. Сія есть книга во правду можетъ нарещися источникъ из едема сладости истекаий боготворивыхъ душъ напоющи рай». . .).

Не забываетъ скромный іеродіаконъ, предавая себя въ «благодѣйственное охранство» царевны, коснуться нѣкоторыхъ событій текущей жизни, которыя волновали многихъ современниковъ. Такъ среди всевозможныхъ пожеланій онъ высказываетъ и такія: «И во вся оружія Божія облекшійся, небеснымъ неусумѣннымъ на Христа Иисуса надежды шлемомъ и богоданымъ православныя вѣры щитомъ, всешатающееся звѣрообразныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ полчища преславно побѣждати». . . «Ксему еще всеблагій Бгѣ да даруетъ, яко мудрость имя тебѣ Гдѣриѣ имущій, о вкорененіи пресвѣтлыя и благодаранныя мудрости в россійскомъ царствіи промыслъ и попеченіе во славу вседѣтеля Бгѣ творити». . .

Вопросъ о насажденіи въ Россіи премудрости — старый вопросъ, о которомъ Каріонъ уже говорилъ царевнѣ въ 1682 году стихотворною рѣчью. Хотя желаніе его отчасти было удовлетворено открытіемъ, съ пріѣздомъ братьевъ Лихудовъ, академія, однако Каріонъ не прекращаетъ напоминаній о томъ же самомъ, можетъ быть, потому, что желалъ видѣть побольше подобныхъ академіи разсадниковъ просвѣщенія. А, можетъ быть, говорить о старомъ Каріона побудило предполагавшееся и состоявшееся въ

1) См. Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. I.

1687 году закрытіе Типографскаго училища, послѣ того какъ Лихуды открыли ученіе во вновь построенныхъ каменныхъ зданїяхъ Академіи¹⁾. Что касается пожеланїа побѣждать враговъ, то внутренніе враги и смуты пока притихли, зато наступали войны съ внѣшними врагами — турками; такъ что пожеланіе побѣды со стороны Карїона — вполне естественно.

Обратимся отъ ораціи къ самому переводу. Все сочиненіе бл. Августина въ рукописи Чудовской библ. № 291 состоитъ изъ 36 главъ въ оглавленїи и текстѣ. Вотъ названїе нѣкоторыхъ главъ: а̄ «О дивнѣмъ существѣ Бг̄а; б̄ О благополучїи души отъ земныя темницы разрѣшившіяся; в̄ Что есть познанїе истины; г̄ О исполненномъ утѣшенїи живота вѣчнаго»²⁾. За оглавленїемъ слѣдуетъ: «Предисловіе. Параграфъ а̄». «Понеже посредѣ свѣтей положены есмы,—такъ начинается предисловіе,—удобнѣ отъ небеснаго желанїа зимнѣемъ. сего ради приснаго требуемъ огражденїа, яко да возбуждени ко Бг̄у нашему, истинному и крайнему благу, егда преплаваемъ да претечемъ». Далѣе бл. Августинъ говоритъ, что «не высокомысля безразсужденїемъ, по велїю Бг̄а моего любовїю, сему писанїю, ко славѣ Его трудъ положихъ». Писанїе это собрано имъ «отъ преизящнѣйшихъ глаголанїй стѣхъ отцѣ», «изъ нихъ же чтенїи огнемъ многажды согрѣваюся, да вего распаюся любовь». Затѣмъ идетъ пламенное и любовное обращенїе къ Богу: «Умъ мой благоговѣйный, твоею любовїю воспаленный, къ тебѣ въздыхаяй, къ тебѣ притекаяй, тебе самага видѣти желаяй: ничтоже имѣетъ сладко, развѣ о тебѣ глѣати, о тебѣ слышати, о тебѣ писати, о тебѣ бесѣдовати, твою славу выну въ срдцѣ имѣти, яко да будетъ твоя сладкїа памяти посредѣ сихъ волненїй прохлажденїе мое». . . Въ такомъ же любовномъ къ Богу духѣ написано все сочиненїе.

Въ ораціи самъ Карїонъ опредѣлилъ свои заслуги и участїе при переводѣ книги бл. Августина, сказавъ: «кую (т. е. книгу «Боговидная любовь») обрѣтохъ на бѣлорусскомъ писмѣ Славенскимъ діалектомъ преведену и писанну. Юже славенскими буквами паписахъ приличнымъ главизнамъ подобственными образованїями оную украсихъ и около тѣхъ образовъ стихи приписахъ мѣрочисленно». . . Слѣдовательно, весь трудъ Карїона состоялъ, собственно говоря, въ перепискѣ сочиненїа бл. Августина съ бѣлорусской (южно-русской) рукописи, въ украшенїи текста образами и въ написанїи стиховъ вокругъ этихъ образовъ. Весьма возможно, что бѣлорусскїи оригиналъ, хотя и переведенъ былъ славянскимъ діалектомъ, заключалъ много бѣлоруссизмовъ, которые устранилъ Карїонъ. Въ рукописи Чудовской би-

1) См. Каптерева: «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытїа Славяно-греко-латинской Академіи», стр. 70—71.

2) Все оглавленїе и отрывки изъ книги Августина, см. въ приложенїяхъ къ этой главѣ, № 2-й.

бліотеки нѣтъ никакихъ стиховъ, но въ черповыхъ бумагахъ Каріона намъ попалось небольшое стихотвореніе—или лучше—отрывокъ стихотворный, въ которомъ рѣчь идетъ, быть можетъ, объ этомъ сочиненіи Августина. Вотъ оно:

«Августинъ сѣтый книгу сю состави	ко Бѣгу всю жизнь свою онъ исправи.
Словеса его сладчайша здѣ сота	внихъ же знается Бѣга к намъ доброта.
За сіе его должно есть хвалити	читай книгу о помощь просити.
Отче Августинъ сѣтый веселися	и о мнѣ всегда Христу помолися» ¹⁾ .

Вопросъ о латинскомъ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ бѣлорусскій переводъ—трудно рѣшить. Мы даже не знаемъ, къ какому столѣтію отнести бѣлорусскій переводъ, а изданій сочиненій бл. Августина было множество. Трудность отысканія латинскаго подлинника увеличивается еще тѣмъ, что принадлежность бл. Августину сочиненія «Боговидная любовь» многими учеными отрицается. Сошлемся въ подтвержденіе нашихъ словъ на слѣдующее сочиненіе: «Histoire Générale des Auteurs Sacrés et ecclesiastiques qui contient... par le K. P. Dom Kemy Ceillier nouvel edition... Paris 1861». Въ 9-мъ томѣ этой книги (стр. 286) въ § XII читаемъ о сочиненіи «Боговидная любовь» слѣдующее замѣчаніе: (Des ouvrages faussement attribués à saint Augustin — заглавіе параграфа) 7 «L'auteur du livre de l'Amour de Dieu, paraît être le même que celui qui a écrit le traité de l'Esprit et de l'âme. Saint Jérôme y est cité comme un ancien, et on y trouve divers fragments des ouvrages de saint Anselme, de saint Bernard, et de Hugues de saint Victor»... Такимъ образомъ сочиненіе «Боговидная любовь» ложно приписывается бл. Августину. Вотъ почему намъ не удалось во многихъ просмотрѣнныхъ изданіяхъ сочиненій бл. Августина найти сочиненіе, которое соотвѣтствовало бы переведенному Каріономъ. Правда, мы нашли въ изданіи: «Sancti Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi operum. Parisiis excudebat Franciscus. Muguet Reris et illustrissimi Archiepiscopi Pariensis typographus. MD.CLXXXIII. Cum privilegio Regis» (tom. V, pag. 1329—1334) — «Sermo CCCXLIV: De amore Dei et amore saeculi»; но эта рѣчь состоитъ изъ семи отдѣловъ и имѣетъ иное начало: «Amores duo in hac vita secum in omni tentatione luctantur, amor saeculi et amor Die; et horum duorum qui vicerit, illucamantem tanquam pondere trahit»... Очевидно, это совсѣмъ иное сочиненіе, чѣмъ «Боговидная любовь».

Впрочемъ, отыскивать латинскій оригиналъ для перевода Каріонова было бы излишне, потому что онъ переводилъ съ бѣлорусскаго языка.

1) Чуд. Сбор. № $\frac{99}{301}$, обор. л. 214.

Важно было бы отыскать бѣлорусскій оригиналъ, бывшій въ рукахъ Каріона; но хранится ли таковой гдѣ-либо теперь — сказать не можемъ.

Книга Юлія Фронтіна является вторымъ по времени переводнымъ трудомъ Каріона Истомина. Въ записи о написанныхъ и поднесенныхъ разнымъ лицамъ царскаго дома книгахъ этотъ трудъ носитъ такое заглавіе: «Книга о хитростѣхъ ратныхъ (приклады повая переведена вдестъ)¹⁾. Въ рукописи же, хранящейся нынѣ въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ за № $\frac{257}{402}$ и представляющей, вѣроятно, экземпляръ, поднесенный царю Петру Алексѣевичу²⁾, сочиненіе это озаглавлено иначе: «Книги Іуліа Фронтіна сенатора Римскаго, о случаяхъ военныхъ на четыре части раздѣланныя. Сіи первопреведенныя на славеноросскій языкъ, дѣлотцаніемъ труждающихся. Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Мірозданія 7200 лѣта. Сіи удобно остроуту смысловъ раторборцемъ, и чтущымъ подають».

Предлагаемое ниже сличеніе съ латинскимъ подлинникомъ покажетъ, какое заглавіе болѣе точно, а покажемъ замѣтимъ, что выставленный годъ 7200 (= 1692) обозначаетъ время окончанія перевода. Подалъ же Каріонъ книгу царю въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1693 года, что ясно изъ подписи подъ рѣчью, сказанною авторомъ при подношеніи сочиненія Юлія Фронтіна: «Седмъ тысящ двѣсте перва, мірозданна лѣта, в Априллія мѣсяцѣ рѣчь сія воспѣта». Эту рѣчь, какъ и орацію царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, при подношеніи книги бл. Августина, Каріонъ присоединилъ къ переводу своему, въ видѣ предисловія. Эта орація — весьма обширна: она занимаетъ въ рукописи девять листовъ и заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ и интересныхъ мыслей, что ясно обнаружится при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ ея.

Начинается орація привѣтствіемъ царю Петру Алексѣевичу съ пожеланіями такого рода: «Благоденственно премногая лѣта здравствуй въ наставленіи десницы Божія царствуй правды ради и кротости, и ради православыя вѣры, церковь святую защищай, и вся враги христіанскія и царства всероссійскаго побѣждай, и свободжай изъ рукъ непріятельскихъ плѣнныя, и въ Гдѣ Бѣ присно и вѣчно радуйся и веселися».

Затѣмъ слѣдуетъ общая мысль: «Ничто же есть тако благопріятно и многоцѣнно богосотворенному умственнику душесловесному въ мірноплавателномъ кораблі по житейской многобурливой пучинѣ влающемся, якоже спасителное отъ нужды волнъ и браней всяческихъ внезапнонадныхъ,

1) Сбор. Чуд. библ. № $\frac{98}{300}$, л. 325.

2) Подробное описаніе этой рукописи см. въ нашей ст. «Каріонъ Истоминъ», 1889 г., стр. 92 и слѣд.

спасительное приобрѣтничество (об. а́ л.) и пристанище тишииствующее, въ вѣчное увеселеніе». Но особенно падо желать, чтобы искусство хранило здравымъ царя и помогающихъ ему воиновъ. «Здравыхъ бо рачителей и притщательныхъ ратоборцевъ, здоровое разсужденіе, и мудрое умышленіе [яко глаголетъ Гдѣ: будите мудри] вся хитрости злокозника, скоро отвратитъ, и въ тую же врага ввержетъ яму, юже инымъ ископа». Безъ брани пельзя прожить на семь свѣтѣ. Уже въ райскомъ селеніи праотцы наши вели брань, потому виѣ рая приходилось вести брань Адаму и царямъ. И не только между царями, начальствующими и обладателями земли бывають брани; въ душѣ каждаго изъ насъ и доселѣ совершается борьба противъ супостата-врага, противъ діавольскихъ искушеній. Кто изъ насъ опытенъ въ бранн, тотъ побѣждаетъ діавола, надѣясь на Христа, который много разъ побѣждалъ діавола. Но для торжества надъ діаволомъ необходимо ученіе. «Безъ добродѣтельныхъ же и искусныхъ науки, в ратоборствѣ худы руки». Не даромъ І. Златоустъ учитъ, чтобы во время мира люди учились брани. «Иже бо в мирномъ состояніи отвсюду, печется о ратныхъ содѣлованіяхъ, страшень будетъ во время рати. А иже неискусенъ сый ратныхъ ополченій, или дѣйствовати орудіями бранными не умѣеть, паче смутится, и в покои мира пребываніи. Почто; за не прослезится о тѣхъ вещехъ яже имѣеть: и яко не можетъ по нихъ поборяти, горко поболитъ. Боязливаго бо и неискуснаго, к ратемъ лѣнливаго, вся стяжанія его, всѣхъ суть мужественныхъ людей, и ополчатся вѣдущихъ». И Богъ ввелъ израильтянъ въ землю обѣтованную не безоруженными и не неискусными въ ратныхъ хитростяхъ (ссылка на кн. Числъ, гл. ѿа, ѿ). Крѣпкихъ во брани мужей хвалять священныя книги и лѣтописи (ссылка на 44 гл. кн. Спраха, указаніе на храбрость Іисуса Навина, на царя Давида). По свидѣтельству книги Іова, часто помогало людямъ въ брани и ученіе Закона Божія. Однимъ словомъ, «и поборати и побѣждати враги, аще видимыя, аще невидимыя, искусства и обученія потребно чловѣкомъ зѣло зѣло. . . Сего ради извѣстіе дѣлъ военныхъ, каково есть надобно гражданству, непщую яко никто же такого притупленнаго разсужденія обрѣтается, иже бы сего не разумѣлъ. Занеже ради растлѣнныхъ обычаевъ чловѣческихъ, никогда міръ безъ каковыхъ либо развратниковъ [(л. е) или на благочестивую вѣру гонителей, или безбожныхъ царственниковъ по проклятой ихъ злобѣ, иныхъ въ напраснствѣ земель разорителей, яко же турки и татары, и еракипы и агаряны и прочія языцы] бѣ, и быти имать, иже бы другихъ в покое живущихъ, возмущати, вредити и бѣдства имъ творити не имѣли. . . Законъ самъ естественный вѣсть и припуждаетъ къ сему, во еже бы члѣцы хотяще и не хотяще, управлений или способовъ таковыхъ искали, и во онѣхъ прилѣжно обучалпся, како бы отъ всякихъ обижденій непріятельскихъ избавитися: отъ силы ихъ сохра-

пития, и мирное себѣ жителство приобрѣсти имъ возможи: а наипаче царствъ правителемъ и вожденачалником... Еще аще и во вся времена вѣка сего бѣ потребно, обаче всемъ настоящемъ времени паче сіе въ дѣлахъ воинскихъ ученіе быти разумѣю потребнѣйшее, в нем же весь убо міръ, велиими несогласіи мятется... Тѣм же и видимыя брани, противу непріятелей видимыхъ иностранскихъ язычниковъ, или паче же противу махометановъ проклятыхъ турковъ и татаръ, народу нашему славенороссійскому великаго (обор. л. ѳ) царства московского воинскихъ дѣлъ искусство днесь имѣти должно»...

Турки — враги креста Христова и причиняютъ христіанамъ много бѣдъ бранями и плѣненіями. Древніе предводители славянскаго народа были искусны всегда в войнѣ и всю жизнь свою проводили на полѣ брани. Вотъ почему славянскій народъ въ странахъ полунощныхъ, восточныхъ, полуденныхъ и западныхъ больше всѣхъ другихъ народовъ прославился силою, мужествомъ и храбростью. За свои славныя дѣла они и названы Славяне. Они помогали Александру Македонскому; кесарь Августъ не дерзалъ сражаться съ ними. По свидѣтельству польскихъ историковъ (Длугоша, Стрыйковскаго), славяне даже Рима «досязаша»: Нѣкій князь Одоа царь приобрѣлъ войною Римъ и 13 лѣтъ держалъ его въ своей власти.

И о многихъ другихъ славныхъ дѣлахъ, совершенныхъ славянами, повѣствуютъ лѣтописцы. Всѣ эти славные подвиги славяне совершили, благодаря совершенному воинскому искусству и непрестанному въ немъ обученію. Они и въ мирное и въ бранное время упражнялись въ воинскомъ искусствѣ. Они помнили правило: кто желаетъ мира, тотъ да уготовляетъ брань; кто желаетъ побѣды, тотъ да обучаетъ воиновъ; кто желаетъ благополучнаго конца брани, тотъ да разить хитростію, а не случаемъ. Случай вѣдь рѣдко беретъ верхъ надъ воинскимъ искусствомъ. Въ виду всего сказаннаго, чтобы «благоустроениѣ и мужественнѣ всегда непріателемъ вашимъ царскимъ, ваши воины могли воспретити, и под оными нуждѣ на лежащей хитробразпѣ, мужествомъ искуснымъ дерзостиѣ вооружившесе побѣду восприимати, потщахся (л. ѳ) сію книгу Іуліа Фронтіна сенатора римскаго о случаяхъ военныхъ, в чегыри части роздѣленную, пятаотъ осмьдесятъ прикладовъ имущую, на словенскій нашъ діалектъ первопреводну воинству славенороссійскому изявити. И во услажденіе военныхъ дѣлъ приводити, и во искусство сего художества тцалывыя граждане впроваждати». Указавъ содержаніе каждой изъ четырехъ книгъ сочиненія Іуліа Фронтіна, Каріонъ замѣчаетъ, что люди обыкновенно достигаютъ искусства двумя путями: или чрезъ посредство извѣстій и упражненія, или же чрезъ посредство подобій и образцовъ (примѣровъ).

Первый способъ «искусный и дѣйственный», но «мало безстрашный и

несовершенный», потому что вѣкъ человѣческой—кратокъ: «такое много видѣти и творити во время жизни своея, и втако (об. л. 3̄) розныхъ пуждахъ и случаяхъ бывати человѣку невозможно: во еже бы совершенное в воинскихъ дѣлѣхъ ему искусство воспріяти». За то другой способъ весьма удобенъ. «И яко не безъ велія труда хотящему улучшить сіе приходити бы должноствовало, втако многихъ разныхъ історіяхъ, подобій или прикладовъ; яко который воинъ, злѣ или добрѣ, и гдѣ како поступалъ, искати и собирати. Сего ради во первыхъ убо вамъ пресвѣтлѣйшимъ и монархомъ... по премногу желая всякаго добра... отечеству своему всему православію (в немъ же родися и воспитанъ и малочастіѣ падающія крупіцы ученія пріяхъ) утвержденія... восхотѣхъ того труда людемъ недосужнымъ уяти, сію книгу, юже читающе дойти чинно образъ брани изъ прикладовъ разныхъ воевъ могут, воз'усердствовахъ, на природномъ намъ языкѣ (л. ѿ̄) словенскомъ предложити. Дабы вашего царскаго пресвѣтлаго величества готовободрїи благороднїи правители, и скоропослушнїи воеводы, и вси благовѣрнїи и усерднїи вамъ служители и воины, вѣдяще в ней содѣлованія, удобнѣе воинскія дѣла с побѣдою дѣяти, и должность каждо в числѣ своемъ... отдаяти возмогли». Преподносятъ же Каріонъ книгу царю Петру Алексѣевичу вотъ почему: «приличествуетъ бо вашей богоправимой тишинѣ книгу сію имѣти, наипаче же ради хотящихъ брани враговъ злочестивыхъ и проклятыхъ махOMETановъ, или коихъ либо буди востающихъ злодѣльныхъ иностранскихъ (?) чѣлковъ суетнѣ». Надъ ними побѣду да подастъ Богъ царю и хранитъ его, какъ зѣницу ока. Заканчивается рѣчь пожеланіями, чтобы царь, какъ аноракъ въ златѣ искусоратства или какъ врачество въ антекѣ гражданства, просвѣтилъ міръ этотъ правдою, увеселилъ милостію, защищалъ мудростію и укрѣплялъ мужествомъ.

Таково содержаніе предисловія (орации). Остановимся на немъ и сдѣлаемъ выводы, которые напрашиваются сами собою.

По внѣшнему построению и строго-лической послѣдовательности мыслей эта орація не оставляетъ желать ничего лучшаго для писателя XVII столѣтія. Видно, что въ академіи Лихудовъ Каріонъ прекрасно изучилъ всѣ тонкости теорїи построения ораторскихъ произведеній и практикою достигъ полного успѣха въ этомъ родѣ произведеній. При чтеніи этой ораціи, невольно думается, что авторъ приложилъ особое стараніе къ написанію ея и блеснулъ не малою по тому времени эрудиціею и начитанностію не только въ книгахъ божественныхъ, но и въ лѣтописяхъ русскихъ и хроникахъ польскихъ. (Стало бытъ Каріонъ зналъ и польскій языкъ?). Но помимо указанныхъ достоинствъ, эта рѣчь заключаетъ въ содержаніи своемъ другія болѣе важныя по тому вліянію, какое имѣла или могла имѣть она (на нашъ взглядъ) на современниковъ.

Неудачные походы на крымскихъ татаръ въ правленіе царевны Софїи Алексѣевны обнаружили многія слабыя стороны въ устройствѣ войска того времени. Если царь Θεодоръ Алексѣевичъ, уничтожая мѣстничество, руководился тѣмъ, что оно приносило много вреда успѣхамъ нашего оружія, то нельзя сказать, чтобы, съ уничтоженіемъ мѣстничества, были образцовые порядки въ русскомъ войскѣ. Неудачи Крымскихъ походовъ ясно показывали, что военачальниками были люди не всегда опытные и свѣдующіе. Событія Крымскихъ походовъ были такъ еще свѣжи въ памяти современниковъ, что Каріону, чутко относившемуся къ тревоженіямъ мірскимъ, весьма кстати было говорить объ этой темной сторонѣ тогдашняго войска. Лѣпость и бездѣйствіе стрѣлцакаго войска; неопытность и невѣжество многихъ полководцевъ — все это было такъ очевидно, что не знать этого было нельзя. Юный государь Петръ Алексѣевичъ съ дѣтства полюбилъ игру въ солдаты и тѣмъ положилъ начало будущему преобразованію русскаго войска. Выросши и вступивъ на престолъ, онъ не покидалъ воинскихъ упражненій. Всѣхъ дивила, а нѣкоторыхъ весьма непрїятно поражала неугомонная дѣятельность царя. Немного было въ концѣ XVII вѣка людей, которые по достоинству оцѣнивали поступки Петра Великаго. Каріонъ былъ однимъ изъ такихъ очень немногихъ: какъ передовой человекъ своего времени, онъ запечатлѣлъ словомъ свой взглядъ на дѣянія государевы. Въ виду всего сказаннаго стануть понятны тѣ мѣста ораціи, гдѣ Каріонъ настаиваетъ на необходимости упражненій въ военныхъ дѣлахъ. Не рѣшаемся предполагать, что нашъ писатель приходилъ къ мысли о правильно-обученномъ регулярномъ войскѣ; но нельзя не указать то разнообразіе доводовъ, какими онъ обставляетъ мысль о необходимости воинскихъ упражненій. Тутъ — и природа, и ветхозавѣтная и новозавѣтная исторїи, и лѣтописи съ хрониками — все пущено въ ходъ ученымъ инокомъ для убѣжденія современниковъ въ справедливости его мысли. Что касается царя Петра Алексѣевича, то для него мысли Каріона могли имѣть также большое и важное значеніе: онѣ укрѣпляли его въ справедливости и полезности его дѣйствій. Мало того, онѣ могли послужить ему руководствомъ на будущее время. Доказывая необходимость знать военное искусство и обучать ему, Каріонъ, въ видѣ довода, приводитъ указаніе на то, что особенно необходимо знаніе этого искусства въ его время, когда въ недалекомъ будущемъ предстояли войны съ турками, исконными врагами православной Россїи.

Нельзя отказать нашему писателю въ пониманіи смысла историческихъ событій. Онъ совершенно правильно смотрѣлъ на событія своего времени, всесторонне обдумывалъ ихъ (какъ авторъ будущаго «Лѣтописца») и могъ предвидѣть послѣдствія, къ которымъ они неизбѣжно должны были привести. Крымскіе походы, предпріятыя царевною Софїею Алексѣевою,

не привели ни къ какому опредѣленному результату; они прервались неожиданно, и преемникъ русскаго престола долженъ былъ такъ или иначе окончить начатую его предшественницею войну съ турками. Вотъ почему весьма знаменательнымъ явленіемъ мы считаемъ тотъ фактъ, что за два года до начала Азовскихъ походовъ царю Петру подносили книгу «О хитростяхъ ратныхъ» и указывали на турокъ-магометанъ, какъ на самыхъ близкихъ и непримиримыхъ враговъ русскаго государства. И кто знаетъ, можетъ быть, рѣчь Каріона подала Петру Великому мысль продолжать дѣло, начатое дальповидною и умною сестрою.

Мотивируя необходимость книги, подобной книгѣ Юлія Фронтинна, и объясняя цѣль ея, Каріонъ говоритъ: «И во еже бы благоустроеннѣ и мужественнѣ всегда непріателемъ вашимъ царскимъ, ваши воины могли воспретити, и над оными пуждѣ на лежащей хитрообразнѣ, мужествомъ искуснымъ дерзостнѣ вооружившееся побѣду воспріимати, потщахся сію книгу . . . воинству славенороссійскому изявити. и во услажденіе военныхъ дѣлъ приводити, и во искусство сего художества тщаливыя гражданы впроваждати».

Пусть эти слова не впервые знакомили Петра съ отсутствіемъ въ войскахъ нѣкоторыхъ доблестныхъ качествъ; но вѣдь нельзя пройти молчаніемъ того, что нашъ писатель лишній разъ напомнилъ царю о назрѣвавшей государственной потребности — о необходимости преобразовать войско.

Еще задолго до Каріона появилась книга: . . . «ученіе и хитрость ратнаго строенія пехотныхъ людей». . . Книга началась печатаніемъ въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, «повелѣніемъ благовѣрнаго и благочестиваго Гдѣря цѣря, и великаго князя Алексѣя Михайловича всея русіи самодержьца, въ лѣто зрѣне іюля впервый день во второе лѣто царства его Гдѣря цѣря и великаго князя Алексѣя Михайловича всея русіи. Совершена же бысть того же лѣта, августа въ кс день: индикта, еі». Въ «Предувѣдомленіи къ добродѣтельному читателю» составитель такъ объясняетъ цѣль, которая преслѣдовалась при написаніи книги: «И такъ я себѣ в мысль взялъ чтобы ту драгую и надо всѣмъ мудрую и богатую ратную мудрость отвѣдати какъ бы то знатѣ и обычай какъ гораздо война вестъ объявитъ которое много сотъ лѣтъ закрыто и тайно и не влицяхъ (обор. л. г) было, чтобы та ратная мудрость во ученіи и извычаи была и велася и сею книгою начало тому дѣлу учинил». Авторъ предполагалъ въ восьми книгахъ познакомить читателей: 1) съ мудростью пѣхотныхъ людей; 2) съ строеніемъ конныхъ; 3) съ разною мудростью ополченія; 4) съ уставами и науками военными; 5) съ прямымъ путемъ, какъ гораздо воевати; 6) съ необходимостью каждому воину — отъ послѣдняго солдата и до начальнаго человѣка — быть научену въ воинскомъ порядкѣ; 7) съ корабельною ратною наукою; 8) со всякими разгово-

рамя и вопросамъ, которые во многихъ ратныхъ дѣлахъ бывали и еще впредь прилучиться могутъ.

Такимъ образомъ изъ представленнаго краткаго перечня предметовъ содержанія книги «ученіе и хитрость ратнаго строенія» видно, что она представляетъ далеко не то, что книга Юлія Фронтіна о хитростяхъ ратныхъ, переведенная Каріономъ. Книга изданная въ 1647 году являлась первымъ довольно обширнымъ и весьма подробнымъ теоретическимъ руководствомъ къ ратному дѣлу. Между тѣмъ какъ нашъ писатель перевелъ книгу, которая не отвлеченно, а множествомъ примѣровъ (exempla) наставляла, какъ надо вести себя во время войны и при различныхъ случаяхъ, во время войны приключаются. Можетъ быть, не будетъ смѣлымъ наше выраженіе, если мы скажемъ, что книга Юлія Фронтіна *иллюстрируетъ* многія теоретическія положенія книги, изданной въ 1647 году.

При темнотѣ изложенія, пожалуй, послѣдняя могла принести мало пользы русскимъ военнымъ людямъ. Но своимъ появленіемъ она показывала, что въ правящихъ сферахъ (при дворѣ царя Алексѣя Михайловича) чувствовалась отсталость наша въ ратномъ дѣлѣ и обнаруживалось стремленіе устроить наше войско по знатному образцу. Съ того времени много воды утекло въ безбрежное море, много событій пережилъ русскій народъ, а строй его войска нисколько почти не улучшился. Разъ сознавая потребность лучшаго устройства и лучшихъ порядковъ въ русскомъ войскѣ смутно дремала въ умахъ лучшихъ людей, — и вотъ Каріонъ, желая съ своей стороны пособить отечеству, задумалъ перевести на современный литературный языкъ книгу, не сухо и специально излагающую ратную науку и ратное искусство, а дающую занимательныя образцы и примѣры всевозможныхъ военныхъ добродѣтелей. Правда, книга Юлія Фронтіна, переведенная Каріономъ, не вполне удовлетворила назрѣвшей потребности въ правильномъ обученіи войска ратному искусству, потому что черезъ семь лѣтъ (1700 г.) другой переводчикъ поднесъ царю Петру Алексѣевичу книгу: «*Краткое собраніе лва миротворца августѣйшаго греческаго кесаря, показующе дѣла воинскихъ обученіе*». Мало того, самъ царь нѣсколько позднѣе приказалъ переводить «*Книгу хитрости руководство, воиномъ въ ратоборство*»¹⁾. Но если Каріонъ не могъ вполне удовлетворить назрѣвшей потребности, то ужаси теряетъ всякую цѣну самая попытка удовлетворить ее. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить единства стремленій царя Петра Алексѣевича и скромнаго іеромонаха.

За «орачією» слѣдуетъ оглавленіе первой книги: «Книжицы первыя.

1) См. Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ В., т. II, стр. 24—25; т. I, 212 стр.

О хитростѣхъ ратныхъ, подобія, или образы сихъ вещей, яже воеводу учать, что прежде брани имать быти». Въ оглавленіи указано всего одиннадцатъ главъ: I. О угаеніи совѣта. II. О взысканіи тайныхъ совѣтовъ непріятельскихъ. О храненіи обычая брани. III. О отведеніи воинства чрезъ мѣста бѣдственныя. IV. О изведеніи воинства изъ трудныхъ мѣстъ. V. О походахъ на пути сотворенныхъ. VI. Како сихъ вещей ихже оскудѣніе прилучается покрыти скудость. VII. О приведеніи къ расторженію каковаго врага. VIII. О утоленіи мятежевъ воинскихъ. IX. Како безвременное налеганіе брани утоляти. X. Како воинство къ брани возбудити. XI. О изятіи страха изъ сердець воинскихъ, аще бы по нихъ от противныхъ каковыхъ прорицаній папалъ. Если сравнить это оглавленіе съ названіями главъ въ изложеніи первой книги, то замѣтимъ, что въ оглавленіи количество главъ указано ошибочно: всего главъ въ первой книгѣ двѣнадцать. Въ оглавленіи слиты во II главѣ двѣ главы: вторая «О взысканіи тайныхъ совѣтовъ непріятельскихъ»—и третья «О храненіи обычая брани». Кромѣ того, названія нѣкоторыхъ главъ въ изложеніи содержанія измѣнены, сравнительно съ оглавленіемъ. Такъ, глава VII въ оглавленіи названа: «О приведеніи къ расторженію каковаго врага», а въ текстѣ «О приведеніи до расторженія нѣкаго враговъ».

За содержаніемъ первой книги слѣдуетъ оглавленіе второй: «Книжица вторая о хитростѣхъ ратныхъ. Книжицы или образы сихъ вещей, яже въ самой брани или по брани дѣются, или ко брани приличествуютъ». Количество главъ въ текстѣ и въ оглавленіи одинаковое (тринадцать), но переведены нѣкоторыя главы различно. Такъ, въ оглавленіи «О избѣжаніи», а въ текстѣ: «О убѣгѣ». Тѣ же самыя особенности видимъ и въ третьей книгѣ: «Книга третія, о хитростехъ ратныхъ. Подобія или образы сихъ вещей, яже ко иманію и облеженію или к защищенію градовъ принадлежатъ». Всего главъ въ этой книгѣ восемнадцать, но въ переводѣ ихъ замѣчается нѣкоторое различіе: напр., XVIII глава въ оглавленіи названа: «О мужествѣ во осадѣ сѣдящихъ», а въ текстѣ: «О мужествѣ обстоямыхъ».

Въ послѣдней четвертой книгѣ всего главъ семь; она носитъ одно общее названіе: «Книжицы четвертыя о хитростехъ ратныхъ»—безъ обозначенія содержанія ея, какъ то мы видѣли въ трехъ предыдущихъ книгахъ.

Въ видѣ приложения въ концѣ рукописи находятъся: «Регулы общыя ратныя приложенныя». Всѣхъ «регулъ» тридцать три. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: ѵ. «На брани кто болше бодрствуетъ и во обученіи воинства труждается, сей менше бѣды познаеть»; і. «Болше в мужествѣ пеже во мужествѣ воинства содержится»; кѣ. «Кто в копницѣ силенъ равная мѣста себѣ да избираеть, и конницу болше во бранѣхъ да обучаетъ»; ѵв. «Великая то хитрость врага паче гладомъ и нуждею, а неже боемъ преодолѣти».

Такова книга Юлія Фронтіна въ переводѣ Каріона Истоміна, изготовленная имъ для поднесенія царю Петру Алексѣевичу¹⁾. Чтобы оцѣнить по достоинству заслуги Каріона, какъ переводчика, впервые познакомившаго русскую публику съ сочиненіемъ римскаго сенатора, необходимо обратиться къ латинскому оригиналу, съ котораго сдѣланъ переводъ. Такъ какъ Каріоновъ переводъ относится къ 1692—93 годамъ, то естественно было бы искать латинскій оригиналъ въ изданіяхъ XVII столѣтія. Мы разсмотрѣли одно изъ изданій XVII столѣтія, которое на 17 лѣтъ появилось раньше перевода Каріонова. Полное заглавіе этого изданія такое: «Sexti Julii Frontini viri Consularis Strategematicon sive de solertibus Ducum Factis et Dictis libri Quatuor. Samuel Tennulius cariis Mss. contulit, emendavit, notis illustravit et copiosissimo indice Rerum ac Verborum ornavit: Lugduni-Batav et Amsterdami. . . anno MDCLXXV». Въ этомъ изданіи находится предъ сочиненіемъ Юлія Фронтіна: 1) «Dedicatio» отъ лица Samuel'a Tennulius'a «Nobilissimo et Emendatissimo Thomae Barlovio Collego Reginae Praeposito Oxoniae Archidiacono et pro D. Margaretha ss. Theologiae Professori publico Dominomeo»; 2) Candido Lectori; 3) біографія Фронтіна; 4) стихи «adamicum Samuelem Tennulium» Bernardus'a Somorus'a Ecclesiastes'a Amsterdamsius'a; 5) еще стихи Thomas'a Munckerus'a. Затѣмъ уже слѣдуетъ: «Sexti Julii Frontini in tres priores Strategematicon libros Praefatio». Выше были приведены отрывки изъ рѣчи Каріона, сказанной при поднесеніи книги царю Петру Алексѣевичу. Такъ какъ нѣкоторыя мысли Каріоновой ораціи сходны съ нѣкоторыми мѣстами этого «Praefationis», то приводимъ его здѣсь вполнѣ, чтобы читателю было очевидно, что сдѣлалъ нашъ переводчикъ съ оригиналомъ.

«Cum ad adstruendam rei militaris scientiam, unus ex numero studiosorum ejus accesserim, eique destinationi, quantum cura nostra valuit, satisfacisse visus sim; deberi ad huc institutae arbitror operae, ut solertia ducum facta, quae a Graecis una στρατηγηματικῶν appellatione comprehensa sunt, expeditis amplectar commentariis. Ita enim consilii quoque et providentiae exemplis succincti duces erunt, inde illis excogitandi gerendique similia facultas nutriatur. Praeterea continget, ne de eventu trepidet inventionis suae, qui probatis eam experimentis comparabit. Illud neque ignoro, neque inficio etiam, rerum gestarum scriptores indagine operis sui hanc quoque partem esse complexos: et ab auctoribus, exemplorum quicquid insigne aliquo modo fuit, traditum. Sed (ut opinor) occupatis velocitate consuli debet: longum est enim singula et sparsa perimonsuum corpus historiarum prosequi: et hi, qui notabilia excerpserunt, ipso velut acervo rerum, confuderunt legentem.

1) Подробное описаніе рукописи см. въ моихъ ст. о Кар. Истоминѣ, въ Чтеніяхъ въ Общ. М. Д. Пр., 1889 г.

Nostra sedulitas impendet operam, ut quemadmodum res poscet, ipsum quod exigitur, quasi ad interrogatum exhibeatur: circumspectis enim generibus, praeparavi opportuna exemplorum veluti consilia. Quo magis autem discreta ad rerum varietatem apte collocarentur, in tres libros diducimus.

Imprimo erunt exempla, quae competant proelio nondum commisso.

In secundo, quae ad proelium et confectam pacationem pertineant.

Tertius, inferendae solvendaeque obsidionis habebit *Στρατηγήματα*. quibus deinceps generibus suas species attribui. Huic labori non injuste veniam pasciscar, ne me pro incurioso reprehendat, qui praeteritum aliquid a nobis repererit exemplum.

Quis enim ad percensenda omnia momenta quae utraque lingua tradita sunt, sufficiat? unde multa transire mihi ipse permisi, quod me non sine causa fecisse scient, qui aliorum libros eadem promittentiam legerint. Verum facile erit, sub unaquaque specie suggerere. Nam cum hoc opus, sicut cetera, usus potius aliorum, quam meae commendationis causa aggressus sim, adjuvari me ab his, qui aliquid illi adstruent, non argui credam. Si qui erunt, quibus volumina haec cordi sint, meminerit, ut parent gratiam *στρατηγηματικῶν* et *στρατηγημάτων*, per quam possimus similem naturam discernere. Nam tum omnia, quae a duce provide, utiliter, constanter magnifice fiunt, *στρατηγηματικά* habebuntur, si in specie eorum sunt *στρατηγήματα*. Eorum proprie vis in arte solertiaque posita proficit, tam ubi cavendus, quam ubi opprimendus hostis sit. Qua in re cum verborum quoque illustris exstiterit effectus; ut factorum, ita dictorum exempla posuimus. Species eorum, quae instruant duces in his quae ante proelium gerenda sunt» (1—7 стр.). Если сравнить предисловіе латинскаго изданія съ предисловіемъ (орациею) Карріона, то нельзя не замѣтить, насколько самостоятельно относился переводчикъ къ дѣлу. Онъ взялъ изъ этого предисловія въ свою рѣчь лишь краткое указаніе на содержаніе сочиненія Юлія Фронтіна и нѣсколько мыслей, придавъ имъ другую форму. Не менѣе самостоятельно отнесся онъ и къ заглавію сочиненія: онъ не перевелъ его буквально, а передѣлалъ по своему.

Со стр. 9 латинскаго изданія начинается самое сочиненіе Юлія Фронтіна, именно — оглавленіе первой книги: «Sexti Julii Frontini, viri consularis strategematecon liber primus. Caput I. De occultandis consiliis. Caput II. De explorandis consiliis hostium. Caput III. De custodiendo statu belli. Caput IV. De transducendo exercitu per loca hosti infesta. Caput V. De evadendo ex locis difficillimis. Caput VI. De insidiis in itinere factis. Caput VII. Quemadmodum ea, quibus deficiunt, videantur non deesse, aut usueorum expleatur. Caput VIII. De distringendis hostibus. Caput IX. De seditione militum: compescenda. Caput X. Quemadmodum intempestiva postu-

latio pugnae inhibeat. Caput XI. Quemadmodum exercitus incitandus sit ad proelium. Caput XII. De dissolvendo metu, quo milites ex adversis omnibus conciderunt». Сравнивая заглавіе первой книги и оглавленіе въ латинскомъ изданіи съ переводомъ Каріоновымъ, приходимъ къ слѣдующему выводу: во-первыхъ, Каріонъ придумалъ свое заглавіе, для котораго взялъ послѣднюю фразу предисловія латинскаго изданія. Въ концѣ латинскаго предисловія мы читали: «Species eorum, quae instruant ducem in his, quae ante proelium gerenda sunt». Въ переводѣ Каріона читаемъ: «О хитростяхъ ратныхъ подобія, или образы сихъ вещей, яже воеводу учатъ, что прежде брани имать быти». Во-вторыхъ, въ оглавленіи слѣдующія главы переведены имъ не совсѣмъ удачно: гл. I: латинское — «de occultandis consiliis» онъ перевелъ — «о утаеніи *совѣта*», а во II гл. — лат.: «de explorandis consiliis hostium» онъ передалъ такъ: «о взысканіи тайныхъ *совѣтовъ* неприятельскихъ». Одно и то же латинское слово *consiliis* онъ передаетъ то единственнымъ числомъ *совѣта*, то множественнымъ съ прилагательнымъ — *тайныхъ совѣтовъ*. Гл. IV: лат. «de transducendo exercitu per loca hosti infesta» переведено: «о отведеніи воинства *чрезъ мѣста бѣдственныя*»; слово *hosti* (вар. *hostium*) оставлено безъ перевода, вслѣдствіе чего фраза въ переводѣ Каріона вышла неясною. Гл. VI: лат. — «de insidiis in itinere factis» совсѣмъ невѣрно переведено: «о *походахъ* на пути сотворенныхъ». Гл. VII: лат. «Quemadmodum ea, quibus deficiunt, videantur non deesse, aut usus eorum expleatur» не совсѣмъ близко переведено: «како сихъ вещей ихже оскудѣніе прялучится покрыти скудость». Гл. VIII: лат. «de distringendis hostibus» передано съ прибавкою мѣстоименія «каковаго»: «о привиденія къ расторженію *каковаго* врага».

Послѣ изложенія содержанія первой книги въ лат. изданіи 1675 года на стр. 102 читаемъ: «Sexti Julii Frontini viri consularis in Strategematicum librum secundum Praefatiuncula. Dispositis primo libro exemplis instructuris (ut mea fuit opinio) ducem in his, quae ante commissum proelium agenda sunt, deinceps reddemus pertinentia ad ea, quae in ipso praelio agi solent, et deinde ea, quae post proelium, et eorum, quae ad proelium pertinent species sunt». Сравнивая это «*praefatiuncula*» съ тѣмъ, что находится предъ оглавленіемъ второй книги въ переводѣ Каріона, видимъ, что онъ и здѣсь не придерживался латинскаго текста.

Еще болѣе отступилъ Каріонъ отъ латинскаго текста въ заглавіи третьей книги. Для большей наглядности приводимъ здѣсь параллельно «*Praefatiuncula*» и заглавіе третьей книги въ Каріоновомъ переводѣ:

«Si priores libri responderunt tuis, et lectorem huiusque cum   «Книга третія, о хитростяхъ ратныхъ. Подобія или образы сихъ ве-

attentione perduxerunt, eadem nunc circa oppugnationes urbium defensionisque; strategemata: nec morabor ulla praelocutione, prius traditurus quae oppugnandis urbibus usui sunt, tum quae obsessos instruere possint depositis autem operibus et machinamentis, quorum expleta jampridem inventione, nullam video ultra artium materiam; has circa expugnationem species strategematon fecimus».

щей, яже ко иманію и облеженію или к защищенію градовъ принадлежатъ».

Если Каріонъ хоть кое-что взялъ изъ «praefatiuncula» третьей книги латинскаго изданія, то онъ совсѣмъ опустилъ таковое четвертой книги. Изъ лат. изданія онъ взялъ — и то не полно — общій заголовокъ, находящійся при каждой книгѣ: «Sexti Julii Frontini viri consularis in strategematicon librum quartum». «Praefatiuncula» къ этой книгѣ гласитъ слѣдующее: «Multa lectione conquisitis Strategematibus, et non exiguo scrupulo digestis, ut promissum trium librorum implem, si modo implevi: in hoc exhibeo ea quae parum apte discriptioni priorum ad speciem alligata subjici videbantur: et orant exempla potius strategicon quam strategemata. Quae idcirco separavi, quia quanvis clara, diversae tamen erant substantiae ne si qui forte in aliqua ex his incidissent, similitudine indocte praetermissa opinarentur, et sane velut residua expedienda sunt: in quo sicut antea et ipse ordinem per species servare conabor».

Нельзя не замѣтить, что Каріонъ опустилъ это «praefatiuncula», потому что оно было совершенно излишне для современныхъ ему читателей. Слѣдовательно, Каріонъ относился къ своей задачѣ вполне сознательно и при переводѣ, постоянно имѣлъ въ виду своихъ читателей и ихъ потребности. Что касается самаго текста, то сравненіе его въ латинскомъ изданіи и въ переводѣ Каріона — приводитъ къ такому заключенію: какъ и при передачѣ оглавленій и заглавій всѣхъ четырехъ книгъ, такъ и при переводѣ содержанія онъ не придерживался вездѣ текста, позволяя нѣкоторыя измѣненія и опущенія. Чтобы нашъ выводъ не висѣлъ, какъ говорится, на воздухѣ, представляемъ здѣсь два отрывка въ латинскомъ оригиналѣ и въ Каріоновомъ переводѣ. Отрывки взяты изъ XI главы первой книги:

Exemplum I:

«M. Fabius et Cn. Manlius Coss.
adversus Hetruscos, propter sedi-

«Фабій и Манлій воеводы с герусками брашь ведуще, егда воин-

tiones detractante proelium exercitu, ultro simularunt cunctationem, donec milites probris hostium coacti, pugnam deposcerent, jurarent que, se ex ea victores redituros».

II. «Fulvius Nobilior, quum adversus Samnitium numerosum exercitum, et successibus tumidum, parvis copiis necesse haberet decertare, simulavit unam legionem hostium a se corruptam ad proditorem: imperavitque (ad ejus rei fidem) tribunis, et primis ordinibus et centurionibus, quantum quisque numeratae pecuniae aut auri argentique haberet, conferret, ut praesentari merces proditoribus posset: se autem his qui contulissent pollicitus est, consummata victoria, ampla insuper praemia daturum. Quae sua persuasio Romanis alacritatem adtulit et fiduciam: unde etiam praeclara victoria, commisso statim bello peracta est (изд. 1675 г., стр. 87—88).

ство от вины извѣстныхъ мятежей брани отрицаешься, тако тое показоваху, аки бы умышленіемъ сами брань продолжить хотѣли, даже (?) по семъ посмѣяніемъ и руганіемъ неприятелискимъ приведени вои сами боя прошаху, и клятвою обвязашеся от брани тако не возвращатися токмо съ побѣдою». (об. л. ѱі).

«Фульвій Нобиліоръ егда противно самницкому воинству великому и благополученіемъ счастья гордому съ невеликимъ полкомъ творити имѣ, притвори яко бы единъ полкъ неприятелискій к нему придатися и приложитися имѣлъ, и дабы своихъ в томъ утвердил, тѣмъ болше у полковниковъ и ротмистровъ (на полѣ: сотниковъ) и начальнѣйшихъ сребра и злата отданія в вещи мзды совѣщанныя назаймова, обѣщая тѣмъ, иже бы ему на тую потребу вспомогли, по побѣдѣ доброе мздовоздаяніе. таковое дѣло римляномъ великаго усердія и смѣлости придаде, сего ради не худа побѣда за первымъ сраженіемъ случися» (л. ѱі).

Помимо указанныхъ особенностей перевода Каріонова, необходимо отмѣтить попытку передавать латинскія названія военныхъ чиновъ наименованіемъ соотвѣствующихъ чиновъ современнаго русскаго войска (tribunis, et primis ordinibus et centurionibus = у полковниковъ и ротмистровъ (сотниковъ и начальнѣйшихъ), а равно необходимо замѣтить, что переводчикъ не всегда правильно передаетъ мысль подлинника. Не говоримъ про мѣсто, очевидно, въ рукописи испорченное (donec milites probris hostium coacti = даже посемъ посмѣяніемъ и поруганіемъ неприятелискимъ приведени вои), а разумѣемъ конецъ второго примѣра: «unde etiam praeclara victoria, commisso statim bello peracta est» переведено: «сего ради не худа побѣда за первымъ сраженіемъ случися». Вообще же нужно сказать, что языкъ перевода вездѣ выдержанный литературный языкъ того времени.

Какъ приведенные отрывки изъ перевода Каріона, такъ и все содержаніе рукописи позволили замѣтить еще одну особенность, отличающую переводъ отъ латинскаго оригинала. Эта особенность заключается въ томъ, что передъ рассказомъ Каріонъ опускаетъ слово «exemplum» и отдѣльные рассказы не обозначаетъ римской нумераціей. Обративъ вниманіе на эту особенность въ переводѣ Каріона, мы стали отыскивать среди многочисленныхъ латинскихъ изданій такое, которое бы ближе подходило къ переводу Каріона Истомина. Наши поиски не были напрасны. Въ библиотекѣ Московскаго Румянцевскаго Музея мы нашли книгу, подъ заглавіемъ: «Flavii Vegetii Renati viri i lustris de re militari». (А $\frac{56}{170}$). Въ этой книгѣ есть и сочиненіе «Sexti Julii Frontini viri consularis de strategematis». Книга издана въ 1532 году (MDXXXII). Текстъ книги Юлія Фронтинна въ этомъ изданіи совершенно сходенъ съ изданіемъ 1675 года; по здѣсь есть такія отличія, которыя побуждаютъ насъ признать за оригиналь для перевода Каріонова именно изданіе 1532 года. Такъ, здѣсь послѣ предисловія, воплію совпадающаго съ приведеннымъ выше по изданію 1675 г., вмѣсто обычнаго въ изданіяхъ сочиненій Юлія Фронтинна «Index capitum» читаемъ: «Species eorum quae instruent ducem in his, quae ante proelium gerenda sunt», т. е. то же самое, что мы видѣли въ переводѣ Каріона. Слѣдовательно, Каріонъ не самостоятельно отдѣлилъ послѣднюю фразу предисловія, а нашелъ ее отдѣленною въ изданіи 1532 года. Кромѣ того, въ этомъ же изданіи нѣтъ передъ отдѣльными рассказами слова «exemplum» и нѣтъ обозначенія ихъ римской нумераціей.

Въ рукописи Каріонова перевода, мы видѣли, есть еще «Регуль». Этихъ «Регуль» мы не нашли ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами латинскихъ изданій и ихъ всецѣло надо отнести на долю самостоятельности Каріона, который въ нихъ сдѣлалъ какъ бы сводъ тѣхъ ратныхъ правилъ, какія вытекаютъ изъ сочиненія Юлія Фронтинна.

Подводя итогъ всему сказанному о переводѣ сочиненія Ю. Фронтинна, приходимъ къ слѣдующему заключенію: Каріонъ отнесся къ своей задачѣ весьма сознательно и довольно свободно. Онъ, во-первыхъ, опустилъ біографію Ю. Фронтинна и предисловіе, хотя изъ послѣдняго взялъ нѣкоторыя мысли для своей «орациі»; во-вторыхъ, сильно сократилъ предисловія («praefatiuncula»), которыя предшествуютъ въ латинскихъ изданіяхъ каждой книгѣ сочиненія Ю. Фронтинна: въ-третьихъ, не всегда точно передавалъ мысль автора и наконецъ, въ-четвертыхъ, прибавилъ отъ себя «Регулы общія ратныя» (не даромъ назвалъ ихъ «приложенныя») ¹⁾.

---

1) На долю самостоятельности Каріона, быть можетъ, надо отнести и заставки, которыми онъ украсилъ начало книгъ сочиненія Ю. Фронтинна.

Что касается остальныхъ переводовъ, несомнѣнно принадлежащихъ перу Каріона, то они не имѣютъ особой важности ни по своему содержанию, ни по объему даже. Впрочемъ, можетъ быть, «*Книга Сладость богомысленныхъ души въ разлагодствѣ съ Господомъ*», поднесенная царевнѣ Наталїи Алексѣевнѣ и царевичу Алексѣю Петровичу, представляла почтенный трудъ, нѣчто въ родѣ книги бл. Августина; но указаніе Каріона на оригиналь весьма неопредѣленно: «нѣкоего богомудра и любомудра мужа», — такъ что остается неизвѣстнымъ, кто былъ этотъ богомудрый и любомудрый мужъ». Ясно только одно, что оригиналь былъ южно-русскій¹⁾. Не сохранилось въ бумагахъ нашего писателя никакого, даже самаго ничтожнаго, слѣда этого перевода. Можетъ быть, въ будущемъ отыщется этотъ неизвѣстный переводный трудъ Каріоновъ, который едва-ли прибавитъ что-либо новое къ достоинству его, какъ переводчика. Переводъ «жалобы» кїевскихъ мѣщанъ съ войтомъ во главѣ сохранился съ (собственноручною) припискою Каріона, изъ которой мы узнаемъ о времени перевода и подачи челобитной. Въ рукописи Академіи Наукъ, № 84, на лл. 569—572 находится самая «жалоба», въ концѣ которой читаемъ: «Нынѣшняго 207 году переводилъ съ бѣлорусскаго писма прошепїемъ жителей Кїева града справщикъ печатнаго двора Каріонъ Истоминъ: а подлинное ихъ за печатью писмо подалъ онъ Каріонъ въ келїю святѣйшаго Патріарха, а память такова. апреля въ 6 числѣ заприписью Д. Б. О.²⁾ отпущена». Подана эта жалоба была 1699 года 2 апрѣля, а передана, по указу царя Петра Алексѣевича приказу великаго господина патріарха Адріана, думному дьяку Емельяну Игнатъевичу Украинцеву съ товарищами. Такимъ образомъ Каріонъ переводилъ ее въ самомъ началѣ мѣсяца апрѣля. Не отыскавъ подлинникъ (да едва-ли онъ и сохранился), ничего не можемъ сказать о достоинствѣ перевода. Зато на основанїи сохранившагося перевода можно сдѣлать кое-какіе выводы, не безынтересные и для жизни Каріона. По нашему мнѣнію, жалоба кїевлянъ интересна въ двухъ отношенїяхъ. Во-первыхъ, она свидѣтельствуетъ, что Каріонъ во время своей поѣздки въ Кїевъ въ 1696 году успѣлъ завязать знакомства не только среди духовенства кїевского, но и среди свѣтскихъ властей города: не даромъ кїевскїи войтъ Іоаннъ Быковскїи и кїевскїе мѣщане обратились къ нему, а не къ кому-либо другому съ просьбою перевести ихъ жалобу на современнѣй

1) Это видно, равно какъ и годъ перевода изъ слѣд. полнаго заглавія сочиненїя: «Сладость умнословесныхъ и богомысленныхъ души, в бесѣдованїе съ Гдемъ Бгомъ, богомудраго нѣкоего мужа, зѣло полезна к прочитанїю, переписана съ бѣломалоросскаго языка и писменъ, благороднѣй Грнѣ црнѣ и великой княжнѣ Наталїи Алексѣевнѣ, вцарствующемъ спасаемомъ великомъ градѣ Москвѣ мірозданїя зсѣг лѣта, рождества же Іисъ Христова ахчд мѣца». (Сбор. Чуд. № 302, обор. л. 98).

2) Т. е. думнаго боярина О.?

московскій литературный языкъ. Обращеніе въ данномъ случаѣ кіевлянъ къ Каріону можетъ служить свидѣтельствомъ и того, насколько широко извѣстенъ былъ литературный талантъ нашего писателя.

Во-вторыхъ, эта жалоба интересна, какъ страничка изъ жизни и дѣятельности Варлаама, митрополита кіевского. Въ нашихъ источникахъ есть нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что между митрополитомъ Варлаамомъ и кіевскими мѣщанами возникли разныя недоразумѣнія, обострившіяся къ 1699 году до того, что патріарху Адріану пришлось мирить враждующія стороны. Эти недоразумѣнія, по изображенію «жалобы», переведенной Каріономъ, заключались вотъ въ чемъ. Митрополитъ кіевскій Варлаамъ затронулъ нѣкоторые издавна установившіеся среди кіевлянъ обычаи. Такъ, у нихъ былъ обычай, чтобы приходскаго священника сперва пзбирали прихожане, а затѣмъ избраннаго посвящаль митрополитъ. Но Варлаамъ обыкновенно безъ согласія и выбора прихожанъ присылалъ «на парафію» своего избранника, чѣмъ наносилъ кіевлянамъ крѣвную обиду. Кромѣ этой обиды, былъ и другой поводъ къ неудовольствію между кіевскими мѣщанами и митрополитомъ Варлаамомъ. Этотъ поводъ, по словамъ грамоты патріарха Адріана къ Варлааму, заключался въ томъ, что «при храмѣхъ Гдѣнихъ и приходскихъ живутъ поющіи, и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины имъ строятъ прихожаня. и стѣми де церковными дьяками в тѣхъ храминахъ, велиши ты жити студентомъ пришелцемъ изъ полскихъ городовъ вмѣстѣ, которыя хотятъ учитися вшколѣ мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ. И они де студенты живучи постоянной многая сотворяютъ бѣдства, и безчинства страшная. а тѣхъ дьячковъ, и малыхъ дѣтей учащихся словенскаго нашего языка писменъ бьютъ и бранятъ. и мещанъ идущихъ в цркви на пѣніе внощахъ бьютъ. и увѣчатъ, и безчестятъ женъ и дѣтей. и ради ихъ студентовъ плутовства, и досадительныхъ обидъ к церковникамъ, иногда и в церквахъ пѣнія не бываетъ. а управы де на нихъ сыскати пѣгде. да они ж де студенты многочисленно собрався внощахъ ходя по мещанскимъ дворамъ крадутъ дрова, запасъ, и всякія вещи. и оттого де имъ великая обида и разореніе чинится. а унять ихъ нѣкому оттого»¹⁾.

Патріархъ Адріанъ, желая примирить обѣ стороны, послалъ почти одновременно грамоты митр. Варлааму и войту Іоанну Быковскому съ кіевскими мѣщанами. Варлаама онъ просилъ жить съ кіевлянами мирно: на приходы посылать любимыхъ священниковъ, а студентовъ поселить на квартирахъ и слѣдить за ихъ поведеніемъ (*ibid.*). Іоанна Быковскаго, войта кіевского, и кіевскихъ мѣщанъ опъ увѣщеваль слушаться митрополита Варлаама и опредѣлять ихъ права²⁾.

1) Сбор. Чуд. библ. № 300, л. 471.

2) Рук. Академіи Наукъ, № 84, л. 578—580.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о переводахъ, предположительно приписываемыхъ перу Каріона Истомина. Едипственнымъ основаніемъ къ тому служатъ находеніе этихъ переводныхъ сочиненій среди бумагъ Каріона. Въ виду того, что эти сочиненія могли попасть въ бумаги Каріона случайно, т. е. онъ могъ переписать ихъ для себя, какъ матеріалъ для своихъ сочиненій, мы и не рѣшаемся утверждать несомнѣнную принадлежность ихъ перу нашего писателя. Во всякомъ случаѣ интересенъ вопросъ: если не Каріонъ переводилъ ихъ, то кто же?

Сочиненія эти слѣдующія: 1) «Сказаніе неложное мужа праведна и свята западныхъ цркви великаго учителя Иеронима о іюде бывшемъ предатели Гда ншего Исѣа Хрѣста списанное сице начинается. «бысть нѣкій мужъ въ ерусалиме именемъ рувимъ иже инако именовашеся Симонъ отъ колѣна данова нѣщынъ глѣгъ отъ колѣна Исахарова. Сей симонъ имѣяше жену именемъ Цыборію». . .¹⁾ Въ книгѣ покойнаго Порфирьева: «Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки²⁾ находимъ такое же сочиненіе: «Сказаніе объ Іудѣ Предателѣ». Въ Соловецкой рукописи нѣсколько иное заглавіе повѣсти: «Сказаніе неложно ѿ мужа праведна и свята, западныхъ цркви великаго оучтѣа Иеронима о Іюдѣ Предатели бывшемъ Гда Ншего Исѣа Хрѣта»³⁾.

Прибавленное въ рукописи Чудовской «списанное» не указываетъ ли, что Каріонъ былъ лишь переписчикомъ готоваго уже апокрифическаго сочиненія, приписываемаго Иерониму? Что Каріонъ любилъ дѣлать сборники изъ подобнаго рода сочиненій, на это мы имѣемъ указаніе въ рукописи Румянцевскаго Музея (изъ собранія Ундольскаго, № 930). Въ концѣ ея читаемъ такую приписку: «Сія книга глѣмая собраніе Исторіевъ вознесенскаго дѣвчца мѣтра монахини Любви Степановой, которую подарилъ чудова мѣтра монахъ іерей Каріонъ Истомино»⁴⁾.

2) Нѣсколько рассказовъ изъ *Gesta Romanorum*. На л. 185—187 (Чуд. Сбор. № 302) неполный рассказъ о бѣдникѣ Гвидонѣ, который вытащилъ изъ ямы старосту, льва, ужа и мавпу. Звѣри принесли ему благодарность, а староста нѣтъ. Когда король узналъ объ этомъ, то наказалъ неблагодарнаго. Въ концѣ рассказа «выкладъ обычный», т. е. толкованіе, большею частью религіозное, этого рассказа.

Об. л. 187—188: «Прикладъ яко не подобаетъ женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити глава ѿя». Здѣсь рассказывается о томъ, какъ юноша *Пами-*

1) Чуд. сбор. № 302, л. 199.

2) Спб., 1890 г., стр. 231.

3) Изъ рук. Солов. библ. XVII в., въ листѣ «Великое зеркало» № 240, л. 238—240.

4) Изъ «Собранія Исторіевъ» удѣлѣло: «Сказаніе о некоемъ славномъ богатыре Уруслане Залазоревице». Этотъ сбор. былъ расплетенъ Ундольскимъ и въ его собраніи составилъ №№ 620, 676, 705, 736, 915, 919, 923, 930, 933, 942, 943 и 947.

riuzig, не желая нарушить постановленіе сенаторовъ, сочинилъ для матери, требовавшей отъ него открытія тайны, небывалое разсужденіе сенаторовъ. И при этомъ разсказѣ также есть толкованіе.

Лл. 189—199: «Приклад осталости в добрыхъ учинкахъ вѣрныхъ к ползѣ глава десятая». Разсказъ о двухъ друзьяхъ Гвидонѣ и Таріусѣ, съ «выкладомъ обычнымъ». Всѣ эти разсказы, съ иною нумераціею, похожи на разсказы «Римскихъ Дѣяній», изданныхъ Обществомъ Др. Письменности, стр. 142, 171. Наши разсказы ближе подходятъ къ списку Тихонова¹⁾.

3) Два слова Леонтія Карповича. Эти слова находятся на лл. 180—243²⁾. Оба слова представляютъ переводъ съ западно-русскаго оригинала на современный Каріону московскій литературный языкъ. Для большей наглядности приводимъ небольшіе отрывки изъ словъ по бумагамъ Каріона параллельно съ оригиналомъ, напечатаннымъ въ Евью, въ 1615 году.

Оригиналъ:

«Казанье двое. Одно на Преображеніе Гдѣ Бгѣ, и Спаса нашего І. Хр. Другое на Успеніе Пречистое и Преблагословенное Влад. наше Бѣы присно Дѣы Мрїи. Которые мѣл Оцѣ Леонтій Карповичъ, Архимандритъ Монастыря общежителнаго, Братскаго Виленскаго, цркви Сошествія Сгого и животворящаго Дха. в року „ахеі. мѣа августа 5, и еі дня. Ведуг старожитнаго в Никеи Дхѡм Стымъ постаповленнаго Календара.

Друковано в маестности его Млти, князя Богдана Окгинскаго Подкоморого, Троцкого в Евю.

Слово на Преображеніе.

Церковъ стѣя восточная, православные хрїстіане, о нынѣшнѣмъ празацномъ дни, и хвалебномъ празднице, пѣснѣи и гимны, отъ вышнее Бого-

Переводъ:

«Поученія два: первое на преображеніе Гдѣ Бгѣ и Спаса Нашега Іиса Хрѣа. Второе: на успеніе пречистыя и преблагословенныя Влѣдцы нашея Бѣы и присно дѣвы Маріи. Яже отецъ Леонтій, архимандритъ монастыря общежителнаго братскаго виленскаго, цркви сошествія свѣаго и животворящаго дхѣа. сочини в лѣто „ахеі, мѣа августа в 5 и еі день по древнему в Никеи духомъ святымъ установленному мѣсяцеслову.

Напечаташася в державѣ князя Богдана Окгинскаго постелника Троцкого, в Евги.

«Поученіе на преображеніе Гдѣ Бгѣ и спаса нашего Иса Хрѣста».

Црковь стѣя восточная, православни хрїане, о нынѣшнѣмъ празацномъ дни, и славномъ праздникѣ пѣснѣи и имны³⁾ отъ вышнїа богословїи

1) См. Предисловіе XXVIII—IX стр.

2) Сбор. Чуд. библ. № 300.

3) Надъ этимъ словомъ написано: «благодаренїя».

словіи твореные. в духовном веселю и утѣсѣ, спѣваючи в едином зних тыми словы мовит. Прийдѣте взыйдем на гору Гд̄ю и в дом Бг̄а нашего и узрим славу Преображенія его, славу яко единочадного от отца, свѣтом пріймѣм свѣт, и преложени бывше дх̄ом, тройцу единосущную въспоем въ вѣки»...

Слово на Успеніе.

«По празнице, празникъ: хвалебном, хвалебный православніе христіане: нынѣ нам наступует, на который, matka наша, святая восточная церковъ, так яко и напершій, сынов своих правдивых, в утворонных, духом святым, гимнах, зываючи: в едном зних, тыми словы мовит»...

(Взято изъ ст. арх. Леонида: «Леонтій Карповичъ, церковный витія православной югозападной Руси въ XVII ст. и два его слова». Читенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. при Моск. Унив., 1878 г., кн. I)²⁾.

Къ названнымъ переводнымъ трудамъ, можетъ быть, необходимо отнести еще одинъ, о которомъ находимъ небольшую замѣтку въ черновыхъ бумагахъ Каріона. Эта замѣтка гласитъ: «зѣз марта г̄ отнесъ азъ вверхъ Государю Цр̄евичю Алексію Петровичю. книгу лѣтописецъ греческой по славенски рѣчи, и в лицахъ весь вдесть. царство Константина Багрянороднаго сн̄а лвова. а сначала той лѣтописецъ цр̄ство Тита Евспасіанова сн̄а». Кто писалъ этотъ греческій лѣтописецъ по славянской рѣчи? Весьма вѣроятно, что подносившій книгу царевичу Алексію Петровичу Каріонъ былъ и переводчикомъ. Въ такомъ случаѣ надо допустить, что нашъ писатель написалъ еще съ педагогическою цѣлью одну книгу для царевича, для ко-

устроены в духовном веселіи и утѣшеніи воспѣваючи во едином из них сими словесы глаголет: приидите взыдем на гору Гд̄ню, и в дом Бг̄а нашего, и узрим славу Преображенія его, славу яко единокровнаго от отца: свѣтом пріймем свѣт, и преложена бывше дх̄ом, троицу единосущную воспоим во вѣки¹⁾»...

«Поученіе на Успеніе Пречистыя и преблагословенныя Вл̄дцы нашей Бг̄цы, присно Двы Мр̄іи».

«По праздницѣ празникъ; преславномъ преславный: празникъ Хр̄въ: нынѣ нам приходит. внем же мати наша, с̄гая восточная цр̄квь, тако яко и впервомъ, сн̄ы своя истинныя, въ сотворенных дх̄ом с̄тым, пѣснях, призывающы: во едином от нихъ аще гл̄еть»...

1) Сбор. Чуд. № 300, л. 180.

2) Ibid., обор. л. 216.

Записки Пстор.-Фил. Отд.

тораго онъ вообще писалъ много книгъ. Изъ указанія переводчика видно, что поднесенный царевичу греческій лѣтописецъ не представлялъ систематическаго изложенія Византійской исторіи. Въ виду этого надо предположить, что переводчикъ, приспосаблиясь къ возрасту царевича, желалъ дать ему нѣчто въ родѣ темершняго эпизодическаго курса исторіи, какой проходится въ низшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Каріона, кромѣ приведенной замѣтки, не сохранилось никакого другого слѣда этого греческаго лѣтописца.

Мы разсмотрѣли и, насколько могли, исчерпали вопросъ о переводныхъ сочиненіяхъ Каріона Истомина. Что же мы можемъ извлечь изъ подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса?

Прежде всего необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ переводныхъ сочиненій, положительно и предположительно приписываемыхъ перу Каріона, наиболѣе важными являются два — переводъ книги Юлія Фронтинна и книги бл. Августина. Эти сочиненія могутъ служить опорой при окончательномъ сужденіи о значеніи переводныхъ трудовъ Каріона.

Спрашивается, какимъ потребностямъ современниковъ стремился Каріонъ удовлетворить своими переводами? Мы видѣли, что оба перевода (и книга Ю. Фронтинна и кн. бл. Августина) сдѣланы Каріономъ добровольно, по своей инициативѣ, безъ всякаго со стороны кого-либо побужденія или приказанія. Равно мы видѣли, какіе частные случаи принудили его перевести то и другое сочиненія. Всмотриваясь въ характеръ названныхъ переводовъ, написанныхъ въ концѣ XVII столѣтія, нельзя не замѣтить, что они отвѣчаютъ двумъ различнымъ потребностямъ. Книга бл. Августина, переведенная въ 1687 г., когда будущій Преобразователь Россіи еще не принималъ участія въ управленіи государствомъ, имѣетъ въ виду удовлетворить религіознымъ стремленіямъ души человѣческой. Книга же Юлія Фронтинна, переведенная въ 1692 году, когда со вступленіемъ царя Петра на престолъ въ Россіи занималась заря новой жизни, имѣетъ въ виду совѣмъ инныя, чисто житейскія цѣли. Видно, какъ различныя вѣянія и направленія жизни увлекали поочередно чуткаго къ вопросамъ жизни Каріона и какъ онъ, захваченный волною новыхъ потребностей, старался удовлетворить имъ. Мы видѣли и искреннее желаніе со стороны нашего писателя отвѣтить своимъ переводомъ на запросы жизни, и довольно осповательную для конца XVII столѣтія подготовку къ выполненію предпринятаго труда. Не вина Каріона, что переводъ его не принесъ той пользы, кака я имѣлась въ виду; не вина его, что, отдавъ большую часть своей жизни на служеніе религіозно-правственнымъ интересамъ до-Петровской Руси, онъ оказался состоящимъ «не у дѣлъ», при паступавшемъ быстро новомъ направленіи русской жизни. Хорошо и то, что онъ, за нѣсколько лѣтъ до паступленія

новаго порядка вещей, своими переводами указывалъ на страны, откуда ожидалось обновленіе устарѣлыхъ формъ древнерусской жизни.

ГЛАВА VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы у конца предположенной и посильно выполненной задачи. Изобразивъ внѣшнюю сторону жизни Каріона Истомина Заулонскаго и познакомившись съ мыслями и думами, нашедшими выраженіе въ разсмотрѣнныхъ наиболѣе важныхъ, по нашему мнѣнію, сочиненіяхъ его, пора подвести итогъ всему сказанному, пора сдѣлать окончательный выводъ о личности нашего писателя и опредѣлить его положеніе среди другихъ дѣятелей на поприщѣ литературы и просвѣщенія во второй половинѣ XVII столѣтія.

Литературная и общественная (въ извѣстномъ, конечно, смыслѣ) дѣятельность Каріона Заулонскаго падаетъ, какъ видно изъ первой части нашего изслѣдованія, на послѣдніе двадцать лѣтъ XVII столѣтія и заканчивается въ самомъ началѣ XVIII-го. Если принять во вниманіе при этомъ, что къ началу XVIII столѣтія нельзя отнести ни одного изъ наиболѣе важныхъ его произведеній, то не будетъ погрѣшностью всецѣло причислять нашего писателя къ цѣлой плеядѣ литературныхъ дѣятелей второй половины XVII вѣка, которые своими сочиненіями внесли въ Московскую Русь новое умственное направленіе и сообщили русскому обществу движеніе, завершившееся реформою Петра Великаго.

Такъ какъ дѣятельность всякаго писателя во многомъ зависитъ и опредѣляется окружающею его дѣйствительностью; такъ какъ онъ является болѣе или менѣе яснымъ отголоскомъ своего времени, то для правильной оцѣнки совершеннаго имъ необходимо хорошенько вемотрѣться въ то время, на которое падаетъ его жизнь и дѣятельность. Итакъ, постараемся отвѣтить прежде всего на вопросъ: что такое въ исторіи русскаго народа — XVII вѣкъ, на послѣдніе годы котораго приходится литературная и общественная дѣятельность Каріона Заулонскаго? Не претендуя нисколько на оригинальность взгляда о значеніи XVII столѣтія въ русской исторіи, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи представить результаты авторитетныхъ историковъ, раньше насъ изслѣдовавшихъ поставленный выше вопросъ.

Смутное время, окончившееся возведеніемъ на престолъ дома Романовыхъ, положило предѣлъ борьбѣ удѣльно-вѣчевыхъ стремленій съ началами общегосударственными. Съ этого времени въ продолженіе почти всего XVII вѣка замѣчается, по словамъ г. Замысловскаго¹⁾, одно направленіе: все не только въ государствѣ и жизни общественной, но даже въ частной подчинить уставу, извѣстному чину. «Это направленіе», — продолжаетъ дальше упомянутый ученый, — «выразилось въ законодательствѣ издаваемъ Уложенія, съ которымъ имѣли тѣсную связь все послѣ него вновь выходившія постановленія до конца XVII вѣка, издаваемъ уставовъ о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, и устава новоторговаго; въ центральной администраціи — болѣе правильнымъ разграниченіемъ дѣлъ между приказами, постановленіями касательно разбора дѣлъ въ Золотой Палатѣ; въ областной администраціи — опредѣленіемъ отношеній воеводъ къ головамъ и цѣловальникамъ, состоявшимъ при питейныхъ и таможенныхъ сборахъ, запрещеніями переходить крестьянамъ въ посадъ, бѣлопашцамъ владѣть тяглыми дворами; въ вопросахъ финансовыхъ — составленіемъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ; въ вопросахъ церковныхъ — исправленіемъ книгъ богослужебныхъ, подчиненіемъ монастырей епархіальнымъ властямъ, опредѣленіемъ границъ между епархіями; въ вопросахъ образованія — учрежденіемъ школъ и составленіемъ проекта академіи». Стремленіе къ «чести и чину» охватило и частный бытъ — отъ быта государя, патріарха и боярина до быта мелкаго служилаго человѣка, гостя и человѣка посадскаго. «А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ потому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость» — говорится въ «Устроеніи чина сокольничья пути». Слова эти можно принять за формулу созрѣвшей потребности въ XVII столѣтіи. Надо было все въ жизни государственной, общественной и частной *привести въ порядокъ*, ибо всюду замѣчалось нестроеніе и шатость. Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся внимательно въ жизнь разныхъ слоевъ русскаго общества XVII столѣтія, чтобы видѣть насколько необходимы были для нея «честь и чинъ и образецъ».

Въ родовитомъ и именитомъ боярствѣ русскомъ послѣ того, какъ миновала буря смуты и все начало успокаиваться, произошло великое замѣшательство вслѣдствіе того, что въ числѣ членовъ его появились новые, перодовитые люди (въ родѣ Ордина-Нащокина и Матвѣева). Замѣшательство и нестроеніе должны были усилиться еще болѣе вслѣдствіе того, что у дверей стояли, по словамъ Соловьева²⁾, новыя преобразования: «войны

1) См. ст. его: «О значеніи XVII вѣка въ русской исторіи», Жур. Мин. Нар. Пр. 1871, декабрь, 169—180 стр.

2) См. его: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII, стр. 35, М. 1878 г., изд. 3.

трудныя, войны въ обширныхъ размѣрахъ требуютъ искусства ратнаго какъ у другихъ народовъ, требуютъ новаго строя, новаго воеводскаго порядка; московское государство не можетъ долѣе сохранять своей старины»...

Не въ лучшемъ положеніи находилось и то сословіе, которому издавна усвоялось важное значеніе, какъ сословію учительному, — духовенство. До второй половины XVII вѣка никто не дерзалъ огибать у него права учительства. Но вотъ во второй половинѣ этого столѣтія *стремленіе все упорядочить* привело къ исправленію богослужебныхъ книгъ, которое породило церковныхъ мятежниковъ, вооружившихся противъ прежняго значенія духовенства. Эти враги провозглашаютъ, что архіереи и священники учатъ неправильно, что они заставляютъ молиться не такъ, какъ молились предки. Помимо этихъ приверженцевъ старины, вскорѣ явились враги другого рода. То же самое стремленіе *привести все въ порядокъ* указало необходимость учиться; своихъ учителей не было, пужно было поповолѣ обратиться къ иновѣрнымъ иностранцамъ. Эти новые учителя тоже не признавали значенія прежнихъ учителей и внушали своимъ ученикамъ обидное пренебреженіе къ духовенству. Такимъ образомъ, послѣднее очутилось между двухъ сильныхъ и опасныхъ враговъ. Необходимо было какъ-нибудь упорядочить и это нестроеніе.

И куда бы мы ни посмотрѣли, всюду по русской землѣ въ XVII столѣтіи замѣчается замѣшательство, безпорядокъ и слабость, всюду требуется укрѣпленіе. Посмотримъ на войска. Неустройство его обнаружилось въ неудачахъ, которыми сопровождались почти все войны XVII столѣтія. Русскій служилый человекъ былъ совершенно неприготовленъ къ ратному дѣлу и не умѣлъ владѣть плохимъ оружіемъ. Припомнимъ здѣсь слова Посошкова о русскомъ войскѣ: «У шѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, коньями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади пегодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ не только что выстрѣлить въ цѣль... Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣй... Во время бою того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ стагъ»... Послѣднія слова указываютъ, что и нравственность войска была не высока. — Въ нравственномъ состояніи русскаго общества XVII столѣтія видимъ еще болѣе хаотическаго. Въ самомъ дѣлѣ, уже давно, со временъ Юліана Грознаго, явилась мысль объ умственной и

правственной несостоятельности русскаго общества; тогда уже пришли къ мысли о необходимости обратиться за наукою къ Западу. И эта западная наука шла въ Московскую Русь двумя путями. «Одинъ путь преимущественно нѣмецкаго вліянія шелъ чрезъ Новгородъ и Псковъ: вѣчнымъ памятникомъ его останутся укрѣпленія этихъ городовъ и ихъ участіе въ ганзейскомъ союзѣ. Окончательное его развитіе произошло въ Московской нѣмецкой слободѣ, въ грязную улицу которой повернулъ великій Петръ. Другимъ путемъ шло чрезъ юго-западную Россію вліяніе польское»¹⁾. Но какимъ бы путемъ ни шла въ Московскую Русь XVII в. западная наука, нельзя было обойтись безъ борьбы и волненій. Эту борьбу и эти волненія, возникшія въ Московской Руси съ приходомъ западной науки, прекрасно изобразилъ Соловьевъ, котораго слова мы здѣсь и приводимъ: «Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба... Молодой великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха по латыни и по гречески, сталъ ученіе своего стараго учителя, своего отца духовнаго... Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопреставленіе! Яйцы курицу учать! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латышью учать разнымъ ересямъ... Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ... и патріархъ поручаетъ своа исправлять книги новымъ учителямъ»...²⁾ Пошли взаимныя обличенія, которыми такъ богато всякое переходное время и которыя раскрыли слабыя стороны и недостатки противниковъ.

На первомъ планѣ необходимо поставить борьбу, возникшую по частному догматическому вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи. Этотъ вопросъ получилъ особенную важность въ глазахъ русскіхъ людей конца XVII столѣтія, благодаря бурнымъ обстоятельствамъ времени. «Все, по словамъ г. Шляпкина, пришлось одно къ одному: высокое о себѣ мнѣніе малорусской церкви, считавшей себя просвѣщеніе своей метрополіи Москвы и привыкшей подъ властію Константинопольскаго патріарха почти къ полной независимости; пропырливость грековъ, терявшихъ, благодаря образованнымъ малороссамъ и недověрчивымъ раскольникамъ, почву изъ-подъ ногъ въ Московскомъ государствѣ;

1) См. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)». Сиб., 1891 г., 54 стр.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древн. вр., XIII т., 133—134 стр.

необразованный и подозрительный патріархъ Іоакимъ и мягкій гуманный князь Василій Васильевичъ Голицынъ; стрѣleckiя волненiя и іезуитскiя козни; политическая борьба партiи Милославскихъ и Нарышкиныхъ»¹⁾. Въ пылу горячаго спора противники не жалѣли укоризнъ по отношенiю другъ къ другу. Кромѣ спора о времени пресуществленiя св. даровъ, не мало укоризнъ вызывали издавна укоренившiеся въ русскомъ обществѣ пороки, каковы: пьянство, разбой и грабежи, грубость, проявлявшаяся во взаимныхъ отношенiяхъ членовъ семьи и членовъ общества, и суетвѣрiя всякаго рода. Такъ во второй половинѣ XVII в. различныя нестроенiя волновали русскихъ людей и побуждали ихъ искать какого-либо выхода изъ этого вѣчнаго шатанiя!

Литература, какъ вѣрное отраженiе жизни общества извѣстнаго времени, должна была сохранить указанiе на все то, что волновало и раздѣляло лучшихъ русскихъ людей на партiи; должна была носить на себѣ и слѣды того новаго, что принесла съ собою западная наука. Дѣйствительно, литературныя произведенiя второй половины XVII столѣтiя отличаются большимъ разнообразiемъ, потому что малорусскiе писатели внесли въ нее новое содержанiе и новыя выработанныя въ Кіевской академiи формы. Выходцы изъ Кіева, воспитанники Кіевской академiи, знакомятъ Московскую Русь съ проповѣдью въ схоластически-занимательной формѣ; показываютъ всѣ роды школьной силлабической поэзiи, даже полагаютъ начало русскому театру и драматической литературѣ. Тоже самое разнообразiе замѣчается и въ переводной литературѣ XVII столѣтiя. Представленный въ книгѣ г. Шляпкина подробный перечень переводныхъ сочиненiй XVII столѣтiя невольно приводитъ къ слѣдующему выводу: «Въ переводахъ XVII столѣтiя, особенно усилившихся къ концу вѣка различаются два теченiя: одни изъ нихъ удовлетворяютъ религіозно-нравственному чувству русскихъ читателей, облакая моральныя сентенцiи въ живую повѣствовательную форму, имѣвшую и самое по себѣ, по своей фабулѣ достаточный интересъ; другiе преслѣдуютъ цѣли чисто практическiя. Среди послѣднихъ мы видимъ сочиненiя историческiя, юридическiя, физиологическiя, медицинскiя, хозяйственныя и пр. Всѣ эти произведенiя, внесенныя изъ Южной Россiи и Польши, несмотря на разнообразiе содержанiя, не являлись оторванными отъ древне-русской литературы XI—XVII в. Въ нихъ мы находимъ ту же религіозную окраску, тѣ же воззрѣнiя на міровыя событiя, тоже желанiе извлечь моральный выводъ изъ окружающаго, что и въ предшествующихъ литературныхъ произведенiяхъ». . .²⁾ Въ эту-то пере-

1) См. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій и его время», стр. 110—111.

2) См. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій и его время», стр. 95—96.

ходную эпоху жизни русскаго народа выступилъ Каріонъ Заулонскій на поприщѣ общественной и литературной дѣятельности.

Съ какими личными качествами выступилъ онъ на означенное поприще, какихъ убѣжденій держался, въ какое положеніе поставилъ себя среди столь разнообразныхъ и противоположныхъ теченій?

«Малочастіѣ падающія крупныя ученія пріяхъ» — такъ говоритъ о своемъ образованіи нашъ писатель въ ораціи, сказанной при поднесеніи царю Петру Алексѣевичу перевода книги Юлія Фронтіана. Справедливость этихъ словъ доказывается ходомъ его образованія, насколько таковой вылепился въ первой части нашего изслѣдованія. Обстоятельства жизни Каріона сложились такъ, что ему приходилось отовсюду собирать «крупныя» образованія и изъ него въ концѣ концовъ необходимо долженъ былъ выйти самый яркій представитель переходнаго времени, съ неизбѣжнымъ колебаніемъ и нѣкоторою неопредѣленностью въ воззрѣніяхъ богословскихъ, политическихъ и педагогическихъ. Его образованіе прошло черезъ двѣ различныя по направленію, хотя имѣющія много общаго, школы. С. Медвѣдевъ познакомилъ его съ начатками *латинскаго ученія*, а братья Лихуды открыли передъ нимъ сокровища *греческаго ученія*. Прилежный и внимательный, но безъ сильной критической способности ученикъ усвоилъ хорошо и то и другое ученіе, отразивъ его въ своихъ проповѣдяхъ и катехизисѣ. Въ этихъ произведеніяхъ Каріонъ Заулонскій является несомнѣнно православнымъ по своимъ воззрѣніямъ; но въ то же время въ своемъ катехизисѣ въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ онъ является латинумудрствующимъ, утверждая, что хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Христову словами Спасителя, произнесенными Имъ на Тайной вечери. И такое колебаніе Каріона въ догматическихъ вопросахъ, такое «шатаніе» между двумя партіями латинумудрствующихъ и православномудрствующихъ — не единичное явленіе среди лучшихъ людей XVII столѣтія. По свидѣтельству Гавріила Домецкаго¹⁾, митрополитъ Казанскій Адріанъ, будущій патріархъ, въ вопросѣ о пресуществленіи тѣла и крови Христовой также держался мнѣнія южно-русскихъ выходцевъ, хотя патріарху Іоакиму «являлъ лицо» правомудрствующаго. Тоже колебаніе между латинумудрствующими и правомудрствующими обнаружилъ и архимандритъ Высокопетровскій Іовъ, въ послѣдствіи митрополитъ Новгородскій, за что его упрекалъ іеродіаконъ Дамаскинъ: «блаженство твое сими и сицевыми вѣтры, яко трость, паклоняешися и являешися отъ восточной части яко отступающъ, къ западной же склоняющя». Въ

¹⁾ О немъ см. въ книгѣ Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій и его время», 164 стр., примѣч. 4.

подобномъ же колебаніи, вѣроятно, повиненъ былъ и митрополитъ исконскій Маркеллъ, покровитель Каріона.

Близость къ С. Медвѣдеву (въ качествѣ родственника и земляка), а равно и обстоятельства времени опредѣлили отношенія Каріона Истомина и къ разнымъ политическимъ партіямъ: сперва онъ — горячій почитатель и приверженецъ царицы Софіи Алексѣевны, а затѣмъ переходитъ къ противоположной партіи Нарышкиныхъ. Вообще въ политическихъ воззрѣніяхъ или — лучше симпатіяхъ Каріона замѣчается еще большее колебаніе и безразличіе. Выразивъ свое расположеніе къ царицѣ Софіи Алексѣевнѣ многочисленными стихотвореніями и поднесеніемъ перевода книги бл. Августина, онъ затѣмъ такія же чувства выражаетъ и по отношенію къ царю Петру, его матери и царевичу Алексѣю Петровичу. Можно даже сказать, что съ теченіемъ времени онъ сосредоточилъ всѣ свои симпатіи на послѣднемъ, написавъ ему много сочиненій. Принимая во вниманіе многочисленность сочиненій, написанныхъ и другимъ лицамъ царскаго дома, можно сказать, что нашъ писатель не избѣжалъ не совсѣмъ похвальнаго заискиванія передъ царственными особами. Отсюда невольно вытекаетъ выводъ, что и нравственныя понятія нашего писателя не отличались твердостью: по крайней мѣрѣ, его упрекали въ томъ, что онъ разжигаетъ вражду напр. Іоакима къ С. Медвѣдеву.

Однимъ словомъ, можно прослѣдить подобное колебаніе во многихъ случаяхъ жизни нашего писателя. Зато онъ остается всегда себѣ вѣрнъ и послѣдователенъ въ одномъ. Всюду, всегда и во всемъ онъ является горячимъ сторонникомъ просвѣщенія. Принимая во вниманіе то, что онъ началъ свое литературное поприще стихотворною просьбою къ царицѣ Софіи Алексѣевнѣ о заведеніи науки совершенной и затѣмъ почти въ каждомъ произведеніи, обращенномъ къ наиболее вліятельнымъ лицамъ царской фамиліи, не упускалъ случая говорить о любимой наукѣ, — принимая все это во вниманіе, едва-ли будетъ грубымъ промахомъ и преувеличеніемъ сказать, что въ идеѣ о глубокой цивилизующей силѣ науки и просвѣщенія нашла себѣ наиболее яркое и рельефное выраженіе личность нашего писателя. Въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіяхъ ни одного изъ писателей (несомнѣнно болѣе образованныхъ и способныхъ, чѣмъ Каріонъ) хvii столѣтій нѣтъ такого частаго напоминанія о наукѣ совершенной и пользѣ ея, какъ въ сочиненіяхъ Истомина. Можетъ быть, любовь къ просвѣщенію въ значительной степени объясняетъ и его колебаніе между двумя партіями — латинской и православной: онъ до того дорожилъ наукою и пользою, отъ нея истекающею, что готовъ былъ забыть всякое различіе и несогласіе партій.

Глубокая любовь къ наукѣ и просвѣщенію съ особенною силою ска-

залась въ его стремленіяхъ пайти наиболѣ легкіе пути и способы для передачи плодовъ науки и просвѣщенія подростяущему поколѣнію. Его педагогическіе труды — Буквари и Малая Грамматика — заслуживаютъ особенной признательности и должны поставить имя Каріона паряду съ именами наиболѣ видныхъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія въ XVII в. Вообще, какъ педагогъ, Каріонъ Заулонскій занимаетъ въ XVII столѣтіи единственное и почтенное мѣсто. Это можно сказать безъ преувеличеній. Пусть въ его грамматикѣ проводится средне-вѣковой взглядъ на эту науку, пусть она написана подъ сильнымъ вліаніемъ грамматки Мелетія Смотрицкаго, отъ этого нисколько не умаляется ея значеніе: на нее, какъ и на буквари, слѣдуетъ смотрѣть съ дидактической и методической точки зрѣнія. До него никто изъ составителей учебниковъ въ XVII вѣкѣ не задавался вопросомъ о наилучшихъ способахъ преподаванія дѣтямъ княжной (школьной) мудрости. Вообще, какъ педагогъ, Каріонъ отличается не только опытомъ, внимательнымъ отношеніемъ къ дѣтской природѣ физической и умственной, но и широкою гуманностью воззрѣній. Последняя сказалась въ томъ, что онъ не устрояетъ русскую женщину отъ просвѣщенія, требуя (въ «Домостроѣ») для нея такого же образованія, какъ и для мальчиковъ. Таже гуманность побудила его замѣнить исконое педагогическое средство — розгу поклонами, хотя и здѣсь замѣчается перѣшительность и колебаніе.

Такимъ образомъ, Каріонъ Истомичъ, по своему характеру, безъ рѣзко обозначенныхъ чертъ, не могъ явиться бойцомъ и виднымъ вожакомъ какой-либо партіи. Горячій сторонникъ просвѣщенія, онъ является отчасти *примирителемъ* новаго шедшаго съ запада просвѣщенія съ прежнимъ нравственно-религіознымъ образованіемъ. Въ этомъ случаѣ по своей дѣятельности онъ нѣсколько напоминаетъ другого дѣятеля, переходной эпохи — Св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго; по въ тоже время значительно уступаетъ послѣднему. Св. Дмитрій обладалъ не только огромными способностями, но и солиднымъ образованіемъ и широтою взгляда. Нашъ писатель ни по своимъ способностямъ, ни по образованію, ни по широтѣ своихъ воззрѣній не можетъ быть поставленъ на ряду съ такими выдающимися людьми, какъ Св. Дмитрій Ростовскій; онъ второстепенный дѣятель XVII столѣтія, и его дѣятельность имѣетъ значеніе только для своего времени. Мы видѣли, что и по внѣшнему своему положенію, хотя и довольно почтенному (справщикъ, начальникъ печатнаго двора, архимандритъ и секретарь двухъ патріарховъ), онъ не могъ играть выдающейся роли въ свое время. Но въ предѣлахъ, для него возможныхъ и доступныхъ, онъ совершилъ все, что могъ, отозвался, какъ сумѣлъ, на многіе жгучіе вопросы современной дѣйствительности, и если выказалъ при этомъ

нѣкоторое колебаніе, то пельзя сильно упрекать его за то, что свойственно всѣмъ дѣятелямъ переходнаго времени. Въ томъ хаосѣ противоположныхъ взглядовъ, мнѣній и стремленій, какой царилъ въ русской жизни въ исходѣ XVII столѣтїя, наканунѣ всеобщей реформы, сумѣли разобраться и итти прямымъ путемъ лишь очешь немногіе даровитые писатели. Жаль, конечно, что Каріонъ — не въ числѣ ихъ; но примиримся съ этимъ, забудемъ его колебаніе, какъ неизбѣжное явленіе въ переходную эпоху, остановимся на одномъ только гуманномъ, свѣтломъ, полезномъ и истинномъ, что завѣщаль онъ въ своихъ сочиненїяхъ потомкамъ, припомнимъ неблагопрїятныя условія, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, и скажемъ: «вѣчная слава Каріону Истомицу Заулонскому за то, что онъ не умѣлъ помириться со зломъ, что онъ постоянно и неутомимо искалъ въ просвѣщенїи выхода къ добру!»...

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

№ 1.

Отрывки изъ Катихизиса Кар. Истомина ¹⁾.

л. 308:   «[О] пресвятѣй троицѣ, вкратцѣ пзъявлено.
                  (Ч)птающіи всемъ ²⁾ листѣ знаютъ вѣрно,
                  Яко восточная церковь пріяла
                  (К)ако п всемъ листѣ право изъявлено
                  Вѣруемъ во святую троицу.

(В)гріехъ ппостасѣхъ, рекше втрехъ лицахъ, единъ образъ; едино существо, еднну волю, едино естество, едино божество, нераздѣлно существо, неслитно ппостаси аще неповѣдуемъ, и почитаемъ и молимъ и всей [святѣй] троицѣ ничтоже первое, или послѣднее ничтоже больше, или мѣсе, но цѣлы три ппостаси соприсносущны суть себѣ и равны аще довѣруемъ, яко тро (обор. л. 308) трїа воединице, іединицѣ втроицѣ почитается.

(Я)коже слїце едино есть, слїце же иматъ лучю, и свѣтъ, и суть велїце три лица: кругъ луча, и свѣтъ и кругъ убо есть прїателища солища, лучаже ппзходящая святого явлено, и ударяющая вземлю свѣтъ же про-свѣщайї, и все едино видныхъ мѣстехъ кромѣ лучи и се убо три лица, кругъ луча, и свѣтъ, не глаголемъ три солища, но едино солище, ниже глаголемъ лице едино по три лица, аще бо вопрошенъ будеши, колика солища на небеса; пма(л. 309)ши рещи, яко солище едино есть лица же три, яко кругъ, луча и свѣтъ, тако разумїй, и о Бозѣ: Богъ убо единъ, лица же единого Бога три, отца, и сына, и святаго духа, и отсега знай, зане яко же солище

---

1) Вѣроятно, Каріонъ предполагалъ написать цѣлое сочиненіе, въ родѣ «Вѣща вѣры» Симеона Полоцкаго. Сохранившаяся въ Сборникѣ Чудовской бібліотеки № $\frac{99}{301}$ тетрадь писана почти уставомъ, причемъ заглавныя буквы пропущены: можно предположить, что Каріонъ хотѣлъ написать ихъ киноварью, но не успѣлъ этого сдѣлать. Мы прибавили пропущенныя буквы, заключивъ ихъ въ скобки, и кое-гдѣ раскрыли титла; въ остальномъ текстѣ приводится согласно съ подлинникомъ.

2) Хотя въ подлинникѣ кое-гдѣ Ѡ и нѣтъ, но мы вездѣ его пишемъ.

есть триличное, тако и единъ Богъ тринностасный. образъ бо отца есть. кругъ солнечный, образъ сына есть луча, образъ сѣаго духа есть свѣтъ солнечный и рѣи сице: всолнце кругъ луча, и свѣтъ, не глаголемъ же три солнца: по едино токмо, подобіѣ, и вбѣѣ отецъ, сынъ и святой духъ, единъ Богъ а три. всолнцѣ неразлучный кругъ и луча и свѣтъ: небо разлучаются, (обор. л. 309) другъ отъ друга, сего ради глаголется едино солнце, а не три: сего ради глаголется и единъ Богъ, а не три: пожеже не разлучаются три лица, отца же и сына и сѣаго духа, едиаго Бога отъ другъ друга; и якоже кругъ солнечный раждаеть сына, и испуцаеть свѣтъ: тако и Богъ и отецъ раждаеть сына, и испуцаеть духа; блюди разумно: яко же луча сѣичная пизходитъ себесе на землю. и ниже солнечнаго круга разлучается. ниже на небеси оскудѣваетъ ниже на земли, по есть и вкрузѣ сѣичномъ, и на небеси и на земли, и вездѣ, и ниже горѣ оскудѣваетъ, пиже долѣ, тако и сынъ и слово Божіе (л. 310) спиде на землю, и пиже отъ отца оскудѣ пиже отъ небесъ ниже отъ землю. по бѣ и виѣдрѣхъ очіихъ неразлучный, и горѣ и долѣ, и вездѣсый неоскудѣ.

(Дальше три строчки выскоблены п стихх):

(Б)оже и отче милосердый.

(Б)оже сѣе едиородный.

(Б)же и дѣе сѣый живый.

(Б)же отъ отца исходящій.

(Т)роица воедилицѣ.

(Е)диница во троицѣ.

(В)ѣрующихъ втя спаси.

(Ц)рѣствіе твое намъ дадася.

(С)оаггелы тебѣ хвалити,

вовѣки вѣка тя пѣти, (обор. л. 310).

(Б)гѣ есть существо, умное невидимое же, и несказанное Бгѣ дхѣ невѣщественный, и око неусыпаемое, и умъ недвижимый Бгѣ есть существо содѣтельное, всѣхъ невидимыхъ и видимыхъ содѣтель и всѣхъ сущихъ вина—(С?) сже зрѣти вся, аки зритель и Богъ сирѣчь зритель всѣхъ.

(Н)епостижный Бгѣ отдѣвы раждается.

(Я)ко человекъ мирови является.

(Г)оркій адъ и смерть вѣчно побѣждаются

(А)дамъ и Ева отклятыя свобождаются (л. 311).

(Т)ако црѣвь мати наша прияла. рожденный отдѣвы плотію пострада. пиже всѣхъ вѣрныхъ избави ада.

(Д)ва существа, единосущно отцу, по бжеству: и второе единосущно матери по члвчеству.

(Д)вѣ воли исповѣдаши

(Б)жества и члчства.

(Д)ва дѣйства.

(Е)днцу иностась Бга слова исповѣдуешн (об. л. 311).

(Д)ва рожества. первое ототца. второе, напоследокъ отпресвятыя дѣвы: бгъ великій и превѣчный, собезначальный неописанный по бжеству, и не обменный вѣдый сердца всѣхъ чловѣкъ.

(Р)одї еднцу иностась, во двою познаваемо естеству, по бжеству, бо отъ отца безлѣтна и по чловчеству отматере плотїю рождаемъ напоследокъ. (И)йсъ водвою естеству сый страннымъ образомъ высяше на крстѣ плотїю плотїюже и пострада никакоже божествомъ (л. 312).

(Я)коже солнцу восїавшу лучами своими надрево [или начесо либо есть] ¹⁾ чловѣку же взявшу сѣчиво и сѣчетъ древо, древу же сѣкому страждущу лучамъ слнчнымъ никако страдающимъ.

(К)овачу взявшу желѣза и вложившу его воогнь и раждеженну бывшу: якоже и огнь и абїе бїеть желѣза млатомъ: егда огнь страждеть: ни, никакоже огнь страждеть по токмо едино желѣзо страждеть. тако разумїи и о божествѣ и чловчествѣ и страданїи неогрѣшиши (об. л. 312).

(Т)ри существа непостижимая учловѣковъ сообрѣтаемъ яже никтоже никакоже вѣде ниже вѣдѣти наземли можетъ, якоже суть глаголю Божїе, и аггельское и душевное, обаче домышляемъ, яко же разньствуютъ отъ мца слнца: тако (сбоку, на полѣ-только) преимуществуетъ и свѣтоноситъ аггельское существо, паче существа душъ чловческихъ.

(С)мѣсныхъ убо насъ являетъ заеже (на полѣ-Дїонисїй ареопанитѣ) отъ безмертїа дїа: и мертвенна тѣла сунцимъ, животь же. (л. 313) оущественный дїа. менши рече: аггльскихъ существъ, чловческо. заеже той аггловидныхъ не убо аггльскихъ вменуемъ.

(А)зъ емъ Гдѣ Бгѣ твой изведый тя отъ земля египетскїа, (на полѣ: Моисей книги вѣ глава к') оттому работнаго, да небудуть тебѣ (тебя) бози пни развѣ мене.

(Н)и сотвори себѣ кумира, и всякого подобїа, еже на небеси горѣ и елико наземли низу и елико вводахъ и подземлею, да ся непоклонїши имъ. и да непослужиши имъ. азъ бо есмь Гдѣ Бгѣ твой Бгѣ ревнивъ отдая грѣхн отцѣ на чада. дотретїаго и дочетвертаго рода, ненавидящихъ (обор. л. 313)

1) Въ подлинникѣ нѣтъ второй скобки, но она здѣсь должна быть по смыслу.

мене творяйже милость втысяцахъ любящимъ мя и снабдящимъ заповѣди моя.

(Н)епрїемли имени Гд̄а Бг̄а твоего всеу, неочистить бо Гд̄ъ прилагающихъ имя его туне;

(П)омни день субботный святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши внихъ вся дѣла твоя, а день седмый суббота Гд̄у бг̄у твоему.

Да несотвориши всего дѣла вонь. ты и сынъ твой и дщерь твоя и рабъ твой и раба твоя, и волъ твой и ося твое и весь скоть твой. и пришелецъ обитай у тебѣ. зане вшести днехъ сотвори Гд̄ъ небо (л. 314) и землю море и вся яже внихъ. и ночи вдень седмый и освяти его.

(Ч)ти отца твоего, и мать твою, да благо ти будетъ: и долготѣнь будеши на земли блазѣй, юже Гд̄ъ Бг̄ъ твой дастъ тебѣ.

(Н)еубіеши.

(Н)елюбодѣй.

(Н)еукради.

(Н)енослушествуи надруга своего свидѣтельства твоего ложна.

(Н)е пожелай жены искренняго своего, нидому ближняго своего, нисела его ни раба его, и рабыни его и ни вола его, и ни осла его. и не всего скота его, ни все елика (обор. л. 314) ближняго твоего.

(К)то сія Божія заповѣди творитъ.

(С)ей небесное царствіе наслѣдятъ.

(С)о Христомъ Богомъ будетъ веселится.

сосвятымъ купно водворится.

(И)бо будетъ лицемъ клицу Бога зрѣти.

(И)збавльшеся ада и горкиа смерти.

(Д)вѣ заповѣди, внихже сокращеннѣ содержитсяъ все десятословіе. весь законъ и пророцы висятъ.

(В)озлюбиши Гд̄а Бг̄а твоего, отвсего ср̄ца твоего, и отвсеа дш̄и твоя. и всюю кр̄постію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ.

(В)озлюбиши ближняго твоего. (л. 315). (Р)ече Гд̄ъ, слышасте, яко реченно бысть древнимъ: неубіеши, иже бо аще убіетъ, повиненъ будетъ суду. азъ же гл̄ю вамъ, яко всякъ гнѣвайся на брата своего, повиненъ будетъ суду: иже бо аще речеть брату своему рѣчка повиненъ будетъ сонмищу: а иже речеть юр̄оде, повиненъ будетъ гееннѣ огненной.

(Р)ечено бысть древнимъ: непрелюбы (обор. л. 315) сотвори, азъ же гл̄ю вамъ: яко всякъ иже возрить на жену яко вожделѣти ея, уже любодѣйствова снєю всрд̄цѣ своемъ.

(Р)ечено бысть: иже аще пустить жену свою, да дастъ ей книгу

распускную азъ же глѣю вамъ: яко всякъ отпушай жену свою, развѣ словеси любодѣйнаго, творитъ ю любодѣйствовати: и иже пущеницу пойметъ и прелюбодѣйствуетъ.

(Р)ечено бысть древнимъ: не волжу поклонешися, воздаси же Гдѣви кля (л. 316) твы твоя. азъ же глѣю вамъ, не клятися всяко: ни ꙗко Божїи престоль есть: ни землю, яко подножіе ногу есть; ни іерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя: ниже главою твоею поклонешися. яко не можеша единого власа бѣла или черна сотворити. будиже слово ваше ей, ей, ни, ни: лишъшеже сею отлукаваго есть.

(Р)ечено бысть: око за око. и зубъ за зубъ. азъ же глѣю вамъ, непротивитесь злу: ноаще ты кто ударитъ в десную твою ланиту. обрати ему и другую и хотящему (обор. л. 316) судитися стобою, и хитонъ твой взяти, пусти ему и срачицу, иаще кто ты понудитъ напоприще едино иди снимъ двѣ просящему тебе дай: и хотящему оу тебе зяти, неотврати.

(Р)ечено бысть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего, азъ же глѣю вамъ: любите враги ваша, благослови(те) ¹⁾ кленущия вы: добро творите ненавидящимъ васъ: молитесь за пакостящїа вамъ. и гонящїа вы: яко дабудете сынове отца вашего иже есть небесѣхъ. яко (л. 317) сѣнце свое сіяетъ на злыя и благїа, и дождитъ на праведныя и на неправедныя. аще бо любите любящїа васъ кую мзду имате, не и мытари ли тожде творять, и аще цѣлуете другїа ваша токмо лице творите, не и язычницыли такожде творять. будите убо совершени якоже отецъ вашъ небесный совершенъ есть.

(Е)лико къ тайнымъ стѣмъ общевѣдати подобаетъ. «а̄» ако тайны стѣя црковныя суть видимыя значенїа и вины. благодати Бжїи невидимыя: яже установлены (обор. л. 317) суть от Христа, освящаемыяже и подаваемыя бывають людемъ отсвященника: и считаются седмъ:

(К)рїщенїе.

(М)уропомазанїе.

(Е)ухарїстїа.

(П)окаянїе.

(Е)леопомазанїа.

(С)вященство.

(С)удружество.

(И)хже сіе седмичное число, оттуду являються влѣпоту устроено.

(П?)о сеже тайны стѣя совершають. человекѣа вживотѣ христіанскомъ духовномъ, иже имать подобїе кжи (л. 318) воту тѣлесному; вживотѣ же тѣлесномъ, первое требѣ человекѣу рожденїа: второе, умноженїа сплѣ и

1) Въ подлинникѣ *те* нѣтъ.

возраста: третія пищи, ради тѣлеснаго живота: четвертое врачеванія, ради педуговъ находящихъ тѣлеси: пятое укрѣпленіе поврачеванія ради избытія іостатковъ педуговъ: якоже слабости и коея немощи: шестое ради уврачеванія чиннаго между члѣки требѣ власти: седмое, ради сохраненія естества члѣческаго и умноженія, требѣ сожитія мужа и жены.

(П)о подобію же сихъ седми средствій (обор. л. 318) потребныхъ кживоту телесному: суть и седмь тайны сѣія. кживоту духовному.

(И)бо чрезъ крещенія, раждаемъ наживотъ дѣвнѣйшій пописанному: (на полѣ—*тит. г̄*) спасе насъ бачею отрожденія, побновленія дѣа сѣаго. чрезъ муропомазаніе приедемъ дѣа сѣаго подающаго намъ силы духовныя пореченному коапостоломъ уже крещеннымъ, вы же сѣдите во градѣ іерусалимствѣ (на полѣ—*лука к̄д*), дондеже облечетеся силою свѣше.

(Ч)резъ евхаристію, приедемъ брашно сохраняющае насъ дѣвнѣйшій животъ, сіе есть Бжїю благодать. (л. 319) по словеси Гдїю;

(А)ще не снѣсте плоти снѣа члѣческаго, и не пиете крови его живота неимате всебѣ.

(Ч)резъ покаяніа, приедемъ врачеванія дшїи отгрѣховъ по пророку: исцѣли дшїу мою яко согрѣшихъ ти. (Ч)резъ елеопомазанія последнея, приедемъ покрѣпленіе прогоняющее останки грѣховъ. сіе есть оставляющуся изгрѣховъ слабость, и немощь снѣа дшїевныхъ. ксопротивленію грѣху и искушеніемъ діавольскимъ; такожде приедемъ отпущеніе казни, за грѣхя исповѣданнныя. пачеже ісамыхъ грѣховъ (обор. л. 319) не токмо простителныхъ, но и смертныхъ неисповѣданыхъ ради невѣдѣніа: пописанному. (на полѣ: «іаковъ ѳ̄») о приедемъ сію тайну: и аще будетъ грѣхя сотворилъ, отпустятъ ему.

(Ч)резъ снѣенство, дается власть управлять, людей вживотѣ дѣвнѣйшомъ по апостолу глѣощему: (на полѣ: «ефес. д.») той дастъ овѣже пастыря и учителя ксовершенію сѣимъ, вдѣло служенія всозиданіе тѣла Христова.

(П)ослѣднѣе чрезъ тайну супружества, дается благословеніе пасожитіе мужа и жены позакону, воеже умножитися людемъ живущимъ законно (л. 320) по дѣвнѣйшому благословенію; якоже пишется: мужа и жену сотвори ихъ (на полѣ: «бытіа а.») и благослови ихъ Бг̄ глѣ: раститесь и множитесь.

(Я)ко вся сіа тайны сѣія, яко знаменія дѣйственныя и неложныя, подающія благодать Бжїю, самъ христосъ оставилъ.

(Г)айну крещенія оставилъ Хрс̄ь егда крестися самъ: и пакы утвердилъ, егда рече: шедше научите вся языки, крѣстяще ихъ, во имя отца и снѣа, и сѣаго дѣа (на полѣ: «м̄. г̄. к̄п.»).

(П)редложенная ксей тайнѣ, имать (обор. л. 320) быти вода, сіаже освященная, обаче понужде можетъ быти и неосвященная, точію дабудетъ

естественная а непритворная, имать же быти воды толико (на полѣ: «елико») мощно вней быти трикратному погруженію;

(И)мать быти словеса сими; (К)рещается, рабъ Божій, во имя отца и сна, и стѣго дѣа, аминь;

(Т)айну мурпомазанія, егда рече: сѣдите воградѣ іерусалимстѣ дондеже: облечетеся силою сѣвыше (на полѣ: «лука. кѣ.») (л. 321); (И)мать быти миро, имущее всебѣ елей и бальсамъ, освященное самымъ архіереемъ, свѣжое и блауханное, еже бы навсяко лѣто отархіереа вземлемо было идѣже и знаменуется чрезъ елей, свѣтлость добрыя совѣсти, чрезъ балсамже воня добрыя славы, начесомже свойственнѣ содержится подаваемое окрещеннымъ сила дѣа стѣго: иже самъ вписаніи стѣомъ именуется миромъ. или елеемъ пореченному сему дохриста. помаза тя Бже Бгѣ твой, (на полѣ: «псаломъ. мѣ») (обор. л. 321) елеемъ радости, сіеестъ дѣомъ стѣымъ.

(С)ея суть овия словеса, глаголемыи отіереа, вовремя помазанія стѣымъ миромъ.

(П)ечать даръ дѣа стѣго: аки бы рекши: сіе есть печать и знаменія силы дѣа стѣго;

(Е)гда премъ¹⁾ Іисъ хлѣбъ, и благословивъ, преломи и даяше учѣникомъ и рече: пріймите ядите се есть тѣло мое, и приемъ чашу, благодаривъ даде имъ глѣ: (на полѣ: «мѣ. кс.») пйте отнея вси, себо есть кровь моя; (л. 322) (И)мать быти хлѣбъ квасный измуки пшеничной и воды естественныя: и паки вино не притворное; имуще токмо примѣшано и зѣло мало воды, на память словесъ овыхъ о хрѣстѣ копиемъ прободенномъ и абіе изыде кровь и вода: (на полѣ: «Іаннъ. ѳі»).

(С)уть овия словеса Христова глѣмыи отіереа при божественной литургіи надхлѣбомъ: пріймите ядите се есть тѣло мое, надвиномже: пйте отнея вси, сія есть кровь моя; (обор. л. 322) (Т)ѣми словеса истинно хлѣбъ прилагается втѣло Христово, а вино вкрѣвь Христову, инакоже словеса іереа вмѣсто самаго Хрѣста. глѣющаго, не были бы истинны, аще по изреченіи томъ: се есть тѣло мое, сія есть кровь моя, и по сказованіи десницею надхлѣбомъ и надвиномъ: хлѣбъ одинако пребывалъ бы хлѣбомъ, и вино виномъ. очесомъ златоустый стѣий (на полѣ: «Златоустъ»), вслове навеликѣй четвертокъ, явственнѣ глаголетъ тако: се есть тѣло мое. рече. сей глаголъ предложенная претворяетъ сирѣчь: премѣняетъ естество (л. 323). хлѣба въ естество тѣла Хрѣста. еже подобіѣ разумѣется и о глаголѣ сія есть кровь моя. премѣняющемъ естество вина, въ естество крови Хрѣстовой. сице яко самыя токмо виды, или виѣшняя свойства, и знаменія хлѣба и вина пребываютъ. сеестъ бѣлость. округлость квасныи, и прочее;

1) Очевидно надо «пріемъ».

(Е)гда начатъ Іисъ проповѣдати, и гл҃ати покаятеся (на полѣ: «ма⁹. д¹.») и егда коапостоломъ рече: прїимите дх̄ъ ст҃ъ, (на полѣ: «Іоанъ кн.») имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ. (обор. л. 323). (С)уть грѣхи, или дѣла злая коегождо крещенаго и за нихъ дѣла добрая, сокрушеніе, исновѣдъ. довлетвореніе. сія дѣла добрая суть матерію ближайшею: злаяже далечайшею;

(С)уть словеса прейская разрешающая: Гдѣ да простигъ ти, и азъ прощаю и разрѣшаю тя. или: прощаетъ тя Христосъ невидимо и азъ;

(Е)гда посла апостоловъ (на полѣ: «Ма⁹. 5¹.) на проповѣд (л. 324) ониже ишедше мазаху елеемъ, многа недужныя и исцѣлеваху:

(Я)вѣ есть, елей самъ деревяный, иischemже не смѣшанный освященный: и помазаніе имъ тѣлеси болнаго, наседми частехъ. сіестъ на челѣхъ главы, внейже есть сѣдалище разума: напяти чюствахъ яже суть орудіе всему дѣланію: на очесахъ ушесахъ, ноздряхъ, устахъ и рукахъ: и на персяхъ противу ср҃ца, изнегоже исходятъ вся помышленія злая тамо бо имать прилагати, врачевство, (обор. л. 324.) идѣже есть корень грѣховъ, ихже останки сею тайною истребляются;

(Е)сть мѣтва при помазаніи болнаго отъ священниковъ глаголимая, сія отче ст҃ый врачію дшамъ и тѣломъ исцѣли помазаніемъ симъ раба твоего, идѣже наипаче купно, присихъ словесѣхъ: исцѣли помазаніемъ, имать болный начатокъ помазанію прїимати.

(Т)айну священства, егда избра дванадесять апостоловъ, даде («лука д¹.») имъ силу и власть на вся бѣсы, (л. 325) и недуги цѣлѣти, и посла ихъ проповѣдати царствіе Божіе: и егда посихъ («лука. 1¹.) яви Гдѣ и ины седмьдесятъ. изрядно яже, егда натайнѣ вечерѣ посвященная евхаристію апостоломъ рече: сіе творите в мое воспоминаніе.

(Е)же есть знаменіемъ видимымъ подаяніемъ благодати чловѣку освящаемому есть возложеніемъ рукъ архіерейскихъ наосвящаемаго во время освященія;

(С)уть словеса архіерейская глаго(обор. л. 325)лимая отнего при возложеніи рукъ воосвященіи, спривываніемъ ст҃аго дх̄а сія Божественная благодать, всегда немощныя исцѣляющая, и оскудныя исполняющая, поставляють и прочая, вконхъ словесѣхъ знаменуются явѣ. словеса она хрїстѣва коапостоламъ прїимите дх̄ъ ст҃ъ («Іоанъ. кн.»);

(Т)айну супружества, уставленную еще враи, Хр̄съ во Евангеліи утверди егда рече: еже Бг̄ъ сочета. чл̄къ да не разлучаетъ («ма⁹. о¹.»): и паки, егда вканѣ галилейстѣй бракъ благословиль. (л. 326).

(С)уть самыи позакону поймающіися мужъ и жена, имущии взаимное соизволеніе кпрятію ссобою супружества.

(С)уть слова тѣхже поимующїихся: возвѣщающая предіереемъ взаимное ихъ созволеніе, и обѣщанное супружеское насочетаніе ихъ уже настоящее, якоже таковая: азъ тебѣ взимаю себѣ вмужа. обаче небезслужителя. церковнаго іереа. понеже онъ поуставу црковному, осозволенію ихъ (обор. л. 326) супружескомъ испытovati, и сіе благословеніемъ своимъ іерейскимъ утвердити долженъ;

(Г)рѣховъ началнѣйшихъ, или тяжчайшихъ семь;

(Г)ордость —

(и)знегоже исходятъ прочїа самолюбіе, високоуміе, властолюбіе, тщеславіе, киченіе, лицемѣріе, твореніе новостей, прѣніе, непослушаніе, и неблагодареніе, и осужденіе.

(С)ребролюбіе

(и)знегоже исходятъ вещьлюбіе, мпролюбіе, немилосердіе, ложь, (л. 327) лесть, лукавство, боженіе накривы, клятва неправедная, клятвопреступленіе, и лихва;

(Н)ечистота или блудъ.

(и)знейже исходятъ. скверныя помышленїа, воззрѣнїа неподобная, сквернословіе, празднословіе, любодѣянїе, растлѣнїе, прелюбодѣянїе, хищноблудіе, кровосмѣшеніе, блудъ противу стѣни и блудъ противу естества.

(Ч)ревоугодіе

(и)знегоже исходятъ, лакомство, обяденіе, пьянство, чревобѣсіе, гортаннобѣсіе, безвременное яденіе, невоздержаніе, многоглаголанїа, (обор. л. 327) хуленїа брашенъ: и кощунныя слова.

(З)ависть

(и)знейже родятся, убійство, татба, ненависть, печаль издобра чюждаго, радость приключенїа ближняму зла, а болѣзнь изнеприбытїа зла а изнеприбытїа паче, добро ближняму, поущенїа сѣянїе вражды клевета или оглаголанїа уемленїа славы ближняму.

(Г)нѣвъ

(и)знегоже родится, ярость памятозлюбїе, вражда негодованїе, надменїе, досажденїе, вопль безчинный, проклинанїе, хуленїе, возмущенїе, расколь; (л. 328).

(Л)ѣность

(и)знейже бывають, отчаянїе, малодушіе. небрѣженїе, заповѣдей нерадѣнїе, отлаганїе, многосланїе ослабѣнїе, туга нетерпѣнїе: неблагоговѣнїе, не любовь ко исправляющимъ невпиманїемъ.

(Ч)то есть грѣхъ противу духа ст҃аго. Грѣхъ противу дх҃а ст҃аго, есть безчинное дѣянїе воли. избирающїи злое отсвоея злобы. чрезъ презрѣнїе средствїи удержа (сбоку: ва)ющихъ отзла яковїи грѣхъ бѣ фарисеевъ хулящихъ, акибы Христось. овеельзевуле изго(обор. л. 328)вилъ бѣсы:

еже твориша отсвоея злобы, презирающе явѣ истиная чудеса Хрѣва, творимая имъ отблагости дѣа сѣаго, ради увѣренія ихъ и спасенія. очесомъ Хриѣгъ рече: (мѣ. вѣ.) всякъ грѣхъ и хула отпущитя члѣкомъ а еже на дѣа хула не отпущитя ради описанія;

(Я)ко любо обычиѣ всякъ грѣхъ есть противу Бога во Трѣцѣ единого. обаче разсмотряюще свойства лицъ Бжѣихъ. ипъ грѣхъ нарицается противу Бѣа Отца, ипъ противу сѣа. ипъ противу (л. 329) дѣа сѣаго, грѣхъ противу Бѣа отца есть. егда кто согрѣшаетъ отнемоци: ибо Бѣу Отцу причитається сила. грѣхъ егда противу Бѣа сѣа есть. егда кто согрѣшаетъ отневѣденія: ибо сѣу причитається мудрость. грѣхъ противу Бѣа дѣа сѣаго есть, егда кто согрѣшаетъ отзлобы: ибо Бѣу дѣу сѣому причитається благость. отзлобыже согрѣшаетъ той преможетъ и вѣсть како сопротивитися злу грѣха, обаче избираетъ грѣхъ. презираючи самохотнѣ средства удержавающія отнего: сѣаже средства подаяти, изрядная есть (обор. л. 329) благость дѣа сѣаго: различіе сихъ тройственныхъ грѣховъ явственное есть натрѣихъ апостолѣхъ: петрѣ и павлѣ и иудѣ предателѣ: петръ бо отвергалъ ся бѣ Хрѣа отнемоци члѣскія, страха ради смертнаго, ниже бо отневѣденія, рече: отомъ: (мѣ. кс) не знаю челоуѣка; его же прежде исповѣда: (тамже сѣ) ты еси христосъ сынъ Бога живаго ниже отзлобы, яко любяй его паче иныхъ тѣмже согрѣши. противу Бѣа отца: павель гоняще црѣковь отневѣденія, якоже самъ глаголетъ: (тим: аѣ) помиловалъ быхъ, яко невѣдый сотвори хъ вневѣжествіи, темже (л. 340 в. 330. Дальше весь счетъ листовъ невѣрный) согрѣши противу Бѣа сѣа, иже самъ ему изяви: савле савле почто мя гониши: но иуда предатель исполни преданія Христа, таже и самаго себѣ убіеніе, отзлобы: зане можаше а вѣдаше како оттого удержатися, обаче презрѣвши христова увѣщанія, предаде его, презрѣвши покаяніе уби себѣ: тѣмже согрѣши, противу Бѣа дѣа сѣаго, ибо согрѣшшимъ противу Бога отца и сына, петру и павлу грѣхъ отпущенъ согрѣшшему же противу дѣа сѣаго, иудѣ неотпущенъ.

(Я)ко грѣхъ противу дѣа сѣаго па (обор. л. 340 = 330) рщается неотпущаемымъ неяко невозможно ему отпущаемымъ быти, но яко трудно и мало когда отпущается, неради неможенія Бжѣія внодаяніи благодати отпущающыя, но ради неможенія члѣскаго впріятіи, или вприготованіи, копріятію тоя благодати, едва (сбоку: егда) бо можетъ уготовати себѣ копріятію благодати члѣкъ, егоже таковая тяжесть грѣха обложи, яко воля его можетъ и вѣсть, како сопротивитися злу. обаче осмыя злобы избираетъ валятися втомъ злѣ (л. 341 = 331).

(Г)чаянія.

(И)злишняя. чаянія.

(С) опротивленіе познанной истиннѣ.

(З)авидѣніе благодати вближемъ.

(О)жесточеніе;

конечное непокаяніе.

(Г)рѣхъ отчаяніе, или недостатокъ надежды есть егда кто ради содѣянныхъ грѣховъ, или оставленныхъ добродѣтелей, имать прочїя надежды вмиосердіи Бжїи, о отпущенїи грѣховъ своихъ, о исправленїи житїа своего, и опрїятїи благодати и славы (обор. л. $\frac{341}{331}$) гдїя, яковїи бѣ каиновъ иже убивши брата своего авеля, рече: (на полѣ: бытіа (д̄) большая есть вина моя неже допрошенїа, сподоблюся, вкоихъ словесѣхъ отчаяваяся и сомняся омиосердіи Бжїи тяжчае согрѣши нежели брата убивая;

(Г)рѣхъ излишнее чаяше, или избытокъ надежды есть, егда кто излишнее дерзостне уповаеть омиосердіа Бжїи удостоитися того, еже нѣсть мощно ради правосудїа его. и уставленїа обычнаго, якоже безнокаянїа отпущенїе грѣховъ (л. $\frac{342}{332}$) или неказенїа загрѣхи. тѣмже и мзды пб̄сныя безтрудоу пачеже засогрѣшенїа: нерасмотряюще яко вдобродѣтели надежды есть чаяніе будущаго блаженства; проходящего п¹) благодати Божїа и отдобрыхъ дѣлъ. о сей грѣхъ наказуетъ апостоль (рїм. б̄.): или о богатствѣ благодати Бжїи и крѣпости и долготерпѣнїа, нерадїши: невѣсп яко благодать Бжїи виокаянїе тя приводїтъ. такожде и спрахъ (спрахъ е̄): о очищенїи грѣха безъ страха небуди, иже прилагай грѣхи нагрѣхи, нерцы щедроты господни многи есть, множество (обор. л. $\frac{342}{332}$) грѣховъ моихъ очистїтъ; миосердіе бо и гнѣвъ у него, и на грѣшницѣхъ будетъ ярость его; всеї грѣхъ излишняго чаянїа, впаде оригенъ и же утвердаше, яко и бѣсы нѣкогда от бг̄а помиловани будутъ, но за сіе посмерти клятву наслѣдова;

— (Г)рѣхъ сопротивленїе познанной истинѣ, но есть егда это совершениѣ познавши дохматы вѣры, или истину прислушающую и добрымъ дѣломъ противится, тому противу совѣсти своея, хотя показати изъ истинны лжу итаковъ грѣхъ (л. $\frac{343}{333}$) грѣхъ (потворено) творять еретикї;

— (Г)рѣхъ завидѣніе благодати ближнимъ есть егда эта печаль прїемлетъ, о томъ, яко благодать Бжїи растеть наземли, и умножается влюдехъ, чрезъ различная ихъ благая и благоугодная дѣла, такобо согрѣшаху, іудея, иже завидѣша яко обращахуся языцы квѣрѣ; яже пишетъ вдѣянїи: впадѣвши іудея народы (послушающїа словесе бжїа) исполнишася зависти;

— (Г)рѣхъ ожесточенїе, въ грѣхъ есть, егда кто, твердое (обор. л. $\frac{343}{333}$) имять предложенїе отнюдь неисправляти житїа своего, и неотвергати грѣха, но крѣико держатися зла; ради коего добра временнаго, сей грѣхъ имѣ жестосердый фараонъ, иже аще и многими казньми наказалъ бѣ;

1) Послѣ и надо поставить предлогъ отъ, какъ дальше стоитъ отъ добрыхъ дѣлъ.

— (Г)рѣхъ конечное непокаяніе есть, егда кто имать предложеніе ни когда же некаятися, или нежалѣти за свой грѣхъ, неразсмотря мерзости того грѣха, и осемь свойственнѣхъ конечнаго непокаяніа грѣсѣхъ глетъ Іоаншъ (на пол. а̄ іоан̄ Ё̄). свѣтый есть грѣхъ кемерти, не отомъ глаголю да молится, сіестъ (л. ³⁴⁴/₃₃₄) за грѣхъ братніи, не жалѣти нежелѣнный досмерти, сами таковы и бо некающіися досмерти сами себѣ насмерть предають... сице : (на пол. исаіа. к̄а) яко они то у исаіи глаголють, уставихомъ миръ сосмертію, и, со адомъ сотворихомъ совѣщаніа.

— (Г)рѣхи вопіющіи на небѣ нарицаются тыми, онихже свидѣтельствуеть сѣое писаніе, яко ради явственнаго своеа злобы. большая надъ иная согрѣшенія, вопіють кбогу призывающе его отмщенія на тѣхъ отнихъ же содѣваются, таковой же грѣхи воспоминаются (обор. ³⁴⁴/₃₃₄) вписаніи изряднѣя четыри. убійство самоволное.

— (Г)рѣхъ содомскій. — (О)злобленіе убогихъ:

— Удержаніе мзды наемниковъ, или обидѣніе ихъ, о коихъ всѣхъ писаніе сѣое возвѣщаетъ. сіа двое: первѣе яко вопіють на небо. второе же отмщенія бываетъ за нихъ от Б̄га;

— (Г)рѣхъ убійство самоволное, яко вопіеть на небо. Явно есть от словесъ Господнихъ, кпервому убійцы Кайну: что сотворивъ еси се (пл. бытіа д̄.), гласъ крове брата твоего вопіеть комнѣ отземли: (обор. л. ³⁴⁵/₃₃₅) и нынѣ проклятъ ты наземли яже разверзѣ уста своя пріяти кровь брата твоего отруку своею отмщеніе загрѣхъ сей, кромѣ проклятія еже показуется, всловесѣхъ. ккаину, возвѣщаютъ еще, взаимное живота лишеніе писаніе сіа, иже проліеть ¹) человѣчю (быт. б̄.). внея мѣсто прілетѣся. мужіе крови неприполовятъ днїи своихъ. вси пріимше мечъ, мечемъ погибнутъ (псалом. ѿд.).

— (Г)рѣхъ содомія, яко вопіеть на небо свидѣлствуютъ отомъ словеса Господня сице: (быт. . . иї.) вопль содомскій и гоморскій умножися комнѣ, и грѣси ихъ велицы зѣло (обор. л. ³⁴⁵/₃₃₅) спиду убо да вижду.

— (В) озвѣстивша аггели рекшіи праведному лоту, оградѣ содомстѣмъ: (быт. ѿ) погубимъ мѣсто се понеже возвысися вопль ихъ предъ Богомъ, и посла Гд̄ь потребити я а погубленіе же и потребленіе содома сицевое: одожди Гд̄ь насодому и гомору камыкъ горящїи, и огонь съ небесе, и погуби грады тыя, и весь предѣлъ окрестъ. и вся живущія вградѣхъ, и все прозябшая отземли. достойно бо есть забезчинное грѣха сего разженіе тѣлесное, прилично казнити огнемъ (л. ³⁴⁶/₃₃₆) нетокмо вѣчнымъ: но еще и временнымъ;

— (Г)рѣхъ озлобленіе убогихъ сіе есть, неправедное опечаленіе, раз-

1) Надо разумѣть «кровь».

грабленіе, и всякое поврежденіе. нетокмо нищихъ и бѣдныхъ. но и пришельцовъ, вдовицъ, сирыхъ: подручныхъ, рабовъ, должниковъ и прочихъ, и меншаго чѣпа людей. яко вопіеть на небо показа сіе БГ̄ въ словесѣхъ, о озлобленіи сыномъ израилевымъ египтянъ: видя видѣхъ бѣду людїи моихъ иже во египтѣ и вопль ихъ услышахъ отъ жестокости настоятелей ихъ и видя болѣзнь ихъ снидохъ изъ(оборот. л. ³⁴⁶/₃₃₆) ги ихъ отруку египтянъ.

— (Ч)резъ исаїю претить: (исаїя $\bar{\Gamma}$) горе пишущимъ неправду: пишущїи бо лукавая пишутъ уклоняюще судъ убогихъ, и восхищающе судъ: судъ нищихъ людей моихъ, яко да будетъ имъ вдова навосхищеніе, и сирота на ограбленіе. что же сотворите в день посѣщенїа; печаль бо вамъ отдалече прїдетъ, и к кому прибѣгнете да вамъ поможетъ гдѣ ли оставите славу вашу. яко да не впасти вамъ в плененіе, и со убїенными напасти аще бо вредите я: стенаніемъ возопіють (л. ³⁴⁷/₃₃₇) ко мнѣ, и азъ услышу гласъ ихъ, и разгнѣваюся яростію: и побію вы мечемъ, и будутъ жены ваша вдовы и чада ваши сирота.

— (Г)рѣхъ удержаніе мзды наемниковъ, или обидѣніе ихъ еже есть недаяніе за трудъ мзды, или лестными пѣвезми даваніе. яко на ѿбо вопіеть, свидѣтельствуеть отомъ явственнѣ и іаковъ стѣий се мзда дѣлателей (іаковъ Е) дѣлавшихъ нпвы ваша удержанная отвасъ вопіеть и вопіеніе жавшихъ воуши гдѣ савоофа внидоша; — (об. ³⁴⁷/₃₃₇) явно наводится заубїйство понеже проливая кровь, и удерживаяй мзду наемничю: братїа суть. пореченному сираху: (поле-сиряхъ $\bar{\alpha}$. $\bar{\delta}$.) и того ради заповѣдь о семь гресѣ положи БГ̄ такову, да не лишшиши мзды убогаго и просящаго брата твоего, и пришельца: но в томъ же дни и воздаснему мзду труда его дождеже солнце не зайдетъ. яко убогъ есть, и в томъ имать надежду. да не возопіеть на тя ко Гдѣ, и будетъ тебѣ грѣхъ смертенъ. (л. ³⁴⁸/₃₃₈). — (Я)ко дѣла милосердныхъ двойственныя, телѣсныя яже прислушаютъ до помощи ближняго внуждѣ тѣлесной, и духовный яже прислушаютъ, до помощи ближняго внуждѣ духовной всѣхъ же сихъ дѣлъ исчисляются. $\bar{\delta}$. тѣлесныхъ семь и духовныхъ. $\bar{\zeta}$.

— (А)лично, напитати, егда кто страждущему отъ глада, подаетъ брашно еже повелѣвается утовїи хлѣбъ твой соалчными и требующими яждь (товїа $\bar{\delta}$.), такожде у исаїи раздробляй алчущимъ (оборот. л. ³⁴⁸/₃₃₈) хлѣбъ твой (исаїа. $\bar{\eta}$);

— (Е)сть. жажущаго напоити, егда кто убогому инедужному, немущу чимъ жажды утолити, подаетъ питїе. к чему подвижетъ хртѣс глїа (мѣѣ. $\bar{\Gamma}$): иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ. чашу студены воды, аминь глїо вамъ непогубить мзды своея.

— (Н)агаго одѣяти егда кто убогому немущему подобающаго одѣянїе насохраненіе здравїа отъ студени подаетъ, одежду. очесомъ товїа (товїа. $\bar{\delta}$)

отодѣлнй твоихъ одѣй, и исаіа ащели видиши нага одежды (исаіа. ѿи), и наky сѣй кре(л. ³⁴⁹/₃₃₉)ститель, имѣй двѣ ризѣ подасть неимущему.

— (С)траннаго вдомъ свой ввести, егда кто убогому пришельцу, и неимущему гдѣ главы приклонити. а наипаче лежащему вболѣзни настогнѣ, мѣсто вдому своемъ дастъ очесомъ исаіа: (исаіа. ѿи) нищія безкровныя введи вдомъ свой. аѿстоля же страннолюбія не забываютъ, тѣмъ бо певѣдѣша пѣщый странно пріяша аггѣловъ (тит. гѣ.);

— (Б)олаго посѣтите егда кто посѣщеннаго отбга педугомъ, нетокмо друга своего, но и кого (обор. л. ³⁴⁹/₃₃₉) либо отхристіанъ, а наипаче нищаго въ болницѣ посѣщаетъ, зболѣзнуяй ему: предлагая еже ко спасенію и здравію: очесомъ сирахъ (сирахъ. зѣ.), нелѣнися посѣщати болящаго. отсихъ бо возлюбленъ будеши: іаковъ же сѣй (іаковъ аѣ.): вѣра чиста и нескверна предбѣгомъ и отцѣмъ сіяеть. сіа есть еже посѣщати сирыхъ и вдовиць. вскорбѣхъ ихъ;

— Узники посѣтити егда кто нерасмотряя вины, занюже кто есть воузахъ, (аще бы была излая)¹⁾ пи лица узника, приходитъ икнему христа ради, (л. ³⁵⁰/₃₄₀) и совѣтуетъ да бы ся неотчаявалъ, аще мощно и искупитъ его: очесомъ сирахъ (сирахъ. дѣ.). изми обидямаго изруки обидящаго его. амвросій же сѣй глѣтъ (амвросій сѣй): искупленіе узниковъ поистиннѣ то есть суть сосуды драгія яже искупають души отмерти. тоистинное сокровище господня;

— (М)ертваго погребсти егда кто тѣтитя дабы убогій по смерти обычнѣ былъ погребенъ паче же отхристіанъ егда провождаетъ когробу смолитвами за душу его, еже похваляетъ втовіи архаггелъ раффаилъ егда мо(обор. л. ³⁵⁰/₃₄₀)лился еси сослезамы, и погреблѣ еси мертвыя (товіа вѣ.). азъ принесохъ молитву твою Господу Богу, и пріятна бысть преднимъ: очесомъ смотрѣти требѣ, да непогребенъ будетъ почину церковному, еретикъ Богохульникъ, или самъ себѣ уби²⁾,

— (О)ближнемъ молитися Богу, егда кто о умноженіи людій благихъ и богобоязливыхъ. и о исправленіи злыхъ Бога молить: еже повелѣваетъ іаковъ сѣй (іаковъ. ѿ.). молитесь другъ за друга. яко да всцѣлѣете; (л. ³⁵¹/₃₄₁).

— (Н)евѣжду научите егда кто невѣдущему яже прислушаютъ ко спасенію души, якоже како вѣровати³⁾ како христіански жити како молитися поучаетъ: очесомъ христось ко апостоламъ рече (маот. ѿп.): шедше научите вся языки крестяще ихъ во имя отца и сына, и святаго духа; —

1) Въ текстѣ нѣтъ другой скобки, но она тутъ должна стоять по смыслу.

2) Вѣроятно, надо читать «убивый».

3) Въ текстѣ сперва написано «вѣровѣти», но на полѣ стоитъ α.

— (С)омняющемуся совѣтъ подати, егда кто влающемуся како неудобство кое преити, љздравъ совѣтъ подастъ, очесомъ Соломонъ (прит. $\bar{\alpha}\bar{\iota}$), иже пѣсть совѣта, падутся яко листвїа спасенїа же во мнозѣ совѣтъ: яко же (обор. л. $\frac{351}{341}$) товя рече всегда отъ мудраго поищи, —

— (С)корбящаго утѣшити, егда кто ближняго сущаго вкаковой скорби и бѣдѣ ктерпѣнїю и утѣшенїю духовному приводитъ очесомъ павль сѣтый утѣшати другъ друга ($\bar{\alpha}$ салун. $\bar{\epsilon}$.), и создайте койждо ближняго ( )¹⁾. утѣшайте малодушныя.

— (Р)азвращеннаго исправити, егда кто согрѣшающаго отгрѣха отводитъ, и приводитъ ко исправленїю житїа, совѣтуя и наказуя любезнѣ наединѣ, очесомъ спаситель аще согрѣшитъ (л. $\frac{352}{342}$) братъ твой ктебѣ, иди поближе его между тобою пѣтъмъ еднѣмъ (мѣо. $\bar{\iota}\bar{\iota}$). —

— (О)скорбленїе отпущати егда кто оскорбитъшему его пачеже просящему прощенїа, удобъ прощаетъ, о чесомъ спаситель: аще отпущае чѣкомъ согрѣшенїа ихъ отпустить и вамъ отецъ вашъ небесный (мѣо. $\bar{\beta}$. и $\bar{\beta}$.).

— (О)биды кротцѣ носити или немощамъ ближняго намъ тяжкимъ спсеходити, непротивящеса злу. но покрывающе то: о чесомъ апостоль (крим. $\bar{\epsilon}\bar{\iota}$.), должни есмы мы силнїи немощи немо (обор. л. $\frac{352}{342}$) щныхъ посити. и несебѣ угождати: и паки другъ другу тяготыносите и тако исполнити законъ христовъ (галат. $\bar{\beta}$.) иидѣ заступайте малодушныя ($\bar{\alpha}$ салун. $\bar{\epsilon}$.) — (какойто пропускъ здѣсь).

— (М)ожется²⁾ псчитати десять.

— (С)лужати божественныя литургїа воднистѣя.

— (Х)ранити постъ воуоставленное время.

— (Ч)тити духовныхъ.

— (В)оздаяти священникомъ приходцкимъ едино — лѣтний доходъ. (л. $\frac{353}{343}$). — (И)сповѣдаться и причащаться понеединою вгодъ.

— (Н)ечитати еретическихъ книгъ; —

— (М)олитися о властехъ;

— (П)ослушати духовныхъ, уставляющихъ каковыи особый постъ или мѣтву, вовремя нѣкоихъ нуждъ.

— (Н)еупотребляти церковныхъ имѣнїй.

— (Н)етворити брака взапрещенныя дни, — Сїа вся церковныя заповѣди должни суть исполняти коего либо чина людїе. абїе егда вразумъ приходити начпуть, по (обор. $\frac{353}{343}$) исполненїа седмихъ лѣтъ отрожденїа.

1) Пропускаемъ неразобранное слово, какъ будто «инижа», но никакого смысла нѣтъ; можетъ быть, нужно читать «или же».

2) Подставляя «М», мы неувѣрены въ правильности нашего чтенїа.

«Вопросы и отвѣты катехистическія, о бж҃енствахъ» (заглавіе написано киповарью, л. тб҃г.)¹⁾.

В. Понеже бж҃енства палежатъ к' надеждѣ, вопрошається здѣ: елика суть числом бж҃енства; ѿ. Суть девять. В. Повѣждь первое бж҃енство; ѿ. Бж҃ни пищія дх̄омъ, яко тѣхъ есть цр҃твіе їбное. В. Чесого учитъ ны сіе бж҃нство; ѿ. Да не прилагаемъ къ богатствамъ міра сего ср҃дѣ шїихъ, яко же и псаломникъ увѣщаегъ: богатство аще течеть, не прилагайте ср҃дца. и да не обладатели богатствъ возмнимъ себѣ быти, но токмо строители. сице творящїи, богатство цр҃твія їбнаго наслѣдятъ. В. Кое есть второе бж҃нство; ѿ. Бж҃ени плачющїи, яко тїи утѣшатъся. В. Чесого учитъ сіе бж҃нство. ѿ. Еще плакати выну о грѣсѣхъ, не точію своихъ, но и ближнихъ своихъ. Еще же и о обращенїи злыхъ на путь правый: и еретиковъ ко истиннѣй вѣрѣ. оскорбленнымъ же ѿ сильныхъ плакати, не отмщенїя желающе, но мѣтву приносяще, повелѣваегъ. Тако плачущїи, и здѣ отраду прїемлютъ, и во странѣ вѣчнаго веселїя безконечно радоватися будутъ. В. Кое есть третѣе бж҃нство; ѿ. Бж҃ени кротци, яко тїи наслѣдятъ землю. В. Чесого учитъ сіе бж҃нство; ѿ. Смиренїя и кротости, да слушаемъ рекшаго: научитесь от мене яко кротокъ есмь и смиренъ ср҃дцемъ, и обряцете покой дш҃амъ вшїимъ. учитъ послушанїя к' родителемъ, к' начальникамъ. учитъ, еже никого же оскорбити. учитъ, надшыхъ во прегрѣшенїе исправляти, и наказывати дх̄омъ кротости. и увѣщает, яко сія хранящїи наслѣдятъ землю обѣтованную, и тамо насладятся всѣхъ бл҃гихъ, с' псалмонѣвцемъ гл҃ющимъ: вѣрую видѣти благая Гд҃я на земли живыхъ. В. Кое есть четвертое бж҃нство; ѿ. Бж҃ени алчущїи и жаждущїи правды, яко тїи насытятся. В. Чесого учитъ сіе бж҃нство; ѿ. Извѣщаетъ, яко, обидимїи ищущїи у судей правды, не могущїи же умолити ея. аще терпеливо зносятъ, бж҃ени суть: и насытятся правдою, егда явится имъ слава Гд҃я на не лицемѣрномъ судѣ. Тамо отмститъ Хр҃тосъ Гд҃ь праведнѣ, и возвеселитъся праведникъ, егда увидитъ отмщенїе. В. Кое пятое бж҃нство; ѿ. Бж҃ени мѣстивїи, яко тїи помиловани будутъ. В. Чесого учитъ сіе бж҃нство; ѿ. Извѣщаетъ бж҃нны тыя быти, иже мр҃дуютъ о ближнихъ своихъ. В. Кая суть дѣла мр҃дія; ѿ. Сугуба суть, тѣлесная, и дх̄овная; В. Елика суть тѣлесная; ѿ. Суть семь. В. Кая суть; ѿ. Алчнаго напитати. жажднаго напоити. Нагаго одѣти. к' заключенному приходити. Бол-

1) Сочиненїе, заглавіе котораго выписано сполна ниже подъ № 2 и отрывки изъ котораго приводимъ здѣсь для сравненїя съ Катехизисомъ Карїона Истомина. Правописанїе и знаки сохраняемъ такіе, какіе находятся въ подлинникѣ.

наго посѣтити. Страннаго в' домъ свой прїяти. мертвыя погребати. В. Кая суть, и елика дѣла дѣховная; ѿ. Суть седмь, сія: Грѣшника исправити. Невѣжду научити. Требующему совѣта, добрый совѣтъ дати, о искренемъ ся Гдѣ Бгѣ молити. Печалнаго утѣшити. Обиды терпеливо носити. Впны оставляти. В. Кое есть шестое бжнство; ѿ. Бжени чистїи срѣемъ, яко тїи Бгѣ узрятъ. В. Чесого учить сіе бжнство; ѿ. Учить, яко тїи сподобягься видѣти Бгѣ, иже не точїю тѣло си хранятъ чисто, отъ скверны похотнїи: но и дшѣ си мыслїми пчистыми не каляютъ. В. Кое есть седмое бжнство; ѿ. Бжени мртворцы, яко тїи сѣве Бжїи нарекутсѣ. В. Чесого учить сіе бжнство; ѿ. Повѣдаеть, яко тїа суть бжни, и сѣве вышняго, иже Бгѣ к' члкомъ примеряють мѣтвами си. Еще иже несогласїа, и гнѣвъ, и неспависти между члїки утоляютъ: и любовь между ими созидаютъ. на послѣдокъ, иже извѣты и выпы браней между црїи и кнзми мудрыми совѣты отсѣцають. В. Кое есть осмое бжнство; ѿ. Бжени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть црство ѿбное. В. Чесого учить сіе бжнство; ѿ. Извѣстно творить, яко бжни сут, правду глїоцїи, безбоязни и обїновенїа: имже аще прилучитсѣ изгнаннымъ быти за правду, яко прилучсѣ стому Іоанну златоустому: или убїеннымъ, яко Іоанну прѣчи от Ірода: таковых пеложно чаеть паслѣдіе и очѣство ѿбное. В. Кое есть девятое бжнство; ѿ. Бжени есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть вы. и рекутъ всякъ золь глѣ на вы, лжуще мене ради: радуйтсѣ и веселитсѣ, яко мзда ваша многа на нбсѣхъ. В. Чесого учить сіе бжнство; ѿ. Наставляетъ ны вѣдѣти, яко вси иже Хрѣта ради страждутъ, кїа либо досады, еще словом, яко поношенїа, клеветы, хуленїа, злословіа: аще дѣломъ, яко изгнанїа, разграбленїа имѣнїи, раны, мученїа, убїйства: тїа вси бжни суть, ибо велїю мзду и вѣчну имугъ на ѿбсѣхъ».

«О десяти заповѣдѣхъ десятословіа». (заглавіе написано киноварью. л. тѣс).

В. Чрезъ кого даде намъ Бгѣ заповѣди десятословіа; ѿ. Чрезъ Моисея. — В. Гдѣ даде; ѿ. На горѣ сїнаїстей, со огнемъ, громом, и молнїями. — В. Вскую стѣмн страшными знамены изволил дати; ѿ. Да увѣститъ люди ко прилѣжному ихъ храненїю. — В. На чемъ первѣе написахусѣ сіа заповѣди; ѿ. На скрижалѣхъ камешныхъ. — В. Кто написа я; ѿ. Перстъ Бжїи. — В. Должни ли вси хрїїане сіа заповѣди вѣдѣти; ѿ. Должни поне существо ихъ знати. — В. Чесо ради; ѿ. запе суть аки правило, имъ же всякъ иматъ правити путь живота своего. — В. Како кто возможеть удобнѣе хранити я; ѿ. Аще пред очима своима часто предлагати я будетъ, аки зеркало живота. — В. Како аки зеркало живота; ѿ. Ибо в'нихъ зрѣти подо-

баеть лице совѣсти нашея, кално ли или чисто есть. — В. Кимъ образомъ то быти можетъ; Ѡ. Истязующе себе, сохранихом ли я, или от нихъ отступихомъ. — В. Суть ли сія заповѣди всѣмъ, еже сохранить подобны; Ѡ. Суть подобны, и удобны. — В. Како удобны; Ѡ. Яко заповѣди его тяжки не суть, с пособіемъ его и блѣгодатію. — В. Нехрапий заповѣдей Гдних, что содѣваетъ; Ѡ. содѣваетъ грѣхъ. — В. Что есть грѣхъ; Ѡ. Есть по блженному Августину (л. тѣз) слово, дѣло, или желаніе противное закону, или сущее не по закону Бжю. по Амурсію же стому: грѣхъ, есть преступленіе закона Бжя, и пѣпыхъ заповѣдей преслушанію (е ?). — В. Елико губъ есть грѣхъ; Ѡ. Сугубъ есть, первородный, и дѣйствительный. — В. Что есть первородный; Ѡ. Первородный грѣхъ есть, иже отъ Адама на вся ны изливаегся, и в' самомъ зачатіи пшмъ намъ прилѣпляется. тѣмъ по айлу: о Адамѣ вси умираемъ. Сей грѣхъ, едншмъ члкомъ Адамомъ вижде в' міръ, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся члки вижде [Адамом], в' немъже вси согрѣшиша. — В. Что есть дѣйствительный; Ѡ. Есть иже нашими дѣлесы, или словесы, или желаніями противными закону Бжю самовольно бываетъ. — В. Грѣхъ дѣйствительный коликогубъ есть; Ѡ. Сугубъ, смертный и простимый

О заповѣдѣхъ ѧ скрижали. (л. тѣз). Заповѣдь первая (все это написано киповарю).

В. Повѣждь ми первую заповѣдь; Ѡ. Азъ есмь Гдъ Бгъ твой, (л. тѣи) изведый тя изъ земли Египетскія, изъ дому работы: да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ мене. — В. Что намъ повелѣвается сею заповѣдію; Ѡ. Единому Бгу кланяться, и ему самому служить, службою совершенною. — В. Чтоже возбраняется сею заповѣдію; Ѡ. возбраняеть Гдъ, всяку тварь за Бга имѣти. — В. Чесо ради должны есмы ему самому служить; Ѡ. За созданіе, сохраненіе, искупленіе, и безчисленная иная блгая, ихъ же онъ самъ единъ есть виповникъ. — В. Довольно ли есть, еже кланяться ему; Ѡ. Не долѣеть, но къ тому потребно есть, чрезъ вѣру, надежду, и любовь в' него шествовати. — В. Кіи грѣшатъ противу сей заповѣди; Ѡ. Иже во вѣрѣ колѣблются, и заблуждаютъ. — В. Кіи прочее; Ѡ. Иже срѣемъ вѣру содержаще, усты отрицають за страхъ смерти. — В. Кіи еще; Ѡ. Иже еретическія книги чтуть, нескусни суще. — В. Есть ли суевѣріе возбраненно сею заповѣдію; Ѡ. Всячески возбранено. В. Что зовеша суевѣріемъ; Ѡ. То, аще кто хощеть извѣстными пѣкими словесы дѣяти пѣчто паче естѣва. — В. Покажи образи; Ѡ. Имѣющіи словеса, или хартіи, ими же врачуютъ огневници, и иныя болѣзлив. — В. Дажь ишыя; Ѡ. Имѣющіи писанія, ихъ же ради мнятъ неязвимы себе быти. В. Грѣшатъ ли сивевіи тяжко; Ѡ. По увѣщаніи, грѣшатъ

смертно.—В. Есть ли волно носити свѣщныя нѣкія вѣщы на себѣ; Ѡ. За блгоговѣйнство волно есть.—В. Волно ля чрез решето, хотѣти познати татя; Ѡ. Нѣсть волно: ибо діаволское дѣло.—В. Волно ли сномъ вѣрити; Ѡ. Никако, ибо есть суетнѣйшее дѣло¹⁾.—В. Каковъ грѣхъ содѣвають, хитростно влекущів к' любленію дѣвы; Ѡ. Тяжчайшій, смертный; ибо есть чародѣйство.—В. Свободно ли вязанми пакостити супружеству; Ѡ. И се есть мерзкое чародѣяніе.

л. тѣв: «Вопросы катехістическіи о тайнахъ црковныхъ» (все это написано киноварью).

В. Кто есть уставитель таинъ; Ѡ. Хр҃госъ Гдѣ.—В. Чго есть тайна; Ѡ. Есть невидимыя блгодати, видимое знамя, оправданія ради ншго уставленое.—В. Когда Хр҃госъ устави тайны; Ѡ. Уставилъ есть, ово надходящымъ стрѣтемъ, ово по страстех.—В. Чесо ради устави; Ѡ. Во свѣдѣтельство своя к' намъ любви, и во врачество спїія ншго.—В. Колко есть таинъ; Ѡ. Семь, крїценіе, мурпомазаніе, покаяніе, Евхарістіа, елеопомазаніе, сїцнство, супружество.—В. Тайны из коих частей слагаются; Ѡ. Изъ вещей, аки вещества, и изъ словесъ аки образа: на прикладъ: в' крїцїніи вода есть вещь, словеса суть образъ, сія: крїцається рабъ Бжїій імкь: во имя оца, аминь, и сна, аминь, и дха стго, аминь. В. Ѡ кого еста вещь и образъ таинъ опредѣленна; Ѡ. Ѡ Хр҃та Гда. (л. тѣг).—В. Кое есть началное изводство таинъ; Ѡ. Блгодать Бжїя.—В. Бяху ли во всякомъ сащѣ тайны; Ѡ. Бяху и в' законѣ ества, и в' Моусіовѣ законѣ.—В. Кое есть вторичное изводство таинъ; Ѡ. Характеръ изображенный в' дшѣ.—В. Елики тайны изображаютъ характеръ; Ѡ. Три, крїценіе, мурпомазаніе, и сїцнство.—В. Кто есть служитель таинъ; Ѡ. Чяповнѣ есть архиерей, или іерей.—В. Что потребно есть в' прїемлющемъ тайны; Ѡ. Имущу возрастъ, потребно есть намѣреніе и соизволеніе.—В. Что разумѣши о зломъ служителѣ; Ѡ. Злой, содѣваетъ же тайны, не служа, и содѣвая, тяжело согрѣшаетъ.

«О крїценіи» (все написано киноварью).

В. Кая есть вещь крїценія; Ѡ. Есть вода ественная. [В. Воды сїщныя кая есть полза; Ѡ. Простимыхъ грѣховъ очищеніе, навѣтовъ діаволскпхъ

1) Здѣсь внизу вставленъ еще одинъ вопросъ: В. От стрѣтенія лицъ нѣкихъ, или скотовъ, подобаетъ ли себѣ щастье, или нещастье нещевати: Ѡ. Сіе суетвѣріе мерзко есть предъ Бгомъ.

и тцетъ прогнаніе.]—В. Кой есть образъ крѣщенія; Ѡ. Крѣщается рабъ Бжій, во имя, Оца, и сѣа и сѣаго дѣа. Амѣнь.—В. Кія убо крѣчатися могутъ; Ѡ. Всея людіе, и млдѣнци; зале спастися не могутъ кромѣ крѣщенія.—В. Можетъ ли исполнитися нѣчим крѣщеніе водное; Ѡ. Можетъ, и во млдѣнцѣхъ.—В. Како сіе показуеши; Ѡ. Бгбословци трегубо считають крѣщеніе, водою, дѣхомъ и кровію.—В. Что есть крѣщеніе дхомъ; Ѡ. Егда, имѣий возрастъ, имать в' себѣ желаніе дѣйственное крѣщенія, с' сокрушеніемъ сѣнца, и с' любовію Бга паче всего.—В. Что такое есть крѣщеніе кровію; Ѡ. Есть мученіе, имъ же изливается кровь за Хрта.—В. Кая суть изводства крѣщенія; Ѡ. Оставленіе грѣха первороднаго. и дѣйственныхъ: вліянія блгдаты, силъ, и даровъ Бжїих, и отпушеніе всея казни будущія жизни, яже за грѣхи.—В. Отдаляетъ ли крѣщеніе похоть и иныя страсти сея жизни; Ѡ. Не отдаляетъ.—В. Подобаеть ли кмотры в' крѣщеніи имѣти; Ѡ. Тако по ученію цркве.—В. Кій есть кмотровъ долгъ; Ѡ. Крѣщаемаго Ѡ купели пріемше, (л. тѣд) попеченіе о немъ имѣти, да во вѣрѣ православиѣ утвердѣтся.—В. Понеже смерть есть плодъ грѣха, грѣхъ же истребляется крѣщеніемъ, вскую хртїане умірають; Ѡ. В крѣщеніи оставляеться грѣхъ, и казнь будущія жизни, а неказнь грѣха смерть временная, та бо не оставися.—В. Чесо ради Бгбъ попускаеть тымъ крѣтитися, иже отступники послѣжде бывають; Ѡ. Совѣтовъ Бжїих таинства никто изслѣдити можетъ: долѣетъ сіе, яко избранныци имѣють образъ: колико имъ мїрдіе Бжїе показася.

«О Еухаристіи» (написано киноварью).

В. Кто и гдѣ устави сію тайну; Ѡ. Хртосъ на тайнѣй вечерѣ.—В. Кія суть вишы уставленія сея тайны; Ѡ. Да будетъ воспоминаніе дввныхъ совершенствъ Бжїих, и тапствъ ветхаго завѣта и новаго. В. Коихъ совершенствъ Бжїих; Ѡ. Всемогущества, премудрости, блгости, любве, и истинны: всея бо сія во тайнѣ сей умно смотрянымъ удобъ проявляются.—В. Коихъ есть ветхаго завѣта тапствъ воспоминаніе; Ѡ. Неопалимыя купины, столпа огненна, и облака осѣняюща, ковчега завѣта, манны, и агнца пасхи.—В. Коихъ тапствъ новаго завѣта; Ѡ. Воплощенія Бга слова, (л. тѣе) рѣтва, стѣтей, смѣрти, и воскресїя Хртова, и прочїихъ.—В. Како хртосъ в' тайнѣ сей пріеутствуетъ; Ѡ. Истинно, вещнѣ, и существенно.—В. Кая дивная содержатся в' тайнѣ сей; Ѡ. Пресуществляется хлѣбъ и вино, в' тѣло и кровь Хртову. Случаи остають безъ подстава. тѣло Хртово под сими видами есть равнѣ велико, яко на ѣбси. Есть цѣлое во агницѣ, и во всяцѣй частицѣ его, равнѣ яко в' цѣломъ. Есть купно на различныхъ мѣстѣхъ.—В. Кая есть вещь Еухаристіи; Ѡ. Хлѣбъ и вино.—В. Чесо ради тѣло ис

хлѣба и кровь изъ вина бываетъ; ѿ. Ибо онъ самъ рече: тѣло мое есть пища, и кровь моя есть питіе. и яко же хлѣбомъ живетъ тѣло: тако сею пищею дѣла оживляется. яко хлѣбъ изъ многихъ зернъ бываетъ: тако тѣло Хрѣтovo мысленное изъ многихъ избранныхъ слагается. Яко хлѣбъ отъ огня: тако Хрѣтосъ любовію испечеся. Тѣло и хлѣбъ именуется: ибо за ны яко агнецъ пожреся. А яко вино изъ многихъ гроздовъ: тако црѣвь изъ многихъ праведныхъ. Яко вино въ точилѣ источися: тако кровь на дрѣвѣ крѣта стго изліяна бысть. — В. Кій есть образъ или совершеніе; ѿ. Над хлѣбомъ словеса сіа: Приимите и ядите сіе есть тѣло мое. и проч. надъ виномъ сіа: Пите отъ нея вси сіа есть кровь моя: и проч. — В. Коею честію почитати достоинъ евхаристію; ѿ. Честію бгѣльпною, яже Бгу самому должна есть. — В. Кто приемлетъ сію тайну; ѿ. Хрѣтосъ даде заповѣдь, еже вѣрнымъ приимати ю. В. Кое уготовление потребно есть ко прїятію евхаристіи; ѿ. Причащайся, имать быти въ санѣ блгодати. — В. Препинаетъ ли грѣхъ простимый прїятію Евхаристіи; ѿ. Не препинаетъ: обаче препинаетъ изводство нѣкое сея тайны. В. Кая суть изводства сея тайны; ѿ. Умноженіе блгодати, и укрѣпленіе дѣи въ житіи дѣвномъ. В. Что кто творити имать по причастіи; ѿ. Молитися, пбо тогда много умолити можетъ: и блгодареніе творити, и блгоговѣйная размышляти. (л. тѣс) — В. Есть ли Евхаристіа жертва; ѿ. Есть, юже мы именуемъ лтургіею. — В. Можетъ ли показатися, яко лтургіа есть жертва новаго завѣта; ѿ. Можетъ сице: Мелхиседекъ пожре хлѣбъ и вино: и въ нашей сей жертвѣ нѣсть ли хлѣбъ сошедый с' пбсе: и вино крове Хрѣтovy. а яко Гдѣ и сѣсъ шѣ на крѣтѣ бѣ жертва кровавая за весь миръ: тако безкровнымъ обычаемъ на прѣлѣ по вся дни ѿ іереовъ жретъся. — В. Есть ли убо сіа жертва наша изряднѣйшая; ѿ. Есть, се же якость достойнѣйшая и дѣйственнѣйшая, неже всесожденія іудѣйская и прочія жертвы. — В. Вскую уставися сіа жертва; ѿ. Тако бо творится честь Бгу величайшая.

№ 2.

«Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехистическихъ. иже о тріехъ добродѣтеляхъ Бгословскихъ. о вѣре, о надеждѣ, о любви, къ тому о десятословіи, о семи тайнахъ о семи грѣсѣхъ смертныхъ, вопросы, и отвѣты содержащая. и разрѣшеніе вопросовъ различныхъ, о грѣсѣхъ противу десятословію бывающихъ. И разрѣшенія случаевъ бывающихъ отъ семи грѣховъ главныхъ. Напоследокъ. Врачества обща на вся грѣхи. и размышленіе краткое впособіе кающимся имущая.

Во славу Бѣно, въ ползу же православныхъ хрѣтіанъ самага Бѣа наставлешіемъ и пособіемъ.

Трудолюбіемъ же многогрѣшнаго Сѣмеона Полоцкаго Іеромонаха недостойнаго наславенскомъ діалектѣ, міру проявленна совершися.

Влѣто отъ созданія міра „зрѣо. Отъ рѣтѣ же по плоти Бѣа слова „ахѣа. мѣца марта въ вѣ днѣ 1).

---

1) Рук. Синод. Моск. Библ. № 285 (по Саввѣ). Въ первой части рукописи находится «Вѣнецъ вѣры», а съ листа тѣе то, отрывки изъ котораго приведены выше для сравненія съ Катихизисомъ К. Истомина.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

№ 3.

Слово учительное въ день Преображенія Господа нашего Исуса Христа мѣа августа въ ̄ на текстѣ: «И возведе ихъ на гору високу едины, и преобразися передъ ними. Слова написаны Евангелистомъ Матѣемъ въ главѣ ̄ въ зач. ̄»¹⁾).

(л. 10): Кто восхоцет себе во вѣки пищею сладости напитати, да потщится день и пощъ словесемъ Гд̄нимъ поучатися [благословеніи хрїстіане]. Да возможетъ въ крѣпости тоя яди, тѣсный и бѣдъ исполненный путь, ведущій во градъ прекрасный горяго Іерусалима, усердно теченіе творити. инья бо пици души хрїстіанстѣй впрехожденіе путя онаго не обрѣтается крѣпчѣйшей. Тако бо цр̄ь израилев любомудрый Соломонъ, въ книзѣ премудрости въ главѣ ̄ написа: да научатся сынове твои Гд̄и ихже возлюбилъ еси. Яко не рожденіе плодовъ питають чл̄ка; пи слово твое тебѣ вѣрующихъ соблюдаетъ. Убо и Гд̄ь нашъ Іисъ Христосъ вѣрныхъ рабов своихъ без сея пици на путь не восхотѣ отпустити. да некто разболѣвся сластію внути дѣланія Бж̄іихъ заповѣдей ослабѣтъ. Отпустити бо ихъ (глане) неядших не хошу. Без пици бо сея чл̄къ ничто же успѣтъ. Отчастаго поученія Бж̄ія закона и премудростію сотворенныхъ дѣл его вѣдѣніе Бг̄а рождается. Отвѣденія же влюбовь Его. простирается. И тако начнетъ на пути сем понемуже ходим, и скрытыхъ пагубныхъ сѣтей себе удаляти. Посмотритъ оный одесную, и узритъ любезнаго создателя своего Бг̄а, спасающаго отъ смерти, преобразившагося днесъ на горѣ висоцѣй Христа Господа Исуса, неточію пред ученики своими, но пред всѣмъ израилемъ новымъ. лицемъ своимъ всѣхъ просвѣщающа, и подавающа миръ.

— Тѣмъже сея пици да вкусимъ пынѣ. реченныхъ глагол Евангелиста сѣаго Матоеа. Гл̄етъ бо Поятъ Іисъ Петра, и Іакова, и Іоанна и возведе ихъ на гору високу едины, и преобразися предними.

---

1) См. Сборникъ Чудов. библ. № $\frac{98}{300}$, л. 10—16.

— (обор. л. 10) Аще бо сими, кто питаяся небесплоденъ вразумъ Гдѣ нашего Иисуса Христа обряцетєся како же преобразися Господь наш на горѣ высоцѣй, и пазрѣніе его коимъ образомъ подобаетъ приходити кгорѣ небеснѣй о давидовыхъ глагол днесь научимєся: возсіайми свѣтъ разумнѣй. и сердце мое просвѣти. благодатию дѣха стѣго, да наставитъ нас, мене на право глаголаніи, а слышащихъ на усердное слышаніе.

И возведе ихъ на гору високу едину, и преобразися предими¹⁾.

— Всякій члѣкъ вчерпномъ мори грѣха рожденный, не имать пикого стяжати добра, аще вдѣланіе чистоты истинны не приложитъ труда (людіе Гдѣи). Понеже оттрудовъ и храненія уму чистота истѣкаетъ. отчистоты же свѣтъ разума явитєся. Без сего же не токмо Гдѣ невозможно видѣти на горѣ, но и на гору восходити неудобно есть. Зѣло убо есть оная гора прикрута грѣхолюбцомъ. нашей же свѣтъ христосъ присно сіяетъ. впищи словес своихъ просвѣщает. вѣрныхъ; скверныхъ же и невѣрныхъ несвѣтлостію ноцная тма помрачаетъ. безвосхожденія же на оную гору, никто же улучшить спасенія. Царствующій убо пророкъ Давидъ вѣщаетъ еще: кто възидетъ на гору Гдѣю: или кто станетъ на мѣстѣ стѣмъ его; кнему же отвѣтъ неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ. без чистоты же сердца невозможно зрѣти Гдѣи красоты, и получить блаженнаго вѣчнаго покоя. Очистивше же мысли и умъ, Боголюбнїи души, и чистїи сердцемъ исходите за любезнымъ своимъ женихомъ Гдѣомъ Иісомъ зрѣти преображеніе его, внѣ града на горѣ впустыни; идѣ же тишина велія; идѣ же пѣсть многонароднаго мятежнаго вопля, и безчиннаго кличанія. Преобразуетєся Христосъ, по не въ градѣ. внемже и царствующъ пророкъ Давидъ воскорбѣ печалію, отглаголовъ враждующихъ, немятеся отстуженія грѣшниковъ, и отвеликія скорби проситъ себѣ крилъ да почиетъ впустыни, глѣтѣ бо кто дастъ миѣ крилъ яко голубинѣ, и полещу и почию.

— (л. 11) аще бы вопросилъ бы кто пророка, коея ради, вины изъ града бѣжаніе творитъ; отвѣщаетъ; яко видѣхъ безаконіе и прерѣканіе во градѣ день и ноцъ обходитъ стѣны, посредѣ же веліе безаконіе и грѣховный трудъ, на путе же лихва и лєсть. сего ради бѣгствомъ удаляюся таково града найпаче же члѣковъ злаго прара, и впустыни яко вранъ нанырищи един водворяюся. надѣюся тамо вмирѣ и тишинѣ преобразующєся видѣти Гдѣ.

— Понеже аще кто молвитъ, и не упражняетєся отъ дѣлъ суєтнѣхъ, той не токмо неузритъ по и перазумѣетъ Гдѣ. Яко всея земли Гдѣ Црѣ велій. упрознитєся бо рече и разумѣйте. яко азъ есмь. првступите убо ко отчему сіянію и просвѣтитєся словесы божественнаго благовѣстника Евангелиста

1) Въ текстѣ подчеркнуто киноварью.

стѣго Матоея. он бо днесь паче трубы вознося глас свой вѣщает: поят Іисъ Петра, и Іоакова, и Іоанна на гору високу едины, и преобразися пред ними. Сій Апостолскій гласъ, зѣло, христолюбивыхъ душъ вревность и вшествіе за Христомъ подвизаетъ. запалютъ бо ея любве Бжїя огнемъ, скачютъ умными чюствилы и старїи, яко младїи елени на горы добродѣтелей. вся земная пренебрегающе выпмаютъ симъ гласом. гдѣ убо, и кто вжизни сей, и чесо ради преобразуется. Кним же отвѣтъ. члкъ Іисъ глѣмый, от присно дѣвы Марїи рожденный, мнимый отъ Іосифа тектопа, на горѣ стѣй преобразился пред ученики едиными, иже быв яко члкъ, нынѣ же паче члка явился. яко Бгъ безсмертенъ. Ибо предивно отчлка преобразися. просвѣтися бо глѣтъ: лице его яко слнце. ризы же его быша бѣлы яко свѣтъ. се преображеніе, се измѣненіе вышняго десницы. никтоже бо сего возможет сотворити, аще не будетъ Бгъ. Отсего наипаче боголюбивїи души труды и подвиги, на зрѣніе возлюбившаго, и себе занас на смерть издавшаго преобразившагося Гда ретятся. болѣзненными сердца навсяко время вопіютъ, яви намъ Гдїи лице преображенія твоего ввѣчном твоём блаженствѣ, и спасени будем. Еще же приходятъ кпророкам и апостолам и вопрошаютъ: возвѣстите намъ: его же возлюбиша души нашы; гдѣ пасет людіи своихъ израиля; и гдѣ опочивает вполудне, и гдѣ преобразуется соединяя чловѣчество божеству. (обор. л. 11).

— Книмже на сіе отвѣщаніе: его же вы любите и душамъ влюбовь его узвѣтите Бгъ есть; иже за члколюбїе плотїю пострада и наземли явился Егоже вся тварь славит. его же вся боятся и трепещутъ непостоянно бо великолѣпіе его славы. носїй вся глаголомъ. силы своя, всякъ надѣяся нань непостыдится всяк имѣяй надежду на него грѣховъ очищается. благу убо и ввѣки его милость. Аще же убо сего ищите, егоже глас сладок, аще услышит кто глас его, от радости трепещетъ чрево, то присно ищите, и молитвою и постом, отначала прїятїя его печати начелах своихъ, то есть стго крещенія, вжизни сей пелѣнностно толцйте. егоже бо услышит к нему день и ночь вопіюща, и взановѣдох его учаща присно, отверзет милости своя неизмѣримую пучину. Аще же кто пощетъ его влутехъ неправды, на нечестивыхъ сонмищахъ, и торжпщахъ, то необрящет его никтоже. во градѣ Іерусалимѣ [то есть въ душахъ нечестивыхъ] его же не созданны по распаннны стѣны грѣховными разбой, неводворяется Христосъ. Оставляетъ ихъ всякихъ добродѣтелей пусты. не вселяется бо Бгъ вчлка плотяна и пищею жвуща. Оныже убо возможно ли его преображеніе видѣти, и гдѣ обитаеть; тогда вѣщаютъ на висоцѣ горѣ преобразися сісь; точію имѣя назираетелей славы своя верховнїя три учпика. и тїи елико можаху, славу его узряху. Просвѣтися бо лице его яко солнце, ризы же его быша бѣлы, яко свѣт. Преобразуется бо Гдѣ нашъ Іисъ Христосъ на горѣ висоцѣ, а

не домъ на земли. сего ради да вси людїе и вѣрующїи на свѣт сей смотрят грядут к нему и тамо его видят. зане сам. пречистыми усты своими изрече: не может град укрытися верху горы стоя. тѣмже не может сей свѣт просвѣтити кого на горѣ свѣтя. Его же просвѣтися лице. яко слнце: аще кто хочет да грядет к нему зовет бо. прїидите ко мнѣ жаждущїи мя и правду творящїи, послѣдуйте уготованное вам царствїе отсложенїя мира, и тамо вси праведнїи просвятятся яко солнце.

— Сего ради всяким тщанїемъ грядите людїе к нему и прїимите почете; аз глѣт не оставлю вас сырых (л. 12) отстражи утренїя уповайте на мя Гда. Ксему божественный апостоль Павел вѣщает еще: не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленїем ума вашего. во Христа Божїю премудрость и силу. Богъ Іисъ Хрсъ на горѣ свѣтитъ всѣмъ, иже вмирѣ семъ его любятъ и к нему уповають. да возведет на гору члѣка, его же созда. Прїиде же Гдѣ иже тѣло смиренїя нашего преобрази днесь. члѣка радп. Яко бы пѣкїи Црѣ узрѣвши убогаго члѣка, у негоже бы вси тѣло его улы болѣзненным трудомъ обїати были, повергшы студъ настроу, лѣкарства и пластыри прилагаше рананы, цѣляше его вреды, и потомъ взявши его за свою царскую трапезу, и диадиму возложа, царемъ его постави: Тако убо и Гдѣ Бгѣ сотвори счеловѣческим родом, омыл грѣхов наших рананы, и исцѣли их, и введе его внебесную полату. Тѣмже велїе есть достоинство члѣка христїанина, снимъ же ничтоже вравенство прїидеть. По неже по образу Бжїю и по подобїю члѣкѣ сотворенъ есть, и внемъ Гдѣ Бгѣ себѣ сотворяетъ.

— И егда же члѣкѣ презрит любовь неизреченну, преобразившагося Гда, и милость велию невосхощет во свѣтѣ присно сїятельномъ заповѣдей его ходити, и сядеть насѣдалищи губителей, и злобою водимъ пойдетъ впути неблаги. уподобится оный іерусалимским раскопаным стѣнам; егоже не ублажит Гдѣ; тогда душегубительный разбойницы безовсякого возбраненїя, откуда хотя вѣзжают. пустошатъ его, изапаляют. Тако убо, егда члѣку отлѣности унынїя не призывая Бга, точію почнет озябати, внезапно нападаютъ на него лукавіи дусп, потемняютъ и пуста сотворяют ума его, развѣявши его мысли посем свѣтѣ.

— Многія бо люди о земныхъ вещех велїе попеченїе имущих, и имѣнїе¹⁾ любящих, неже бы добрѣ жили тщанїе творящихъ за совершенныя имѣют, не глядая всрдце, и не усматривая злобы кая онаго душу обладала.

— Убо внутреннїи злыи смыслъ, коренїемъ есть воиных удѣх, и вдуму злодѣемъ (обор. л. 12) зѣло хитра есть противная сила, аще кто не

1) Такъ пишемъ вмѣсто стоящаго въ текстѣ «умѣнїе».

станетъ противугрѣха, то помалу, внутрь крыющаяся злоба, от излишняго умноженїа излившися приводитъ члѣка до исполненїа грѣховъ явныхъ. То убо злое есть, яко устїе псточника отвсюду искающее. Тѣмже всякъ да учится усердно злобу побѣдїти, еже бы впадши внеисчетныи грѣхи не былъ изумлянымъ. Яко бы егда нѣкій велможа вдовольствѣ велїемъ богатствѣ жизнь сїю живяше мирно, его же бы црѣвы слуги ввезану взяли, и ведущи его до црѣя, возвѣстили ему, за твою нѣкрую неправду, еси осужденный, и повиненъ еси казни смертной, что егда онъ услышитъ отъ страха и бесчестной ради такой славы, внезапно изъ главы весь свой смыслъ — испустя ввелїе изумленїе приходитъ. Такожде всякъ иже хочетъ спастися да разумѣетъ, о дусѣхъ лукавыхъ; зане сей свѣтъ отъ црѣй и до убогихъ, пребываетъ въ бѣдахъ и папастяхъ, и никтоже свѣдаетъ ихъ лукавства: то есть явнаго зла. кое зане-послушанїемъ адамовымъ вниде: то есть жало смерти, приплетшися убо грѣхъ кнамъ, творится нѣкою дїавольскою силою, насѣваетъ злое.

— Такобо и сокровенно во внутреннемъ члѣцѣ и во умѣ воздвизаетъ волны, и спомыслы борется присно. но людїе мнози невѣдятъ тайнаго ихъ лукавства, и яко нѣкою иною силою ведущеся грѣхъ сотворяютъ. и естественно то быти разумѣютъ, и яко бы спрїроднаго своего смысла дѣяти мнятся. и такимъ смысломъ удаляются Бгѣа, и законныя правды. Хрѣсъ же покой имѣющїи во умѣ своемъ, и преображенїемъ его славы сїанїемъ просвѣщенїи, свѣдятъ откуда то бѣдство встаетъ. Ибо мїръ сей аще и не хочетъ, страсти и лукавое искушенїе терїлетъ. расширяетъ бо грѣхъ уста своя, яко великій кпт, и души не хранящїа званїа своего поглощаетъ. крїется злоба и вѣдши основанїе полагаетъ. и мудрїи, иже имѣютъ разсужденїе, и доброе отъ злага отлучающїи, не сходятъ скривовъ своихъ домъ, взяти скверныя и раздранныя рїзы, и яже оставиша, непопускаютъ всебѣ мѣста востающей злобѣ, не гнѣваются на злое вождельнїе и неприятели первыми онѣи бывають (л. 12). — Ибо велми тщїтся дїаволъ вѣдїи хрїстіанстѣи опочивати, подръ свой имѣти, егда же непослушаетъ дїа онаго, зѣло скорбитъ и мучится.

— И кто хочетъ Христа Ійсѣа преображенна видѣти; егда имѣетъ кто время, егда згоры Ійсѣ неснїде; презрѣвши вся мира сего вещи прескакавая грѣховное тернїе да бѣжитъ. Понеже много времени здѣ по разлученїи дшїи отъ тѣла на зрѣнїе славы Бгїя небудетъ.

Нышѣ да потщїтся всякъ да вообразится всердцахъ нашихъ страданїе его. и чїстїи сердцемъ Бгѣа узрѣтъ.

— Обїтаетъ Хрѣсъ не точїю вполудне. но присно, впрїзывающихъ стѣе имя его и влюбящихъ сїанїе свѣта его приспособнаго. зане безлюбви Гдѣи служити невозможно. И хрїстіанину подобаетъ Христу послѣдовати овсемъ, найпачеже милостїю клицей братїи Христовой. Аще кто хочетъ милость отъ Бгѣа получить, милость да являетъ, милостивїи бо рече помиловани

будут. виновни бо суть христіане усердно тѣшатся: ежебы никого не осуждати. ни явного блудницы, ни грѣшника, ни обядливаго чѣлка, но всѣхъ равно почитати, на всѣхъ ясным и любезнымъ окомъ смотрѣти. Яко бы изъ естественнаго прирожденія то было, еже никимъ не гнушати, ни укоряти. Тако сіе преподобный Макарій Египетскій въсѣдахъ своихъ написа: аще, рече, узриши слѣпа или оединомъ оку, перасуждай всѣдцы твоемъ, и смотри папего яко на здраваго: набезрукаго, яко ничимъ вредимаго: на храмаго, яко на простаго: и на трудоваго вреднаго, зри яко на всецѣлаго здраваго. Сіе убо есть чистота сѣдца: еже бы видяще грѣшныхъ и немощныхъ болѣзненныхъ людій, сжалилися надпими и милость имъ яко можемъ показали бы (оборот. л. 13).

— Егда же Гдѣ нашъ Іисъ Хрсъ преобразися, просвѣтися глѣтъ лице его яко слѣнце, ризы его быша яко свѣтъ, и се явистася ученикомъ снимъ на горѣ Моисій и Ілія, глѣща со Іисомъ. отвѣщавъ же Петръ рече ко Іису: Гдѣ добро есть намъ здѣ быти. яко бы зѣло отъ свѣта твоего преображенія осіяхомся Гдѣ и увеселихомся. во свѣтѣ лица твоего добро намъ есть быти здѣ. Клемужъ Гдѣ вѣщаетъ: что Петре глѣши, здѣли тебѣ добро быти, на земли еси, иже терніе и волчецъ израсти. Егда згоры сей снидъ не будетъ тебѣ сего свѣта, аще не явлю пути тебѣ вотмѣ пребудеши пеузнаеши камо ити, издѣ имаша умрѣти гладомъ. Подобае тебѣ сію мою славу возвѣстити повоскресеніи моемъ изъ мертвыхъ. сіеже вамъ являю да знаете, яко Бгѣ есмь. посемъ убо узрите мене, некая мене здѣ видите. тогда сіе помняше да не соблазнитесь. Зане егда азъ сынъ Бжій, и сынъ человѣческій буду страдати за весь миръ, и пропятъ буду яко человѣкъ, но вы крѣющеся воплоти моею божество, (е?) юже положихъ за кровьъ братьей возвѣстите, и ихъ утвердите. нынѣ не добро вамъ ту пребывати. Еще же достоитъ и вамъ сіе ваше тѣло трудомъ и страданіемъ за имя мое истончити. да возблистае явы чистѣ злата блещася пребывше вътрудѣхъ и напастѣхъ. и во царствіи небеснѣмъ просвѣтитесь яко слѣнце. Пременилися убо подобае человѣческому естеству отъ плотскихъ похотій, иже воуютъ душу, на духовная вожделѣнія. Не добро тебѣ Петре здѣ быти, возвѣсти пришествіе мое во весь миръ. и лови мнѣ Гдѣи завергаючи мрежу твою въневѣденія море, люди благопріятны. виотѣ лица твоего заколайъ гнѣздящихся вънихъ грѣховныхъ зміевъ, пріимай очищающихся безсомпѣнія въѣру. Такий мнѣ улови ловъ. востаните и идите нынѣ отсюда. дѣлайте во мое виногради, и плодъ принесите. Да въра и проповѣдь ваша, яко лоза плодovitа востранахъ моего дому возрастетъ. снѣове мои, иже удалышся отъ мене, и отзатовѣдій моихъ, яко лѣторасли масличныя, окрестъ трапезы мое да стануть въ царствіи небеснѣмъ (л. 14) за нихже постражду. плоть мою дамъ имъ всѣдѣ. да ядятъ мя присно, и міра сего прелестей невжаждутъ во вѣки. Тамо и вы возвеселитесь. еяже радости

никто же от вас возмет. Тамо добро быти. Также Петр Ты Гдѣи свѣтъ вмиръ пришедый, и миръ твой есть кто противится тебѣ может. твой убо Гдѣи свѣтъ, точію возсіяетъ. и мрачна злоба вскорѣ от него исчезает. тебѣ пѣснь хвалы от всякаго члѣка главы подобает. тебѣ творцу нашему достоит кланятися. и аз Гдѣи тебе неотвергуся. аще имаши страдати (варіан. востраданіи твоём). Но кто может прикоснутися сѣбя плоти твоея Гдѣи. Кій язык возглет на тя неповиннаго руками и сердцем чистаго ложно свидѣтельство. Кто Гдѣи мать твою юже избрал еси вжилище себѣ благословенную Марію приснодѣву без тебе утѣшит. ты у отца небеснаго прежде вѣкъ у матери послѣжде, снѣ единородный. Како ю бесчадну оставиши. кто будет ю, юже паче всѣх возлюбил еси, стѣйшую твою мать и двѣ без тебе хранить; кто востраданіи твоёмъ плачь и слезы текущія, паче млека может утолпити. никако Гдѣи. еже бы тебѣ ругатися имѣли сотворенные тобою люди и распяти осудили, не имать быти тебѣ се. Но ежели сладчайшій Хжѣ Бжѣ наш хочещи ту снами пребывати. мы тебѣ аз и Іаков Іоанъ здѣ сотворим три сѣни. тебѣ нашему Бгѣу едину, и Мойсею едину и едину Ілію. Особную скинію тебѣ и лучшую. Они убо Мойсей и Ілія твои рабы. якоже и мы. и тѣм скиніи иные. Исповѣдуем мы тебе сѣа Бжїа, Бгѣа пенага, и непроста члѣка. сям исповѣдуем сотворихом тебѣ три наша срдца, три сѣни, вниди к нам, ввечерїи снами во вся вѣки. и добро нам здѣ быти с тобой. —

— Кнемуже Гдѣ глѣт: нѣсть убо добро сіе Петре, еже глѣши. нехощу мене свѣта, от многих чад моих, от творенія моего, да спасутся отяти, и ввас единѣх скрыти. не хощу сему быти, соблажняеши мя сими глѣи. Не вѣси еже глѣши не можещи единъ свѣта моего посити, непостижимъ есмь, аз полною всю тварь свѣта моего, невмѣстниши ты единъ. аз есмь свѣтъ истинный всякаго члѣка грядущаго в мир просвѣщаю, не застѣнїи свѣта моего мене любящимъ. да приидуть комнѣ вси вземшии бремя моего крѣста.

— Тогда Петр вѣщаше, Гдѣи, яко хочещи сотвори да будет твоя воля (обор. л. 14) еще же ему глѣющу, се облакъ свѣтел осѣпи их, и глас от Бгѣа отца из облака глѣа: сей есть снѣ мой возлюбленный внемъ же благоволихъ, того послушайте, яко же глѣт вам Іисъ снѣ мой, истинно есть его сказаніе истинно послушаніе, аще он снѣ свободит вы будете свободни. послушайте его. идите проповѣдите его спасенное имя всѣм языком иже бо призовет имя его, и до конца претерпит скорби и напасти, спасется. Еще же прииде на землю Хрѣи пищим нам благовѣстити. что; проповѣдати лѣто Гдѣи прїятно. то есть егда кто услышит глас сѣа Бжїа глѣюща. азъ есмь свѣтъ миру, днесъ на горѣ сіяю висоцѣ. грядите ко мнѣ во уготованное вам царствїе от сложенія міра.

— Егда свѣтлое его слово, аще впадет вчїе срдце, отгонит мрак пе-

вѣдѣнія, уяснить воистинное познание, возгорится огнемъ любви Бжїя идетъ по заповѣди, все богатство міра сего презираеть¹⁾, и въ пустыню каются бжжитъ, да достигнетъ любимаго красивѣйшаго добротою паче всѣхъ члѣкъ Гдѣ Іиса. Тогда во истину, и часъ единый достоинъ назваться, прїятное лѣто Гдѣне. аще оный прїятный часъ Гдѣни минетъ нерадѣніемъ нашимъ. и такого часа, пощетъ кто и не обрящетъ. Сего убо ради и Хрѣсъ на горѣ преобразился; да всякъ ити къ нему не лѣбно погидится. Гора убо Бжїя, гора стѣя. прїидите поклонитися въ горѣ святой его. то есть во храмъ Бжїи. покаеніемъ очистившеся, внидите приступите къ престолу благодати со всякимъ страхованіемъ, идѣже кланятися подобаетъ. Престоль бо Бжїи тамо вѣкъ вѣка пребываетъ, на него же црѣ славы во спасеніе и во славу людїи своихъ израїля восклоняется, въ божественныхъ безсмертныхъ тайныхъ животворящихъ. сже не преобразуется, хлѣбъ и вино. но прелагается истинно въ тѣло и кровь Христову стѣмъ дхѣмъ. Сей Црѣ небеснаго одрѣ (л. 15) не яко соломоновъ окружаютъ шесть десятъ силїи, но тмы тмами ангель и архангель не молчными восклицающе день и ночь преподобными гласы, обстояюще служать. и ксіянїю его божественныя славы приникнути желаютъ. Сему предстоитъ честнѣйша всѣхъ небесныхъ и земныхъ чиноначалїи, присно дѣва Марїа мати за всѣхъ, иже подкров ея прибѣгающихъ не ленится рукъ своихъ въ молитву простирати. въ милость преклоняя сїа своего и Бга, за грѣшнїи и кающїяся люди. Онъ же Црѣ небесный глѣтъ всякому члѣку: разшири уста твоя, и исполню ихъ моею благодати, вкусите моего животворящаго тѣла, и души насититесь. и напейтеся истекшїи отъ ребр моихъ крове богато. юже излїяхъ за весь мірскїй животъ и спасенїе. и во благовременную помощь, благодать обряцете. Сего ради вденъ сей преобразенїа, во свѣтѣ лица Бжїя, каждый да искушаетъ себе, и да измѣряетъ; аще есть воистинной вѣрѣ. Аплъ бо вѣщаетъ: измѣрайте себе аще есте вѣрѣ. понеже безвѣры, ксей Бжїей горѣ стѣи приступати страшно. новинному же руками касанїемъ злаго и нечистому срдцемъ [иже любовь Бжїю отвергая, и любодѣйствуетъ щетнымъ миромъ] не точїю горѣ стѣи [нанейже Бгъ полагается], прикасатися блазненно, но и устѣ на исполненїе дха отверзати и отругати слова невозможно, зае чрезъ пророкъ глѣтъ: не красна похвала во устѣхъ грѣшника. Яко нѣсть во устѣхъ ихъ истинны. сердце бо ихъ суетно. Все иже во храмъ Бжїи входятъ въ единомыслїи, и благодатию Іисъ Хрѣтовою и вѣрою внего спасенїи, откровеннымъ лицомъ на божественнѣи трапезѣ, предложенное вснѣдѣ тѣло и кровь Хрѣву зрящїи. и вѣрующїи словесемъ его, и от нихъ научившеся сему таинству. Яко хананеа возопїетъ: помилуй насъ Гдѣи. Яко

1) Въ подлинникѣ мѣсто это сильно зачеркнуто, такъ что мы дѣлали выборку, чтобы получился смыслъ.

сотникъ приступимъ и поклонимся, якоже кровоточивая жена, прикоснемся, божественнѣй тайнѣ, и уллучимъ спасенїе явнѣ. Чистяще помышленїе плѣнимъ разумъ внослушанїе Хрѣво. его же Отецъ небесный посла въпрѣ и повелѣ сего своего любезнаго сѣа слушати; сей есть сынъ мой возлюбленный, того послушайте (обор. л. 14).

— Гласа же Хрѣва слушающе, никтоже согрѣшитъ никогдаже. Слова бо его гортанемъ суть сладки, паче меда и сота. его словеса вкусивше никтоже умретъ, но оживетъ. и искушенїя имъ лукаваго побѣждаетъ. Зѣло же в законной свѣтлости, потребно велией крѣпости, да не соблазнится чїа нога, на путь неправый. Понеже много славы Хрѣтовы, и трапезы, и осїанїя его любителей, маложе крѣта его носителей. Мнози одесную его хотятъ сѣсти, но мало иже хотятъ Иїса Хрѣа въолуности срѣсти. И Ангелы убо днес со Хрѣмъ во славу преображенїя его глѣша, добро пребывати, страданїя же его бѣжати устремшася. Ибо и святїи боятся смерти, егда хоцетъ, аще Хрѣа ради, кого стерти. страдати же подабаеетъ законно да вѣнчается и побѣдителю смерти и ада, Иїсу Хрѣу будетъ угодець. Преобразися же днесъ Иїсъ Хрѣ нагорѣ предъ учїици вѣрными, показа свою славу елико вмѣстити возмогоша; понеже свѣта его не вси вмѣщаютъ.

Глїотъ учителя аще бы тако во Іеруслїмѣ на Голгофѣ, распятое тѣло его возсіяло; то вси бы невѣрїи охромоса — отстезь Гднихъ, помраченїи срдцы. Невозмогли бы видѣти Хрѣа. и ослѣпли бы и тѣлеснымъ новствомъ видѣнїемъ. тѣмже и слнце свѣтъ свой скры, тма бысть по всей земли, да не ослѣпнутъ до конца на его тѣло распятое зряще. И тако помалу изъ мрака во свѣтъ; изъ скорби въ радость достоинъ члѣскому естеству приходити. да непзлымъ свѣтомъ помрачатъ очи, и вѣчную будетъ погибель.

Писано бо излишней свѣтъ помрачаетъ очи. Понеже люто зѣло, егда кто изъ свѣта Бжїа, въ незаконную лукаваго тму превратится. той уже не скоро обратится къ Бгѣу. Тако бо свѣтопосецъ стася мученїа носецъ. Мыже найпаче тѣлесныя очи въ страдающее его тѣло влѣпляюще помышляюще же мученїе его, яже паче члѣка пострада, и вгѣмъ, крыющееся Бжѣство умствующе, Бгѣа. быти истино вѣруемъ. иже спасетъ насъ отъ великой скорби и непрестомаго грѣха. Поклонимся же Преобразившемуся, и радостно днесъ во свѣтѣ лица его ходяще воскликнемъ ему, да преобразитъ наше житїе: Иїсе нашъ Бжѣ, да возсіаетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ твой приспосущный, молитвами Преблагословенныхъ Вдцы нашей Бцы присно дѣвы Марїи, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

«Слово первое в день Преображенія Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа. мѣа августа въ ѣ́ день»¹⁾).

«По днехъ шестихъ поятъ Иисусъ Петра и Иакова и Иоанна брата его, и возведе их на гору високу едины, и преобразися пред ними». Словеса суть божественнаго Евангелиста Матѳея, во главѣ зѣ́, в зачалѣ б́, положенная».

«Волею пицету приѣмый Гдѣ́, и смирывыйся даже до смерти крестныя, хотя немощь вѣры во ученицѣх своих укрѣпити, слушателие православнїи: обѣщаніе сотвори, еже славу свою божественную показати имъ. Повнегда бо о втором опъ пришествїи преславном бѣсодоваше к нимъ, глѣи: прїити имать сѣ́ члѣскїй во славѣ отца своего (на полѣ Маѳ. ѣі.), (обор. л. ѣл.) со ангелы своими, и тогда воздасть комуждо подѣянїем его: абїе приложи обѣтъ сей: Аминь глѣю вам, яко сут нѣцым от здѣ́ стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят сѣа члѣскаго, грядущаго во царствїи своемъ.

— По немже обѣщанїи мипувшимъ шестимъ днемъ, исполни слово свое дѣлом, егда поят Петра, Иакова, и Иоанна, едино возведе их на гору високу, и преобразися пред ними. Онемже преображенїи Гднемъ, аз к вашему благочестїю пространнѣе бесѣдовати умысливъ, самого Хрѣ́ Гдѣ́ молю о помощь, а вашу любовь о прилѣжное слушанїе.

— Въ первых словесѣхъ благовѣстія настоящаго, видится нѣкое противство содержатися глаголом стѣаго благовѣстника Луки: слушателие православнїи, яко он глѣт: бысть же во словесѣхъ свхъ яко днїи осмь, и поемъ Иисъ Петра, и Иоанна, и Иакова взыде на гору помолитися. Матѳеи паки стѣий по днехъ шестихъ сотворша Гдѣ́ то глѣть: Но сіе противство есть безпротивное: ибо стѣий Иоаннъ златоустый сицево в немъ обрѣтаетъ согласїе: един рече глѣт тако (л. ула.) той день вонже Хрѣ́ глаголаше, якоже и овъ вонже на гору возведе. Другїй же посреднїя токмо сочте. Имже аще приложатся тїи дни, вонже глѣше, и вонже взыде на гору, будетъ осмь днїи, якоже вѣщааетъ Лука божественный. Не кромѣ́ же таинства во осмый день благоволи преобразитися Гдѣ́, еже есть сіе: То Преображенїе Гдне различныхъ винъ ради содѣяся, между нимиже есть сія: бысть показанїя ради ученикомъ славы будущаго общаго всѣхъ воскресенїя, еже будетъ во осмомъ вѣцѣ́ міра, и того ради преобразовася чрезъ день осмый.

Вѣцы же міра сіи суть: первый вѣк бѣ́ от Адама даже до Ноя. Вторый от Ноя даже до Авраама. Третїй от Авраама даже до Давида. Четвертый

1) Приводимъ для сравненїя слово Симеона Полоцкаго на тотъ же праздникъ. Слово взято изъ «Вечери» изд. 1682 г. въ декабрѣ. лл. уѣ—уѣз.

от Давида до преселенїа вавилонскаго. Пятый от преселенїа вавилонскаго даже до Хр̄а Гд̄а. Шестый от Хр̄а Гд̄а даже до кончины мїра будетъ. Сїи же шесть вѣкове вземлются по различному стану жившихъ в мїрѣ семъ. Седмый же вѣкъ воспрїемлется по стану душъ почивающихъ в рай, егда имъ двери небесныя отверзюшася, и протягнется до страшнаго дне суднаго. И тако сей вѣкъ течетъ купно съ шестымъ (обор. л. уѣа.) теченїемъ време́не. Осмый вѣкъ будетъ от общаго всѣхъ воскресенїа даже в безконечныя вѣки, и тако добрѣ осмымъ днемъ преобразовася, и славою Христовою, слава будущая в благословенныхъ проявится.

— Поютъ же Гд̄ъ с собою три ученики своя, Петра Іакова и Іоанна, да доволны имать свидѣтели. Явленїа славы сїа: ибо при устѣхъ двою или трїехъ свидѣтелей, станетъ всякъ глаголъ (на полѣ: Мато. ѿѿ.): поятъ совершеннѣйшыя, имѣвшыя верховники быти во апостолѣхъ, или якоже Павелъ нарицаетъ я, столпы церкви: познавшѣ глѣтѣ (пос. гала: ѿ.) благодать данную ми, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, мнїми столпы быти. Сїа яко любезнѣйшыя, имже и имена преложи во знамя любве изряднѣйшыя, взять с собою, взять Петра, яко теплаго любителя своего, и же рече о немъ: ты еси Хр̄ъ сн̄ъ Бг̄а живаго. Взятъ Іакова и Іоанна, яко горячая ревнителя своя, хотѣвшыя огнемъ съ небесе сожещи людїи непрїемшыя — его: рѣста бо ко Гд̄у: Гд̄и хоцещи ли речева, да огонь спидеть съ небесе, и потребитъ ихъ, якоже и Іліа сотвори. (Лук. ѿ).

— Знаменаютьжеся чрезъ сїа три апостолы, три роды свидѣтельствъ о Хр̄ѣ творенныхъ, чудеса, кровь, и ученїе (л. уѣв.). Чюдеса Петр̄ъ сїаше, кровь за Хр̄а первѣе всѣхъ апостолъ пролія Іаковъ. ученїемъ же силенъ быше Іоаннъ ст̄ый, иже того ради и богословъ наречется. Знаменуются еще чрезъ сїа три апостолы, на гору видѣнїя ради славы, от Хр̄а Гд̄а взятыя, вси избраннїи, иже вѣрою, надеждею, и любовїю яко дѣствицею восходятъ на гору небесную, видѣти славу лица Бж̄їа. Чрезъ Петра убо знаменаються вѣрнїи, пзачною сїающїи — вѣрою. Чрезъ Іакова, мїръ сеїи и плоть, ради надежды жизни вѣчныя презирающїи. Чрезъ Іоанна пакы возлюбленнаго ученика, дѣвственника, пстража прѣблагословенныя дѣвы, вси даромъ любве исполненїи.

— И возведе я Гд̄ъ на гору високу едину, да научимся яко никтоже можетъ взыти на гору небесную, аще не благостию Бж̄їею возведется, по оному: никтоже можетъ прїїти ко мнѣ, аще не отецъ нославїи мя прївлечетъ его (Іоан: ѿ.). Да наставимся, яко от юдоли сея земныя, и от всѣхъ земныхъ вещей умомъ на гору небесную, и к богومیслию воздвигнутися подобаетъ, всѣмъ хотящимъ видѣти свѣтъ лица Гд̄їа. Моляшеся же на горѣ Гд̄ъ, поучая ны, горѣ имѣте сердца, во время молитвы, а не по земли мыслию пресмыкаться.

— И преобразися (оборот. л. у́лв). пред ними, не образа лица измѣненіемъ, но свѣтлости превеликія от пребожественныя души на лицо изнущеніем. Не от внѣ пріят сіяніе толикое, но извнутри себе изпусти тайное в души преблагословеннѣй.

— Просвѣтися иногда лице Моисіево от собесѣдованія Гдѣя, толико свѣтло, даже людемъ не мощи очесъ своих на его возводити, за величіе блистанія. (Исход: ѓд.). Просвѣтися и первомученика Стефана обличіе стѣое, даже ангелское паче нежели человѣческое являшеся быти (Дѣян: ѓ.). Но обою свѣтлость, не извнутри баше: ибо недуши их тогда безсмертною славою наслаждахуся от нихже бы изыти тому лицъ их просвѣщенію: но от внѣ от благодати Бжїя, та свѣтлость придана баше. Христово паки лица просвѣщеніе, извнутри изыде из души на тѣло. ибо душа его божественная, выну безсмертною славою усладашеся, и мнѣшаше тѣло в самом зачатїи просвѣтится точію удержаше в себѣ свѣтъ, да удобѣе совершится таинство спасенія нашего, да изліет кровь свою за ны, умрет же и жертву благопріятну Бгѣу принести возможетъ.

— Внегда убо просвѣтися лице его яко солнце, такова баше тогда свѣтлость, какову нынѣ имать на небесѣх, или в какой прїдет судути живым и мертвым. (л. у́лг.).

— Обаче не толика, ибо толику яви, колику апостоли вмѣстити в чюствах очес своих могоша, по оному церкви воспѣванію: на горѣ преобразился еси, и якоже вмѣщаху ученицы твои славу твою Хрѣ Бжїе видѣша.

Коея паки вины ради изволил есть славу си явити учѣкомъ своимъ, изявляетъ нам церковь мати в том же воспѣванїи прилагающїи сія: Да егда ты узрят распинаема, страданіе убо уразумѣют волное, да не соблазнятся о страстех его, но величество любве да уразумѣють. Вторая вина есть, да покажет могуща себе быти, всѣм воздаяніе сотворити вземшым крестъ свой, и по нем грядущым: к нему же мало прежде увѣщаше. И да качество того воздаянїя, скорбми искомаго — явитъ, к немуже апостоль увѣщает гл҃я: Спасителя ждемъ Гдѣ Исѣ Хрѣ, иже преобразит тѣло смиренїя нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его (Філіп: ѓ.). Третїя вина да вѣрный Гдѣ во всѣх словесѣх своих, и преподобный во всѣх дѣлѣх своих, исполнит обѣщаніе оно: Суть нѣщїи от здѣ стоящих иже не имуть вкусити смерти, дондеже видят снѣ члѣскаго грядущаго въ царствїи своемъ. Ту бо показа образ (оборот. л. у́лг.) славы царствїя своего. Четвертая вина, да утвердится истина исповѣданїя Петрова, иже рече: Ты еси Хрѣ снѣ Бгѣ живаго, чрез утверженіе гласа отча, сей есть снѣ мой возлюбленный, немже благоволихъ, того послушайте (Матѣ: ѓі.).

— Преобразившужеса Гдѣу, и се явистася им Моисей и Илія сним

глаголюща. Придоста начальника пророк, самѣмъ пришествіемъ являюща того истиннаго Бѣа быти, кнемуже придоста: и ожиданнаго Мессію, егоже вси видѣти желаютъ. Придоста законодавецъ Моисій, и началнѣйшій пророковъ Илія, изявляюща, яко онъ есть законъ давый на Синаю, и чрезъ пророки глаголавый Гдѣ. Приде овъ изъ мертвыхъ, овъ же отъ живыхъ, являюща, яко сей есть Гдѣ живыхъ и умершихъ. имѣяй ключа живота и смерти, могій живити и умертвити. Придоста къ постившемуся четьредесять днѣй и пощѣ Гду, пріемшій отъ него толикаго же пощенія силу: оба бо по четьредесяти дни поститася, предобразующа постъ Господень.

— Гдѣ по постѣ своемъ славенъ проявился побѣдою надъ искушителемъ демономъ, Моисей же лица си просвѣщеніемъ: И Іліа огненною коліспницею, яко на небо восхищеніемъ (л. уѣд).

— Гдѣ за вся ны пріиде умрети, Моисій же насмертника себе творяше Гдѣа ради, предъ лицомъ Фараоновымъ: а Іліа предъ прѣмъ Ахавомъ. Здѣже явистася оба при Хрѣ Гдѣ, аки укрѣпляюща учѣники его къ положенію за Хрѣ Гдѣа душъ своихъ. Моисій кроткій, Іліа ревностный, да апостоли стѣи кротцы убо будутъ въ пріятіи и пошеніи обядъ и скорбей: ревностни же о славѣ и чести и имени Гдѣа. Гдѣа же исходъ его, еже есть волную его страсть, смерть, и погребеніе, да ту слышаще, утвердятся вѣрити, яко не отъ немощи, но за любовь волею шествуетъ страдати. Тогда отвѣщавъ Петръ рече Іисови: Гдѣи добро есть намъ здѣ быти. Мало вкуси, коль благъ Гдѣ, каплю едину увидѣ славѣ Бжѣа, и вопіетъ уже, аки довольно усладивыйся аки унвивыйся отъ обилія дому его: Гдѣи добро есть намъ здѣ быти. мало токмо лучу узрѣ славѣ прѣствія Хрѣства, пзабываетъ уже всѣхъ наземли сущихъ. Еще, якоже мало прежде сказовавшу Гдѣу учѣникомъ си о приближеніи страстей и смерти своея во Іерусалимѣ, Петръ нача пртенти ему глѣ: Милосердъ буди тебѣ Гдѣи, не имать быти тебѣ се: (Мато: 51.): тако и нынѣ услышавъ слово (обор. л. уѣд.) о исходѣ его, желая уклоненія отъ смерти глѣт: Гдѣи, добро есть намъ здѣ быти, тако пенщуетъ Евѣимій стѣий, глѣ: елма Петръ велми учителя любяше, ниже хотяше шествовати ему во Іерусалимъ, да не постраждетъ: явѣ убо не дерзаетъ ему возбраняти, да не наки обличится. видѣвъ же яко гора веліе имать безбѣдство, якоже навѣтникомъ не свѣдомая, купно же Моисіа и Ілію отметити могущыя, [ибо овъ множайшыя языки побѣди, сей же огонь на пядесятники съ небесе низвлече] совѣщаше ему глѣ: добро есть намъ здѣ быти, аки бы глѣти ему: Моисій жезломъ си толика знаменія чудная сотвори предъ фараономъ. Іліа два пядесятника съ вопствомъ ихъ огнемъ съ небесе низшедшимъ уби, убо добро есть намъ здѣ быти, яко безбѣдно жити возможемъ. Ілію питаху врапи: Моисію манна съ небесе даяшеся чрезъ четьредесять лѣтъ. Крастели же умоли у Гдѣа, и воду изведе изъ камене: ничесого убо лишатися можемъ вужднаго ко про-

питашио: тѣмже добро есть намъ здѣ быти. Смерть папести Моисею устремляются египтяне, и Иудеи каменіемъ убити хотѣши его, (л. уѣ.) обаче избѣже. Илию покушашеся убити Езавель, обаче не возможе. тако убо аще и ты Гдѣи исканъ будеши ко смерти, и мы стобою от книжниковъ не смысленныхъ и от завистныхъ фарисей, здѣ безбѣдни быти можемъ. Но о Петрѣ стѣй, не вѣси что глѣши. Не подобаетъ тому здѣ остави, иже имать во Иерусалимѣ вниити на жребяти осла. Не подобаетъ тому хранилися смерти, иже приде побѣдити ю. Не достоятъ тому сокрытися подъ спудомъ горы Фаворскія, иже на крестномъ свѣщницѣ поставитися имать, яко свѣтъ данный во откровеніе языковъ, и во славу людей своихъ Израиля.

— Подобаетъ Хрѣсту Гдѣу шествовати на гору ину, на Голгофу, и тамо преобразитися, и вмѣнитися яко прокаженну, пдѣже не свѣтло лице пзариами блистающее явится, но полно плюновеній и крове. Ризы его, не бѣлы будутъ, яко снѣгъ, но во знамя поруганія ветхая возложится хламида, и о одеждѣ его метати имутъ жребіе. Не посредѣ Моисіа и Илиа тамо узрится, но посредѣ двою разбойнику. Не близъ тамо явишися и ты о Петре, Іаковъ сохранися, и Іоаннъ въ началѣ уклонится. Близъ же его будутъ мучитпліе (обор. л. уѣ) не милостивіи и ругателіе. Не услышитъ тамо гласъ отчій: се есть сѣнь мой возлюбленный: но сыновній слышанъ будетъ сицевъ: Бже мой, Бже мой вскую мя оставилъ еси. Не имать тамо облакъ явитися свѣтлый, но тма будетъ по всей земли. Тамо не сѣнь, ко еже жити сотворится: но крестъ на смерть Гдню водрузится. что убо глѣши, о Петре стѣй: добро намъ здѣ быти, не вѣси еже глѣши. А яко же Петръ стѣй не вѣдый еже глѣтъ, рече: добро намъ здѣ быти: тако безмѣрною любовію міру сему прилѣпившіися, и душетлѣнными его сластми услаждающіися, егда глѣютъ: добро намъ здѣ быти, не вѣдятъ что глѣютъ. Кое бо добро есть въ мирѣ непостоянномъ; внемже вся измѣненію сѣтъ подчиненна: Ибо кто нынѣ въ животѣ, утро во гробѣ бываетъ. Нынѣ здравъ есть яко Моисій, иже сто лѣтъ и двадцать пмѣ, обаче не патемнѣстѣ очи его, и не тлѣста вѣждѣ его: утро велимъ обдержится яко Іовъ недугомъ: Нынѣ въ чести и славѣ, утро въ темницѣ и заключеніи, или на дрѣвѣ со Аманомъ. Днесъ о богатствахъ печется, яко не можетъ счислпти, и не вѣсть гдѣ сохранити (л. уѣ.), яко богачъ онъ евангельскій, иже веселяшеся выну. или якоже пнѣ глаголавый: разорю житницы моя, и большыя созижду: Во утренній день единыя крупныя хлѣба алчетъ яко Лазарь, и не обрѣтаетъ. Днесъ на свободѣ, утро во плѣпѣ. Днесъ въ радости, утро во печали. Днесъ господствуетъ и повелѣваетъ, утро же изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою, и погибнутьъ вся помышленія его. Нѣсть убо добро намъ здѣ быти. Не имамы здѣ пребывающаго града, убо грядущаго да взыщемъ, внемже все добро наше заключается. Тлѣнна есть храмина тѣлесъ нашихъ, волнуемо есть выну житія сего море, да воздыхаемъ убо во храмны

перукотворенныя вѣчныя на небесѣхъ, вниже есть всякое безбѣдство, бѣда же ни едина: премудрость величайшая, буйства же ни мало: вся свѣтла, ничто же мрачно: вся весела, ничто же печално: вся сладка, ничто же горестно. Тамо ничто же вся истлѣнна. Ничто же не тлѣнно, но мощно, но вся крѣпка: ничто же поврежденно, но вся цѣла: ничто же опечаляющее, но вся веселящая духъ (оборот. л. уль.) и упаяющая сладостію небесною. Яже достигнути да удостоимся, възидим по Хрѣ Гдѣ на гору Оаворъ, еже есть чистота, или избраніе, да будем избранницы Бжїи, очистим себе от всякія скверны плоти и духа. да преобразимся духовнѣ, из тмы злодѣяній, во свѣт добродѣтелей. из чад нощи въ чада дне. Да претворимся из сосудов нечести, в сосуды иже в честь: из гробов повапленных смердящими наполненных костьми, в ковчеги добрыя, каменіе добродѣтелей и бисери благодѣяній содержащыя. да преложимся из рабовъ демонскихъ в сїи Бжїи: из чад смерти, в чада жизни. Да преобразимся из рабовъ неключимых в благопотребныя, из сосудов гнѣва, в сосуды благодати Бжїи: и тако предреченных благъ небесных будем наслѣдницы Бжїи, и сопаслѣдницы Христовы. Тако будет Христось Господь всяческая во всѣх. Ему же со отцем и стѣм духом буди вѣчная честь, слава безконечная, благодарствіе безпрестанное, во вся вѣки вѣков, аминь». —

«Слово на святаго великомученика Никиту септемврія въ ѿ.»

«Ищте прежде царствїа Божїа и правды его. Слова Спасителя нашего Исуса Христа въ благовѣстїи евангелиста Матоеа, въ главѣ 5¹).

«Удивительныя вещи на всей вселеннѣй содѣлашныя бывшыя, и нынѣ сущыя, и быти имущыя, тицаніем и исканіем дѣлашася благословеннїи хрїяне: яко гради, пирги, паче же храмы стѣи, украшеніе, и драгих каменїи чищеніе, и всякія утвари златыя и изкакова либо вещества вся добрая содѣваются благомысліем и трудомъ.

— А еже царствїа небснаго искати, и правды его, еще болшаго труда и подвига потребно всякому члѣку. яко оно бесконечно всерадостно, и виную жизнь из небытїа создахомся вбытность. И жизнь сію преживати до предѣла нашего смерти зѣло во опасствѣ подобает: яко многія в мирѣ сем скорби и напасты вся члѣки обдержат. по вѣщанїю стѣаго апла Павла: бѣды в горах и пустынях во градѣже и между людей, от злобнаго діавола всегда ищущаго кого поглотити чѣмъ либо сіе есть каковою страстію, и гораздо бѣды суть.

---

1) Слово Карїона Истомина изъ Сборн. № 300, лл. 87 — об. 90.

— И сего ради любомудрый црѣ израилев Солом, во искусствѣ здѣш-
 него суетства быв глїй вся суета суетствїй на земли видѣх подсолнцем
 увѣщевает вся обители¹⁾ на земли сими словесы: возлюбите убо о мужіе
 мудрость и поживете. вожделѣніе бо (оборот. л. 87) премудрости возводит
 к црѣству вѣчному сіе есть небесному. пдѣже во вѣки царствовать имате.
 Таковую премудрость потщася имѣти празднуемый нынѣшняго дне стїй
 великомученик Никита иже трудом своим и подвигом в жизни сей, по сло-
 веси спасителя Хрѣа, ищите прежде царствїя небеснаго и правды его, со-
 вершено взыска и обрѣте. Якоже речеся: ищите и обряцете толцые и
 отверзется вамъ. Како же стїй великомученик Никита иска царствїя не-
 беснаго и каковым мудрованіем. Какоже и нам во благочестивой вѣрѣ жи-
 вущим искати онаго подобает непрестанно, во имени Іисъ Хрѣвѣ в должность
 нашу побесѣдуемъ о сем вспомоць и пречистую Дѣу Бгѣу Марію прощу.

Ищите прежде царствїя небеснаго и правды его. По естеству или
 врожденно члкомъ от всетворца нашего Бгѣа дадеся искати во прѣвых Бгѣу
 всеблагому угожденїя, таже себѣ потребности в вещех и дѣлах, и во вся-
 ком смышленїи душеспасительныя ползы. Яко всяк члкъ сотворен во славу
 Бжїю. И описаніем убо от мудрых назвася он животно словесно, мертвенно,
 ума и художества прїятелно. церковїю же: кто, правъ, благочестивъ, бого-
 любивъ и друголюбив удаляйся всякія неправды не ищет себѣ единному
 спасенїя но многих, да и вси спасутся. И сицевый воистинну члкъ (изо-
 вется)²⁾, от Гдѣа знается и от члкъ, и богом хранится в жизнь небесную и
 вѣчную. Но изначала нашего возраста, токмо глѣати начинаем, абіе позна-
 ваем, по адаму и евѣ глѣюще яко наги есмы (л. 88) и малое отроча, ищет
 покровенїя себѣ. дня из рая изгнанъ стыдится, скрывается, плачет. бїен
 бывает, болѣзнует, ищет себѣ потребности, ищет пици питїя, ищет одежды,
 ищет храмины гдѣ опочити, или гдѣ жити, ищет утѣшенїя, и в болѣзни
 врачеванїя и помощи от кого либо. Егда же почнет в разум приходити,
 внезапно словолюбїе воплоти войну начинает. а ввозрастѣ совершенном на
 сребролюбїе и сѣтует како и чѣм жити, и скѣм кому юношѣ и дѣвѣ, мужу
 и женѣ, господину и рабу, госпожѣ и рабынѣ, и гдѣ жити. Но и о таких
 смутительных волнах, и попеченїях житейских, славолюбїем и гордостїю
 бѣднїй члкъ возносится. и ищет всѣх сих страстей получитьи. и падше въ
 грѣхи противится Бгѣу, мерзок, странен благодати Бжїя бывает. и осуж-
 дается ввѣчное мученїе. Невзыщет покаянїя, во еже обратится, к Бгѣу живу
 и истинну, не получит црѣства небеснаго. И убо како кто в жизни сей благо-
 честно поживет, и обрѣте небесное блаженство, и кто на злобу прелстився,

1) Въсто «обитатели».

2) Въ подлинникѣ написано неясно. Можетъ быть, слѣдуетъ читать: «назовется».

и обратися напуть правды, и кто доконца замоторѣ во грѣхах. и злѣ изверже душу свою, многїа имѣем повѣсти и зрїлища в очесах наших. Дабы уцѣломудрилися мы и в лучшее простїралися древле стѣй великомученик Никита тако убо и днесь и во всакоє лѣто чествуемый церковїю, и похваляемый в подвижѣх своих во веселїе благовѣрных христїан по писанїю: похваляему праведнику возвеселятся людїе, пренебреже (обор. л. 88) сладости, радости суетнаго мїра, и вещи земныя, благо разумнѣ взыска црѣства небеснаго, идѣже есть Хрѣ Бгѣ, идѣже аплов чїны идѣже стѣх собори. Ибо первѣе искаше, како и откуду или кѣм бых члѣк. Что мнѣ подобает творити. и камо отсугствїе по смерти быти имать. оттого разумѣ творца Бгѣ. разумѣ правителя всему, и судїю, и мздовоздателя, исим непомаду стѣй умудрїся. Потом взыска православныя в Бгѣ вѣры, без нея же не возможно угодити Бгѣ. бяше бо он в варварской земли, в готвах зовемой обонѣ пол дуная рѣки: идѣже идолское благочылище имяшеся. и вѣры православныя еще мало бысть тамо. обаче уже и епископъ благочестїа проповѣдникъ во оной земли обрѣташеся еще во дни црѣ Константина великаго в Константинополѣ. И при Улентѣ греческом црѣ сей стѣй благороден во отечествѣ своем бяше, благороден и душею сїаше. Научїся бо от епископа гоескаго Урфила благочестїа тако, яко же поколебася ввѣрѣ во Хрѣ Іиса. всякими напастыми, и муками различными сокрушаемъ. Ибо от діавола стѣй Никита искушаемъ, от князя же Гоескаго зловѣрца идолскаго ааварїха презѣлно томимъ. мучаше бо той злоначалникъ страдалца не милостиво, бичами и жезлїем суковатым, рожны желѣзными розженными тѣло терзати повелѣ. да отвержется истинныя вѣры во Гдѣ Бгѣ и идолом принесет жертвы сним безумным. Онже ни мало отом внимаше, но терпѣ распалився любовїю ко Хрѣу крѣпцѣ вся козни вражїя видимыя и невидимыя. Яже понесе ему злоковарник древнїй змїй проклятый блюдущїй пяты, угрызнути зїяющїй чкѣла (л. 89). Паче же зриаше стѣй мученикъ ко могущему спасти его от всякїа прелести всезрителю и правителю Бгѣ. зане стѣй по учителству стѣаго апла Павла, мудроваїе имѣ, сїесть разумнїе дховное, а не плотское. и прехожденїе от смерти здѣ тѣлесныя вжїзнь блаженную, по гласу Спасителя Христа: перейдет от смерти в живот. на всерадостное в небесѣх селенїе. Истинно стѣй Никита в мудрости дни своя препровождая, Гдѣ Бгѣ мудрствова. яко же речеся: мудрствуяй день, Гдѣи мудрствует. Понеже страдашїем своим и ученїем многїа души обрати ввѣру Хрѣву. вождемъ убо премудрости чрез ученїе словом, соверши терпѣнїя дѣломъ. в терпѣнїи бо рече Гдѣ: стяжите души ваша.

Зане терпѣнїе вползѣ дховной всякому душеспасителю есть, и прочим потребию. Молитва бо и пост всякую душу ввоздержанїе правит, а добрый обычай вездѣ в любви ставит. Но злїи и сладострастїи члѣвцы весма того

не брегут, и злобы своя на злодѣйства простирают, которых ждет огонь неугасающій на мученіе. Ибо и князь оный Лоанарихъ затвердѣ в зловѣрствѣ и послѣди бѣдно погиге, непреста стѣго полютости своей мучити, но болма изыскива хитростных мучилищъ, еже бы устрашити и отторгнути стѣго мудролюбца от благочестія. Но стѣй страдалецъ вранах стояше, и мудрствовати о Хрѣстѣ и вѣровати сверстники своя, знаемья же, и всякого тамо зрителя поучаше. зрите бо рече, и не ужасайтесь здѣшних мученій, и искушеній наносимых члѣкомъ, вся убо сія от діавола суть простираема, еже бы небеснаго кто житія не паслѣдил, отнюду же он свержен бысть. О любезніи мои друзи знаеміи же и незнаеміи вѣруйте в Бгѣа, и будите (обор. л. 89) Хрїане, видѣвше убо здѣ краткую жизнь, на вѣчпую (прошу?) спѣшитесь, тудѣ потщитесь, тамо Хрѣ Гдѣ, тамо мати его пречистая дѣва Маріа, о всѣх предстателница, тамо всѣ стѣи, и апѣли с ним во славѣ неизреченнѣи и крѣпкой силѣ, торжествуют непрестанно. Ибо и азъ того ради стражду, да побѣжду мучителскую и діаволскую на пѣ вражду, абіе на сія мучеликова словеса и ученія сжалишася народи сердцы своими, умилишася впокаяніе душами много людей, увидѣвше путь Гдѣнъ показанный мучѣником потокоша всякаго чина и возраста мужіе и жены отроки и дѣвы и малых отрочат понесоша во крещеніе к епископу града того, иже видѣв благодать Бжїно возрадовася. Мучитель же увѣдав сіе множая возярися на стѣго Никиту гнѣвом, да не разорится злодеицкая власть его. Мняше бо егда вси люди во градѣ Хрѣтіане будут единыи вѣры, убїют его, яко богопротивника и идолскаго читателя. Повелѣ стѣго Никиту во огни сожещи, онже благодарныи пѣсни всеблагому творцу пашему Бгѣу в тріех ипостасѣх славному воспѣ. Яко его же иска, уже разрѣшився плоти сея обрѣтает: небесное царство: по мудрованію своему по терпѣлію же, и по истиннѣи вѣрѣ, еже рече Гдѣ: ищите прежде царѣства небеснаго получает, и на уреченное мѣсто вои приведіне стѣго в возгнѣщенный велик огнь ввергоша и тамо предаде дїцу свою Гдѣу Бгѣу. Яже тѣло отлучися, и внебеса вселися. Но тѣло стѣго мѣника не сгорѣ огнем тѣм, никако же бо вреждено бысть оное. И тако по мучителеву приказу на многія дни на том мѣстѣ лежало в поруганіе, еже ноцію вѣрнїи хрїане взявше, и вцрѣвь к епископу отнесше и погребоша со псалмы и пѣснми честно, отнего же многообразна бяхо тамо чудеса. Призываем же стѣй во всѣх хрїанехъ (л. 90) въ ползѣ помощи всегда сотворяет, особно же во храмѣх стѣих в честь стаго сего мучѣника Никиты гдѣ либо созданных, вѣрныи люди назирает, и прошеніе сотворяет Бгѣу во исполненіе кому либо к славѣ Хрѣа Гдѣа содѣйствія и духовныи ползы: зане Гдѣ волю боящихся его и здѣ творит и молитву слышит, а уже угождших ему и преселшихся внебесныи правы и с ним обитающих премногими дары их ради стѣих прошенія обогащает члѣч здѣ, простирая

милость свою имъ. Понеже стїи Хрѣ зрят, и в нем видяще молящїяся имъ приискренно благодарствуютъ тыя. Сего ради и цркви стїа мати наша стїя угодники Бжїи почитаетъ и блажитъ дивнаго во святыхъ своихъ Владыку Гдѣ израїлева прославляющїи непрестанно. велїе убо удивленїе яко стїи вси в терпѣнїи мнозѣ вѣроу царствїа небеснаго взыскаша и правды его. Правда же отъ вѣры истинныя всердцехъ члвчскихъ подаваетъ знати нуть заповѣдей Гдннхъ, и церковїю предапныхъ. Яже всякая умъ и слово пмущая душа. всеусердно должна соблюдать, сними же возпмѣетъ миръ и святыню ихъ же кромѣ, по учителству аплву, никто же узритъ Гдѣ. аще убо и многи скорби в правдѣ праведнымъ быша и бывають, но отъ всѣхъ по псалмопѣвцу избавитъ ихъ Гдѣ. Многимъ же скорбїми и вцарствїе небесное впити благовѣствоваша апостоли. Ибо ппкаковыя изрядныя вещи безъ скорби возможно обрѣсти: наукѣ ли мудрости, или хитростнаго рукодѣлїя, или военнаго искусства, паче же жизни во Хрстѣ Бжѣ вмирѣ ли, или в мирѣ, или гдѣ во-особности навькнути кто хочетъ, неже бы наслѣдїти Горнїи Иерлїмъ прекраснїи. в скорбѣхъ со стїимъ апломъ многаша быти потщїи. и обрящени воистинну всюду потребная и полезная (оборотъ л. 90.). И сей стїи мучникъ Хрѣвъ Никита, не тѣмъ же ли правды правиломъ жителствова, не тѣми же ли скорбїми стезями шествова. воистинну Никита скорбей побѣдитель явїся: воправду добръ вопи Иисъ Хрѣвъ обрѣтеша. в лѣпоту помощникъ многимъ дароваша: яко небесныхъ благъ сподобїся. И сицевымъ мудрованїемъ стїи в правдѣ Бжїей между зловѣрцы живїа и отъ злоначалника гонимъ не погрѣши надежды своея. Ищай обрѣте небесное царство.

— Мы же о благовѣрнїи людїе в богочестивой православной вѣрѣ живуще, должны искати небеснаго Иисъ Хрѣва царствїа, и правды его. Тѣмъ первѣе потщїмся Гдѣ Бгѣ творца нашего знати, любити, заповѣди его хранити. молити часто, благодарити о всемъ. не унывати в скорбѣхъ приключаящихся, учити доброумїю всегда, внемлюще полезнымъ дѣломъ. не гуляти же тщетно и бездѣльно и не упиватися. воздержанїе в пици и питїи, и во всякомъ словѣ имѣти. да не оскверняются наша уста произношенїемъ срамныхъ словесъ, и пѣсньми скверными. любите же чистоту глѣсную. и безстрастїе в похотѣхъ плотскихъ. отъ всякихъ вражїихъ козней, навѣтовъ, и ловлѣнїи всячески блюстїи. Сїя убо сохрѣпяти не мала есть скорбь хрїанскимъ дшамъ обитающимъ на земли. Сицевымъ опасствомъ удобно имать быти исканїе хотящимъ угодити Хрѣу Иису, и царство его получить. и правда его совершенна в насъ будетъ. Сего ради да не печемъ излишне о мнозѣ суетствѣ, но точїю о потребѣхъ своей нуждїи. и взыщемъ црства небеснаго. и потребныя вещи намъ по гласу спасителя нашего приложатся, благодатїю и щедротами его, ему же буди слава со отцемъ и стїимъ дхомъ пшнѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

«Ищите же первое царства Божего, и правды его» Маѳ. г҃с 1).

«Понеже богатство земное, сокровище тлѣнное, слава временная, пища же и питіе тлѣсное не есть царство Бж҃іе, яко Божественный апостол Павел учительствует, г҃ля. не бо есть царство Бж҃іе пища и питіе: (на полѣ К. Римл. Г. дї) убо чл҃ком благочестивым живот вѣчный получитьи желающим не пищи, и питія тлѣснаго, но душевнаго, не славы временныя, но вѣчныя, не сокровищъ тлѣнных, но не тлѣнных, не богатствъ земных, но небесных, не сует міра сего яко сѣнь преходящих, но всегда пребывающаго премьрнаго царства Бж҃его, первое искати подобает, по душеполезному слову Бг҃а слова воплощенна Хр҃а Сїса г҃люща ищите же первое царства Бж҃его и правды его. (Маѳ. Г҃с.). Тѣмже внушивше г҃лы Богоглаголива въ ст҃ыхъ Иоанна Златоуста г҃люща, смотри бо не ищите присущих, г҃лет, посвяческы. Мы же сихъ ищемъ всегда. Ищите на небесных, г҃летъ (Омиліа кѣ). Мы же ниже малъ часть онѣхъ ищем. Но еликую о житейскихъ показуем печаль, толикое въ дѣвныхъ малорадѣніе: потщимся душеполезнымъ тщаніемъ, не суетъ міра сего, но премьрнаго царства Бж҃его, не присущихъ тлѣнныхъ, но будущихъ нетлѣнных, не тлѣсныхъ, но дѣвныхъ, но наземныхъ, но нанебесныхъ всегда первое искати. Но кїи чл҃вцы ищущїи царства Бж҃его, оное обрѣтают; сїи, иже дѣлаютъ благая, душеполезная, богоугодная, милостивая дѣла, походящая изъ любви Бж҃їа, и челоѣколюбивыя милости, ея же [обор. л. 41] всемилостивый Бг҃ъ хочетъ чрезъ Богодѣнаго Осню Пророка г҃ля, Милости хошу и не жертвы. (Оснѣ Г҃с.). Кая же суть милостивая дѣла; суть сия, алчущихъ напїтаніе, жаждущихъ напоеніе, наготетвующихъ одѣяніе, странствующихъ събираніе, немоществующихъ посѣщеніе, къ сущымъ втемницѣ прихожденіе. Къ сїцевая бо дѣла милостивая содѣявшимъ и яко благословеннымъ на десницѣ ставшимъ всегда благословенный царъ небесный Хр҃ъ Бг҃ъ нашъ речетъ, Прїидѣте благословенїя Отца Моего, наслѣдствите уготованное вамъ Царство отсложенїа міра (Маѳ. Г҃кѣ).

— Но ищущымъ царства Бж҃его, требѣсть есть искати, самаго всеблагаго царстводавца, цр҃я небеснаго, челоѣколюбиваго рода чл҃ча спаса Хр҃а Бг҃а въплощеннаго глаголюща, Подобно есть царство небесное чл҃ку купцу, ищущу добрыхъ бисеръ. иже обрѣтей единъ многоцѣнный бисеръ отшедъ продаде вся, елика имяше и купи того. (Маѳ. Г҃сї). Кто же есть сей единъ многоцѣнный бисер; есть самъ однородный Сн҃ъ Бж҃їй, изъ всепѣтыя Бого-

1) Для сравненїя съ словомъ К. Истомина приводимъ слово Еп. Славинецкаго па тотъ же текстъ, взятое изъ рукоп. Москов. Синод. библ. № 597, подъ заглавіемъ Епифанїа Славинецкаго «Собранїе разныхъ поученїй», л. 41—44.

родицы въ спасеніе рода члѣча рожденный Хрѣъ Бгѣъ нашъ, яко Богомудрый Теофилактъ учителствуетъ глѣя сице, мнози убо мнятся бисери, многихъ мудрцевъ мнѣнїя единъ же многоцѣнный. едина бо истинна яже есть Хрѣсъ (Толкован. на Ггї Маѳ.). чесо же ради Хрѣъ Бгѣъ нашъ нарицается бисеръ; винословствуетъ въ стѣыхъ великій Аѳанасїй глѣя сице, и яко же бо бисеръ небесный есть и наземный (иныхъ вопросовъ отвѣтъ ѳї) небесный убо по моленїю наземный же по съплетенїю очесъ пїнны тако и Христосъ небесный есть и наземный. Небесный убо по Бжѣству. наземный же по чловѣчеству. И яко бисеръ устрояется безъ сосутъ (л. 42) ствїя мужа и жены изъ молнїя и пїнны тако и Хрѣсъ родися безъ сосутствїя мужа и жены изъ плоти дѣвическыя. —

— И убо аще суетнїи мїроблюбци къ тлѣннымъ сокровищемъ сердце свое прилѣпляющїи, и земнымъ богатствомъ обогатитися желающїи съ опаснымъ тщанїемъ, съ многимъ трудомъ, съ великимъ попеченїемъ чувственныхъ бисеръ многази ищутъ. Колми паче истиннымъ боголюбцемъ, блаженство небесное, славу блаженную, животъ вѣчный, и царство Бжїе получить хотящымъ, съ опаснымъ тщанїемъ, съ многымъ трудомъ, съ болшимъ попеченїемъ, въ спасенїе душъ своихъ всегда подобаетъ искати, мысленнаго многоцѣннаго бисера Хрѣа Бгѣа въплощеннаго, Богоглаголивимъ пророкомъ Исаїею глѣюща, Аще ищещи ищїи и у мене обитай (Исаїа Ггѣа). Ищущїй же сице того, истинно обрящетъ по боговдохновенному пророку Осїю глѣющу, И познаемъ и по женемъ познати того, яко утрїе готовое обрящемъ того (Осїа Ггѣ.).

— О, коль велїя есть полза, еже обрѣсти величайшее благое, Гдѣа Бгѣа Творца Своего, царя небеснаго. Обрѣтшїи бо царя небеснаго, обрящутъ царство небесное. обрѣтшїи чловѣколюбива рода члѣча Спаса, обрящутъ душъ своихъ спасенїе. обрѣтшїи неизчерпаемый благодати Бжїя источникъ, обрящутъ благодать Бжїю. обрѣтшїи превѣчнаго Бгѣа, всеблагаго жызнодавца, обрящутъ жызнь, по Богомудрому Клименту Александрїйскому, глѣющу сице, взыскуя Бгѣа, свойственное многодѣйствуетъ спасенїе. обрѣлъ еси Бгѣа, имаши жызнь ищїимъ убо, да и поживемъ мзда обрѣте мя, жызнь у Бгѣа [слов. къ Елїином].

— Но како, да Гдѣа Бгѣа творца нашего обрящемъ, искати подобаетъ, Истинно тако, яко богодѣхный псалмопѣвецъ искаше, къ Гдѣу Бгѣу глѣющъ, въ всемъ сердцѣ моемъ, искахъ тебе (псал. рїї.). убо и памъ въ всемъ сердцѣ нашемъ, Гдѣа Бгѣа нашего (обор. л. 42) подобаетъ. Кїи же члѣци въ всемъ сердцѣ своемъ, Гдѣа Бгѣа своего, всеблагаго сердцевѣдца ищутъ; истинно сїи, иже сердца своего не раздѣляютъ, и не частвуютъ того, на суетная вѣщей житейскихъ попеченїя, на безмѣстная пожеланїя, на умовредныя зависти, на пагубопосныя лести, и на богомерзкыя ближнихъ навѣты,

по Богомудрому Теодориту глѡщу сице, Ищут бо мнози Бгѡа. но не въ всемь сердцѣ. частвуют бо тое не токмо на попеченія вещей житейскихъ, но и на пожеланія безмѣстна, и зависти, и лести, и ближнихъ навѣты. (толк. на псал. рѣі.) убо елици злорадное суетныхъ житейскихъ попеченій терніе из сердца своего изкореняют душевредный безмѣстныхъ пожеланій волчець божественнымъ любве Бжїа огнемъ ножигаютъ. умновредною завистию к леврѣгомъ своимъ въ чесомъ благыхъ преимуществующимъ не завиствуют. плениць нагубопосныя лести злоковарѣ не съ плетаютъ. ниже ближнихъ своихъ злокозненнѣ навѣтвуют: сихъ кїждо сердца своего не частвующь, въ всемь сердцѣ своемъ Гдѡа Бгѡа своего ищетъ съ богоглаголивимъ псалмопѣвцемъ къ оному глѡ въ всемь сердцѣ моемъ искахъ тебе (псал. рѣі). Есть рыба квоарь зовемая, сердце бѣлое и шїрокое имущая, яко Авоиней пишетъ (книг. зѣ.) что же есть члѣкъ земнородный по образу Бжѣму сзданный; есть рыба словесная, въ сланныхъ житїа волнахъ плавствующая, богоплетенною благодати Бжїа мрежею отры(ра)баря небснаго Хрѡа Сїса уловляемая; яко въ сѣихъ Григорїй Богословъ учителствуетъ Спаса рибаря нарицающь сице, Рибарь бываетъ, всѣмъ съ нисходитъ, мрежитъ, всятершитъ, да из глубины рыбу из (л. 48) несетъ плавствующую, въ нестоянныхъ и славныхъ житїа волнахъ члѣвка. (Слов. ѡг.) убо, понеже члѣци благочестивїи, суть рыбы словесныя, яже по влающомся мїра сего моря, въ нестоянныхъ и сланныхъ многоскорбнаго житїа волнахъ плавствуютъ. да въ всетихое блаженства вѣчнаго пристанище приплавствовати, и не токмо царство Бжїе, но и самаго всеблагаго Бгѡа Црѡа небснаго, царстводавца обрѣсти сподобятся: должнствуютъ онаго яко всечистаго, въ спасенїе рода члѣва изъ пречистыя дѣвы рожденнаго, искати чистие сердцемъ, очнотечными слезъ водами словеснымъ, боголѣпою благодати Бжїа бѣлостїю убѣленнымъ, и въ еже теци путь заповѣдей Божїихъ, чрезъ любовь Бжїю разшыреннымъ. Сїа бо путь заповѣдей Бжїихъ текутъ, иже срѣдце разшыренное имутъ, яко является отъ богоглаголева псалмопѣвца глѡща, Путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда разшырилъ еси сердце мое. (Псал. рѣі.) убо правимъ заповѣдей Бжїихъ путемъ текуще, и къ Гдѡу Бгѡу глѡще, сердце чисто съзиди въ мнѣ Бжѣ. (Псал. ѣ.) всимъ сердцемъ чистимъ, бѣлимъ и шырокимъ щцїемъ Гдѡа Бгѡа, единогоднаго Снѡа Бжѣго, Хрѡа Спаса глѡща, Подобно есть царство небсное зерну горушну, еже прїемъ члѣкъ посїа на селѣ своемъ. еже меншее убо есть всѣхъ сѣменъ. (Маѡ. г. зѣ.) егда же възрасти, большее всѣхъ зелїй есть, и бываетъ древо, якоже низити птицамъ небснымъ, и вселитя въ вѣтвехъ его. Что же есть, сїе зерно горушно; что вѣтви его; что птицы небсныя въ вѣтвехъ сихъ вселящяся; Истиннѣ, зерно горушно, есть самъ единокоренный Снѡъ Бжїй Хрѡъ Бгѡъ нашъ. (обор. л. 43) вѣтви же сѣ, божественныи аїсли. птицы же небсныя, суть языци вѣровавшїи въ Хрѡа Бгѡа въпло-

ценна по богомудрому Теофилакту глѣощу сице, Можетъ зерно горушно разумѣтися, и самъ Гдѣ, худъ убо являемымъ. тектоновъ бо сѣтъ, и убожайшій. Падъ же въ сердцѣ земли, чрезъ еже умертвитися, и въ верти погребенъ (толк. на Гѣ. Лукп) вѣтвы же красныя, аплы сѣтвори внихъ же въ спокаяются вси прежде обносимѣи всякимъ дѣомъ лести, яко сущіи отъ языковъ итыцамъ прилагаемѣи. Сямъ не ищущымъ явися Гдѣ Бгѣ нашъ чрезъ богодѣаго пророка Исаію глѣ, в'явленѣ быхъ мене не ищущымъ, обрѣтохся мене не въпрошающимъ. (Иса. г 61?) Кіи бо суть не ищущіи; не многоказнивіи фарисее, не зловѣрніи саддукеи, не суемудріи книжници, ни беззаконіи Іудее, но сущіи отъ языкъ въ Хрѣ Бгѣ вѣровавшихъ, яко въ стыхъ Іоан вѣствуетъ глѣ сице, кіи убо не ищущіи; кіи не въпрошающіи; Благоявленно, яко не Іудее, но сущіи отъ языкъ (Слов. бѣ. на посл. къ Рим).

— Понеже Хрѣ Бгѣ нашъ глѣетъ не всякъ глѣи мнѣ, Гдѣи, Гдѣи, внидетъ въ царство небесное по творяи волю Отца Моего сущаго въ небесѣхъ (Маѣ. Гѣ.). убо да внидемъ въ царство небесное. творѣмъ волю Бгѣ Отца небеснаго. шествуимъ правою стезею заповѣдей Бжѣихъ. поучаимся день и ноць възаконѣ Гдѣимъ. Будѣмъ нетокмо слышатели, но и творци закона. Храбѣмъ въ сокровищи сердца нашего душеполезныя словеса Хрѣ Бгѣ нашего глѣоща, Ищите первое Царства (л. 44) Бжѣго, и правднѣго. (Матѣ. Гѣ.). Какія же правди; не книжническія, и фарисейскія, но вищія же и обилішія. пбо елпкую правду книжници и фарисее, имяху. толпкую имущіи не внидутъ въ царство небесное, По истинному словеси Хрѣ Бгѣ глѣоща, Глѣо бо вамъ. аще не презблпуетъ правда ваша, болше книжниковъ и фарисеевъ, не внидете въ царство небесное. (Мат. Гѣ.) Что же есть сія избилная правда; есть всякая добродѣтель, яко во стыхъ Іоаннъ Златоустый учителствуетъ глѣи сице, здѣ правду всяку добродѣтель глѣетъ. (Омліа бѣ. на Матѣ.). Но, понеже имяху языци узрѣти правду, и царіе славу, по богоглаголиву Исаи пророку глѣящу, И узрять языци правду твою, и вси царіе славу твою. (Иса. Гѣо.?) Что же есть правда сія и слава; есть самъ единородный Сѣтъ Бжѣи Хрѣ Бгѣ нашъ, по стѣму Кириллу Александрійскому глѣоща сице, Правду же неки въ сихъ и убо и славу ничто же ино быти глѣетъ, развѣ яко Гдѣа нашего Іисъ Хрѣ. (Книг. ѣ на Исап). Убо, отъ косвеннаго беззаконія пути отшедше, шествуимъ правимъ путемъ закона Бжѣго. уклонившеса отъзла, творѣмъ всякое дѣло благое. ветхое грѣхонаденіи вретнице раздравше, одѣимся въ новыя всякихъ добродѣтелей ризы правду паче книжническія и фарисейскія правды, избилпную сѣтворше, ищѣмъ все истинныя и небесныя правды Хрѣ Бгѣ нашего глѣоща, Подобно есть царство небесное (обор. л. 44.) квасу, его же пріемши жена съкры въ муки сатехъ¹⁾ трехъ дондеже уквасится все (Матѣ. Гѣ.) что есть квас

1) Вѣроятно, С стоитъ вмѣсто К.

сей; что три сати; что жена квас сей съкрывшая; Квас убо есть Евангелская и апостолская проповѣдь, или сами божественнїи аїли. сати же три суть, три душевнїя мощи, словесное, яростное, пожелательное. жена же есть душа, проповѣдь апостолскую съкрывша, по богомудрому Теофилакту глѹщу, квас апостолы глѣт. Тоже, три же саты, три душевнїя мощи, словесное, яростное, пожелательное. жену же душу, проповѣдей сокрывъшую во всѣхъ своихъ мощехъ. (Толк. на Гїї. Матѹ.) убо сей дїшеполезный Евангелскїя проповѣди квас въ душевнїхъ сатехъ съкрывше, и яко не текущихъ, тлѣнныхъ же и земныхъ, не всегда пребывающихъ, нетлѣнныхъ же и небесныхъ богатствъ възжелавше, тако всѣмъ сердцемъ нашымъ, всеблагаго Бгѹа всѣхъ благихъ дателя взыскавше, ищѣмъ первое царства Бж҃его и правды его, да намъ и земная благая приложатся, по словеси Хр҃а Бгѹа нашего глѹща, И сія вся приложатся вамъ. (Матѹ. Гѣ.) Чего же ради не рече, дадутся но преложатся; вынословствуетъ въ стѣихъ Іоаннѣ Златоустый глѣ сице, И не рече, дадутся, но приложатся, да научишися, яко ничто же, съ съдаемими, присущая суть, къ величеству будущихъ. (Омїліа. кѣ на Матѹ.). Тѣмже да присущая намъ вся приложатся ищѣмъ первое будущихъ, ищѣмъ царства Бж҃его и правды его, ищѣмъ всѣмъ сердцемъ нашымъ самаго царстводавца прѣя нашего едиnorodнаго Снѹа Бж҃его ему же съ пребезначалнимъ его отцемъ и всеѣтимъ и животворящимъ духомъ честь, и слава подобаетъ, во вѣки.

Аминь.

№ 1.

Изъ слова Кар. Истомина о раскольникахъ (Сбор. Чуд. библ. № 301, л. 273 — 275).

Вѣсте же благословеннїи хр҃тене, како прешедшаго „зрѣ“ лѣта таковїи злїи члѣцы, расколники и прелестники, ни ученїя знающе, ниже свѣдѣюще чиновъ стѣя церкви, слова Бж҃їя неслушая, и насъ пастырей презирая, и ученїю нашему невнимающе, возмутили лестїю народъ многїй и мятежъ велїй сотворили. воставше же на стѣю цр҃ковъ яко древнїи гонители цр҃ковнїя, всѣхъ насъ тщашася побити смертно. И книги стѣя старыя наши славенскїя и греческїя писанья на хартїи и бумаги, отселѣ за много сотъ лѣтъ, и новопечатаннїя хотѣша до конца истребити. имъ же десница Бж҃їя крѣпкая възбрани сего сотворити.

И о таковыхъ враговъ Бж҃їихъ, церковныхъ расколниковъ что стѣю цр҃ковъ безчестятъ, и мятежниковъ государственныхъ. многожды всѣхъ васъ молихом, и о ихъ лукавствѣ и злобѣ не едины книги изложихомъ. являюще истинну. да

никто же соблазняется ихъ лестію, ихъ же стѣй апостолъ Павелъ отлучатися повелѣлъ, сице: повелѣваемъ же вамъ братіе о имени Гдѣ нашего Іиса Хрѣа отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданію. еже пріяща отъ насъ сіи же блазители сами видите, каковы безчинни суть и не ходять отнюдь по преданію. но никтоже намъ ни отъ священниковъ ни отъ мірскихъ всякихъ чиновъ, таковыхъ злыхъ людей возвѣсти гдѣ пребываютъ. Они же сѣове діаволы расколники тайно токмо отъ насъ живуще по дворахъ доселѣ проклятому своему развращенію учать. Ибо прешедшаго зрѣча лѣта тѣ же расколники в'великомъ новѣ градѣ отступленію отъ стыя црѣкви учили, и многихъ разныхъ чиновъ людей прелестили, учаще бутто вся святаыя цркви тайнства и чины скверны, и сице прелестя простыя мужики въ новыя старыхъ и въ совершенномъ возрастѣ людей перекрещевали, и перевѣнчивали (об. л. 274), и чернцовъ разстригали, велѣли жить попржежнему. и многихъ людей прелестя пожгли: бутто отъ антихрестова гоненія они послушавъ ихъ, и сожгутся сами уйдутъ, и пойдутъ въ небо. и тѣмъ погубили вѣчно. И такихъ воровъ. и прелестниковъ, в'великомъ новѣ градѣ изымано и сожжено члѣкъ съ тридесятъ. и нѣи же видя неудобство проклятому дѣлу своему, въ злобѣ и непокорствѣ яко діаволы стаще, и сбѣгоша во украинскую страну на донь. идѣ же великихъ грѣей воинство донское пребываетъ, присно готовящеся точію на брань, защищати грѣви грады отъ злобныхъ поганыхъ татаръ, и малы за недосужествомъ писанія стѣаго вѣденіе имутъ, и тѣ расколники. (и тѣ расколники) составя писма воровскія тщашася въ государство мятежъ и кровопролитіе сотворити многое всѣхъ тамо людей возмутили, чтобы они пошли бутто ради вѣры въ царствующій градъ Москву войною, и все по своему бы учинили¹⁾ ихъ же расколничей и мятежниковъ государственныхъ прелести благочестивіи тамо людие вѣру православную имуще ко стѣй црѣкви, и вѣрное служеніе свое отдающе благочестивымъ грѣмъ прѣмъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичю и Петру Алексіевичю всея великія и малыя и бѣдыя россіи самодержцемъ, отнюдь не вѣяша и что оныя писма суть воровскія и составныя, уразумѣвъ прінесшаго къ нимъ въ полки члѣка, и то злое, и мятежное всему грѣству писмо [его же злобу не токмо писати но и сказывати невозможно] прислаша къ Москвѣ. и сотворшій члѣкъ зло, воспріять злую смерть.

Не восхотѣвнымъ же на таковое дѣло, и сохранимъ истину ко стѣй

---

1) Объ этомъ на л. 273 есть такой вариантъ: «въ прешедшемъ нынѣшнемъ лѣтнемъ времени, благоразуміе сотворше все войско донское, яко не послушаша црковныхъ расколниковъ и всего государства мятежниковъ, которые враги Бжїи расколники составя писма воровскія, и прішедъ войско донское возмущали оное, что бы тамо сущіи людие войною къ Москвѣ и войскомъ всѣмъ того не послушаша и прелестъ люту и въ государствѣ мятежъ отъ того быти уразумѣвше, и тѣмъ любовь ко стѣй црѣкви яко ея суще сѣове и служеніе свое къ великимъ грѣмъ, яко добріи раби, явили вѣрно, имже мѣсть Бжїи буди, и многа лѣта».

цркви и к благочестивым грѣмъ, и ко всему Христву. мир Бжїи и благо-
словеніе наше да умножится.

(л. 275) нїи же и доселѣ расколники враги Бжїи злобы и досады
цркви стїи творят. и кое зло не творят ей. прешедшаго зрѣча лѣта в
февралѣ мѣцѣ, в'чудовѣ мѣтрѣ на стени заповѣди Бжїи и словеса стїи пе-
чатанья на листах замазали, пидѣже в'црквах тѣ листы передирали. Ны-
нѣшняго же зрѣч лѣта февруаріа мѣца в ѣ в чудовѣ же мѣтрѣ на стени
црковной, на дѣкѣ написана рука правая согбеніе перстов имущи, по апо-
столюскому преданію, и по црковному ученію, како подобает христіаном
восточныя цркве сїом слагати персты своя на изображеніе креста ст҃аго
на лицѣ своемъ, в том сложеніи перстов исповѣдующе ст҃ую троицу отца и
сїа и ст҃аго дха. три ипостаси, едино божество, и о той рудѣ свидѣтельство
многіа ст҃аго писанія написано тамо, и пѣкто враг Бжїи, противник истинѣ,
дерзнул ону руку изображенную, персты имущу сложенную, дегтя с смо-
лою мешав заливати. И много окаянный тружався, и руки тоя залить от-
пудь не возможе, точію писаное о ней свидѣтельство залилъ. И се не сущій
ли враг Бжїи. иже разоряет апостолское и отецъ стых издревле преданіе,
и троицы стїи исповѣданіе разорити тцится. Таково бо сложеніе перстовъ
ст҃аго апостола Андреа первозваннаго рука здѣ истинну являетъ. и мы в
то сложеніе троицу ст҃ую исповѣдуемъ воры же, печестивїи капитоны, пе-
чатію антихристовою то сложеніе нарицають¹⁾. Оле бѣды члѣка того; о
глупости послѣднїа; яко сотворшаго нас Гдѣ Бгѣ в трїех ипостасех в'еди-
ном Божествѣ, исповѣдаема, окаянный члѣкъ не хочет видѣти (обор. л. 275).
Сїю их злобу и прелестъ раскольников слышаще благовѣрнїи людіе молю
вас Словом Гдним, не общитесь таковымъ и не внимайте лживым словесам
их и не храните их в домѣх ваших, видите сами кое ихъ благочестіе и
какое добро творимое ими. И возбраняйте имъ гдѣ кто вѣсть таковаго пре-
лестника. Ибо тїи от цркви стїи прокляти суть. убо и помощь им творящїи
в том дѣле каким либо образом, и воодежди, и в питїи, и в храненїи слу-
жащїи им врагом Бжїим той же клятвѣ вѣчно подпадут, аще не покаются.
Сего ради послѣдующе стїи восточнїи цркви, яко ея истиннїи сїве есте
пребывайте ввѣрѣ и любви, к сему же мир имѣйше и ст҃шю²⁾).

1) Взятая въ скобки часть слова въ рукописи оторвана.

2) Слово въ рукописи не окончено.

№ 2.

„На ереси“ (Сбор. Чудов. библ. № 302, об. л. 90).

Единъ Бг̃ъ Гд̃ъ едина вонь вѣра
Единовѣрніи токмо спасаются
Яко ереси развратъ в цр̃ки плодятъ

радоватися симъ невозможно
у еретиковъ всѣхъ нѣсть спасенія
святіи вси въ вѣрѣ единѣй умроша

вси еретики лютеры калвинны
Несогласіе имутъ схизматики
а въ единости цр̃кве православиѣй
Гд̃ъ на востоцѣ быша вси соборы
Тѣмъ вси ереси соборнѣ прокляша
вѣрнымъ общитися къ тѣмъ не подобаетъ
еретическихъ писемъ не читати

церковь се велитъ сгрѣжетъ отъ со-
блазна

Каждый еретикъ свою вѣру хвалитъ
для того лишь да кто къ нимъ пре-
лгнется

Егда въ нихъ вѣра, мысль не согласна
кто благочестивъ слушай осмотриися
(обр. л. 90) въ цр̃ки восточнѣй лѣта
содержатся

Седмь тысящъ двѣстѣ пшѣ и девя-
тый

По сему счету всѣхъ христіянъ книги
извѣство лѣтъ сихъ въ сѣихъ соборѣхъ

едина цр̃квь вспасенность въѣмъ мѣра
разновѣрцы вси отъ Бг̃а отлучаются.
с вѣрными людьми въ цр̃квь зли не
входятъ.

зовутся бо тѣ хр̃не ложно
не возимутъ бо въ христѣ веселія
въ единствѣ цр̃кве блаженствъ дости-
гоша.

евангелики сыны сатанины.
римляне съ ними въ вѣрѣ творятъ крики
не хотятъ быти во свѣтлости давнѣй.
учиша въ любви жить люди безъ ссоры.
изъ цр̃кве схизму яко вредъ изгнаша
да всякъ едину цр̃квь ст̃у знаетъ.
но вездѣ тыя учишь вѣрнѣ истреб-
ляти

въ еретикахъ бо вся инсма ихъ разна.

да православна въ зловѣрство си
свалитъ.

ст̃ыя правды той и неба лишится.

предъ Бг̃омъ оныхъ и жизньъ вся не
красна (угасни)¹⁾

въ цр̃кви си буди, тимъ злыхъ удаляйся.
мірозданная отъ ст̃ыхъ гласится.

яко осмый вѣкъ въ конецъ міра взятый.

кругъ лица луны и насхалии движи.
отъ оцѣвъ стыхъ не буди въ томъ кто въ
спорѣхъ.

1) Взятое въ скобки слово въ рукописи написано надъ словомъ «некрасна» и является его вариантомъ.

Еретици же кромѣ цркви суще числа лѣт пишут злобно лгуще.
 пят тысящ шесть сот сорок лѣт в премѣхъ насхи в томъ счетъ ихъ
 девято проклято
 изамстердама кнпжяцы пуцаютъ писмяны славянъ вчисло лѣт прел-
 щаютъ
 впротивность цркви ерись в томъ злыя ихъ писма да будутъ сожженна.
 явленна

№ 4.

„Предисловіе в книжицу“¹⁾.

Благороднѣйшій великій грѣ царевичъ и великій князь Алексій Петровичъ всея великія и малыя и бѣлыя россіи и многихъ государствъ и царствъ отчичь и дѣдичь, во гдѣхъ возрастай тѣломъ, душею умудрайся и спасенно радуйся на премнога лѣта.

Бгѣ всемогущій в тройцѣ ипостасей сущій знаемъ и поклоняемъ и всею умною тварею ангелы и чловѣки. в (упокоеніе)²⁾ чловѣкомъ сотвори едемъ сладости в немже и рай созда в прохладженіе, и обрѣтеніе покоя яко добро и красно жити с Богомъ. Обрѣтати же оный спаситель нашъ Іисъ Хрѣсъ и приближатися к сему повелѣ ученіемъ сие призываетъ: Приидите ко мнѣ вси, и научитесь от мене. Яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ и обрѣщете покой душамъ вашимъ, сіе едемъ сладости и прохладженіе во вѣчное время. Яко от сея здѣ наша в мѣрѣ бытности, благаго же ярма законнаго знанія и бремене легкаго ученія Іисъ Христова пошенія преидемъ в горнее небесное блаженство, идѣже нѣсть болѣзни ни печали, ни въздыханія, но жизнь всевеселящаяся, и зрѣніе ненасыщенное лица тріипостаснаго Божества. И присущное ликованіе ангеловъ и члѣковъ. Тѣмже донеліже мы в семъ мѣрѣ живемъ должны благоугождати Гдѣу Бгѣу, и требуемъ тѣлесныя пици, духовныя же наипаче хотимъ, да бы едемное наслѣдіе воспріяти во вѣки. И сего ради тебѣ гдѣрю царевичю и великому князю Алексію Петровичю в юности четверо лѣтіе уже достизающу бытностію, желая тебѣ грѣю здравія многолѣтна, полно спасенія, желаю в мудрасти и благозаконіи воспитанія да возрастеша и поживеша много лѣт. во утѣшеніе благочестивыхъ православныхъ родителей твоихъ царскаго пресвѣтлаго вели-

1) Сборникъ Чудов. библ. № 300, л. 283. Подъ «книжицею» разумѣется «Едемъ», нѣсколько стрѣхъ изъ котораго помѣщаемъ ниже.

2) Это слово зачеркнуто въ подлинникѣ.

чества праматере любящія тя благочестивыя великія гдѣни царицы и великія княгини Наталїи Кириловны, и отца твоего благочестивѣйшаго великаго Грѣя Црѣя и великаго князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя росїи самодержца, и матери твоея благовѣрныя Грѣни царицы и великія княгини Евдокїи Θεодоровны, и всего вашего царскаго рода, и в ползу изрядну всѣхъ народо́въ всеросїйскаго царства приношу сію книгу Едемъ сладости дѣвныя. в нейже зря іконы твоима царственныма очима тѣлесныма, духовнѣ стїхословіемъ услаждайся, и прохладженіе (обор. л. 283) в едемѣ семѣ всегда имѣй. Ибо никтоже прегрѣшитъ в Христѣ Гдѣ надежды своея, еже получитьи царство Бжїе, смотрящїй ю, и чтущїй, и вразумляющїйся стихописанми. И яко же писаніе священное глѣтъ: виждь дугу на облацѣхъ поставленную в примирѣніе не быти потопу на земли, и благослови (рече) сотворшаго ю, такоже и ваше царское пресвѣтлое величество, созерцавающе сію книгу едемъ, благословите Гдѣа Бгѣа, в его же славу все творится, и в честь преблагословенныя дѣвы Бѣы Мрїи, во спасеніе же богосотворенныхъ душъ. И благоволи твое царское благородіе от мене нуждшаго милостивно оную прїяти и пресвѣтлыми вашего величества очесы назирати всегда.

Аминь.

Изъ книги „Едемъ“: (Чудовскїй Сборн. № 300, лл. 279—282).

1 строфа:

Онъ Гречески, Словенски же убо сый	Богъ челоуѣчю плоть сице понесый
Христосъ премудрость и Божїя сила	Душа умная въ ней бы опочила.
Опочинеть же, егда поучится	въ мудрости наукъ знаиствомъ про- свѣтитъся.
О мїротворствѣ будетъ размышляти	всетворцу Бгѣу славу воздавати.

Мудрость созда домъ себѣ (сверху нап. людемъ) ученїя
Въ немъ же обрящи всякъ путь спасенїя.

2 строфа:

Богъ члѣка сотвори за благость	мужа и жену введе в рай сладость.
радостно тамо они пребываху	егда к Гдѣу мысль чисту имяху
Добро зло вкушѣ тѣхъ 1) разумѣти	идше отъ древа начаша мертвѣти.
Всякїй челоуѣкъ добру прилѣжи	злаго изъ млада и грѣховъ бѣжи
не будещи нагъ но в доброй одежди,	держи заповѣдь къ небеснѣй надежди.

в рай праотци прелщени умроша
Первородный грѣхъ людемъ наведоша.

1) Вверху надъ словомъ «тѣхъ» написано «всхотѣша».

3 строфа:

Одупевленно неба Бог содѣла	Маріа дѣва бытпость возимѣла.
Престол свят ону готовит владыка	родися бо та госпожа велика
Грѣх перворднѣй чрез ню погребися	Гдѣу в матерь она возлюбися.
О людіе к ней всегда притекайте	благоразумнѣ пѣспми ублажайте

Богомати здѣ преславно родися
Адама Евы весь родъ веселися.

4 строфа:

Трилѣтна дѣва в храм сѣтъ приведеся	жителство тамо Маріи дадеся.
Мати и оцѣ Бгѣу вдар отдаша и	Іоаким (і)анна всей радость пріяша
Архіерей же благослови ону	чистый сосуд пріем в оборону.
Дѣвы и жены святу проводиша	концы земни в матер ублажиша ¹⁾
в церкви юни чистоты ищите	вѣк свой в святости добрѣ прово- дите

Дѣва Маріа в храмѣ обитаетъ
всяка сохранства она навикаетъ.

5 строфа: (обор. л. 279).

В храмѣ Маріа книгу прочитает	кто дѣва родит Хрѣа размышляет.
Ангел Гавріил внезапно пріиде	вѣща радуйся в человѣчи видѣ
родиши дѣво ты сѣа превѣчна	от дѣа свята всѣх людей излѣчна.
отроки, дѣвы, и вы книги чтите	Хрѣа Ісѣа в сердца вам вселите.

Дѣва ангеломъ в радость извѣстися.
Вѣрная душа мудрствуй и спасися.

6 строфа:

Обрученная Маріа двѣца	учит книг святых дѣвственная лица.
Умудренная она в храмѣ сущи	уже в чревѣ си и Хрѣа имущи.
Закон Гдѣн велит прочитати	да в любви Бгѣу имут угождати
Старый и младый до смерти книг	спасительная дѣла в Хрѣтѣ кушай.
слушай	

Дѣва сѣдящи в законнѣй забавѣ
Подвизается вся к божествѣннѣй славѣ.

7 строфа:

В чрево Маріи Бгѣ слово вселися	яко члѣк плотію родися.
Им спасеніе люди обрѣтоша	Богоугодни с ним в рай проидоша.

1) Этотъ стихъ зачеркнутъ въ подлинникѣ.

№ 5.

Запись Кар. Истомина о книгахъ, написанныхъ имъ разнымъ лицамъ царской фамилии.

«Книги написаны и поднесены» (Сбор. Чуд. библиот. № 300, лл. 325—326.).

Великому Грѣю црѣю и великому князю Петру Алексіевичю.

Книга о хитростѣхъ ратныхъ приклады новая переведена в десть.

Грѣю царевичю Алексію Петровичю:

Книга рай, вдесть, сжитіемъ чѣка Бжїа алексїа.

Букварь писанъ с золотомъ, болшой влицахъ.

Книга вразумленіе¹⁾.

Книга Едемъ сіесть сладость.

Книга Екклесїа сіесть церковь.

Книга Градъ царства небеснаго, и школъ изображеніе, колико ихъ есть, сочинены вновъ с лицами, и лица описаны внихъ стихотворными мѣрами.

Библию болшую влицахъ подписал вновъ вришами (об. л. 325) Акаоїстъ влицахъ Пресвятѣй Бїѣ, мѣрочисленными стихами подписанъ.

Букварь малой устроенъ писмомъ и образцами своимъ видомъ, прописью начальныя словъ золотомъ.

Таковыхъ же два букваря Гдрѣнѣ црѣѣ и великой княгини Параскевїи Ѳеодоровнѣ.

Великимъ Грѣмъ црѣмъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичю, Петру Алексіевичю. И благовѣрнымъ Грѣямъ царицамъ, и Государю царевичю, и Грѣямъ царевнамъ печатныя буквари вдесть новоустроенныя.

Грѣини царевнѣ Наталїи Алексїевнѣ книга о любви Бжїей чистыя души.

Орацїи в привѣтство нынѣ к рождеству Христову болѣй пятнадцати.

(л. 326) И иныя мѣлкія писма писашася комуждо по потребѣ ихъ величеству.

А нынѣ Акаоїстъ строится другой. в лицахъ же.

1) Здѣсь ошибочно приписано посвященіе этого стихотворенїа царевичю Алексію Петровичю. На самомъ дѣлѣ оно обращено къ царю Петру Алексѣевичю.

№ 6.

Предисловіе къ книгѣ „Екклесія“. (Ibid. лл. 323 — 24).

Благороднѣйшій и духопросвѣщенный в благочестивѣй вѣрѣ питающійся, и в цркви Іисъ Христовѣй растущій великій Гдрь царевич и великій князь Алексій Петровичъ всероссійскаго царствія Богоблагословенный отчичь и дѣдичь многолѣтно здравствуй в Бзѣ радуйся присно.

За премногую свою благодать чловѣколюбія ради пресладчайшій спаситель нашъ Бгъ Іисъ Хрсъ пострадав плотію за насъ и водрузи Екклесію. сі есть црковь собраніе, вѣрныхъ людей своихъ. И в ней оживотворився ны умершыя первороднымъ адамимъ грѣхомъ, породивъ ново водою и духомъ и грѣхъ упразднивъ, сотворилъ сыны в наслѣдіе вѣчныя радости на небесѣхъ. Црковь бо по учителству сѣаго златоустаго Іоанна, христіанъ православныхъ душами составленный домъ, и в собраніе созданный храмъ особое мѣсто: Ибо глѣт той же стѣй сице ¹⁾: црковь мѣсто аггелское, мѣсто архггелское, — царство Бжіе, самое то небо. Она же тайнъ святыхъ и молитвъ сокровище. И пдѣже на вселеннѣй истиннаго благочестія восточныя цркве люди и народы обрѣтаются, едину вѣру, едину црковь исповѣдуютъ, и духовожно самага Богочлка Іиса Спаса нашего богопреданная таинства, апостолскихъ же сердецъ, и отцъ стѣихъ повелѣнія и ученія содержатъ крѣпцѣ. Еретическихъ же и зловѣрныхъ народовъ и басней и ученій противовляющихъ, и развращающихъ црковное наше благочестіе неподвижное всячески отвергаютъ, посрамляютъ, и иныя цркви и своевольная еретиковъ соборія зграмаждающыяся проклинаютъ. Яко развратишися в слѣдъ сатаны. и отторгошася нашего црковнаго единаго богоспасаемаго нѣдра. Кромѣ убо единыя свѣтыя апостолскія соборныя цркви, ученія же и преданія ея, пиктоже спасется. и яко кромѣ ноева ковчега в водахъ лжесловія, и зловѣрія всяка душа погрузится в вѣчную погибель. Пророческимъ бо и евангелскимъ проповѣданіемъ: единъ есть Бгъ в тріехъ ипостасѣхъ славимый, едина вѣра, едина и црковь. юже стяжа кровію Гдѣ нашъ Хрсъ. в ней же вся жпзнь (обор. л. 323) члкомъ и спасеніе, благохваленіе же и добротвореніе в насущемъ здѣ бытіи, к будущему вѣчному блаженству на небесѣхъ со святыми агглы и богоугодными члки. Сего ради покаянія проповѣдаше златоглаголивый Іоаннъ увѣщавая в цркви благочестивѣй вѣрныя люди пребывати: црковь (рече) едина есть, и наречется праведной она: и судилище, и врачбница, и любовно мудрія учялище и душѣ показательница, и обученіе теченій на небеса ве-

1) На полѣ: ков ѣс.

дущихъ. И пакѣ: ничтоже тако радостей нашъ животъ устроятъ, яко же усладитися мысли въ церкви. въ церкви бо порожденіе крещеніемъ народовъ, и таинъ свѣтыхъ совершеніе, и причащеніе людей. и молитвословіе на всякіе потребности. и во имени Гдѣни благословеніе. въ цркви радующихся соблюдаема есть радость: скорбящимъ утѣшеніе, въ цркви опечаленныхъ веселіе. въ цркви озлобленыхъ прохладженіе, въ цркви труждающимся всѣмъ успокоеніе.

Ибо вцркви навькати ученїа, чтенїа, и слышанїа глаголовъ. Яже самъ Гдѣ глѣт, ему же святїа агглі служатъ и во храмѣ стѣмъ его предстоятъ во страсъ но и вѣрныя люди Гдѣни хранятъ Бжїи агглі. и неотступно даже до смерти скорбнымъ глѣсомъ пребываетъ аггль стѣй наставляя впути правыя, и к Бжїю знанїю присно научая. — Явленіе же словесъ Гдѣнихъ просвѣщаетъ и вразумляетъ младенцы, въ церковь святую хожденіе освященіе, и во всякое благо укрѣпленіе творитъ безирепонно, знаменаннымъ душамъ благодатнымъ крещеніемъ. Тѣмъ сію книгу Екклесїю сіе есть црковь, тебѣ великому Грїю царевичю и великому князю Алексїю Петровичю в созерцанїе ради юностныхъ твоихъ лѣтъ. усердствуя тебѣ Грїю всякаго благокрасованїа вползѣ царскаго вашего рода, и повсюду православныхъ христїанъ припошу внейже чиновъ таинственныхъ созерцай лица, в мудростный разумъ чтяй стихи лети въ церковь яко птица. зане любящему Бгѣа, вся въ церкви во благое поспѣшествуются. Здѣже многомѣрство во всякомъ изрядствѣ вода, и црковь стую мудростїю, и чиновъ ея сохранствомъ украшая, возимѣши Благородне миръ со Христомъ на земли миръ и славу с нимъ ввышнихъ: пдѣже небесныхъ гражданъ пѣнїа несказанна во стѣа стѣхъ.

Ваше царское пресвѣтлое величество благоволите сіе малѣйшее трудотщанїе мое прїяти во славу Гдѣа Бгѣа, и въ честь Пресвятыя Дѣвы Бѣы Мрїи содѣянное. Да благотворится всѣми всесвѣтое имя Бгѣа Отца и Снѣа и стѣаго Дхѣа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь».

№ 7.

Изъ „Книги вразумленїа“ (Сбор. Чуд. биб. № 301, лл. 174—75).

а.

Богъ благъ милость си являетъ,
 благо царю ти вѣщаетъ.
 Азъ есмь алфа и омега,
 хроняй людъ отъ злобна брега.
 Начало же есмь и конецъ,
 дахъ ти Петре царскїй вѣнецъ.

Дажь миѣ твое сїе сердце,
 отверзай миѣ его дверце:
 Се при дверех толку стоя,
 да любить мя душа твоя.
 Аще въ юны твоя лѣта,
 приимеши мудрость свѣта.
 Вниду къ тебѣ вечеряти,
 во все добро управляти.
 Возми мудрость сїе Петре,
 она мраки всѣ перетре.
 Буди тоѣ ми любезенъ,
 члѣкомъ всѣмъ полезенъ.

Ѣ.

Брату твоему царю іоанну, (об. л. 174)
 вгорня небеса моему избранну.
 Самадержавствѣ буди помощатель
 мудростію сним купный обладатель.
 Во всемъ російскомъ превеликомъ царствѣ,
 въ благочестіи славномъ грѣствѣ.
 (л. 175) Егоже право людѣ мой поведете,
 любовь имѣя и себѣ спасете.
 Всему бо имать мудрость научити
 предъ мною в любви всерадостно жити.
 Никто в жизни сей свое что глаголи,
 но повинуйся во всемъ моей воли.
 Душы словесны сотворихъ за благость,
 да возславивше мя в небѣ узрять радость.
 Моя убо суть, вся яже на земли,
 ты добрѣ живяй влюбви радость емли.
 Купно царствовать васъ благославляю,
 вразумъ совершенъ тебе научаю.

Г.

Азъ есмь Бгѣ сотворилъ землю,
 и рукою вся обемлю.
 Что хочу все сотворяю,
 мудрость и жизнь всѣмъ даваю.

- (об. л. 175) Тебѣ паче пмам дати,
 токмо тщишь ей поучати.
 Да правиши моя люди,
 да будутъ мнѣ честны уди.
 Зѣло добро воюности,
 учися той безтрудности.
 Возраститъ тя вдобродѣтель,
 буди о ней прирадѣтель.
 Наставитъ тя на путь правый,
 да будеши во всемъ здравый.
 Плоды тоя велми сладки,
 пути ея зѣлно гладки.
 Яко лице просвѣщаетъ,
 Сердца печаль разоряетъ.
 О Господѣ веселится
 о (вм. от) небесныхъ благъ сладится.
 Ничтоже бо въ страстиѣмъ вѣку,
 Безонья челоуѣку.
 (л. 176) Всѣмъ сердцемъ си той имися,
 яко женихъ ей срязися» . . .

№ 8.

Стихи царевнѣ Софїѣ Алексѣевнѣ¹⁾ (Чуд. биб. № 301, лл. 1 — 12).

а̄.

Благородная Софїа царевна
 Госпожа княжна и Алеѣевна;
 Пречестна дѣва и добросїанна.
 В'небесную жизнь Богомъ преизбранна.
 Мирно и здраво отъ Господа свѣта
 Буди хранима во премнога лѣта.
 Идѣже Бгѣ благъ хошетъ вседержитель,
 Неба и земли премудрый творитель,

1) С. Смирновъ въ приложенїи № 1-й къ «Исторїи Московской сл.-гр.-лат. Академїи» напечаталъ выдержки изъ этихъ стиховъ, пропустивъ нумерацію. Печатаемъ стихи въ полномъ видѣ, пропуская то, что напечатано г. Смирновымъ.

И естества чинъ тамо побѣдится
 Да всякъ умствуй о томъ подивится.
 Понеже бо вся в'мудрости устроилъ,
 И съ человѣки (миворци) онъ жити изволилъ.
 Избравъ чистую дѣвицу Мрїю
 Благодатию Дх̄а одари ю:
 Вселился въ ея пречистое чрево
 Процвѣте мудрость в'великое древо:
 Родивши бо и без мужаго сѣва,
 По рождествѣ си обрѣтесе дѣва. (об. л. 3).
 И здѣ естества чинъ есть побѣжденный,
 Человѣческъ же весь родъ удивленный.
 Убо найпаче рождествомъ спасесе,
 Наслѣдіе бо вѣчныхъ благъ дадесе.

В.

Егда же в' мірѣ мудрости не баше,
 Незнапія тма весь людъ помрачаше.
 Не смыслиша бо Бг̄а разумѣти,
 Тѣмъ на прелести вдашася смотрѣти.
 И яко не бысть разумны правоты,
 Сократишася людій вѣкъ долготы:
 Да не поживетъ кому долго злоба,
 И содрогнется страстная утроба.
 Люди не знали что спасенымъ быти,
 А Бг̄ъ изволилъ той чинъ побѣдити:
 Далъ человѣкомъ свое имъ знаніе,
 Сотворь быти ихъ вѣчно избраніе.
 Ибо премудрость Бж̄ія явися,
 И свѣтъ разума удобъ отворися.
 С'нею же люди живяху любезно,
 Она даяше имъ всяко полезно.
 И сего ради лѣпо возопити,
 Съ царемъ давидомъ Гд̄у гласити:
 (л. 4) Яко дѣла ти возвеличишася
 В'мудрости бо суть вся сотворишася.

[Строфа Г̄ напечатана вся г. Смирновымъ, только передъ словомъ «Мудрость» пропущено «Убо»].

д. (л. 5).

Тѣмже и твое знаетъ благородство,
 Яко даваеъ мудрость всѣхъ обзорство.
 Мудрость бо тебѣ явно помогаше,
 Егда в' трудности добрѣ управляше.
 Ибо во время оное и мужу,
 Бѣдно терпѣти такую нужу.
 Изволилъ Гдѣ в'своей благодати,
 Тебѣ госпожѣ разумъ даровати;
 Имже злодѣлцевъ бѣднѣ ся взносящихъ,
 И о господствѣ зѣло не радящихъ,
 Добровѣщанми удобѣ усмирила,
 И многій народъ скорбей свобадила.

е.

Егдаже всташа злыя капитоны
 Во церкви стѣй, творящыя стоны.
 Хотѣша церковь в россах разрушити,
 Безумно людїй злобою прелстити,
 Тако бо простъ людъ они возмутиша,
 Яко в'страсѣ вси и близ' смерти быша,
 Ибо не бѣше в' такомъ бѣдствѣ чину,
 Яко и мужикъ вереща пѣснь ину:
 (об. л. 5) Но егда пред'васъ змиї придоша,
 Усты твоими от злобъ си падоша.
 Не могше они пред'вами вѣщати,
 И устыдѣся начаша молчати.
 Прелести ввести расколяники мнѣли,
 Но противъ дѣвы вѣщати не умѣли.
 И тогда цркъвь свята умирися,
 Егда расколяникъ горшїй потребися (вар. показнися).
 Мудрой ти мудро добро постуати,
 Яко умѣешъ Бгѣ угождати.
 Зама ни очемъ царевно тщишися,
 Токмо Гдѣ да не лишнншися
 Тѣмъ тебе яко доблюю девору,
 Даде Гдѣ Бгѣ цркъвь си завору.

Та побѣдила гордаго Сисару,
Ты церковь блюла от раскола вару.

Ѣ.

Лѣно здѣ мудрыхъ слово возгласити,
Да всякъ мудрости потщится служить:
Аще съдружится мудрость постоянству
Нѣсть той подобенъ коему изрядству.
(л. 6) И сіе убо истина есть всяко,
Яко царевна сотворяетъ тако.
Служить всетворцу крайнѣйшей мудрости,
И онъ ю хранить от всякой трудности.
Блюдетъ змінна грызенія пята,
Да поставитъ ю одесную святу.

Ѣ.

Дѣвства чистота убо не сказанна,
Зале в' жилище Гдѣ избранна:
Оную дѣва тако возлюбила,
Хртѣ Владѣ себе обручила,
Господарыня црѣвна Софіа,
Желая Бгѣ вещи предрагіа.
Онъ бо ей женихъ прелюбезный бѣше,
Его же ради мѣръ пренебрегаше.
Да присно съ онымъ внебѣ водворится,
И со стѣми в' лицѣхъ веселится.
За се Софіи да бѣгають страсти,
Цркѣвъ бо и людѣ свободи напасти.

Ѣ.

Зѣлно бо от нуждъ прешедшаго лѣта (зрѣч)¹⁾
Друга в' началѣ не знать было свѣта (рѣа)
Тако то время исполнися злога,
Яко страхъ объять нища и убога.
(об. л. 6) И здѣ естество чпш всяко побѣдися,
Над' страстьми бо ты дѣо укрѣпился.

1) Взятая въ скобки цыфры написаны въ подлинникѣ на полѣ.

Буесть убо в'злыхъ добрѣ укротила,
 Муже мудренно въ любовь едпила.
 Творецъ и Бгѣ всѣхъ трудъ твой не забудегъ.
 Память же дѣлъ сихъ во вѣки пребудегъ.
 Богородица девица Марїа,
 Многа лѣтъ ти дасть спасенна здравїа.
 В' благо поможетъ аггль ти хранитель,
 Доброты твоей бодръ оборонитель.

Ѣ.

Се величеству твоему вѣщая,
 Главу худѣйшь азъ къ стопамъ приклоняя,
 Во слушанїе склони ми ушеса,
 Молю господска блага ти очеса:
 Изволи милость сотворити мнѣйшу,
 Рабу вашему монаху худѣйшу¹⁾,
 Не положите своего ми гнѣву,
 Послушающе нѣмаго напѣву.
 Аще бо многимъ и праведно мнится,
 Но како Бгѣ и вамъ угодится.
 Зане въ Бжїей руцѣ сердце ваше,
 Что онъ хоцетъ дасть Соломонъ вѣщаше.
 (л. 7) Ваша же царска пайначе всемъ краса,
 Да в'людь явится мѣсть яко роса.
 И вси прословятъ црѣя всемогуца,
 Полезнодавца всѣхъ творенїй суца.

Г.

Разумныхъ очи мудрость просвѣщаетъ,
 Якоже писмо стѣе вѣщаетъ.
 И мудростїю зиждемы суть дома,
 А от несмыслѣства великія грома.
 Возгараются в' человѣцехъ страсти.
 И ввергають ихъ в' горкія напасти.
 [Яко и ннѣ что бы сотворися,
 Аще бы не ты в' скорбѣхъ потрудися.]

1) Было написано: отроку юнѣйшу, а потомъ зачеркнуто и надъ этимъ вверху то, что читается.

Мудрость убо есть Іисъ сѣ Бѣий,
 Велѣ в' мудрости ити путь угожій.
 Всюду есть благо онѣмъ идущымъ,
 Желаніе си ко Хрѣту имущымъ.
 Добрѣ смотря¹⁾ яко просвѣщеніи,
 Терпѣнно в'дѣлех разума ученіи.

- Его же ради вся пренебрегаху,
 Завѣщателно, жити избираху,
 (об. л. 7) И зане в' мірѣ без' мудрости святы,
 Бѣды бывають коликія краты.
 [Еже во книгахъ всюду написася,
 Како неразумъ в' людѣхъ поругася.
 Ибо человѣкъ самъ не осмотрится,
 Аще в' наукахъ умъ не изострится].

[Дальше идущіе стихи этой строфы напечатаны г. Смирновымъ, но не всѣ; послѣ слова «спѣло» есть еще слѣд. стихи въ строчкѣ 7]:

- (об. л. 8) Понеже людемъ велики суть снопы,
 В' здѣшнемъ житіи страстей полны оны.
 И апостоли благо всѣмъ вѣщаху,
 Обаче муки от народъ страдаху;
 Ради мукъ тѣхъ учить не престаи,
 Но до смерти си Хрѣта возвѣщали.
 Но страданіе не тще ихъ вмѣнися,
 Многій бо народъ во Хрѣта крестися.
 Аще донынѣ мудрость не ввелася,
 Но уже от многъ добро быть познася.
 (л. 9) Потребно есть ю паки паки звати,
 Да будетъ людемъ очи просвѣщати.
 Его аще кто добрѣ просвѣтится,
 В надеждѣ славы Бгѣа веселится.
 Яко тамошни красы невѣщанны,
 Правду творящимъ и судъ обѣщанны
 Ихъ творче даждь (2 р.) всѣмъ любящимъ тебе
 Софію црѣску дщерь ставъ в' свѣтлыхъ себе.
 Бѣдно же тому охъ кто оныхъ лишится,
 И здѣ бо живя страхомъ содержится.

1) Въ рукописи: маюють, а на полѣ противъ этого стиха: смотря!

А тамо како без ела быти
 Егда имать Бг̃ъ съ славою изыти.
 Хр̃те даждь помощь мене сотворивый,
 Да не буду азъ в' приход твой унылый.
 Дѣла бо твоя зѣло суть велика
 Нестижно же безднѣ мѣсти колика.
 Твои мя руки создаста цѣвницу,
 Премудрыя ти дѣл возгласительницу,
 Но враг оглуши лестными звизданми,
 И умъ помрачи грѣховны гадаимп.
 Имамъ от нужди п уста безгласна
 Не могу пѣти пѣнія ти красна.

(об. л. 9) Тѣмъ яко вѣсп п хочещи спаси,
 В' краснѣй ти чертог видими возгласи.

а̃.

И яко Бг̃ъ благъ сам вселил Софію,¹⁾
 Всѣми изрядствы лѣпо украси ю.
 Мыслити о ней чувство есть свершено,
 Зане ею вся наша извѣщено.
 В' первых самп ся кто есмы познаваемъ,
 Также творца си п нань уповаемъ.
 Лѣпо желати всѣмъ ея любимство,
 Да стяжут во всѣхъ дѣланіях имство,
 Она убо даетъ всякому си гласу.
 Во время п чинъ свойственну украсу.

(л. 10) К бывшимъ же дѣламъ — прпстати удобно,
 Тщанно творити зѣло есть свободно.
 Многи убо здѣ люди напѣваху,
 В' сожптелство си ону избираху.
 Наука добрѣ здѣ ся становила,
 Но за случай золь п днесъ уступила.

б̃.

Россом даль Гдѣ Софію царевну,
 Разумомъ яко Пулхерію древню,
 Алексіевну явилъ терпѣливу,

1) На поляхъ въ скобкахъ: си ест мудрост.

В' мѣтвѣ, постѣ велии пелѣшву:
 Всегда бо очи къ Хрѣсту возвышаеши,
 Всею силою пань уповавши,
 Древняя она сестра царева,
 Родившаяся из царскаго чрева,
 Оеодосія царя юнѣйша,
 Учаше (вар. творяше) быти во дѣлехъ мудрѣйша.
 Сама же дѣва чистоту любляше,
 Яко и вѣчно в' дѣвствѣ усьнаше.
 Ты госпожа ту крѣпцѣ подражаешь
 Втакихъ же дѣлехъ всѣмъ себе являешь.
 Хрѣте мудросте, сю дщерь ти Софію,
 Добрѣ храня здѣ въ небесныхъ всели ю.

(об. л. 10)

гї.

«Маріамъ убо сестра Моисеа,
 Поразившаго древле Гергесса,
 По прешествіи Чермнѣйшаго моря,
 Дѣвствомъ чистоты благолична зоря,
 Напрягши тимпанъ гласно ударяла,
 Гдѣу поимъ пѣсни вопіяла:
 Изсушила бо мокроту тѣлесну,
 Воздержаніемъ всѣхъ поставль ся десну.
 Онѣй такожде уподобилася,
 Тѣми же нравы ты украсилася.
 Свято житіе, свято ти и буди,
 Гдѣи Бжѣе в' вѣкъ ты не забуди.

[Строфа дї напечатана г. Смирновымъ, но не вся; послѣ слова «извѣщеннымъ» надо прибавить еще слѣд. стихи]:

(л. 11) Моленіе их о том Бгѣу любить,
 Царство множествомъ людей усугубить,
 Дастъ много лѣтно имъ мирно пожити,
 Владычество ихъ всюду пространити.
 Много бо мудрыхъ спасеніе міру,
 И в' вѣкъ вси будутъ на небесномъ ниру:
 Пань же взываетъ выну царь небесный,
 Сотворивый насъ Бгѣу Вѣка десный.

(об. л. 11) Прїидите рече ко мнѣ обѣдуйте,
И царство мое присно наслѣдуйте,
На гласъ сїи удобъ всякъ мудръ потечеть,
Яко неправды и зло суетствъ сѣчетъ.

ѿ.

Аще бо ваше царско благородство,
Имѣюще власть и во всемъ господство.
Со усердіемъ о той попечется,
И слава ваша всюду пронесется,
Мати Бѣга всемъ будетъ помогати,
Точїю изволь сему сострадати:
Она бо мудрость зѣлно почитаетъ,
И желающимъ тую подаваетъ.
Сего госпоже малю ты не лиши,
В' промыслну память разумну напиши.
Возстави прежде в' россахъ желанїе,
Отца, ты брата крѣпко в' семъ тщанїе.
Та же и о мнѣ сотвори молитву,
И дастъ ти Гдѣ мудростну ловитву.
Юже любезно онъ самъ благословитъ,
Дневному ты святу в' горнїа обновитъ.
К' нему токмо мысль всемъ ты приселится,
Безучененъ чинъ в' россахъ побѣдится.
Будуть убо вси Богонаучени
В' царство небесно люди прилучени...

[Строфа ѿ (л. 12) напечатана г. Смирновымъ, равно какъ напечатана имъ и приписка Карїона о времени написанїа стихотворенїа; въ этой записи г. Смирновъ пропустилъ «индиктіона ѿ ноемвріа мѣа «ѿ» дне, т. е. пропустилъ цифры.]

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

№ 1.

Изъ Малой Грамматики Наріона Истомина ¹⁾.

«ПРЕДИСЛОВІЕ ²⁾ малыя грамматики ³⁾».

Гдѣ ⁴⁾ нѣтъ иісъ хрѣтосъ во стѣмъ Еуліи, зѣло похваляетъ учащихся кнѣгамъ сице ⁵⁾: всякъ книжникъ научився црѣтвію ибсному, подобенъ есть члѣвку домовитому, иже износитъ ѿ сокровища своего новая и ветхая: сокровище есть срѣце, новая есть: стѣе еуліе, аплѣ, ветхая: (л. 4) вся прроческія кнѣги, яже воспріяла црѣковь стѣя. И индѣ глѣтъ ⁶⁾: испытайте писанія, внѣхъ же есть животъ вѣчный. сицевыя ради вины надежно дерзнухъ и азъ Малую сію грамматику истолковать, еже есть орѣографію. яко подобное подобному, вашему црѣскому пресвѣтлому величеству во юности, сый успѣвающу, бо та есть наказательница всѣхъ блѣгихъ дѣлъ, (об. л. 4) и руководительница до всѣхъ мудростей, по аплу мужъ совершенный возрастомъ, требуетъ твердыя пици, младымъ же потребнѣйшая есть млеко, млеко же утѣшаетъ тѣло, писможе умудряетъ дшѣу, яко же фи ⁷⁾лософи повѣдаютъ десять чювства быти у члѣка пять тѣлесныхъ, пять же дшѣвныхъ, тѣмъ же млеко утолстѣютъ тѣлесная чювства, дшѣвныя же именуются и дхѣвныя, яже (л. 5) ученіемъ писанія просвѣщаютъ: умныя очи, и даютъ знати: почасті: видпмая, и невидпмая, настоящая и будущая, по елику мощно члѣскому естеству воспріяти, аки даръ ѿ Бга: чрезъ ученіе мудрость. нап-

1) Рукопись Импер. Эрмитажа, № 89, in f. об. л. 3 и слѣд. Измѣняемъ начертаніе буквъ, надстрочные знаки опускаемъ, остальное согласно съ подлинникомъ.

2) Все слово написано красными большими буквами.

3) Эти два слова написаны черными и меньшими буквами.

4) Буква Г написана киноварью, съ цвѣтами.

5) На полѣ написано: «маѣо: г'і».

6) На полѣ: «иба": ѣ».

7) Въмѣсто И киноварью поправлено и поставлено I.

наче же младыя отроки, воспріемлютъ во младости младое, еже есть уче-
ніе, грамматики: тако да воспріемлетъ и пресвѣтлѣйшій шїѣ монарховичъ,
такое мое привѣтство: трудолюбіемъ (об. л. 5) власнымъ истолкованую,
сію малую грамматику приносимую: свѣтъ шїѣ бл҃гоствореную и высокою
десницею да бл҃говолитъ вселюбезно воспріяти, а мене всегдашняго своего
мѣтвенника во своей си мѣти хранити.

послѣдній рабъ, и всегдашній
мѣтвенник, іеромонахъ Каріонъ,
Забулонскій.

(л. 6)

Г Р А М М А Т И К А ¹⁾малая ²⁾):Я ³⁾же именуетсяОрѳографіа ⁴⁾.Яко ⁵⁾ первая часть:

Ⲙ четырехъ частей

всѣя грамматики.

Греческимъ нареченіемъ

Орѳографіа ⁵⁾):П ⁶⁾ословянскійже толкуется:Началописаніе ⁷⁾.

или,

Коегождо ⁷⁾ писмена:

(об. л. 6)

всѣмъ хотящимъ учитися

Правописанію ⁸⁾.К ⁸⁾оторого любо языка

та бо есть яко

дверь ⁹⁾. или, руководите^лни^{ца} ⁹⁾до ⁹⁾ всѣхъ мудростей школныхъ, гл҃ю яко

-
- 1) Все слово написано красными большими буквами.
  - 2) Это слово написано чернилами обыкновенными.
  - 3) Буква Я написана киноварью.
  - 4) Все слово написано киноварью.
  - 5) Буква Я написана киноварью. Повтореніе цифры 4 означаетъ, что все слово на-
писано киноварью.
  - 6) Буква П написана киноварью.
  - 7) К написана киноварью.
  - 8) К написана киноварью.
  - 9) Д написано киноварью.

Грамматіки ¹⁾

Ч ¹⁾етыречастной

Поетіки ²⁾

риторикки ²⁾

И ³⁾ мѣри мудростей, яко

Философіи ³⁾:

И ³⁾ самой преестественной

Теологіи ³⁾.

Яже ⁴⁾ именуется

Бѣгословіе.

(л. 7)

Сего ⁵⁾ ради зѣло потребна есть

всѣмъ разумѣти

Ороографіа ⁵⁾

Наипаче же ⁶⁾ младым

отрокомъ сущимъ:

начинающимъ учиться

Писмена ⁶⁾.

Ороографіа ⁷⁾ же учит

тріа знати:

а̄. естество писменъ,

б̄. удареніе гласа,

г̄. Препинаніе словесъ ⁸⁾,

первоначнемъ толковати.

О естествѣ писменъ,

якоже вопрошаетъ

Ч ⁹⁾го есть естество,

Писменъ ⁹⁾.

(об. л. 7)

Е ¹⁰⁾стество писменъ есть

буквица ¹⁰⁾, или, азбука ¹⁰⁾,

Яко: а, б, в, г ¹¹⁾, и прочая:

1) Ч написано киноварью.

2) И написано киноварью.

3) И написано киноварью.

4) Я написано киноварью.

5) С нап. киноварью.

6) И нап. киноварью.

7) О нап. киноварью.

8) а̄. б̄. г̄. е, у, п нап. киноварью.

9) Ч нап. киноварью.

10) Е нап. киноварью.

11) Буквы: л, а, б, в, г—написаны киноварью.

азбучная¹⁾ же слова,
по славянски нарицаются
Писмена¹⁾.

Колико суть писмен
Словяномъ: четыредесят.

а, в, б, г, д, е, ж, с, з, или з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, или,
ѡ, ф, х, ѿ, ц, ч, ш, щ, ѣ, љ, њ, ѣ, е, ю, или ж. ѡ или ѡ, ѡ или о, з, ѡ, ѡ, ѡ.

Ѧ²⁾ естества же писменъ
(л. 8) происходит двое
Свойство³⁾ ихъ и дѣйство.
И⁴⁾ что есть свойство ихъ.

Свойство⁵⁾ ихъ есть коего же писмена, како и коим подобіемъ писати
или начертати: писмо, а, писмо, в, писмо, в⁶⁾, и прочая:

И⁷⁾ что есть дѣйство ихъ.
Дѣйство⁸⁾ есть,

Како⁹⁾ гласятъ, и наколико раздѣляются, въ первомъ раздѣленіи, и
второмъ.

Впервомъ раздѣленіи раздѣляются на двое, на гласная и согласная.

(об. л. 8) впервом¹⁰⁾ раздѣленіи раздѣляются
Гласная¹¹⁾ надвое, на самогласная
и припряжногласная.
И¹²⁾ вовторомъ раздѣленіи гласная
раздѣляются на три, на долгая
и краткая, и двовременная.
(л. 13) первомъ раздѣленіи согласныхъ.
перво раздѣляются согласная.

---

1) А нап. киноварью.
2) Ѧ нап. киноварью.
3) С нап. киноварью.
4) И нап. киноварью.
5) О нап. киноварью.
6) Буквы а, б, в нап. киноварью.
7) И нап. киноварью.
8) Д нап. киноварью.
9) К нап. киноварью.
10) В нап. киноварью.
11) Г нап. киноварью.
12) И нап. киноварью.
13) Ѧ нап. киноварью.

на двое: на полгласна, и
безгласна.

В¹⁾торое же раздѣляются,
Измѣняемая, боящаяся.
Таемая. сугубая,
Сугубствующая. Странная²⁾.

И³⁾ о сѣхъ тако начнемъ гл҃ати:
перво о простыхъ писменъ.

(л. 9)

ПИСМО ПЕРВОЕ⁴⁾:

А.

Дѣйство⁵⁾ свое имѣеть:

впервомъ раздѣленіи гласное во гласномъ же раздѣленіи есть само-
гласное, яко само собою издаеть гласъ: А⁶⁾ (об. л. 9) во слогахъ же вездѣ
полагаемо невозбранно (вначалѣ и всрединѣ и наконцѣ реченій)⁷⁾ яко:
адамъ прадѣ⁸⁾ Бг҃омъ созданъ бысть плотію: персть ѿ земли, дшею же ѿ
Бг҃а. сего ради чл҃къ къ нбси главою ходитъ, и растеть ѿ главы къ ногамъ,
яко корень свой съ высоты имать, еже есть дшу живу.

полагается же нѣкогда (и)⁹⁾ вмѣсто ѡ⁹⁾: во единственномъ чслѣ яко:
пліа: ісаіа: и прочая.

(л. 10)

ПИСМО ВТОРОЕ¹⁰⁾:

Б.

Дѣйство¹¹⁾ свое имѣеть: въ первомъ раздѣленіи согласное, между же
согласными есть безгласное, яко мнѣ гласитъ: в¹²⁾: и само собою (об. л. 10)

1) В нап. киноварью.

2) Начальныя буквы словъ—И, б, т, С нап. киноварью.

3) И нап. киноварью.

4) Оба слова написаны киноварью; киноварью съ цвѣтами написано и А,

5) Д нап. киноварью.

6) А нап. киноварью.

7) Взятое въ скобки написано на полѣ.

8) Взятое въ скобки и написано на полѣ киноварью.

9) ѡ нап. киноварью.

10) Все написано такъ же, какъ и А. См. выше примѣч. 1).

11) Д нап. киноварью.

12) В нап. киноварью.

никакаго гласа издати не можетъ, к¹⁾: егда вслогахъ ко гласному или самогласному полагаемо будетъ; яко ко: ки¹⁾: и прочая, и тако творит слог, издвухъ, истрех писменъ к¹⁾: и о¹⁾: яко же глаголетъ писаніе: Бѣъ нѣъ на ѣбси и на земли вся елико восхотѣ и сотвори. не ради какаго принужденія, по волю свою стого и самовластіемъ».

(л. 18)

Писмо десятое²⁾:

И.

Пословенскіи³⁾, иже погреческіи же Ита⁴⁾: Дѣйство⁵⁾ свое имѣеть самогласное во слогахъ, и во союзѣ, И⁶⁾: вслогахъ яко всякъ творяи правду пріятенъ есть Бѣу: союзъ и члѣку. Яко Хрѣтосъ сѣъ Бѣи (об. л. 18) иже есть образъ Бѣа невидимаго, и образъ очіи, итой есть миръ нѣъ, яко примири насъ, къ Бѣу и Оѣу, и обоя сотвори во едино, еже есть Бѣство и члѣство, во едину вѣпасть, да оба созиждеть новаго члѣка, и тако примири обоя».

(л. 38)

Писмо Ѡ: 7)

Ѡ.

Такоже⁸⁾ имѣеть [какъ и ѣ, о которомъ рѣчь шла на л. 37-мъ] дѣйство самогласное яко само собою издаетъ гласъ, егда хошетъ, Ѡ⁹⁾: именуется погречески и Ѡмега Ѡ¹⁰⁾: полагается вначалѣ, средиѣ, и наконцѣ реченій, яко (об. л. 38) вначалѣ реченій: Бѣъ одѣваетъ цвѣты селныя. всредиѣ реченій дателномъ падежи множественнаго числа, яко прѣкомъ, и аѣлѣомъ, и прочая: родителномъ же единственномъ числѣ наконцѣ полагается: Ѡ¹⁰⁾: яко всякагѣ члѣка дѣа есть Бѣомъ сотворена, безсмертна, и невидима тѣлесныма очима тогѣ ради, яко дѣъ есть».

(об. л. 41) «Здѣ¹¹⁾ всѣхъ писменъ тридесять и четыре обрѣтохѣмъ простыхъ, сирѣчь несложныхъ, прочихъ же Ѡдѣляхомъ составленныхъ

1) Въ слогѣ бо б нап. киноварью, слогъ же би весь нап. такъ.

2) Написано такъ же, какъ и А. См. выше.

3) И нап. киноварью.

4) Все слово нап. киноварью.

5) Д нап. киноварью.

6) И нап. киноварью.

7) Все написано киноварью, см. А.

8) Т нап. киноварью.

9) Ѡ нап. киноварью.

10) Ѡ нап. киноварью.

11) Приводимое примѣчаніе стоитъ послѣ буквы Ѡ, но оно должно находиться послѣ буквы Ѡ на об. л. 42, что и обозначилъ Каріонъ знакомъ ⊕

или сложенныхъ, издвухъ изтрехъ писменъ, ихъ же суть числомъ пять, яко же ниже покажетъ: аще же кто восхощетъ, и болше составитъ сложенныхъ писменъ, ради греческихъ реченїй яко: αι, ει, οι¹⁾, и прочая: яже именуются дїѳтонги. или яко: αυ, ευ, η²⁾, и прочая.

(л. 43) «Рекохомъ о простыхъ писмен сирѣчь о несложныхъ словахъ: речемъ же и о сугубныхъ или сложныхъ: которыя составляются издвухъ и трехъ изпростыхъ писменъ, яже суть сугубая, яко: ου, или, Ϛ, Ѡ, ι, ю, или ϛ, ѣ или ѡ. Составляются: яко: ου или Ϛ. составитя: ономъ ѵѳилономъ сице: о, υ, Ϛ или ου. Ѡ составитя ѡмегомъ и твердомъ: ѡ: т: сице. Ѡ. ι составитя еремъ ι: и ѳтомъ, і и тако бываетъ ι: ю или ж составитя ѳтою и ономъ, ι, о, сице ю. ж же іотою, і, ономъ о. ѵѳилономъ: υ. сице ж³⁾).

ѣ или ѡ. также составитя (об. л. 43) іотою. і. и азомъ: а: сице ѣ или ѡ⁴⁾. тая суть гласная и самогласная, того ради, яко Ѡ гласныхъ происходятъ и составляются. дѣйство же свое имѣютъ вездѣ вселогамъ самогласное, сїи же нарицаются и дивтонги (на полѣ нап.: «дїѳтонги»), яко:

ОѢ, или, Ѥ⁵⁾.

Изъ двухъ⁶⁾ самогласныхъ писменъ сложное есть яко: оу: оу:⁷⁾ же полагается всегда вначалѣ реченїй: яко оуповающїи на мѣтъ Бжїю во вѣки не постыдятся, и прочая: Ѥ⁸⁾ же всредѣ реченїй, и на концѣ пишется, яко (л. 44) праведникъ законъ не належитъ, понеже, праведникъ живъ бѹдетъ Ѡ вѣры. вѣра же есть уповаемыхъ извѣщенїе» . . .

(л. 44) Ѡ⁹⁾.

Также¹⁰⁾ сугубое или сложное дѣйство свое всегда самогласное имѣетъ яко, Ѡ: нѣкогда полагается во оческомъ имени, яко Ѡче. впрелозѣ же всегда, яко Ѡ оца безлѣтно. Ѡ матери же во лѣто (об. л. 44) яко Ѡ Гда: добро и зло, животъ и смерть, ницета и богатство¹¹⁾. и пидѣ глѣть:

-
- 1) Указанныя сложныя буквы написаны киноварью.
  - 2) Дифтонги написаны киноварью.
  - 3) Въ приведенномъ отрывкѣ всѣ буквы написаны киноварью.
  - 4) Буквы написаны киноварью.
  - 5) Буквы нап. киноварью.
  - 6) И нап. киноварью.
  - 7) ОѢ нап. киноварью.
  - 8) Ѥ нап. киноварью.
  - 9) Написано крупно, киноварью.
  - 10) Т нап. киноварью.
  - 11) На полѣ нап.: «Сира: ѣі».

Гдѣ живить и мертвить и пизводить во адъ, и возводить, и вся суть ѿ Гдѣа».

(об. л. 44)

ГІ¹⁾.

Сложное²⁾ или сугубое письмо имѣеть дѣйство свое самогласное и полагается всредѣ речей и наконцѣ: яко средѣ: бытія члѣка, седмь суть седмицы, яко без'памятство и незлобство, буйство, юношество, младость, мужество, старость, и безсилство; наконцѣ же речей, яко писаніе глѣть: (л. 45) адамовы сыны разсѣяны быша повсему лицу земли».

(л. 45)

Ю или Ѡ³⁾.

Дѣйство⁴⁾ свое имѣеть самогласное, вслогахъ полагается вначалѣ речей, всрединѣ и наконцѣ: вначалѣ, яко юница нескверная родила намъ бжтвеннаго юнца: всрединѣ: яко: утрепюем всегда къ Бгѣу, да не смерть насъ предварить спящих, на концѣ речей, яко ко ученію прилежащія въ юности и младости своей, тиі вразумѣ пребудуть, и востарости яко во свѣтѣ: бо речено есть, ученіе свѣт, (об. л. 45) а неученіе тма: ж⁵⁾: же обыкоша серби, и волохи употребляти, а Ѡ нас не употребляемо есть. Кромѣ единыя пасхалиі.

(об. л. 45)

ИИ или Ѡ⁶⁾.

ИАко⁷⁾ письмо сугубое, дѣйство свое имѣеть самогласное, и полагаются сице: и⁸⁾: всегда вначалѣ речей, яко: навися всѣмъ члѣкомъ блгѣодать спасителная, да вси языцы восплещуть руками, и радостною дшѣю: сице же и а⁹⁾: пишется вначалѣ, егда значить удѣ тѣлесный, азык. яко азык мой поучится правдѣ твоей: и прочая: всрединѣ речей, и наконцѣ (л. 46) полагается всегда, изнаменуеть множественное число. И¹⁰⁾ тако скончаются дѣйство писменъ, и свойство ихъ.

1) Написано крупно, киноварью.

2) С нап. киноварью.

3) Написано крупно, киноварью.

4) Д нап. киноварью.

5) ж нап. киноварью.

6) Написано крупно, киноварью.

7) ИИ нап. киноварью.

8) и нап. киноварью.

9) А нап. киноварью.

10) И нап. киноварью.

(л. 46)

ВТОРОЕ ¹⁾,ω ²⁾ ОУДАРЕНІИ ГЛАСА:

сирѣчь ω просодіахъ.

и о числѣ ихъ,

и о сихъ кратцѣ дерзаем глѣти.

Пространнѣйшіи ³⁾ же, до поетіки оставляемъ: понеже тамо учить о стихомѣрствіи сирѣчь виршовъ достолѣпно и чпновнѣ писати: и како долгое и краткое знати: и двоявременная. Здѣніе ⁴⁾ едино о удареніи гласа: еже верхнею просодіею (об. л. 46) реченій знаменованіе нарицаемъ: то есть: просодіа ороографичная: просодіа погреческіи пословянскіи же толкуется протяженіе гласа писменнаго, или удареніе носимъ верхъ гласа. А попросту разумѣется сила писма. ихъ же суть: ', ', ^ ⁵⁾ простыхъ, или несложныхъ, триа: по греческіи оѣіа: ' : варія: ` : періпомени: ^ : пославянскіи: острая: ' : тяжкая: ` : облеченная: ^ : яко: острая ударяетъ напряжно: ' : яко тѣло Хрѣтѣво брашно ѣтъ негиблющее: тяжкая ослабительную имѣетъ силу: ` : или тяжчае ударитъ яко: Гдѣ: утвердѣ лице свое итѣво іерлѣим: облеченная же (л. 47) среднюю силу имѣетъ и добро гласную: ^ : яко силы ѣгò, и слуги ѣгò, всегда творять хотѣнія его. Еще полагается вродителномъ и дателномъ падежи: яко: тѣхъ. вмѣсто мнѣ, мѣ: вмѣсто тебѣ: тѣ: и прочая: И стѣхъ же трехъ просодіахъ, составляются и прочая просодіа: сице: прекратя облеченная ^ : сице ' : или покровца, и всегда полагается над самогласная писмена: яко: ѡ. ѣ. ѣ ⁶⁾. и прочая: изнея же сотворена и краткая: ~ : превратя е верхъ рогами. ' . ~ ⁷⁾. тако же и исо погреческіи, по славянскіи же совокупленная составитя (об. л. 47) совокупа: облеченную и острую сице: ~ ⁸⁾: яко: ѣже, ѣже, и прочая: такоже и аострофъ, совокупа варію и облаченную сице: ~ : яко: ѣ, ѣ, ѡ, ѡ, и прочая: и тако скончаются ударенія гласа.

или просодіа ороографичныя.

Вспомынем ⁹⁾ и о титлѣ и словотитлѣ. титла пишется: ~ ¹⁰⁾: гдних

1) Написано все слово большими киноварными буквами.

2) ω нап. киноварью.

3) П нап. киноварью.

4) З нап. киноварью.

5) Знаки удареній всѣ написаны киноварью; такъ и ниже вездѣ.

6) Буквы и знаки написаны киноварью.

7) Киноварью написаны знаки.

8) Киноварью написаны знаки.

9) В написано киноварью.

10) Титла написана киноварью.

именахъ и Бжїей чести служащихъ яко: Г̄ъ, бг̄ъ, оц̄ъ, сн̄ъ, дх̄ъ, ст̄ъ, Г̄с, х̄с, сн̄с, дв̄а. Слово титла: ~¹⁾ пр̄тая, пр̄ч̄тая. о вогда же и добро л²⁾; вмѣсто титла: яко Б̄ца, вл̄чца, и прочая.

(л. 48).

ТРЕТІЕ³⁾.

У⁴⁾ ПРЕПИНАНІИ СЛОВЕСЪ И ПРИШЪТІИ ГЛАГОЛЪ:

Егда⁵⁾ слово какое пишется или повѣсть, или иное что, тогда зѣло потребно и опасно требуетъ знати пишущему, како раздѣляти, соединяти, и совершати, пишемое слово: и то нарицается препинаніе словесъ: и того ради вымыслено: первое; трія; запятая: о еже тѣмъ зачинаеть, и раздѣляетъ реченія, и слова: Второе: полточіе. яже соединяетъ во словѣ: предреченная, и полѣреченная. Третіе; (об. л. 48) точка. которая совершаетъ и скончаетъ слово, или очесомъ гл̄ано бысть, яко Хр̄тосъ пр̄идеть судити, живымъ и мертвымъ; и воздасть комуждо подѣломъ его. издвухъ составлено двѣ: двоточіе: и вопросная; яко Ѡ запятая и полточія состоитъ вопросная, сице; издвуже полточія же: двоточіе составится: тако двоточіе имѣетъ силу свою, малымъ чимъ, яко и полточіе. Вопросная же всегда имѣетъ силу свою вопросительную. Егда гл̄еть: во Евліи Гд̄ъ: хоцещи ли цѣль быти;

(л. 49) Иніи же прилагають и соединительную: —, егда Ѡ страны во страну пренесетъ»...

У словъ⁶⁾.

Слогъ⁷⁾ бываетъ изписма издвухъ, изтрехъ, или изчетырехъ: еже есть сложеніе многихъ писменъ во едино, или единого самогласнаго движенія, или ударенія: яко: издвухъ, вѣ. изтрехъ, пр̄д. и прочая. сирѣчь не проси у Гда вл̄ства, ни Ѡ пр̄я сѣданія славы⁸⁾; изслогъ составится реченіе: не проси и прочая: реченія же составляютъ; о чесомъ кто хоцеть. Слово же реченій сложеніемъ, являетъ совершенный разумъ. яко уповахъ на млт̄ Бж̄ю.

1) С и слово титла написаны киноварью.

2) Д написано киноварью.

3) Все слово написано большими киноварными буквами.

4) Ѡ написано киноварью.

5) Е написано киноварью.

6) Все слово написано большими красными буквами.

7) С написано киноварью.

8) На полѣ: «Сира̄ з̄:»

Прочее¹⁾ же толкованіе надлежитъ дотрехъ остатныхъ частей вся грамматики. до этимологіи, которая учитъ осмичастехъ слова. до синтаѳисъ; еже учитъ о сочиненіи осми частей, како ихъ сочиняти, и тѣхъ сокровенъ разумъ Ѡкрывати. и до просодіи которая же учитъ стихотворному художеству, и пространнѣй ороографіи, со удареніи гласа и препинаніи словес вѣщаетъ».

Изъ грамматики М. Смотрицкаго²⁾.

(л. в̄ — мѣта листа внизу). «Что есть грамматика»:

Есть извѣстное художество благо и гл̄ати и писати учащее; колико есть частей Грамматики:

Четыри	{	Ороографіа: Етимологіа: Синтаѳис: Просодіа:
--------	---	--

Чесому учат сіа четыре части;

Ороографіа учит правописати, и гласом в реченіяхъ прямо ударяти.

Етимологіа учит реченія в'своя им части точнѣ возносити.

Синтаѳис учитъ словеса сложнѣ сочиняти.

Просодіа учит метром, или мѣрою количества стіхя слагати.

(об. л. в̄). О ороографіи.

Что есть ороографіа;

Есть часть Грамматики первая, естество писменъ, свойство их, слогъ, реченіе, и слово со припѣтїемъ и препинаніемъ знати учащая.

Ороографіа трое в'себѣ содержитъ:	{	естество писмен: ударяніе гласа: препинаніе словесъ:
--------------------------------------	---	--

Что есть писменъ естество;

Есть коегождо писмене достолѣнное начертаніе.

1) Л написано киноварью.

2) Предлагаемъ здѣсь отрывки изъ грамматики М. Смотрицкаго для того, чтобы читатель могъ провѣрить нашъ выводъ и еще больше убѣдиться, чѣмъ отличается грамматика Каріона отъ Мелетіевой. Отрывки приведены только изъ ороографіи. Цитирую по изданію 1619 года съ вариантами по изданію 1648 года.

оу, оном и вѣілономъ:
 га, и а: іотою и азомъ:
 ю, Іотою и естомъ:
 ю, іотою и ономъ:
 ы, еремъ и іотою:
 ай, азомъ и итою:
 ей, естомъ и итою:
 еѣ, естомъ, и иѣілономъ:
 ий, двѣма итама:
 ий, Іотою и итою:
 ой, ономъ и итою:
 ѣй, ѣтемъ и итою:
 вй, вѣілономъ и итою:
 оуѣ, ономъ вѣілономъ и итою:
 ыѣ, еремъ іотою и итою:
 гай, и ай: Іотою азомъ и итою:
 юѣ, Іотою ономъ и итою:
 жй, Іотою ономъ вѣілономъ и итою.

О второмъ двогласныхъ раздѣленіи:

Двогласная по мѣрѣ стихотворнаго

количества, якоже и глас-
 ная трегуба суть

{	Долгая, Краткая и Общая:
---	--------------------------------

Долгая суть, аѣ еѣ га а ю ий ѣй ы ѡй оу или Ѹ:

Краткая суть, ей и ой:

Общая суть: ю, и у без о: ай ей іѣ вй

Трегласная же вся и четырегласное, долга суть: яже суть, оуѣ ыѣ ай ѡѣ ж и жй.

О согласныхъ:

Согласная писмена суть, в в г Г¹⁾ д ж з з к л м н п р с т ф х ц ч ш щ ѝ ѡ: Наричаются согласная, яко, не сама о себѣ, но со гласными слогъ составляютъ, и гласъ издаютъ.

1) Этой буквы нѣтъ въ изд. 1648 г.

О ПЕРВОМЪ СОГЛАСНЫХЪ РАЗДѢЛЕНІИ:

Первымъ согласныхъ раздѣленіемъ ова { Полгласна ова
 суть { безгласна:

Полгласна суть, ж з з л м н р¹⁾ ц ч ш щ ѝ ѡ:

Сиде нарицаются, яко более гласят.

Безгласна суть, в в г г²⁾ д к п т ф х ѳ: Сиде наречена, зане мнѣе гласят.

О ВТОРОМЪ СОГЛАСНЫХЪ РАЗДѢЛЕНІИ:

Вторымъ согласныхъ раздѣленіемъ суть { измѣняемая:
 ова { обоящающая:

Измѣняемая суть, { таемая:
 з к х ц ж ч ш { сугубая:
 { сугубствующая:
 { странная:

Сиде реченна, яко имена на г к х кончающаяся всказательномъ единственномъ и вименительномъ звательномъ и сказательномъ множественномъ г, измѣняютъ на з: к, на ц: х, на с: взвательномъ же единственномъ з, на ж: ц, на ч: с, на ш: яко другъ (друзѣ) (друзея) (друзи) (друже): члкъ цѣ цехъ ци члѣче: духъ (сѣ) (сея) (си) душе... Кончающаяся на ц, мужская, втораго склоненія в звательномъ единственномъ ц, измѣняютъ на ч: яко отецъ, ѡче; агнецъ, агиче: и прочъ:

Глѣже многія на г ѡ ж ѡ к ѡ ч ѡ ш ѡ кончающіяся во второмъ лицѣ числа единственнаго наклоненія изъявительнаго времени настоящаго измѣняютъ, г на ж: ж на д: к на ч: ч на т: ш на с: яко, могѡ, можеша: вижу, диши: теку, течеша: молочу, тиши: прошу, сиши.

Обоящающая суть, в в г д к п с т х ц: Сиде реченна, яко в'мѣрѣ стіхотворнаго художества таемымъ предпріяженіа предидущъ слогъ естествомъ кратокъ обоящаютъ: Сирѣчь общъ творятъ.

Таемая суть, л м н р: Сиде реченна, яко в томъ же реченіи обоящающимъ припряженна таютъ: сіестъ, слогъ естествомъ кратокъ обоящаютъ.

1) Еще вставлено С въ изд. 1648 г.

2) Нѣтъ въ изд. 1648 г.

Сугубая з љ ѱ: Сиде реченна, яко Ѡ двою писмену состоятъ: з, Ѡ а и с: љ, Ѡ к и с: ѱ Ѡ п и с: и естествомъ кратокъ предидущъ слогъ одолають.

Сугубствующая, ж ч ш ц: Сиде реченна, яко в' количествѣ стихотворномъ и сугубыхъ силу пристяжутъ.

Страпная, Г¹⁾ с ф љ ѱ ю: Сиде реченна, яко Ѡ грековъ привзята: Славенску языку и кромѣ сихъ состояти могущу.

Ў В Ъ Щ А Н І Я :

Двогласная ав еѵ ей ѵй оупотребляема Славяны бывають не своего имъ языка дѣля, но за приискрное писмъ греческихъ пишема, яко се бо гречески ѱυρα, Ευαγγελιον, Οδυσσεϋς σταχυς, славенски по орѳографіи правилномъ пишема быти имуть, авра, еѵгліе Одиссеѵ, стахѵи²⁾. Достоящее прочее сохранимъ быти нами и симъ греческимъ (на полѣ написано «Оздѣ все не согласнѣ) дѣфонгомъ, ав еи ои и латинскому ае: обоого языка реченій дѣля Славяны употребляемыхъ, яко διαίτα, φαρισαῖος: αχιβόν, βασιλειος, οἶκος, μετήβοιος, Аегиппа, Caesar и проч.: Славенски аще пишема быти держимыхъ, διαίτα (фарисаіи) василей (оікосъ) мелівоіи (аерумна) каесарь. Но оставлены отъ древнихъ, по нуждѣ и мы оставихомъ.

є, и є³⁾, различествуютъ: овому внодобныхъ падежахъ множественнымъ, оному же единственнымъ служащу: яко, той клѣвретъ, тѣхъ клевретъ: той творецъ, тѣхъ творецъ: тѣмъ творцемъ: тымъ творцемъ.

«Тожде хранимо есть различіе между о, и ѵ⁴⁾: оному единственнымъ, овому множественнымъ служащу: яко, тѣмъ члѣвомъ, тымъ члѣвомъ: тѣмъ воиномъ, тымъ воиномъ и проч.

1) Г въ изд. 1648 г.

2) Въ изд. 1648 послѣ слова «греческихъ» написано: яко се, авра, еѵгліе, одуссей, стахѵи. Остальное, что читается въ изд. 1619 г., опущено.

3) Въ изд. 1648 года до этого читается слѣдующее: «Полагается є, въ средѣ реченій, и на концѣ реченій; яко беззаконіе, полагаетъ же ся нѣкогда и само кромѣ согласныхъ, яко, посѣци є. и в' началѣ реченія вмѣсто є можетъ писатися (об. л. ѵа) великое же є, в' началѣ и на концѣ реченія полагается. яко, однородны, естество, егда, умноженіе, спасеніе, и прочая. И паки є и є различествуютъ... (Дальше сходно съ изд. 1619 г.).

4) Въ изд. 1648 г. читаемъ иное: «о, и ѵ, полагаются и въ началѣ и въ средѣ и на концѣ. в' началѣ убо о; яко, онъ, она, оно, оній или ѳни, образъ... тако же и во множественномъ числѣ идѣ же сущая имена беспредлога, сиде писати. отци, отроци, орли, овци (л. ѵг). а ѵ, такоже, яко, ѵ, предлогъ. а пишется въ сицевыхъ ко именемъ, и къ вмѣсто именемъ, и къ гламъ; яко, ѵ іѵаннѣ, ѵ григоріи, ѵ немъ... Или чрезъ ѵб, во глаголѣ; яко, ѵбличаю, еши, етъ... въ средѣ же ѵ полагается токмо во множественномъ числѣ въ первой части имени в' дательномъ падежи; яко, чѣловѣкомъ, богѣмъ, праведникомъ... Такоже и въ родномъ падежи множественнаго числа, яко, тѣхъ зѵлъ; или сихъ бѵгъ; или сихъ рѵдъ... Еще же, ѵ, родной падежъ хранимъ единственнаго числа, мужеска и средняго рода; (об. л. ѵг) яко, тогѵ или сегѵ чѣловѣка отецъ или сегѵ отрочате животь... и паки, пишется в' нарѣчїи ѵ; яко, достойнѵ, праведнѵ, такѵ...

оу, и Ѹ: аще и во всѣхъ реченїа слозехъ неразличїи помогаема¹⁾ быти обыкоша, искуснѣйшими обаче писцами оу вначалѣ реченїй, Ѹ же и у средѣ и в'конци употребляема обрящутся²⁾: яко, оумѣдряю: оустѣпую.

Ѹ: нѣсть писма (ниже двогласное), но слогъ: тѣмже буквамъ заѣва (задва) сочислимо ест.

з, и л: в'самомъ точїю конци реченїа употребляема бывають: з убо, яко же варивше рѣхом, в'одебеленїе согласнаго реченїе кончающаго: л же во отонченїе: яко сосудъ честенъ, конь . . .

м: вначалѣ реченїа не полагается.

н: во всѣхъ реченїа слозехъ употребляется: яко, ѣсва, ѣста, снѣ-доховѣ: и проч.

н: ннѣшными писцы оставися, мѣсто его наворачашу е: спреч, есту: еже чисто и сопреди реченїа положеное двогласнаго сего н, силу притяжеть. яко, оуединенїе, естество и проч. Изятїю подлежащимъ реченїемъ еврейскимъ греческимъ и латїнскимъ: яко, еммануиль, елей, элементъ: и проч. Вниже е, якоже и в'реченїяхъ славенскихъ согласному припряженно гласну, еѿїлону греческому, или е латїнскому подобнѣ.

ю, и ж: ю древле изглашашеся якоже іо латинское (в'реченїихъ, іоръ іоры) . . . ннѣже одинакое со ж иматъ изглашенїе. Необрѣтающимъ бо ся

1) Въ изд. 1648 г. правильно: «полагаема».

2) Въ изд. 1648 г. послѣ слова «обрящутся» читаемъ: «Нашея же великія русїи древнихъ писцовъ разсужденїе сидево; Ѹ и оу, в'началѣ и концѣ писаху. яко, придоу, принесоу, привлекоу . . . идѣже отяжчается, тоу полагааху оу. Ѹ же писаху в'сїцевыхъ. яко, томѣ, комѣ, зовѣ. и прочая. или златоѣсть, поѣченїе. или ѣмоу ѣчу (л. нѣд) или, лоукѣ, лѣкоу. ащели же прилучится тремъ симъ буквамъ быти во единомъ реченїи. яко, боудѣщу. сѣгоубѣ. сиде достоитъ писати Ѹ и оу». Послѣ этого замѣчается сильное разногласїе между изд. 1648 г. и изд. 1619, поэтому ниже приводимъ то, что находимъ въ первомъ изданїи.

(об. л. нѣд). «Правило седмое ѡ ѣ» (в'печатано киноварью). «Сїя ѣ, во всѣхъ реченїа слозѣхъ пишется. ѣства, ѣста. ѣдеши. ѣдетъ. бѣстѣ. вѣстѣ. пристоитъ же ему и ѡ, мѣсто хравити; яко, достойвш, достойнѣ . . . Пачеже съ предлогомъ мѣсто хранящи; яко, в'силѣ, въправдѣ, в'соборѣ, в'тебѣ; или другой же рещи ѡ падежи предлога, къ силѣ, или к'силѣ . . . Также паче в'дателномъ и сказателномъ падежахъ въ прилучающихся».

«Правило осмое ѡ ю» (киноварью): ю, всяцевыхъ полагается; яко, стою, таю, зрю. Свойственво же ему значити женскаго рода имена и глаголы (л. нѣс) яко, доушоу алчющю, по древнихъ писцовъ разума, также и по грамматикїи уставохъ, въ г'й части глагола, второмъ спряженїи на первое лице; яко, вою, молчю, ношю, рычю . . .

«Ѹ ю» (киноварью). Сего обыкоша употреблять людїе сербстїи и волохове въ мѣсто Ѹ, и ю. Обаче и нашими писцами внѣкихъ реченїяхъ пишемъ бѣ; яко, бждѣ, жтроба, ржки: и прочая».

«Правило девятое ѡ ѡ» (киноварью). ѡ, пишется в'срединѣ и на ковецѣ. свойствево же ей множество значити; паче же въ женскомъ родѣ. а вначалѣ токмо въ единомъ отъ именъ, идѣ же глѣтсе оудъ тѣлесный, азыкъ . . . (об. л. нѣе) сїя же и подчиввая ѡ глаголется. въ прочїихъ же предчинная ѡ, въ началѣ пишется яко, ѡвлаюса, ѡвлю. ѡзыци окрестїи».

Послѣ правилъ обѣ ѣ и ѡ, о ф и д слѣдуетъ «Канонъ третїй ѡ ѡ (киноварь ѡ, л. нѣс). «Се ѡ дебелымъ гласомъ вѣщается и никогда же в'началѣ не полагается. яко, в'ѣка хрѣтось. свойственво же (об. л. нѣс) ему хравити въ причастїи, въ четвертой части мужескаго рода, во множественномъ числѣ, въ дателномъ падежи, и виновномъ; яко, тымъ бїющымъ. тыя бїющыя. и въ прочїихъ подобныхъ симъ. тако же и въ женскомъ въ дателвомъ . . .

Славенскаго діалекта слогом на *ю*, вмѣсто самаго *iu* латинскаго употребляема бывають: яко, стою, или сто.ж. Времен обаче наших писцами ж, отнюд оставися, вмѣсто его *ю*, доволнѣ наверху. в Руских же реченіих ѿ Лядскаго и Латинскаго языка прившедших и *ie*, и *ю* во своем има свойствѣ храпима быти и *иѣ*: яко, нахоміе, ліосъ, маіоритас: и проч. . .

и, и *а*, различествуютъ: оному сопреди реченій, овому во средѣ и в'конци полагаему: яко, авлашеса. и проч.

О просодіи¹⁾: или о удареніи гласа; еже просодію верхнею реченій знаменованіе быти рекохом.

Просодія²⁾ имя сугубо приемлется, вмѣсто напряженія и ослабленія слогъ, отинюду же и просодію, сирѣчь, припѣтіем³⁾ наречеса: и вмѣсто всякаго знаменія просодійна. Первым убо образом приято припѣтіе, ко просодіи стихотворной належит: о ней же Бгѹ изволяющу послѣди. Вторым образом ко орфографіи, о ней же *иѣ*: естже просодія орфографіи возношенія⁴⁾ или утисненія гласа писменнаго в'писаніи или во глѣаніи⁵⁾ хранимое измѣненіе.

О числѣ просодія (въ изд. 1648 г. напеч. киноварью).

Просодія орфографійны суть девять⁶⁾: оꝛѣа, или острая: варіа, или тяжкая: періспомени, или облеченная⁷⁾: ѿіли, или тонкая: дасіа, или густая: ерикъ: паерикъ: слитная: мягкая:

О раздѣленіи просодія⁸⁾:

Раздѣляются просодія на четыре

	{	удареніе:
на:		время:
		духъ: и
		страсть.

1) Дальше опять начинается сходство изданія 1648 года съ изданіемъ 1619 года. Поэтому приводимъ только текстъ изд. 1619 г., отмѣчая незначительныя измѣненія въ изд. 1648 года.

2) Въ изд. 1648 г. «просодіи».

3) Въ изд. 1648 г. «припѣтіе».

4) Въ изд. 1648 г. «возношенія».

5) Въ изд. 1648 г. «глаголаніи».

6) Въ изд. 1648 г. — восемь.

7) Въ изд. 1648 г. послѣ слова «облеченная» читаемъ: *исо*, или *иссо*, слитная, или краткая, кроткая, или тонкая, или звательце. ерокъ. апострофъ.

8) Этого нѣтъ въ изд. 1648 года.

О УДАРЕНІИ:

[Удареніе есть возношеніе или утисненіе либо средство, слогъ благогласіе имущее¹⁾]. Ударенія просодій суть три: острая: тяжкая: облеченная: Острая бо возносное имать ударенія: тяжкая утисненное: облеченная среднее²⁾.

О мѣстѣ оꙗіа, или острья³⁾:

Острья мѣста сут шесть: сиреч слог	}	Кончаемый: Прекончаемый: Пропрекончаемый: Предкончаемый: Пропредкончаемый: Непревосходный.
---------------------------------------	---	---

У В ъ щ а н і е:

Реченія наслогѣ кончаемом острую или тяжкую либо облеченную приемлющая, изострена нарицаются: на прекончаемом, преизострена: на пропрекончаемом (пропреострена: на предкончаемом) предизострена: на пропредкончаемом (пропредострена: на непревосходном) непреострима.

(Далѣе идутъ: правило слога кончаемаго и прекончаемаго, о мѣстѣ варїа и перїспомѣни, затѣмъ:)

О В Р Е М Е Н И ⁴⁾.

Время ко просодїи стїхотворной належит, ѣст же протяженіе или сокращеніе гласнаго либо слога:

Просодїи време суть двѣ,	}	Долгая: яко —: Краткая: яко ∪:
-----------------------------	---	-----------------------------------

Протягается убо долгою, сокращаетжеся краткою: но о сем послѣди.

1) Этихъ словъ, взятыхъ въ скобки, нѣтъ въ изд. 1648 г. Заглавіе: «О ударенїи».

2) Въ изд. 1648 г. послѣ этого прибавлено: «исо, яко же оꙗіа, апострофъ, сіи надъ ѣ, ѣ, ѣ, ѣ».

3) Въ изд. 1648 г. на концѣ нѣтъ никакого знака препинанїа.

4) Всего ниже приводимаго до знаковъ препинанїа нѣтъ въ изд. 1648 года.

О ДУСЪ:

Духъ есть изношеніе реченія огущенное или отонченное.

Духа просодіи	{	Густая: яко ‘ :
суть двѣ		Тонкая: яко ’ :

«О СТРАСТИ»:

«Страсть есть качество гласа умаленіе постраждшаго, или припряжно-гласнаго отложеніем» или дву слогу ведин слогъ слитіем, либо согласнаго умягченіе.

Просодія страсти суть четыре:	{	Ерикъ: яко ъ :
		Паерикъ: яко ‘ ‘ :
		Слитная: яко ѿ :
		Мягкая: яко , . . .

О ПРЕПИНАНІИХЪ СТРОЧНЫХЪ:

«Препинанія строчна суть десять: черта | : запятая , : двоеточіе :: точка . : разятная ѿ : единитная = : вопросная ; : удивная ! : вмѣстная [ ] : отложная ( )»¹⁾...

О МѢСТѢ ЗАПЯТЫЯ:

По чертѣ²⁾ полагается запятая отдохомъ в малѣ глѣмое, идѣже восторгается и препинается³⁾.

О МѢСТѢ ДВОТОЧІЯ:

По запятой полагается⁴⁾, разуму глѣмаго словом прешедших препинаній кончатися совершенно могшу, словом же двоточія не у всовершенство пришедшу. отдохомъ обаче восторгаему и препинаему.

1) Въ изд. 1648 г.: «О препинаніихъ строчныхъ».

«Запятая , двоточіе : точка . подстоіа ; вопросная».

2) Этого слова нѣтъ въ изд. 1648 года.

3) Въ изд. 1648 г. прибавлено: «иже несовершену рѣчь творить».

4) Въ изд. 1648 г. прибавлено: «двоточіе».

О мѣстѣ точки.

Подвоточіи полагается точка, совершен глѣмага разумъ заключающая: их же всѣхъ во указъ Блѣненъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ неста, и на сѣдалищи губител не сѣде: по вѣзаконѣ Гдѣни воля его, и вѣзаконѣ его поучится день и ноцъ. . .

О мѣстѣ единитныя¹⁾:

Единитная якоже разятная в реченіи мѣсто имат, по нераздѣльномъ устроки в строку преходящем: яко, прийдѣ = те поклонѣмся: и проч.

О мѣстѣ вопросныя:

Вопросная полагается в конци²⁾ глѣаній вопрошательных: яко, Гдѣи, аще всеіе время устрояеши царствіе іѣлево; и, рци нам когда сія будутъ; . .

О титлѣ и о словотитлѣ: и о под ними пишемыхъ:

Титла пишется сице, ˘:

Словотитла же сице, ˆ:

Употребляемѣ обѣ Ѡ калліграфѣ³⁾ бывають в самыхъ точію пменехъ Божіихъ, и Божіей чести служащихъ: яко, Гдѣ, Бгѣ, Сѣцѣ, Снѣ, Дхѣ: Ісѣ, Хсѣ, Спсѣ, Дбѣ, Чтѣя. . .

№ 2.

Отрывокъ изъ этимологіи Каріона Истомина (Сборникъ Чудов. библ. № 300, л. 434).

а грамматика: добро писанія и глаголанія ученіе: то есть писменница
в діалектика: логика: то есть бесѣдованіе: или истины и лжи рассу-
жденіе.

1) Обѣ этомъ нѣтъ въ изд. 1648 года.

2) Въ изд. 1648 г. — «в концѣ».

3) Въ изд. 1648 г. «калліграфѣ».

г риторика: лѣпо глагольная:
 д мусіка: доброгласная:
 є аріометика: скоро числительная:
 з геометрія: землемѣріе:
 з астрономія: звѣздозакошіе».

«Грамматика есть извѣстное художество, благо глѣти и писати учащее: д̄: орѳографія: этимологія: синтаксисъ: просодія: ӣ: имя: мѣстоименіе: глѣ: причастіе: различіе: парѣчіе: предлог: союзъ.

Имя есть часть слова вещи нареченіе. падежми скланяющая, временеж дѣйство или страданіе знаменующаго немущая.

Мѣстоименіе: есть часть скланяемая, вмѣсто имене пріемлемая.

Глаголь есть часть слова скланяемая, сразличными наклоненіи и времени, дѣйство или страсть, или среднее что знаменующая.

Причастіе, есть часть слова скланяемая, свойством имене и глѣг причащающаяся. нарицается причастіе от причащенія.

Нарѣчіе, есть часть слова не скланяемая, имени или глаголу вѣщшаго их знаменованія ради прилагаемая, яко красен зѣло, пріиде скоро.

Предлог, есть часть слова нескланяемая, инымъ слова частемъ слѣднѣ и сочинительнѣ предлагаемая.

Союзъ, есть часть слова нескланяемая, иныя слова части чиновнѣ вразум связующая».

Отрывокъ изъ Синтаксиса Каріона Истомина (Сборникъ Чудов. библ. № 301, лл. 118—121).

Толкованіе на первое правило, о прилагательномъ со существительнымъ.

Имя прилагательное согласуется со существительнымъ, своимъ предидущимъ, такъ именное, мѣстоименное, причастное, дѣепричастное, яко и причастодѣтельное, в тріехъ случаяхъ, си есть в томъ же родѣ, в томъ же числѣ, в томъ же падежи: яко блажен мужъ бояйся Гд̄а.

Сила правила есть
 Блажен мужъ бояйся.

Здѣ прилагательная еста, блажен и бояйся.

Блаженъ именное, бояйся причастное, существительное же есть мужъ, согласуется же прилагательная сія блажен и бояйся со существительнымъ мужъ, в томъ же родѣ, числѣ и падежи, яко правило сіе учить.

Зане яко мужъ есть рода мужеска, такъ и блаженъ и бояйся рода есть мужеска. Яко мужъ есть числа единственнаго, такъ блаженъ и бояйся есть числа единственнаго, яко мужъ есть падежа (праваго)¹⁾ имянителна, такъ блаженъ и бояйся падежа имянителнаго.

(об. л. 119) «Толкованіе на первое пристеженіе правила». а̄.

Имена существительная, или, собственная, единственнаго, или, множественнаго, или смѣшеннѣ, единственнаго и множественнаго числа, обаче одинаго рода, егда союзомъ сопрягателнымъ, или разделительнымъ будутъ связана могутъ прилагателенъ множественнаго числа, тогожде рода, себѣ имѣти согласуемъ, в родѣ и впадежи, а не в числѣ: яко Петра и Павла верховныя восхвалимъ, в женскомъ: Анна и Катерина благи суть. в среднемъ: благовѣріе и цѣломудріе си у невѣрныхъ любезна суть.

На второе пристеженіе тогожде правила.

По именехъ существительныхъ, или, единственнаго, или, смѣсно единственнаго двойственнаго и множественнаго числа, союзомъ связанныхъ различныхъ обаче родовъ. Прилагателенъ сосуществительнымъ ближайшимъ кое либо числа при лучившимся, полагается (л. 120) во трехъ свойствахъ, рекше, в родѣ, числѣ и падежи согласуемое. Яко: вчера весь день и ночь вся, и нынѣ утро мрачно есть. оустнѣ очеса и весь зракъ и непослушаніе досадительно ми есть.

Толкованіе на третіе пристеженіе, тогожде правила.

По двоѣ имени существительну, одушевленну, и союзомъ связану: обаче различныхъ родовъ: полагается прилагателенъ двойственъ, по многихъже множественъ, согласуетъ со существительнымъ, чевнишаго²⁾ рода. чевнишее тое существительное, еже есть рода мужеска, женска. Мужескій родъ женскаго и средняго, средній же паки женскаго: яко, братъ и сестра еденородна ми еста. Адамъ и Евва преступленіе ихъ прежде всему миру вредни быша.

1) Это слово зачеркнуто и вмѣсто него написано слѣдующее.

2) Очевидно, вмѣсто «честншаго».

ТОЛКОВАНИЕ НА ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСТЕЖЕНИЕ.

(об. л. 120) Здѣ подобіѣ, подвою имену существителну бездушиу, и соузомъ связану, различна рода, рекше женска и средняя, сочиняется прилагателнѣ двойственное, согласушъся има, в числѣ и падежи, но вродѣ всегда в среднемъ, заи речено есть, чесншій есть родъ средній паче женска: яко богатства и красота во очесѣх члѣку прелестна быста.

Тоже, и многих существителных различных родов бездушных и числѣ, и соузомъ связанных, или чисто единственнаго, двойственнаго, или множественнаго, или смѣсно единственнаго, двойственнаго множественнаго числа, согласуемъ в падежи, но вродѣ среднемъ: яко вижу всѣх вас на мя гнѣвъ ярость очеса и лице развращенна суть.

НА ПРИСТЕЖЕНИЕ ПЯТОЕ.

Прилагателное со многими существителными и соузомъ сопряженными, я же суть рода, или (л. 121) тогожде, или различна, сочиняемое свойственнѣ и употребителнѣ ближайшему существителному, вконцѣ полагаему, втомжѣ родѣ, числѣ и падежи да согласуется: яко меч сабля и копіе сокрушено есть, или, смѣсно: во мнѣ труды на всяк день, или болѣзни, или лишениа, стерпима сужду.

НА ИЗЯТИЕ ТОГОЖДЕ ПРАВИЛА.

Овогдаже существителное сопрягаемымъ, втомже родѣ, числѣ и падежи, по первому правилу сочиняемое, часто обаче претворятися вродителен множествен падежъ: коемуждо падежю того своего прилагателна приразумѣваему томужде разуму члѣку быти, неподвижну, или аки бы тот родителен имѣл быти тайно съ предлогомъ ѿ, по шестому пристяженію, перваго надесят правила: яко силными воевод поляки побѣжденіи быша. мудрыми мужей законы градскими утвердишася».

Для сравненія приводимъ соотвѣтствующіе отрывки изъ грамматики Мелетія Смотрицкаго по изд. 1619 года.

Опредѣленія частей рчи:

«Имя есть часть слова вещи нареченіе падежми склоняющая, временеже дѣйство или страданіе знаменующаго, не имущая.

Мѣстоименіе есть часть слова скланяемая вмѣсто имене приѣмлемая.

Глаголь есть часть слова скланяемая, с различными наклоненіи и времени: дѣйство или страсть, или среднее что знаменующая.

Причастіе есть часть слова скланяемая, свойством имене и глагола причащающаяся».

Нарѣчіе есть часть слова нескланяемая, имени или глѣу выщшаго их знаменованія ради прилагаемая: яко красно зѣло: прійде скоро.

Предлогъ есть часть слова нескланяемая, иным слова частемъ сложнѣ и сочинителнѣ предлагаемая.

Союзъ есть часть слова нескланяемая, иныя слова части чиновнѣ вразум связующая.

Междометіе есть часть слова нескланяемая, содержащая всебѣ слова смысла страсть изявляющая и между прочими слова частми вмѣтаемая».

Синтаксисъ.

«О сочиненіи осми частей слова».

О сочиненіи правилном.

О прилагательном и существительном правило а.

«Имя прилагательное, именное, мѣстоименное, причастное, дѣепричастное и причастодѣтельное существительному, емужесея прилагает, согласует втомже родѣ, и числѣ, и падежи. Яко. Друг извѣстен в неизвѣстнѣ вещи познавается».

Пристяженія:

Первое:

«Существительная соуза частицами спряженная многажды множественное притяжутъ прилагательное: яко, Петръ и Андрей рождени в Галилеи, воспитани въ Иудей.

Второе:

Единственное прилагательное, многим различных родов существительным припрягаемое, ближайшему согласовати вродѣ, числѣ и падежи держится. Яко. Безуміе твое, презор, и гордость тягостна ми есть.

Г. Во одушевленных вещехъ прилагательное двойственное, и множественное изряднѣйшему роду припрягается: яко, отец и мати честна ми еста.

Д. В бездушныхъ среднее женску прилагается: яко, памятозлobie и ярость, вредна еста члѣку, мерзка же Бгѣу. Многимъ же двою бездушнымъ

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

№ 1.

Орація при поднесеніи царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ книги блаженнаго Августина „Боговидная любовь“ (13 марта 1687 г.)¹⁾.

«Пресвѣтлѣй великой Гдрнѣ, Благороднѣй и благочестивѣй Црвнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексіевнѣ, всея великія и малыя и бѣлыя росіи Самодержицѣ, благодать милость, миръ, лѣта, во всякое Благокрасотство, спасенно, от Гда Бга да умножатся. Егда убо ветхозаконная скинія, повелѣніемъ всетворца Бга, по прешествіи моря Чермнаго, во многочисленныхъ израилтянъ полкѣхъ, созидашеса. Тогда на водруженія тоя, вси людіе, чрез Моісіа проповѣданное, и самообѣщанное приносиша: ови убо искушенное злато, ови же сребро чистое, ови же каменія честная на порамницу. иніи же пресуканный виссонъ, ови же червеницу истканну, ови багряницу, ови же кожи овныя обращенныя нѣщыи же власи козія и худѣйшее. иніи же, аще и убозіи обаче кійждо, и каяждо, что имѣху. и случилися бяху имъ. Да станетъ долняя скинія, нбнѣй возобразна, всякимъ дѣлтвореніемъ лѣпотственна. зане втой Преблагому Миротворителю Гду Бгу священницы служенія совершаху. молитвы, моленія, благодаренія, и всесожегаемыя жертвы приношаху²⁾. И самъ рукодержашій небо и землю вѣда Гдъ съ богоизбранными своими людми и пророки во онѣй разглаголтвовоа. и повелѣнія своя сказываше: Божественному бо писанію вѣщающу сице: И возва Гдъ (на полѣ Левітѣ) Моісея, и рече ему из храма свѣденія. Тамо же и являся имъ. егда убо оный храмъ повелѣ создати: яко глѣть писаніе: И да сотвориши ми освященіе. и являюся въ васъ (на полѣ $\frac{\text{Исход.}}{\text{кс}}$) (обор. л. 31) и пакы: и возвѣщуся тебѣ оттуду, и глаголю тебѣ свыше очищенія, между двема херувімома яже суть под ківотом свѣденія.

1) Сборникъ № 300, лл. 31—37.

2) Въ подлинникѣ послѣ этого слова поставлена киноварью черта, вѣроятно, означающая новую строку.

— И в космъ храмъ слава превеликаго Бг̃а иматъ пребывати, или пребывает. Кто онаго не созидаетъ; кто ли от усердія своего, ему от еговых не восхоцетъ в созиданіе принести что (?). Понеже нѣсть вколорватномъ семъ мірѣ дражае, нѣсть по истиннѣ блажае мудродѣлія, еже премудрости и смысловъ дателю созидати Скинію. в нем же чищеніе, просвѣщеніе. освященіе, всякіе святыми пріятство обрѣтается непрестанно. Яко внемъ Бж̃іе Богу пребывает.

— Убо и чл̃къ богозданный еллинскимъ діалектомъ зовемый мікрокосмосъ, сіестъ малый міръ, есть возобразен макрокосмосу, сіестъ великому міру. Состояніемъ тѣлесе и той благородіемъ душевнымъ, и боговидными своими мышленми, истинная есть скинія Божія. в немже всемоцный владыка Гд̃ъ вселяется. и различныхъ дарованій благодати своя, онаго исполняетъ.

Вселяется бо: яко Богопроповѣдникъ избранный сосудъ святыи апостоль Павелъ учителствуетъ сице: вы есте храмъ Бг̃а живаго: якоже рече Богъ, яко вселюся в нихъ, и пожду и буду имъ Богъ. Исполняетъ благодати, яко же чрез псалмопѣсниваго ісраилева цр̃я Давида іессеева вѣщаетъ: исполню его и явлю ему спасеніе мое.

— Но якоже изрождения внѣшній чл̃къ пищама питающійся в совершение и мѣры возрастъ успѣваетъ и от силы в силу приходитъ, тако и внутренній чл̃къ словесы вѣры и законными же богоглаголевыми, и боговдохновенными, и проповѣданными (л. 32) ученіи пицествуя зиждется во храмъ давный на вселеніе воплощенному Хр̃ту Богу презрядный. вслово бо христово с божественнымъ Давидомъ всегда — боголюбивая душа уповаеъ. и любовію к нему прерачительно распаляется. ожидая присно гласа его тонкаго, тихаго, сладкаго.

— Ибо егда в цѣломудрое сердце возтолкает абіе отверзаеъ ему, съ превеліею радостію. Гл̃етъ бо едиородное Божіе слово Исусъ чрез возлюбленнаго своего ученика Іоанна громогласнаго: се стою при дверех и толку. аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзаеъ двери, вниду к нему, и вечеряю снимъ, и той со мною.

— О дабы таковаго прелюбезнаго гостя людіе сподобимся пріяти. о дабы снимъ пресладкія вечераи вси усердствующіи: к нему ясти удостоимся.

— Зане не всі чл̃цы онаго ожидаютъ, не вси храмы своя на вшествіе созидаютъ. не вси пици словес со пресладкимъ Спасителемъ Хр̃стомъ вечеряти усердствуютъ. Точію. Точію боголюбивіи души, якоже нѣкій церкве учитель глаголетъ: всякая бо душа боголюбивая яко воскъ умягчается, и божественная изображенія и начертанія изобразующи, бываетъ " жилище Божіе дх̃омъ. По учителству же богопроповѣдника рая восхищеннаго слы-

шателя неизреченныхъ сѣго Павла. О Христѣ всяко созданіе составяемо раститъ въ церковь святую Гдѣви (на полѣ $\frac{\text{Ефес.}}{\text{в}}$).

— О немже поистинѣ и ваше црѣское пресвѣтлое величество, емуже, вжилице преизлиха созидается, и совершенство отъ него премилосерднаго прѣ Ииса во всемъ желаете пріяти.

Созидаешися добронравіемъ. Созидаешися ты благородная гдѣря царевна Евангелскаго проповѣданія словесы, и четырьми радными добродѣтели еже есть: мудростію, яко именованіе себѣ опое имаша. Цѣломудріемъ, яко оное крѣпцѣ следещи. да вселится въ тя сила Иисова. Правдою яко (обор. л. 32) гражданствуещи, и въ самодержавствѣ суда Бжїя блюдеши, яко его есть судъ, владычествуещи, благотворнѣй душѣ твоей владычествуещи вчистоту блюдомому тѣлу, владычествуещи и въревеликомъ и многогосударственномъ російскаго царствїа самодержавствѣ. Мужествомъ, яко во всякихъ дѣланїяхъ, аще въ духовныхъ, аще въ гражданскихъ, аще въ царственныхъ, аще въ мірскихъ крѣпотствуещи.

— Ксему зиждется пресвѣтлаго величества вашего твое благородство и богословесными добродѣтели: Ибо вѣра каѳолическая въ Бога совершенная въ чистолюбномъ сердцѣ твоёмъ пребываетъ. Надежда неуклоннаго упованїа на сотворшаго вся, во всемъ содержится. Любовь трїипостасная Божественныя единицы Бога Отца и Сына и Св. Духа (на полѣ Коринѣ), превосходный путь въболюбїи твоёмъ всему наземному и небесному міру являетъ.

— Но аще таковыми всещедрыи миротворецъ лѣпотствы на пути члѣвки и украшаетъ. обаче всякій умнословесникъ донелиже купностоянствомъ души и тѣлесе въ жизни сей до предѣла распружества оныхъ (то есть доусленїа вѣчнаго) содержится долженствуетъ присно, якоже плоть свою питати и согрѣвати требователными, такожде и душу многоразличныя Божїа мудрости словесы укрѣпляти кдѣйствителному имству нудится. да будетъ храмъ созданъ презрядно вѣченъ на небеси. живому Бгѣ.

— И на таковое Созиданіе вси человѣцы отъ всѣхъ вспоможенїа требуютъ велицїи и малїи, убозїи и богатїи единъ отъ единаго. Не глѣтъ бо око, глава, или рука нозѣ, или иному удеси, не потребенъ ми еси но вътакое созиданіе, стѣй апостоль учительствуетъ (на полѣ $\frac{\text{Солун.}}{\text{ѣ}}$): утѣшайте другъ друга и созидайте каждо ближняго, и другъ друга тяготы носите, во еже тако закону Христову исполняться.

— Вашему же пресвѣтлому царскому величеству и многоцарственному самодержавству найпаче. Яко первѣйшимъ и честнѣйшимъ [ради православныя вѣры, истиннаго благочестїа содержанїа, и любве ко Богу

превеликія] удесамъ прочимъ и мѣшнымъ по стѣому апостолу всѣми благогласіи и содѣланными уроки помоществовати годствуетъ (л. 33).

— Аще бо противу видимыхъ враговъ брани пиктоже воинствуетъ когда своими оброки колми же на невидимыхъ враговъ во дни и нощи присѣдящихъ ополчаяся кто не востребуетъ поможенія каковаго.

— И Самъ убо преблагій Богъ воплощенный Іисъ Хрѣсъ, не точію повелѣ въздавати царскому величеству, якоже глѣтъ: въздадите убо кесарево кесарю. и Божіе Богу, по идаде. Глѣше бо святому апостолу Петру Петре шед улови рыбу. и обрящещи внеи, статир, и даждь (на полѣ: Мато. 31.) оный за мене и за себе.

— Азь же меншіи и худшіи вашего пресвѣтлаго валичества богомолецъ, аще и неистязуемъ всего таковаго. обаче веліимъ моимъ усердіемъ, тебѣ величайшѣ(й) Гдѣи Царевнѣ, яко премилостивому црѣю Іисусу Христу прелюбезнѣи, и желающѣи ему обиталищемъ прежеланнѣ быти, по изреченію пречистыхъ устъ его, аще кто любит мя, слово мое соблюдетъ. И отецъ мой возлюбитъ его и к нему придемъ и обитель у него сотворимъ, приношу всозиданіе богоизбранію твоему книгу Боговидную любовь. Яко бы рукою осязанно глаголати со Христомъ блаженнаго Августина епископа Ипокеискаго. Кую обрѣтохъ на бѣлорускомъ писмѣ Славенскимъ діалектомъ преведену и писанну. Юже славенскими буквами написахъ првличнымъ главизнамъ подобственными образованиями оную украсихъ и около тѣхъ образоу стихи приписахъ мѣрчисленно. [в лѣпоту убо сію неоцѣненную многоталанствомъ злата и серебра книгу, къ боговдѣннѣю, всемогуществомъ слѣпашѣйся¹⁾(?) души. Прочитовати частѣ к Бгѣу успѣтъ]. Сія книга рѣснотивнѣ(?) рещи Божіихъ ароматъ аптика есть. сладчайшая паче меда и сота. Сія книга есть сокровище паче каменія честнаго и многаго. Сія есть книга во правду можетъ нарещися источникъ из едема сладости истекаяй боготворивыхъ душъ напоющаи рай (обор. л. 34). Сія книга учитъ Бога познавати, и съ Бгѣомъ глаголати, діаволу противитися, и любве ученію прилѣжати: ея же ничтоже потребиѣ на небеси и на земле члѣкомъ.

— Истинно, прочитающѣи сію книгу, превеліи богодохновеннаго словесе плодъ впрепитаніе словеснѣи дѣиѣ собереть. удобнѣ источникомъ сладости бразды любопламеннаго своего сердца напоиѣи прохладитъ желаніе.

— И таковымъ спѣдопитствомъ разумный жизни сея пѣшеходецъ воскрѣпотствуетъ совершенно міра сего пустыню преити. Не токмо убо четьредесятидненощѣ, яко же Божій прѣокъ Іліа, по аще и многубственны лѣта поживетъ, живѣ будетъ.

1) Можетъ быть, *спшиашѣйся*.

— Не точію того же сѣаго прѣока подражая во спутешествїи до горы Хоривъ. но достигнетъ гору Гд̄ню и небесную и станетъ на мѣстѣ Божїемъ яко храмъ. О ней же богопѣснїивый Давидъ созданный Духомъ вопрошенїемъ глѣтъ сице: кто взыдетъ на гору Гд̄ню; или кто станетъ на мѣстѣ стѣмъ его; онже отвѣщаетъ: пеновиненъ рукама и чїстъ сердцемъ, иже не прїять всеу душу свою.

— Кто же есть умнодѣльный словесникъ прїемлетъ свою боговдохновенную душу всеу, и кто не прїемлетъ;

— Прїемлетъ убо той, о немже црѣь исраїлевъ Соломонъ яствуеть тако: суетни убо вси члѣцы, внїхже не подлежатъ премудрость о Бозѣ. всеу прїялъ есть душу свою оный иже благаго евангелскаго ига, и бремене Хр̄тва легкаго носити не хоцетъ: вѣтромъ прелести мїра, яко прахъ вземлемый носится: мракомъ грѣховъ злыхъ облагается: по кривомъ злобы распутїи блудствуетъ. и по оному словеси, припедъ в глубїну золь о себѣ не радить. воправду такоїи суемудрцы: аще здѣ и живи, но мертви суть. зане на семь земли юдолѣ водящесе похотѣми различными мертвуютъ. таможе всеядїца смерть, пресѣкши жизнь ввержетъ во вѣчную тму и мученїямъ предастъ лютымъ (л. 34).

— Благокрасотнѣ же рѣщи, яко не прїемлетъ всеу дїи своя той, иже званїю едиnorodнаго воплощеннаго Сн̄а Божїа Іиса Хр̄а, от всея души своя любезно послѣдуетъ: злачнымъ божественныхъ писанїй брашномъ учреждается: здраваго богопроповѣданнаго ученїа пажитно питается: напояется чїстыми слова Божїа источниками. всякїй видъ добродѣтели во спасенїе огорстѣваетъ: во знанїе себе самаго, еже писася: что есть члѣкъ упрождняется присно.

— Понеже по любомудраго великїа церкви (яже въ Константинополи) діакона агапїта словеса: изъ знанїа самого себе члѣкъ знанїю Божїю учится, глѣтъ бо: божественному ученїю и первому члѣцы еже познати кождо себе научаемся: иже бо себе познавый познаетъ Бг̄а, Бг̄а же познавый, уподобится Бг̄у: уподобится же Бг̄у, иже достоинъ бывый Бг̄у: достоинъ же бываетъ Бг̄у, иже ничесоже недостойное творя Бг̄у, по мудрствуя убо сущая его, глаголай же яже мудрствуетъ, а творяй, яже глаголетъ.

— Ибо возможно рещи со Іисусомъ Сирахомъ, яко и члѣкъ есть сосудъ дивенъ вышняго. Сотвори убо Гд̄ь вся словомъ, по соломонову вѣщанїю, мудростїю же устройый члѣка. Тѣмже мудросотворенному и дивному соуду всеконечно належитъ мудрствовати Гд̄ви во днѣхъ житїа своего. Яко же проповѣдается: мудрствуяй днѣ Гд̄ви мудрствуетъ.

— Во истину не прїять той души своя всеу, иже не ввиновася рукама, еже душетлѣннаго вещественнаго тернїа некасашесе: пагубоносное грѣхопаденїе оныхъ не простираше, по апостолову внемля ученїю, воздѣ-

леть руки своя с молитвенным воплем къ Спасителю міра Хр̄у. да созиждется во храмъ боговселпный.

— Непрїятъ всуе души своя оный, иже сердце свое возочисти: не пусти оное во слѣдъ злата: не пусти оное погрязати всквернивая и нечистая блата: не пусти (обор. л. 34) оное в чесомъ либо мнѣніемъ гордовысоковыйствовати, и пагубоноснымъ, (на полѣ $\frac{\text{Пѣс. пѣс.}}{\text{ѣ.}}$) тщетивымъ славолюбіемъ паднути. ко пѣснопѣснивой невѣстѣ богоизбраннѣй подобящися не-престапно таковая гл̄още: азъ сплю и сердце мое бдитъ. Да пришед Гд̄ вселится вону(?) ако в преизрядный благотворенїями созданный храмъ.

— И таковой стратигъ, борбствуя пятогубицею чувствъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ, противу свѣрѣпья плоти. Яже огнепалнымъ похотныхъ страстей пламенемъ раждеженна на дх̄ похотствует: борбствуетъ с міромъ лестнымъ, иже вся суетная тлѣнная, маловременная, непостоянная, и яко сѣнь преходящая прелстившимся міралоубцемъ подаваетъ: борбствуетъ съ міродержителемъ тмы вѣка сего лукавымъ, иже на благочинно по закону Божию жити хотящия, адозданный многолестныхъ козней лукъ наляца разжженными стрѣлами ратуеть.

— Чувство видѣніе, сі есть очеса, отсуетнаго зрѣнія отвращаетъ, гл̄я съ Давїдомъ: Гд̄и, отврати очи мои, да невидятъ суеты.

— Слышаніе, сі есть уши отъ всякаго лестнаго шума, и грѣховнаго звѣзданїя. щитомъ закона Бжїя засланыетъ да не слышитъ обавающихъ града.

— Обоняніе, да смрадныя мерзости из адотечныя темницы рѣющыяся, или кошни подмиѣнными вонями вобствуетъ. нюхами не пуцаетъ.

— Вкушеніе, дабы яда смертнаго, его же міръ сей представляетъ яко на чести на беззаконнѣй лести, не вкусити, крѣпитъ совершенно.

— Осязаніе, сі есть руки, дабы убійства, татбы, сребролюбїя, и всякихъ лщенныхъ гладкостей, внихже суть остромерныя законоприступства жала, некасалося, зѣло удаляетъ. но онья вневинности умыти усердствуетъ со святымъ пророкомъ давидомъ гл̄я: умыю в неповинныхъ рущѣ мои. И обыду жертвенникъ твой Гд̄и.

— Жертвенникъ же во правду можетъ нарещися сердце: его же чисто имѣти желая о созиданїи молитесь. сердце чисто созижди во мнѣ Бжѣ. На таковой жертвенникъ от умнаго благодѣланїя полагаетъ воинъ Бжїй, словеса пречистая (л. 35) да преподобными руками воздѣвая на высоту в благословленїе Гд̄не, полезными чтенїями. Составить псалтїрь, рущѣ¹⁾ мои сотвориша органъ. И во оный органъ, яко в созданный домъ,

1) Мѣсто это я исправилъ, такъ какъ въ подлинникѣ много лишнихъ словъ и нѣтъ смысла.

пришедъ дхъ Бжїй сличное пѣніе дарствуетъ воспѣти в жертву и приношеніе. зане таковыя жертвы прїятны суть Богу.

— О дабы такое духоводѣланное зданіе в боголюбныхъ дшѣхъ успѣвало, и сладкое гуденіе, съ видѣнными во апокалипсіи (на полѣ: дї) гудущихъ вгусли своя, величія Божїа, непрестанно пребывало. и жертва всепрїятная Богочлѣку Іисусу Хрѣу приносилася.

— Извѣстно же созиждется душа в совершенство члѣка Божїа (на пол. Тімоѡ.) аще сію боговидную книгу прилѣжно прочитаніемъ возумствуетъ. и словеса тоя вперситъ прежеланно. Удобственна бо таковая. святая душа. елеемъ радости помажется: возблагоеинствуетъ же себѣ и людемъ добропохвалныя и богопрїятныя любве міроварствомъ.

— Вѣмъ же вѣмъ Блаженная Государыня, богоизбранная пречестная Дѣва благородная царевна и великая княжна Софія Алексіевна. Яко твое пресвѣтлое величество, благоувѣтливими словесы, благорозумною мудростію, благорозумнымъ смысломъ, паче же прилежною ко всеблагому Богу молитвою, нетокмо всѣхъ россіянъ и россійскаго царствїа многостраннаго и многоземелнаго умочисленнаго народа, но и многихъ на вселеннѣй истинныхъ христїанъ народовъ впревеликую радость воинствуешися. [Якоже и изъ многихъ земель преимущественными людами и великими лицаы, чрезъ писмена к твоему величеству чествуема и блажима еси] и всозиданіе боголюбивыя души твоя в жилище Божїе дхѡмъ, не потребуеши. но паче еля жаждущаго источниковъ воды, жаждеши ты Гднѣа на таковое пречестнѣйшаго художества зодчество чистыхъ мыслей блаженныхъ разумнѣй и чистыхъ словесъ¹⁾: совершенныхъ догматъ: (оборот. л. 35) внемля словесамъ пастырской свирѣли, и богословію уму крайнѣйшему святому Григорію: иже глѣше: ничтоже Бгѣу тако велелѣпно, яко слово очищено, и дшѣа совершенна истинны догматами (на пол. ученїями).

— Не бысть убо благородїа твоего царское величество, яко чрезъ оныя, все видоміртворокружная вина Бгѣ присносущный, от умнодѣльных хитрецовъ познавается. Якоже мудрїи мужи рекоша: в совершенныхъ убо догматѣхъ людіе стояще, и словеса чистыя вѣры крѣпимы инїи познаютъ от слуха, инїи от зрѣнїа, инїи от вкуса.

— От слуха же познаютъ Бгѣа, слышации Слово Бжїе, и чрезъ тое вѣруетъ: зрѣніемъ познають Бгѣа словы, чтущїи Бгѣа вписанїяхъ: и философи, иже созерцаютъ Бгѣа втварѣхъ, вкушенїемъ же познають едини блазїи: по духоотригновеннымъ давидовымъ словесамъ вкусите и видите, яко благъ Гдѣ. И сее послѣднїе знанїе, всѣхъ есть совершеннѣйшее и извѣстнѣйшее.

1) И это мѣсто нѣсколько исправлено.

— Тѣмже ко огнепално любезному твоему Гд̄ри сихъ всѣхъ рачительству, прилагаю вспособность таковыхъ мое усердіе: принеши бо Богомысленную и с богом разглаголивую книгу, предложих вашему пресвѣтлому царскому величеству: въ вашей царскаго величества боголюбезныя радости пиршество. Яже умнымъ осіяніемъ прохладитъ ваше желаніе: воспомоществуетъ ты в созиданіе тѣла Христова (на полѣ $\frac{\text{Евее.}}{\text{д.}}$). К достигновенію же совершенства в мѣру возраста исполненія Христова возруководствитъ я вкусившей тебѣ Гд̄ри дара небеснаго и дара Бж̄ія (на пол. Евреомъ 5.) глат(?), и предражайшаго пречестнаго в таинствѣ тѣлесе Иисусова глаголющей со псалмопѣвцемъ яко благ Гд̄ь, еще дарствитъ во градѣ небесномъ пресладости вѣчно, непрестанно насыщаться неизреченныя славы его, по реченному насыщуся вегда явит ми ся слава твоя.

— И тамо и здѣ давидовымъ сладкогрімьяція цѣвницы славеснымъ гласомъ о шумствившия, яко благая еси, прелюбезнѣ: вкусите блази и видите яко благ Гд̄ь. (л. 36).

— Присемъ же твоему царскому господству, величайшѣй владычицѣ, и премилостивой всероссійской госпожѣ и благодѣтельницѣ ко всѣмъ чловѣколюбнѣй желаю: да цр̄ь цр̄емъ вселеннодержный монарха трипостасный Бг̄ь Гд̄ь, даруетъ тебѣ моей Гд̄ринѣ, своей же прелюбезнѣй дщери, свѣтоноснымъ ангеломъ Господнимъ, богоданнымъ хранителемъ, во многопольномъ временнаго житія теченіи, многолѣтно вздравіи богоугодно подвигаться, опасно в храненіе заповѣдей Божіихъ сохранитися. от стрѣлы во тмѣ летяція защищаться. правую от юности благого житія стезею ходящи, свѣтозарною истиннаго богомудрія лучею облистатися.

— Красными и вдержавоуправленіе великоцарственнаго государства обувенными ногами душевредну міра лестнаго прелесть попрасти. Богомъ пою постническаго воздержанія, и царственнаго законоположенія браздоу, якоже плоть на дх̄ъ похотствующую, тако и гражданство противу правды выйствующее обуздовати. Богозданнымъ слова Бж̄ія лукомъ, боголѣпно прилежною молитвою наляцаемымъ, адскій многолестныхъ козней лукъ и неправости народныя вся сокрушати:

— И во вся оружія Божія облекш̄йся, небеснымъ неусумнѣннымъ на Христа Иисуса надежды шлемом, и богоданнымъ православныя вѣры щитомъ, всешатающееся звѣрообразныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ полчища преславно побѣждати. Со всѣми многословными изначала міра добропохвалныхъ дѣлъ людми, аще вмужехъ аще вдѣвахъ аще вженахъ, аще въ естествен(ыхъ? конецъ слова оторвантъ) аще вветхомъ, аще вновомъ закопѣхъ велелѣпно просіявшими и богоугождными прославлятися. да прославишися на земли прославишися и на небеси. Прославитъ ты Бг̄ь предъ чл̄ки, про-

славитъ тя и предъ ангелы и предъ всѣми своими Божїими. пореченному псалмопѣвцемъ прославлю и (обор. л. 36) со всѣми же во всякомъ благодѣяніи и евангелской правдѣ мирствовать.

— Къ сему еще всеблагїи Бгѣ да даруетъ, яко мудрость имя тебѣ Гдѣри имущїи, о вкорененїи Пресвѣтлыя и богодарованныя мудрости в россїйскомъ царствїи Промыслъ и попеченїе во славу вседѣтеля Бга творити, да вси царствїа вашего народи алчущїи и жаждущїи богатотворныя представительныя трапезы тоя учрежденїе присно имѣли. Невѣдющїя языки Гда Бга не точїю иже жизнствуютъ, вашей царстѣи державѣ, но и во окрестныхъ странахъ иныхъ государствъ. Прирадѣтелствомъ вашего царственнаго господства къ благо разумїю наставляти. Богоплетенную евангелскаго ученїа и пресвѣтлыя мудрости мрежу, во благопоспѣшную ловитву на таковыя истиннобогонезнанцы простирати. Одеспую страну корабля, по гласу Гдню оную ввергши, словесныя рыбы в горкихъ душетлѣннаго и помраченнаго неразумїа, и сластолюбїа водахъ плавающїя богопоспѣшно ловити. изнедостойныхъ в чистоту, правду, в благость, святость, внебесную радость изводити, да и на тебѣ блаженнѣи госпожѣ исполнится чрезъ пророка реченное Господомъ слово: изведѣи чистое из недостойнаго, яко уста моя будещи. Изъ глубокїа же умовредныхъ прегрѣшенїй, и тупосмыслства пучины благохотно влекши на разумную сушу по благоутишному вѣры православныя и заповѣдей Гднихъ берегу, овїа ввѣру благочестивую, овїа в мудрость многосвѣтлую, соблагосердїемъ привлечь.

— И дабы вси людїе в полученїе вѣчныя жизни, жили благоугодно жизнодавцу Бгу. Приискреннимъ тїцанїемъ на благовѣрнѣи и мудростнѣи нивѣ оныя покайствовати.

— Сїа убо дѣла наипаче рѣчнаго устремленїа возвеселятъ градъ Божїи. возвеселятъ гражданъ наземныхъ, возвеселятъ и небесныхъ. возвеселятъ небесныхъ аггловъ, возвеселятъ благихъ члѣковъ, побѣдятъ невидимыхъ враговъ, побѣдятъ и видимыхъ. обратятъ въ бѣгство полки чужихъ, обратятъ веденїе вѣры хотящихъ къ Бгу живу и истинну. дадутъ знаменїа на челѣхъ за побѣду. возмутъ зиждующихъ дома дѣшныя къ небесному вѣчному обѣду.

— И сего ради да сподобишися яко богозданное православнаго царствїа небо. в боголюбивомъ сердцѣ твоємъ носити, богосїятелную звѣзду утреннюю. отъ Іакова возсіявшую. (л. 37) всякаго члѣка в мїръ грядуща и премїрныя умы просвѣщающую, Бжїе присносущное слово пресладчайшаго Іиса Хра неперестанно и внїдещи (на пол. псал.) всеплѣ Гдни во вся дѣла Бжїа съ богоотца же давидовыми дѣвы тимпанницами¹⁾ во многонароднѣи

1) «Сїа есть сьболюбивными сѣыми душами, в ихъ же гортани возношенїа Божїа псал. рѣм».

христіанстѣй полнотѣ, и в содержавіи умочисленныхъ людей благословенная ты, благословиши Гдѣа.

— Глаголюци же здѣ многолѣтно псалмопѣснивое слово: чудо быхъ многимъ. Чудо быхъ, в пресвѣтлыя обители небесныя да вселишися: богосіятелнымъ безкопечныя радости, нетлѣнныя жизни, блаженныя славы и вѣчнаго блаженства свѣтомъ, от тріипостаснаго свѣта, вседѣтеля Бгѣа боговидю да просвѣтишися, и насладятися лицевиднаго неизреченнаго зрѣнія его. во вѣки вѣковъ. да сподобишися. сего всего твоему величеству азъ меншій вашъ богомолецъ желая, твоей государской царской милости мене предаю в благодѣйственное охранство. Аминь.

Вашего царскаго пресвѣтлаго
величества Богомолецъ худѣй-
шій іеродіаконъ Коріонъ Исто-
минъ поклоненіе раболѣпное тво-
рить благоусердиѣ.

№ 2.

«Предисловіе. Параграфъ а̄»¹⁾.

«П²⁾онеже посредѣ сѣтей положени есмы, удобнѣ от небеснаго желанія зимнѣемъ. сего ради приснаго требуемъ огражденія, яко да возбуждени ко Бгѣу нашему, истинному и крайнему благу, егда преплаваем да претечемъ.

— Тѣмже не высокомыслия безразсужденіемъ: по велію Бгѣа моею любовію, сему писанію, ко славѣ Его трудъ положихъ; (обор. л. 41) яко да от презряднѣйшихъ глѣаній стѣихъ отѣцъ, краткое и ручное слово о Бозѣ моемъ со мною выну имѣю: изъ нихъ же чтеній огнемъ многажды согрѣваюся, да всю распалюся любовь.—

— Нынѣ ко мнѣ прииди Бже мой, Его же ищю, Его же люблю, Его же сердцемъ и усты и всею якоже могу силою славлю и поклоняюся.

— Умъ мой благоговѣйный, твоею любовію воспаленный, к тебѣ въздыхай, к тебѣ притекай, тебе самага видѣти желай: ничтоже имѣеть

1) Предисловіе, разумѣется, къ книгѣ Августина «Боговидная любовь». Все написано въ подлинникѣ киноварью. Взято изъ рукоп. Чудов. библ. № ⁸⁹/₂₉₁ л. 41.

2) Буква П написано киноварью.

сладко, развѣ о тебѣ глѣти, о тебѣ слышати, о тебѣ писати, о тебѣ бесѣдовати, твою славу выну в срдцѣ имѣти, яко да будетъ твоя сладкія памяти посередѣ сихъ волненій прохладженіе мое.

— Тебе убо призываю вожделѣннѣйшій, и тебѣ вопію воплемъ веліимъ (л. 42) всѣмъ сердцемъ моимъ. И егда ты призываю, яко всяко не былъ быхъ, аще не бы ты былъ еси во мнѣ: и аще не азъ в тебѣ не былъ бы еси во мнѣ. во мнѣ еси, в'памяти моей живеша, из'нея же познахъ тя, и в'сей обрѣтаюся в'тебѣ, егда воспоминаю тебе, и услаждаюся [в тебѣ, от тебе] из негоже вся, имже и в немже вся.

ГЛАВА ПЕРВАЯ¹⁾.

а: ты Гдѣи небо и землю исполняеши, вся носяи без' тяготы, вся исполняи без' заключенія присно творяи, и присно, и присно покоенъ, собираи и не требуяи, ищяи. Егда ничтоже от тебе далече есть. милуяи и не распаляяи: гнѣваяи и отраденъ еси, жалѣеши, и не болиши, гнѣваешися, и тихъ еси. дѣла премѣняеши, но не премѣняеши совѣта. приемиши же обрѣтаеши, и никогда погубилъ еси: и никогдаже убогъ, но вземлеши прибытки. Никогдаже завистливъ, и лихвы истязуеши, и обилно даеши, емуже не долженъ еси: или присно изобилно дается ти, да долженъ будеши.

б. И²⁾ кто имѣеть что, еже не твое; (обор. л. 43) отдаеши долги, никому же долженствуяи. даруеши долги, ничто же погубляяи, иже вездѣ сый, и вездѣ цѣль. чутися могій, видѣтися не могій: нигдѣ же далече еси, и обаче от помышленій злыхъ далече еси, иже ниже тамо, идѣже далече еси: яко идѣ же нѣси благодатию, близъ еси казнию: иже вездѣ настоящъ еси, и едва обрѣтиса можеша. Ему же стоящу послѣдствуемъ, достигнути не можемъ, иже содержиши вся, и исполняеши вся, превышаеши вся, носяши вся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

а³⁾: Во истинну сіе есть истинное сердца упованіе, егда весь в любовь Бгѣ желаніемъ пригвождается. и ничто же ѣно хоцетъ, пово онѣмъ ѣже содержать. блаженною нѣкоею сладостию услаждается, услаждаяся кра-

1) Ibid. л. 43.

2) И буква написана киноварью.

3) Ibid. обор. л. 71. Буква В написана киноварью.

суется: аще же суетнымъ каковымъ помышленіемъ,—или в' вещьхъ упражненіемъ оттуду на малѣ отлученъ будетъ, с' велимъ посиѣшеніемъ тамо возвратитися спѣшится: изгнаніе мня, инудѣ, неже тамо медленіе творити. ибо яко же ни едино есть мгновеніе, в немже члѣкъ не наслаждается, или не имѣетъ благоутробія Божія: тако ни едино должно быти мгновеніе, в немже ѡнаго будущаго не имать имѣти въ памяти. (л. 72).

В. Тѣмже¹⁾ не краткою казнію содержитсяъ привязанъ, всякъ иже в молитвѣ съ Богомъ глаголетъ. и вскорѣ отвлекается от онаго лица, аки от очесъ невидяща, ниже слышаща. сіе же бываетъ, егда помышленіямъ своимъ злымъ и безвременнымъ послѣдуетъ: и нѣкую худѣйшую тварь, к ней же умазрѣніе без труда протяжается, ѡнаго превзимаеть: онаго еже есть в' помышленіи частое обращая, или помышляя, неже Бога, его же выну долженъ есть хвалити творца, поклонитися избавителю, чаяти Спаса, боятиса суди.

Оглавленіе книги сея²⁾.

О³⁾ дивнѣмъ существѣ Бг̃а̃ а̃ (43—44 л.).

О неизглаголаннѣмъ свѣдѣніи божественномъ в̃ (44—45 л.).

О желаніи дши наслаждающіяся Бг̃а̃ г̃ (45—46).

О окаяствѣ дш̃и, яже Гд̃а̃ нашего Іиса Хр̃а̃ не любитъ ниже ищетъ д̃ (обор. 46—об. 47.).

О желаніи души е̃ (об. л. 47—об. 48).

О благополученіи души отъ земныя темницы разрѣшившіяся з̃ (об. л. 48—50).

О веселіи рая з̃ (50—об. 50).

О царствіи небеснѣмъ и̃ (51—52).

Яко по великихъ плачахъ смущенную душу увеселяетъ Бг̃ъ̃ б̃ (52—об. 52 л.).

О сладости Божественныя любве і̃ (об. 52—об. 53).

О уготовленіи нашего спасенія а̃і̃ (об. 53—об. 54).

О веселіи в̃і̃ (об. 54—55).

Яко воплощено слово есть вина упованія нашего г̃і̃ (об. 55—56).

Яко елико вѣщнее есть о бозѣ вниманіе, толико есть сладчайшее. д̃і̃ (56—57).

1) Т—написано киноварью.

2) Все написано киноварью.

3) Начальная буква заглавія каждой главы написана киноварью. Цифры въ скобкахъ выставлены мною и обозначаютъ количество листовъ, занимаемыхъ главою въ текстѣ.

Яко желати подобаетъ гониму быти Хр̄а ради в животѣ сем еи (57—58).

Како можетъ царствіе небесное обрѣстися ѕ̄і (58—об. 58).

Что имать рай, и что есть; ѕ̄і (об. л. 58—60).

Яко чл̄къ не можетъ Бг̄у взаимъ воздати, развѣ любовію ѿ̄ (60—61).

Яко в нас Бг̄ъ истязуетъ себѣ подобно о̄і (61—62).

О упованіи дѣи, любящія Бг̄а к̄ (62—об. 63).

Что творитъ Бг̄ъ чл̄ка ради. ка (об. 63—64).

О воспоминаніи язвъ Гд̄а Нашего Іиса Хр̄а к̄в (64—65).

Яко воспоминаніемъ язвъ Хр̄стовыхъ, есть дѣйствительно врачевство противу всякихъ сопротивленій к̄г (65—66).

Поученіе души къ любви Христовой к̄д (66—об. 67).

Ничтоже душу можетъ исполнити, развѣ крайняго блага к̄е (об. 67—68).

Что есть познаніе истины. к̄з (об. 68—об. 69).

Что в нас дѣйствуетъ посланіе ст̄аго дх̄а. к̄з (об. 69—об. 70).

О дѣлѣ онаго иже любитъ Бг̄а к̄и (об. 70—71).

О истиннѣмъ ср̄дца упованіи к̄о (об. 71—72).

Всякаго видѣнія еже отъ Бг̄а отвлекаетъ, весьма бѣгати подобаетъ и отрицатися л̄ (72—73).

Яко видѣніе Бг̄а погубися грѣха ради, и окаянство обрѣтесе. ла (73—об. 74).

О благодати Бг̄а л̄в (об. 74—75).

О утѣшителномъ наслажденіи Бг̄а л̄г (об. 75—об. 76).

Крайняго блага желати подобаетъ л̄д (об. 76—78).

О взаимной любви ст̄ыхъ на небеси л̄е (78—79).

О исполненномъ утѣщеніи живота вѣчнаго л̄з (79—об. 80).

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СОЧИНЕНІИ ¹⁾).

А.

- Ааронъ, старецъ, чтець, I, 33, 36, 42, 59, 124; II, 330.
Авва (онъ же Эквицій), игумень, I, 97.
Августинъ блаженный, II, 330, 332, 333, 334, 348, 354, 361, 384, 478.
Августинъ гиппонскій, II, 291, 472.
Августъ, кесарь, II, 337.
Авраамій, митрополитъ Бѣлградскій и Обо-
янский, I, 194.
Агезилай, царь спартагскій, II, 256.
Агѣвъ Ѳеодоръ, писецъ, I, 37, 38.
Агѣвъ Ѳеодотъ, ученикъ братьевъ Лиху-
довъ, I, 67.
Адріанъ, патріархъ російскій, I, 29, 37, 38, 50, 51, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 81, 83, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 99, 118, 119, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 178, 181, 182, 183, 189, 191, 192, 193, 194, 196, 202, 204, 205, 206, 207, 212; II, 224, 227, 250, 254, 288, 324, 326, 330, 349, 350, 360.
Александръ, греческій царь, II, 328.
Александръ, архіепископъ Устюжскій и То-
темскій, I, 83.
Александръ Македонскій, II, 258, 327, 337.
Александръ Петровичъ, царевичъ, I, 133.
Александръ Артиловичъ, сынъ господара
Имеретинской земли, I, 162.
Алексѣй, митрополитъ Московскій, I, 23,
43, 200.
Алексѣй Мнхайловичъ, царь, I, 19, 20, 23,
25, 65, 175, 181, 200; II, 280, 281, 325,
326, 340, 341.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, I, 5, 65,
71, 72, 73, 74, 75, 76, 85, 132, 135,
142, 158, 160, 168, 173, 185, 188,
193, 200, 202, 205, 206, 208; II, 233,
273, 274, 276, 277, 278, 283, 284,
287, 288, 289, 298, 299, 311, 313,
316, 317, 349, 353, 361, 418, 423,
424, 425.
Алкивиадъ, воевода греческій, I, 24.
Аманъ, II, 404.
Амвросій, писатель, I, 13, 83, 86, 99, 104,
109, 118, 125, 127, 135, 147, 149,
154, 156, 158, 162, 164, 165, 166,
168, 169, 170, 171, 174, 175, 184,
186, 190, 194, 195.
Амфилоей, архимандритъ, I, 19.
Амвросій Медиоланскій, II, 242, 291.
Андрей, мужъ цареградскій, II, 241.
Андрей, апостоль, II, 416.
Андреевъ Василій, граверъ, II, 296.
Андреевъ Владимиръ, наборщикъ, I, 43.

1) Римская цифра означаетъ часть, арабская—страницу. Сюда не включено «введеніе».

Андреевъ Тимофей Андреевичъ, дворянинъ, I, 199.
 Анна, игуменя Казанскаго дѣвичьяго монастыря, I, 173.
 Анна, дочь жены протодіакона Анны Іоанновны, I, 123.
 Анна Іоанновна, жена протодіакона, I, 123.
 Анна Михайловна, царевна, II, 240.
 Апсальмъ, Кептерберійскій проповѣдникъ, II, 258.
 Антопій Кіевочерскій, I, 150.
 Арбеневъ Иванъ, дьякъ, I, 32, 33, 34, 35, 42, 45, 194.
 Аристотель, греческій философъ, II, 258.
 Армеппова Настасья, вдова, II, 250.
 Арсепій, Славено-сербскій патріархъ, I, 91.
 Арсепій, архієпископъ Пенскій и Славено-сербскій, I, 205.
 Арсепій Сатаповскій, писатель, I, 20, 21, 23.
 Арсепій Сухановъ, старецъ, I, 22.
 Артемевъ Петръ, подьячій, I, 60, 62, 63.
 Арчиля Вавапьевичъ, господи́нъ Имеретинской земли, I, 162.
 Аскольдъ, князь, II, 328.
 Атеаса, скпоскій царь, II, 256.
 Ахавъ, царь израильскій, II, 403.
 Аванарихъ, князь, II, 408.
 Аванасій, ієродіаконъ, I, 127.
 Аванасій, Александрійскій архієпископъ, I, 178; II, 256, 291.
 Аванасій Великій, II, 242, 411.
 Аванасій, архієпископъ Холмогорскій, I, 90, 154, 160, 166.
 Аванасьевъ, изслѣдователь, II, 273.
 Аванасьевъ Захарій, справщикъ, I, 30, 32.
 Аванасьевъ Іосифъ, ученикъ Лихудовъ, I, 67.
 Аванасьевъ Осипъ, писецъ, I, 37.
 Авнией, II, 256.

Б.

Балакревъ Григорій, стольникъ, I, 165.
 Барановичъ Лазарь, архієпископъ Черниговскій, I, 145.
 Барсовъ Алексѣй, ученикъ Лихудовъ, I, 67.
 Бариатинскій Алексѣй, князь, I, 88.
 Баталинъ, изслѣдователь, II, 301, 302.
 Белларминъ, іезуитъ, II, 258.
 Берхъ, писатель, II, 284, 297.
 Бергъ, пасторъ, I, 16, 17.
 Боголюбъ, ієродіаконъ, I, 190.
 Борисъ Алексѣевичъ, князь, I, 138.
 Борисъ, князь, I, 141.

Борисъ, игумень Борисовскаго Воскресенскаго монастыря, I, 183.
 Булгаковъ Іосифъ, ієродіаконъ, I, 158, 169.
 Бушинъ Леонтій, граверъ, I, 138; II, 284, 296.
 Бурцевъ Василій, II, 291.
 Бутурлинъ Іоаннъ Андреевичъ, стольникъ, I, 79, 207.
 Бѣлевичъ Іоаннъ, I, 143, 144.
 Бѣлободскій Янъ, I, 12, 17, 28, 81, 93.
 Бѣлокуровъ С. А., писатель, I, 10, 14, 23, 24, 92, 210.
 Бѣлый Іосифъ, справщикъ, I, 30, 32, 33, 35.
 Бѣльскій Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, князь, I, 79, 206.
 Быковский Іоаннъ, Кіевскій войтъ, I, 172, 173, 181; II, 350.
 Бычковъ А. Ѳ., академикъ, I, 188, 198; II, 260, 269, 272.

В.

Варлаамъ, Кутенскій старецъ, I, 21.
 Варлаамъ, митрополитъ Кіевскій, I, 88, 90, 100, 144, 146, 149, 151, 155, 156, 157, 161, 163, 171, 172, 173, 193; II, 350.
 Варсонофій, митрополитъ Сарскій и Подонскій, I, 83, 100, 166.
 Варѳоломей, митрополитъ Сарскій и Подонскій, I, 83.
 Варѳоломѣевъ Иванъ, наборщикъ, I, 40.
 Василій Великій, учитель церкви, II, 258.
 Василій Ѳеодоровичъ, дьякъ, I, 50.
 Васильковскій, Максимъ, книторъ Межигорской обители, I, 84, 146.
 Ватбальскій Василій Алексѣевичъ, стольникъ, князь, I, 137.
 Вахрамѣевъ И. А., I, 12.
 Величко Самуилъ, лѣтописецъ, I, 89, 100, 145, 146, 155, 156, 161, 163, 167; II, 288.
 Вельяминовъ-Зерновъ Іоаннъ Андреевичъ, воевода, I, 79, 203.
 Венедиктъ, архимандритъ Константинопольскій, I, 19, 20, 21.
 Викторовъ, библиографъ, I, 157.
 Владимиръ св., князь Кіевскій, I, 175; II, 289.
 Власовъ Матвѣй, дьякъ, I, 60, 77.
 Возницынъ Прокопій Богдановичъ, царевъ совѣтникъ, I, 79, 206.
 Волкопскій Ѳеодоръ Михайловичъ, боларинъ, I, 202.

Вонифатьевъ Стефанъ, протоиерей, I, 20, 175.
 Вохевичъ Мелетій, архіепископъ Кіево-Печерской лавры, I, 90, 156, 161, 163.
 Вяземскій Николфоръ, учитель царевича Алексѣя Петровича, I, 75; II, 233.

Г.

Гавриилъ, митрополитъ Напакты и Арты, I, 22.
 Гавриилъ, митрополитъ Халкидонскій, I, 163.
 Гавриилъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлозерскій, I, 194.
 Гавриловъ, изслѣдователь, I, 81.
 Галятовскій Иоанникій, проповѣдникъ, II, 238, 241.
 Гвидонъ, бѣднякъ, II, 351, 352.
 Гедеонъ, митрополитъ Самосскій, I, 163, 165, 166.
 Геннадій, архіепископъ Новгородскій, I, 16; II, 290.
 Геннадій, патриархъ, II, 288.
 Герасимовъ Флоръ, писецъ, I, 30, 32, 33, 34, 35.
 Герасимовъ Федоръ, школьный ученикъ и писецъ, I, 37.
 Герасимъ, монахъ, I, 102.
 Гладкій Микитка, стрѣлецъ, I, 94; II, 320.
 Глѣбовъ Стефанъ Богдановичъ, I, 78, 208.
 Годуновъ Борисъ, царь, I, 16, 17.
 Голубовъ, I, 192; II, 324, 326.
 Голыцынъ Борисъ Алексѣевичъ, князь, I, 77, 161, 195.
 Голицынъ Василій Васильевичъ, князь, I, 76, 77, 84, 118, 143, 213; II, 247, 248, 251, 252, 359.
 Голицына Евдокія Иоанновна, жена князя Вас. Вас. Голицына, I, 77, 207.
 Головкинъ Иоаннъ Семеновичъ, бояринъ, I, 78, 132.
 Головинъ Николлай, учитель, I, 38, 60, 67, 90, 124.
 Головинъ О. А., бояринъ, I, 142.
 Городецкій Андрей, подьячій, I, 177, 213.
 Горскій, ученый, I, 13, 320, 122; II, 248.
 Гостомисль, князь, II, 328.
 Григорій Богословъ, II, 242, 258, 412.
 Григорій XIII, папа римскій, I, 16.
 Григорій Нисскій, II, 256.
 Григорій, архіепископъ Новой Кесаріи, I, 120.
 Григоровичъ, ученый, II, 322.

Григорьевъ Иоаннъ, протоиерей, I, 102, 117.
 Грудцынъ Василій, купецъ, I, 140.
 Гульская Дарья, жена Гульского, I, 95.
 Гульскій Михаилъ, швездецъ, I, 8, 95, 96, 128.
 Гюйсень Геврихъ, баронъ, II, 233, 234, 238.

Д.

Давидъ, царь, II, 336, 470.
 Дамасквинъ Иоаннъ, II, 302.
 Дамаскинъ, іеродиаконъ-писатель, II, 360.
 Дашинъ, князь, I, 32.
 Девора, II, 429.
 Демокритъ, философъ, II, 256.
 Демосеенъ, ораторъ, II, 258.
 Диръ, князь, II, 328.
 Диогенъ Ксеновъ, философъ, II, 242.
 Діодоръ Сицилійскій, историкъ, II, 258.
 Діонисій Ареопатитъ, II, 242, 258, 369.
 Діонисій, архіепископъ Вятскій и Велико-нормскій, I, 140.
 Діонисій, архіепископъ Константинопольскій, I, 162, 163.
 Діонисій, игуменъ монастыря Николая Угрѣшскаго, I, 173.
 Діонисій Оракійскій, грамматикъ, II, 307.
 Длугошъ, хронистъ, II, 337.
 Дмитрій Иоанновичъ Донской князь, I, 207.
 Дмитрій Ростовскій, I, 90, 96, 97, 98, 99, 104, 127, 129, 139, 156, 160, 211.
 Добровскій, ученый, II, 308.
 Доброзраковъ, священникъ, I, 104.
 Домецкій Гавриилъ, писатель, II, 360.
 Домникія, игуменья Вяземскаго жезскаго монастыря, I, 174.
 Доснѣей, митрополитъ Молдавской земли, I, 11, 84, 143, 144.
 Доснѣей, патриархъ Іерусалимскій, I, 68, 90, 145, 156, 162, 163, 172, 191.
 Дубровская Татьяна Викулична, вдова, I, 133.

Е.

Евгеній, митрополитъ-писатель, I, 13, 87, 92, 104, 127, 157.
 Евдокія, игуменья Вяземскаго Ильинскаго монастыря, I, 103, 174.
 Евдокія Федоровна, царица, I, 174, 179, 188; II, 206, 419.
 Евмпій, іеродиаконъ, I, 144.
 Евстафій Иоанновичъ, іерей, I, 138; II, 329.

Евфросинья, игуменья Мценскаго дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря, I, 174.
 Евоимій, чудовскій инокъ-писатель, I, 3, 28, 36, 48, 49, 50, 59, 94; II, 225, 226, 250.
 Евоимій, митрополитъ Новгородскій, I, 90, 118, 154.
 Евзель, царица, II, 404.
 Екатерина Иоанновна, царевна, I, 71, 123, 209.
 Епифаній, цареградскій мужъ, II, 241.

Ж.

Жабокрицкій Діонисій, монахъ, I, 155, 156, 157, 161, 171, 172, 193.
 Жидята Лука, архіепископъ Новгородскій, II, 235, 237.
 Жмакпнъ, изслѣдователь, II, 244.

З.

Забѣлинъ И. Е., ученый, I, 10, 14, 92; II, 244, 270, 275, 294, 314.
 Замысловскій, ученый, II, 356.
 Захарій Корниловичъ, игумень Михайловскаго Златоверхаго монастыря, I, 146.
 Земка Тарасій, II, 238.
 Зизаній Лаврентій, грамматикъ, II, 302, 305, 308.
 Зизаній Стефанъ, писатель, II, 290.
 Зиновій, дьякъ казеннаго митрополчьяго приказа, I, 165.
 Зиновій Отенскій, писатель, II, 237.
 Зиновьевъ Григорій Петровичъ, стольникъ, I, 79, 203.
 Знаменскій, писатель, II, 244.
 Зотовъ Копонъ Никитичъ, I, 205.
 Зотовъ Никита Моисеевичъ, думный дьякъ, I, 50, 90, 141.
 Зубова-Скворцова, жена стольника, I, 116.
 Зубовскій, писатель, I, 7, 92, 96, 117, 120, 122, 130, 136, 209; II, 255, 391.

И.

Иванцовъ Емельянъ, повѣнчаникъ-расколочитель, II, 246.
 Ивановъ Иванъ, книжный писецъ, I, 35, 36, 37.
 Ивпавовъ Кюдратъ, печатный мастеръ, I, 39.

Ивановъ Михаилъ, книжный писецъ, I, 30, 32.
 Ивановъ Семень, писарь, I, 193.
 Ивановъ Федоръ, рѣзчикъ, I, 39.
 Ивановъ Оомка, цирюльникъ, II, 250.
 Ивашка, дьякъ, II, 318, 319.
 Игнатій, архимандритъ монастыря Снаса Новаго, I, 82, 83.
 Игнатій, митрополитъ Сибирскій, I, 190.
 Игорь, князь русскій, II, 328.
 Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, II, 235, 237.
 Иларіонъ, митрополитъ Псковскій, I, 166.
 Иларіонъ, митрополитъ Суздальскій и Юрьевскій, I, 57, 80, 165.
 Исаакій, іеромонахъ, I, 147.
 Истомина Авдотья, дочь Гавріила Истомина, I, 6, 95.
 Истоминъ Гавріиль, подьячій, I, 6, 8, 9, 95, 128.
 Истомина Елена (Евдокія) схимонахиня, I, 5, 6, 7, 136.
 Истоминъ Иванъ Большой, I, 6, 8, 95, 96; II, 320.
 Истоминъ Иванъ Меньшой, I, 6, 8, 95, 96, 206.
 Истомпнъ Теофанъ, I, 6.

I.

Иаковлевичи Михаилъ и Петръ, сыновья стряпчаго Іакова Іоанновича, I, 132.
 Іаковъ Іоанновичъ, стряпчій кормового царскаго дворца, I, 78, 132.
 Іеронимъ, учитель церкви, I, 210; II, 351.
 Іоакимъ, патриархъ російскій, I, 11, 27, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 42, 47, 57, 58, 67, 70, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 93, 94, 95, 102, 103, 117, 142, 143, 144, 146, 154, 165, 166, 189, 200, 202, 205; II, 227, 234, 245, 248, 250, 251, 317, 322, 324, 332, 359, 360, 361.
 Іоакимфовъ Ннкта Іоанновичъ, бояринъ, I, 77.
 Іоанниій, патриархъ Константинопольскій, I, 22.
 Іоанновъ, Іоаковъ. ключарь Успенскаго собора, I, 102, 164.
 Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, I, 5, 6, 8, 36, 39, 40, 47, 66, 69, 71, 119, 131, 141, 143, 166, 168, 174, 183, 189, 191, 192, 195, 199, 200, 204, 207, 208, 209, 212; II, 245, 279, 280, 286, 325, 415, 423.

- Иоаннъ (Максимовичъ), архіепископъ Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій, I, 126, 129, 151, 152, 203; II, 309.
 Иоаннъ, геометръ, II, 256.
 Иоаннъ Грозный, царь, I, 17; II, 357.
 Иоаннъ Златоустъ, II, 256, 258, 336, 413, 414, 424.
 Иоаннъ, іерей села Анкова, I, 165.
 Иоаннъ, іеромонахъ, начальникъ братіи Брянскаго Богородичнаго монастыря, I, 144.
 Иоаннъ, іеромонахъ, I, 84.
 Иоасафъ, архимандритъ Азовскаго св. Іоанна Предтечи монастыря, I, 147, 172, 178.
 Иоасафъ, архимандритъ монастыря Добраго, I, 168.
 Иоасафъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, I, 90, 164, 171.
 Іовъ, іеродіаконъ, I, 207.
 Іовъ, іеромонахъ, I, 127.
 Іовъ, митрополитъ Новгородскій, I, 6, 91, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 127, 128, 169; II, 360.
 Іовъ многострадальный, II, 336, 404.
 Іовъ, схимонахъ, I, 102.
 Іона, архидіаконъ, I, 140.
 Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, I, 83.
 Іона, митрополитъ Ростовскій, I, 83.
 Іосафатъ, патріархъ россійскій, I, 25.
 Іосифъ Бѣлый, старецъ-справщикъ, I, 30, 32, 35.
 Іосифъ, архимандритъ и игуменъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря, I, 174, 190.
 Іосифъ Волоцкій, I, 97; II, 237.
 Іосифъ, архимандритъ Чудовскаго монастыря, I, 201.
 Іосифъ, митрополитъ Псковскій и Изборскій, I, 169, 208.
 Іосифъ, монахъ, I, 57, 61, 100.
 Іосифъ, патріархъ Александрійскій, I, 18, 20, 21.
 Іосифъ, патріархъ Московскій, I, 55.
 Іулита, схимонахиня, I, 5.

К.

- Калининъ, патріархъ Константинопольскій, I, 90, 155, 156; II, 227.
 Каллистъ, игуменъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, I, 148.
 Калита Иванъ, дьякъ, I, 32, 33, 34, 35.
 Каменевичъ-Рвовскій Тимофей, другъ Ка-
 ріона Истомина, I, 4, 5, 11, 12, 81; II, 324, 326, 327.
 Кантельманъ Лазарь, посланникъ курфюрста Бранденбургскаго, II, 324.
 Каптеревъ, ученый, I, 4, 5, 14, 15, 20, 23, 27, 66; II, 244, 281, 282, 297, 333.
 Каратаевъ, бібліографъ, II, 287, 291, 292, 308.
 Карлъ XI, король шведскій, I, 17.
 Катывевъ, писатель, II, 261.
 Кедровъ, изслѣдователь, II, 244.
 Кириловъ Іаковъ Аверкѣевичъ, думный дьякъ, I, 204.
 Кириловъ Осипъ, мастеръ, авторъ «основскаго» шрифта, I, 39.
 Кириллъ Александрійскій, II, 242, 413.
 Кириллъ Лукарисъ, патріархъ Константинопольскій, I, 18, 19.
 Кириллъ Транквилионъ, архимандритъ Елецкаго монастыря, I, 149, 238.
 Кириллъ Туровскій, писатель-проповѣдникъ, II, 237.
 Киріакъ, грекъ-учитель, I, 19.
 Клементъ Аврелій Пруденцій, писатель, II, 276.
 Климентъ Александрійскій, II, 242, 411.
 Клобуковъ Василій, подьячій, I, 208.
 Колачиновъ Іоаннъ Васильевичъ, стражъ деревянной церкви въ Астрахани, I, 203.
 Колосовъ, изслѣдователь, I, 23.
 Корнилій, іеродіаконъ, I, 102, 208.
 Корнилій, митрополитъ Новгородскій и Великолуцкій, I, 204.
 Корниловичъ Захарій, игуменъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря, I, 146.
 Константинъ Багрянородный, I, 75, 158; II, 317, 353.
 Константинъ Великій, II, 407.
 Константинъ Гордѣевичъ, запорожскій казакъ, I, 193.
 Константинъ, греческій царь, I, 83.
 Константинъ, сынъ греческаго царя Леона, II, 328.
 Коссовъ Сильвестръ, митрополитъ Кіевскій, I, 20.
 Костомаровъ Н. И., историкъ, I, 7, 8; II, 244, 259, 269.
 Котошихинъ, писатель, II, 243.
 Кресеновичъ, Лаврентій, архимандритъ Ильинскаго монастыря, I, 151, 152, 153.
 Кроковскій Іосафатъ, архимандритъ Кіево-Печерской лавры, I, 91, 155, 156, 178, 193.
 Крупениковъ Иванъ, приказчикъ, I, 127.
 Крупениковъ Онисимъ, цѣловальникъ, I, 63.

Крыжанецъ Юрій, писатель-сербъ, I, 25.
 Кудрявцевъ Филаретъ, іеродіаконъ, I, 171.
 Кунинъ Арестъ Аристовичъ, академикъ, I, 100; II, 298.
 Куріянновъ, писатель, I, 14.
 Куракина Евдокія, боярыня (урожденная Масальская), I, 173.
 Куракина Екатерина, схимопахиня, I, 103.
 Куракина Елена, схимопахиня, I, 136.
 Куракинъ Василій Михайловичъ, князь, I, 79, 209.
 Куракинъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, бояринъ, I, 173.
 Курдюмовъ Гаприндъ, цѣловальникъ, I, 60.
 Курдюмовъ Герасимъ, I, 5, 208.

Л.

Лавровскій П. А., академикъ, I, 14.
 Лазарь, II, 404.
 Лазарь, пошъ, I, 24.
 Ласкарисъ Константинъ, грамматикъ, II, 307.
 Лебедевъ, ученый, I, 14.
 Левъ Сапѣга, польскій посоль, I, 17.
 Леонидъ, архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, ученый, I, 110; II, 285, 323, 324, 325, 326, 353.
 Леонтій Карповичъ, проповѣдникъ, I, 131; II, 306, 330, 352, 353.
 Леонтьевъ Іоаннъ Георгіевичъ (Юрьевичъ), окольничій, I, 78, 138, 200.
 Леонъ, греческій царь, I, 83; II, 328.
 Лефорть Фр. Яковл., любимецъ Петра Великаго, I, 165.
 Лигаритъ Паисій, Газскій митрополитъ, I, 23, 24, 25, 144, 145.
 Лисенокъ Тимошей Іоанновичъ, кунецъ, I, 101.
 Лихуды Іоанникій и Софроній, I, 65, 67, 68, 94, 96, 105, 106, 107, 108, 110; II, 239, 333, 338, 360.
 Ломоносовъ, писатель и ученый, II, 315.
 Лопухина Евдокія Ѳеодоровна, царица, I, 70, 72, 154, 155, 188.
 Лукіанъ, іеромонахъ, I, 161.
 Лутохинъ Андрей, I, 138.
 Лутохинъ Германъ, монахъ, I, 102, 201, 208.

М.

Мазена Іоаннъ Степановичъ, Малороссійскій гетманъ, I, 84, 88, 90, 129, 143, 145, 146, 151, 155, 156, 157, 158,

162, 164, 165, 166, 171, 172, 174, 192, 193.
 Майковъ Леон. Нпк., академикъ, I, 15, 100; II, 238, 239, 259, 261, 262, 298.
 Макарій, патріархъ Антиохійскій, I, 25.
 Макарій (Желтоводскій), II, 240.
 Максиміанъ, царь Нпкомидійскій, I, 206.
 Максимовичъ Іоаннъ, архіепископъ Черниговскій, I, 90, 126, 127, 144, 159, 171.
 Максимъ, грекъ, II, 237, 294, 302, 303, 306.
 Манлій, воевода римскій, II, 346.
 Мансветовъ, ученый, I, 29, 32, 34, 36, 42, 50, 85, 124, 126.
 Манунъ, грекъ, I, 27.
 Мардарій, книгохранитель и чтець, I, 30, 32, 33, 35.
 Марія, царица Болгарская, I, 55.
 Маркевичъ, ученый, II, 323.
 Маркеллъ, митрополитъ Казанскій и Свияжскій, I, 86, 90, 99, 100, 103, 125, 141, 162, 164, 165, 167, 177; II, 361.
 Мартыновъ, писатель, II, 249.
 Марѳа Матвѣевна, царица, I, 72, 134.
 Матвѣевъ, бояринъ, II, 323, 356.
 Матвѣевъ Ѳеодоръ, казацкій есаулъ, I, 193.
 Медвѣдева Дарья, I, 6.
 Медвѣдевъ Сильвестръ, I, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 24, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 61, 64, 66, 67, 68, 76, 77, 79, 81, 85, 92, 93, 94, 95, 96, 117, 123, 128, 136, 209, 210; II, 222, 225, 226, 227, 247, 262, 263, 281, 282, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 332, 360, 361.
 Мелентій Спригъ, греческій ученый, I, 22.
 Мелетій Пн҃гасъ, патріархъ Александрійскій, I, 18.
 Меншиковъ А. Д., князь, I, 90, 142, 154.
 Мпдасъ, греческій царь, II, 258.
 Микляевъ Юрка, дьячекъ, I, 169.
 Милославскіе, II, 359.
 Мишны Проконій и Харитонъ, дѣти боярскіе, I, 166, 167.
 Мирковичъ, изслѣдователь, I, 14, 16, 84; II, 225, 295.
 Миславскій Аеанасій, іеромонахъ, I, 148.
 Митрофанъ, епископъ Воронежскій, I, 90, 162, 172.
 Михайловъ Андрей, дьякъ, I, 60, 63, 139.
 Михайловъ Савка, Тоболскій пушкаръ, I, 88.
 Михайловъ Сидоръ, I, 127.
 Мнханлъ Ѳеодоровичъ, царь, I, 18, 19, 23, 55; II, 302.
 Могла Петръ, митрополитъ Кіевскій, I, 19, 20, 149, 180; II, 221, 224, 225, 234.

Мозоль Василій, казацкій посланецъ, I, 193.
 Моисей, старецъ-уставщикъ и справщикъ,
 I, 33, 34, 35, 36; II, 320.
 Мордовцевъ, изслѣдователь, I, 14; II, 295,
 297, 301, 311.
 Мразовичъ, сербскій грамматикъ, II, 308.
 Мурко, писатель, I, 4, 5.
 Мусинъ (Пушкинъ) Пвалъ Алексѣевичъ, I,
 77, 84, 90, 107, 144, 156, 192.

Н.

Навинъ Исусъ, II, 336.
 Нагребецкій Павелъ, выходецъ изъ Запад-
 ной Руси, I, 17.
 Нарышкинъ, II, 352, 361.
 Нарышкинъ Алексій, I, 77, 206, 208.
 Нарышкинъ Кирилль Алексѣевичъ, воевода
 Псковскій, I, 169.
 Нарышкинъ Левъ Кирилловичъ, бояринъ,
 I, 204.
 Насѣдка, писатель, II, 261.
 Наталія Алексѣевна, царица, I, 72, 74, 133,
 138, 142, 202, 203, 208; II, 349, 423.
 Паталія Кирилловна, царица, I, 71, 138,
 200, 206, 210; II, 284, 285, 286, 288,
 293, 419.
 Невоструевъ, ученый, I, 120, 122; II, 248.
 Пезеленовъ, ученый, II, 218.
 Нектарій, патріархъ Іерусалимскій, II, 224.
 Нероповъ Пвалъ, протопопъ, I, 20, 23; II,
 257.
 Никаноръ, монахъ, носолъ Іерусалимскаго
 патріарха Досеел, I, 163.
 Никита великомученикъ, II, 240, 405, 406,
 407, 408, 409.
 Никита Пустосвятъ, расколоучитель, I, 24.
 Никифоръ, іерей-справщикъ, I, 30, 32, 33,
 34, 35, 42.
 Никифоръ, митрополитъ Кіевскій, II, 237.
 Николаевскій П. О., ученый, I, 23, 29, 39;
 II, 236, 237, 259.
 Никонъ, патріархъ Россійскій, I, 20, 22,
 23, 25, 29, 80, 186; II, 245, 292.
 Никонъ, священникъ храма Благовѣщенія,
 I, 139.
 Никонъ, угодникъ Божій, I, 136.
 Нобиліоръ Фульвій, полководецъ римскій,
 II, 347.

О.

Обидовскій Іоаннъ, племянникъ гетмана
 Мазены, I, 162, 164.
 Оболенскій, князь, II, 285.

Овусерь Тарасій, схимонахъ, I, 102, 208.
 Оглоблинъ, писатель, I, 6, 9.
 Одопа, царь, II, 337.
 Окгинскій Богдаль, подкоморій Троицкій,
 II, 352.
 Олеарій Адамъ, I, 23; II, 243.
 Олегъ, князь Кіевскій, II, 328.
 Ольга княгиня Кіевская, II, 328.
 Ордннъ-Нацокинъ, бояринъ, I, 24; II, 356.
 Осетровъ Григорій, подьячій, I, 116.
 Осмилицкій Антонинъ, іеродиаконъ, I, 178.

П.

Павель, митрополитъ Нижегородскій и Ала-
 тырскій, I, 100, 134.
 Павель, митрополитъ Сарскій и Подонскій,
 I, 180.
 Павель, митрополитъ Сибирскій и Тоболь-
 скій, I, 100, 134, 135.
 Пансіи, патріархъ Александрійскій, I, 25.
 Пансіи, патріархъ Іерусалимскій, I, 22, 23.
 Пансіи, архієпископъ Константинопольскій,
 II, 292.
 Панина Анна Григорьевна, жена думнаго
 боярина, I, 132.
 Папинъ Василій Никитичъ, думный боя-
 ринъ, I, 78, 132.
 Папиріушъ, юноша римскій, II, 351, 352.
 Парѣеній, архидиаконъ Халкѣдонскій, I,
 163.
 Парѣеній, іеромонахъ Межигорскаго мона-
 стыря, I, 144.
 Парѣеній, митрополитъ Лаодикійскій, I,
 171.
 Парѣеній II, патріархъ Константинополь-
 скій, I, 19, 180.
 Пахомій, игумень Николаевскаго Рязан-
 скаго Перемышльскаго монастыря, I,
 102, 142.
 Пекарскій, академикъ, I, 123; II, 266, 273,
 287, 288, 290, 292, 296, 298, 300,
 341.
 Пелагея, игуменья Курскаго Троицкаго дѣ-
 вичьяго монастыря, I, 174.
 Перикль Аѳинскій, II, 258.
 Петровъ Пвалъ, политическій агентъ, I, 21,
 22.
 Петровъ, ученый, II, 238, 259, 263.
 Петровъ Оброска, стрѣлецъ, II, 320.
 Петрушка, приказчикъ, I, 128.
 Петръ Алексѣевичъ, царь, I, 5, 6, 8, 36,
 38, 39, 40, 47, 54, 55, 60, 66, 69, 70,
 71, 72, 75, 80, 88, 90, 118, 119, 124,

- 133, 134, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 147, 148, 150, 151, 154, 159, 160, 163, 165, 168, 169, 173, 174, 178, 181, 182, 183, 185, 188, 189, 191, 192, 193, 195, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 212; II, 233, 250, 252, 253, 254, 278, 279, 280, 286, 288, 317, 323, 324, 326, 329, 335, 338, 339, 340, 341, 343, 349, 358, 360, 361, 419, 423, 425, 426.
- Петръ, Россійскій святитель, II, 290.
- Пигась Мелетій, патриархъ Александрійскій, I, 18.
- Питиримъ, епископъ Тамбовскій, I, 83, 108.
- Платонъ, философъ греческій, II, 258.
- Плещеевъ Симеонъ Ѳеодоровичъ, братъ Ѳеодора Ѳеодоровича, I, 128.
- Плещеевъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, I, 128.
- Погодинъ, ученый, II, 323.
- Поликарповъ Ѳеодоръ, справщикъ, I, 7, 26, 27, 36, 37, 38, 59, 60, 67, 88, 96, 98, 107, 170; II, 296, 330.
- Полоцкій Симеонъ, писатель-проповѣдникъ, I, 3, 5, 10, 23, 24, 25, 28, 64, 65, 75, 77, 79, 92, 94, 106, 180, 193; II, 221, 222, 227, 229, 230, 234, 247, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 286, 298, 321, 325, 367, 388, 400.
- Поповъ В., изслѣдователь, II, 259.
- Порфирьевъ, ученый, II, 351.
- Посошковъ, писатель, II, 357.
- Поссевинъ Антоній, иезуитъ, I, 16.
- Прасковья Ѳеодоровна, царица, I, 71, 123, 131, 132, 203, 204, 206, 208, 209; II, 225, 284, 289, 423.
- Претичъ, воевода Кіевскій, II, 328.
- Прибыловичъ Симеонъ, студентъ Кіевской академіи, I, 205.
- Прозоровская Ирина, княгиня, I, 77, 203.
- Прозоровскій Алексѣй Петровичъ, князь, I, 126.
- Прозоровскій Борисъ Ивановичъ, князь, I, 118, 128, 167, 168, 197.
- Прозоровскій Петръ Ивановичъ, князь, I, 50, 76, 90, 118, 119, 128, 139, 148, 149, 164, 165, 166, 174.
- Прозоровскій, изслѣдователь, II, 225, 323, 329.
- Прокоповичъ Антоній, архидіаконъ, I, 195.
- Прокоповичъ Ѳеофанъ, II, 260.
- Псафонъ, II, 242.
- Птицкій Дамаскинъ, ученый старецъ, I, 20, 22, 23.
- Пульхерія, греческая царевна, II, 280.
- Пушкина Пелагея Ивановна, I, 171.
- Швинцкій, ученый, I, 180; II, 256, 257, 289.

Р.

- Ригейманъ Карлусъ Андреевичъ, I, 164.
- Римскій-Корсаковъ Я. П., I, 108.
- Ровинскій, изслѣдователь, II, 276, 284, 285, 286, 292, 293, 296, 315, 316.
- Романовы, II, 356.
- Романъ, греческій царь, II, 328.
- Ромодановскіе, князья, I, 210.
- Ртищевъ, бояринъ, I, 20, 21.
- Рудневъ, изслѣдователь, I, 14; II, 297.
- Руертъ Микольскій, католическій проповѣдникъ, II, 258.
- Русь, потомокъ Іафета, II, 327.
- Руципскій, изслѣдователь, II, 244.
- Рюрикъ, первый князь русскій, II, 328.

С.

- Савватій, митрополитъ Астраханскій, I, 90, 156.
- Савватій, монахъ Николаевского Переяславскаго монастыря, I, 107, 108.
- Савеловъ Пмошка, тередорщикъ, I, 60.
- Самойловичъ Іоаниъ, малороссійскій гетманъ, I, 84, 144, 165.
- Самсонъ, митрополитъ Астраханскій и Терскій, I, 127, 128, 151, 203.
- Самуиль, Дспенскій игумень, I, 148.
- Сапѣга Левъ, польскій посолъ, I, 17.
- Сатановскій Арсеній, ученый старецъ, I, 20, 21.
- Сахаровъ, изслѣдователь, II, 323.
- Сахаровъ Стефанъ, іеродіаконъ, I, 102, 132.
- Святославъ, князь Кіевскій, II, 328, 329.
- Святославъ Ярославичъ, Черниговскій князь, I, 150.
- Семеновъ Николай, ученикъ, I, 59, 108.
- Сераніонъ, епископъ Владимирскій, II, 236.
- Сераніонъ, іеромонахъ и строитель Шутивльскаго Молченскаго монастыря, I, 102, 161.
- Сергій, игумень Молченскаго монастыря, I, 33, 34, 35, 37, 42, 46, 50, 59, 61, 62, 88, 89, 136.
- Сергій, чудотворецъ, I, 49.
- Сигизмундъ III, король польскій, I, 17.
- Сила, іеромонахъ, намѣстникъ Повонечерской-Брянской обители, I, 148.

Сильвестръ, архимандритъ Сергіевскій, I, 105.
 Сильвестръ, митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, I, 140.
 Сильвестръ, патріархъ Александрійскій, I, 17.
 Симопъ, игуменъ Никольскаго Перервинскаго монастыря, I, 102, 126, 174.
 Симеонъ, архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, I, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 40, 41, 57, 58, 82, 83, 87, 136, 209, 210.
 Симеонъ, митрополитъ, II, 290.
 Симонъ-Рувимъ, I, 210.
 Симеонъ Богопріимецъ, II, 421.
 Сирахъ, II, 336, 473.
 Сисара, II, 430.
 Славинецкій Епифаній, іеромонахъ-писатель, I, 3, 10, 20, 21, 22, 23, 28, 59, 60, 106, 180; II, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 321, 322.
 Словень, потомокъ Іафета, II, 327.
 Сменцовскій, изслѣдователь, II, 225.
 Смирновъ, ученый, I, 14, 68, 80, 87, 104, 176; II, 244, 264, 280, 427, 428, 432.
 Смотрицкій Мелетій, грамматикъ, II, 264, 302, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 315, 362, 449, 451, 462.
 Смѣловскій, изслѣдователь, I, 87, 104; II, 239, 264.
 Снегиревъ, изслѣдователь, I, 92.
 Соболевскій А. Н., академикъ, I, 92; II, 261, 321, 322.
 Соколовъ, изслѣдователь, I, 15, 92; II, 263, 322.
 Соловьевъ, историкъ, I, 14, 80, 81, 87, 137, 148; II, 244, 245, 246, 248, 251, 252, 323, 356, 358.
 Соломонъ, II, 431.
 Сошниковъ, библіографъ, II, 285.
 Софія Алексѣевна, царица, I, 15, 36, 47, 65, 66, 67, 68, 69, 75, 76, 77, 81, 92, 143, 176, 177, 182, 183, 189, 196, 207, 213; II, 245, 247, 248, 251, 254, 280, 281, 282, 298, 317, 319, 321, 322, 325, 330, 331, 332, 319, 361, 427, 430, 469, 475.
 Софроній, игуменъ Молченской пустыни, I, 10, 102, 136, 209, 210, 211.
 Степанова Любовь, монахиня Вознесенскаго дѣвчьяго монастыря, I, 103.
 Степановъ Иванъ, бургомистръ, I, 60.
 Стефанъ, архимандритъ Сербскій, I, 205.
 Стефанъ, игуменъ Кіевскаго Николаевскаго монастыря, I, 190.
 Стефанъ, митрополитъ Вѣлгородскій, I, 205.

Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, I, 38.
 Стефанъ первомученикъ, II, 402.
 Стремичевскій Петръ Дмитриевичъ, стольникъ и полковникъ, I, 201.
 Стрешневъ, П. Н., I, 90, 142, 153.
 Стрижевъ Алешка, стрѣлецъ, II, 320.
 Строганова Васса Іоанновна, жена Григорія Дмитриевича Строганова, I, 206.
 Строгановъ Григорій Дмитриевичъ, пмепитый человекъ, I, 79, 206.
 Стровъ, ученый и библіографъ, I, 83, 86, 118, 125, 127, 135, 136, 139, 142, 144, 147, 148, 154, 156, 157, 158, 162, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 174, 175, 184, 190, 194, 203.
 Стрыйковскій, польскій историкъ, II, 337.
 Сухановъ Арсеній, старецъ, I, 22.
 Сѣменниковъ Порфирій Трофимовичъ, дьякъ, I, 79.

Т.

Тариусъ, II, 352.
 Татарскій, изслѣдователь, I, 15, 79; II, 259.
 Татищевъ, историкъ, I, 16; II, 317.
 Татьяна Михайловна, царица, I, 72, 133, 137, 186, 206.
 Тверитиновъ, лѣкарь, II, 249, 250.
 Терновскій, ученый, II, 249.
 Тимофей Борисовичъ, князь, I, 141.
 Тимофей, іеромонахъ, I, 26, 27, 34, 35, 36, 37, 59, 60, 61, 64, 123, 170; II, 330.
 Тимофей, патріархъ Константинопольскій, II, 306.
 Титовъ, изслѣдователь, I, 12.
 Титъ Евспасіановичъ, I, 75, 158.
 Тихомирова Матрена Іоанновна, I, 139, 212.
 Тихомировъ, ученый, I, 10, 210; II, 352.
 Тихонъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, потомъ Казанскій и Свіяжскій, I, 56, 57, 100, 123, 136, 139, 141, 162, 168.
 Тихонъ, митрополитъ Крутицкій, I, 136.
 Трифилій, архимандритъ Спхсцова монастыря, митрополитъ Нижегородскій, I, 171.
 Трифилій, митрополитъ Сарскій и Подонскій, I, 140.
 Троекуровъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, князь, I, 78, 198, 199.
 Трубецкая Ирина Васильевна, княгиня, I, 78, 200.
 Трубецкая Марія Юрьевна, княгиня, I, 78, 207.

Трубецкой Іоаннъ Іоанновичъ, князь, I, 76, 177.
 Тугариновъ Иванъ, дьякъ, I, 63.
 Туманскій, изслѣдователь, II, 323.
 Турчашиновъ, купецъ, I, 88.

У.

Уваровъ, графъ-археологъ, II, 285.
 Украинцевъ Емельянъ Игнатъевичъ, думный дьякъ, II, 349.
 Улептъ, царь Греческій, II, 407.
 Ундольскій, ученый, I, 92; II, 321, 351.
 Урусовъ Юрій, князь, I, 76, 103, 166, 167.
 Урфиль, епископъ Готскій, II, 407.
 Устряловъ, историкъ, I, 80, 86, 142, 146, 147, 148, 153, 154, 159, 165, 168, 178, 188; II, 233, 246, 298, 323.

Ф.

Фаберъ Іоаннъ, епископъ Вѣвскій, II, 258.
 Фабій, воевода римскій, II, 346.
 Феодоровъ Фодоръ, дѣловальникъ, I, 60.
 Филаретъ, архіепископъ, I, 13, 16, 32, 87, 104, 110, 127, 135, 157, 169.
 Филаретъ Никитичъ, патріархъ Московскій, I, 18, 19.
 Филатьева Стефалпда Іоанновна, I, 77, 205.
 Филиппъ, святитель, I, 23.
 Флиппъ, царь Македонскій, II, 256.
 Фофановъ Никита, мастеръ, I, 39.
 Фроптинъ, Юлій, римскій писатель, I, 2, 8, 70; II, 330, 335, 337, 340, 341, 343, 344, 348, 354, 360.

Х.

Хованскіе, князья, I, 80; II, 246.
 Хрисаповъ, архимандритъ Іерусалимскій, I, 90, 144, 145, 162, 163, 191.
 Христофоръ, греческій монахъ, I, 163.
 Хлѣбниковъ, изслѣдователь, II, 244.

Ц.

Цамвлакъ Григорій, проповѣдникъ-писатель, II, 237.

Цвѣтаевъ Д., ученый, I, 17, 81; 248, 249, 250.

Цвѣтковъ, изслѣдователь, II, 276.

Цемискій, Греческій царь, II, 328.

Цыборія, жена Симопа-Рувима, I, 210.

Ч.

Чаадаевъ Іоаннъ Іоанновичъ, окольный, I, 78, 199.

Чвлищева Евдокія, схимонахиня, I, 103, 127.

Челищева Іулія, игуменья, I, 103, 174, 175.

Челищевъ Михаилъ Петровичъ, столовикъ, I, 78, 138.

Чепелевъ Иванъ, I, 77, 192.

Чистовичъ Ил., изслѣдователь, I, 104, 169.

Чудиновъ, изслѣдователь, II, 307, 308.

Ш.

Шакловитовъ Фодоръ, сообщникъ Софін, I, 3, 6, 36, 77, 85, 92, 93, 94, 95, 128; II, 227, 318, 319, 320, 323, 332.

Шаховской, пасателъ, II, 261.

Шеннъ Ал. Сем., болгаринъ, I, 89, 90, 124, 131, 159, 160, 163, 172, 173, 178; II, 240, 254.

Шеннъ Сергѣй Алексѣевичъ, сынъ Ал. Семеновича, I, 131.

Шереметевъ Борисъ Петровичъ, воевода, I, 90, 145.

Шереметевъ Василій Борисовичъ, болгаринъ, I, 166.

Швингны (Мшинны) Прокопій и Харитопъ, болгарскія дѣти, I, 166.

Шлякинъ, ученый, I, 89, 94, 96, 97, 99, 103, 191; II, 217, 218, 219, 225, 322, 358, 359, 360.

Шмурло, Евг., ученый, I, 92; II, 317, 318, 319, 321, 323.

Я.

Яворскій Стефанъ, игумень Кіевского Николаевского пустыннаго монастыря, I, 146, 153.

Яковлевъ Борисъ, подьячій, I, 37, 90.

Яковлевъ Григорій, атаманъ войска запорожскаго, I, 178, 193.

Лвовлевъ Ѳеодотъ, писецъ, I, 32.
Ярославъ Мудрый, князь русскій, II, 289.

Ѳ.

Ѳедоровъ Андрей, наборщикъ, I, 45.
Ѳедоровъ Дмитрій, писецъ, I, 32, 35.
Ѳедоровъ Карлъ, переводчикъ, I, 108.
Ѳеодора, схимонахиня, I, 187.
Ѳеодоритъ Богомудрый, II, 412.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, I, 17, 20, 24,
26, 30, 39, 40, 65, 75, 77, 80, 134,
154, 162, 175, 211; II, 262, 280, 281,
281, 298, 317, 339.
Ѳеодосій, греческій царь, I, 25.
Ѳеодосій, игумень Борисовскаго Воскре-
сенскаго монастыря, I, 184.
Ѳеодосій, игумень Печерскій, II, 236.
Ѳеодосій, строитель Троицкаго монастыря,
I, 156.
Ѳеодосій, святитель Черниговскій, I, 90,
145.
Ѳеодосій, Чудовскій іеромонахъ, I, 199, 200.

Ѳеодосій, Хутынскій архимандритъ, I, 106.
Ѳеодосія Алексѣевна, царевна, I, 118.
Ѳеодосія, игуменя Курскаго дѣвичьяго
монастыря, I, 103, 174.
Ѳеодосія Іоанновна, царевна, I, 71, 200.
Ѳеологъ, монахъ Чудова монастыря, I, 38,
96, 97, 98.
Ѳеофлактъ Богомудрый, II, 411, 414.
Ѳеофлактъ Болгарскій, I, 54, 55, 56, 131,
170; II, 330.
Ѳеофанъ, игумень Друискій, I, 148.
Ѳеофанъ, іеродіаконъ, I, 124, 157, 170; II,
330.
Ѳеофанъ, митрополитъ Палеонатрасскій, I,
19, 20; II, 224.
Ѳеофанъ, чтець, I, 32, 36, 37, 38, 59, 60.

Ю.

Юстіанъ Великій, I, 25.
Юшковъ Гимоеей Борисовичъ, окольничій,
I, 78, 196, 198.

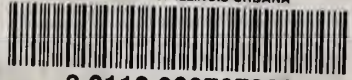

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 060767982